

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ПАРОДИАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

СЕНТЯВРЬ.

1878.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ.

ЧАСТЬ СХСИХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ В. С. ВАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознесен. и Марфинскимъ мостами, д. № 90—1.

1878.

СОДЕРЖАНИЕ.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАНИЙШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ ЗА 1876 ГОДЪ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Отдѣлъ классической филологии и Приложение.

(См. на 3-й стр. обертки.)

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ПАРОДИАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

ЧАСТЬ СХСИХ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ В. С. ВАЛАШЕВА

Катерининский каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90 1.

1878.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ ЗА 1876 ГОДЪ¹⁾.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

А. Уѣздныя и городскія училища.

Всѣхъ уѣздныхъ училищъ находилось въ истекшемъ году 367, тогда какъ въ 1865 году было ихъ 384; уменьшеніе означенного числа произошло отъ того, что 17 уѣздныхъ училищъ подверглись преобразованію въ городскія по положенію 31-го мая 1872 года. Вследствіе той же причины сократилось, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, и число учащихся, а именно отъ 31,070 до 30,486. Окончившихъ полный курсъ было 4,246.

Уѣздныя училища переживаютъ нынѣ переходное время, но необходимо замѣтить, что ожидающая ихъ реформа вовсе не обнаруживаетъ на нихъ такого вліянія, какъ можно было бы предполагать. По крайней мѣрѣ, всѣ старанія употреблены па то, чтобы учелье происходило въ нихъ вполнѣ правильнымъ порядкомъ и относительно значительного большинства ихъ эта цѣль достигается какъ нельзя успѣшнѣе. Во многихъ уѣздныхъ училищахъ, благодаря мѣрамъ, принятыхъ педагогическими ихъ совѣтами, учебная часть поставлена была въ послѣднее время даже лучше чѣмъ когда-либо прежде, а потому и приливъ къ нимъ учащихся нисколько не ослабѣваетъ. Если тѣмъ не менѣе уѣздныя училища не удовлетворяютъ существующимъ потребностямъ, то недостатки ихъ условливаются не переходнымъ состояніемъ,

¹⁾ Продолженіе, см. Август. ии. журнала сего года.

въ которомъ они теперь находятся, а несостоятельностью самого ихъ устава, вызвавшаго необходимость ихъ преобразованія; столь же сильно вредить имъ скудность материальныхъ ихъ средствъ и скудность жалованья, получаемаго учителями, такъ что иногда—хотя и далеко не во всѣхъ округахъ—нѣтъ возможности замѣстить различныя учительскія вакансіи.

Преобразованіе уѣздныхъ училищъ въ городскія по положенію 31-го мая 1872 г. не можетъ совершаться быстро вслѣдствіе того, что преобразованіе это находится въ тѣсной зависимости отъ подготовки въ учительскихъ институтахъ наставниковъ для новыхъ городскихъ училищъ. До сихъ поръ изъ существующихъ институтовъ только С.-Петербургскій и Московскій достигли полной своей организаціи и въ каждомъ изъ нихъ было по два выпуска воспитанниковъ. Тѣмъ не менѣе, число городскихъ училищъ возросло нынѣ до 60 (включая сюда трехклассное городское училище въ Варшавѣ по положенію 31-го мая 1872 года съ нѣкоторыми отступленіями): наибольшая ихъ часть, а именно 50, приходится на долю округовъ С.-Петербургскаго и Московскаго. Въ первомъ изъ нихъ въ истекшемъ году было преобразовано изъ уѣздныхъ и вновь учреждено на счетъ мѣстнаго земства 10 городскихъ училищъ, а въ Московскому 9. По числу классовъ существующія нынѣ городскія училища распредѣляются слѣдующимъ образомъ: четырехклассныхъ 5, трехклассныхъ 37, двухклассныхъ 16 и одноклассныхъ 3. Учащихся во всѣхъ этихъ училищахъ находилось къ 1-го января 1877 года 7,171.

Что касается до учебной части городскихъ училищъ, то она поставлена весьма удовлетворительно. Не во всѣхъ сице училищахъ учительскія должности могли быть замѣщены лицами, имѣющими на то право, а потому пришлось допустить къ исправленію означенныхъ должностей лучшихъ учителей бывшихъ уѣздныхъ училищъ, но такихъ временныхъ исключений немного; такъ, напримѣръ, въ С.-Петербургскомъ округѣ не болѣе 6. Преподаватели, несмотря па новость у насъ дѣла обученія по классной системѣ, видимо успѣли возбудить сочувствіе и къ своей дѣятельности и къ училищамъ. Выражается это въ готовности земствъ и городскіхъ обществъ отпускать значительныя добавочные суммы къ тѣмъ, которыхъ ассигнуются министерствомъ народнаго просвѣщенія на уѣздныя училища, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, где не существуетъ уѣздныхъ училищъ,—и все потребное количество денегъ для учрежденія училищъ нового типа, но къ сожалѣнію далеко не всѣ подобныя ходатайства могутъ бывать удовле-

творяємы до тѣхъ поръ, пока учительскіе институты не подготовятъ достаточное количество преподавателей.

Учительскія семинаріи.

Съ вопросомъ объ учительскихъ семинаріяхъ тѣсно связанъ вопросъ о правильной организаціи въ педагогическомъ отношеніи нашихъ начальныхъ народныхъ школъ. Въ настоящее время русская народная школа ни въ чемъ не имѣть такой потребности какъ въ раціональной постановкѣ ея учебной части: ей пужны такія педагогическія силы, просвѣтительная дѣятельность которыхъ въ религіозномъ, нравственномъ и научномъ отношеніяхъ была бы настолько плодотворна, чтобы самый темный людъ проникся убѣжденіемъ, что ученіе есть дѣйствительно тотъ свѣтъ, котораго ему недостаетъ и что свѣтъ этотъ приносить ему школа. Пріюое назначеніе учительскихъ семинарій состоять въ приготовленіи именно такихъ педагогическихъ силъ для нашихъ школъ. Насколько же существующія у насъ семинаріи удовлетворяютъ своему назначенню въ этомъ смыслѣ, на то указываютъ единогласные отзывы директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, свидѣтельствующіе, что учителя, получившіе образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ, принадлежать къ числу тѣхъ полезныхъ педагогическихъ дѣятелей, увеличеніе числа которыхъ составляетъ существенную потребность нашихъ школъ. Эти отзывы специально-педагогическихъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія по надзору за народными школами вполнѣ подтверждаютъ раціональность принятой министерствомъ системы народного образования, въ основаціе которой положенъ тотъ принципъ; что для успѣшнаго распространенія образованія въ народной массѣ прежде всего необходима правильная постановка въ нашихъ школахъ учебной части, посредствомъ приготовленія для нихъ лучшихъ педагогическихъ силъ, разсадникомъ которыхъ должны служить учительскія семинаріи.

Въ виду такого важнаго значенія учительскихъ семинарій въ дѣлѣ народного образования, я въ одиннадцатилѣтнее управлениѣ вѣтрепнымъ миѣ министерствомъ постоянно заботился объ увеличеніи числа ихъ. Всемилостивѣйшее разрушеніе Вашимъ Императорскимъ Величествомъ представлений моихъ по сему предмету дало возможность ежегодно учреждать новые учительскія семинаріи и школы, которыхъ къ началу отчетнаго года считалось 58.

Но такое число учительскихъ семинарій и школъ далеко не отвѣ-

1*

чаетъ числительности народонаселенія у нась. Въ сосѣдственной намъ Пруссіи, давно уже признавшой важное значеніе учительскихъ семинарій въ дѣлѣ народнаго образованія, которое, дѣйствительно, сдѣлалось въ ней образцовымъ, при народонаселеніи, не составляющемъ и $\frac{1}{3}$ населенія нашихъ губерній, входящихъ въ составъ учебныхъ округовъ, еще въ 1874 году считалось 96 учительскихъ семинарій, и къ началу 1876 года число ихъ возрасло уже до 113 такъ, что приходилась одна семинарія почти на 218,000 жителей, между тѣмъ какъ у нась въ то же время приходилась одна семинарія болѣе, чѣмъ на 1.327,000 жителей, то-есть, по отношенію къ народонаселенію, у нась было въ шесть слишкомъ разъ меше учительскихъ семинарій, чѣмъ въ Пруссіи.

Естественнымъ послѣдствіемъ весьма недостаточнаго числа существующихъ у нась семинарій является крайній недостатокъ въ начальныхъ учителяхъ съ педагогическою подготовкою, а потому многія изъ нашихъ начальныхъ школъ такъ мало удовлетворяютъ своему назначенію, что самое существованіе ихъ дѣлается безполезнымъ. Изъ отчета попечителя Московскаго учебнаго округа видно, что въ этомъ округѣ изъ числа школъ, находящихся въ вѣдѣніи училищныхъ соѣтствъ, закрыто въ отчетномъ году 104, вслѣдствіе того, что „эти школы не выполняли программъ: ни той, которая указана въ ст. 3 положенія 25 мая 1874 года о начальныхъ народныхъ училищахъ, ни той, которая приложена къ временнымъ правиламъ о выдачѣ свидѣтельствъ на льготу при отбываніи воинской повинности“. Еще болѣе представляется поразительнымъ тотъ фактъ, что, вслѣдствіе недостатка въ подготовленныхъ учителяхъ, ощущается крайній недостатокъ въ школахъ на восточныхъ нашихъ окраинахъ, гдѣ учрежденіе ихъ, между инородческимъ населеніемъ, обусловливается самою необходимостію государственного единства, а между тѣмъ, напримѣръ, въ Тургайской области, входящей въ составъ Оренбургскаго учебнаго округа, по неимѣнію учителей, немногія прежде существовавшія школы закрыты и деньги, отпускавшіяся изъ казны ежегодно на народное образованіе въ этой области, почти完全остю остаются въ казачействѣ.

Предупредить такое нежелательное явленіе, какъ закрытіе школъ, особенно, когда у нась въ нихъ частотѣ существуетъ потребность, можно только приготовленіемъ достаточнаго контингента учителей, ознакомленныхъ съ рациональными пріемами элементарнаго обученія. Министерство народнаго просвѣщенія, вполнѣ сознавая важность лежащей на немъ въ этомъ отношеніи обязанности, неуклонно стреми-

лось и въ отчетномъ году къ восполнению сказанного недостатка въ подготовленныхъ учителяхъ и заботилось, по мѣрѣ денежныхъ средствъ, объ учрежденіи учительскихъ семинарій и школъ, какъ лучшихъ разсадниковъ, приготовляющихъ учителей-педагоговъ.

Изъ разрѣшенныхъ въ 1875 году двухъ учительскихъ семинарій и одной школы, въ сентябрѣ отчетнаго года открыты: учительская семинарія въ и. Свисточъ Гродненской губерніи и татарская учительская школа въ г. Казани. Что же касается учительской семинаріи, предназначавшейся первоначально къ открытию въ селѣ Елисаветинѣ, Белеевского уѣзда, Уфимской губерніи, то, въ виду неудобствъ, которыя представляла для дѣятельности семинаріи глухая мѣстность этого села, при весьма неудовлетворительномъ состояніи предназначавшихъ подъ семинарію зданій, Ваше Императорское Величество въ 26 день іюля 1876 года соизволили на перемѣщеніе этой семинаріи изъ села Елисаветина въ заводъ Благовѣщенскій, Уфимскаго уѣзда, гдѣ и послѣдовало открытие ея въ октябрѣ 1876 года. На содержаніе сказанныхъ двухъ семинарій и одной учительской школы назначено къ ежегодному отпуску изъ суммъ государственного казначейства 48.442 р. 50 коп. Семинаріи: въ и. Свисточѣ и въ заводѣ Благовѣщенскомъ имѣютъ собственный здапія, а Казанская татарская учительская школа помѣщается въ наемномъ домѣ.

Съ открытиемъ въ отчетномъ году вышесказанныхъ семинарій въ и. Свисточѣ и въ заводѣ Благовѣщенскомъ, а также татарской учительской школы въ г. Казани, къ 1-му января 1877 года въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія состояло: учительскихъ семинарій и школъ 61, изъ которыхъ 48 содержатся правительствомъ, 11—земствомъ, 1—на счетъ пожертвованнаго капитала и 1—на счетъ пожертвованнаго капитала и 1—на средства братства св. равноапостольной Маріи въ Москвѣ.

Въ 1876 году Высочайше разрѣшено открытие еще двухъ учительскихъ семинарій: одной въ Эстляндской губерніи и другой — въ въ г. Новочеркассѣ, въ области войска Донскаго, съ назначеніемъ съ 1-го іюля 1877 года на содержаніе: первой по 17,810 руб. въ годъ изъ государственного казначейства, а второй — по 21,052 руб. изъ суммъ государственного казначейства и общаго воинскаго капитала, по половинѣ, именно, по 10,526 руб. въ годъ. Съ открытиемъ этихъ двухъ семинарій, общее число учительскихъ семинарій и школъ увеличится до 63.

Независимо отъ сего, послѣ осмотра въ отчетномъ году заведеній

Оренбургского учебного округа, я имѣть счастіе повергать на возрѣніе Вашего Императорскаго Величества предположеніе мое о необходимости учрежденія въ этомъ округѣ трехъ учительскихъ школъ для инородческихъ, населеній: башкирскаго, киргизскаго, черемисскаго и другихъ мелкихъ племенъ, въ виду того, что, за неимѣніемъ учителей, инородцы эти (въ Оренбургскомъ округѣ ихъ считается около двухъ миллионовъ и между ими еще доселѣ находится до 72 тысячъ язычниковъ), будучи лишены просвѣтительного влиянія правильно организованной школы, не имѣютъ никакой возможности противостоять постолю усиливающемуся между ними влиянію татаризма, столько же вреднаго въ смыслѣ образовательномъ, сколько и въ смыслѣ государственному. Это предположеніе, а равно и сдѣланное уже мною, въ тѣхъ же видахъ, распоряженіе о немедленномъ открытии десяти черемисскихъ языческихъ школъ и назначеніи въ нихъ учителями Черемисовъ, кончившихъ курсъ въ Уфимской языческой школѣ и Барскомъ уѣздномъ училищѣ, были удостоены Высочайшаго одобренія. Вслѣдствіе чего, объ учрежденіи въ Оренбургскомъ округѣ трехъ вышесказанныхъ инородческихъ учительскихъ школъ мною уже затребованы отъ попечителя учебнаго округа соображенія.

Съ другой стороны, татарская учительская школа, открытая въ 1872 году въ городѣ Уфѣ, служащемъ для всей сѣверо-восточной Россіи, средоточiemъ интересовъ мусульманскаго духовенства, вообще, весьма несочувственno относящагося къ постановкѣ въ татарскихъ школахъ учебнаго дѣла на русскихъ государственныхъ началахъ, испытываетъ всѣ невыгоды такихъ мѣстныхъ условій, которыя, въ соединеніи съ невыгодами весьма неудобнаго наемнаго помѣщенія, дѣлаютъ дальнѣйшее оставленіе этой школы въ Уфѣ несогласнымъ ни съ правительственными видами, ни съ педагогическими требованіями. Вслѣдствіе чего, я всеподданѣйше испросилъ соизволеніе Вашего Императорскаго Величества на переводъ сказанной школы, съ будущаго учебнаго года въ г. Оренбургъ, гдѣ, при болѣе удобномъ помѣщеніи, уступленномъ для нея министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, начальство учебнаго округа будетъ имѣть возможность постоянно слѣдить за правильнымъ развитіемъ ея въ смыслѣ государственныхъ интересовъ.

Между тѣмъ, для вящаго обезпеченія, на будущее время, успѣховъ по русскому языку въ этой школѣ, по моему распоряженію, не только возвышено требование по сему предмету отъ поступающихъ въ нее, но и облегчены имъ самыя средства для удовлетворенія этого требованія открытыемъ при сказанной школѣ начального учи-

лица, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно служить и для практическихъ занятій оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ. Съ другой стороны, для точнаго опредѣленія учебнаго времени какъ въ этой, такъ и другихъ татарскихъ учительскихъ школахъ, министерствомъ изданъ списокъ дней, въ которые учащіеся въ сказанныхъ школахъ освобождаются отъ занятій, по поводу христіанскихъ и магометанскихъ праздниковъ. При чемъ, въ виду того, что слишкомъ значительное число такихъ праздниковъ, составляющихъ, вмѣстѣ съ воскресными днями, 108 дней въ году, могло бы вредно отозваться на успѣхахъ воспитанниковъ называемыхъ школъ, срокъ лѣтнихъ для нихъ каникулъ, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 26-го февраля 1876 года, ограниченъ однимъ мѣсяцемъ, именно съ 1-го июля по 1-е августа.

Но изъ вышесказанныхъ мѣръ, не всѣ уже могли простираться не только на воспитанниковъ первого выпуска, окончившихъ курсъ въ Уфимской татарской учительской школѣ въ 1876 году, но и на воспитанниковъ старшаго класса, окончившихъ курсъ этой школы въ 1877 году, а между тѣмъ, русская разговорная рѣчь тѣхъ и другихъ требовала еще искорененія усовершенствованія въ отношеніи правильности. Въ этихъ видахъ, по моему распоряженію, сказанные воспитанники, какъ окончившіе курсъ, такъ и находившіеся въ старшемъ классѣ, выведены были изъ интерната и размѣщены на частныхъ квартирахъ въ русскія семейства, гдѣ имъ открывалась большая возможность къ практическому изученію русской рѣчи и, кроме того, первые были прикомандированы къ мѣстнымъ уѣздному и приходскимъ училищамъ до времени усвоенія ими правильной рѣчи. Этимъ распоряженіемъ, которое я также имѣлъ счастіе въ минувшемъ году повергать на возврѣніе Вашего Императорскаго Величества, отчасти уже достигнуты желательные результаты: по дополненію попечителя учебнаго округа, воспитанники, окончившіе курсъ въ 1876 году, на столько успѣли въ русскомъ языкѣ, что получили уже назначеніе на учительскія должностія въ татарскія селенія.

Такимъ образомъ, поступленіемъ на службу воспитанниковъ, окончившихъ въ отчетномъ году курсъ въ Уфимской, а равно и въ Симферопольской татарскихъ учительскихъ семинаріяхъ положено начало образованію татарского населенія посредствомъ учителей, которые воспитывались въ учебныхъ заведеніяхъ, организованныхъ уже на русскихъ началахъ. Но для того, чтобы вполнѣ поставить въ этихъ заведеніяхъ вначеніе русскаго языка на степень соотвѣтственную

важности его, какъ органа преподаванія, я считаю нужнымъ учредить еще при каждомъ изъ нихъ должности двухъ наставниковъ изъ русскихъ, для упражненія учениковъ въ русской рѣчи, а чтобы доставить возможность подобного упражненія и ученикамъ, скончавшимъ курсъ въ этихъ школахъ, необходимо ежегодно устраивать педагогические курсы при самыхъ школахъ и вызывать на эти курсы бывшихъ воспитанниковъ школъ.

Учащихся въ 61 открытыхъ учительскихъ семинарияхъ и школахъ къ 1-го января 1877 года было 4,596, изъ которыхъ на мужскія учительскія семинаріи и школы приходилось 3,869 или около 84%, и на женскія 727 или около 16%. Число учащихся въ отчетномъ году, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, увеличилось: въ мужскихъ учительскихъ семинарияхъ и школахъ на 580, въ женскихъ на 165, а всего на 745. Число окончившихъ курсъ въ 40 мужскихъ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ простиралось до 695 и въ 6 женскихъ—до 136, а всего до 831 или 18% общаго числа учащихся. Среднимъ числомъ на каждую изъ 46 семинарій и школъ, произведенныхъ выпускъ въ 1876 году, приходится по 18 окончившихъ курсъ. Затѣмъ, изъ 15 учительскихъ семинарій и школъ, не производившихъ еще выпускъ, къ 1-го января 1877 года были: 4 — въ полномъ трехклассномъ составѣ, 8 — въ двухклассномъ и 3 — въ одноклассномъ.

По учебной части всѣ правительственные учительскія семинаріи руководились инструкціею, изданною въ 1875 году министерствомъ народнаго просвѣщенія для этихъ учебныхъ заведеній и окончательно примѣненою къ нимъ въ отчетномъ году. При точномъ опредѣленіи учебнаго времени, объема предметовъ и числа недѣльныхъ уроковъ по каждому изъ нихъ, сказанною инструкціею предложены также надлежащія указанія и относительно самого способа преподаванія, которое во всѣхъ семинаріяхъ велось по программамъ, составленнымъ наставниками, одобреннымъ педагогическими совѣтами и утвержденнымъ попечителями подлежащихъ учебныхъ округовъ. Въ видахъ пріученія воспитанниковъ къ самостоятельнымъ занятіямъ, какъ главному условію дальнѣйшаго самообразованія ихъ, при преподаваніи обращалось особенное вниманіе на письменные упражненія учащихся и на самостоятельное чтеніе ими книгъ, по указаніямъ преподавателей. Принципъ преподавателями разсматривалась и исправлялась каждая письменная работа, а на сколько понято было воспитанниками прочитанное повѣралось посредствомъ бесѣдъ съ ними. Но важнѣйшую сто-

рону педагогического образования въ семинарияхъ, сосредоточивавшую въ себѣ, такъ сказать, все обученіе, составляли практическія упражненія воспитанниковъ въ начальномъ училищѣ, которая, по тѣсной связи съ будущей дѣятельностью учащихся, служили для нихъ лучшимъ приготовленіемъ къ этой дѣятельности, открывая имъ возможность пріучаться, подъ наблюденіемъ наставниковъ, къ примѣненію на дѣлѣ приобрѣтенныхъ ими теоретическихъ свѣдѣній. Къ этимъ занятіямъ воспитанники были подготовляемы уже со 2-го класса, въ которомъ они, по ознакомленіи съ главными основаніями дидактики и методики, посвѣщали въ теченіе цѣноколькихъ дней, группами изъ 2-хъ и 3-хъ человѣкъ, уроки въ начальной школѣ, гдѣ наглядно основывались съ пріемами элементарного обученія, педагогическое значеніе которыхъ разъяснялъ имъ впослѣдствіи преподаватель педагогики, когда они представляли ему отчетъ о своемъ посвѣщеніи начальной школы. Собственно же къ самостоятельной практикѣ воспитанники приступали уже въ старшемъ классѣ, хотя и здѣсь не прямо допускались къ ней, а предварительно должны были присутствовать по 2 человѣка, въ теченіе недѣли, въ начальной школѣ, помогая учителю преимущественно въ распределеніи и разсмотрѣніи письменныхъ задачъ. Затѣмъ уже, очередные практиканты, по тщательномъ приготовленіи къ урокамъ и составленіи конспекта своихъ занятій, предварительно разсмотрѣнаго наставникомъ, приступали къ преподаванію въ присутствіи всѣхъ своихъ товарищѣй и подлежащаго наставника-руководителя, который слѣдилъ за тѣмъ, чтобы практиканты не только въ пріемахъ преподаванія сообразовались со степенью развитія учащихся въ каждомъ отдѣлѣніи школы, но и соблюдали дидактическія правила при одновременномъ запятіи учащихся всѣхъ трехъ отдѣлѣній работами. Впослѣдствіи уроки практикантовъ обсуждались въ особенныхъ педагогическихъ собрaniяхъ, устроившихся для того еженедѣльно въ каждой семинаріи подъ предсѣдательствомъ директора и съ участіемъ одного изъ наставниковъ и учителя начального училища. Присутствовавшіе въ полномъ составѣ на этихъ собраниихъ воспитанники 3-го класса представляли свои замѣчанія о преподаваніи тѣхъ практикантовъ, на урокахъ которыхъ они были. Сужденія по поводу разбора этихъ замѣчаній, веденные по указанію директора, вносились очередными воспитанниками въ особые журналы, которые хранятся при дѣлахъ совѣта семинаріи. Вообще, въ правительственныеыхъ учительскихъ семинарияхъ пріемы и способы теоретическихъ и практическихъ занятій съ воспитанниками, веденные по

указаниемъ инструкціи, не только выражали единство въ преслѣдованіи этими учебными заведеніями педагогическихъ цѣлей, но и содѣйствовали имъ къ достижению этихъ цѣлей, какъ о томъ свидѣтельствуютъ попечители учебныхъ округовъ, имѣвшіе возможность лично убѣдиться въ удовлетворительномъ состояніи учебной части въ семинаріяхъ. Общій средній годовой баллъ успѣховъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій и школъ приблизительно выражается отмѣткою 3,7 то-есть, весьма удовлетворительной.

Однимъ изъ особенно благопріятныхъ условій для преусмѣренія учебнаго дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ должно считать начавшееся въ отчетномъ году открытие приготовительныхъ классовъ при этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такіе классы открыты уже при 8-ми семинаріяхъ. Съ постепеннымъ открытиемъ приготовительныхъ классовъ и при другихъ семинаріяхъ окончательно устранится затрудненія, замедляющія, особенно въ низшихъ классахъ сихъ заведеній, успѣхи преподаванія, вслѣдствіе недостаточной подготовки поступающихъ въ нихъ учениковъ, и тѣмъ скорѣе можетъ послѣдовать весьма желательное увеличеніе въ семинаріяхъ количества учащихся изъ сельскаго сословія, болѣе другихъ способного къ служенію въ скромномъ званіи начальника учителя, что уже теперь иѣкоторыя земства, выражая сочувствіе къ открытию приготовительныхъ классовъ при семинаріяхъ, опредѣли рас пространить земскія стипендіи и на эти классы. Съ своей стороны, министерство народного просвѣщенія, въ виду важнаго значенія, какое имѣть для семинарій удовлетворительная подготовка учениковъ изъ сельскаго сословія, продолжало и въ отчетномъ году оказывать пособіе изъ собственныхъ средствъ тѣмъ изъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ, которые, согласно послѣдовавшему въ 1872 году распоряженію министерства, готовились для поступленія въ семинарии не только при семинаріяхъ, но и у учителей сказанныхъ училищъ; при чемъ назначалось каждому изъ такихъ учениковъ отъ 50-ти до 54-хъ рублей.

Важнымъ пособіемъ къ достижению педагогическихъ цѣлей для учительскихъ семинарій и школъ служило также значительное пополненіе въ отчетномъ году ихъ библіотекъ такими учебными пособіями, въ которыхъ наибольшая ощущалась потребность. Изъ числа приобрѣтенныхъ въ 1876 г. министерствомъ народного просвѣщенія periodическихъ изданий, книгъ и учебныхъ пособій выслано въ учительскіи семинаріи на сумму 2,747 р. 60 к. Кромѣ того, для облегченія самимъ учительскимъ семинаріямъ и школамъ приобрѣтать необходимыя для

нихъ учебныхъ пособія по болѣе дешевымъ цѣнамъ, министерство извѣ-
явило согласіе на принятіе въ число своихъ комиссіонеровъ извѣст-
ную фирму Фену и К°, обязавшуюся, между прочимъ, и для учитель-
скихъ семинарій доставлять учебныхъ пособія, изданныя въ Россії,
съ уступкою отъ 15% до 20% противъ цѣнъ, опредѣленныхъ издате-
лями. Вообще въ 1876 г. всѣми учительскими семинаріями и школами
приобрѣтено книгъ до 21,888 томовъ, на сумму 29,346 р. 1 к., то-есть
на 9,741 р. $71\frac{1}{4}$ к. болѣе суммы, употребленной въ предшествовав-
шемъ году на тотъ же предметъ.

Независимо отъ общаго учебнаго курса, обученіе въ правитель-
ственныхъ семинаріяхъ ремесламъ оказывало полезное влияніе на уча-
щихся въ смыслѣ педагогической гигіиены, представляя для нихъ въ
ручной работѣ отдыхъ отъ умственнаго труда и, въ то же время,
устраняя ихъ отъ вредныхъ шалостей, какъ естественнаго послѣдствія
празднаго досуга. Съ другой стороны, воспитанники и обученіе ре-
месленному искусству приобрѣтали не только новыя знанія, которыхъ
внѣслѣдствіи могутъ быть полезными для нихъ самихъ, но и условія
къ распространенію этихъ знаній въ сельскомъ быту: какъ учитель
сельской школы, воспитанникъ семинаріи, изучившій какія-либо ре-
месла, можетъ оказать большую услугу обществу, внося въ среду его
вмѣстъ съ грамотностію, и ремесленныя знанія, отсутствіе которыхъ
весьма ощутительно въ нашихъ деревняхъ. Изъ ремесль, которымъ
преимущественно обучались въ семинаріяхъ, принадлежать: столярное,
токарное, переплетное, сапожное и слесарное. Въ большинствѣ семи-
нарій воспитанники обучались одному какому-нибудь изъ сказанныхъ
ремесль, но въ нѣкоторыхъ изучали по два и даже по три ремесла.
До какой степени воспитанники освоились съ ремесленными занятіями,
видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ они уже безъ за-
трудненія приготовляли мебель для ученическихъ квартиръ и учебныхъ
пособія (циркуль, треугольникъ, линейку и т. п.). При благопріятныхъ
мѣстныхъ условіяхъ не упускались изъ виду и занятія съ воспитан-
никами огородничествомъ и садоводствомъ, которые съ особеннымъ
успѣхомъ велись въ семинаріяхъ Московскаго учебнаго округа: Но-
винской, Алферовской и Поливановской. Въ Порѣцкой семинаріи Ка-
занскаго учебнаго округа введено было въ отчетномъ году практичес-
кое изученіе пчеловодства.

По части воспитательной педагогическіе совѣты семинарій въ дѣл-
ствіяхъ своихъ руководствовались тою же инструкціею, которая слу-
жила имъ руководствомъ и по учебной части. Согласно требованіямъ

этой инструкции, главная въ воспитательномъ отношеніи задача наставниковъ семинарій состояла въ заботливости о развитіи въ учащихся религіозно-нравственнаго чувства, любви къ труду, твердости воли и сознанія необходимости добросовѣтно исполнять свои обязанности. Для достижениія такихъ важныхъ нравственно-воспитательныхъ цѣлей въ учительскихъ семинаріяхъ предпринимались, на основаніи инструкціи, слѣдующія мѣры: 1) животворное дѣйствіе религії. Для этого законоучители, не ограничиваясь класснымъ преподаваніемъ и заботливостію о точномъ исполненіи воспитанниками всѣхъ установленій православной церкви, посещали въ пеклассное время квартиры учениковъ, съ которыми вели при этомъ случаѣ нравственно-назидательныя бесѣды, обращаясь къ нимъ съ словомъ пастырскаго наставленія, увѣщанія, утѣшенія; 2) ближайшій нравственный надзоръ со стороны директора и прочихъ наставниковъ, изъ которыхъ каждый для этой цѣли, кроме обыкновеннаго наблюденія за учениками по званію наставника, имѣлъ въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи извѣстную группу воспитанниковъ. Такимъ образомъ, наставники, при ограниченномъ числѣ учениковъ, избранныхъ особому попеченію ихъ, могли вполнѣ ознакомиться съ характеромъ, наклонностями и умственными способностями каждого изъ нихъ и, сообразно тому, дѣйствовать на нихъ въ смыслѣ воспитательномъ, посредствомъ различныхъ педагогическихъ мѣръ, примѣненіе которыхъ на дѣлѣ облегчалось: а) незамѣтно устанавливающеюся, вслѣдствіе такихъ порядковъ, искренностию отношеній между наставниками и воспитанниками, б) строемъ семинарской жизни, основанномъ на общежительномъ началѣ, в) мѣстными условіями, исключавшими шумные развлеченія и, наконецъ, г) самою средою учащихся, изъ которыхъ до 50% принадлежали къ сельскому сословію, столько же твердому въ вѣрѣ, сколько и привыкшему къ труду, и 3) общія чтенія, упражненія въ пѣніи, прогулка и другія цѣлесообразныя занятія, устраиваемыя для воспитанниковъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ наставниковъ, въ дни свободные отъ учебныхъ занятій, служили также педагогическими средствами какъ для пополненія часовъ досуга учащихся столько же интересующими ихъ, сколько и полезными для нихъ развлеченіями, такъ и для удаленія отъ нихъ всякаго внѣшняго вліянія, которое могло бы оказаться вреднымъ, въ какомъ бы ни было отношеніи.

Независимо отъ вышесказанныхъ мѣръ, направленныхъ къ религіозно-нравственному воспитанію учащихся въ семинаріяхъ, министерство народнаго просвѣщенія, въ виду высокаго призыва учитель-

скихъ семинарій—служить разсадниками будущихъ народныхъ учителей, съ одной стороны, вмѣнило въ обязанность совѣтамъ сихъ заведеній соблюдать въ приемѣ вновь поступающихъ учениковъ возможную осторожность и обращать при этомъ особенное вниманіе, кромѣ офиціальныхъ свидѣтельствъ о доброй нравственности вновь поступающихъ, на рекомендациіи инспекторовъ народныхъ училищъ, народныхъ учителей, членовъ училищныхъ совѣтовъ, священниковъ и вообще такихъ лицъ, отзывъ которыхъ можетъ имѣть значеніе, а съ другой—поручило учительской семинаріи особенной заботливости попечителей учебныхъ округовъ, предложивъ имъ посыпать, по возможности, эти заведенія и во время приемныхъ экзаменовъ. Рядомъ всѣхъ этихъ мѣропріятій достигнуты удовлетворительные результаты въ смыслѣ религіозно-нравственного развитія воспитанниковъ учительскихъ семинарій: попечители учебныхъ округовъ дѣлаютъ самые выгодные отзывы въ этомъ отношеніи. Общий средній выводъ изъ отмѣтокъ по поведенію воспитанниковъ за 1876 г. приблизительно выражается балломъ 4,6, то-есть, весьма хорошоимъ.

Такимъ образомъ, состояніе какъ учебной, такъ и воспитательной части, въ правительственныйыхъ учительскихъ семинаріяхъ представляется въ отчетномъ году удовлетворительнымъ. Но, тѣмъ не менѣе, степень этой удовлетворительности неодинакова, такъ какъ, въ среднемъ выводѣ, по поведенію воспитанники сказанныхъ заведеній имѣли высшія отмѣтки, нежели по успѣхамъ. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что вообще успѣхи учащихся не во всѣхъ классахъ были такъ равнотѣрны, какъ поведеніе ихъ: воспитанники низшихъ классовъ оказали, вслѣдствіе недостаточной подготовки, меньшіе успѣхи, нежели воспитанники высшихъ классовъ.

Въ Иркутской учительской семинаріи недостатокъ подготовки поступающихъ въ нее учениковъ затруднялъ даже выполненіе учебной программы, а потому признано было необходимо, въ видахъ устраненія такого неудобства, усилить занятія воспитанниковъ иладшаго класса этой семинаріи по русскому языку и ариѳметикѣ. Влѣдствіе чего, согласно Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 27-го мая 1876 года, измѣнена таблица недѣльныхъ уроковъ въ сказанной семинаріи такимъ образомъ, что въ 1-мъ классѣ по русскому языку, вмѣсто 8 уроковъ, назначено 12, а по ариѳметикѣ, вмѣсто 5 уроковъ, 6. Вообще недостатокъ въ подготовкѣ поступающихъ въ семинаріи учениковъ особенно замѣтенъ тамъ, где языкъ преподаванія, не будучи мѣстнымъ, мало былъ знакомъ учащимся при поступлении ихъ въ за-

веденіе. Выше было сказано, какія мѣры были приняты въ отчетномъ году министерствомъ народнаго просвѣщенія для надлежащаго подготовленія поступающіхъ въ учительскія семинаріи и Уфимскую татарскую школу. Подобныя же мѣры коснулись и Рижской Прибалтійской учительской семинаріи, ученики которой, принадлежа преимущественно къ латышскому и эстонскому племени и поступая въ семинарію почти безъ знанія русскаго языка, не въ состояніи были въ теченіе трехгодичнаго курса ни основательно изучить предметы, преподаваемые въ семинаріи, ни даже усвоить знаніе русскаго языка въ такой степени, чтобы впослѣдствіи успѣшно вліять, посредствомъ школы, на ознакомленіе съ этимъ языкомъ мѣстнаго населенія. Всльдствіе чего, согласно моему ходатайству, Высочайше утвержденныи 28-го декабря 1876 года министерствомъ государственного совѣта положено: съ 1-го июля сего года установить въ этой семинаріи четырехгодичный курсъ ученикіи, открыть въ ней еще одинъ низшій классъ, съ добавленіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, одной должности наставника и учрежденіемъ начального училища для практическихъ упражненій воспитанниковъ семинаріи въ преподаваніи; причемъ сумма, потребная на увеличившіеся расходы по найму помѣщенія и по содержанію нового наставника, всего по 2,500 руб. въ годъ, отнесена на счетъ государственного казначейства, а прочіе расходы—на общія штатныя суммы семинаріи, съ обращеніемъ 450 рублей, отпускаемыхъ по штату семинаріи на поддержку русско-эсто-латышской школы Рижского Петрапавловскаго братства, на жалованье учителю открываемаго при семинаріи начального училища.

Что касается 9 семинарій Варшавскаго учебнаго округа, то для обеспечепленія за учащимися въ нихъ нерусскаго происхожденія надлежащихъ усилковъ въ русскомъ языке постепенно было усилено преподаваніе сего предмета увеличеніемъ первоначально положеннаго числа уроковъ на счетъпольскаго и другихъ мѣстныхъ языковъ; въ видахъ же примѣненія къ этимъ учебнымъ заведеніямъ дѣйствующаго въ другихъ учебныхъ округахъ положенія Молодечнянской учительской семинаріи, съ допущеніемъ въ пять только тѣхъ исключений, кои обусловливаются мѣстными обстоятельствами, министерствомъ затребованы отъ попечителя вѣкоторыя дополнительныя объясненія къ представленному имъ заключенію по сему предмету. Семипаріи Варшавскаго учебнаго округа дали уже значительный контингентъ начальныхъ учителей, такъ какъ въ минувшее десятилѣтіе, со времени 1867 года, когда выпускъ былъ только изъ двухъ семинарій, до

1876 г. включительно, когда выпускъ произведенъ уже девятыю семинаріями, онъ выпустили 868 воспитанниковъ, что составляетъ около 30% общаго числа учителей по всему округу. Значительное также влияніе въ смыслѣ образовательномъ оказываютъ эти семинаріи и вообще на учителей начальныхъ училищъ округа, вслѣдствіе ежегодно назначаемыхъ съ 1872 года, по моему распоряженію, шестинедѣльныхъ съѣздовъ учителей, въ числѣ 25, при каждой изъ 9 семинарій. На этихъ съѣздахъ, подъ наблюденіемъ начальниковъ дирекцій и руководствомъ инспекторовъ и наставниковъ семинарій, учители не только знакомятся съ рациональными пріемами начального обученія, но и усваиваютъ лучшія знанія въ русскомъ языке. Тутъ же имѣютъ возможность возобновить въ памяти своей пройденное и учителя изъ воспитанниковъ семинарій, которые также приглашаются, по мѣрѣ надобности, на съѣзды.

Число земскихъ учительскихъ школъ въ отчетномъ году осталось тоже 11, какъ и въ предшествовавшемъ году. Не измѣнилась также и организація ихъ, которая, будучи не совсѣмъ согласна съ строгими педагогическими требованіями, не вполнѣ отвѣчаетъ цѣлямъ этихъ заведений. При неодинаковомъ числѣ классовъ и учебныхъ предметовъ, школы эти страдаютъ иногда отъ неопредѣленности самихъ программъ, по которымъ преподаются учебные предметы, и отъ неудовлетворительного состава преподавателей. Вслѣдствіе такихъ недостатковъ въ школѣ для приготовленія учительницъ въ Твери Максимовича, имѣющей четырехгодичный курсъ, въ отчетномъ году не все воспитанницы могли выдержать, по окончаніи курса, экзаменъ на званіе учительницъ начального училища въ объемѣ программъ городскаго приходскаго училища. Съ другой стороны, отсутствіе единства въ самихъ распоряженіяхъ земскихъ управъ по отношенію къ этимъ учебнымъ заведеніямъ подаетъ иногда поводъ къ разнымъ недоумѣніямъ между сими управами и лицами, непосредственно завѣдующими школами. Такія недоумѣнія, между прочимъ, вызывали были распоряженіями Черниговской губернскай земской управы относительно, та-
мощней земской школы.

Помѣщенія многихъ учительскихъ семинарій и школъ не удовлетворяютъ воспитательнымъ, гигіеническимъ и хозяйственнымъ условіямъ—чѣмъ и была вызвана въ отчетномъ году необходимость въ разныхъ перестройкахъ и приспособленіяхъ зданій соотвѣтственно потребностямъ этихъ учебныхъ заведеній. Изъ 50 правительстvenныхъ учительскихъ семинарій и школъ 38 помѣщались въ собствен-

ныхъ зданіяхъ, изъ которыхъ одно, именно зданіе Солецкой учительской семинаріи, въ Варшавскомъ учебномъ округѣ (Радомской губерніи, Илжецкаго уѣзда) было истреблено въ августѣ 1876 года пожаромъ, и воспитанники этой семинаріи переведены для временныхъ занятій въ Андреевскую учительскую семинарію (Кѣлецкой губерніи), въ которую также, по открытии въ ней параллельного отдѣленія 1-го класса, прикомандированы двое изъ учителей Солецкой семинаріи. Вообще число правительстваенныхъ семинарій, имѣющихъ собственныя удобныя помѣщенія, простирается до 19. Для семинарій Вольской и Благовѣщенской въ отчетномъ году приобрѣтены собственные дома за сумму 51.950 руб. изъ коихъ 45.961 руб. падаетъ на средства казны, а 5.989 руб. на средства земства. Важнѣйшия постройки произведены были въ 8 семинаріяхъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго, Одесскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ, на сумму 53.330 р., изъ коихъ приходится 30.905 р. на средства казны и 22.425 на счетъ капитала, пожертвованного земствомъ и однимъ почетнымъ попечителемъ. 12 правительстваенныхъ семинарій и школъ помѣщались въ наемныхъ домахъ.

На содержание всѣхъ учительскихъ семинарій и школъ въ теченіе 1876 года было израсходовано 1.015.732 руб. 95 $\frac{1}{2}$ к. Въ томъ числѣ изъ суммъ государственного казначейства 697.072 р. 17 к. или около 69%, отъ земства 228.080 р. 95 $\frac{1}{2}$ к. или около 22%, изъ средствъ городскихъ и сельскихъ обществъ, изъ пожертвованій и другихъ источниковъ 90.579 р. 83 к. или около 9%. Эти данные, между прочимъ, показываютъ, что не только правительство, но и земство, вполнѣ сознавая важное значеніе учительскихъ семинарій въ дѣлѣ народнаго образования, выражаетъ живое участіе въ преуспѣяніи этихъ учебныхъ заведеній назначеніемъ доюльно значительныхъ суммъ на содержаніе ихъ. О такомъ живомъ участіи земства, кромѣ вышеупомянутыхъ данныхъ, свидѣтельствуютъ и слѣдующія случаиные пожертвованія, сдѣланныя имъ въ отчетномъ году въ пользу семинарій: Ярославское земство ассигновало 3.000 руб. на расширение помѣщенія Новинской учительской семинаріи, Волчанскою уѣздныю земствомъ пожертвовано 849 руб. въ пользу Волчанской учительской семинаріи, Уфимскимъ губерскимъ собраніемъ—10.000 руб. на устройство квартиръ при учительской семинаріи на Благовѣщенскомъ заводѣ, Уфимскою уѣздною управою—1.000 р. на постройку дома для начального училища при той же семинаріи, Таврическое губернское земство пожертвовало 600 руб. на устройство гимнастики и больницы

Приеславльской учительской семинарии, Берлянское земство отпустило 1000 р. на вознаграждение преподавателей той же семинарии за занятия ихъ въ приготовительномъ классѣ и 400 руб. на устройство ремесленного класса. Извѣдругихъ случайныхъ пожертвованій замѣчательны слѣдующія: святѣйшимъ синодомъ разрѣшено отпустить для церкви при учительской семинарии въ м. Свислочѣ 3.000 р. и кругъ богослужебныхъ книгъ, стоимостью въ 100 р. 53 к., почетнымъ попечителемъ Волчанскої учительской семинарии пожертвовано 400 р. въ пользу этой семинарии, обществомъ Благовѣщенского завода 1000 р. на постройку дома для начального училища при семинарии, находящейся на семъ заводѣ, изъ четырехъ уѣздовъ Минской губерніи, а именно: Новогрудского, Слуцкаго, Игуменскаго и Пинскаго 1.488 р. 5 к. на устройство ученической квартиры при Несвижской учительской семинарии.

Впрочемъ, сочувствие общества къ правительственныймъ семинариямъ выражается не въ однихъ пожертвованіяхъ; о немъ также свидѣтельствуетъ и ежегодно увеличивающееся число стипендіатовъ, содержимыхъ при семинарияхъ земствами, которое въ отчетномъ году составляло до 7% общаго числа воспитанниковъ въ правительственныймъ учительскихъ семинарияхъ. Если земства, содержа своихъ стипендіатовъ при правительственныймъ семинарияхъ, фактически показываютъ, какое важное значение придаютъ они научному образованію и религиозно-правственному воспитанію въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, то и между крестьянами, имѣвшими возможность убѣдиться въ пользѣ, приносимой сельскимъ школамъ учителями изъ воспитанниковъ семинарій, начинаетъ обнаруживаться желаніе имѣть подобныхъ учителей изъ своей среды. Такое желаніе, между прочимъ, выразили крестьяне Кухоцко-Вольской волости, Пинскаго уѣзда, составивъ въ ноябрѣ 1876 года приговоръ, которымъ они опредѣлили вносить въ Несвижскую учительскую семинарию по 4 руб. въ мѣсяцъ на содержаніе въ ней крестьянинна той волости. Фактъ этотъ, будучи самъ по себѣ явленіемъ весьма утѣшительнымъ, служитъ вмѣстѣ и неопровергнутымъ доказательствомъ благотворнаго вліянія учительскихъ семинарій на народное образование.

Но какъ ни желательно распространеніе такого вліянія нашихъ семинарій, оно въ настоящее время далеко не можетъ быть повсемѣстнымъ, потому что число этихъ учебныхъ заведеній, несмотря на ежегодное приращеніе ихъ, оказывается недостаточнымъ не только по отношенію къ народонаселенію, но и по отношенію даже къ числу

существующихъ у насть школъ. Правда, образовательное вліяніе правительственныйхъ учительскихъ семинарій въ отчетномъ году получило расширение, такъ какъ, вмѣстѣ съ Высочайше дарованнымъ этимъ учебными заведеніямъ правомъ подвергать испытанію на званіе учителя начального народнаго училища, дозволено выдержавшимъ въ нихъ удовлетворительно испытаніе посвящать практическое при семинаріи училище въ теченіе двухъ или трехъ недѣль для ознакомленія съ методами обученія и давать въ немъ пробные уроки, но очевидно, что, при незначительномъ числѣ лицъ, которая обыкновенно подвергаются испытанію на званіе начальшаго учителя, еще менѣе можетъ быть выдержаныхъ удовлетворительно такое испытание, а потому самое расширение образовательного вліянія нынѣ существующихъ семинарій, не замѣниа исколькко весьма ощутительного недостатка въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, можетъ только исколькко содѣйствовать къ пополненію контингента учителей лицами болѣе или менѣе подготовленными къ педагогической дѣятельности. Съ этой же цѣлію и для привлечения лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ общеобразовательныхъ заведеніяхъ, къ занятію учительскихъ должностей въ начальныхъ школахъ, Высочайше разрѣшено предоставить такимъ лицамъ званіе учителя начальшаго народнаго училища безъ особыхъ для того испытаній, съ тѣмъ, чтобы для показанія своихъ педагогическихъ способностей, лица эти давали пробный урокъ. Независимо отъ сего, въ видахъ подготовкіи большаго числа учителей для начальныхъ начальшыхъ школъ, министерство допускало, какъ и въ минувшиѣ годы, открывать на счетъ земства, при семинаріяхъ или другихъ учебныхъ заведеніяхъ, обладающихъ необходимыми учебными пособіями, педагогические курсы. Курсы эти, какъ и цѣли, съ которою они были открыты, такъ и по продолжительности времени, назначенного для веденія ихъ, раздѣляются на двѣ категории: 1) одни изъ нихъ, имѣя исключительную задачу приготовленіе лицъ, желающихъ занять должности начальшыхъ учителей, требовали болѣе продолжительного времени. Къ этому роду курсовъ относятся годичные педагогические курсы, открытые въ октябрѣ отчетнаго года при Благовѣщенскомъ двухклассномъ училищѣ въ Уфимской губерніи, для 20-ти слушателей. Курсы эти состоять подъ наблюденіемъ мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ и имѣютъ цѣлію приготовленіе къ учительскому званію молодыхъ людей, достигшихъ не менѣе 17-ти лѣтнаго возраста и кончившихъ съ успѣхомъ курсъ въ ѿздныхъ и двухклассныхъ училищахъ, а также и выбыв-

шихъ изъ семинаріи; 2) другіе курсы, будучи предназначены для ознакомленія мало подготовленныхъ учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ съ лучшими способами обученія, а равно для обновленія и пополненія ихъ свѣдѣній въ преподаваемыхъ ими предметахъ, ограничивались, согласно правиламъ, изданнымъ министерствомъ для сихъ курсовъ, срокомъ отъ 4-хъ до 6-ти недѣль въ каникулярное время. Такіе курсы въ отчетномъ году устроены были въ 22 мѣстностяхъ подъ наблюденіемъ директоровъ семинарій или инспекторовъ народныхъ училищъ.

Кромѣ педагогическихъ курсовъ, въ отчетномъ году были устраиваемы, по сношенію съ мѣстнымъ епархиальнымъ вѣдомствомъ, въ двухъ городахъ С.-Петербургской губерніи, а именно Ладогѣ и Царскомъ Селѣ, съѣзды законоучителей начальныхъ училищъ, находящихся въ уѣздахъ сказанныхъ городовъ. Съѣзды эти имѣли специальную цѣлью обсужденіе вопросовъ, относящихся къ улучшенію преподаванія закона Божія въ сказанныхъ училищахъ и состояли изъ нѣсколькихъ засѣданій, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ сѣєзда и въ присутствіи мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ.

Допускай эти мѣры, какъ средства, которыя, при недостаткѣ у насъ подготовленныхъ учителей, въ какой-то степени, могли содѣйствовать улучшенію преподаванія въ нашихъ начальныхъ школахъ, министерство не переставало, въ тѣхъ же видахъ, поощрять и существующія при духовныхъ семинаріяхъ воскресныя школы, въ которыхъ воспитанники семинарій занимаются обученіемъ и пріобрѣтаютъ вѣкоторый навыкъ въ этомъ отношеніи. При такихъ условіяхъ, воспитанники эти, сдѣлавшись впослѣдствіи народными учителями, могли бы тѣмъ большую принести пользу дѣлу народнаго образованія, что имъ не чуждо и теоретическое запасъ педагогики, которая съ 1866 года введена въ число преподаваемыхъ въ духовныхъ семинаріяхъ предметовъ, еслибы учительская обязанность не была для нихъ только временною и не служила бы имъ одною ступенью, ведущую къ прямому ихъ назначению—быть священнослужителями. Вслѣдствіе этого, частыя перемѣны начальныхъ учителей изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій неизбѣжны, а, между тѣмъ, никогда подобная перемѣна не представляютъ такихъ неудобствъ какъ въ дѣлу народнаго образованія. Не смотря, однако, на такія невыгоды кратковременной службы воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ учительскомъ званіи, практическое знакомство ихъ съ приемами на-

чального обученія необходимо уже потому, чтобы, хотя въ непродолжительное прохожденіе ими учительского званія, они могли принести возможную пользу своимъ преподававіемъ. Въ отчетномъ году министерство народнаго просвѣщенія употребило на поощреніе 43 воскресныхъ школъ при духовныхъ семинаріяхъ 12,900 руб., назначивъ для каждой изъ нихъ пособіе въ 300 рублей.

Начальные народные училища.

Въ числѣ мѣръ, направленныхъ къ утвержденію нашей народной школы на здравыхъ педагогическихъ основаніяхъ, а равно и къ охраненію материальныхъ интересовъ ея, одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ занимаетъ послѣдовавшій въ отчетномъ году законодательный актъ о приращеніи специальнно-педагогическихъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія по руководству этими школами и по наблюденію за ними, прибавленіемъ 74 инспекторовъ народныхъ училищъ изъ губерніяхъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія. Важность этой законодательной мѣры особенно открывается въ виду того, что въ сказанныхъ губерніяхъ считается до 13,710 школъ, а потому вѣдѣнію каждого изъ 68 инспекторовъ, опредѣленныхъ положеніемъ 1874 года о начальныхъ народныхъ училищахъ, подлежало, среднимъ числомъ, до 200 школъ, между тѣмъ какъ, съ прибавленіемъ 74 инспекторовъ, число школъ, подлежащихъ вѣдѣнію каждого инспектора, уменьшилось болѣе чѣмъ на половину. Правда, прибавленіе инспекторовъ до означеннѣй нормы, на основаніи вышесказанныаго законодательнаго акта, должно происходить постепенно, въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1877 года, по мѣрѣ внесенія въ смету министерства народнаго просвѣщенія назначенныхъ на себѣ предметъ 148,000 р., но, тѣмъ не менѣе, уже съ начала текущаго года можно было назначить 25 инспекторовъ народныхъ училищъ въ тѣ изъ губерній, имѣющихъ земскія учрежденія, въ которыхъ требовалось безотлагательно усиленіе мѣръ по руководству школами и наблюденію за ними. Въ трехъ изъ этихъ губерній, именно С.-Петербургской, Московской и Херсонской, увеличеніе числа инспекторовъ народныхъ училищъ вызывалось и тѣмъ, что, согласно Высочайше утвержденному 28 декабря 1876 года мнѣнію государственного совѣта, въ гг. С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, для завѣдыванія находящимися въ сихъ городахъ начальными народными училищами, учреждены отдѣльные

училищные советы, съ примѣненіемъ къ нимъ правилъ, установленныхъ положеніемъ 25 мая 1874 года для уѣздныхъ училищныхъ советовъ, въ которыхъ инспекторы народныхъ училищъ обязаны не только присутствовать, но и завѣдывать дѣлоизвѣстствомъ.

Между тѣмъ какъ къ осуществленію вышесказанныго законода-
тельного акта объ увеличеніи инспекторовъ народныхъ училищъ
могло быть приступлено только съ началомъ текущаго года, въ от-
четномъ году началъ приводиться въ исполненіе, состоявшійся въ
1876 году по тому же предмету, другой законодательный актъ, ко-
торымъ предоставлено министру народнаго просвѣщенія учреждать
должности инспекторовъ народныхъ училищъ, съ назначеніемъ имъ
содержанія отъ земства. Вслѣдствіе чего, мнно разрѣшено, по хо-
датайству земствъ и соглашенію съ подлежащими министрами, уч-
режденіе 7 отдѣльныхъ инспекторовъ для 7 уѣзовъ, находящихся
въ губерніяхъ Вятской, Самарской, Вологодской и Пермской.

Наконецъ, преобразованіе по управлению народными училищами,
постепенно вводимое въ губерніяхъ, не имѣющихъ земскихъ учреж-
дений, коснулось въ отчетномъ году и Астраханской губерніи, оста-
вавшейся во всей Европейской Россіи единственою, въ которой, по
управлению начальными училищами, сохранилось дѣйствіе устава 8
декабря 1828 года: пъ губернія этой, на основавіи Высочайше ут-
вержденаго 28 декабря 1876 года мнѣнія государственного совѣта,
положено учредить съ 1 января 1877 года должность инспектора
народныхъ училищъ, съ назначеніемъ ему содержанія по 2,000 р. въ
годъ изъ суммъ государственнаго казначейства.

Такимъ образомъ, съ увеличеніемъ числа инспекторовъ народныхъ
училищъ и расширеніемъ района дѣятельности ихъ, увеличился и
распространілись средства министерства народнаго просвѣщенія не
только къ обеспеченію благосостоянія начальныхъ школъ и увели-
ченію числа ихъ, но и къ тому, чтобы вести дѣло народнаго обра-
зованія по пути, предначертанному державною волею Вашего Им-
ператорскаго Величества.

Озабочиваясь выполненіемъ такой важной обязанности, министер-
ство народнаго просвѣщенія неуклонно продолжало таѣ направлять
дѣятельность своихъ непосредственныхъ органовъ по народному об-
разованію, чтобы она могла оказаться наиболѣе плодотворной. Въ
этихъ видахъ министерствомъ, между прочимъ, издана въ отчетномъ
году для руководства существующаго по положенію 1869 года при
управлении Кіевскаго учебнаго округа совѣта инспекціи народныхъ

училищъ въ губерніяхъ Киевской, Подольской и Волынской, особая инструкція, въ которой точно указаны обязанности сихъ совѣтовъ по отношенію къ народнымъ школамъ.

Для точного же опредѣленія дѣйствій инспекторовъ башкирскихъ, киргизскихъ и татарскихъ школъ по отношенію къ симъ школамъ, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составленъ проектъ инструкціи сказаннымъ инспекторамъ, въ которую включены подробные указанія, сообразныя какъ съ общими начальными, опредѣленными для направлениія сихъ школъ, такъ и съ общую инструкціею инспекторамъ народныхъ училищъ. Приведеніе въ дѣйствіе этого проекта, согласно Высочайшему утвержденію 28 мая 1876 года положенію комитета министровъ, предоставлено министру народнаго просвѣщенія по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, къ которому означеній проектъ и препровожденъ на заключеніе.

Продолжая привинять мѣры къ усиленію образовательныхъ способовъ для инородцевъ-христіанъ, посредствомъ распространенія между ними книгъ религіозно-правственного содержанія, министерство народнаго просвѣщенія напечатало въ отчетномъ году, кромѣ вновь переведенныхъ на чувашскій языкъ: евангелія отъ Иоанна и часослова, второе изданіе прежде переведенныхъ на этотъ языкъ: священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, главныхъ церковныхъ праздниковъ Господнихъ и Богородичныхъ и пасхальной службы, употребивъ на это до 1,000 руб. изъ собственныхъ средствъ.

Общее число начальныхъ народныхъ училищъ въ имперіи¹⁾ къ концу 1876 года простиравалось до 25,077, съ 1.036,851 учащихся, изъ которыхъ было 856,139 мужскаго пола и 180,712 женскаго пола. Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ число училищъ увеличилось на 1141, а число учащихся возросло на 81,352, въ томъ числѣ 70,674 или 86,9% приходится на мужскій полъ и 10,678 или 13,1% на женскій полъ.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ видно, что приращеніе числа училищъ и учащихся было неравномѣрно, такъ какъ увеличеніе пер-

¹⁾ За исключеніемъ начальныхъ училищъ Кавказскаго края, Финляндіи, а равно находящихся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ сельскихъ лютеранскихъ училищъ въ Прибалтийскомъ краѣ, въ которомъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ министерство народнаго просвѣщенія мѣстными губернскими предводителями дворянства, такихъ школъ считается до 1791 а учащихся въ нихъ до 124,561. О числахъ училищъ и учащихся въ областяхъ средней Азии свѣдѣній не доставлено.

выхъ составляло 4,5% общаго числа училищъ, а увеличеніе вторыхъ 7,8% общаго числа учащихся; а потому, среднямъ числомъ, на каждое училище въ отчетномъ году приходилось двумя учащимися болѣе, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ. Неравномѣрность въ увеличеніи числа училищъ съ числомъ учащихся объясняется преимущественно недостаткомъ подготовленныхъ учителей.

При 77 миллионномъ населеніи обоего пола въ губерніяхъ, входящихъ въ составъ 10 учебныхъ округовъ и управлений Восточной и Западной Сибири, въ 1876 году приходилась 1 школа на 3,070 жителей, то-есть, на 146 человѣкъ менѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году, и 1 учащійся на 74 человѣка, то-есть, на 6 человѣкъ менѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году.

Число учащихся, выраженное въ процентныхъ отношеніяхъ къ населенію, составляло въ 1876 году около 1,3%, то-есть, болѣе 0,1% сравнительно съ предшствовавшимъ годомъ. Особенно замѣтное приращеніе учащихся было въ учебныхъ округахъ Оренбургскомъ 0,6% и Виленскомъ 0,3%.

Число учащихся въ школахъ по отношенію къ числу дѣтей школьнаго возраста, отъ 7 до 14 лѣтъ¹⁾, въ отчетномъ году составляло почти $\frac{1}{11}$, тогда какъ въ предшествовавшемъ году едва доходило до $\frac{1}{12}$.

По различію половъ, отношеніе числа учащихся къ населенію вообще и школьнаго возраста въ особенности, какъ и въ предшествовавшемъ году, было распределено весьма неравномѣрно и представлялось въ слѣдующемъ видѣ: для мужскаго населенія приходится 1 учащійся на 44, а для женскаго населенія — 1 учащаяся на 215. Въ школьнаго возраста обучается 1 мальчикъ изъ 6 и 1 девочка изъ 32.

Такимъ образомъ, хотя въ отчетномъ году число школъ и учащихся въ нихъ увеличилось, но отношеніе тѣхъ и другихъ къ населенію вообще и школьнаго возраста въ особенности не можетъ быть названо даже приблизительно нормальнымъ. Какъ недостаточно у насъ число школъ, видно уже изъ того, что еслибы всѣ дѣти школьнаго возраста посѣщали школы, то, при томъ числѣ учащихся, кото-

¹⁾ Принимая, что къ школьному возрасту относится 15%, при 77 миллионномъ населеніи, число дѣтей этого возраста должно быть 11.550,000, въ томъ числѣ, при 38 миллионахъ мужскаго населенія, 5,700,000 мальчиковъ и при 39,000,000 женскаго населенія, 5,850,000 девочекъ.

рое, по среднему выводу, приходилось въ отчетномъ году на каждую школу, то-есть, по 41, потребовалось бы въ 11 разъ большее число училищъ. Допустивъ даже увеличение среднаго числа учащихся для каждой школы въ полтора раза, то-есть, до 62, то и въ такомъ случаѣ потребовалось бы въ 7 разъ большее число училищъ, противъ того, которое было въ отчетномъ году.

Не болѣе выгоднымъ представляется и отношеніе числа учащихся въ школахъ къ общему населенію. Если принять, какъ выше сказано, что дѣти школьнаго возраста составляютъ 15% населения, то, при нормальномъ посвѣщеніи школъ дѣтьми этого возраста, должно приходиться 1 учащейся почти на 7 жителей, между тѣмъ, у насъ число учащихся составляетъ только 1,3% населения и приходится 1 учащейся на 74 жителя. Слѣдовательно, число учащихся въ нашихъ школахъ почти въ 11 разъ менѣе того, которое, соответственно народонаселенію, должноствовало бы быть, и изъ 11 дѣтей школьнаго возраста обучается только 1.

Въ школьномъ возрастѣ, изъ дѣтей мужскаго пола только $\frac{1}{6}$ посвѣщаетъ школы, что составляетъ 2% мужскаго населения, а изъ дѣтей женскаго пола едва $\frac{1}{32}$ посвѣщаетъ школы, что составляетъ 0,4% женскаго населения. Такимъ образомъ, если число учащихся мужскаго пола весьма недостаточно, то недостатокъ учащихся женскаго пола представляется еще въ пять разъ болѣшимъ.

Недостаточное число школъ и учащихся въ нихъ показываетъ, что школа наша не имѣть еще значительного вліянія на массу. Усиленіе этого вліянія можетъ произойти только тогда, когда сама школа будетъ вполнѣ правильно организована. Поэтому правилами организации начальной школы, будучи самымъ жизненнымъ вопросомъ въ дѣлѣ народнаго образования, составляетъ постоянно одну изъ главныхъ заботъ министерства народнаго просвѣщенія. Учрежденіемъ министерствомъ двухклассныя и одноклассныя училища положили начало правильному устройству школъ, а съ ежегодно увеличивающимъся числомъ оканчивающихъ курсъ въ учительскихъ семинарияхъ открылась возможность назначать въ эти училища учителей съ специальнно-педагогической подготовкою. Въ отчетномъ году учительскія семинаріи и школы дали до 831 учителя и учительницы, поступившихъ уже на службу, при чемъ до 160 изъ нихъ заняли мѣста учителей во вновь открытыхъ министерскихъ училищахъ. Въ 1876 году такихъ училищъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено къ открытию 105, въ томъ числѣ двухклассныхъ 51 и

одноклассныхъ 64. Будучи содѣржимы на средства казны съ посо-біемъ отъ мѣстныхъ обществъ, земскихъ учрежденій и частныхъ лавцъ, училища эти вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію, какъ потому, что въ нихъ успѣшно ведется дѣло обученія, чѣмъ они рас-полагаютъ мѣстныя общества въ пользу школы, такъ и потому, что служить образцомъ для устройства сельскихъ школъ. Вообще довѣ-рие, съ которымъ отнеслись мѣстныя общества къ этимъ училищамъ еще при первоначальномъ учрежденіи ихъ въ 1870 году, постепенно возрастаетъ, какъ это видно не только изъ значительного числа уча-щихся въ этихъ училищахъ, но и изъ того, что нѣкоторыя общества открываютъ подобные училища исключительно на свои средства. Такъ, въ С.-Петербургскомъ, Харьковскомъ и Киевскомъ учебныхъ округахъ открыто въ отчетномъ году 6 такихъ училищъ исключи-тельно на мѣстныя средства и, кроме того, въ Киевскомъ округѣ разрѣшено уже министерствомъ открыть еще 2 такихъ училища на тѣ же средства. Все доказываетъ, что правильная организація мини-стерскихъ начальныхъ народныхъ училищъ производитъ самое бла-готворное вліяніе на крестьянскую среду въ смыслѣ образователь-номъ. Въ настоящее время перѣдко можно встрѣтить, что дѣти крестьянъ, по окончаніи курса въ одноклассныхъ училищахъ, про-должаютъ обученіе въ двухклассныхъ. На экзамены этихъ училищъ стекается обыкновенно множество крестьянъ, которые съ напряжен-нымъ вниманіемъ слѣдятъ за отвѣтами учащихся. Были примѣры, что крестьяне, присутствовавши на экзаменахъ, тутъ же выражали свою благодарность учителямъ за ихъ усердіе въ назначеніи имъ еди-новременного пособія. Успѣшному ходу учебнаго дѣла въ этихъ учи-лиищахъ не мало содѣйствуетъ удовлетворительное состояніе ихъ би-бліотекъ и вообще учебныхъ пособій. Въ отчетномъ году библіотеки сихъ училищъ были пополнены, между прочимъ, высланиими изъ ми-нистерства книгами и періодическими изданіями педагогического со-держанія на сумму 33,162 руб.

Правильное устройство министерскихъ училищъ не осталось безъ вліянія и на другія училища: по примѣру ихъ многія училища были совершенно преобразованы и получили лучшую организацію, при ко-торой педагогическая дѣятельность ихъ сдѣлалась гораздо плодо-творнѣе. Но этого, однако, пельзя сказать о всѣхъ училищахъ, изъ которыхъ большинство преимущественно сельскихъ и доселе далеко не удовлетворяетъ самымъ обыкновеннымъ педагогическимъ требова-ніямъ. При такихъ условіяхъ, просвѣтительное вліяніе нашихъ школъ

це можетъ быть на столько дѣйствительнымъ, чтобы оно было въ состояніи произвести въ массѣ убѣжденіе о необходимости основательного обученія. Этимъ и объясняется тотъ неутѣшительный фактъ, что, при неправильномъ посѣщеніи начальныхъ школъ учащимися, число выбывшихъ изъ этихъ школъ до окончанія курса въ 1876 году составляло болѣе 17%, а число окончившихъ въ нихъ курсъ не достигало и 6% общаго числа учащихся. Такимъ образомъ, изъ незначительного по отношенію къ населенію и школьному возрасту числа дѣтей, которыхъ у насъ посѣщаются школы, только нѣсколько болѣе $\frac{1}{3}$ получаютъ въ нихъ основательное знаніе грамотности, а прочіи, почти въ числѣ $\frac{2}{3}$, оставляютъ школы недоучившись, съ самыми поверхностными знаніями въ чтеніи и письмѣ, которыхъ скоро потомъ и совершенно утрачиваются.

Одною изъ главныхъ причинъ неудовлетворительного состоянія нашихъ школъ въ учебномъ отношеніи служить недостатокъ въ подготовленныхъ учителяхъ. Недостатокъ этотъ въ отчетномъ году отчасти былъ пополненъ окончившими курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ. Что же касается мало подготовленныхъ учителей, то, относительно способовъ преподаванія, имъ дѣлались надлежанія указанія инспекторами народныхъ училищъ, при посѣщеніи школъ; кроме того, до 700 такихъ учителей болѣе или менѣе были ознакомлены съ рациональными способами преподаванія на кратковременныхъ педагогическихъ курсахъ, которые проходили въ 22-хъ разныхъ мѣстностяхъ. На многихъ изъ такихъ курсовъ учителя были ознакомлены, какъ и въ предшествовавшемъ году, и съ преподаваніемъ закона Божія съ тою цѣлію, чтобы, въ случаѣ необходимости, тѣ изъ нихъ, кои хотя не получили богословскаго образованія, но будуть одобрены епархиальнымъ начальствомъ, могли бы, подъ наблюденіемъ благочинныхъ и другихъ духовныхъ лицъ, по прочтеніи пробнаго урока въ мѣстной гимпазіи, въ присутствіи законоучителя онай, преподавать и этотъ важнѣйший изъ предметовъ начальной школы. Въ отчетномъ году, съ разрѣшеніемъ святѣйшаго синода, преподаваніе на вышесказанныхъ основаніяхъ закона Божія учителями начальпыхъ училищъ въ селеніяхъ, удаленныхъ отъ церквей, допущено въ Иркутской епархіи.

Неудовлетворительное состояніе библіотекъ служить также немалымъ препятствіемъ къ успышному ходу преподаванія во многихъ изъ начальпыхъ училищъ. Въ видахъ устраиенія такого недостатка, по мѣрѣ заявленія о томъ инспекторовъ народныхъ училищъ, незави-

сими отъ мѣръ, которыя принаты были училищными совѣтами по снабженію начальныхъ училищъ книгами и учебными пособіями, значительное количество тѣхъ и другихъ было выслано дирекціями училищъ въ наиболѣе нуждающійся училища. Вообще, въ отчетномъ году приобрѣтено начальными училищами приблизительно до 500,000 книгъ, на сумму 175,000 руб.—что, среднимъ числомъ, составитъ для каждого училища по 19 книгъ, на сумму 6 руб.

На содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ употреблено было въ 1876 году 6,503,424 руб. $31\frac{3}{4}$ коп. Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ расходы по содержанію этихъ училищъ увеличились на 596,620 руб. $53\frac{3}{4}$ коп., что составляетъ 9,1% общей суммы ихъ содержанія, изъ которой приходится 14% на суммы государственного казначейства, 41% на средства городскихъ и сельскихъ обществъ, 33% на средства земствъ и 12% на взносы, пожертвованія и другіе источники.

Въ отдѣльности на содержаніе двухклассныхъ народныхъ училищъ употреблено около 765,000 и одноклассныхъ 5,738,000. Слѣдовательно, содержаніе каждого двухклассного училища составляло по 1,500 руб. и одноклассного по 233 руб. Такимъ образомъ, обеспеченными въ материальномъ отношеніи по прежнему могутъ считаться только двухклассныя училища, между которыми средства содержанія распределены довольно равномѣрно. Что же касается одноклассныхъ училищъ, то, за исключеніемъ министерскихъ, содержаніе большинства изъ нихъ неудовлетворительно, особенно, если принять во вниманіе ту неравномѣрность, съ которой содержаніе это распределено между ними. Нѣкоторымъ изъ болѣе нуждающихся училищъ министерство оказало въ отчетномъ году пособіе. Два изъ такихъ пособій послѣдовали вслѣдствіе Высочайшаго разрѣшенія, а именно: одно въ 2,800 руб. единовременно для улучшенія 14 начальныхъ училищъ, существующихъ въ возсоединенныхъ съ православіемъ бывшихъ уніатскихъ приходовъ Августовскаго уѣзда и другое — въ 8,683 руб. 42 коп., изъ которыхъ 5,183 руб. 42 коп. подлежать къ ежегодной выдачѣ и 3,500 — къ единовременной, на содержаніе и устройство 33 начальныхъ сельскихъ училищъ въ Могилевской губерніи. Независимо отъ сего, земства, городскія и сельскія общества, по заявленіямъ инспекторовъ, увеличили средства содержанія песьма многихъ изъ начальныхъ училищъ. До какой степени увеличились въ отчетномъ году средства содержанія одноклассныхъ начальныхъ училищъ, находящихся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, видно, между прочимъ, изъ

того, что число учителей, получающихъ жалованье менѣе 100 руб., уменьшилось, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, на 5%, а получающихъ болѣе 300 рублей—возросло на 4%.

Самую слабую сторону начальныхъ училищъ составляетъ неудобство ихъ помѣщеній, такъ какъ около 1/2, преимущественно сельскихъ школъ помѣщаются въ зданіяхъ, совершенно не отвѣчающихъ гигиеническимъ условіямъ. Поэтому улучшеніе училищныхъ помѣщеній было предметомъ особой заботливости инспекторовъ народныхъ училищъ, по ходатайству которыхъ земствами, городскими и сельскими обществами въ отчетномъ году произведены были въ значительномъ числѣ постройки новыхъ училищныхъ домовъ, и отчасти исправленія старыхъ. Съ своей стороны, министерство и въ этомъ отношеніи оказалось помошь некоторымъ училищамъ выдачею пособія на ремонгъ.

Между тѣмъ, имѣя въ виду, чтобы вновь воздвигаемыя и исправляемыя училищныя зданія наиболѣе соотвѣтствовали гигиеническимъ требованіямъ, составляющими одно изъ главныхъ условій благоустроенной школы, я призналъ необходимымъ составить планъ устройства нормальныхъ школьнѣхъ помѣщеній. Съ этой цѣлію, для ближайшаго ознакомленія съ условіями такихъ помѣщеній, лѣтомъ 1876 г., съ Высочайшаго разрѣшенія, командированъ былъ мною одинъ изъ специалистовъ по народному образованію за границу, именно въ Брюссель, гдѣ, по поводу происходившаго гигиеническаго конгресса, устроена была выставка различныхъ предметовъ, касающихся гигиѳиы вообще и, между прочимъ, школьнай гигиѳиы. Собранныя такимъ путемъ свѣдѣнія, а равно и другіе имѣющіеся въ министерствѣ матеріалы переданы на разсмотрѣніе и обсужденіе особой комиссіи, учрежденной для составленія проекта означеннаго плана.

Говоря объ училищныхъ помѣщеніяхъ, нельзя не упомянуть, что въ отчетномъ году при многихъ изъ начальныхъ школъ были устроены преимущественно сельскими обществами для учащихся изъ отдаленныхъ мѣстностей ученическія квартиры, въ которыхъ ученики помѣщаются бесплатно и получаютъ все содержаніе отъ своихъ родителей. Особенно значительное число такихъ квартиръ устроено въ Виленскомъ учебномъ округѣ, а именно: въ губерніяхъ: Витебской 168, Виленской 152 и Минской 150. Весьма желательно, чтобы подобное устройство ученическихъ квартиръ распространялось какъ можно болѣе, такъ какъ этимъ не только устраивается затрудненіе, которое крестьяне, живущіе въ дальнемъ разстояніи отъ школы, встрѣчаютъ при посыпкѣ

въ нихъ дѣтей своихъ, но и значительно облегчается дѣло воспитанія въ томъ отношеніи, что, при существованіи ученическихъ квартиръ, для пастащниковъ открывается возможность установить порядокъ въ занятіяхъ и жизни учениковъ и имѣть за ними надзоръ.

Вообще позь вышеизложенного о состояніи нашихъ начальныхъ училищъ за отчетный годъ видно, что училища эти, несмотря на многія невыгодныя условія, имѣвшія на нихъ неблагопріятное вліяніе, не только увеличился въ числѣ, по и сдѣлали шагъ на пути къ правильной организаціи, вслѣдствіе пополненія своихъ педагогическихъ силъ новымъ болѣе удовлетворительнымъ составомъ учителей, при которомъ увеличеніи и материальныx средствъ. Кроме того, въ увеличеніи числа инспекторовъ народныхъ училищъ они пріобрѣли новый залогъ для охраненія своихъ научныхъ и материальныхъ интересовъ. При такихъ условіяхъ, вліяніе начальной школы на распространеніе въ народѣ грамотности—этой главной ее задачи, безъ сомнѣнія, нѣсколько усилилось. Но для того, чтобы это вліяніе сдѣлалось по-всемѣстнымъ, еще недостаточно сказанныхъ условій: опытъ у другихъ просвѣщенныхъ народовъ показалъ, что какъ бы ни была велика численность школъ и какъ бы ни была правильна ихъ организація, повсемѣстное распространеніе грамотности немыслимо при отсутствіи обязательного обученія. У насъ на это указываютъ какъ незначительное число школъ и учащихся въ пихъ по отпошенню къ населенію вообще и школьнаго возраста въ особенности, такъ и слишкомъ большою процентъ дѣтей, оставляющихъ школу прежде окончанія курса. Все это доказываетъ необходимость введенія у насъ обязательного обученія. Оно только одно можетъ поставить дѣло народнаго образования на совершенно правильный путь и придать начальной школѣ то значеніе, которое она должна имѣть въ глазахъ народа, сдѣлавшись необходимою потребностью его жизни и главною основою просвѣщенія его взглядовъ въ смыслѣ религіозно-нравственномъ, экономическомъ и бытопомъ. Для разработки вопросовъ о введеніи у насъ обязательного обученія, я счелъ нужнымъ потребовать отъ директо-ровъ народныхъ училищъ письменныхъ отчетовъ на предложенные имъ вопросы, касательно такихъ предметовъ по народному образованію, выясненіе которыхъ необходимо при обсужденіи вопроса о введеніи у насъ обязательного обученія. Вопросы эти, формулированные въ 34 отдельахъ, съ надлежащими указаніями при каждомъ изъ нихъ, напечатаны отдельною брошюрою и разосланы въ отчетномъ году, въ соотвѣтственномъ числѣ экземпляровъ, по дирекціямъ съ тѣмъ, чтобы

директоры народныхъ училищъ, по соизвѣщаніи съ инспекторами сихъ училищъ и другими лицами, близко знакомыми съ начальными училищами, доставили въ министерство народнаго просвѣщенія свои отчеты не позже 1 сентября сего года. При такихъ условіяхъ, отвѣты директоровъ народныхъ училищъ, какъ должностнуюющіе заключать указанія, взятые изъ области живыхъ фактовъ и опыта, безъ сомнѣнія, послужатъ самыми полезными материаломъ при дальнѣйшей разработкѣ вопроса о введеніи у насъ обязательнаго обученія.

Если такое знаменательное событие въ судьбахъ нашей народной школы, какъ рѣшеніе вопроса объ обязательномъ обученіи, принадлежитъ еще будущему, то въ настоящемъ нельзѧ не отнести къ знаменательному факту въ жизни этой школы того высокаго вниманія, которое съ соизволеніемъ Вашего Императорскаго Величества оказано было присвоеніемъ: училищу въ Александровской волости, Царско-сельскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи, наименованія Владимира-Александровскаго въ честь Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимира Александровича, училищу въ с. Юрьевѣ, Задонскаго уѣзда, Воронежской губерніи и первої русской школѣ на островѣ Сахалинѣ, въ погостѣ Карсакова, наименованія Алексіевскихъ въ честь Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича, удостоившаго, кроме того, принять сказанную школу на островѣ Сахалинѣ подъ Августѣйшес свое покровительство.

Женскія гимназіи и прогимназіи.

Въ истекшемъ году находилось въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія женскіхъ гимназій 68, прогимназій 152 и состоящихъ на одинаковой съ ними степени высшихъ женскіхъ училищъ 3, всего 223 женскіхъ учебныхъ заведеній. Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ означенное число увеличилось на 12, а именно учреждена вновь одна гимназія въ Мариуполѣ, преобразованы въ гимназіи пять прогимназій: въ Череповцѣ (С.-Петербургскаго учебнаго округа), Кременчугѣ (Кievскаго округа), Севастополѣ и Бердянскѣ (Одесскаго округа); новые прогимназіи возникли: по Московскому округу въ Дмитровѣ и Касимовѣ; по Казанскому — въ Казани, Глазовѣ и Вольскѣ; по Киевскому — въ Хоролѣ и по Одесскому — въ Павлоградѣ, Ялтѣ, Бендерахъ и Вознесенскѣ; изъ означеннаго числа

прогимназий Казанская въ четырехклассномъ составѣ, а всѣ остальные трехклассныя.

Число учащихся во всѣхъ сихъ учебныхъ заведеніяхъ простиралось до 34,878; сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ оно увеличилось на 2,732. Окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ было 2,022, а въ трехъ высшихъ женскихъ училищахъ 37, всего 2,059.

Цо Высочайше утвержденному 24-го мая 1870 года Положенію женскія гимназіи должны имѣть дополнительные классы для приготовленія домашнихъ учительницъ и наставницъ изъ числа дѣвицъ, окончившихъ общеобразовательный гимназическій курсъ, по предметамъ, которые онѣ сами избираютъ для специального изученія. Такихъ дополнительныхъ классовъ существовало при гимназіяхъ 34. Въ послѣднее время — особенно же въ истекшемъ году — обнаружилось отрадное явленіе въ томъ смыслѣ, что число поступающихъ въ эти классы начало замѣтно увеличиваться и что обучающіяся въ нихъ избираютъ предметомъ своей специальности почти исключительно математику и русскій языкъ. Въ Костромской гимназіи двѣ воспитанницы дополнительного класса готовятся въ учительницы латинскаго языка. Вообще дополнительный классъ приноситъ значительную пользу и, быть можетъ, осуществится надежда: изъ числа ученицъ, оканчивающихъ полный гимназическій курсъ, образовать мало по малу контингентъ преподавательницъ для женскихъ учебныхъ заведеній и тѣмъ поставить ихъ въ болѣе независимое положеніе отъ учительскаго персонала мужскихъ училищъ. Впрочемъ, уже и теперь, въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ, женскія гимназіи и прогимназіи приобрѣли вполнѣ достойныхъ надзирательницъ и преподавательницъ изъ числа дѣвицъ, прошедшихъ чрезъ дополнительный классъ.

Кромѣ дополнительныхъ классовъ при нѣкоторыхъ женскихъ гимназіяхъ состояли еще и педагогическіе курсы для приготовленія учительницъ сельскихъ школъ. Курсы эти учреждаются большою частью по желанію земствъ, которымъ ассигнуютъ средства на ихъ содержаніе. Очевидно, что учрежденіе подобнаго рода вполнѣ достигаетъ цѣли, ибо кандидатки, въ теченіе всего времени своего пребыванія на упомянутыхъ курсахъ, занимаются подъ руководствомъ лучшихъ учителей и директоровъ гимназій педагогической дидактикой, методикой, на глядишь обученіемъ и гигиеной.

Что касается собственно учебной части въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, то въ этомъ отношеніи истекшій годъ имѣлъ для нихъ

важное значение. Учебные планы, утвержденные и вою 31 августа 1874 года для женскихъ гимназій и прогимназій, были всюду и почти вполи приоровлены къ преподавательскимъ занятіямъ и требующему распределенію уроковъ, а если и встрѣчались кое-какія уклоненія, то они чиколько не измѣнили предписанного строя и были самаго незначительного свойства. Всѣдѣствие указанной мѣры, занятія ученицъ сдѣлались гораздо серьезнѣе. Педагогическіе совѣты употребляли съ своей стороны всѣ старанія, чтобы поддержать ихъ на надлежащей высотѣ: съ этой цѣлью усилены были требования на экзаменахъ, а также относительно годовыхъ отмѣтокъ; въ прогимназіяхъ, гдѣ по недостатку средствъ, предметы необязательные не преподаются, значительно было увеличено число уроковъ по предметамъ обязательнымъ; наконецъ, изъкоторыхъ заведенія стали давать ученицамъ работы на лѣтнее вакаціонное время. Всѣ подобныя мѣры оказались на столько плодотворными, что въ истекшемъ году уже обнаружилось замѣтное улучшеніе въ занятіяхъ по математикѣ и русскому языку, то-есть, именно по тѣмъ предметамъ, которые до сего времени представляли для ученицъ наибольшія трудности. Вирочемъ, учебные планы для женскихъ гимназій и прогимназій утверждены и вою лишь временно и опытъ не замедлитъ обнаружить, какія слѣдуетъ произвести въ нихъ перемѣны.

Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ женскія гимназіи и прогимназіи, существующія въ губерніяхъ Черниговской и Цолтавской на основаніи Высочайшаго положенія 24 мая 1870 года, поставлены относительно учебной своей части удовлетворительно, но, къ сожалѣнію, мѣстныя общества мало заботятся объ увеличеніи материальныхъ ихъ средствъ. Вирочемъ, въ истекшемъ году городское общество въ Черниговѣ приступило къ постройкѣ нового зданія для женской гимназіи въ этомъ городѣ, вынѣшнее помѣщеніе коей отнюдь нельзя счи-тать удобнымъ. Въ юго-западныхъ губерніяхъ того же округа, наравнѣ съ гимназіею Кіевскою и прогимназіями Немировскою, Златопольскою и Бѣлоцерковскою, высшее женское училище графа Блудова — хотя оно имѣть иное устройство — приносить несомнѣнную пользу краю, распространяя образованіе среди мѣстныхъ уроженокъ православнаго исповѣданія. Въ истекшемъ году учебная его организація была окон-чательно упрочена утвержденными и вою программами предметовъ, которые преподаются въ различныхъ его классахъ.

Біленское Маріинское высшее женское училище, состоящее подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, руковод-

ствовалось досель инструкцію, изданную для него въ 1870 году, равно какъ нѣкоторыми другими временными постановлѣніями по учебной и воспитательной части. Нынѣ это училище вполнѣ преобразовано на основаніи Положенія, Высочайше утвержденного Вашимъ Величествомъ, 24 мая истекшаго года, въ дополненіе къ коему изданы были, 25 июня того же года, учебные планы и программы для упомянутаго училища. Новое положеніе подвергло существенной перемѣнѣ весь строй этого учебнаго заведенія, обезпечивъ его будущность какъ со стороны материальной, такъ и въ особенности со стороны учебной и воспитательной. Между прочимъ, съ тою цѣлью, чтобы должностія преподавателей возможно было замѣщать вполнѣ достойными лицами, должностія эти сравнены по окладу жалованья и по служебныхъ правамъ съ подобными же должностями въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго округа. Означенная мѣра не замедлитъ принести благотворные результаты, ибо училище пріобрѣтеть отныне свой собственный штатъ наставниковъ, которые, имѣя достаточное число уроковъ въ этомъ учебномъ заведеніи, не будутъ нуждаться въ постороннихъ занятіяхъ. Въ настоящее время состоить оно изъ семи классовъ нормальныхъ, восьмого специальнаго педагогическаго и приготовительного для малолѣтнихъ дѣвицъ. Занятія во всѣхъ этихъ классахъ происходили въ истекшемъ году какъ нельзя болѣе удовлетворительно, о чёмъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что число удостоенныхъ перевода въ высшіе классы составляло 81,8%, число оставленныхъ въ тѣхъ же классахъ на другой годъ 17%, а число уволенныхъ за неупрѣшность лишь 11%. Вообще Маріинское высшее женское училище находится нынѣ въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, что имѣть возможность развивать вполнѣ успѣшно свою дѣятельность.

Въ отчетномъ году израсходовано было на женскія гимназіи и прогимназіи 1.612,659 руб. 41 коп., а на высшія женскія училища 128,211 р. 9 к., всего же 1.740,870 р. 50 к. Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ эта сумма увеличилась на 148,210 руб. Что касается источниковъ, изъ которыхъ образовалась она, то главнѣйшіе изъ нихъ были слѣдующіе: изъ государственного казначейства 445,282 р. 38 к., отъ городскихъ обществъ 326,030 р. 81 к., отъ земства 212,005 р. и сбора за ученье 516,261 р. 25 к. Вообще, какъ и въ прежніе годы, государственное казначейство и сборъ за ученье доставили наибольшую часть (961,543 р. 63 к.) тѣхъ средствъ, на которыхъ содержались женскія учебныя заведенія.

Частные училища.

Всѣхъ частныхъ учебныхъ заведеній состояло въ истекшемъ году 1,738, изъ коихъ содержимыхъ различными лицами и обществами 1,200 и находящихся на иждивеніи церковныхъ приходовъ иностраннѣхъ исповѣданій 538; въ этомъ послѣднемъ числѣ огромное большинство, а именно 465, приходится на долю евангелическихъ канторатовъ въ предѣлахъ Варшавскаго учебнаго округа. Въ минувшемъ году повторилось то же явленіе, что и въ прежнее время, а именно: частныхъ учебныхъ заведеній, предназначенныхъ исключительно для дѣтей женскаго пола, было болѣе чѣмъ мужскихъ: число первыхъ изъ нихъ простиралось до 404, а вторыхъ до 270. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что въ послѣдніе годы какъ ни значительно было подвинуто у насъ впередъ женское образованіе, все-таки наличное число женскихъ гимназій и прогимназій не удовлетворяетъ существующимъ потребностямъ и многіе родители вынуждены отдавать своихъ дочерей въ частныя учебныя заведенія.

По разрядамъ означенные училища распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: названіемъ частныхъ классическихъ гимназій пользовалось 8 мужскихъ и женская гимназія г-жи Фишеръ (въ Москвѣ), которой въ истекшемъ году Высочайшимъ повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества предоставлены были тѣ же права и преимущества, какія принадлежать ученицамъ, окончившимъ полный курсъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія. Затѣмъ, училищъ 1-го разряда находилось 65 (18 мужскихъ и 47 женскихъ), 2-го—207 (92 мужскихъ и 110 женскихъ) и 3-го—1,458 (152 мужскихъ, 247 женскихъ и 1,059 обоего пола).

Наибольшее число частныхъ училищъ приходилось на губерніи округовъ С.-Петербургскаго, Московскаго и Дерптскаго. Въ первомъ изъ этихъ округовъ частныхъ учебныхъ заведеній состояло 472, изъ изъ коихъ 362 или 77% были сосредоточены въ С.-Петербургѣ и только 23% находились въ столицѣ; въ С.-Петербургѣ же, за исключеніемъ только одного учебнаго заведенія въ Псковѣ, сосредоточивались и всѣ училища 1-го разряда означенаго округа, въ томъ числѣ три мужскія гимназіи и одно реальное училище. Въ Московскому округу частныхъ учебныхъ заведеній было 195 и въ Дерптскомъ 163. Слѣдовало бы присоединить сюда и округъ Варшавскій, но—какъ замѣчено выше—большинство его частныхъ училищъ со-

ставляютъ простыя школы грамотности въ родѣ канторатовъ при евангелическихъ приходахъ.

Число учащихся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ простиралось до 64,739, между коими дѣтей мужскаго пола было 31,404 и женскаго 33,335. Замѣчено, что по иѣкоторымъ округамъ число это въ послѣдніе годы постепенно уменьшается, такъ, напримѣръ: въ С.-Петербургскомъ округѣ достигало оно въ 1874 году — 20,348, въ 1875 г. — 18,797 и въ 1876 г. — 16,721; въ Московскомъ округѣ состояло учащихся въ 1875 году — 6,516, а въ отчетномъ — 6,310. Подобное уменьшеніе условливаются различными причинами: увеличеніемъ числа правительственныхъ училищъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, изъ коихъ воспитанникамъ мужскихъ предоставлены права на льготу по воинской повинности, строгими мѣрами со стороны учебнаго вѣдомства противъ злоупотреблений, обнаруживающихся со стороны содергателей иѣкоторыхъ учебныхъ заведеній и, наконецъ, тѣмъ, что образованіе дѣтей въ училищахъ правительственныхъ обходится гораздо дешевле чѣмъ въ частныхъ. Вообще же требования отъ этихъ послѣднихъ заведеній значительно возросли въ настоящее время и многія изъ лицъ, которыхъ принимаются за воспитаніе и образованіе дѣтей, не имѣя достаточно средствъ и не обладая надлежащимъ умѣньемъ, чтобы упрочить благоустройство учреждаемыхъ ими школъ, неизбѣжно осуждены на то, что число учащихся въ этихъ школахъ постепенно уменьшается.

Академія наукъ.

Въ отчетномъ году минуло полтораста лѣтъ со времени учрежденія Академіи наукъ. Это знаменательное событие въ жизни нашего стариннаго и славнаго ученаго учрежденія отпраздновано было въ день 29 декабря торжественнымъ собраніемъ, которое соблаговолили удостоить своимъ присутствиемъ Ваше Императорское Величество, Ея Величество Государыня Императрица и другіе члены Августѣйшаго дома. Предварительно того Академія исходатайствовала Высочайшее сановоленіе на поднесеніе званія ея почетныхъ членовъ Ихъ Императорскіи Высочествамъ Государамъ Великимъ Князьямъ Николаю Александровичу и Сергию Александровичу, а равно и на внесеніе въ списокъ такихъ членовъ имени его величества императора германскаго и короля прусскаго Вильгельма I, подобно тому какъ

3*

званіе почетныхъ членовъ было поднесено Фридриху II въ 1776 году и Фридриху-Вильгельму III въ 1826 году.

Въ торжественномъ собраніи 29 декабря президентъ академіи и непремѣнныи секретарь ея представили очеркъ многосторонней ученой дѣятельности этого учрежденія за послѣднее пятидесятилѣтіе, а также тѣхъ мѣръ, въ которыхъ выражались относительно его заботливость и щедроты правительства. Къ самому исходу полутораѣроваго своего существованія Академія удостоилась новыхъ знаковъ Монаршаго къ ней благоволенія: Высочайше утвержденіемъ, 26 мая 1876 года, мнѣніемъ государственного совѣта положено учредить при главной физической обсерваторіи отдѣление морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщеній о погодѣ и штормовыхъ предостереженій, а соотвѣтственно сему увеличить и штаты обсерваторіи, такъ что отнынѣ получила она средства, соразмѣрныя съ объемомъ предлежащей ей задачи—слѣдить за атмосферными явленіями и перемѣнами земного магнетизма на всемъ пространствѣ Россіи. Въ истекшемъ же году уже возведена была вчера въ г. Павловскѣ магнитная обсерваторія, долженствующая удовлетворить самимъ изыскательнымъ требованіямъ новѣйшей метеорологіи. Затѣмъ не за долго до юбилея Академіи обогатились и ея музеи новыми и драгоценными предметами естественной исторіи: по Высочайшему повелѣнію доставлены были Академіи бивни мамонта весьма необыкновенной величины и сохранности и очень полная коллекція птицъ изъ Канады, собранная почти въ тѣхъ же широтахъ, подъ которыми лежать и многія части Россіи и потому важная для сравненія съ русскою орнитологическою фаunoю и для решенія многихъ интересныхъ вопросовъ о географическомъ распределеніи животныхъ.

Академія наукъ не представила отчета о своей ученой дѣятельности собственно за истекшій годъ, такъ какъ свѣдѣнія о ней содержатся въ рѣчахъ, которыя были произнесены въ торжественномъ собраніи 29 декабря. Въ дополненіе къ нимъ слѣдуетъ упомянуть, что замѣчательнѣйшими изъ произведеній, изданныхъ членами ея въ отчетномъ году—кромѣ Записокъ, Мемуаровъ и Бюллетеиней Академіи—были слѣдующія: Броссе—*Collection d'historiens arméniens*, Видемана—*Aus dem inneren und ausseren Leben der Ehsten*, Грота—Сочиненія Державина, томы V и VI, Филологическая разысканія, Материалы для словаря, грамматики и истории русскаго языка, Дорна—*Collection de monnaies sassanides du général Bartholomei*, Шренка—*Reisen und Forschungen im Amurlande*, т. IV, Шифнера—*Johannis*

Frederici Brandti index gerum omnium. Число академиковъ, командированныхъ за границу съ ученою цѣлью, простиралось до 10: между ними директоръ главной физической обсерваторіи Вильдъ для участія въ засѣданіяхъ комитета международного метеорологического конгресса въ Лондонѣ и международного комитета мѣръ и вѣсовъ въ Парижѣ, генералъ Годолинъ въ Америку для изученія на Филадельфійской выставкѣ образцовъ усовершенствованій по металлургии, литеиному дѣлу и металлической обработкѣ металловъ, генераль-лейтенантъ Гельмерсентъ въ Прибалтійскій край для геологическихъ изслѣдований.

Въ истекшемъ году Академія присудила почетную медаль Бера—высшую награду за рядъ многолѣтнихъ трудовъ, обогатившихъ какую-либо изъ биологическихъ наукъ—почетному члену своему Бунге за его труды по систематикѣ растеній; денежная премія Бера была присуждена профессору Гетте за сочиненіе его подъ заглавиемъ „Die Entwicklungsgeschichte der Unke (*Bombinator igneus*), als Grundlage einer vergleichenden Morphologie der Wirbelthiere”; Ломоносовскую премію получилъ профессоръ Технологического института Бейльштейнъ за его работы въ различныхъ областяхъ химіи; кроме того, авторамъ шести историческихъ изслѣдований присуждены были преміи графа Уварова по 500 руб. каждая.

Николаевская главная астрономическая обсерваторія въ Шулковѣ:

Заботы правительства о расширениіи дѣятельности Николаевской главной астрономической обсерваторіи ознаменовались, между прочимъ, въ истекшемъ году слѣдующими мѣрами: на основаніи Высочайше утвержденнаго 9-го мая означенного года мнѣнія государственного совѣта учреждено при обсерваторіи отдѣленіе морской метеорологии, телеграфныхъ сообщеній о погодѣ и штормовыхъ предостереженій, съ отпускомъ на сей предметъ изъ государственного казначейства ежегодно по 8,727 руб. Кроме того, одна изъ статей устава обсерваторіи измѣнена въ томъ смыслѣ, что директору ея предоставлено право назначать содержаніе сверхштатнымъ астрономамъ изъ суммы, назначенной по штату на эти учрежденія, съ тѣмъ, однако, чтобы число сверхштатныхъ астрономовъ не было болѣе четырехъ и чтобы упомянутый расходъ не превышалъ ста рублей въ мѣсяцъ. Не-

зависимо отъ сего, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было соизволить на выдачу адъюнкту-астроному Астену въ теченіе четырехъ лѣтъ добавочнаго жалованья по 1,200 руб. для обеспеченія безпрепятственнаго хода замѣчательныхъ трудовъ его о кометѣ Энке. Главная астрономическая обсерваторія продолжала въ истекшемъ году съ неослабнымъ успѣхомъ трудиться по всѣмъ отраслямъ своей дѣятельности и состояніе ея во всѣхъ отношеніяхъ было удовлетворительно. Астрономическія наблюденія производились одновременно пѣ- сколькими академиками, а обработка наблюденій надъ прохожденіемъ Венеры значительно подвинулась впередъ. Что касается до двухъ относящихъ сюда вопросовъ, а именно: 1) географического опредѣленія мѣста всѣхъ русскихъ станцій и 2) наблюденія однихъ только прикосновеній съ подробнымъ описаніемъ сопровождающихъ ихъ явленій, строжайшаго сравненія моментовъ съ таблицами Эри и выведенныхъ по этимъ даннымъ коэфіциентовъ параллакса,— то всѣ относящіяся сюда вычисленія можно уже считать оконченными. Долготы всѣхъ сибирскихъ станцій, благодаря большому ряду опредѣленій гг. Шарнгорста и Каульбарса, отъ Москвы до Тихаго океана получили, по отзыву обсерваторіи, такую степень точности, которая далеко превосходитъ то, что требуется для предстоящаго примѣненія ихъ къ выводу параллакса солнца.

Въ истекшемъ году обсерваторія изготавила къ печати вторую часть систематического каталога своей библиотеки, которая будетъ заключать въ себѣ свыше 10,000⁰ заглавій. Успѣхъ каталога обсерваторіи, изданнаго академіею Наукъ въ 1860 году, былъ такъ великъ, что каталогъ этотъ служить—также какъ пѣкогда Бібліографія Ландса — главнѣйшимъ бібліографическимъ руководствомъ для ознакомленія съ астрономическою литературою. Вследствіе сего известные европейскіе учёные неоднократно выражали желаніе, чтобы скопіе понилось продолженіе его, о чёмъ и озабочилась обсерваторія въ настоящее время.

Однимъ изъ драгоцѣнѣйшихъ достояній библиотеки главной Астрономической обсерваторіи служило доселъ почти полное собраніе рукописей Кеплера. Въ дополненіе къ пимъ приобрѣтены были въ истекшемъ году отъ потомковъ славнаго астронома, проживающихъ въ Силезіи, вѣкоторыя принадлежавши ему вещи. Между ними особен-наго вниманія заслуживаютъ оригинальные миниатюрные портреты самого Кеплера и его жены.

Императорская Публичная библиотека.

Въ теченіе 1876 года дѣятельность Императорской Публичной библиотеки, какъ и въ предшествовавшіе годы, главнымъ образомъ была направлена, съ одной стороны, на приобрѣтеніе всѣхъ замѣчательныхъ произведеній, вновь явившихся въ области наукъ и художествъ; и на пополненіе своихъ коллекцій сочиненіями, печатанными въ прежнее время, а также, по мѣрѣ возможности, и рукописями, съ другой—къ удовлетворенію требованій многочисленныхъ посѣтителей, ищущихъ въ ней средствъ или къ совершенію своихъ ученыхъ трудовъ или къ обогащенію себя знаніями.

Въ 1876 году было выдано для занятій 11,499 билетовъ; всѣхъ читателей было 114,494, которымъ вы требовано въ чтеніе; 126,140 сочиненій въ 205,020 томахъ, 109,420 номеровъ журналовъ и газетъ и 873 рукописи. Посѣтителей, обозрѣвавшихъ библиотеку и устроенные въ ней выставки ея драгоцѣнностей и рѣдкостей, было 4362 человѣка.

Въ продолженіе 1876 года въ библиотеку вновь поступило 15,780 печатныхъ сочиненій въ 19,857 томахъ (въ томъ числѣ принесено въ даръ разными мѣстами и лицами 3,583 сочиненія въ 4,322 томахъ, и куплено ю на свои средства 4116 сочиненій въ 6760 томахъ), 6,327 рукописей и автографовъ, 1,658 эстамповъ и фотографій, 159 географическихъ картъ и плановъ и 740 музыкальныхъ пьесъ.

Самымъ замѣчательнымъ приобрѣтеніемъ Библиотеки въ 1876 году была купленная на счетъ государственного казначейства вторая коллекція восточныхъ рукописей Фирковича, собранная имъ въ Палестинѣ, Египтѣ, Сиріи и Месопотаміи, откуда библейскія и средневѣковыя караимскія и еврейскія рукописи почти не проникали въ Европу. По некоторымъ отдѣламъ, какъ, напримѣръ, библейскому, масоретскому (то-есть, по критикѣ текста священнаго писанія), грамматическому и экзегетическому, эта коллекція является единственной, а по другимъ отдѣламъ, какъ-то: по исторіи, философіи, поэзіи и законовѣдѣнію, она представляетъ не мало сочиненій, весьма важныхъ или остававшихся до сихъ поръ совсѣмъ неизвѣстными. Для изученія вавилонской редакціи библейскаго текста эта коллекція содержитъ драгоценные материалы, точно также какъ и для исторіи текста ветхаго завѣта; для отечественной исторіи и географіи въ ней въ высшей степени важны: древняя рукопись, содержащая письмо хазарского

царя Иосифа къ испанскому министру Хасдану Ибнъ-Шафруту, напечатанное около 960 года, за нѣсколько лѣтъ передъ рѣшительною побѣдою великаго князя Святослава надъ Хазарами, во время господства ихъ надъ южно-русскими племенами; древняя рукопись, содержащая отрывокъ изъ сочиненія Иосипина, писателя IX—X вѣка, который приводить правильныя познанія славянскихъ племенъ; нѣсколько записокъ Караимовъ, жившихъ въ XVIII столѣтіи, о современныхъ имъ событияхъ, происходившихъ на Таврическомъ полуостровѣ, и преимущественно о времени правленія Шайнъ-Гирея, послѣдняго крымскаго хана. Для еврейской палеографіи коллекція Фирковича содержитъ цѣлый рядъ положительныхъ данныхъ, особенно важный по отношенію къ различнымъ мѣстностямъ, где были написаны рукописи. Всѣхъ номеровъ въ коллекціи Фирковича, считая документы и небольшие отрывки рукописей, до 5,000. Выѣстъ съ рукописною коллекціею, поступило собраніе весьма рѣдкихъ еврейскихъ старопечатныхъ книгъ, числомъ болѣе 80, вышедшихъ въ Венеции, Константинопольѣ и Салоникахъ.

Изъ другихъ приобрѣтений Библіотеки слѣдующія заслуживаютъ особенного вниманія:

- 1) Принесенная въ даръ почетнымъ членомъ Библіотеки, генераль-адъютантомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ коллекція восточныхъ рукописей, собранная во время Коканскаго похода 1875 года.
- 2) Пожертвованные имъ же документы и переписка владѣтелей средне-азіатскихъ странъ, собранные во время экспедицій Искандеръ-Кульской, Шахрисабжской и Хивинской.
- 3) Купленное Библіотекою послѣ покойнаго почетнаго ея корреспондента, потомственнаго почетнаго гражданина Ф. Е. Сокурова, собраніе церковно-славянскихъ рукописей, въ числѣ которыхъ находится: хорошиѣ списки житій русскихъ святыхъ, дѣянія и посланія апостольскія 1558 года, списанныя съ двухъ рукописей; Сборникъ отъ Божественныхъ писаній, составленный митрополитомъ Данииломъ, рукопись XVI вѣка, и нѣсколько раскольническихъ сочиненій, въ томъ числѣ чрезвычайно рѣдкая рукопись „Драгоценный бисеръ“, собранная въ 1729 году изъ Святаго Писанія Вышатинскимъ, современникомъ и собесѣдникомъ Андрея Денисова, посланнымъ въ Грецию „для изысканія состоящей тамъ въ неповрежденномъ благочестіи церковной іерархіи“ и проживавшемъ потомъ въ Нерезовской пустынѣ, недалеко отъ Выгорецкой пустыни.
- 4) Переданная по Высочайшему повелѣнію пергаментная Тріодь

постная, писанная, судя по почерку, въ XII-мѣ вѣкѣ; въ ней находится нѣсколько вставныхъ строкъ глаголического письма среди Кирилловскаго. Рукопись представляетъ много любопытныхъ данныхъ для славянской филологии.

5) Купленное Библіотекою Собрание подлинныхъ живописанныхъ граматъ XVI и XVII вѣка разными великороссійскими монастырями. Этими граматами дополняется многогодѣтній трудъ нашего извѣстнаго археографа Строева: „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви“.

6) Принесенная въ даръ дѣйствительнымъ статскимъ советникомъ княземъ С. В. Кочубеемъ библіотека печатныхъ книгъ покойного его отца, государственного канцлера князя В. П. Кочубея, дополнившая Императорскую публичную библіотеку изданиеми тридцатыхъ годовъ.

7) Купленный Библіотекою превосходный списокъ Домостроя XVI вѣка, служившій основнымъ текстомъ для печатнаго изданія этого произведения.

8) Купленное собрание автографовъ, составлявшее часть переписки канцлера графа Н. П. Румянцева и его брата, графа С. П. Румянцева, съ разными лицами. Въ этомъ собраніи находятся, между прочими, письма: императрицы Екатерины II къ Алиѣ Никитичнѣ Нарышкиной; къ графу Н. П. Румянцеву; Императора Павла I, Императрицы Маріи Феодоровны; императора Александра Павловича, императрицы Елизаветы Алексѣевны, князя А. Б. Куракина, графа К. В. Несслерода, князя Х. А. Ливена, послы въ Лондонѣ; князя В. П. Кочубея, Коцебу изъ Кенигсберга (21 письмо), Дюка Ришелье, (17 писемъ), Талейрана; къ графу С. П. Румянцеву: Н. М. Карамзина, Н. Н. Новосильцова, графа Н. П. Румянцева, графа Ф. В. Ростопчина, графа А. И. Моркова и многихъ другихъ.

9) Купленное чрезъ книгопродавцевъ: а) Іоловича, въ Познани, значительное число книгъ и брошюръ на польскомъ языкахъ, преимущественно изданныхъ эмиграцію, для пополненія отдѣлкіи иноязычныхъ сочиненій о Россіи, и б) Должикова, въ Киевѣ, нѣсколько сотъ книгъ и брошюръ на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ, послѣднія, начиная съ 1850 годовъ, когда Библіотека почти перестала получать изданія, выходящія изъ типографій: синодальныхъ, Киевской, Почаевской и Единовѣрческой.

10) Значительное собрание ежедневныхъ газетъ на разныхъ иностранныхъ языкахъ, переданное изъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

11) Довольно богатая коллекция книгъ на языкахъ испанскомъ и португальскомъ, относящаяся къ исторіи Испаніи, Португаліи и ихъ колоній, приобрѣтенная въ Лиссабонѣ при посредствѣ маркиза Фиганьера, бывшаго португальскаго посломъ при нашемъ дворѣ.

Въ 1876 году Библіотека издала подъ редакціею прусскаго ученаго Страка, фототишию, еврейскій кодексъ пророковъ, написанный въ 916 — 917 гг. съ вавилонскою системою пунктуациі, употреблявшуюся у восточныхъ евреевъ и представляющую не только другое произношение еврейскихъ словъ, но и различие въ смыслѣ. Изданіе этой важной рукописи, выполненное съ добросовѣстною тщательностью и назнаніемъ удостоено посвященіемъ Августѣйшему Имені Вашего Императорскаго Величества.

Библіотеку, какъ и многія другія ученыя учреждевія, двукратно посѣтилъ Бразильскій императоръ Донъ-Педро II, который, каждый разъ по нѣсколько часовъ посвящалъ на обзорѣніе ея сокровищъ и на ученую бесѣду съ служащими въ ней лицами.

Въ концѣ 1876 года назначено 15,000 рублей на исправленіе и капитальную ремонтіровку зданія Библіотеки, о неотложной необходимости которой было заявлено въ предшествовавшемъ моею отчетѣ.

Московскій публичный и Румянцевскій музеи.

Число посѣтителей, обозрѣвавшихъ музеи, простиралось въ истекшемъ году до 36,972, изъ коихъ 1,366 внесли установленную плату.

Пріобрѣтенія музея въ 1876 г. были слѣдующія:

1) По отдѣленію рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ опи ограничивались приношеніями разныхъ лицъ, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ коллекція рукописей, актовъ и знаковъ масонской ложи Александра къ тройственному спасенію, существовавшей въ Москвѣ съ 30-го июня 1817 г. Общий итогъ приращеній по означенному отдѣленію выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: славяно-русскихъ рукописей—15, рукописей на иностраннѣхъ языкахъ—12, актовъ и автографовъ—79, масонскихъ знаковъ—21.

2) По отдѣленію изящныхъ искусствъ пріобрѣтено нѣсколько фотографій, литографій и гравюръ. Картина галлерея этого отдѣленія обращаетъ на себя особенное вниманіе публики и постоянно привлекаетъ любителей и художниковъ, занимающихся копированіемъ съ оригиналовъ.

3) По отдѣленію до-историческихъ древностей куплены 15 парѳенскіхъ монетъ первыхъ вѣковъ христіанства, найденныхъ при пропедезіи Николаевской желѣзной дороги. По Высочайшему повелѣнію поступили въ отдѣленіе различные предметы, вырытые изъ могилы бронзоваго вѣка въ Александрополѣ, Эриванской губерніи; г. Ерицовъ пожертвовало собраніе орудій, найденныхъ имъ въ Лорейскомъ приставствѣ Тифлісской губерніи.

4) По отдѣленію русскихъ древностей приращенія состояли изъ различныхъ предметовъ, между коими слѣдуетъ упомянуть о мѣдныхъ крестахъ и образкахъ русской работы XVII и XVIII вѣковъ, принесенныхъ въ даръ флигель-адъютантамъ, г. Милорадовичемъ.

5) Дашковскій этнографический отдѣль, особенно привлекающей посѣтителей, наполнялся почти исключительно частными приношеніями: Зарайскій кутиецъ Бахрутинъ пополнилъ коллекціи этого отдѣла принадлежностями народного костюма, употреблявшагося женскимъ населеніемъ Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи; архитекторъ Даль подарилъ раскрашенныя фотографіи, изображающія типы кавказскихъ племенъ.

Библіотека музея увеличилась въ отчетномъ году на 5,437 томовъ и брошюръ и на 425 альбомовъ, портретовъ и рисунковъ въ листахъ; въ этой общей цифре частные пожертвованія составляютъ 617 томовъ и 26 плановъ и картинъ; особенно важное значеніе имѣть принесенное въ даръ дѣйствительнымъ статскимъ советникомъ Уманцемъ собраніе книгъ и картъ, касающихся святыхъ мѣсть, мусульманского Востока и Россіи, а также монографій относительно чумы и устройства карантиновъ. Изъ вновь поступившихъ книгъ каталогизировано до 3,550 томовъ. Число требованій въ читальной залѣ продолжаетъ возрастать и въ истекшемъ году простиралось до 38,560.

Виленская публичная библіотека и музей.

Комиссія, подъ управлениемъ коей состояла Виленская публичная библіотека и музей, продолжала въ 1876 г. выполненіе возложеній на нее обязанности — дать правильную организацію Виленскому книгохранилищу, съ примѣненіемъ къ нему порядка устройства и правилъ, принятыхъ въ Императорской публичной библіотекѣ; между прочимъ дѣятельность ея ознаменовалась слѣдующими результатами:

- 1) по русскому отдѣленію продолжалось изданіе каталога этого

отдѣленія, а именно: сличено, исправлено и редактировано 873 названія, сдано въ печать 1,101 названій изъ числа 2,066; изготовленныхъ еще въ 1875 г., и печатался четвертый отдѣлъ каталога; кромѣ того, внесено въ каталоги 963 различныхъ сочиненія и болѣе 60 periodическихъ изданій; 2) по общему отдѣленію описано на алфавитныхъ и систематическихъ карточкахъ 19,033 сочиненія, а 16,393 каталогизованы; 3) по восточному отдѣленію описано и внесено во все три каталога 1,738 сочиненій на еврейскомъ языке; 4) по археологическому отдѣленію продолжалось составленіе толковыхъ инвентарей по отдѣламъ арматуры, древностей, нумизматики и ксилографии; 5) по естественному отдѣленію приступлено къ продолженію описательного каталога этого отдѣленія; такимъ образомъ, въ теченіе 1876 г. было каталогизовано 26,716 различныхъ сочиненій, а также предметовъ, относящихся къ археологии и естествовѣдѣнію.

Число посѣтителей библиотеки простиралось въ истекшемъ году до 3,482 и посѣтителей музея до 1,541; требованій на книги было 2,427, въ томъ числѣ 1,813 на русскомъ языке.

Археографическая комиссія министерства народнаго просвѣщенія.

Въ 1876 году археографическая комиссія окончила печатаніемъ третій томъ Русской исторической библиотеки, содержащей въ себѣ: 1) уставъ церковныхъ обрядовъ, совершившихся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (около 1634 года); 2) отрывокъ изъ лѣтописи о временахъ царя Иоанна Васильевича Грознаго 1563—1567 гг.; 3) четыре „Переписные книги Московскаго Успенскаго собора“ начала XVII вѣка, 1627, 1638 и 1701 годовъ и 4) опись келейной казны патріарха Филарета Никитича 1630 г.

Кромѣ того комиссія продолжала печатаніе: 1) новгородской лѣтописи по спискамъ синодальному харатейному и принадлежащему сей комиссіи; 2) новгородской лѣтописи по списку, принадлежащему Московскому главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ и по другимъ спискамъ; 3) четвертаго тома Русской исторической библиотеки, заключающаго въ себѣ наиболѣе важныя полемическія сочиненія западно-русской литературы XVI и XVII вѣковъ, а именно: а) Виленскій соборъ 1509 года; б) Кіевскій соборъ 1640 г. по разказу Соковича; с) Діаріушъ Аѳанасія Филипповича; д) сочиненіе Льва

Кревзы „Оборона унії“; е) Цалинодію Захарія Копытенского и f) по-
славіе старца Артемія противъ Будного и другихъ еретиковъ; 4)
шестаго выпуска лѣтописи занятій археографической комиссіи; 5)
сравнительныхъ хронологическихъ таблицъ, служащихъ пособіемъ при
критическомъ разборѣ русской и византійской исторіи; 6) четвертаго
выпуска указателя личныхъ имень къ восьми томамъ „Полного со-
бранія русскихъ лѣтописей“; 7) девятаго тома „Актовъ для исторіи
южной и западной Россіи“, въ который войдутъ документы для исто-
рии Малороссійскаго края во время гетманства Дем'яна Многогрѣш-
наго до іюня 1672 г., когда былъ избранъ новый гетманъ Иванъ
Самойловичъ.

Комиссія продолжала также приготовленіе матеріаловъ для изда-
нія дѣла о патріархѣ Никонѣ по документамъ, хранящимся въ го-
сударственномъ архивѣ министерства иностранніхъ дѣлъ и въ москов-
ской синодальной бібліотекѣ.

Сверхъ сего предположено археографическою комиссіей предпrij-
тиять слѣдующія изданія: 1) Сборникъ памятниковъ русскаго канони-
ческаго права; 2) Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россій-
ской церкви, составленные покойнымъ академикомъ Строевымъ, и
3) Акты, относящіеся къ исторіи Валдайскаго Иверскаго монастыря
при патріархѣ Никонѣ.

Віленская комиссія для разбора и изданія древнихъ актовъ.

Въ истекшемъ году были утверждены мною правила, которыми
Віленская комиссія для разбора и изданія древнихъ актовъ должна
руководствоваться въ своей дѣятельности, причемъ обозначено и рас-
пределеніе суммы, отпускаемой на ея содержаніе.

Ученые работы комиссіи въ 1876 году были двоякаго рода:
по изданію актовъ и по заготовленію матеріаловъ для будущихъ из-
даній.

1) По изданію актовъ: напечатана была актова книга быв-
шей скарбовой (казенної) комиссіи великаго княжества Литовскаго
подъ заглавиемъ „Ревизія Кобринской экономіи, составленная въ 1563
году королевскимъ ревизоромъ Дмитріемъ Сап'го съ присовокупле-
ніемъ актовъ Браславскаго земскаго суда, относящихся къ Кобрин-
ской архимандрії. Кромъ того комиссія напечатала предисловіе къ

VIII тому актовъ. Всего же въ теченіе года было напечатано 59 листовъ.

2) По заготовленію матеріаловъ для будущихъ изданій. Рассмотрѣно 120 актовыхъ книгъ, а именно: Виленского городового магистрата 18, Виленской Магдебургіи 22, Виленского подкоморного суда 11, Виленского городничества 6 и главнаго Литовскаго трибунала 68. Изъ нихъ отобрано около 300 актовъ, признанныхъ годными къ изданію. Списанные акты повѣляемы были съ подлинниками и излагаемо было содержаніе тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ языке.

Центральные архивы древнихъ актовъ: Виленскій и Кіевскій.

Въ отчетномъ году, ни въ Виленскій, ни въ Кіевскій центральны архивы никакихъ новыхъ документовъ не поступало; къ концу года въ Виленскомъ архивѣ находилось 18,243 актовыхъ книги съ актами разныхъ правительственныхъ мѣстъ и 91 древнихъ картъ и плановъ имѣній; въ Кіевскомъ архивѣ—5882 актовыхъ книги и 454979 документовъ.

Что касается до занятій центральныхъ архивовъ, то они состояли въ слѣдующемъ:

Въ Виленскомъ архивѣ были продолжаемы описи актамъ Россіенскаго земскаго суда, а именно описано 1,399 актовъ на 2,728 листахъ, а также 797 актовъ Виленского городскаго суда на 1,594 листахъ,—всего описано было 2,196 актовъ на 4,322 листахъ.

Въ Кіевскомъ архивѣ составлены были описи къ двумъ актовымъ книгамъ, содержащимъ въ себѣ 1,479 документовъ; вообще же въ этомъ архивѣ описано нынѣ 27 актовыхъ книгъ съ 10,487 документами; изъ означенного числа описей 13 отпечатаны, одна печатается, двѣ уже разрѣшены, а остальная приготовляются къ печати.

На обоихъ архивахъ, кроме описи актовъ и печатанія болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ, лежитъ обязанность, по требованіямъ правительственныхъ мѣстъ и просьбамъ частныхъ лицъ, выдавать выписки изъ актовыхъ книгъ и завѣренія представляемыхъ документовъ.

Такихъ выписей и завѣреній выдано было въ отчетномъ году изъ Виленскаго архива 51 и изъ Кіевскаго 15.

III. Ученые общества.

Въ истекшемъ году число существующихъ у насъ ученыхъ обществъ увеличилось слѣдующими: 1) Киевскимъ юридическимъ обществомъ при университѣтѣ св. Владимира, имѣющимъ своею цѣлью разработку отечественного права, установление связи между юристами, какъ теоретиками, такъ и практиками, и доставленіе имъ возможности находить поддержку для своихъ работъ, и 2) Историко-филологическимъ обществомъ при Харьковскомъ университѣтѣ, задача коего состоять въ томъ, чтобы способствовать развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній въ нашемъ отечествѣ. Сверхъ сего дѣятельность Кіевскаго общества естествоиспытателей расширилась тѣмъ, что при немъ возникъ комитетъ пчеловодства, имѣющій цѣлью способствовать развитію рациональнаго пчеловодства въ юго-западномъ краѣ.

Въ Варшавѣ происходилъ въ первой половинѣ сентября мѣсяца истекшаго года V съездъ русскихъ естествоиспытателей, который привлекъ представителей всѣхъ нашихъ ученыхъ обществъ, избравшихъ естествовѣдѣніе своего специальностью. На издергки по означеному съезду ассигновано было изъ государственного казначейства 3,000 руб.

Въ минувшемъ же году Императорское русское историческое общество, имѣющее счастіе состоять подъ высокимъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, вознамѣрилось продолжать изданіе памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностраннными и Вашему Величеству благоугодно было соизволить на передачу въ пособіе на сіе изданіе ежегодно по 2,000 руб., которые въ прежнее время отпускаемы были для той же цѣли второму отдѣленію собственной Вашего Величества канцеляріи. Императорское русское историческое общество неутомимо продолжаетъ свою дѣятельность: въ отчетномъ году издано было имъ три обширныхъ тома документовъ, изъ коихъ въ первомъ помѣщены бумаги, относящіяся до пребыванія знаменитаго художника Фальконета въ Россіи, во второмъ—донесенія графа Мерси-Аржанто, состоявшаго австрійскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ отъ кончины императрицы Елизаветы до возвращенія императрицы Екатерины II, и въ третьемъ—дипломатическая переписка англійскихъ

пословъ и посланниковъ при нашемъ дворѣ за періодъ времени отъ 1770 до 1776 годовъ.

При министерствѣ народнаго просвѣщенія состояли въ отчетномъ году четыре временныхъ комиссіи: одна, подъ предсѣдательствомъ статьи-секретаря Делянова, для пересмотра общаго устава русскихъ университетовъ; другая, подъ моимъ предсѣдательствомъ, для изданія въ свѣтъ писемъ и бумагъ императора Петра Великаго; третья, подъ предсѣдательствомъ статьи-секретаря князя Лобанова-Ростовскаго, для обсужденія мѣръ къ охраненію памятниковъ древности, и четвертая, подъ предсѣдательствомъ сенатора Калачева, для устройства архивовъ разныхъ вѣдомствъ. О дѣятельности первой изъ сихъ комиссій я уже имѣлъ случай говорить выше въ отдѣлѣ о состояніи нашихъ университетовъ въ истекшемъ году. Комміссія для изданія бумагъ Петра Великаго занималась перепискою указовъ и писемъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ, а также въ архивѣ правительствующаго сената; кроме того, были переписаны и проѣрены ею письма императора Петра Великаго къ фельдмаршалу Б. П. Шереметеву съ 1707 по 1713 г. и окончена переписка и повѣрка всѣхъ, находящихся въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства документовъ, а именно, резолюцій Императора по военно-суднымъ дѣламъ, смотрѣніи списковъ съ собственноручными его отмѣтками и нарядами въ караулы по С.-Петербургру съ таковыми же отмѣтками. Комміссія по устройству архивнаго дѣла въ Россіи занималась въ истекшемъ году разсмотрѣніемъ отчетовъ объ архивахъ, доставленныхъ разными вѣдомствами, а также отчетовъ объ архивахъ заграницныхъ; одновременно съ тѣмъ, она рассматривала выработанные министерствомъ путей сообщенія правила о разборѣ, храненіи и уничтоженіи дѣлъ и бумагъ, принадлежащихъ сему министерству и приступила къ составленію отчета объ архивахъ духовнаго вѣдомства; затѣмъ трудилась она надъ окончательною редакціею выработанныхъ ею проектовъ учрежденій и правилъ по устройству архивовъ и составила объяснительную къ нимъ записку. Что касается до комиссіи для обсужденія мѣръ къ охраненію памятниковъ древности, то въ истекшемъ же году она окончила свою задачу, разсмотрѣвъ правила, выработанные вторымъ археологическимъ съездомъ и обсудивъ всѣ относящіеся къ сему предмету вопросы: означенные правила были препровождены ею въ министерство народнаго просвѣщенія съ подробнью объяснительной къ нимъ запиской.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ отчетномъ году основной отдѣлъ ученаго комитета имѣлъ 38 засѣданій, въ которыхъ, по примѣру предшествовавшихъ годовъ: 1) обсуждались разные проекты и правила и рассматривались дѣла какъ по вѣдомству самого министерства народнаго просвѣщенія, такъ и другихъ вѣдомствъ, и 2) рассматривались печатныя книги, рукописи, атласы и карты, которые представляемы были въ ученый комитетъ для одобренія ихъ, или въ качествѣ учебныхъ руководствъ и пособій, или для приобрѣтенія въ основная и ученическія библіотеки учебныхъ заведеній вѣдомства министерства.

Число дѣлъ первого рода, рассмотрѣнныхъ въ основномъ отдѣлѣ ученаго комитета, со включеніемъ вопросовъ, относящихся къ всесословной воинской повинности, простиравлось до 171, почти вдвое болѣе противъ предшествовавшаго года. Въ числѣ этихъ дѣлъ были рассмотрѣны относящіеся къ ученымъ и благотворительнымъ обществамъ проекты уставовъ: состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Московскаго археологическаго, юридическаго въ Кіевѣ, историко-филологическаго при Харьковскомъ и юридическаго при Казанскомъ университетахъ; уставы благотворительныхъ обществъ: пособія молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ города Харькова; Олонецкаго общества пособія бѣднымъ учащимся; Одесского общества вспомоществованія учителямъ и воспитателямъ обоего пола; воспитательно учебная общество въ Саратовѣ въ память покойнаго статск.-секретаря Милютина; пріюта для дѣтей благотворительного общества при Введенской церкви лейбъ-гвардіи семеновскаго полка въ С.-Петербургѣ и дома прізвѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ и малолѣтныхъ бѣдныхъ мѣщанскаго общества въ С.-Петербургѣ же. Изъ дѣлъ, относящихся къ учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ, были разсмотрѣны: по высшимъ учебнымъ заведеніямъ: проекты о включеніи политической экономіи въ число обязательныхъ предметовъ историко-филологическаго факультета по историческому отдѣленію, обѣ устройствъ преподаванія естественныхъ наукъ студентамъ медицинскаго факультета въ Казанскомъ университѣтѣ; о признаніи агрономической химіи предметомъ обязательнымъ для всѣхъ студентовъ IV курса отдѣленія естественныхъ наукъ физико-математиче-

скаго факультета въ Новороссійскомъ университѣтѣ; о распределеніи запятій по каѳедрѣ государственного врачебновѣдѣнія и госпитальной клиники въ Дерптскомъ университѣтѣ; о преподаваніи студентамъ ветеринарнаго института естественно-историческихъ предметовъ совмѣстно съ медицинскими студентами; объ учрежденіи степеней магистра и доктора физіологии человѣка и животныхъ при физико-математическихъ факультетахъ; о правилахъ для испытанія на ученыя ветеринарнаго степени въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ; объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ объ испытаніи студентовъ медицинскаго факультета въ университѣтѣ св. Владимира; о правилахъ для клиникъ Казанскаго ветеринарнаго института; объ измѣненіи правилъ для ученицъ повивальнаго искусства въ университѣтѣ св. Владимира; о производствѣ испытаній на званіе преподавателя англійскаго языка; по среднимъ учебнымъ заведеніямъ: о преобразованіи Пермской гимназіи изъ 6-ти-классной въ 7-ми-классную; объ учрежденіи въ Ревелѣ реального училища; о преобразованіи Дерптскаго уѣзднаго училища въ реальное; объ открытии въ Иркутскѣ учительскаго института; о программѣ вступительныхъ въ учительскій институтъ испытаній; объ учебныхъ планахъ и программахъ предметовъ, преподаваемыхъ въ учительскихъ институтахъ; о допущеніи къ должности воспитателей въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ лицъ, выдержавшихъ, на основаніи Высочайше утвержденного въ 22-й день апрѣля 1868 года мнѣнія государственного совѣта, особое специальное испытаніе; о программѣ систематического курса русской грамматики для Лейпцигской русской филологической семинаріи; по низшимъ учебнымъ заведеніямъ: объ инструкціи для управлѣнія городскими училищами и о программахъ предметовъ преподаванія въ сихъ училищахъ; о правилахъ для ремесленнаго класса при Новгородскомъ городскомъ училищѣ; объ учебно-воспитательномъ планѣ Курской учительской школы и начального при ней училища; о городскомъ и начальномъ училищѣ въ Гольдингенѣ (Курляндской губерніи); объ уставѣ и штатѣ для землемѣрческихъ училищъ; объ уставѣ Кунгурскаго (Пермской губерніи) училища коммерціи совѣтника Губкина; объ уставѣ и штатѣ Маринско-Горійской сельско-хозяйственной и ремесленной школы и объ уставѣ технической школы при Севастопольскомъ адмиралтействѣ русскаго общества пароходства и торговли и одесской желѣзной дороги; по женскимъ учебнымъ заведеніямъ: объ увеличеніи числа уроковъ по закону Божію и арпометрии и объ отнесеніи пѣкоторыхъ необязательныхъ предметовъ

това къ обязательнымъ въ трехклассныхъ женскихъ прогимназіяхъ; о переэкзаменовкѣ ученицъ женскихъ учебныхъ заведеній; объ оставленіи ученицъ женскихъ гимназій и прогимназій на третій годъ въ одномъ и томъ же классѣ; о свидѣтельствахъ ученицамъ VIII класса гимназій; о положеніи и учебныхъ планахъ Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища и пансиона при немъ; объ испытаніяхъ по естественной исторіи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; объ измѣненіяхъ въ учебномъ планѣ женской гимназії г-жи Фишеръ; объ уставѣ Усачевско-Черниавскаго женскаго училища въ Москвѣ; о программахъ въ женскомъ графа Д. Н. Блудова училищѣ; о приложеніи къ женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ въ юго-западномъ краѣ правилъ, утвержденныхъ 81-го августа 1874 года; по инородческимъ школамъ: объ инструкціи инспекторамъ башкирскихъ, киргизскихъ и татарскихъ школъ; о черемисской школѣ въ Уфѣ; о школѣ для приготовленія переводчиковъ и tolmачей въ Ургѣ.

Въ основномъ отдѣлѣ были разсмотрѣны въ отчетномъ году 154 книги, 27 рукописей и 6 атласовъ и картъ. Изъ нихъ одобрено: для употребленія въ качествѣ руководствъ и пособій по разнымъ предметамъ 80, для основныхъ и ученическихъ библіотекъ 34, для народныхъ библіотекъ 2, для училищъ при лютеранскихъ церквяхъ 2, для учителей народныхъ школъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ Варшавскомъ учебномъ округѣ 1, для вольноопредѣляющихся въ военную службу 1 и турецкая, персидская, киргизская и узбекская грамматика 1; атласовъ и картъ 3.

Кромѣ того, по распоряженію моему, въ основномъ отдѣлѣ ученаго комитета разсмотрѣно было 25 отчетовъ молодыхъ людей, направленныхъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію.

Особымъ отдѣломъ ученаго комитета разсмотрѣны были отзывы о 84 книгахъ и брошюрахъ, 30 періодическихъ изданіяхъ и 4 картинахъ и рисункахъ. Изъ нихъ рекомендовано, одобрено или допущено для низшихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій и институтовъ 8, для начальныхъ школъ и городскихъ училищъ 54, для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній 2 картины и 2 рисунка; для школъ татарскихъ 2 книги, для еврейскихъ училищъ 1 и для финскихъ 19.

Въ заключеніе своего отчета считаю долгомъ засвидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что и въ истекшемъ году встрѣчалъ я ревностное и просвѣщенное содѣйствіе со стороны попечителей учебныхъ округовъ, какъ ближайшихъ моихъ сотрудни-

ковъ по управлению министерствомъ народнаго просвѣщенія. Не говоря уже объ исполненіи ими многосложныхъ административныхъ обязанностей, они по прежнему старались лично, посредствомъ частныхъ осмотровъ, изучать состояніе вѣдѣнныхъ имъ учебныхъ заведеній, чтѣ въ значительной мѣрѣ способствовало успѣху мѣръ, принимаемыхъ для развитія нашего народнаго образованія. Такимъ образомъ, въ теченіе 1871 года осмотрѣны были: бывшимъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, тайнымъ совѣтникомъ княземъ Ливеномъ—гимназіи, прогимназіи, реальная училища и учительскій институтъ въ столицѣ, мужская и женская гимназіи, реальное училище и учительская семинарія въ г. Псковѣ; помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа, тайнымъ совѣтникомъ Ивановымъ—различныя учебныя заведенія въ Москвѣ, мужскія и женскія гимназіи въ Калугѣ, Смоленскѣ, Вязьмѣ, Орлѣ, Тулѣ и Владимірѣ, мужскія гимназіи и прогимназіи въ Рязани, учительскія семинаріи во Владимірѣ, Карабачевѣ и с. Алферовѣ, реальная училища въ Орлѣ, Калугѣ и Тулѣ и ремесленное училище въ Смоленскѣ; попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, тайнымъ совѣтникомъ Шестаковымъ—всѣ учебныя заведенія въ Казани и Вяткѣ; попечителемъ Киевскаго учебнаго округа, генераль-лейтенантомъ Антоновичемъ—всѣ учебныя заведенія въ Киевѣ, историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, мужскія гимназіи въ Черниговѣ, Полтавѣ, Нѣжинѣ, Житомірѣ и Немировѣ, женская гимназія въ Немировѣ и прогимназіи въ Немировѣ, Глуховѣ и Кролевцѣ, Кременчугское реальное училище, учительскій институтъ въ Глуховѣ, учительскія семинаріи—Коростыневская, Острожская и Черниговская и Острожское женское училище графа Блудова; попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, тайнымъ совѣтникомъ Жерве—кромѣ учебныхъ заведеній города Харькова, мужскія и женскія гимназіи и прогимназіи въ Курскѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ, Пензѣ, Козловѣ, Сумахѣ и Ахтыркѣ, Бѣлгородскій и Екатерининскій учительскіе институты, учительскія семинаріи—Бѣлгородская, Воронежская и Пензенская; попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, тайнымъ совѣтникомъ Сергіевскимъ—мужскія гимназіи въ Вильнѣ, Витебскѣ, Гроднѣ, Коенѣ, Минскѣ, Могилевѣ, Маріїнское выспое женское училище, Виленскій учительскій институтъ и еврейскій учительскій институтъ въ Вильнѣ же, учительскія семинаріи—Полоцкая, Молодечненская, Поневѣжская, Несвижская и Свислочская; попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, тайнымъ совѣтникомъ Голубцевымъ—всѣ учебныя заведенія въ Одессѣ, муж-

скія и женскія гімназіі въ Симферополѣ, Керчи, Вердянскѣ, Таганрогѣ, Ростовѣ на Дону и Кишиневѣ, въ Севастополѣ реальное училище и женская гімназія, въ Феодосіи—мужская прогимназія, женская гімназія и учительскій институтъ, въ Преславлѣ—учительская семинарія, въ Ростовѣ на Дону—Петровское реальное училище и Екатерининская женская гімназія, въ Кишиневѣ—реальное училище; попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Сабуровымъ—всѣ учебныя заведенія въ Дерпти, Ревелѣ, Митавѣ, Феллинѣ, Нерновѣ, Гольдингенѣ и мѣстечкѣ Гриивѣ; попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа, тайнымъ совѣтникомъ Лавровскимъ—учебныя заведенія въ Оренбургѣ, Уфѣ, Бирскѣ, Уральскѣ, Перми, Екатеринбургѣ, Челябинѣ и Стерлитамакѣ; попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа, тайнымъ совѣтникомъ Витте—кромѣ учебныхъ заведеній Варшавы, Ново-Александровскій институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, мужскія гімназіі въ Люблинѣ и Холмѣ и прогимназіі въ Замостьѣ, Грубешовѣ и Ченстоховѣ, Холмское Маріинское женское училище, Люблинская женская гімназія и Замостская женская прогимназія, учительская семинарія въ Холмѣ; генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, генералъ-адъютантомъ Казнаковымъ—были осмотрѣны мужская и женская гімназіи въ Омскѣ, а также учебныя заведенія въ г. Кузнецкѣ.

Кромѣ попечителей округовъ осмотры учебныхъ заведеній производимы были также помощниками ихъ, окружными инспекторами, директорами и инспекторами народныхъ училищъ. Прямымъ послѣдствиемъ сего были значительные улучшенія по различнымъ частямъ внутренняго и внѣшняго быта учебныхъ заведеній.

Осмѣливаясь выразить надежду, что данная, содержащаяся въ настоящемъ моемъ отчетѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что министерство народнаго просвѣщенія старалось и въ истекшемъ году идти неуклонно по пути, указанному ему Державною волею Вашего Императорскаго Величества для преуспѣянія учебнаго дѣла въ Россіи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I) УНИВЕРСИТЕТЫ

Составъ университетовъ.

Въ составъ всѣхъ 8 университетовъ входитъ слѣдующіе три факультета: историко-филологический, физико-математический и юридический, но при этомъ составъ остается одинъ только Новороссійскій университетъ. Къ числу трехъ основныхъ факультетовъ присоединяются: въ С.-Петербургѣ еще четвертый—факультетъ восточныхъ языковъ, а въ университетахъ Московскому, Харьковскому, Киевскому, Казанскому св. Владимира, Варшавскому четвертый—медицинскій факультетъ. Деритскій университетъ, сверхъ трехъ основныхъ факультетовъ, имѣеть еще два: богословскій (для студентовъ лютеранскаго исповѣданія) и медицинскій.

Факультеты богословскій и медицинскій не были раздѣлены на отдѣленія. Историко-филологическій факультетъ состоялъ въ Дерптскомъ университѣтѣ изъ двухъ отдѣленій: историко-филологическаго и камерального, а въ университетахъ Московскому, Харьковскому, Киевскому, Новороссійскому и Варшавскому изъ трехъ отдѣленій: классической филологии, славяно-русской филологии и историческихъ наукъ. Въ университетахъ же С.-Петербургскому и Казанскому не было отдѣленій по этому факультету.

Физико-математическій факультетъ раздѣлялся на три отдѣленія въ одномъ только Харьковскому университетѣ: математическихъ наукъ, естественныхъ наукъ и физико-химическихъ наукъ; во всѣхъ остальныхъ университетахъ на два отдѣленія—математическихъ и естественныхъ наукъ.

Юридическій факультетъ раздѣленъ на два отдѣленія: юридическихъ и административныхъ наукъ въ С.-Петербургскому университетѣ и юридическихъ и государственныхъ наукъ въ Казанскому университетѣ; въ остальныхъ университетахъ не было въ пѣмъ отдѣлений.

Факультетъ восточныхъ языковъ при С.-Петербургскому университетѣ состоялъ изъ пяти отдѣленій: арабско-персидско-турецко-та-

тарского; монголо-китайско-манчжурского, еврейско-арабского, армяно-грузинского и санскрито-персидского.

Вакантные кафедры.

1. По С.-Петербургскому университету:

Кафедры: 1) исторіи важнѣйшихъ законодательствъ древнихъ и новыхъ;

2) исторіи славянскихъ законодательствъ.

Кромѣ того по одному доцентскому окладу въ факультетахъ историко-филологическомъ, физико-математическомъ, юридическомъ и три таковые же оклады въ факультетѣ восточныхъ языковъ.

2. По Московскому университету:

1) исторіи славянскихъ законодательствъ;

2) исторіи важнѣйшихъ законодательствъ древнихъ и новыхъ.

Кромѣ того были двѣ преподавательскія вакансіи: 1) доцентуры по предмету ученія о болѣзняхъ мочевыхъ и половыхъ органовъ и 2) доцентуры по ученію о повязкахъ и машинахъ (обѣ были заняты другими преподавателями).

3. По Харьковскому университету:

Кафедры: 1) Русской истории.

2) Агрономіи.

3) Энциклопедіи права.

4) Римского права.

5) Гражданского права.

6) Международного права.

Кромѣ того не открыты еще положенные по уставу 1863 года кафедры:

7) Теоріи и исторіи искусствъ.

8) Исторіи русского права.

9) Исторіи славянскихъ законодательствъ.

10) Государственного права.

11) Церковного законовѣдѣнія.

12) Госпитальной и терапевтической клиники.

13) Госпитальной хирургической клиники.

4. По Казанскому университету:

Кафедры: 1) Греческой словесности.

- 2) Римской словесности.
- 3) Истории всеобщей литературы.
- 4) Теории и истории изящныхъ искусствъ
- 5) Вторая кафедра математики.
- 6) Агрономической химії.
- 7) Физической географіи.
- 8) Канонического права.
- 9) Истории славянскихъ законодательствъ.

5. По Киевскому университету.

- Кафедры:
- 1) Всеобщей истории.
 - 2) Греческой словесности.
 - 3) Сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ.
 - 4) Церковной истории.
 - 5) Геогнозії и палеонтології.
 - 6) Политической экономії.
 - 7) Энциклопедії права.
 - 8) Истории славянскихъ законодательствъ.
 - 9) Церковного законовѣдѣнія.

6. По Новороссийскому университету:

- Кафедры:
- 1) Сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ.
 - 2) Истории всеобщей литературы.
 - 3) Физической географіи.
 - 4) Энциклопедії законовѣдѣнія.
 - 5) Государственного права.
 - 6) Церковного законовѣдѣнія.
 - 7) Международного права.

7. По Дерптскому университету:

- Кафедры:
- 1) Государственного и народного права.
 - 2) Географіи, этнографіи и статистики.

Кромѣ того оставались вакантными должности второго проектора и лекторовъ итальянского и латышского языковъ.

8. По Варшавскому университету:

- Кафедры:
- 1) Сравнительного языкознанія.
 - 2) Физической географіи.
 - 3) Агрономической химії.
 - 4) Описательной анатомії.

Большею частью преподаваніе по незанятымъ кафедрамъ поручалось другимъ профессорамъ или стороннимъ преподавателямъ. Кромѣ

того некоторые кафедры были занимаемы, въѣsto профессоровъ, доцентами, т. е. лицами, хотя и имѣющими высшую ученую степень магистра, но не пріобрѣвшиими еще ученой степени доктора.

Ученые труды.

Въ теченіе 1876 года были изданы и напечатаны слѣдующіе труды профессоровъ и преподавателей:

9. По С.-Петербургскому университету:

Срезневскаго — 2-й томъ „Свѣдѣній о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“, 1-й выпускъ „Цалеографическихъ наблюдений по памятникамъ греческаго письма“, „Жизнь и труды В. С. Караджича“; Сухомлинова — 3-й томъ „Исторіи Россійской Академіи“; Миллера — въ „Присужденіи Уваровскихъ наградъ“ разборъ Сборника пѣсень Кирьевскаго и въ Трудахъ Кіевскаго археологическаго съѣзда — рефератъ о великорусскихъ былинахъ и малорусскихъ думахъ; Дестуниса — комментарій на 1-ю книгу „Исторіи войнъ Римлянъ съ Персами Прокопія“; Люгебиля — переводъ первой части вѣмецкаго сочиненія „Grundr ge der griechischen Etymologie“ Георга Курциуса, съ прибавленіями и примѣчаніями; Поняловскаго — въ Изѣстіяхъ русскаго археологического общества статьи по объясненію вновь открытыхъ латинскихъ надписей, и въ Трудахъ 3-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ — изслѣдованіе о храмовомъ инвентарѣ, найденномъ въ Неми; Минаева — въ Запискахъ историко-филологического факультета „Індійскія сказки и легенды“ и вѣсколько статей въ повременныхъ изданіяхъ; Веселовскаго — въ Журнальѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—а) „Опыты по исторіи развитія христіанской легенды“; въ Древней и Новой Россіи — „Сказки объ Иванѣ Грозномъ“; въ Славянскомъ Сборнике — „Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ“; въ Вѣстникѣ Европы — разборъ книги Кирничникова „Греческій романъ“; въ Russische Revue — „Sagenstoffe aus dem Kandjur“; въ Archiv f r Slavische Philologie: а) „Zur altblulgarschen Alexandersage“ и б) „Die Sage von Babylonischen Reiche“; въ Rivista di filologia romana — „Un Capitolo di Antonio Pucci“; Бекетова — переводъ 2-го тома сочиненія Гривбаха „Растительность земного шара“, съ своими примѣчаніями и картой, и VII томъ Трудовъ С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей; Фамицына — въ Мемуарахъ Академіи — „Beitrag zur Keimblattlehre im Pflanzenreiche“.

въ Mélanges biologiques— „Ueber Knospenbildung bei Equisetum“, въ Botanische Zeitung— „Zweite Beitrag zur Keimblattlehre im Pflanzenreiche“; Чебышева— „Sur la généralisation d'une formule de M. Catalan et sur une formule arithmétique qui en résulte“, напечатанное въ Вельгійскомъ математическомъ журналь; „О вспомогательномъ множитель дифференциальныхъ уравнений“; Коркина— въ издаваемомъ въ Лейпцигѣ профессоромъ Нейманомъ журналѣ Mathematische Annalen статья „Sur les formes quadratiques“, заканчивающая рядъ работъ о квадратныхъ формахъ, предпринятыхъ профессоромъ Коркинымъ вмѣстѣ съ профессоромъ Золотаревымъ; Сохоцкаго— мемуаръ: „Sur les transformations elliptiques et sur la loi de réciprocité entre deux nombres premiers“; Менделѣева— „О барометрическомъ нивелированіи и о примѣненіи для него высотомѣра“, „О нефтяной промышленности въ Пенсильвании и Америкѣ“, сочиненіе Моля: „Метеорология или учение о погодѣ“, съ предисловіемъ и дополненіями, „Материалы для сужденія о спиритизмѣ“. „Объ истинномъ коэффиціентѣ расширения воздуха“, „Объ отступленияхъ отъ законовъ для газовъ“, „О температурѣ атмосферныхъ слоевъ“, „О скимаемости газовъ подъ малыми давленіями“, и „О происхожденіи нефти“; Бутлерова— въ Мемуарахъ Академіи Наукъ пропавшее имъ изслѣдованіе надъ изодибутиленомъ; онъ же редактировалъ изданную въ международной научной библиотекѣ книгу: „Новая химія, Дж. Кука“, издаваемое Вольнымъ экономическимъ обществомъ сочиненіе по пчеловодству барона фонъ-Берлеша „Пчела“; Меншуткина— въ Журналѣ Химического Общества изслѣдованіе: о метил- и этилсукциниамидѣ, о составѣ солей діацетовой кислоты, и о тартропамиловой кислотѣ; Кесслера— статьи о рыбахъ, собранныхъ г. Пржевальскимъ въ его путешествіи по Китаю и Монголіи, о новомъ видѣ рѣчныхъ раковъ; Петрушевскаго— „Экспериментальный и практический курсъ электричества“, съ атласомъ чертежей, и статья „Лондонская выставка ученыхъ предметовъ“; Ленца— въ Бюллетеѣ Академіи Наукъ: „Изслѣдованіе закона Кирхгофа о развязываніи токовъ въ примѣненіи къ жидкимъ проводникамъ“, „Описаніе нового ртутного вольтаметра“, „Гальваническое сопротивление различныхъ солей вообще, а солей калия и натрія въ особенности“; Иностранцева— „Геологический очеркъ Повѣнѣцкаго уѣзда Олонецкой губерніи и его рудныхъ мѣсторожденій“; Соловьтова— „Общий очеркъ агрономического путешествія его въ черноземные губерніи Россіи“; Янсона— „Очеркъ статистики европейскихъ государствъ“; Андріевскаго— второе изданіе сочиненія его: „Поли-

цейское право"; Таганцева—второе издание „Уложение о наказанияхъ съ разъясненіями по рѣшеніямъ судебной практики”; Сергеевича—въ „Вѣстникѣ Европы” критическая статья „О задачахъ исторіи кодификаціи”; Градовскаго—2-й томъ его сочиненія „Начала русскаго государственного права”, въ „Вѣстникѣ Европы”—„Между Робеспьеромъ и Бонапартомъ” и „О значеніи идеала въ общественной жизни” и въ „Сборникѣ государственныхъ знаній”—„О национальномъ вопросѣ”; Мартенса—3-й томъ „Собрания трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами” и отдельная статья въ „Сборникѣ государственныхъ знаній” и въ „Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права”; Вредена—„Начальный учебникъ политической экономіи” и „Рѣчь объ А. Смитѣ по случаю столѣтней годовщины выхода его „Богатства народовъ”; Березина—3-й томъ издаваемой имъ „Турецкой хрестоматіи”: тексты нарѣчій башкирскаго и киргизскаго, и 7—10 выпуски „Русскаго Энциклопедического словаря”; Натканова—армянскій текстъ сочиненій Асанія Широкадзе, автора VII вѣка, и текстъ, переводъ и комментаріи къ географіи VII вѣка, приписываемой Моисею Харенскому; Хвольсона—въ „Церковномъ Вѣстникѣ” статья „О способѣ преподаванія еврейскаго языка въ духовныхъ семинарияхъ и академіяхъ”; Гиргаса—„Арабская хрестоматія”; Голстунскаго—калмыцкій текстъ „русскій переносъ законовъ, составленныхъ Бутуръ-Хунгъ-Тайджиемъ и утвержденныхъ на сеймѣ монгольскими и калмыцкими князьями въ 1640 году, съ дополненіями къ немъ, сдѣланными калмыцкимъ ханомъ Дондукъ-Диши-Доцешты; Замысловскаго—въ сборникѣ „Древняя и Новая Россія” статьи: „О документахъ, изданныхъ Ю. В. Толстымъ подъ заглавіемъ „Россія и Англія”, „Очеркъ сношений Россіи съ Англією въ царствование Ивана Грознаго”, и „Географическія извѣстія Герберштейна”; 6-й выпускъ „Лѣтописей занятій археографической комиссіи”, въ которомъ приготовлена къ изданію по восьми спискамъ „Челобитная старца Авраамія”, и составлены примѣчанія къ ней и къ письмамъ графа Н. П. Румянцева, напечатаннымъ въ томъ же выпускѣ; Васильевскаго—въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія рядъ статей, подъ общимъ заглавіемъ „Русско-византійскіе отрывки”; въ „Славянскомъ Сборникѣ”—двѣ статьи: „Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ” и „Союзъ двухъ имперій”; въ „Запискахъ Академіи Наукъ”: „О годѣ смерти Святослава Игоревича” и, по порученію Академіи Наукъ, написалъ разборъ сочиненія Терновскаго: „Наученіе византійской исторіи въ древней Руси”, представ-

ленного на соискание Уваровской премии; Золотарева—въ журнале „*Nouvelles Annales des Mathematiques*“ статья: „*Sur l'attraction d'éclipses homogènes*“ и „*Sur la série de Lagrange*“; Бобылева—въ „Журналѣ физического общества“ статья „*Theoretическое изслѣдование о распределѣніи статического электричества на поверхностяхъ проводниковъ, состоящихъ изъ разнородныхъ частей*“; Фойницкаго—„*Mémoire sur la nomenclature internationale des délits en général et sur la statistique de la récidive*“, напечатанъ въ изданіяхъ международнаго статистическаго конгресса, бывшаго въ Буда-Пештѣ; барона Розена „*Извѣстія Ал-Бекри о Славянахъ и соединыхъ съ ними народахъ*“ въ „*Zapisкахъ Академіи Наукъ*“, и „*Каталогъ арабскихъ рукописей отдѣленія восточныхъ языковъ при азиатскомъ департаментѣ министерства иностраннаго дѣлъ*“; Смирнова—въ „*Вѣстникѣ Европы*“—статья „*Турецкая цивилизациѣ*“, въ которой изложены наблюденія надъ современною жизнью и литературою Турокъ, сдѣланныя авторомъ во время его ученой командировки въ Турцию въ 1875 году; въ „Журнале Министерства Народнаго Просвѣщенія“—критический разборъ учебниковъ русскаго языка, составленныхъ для татарскихъ пародичныхъ школъ Казанскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ. Приват-доцентовъ; Гrimma—1-й выпускъ сочиненія „*Каспійское море и его фауна*“, и приготовлено къ печати „*Матеріалъ къ познанію низшихъ животныхъ какъ однообразичныхъ организмовъ*; Фанъ-деръ-Флита—въ „Журнале физического общества“ статью „*О вѣнчшемъ дѣйствии тока*“; Аленицына—„*Гады острововъ и береговъ Аральского моря*“ и въ „*Трудахъ аралокаспійской экспедиціи*“ статьи: „*О температурѣ воды Аральского моря*“, „*Объ исторіи суши континентальныхъ острововъ Аральского моря*“, „*Объ источникахъ прѣсной воды на берегахъ Аральского моря*“, „*О моллюскахъ Аральского моря*“, „*Разрушение горъ, какъ одна изъ причинъ обмелѣнія зауральскихъ озеръ*“; Брандтъ—въ „*Archiv für mikroskop. Anatomic*“—„*Bemerkungen über die Kerne der rothen Blutkörperchen*“ и въ „*Извѣстіяхъ общества любителей естествознанія*“—„*Сравнительное изслѣдованіе надъ яйцевыми трубочками и яйцами насѣкомыхъ*“; Шмальгаузена—въ „*Беллютинахъ Академіи Наукъ*“ статьи: „*Pflanzenreste aus der Ursä-Stufe im Flussgeschiebe der Ougur in Ost-Sibirien*“ и „*Vorläufiger Bericht über die Resultate mikroskopischer Untersuchungen der Futterreste eines sibirischen Rhinoceros*“, и приготовлена къ печати работа „*О развитіи вѣстынищъ млечнаго сока у растеній*“; Бакста—въ Мемуарахъ Саксонской академіи изслѣдованія по физіологии нервовъ сердца (Ueber

die Stellung der nervus vagus zum nervus accelerans cordis): Гоби—
сочинение „О вліянні Валдайской возвышенности на географическое
распространение растений въ связи съ очеркомъ флоры западной части
Новгородской губерніи“, и приготовлено къ печати: „О багрепахъ
или красныхъ водоросляхъ (Floridae) Финского залива“, „О темпо-
цивѣтныхъ водоросляхъ Финского залива“, „Материалы для изученія
нѣкоторыхъ формъ изъ рода Ceramium. Лектора Флері—„Rabelais
et son œuvre“ (2 volumes); Тернера—рядъ статей „О главныхъ
русскихъ писателяхъ“, въ Fraser's Magazine; Доржеева—„Русско-
монгольские разговоры“.

По Московскому университету.

Професоры: Соловьевъ — издалъ 26-й томъ „Исторіи Россіи“,
напечаталъ: въ журнале Русская Старина статью „Москва въ 1770
и 1771 годахъ“, въ журнале Древняя и Новая Россія — двѣ статьи
о „Восточномъ вопросѣ“ и въ Вѣстникѣ Европы продолжалъ сочи-
неніе: „Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ“; Щуров-
скій: въ Запискахъ общества любителей естествознанія статью „О
Горной кожѣ въ Нижегородской губерніи и Палыгорскѣ въ Перм-
ской губернії“; Лешковъ — въ Юридическомъ Вѣстникѣ статью
„Русская промышленность по указамъ Петра Великаго“ и завѣдывалъ
редакцію этого журнала; Матюшенковъ — издалъ брошюру объ
университетскомъ медицинскомъ образованіи; Соколовскій — папе-
чаталь въ издаваемомъ нимъ сборникѣ *Arbeiten aus dem pharmakolo-
gischen Laboratorium zu Moskau* статью „Beitrag zur Hämodynamik
der Bluttransfusion“; Бредихинъ — въ издаваемомъ нимъ III томѣ
Анналъ Обсерваторіи слѣдующіе мемуары: „Sur les formes anomalies
dans les d閎veloppements des comètes“, „Sur la queue de la comète
1874“, „Observations de Jupiter en 1876“, „Profils spectroscopiques
du soleil en 1876“, „Sur le spectre des n閑buleuses planétaires. 1876“,
„Mesures micrométriques des amas stellaires: 1712, 4400, 4701, 4902
(C. G. H.)“, „Sur la parallaxe de la n閑buleuse 4373 (C. G. H.)“;
въ Математическомъ Сборнике—„Спектральная линія туманностей“,
въ Русскомъ Вѣстникѣ—„Солнечная пятна“ и нѣсколько замѣтокъ
въ Astronomische Nachrichten; Богдановъ — въ Московской Меди-
цинской газетѣ четыре вступительныя лекціи въ курсъ зоологии для
медиковъ подъ заглавіемъ: „Соотношенія въ историческомъ развитіи
зоологическихъ и медицинскихъ ученій“, въ Шавѣстіяхъ Общества
любителей естествознанія „Замѣтки о зоологическихъ садахъ“, „La
collection craniologique de la Société des Amis de la Nature de

Moscou par rapport à la question de la stratification de la population du gouvernement de Moscou"; Бабухинъ: въ журналѣ Archiv für Anatomie und Physiologie статью „Uebersicht der neuen Untersuchungen über: a) Entwicklung, b) Bau und physiologische Verhältnisse der electrischen und pseudoelectrischen Organe“; Бугаевъ — въ журналѣ Bulletin de Mathématique et d'Astronomie — статью „Theorie de dégriées numériques“ и въ Математическомъ Сборнике „Числовыя уравненія второй степени“; Поповъ — въ сборнике Братская Помощь статью „Кровная месть въ Старой Сербіи“, въ сборнике Родное Племя „По поводу современныхъ событий“, въ Вѣстнике Московскаго Общества древне-русского искусства замѣтку о церковныхъ древностяхъ въ Сербіи, и отдѣльной брошюрой „Историческая записка о двадцатипятилетней дѣятельности Мариинскаго женскаго училища дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ“; Тихонравовъ — написалъ, по порученію Академіи Наукъ, разборъ сочиненія Галахова „Исторія русской словесности древней и новой“; Усовъ — редактировалъ три книги „Природа“, напечаталъ въ журналѣ Древности „Разыясненіе керченскихъ фресокъ“ и изготавилъ къ университетскому акту рѣчъ „О единорогахъ“; Толстопятовъ — занимался составленіемъ инвентарного каталога минералогического кабинета; Марковниковъ — въ журналѣ Русскаго химическаго общества и въ Annalen der Chemie статьи: „О новомъ способѣ опредѣленія тенина“, „О пиорвинныхъ кислотахъ“, „Оксидированная кислота и атролипонная кислоты“ и „Объ ацетонѣ въ мочѣ діабетиковъ“; Столѣтовъ сдѣлалъ на Варшавскомъ съездѣ естествоиспытателей сообщеніе о производимыхъ имъ опытахъ для опредѣленія, электромагнитнымъ путемъ, постоянной *r* Макавелла скорости свѣта; Герье — въ Вѣстнике Европы статьи „Свѣтъ и тѣни университетскаго быта“ и „Наука и государство“ и въ журналѣ Древняя и Новая Россія статью „Послѣдний Варягъ“; Карасевичъ: въ Юридическомъ Вѣстнике „О формѣ университетскаго преподаванія науки права“ и приготовилъ къ печати статьи о значеніи науки права и ея главныхъ задачахъ, о философіи права и ея отношеніи къ отдѣльнымъ юридическимъ наукамъ; Цавловъ: написалъ, по порученію Академіи Наукъ, рецензію на сочиненіе А. Чопова „Историко-литературный обзоръ древне-русской полемики противъ Латинянъ“; Умовъ — диссертацио на степень доктора подъ заглавіемъ: „Дареніе, его понятіе, характеристическая черты и мѣсто въ системѣ права“; Клейнъ — въ Медицинскомъ отчетѣ Московскаго воспитательного дома; Инжулъ — „Англійская свободная торговля“.

Исторический очеркъ развитія идеи свободной конкуренціи и началь го сударственного вмѣшательства. Вып. I. Періодъ меркантильный. Экстраординарные профессоры: Иванцовъ-Платоновъ—готовилъ къ издаю изслѣдованіе „Обозрѣніе источниковъ для исторіи ересей первыхъ вѣковъ“ и напечаталъ изъ него 6 главъ въ Православномъ Обозрѣніи; Дювернуа — издалъ хрестоматію чешскаго нарѣчія, въ которой изложены по вѣкамъ образцы литературнаго чешскаго языка, заимствованные отчасти изъ рукописей Пражскаго національнаго музея, отчасти изъ публикацій другихъ издателей; Герцъ—„Исторіческій обзоръ археологическихъ изслѣдований и открытій на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII вѣка до 1859 г.“, съ картой, и напечаталъ рядъ мелкихъ статей въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, подъ заглавиемъ: „Археология и искусство“; Зерновъ—приготовилъ къ печати статью „Объ индивидуальныхъ типахъ извилинъ головнаго мозга человѣка“. Доценты: Стороженко—въ Учебно-воспитательной Библиотекѣ рецензію изданія Гербеля „Англійская поэзія въ образцахъ и разборахъ“; Соловьевъ—приготавлялъ къ печати сочиненіе: „Положительная логика“ (Первая часть „Начала теософической науки“); Мроцекъ-Дроздовскій—историко-юридическое изслѣдованіе „Областное управление Россіи XVIII вѣка до учрежденія о губерніяхъ 7 ноября 1775 г. Часть I. Областное управление эпохи первого учрежденія губерній (1708—1719)“. Графъ Комаровскій—окончилъ редактированіе русскаго перевода сочиненія Влунчли „Современное международное право“ и къ нему составилъ „Библіографическій Указатель“, написалъ три статьи въ Юридическомъ Вѣстникѣ, въ Revue de Droit international „О современной русской литературѣ по международному праву“ и въ Русскомъ Вѣстнике—статью объ институтѣ международного права; Муромцевъ — въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права статьи „Римское право какъ предметъ науки“ и „О владѣніи по Римскому праву“ и приготовилъ къ печати 2-е изданіе сочиненія „О консерватизмѣ римской юриспруденціи“ и статью „Гражданское правовѣдѣніе въ Германіи“; Чисемскій — сочиненіе „Акционерная компанія съ точки зренія Гражданского права“; Ельцинскій—редактировалъ Московскую Медицинскую газету, издаваемую Обществомъ русскихъ врачей въ Москвѣ; Йерусалимскій — въ Московскому Врачебномъ Вѣстнике „О сѣрныхъ кавказскихъ минеральныхъ водахъ“ и „О дѣйствии молочнокислого патра“; Снегиревъ—напечаталъ въ Врачебномъ Вѣстнике „Три случая овариотоміи, иною произведеніяхъ“. Лекторы: Фелькель — напечаталъ:

а) третье изданіе XXI книги Ливіл, б) второе изданіе рѣчей Цицерона противъ Катилины, в) третье изданіе рѣчей Цицерона pro Archia и pro Ligario, г) второе изданіе рѣчи Цицерона pro Milone, помѣстивъ двѣ статьи въ Neue Jahrbücher für Philologie и занимался составленіемъ подробнаго комментарія на сочиненіе Цицерона De officiis, съ предисловіемъ о стихической философіи; Геміліанъ — напечаталъ 3-ю часть учебника французскаго языка вторымъ изданіемъ. Астроіонъ-наблюдатель Громадзкій — напечаталъ въ Annalakhъ Обсерваторіи наблюденія надъ меридіаннымъ кругомъ, произведенныи въ 1862 г. гг. Бредихинъ и Хандриковыи, приготовилъ къ печати изслѣдованіе дѣленій меридіаннаго круга и изслѣдованіе термо-метровъ, принадлежащихъ обсерваторії. Сторонніе преподаватели: Нерсесовъ—приготовилъ къ изданію сочиненіе „О представительствѣ въ гражданскомъ правѣ вообще и въ частности о торговомъ полномочіи“; Муравьевъ—„Прокурорскій надзоръ по дѣйствующему русскому праву. Очерки у устройства, дѣятельности и практики русской прокуратуры“. Помощники прозектора: Бѣлинъ—напечаталъ статьи: въ Московской Медицинской газетѣ „О гальванизаціи шейной части симпатического нерва“ и „Исторический очеркъ примѣненія электричества къ терапіи“ и во Врачебномъ Вѣстнику „Колонія для умалишеннныхъ въ Геспѣ“; Тихомировъ въ Медицинскомъ Обозрѣшіи и Московскому Врачебному Вѣстнику—бібліографіи и очерки по отдѣлу анатоміи и хирургіи. Хранитель зоологическаго кабинета Зенгеръ завѣдывалъ редакцію Извѣстій Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии, коихъ въ 1876 г. вышло изъ печати шесть томовъ (XVIII—XXII). Хранитель минералогическаго кабинета Милашевичъ въ Palaeontographica статью о юрскихъ Natt-heim'скихъ коралахъ. Лаборантъ Сабаньевъ: въ Журналѣ Русского химическаго общества: а) о добычіи и свойствахъ двубромистаго ацетилена, б) о соединеніи аконитовой кислоты съ бромистымъ водородомъ, в) дѣйствіе цинка и цинковой пыли, какъ общая реакція отнятія галоидовъ и возстановленія галоидныхъ органическихъ соединеній; въ сборникѣ Природа двѣ лекціи: а) о соотношеніи и классификаціи элементовъ и б) о преподаваніи аналитической химіи и въ Обществѣ испытателей природы сдѣлалъ два сообщенія: а) о формулахъ для употребленія при анализахъ титрованіемъ и б) о новыхъ изслѣдованіяхъ надъ соединеніемъ ацетилена. Сверхштатные лаборанты: Миллеръ—въ журнальѣ Русского химическаго общества и въ Annalen der Chemie обѣ изолирою дібромонтрансіенъ; Брю-

совъ—въ сборникѣ Природы статьи: „Робертъ Бупзенъ“ и „Солнечная теплота и ея источники“. Сверхштатные асистенты: Зографъ—читалъ въ засѣданіяхъ общества любителей естествознанія и испытателей природы рефераты: „Объ организації Bothrioccephalidae“ и „о видоизмѣненіи микротома“ и началъ печатать въ XXVI томѣ Извѣстій Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи статьи: „Гельмантологическая замѣтки: 1) строеніе Triaenopogon polulosus Riedl., 2) строеніе головки семейства Bothrioccephalidae и „О микротомѣ, приспособленной къ приготовленію разрѣзовъ чрезъ крупные предметы“; Глики—напечаталъ диссертацию: „Къ вопросу объ электрической возбудимости большаго мозга“ и результаты своей работы о путяхъ, по которымъ распространяется возбужденіе такъ называемыхъ психомоторныхъ центровъ въ головномъ мозгу въ Eckhard's Beitrage. Приватъ-доцентъ Мансуровъ—издалъ сочиненіе „Uber die tertiale Syphilis, Gehirnleiden, Geisteskrankheiten Psychosen und ihre Behandlung“, напечаталъ третій выпускъ 2-го тома „Накожныхъ болѣзней“ и сдѣлалъ въ Хирургическомъ обществѣ сообщеніе подъ заглавиемъ „Замѣчанія по поводу одного случая пузирной сыпи (Pemphigus)“. Ординаторы университетскихъ клиникъ: Молловъ—въ Московскомъ Врачебномъ Вѣстнику статью: „Объ анастезированіи по способу Бернара“; Филатовъ—сдѣлалъ въ Физико-медицинскомъ Обществѣ сообщеніе „Сравнительное достоинство различныхъ лигатуръ, употребляемыхъ для сшиванія промежности“, въ Врачебномъ Вѣстнику и въ Arch. f. Syn. статью „Влагалищные души изъ салициловой кислоты въ послѣродовомъ періодѣ“, приготовилъ къ печати „Материалы для опредѣленія формы и величины женскаго русскаго таза“ и помѣщалъ библіографическую статьи въ Врачебномъ Вѣстнику; Корсаковъ—въ Врачебномъ Вѣстнику статью: „О пневматометріи какъ одномъ изъ методовъ клиническаго изслѣдованія“; Отрадинскій—сдѣлалъ въ Физико-медицинскомъ обществѣ сообщеніе: „Объ кустондіи“ и помѣстилъ статью о томъ же въ Врачебномъ Вѣстнику; Данилевскій—въ журналѣ профессора Соколовскаго (*Arbeiten aus dem pharmacologischen Laboratorium zu Moscau*) статью: „Zur Lehre fiber die physiologische Wirkung des salicylsauren Natrons“; Бобровъ—занимался составленіемъ рефератовъ для Медицинскаго Обозрѣнія и сдѣлалъ въ Московскому Медицинскому обществѣ сообщеніе „Ампутація при явленіяхъ тока“.

3. По Казанскому университету:

Професоры: Фирсовъ редактировалъ изданіе сборника пѣсенъ часть схіс, отд. 1.

крестьянъ села Бѣловолжскаго, составленного г. Магнитскимъ. Бодуэнъ-де-Куртенѣ напечаталъ Отчеты за 1872 г. о занятіяхъ по языковѣдѣнію во время заграничной командировки и помѣстилъ въ Журналъ министерства народнаго просвѣщенія критическая замѣтка о книгахъ „Nakces mluvnice staroeské Sepsál Josef Jireček w-Praze“, „Geschichte des Infinitivs im Indogermanischen von Dr. Julius Jolly, München, 1873“ и „Handbuch der altblugarischen (altkizchenslawischen) Sprache von A. Leskien, Weimar, 1871“; въ Филологическихъ Запискахъ: „Кое-что по поводу резьинской гармонии гласныхъ“ и „Практическія правила русскаго правописанія и произношенія“; въ Славянскомъ сборникѣ: „Резьи и Резьиане“; въ журнале Восzniki Towarystwa Priyjal Nauk Poznaskiego: „Письмо къ краковскому профессору Лэнковскому о мнимыхъ руническихъ надписяхъ на Микоржинскихъ надгробныхъ камняхъ“; въ журнале Przeglad Krytyczny, замѣтки на книги: Jan Paplonski Praktyczne prawidla poprawnego pisania i czystego wymawiania po rusku; Dr. Gregor Kięk, Einleitung in die Slawische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden; Dr. Jan Kartowicz, O jezyku litewskim; Dr. J. M. Rabinowicz, Grammatik der polnischen Sprache, и Dr. J. Kopernicki, Spostrzerenia nad w³asciwosciami jezykowemi w mouri Górocli Bieszidowych. Осокинъ издалъ два своихъ курса: „Римская исторія“ и „Новая исторія“ въ литографії. Петровскій напечаталъ во II томѣ Славянскаго сборника статью „Абагарь“. Добротворскій продолжалъ и окончилъ изданіе Аинско-русскаго словаря М. М. Добротворскаго (л. 9—36) и напечаталъ 6 листовъ продолженій къ нему. Леваковскій напечаталъ въ Протоколахъ Казанскаго общества испытателей сообщеніе „О вліяніи свѣта на длину и число развѣтвленій корней“ Зайцевъ напечаталъ въ журнале Русскаго химическаго и физического общества и въ Liebig Annalen der Chemie „Замѣтку объ образованіи и свойствахъ непределльныхъ спиртовъ, синтезированныхъ изъ уксуснаго и муравейнаго эфировъ и ацетона при посредствѣ юдистаго аллила и цинка“; „Синтезъ аллилдиметилкарбинола“ и „О дѣйствіи смѣси юдистаго аллила и юдистаго этила и цинка на муравейный эфиръ“. Мельниковъ напечаталъ въ Протоколахъ Казанскаго общества естествоиспытателей статью: „Образованіе эндотемы и кровяныхъ тѣлца сердца“ Заленскій: „Ueber die Metamorphose des Echinurus“ — въ Morphologischen Jahrbuch; „О почкованіи сальпъ“ — въ Протоколахъ Варшавскаго съѣзда естествоиспытателей и „О метагенезисѣ сальпъ и развитіи у нихъ съміяныхъ железъ“ — въ Протоколахъ Казанскаго общества

естествоиспытателей. Векетовъ— „Quelques remarques sur les calculs vesicaux et la mani re de les operer.“ Ковалевскій: „О кровеносной системѣ печени“—въ Протоколахъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей и „Какъ смотрить физиологія на жизнь вообще и психическую въ особенности“—въ Ученыхъ Запискахъ Казанского университета; Петровъ: „Очеркъ изслѣдований за 1873 г.“—въ Извѣстіяхъ Казанского университета; Гвоздевъ: „Изслѣдование крованыхъ пятенъ на снѣгу и измѣреніе величины кровяного кружечка въ пятнахъ крови“ и „Значеніе первороднаго пупка (*Ianugo*) въ первородномъ калѣ“—въ Протоколахъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ Варшавѣ. Догель: „Anatomie du coeur des Crustaces“; „Sur le coeur des Crustacis“—въ Comptes Rendus des S ances de l’Academie de Sciences; „Ueber Ozon und seine Wirkung auf Blut“—въ Centralbl. f. d. med. Wissenschaft. и „Строеніе и отправленіе сердца моллюсковъ“—въ Протоколахъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей. Адамовъ: „Офтальмологическая наблюденія“—въ Ученыхъ Извѣстіяхъ Казанского университета. Щербаковъ перевѣль и снабдили примѣчаніями книгу Гоппе-Зейлера „Руководство къ физиолого- и патолого-химическому анализу“ и въ журналѣ Здоровье помѣстили статью: „Свойства воды, употребляемой для питья въ г. Казани“. Левшинъ составилъ для Казанского земскаго собранія записку „О значеніи общаго процента смертности въ больничныхъ отчетахъ“ и подготовилъ къ печати „Отчетъ о 68-ми кровавыхъ операций, сдѣланныхъ въ Казанской земской больнице за время съ апрѣля 1876 г. по 1-е января 1877 г.“.

Доценты: Смирновъ помѣстили въ Ученыхъ Запискахъ Казанского университета введеніе въ трудъ „Англійские моралисты“. Корсаковъ началъ печатать въ сборникѣ Древняя и Новая Россія „Библіографический очеркъ А. П. Волынского“. Колли—дополненіе къ статьѣ „Изслѣдованіе одного случая работы гальваническаго тока“—въ журналѣ С.-Петербургскаго русскаго химического и физического общества и „Опытъ надъ поляризаціей электродовъ“—въ томъ же журналѣ. Несчастливцевъ редактировалъ переводъ электротерапіи Бирдо и Рокузла. Хомяковъ помѣстилъ въ Трудахъ Казанскаго общества естествоиспытателей „Къ вопросу о гієніи“ и въ Медицинскомъ Вѣстнике „Къ вопросу о дѣйствіи салициловой кислоты“. Ге: „Сифилисъ, какъ общественное зло“—въ журналѣ Здоровье и „Нѣсколько словъ о сифилистическомъ отдѣлевіи больницы“—въ Отчетѣ Казанскаго земства. Высоцкій: „Ueber das Eosin als Reagens auf Haemoglobin und der Bildung von Blutgef ssen und Blutk rperchen bei Säugethier und

Huhnerembergon“—Archiv für microscop. Anatomie и „Примѣненіе иловыхъ плетенокъ для перевозки и лечения раненыхъ въ военное время“—въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета. Скворцовъ: въ журналь Здоровье—„Гигиена въ нашихъ университетахъ“, „Гигиена, ея предметъ и проч.“, „Санитарныя условія г. Казани“, „Новая дѣтская больница въ Москвѣ (св. Владимира)“ и „Матеріалы по гигиенѣ“; въ журналь Современная Медицина—„Первая международная гигиеническая выставка въ Брюсселѣ“; въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета—„Санитарный бытъ западно-европейскихъ городовъ и выставка въ Брюсселе“; во Врачебныхъ вѣдомостяхъ—„Война и гигиена“. Флавицкій: въ Протоколахъ Варшавскаго съѣзда русскихъ естествоиспытателей: „О получении алкоголя дѣйствіемъ азотной кислоты на амиленъ, кипящій при 25°“, „Къ вопросу о превращеніи амилена, кипящаго при 25°, въ триметил-этиленъ“ и „Объ ампльномъ гликольѣ изъ обыкновенного продажного амилена“. Смирновъ—въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета: „Краткій отчетъ о магнитныхъ изслѣдованіяхъ въ Россіи“. Загоскинъ—въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета: „Опытъ указателя словаря къ сведенному тексту уставныхъ грамотъ“, „Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-петровской Руси“, „О правѣ владѣнія городскими дворами въ Московскомъ государствѣ“ и „Методъ и средства сравнительного изданія древнѣйшаго обычнаго права Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности“. Преподаватель Глинскій—въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета: „Новые изслѣдованія о продуктахъ оклоренія хлористаго этила и хлористаго этилена и новые доказательства существованія органическихъ радикаловъ, въ которыхъ парное свободное сродство принадлежитъ одному изъ углеродныхъ атомовъ и чертежи иовыхъ снарядовъ для фракционированныхъ перегонокъ“. Сверхштатный ассистентъ Шелль—въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета: „Вліяніе токовъ на растительные пигменты“, „Вліяніе нѣкоторыхъ дѣятелей на окрашиваніе растеній“ и „Матеріалы для климатологіи сѣверо-восточной Россіи и Сибири“. Исправляющій должностъ хранителя музея при ботаническомъ кабинетѣ Смирновъ—въ Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго географическаго общества: „Аму-Даргинская экспедиція“.

4. По Харьковскому университету:

Профессоры: Добротворскій—напечаталъ въ Православномъ Обозрѣніи статью „Библейская хронология въ связи съ хронологіями

древнихъ восточныхъ народовъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ"; Деллень—„Doctrinae metricae summarium; Бекетовъ—въ Протоколахъ общества опытныхъ наукъ при Харьковскомъ университѣтѣ статью „О дѣйствіи окиси серебра на юодистый калій въ отсутствії воды"; Морозовъ—въ Трудахъ общества испытателей природы статью „Къ вопросу объ изслѣдованіи источниковъ и рѣкъ въ виду замѣчаемаго въ нихъ уменьшенія количества воды"; Имшенецкій въ Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques—„Applications des expressions complexes imaginaires à la formation des certains systèmes complétement intégrables d'équations canoniques et d'équations aux dérivées partielles" и въ Математическомъ Сборнику Московскаго общества—„Интегрированіе одной системы уравненій"; Владимировъ—„Психическія особенности преступниковъ и изслѣдованіе душевныхъ болѣзней въ уголовномъ судѣ"; Грубе—въ Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества—„Нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ изъ хирургическо-оперативной практики" и „Случай контузіи живота" и въ Centralblatt für Chirurgie—до 60-ти рефераторовъ по русской хирургіи; Лебедевъ—въ Вѣстникѣ Европы—„Антонъ Антоновичъ Дегуровъ (изъ исторіи Харьковскаго и С.-Петербургскаго университетовъ)" и въ журналѣ Древняя и Новая Россія—„Евгений Булгаринъ"; Лазаревичъ—въ Протоколахъ международнаго медицинскаго конгресса статью „On the three most important obstetrical Instruments"; Ценковскій—въ Botanische Zeitung—„Ueber Palmellenzustand bei Stigeoclonium", въ Бюллетенѣ С.-Петербургскай Академіи наукъ—„Zur Morphologie der Ulothrichaceen" и въ Протоколахъ съѣзда естествоиспытателей—„О пальмеллевомъ состояніи водорослей"; Креинскій—Метилалинъ, какъ реагентъ для открытія въ мочѣ желчнаго пигмента"; Оболенскій—„О дѣйствіи солей желчныхъ кислотъ на организмы животныхъ" и „О прививаемости раковыхъ опухолей"; Лагермаркъ—„О дѣйствіи сѣрной кислоты на некоторые углеводороды ряда Cullin—2"; Крыловъ—въ Московской Медицинской газетѣ—„Къ исторіи трихиноза въ Россіи" и въ Zeitschrift für Thiermedizin und vergleichende Pathologie—„Ueber die Trichinose in Russland"; Гиршманъ—въ Jahresbericht über die Leistungen in Gebiete der Ophthalmologie, „Статистика клиническихъ и частныхъ больныхъ и операций, произведенныхъ надъ ними, за 1873 и 1874 годы"; Дриновъ—въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей при Московскому университѣтѣ—„Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ", въ Časopis Českoho Museum—рецензію сочиненія: „Jiresek: Děsiny naroda Bulgarskego" и въ Періодическомъ описаніи

Браильского дружества — „Образчики въкоторыхъ фракийскихъ и македонскихъ говоровъ“; Надлеръ — „Юстиніанъ и партія Цирка въ Византії“; Стояновъ — „Нравы общества и суды во Франціи отъ конца XVII столѣтія до 1789 года“; доценты: А. Кирпичниковъ — „Греческие романы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Іосафѣ“; Дудукаловъ — въ Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества „Вліяніе операций phimosis на мужское безсиліе“; Кузнецовъ — въ Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества: „О подкожномъ впрыскиваніи карболовой кислоты, и „Къ вопросу о самостоятельности roseolae“; Стрѣльцовъ — въ Archiv für mikroskopische Anatomie „Ungleichmässige Wachsthum als formbildendes Princip der Knochen“; приват-доценты: П. А. Ясинскій — монографію „О вліянії механизма родовъ на форму головки плода“; Погорѣлко — „Изслѣдованіе движений жидкостей въ въкоторыхъ частныхъ случаяхъ“; лаборанты: Н. М. Флавицкій — въ Протоколѣ V съѣзда естествоиспытателей въ Варшавѣ „Объ абсолютныхъ температурахъ кипѣнія гомологовъ“; Ярошевскій — въ Трудахъ общества испытателей природы при Харьковскомъ университѣтѣ „Списокъ двухкрылыхъ насекомыхъ окрестностей Харькова“; Ломиковскій — въ Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества: „Сифилитическое пораженіе позвоночного столба“, „Ларингоскопъ, какъ помошь для распознаванія разширенія дуги аорты“ „Случай брюшного тифа, осложненнаго перемежающеюся лихорадкой и возвратною горячкой“; помощникъ библіотекаря Чириковъ — въ Русской Стариинѣ „Тимоѳей Осиповичъ Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета 1820 г.“; консерваторъ ботаническаго кабинета Рейнгардъ — въ Трудахъ общества испытателей природы — „О конуляціи зооспоръ Chlomydomonas pulvrisculus и strigeoclonium Sp.“ и въ Протоколахъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ Варшавѣ — „Исторія развитія Characium“; стипендіатъ Ковалевскій — диссертацию на степень доктора медицины „Объ измѣненіи чувствительности кожи у меланхоликовъ“; въ Московской Медицинской газетѣ — „Къ учешю объ эпилепсіи“, „Объ изслѣдованіи кожныхъ чувствъ“, „Упрощенный барестезіометръ“, „Состояніе чувства мысли у меланхоликовъ“ и „Очеркъ психического отдѣленія для мужчинъ при Харьковской губернской земской больницѣ“ и въ Медицинскомъ Вѣстнику — „Топоестезіометръ“ и „Чувство давленія у меланхоликовъ“; стипендіатъ А. Евецкій — „О юридическихъ лицахъ“.

5. По Киевскому университету св. Владимира:

Ординарные профессора: Гогоцкій — издалъ краткій словарь; Мo-

дестовъ—напечаталъ: „Обзоръніе ученой литературы по латинской филологии въ Россіи за 1874 и 1875 годы“. „Еще по поводу славянского племени въ Цимпейскихъ надписяхъ“, выпустилъ 2-е изданіе „Лекцій по исторіи римской литературы до вѣка Августа“ и завѣдывалъ изданіемъ Трудовъ З-го археологического съѣзда; Иконниковъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ: „Критико-библіографическая замѣтки о новыхъ книгахъ по русской исторіи“ и „Обзоръ литературы русской исторіи за 1875 годъ“ и въ Вѣстникѣ Европы „Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественпаго образованія“; Ѳёофилактовъ въ Трудахъ С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей „О диллювіальныхъ образованіяхъ Кіевской и Полтавской губерній“, „О построеніи Исачковскаго бугра въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи“, „О правильномъ сравненіи минераловъ группы полевыхъ шпатовъ“ и „Объ отношеніяхъ лабрадоритовой породы къ ортоказовымъ гранитамъ въ Кіевской губерніи“; Авенаріусъ въ Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg ,Ueber die Ursachen, welche die kritische Temperatur bedingen“; Алексѣевъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „Обзоръ русской химической литературы въ 1875 году“, въ журналѣ Русского химического общества „Обзоръ русской химической литературы за 1874 и 1875 годы“ и приготовилъ къ печати „Органическую хімію“; Ващенко-Захарченко въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Теорію опредѣлителей и теорію двоичныхъ формъ“; Котляревскій въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Успѣхи словяновѣдѣнія за три года“ и нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ о новыхъ книгахъ; Боршовъ—въ трудахъ Кіевскаго отдѣленія русскаго техническаго общества „Къ вопросу о студенистомъ осадкѣ свеклосахарныхъ растворовъ“; Хандриковъ—оканчивалъ печатаніемъ 3-й томъ трактата „Система астрономіи“; Бунге въ Вѣстникѣ Европы „Монополія желѣзодорожного царства и ея ограничевія“ и въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „Курсъ статистики 2-е изданіе“, „Государство и народное образование. Извлеченіе изъ сочиненія А. Штейна „Das Elementar und das Berufsbildungswesen“ и IV раздѣль курса полицейскаго права „Средства сношеній“; Бунге „Электролизъ водныхъ растворовъ муравьиной кислоты“ „Обзоръ книжной литературы по химической технологіи за 1875 годъ“, „Новые руководства къ анализамъ, употребляемымъ въ свеклосахарномъ производствѣ“, редактировалъ „Обзоръ литературы по technicalской части свеклосахарной промышленности“ и „Указатель русской литературы“, издаваемый Кіевскимъ обществомъ естествоиспытателей

Кистяковскій—продолжалъ печатаніе свода законовъ, составленнаго при императрицѣ Елизаветѣ для Малороссіи, напечаталъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„О трудахъ профессора Тонисена по истории уголовнаго права“ и „Собрание и разработка матеріаловъ по обычному праву“, въ Судебномъ Вѣстникѣ—„О наказуемости изъявленія умысла по русскому праву“, „Къ вопросу о недозволенномъ оставленіи отечества“, „Къ вопросу о способѣ опредѣленія личности свидѣтеля и отношеній его къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ“, и „Возможно ли у насъ отдѣлить экзамены юристовъ отъ преподаванія, и ввести государственные экзамены на судебныя должности“; Романовичъ-Славитинскій издалъ сочиненія Иванишева и напечаталъ въ Древней и Новой Россіи и отдельною книгой „Жизнь и дѣятельность Иванишева“; Владимірскій-Будановъ въ Педагогическомъ Музѣѣ „Объ обязательности народнаго образованія въ Россіи“ и окончилъ вторымъ изданіемъ 1-й выпускъ „Хрестоматія по истории русскаго права“; Эргардтъ въ Современной Медицинѣ „Покушение на самоубийство“ и „Покушение на самоубийство — умоизступленіе“ Экстраординарные профессоры: Баранецкій въ *Mémoires de la société nationale des sciences naturelles de Cherbourg* статью „Influence de la lumi re sur les plasmodia d'Aethalium septicum“; Шиллеръ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Электромагнитные свойства концевъ разомкнутыхъ токовъ и діэлектриковъ“; Шкаляревскій въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„О современному состояніи гемодинамики“ и въ Русскомъ Вѣстникѣ—„Критики того берега“; Минхъ въ трудахъ врачей Одесской городской больницы „О свободныхъ тѣлахъ брюшинъ“; Гейбель въ *Pflüger's Archiv für gesammte Physiologie* „Ueber die Abh angigkeit des wachen Schirnzustandes von accuseren Erregungen. Ein Beitrag zur Physiologie des Schlafes und zur W urdigung des kircherschen Experimentum mirabile“. Доценты: Цвѣтаевъ *Un iscrizione Osca in Pompei* въ *Bulletino dell'instituto archeologico Romano*, „Iscrizioni osche“ въ *Atti dell' Academia delle scienze e Belle Arti di Torino*, и Атласъ *facsimiles* Осскихъ надписей, снятыхъ съ памятниковъ въ Италии, латинскій текстъ къ атласу и „Сборникъ Осскихъ надписей съ предварительнымъ очеркомъ грамматики и гloscариемъ“; Фортинскій—въ Университетскихъ Извѣстіяхъ, „Приморскіе венды города и ихъ влияніе на образованіе Гавзейского союза“, Терновскій въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Изученіе византійской исторіи въ древней Руси“ и въ Запискахъ Одесского общества исторіи и древностей — переводъ житія св. Клиmenta, папы римскаго,

съ греческой рукописи XI вѣка; Лучицкій въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—первый томъ сочиненія „Католическая лига и кальвинисты во Франціи“ и „Обзоръ работъ по новой исторіи за 1875 годъ“ въ *Revue historique* и въ журналѣ *Знаніе*, „Леонардо-да-Винчи, какъ ученый“; Толочиновъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ рефератъ по акушерству и гинекологіи; приватъ-доцентъ Бобрецкій въ *Archiv für mikroskopische Anatomic*, „*Studien über die embryonale Entwicklung der Gastropoden*“ и въ Извѣстіяхъ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи „Изслѣдованія о развитіи головопогонихъ“; лаборантъ Лоначевскій-Петруняка редактировалъ записки Киевскаго отдѣленія русскаго техническаго общества по свеклосахарной промышленности; хранитель Армашевскій напечаталъ въ запискахъ Киевскаго общества естествоиспытателей „Предварительное сообщеніе о геологическихъ изслѣдованіяхъ въ Черниговской губерніи въ 1875 году“.

6. По Новороссійскому университету:

Ординарные профессоры: Леонтовичъ—напечаталъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній разборъ сочиненія Самоквасова „О городахъ“; Григоровичъ—въ Запискахъ Новороссійского университета: „Записку о способахъ къ изученію южно-русской земли, находящихся въ военно-ученомъ архивѣ главного штаба“ и „Объ участіи Сербовъ въ нашихъ общественныхъ отпраздненіяхъ“; Юрьевичъ—занимался изданиемъ X тома Записокъ Одесского общества исторіи и древностей, въ которомъ напечаталъ объясненіе нѣкоторыхъ греческихъ надписей и переводъ VII главы Страбона; Войтовскій—въ Христіанскомъ Чтеніи—„Переписку между барономъ Гакстгаузеномъ и А. Н. Муравьевымъ о соединеніи церквей“ и въ Херсонскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостяхъ—рѣчь при выпускѣ воспитанницъ Одесского института благородныхъ дѣвицъ; Головкінскій въ Запискахъ Новороссійского университета „Мысли о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты“; Шведовъ въ Журналѣ С.-Петербургскаго физического общества: „Отраженіе электрическихъ лучей отъ выпуклой дуги круга“ и „Нѣсколько словъ по поводу „Опыта физического объясненія внѣшнихъ дѣйствій тока“ Фанъ-деръ-Флита; Ковалевскій въ журналѣ *Archiv für mikroskopische Anatomic*, „Weitere Beiträge zur Entwicklung des Amphioxus als ein Beitrag zur Morphologie des Nervensystems“; Вальцъ въ Запискахъ Новороссійского университета „О размноженіи растѣній частями сѣмянъ“ и, вмѣстѣ съ учеными садовниками Рудольфомъ, „Index seminum quae hortus botanicus Universitatis Novae Rossiae

mutuo commutando offert; Синцовъ въ Запискахъ Одесского общества естествоиспытателей — „Предварительное сообщение о новыхъ и малоизслѣдованныхъ формахъ раковинъ изъ третичныхъ образованій Новороссии“ и „Нѣсколько словъ о Belemnites Zittelii n. sp.“ и въ *Sitzungsberichte der k. Academie der Wissenschaften—Ueber das Auftreten des Foraminiferen—Genus Nubecularia im sarmatischen Sande von Kischinew*; Кудрявцевъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета публичную лекцію „Мухамеданская религія, рассматриваемая въ ея происхождении, существѣ и отношеніи къ религіи христіанской“; Карапелевъ въ тѣхъ же Запискахъ „Пріложение теоріи функций ипимаго перемѣнного къ разложенію въ ряды координатъ эллиптическаго движенія и пертурбационной функциї“ и „Простѣйшій способъ вычисленія измѣненій элементовъ планетъ“; экстраординарные профессоры: Брунъ въ Трудахъ Землемѣрного археологическаго съѣзда — „О разныхъ названіяхъ Киева въ прежнее время“ и „О резиденціи хановъ Золотой Орды до временъ Джанибека I“ и въ *Zeitschrift für Erdkunde—Die Verwandlungen des Presbyters Johannes*; Лигинъ въ *Repertorium für reine und angewandte Mathematik—Sur les systèmes de tiges articulées*, въ *Nouvelles Annales de Mathématiques—Note sur l'origine de l'idée de la Cinématique* и въ *Nouvelle correspondance mathématique—Доказательство одной теоремы Левано*“ и „Доказательство одной теоремы Нейманна“; Волковъ въ *Verhandlungen des Naturhistorisch-medicinischen Vereins in Heidelberg—Die Lichtabsorption in der Chlorophyllösungen*; доценты: Клименко въ *Journal für praktische Chemie—Ueber die Einwirkung von Brom auf Milchsäure*, въ Журналѣ русскаго химическаго общества — „О дѣйствіи брома на молочную кислоту“ и въ *Berichte der deutschen Chemischen Gesellschaft zu Berlin—Ueber die Bildung des Lactid-Bromals*“ и въ Запискахъ Новороссійскаго университета — „Материалы для исторіи молочной и пировиноградной кислотъ“; Кондаковъ въ Трудахъ Московскаго археологическаго общества — „Исторію грузинской архитектуры“, въ Запискахъ Одесского общества исторіи и древностей — „Мраморный рельефъ Цантикопей“, въ Трудахъ 2-го съѣзда археологовъ — „Предметы древностей изъ Аккермана“, въ Трудахъ 3-го археологическаго съѣзда — „Древности Кубанской-Терской области“ и въ Запискахъ Новороссійскаго университета — Отчеты о занятіяхъ въ заграницкой командировкѣ; Кочубинскій въ Запискахъ Новороссійскаго университета — отчеты о занятіяхъ славянскими народами изъ-за границы съ 1-го августа 1874 по 1-е февраля 1876 года; Воеводскій

въ томъ же изданіи „О такъ называемыхъ Гомеровскихъ поэтахъ“; приватъ-доцентъ Спиро въ Запискахъ Новороссійскаго университета „О кожномышечныхъ рефлексахъ“, консерваторы: Ришави въ *Landwirtschaftliche Versuchstationen* „Einige Versuche über die Athmung der Pflanzen“; Сталевичъ произвелъ вычисление метеорологическихъ наблюдений за 1876 годъ, которыя будутъ напечатаны въ Лѣтописяхъ главной физической обсерваторіи въ С.-Петербургѣ; лаборантъ Пономаревъ помѣстилъ въ Журналъ русскаго химическаго общества естествоиспытателей „Геологический очеркъ иѣловой формациіи Крыма и слоеній, переходныхъ отъ этой формациіи къ эоценовымъ отложениямъ“; кандидатъ Шельдингъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „О влажности теплоты на растенія“.

7. По Дерптскому университету:

Профессоры: Фольктъ въ *Herzog-Theologische Real-Encyclopädie* статью: „Aram, Aramaische Sprache, Asasol“; Фонъ-Этtingенъ—„Antiultramontana, Kritische Beleuchtung der Unfehlbarkeitsdoctrin“ и помѣстилъ три статьи въ *Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit Russlands* и четыре рецензіи въ *Schäerer theologisches Literaturblatt*; Мюлау—рядъ статей по библейской географіи въ изданіяхъ въ 1876 году выпускахъ Riehm. *Handwörterbuch des biblischen Alterthums*; Бетхеръ въ *Mémoires de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg* статью „Neue Untersuchungen über die rothen Blutkörperchen“; Г. Фонъ-Этtingенъ въ *Dorpater medicinische Zeitschrift*—„Zur Lehre von der Embolie der art. centr. retinae“ и въ *Klinische Monatsblätter für Augenheilkunde*—„Zur Casuistik und Diagnostik der Orbitaltumoren“; Драгендорфъ въ *Pharmaceutical Journal und Transactions*—„Ergot of rye“ и въ *Archiv für experimentelle Pathologie und Pharmacologie*—„Ueber die wirksamen und einige andere Bestandtheile des Mutterkorns“; Фогель въ *Deutsches Archiv für clinische Medicin*—„Cystöse Degeneration des Kleinhirns“; А. Шмидтъ въ *Pflüger-Archiv für Physiologie*—„Ueber die Beziehungen des Kochsalzes zu einige theorischen Fermentationsproessen“ и *Bemerkungen zu O. Hamerstons Abhandlung und Untersuchungen über die Faserstoffgewinnung* и въ *Medicinische Centralblatt*—„Bemerkungen zu Gautiers Gerinnungsversuch; Бергманъ въ *Petersburger medicinische Wochenschrift*—„Ueber Extososen am unteren Femurende“ и въ *Volkmann-Sammlung klinischer Vorträge*—„Die Diagnose der traumatischen Meningitis“. Бемъ въ *Ziemssenspecielle Pathologie und Therapie*—„Handbuch der Intoxicationen“, вмѣстѣ съ профессоромъ Гоф-

маномъ въ Medicinisches Centralblatt — „Ueber den Verbrauch der Kohlenhydrate im theoretischen Organismus“, въ Archiv für experimentelle Pathologie und Pharmacologie— „Ueber die Alcoloide der Elephanskörner“, „Ueber den giftigen Bestandtheil des Wasserschierlings (cicuta vivosa) und seine Wirkungen“ и „Beiträge zur Pharmacologie und Toxicologie“; Гофманъ—вмѣстѣ съ профессоромъ Вемомъ появившись въ Medicinisches Centralblatt статью „Ueber den Verbrauch der Kohlenhydrate im thierischen Organismus“ и въ St.-Petersburger medicinische Zeitschrift— „Hemianästhesie bei Embolie der arteria fossae Sylvii“, Стида въ Waldeyer-Archiv für mikroskopische Anatomie— „Einige Bemerkungen über die Bildung des Knochengewebes“, въ Archiv für Anthropologie— „Mittheilungen aus der anthropologischen Literatur Russlands“ и разныя рецензіи въ Russische Revue, въ Sitzungsberichte der gelehrten Estnischen Gesellschaft и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ; Мейеръ въ Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft— „Ueber die bei Heinrich dem Letten sich findenden Nachrichten von den Fsten“ въ Göttingische gelehrte Anzeigen— „Ueber Glauben und Wissen“, рецензіи трудовъ академика Видемана: лексикона эстского языка, эстской граматики и статьи „Aus dem inneren und äusseren Leben der Esten“ въ Kuhn—Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung—λέγω und λήγω, въ Bezzengerer Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen— „Ueber die griechischen, insbesondere die homerischen Nonina auf εῳ; Брикнеръ—въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—окончаніе первого тома сочиненія „Іванъ Порошковъ“, „О практическихъ упражненіяхъ при преподаваніи новой исторіи Россіи“ и „Объ учебныхъ пособіяхъ при изучении русской исторіи“, въ журналѣ Древняя и Новая Россія—дѣвъ подробная рецензія труда Маркевича „Юрій Крижаніч и о новѣйшемъ изданіи мемуаровъ Манштейна“, „С.-Петербургскія Вѣдомости во времена французской революціи“ и „Издание дневника Храповицкаго“, въ Russische Revue—конецъ статьи „Zur didaktischen Literatur in Russland im XVIII Jahrhundert“ и „Nachtrag zu dem Buche: „Die Familie Braunschweig in Russland“; Тейхмюллеръ— „Nene Studien zur Geschichte der Begriffe, Heft I, Heracleitos“ и „Die platonische Frage, eine Streitschrift gegen Zeller“; Гаусманъ въ Mittheilungen aus der livländischen Geschichte— „Johann Renners livländische Historien“ и „Ueber die angebliche Belagerung Riga im Jahre 1567“, въ Realencyclopädie für protestantische Theologie und Kirche — „Alexander Newsky“, въ Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft —

„Ueber Archivarien livländischen Geschichte in den Archiven von Dresden und Schwerin“; К. Шмидтъ въ Bulletin de l'Académie Impérial des sciences de St.-Petersbourg—„Ueber Paraffin enthaltende Mineralstoffe auf der Apscheronschen Halbinsel“ и „Der natürliche Salpeter im nordkaukasischen Jura-Kohlensandstein des Kubanthales“, въ Repertorium für Meteorologie—„Untersuchung der von Dr. Fritsche auf einer Reise von Peking via Suez-Canal nach St.-Petersburg im Grossen und Indischen Ocean geschöpften acht Meereswasserproben“ Гельмингъ—„Anwendung der Determinanten zur Darstellung transcedenter Functionen“; Гревингъ въ Sitzungsberichte der Naturforschergesellschaft in Dorpat—„Ueber den Kauter und Rinne-Kahn am Burtneck-See in Livland“ и въ Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft—„Ueber das Glawhk-Steinschiff in Mittel-Livland“; Арг. фонъ-Эттигенъ въ Repertorium für Meteorologie der kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St.-Petersburg—„Der Wind-Componenten-Integrator, съ 4 рисунками“; Руссовъ—„Delectus Seminum horti botanici Dorpatensis, anno 1875 collectorum“. Доценты: Бунге въ Zeitschrift für Biologie—„Zur quantitiven Analyse des Blutes и въ Archiv für experimentelle Pathologie und Pharmacologie—„Ueber die Bildung der Hippursäure im Thierkörper“; Ригеръ въ Langenbeck-Archiv—„Antiseptische und offene Wundbehandlung“ и въ St.-Petersburger medicinische Wochenschrift—„Hydroccelenschnitt unter antiseptischen Cantelen“, „Zur Behandlung der Pseudarthrosen“ и „Correspondenzen kriegschirurgischen Inhalts aus Serbien“; Кеслеръ въ Dorpater medicinische Zeitschrift—„Ueber acuta in der Gravidität entstandene hochgradige Hyperplasie des labium uteri ant“; Зейдлицъ—„Beiträge zur Descendenztheorie“; приватъ-доцентъ въ Запискахъ Русского Минералогического Общества—„Beschreibung einer permischen Koralle Tistulipora Lahuseni“ и „Ueber die Gattung Stenopora Lonsdale“; ученый аптекарь Э. Мазиягъ въ Archiv der Pharmacie—„Zur quantitativen Bestimmung des Veratrinus und Physostigmius“ и въ сколько статей въ издаваемомъ профессоромъ Драгендорфомъ Jahresbericht über die Fortschritte der Pharmacognosie, Pharmacie und Toxicologie.

8. По Варшавскому университету:

Профессоры: Павинскій въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Описanie четырехъ языческихъ кладбищъ, имѣствъ съ фотографическими снимками найденныхъ вещей“, Струве „Hamlet. Eine Charakterstudie“, „Письма изъ Лондона объ англійскомъ художествѣ“ въ жур-

наль Klozy, „Psychologisch-metaphische Analyse der Grundgesetze des Denkens“ въ Philosophische Monatshefte; Мѣржинскій въ Трудахъ III археологическаго съѣзда „Ласицкій и его сочиненіе „De diis Samagitorum“; Коссовичъ приготовилъ 2-е изданіе Греческаго словаря; Левестамъ въ журналахъ Klosy и Wiek литературныя статьи, эстетическія и критическія разсужденія, въ лейпцигскомъ журнале Blätter für litterarische Unterhaltung и въ Allgemeine Zeitung „Обзоръ литературнаго движения въ Польшѣ“, отдельною брошюрою „Alexander Fredro, obraz biograficzno-literacki“ и приготовилъ къ печатанію „Три публичныя лекціи о драматическомъ искусстве“; Колосовъ выпустилъ въ свѣтъ 2-е изданіе „Старославянской грамматики“ и иомѣстилъ въ Запискахъ Академіи наукъ „Замѣтки о языкахъ и народной поэзіи въ области сѣверного великорусского нарѣчія“; Первольфъ напечаталъ сочиненіе „Германизація Балтійскихъ Славянъ“; Яковлевъ редактировалъ „Дж. Г. Льюисъ. Авторы и сценическое искусство“, напечаталъ переводъ съ нѣмецкаго „Иречекъ. Исторія Болгаръ“ и статью „Къ исторіи русскихъ путешествій въ Азію“; Макушевъ въ Русскомъ Вѣстнике „Очеркъ исторіи и современнаго положенія задунайскихъ Славянъ“ и въ Славянскомъ Сборникѣ „Восточный вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, по неизданнымъ итальянскимъ памятникамъ“, „Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI вѣка“ и „Слѣды русскаго влиянія на старопольскую письменность“; Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Отчетъ о занятіяхъ во время заграничной командировкѣ“, „Головня морскаго щавеля“ и „Сборникъ работъ, произведенныхъ въ ботанической лабораторіи Варшавскаго университета“; Поповъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Работы химической лабораторіи Варшавскаго университета“, на V съездѣ русскихъ естествоиспытателей сдѣлалъ сообщеніе: „Объ окисленіи кетоновъ, содержащихъ бензинъ“, „О строеніи бромо-знатовой и окси-знатовой кислотъ“, „О помѣщеніи хлора въ хлоро-валерамъ“ и „Углеводороды“; Востоковъ сдѣлалъ на V съездѣ русскихъ естествоиспытателей сообщеніе „О разложеніи въ рядѣ функцій, представляющей обратную величину разстоянія между двумя планетами, въ рядѣ по степенямъ эксцентрицитотовъ“; Алексѣевъ сдѣлалъ сообщеніе на V съездѣ русскихъ естествоиспытателей: о нѣкоторыхъ рядахъ, о способѣ черепія стереоскопическихъ фигуръ и о связи лежандровыхъ функций съ алгебраическими, и приготовилъ къ печати II и III томы издаваемаго имъ интегрального исчисленія;

Юркевичъ издалъ переводъ 12-ти публичныхъ лекцій Агассица „О естественныхъ основаніяхъ сродства между животными“, съ прибавленіемъ подробнаго жизнеописанія и ученой дѣятельности автора, отчеты о новѣйшихъ открытияхъ въ области естественныхъ наукъ, въ журналахъ Bluszcz и Kłosy, и въ журналѣ „Природа и Промышленность“ помѣстилъ статью „О внутреннемъ морѣ въ пустынѣ Сахара“; Александровичъ сдѣлалъ на V съездѣ русскихъ естествоиспытателей сообщеніе: „Изслѣдование пяти новыхъ видовъ Емпузас“ и „Проектъ къ изданію таблицъ рисунковъ съѣдоныхъ и ядовитыхъ грибовъ“; Ганинъ въ Трудахъ V съезда естествоиспытателей: „Материалы къ познанію постъ-эмбрионального развитія насѣкомыхъ“ и „Наблюдение надъ эмбриональнымъ развитіемъ Pelodeza teres“; Андреевскій сдѣлалъ на V съездѣ естествоиспытателей сообщеніе „Объ одномъ способѣ измѣненія исриметровъ по неопределеннѣхъ интегралахъ, посредствомъ котораго можно изъ известныхъ простѣйшихъ интеграловъ получить значеніе другихъ интеграловъ“; Вржесніовскій сдѣлалъ на V съездѣ русскихъ естествоиспытателей сообщеніе: „Къ систематикѣ и анатоміи инфузорій“ и „Къ систематикѣ и анатоміи амфиподъ“ и помѣстилъ въ журналѣ Przyroda i przemysł подробные отчеты о сочиненіяхъ Бенедека „Commensaux et parasites“ и Лейкарта „Die menschlichen Parasiten“; Будзинскій въ Руководствѣ для гминныхъ судовъ составилъ „Уставъ о наказаніяхъ 1864 г.“ и помѣстилъ нѣсколько статей въ журналѣ Gazeta Sądowa; Кашкица въ журналѣ Wick „Kilka uwag nad pracą p. t. Wychowanie publiczne na podstawach ekonomii politycznej przez Alexandra Czarnowskiego“; Окольскій „Краткій очеркъ гражданскаго судопроизводства по уставамъ 20-го ноября 1864 г.“; Самоквасовъ „Древнія земляные насыпи и ихъ значеніе для науки“ въ сборникѣ „Древняя и Новая Россія“, 1-ї томъ „Сборника обычнаго права Сибирскихъ инородцевъ“, „О результатахъ раскопки городищъ и кургановъ въ 1876 году въ Черниговской, Полтавской и Киевской губерніяхъ“ и „О камепныхъ орудіяхъ“; Михмешевскій „O dziełach, postępujących do poznania nowych ustaw sądowych“ въ Gazeta Sądowa Warszawska, „Rys organizacji władz sądowych podług ustaw z. d. 20 Listopada 1864 r.“, „Przepisy obowiązująca co do skazywania nieletnich grzestępców do osad rolnych i przytułków rzemieślniczych Warszawa 1874 r.“, „Rocznik Towarzystwa osad rolnyc i przytułków rzemieśniczych za 1875 r.“, „Руководство для гиппныхъ судовъ Царства Польскаго“ (2 тома на русскомъ и польскомъ языкахъ), „Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ

и исправительныхъ, получившее обязательную силу въ Царствѣ Польскомъ, въ силу указа правительствующаго сената 25-го сентября 1875 года, съ разъясненіями по рѣшеніямъ правительствующаго сената по 1-о января 1876 года, на русскомъ и польскомъ языкахъ; Бродовскій въ Архивѣ Вирхова „Mittheilungen Laboratorium der pathologischen Anatomie zu Warschau“, въ Medizinische Jahrbücher v. Stricker „Berichtigung aus Anlass des Artikels von Herrn Rabl: Ueber das Granulations-Gewerbe und seine Bedeutung für die Scrophulose“, въ Трудахъ съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ Варшавѣ „Къ учению объ острой желтой атрофіи печени“; Гирштотвъ продолжалъ печатать „Руководство къ общей и частной хирургіи“ и напечаталъ въ Gazecie lekarskiej Warszawskiej статьи: „О полипахъ“, „О вагинальной овариотоміи“ и „Объ операциі Пирогова“; Гойеръ въ Hoffmann und Schwalbe Jahresbericht der Anatomic und Physiologie im Jahre 1875 „Рефераты объ успѣхахъ анатоміи, гистологіи и эмбриологіи по русской и польской литературѣ за 1875 годъ“, въ Athenaeum „Критический взглядъ на учение Дарвина“, въ Работахъ, произведенныхъ въ лабораторіяхъ медицинскаго факультета Варшавскаго университета—„О непосредственномъ соединеніи между артеріями и венами“, въ Archiv für mikroskopische Anatomie von Waldeger und Lavallée—„Ueber unmittelbare Einmündung kleinster Arterien in Gefasse des venosen Characters“, въ Трудахъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей—„Beiträge zur anatomischen und histologischen Technik“ и „О значеніи практическихъ ученыхъ учрежденій“; Тырковскій въ Запискахъ общества Варшавскихъ врачей „Определеніе средней половины зрѣлости женщины въ Царствѣ Польскомъ“; Аидреевъ изъ газетъ Современная Медицина „Современное состояніе вопроса о колтунѣ“; Ламблъ сдѣлалъ въ засѣданіяхъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей сообщенія: „Нѣсколько новыхъ фактовъ изъ области клинической уроскопіи“, „Наблюденіе надъ церкномонадами“, „Олокализаціяхъ болѣзней мозга“, „О боковомъ кровообращеніи, такъ называемыхъ Caput Medusae или Cirsophale“, „О гистологическомъ дисхронизмѣ по отношенію къ порокамъ сердца и неправильной иннервациіи сердца“, „Объ эпителій слизистой оболочки кишечка и о значеніи его въ процессѣ всасыванія“ и „О Венерѣ готтенточкѣ (Steatopyga et Spondylolysis)“; Коталевскій—сдѣлалъ на V съѣздѣ естествоиспытателей и врачей помѣщенія въ Реферахахъ съѣзда сообщенія: „Методъ, посредствомъ котораго спектральный анализъ крови доказываетъ, что гніеніе происходитъ и безъ доступа атмосферного воздуха“, „Способъ добывать

кристаллы гемина изъ гнилой крови", „Изслѣдованія, относящіяся къ пробѣ Фанъ-Деена на кровь", „О методѣ для отличія крови млекопитающихъ отъ крови другихъ животныхъ", „О спектроскопѣ, какъ лучшемъ средствѣ для отличія мнимой смерти отъ истинной". „Опыты, касающіеся отличія прижизненныхъ ожогъ отъ посмертныхъ" и „О формахъ hymenis—мостовидной и щелеобразной"; Левитскій въ Медицинскомъ Вѣстникѣ и въ *Gazeta lekarska*—„По поводу нового дагностического признака перфораций кишечка", въ Врачебныхъ Вѣдомостяхъ и въ *Gazeta lekarska*—„Tubercula solitaria cerebelli", въ Архивѣ Руднева—Случай „regipracchymeningitidis spinalis" и „Случай полной лейкеміи"; Лучкевичъ напечаталъ „Пропедевтику медицинскихъ наукъ"; Ефремовскій въ Лѣтописи Московскаго хирургическаго общества—„О переломахъ костей, производимыхъ одною мышечною силой" и въ Медицинскомъ Вѣстникѣ—„Травматическое воспаленіе жевательной мышцы съ послѣдовательною контрактурой и свидѣніемъ челюстей. Тенотомія, результатъ операций"; Траутфеттеръ въ Трудахъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей „О русской терминологіи накожныхъ болѣзней"; Чаусовъ—напечаталъ: „Топографическую анатомію шеи человѣка" и „Обзоръ успѣховъ по хирургии". Доценты: Барсовъ—рецензію на книгу Н. Горбачевскаго и Словарь древняго актоваго языка западно-русскаго края и Царства Польскаго"; Трейдосевичъ сдѣлалъ на V съездѣ естествоиспытателей сообщеніе „О случайному богатствѣ окаменѣлостей въ девонскихъ кварцитахъ Царства Польскаго" и въ журналѣ Przyroda i przemysł. „Ярусы новѣйшихъ третичныхъ формаций" и „Геологические труды Станислава Сташица, находящіеся въ библиотекѣ Варшавскаго университета"; Сонинъ сдѣлалъ на V съездѣ русскихъ естествоиспытателей сообщеніе „Объ опредѣленіи максимальныхъ и минимальныхъ свойствъ кривыхъ линій" и приготовилъ къ печати: „О дифференціальныхъ преобразованіяхъ дифференціальныхъ уравнений" и „О решеніи функционального уравненія: $fa = f\left\{\frac{1}{x}\right\}$ "; Пленковскій въ Землемѣрческой Энциклопедіи: „Мясо въ дієтическомъ отношеніи" и „Молочные продукты и молоко"; Фудаковскій въ Журналѣ Русскаго химическаго общества и въ Berichte der deutsch. chemischen Gesellschaft „О галактозѣ" и въ трудахъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей—„Дальнѣйшие результаты изслѣдованія галактоза"; Нейгебауэръ въ *Gazeta lekarska*—„Fibromyoma vaginae" и въ Протоколахъ V съѣзда естествоиспытателей—„Срединное частное сшиваніе

часть схсх1, отд. 1.

влагалища (новый способъ лечения выпаденія матки)"; Вольфрицъ въ Протоколахъ V съѣзда естествоиспытателей „Къ ученію о способѣ развитія кровеносныхъ сосудовъ въ роговицѣ послѣ дифтерита соединительной оболочки". Приватъ-доцентъ Баранецкій—сдѣлалъ на V съѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе: „О непрерывныхъ дробахъ" и „Способъ составленія сопряженной системы, напечаталъ двѣ статьи въ Мемуарахъ общества точныхъ наукъ въ Парижѣ и критическая статья въ *Przegldzie Krytycznym* и въ *Jahrbuch ber die Fortschritte der Mathematik*. Старшій астрономъ-наблюдатель Ковалчикъ въ журналѣ *Astronomische Nachrichten*—„Bahnbestimmung des Cometen II 1840" и въ *Berliner astronomisches Jahrbuch*—„Elemente und Ephemeriden der Planeten Hesperia und Thisbe fr 1877". Лаборанты: Дзвульскій—сдѣлалъ на V съѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе „О движеніи сuspendedированныхъ частицъ твердыхъ тѣлъ въ жидкостяхъ подъ вліяніемъ электрическаго тока", Фуксъ напечаталъ брошюру „Цѣхоцинскія лечебныя средства", сдѣлалъ на съѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе: „Объ окисленіи бензинъ-изопропиль—кетона," и участвовалъ въ переводе Химической технологии Р. Вагнера; Знатовичъ участвовалъ, совмѣстно съ доцентомъ Вреденомъ, въ составленіи работы „О гидрогенизаціи нафталина и о получении изобутилбензина"; Слюсарскій сдѣлалъ на съѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе: „Къ фаунѣ моллюсковъ Царства Польскаго" и „Къ анатоміи и истематикѣ *Hypodectes Columbae*", и напечаталъ въ журналѣ *Rzeczypospolitej* i *Przemysl* нѣсколько отчетовъ о книгахъ; Крамштыкъ въ Журналѣ русскаго химического общества—„Объ изслѣдованіяхъ, имѣющихъ въ виду разыскать соотношеніе выдѣляемыхъ организмомъ азота и фосфорной кислоты" и въ Журналѣ *Medycyna*—„Случай острого общаго воспаленія мышцъ, распознанного при жизни"; Майзель—сдѣлалъ на съѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе: „Къ вопросу о дѣленіи ядеръ" и „Замѣтка о громадныхъ клѣткахъ въ эпителіѣ роговой оболочки" Ординаторы: Мейерсонъ сдѣлалъ на съѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе: „О примѣненіи салициловой кислоты въ лихорадочныхъ болѣзняхъ"; Гросштернъ напечаталъ: въ *Bibliotekѣ медицинскихъ наукъ* — переводъ сочиненія Сенатора „*Choroby nardu ruchu*", и въ *Gazeta lekarska*—„*Przyczynki do nowego diagnoztycznego objawu przedzinrawienia kiszek*", „O wzgldnjej wartoci rosinaituch odczynników na bialko. „O kwasie trójchlorooctowym jako nowym odczynniku, na bialko" и „O Gruzelki odosobnione mzdzku";

Сигизм. Крамштыкъ въ журналѣ Medycyna: „Dwa przypadki przepustek wtosowatych worka tzwedo, wyleczonych za pomocem electrolizy“. Хранитель Тачановскій сдѣлалъ на съездѣ естествоиспытателей сообщеніе: „Сравнительный обзоръ орнитологической фауны Восточной Сибири“ и напечаталъ въ Орнитологическомъ журналь въ Берлинѣ: „Verzeichniss der Vögel welche D-r Dybowski im Ussuris-Lande gesammelt hatte“. Презекторъ Пржевоскій въ Мемуарахъ общества варшавскихъ врачей „Критический разборъ диссертациіи д-ра Бржечинскаго: „Раки позвоночнаго столба“.

(Продолженіе следуетъ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛЪНІЯ.

1. (2-го іюня 1878 г.). О присоединеніи Дерптскаго общества естествоиспытателей къ тамошнему университету.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше соизволилъ на присоединеніе Высочайше утвержденаго Дерптскаго общества естествоиспытателей къ тамошнему университету и на представление министерству народнаго просвѣщенія права, примѣняясь къ § 81 действующаго устава Дерптскаго университета, утвердить новый уставъ для сего общества.

2. (30-го іюня 1878 г.). Объ исключениіи Яранской ремесленной школы изъ списка учебныхъ заведеній, пользующихся льготою 4-го разряда въ отношеніи отбыванія воинской повинности.

Руководствуясь Высочайше утвержденнымъ 19-го ноября 1877 г. мнѣніемъ государственного совѣта, коимъ причисленіе училищъ къ четвертому разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности предоставлено министрамъ или главноуправляющимъ, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ означенныя училища, по сношеніи съ министрами военнымъ и народнаго просвѣщенія, и согласно отзыву генералъ-адъютанта Миллютина, управляющей министерствомъ народнаго просвѣщенія доноситъ правительствующему сенату, что Яранская

ремесленная школа исключена изъ Высочайше утвержденного 29-го мая 1876 г. временного списка учебныхъ заведеній, пользующихся льготою 4-го разряда въ отношеніи отбыванія воинской повинности, такъ какъ, по донесенію попечителя Казанскаго учебнаго округа, Яранское уѣздное земское собрание XI очередной сессіи постановило принимать въ Яранскую земскую ремесленную школу только окончившихъ курсъ въ пародныхъ училищахъ; обученіе же грамотѣ въ этой школѣ съ начала 1877—78 г. учебнаго года прекратить.

3. (27-го июня 1878 г.). Объ учрежденіи преміи имени Николая Ивановича Пирогова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе, изъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей, собраннаго по добровольной подпискѣ между преподавателями учебныхъ заведеній Киевскаго учебнаго округа, студентами университета св. Владимира и частными лицами, преміи имени Николая Ивановича Пирогова для студентовъ университета св. Владимира, за сочиненіе, удостоенное золотой медали.

4. (27-го июня 1878 г.). Объ учрежденіи стипендіи при университѣтѣ св. Владимира.

Нѣкоторые изъ друзей, товарищѣ и почитателей дѣйствительного статского советника Меринга, желая почтить его общественную дѣятельность какъ врача и человѣка, и выразить ему свое уваженіе и признательность, собрали между собою капиталъ въ пять тысячъ триста пятьдесятъ рублей, заключающійся въ облигацияхъ Восточнаго займа, на учрежденіе, изъ процентовъ сего капитала, одной стипендіи при университетѣ св. Владимира имени дѣйствительнаго статского советника Меринга.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи при университѣтѣ св. Владимира, съ наименованіемъ оной „стипендію Федора Федоровича Меринга“.

5. (27-го июня 1878 г.). Объ учрежденіи стипендіи при Московскому университетѣ.

Душеприказчики по завѣщанію коллежскаго советника Кушакевича представили въ правлѣніе Московскаго университета 5% билетъ государственного банка въ пять тысячъ рублей, на учрежденіе, изъ

процентовъ сего капитала, при названномъ университѣтѣ одной стипендіи имени¹ завѣщателя.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи при Московскому университѣтѣ, съ наименованіемъ оной „стипендіей коллежскаго совѣтника Андрея Федоровича Кушакевича“.

6. (27-го іюня 1878 г.). Объ учрежденіи стипендіи при Симбирской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятие оставшагося послѣ смерти бывшаго директора училищъ Симбирской губерніи, статскаго совѣтника Пикторова, умершаго безъ наследниковъ, капитала въ одну тысячу восемьсотъ шестьдесятъ рублей и на учрежденіе, на проценты съ оного; при Симбирской гимназіи стипендіи для выдачи одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназій, сыровѣтъ, сыну бѣднаго чиновника, служившаго въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, съ наименованіемъ оной: „стипендія статскаго совѣтника Пикторова“.

7. (27-го іюна 1878 г.). Объ учрежденіи стипендіи при Каменецъ-Подольской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятие собраннаго служащими при Каменецъ-Подольской гимназіи капитала въ 600 р. и на учрежденіе, на проценты съ оного, при названной гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія генералъ-лейтенанта Платона Александровича Аптоновича“, съ освобожденіемъ избираемаго на эту стипендію ученика отъ платы за учение въ гимназіи.

8. (27-го іюна 1878 г.). О принятіи пожертвованія почетной гражданки Щеголевой.

Почетная гражданка города Красноярска Щеголова пожертвовала 5,000 р. на приобрѣтеніе дома для Вязниковской женской прогимназіи, а въ случаѣ невозможности покупки—на постройку для прогимназіи зданія хозяйственнымъ образомъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизво-

лиль на принятіе пожертвованія Щеголевої, причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть благодарить жертвовательницу.

9. (14-го іюля 1878 г.). О принятіи пожертвованія, сдѣланаго гвардіи штабъ-ротмистромъ Мандрыкою.

Всѣдѣствіе представленія попечителя Харьковскаго учебнаго округа, по ходатайству отставнаго гвардіи штабъ-ротмистра Мандрыко, о принятіи отъ него жертвуемой имъ въ пользу однокласснаго начальнааго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Наумовкѣ, Вѣлгородскаго уѣзда, Курской губерніи, одной десятины земли изъ родового его имѣнія, симъ министерствомъ было внесено въ комитетъ министровъ представленіе объ удоплетореніи означеннаго ходатайства.

Нынѣ управляющій дѣлами комитета министровъ, выпискою изъ журналовъ отъ 4-го и 18-го іюля 1878 г., сообщилъ, что комитетъ министровъ полагаѣтъ: испросить на сіе, согласно съ представленіемъ министерства народнаго просвѣщенія, Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ на сіе Высочайшее соизволилъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

27-го іюня 1878 г. (№ 7). Утверждаются на три года: дворянинъ Каленъ—почетнымъ попечителемъ Рижской губернской гимназии.

Сызранскій 2-й гильдіи купецъ Степанъ Чурицъ—почетнымъ попечителемъ Сызранскаго реальнаго училища.

Командируются за границу: учитель Ровенскаго реальнаго училища Дубенецкій—съ 1-го іюля по 15-е августа 1878 г.

Директоръ Екатеринославской гимназіи, статскій советникъ Алевьевъ—по 1-е сентября 1878 г., съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшенаго ему заграничнаго отпуска на мѣсяцъ.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: исправляющій должность доцента института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, коллежскій советникъ Красускій, съ 15-го іюля по 15-е августа 1878 г.:

Доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой

Александрий, титулярный советник Краузе—съ 15-го августа по 15-е сентября 1878 г.

Лекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Видерть—съ 1-го июля по 1-е сентября 1878 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Богдановъ и хранитель ботаническаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета Гоби—по 1-е сентября 1878 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссийскаго университета Кочубинскій—на лѣтнее вакаціонное время 1878 г. и двадцать дней, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграницаго отпуска на вакаціонное время.

Доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Сыцянко—на четыре мѣсяца.

Доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, надворный советникъ Кесслеръ—на годъ, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграницаго отпуска на два мѣсяца.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссийскаго университета Петріевъ—на одинъ годъ и восемь мѣсяцевъ, съ 1-го сентября 1878 г.

Увольняется въ отпускъ: попечитель Виленскаго учебнаго округа, тайный советникъ Сергиевскій—въ Москву, на двѣ недѣли.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (2-го юля 1878 г.). Положеніе о музыкальныхъ діапазонахъ или камертонахъ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народного просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. Для музыки вокальной и инструментальной устанавливается по всей Россіи однообразный камертонъ, производящій 870 полукачаний въ секунду при + 15-ти стоградусного термометра.

§ 2. Повѣрка представляемыхъ къ употребленію камертоновъ волагается на главную физическую обсерваторію, въ С.-Петербургѣ.

§ 3. Для сего въ означенной обсерваторіи постоянно содержатся: 1) нормальный камертонъ и 2) повѣрочный камертонъ. Первый имѣть цѣллю неизмѣнно сохранять основной музыкальный тонъ; второй же,

математически согласованный съ первымъ, служить для точной повѣрки предназначенныхъ къ употреблению камертоновъ.

§ 4. На каждомъ вывѣренномъ въ обсерваторіи камертонѣ налагаются штемпеля: на одной оконечности съ изображеніемъ буквы У. К. (утвержденный камертонъ), а на другой съ означеніемъ года по-вѣрки.

Примѣчаніе. Штемпелевка производится со всѣми необходимыми предосторожностями, дабы не повредить строя камертона; на сей конецъ каждый камертонъ, по наложенію на онѣй штемпелей, снова провѣряется.

§ 5. Употреблѣніе однихъ лишь вывѣренныхъ и заштемпелеванныхъ въ главной физической обсерваторіи камертоновъ, а равно представленіе ихъ въ оную для новой повѣрки, не позже, какъ чрезъ шесть лѣтъ послѣ повѣрки предшествовавшей, обязательно для придворной пѣвческой капеллы, музыкальныхъ консерваторій, Императорскихъ театровъ, полковыхъ оркестровъ и хоровъ и вообще для всѣхъ тѣхъ правительственныхъ учрежденій, въ коихъ существуютъ музыкальные оркестры и пѣвческие хоры, а также для фабрикантовъ и мастеровъ, занимающихся изготавленіемъ музыкальныхъ инструментовъ.

§ 6. За повѣрку въ обсерваторіи камертоновъ никакой платы не взимается.

§ 7. Попѣлка паложеніяхъ на камертопы штемпелей преслѣдуется на основаніи дѣйствующихъ постановленій о казенныхъ штемпеляхъ.

§ 8. Отпускаемая по смытѣ министерства народнаго просвѣщенія сумма, въ размѣрѣ шестисотъ руб., расходуется по усмотрѣнію директора главной физической обсерваторіи на вознагражденіе лицъ, коимъ поручены будутъ повѣрка представляемыхъ въ обсерваторію камертоновъ и веденіе необходимой по сему предмету переписки, а также на ремонтъ употребляемыхъ для означенной повѣрки спирядовъ и приборовъ.

§ 9. На главную физическую обсерваторію возлагается: а) заготовленіе и храненіе штемпелей; б) заготовленіе и содержаніе въ попорядкѣ всѣхъ спирядовъ, необходимыхъ для точной повѣрки камертоновъ по способамъ, соотвѣтственнымъ современному состоянію науки; в) произведеніе, время отъ времени, повѣрки какъ нормального камертона, такъ и повѣрочнаго, для удостовѣренія въ томъ, что они производятъ 870 полукачаній въ секунду при температурѣ + 15-ти стоградуснаго термометра, и г) веденіе именнаго реестра мѣстъ и

лицъ, прѣставившихъ въ обсерваторію камертоны для повѣрки и штемпелеванія; перечни изъ этого реестра печатаются въ годовыхъ отчетахъ обсерваторіи.

2. (23-го июня 1878 г.).**Положеніе о стипендіяхъ медицинскаго института при Императорскомъ Дерптскомъ университѣтѣ.**

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія токаричемъ министра).

I. Цѣль и составъ института.

§ 1. Цѣль состоящаго при Дерптскомъ университетѣ медицинскаго института заключается въ образованіи врачей для всѣхъ вѣдомствъ.

§ 2. Институтъ завѣдуетъ 40 стипендіями. Каждому стипендіату предоставляется для своего образованія пользоваться стипендіею въ теченіе трехъ лѣтъ.

§ 3. Надзоръ за институтомъ и за ходомъ занятій стипендіатовъ возлагается на медицинскій факультетъ, въ особенности же на декана онаго.

II. Условія приема въ институтъ.

§ 4. Пріемъ новыхъ стипендіатовъ происходитъ, когда въ институтѣ открывается вакансія, обыкновенно же въ началѣ года.

§ 5. Отъ желающихъ поступить въ число стипендіатовъ требуется:

- 1) чтобы они были русскіе подданные;
- 2) чтобы они не имѣли ни нензлечимыхъ болѣзней, ни тѣлесныхъ недостатковъ, дѣлающихъ ихъ неспособными къ исполненію обязанностей будущаго изъ званія, о чемъ должно быть представлено свидѣтельство профессора государственного врачебновѣдѣнія;
- 3) чтобы поведеніе ихъ во время пребыванія въ университѣтѣ не подавало повода къ какимъ либо опасеніямъ въ отношеніи вѣрности долгу, о чемъ должно быть представлено выданное проректоромъ свидѣтельство;
- 4) чтобы они предварительно выдержали съ удовлетворительнымъ успѣхомъ первую половину испытанія на ученую степень (examen philosophicum).

III. Содержание стипендіатовъ.

§ 6. Каждому стипендіату выдается по распоряжению правительства въ мѣсячные сроки 300 руб. въ годъ.

§ 7. При отправлении на службу всякий стипендіатъ получаетъ:

- 1) на экипировку и на покупку книгъ 100 рублей;
- 2) карманный наборъ хирургическихъ инструментовъ и офтальмоскопъ;
- 3) прогонные деньги отъ г. Дерпта до места назначения въ случаѣ опредѣленія его на казенную службу.

IV. Обязанности стипендіатовъ.

§ 8. Стипендіаты обязаны въ концѣ каждого семестра подвергнуть себя испытанию въ тѣхъ предметахъ, о коихъ они въ теченіе семестра слушали лекціи, и представлять при томъ свидѣтельство объ участованіи ими въ тѣхъ практическихъ упражненіяхъ, на которыхъ они въ началѣ семестра записались. Сверхъ сего они въ концѣ каждого семестра должны выдержать таковое же испытаніе въ русскомъ языкѣ, хотя бы онъ и не входилъ въ число слушавшихъ ими предметовъ.

§ 9. Если стипендіатъ не подвергнетъ себя семестральному испытанию или окажеть на немъ неудовлетворительный свѣдѣнія, то производство ему стипендіи простоянавливается до исполненія этихъ обязанностей.

§ 10. Въ случаѣ и дальнѣйшаго затѣмъ нерадѣнія къ занятіямъ, медицинскій факультетъ представляетъ обѣ исключеніи стипендіата изъ Института.

§ 11. Исключение изъ Института влечетъ за собою и исключение изъ числа студентовъ Университета, равно какъ временнное исключение изъ Университета за противные благочинію и другіе проступки имѣть послѣдствіемъ своимъ временное исключение изъ Института, не освобождая однако тѣмъ исключенного отъ принятыхъ имъ на себя въ отношеніи къ правительству обязанностей.

§ 12. Ни одинъ стипендіатъ не можетъ отлучаться изъ Дерпта въ вакационного времени безъ особаго дозвolenія дѣкана медицинскаго факультета, которое дается лишь въ случаяхъ крайней необходимости.

§ 13. Пребываніе въ Институтѣ сверхъ установленнаго трехлѣтнаго срока допускается лишь по уважительнымъ причинамъ, но ни въ какомъ случаѣ производство стипендіи не можетъ продолжаться дольше упомянутыхъ 3 лѣтъ. Къ причинамъ, по коимъ дозволяется просить о разрѣшеніи дальнѣйшаго пребываніа въ Институтѣ, принадлежитъ преимущественно столь успѣшное выдержаніе испытанія на ученую степень, что экзаменующійся можетъ быть удостоенъ степени доктора, въ каковомъ случаѣ дозволяется просить отсрочки на одинъ семестръ для сочиненія и защищенія диссертациіи. Болѣзни только въ томъ случаѣ могутъ служить основаніемъ къ ходатайству о разрѣшеніи оставаться въ Университетѣ сверхъ установленнаго срока, если онъ были такъ трудны и продолжительны, что имѣли послѣдствіемъ прерваніе занятій на несколько мѣсяцевъ, о чмъ должно быть представлено свидѣтельство, выданное однимъ изъ членовъ медицинскаго факультета.

§ 14. Стипендіатъ обязанъ, по окончаніи имъ полнаго университетскаго курса, прослужить по назначению правительства въ вѣдомствахъ министерствъ военнаго или морскаго или же внутренніхъ дѣлъ по полутора года за каждый годъ пользованія имъ стипендіею. Для обеспеченія же факультетскихъ и госпитальныхъ клиникъ, равно какъ и другихъ медицинскихъ заведеній университета ординаторами и ассистентами, стипендіаты по окончаніи имъ университетскаго курса могутъ быть опредѣляемы по представленію правленія и въ названныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, причемъ если они поступаютъ на службу по этому вѣдомству по крайней мѣрѣ на три года, выдается имъ также по 100 руб. на экипировку, равно какъ карманный наборъ хирургическихъ инструментовъ и офтальмоскопъ.

§ 15. Стипендіатъ, желающій выйтіи изъ института до окончанія курса, можетъ лишь по болѣзни, засвидѣтельствованной начальствомъ университета и судебнно-медицинскимъ изслѣдованіемъ, быть освобождаемъ отъ обязательной службы съ разрѣшеніемъ министерства народнаго просвѣщенія по особому каждыи разъ представленію университетскаго совѣта и попечителя Дерптскаго учебнаго округа, если онъ притомъ возвращается пособіе, которыи онъ до тѣхъ поръ пользовался. По окончаніи университетскаго курса, освобожденіе стипендіата можетъ послѣдовать только съ Высочайшаго соизволенія.

§ 16. Если факультетъ по обнаружившему послѣ припїтия въ институтѣ продолжительному болѣзенному состоянію стипендіата, убѣдится въ неспособности его къ медицинскому званію, то онъ можетъ

представить объ увольненіи его. Таковое увольненіе не сопряжено однако съ исключениемъ его въ то же время изъ университета; но стипендіатъ обязанъ въ этомъ случаѣ возвратить полученную имъ стипендию, если онъ не будетъ вслѣдствіе ходатайства факультета по уважительнымъ причинамъ освобожденъ отъ сей обязанности.

§ 17. Стипендіатъ, выдержавшій окончательное медицинское испытаніе столь неудовлетворительно, что факультетъ не можетъ удостоить его никакой медицинской степени или званія, а равно стипендіатъ, исключенный по какой либо причинѣ изъ института, обязанъ возвратить полученную стипендию; въ противномъ случаѣ онъ можетъ быть назначаемъ въ число низшихъ медицинскихъ служителей. То же самое примѣнено и къ стипендіатамъ, которые подверглись временному исключению изъ университета, если они не поступятъ вновь въ медицинский институтъ.

3. (23-го июня 1878 года). Правила о стипендіяхъ генераль-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго при Императорскомъ Казанскомъ университѣтѣ.

(Утверждены г. управляющимъ министерства народного просвѣщенія товарищемъ министра).

1) Киргизскія общества Тургайской области пожертвовали капиталъ въ девятнадцать тысячъ двѣстіи рублей, заключающійся въ 5% билетахъ государственного банка 4-го внутренняго займа, на учрежденіе при Императорскомъ Казанскомъ университѣтѣ трехъ стипендій для бѣдныхъ студентовъ изъ киргизскихъ дѣтей Тургайской области, въ благодарное воспоминаніе о заботахъ и трудахъ на пользу киргизского населенія той области Оренбургскаго генераль-губернатора генераль-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго.

2) Пожертвованный капиталъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ и храниться въ Казанскомъ университѣтѣ; въ случаѣ же выхода билетовъ въ тиражъ, они обмѣниваются на другіе билеты государственныхъ учрежденій.

3) На проценты съ имѣющагося капитала въ 19,200 р. учреждаются при Императорскомъ Казанскомъ университѣтѣ три стипендіи.

4) Каждая стипендія въ триста двадцать рублей въ годъ. со включеніемъ платы за право слушанія лекцій.

5) Право пользованія стипендіями въ университѣтѣ предоставляется только студентамъ изъ киргизскихъ дѣтей Тургайской области, которые, при предъявленіи права на стипендіи, должны представить над-

лежащее удостовѣреніе отъ общества Тургайской области въ томъ, что они дѣйствительно принадлежать къ обществу этой области.

6) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 13-го января 1878 года, студенты, пользующіеся этими стипендіями, именуются „стипендіатами генералъ-адъютанта Николая Апдреевича Крыжановскаго“

7) Назначеніе стипендіатовъ предоставляетъ совѣту университета.

8) Назначенные студенты пользуются стипендіями въ продолженіе всего университетскаго курса ученія, если будуть достойны по успѣхамъ и поведенію.

.9) По окончаніи курса, они не обязаны никакою службою.

10) Если учреждаемыи три стипендіи для киргизскихъ дѣтей Тургайской области не всѣ будуть замѣщены, то оставшаяся не выданными проценты присовокупляются къ капиталу и, по усмотрѣнію совѣта университета, впослѣдствіи, могутъ быть выдаваемы окопчившимъ въ университетъ курсъ стипендіатамъ изъ киргизскихъ дѣтей, въ пособіе имъ, или на прогони, въ какомъ размѣрѣ это окажется нужнымъ и возможнымъ.

11) Правленіе университета о назначавшихъ на стипендіи студентахъ, также въ случаѣ лишепія ихъ стипендій, равно и о назначеніи окопчившимъ курсъ пособій увѣдомляетъ своевременно г. Оренбургскаго генералъ-губернатора для сообщенія тѣмъ обществамъ Тургайской области, къ которымъ принадлежать стипендіаты.

12) Если же стипендіатовъ изъ киргизскихъ дѣтей Тургайской области не будетъ вовсе въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, то изъ остающихся процентовъ на капиталъ въ 19,200 рублей уреждается при Императорскомъ Казанскомъ университѣтѣ еще одна стипендія, имени того же генералъ-адъютанта Николая Апдреевича Крыжаповскаго, для уроженцевъ Оренбургскаго края.

4. (23-го июня 1878 г.). Правила о пособіи въ память 200-лѣтнаго юбилея со дня рожденія Императора Петра Великаго для бѣдныхъ студентовъ Казанскаго университета изъ уроженцевъ Западной Сибири.

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народного просвѣщенія товарищемъ министра).

1. Нѣкоторыи лица Западной Сибири въ память 200-лѣтнаго юбилея со дня рожденія Императора Петра I-го собрали по добровольной подпискѣ капиталъ въ 1791 р. 9., проценты съ коего должны идти въ пособіе студентамъ Казанскаго университета.

2. Пособие выдается въ размѣрѣ ежегодныхъ процентовъ, съ имѣющимся въ наличности капитала.

3. Пособие назначается студентамъ по представлению подлежащаго факультета и утверждается совѣтомъ университета.

4. Правомъ на пособие пользуются студенты всѣхъ факультетовъ, исключительно изъ уроженцевъ Западной Сибири, не получающіе никакой стипендіи и достойные по своимъ успѣхамъ въ наукахъ.

5. Пособие въ означенномъ выше количествѣ, то-есть, въ размѣрѣ ежегодныхъ процентовъ, выдается только одному студенту.

6. Если на пособіе будетъ предложено болѣе одного кандидата, то рѣшеніе о томъ, который изъ студентовъ можетъ имъ пользоваться, постановляется въ совѣтѣ университета закрытой подачей голосовъ.

5. (29-го июня 1878 г.). Правила о стипендіи дѣйствительного статского совѣтника Федора Федоровича Меринга при Императорскомъ университѣтѣ Св. Владимира въ Кіевѣ.

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. При университѣтѣ Св. Владимира учреждается стипендія, которая, на основанія Высочайшаго повелѣнія 27 июня 1878 г., имеетъся „стипендію Федора Федоровича Меринга“, на счетъ процен-тъвъ съ капитала, собраннаго для сей цѣли по частной подпискѣ и заключающагося въ билетахъ восточнаго займа на сумму 5,350 рублей.

§ 2. Проценты съ сего капитала употребляются на содержаніе стипендіата и на единовременное пособіе ему удовлетворительного окончанія университетскаго курса.

§ 3. На содержаніе стипендіата назначается по 200 р. въ годъ. Въ единовременное пособіе выдается остаточная затѣмъ сумма, имѣющаяся свободною во время выхода стипендіата изъ университета, не болѣе однакожь 100 рублей.

§ 4. Стипендіатомъ Ф. Ф. Меринга можетъ быть студентъ каждого изъ четырехъ факультетовъ, съ соблюдениемъ очереди.

§ 5. Замѣщеніе этой стипендіи предоставляется пожизненно дѣйствительному статскому совѣтнику Мерингу, а затѣмъ принадлежитъ совѣту университета.

§ 6. При замѣщеніи стипендіи совѣтомъ университета, она замѣщается по представлению факультета, по очереди, на основаніи конкурса, условія котораго опредѣляются всякий разъ факультетомъ за-

благовременно, не менѣе какъ за полгода предъ освобожденіемъ стипендіи.

§ 7. Стипендіатъ О. О. Меринга обязанъ подвергаться контролльнымъ испытаніямъ въ теченіе всего времени быт ости своей въ университѣтѣ, за исключеніемъ однажды тѣхъ полугодій, когда онъ держитъ испытаніе полукурсовое, или окончательное. Невыдержавшій удовлетворительно испытанія, равно какъ и неодобрительно аттестованый въ поведеніи, хотя бы и хорошо выдержанъ испытаніе, лишается стипендіи.

6. (30-го июня 1878 г.). Правила о стипендіи имени покойного товарища Московскаго городскаго головы Сергея Александровича Ладыженскаго, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ.

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1. Служащіе при Московской городской управѣ, въ канцелярии думы и Московскому городскому по воинской повинности присутствіи собрали, по добровольной подпискѣ, капиталъ въ двѣ тысячи двѣстіи рублей, заключающійся въ 5% билетахъ государственного банка, на учрежденіе при Московскому университѣтѣ, на счетъ процентовъ сего капитала, одной стипендіи имени бывшаго товарища Московскаго городскаго головы, коллежскаго совѣтника Ладыженскаго, въ память дѣятельной и полезной его службы при городскомъ общественномъ управлѣніи.

2. Стипендія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 21 марта 1878 г., именуется „стипендіею коллежскаго совѣтника Ладыженскаго“.

3. Размеръ стипендіи 110 рублей въ годъ.

4. Стипендія назначается недостаточнымъ и отличнымъ по успѣхамъ и поведенію студентамъ безъ различія факультетовъ, сословій и вѣроисповѣданій.

5. Право избранія кандидата на стипендію и назначенія оной принадлежитъ вдовѣ покойнаго Сергея Александровича Ладыженскаго, Маріи Алексѣевнѣ Ладыженской, которой предоставляется при своей жизни назначить одно изъ двухъ учрежденій: городскую управу или Московскій университетъ, для выбора стипендіатовъ послѣ ея смерти.

6. Распорядительница назначениемъ стипендіи, предварительно окончательного назначения оной, сносится съ ректоромъ университета для полученія свѣдѣній объ успѣхахъ и поведеніи избраннаго кандидата.

7. Стипендіатъ лишается стипендіи, если не перейдетъ на слѣдующій курсъ по малоуспѣшности, а равно и въ томъ случаѣ, если замѣченъ будетъ въ чемъ-либо предосудительномъ.

8. При освобожденіи стипендіи сообщается отъ университета распорядительницѣ назначеніемъ оной г-жѣ Ладыженской.

7. (21-го июля 1878 года). Правила для стипендіи, учрежденной при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университѣтѣ Томской городской думою.

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія тоин-рищемъ министра).

1) Въ память 200-лѣтнаго юбилея дня рождения Императора Петра Великаго при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университѣтѣ учреждается стипендія въ размѣрѣ 300 руб. въ годъ, изъ отчисляемыхъ ежегодно изъ городскихъ средствъ г. Томска, впредь до обращенія соотвѣтственнаго сему ассигнованію капитала, собраннаго на этотъ предметъ по подпискѣ Томской городской думою.

2) Стипендія эта предоставляется студентамъ всѣхъ факультетовъ изъ дѣтей жителей г. Томска, успѣшно окончившихъ курсъ въ Томской гимназіи.

3) Избрание стипендіата предоставляется Томской городской думой.

4) Для получения этой стипендіи, равно какъ и для сохраненія ея, нужно имѣть при переходѣ изъ курса въ курсъ не менѣе четырехъ балловъ въ среднемъ выводѣ отмѣтокъ, при хорошемъ поведеніи.

5) На содержаніе означенного стипендіата отчисляется ежегодно по 300 руб. изъ суммъ Томской городской управы, впредь до собранія на стипендію основнаго капитала, который долженъ быть обращенъ въ процентныя бумаги, внесены въ С.-Петербургское казначейство и записаны тамъ на приходъ въ специальныя средства С.-Петербургскаго университета по отдѣленію IV ст. I. сметы министерства народнаго просвѣщенія, для своевременной выдачи этой стипендіи.

8. (29-го июля 1878 года). Правила о стипендіи Ю. О. Самарина, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ.

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарамъ министра).

1) Московское губернское земское собрание, желая почтить память покойного гласного собрания Самарина, принимавшаго живое участіе въ дѣлахъ земства и своими трудами способствовавшаго разработкѣ весьма важныхъ земскихъ вопросовъ, пожертвовало капиталъ въ пять тысячъ рублей на учрежденіе, изъ процентовъ онаго, одной стипендіи имени Самарина при Московскомъ университѣтѣ.

2) Стипендія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го июля 1878 года, именуется: „стипендіею Юрия Федоровича Самарина“.

3) Размеръ стипендіи двѣсти пятьдесятъ рублей въ годъ.

4) Стипендія назначается недостаточнымъ и отличнымъ по успѣхамъ и поведенію студентамъ, безъ различія факультетовъ.

5) Право избранія кандидата на стипендію и назначенія оной принадлежитъ нынѣшнепо С. Ю. Самариной, а по смерти ея переходить къ Московской губернской земской управѣ.

6) Какъ г-жа Самарина, такъ вносящій и губернская земская управа, предварительно окончательнаго назначенія стипендіи, сносится съ ректоромъ университета, для полученія свѣдѣній объ успѣхахъ и поведеніи избраннаго кандидата.

7) Стипендіатъ лишается стипендіи, если не перейдетъ на слѣдующій курсъ по малоуспѣшности, а равно и въ томъ случаѣ, если замѣчаніе будетъ въ чёмъ-либо предосудительномъ.

8) При освобожденіи стипендіи сообщается распорядительницѣ назначеніемъ опої г-жѣ Самариной, а послѣ ея смерти Московской губернской земской управѣ.

9. (29-го июля 1878 года). Правила о стипендіи дѣйствительнаго статского советника Дмитрія Тимофеевича Осиновскаго при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ.

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) Бывшій главный докторъ Московской Маринской больницы, дѣйствительный статский советникъ Осиловскій пожертвовалъ Мос-

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ РАСПОРЯЖЕНИЯ

ковскому университету капиталъ въ пять тысячъ рублей, заключающійся въ 5% билетъ государственного банка 1-го выпуска, на учрежденіе при семъ университѣтѣ стипендіи его имени.

2) Стипендія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го іюля 1878 года, именуется: „стипендію дѣйствительного статского советника Дмитрия Тимофеевича Осиповскаго“.

3) Размеръ стипендіи 250 рублей въ годъ.

4) Стипендія назначается совѣтомъ университета одному изъ бѣдѣшіихъ и отличившихъ студентовъ медицинскаго факультета, привославнаго исповѣданія, оказавшему успѣхи въ одномъ изъ новыхъ иностраннаго языковъ.

5) Въ случаѣ, если кто-либо изъ рода жертвователя окажется нуждающимся въ университетскомъ воспитаніи, то таковому назначается стипендія имени Осиповскаго предпочтительно передъ другими студентами, хотя бы онъ былъ и не на медицинскомъ факультетѣ.

6) Стипендіатъ, послѣ смерти учредителя стипендіи, обязуется совершать панихиды два раза въ годъ въ университетской церкви: 10-го іюля въ день рождения и 26-го октября въ день тезоименитства жертвователя.

7) При жизни жертвователя университетъ уведомляетъ его, каждый разъ, о студентѣ, которому назначена будетъ стипендія.

8) Стипендіатъ лишается стипендіи если не перейдетъ на слѣдующій курсъ по малоуспѣшности, а также и въ томъ случаѣ, если замѣченъ будеть въ чемъ-либо предосудительномъ.

9) Въ случаѣ, еслибы не нашлось студента, удовлетворяющаго условіямъ настоящей стипендіи, то проценты съ капитала, 250 рублей въ годъ присоединяются къ капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

IV. ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

30-го іюня 1878 г. (№ 12). Утверждаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій советникъ Митюковъ—проректоромъ сего университета, на три года, съ 18-го февраля 1878 г.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ зоологіи, статскій советникъ Паульсонъ—орди-

нарныиъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ зоологии, съ 29-го мая 1878 г.

Директоръ Слуцкой гимназіи, статскій совѣтникъ Коленко—директоромъ Кронштадтскаго реальнаго училища, съ 15-го юня 1878 г.

Потомственныи почетный гражданинъ Хлитчевъ—почетнымъ попечителемъ Ростовской на Дону прогимназіи, на три года, съ 27-го юня 1878 г.

Поручикъ Вышеславцевъ—членомъ попечительства Тамбовскаго реальнаго училища на три года.

Потомственныи почетный гражданинъ Кузнецовъ—членомъ попечительства Новгородскаго реальнаго училища на три года.

Назначается: кандидатъ Императорскаго Дерптскаго университета Роландъ—исправляющимъ должностъ экстраординарнаго профессора сего университета по каѳедрѣ уголовнаго права, съ 29-го мая 1878 г.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гольстъ и директоръ народныхъ училищъ Саратовской губерніи, статскій совѣтникъ Пановъ; первый съ 28-го февраля 1878 г., а второй съ 13-го юна 1878 г.

Опредѣляется на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: статскій совѣтникъ Хохряковъ, съ утвержденіемъ въ должностіи директора Пензенской учительской семинаріи, съ 20-го мая 1878 г.

Продолжается срокъ командировки: исправляющему должностъ хранителя ботаническаго кабинета Императорскаго Казанскаго университета Смирнову—на четыре мѣсяца, въ Туркестанскій край.

Увольняются въ отпускъ, въ Россіи, съ 25-го авгуаста по 14-е сентябрь 1878 г.: окружной инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ Грузовъ—въ С.-Петербургъ.

Съ 10-го юла по 6-е авгуаста 1878 г.: директоръ Ярославской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Звонниковъ—въ гор. Кѣльцы и С.-Петербургъ.

На мѣсяцъ: директоръ Кѣлецкой мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Ганфъ—въ разные города.

На мѣсяцъ и восемь дней: директоръ Казанскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Орловъ—въ разные города.

На лѣтнее накаціонное время 1878 г.: директоры гимназій: Московской первой, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лебедевъ;

Кронштадтской, действительный статский советник Янишъ; Костромской, действительный статский советник Масленниковъ; Гродненской, статский советник Татлинъ; Варшавской I мужской, статский советник Крыжановскій и Вятской, надворный советник Керенскій; изъ нихъ: Лебедевъ—во Владимірскую и Нижегородскую губерніи, Янишъ—въ Новгородскую губернію, Масленниковъ и Керенскій—въ разные города, Татлинъ—въ Варшавскую и Минскую губерніи и Крыжаповскій—въ Смоленскую и Гродненскую губерніи, первый по болѣзни.

Директоры с.-петербургскихъ прогимназій: Введенской, действительный статский советник Груздевъ, и пятой, надворный советник Моръ; первый—въ Костромскую губернію, а второй—въ Остзейскій губерніи.

Директоры реальныхъ училищъ: Саратовскаго, статский советник Мерцаловъ; Роменского, статский советник Сербуловъ, и Сызранскаго, статский советник Горскій; первый—въ г. Чену и Казань, второй—въ Крымъ и третій—въ Казанскую и Уфимскую губерніи.

На мѣсяцъ и двадцать семь дней: директоръ Московской третьей гимназіи, действительный статский советник Малиновскій—въ разные города, по болѣзни.

На два мѣсяца: помощникъ директора Императорской публичной библиотеки, тайный советник Бичковъ—въ Ярославскую губернію, съ 1-го июля 1878 г.

Помощникъ дѣлоизводителя департамента народного просвѣщенія, коллежскій регистраторъ Новицкій—въ разные губерніи, по болѣзни.

На три мѣсяца: причисленный къ министерству народного просвѣщенія, членъ учеваго комитета сего министерства, надворный советник Соловьевъ, по болѣзни.

Въ Таврическую губернію и за границу: преподаватель Казанского учительскаго института Эккерманъ—на лѣтнее вакационное время 1878 г.

За границу, на двадцать восемь дней: врачъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологического института, надворный советник Левесь.

На мѣсяцъ: дѣлоизводитель канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа, коллежскій асессоръ Сеницкій, по болѣзни.

Съ 1-го июля по 15-е августа 1877 г.: учитель Бѣлоцерковскаго реального училища, надворный советник Красовскій.

На лѣтнее вакаціонное время 1878 г.: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Муромцевъ; ординартъ терапевтической факультетской клиники Императорскаго Варшавскаго университета, лекарь Гольдфляймъ; лаборантъ сего же университета Даевульскій; старшіе учителя: Рижской городской гимназіи, статскій совѣтникъ Гельмзингъ и Деритской гимназіи, падворный совѣтникъ Трефнеръ; учителя гимназій: Виленской, падворный совѣтникъ Грязновъ и Кіевской первой Черкуновъ; законоучитель Минской гимназіи, протоіерей Тарнопольскій; заковоучители римско-католическаго исповѣданія: Варшавской У мужской гимназіи, священникъ Словниковскій и Ленчицкой учительской семинаріи, священникъ Качинскій; учитель Харьковской прогимназіи Лівскій; учителя Вѣлостокскаго реальнаго училища Мобежъ и Двукраевъ; учительница Кіевской женской гимназіи Рапповетъ и первая учительница двухкласснаго общаго начальнаго училища, содержимаго на средства Варшавскаго евангелическо-реформатскаго прихода, Кретловъ; иль иныхъ по болѣзни: Тарнопольскій, Качинскій, Лівскій и Кретловъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1878 г. и пять дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Глинскій.

На лѣтнее вакаціонное время и до 1-го сентября 1878 г.: инспекторъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Канановъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1878 г. и двадцать восемь дней: доцентъ Императорскаго университета св. Владимира Афанасьевъ и учитель Костромской гимназіи Блюсь; послѣдній по болѣзни.

На два мѣсяца: библиотекари Императорской публичной библиотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стасовъ; учитель Кіевской 2-й гимназіи Петръ и учитель Санниковскаго однокласснаго гимнаго начальнаго училища Гостиинскаго уѣзда Полетылло; послѣдній по болѣзни.

На четыре мѣсяца: почетный смотритель Кишиневскаго первого уѣзднаго училища Дубецкій.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: директоръ Московской 6-й гимназіи, состоящей въ V классѣ, Горватъ и директоръ Орловскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ

Дурасовъ; первый съ 23-го июня 1878 г., а второй съ 29-го июня 1878 г.

Объявляется признательность министерства народного просвѣщенія: пастору Эквиству—за десятилѣтнюю его педагогическую дѣятельность при С.-Петербургской второй гимназіи.

Почетной почетительницѣ Опочецкой женской прогимназіи Семеновой—за заботы ея по означепной прогимпазіи.

V. ОПРЕДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определеніями ученаго комитета министерства народного просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Книги подъ заглавіемъ:

I. Сборникъ материаловъ и статей по истории Прибалтийскаго края. Томъ I. Рига 1877 г.—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки гимназій и реальныхъ училищъ.

II. Опись Высочайшихъ указовъ и повелѣній, хранящимся въ с.-петербургскомъ сенатскомъ архивѣ за XVIII вѣкъ. Сост. П. Барановъ. С.-Петербургъ 1875—1878 г. Т. I. за время 1704—1725 гг. Цѣна 1 р. Т. II за 1725—1740. Цѣна 3 р., съ портретами 4 р. Т. III за 1740—1762. Цѣна 3 р.—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

III. „Славянскій сборникъ. Томъ II. Съ приложеніемъ этнографической карты русского населенія въ Галичинѣ, съверовосточной Угрїи и Буковинѣ. Издание с.-петербургскаго славянскаго благотворительного общества. С.-Петербургъ, 1877 г. Цѣна 3 р.—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народного просвѣщенія.

— Книги подъ заглавіями:

I. „Этимологія и Синтаксисъ церковно-славянскаго и русскаго языка въ связи съ элементарной логикой и съ приложеніемъ филологического указателя. Н. Невзорова (преподавателя Казанскаго учительскаго института). Казань. 1877 г. Цѣна 1 руб.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій.

II. „Руководство къ изученію теоріи словесности по лучшимъ

образцамъ. Сост. И. Случевскій (преподаватель Кавказской духовной семинаріи). Изд. 2, исправленное и дополненное. Ставрополь (Кавказский). 1878 г. Цѣна 1 р. 25 коп.¹¹ — одобрить какъ учебное пособие при преподаваніи теоріи словесности въ гимназіяхъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи указанные ученымъ комитетомъ образцы были замѣнены другими, а указанные недостатки были исправлены.

III. Герои Рима въ войнахъ и мирѣ. Исторія Рима въ біографіяхъ Г. В. Штоля. Переводъ съ французскаго подъ редакцію Я. Г. Гуревича. С.-Петербургъ. 1877 г. Цѣна 2 р. 50 коп.—одобрить въ видѣ учебнаго пособія и для наградъ ученикамъ въ гимназіяхъ, реальпыхъ училищахъ и учительскихъ институтахъ.

IV. Введеніе къ изученію современной химіи, экспериментальной и теоретической А. В. Гофмана, профессора химіи при Берлинскомъ университетѣ. Переводъ подъ редакцію О. Савченкова. Съ 65 рисунками въ текстѣ. С.-Петербургъ. 1866 г. Цѣна 1 р. 25 коп.—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведений.

V. Сокращенное руководство къ физикѣ для женскихъ училищъ, для коммерческихъ отдѣлевій реальныхъ училищъ и другихъ, въ которыхъ этотъ предметъ преподаётся въ сокращенномъ объемѣ. Съ 307 политинажными рисунками въ текстѣ составилъ В. Полкотыцкій, преподаватель Варшавской 4-й гимназіи. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Варшава. 1878 г.—одобрить въ видѣ руководства для женскихъ гимназій и для коммерческихъ отдѣлевій реальныхъ училищъ.

VI. Э. Гримаръ. „Прогулка по зоологическому саду, съ 24 картинами и политинажами въ текстѣ. Переводъ съ французскаго И. И. Помпіевої. С.-Петербургъ. 1878 г. Цѣна 3 р.¹²—допустить въ ученіческія библіотеки среднихъ учебныхъ заведений, мужскихъ и женскихъ.

— Составленную С. А. Бобровскимъ книгу подъ заглавиемъ: „Курсъ практической педагогики. Для учительскихъ семинарій, пародныхъ учителей и вообще лицъ, занимающихся воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей въ школахъ и дома. Издание 2-е, исправленное согласно указаніямъ учесаго комитета и дополненное 35 рисунками въ текстѣ. Москва. 1878 г. Цѣна 1 руб.¹³—принять возможнымъ допустить какъ руководство для учительскихъ семинарій и для библіотекъ пародныхъ училищъ.

VI. ОПРЕДЪЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДЪЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Книги подъ заглавіями:

I. „Родина. Сборникъ для класснаго чтенія, съ упражненіемъ въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ 3 частяхъ. Курсы приготовительного и 4-хъ низшихъ классовъ. Изд. 5-е. Сост. А. Радонежскій. С.-Петербургъ. 1878 г.“—одобрить для класснаго чтенія и упражненій въ разборѣ устномъ и письменномъ изложеній въ приготовительномъ и первыхъ трехъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ городскихъ и народныхъ училищахъ.

II. „Тридцать лучшихъ новыхъ сказокъ. Собралъ и разработаль для дѣтей В. П. Авепаріусъ. С.-Петербургъ. 1878 г. Цѣна 1 руб. 25 коп., для учебныхъ заведеній 85 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, именно для младшихъ классовъ.

III. Ариѳметика для одноклассныхъ начальныхъ училищъ, а также для приготовительныхъ классовъ и 1 класса гимназій. Сост. Ф. П. Еленевъ. С.-Петербургъ. 1878 г. Цѣна 45 к.—допустить въ число учебныхъ пособій для одноклассныхъ начальныхъ училищъ.

IV. Ариѳметика для двухклассныхъ начальныхъ училищъ, съ приложениемъ правилъ для измѣрения площадей и объемовъ. Сост. Ф. П. Еленевъ. С.-Петербургъ 1878 г. Цѣна 70 к.—допустить въ число учебныхъ пособій для двухклассныхъ начальныхъ училищъ.

— Составленія И. Деркачевымъ книжки: 1) Наглядное обученіе. Выпускъ 1-й. Цѣвѣта и цвѣты. Москва. 1878 г. Цѣна 40 к. и 2) Школьная ступени. Годъ первый. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія въ начальной школѣ. Изд. 2-е исправленное. Съ картинками. Москва. 1878 г. Цѣна 35 к.—признать возможнымъ одобрить къ употребленію въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Составленную подъ редакціею А. Чогосского книжку „Начальная книжка. Изд: 4-е. С.-Пб. 1876 г. Ц. 15 к.“.—признать возможнымъ допустить для чтенія въ начальныхъ училищахъ.

— Составленную инспекторомъ народныхъ училищъ Новгород-
часть схсихъ, отд. 1.

ской губ. 1-го района Можайскимъ книгу „Учебный курсъ географіи Новгородской губерніи (родиновѣдѣніе). Новгородъ. 1878“,—признать возможнымъ допустить для библиотекъ учительскихъ семинарій и двухклассныхъ и одноклассныхъ начальныхъ училищъ Новгородской губерніи, не вводя его однако въ употребленіе въ классахъ.

ОФІЦІАЛЬНІЙ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Докладывая Его Императорскому Величеству о состояніи, въ кото-ромъ найдены пензенскія учебныя заведенія, г. министръ народнаго просвѣщенія почесть своею обязанностью довести до Высочайшаго съ-дѣнія о пользѣ, приносимой учрежденіемъ въ Пензѣ Л. А. Тати-щевою женскимъ ремесленнымъ училищемъ и присовокупилъ, что по его мнѣнію, было бы весьма желательно, чтобы и другіе губернскіе города послѣдовали этому добруму примѣру.

По выслушаніи этого доклада, Государь Императоръ Высочайше повелѣти изволилъ благодарить Л. А. Татищеву отъ имени Его Императорскаго Величества за основаніе этого училища и постоянныя о немъ заботы.

— Королевскій Институтъ въ Генуѣ для поощренія естественныхъ, хозяйственныхъ и техническихъ наукъ напечаталъ программу всеоб-щаго конкурса на текущій 1878 годъ:

Сдѣлать анализъ различныхъ системъ электрическихъ столбовъ, сравнивалъ ихъ между собою, и обращая изслѣдованіе на болѣе полез-ныя изъ нихъ, чтобы тѣмъ содѣйствовать къ улучшенію спаряда бо-льше полезнаго для науки и промышленности.

Записки должны быть на итальянскомъ языке и представлеены въ 31-му октября 1878 года.

Автору лучшей, по приговору института, записи будетъ выдана премія въ 1,000 итальянскихъ лиръ, и сверхъ этого, можетъ быть, выдана медаль золотая или серебряная, большей академической мѣры.

Удостоившанся преміи записка будетъ приобщена къ академиче-скимъ актамъ, чтò по возможности будетъ сдѣлано также и въ пользу записокъ, заслужившихъ меньшую премію (*accessit*).

100 экземпляровъ каждой записи напечатанной при актахъ, буд-дуть даны въ подарокъ, съ особяною заглавиою отмѣткою авторамъ, которые будутъ также пользоваться и правомъ літературной соб-ственности.

О НЕКОТОРЫХЪ СЛАВЯНСКИХЪ И ПО СЛАВЯНСКИ ПИСАННЫХЪ РУКОПИСЯХЪ, ХРАНИЩИХСЯ ВЪ ЛОНДОНЪ И ОКСФОРДЪ¹⁾.

(Посвящается Владимиру Ивановичу Ламавскому).

Несколько лѣтъ тому назадъ въ Британскій музей поступила библиотека г. Р. Курзона (Robert Curzon), въ которой между другими рѣдкостями находятся четыре славянскія рукописи. Мы читали въ Исторіи Волгаріи г. К. Иречка замѣчаніе, что многія темныя и мало-разъясненія мѣста древней болгарской исторіи найдутъ себѣ объясненіе въ познѣстной еще славистамъ рукописи англійского путешественника Р. Курзона. Правда, между славянскими рукописями г. Курзона мы не нашли болгарской лѣтописи; тѣмъ не менѣе, значепіе ихъ не подлежитъ сомнѣнію не только въ области исторіи языка и письма, но и въ другихъ отношеніяхъ, какъ видно будетъ изъ описанія каждой рукописи въ отдѣльности. Что касается Оксфорда, то тамъ въ Бодлеевой библиотекѣ (Bodleian Library) мы имѣли случай ознакомиться съ однимъ памятникомъ глаголического письма, который, если не ошибаемся, долженъ умножить собою число описанныхъ и излѣстныхъ доселѣ рѣдкихъ памятниковъ письменности этого рода. Кроме указанныхъ, въ Лондонѣ и Оксфордѣ находятся и другія рукописи, также не лашенныя значенія для славистовъ, между прочимъ двѣ — румынского происхожденія.

¹⁾ Статья эта написана авторомъ, доцентомъ Новороссийскаго университета, во время его заграничной командировки въ 1877 году, когда и была доставлена въ редакцію.

Ред

I. Славянскія рукописи Британскаго музея

Библіотека г. Курзона не внесена еще въ каталоги музея. Описание ея можно лишь находить въ частномъ каталогѣ бывшаго владѣльца библіотеки. Напечатанный только въ числѣ 50 экземпляровъ, этотъ каталогъ едва ли извѣстенъ за предѣлами Англіи: Catalogue of materials for writing, early writings on tablets and stones, rolled and other manuscripts and oriental manuscript books in the library of the honorable Robert Curzon at Parham in the country of Sussex. London, 1849. Отдѣль славянскіхъ рукописей (Bulgarian) значится подъ №№ 150, 151, 152 и 153.

№ 150. Дѣянія Апостольскія и посланія, рукопись въ 4-ку. Намъ не привелось имѣть ее подъ руками. Въ каталогѣ г. Курзона о ней сказано: quarto in small uncial letters, not quite perfect; this MSS contains the Acts and Epistles, bound in brown velvet.

№ 151. Четвероевангелие, въ красномъ бархатномъ переплетѣ, въ 4-ку. Рукопись тщательнаго крупнаго письма, написана одною и тою же рукой. Заглавія каждого евангелиста иллюминованы фигурами и раскрашены киноварью и золотомъ. На оборотной сторонѣ лицевой доски помѣтка г. Курзона: Robert Curzon brought from the monastery of Caracalla on mount Athos 1837. Листы не перемѣчены, первый листъ попорченъ.

Начало:

щаєи словесе. и пристѣльше
молѣхъ и гѣлѣще отпусти
Онъ же отвѣщаѧ
рече къ нимъ вѣсмъ послѣнь, тѣкмо къ
овцамъ погившимъ дому ісїа.

Изъ Евангелия отъ Марка:

И вънide пакы въ ка
пернаумъ по днехъ. и слышахъ яко въ дому ѹ.
и адіе събрашъся мнози яко ктому не въ
мѣщатиси имъ ни приидверехъ и глаголаше имъ слово.

Изъ Евангелия отъ Луки:

Понеже убо мнози начашъ чи
вити новѣти ѿнъствованія

ихъ въ насть вещехъ. яко же при
дашъ намъ. бывше искони само
видьци. и слугы словеси. изволи
сѧ и мнѣ хождьшу испрѣва повѣсьхъ
и въ истинѣ по рѣду писати тебѣ дрѣ-
жавныи еофиile.

Конецъ книги попорченъ:

Се же рече назиаменад кое
жъ съмртии прославить бога. И си
рекъ гла ему. иди по мнѣ ѿбрашь

Затѣмъ прямо слѣдуетъ указаніе зачатія Евангелія на всѣ празд-
ники и наконецъ святцы.

На оборотной сторонѣ предпослѣдняго листа запись слѣдующаго
содѣржанія (начало попорченено): начну събезначлнну слову.. святыхъ
же троицы изволенiemъ почлтсѧ сие стое и божественное дѣло книги
глѣмы по грѣческому тетроевангель. съ трудомъ и вниманіемъ вели-
цѣмъ, еже по силѣ моемъ худости. въ таа обо врѣмена вѣнецъ
цртвіа на главѣ восѳицу и скитро въ рѣкѣ држѣщу Іоанику Александру
благочестивому и великому царю бѣлагоромъ и грѣкомъ. и сыну
его иешаву срацииму младому црю. стльпа обо црквнаго прѣдѣръ-
жїцу патріарху кирѣ Феодосию. писасѧ убо сие святое дѣло въ вели-
цѣмъ и многочлнѣмъ градѣ бѣни повелѣніемъ и желаніемъ вели-
комъ висосиященаго митрополита кирѣ Даниила. аз же оубо недо-
стонки грѣбы боахсѧ на еже въ хѣ дѣло выше силы моемъ ил яко
жника си того св. митрополита, наче... послушаніу навыкъ не выхо-
тѣхъ прѣслушати. тѣмъ же можъ чytлщихъ и прѣписующихъ не зло-
словити, ил паче благословити... и проч.

Большинство известныхъ памятниковъ болгарской письменности
относится къ тому же періоду, къ которому принадлежитъ и это Чет-
вероевангеліе. Съ утратой болѣе древнихъ рукописей и съ отсут-
ствиемъ слѣдовъ мѣстной лѣтописи, время царя Іоанна-Александра
представляетъ сравнительно достаточное число точныхъ фактовъ, ис-
торическихъ и литературныхъ, опирающихся на памятникахъ духовной
письменности того времени. Но и этотъ болѣе счастливый періодъ
болгарской исторіи имѣетъ многое существенные проблемы, кото-
рые ждутъ пополненія. Попытаемся дать мѣсто и определить вза-
имные отношенія лицъ, упоминаемыхъ въ записи на Четвероевангеліи.
Царь Іоаннъ-Александръ былъ на болгарскомъ престолѣ отъ 1331 до

1*

1365 г. (Liebsek, Geschichte der Bulgaren. Prag, 1876, стр. 297), или по другому мнѣнию, отъ 1332 до 1371 г. (Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей. Москва, 1871, стр. 14—15 и примѣч.). Половина XIV в. представляеть весьма любопытный періодъ въ исторіи южныхъ Славянъ. На Балканскомъ полуостровѣ образуются два большихъ государства, во главѣ которыхъ стоять знаменитые въ исторіи Славянъ—Стефанъ Душанъ Сильный, царь Сербскій (1331—1355), и Иоаннъ-Александъръ, царь Болгарскій. За царемъ Сербскимъ была въ замужествѣ сестра Болгарскаго царя. Политическій и родственныій союзъ Болгаръ и Сербовъ скрѣпился еще династическими связями съ Румынами: Иоаннъ-Александъ былъ зятемъ Угровашского воеводы Ивана Басарабы (1324—1340 гг.). Дружественный союзъ Славянъ и Румынъ имѣлъ своимъ послѣдствиемъ обширившіе за воеванія, сдѣланія ими на счетъ Грековъ и Угровъ, дѣлившихъ съ вими господство на Балканскомъ полуостровѣ. Къ этому періоду вѣнѣнаго могущества Болгаръ и Сербовъ относится, какъ было сказано, большинство находимыхъ нынѣ памятниковъ письменности южныхъ Славянъ. Въ предлагаемомъ нами описаніи рукописей читатель встрѣтить изъ того же самаго періода двѣ рукописи болгарскіи и одну сербскую.

Для точнѣйшаго опредѣленія даты памятника № 151 необходимо принять во вниманіе, впервыхъ, что запись упоминаетъ младаго царя Иоанна-Срацимира, и во вторыхъ, что она указываетъ на время патріаршества Феодосія. Предполагаютъ, что Иоаннъ-Срацимиръ былъ третій сынъ царя Иоанна-Александра отъ первой жены его, Румынки Феодоры. Онъ получилъ старшинство по смерти братьевъ своихъ Михаила и Иоанна. Положеніе Иоанна-Срацимира измѣнилось къ худшему, когда царь, пѣнившись красотой одной дѣвушки еврейскаго происхождѣнія и желая на ней жениться, расторгъ свой первый бракъ и заставилъ царицу Феодору припять постриженіе. Изъ любви ко второй женѣ, „новопросвѣщенной царицѣ Феодорѣ“, какъ она называется въ припискѣ на другой рукописи, о которой будетъ рѣчь впереди, царь лишилъ первенства и права наслѣдованія старшаго сына Иоанпа-Срацимира въ пользу младшаго, Иоанна Шишмана, прижитаго со второю женой. Правда, мы не знаемъ въ точности, къ какимъ годамъ относится эти семейныія события; есть возможность однако сдѣлать нѣкоторыя приблизительныя вычисленія. При патріархѣ Феодосіѣ II, въ 1365 г., былъ соборъ въ Терновѣ противъ боломиловъ и другихъ сретиковъ. На этомъ соборѣ присутствовали царь Иоаннъ-Александъ

и сыновья его Шишманъ и Асенъ. Мы не имѣли случая видѣть рукопись дѣяній Терновскаго собора¹⁾ и принимаемъ на вѣру показаніе, что подпись сыновей царя слѣдуетъ въ такомъ порядке: „Шишманъ и Асенъ“. Важность, приписываемая нами этому обстоятельству, будетъ видна изъ нижеслѣдующаго:

Второй сынъ цара, упоминаемый въ дѣяніяхъ собора, есть не кто иной, какъ Иоаннъ-Срацимиръ. „Асенъ“ не есть личное имя и не всегда послѣдовательно прилагается къ имени царей Шишмановъ: въ этомъ легко убѣдиться изъ многократныхъ случаевъ, гдѣ и самъ Иоаннъ-Александъ упоминается то съ этимъ родовымъ прозваніемъ, то безъ него. Само собою разумѣется, что имѣть значеніе по отношенію къ имени Иоанна-Александра, то должно считаться возможнымъ и относительно другихъ лицъ изъ того же дома. Оставшійся въ живыхъ сынъ его отъ Румынки названъ въ приведенной выше записи Иоанномъ-Срацимировъ, въ другомъ памятнику 1356 года (см. даѣте рукопись № 153), а равно и въ дѣяніяхъ собора Терновскаго-Иоанномъ „Асѣнемъ“. Случай тотъ же самый, чтѣ и слѣдующій, вполнѣ бесспорный: въ нашихъ записяхъ Иоаннъ-Александъ не названъ Асѣнемъ, между тѣмъ какъ въ большинствѣ другихъ памятниковъ и въ лѣтописяхъ ему усвоется этотъ титулъ (Jirešek, Geschichte der Bulgaren, стр. 298, прим. 2). Уже этихъ фактovъ совершенно достаточно, чтобы не считать Иоанна-Срацимира третьимъ сыномъ; у царя Иоанна-Александра не было сына Иоанна Асена. Существованіе отдѣльного лица съ этимъ именемъ до сихъ поръ подтверждалось лишь актомъ 1347 г., подписаннымъ: Иоаннъ Асень во Христѣ Бога благовѣрный царь и самодержецъ всѣхъ болгаромъ и грекомъ (Šafářík, Památky dřevního Písemnictví Jihoslovanského. Vydání druhé. 1873, V Praze, стр. 96). Тожество именъ и лицъ Иоанна Асена и Иоанна-Срацимира рѣшительнымъ образомъ подтверждается славянскими рукописями библіотеки Р. Курзона.

Если въ актахъ соборныхъ дѣяній 1355 г. Иоаннъ-Срацимиръ упоминается уже на второмъ мѣстѣ, ниже своего брата Шишмана,

¹⁾ Цитата г. Иречка должна быть исправлена. См. Обстоятельное описание славяно-российскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библіотекѣ графа Ф. А. Толстова, изд. Балабанович и Стросев (Москва, 1825), стр. 125, № 204, 45: Объщаніе божественнаго священнаго собора и учителѣство о святѣхъ хрещеніи, иже ны мѣстѣ Трѣнова града обрѣтающіися, честнѣйшему же въ священноицѣвъ кирѣ Федосію и честнѣйшему въ иноцѣвъ кирѣ Роману и къ прочимъ священникомъ.

если и въ другомъ памятникѣ нѣсколько позднѣйшаго происхожденія эти лица упомянуты въ томъ же самомъ порядке, то ясно, что запись на болгарскомъ Четвероевангеліи, называющая Иоанна-Срацимира царемъ и упоминающая только объ одномъ царскомъ сыне, должна быть отнесена по происхождению своему ко времени до 1355 г. Это подтверждается и временемъ патріаршества Феодосія II, который управлялъ Болгарскую церковью лишь до 1356 г. (см. о немъ у Голубинскаго, стр. 84). Точно также, запись не могла быть сдѣлана ранѣе 1346 г., ибо между духовными лицами, вѣнчавшими въ этомъ году на царство Стефана Душана, упоминается Болгарскій патріархъ Симеонъ, предшественникъ Феодосія II. Такимъ образомъ, время написанія рукописи можно опредѣлить менѣе чѣмъ десятилѣтнимъ періодомъ, между 1346 и 1355 гг. Тѣмъ же періодомъ опредѣляется время управления Виддинскою церковью митрополита Даниила, имя, которое встрѣчается въ первый еще разъ.

Видинъ (Бдинъ) былъ удѣломъ царя Иоанна-Срацимира не только во время его дѣйствительного старшинства, но и послѣ, когда старшинство перешло къ его младшему брату Шишману. Наша рукопись по происхожденію своему относится къ тому времени, когда ни царь, ни митрополитъ области Видинской не порвали еще связи и общенія съ остальнойю Болгаріей, ибо извѣстно, что черезъ нѣсколько времени митрополитъ перешелъ въ зависимость по церковнымъ дѣламъ отъ Константинопольскаго патріарха. Въ связи съ этимъ обнаружилось стремленіе Иоанна-Срацимира отдѣлиться отъ своего отца и основать въ Видинѣ независимое княженіе (см. Голубинскій, Очеркъ ист. правосл. церквей, стр. 220 и прим. 17).

№ 152. Четвероевангеліе, въ листъ, въ красномъ бархатномъ переплѣтѣ. На оборотной сторонѣ лицевой доски помѣтка: Robert Curzon brought from the monastery of St. Paul on mount Athos 1837. На бѣломъ листѣ передъ началомъ текста написано:

εὐαγγέλιον χειρόγραφον Σέρβικον.

Страницы, которыми начинается каждый евангелистъ, представляютъ замысловатыя, искусно и съ большою роскошью отদѣланныя фигуры. По замыслу и выполнению эти рисунки составляютъ совершенно разнообразные сюжеты. Листы рукописи не перемѣчены.

Изъ Евангелія отъ Матея, начало 37-е:

Егда же гонеты въ градѣ семь бѣга
ите въ други. аминъ глю вами, не

имате скончати грады и слыши до
ндеже придетъ сънъ члкы. йѣ уче
никъ надъ учителемъ. ниже раб
надъ Гдиномъ своимъ. долѣть о'
ченику да будеть яко учитель юго
и рабъ яко гъ юго....

Изъ Евангелия отъ Луки, начало:

Повѣже оубо мнози начеше
чинити постыль ѿ изгнѣсто
вавныхъ въ вѣ вещехъ. яко
же прѣдаше памъ, иже испрѣ
ва самовидци и слугы бывъ
шее словеси, изволисе въ мнѣ
послѣдствовавшоу, выше всѣхъ
испыт' по реду тебѣ писати
дръжавный есопифиле, да разу
мѣши ѿ вихѣ наоучилсе юси
словесехъ утврѣждепе....

Изъ Евангелия отъ Иоанна, начало 24-е:

Идь мою плать и пытай мою кръвь въ
мнѣ прѣбываешь и азъ въ немъ. я
коже послалъ межи вы ѿць. и азъ живу
ѡца ради. и ядни ме, итѣ живъ боу
деть мене ради. съ ю хлѣбъ съшьдии
сѣбсе. не якоже ядоше отци ваши....

На листѣ, слѣдующемъ за текстомъ Евангелия отъ Иоанна, находятся рисунокъ; на пемъ центральную фигуру составляетъ архіерей въ полномъ облаченіи, подносящій Евангелие Спасителю, поясное изображеніе которого съ простертю благословляющею рукой — нѣсколько выше головы архіерея. Надъ изображеніемъ архіерея кругъ, въ которомъ написано: „судін сѣдешу, народомъ прѣдстоещимъ, трубъ гла-
сещи, и пламени горещу. чть сътворіши дѣло моа ведома на соудъ. тогда оубо злаа твоя прѣстанутти. и таиніи грѣси твои обличется. нь прѣжде... възуліи ху бу (нѣсколько буквъ стерто) цѣсти ме и сп...
иѣ“. Позади архіерея еще надпись: „смѣрены митрополитъ сѣраграда и
странамъ юго крі іаковъ“. Между изображеніемъ Спасителя и архіерея:
„сии четвероблаговѣстникъ пріошути въ дарь владыко мои Ѿе“.

Затѣмъ слѣдуетъ еще нѣсколько листовъ, на которыхъ написанъ указатель зачалъ Евангелій на праздничные дни и сватцы.

Цѣлый листъ занять припиской писца, гдѣ между прочимъ читается: „великому пастырю и учителю и всепрѣосвященному митрополиту прѣславнаго и богоспаснаго града сѣра. кур іакову. повелѣ убо написати многыхъ неизреченыхъ... чудесъ... въ честь... и мною худымъ и кѣсно нравнымъ написасе. въ дни... самодржавнаго царя Стефана, прваго срблемъ и грькомъ и... царици крѣвѣ аелени и сѣвѣ прѣвъзлюбленѣмъ имъ... крали оуороши. и во дни всепрѣосвященнаго патріарха, прваго срблемъ и грькомъ кур іоаникиа — и въ лѣто 6863 (1355) дни 8.

к
а
расо л деръ.
и
с
т
ь

Хронологическая помѣта зациси указываетъ на 1355 годъ, годъ смерти царя Сербскаго Стефана Душана Сильнаго, послѣ которого сидѣлъ на сербскомъ престолѣ Стефанъ Урошъ, сынъ его, носившій при жизни отца титулъ короля. Стефанъ Душанъ, принявъ титулъ царя въ 1346 г., возвелъ архіепископа Іоанникия въ достоинство патріарха Сербскаго. Годъ смерти этого послѣдняго въ точности не известенъ; предполагаютъ, что онъ умеръ въ концѣ 1354 года, но дата нашей записи должна поколебать силу этого предположенія, ибо она свидѣтельствуетъ, что патріархъ Іоанникій былъ живъ въ началѣ 1355 г. Царица Елена — сестра Болгарскаго царя Іоанна-Александра. Но важнѣйшій интересъ запись представляетъ въ слѣдующемъ: она показываетъ, что Сербская держава при Стефанѣ Душанѣ простиралась въ Македоніи еще далѣе, чѣмъ это принято предполагать. „Смиренный митрополитъ Сѣраграда и странамъ его киръ Іаковъ“ былъ тогда въ зависимости отъ Сербскаго патріарха. Сѣрградъ — это, безъ сомнѣнія, греческій городъ Σέρραι, Seres, на рѣкѣ Струмонѣ; въ церковной зависимости отъ Сербскаго митрополита находилась и окрестная область. При царѣ Асенѣ II (1221—1245 гг.) городъ Сѣръ былъ въ зависимости отъ Терновскаго патріарха. Между кафедрами Сербскаго патріархата городъ Сѣръ упоминается въ нашей записи въ первый разъ.

Имя митрополита Іакова известно еще изъ грамоты Стефана Душана отъ 1353 г. (см. Акты русского на св. Аeonъ монастыря, стр. 364).

№ 153. Четвероевангелие, въ листъ, въ переплетѣ. Рукопись замѣтная какъ по виѣшнему виду, такъ и по содержанію. Прекрасное письмо, писанные золотомъ заголовки почти на каждой страницѣ; количество сложныхъ и тщательно исполненныхъ рисунковъ—по два, иногда по три рисунка изъ нѣсколькоихъ фигуръ на каждой страницѣ—доходить, вѣроятно, до тысячи. Соответственно искусству исполненія письма и богатству иллюстрацій, рукопись имѣла и роскошную виѣшнюю отдѣлку. Но теперь пробиты гвоздями и исцарапанные кожаныя доски переплета носятъ лишь слѣды бывшаго когда-то на книгѣ драгоценнаго оклада. Виѣшний видъ рукописи, которая составляетъ едва ли не лучшее, что сохранилось изъ письма и живописи эпохи втораго Болгарскаго царства, производить весьма сильное впечатлѣніе.

Прежде чѣмъ ознакомить съ материалами, представляемыми этой рукописью для изученія, приведемъ описание ея, сдѣланное г. Кураносомъ: This MSS contains several hundred illuminations in gold and colours, representing the various scenes of the life and miracles of our Saviour. Many lines and parts of various pages are written in gold, crimson and azure. The titles of each of the Gospels are elaborately ornamented in the Byzantine style with a sort of prefaces which bear a resemblance to painted glass. It would be difficult for any book, whatever its ostensible subject might be, to give a more perfect view of the costume, manners, and customs of the country to which it owes its origin, for almost every common-place occupation is illustrated, dinners, boats and houses are represented in the drawings, as well as battles, processions, churches and other things, more usually seen in ancient illuminations... This is probably one of the most interesting MSS that has been brought to England for many years. It was given to me by the Agoomenos of the monastery of St. Paul and St. George on mount Athos.

На оборотной сторонѣ втораго листа, равно на лицевой третьаго, двѣ картины, представляющія царское семейство, по четыре фигуры на картинѣ:

1. Константинъ десиотъ, зѣть великаго царя Іѡ Александра
Караамарь десиотица и дъщи царева
Керапа дъщи царева
Десислава дъщи царева.
2. На второй картинѣ изображены: царь, его супруга и два его сына.

На верху, изъ-подъ занавѣса, двѣ руки, одна распростертая надъ царственnoю парой, другая благословляющая.

Іоаннъ Александръ въ ѿ ба ба вѣренъ царь и самодѣ
жецъ вѣсъмъ блгаромъ и крѣвѣ
Федора въ ѿ ба вѣрина и новопросвѣщеннаа цѣца
и самодрѣжица вѣсъмъ блгаромъ и грѣкомъ.
Іѡ Шимшанъ прѣ сынъ великаго царѣ Іѡ Александра
Іѡ Асѣнъ прѣ си цѣвь.

Всѣ четыре лица, какъ на той, такъ и на другой картинѣ, держать на правомъ плечѣ по жезлу, при чемъ жезлы царя Іоанна-Александра и сына его Іоанна Шишмана отличаются лишь крестообразными наконечниками. Царскій вѣнецъ имѣеть совершенное сходство съ архиерейскою митрой; всѣ женскія фигуры въ вѣнцахъ съ пятью рожками, вѣнецъ Іоанна Шишмана—какъ царскій, вѣнецъ деспота Константина и Іоанна Асѣни—съ тремя рожками. Царь и старший сынъ его въ красномъ кафтанѣ, опоясаны широкимъ кушакомъ, одинъ конецъ котораго свѣшивается съ лѣвой руки, заткнутой за кушакъ; у царя въ лѣвой руцѣ свитокъ. Верхъ и низъ одежды, равно какъ на переди широкая полоса сверху до низу, вышиты золотомъ; одежда деспота и Асѣни фиолетового цвета, съ золотыми полосами по бокамъ и по серединѣ, рукава красного цвета. Фигура царя представляетъ уже постѣдѣвшаго человѣка, хотя еще въ полныхъ силахъ; волосы на головѣ и бородѣ бѣлые, борода раздоинана.

За оглавлениемъ содержанія Евангелія отъ Матея слѣдуетъ не записанный листъ, на которомъ находится запись:

† си стефа воеводе
† ішанъ александъ въ ѿ ба вѣрины воово
да и гнъ. въ сии земли мълоуской
шкоуни си, тетросеуль. що є былъ.
§ залоге. бѣ да га прости, и да моу
дарує живѣ вѣчны. и' зде' мно
лѣтны живо

Раскрашенная страница передъ началомъ Евангелія отъ Матея представляетъ фигуру четырехугольника, надъ которымъ находится изображеніе: ветхы денны. Центральное мѣсто четырехугольника занимаетъ евангелистъ Матея, надъ нимъ два круга, въ каждомъ изъ нихъ крестообразно распростерты крылья, въ серединѣ которыхъ изо-

брожено человеческое лицо. Въ обоихъ кругахъ надпись: съть съть. Подъ евангелистомъ еще два круга, въ одномъ изъ нихъ изображенъ Авраамъ, въ другомъ Исаакъ.

Текстъ представляетъ обиліе тщательно сдѣлавшихъ рисунковъ: на второй страницѣ 13 фигуръ, на слѣдующей 27; три отдѣльные рисунки иллюстрируютъ крестный страданія Спасителя. Вообще мы находимъ здѣсь весьма подробную иллюстрацію евангельского текста. Само собою разумѣется, что картины, иллюстрирующія текстъ Евангелія отъ Матея, повторяются иногда въ евангеліяхъ отъ Марка, Луки и Иоанна. Весьпропо, эти рисунки имѣютъ важное значеніе для исторіи искусства, а также и для исторіи бытовыхъ отношеній времени и страны.

Изъ Евангелія отъ Матея, начало 64-е:

Вышедшу ему въ Капернаумъ
пристыди къ нему сътникъ
молѣ его и гѣл. Ги отрѹвъ мон
лежить въ дому ослабленъ, лю
тъ яко страждѣ. и гѣлъ ему гс
азъ пришедъ исцѣлѣ и отвѣ
нца сътника рече: Ги нѣсмъ до
стоинъ, яко да подъ кровъ мон въ
нидеши. илъ тѣкмо ръци слово...

Въ заключеніе текста Евангелія отъ Матея помѣщена картина. Между двумя деревьями изображенъ евангелистъ Матеей, благословляющій царя Иоанна-Александра. Съ нѣкоторыми измѣненіями въ подробностяхъ рисунокъ этотъ повторяется послѣ каждого евангелиста.

За евангельскимъ текстомъ слѣдуетъ не записанный листъ и по-томъ запись:

Писасѧ сии животочныи источникъ
новыи благодати. прѣславлакаго ученія х̄ва
...не вѣнчаниемъ тѣкмо
шаромъ. или златомъ. или висомъ прѣ
суканнымъ, или каменiemъ и би
сромъ украшаемъ, илъ вънѣтъни
иъ божественнаго слова, излияніемъ и
тайнѣственнаго съмотренія испльне..

Сие вѣмскавъ обрѣте благовѣрныи и христолюбивыи, прѣвысокыи и боговѣчанныи самодѣлѧць іѡанъ александъ царь, якоже свѣтилнику положену въ темнѣ мѣстѣ, и забывену и вънерадене положену древними цары. Его же божественнымъ желаніемъ изъ обрѣте съи христолюбивыи царь іѡ александъ, и' и' зложивъ прѣписа, изъ елизаветинскихъ словесъ, въ нашъ словѣнскому слогу и въ явленіе положи сего изъвѣнѹ зла тыми дѣсками покова, и выматрь мѣду животворными образы владычныи, и того славныхъ ученикъ, шары свѣтлыми и златомъ, живописцы, хѣдо жиѣ украсивъ... Съдрѣжашу тогда скрипта болгарска го и грѣческаго царства, съ благовѣрию и боговѣчаною и новопросвѣщенною царицею своею кира Федорою... и съ присны имъ и прѣвѣзлюбленымъ сыномъ своимъ іѡаномъ шишманомъ царемъ ихже молитвами побѣдѣ да пріиметъ отъ ба, на врагы ратующихъ ТОГО.

Лѣту текшшу ѿшза (6864) ипдикта 6¹⁾.
† рабже Гна моего царя, писавши свѧтии, симонъ миныхъ нарицаестсѧ.

Потомъ слѣдуютъ синицы и указаніе зачалъ Евангеліемъ на воскресные и праздничные дни.

Г. Курзою пріобрѣль эти замѣчательныи рукописи на Аeonъ въ

¹⁾ Вероятно, ошибка: 3 вместо 2. Указаніе ипдикта позволяетъ, впрочемъ, безошибочно восстановить дату. Ипдиктъ 9-й приходится на 6864, 6879 и 6894 годы, то-есть, на 1356, 1371 и 1386 гг. Такъ какъ 3 по написанію весьма трудно смѣшать съ 0 и II, но весьма легко и часто смѣшивается эта буква съ ဂ, то есть причинъ затрудниться въ выборѣ менѣе сомнительного случая. Внутренняи нѣроятія также говорятъ, что 6864, то-есть, 1356 г.

1837 году: № 151 — въ монастырѣ Каракаллы, №№ 152 и 153 — въ монастырѣ св. Павла. Его прекрасная книга, въ которой онъ описываетъ свое путешествіе по восточнымъ монастырямъ, у насъ мало извѣстна. Въ нѣмецкомъ переводѣ она носитъ такое заглавіе: Besuche in den Klöstern der Levante. Reise durch Aegypten, Palästina, Albanien und die Halbinsel Athos. von Robert Curzon, jun. Nach der dritten Auflage deutsch von Dr. Meissner. Zweite Ausgabe. Leipzig, 1854. Приведемъ любопытныя мѣста изъ этой книги, касающіяся занимающихъ нась рукописей.

„Я былъ принятъ (въ монастырѣ св. Павла) съ радушнѣмъ гостепріимствомъ и скоро свѣль знакомство съ четырьмя монахами, которые говорили по англійски, французски, италіански и нѣмецки. Мнѣ отвели отдѣльную спальню, чисто меблированную въ турецкомъ вкусѣ, гдѣ я паслаждался потомъ спокойнѣмъ сномъ. Затѣмъ меня ввели въ большую свѣтлую комнату, куда, послѣ очень пріятнаго обѣда, собралось небольшое число монаховъ, чтобы послушать, какъ превосходительный путешественникъ поперемѣнно держать бесѣду съ четырьма мудрыми отцами, говорящими на неизвѣстныхъ языкахъ. Простая, добродушная братія слѣдила съ благоговѣйнымъ ужасомъ и удивленіемъ за четвероюкою силой тѣхъ губъ, которая произносили странные впuki. Къ счастію для моей славы, достопочтенный знатокъ нѣмецкаго языка былъ сосредоточеннаго и молчаливаго нрава, ибо мои познанія въ его языкѣ были весьма ограничены. И такъ какъ мой слуга, который всегда умѣлъ показать товаръ лицемъ, сказалъ ему, вѣроятно, что я умѣю, кромѣ того, говорить еще на 90 другихъ языкахъ, и что къ тому же я племянникъ многихъ коронованныхъ особъ Европы, то вышло, что еслиъ явился даже фениксъ, то и ему указано было бы иѣсто ниже меня. Я замѣтилъ также какъ здѣсь, такъ и вообще во всѣхъ другихъ монастыряхъ, что всегда оказывается извѣстная степень почтенія тому, кто совершилъ путешествіе въ Святую землю. Кратко сказать, я понялъ, что нахожусь среди людей, которые умѣли оцѣнить мои достоинства.

„Этотъ монастырь основанъ Константиномъ Бранковичемъ (1688—1714 гг.), господаремъ Валахіи, для болгарскихъ и сербскихъ монаховъ. Мало любопытнаго нашель я въ немъ, какъ въ архитектурномъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Библіотека находится въ маленькой свѣтлой комнатѣ, книги хранились въ чистотѣ и были расположены на сосновыхъ полкахъ. Былъ тамъ только одинъ греческій малускриптъ, списокъ Евангелія въ 4-ку, XII или XIII в. Число сербскихъ и бол-

гарскихъ рукописей доходило до 250. Три изъ нихъ замѣчательныя: 1) рукопись Четвероевангелия, толстый томъ въ четвертку, написанъ крупными литерами въ $\frac{3}{4}$ дюйма величиной, конецъ рукописи утраченъ; 2) также Четвероевангелие, въ листъ, съ прекрасными рисунками въ началѣ каждого евангелиста и съ большимъ замѣчательнымъ изображеніемъ патріарха на концѣ; всѣ точки въ этой рукописи сдѣланы золотомъ, многія слова также написаны золотомъ: это былъ драгоцѣнныи манускрипты; 3) также Четвероевангелие, въ листъ, на староболгарскомъ языке, и подобно первымъ двумъ, написано уставными письменами (*in Uncialbuchstaben*). Эта рукопись съ начала до конца наполнена была изображеніями; на востокѣ не случалось мнѣ видѣть подобной. Это чрезвычайное открытие такъ взволновало меня, что я едва не упалъ со стуپеней, на которыхъ взгромоздился. Я видѣлъ, что эти книги хранимы были съ большимъ тицаніемъ, и потому не могъ дѣтить себя надеждой, что монахи легко разстанутся съ кото-рою-нибудь изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что, по всѣмъ признакамъ, монастырская община находилась въ очень счастливыхъ условіяхъ и не была вынуждаема пускать въ продажу что-либо изъ своей собственности.

„На прощаніе игуменъ выразилъ желаніе почтить меня чѣмъ-нибудь въ память моего посѣщенія монастыря св. Павла. Здѣсь послѣдовало живое изъявленіе взаимныхъ вѣжливостей, и я замѣтилъ, что мнѣ было бъ очень пріятно получить книгу. „О, да!“ сказалъ онъ,— „у насъ старыи книги лежать безъ всякаго употребленія, и намъ будетъ очень пріятно, если вы благоволите принять ее!“ Мы пошли въ библиотеку. Игуменъ вытащилъ на удачу одну книгу, какъ берутъ кирпичъ или камень изъ кучи, и протянулъ ее ко мнѣ. Я сказалъ: „Если для васъ не составляютъ разности, какую книгу дать мнѣ, то позвольте мнѣ взять ту, которая мнѣ нравится“ Говоря такъ, я снялъ болгарское Четвероевангелие съ рисунками, и едва мнѣ повѣрить, что это происходитъ не во спѣ, когда игуменъ передалъ эту книгу въ мои руки. Было уже величайшимъ безстыдствомъ съ моей стороны, что я попросилъ затѣмъ продать мнѣ еще другую книгу: но она также была предложена мнѣ въ даръ, и я взялъ вышеупомянутый томъ Евангелия въ листъ. Мнѣ почти совсѣмъ было принять эту послѣднюю книгу; по можно ли было противостоять искушенію, когда я зналъ, какую ничтожную цѣну приписываютъ монахи этимъ вещамъ, и какъ такія книги попадаютъ на рынки Константиноополя, Смирны, Солуни или другихъ сосѣднихъ городовъ? Отправились, впрочемъ,

я для очищениі совѣсти сдѣлать нѣкоторый денежный вкладъ въ церковь" (стр. 216—217).

Читатель, безъ сомнѣнія, догадывается, что здѣсь рассказана история находки и приобрѣтенія г. Курzonомъ Четвероевангелій сербскаго и болгарскаго, то-есть, рукописей №№ 152 и 153.

Еще любопытнѣе исторія приобрѣтеній, сдѣланныхъ англійскимъ путешественникомъ въ монастырѣ Каракаллы:

"Библиотека помѣщалась (стр. 197—198 и 223) въ темномъ подвалѣ при входѣ въ церковь. На полу и поломавшихся полкахъ съ книгами нашелъ я до 500 томовъ, главнѣше печатныхъ книгъ; но между ними кое-гдѣ попадались и рукописи; до 30 изъ нихъ написаны на пергаменѣ, до 60 на бумагѣ. Я поднялъ съ полу оторванный листъ греческой рукописи, часть Евангелія отъ Матея, написанный малыми квадратными буквами, въ небольшую четвертку. Тщетно доискивался я тома, къ которому принадлежалъ этотъ листокъ. Такъ какъ мнѣ не удалось въ святой лаврѣ приобрѣсти ни одной рукописи, то я опасался подобной же неудачи и въ другихъ монастыряхъ; я осмѣлился, однако, попросить себѣ этотъ оторванный листокъ, какъ вещь совершенно незначительную. „Конечно", сказали игуменъ, — „но какое можете вы сдѣлать изъ него употребленіе?". Мой слуга замѣтилъ здѣсь, что это можетъ пригодиться въ домашнемъ хозяйствѣ на покрытку горшковъ и банокъ съ желе и вареньемъ. „А", сказали игуменъ, — „такъ возьмите побольше". И безъ дальнѣйшихъ объясненій онъ схватилъ несчастный толстый манускрипты Апостольскихъ Дѣяній и посланий, и вынувъ ножъ, прежде чѣмъ я могъ остановить его, отрѣзаль съ конца книги изрядное количество листовъ. Оказалось, что это было Откровеніе Иоанна, составлявшее заключеніе рукописи; нужно замѣтить, что въ древнихъ рукописяхъ Дѣяній апостольскихъ Откровеніе Иоанна составляетъ большую рѣдкость; рукопись принадлежала къ XI вѣку. Я готовъ былъ убить этого губителя книги за его страшное дѣйствіе профанаціи, но его невозмутимое спокойствіе слова примирило меня съ нимъ. Спрятавъ Откровеніе Иоанна, я спросилъ у него, не угодно ли ему будетъ продать мнѣ нѣсколько другихъ папігъ. „Съ удовольствіемъ", отвѣтилъ онъ, — „сколько вамъ нужно? Мнѣ въ нихъ мало пользы; а такъ какъ я нуждаюсь въ деньгахъ, чтобы окончить мои постройки, то я охотно промѣняю книги на деньги".

Г. Курзонъ былъ два раза въ монастырѣ Каракаллы, и пользуясь простодушiemъ игумена, вывезъ изъ монастыря значительную часть болѣе цѣнныхъ рукописей.

Замѣчательный манускриптъ болгарскаго Четвероевангелия долженъ вызвать рядъ разнообразныхъ изслѣдований. Намъ приходится лишь пожалѣть, что мы не занялись имъ внимательнѣе въ Британскомъ музѣѣ, который представляетъ значительное количество научныхъ средствъ и пособій для разрѣшенія вопросовъ, касающихся славянской исторіи и литературы. Составляя же настоящую статью въ Парижѣ, мы лишены многихъ, необходимѣйшихъ для такого рода изслѣдований, вспомогательныхъ средствъ.

Послѣ турецкаго завоеванія, часть болгарскихъ боаръ и многіе изъ духовенства и народа искали спасенія въ Молдавіи и Валахіи. Уцѣльвшіе отъ пожара и хищенія памятники перешли также къ Румынамъ. Сокровища, бывшия собственностью царей Болгарскихъ и хранившіяся, какъ напримѣръ, наша драгоценная рукопись Четвероевангелия, въ Терновѣ или Виддинѣ, перешедши въ частную собственность, стали переходить изъ рукъ въ руки. Наша рукопись также была принесена въ Молдавію, и какъ цѣнность, попала „въ залогъ“. Болгарскіе монахи и духовенство съ принесенными ими славянскими рукописями, нѣтъ сомнѣнія, оказали на Румынъ значительное влияніе. Въ Молдавіи и Валахіи стали продолжать заниматься въ томъ же направлѣніи, которое проявилось въ половинѣ XIV в. въ Сербіи и Волгаріи, и которое ядѣсь оборвалось насильственнымъ образомъ съ турецкимъ завоеваніемъ. Въ самомъ началѣ XV в. мы встрѣчаемъ въ Молдавіи любителей церковныхъ книгъ и монаховъ, весьма искусно переписывавшихъ для первыхъ славянскія рукописи. Въ этомъ отношеніи выдѣляются Молдовалахійскій воевода Александръ Добрый (1402—1432 гг.) и супруга его Марина. О любви этой четы къ книгамъ свидѣтельствуютъ двѣ записи: одна на нашей рукописи болгарскаго Четвероевангелия, другая тоже на Четвероевангелии славянского письма, но написанной уже въ Молдавіи, по заказу супруги Александра Доброго, господарши Марини въ 1429 году ¹⁾). Запись, предшествующая тексту Четвероевангелия (№ 153), весьма любопытна по отношенію къ вопросу объ исторіи памятника, ибо она хранитъ слѣды пути, которымъ распространялись памятники славянской литературы. Наша рукопись была сначала перенесена въ Молдавію въ началѣ XV в.; изъ частной собственности она перешла въ библіотеку господаря Александра, сына Стефана. Одинъ изъ преемниковъ воеводы Александра, можетъ быть, тотъ же К. Бранковаяо, которому монахи

¹⁾ Объ этой рукописи будетъ рѣчь въ III-й главѣ настоящей статьи.

св. Павла приписываютъ и самое строеніе ихъ монастыря, пожертвовавъ братіи между другими вкладами и нашу рукопись. Можно даже догадываться, что въ обитель попала она въ драгоценномъ окладѣ, положенномъ на нее царемъ Болгарскимъ Ioannomъ-Александромъ.

Переходя къ разсмотрѣнію исторического матеріала, представляемаго рисунками, изображающими царское семейство, мы должны сознаться, что не сумѣли разыскать нѣкоторыя обстоятельства. Что касается до супруги царя, то „Феодора во Христѣ Бога вѣрная и новопросвѣщенная царица и самодержица всѣхъ Болгаромъ и Грекомъ“ есть песомнѣппо вторая жена Ioanna-Alexandra, еврейского происхожденія. Свѣдѣнія о ней имѣются какъ въ памятникахъ болгарского происхожденія, такъ и византійскаго. Такъ Григора (lib. XXVII) замѣчаетъ: Σῶαν γὰρ τὴν προτέραν ἐξώσας σύζυγον, Ἀλέξανδρος ἀνταπῆγαγεν ἄλλην ἐξ Ἰουδαίων, ἀφτι προσαγαγόν τῷ θεῖῳ ταῦτῃ αὐτὸς βαπτίσματι τοῦ κάλλους αὐτῆς, ὃς φασιν, ἔρασθείς (сравн. разборъ этой книги Григоры въ *Notices et extraits des manuscrits*, XVII, II-те partie). Халкокондилы (I., с. 37) приписываютъ этотъ бракъ съ Еврейкой уже Шишману: Σούσμανος... ἐπιτιμάναν ποιησάμενος θυγατέρα αὐτοῦ, κάλλει τα ὑπερφέρουσαν καὶ ἀπὸ Ἐβραΐδος, ἦν ἡγάγετο τροφθείς γεννηθεῖσαν τῷ Ἀμοράτῃ.

„Константина деспотъ, зять великаго царя Iш-Александра, Ка-раемаръ деспотица и дъщи царева“. Главнѣйшія и едва ли наши разрѣшенныя недоумѣнія касаются именно этой четы. У Дюканжа (*Familiae Byzantinae*), равно въ новой генеалогической таблицѣ, изданной г. Иречкомъ (*Geschichte der Bulgaren*, стр. 321), не находится имени деспота Константина. Вслѣдствіе утраты имени деспота-зятя царя Александра, произошли нѣкоторыя ошибки какъ въ генеалогической таблицѣ г. Иречка, такъ и вообще въ догадкахъ новыхъ историковъ Болгаріи, отпосительпо семействамъ отписаній Болгарского царя. Такъ напримѣръ, едва ли вѣроятно, что царь I. Шишманъ, заключивъ союзъ съ Мурадомъ I (ок. 1371 г.), пожертвовалъ, для скрѣпленія этого союза, именно свою сестрой Фамарью (Кара-емаръ по нашей рукописи, Фамаръ по Шомянику, Марія или Марула по народной пѣснѣ). Самымъ простымъ возраженіемъ противъ этого является слѣдующее: въ 1371 году старшая дочь царя Александра, рожденная отъ первого брака, была уже далеко не молодою женщиной, которая могла бы нравиться восточному властителю и овладѣть его расположениемъ: ей было тогда во всякомъ случаѣ больше тридцати лѣтъ. Авторитетъ лѣтописца Халкокондилы въ этомъ

вопросѣ, конечно, ниже авторитетности Помянника, но именно у первого мы думаемъ видѣть частію подтвержденіе нашихъ дальнѣйшихъ соображеній. Смѣшивая дочь цара Шишмана съ его сестрой Халкокондилы, (I, 37: приведенное выше мѣсто) справедливо, по нашему мнѣнію, называетъ дочерью Еврѣки молодую царевну, вышедшую замужъ за Мурада I.

То мѣсто Помянника, которое провозглашаетъ вѣчную память дочери цара I. Александра, вышедшей за Мурада I¹⁾ и называетъ ее именно Фамарью, составляетъ самое сильное возраженіе противъ нашего домысла. Но почему же въ Помяннике не сдѣлано никакого намека на первый бракъ Фамари; почему имя второй дочери цари византійское, а не болгарское (Марія-Кераца)? Если возможно допустить познаніе или забвеніе въ этомъ случаѣ, то отчего же не допустить его и въ другомъ? Даѣте, путаница въ именахъ, примѣтна даже въ самыхъ славянскихъ источникахъ и нерѣдко практиковавшаяся перемѣна именъ, особенно женскихъ, въ томъ случаѣ, когда молодая царевна вступала въ бракъ съ иноземцемъ, эти обстоятельства, хорошо знакомы свѣдущимъ въ дѣлѣ людямъ, не могутъ не вліять на образъ на ослабленіе авторитетности Помянника, который не долженъ быть рассматриваемъ какъ современный лицамъ, упоминаемымъ въ немъ.

Само собою разумѣется, весьма трудно рѣшить, кто былъ деспотъ Константина, мужъ Караамари; между тѣмъ разрѣшеніе этого вопроса составляетъ первую посылку для дальнѣйшихъ умозаключеній. Можно искать деспота Константина и въ Византіи, и въ Сербіи, и въ самой Болгаріи. Въ Византіи того времени извѣстенъ деспотъ Константинъ Палеологъ, сынъ Андроника Старшаго, бывшій нѣко-

¹⁾ *Временникъ Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ* (Москва, 1855): Синодикт. цари Бориса, изд. Палладиоп. «Кераамари, дѣщери великааго царя I. Александра, великой госпожи, обручница же суши великааго Амурата; оданъ же бывши за ны рода ради болгарскаго. Она же тамо шедши, и вѣру православную съхраниши, и родъ свой свободъши и добръ и благочестивъ по живши и съ миромъ скончавшися, вѣчна память». Незнаніе и забвеніе имени составителемъ Помянника не подлежитъ сомнѣнію. Въ словахъ: «Госпожи Десиславѣ и госпожи Василиоса дѣщерьми великааго царя I. Александра вѣчна память», мы находимъ двѣ ошибки: 1) третья царевна поставлена на мѣсто второй; 2) имя второй царевны совершенно забыто; не Кераца и не Марія помянута здѣсь, а ея нарицательное имя царица (*басілісса*), подъ которымъ память о ней хранилась въ преданії! Любопытно бы сравнить Помянника, поздній Раковскій (Раковскій, Асенъ, 52).

торое время правителемъ Македоніи и Солуни. Но о немъ имѣются довольно подробныя свѣдѣнія у Шахимера, Григоры и Кантакузина; не надобно притомъ опускать изъ виду то обычное явленіе, что именно византійскіе источники, при недостаткѣ славянскихъ, сообщають намъ извѣстія о бракахъ членовъ императорскаго дома съ царевнами и княжнами славянскими. При отсутствії какого бы то ни было подходящаго намека у византійскихъ писателей, мы можемъ полагать навѣрное, что деспотъ Константинъ Палеологъ не былъ зятемъ царя Іоанна-Александра¹⁾.

Еслиъ деспотъ Константинъ былъ болгарскаго происхожденія, то имя царскаго зата едва ли могло бы остаться безслѣднымъ въ событіяхъ разложенія Болгарскаго царства. Между независимыми деспотами Болгаріи мы не находимъ однако имени Константина²⁾.

Встрѣчается господинъ или воевода Константинъ между независимыми властителями, выросшими на развалинахъ Сербскаго царства. Это Константинъ Драгашъ, сынъ Жарка Воихы, одного изъ деспотовъ, подвластныхъ Стефану Душану: *Constantinus Dragaš despotes* у Миклошича въ *Monumenta Serbica* (Vienna, 1858), №№ 212, 213, 214. Онъ владѣлъ городомъ Кюстендиломъ и частью сѣверной Македоніи сначала¹ вмѣстѣ съ двумя своими братьями, потомъ съ 1379 г. единовластно (см. о немъ въ Словарѣ Дапичича, также у г. Голубинскаго, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, стр. 499). Подобно многимъ другимъ болгарскимъ и сербскимъ деспотамъ, онъ удержаль за собою власть, добровольно перешедши на сторону Турокъ; вмѣстѣ съ другими измѣнниками отечеству онъ также принималъ участіе въ турецкихъ походахъ на Славянъ, сражался въ рядахъ Турокъ на Коссовомъ полѣ (1389 г.) и погибъ въ войнѣ съ Румынами въ 1396 году. Онъ былъ женатъ, но неизвѣстно на комъ.

¹⁾ Развѣ, во время его управлениія Македоніей, поднялось возмущеніе въ Солунѣ; деспотъ Константинъ, изъ боязни быть убитымъ, принялъ постриженіе, монашеское его имя было Каллистъ (Cansaciz., р. 149, 413, ed. Bonn.).

²⁾ Есть и въ Болгаріи воевода Константинъ, жившій во времія царя I. Александра: «Великому воеводѣ Константину, иже Феодулъ наречень бысть въ миньскомъ образѣ, вѣчнаа память». См. Помянникъ, изд. Палагуловымъ во *Временника Московского Общества Истории и Древностей Россійскихъ*, книга XXI. Конечно, можно остановиться и на этомъ имени Помянника, но мы простираемъ поискъ дальше, хотя и не можемъ ручаться за достовѣрность своихъ выводовъ.

Дочь его Елена вышла за Мануила Палеолога (см. Ducange, *Familiae Byzantinae*, стр. 243, 246).

Если Константинъ Драгашъ былъ мужемъ Караеамари, то весьма понятно исчезновеніе его имени изъ памятниковъ болгарского происхожденія. Точно также и имя его супруги должно было предаться забвению въ памяти Болгаръ: Караеамарь не соблюла вѣры, по крайней мѣрѣ не страдала съ народомъ своимъ во время тяжкихъ испытаній, постигшихъ Болгарію,—памяти такихъ людей нѣть иѣста въ Помянникѣ. Въ силу общеизвѣстнаго обычая, коренящагося въ чисто психическихъ мотивахъ, устранившее изъ памяти лицо часто живеть однако въ другомъ лицѣ, на которое переносится его имя: первая супруга царя I. Александра, лишенная правъ и постриженная въ монахини, по странному капрису, продолжала жить въ имени второй жены его еврейскаго происхожденія. Не перенесено ли было также имя достойной забвія, въ сознаніи современниковъ и потомковъ, супруги Константина Драгаша на одну изъ ея сестеръ? Не есть ли Фамаръ Помилника, Марія народнаго преданія (Марула бѣлая Болгарка)—именно третья дочь царя Иоанна-Александра, по имени Десислава? Что касается въ частности Мары народнаго преданія, еще весьма сомнительно, дочь ли царя Иоанна-Александра имѣется здесь въ виду. У Миклошича, *Monumenta serbica*, можно найти нѣсколько грамотъ султанши Маріи, но эти грамоты относятся къ концу XV вѣка (№№ 436—445=1470—1497 гг.), и Мара была, сѣдовательно, женой не Мурада I, а Мурада II. Допустивъ, что Караеамарь вошла въ Помянникъ въ качествѣ жены Мурада I на основаніи народнаго преданія, намъ оставалось бы только объяснить, какъ могла произойти подстановка имени. Но составителю Помянника совсѣмъ не трудно было перейти отъ имени Мары къ Фамари. Разъ сдѣланъ этотъ шагъ, второй въ томъ же направлѣніи — присвоить болѣе созвучному имени старшій дочери царя I. Александра тотъ сюзъ, который въ дѣйствительности принадлежалъ младшей его дочери Десиславѣ — является уже не только возможнымъ, но и необходимымъ слѣдствіемъ первого.

Что касается остальныхъ членовъ царскаго семейства, хорошо извѣстныхъ по другимъ источникамъ, въ этомъ отношеніи намъ остается сказать не многое. Вторая дочь царя — Кераца по нашей рукописи, Марія у Григоры (Ш, 557), около 1356 г. была выдана замужъ за Андроника Палеолога, сына императора Иоанна V. Кераца имѣла тогда не больше 8 или 9 лѣтъ. Весьма точное свидѣтельство объ этомъ бракѣ

находимъ у Григоры: Κατὰ δὲ τοῦτον τὸν χρόνον (около времени смерти царя Стефана Душана) ἦχεν ἐκ Μυσῶν τῷ νέφι βασιλεῖ Ἀνδρονίκῳ τῷ τοῦ βασιλέως Ἰωάννου τῷ Παλαιολόγῳ παιδὶ νύμφη Μαρία ἡ τοῦ βασιλέως Μυσῶν Ἀλεξάνδρου θυγάτηρ, τὸν ἔννατον ἀρτι τῆς ἡλικίας ἀμείβοντες χρόνον, ὅμηλις οὖσα καὶ αὐτὴ σχεδόν (Notices et extraits des manuscrits, XVII, II-me partie, p. 30). По всемъ вѣроатиамъ, она происходила уже отъ втораго брака I. Александра, и мы не знаемъ, почему г. Иречекъ (Gesch. der Bulg., стр. 321) называетъ ее *leibliche Schwester Šišman's*. Тотъ же самый Григора, сказавъ, что въ это время оставила дворъ Болгарскаго царя греческая царевна Ирина (Каптакузинъ, I, стр. 508, сд. Bonn., называетъ ее *Marie*), вдова послѣ старшаго сына I. Александра Михаила Асена, продолжаетъ: Ἐνὸς μὲν οὐν ἡσαν τέκνα πατρός, Ἀλεξάνδρου δηλαδὴ, τοῦ τῶν Μυσῶν βασιλέως, ὃτε συζυγεῖς αὐτῷ (то-есть, Иринѣ) πρότερον καὶ ἡ νῦν ἐλθοῦσα νύμφη (то-есть, Кераца), μητρῶν δὲ δυοῖν. У Францы встрѣчаемъ намекъ, что Кераца жила съ Андроникомъ Цалеологомъ еще въ 1376 г. (ed. Bonn., p. 54): καὶ μετὰ τινῶν τῶν φίλων αὐτοῦ συμβουλευσάμενος καὶ τῶν τῆς γυναικὸς αὐτοῦ συγγενῶν καὶ τοῦ πανθεροῦ αὐτοῦ.... Здѣсь рѣчь идетъ о томъ, какъ 12-го августа 1376 г. Андроникъ взялъ Константинополь и короновался подъ именемъ Андроника IV. Второй зять царя Болгарскаго, изгнанный изъ Константинополя своимъ отцомъ и братомъ, умеръ въ Галатѣ въ 1385 г. Относительно Десиславы, третьей дочери I. Александра, мы можемъ лишь повторить ранѣе высказанное соображеніе, что именно она была выдана за Мурада I. Въ эпоху замужества, около 1371 г., ей было уже больше 20 лѣтъ.

Изъ сыновей I. Александра наши памятники называютъ двухъ: I. Шишмана и I. Срацимира, при чьемъ послѣдній въ рукописи № 153 названъ I. Асенемъ. По нашему мнѣнію, всего было три, а не четыре сына у Болгарскаго царя: два отъ первого брака—Михаилъ Асенъ и I. Срацимиръ (прозваніе Асена не перенесено ли по смерти первого на послѣднаго?), и одинъ отъ втораго I. Шишманъ. По смерти Михаила Асена, старшинство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и право престолонаслѣдія, оставалось нѣкоторое время за I. Срацимиромъ. Но уже къ 1355 г., въ силу особаго распоряженія царя, I. Срацимиръ уступилъ старшинство и отказался отъ наслѣдованія въ пользу младшаго брата Шишмана. Но объ этомъ было говорено по поводу первой болгарской рукописи № 151.

Θ. Успенскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЙ РУКОПИСИ ПАТРИАРХА ФИЛАРЕТА.

(Посвящается Е. Е. Замысловскому).

Рукопись, приписываемая патриарху Филарету, находилась первоначально¹⁾ въ рукахъ бывшаго начальника Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ А. О. Малиновскаго, который передалъ ее для напечатанія П. А. Муханову, бывшему предсѣдателю археографической комиссіи: въ первый разъ—въ 1837 году отдѣльно, и во второй—въ 1866 году въ извѣстномъ своемъ „Сборникѣ“ (стр. 263—330)²⁾. Рукопись эта, написанная па нѣсколькихъ листахъ, сшитыхъ въ тетрадь и покрытыхъ оберткой, имѣетъ слѣдую-

¹⁾ Сборникъ Муханова 1866 г., примѣчаніе на стр. XXXI.

²⁾ Рукопись издана Мухановымъ съ сохраненiemъ почти всѣхъ особенностей подлинника; такъ напримѣръ, сохранены рѣшительно всѣ поправки, которыя были сдѣланы на полихъ или между строками; почеркъ каждого поправщика (ихъ было четверо) обозначенъ особымъ шрифтомъ; хотя почеркъ различныхъ рукъ самого текста и не напечатанъ отдѣльнымъ шрифтомъ (для почерка «третьего» писца сдѣлано исключеніе), за то въ концѣ сборника приложенъ рисунокъ, гдѣ почеркъ каждого писца означенъ особою краскою; если гдѣ въ рукописи недостаетъ одного или нѣсколькихъ листовъ, то это обозначено точками; все то, что было въ подлиннике зачеркнуто поправщиками, зачеркнуто и въ печати посредствомъ креста; а чего нельзя было зачеркнуть (какъ, напримѣръ, букву или одну строку), то поставлено въ скобкахъ; поправки, сдѣланные рукою «самого лѣтописца», написаны тѣмъ же шрифтомъ, какъ и самая лѣтопись; двумя чертами обозначена склейка, а одною чертой отдѣленъ одинъ листъ отъ другаго. Наконецъ, въ концѣ приложены facsimile, какъ почерковъ переписчиковъ текста, такъ и почерковъ поправщиковъ; приложенъ также и рисунокъ, изображающій фабричныя клейма бумаги.

щую надпись: „Попѣсть о бывшихъ и въ Россіи послѣ кончины царя Бориса Годунова до избрания государя царя Михаила Феодоровича замѣшательствахъ и бѣдствіяхъ, сочиненная (вятіевато) при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его рукою (уповательно) исправленная“¹⁾). О внѣшнемъ видѣ рукописи Мухановъ, въ предисловіи къ своему первому изданію, говорить слѣдующее: „Подлинникъ писанъ на столбцѣ длиною въ 34 аршина; столбецъ разрѣзанъ на неравные листы, ихъ числомъ 67; бумага трапичная разныхъ клеймъ; начальныхъ листовъ и въ срединѣ многихъ недостаетъ; уцѣлѣвшіе, испрѣштванные безъ всякаго порядка, были считаны въ тетрадь; столбецъ написанъ не одною, но шестью различными руками; почеркъ всѣхъ шести рукъ принадлежитъ къ началу XVII столѣтія, то-есть, ко времени, описанному въ самой лѣтописи“²⁾). То обстоятельство, что текстъ рукописи писанъ не одною, а шестью различными руками, даетъ Муханову поводъ сдѣлать такого рода заключеніе: „Печатаемая нами рукопись была сочинена не однимъ (лицомъ), а нѣсколькими, и вѣроятно, шестью, и предположеніе, что диктовалъ одинъ, а писцовъ было нѣсколько, или сочинилъ одинъ, а переписывали нѣсколько, допустить нельзя: слогъ различный, бумага различная, взглядъ и образъ мыслей лѣтописцевъ различные.. Я даже того мнѣнія“, продолжаетъ Мухановъ, — „что Филаретовская рукопись составлена изъ нѣкоторыхъ современныхъ хроникъ, которые были ведены различными лицами, иногда и въ разныхъ мѣстахъ, и впослѣдствіи составлены и склеены въ одинъ столбецъ“³⁾.

Мы никакъ не можемъ согласиться ни съ однимъ изъ заключеній Муханова и позволяемъ себѣ считать его утвержденія совершенно голословными. Впервыхъ, на какомъ основаніи думаетъ онъ, что рукопись была писана въ разныхъ мѣстахъ Россіи? Развѣ въ рукописи пестрѣчается что-либо такое, по чemu можно было бы заключить, что одинъ изъ ея составителей несомнѣнно житель какого-нибудь другаго города, а не Москвы? Развѣ въ этой рукописи попадаются извѣстія, такъ сказать, не московскія? Напротивъ, въ ней описывается только то, что происходило подъ Москвой, около нея, или же то, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ городу Москвѣ, къ ея освобожде-

¹⁾ Сборникъ, прим., стр. XXXI. По мнѣнію Муханова, почеркъ этой надписи заставляетъ отнести ее къ половинѣ XVII столѣтія.

²⁾ Сборникъ, прим., стр. XXXI и XXXII.

³⁾ Сборникъ, прим., стр. XXXII.

нию отъ власти иноземцевъ; извѣстій же, касающихся специально какого-нибудь другаго города, или какой-нибудь мѣстности, находящейся въ Москви, подробностей, по которымъ можно было бы заключить, что извѣстная часть рукописи составлена вблизи извѣстной мѣстности, мы рѣшительно нигдѣ не встрѣчаемъ. На этомъ самомъ основаніи мнѣніе Муханова о томъ, что рукопись составлена въ разныхъ мѣстахъ, принято быть не можетъ.

Вторыхъ, не можетъ согласиться и съ тѣмъ положеніемъ Муханова, что рукопись, приписываемая патріарху Филарету, составлена изъ нѣсколькихъ, склеенныхъ въ одинъ столбецъ, хроникъ. Изъ сколькоихъ? Если составителей было шесторо, то и хроникъ должно бы насчитать шесть. Но это совершенно невѣрно, такъ какъ есть положительныя доказательства, что рукопись составляетъ нечто цѣльное, и что составители ея были скорѣе всего переписчиками съ какого-то отдѣльного произведения, принадлежащаго одному автору. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться, если обратимъ вниманіе, напримѣръ, на слогъ этой рукописи. Хотя Мухановъ и утверждаетъ, что слогъ каждого изъ писцовъ различенъ, но лично мы, тщательно прослѣдивъ слогъ всей рукописи и обративъ вниманіе на многія совершенно сходныя выраженія, встрѣчающіяся у нѣсколькихъ писцовъ, пришли къ совершенно противоположному убѣждѣнію. Приводимъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ выраженій. Напримѣръ, у одного переписчика говорится: „Той же князь Дмитрий Ивановичъ повелѣніе царево радостно воспріемлетъ, и путному шествію касаетца. Воинстіи же людіе повелѣнію цареву повинуютца и во слѣдъ воеводы своего грядутъ и дошедъ до града до Болхова“...¹⁾). Совершенно такія же выраженія, только нѣсколько въ другомъ порядке, встрѣчаются и у другаго переписчика: „По сему же совѣту гетманъ воинство уряжаетъ и воеводъ имъ пана Зборовскаго поставляетъ и путному шествію касатися повелѣвается. Панъ же Зборовскій повелѣнію гетманову повинуетца и путь радостно воспріемлетъ, и дошедъ до града Зубцова“...²⁾). Еще выраженіе: „и ту брань смертную спускаютъ“...³⁾), и у другаго переписчика: „тако брань смертную спускаютъ“...⁴⁾). Выраженія эти, отличающіяся нѣкоторымъ поэтическимъ колоритомъ, не принадлежать къ числу весь-

¹⁾ Сборникъ, стр. 278, л. 12.

²⁾ Тамъ же, стр. 281, л. 15.

³⁾ Тамъ же, стр. 290, л. 25; стр. 273, л. 8; стр. 316, л. 51

⁴⁾ Тамъ же, стр. 311, л. 45; стр. 312, л. 48

иа обыкновенныхъ и потому не легко могли встрѣтиться у нѣ-
сколькихъ авторовъ; весьма трудно ожидать, чтобы нѣсколькимъ ли-
цамъ, писавшимъ въ разныхъ мѣстахъ, пришло на мысль употребить
одно и то же, болѣе или менѣе необыкновенное выраженіе, издума-
лось говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ; гораздо вѣрнѣе будетъ
предположить, что всѣ эти выраженія принадлежать одному лицу,
тѣмъ болѣе, что они встрѣчаются у того и другаго переписчика по
нѣсколько разъ.

Замѣчательно также употребленіе нѣсколькими писцами совершенно
одинаковыхъ эпитетовъ: „Той жъ Михайлъ¹⁾), яко крѣпкій поборникъ
и разсмотрительный воевода...²⁾), и у него же въ другомъ мѣстѣ
о Прокофѣ Ляпуновѣ: „Той жъ бодрѣнныи разсмотрительный вое-
вода, всего Московскаго воинства властель...³⁾); а у другаго пере-
писчика: „разболѣся сей храбрый и разсмотрительный воевода Ми-
хайлъ...⁴⁾). Очень оригинальное выраженіе, встрѣчающееся нѣсколько
разъ у одного писца: „Поляцы жъ силу восхищають и усты меча го-
нать...⁵⁾), повторяется также нѣсколько разъ и у другаго: „Москов-
стїи воини... смерти враговъ своихъ уязвляють, силу восхищають и
усты меча гонять...⁶⁾). „Силу восхищають и усты меча гонять...”,
то-есть, одолѣваютъ и съ крикомъ (устами) прогоняютъ вооруженныхъ
мечами—выраженіе, въ которомъ несомнѣнно проглядываетъ привычка
автора употреблять рѣчь такъ-называемую украшеннѣю, съ оборотами
не всегда сразу понятными; поэтому странно было быпринять при-
веденное выраженіе, встрѣчающееся у нѣсколькихъ писцовъ, разнымъ
авторамъ; должно предположить, и это будетъ вѣрнѣе, что авторъ
этихъ выраженій одинъ.

Еще замѣчательнѣе совершенно одинаковыя сравненія, употреб-
ляемыя нѣсколькими писцами; такъ, у одного выраженіе: „скачетъ по
полкому всюду, аки левъ рыкая...⁷⁾) употреблено относительно Про-

¹⁾ Михайлъ Борисовичъ Шенінъ.

²⁾ Сборникъ, стр. 285, л. 21.

³⁾ Тамъ же, стр. 312, л. 46.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 287, л. 22; говорится о Михаилѣ Васильевѣ и чѣ Скопинѣ-
Шуйскомъ.

⁵⁾ Сборникъ, стр. 321, л. 57; стр. 291, л. 26.

⁶⁾ Сборникъ, стр. 322, л. 57; стр. 314, л. 48; стр. 312, л. 46.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 312, л. 46.

кофія Лапунова, а у другого: „скакеть по полкомъ всюду, аки левъ рыкая на своихъ...“¹⁾), относительно гетмана „Хатьева“.

Кромъ этихъ выражений, можно привести и много подобныхъ, которые подтверждаютъ, что слогъ у нѣсколькоихъ писцовъ совершенно одинаковъ, но мы ограничимся вышеуказанными, и сверхъ того, обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что описанія вѣкоторыхъ событий у разныхъ писцовъ рукописи поражаютъ своимъ сходствомъ; такъ, напримѣръ, при описаніи сраженій у нѣскоількихъ писцовъ не только встрѣчаются вполнѣ сходные обороты рѣчи, но даже и порядокъ этихъ описаній почти вездѣ одинаковъ.

Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, тотъ „различный слогъ“, о которомъ говорить Мухановъ? Думаемъ, что на основаніи вышеприведенного можно заключить, что различія въ слогѣ разныхъ частей рукописи не существуетъ. Напротивъ того, одинаковость слога въ частяхъ рукописи, писанныхъ различными почерками, заставляетъ насъ признать, что слогъ ея составляетъ принадлежность одного лица, а потому можно предполагать, что, за исключеніемъ впрочемъ вѣкоторыхъ мѣстъ, мы имѣемъ въ этой рукописи нечто цѣлое, принадлежащее одному автору. Въ этомъ мы убѣждаемся также и изъ разсмотрѣнія того образа мыслей, который вообще проведенъ въ разбираемомъ сочиненіи.

Относительно образа мыслей и возврѣтній составителей рукописи Мухановъ говорить слѣдующее: „Лѣтописецъ, написавшій листы 1-й, 2-й, 7-й, 13-й, 29-й, 30-й, если не быть пристрастенъ, то по крайней мѣрѣ, былъ весьма хорошо расположепъ къ Шуйскому; этотъ лѣтописецъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ къ партіи Шуйского и сочинилъ лѣтопись о его царствованіи...“ Въ подтвержденіе этого Мухановъ приводитъ слѣдующее: „Стойти только прочесть листы: 1-й—объ избраниіи Шуйского, 14-й—о воинственномъ порывѣ Шуйского, и листы 29-й и 30-й, на которыхъ описаны сверженіе Шуйского съ престола и постиженіе его“²⁾. Дѣйстiтельно, если мы всмотримся въ мѣста, указанныя Мухановымъ, а также и въ другія мѣста рукописи, писанныя тѣмъ же самымъ почеркомъ, то должны будемъ прийтi къ тому же заключенію, какое сдѣлано и Мухановымъ, а именно: въ части рукописи, написанной первымъ писцомъ, проглядываетъ несомнѣнное и полное сочувствiе автора къ Шуйскому.

¹⁾ Тамъ же, стр. 321, л. 57.

²⁾ Сборникъ, прим., стр. XXXII, и текстъ, стр. 263, 264, 279, 280, 281, 293 294 и 295.

Относительно образа мыслей и взгляда второго переписчика Мухановъ говоритъ такъ: „Около половины столбца (тридцать листовъ: 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й и т. д.) принадлежать второму лѣтописцу; его нельзя обвинять, какъ первого, въ пристрастіи къ Шуйскому“ ¹⁾). Но на чёмъ же Мухановъ основываетъ это мнѣніе? По всей вѣроятности, на томъ мѣстѣ рукописи, гдѣ о Васильѣ Шуйскомъ говорится слѣдующее: „Царь Василей наполнился зависти и гнѣва и не воалюби его (Скопина) за сію бывшую победу“ ²⁾). Дѣйствительно, такъ не могъ говорить о В. Шуйскомъ человѣкъ къ нему пристрастный, его приверженецъ. Но все же дѣлать заключеніе на основаніи одного только этого мѣста рукописи будеть по меньшей мѣрѣ поспѣшнымъ. Поэтому, прежде чѣмъ согласиться или не согласиться съ Мухановымъ относительно этого заключенія, мы считаемъ необходимымъ просмотрѣть тщательно все, что написано рукою втораго писца.

Сказавъ о желаніи Болотникова сдѣлать нападеніе на Москву, авторъ продолжаетъ: „Царь жъ Василей Ивановичъ, именемъ Бога помощника, ни мало не усумнился о семъ, но милостивъ и досотворяетъ и посылаетъ къ нимъ ³⁾), да престанетъ коварство ихъ безъ крови“ ⁴⁾). Если авторъ говоритъ, что на сторонѣ Василія Шуйскаго Богъ, само Провидѣніе, то очевидно, по его мнѣнію, дѣло Шуйскаго было совершенно правое; очевидно, стало быть, что тутъ пишетъ лицо, которое хоть нѣсколько держитъ сторону Шуйскаго, хоть отчасти принадлежитъ къ его приверженцамъ. То же самое подтверждаютъ и другія мѣста рукописи, писанныя вторымъ почеркомъ; такъ, сказавъ объ отступленіи Болотникова въ Калугу, авторъ говоритъ: „Подвигнулся самъ царь и великий князь Василей Ивановичъ всеса Руссіи, вземъ Бога на помощь, поиде смирити непокоряющихся ему и крамолы ихъ `упразднитъ“ ⁵⁾). Замѣтимъ еще одно мѣсто: описавъ появленіе втораго самозванца, авторъ говоритъ: „Слышано жъ бысть царю Василью, царь жъ Василей ни мало сего ужасеся, но упова на волю Божию... рече...“ ⁶⁾). Подчеркнуты нами выраженія имѣютъ тотъ же самый смыслъ, то же самое значеніе, какъ и первое.

¹⁾ Сборникъ, прим., стр. XXXII.

²⁾ Сборникъ, стр. 287, л. 22.

³⁾ Къ Болотникову и его войску

⁴⁾ Сборникъ, стр. 273, л. 8.

⁵⁾ Сборникъ, стр. 275, л. 11.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 277, л. 12.

Далѣе. Послѣ описанія побѣды, одержанной Михаиломъ Васильевичемъ Скоцинымъ-Шуйскимъ около Александровской слободы, авторъ продолжаетъ: „Рустіи же людіе, которые, забывъ свое крестное цѣлованіе, бѣгали въ Тушине, видя свое конечное житіе и недовѣрахуясь, что сотворити о своей имъ погибели, и придоша на Москву къ государю въ стыдѣ и въ срамѣ велице; и многу плачу и рыданію бывшу, непамятозлобивый же государь, видай же плачъ и ридапіе бывшю, не воспомниу имъ такового беззаконія, но всѣхъ прощаю и милость свою показуя и всѣмъ вину отдавая...“¹⁾).

Прочитавъ это описание борьбы Шуйского съ его врагами, всякий долженъ убѣдиться въ томъ, что составитель этого описанія несомнѣнно стоитъ на сторонѣ Василія; мы думаемъ, что еслибъ авторъ не былъ сторонникомъ Шуйского, то онъ не сказалъ бы о немъ, что царь, будучи непамятозлобивымъ, всѣхъ прощаетъ и милость свою показываетъ; думаемъ также, что авторъ не назвалъ бы поступокъ противниковъ Шуйского беззаконіемъ. Ясно, значитъ, что авторъ не стоитъ на сторонѣ этихъ отступниковъ и вполнѣ обвиняетъ ихъ поступокъ по отношенію къ Шуйскому. Вслѣдствіе этого намъ весьма понятно то выраженіе, которое авторъ употребилъ въ другомъ мѣстѣ рукописи: „Царь Василей повелѣ воеводамъ и воинству препоясатись оружиемъ браннымъ и идти на то безумное воинство...“²⁾). Тѣхъ, которые идутъ противъ Василія Шуйского, авторъ имѣлъ полное право назвать безумными, потому что, по его мнѣнію, на сторонѣ Шуйского стоитъ само Провидѣніе, сопротивляясь которому было бы, безъ сомнѣнія, безумiemъ. О приверженцахъ Лжедимитрия II авторъ выражается такъ: „Людіе же той Сѣверской страны, штаяся умы своими, яко пьяни или яко младенцы, покоряющеся ему и съ радостю послѣдоваху ему, яко же и прежнему врагу Гришкѣ, ко своей имъ погибели“³⁾). Но вотъ что говоритъ авторъ о той толпѣ, которая требовала пизведенія Василія Шуйского съ престола: „Московстіи же народи омрачишася умомъ и крестное цѣлованіе преступиша и совѣтъ неблагъ совѣщаше на своего благодателя и по о Бозѣ свободителя и всколебашесъ аки пьяни на государя царя и великаго князя Василья Ивановича, и мнози невѣгласы приходишу ко правителемъ и градодержцемъ, сириѣть къ боляромъ, коварствуя много на

¹⁾ Тамъ же, стр. 284 и 285, л. 20.

²⁾ Сборникъ, стр. 273, л. 8.

³⁾ Тамъ же, стр. 277, л. 12.

него: да сведутъ цара Василія въ государства. Боляро же многомудрыми словесы увѣщавая ихъ да представнутъ отъ сихъ, и глаголаше имъ: „О людіе Московскіи! представите отъ такового начинанія, видѣте како настъ Богъ наказа...“¹⁾). Эпитеты: омрачившійся умомъ, преступившіе крестное цѣлованіе, пьяніи, коварствующіе,—которыми авторъ клеймить недоброжелателей Василія Шуйскаго, должны, кажется, убѣдить всякаго въ томъ, что авторъ съ преврѣніемъ и негодованіемъ относится къ воевавшимъ противъ Шуйскаго, который, по его мнѣнію, былъ для нихъ „благодателемъ, по о Богѣ свободителемъ“. Еслибы авторъ не былъ приверженцемъ Шуйскаго, то онъ не выразился бы о тѣхъ, которые заступались за Василія, въ такихъ словахъ: „боляро же многомудрыми словесы увѣщавая ихъ, да представнутъ отъ нихъ“. А вотъ какъ авторъ въ другомъ мѣстѣ выражается о тѣхъ, которые хотять признать королемъ Владислава и пизвести Василія: „и инии же враждотворцы, на покояніе не обратницы, не точю милости хотяху получить, но паче горше беззаконія учиниша, не по совѣту бо своея земля и остави государя своего царя Василія и поиодаша въ Литву къ Литовскому королю, просити сына на Москву, въ нихъ бѣ первый тому богостудному дѣлу начинатель Михайло Глѣбовъ сынъ Салтыковъ, иже въ Литвѣ вѣ душу свою испроверже, разсѣдеся утроба его, яко второму Арію еретику, да дѣяки Василій Яновъ, Ефимъ Витовтовъ и инии инози безбожніи...“²⁾).

Приведенныхъ выписокъ, думаемъ, достаточно, чтобы убѣдиться, что мнѣніе Муханова относительно свободного отъ пристрастія взгляда втораго писца на Шуйскаго невѣрно; напротивъ, есть, кажется, полное право утверждать, что авторъ вполнѣ сочувствуетъ Василію, держитъ его сторону, однимъ словомъ, является приверженцемъ его партии.

Какъ же теперь объяснить то обстоятельство, что у втораго же писца встрѣчается то мѣсто, о которомъ мы уже говорили выше, и на основаніи котораго Мухановъ вывелъ свое заключеніе о несочувствіи автора къ Василію Шуйскому? Дѣйствительно, слова автора: „Василій наполнїлся зависти и гнѣва и не возлюби его (Михаила Скопина) за сию бывшую побѣду...“ вполнѣ противорѣчать всему, что раньше было высказано имъ о Василіѣ Шуйскомъ. Какъ же могло лицо, вы-

¹⁾ Тамъ же, стр. 293, л. 28.

²⁾ Сборникъ, стр. 289, л. 24; стр. 290, л. 25.

разившее свое полное пристрастіе къ Шуйскому, сказать въ то же самое время и эти слова, непріятныя, безъ сомнѣнія, для царя, но быть можетъ, скрывающія горькую истину. Поэтому мы думаемъ, что если все то, чѣмъ мы привели изъ написанного вторымъ писцомъ, дѣйствительно принадлежитъ ему самому, то слова нашей послѣдней цитаты, какъ противорѣчащія всему остальному, принадлежать ему не могутъ, и должно предположить, что слова эти выписаны имъ изъ какого-нибудь другого источника, который былъ у него подъ рукой; однимъ словомъ, это есть ни что иное, какъ вставка. А колѣ скоро это вставка, то такое обстоятельство служить для насъ лучшимъ доказательствомъ того высказанного нами положенія, что изслѣдуемая рукопись не есть вѣчно составленное изъ различныхъ совершенно отдельныхъ хроникъ, а списана съ чего-то, при чемъ—какъ это уже доказано одинаковостью слога—источникъ, послужившій для нея, составилъ одно произведеніе, принадлежащее одному автору.

Дѣйствительно, до насъ дошло такое произведеніе, которое можно признать источникомъ и для изслѣдуемой нами рукописи; это именно хронографъ особаго состава тобольского боярскаго сына Сергія Кубасова.

II.

Трудъ Сергія Кубасова озаглавленъ такъ: „Гранографъ сирѣчь Лѣтописецъ отъ сотворенія свѣта“; события въ немъ доведены до избранія на царство Михаила Феодоровича¹). По содержанію своему хронографъ этотъ распадается на двѣ неравныя части: одна заимствованная главнымъ образомъ изъ хронографа первой редакціи, лѣтописей и другихъ немногихъ источниковъ; другая—оригинальная, принадлежащая самому автору, начинающаяся отъ царствованія Ивана Васильевича Грознаго и идущая до конца хронографа.

Оставляемъ въ сторонѣ первую часть хронографа Сергія Кубасова, такъ какъ она по своему содержанію не имѣть никакого отно-

¹) Андрей Поповъ, Обзоръ хронографовъ Русской редакціи, вып. 2-й, стр. 231, По словамъ изслѣдователя, за утратою Демидовскаго списка этого хронографа, остаются извѣстными только два списка: одинъ—изъ Московскомъ публичномъ музеѣ изъ вновь приобрѣтеннаго собранія рукописей Пискарева, въ листѣ, XVII в., № 705 л.; другой—принадлежащий самому изслѣдователю, въ листѣ, XVII же в., полууставного письма. Мы, съ своей стороны, можемъ указать еще на одинъ списокъ хронографа Кубасова, который хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской публичной библіотеки. По этому списку графъ Растворчій напечаталъ въ 1863 г. одно изъ сказаний о Лжедмитріѣ.

шения къ той эпохѣ, которая описывается въ изслѣдуемой нами рукописи; но остановимся на второй его части, которая притомъ сама стоятельная¹⁾). Эта часть носитъ у Кубасова по списку, принадлежащему А. Н. Чопову, слѣдующее заглавие: „Повѣсть книги сея отъ прежнихъ лѣтъ о началѣ царствующаго града Москвы, и о корени великихъ князей Московскихъ, и о пресвѣтеніи царскаго корени отъ Августа царя, и о настатье Бориса цара, и о приходѣ богомерзкаго еретика Гришки Отрецьева Ростриги на царствующій градъ, и о началѣ его, и убіеніи его, и о матежи во царствующемъ градѣ и о пришествіи Литви, и о разореніи царствующаго града Москвы отъ беабожныхъ Лиховъ, и о взятіи царствующаго града Москвы собраніемъ и попеченіемъ всего православнаго Россійскаго христіанства, и о избраніи на царствующій градъ Москву и на всѣ Россійскіе государства цара Михаила Феодоровича, и о возрастѣ и о мужествѣ, и о нравахъ прежнихъ царей царствующаго града Москвы“ Вотъ этотъ-то самый хронографъ и легъ въ основаніе при составленіи изслѣдуемой нами такъ-называемой рукописи Филарета.

Что именно хронографъ Кубасова послужилъ источникомъ для рукописи, а не наоборотъ, это подтверждается слѣдующими данными: Въ рукописи, приписываемой патріарху Филарету, есть множество вставокъ и противорѣчій: ясно, что это произведеніе не самостоятельное, не оригинальное. Напротивъ того, какъ собственныя слова Кубасова, такъ и то впечатлѣніе, которое выносишь послѣ прочтенія его труда, заставляютъ пріѣдти къ заключенію, что вторая часть его труда²⁾ представляетъ сочиненіе вполнѣ самостоятельное; разказъ этой повѣсти вполнѣ цѣлый, безъ всякихъ противорѣчій и вставокъ; повсюду выдержанъ одинаково вѣрный взглядъ на совершившіяся въ то время события (например, на царствованіе Годунова, на царствование Василія Шуйскаго). Цѣлостность разказа вполнѣ подтверждается

¹⁾ Эта часть напечатана А. И. Поповымъ въ его Изборникѣ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, стр. 283—315.

²⁾ Что эта часть хронографа составлена Кубасовымъ вполнѣ самостоятельно, явствуетъ изъ его пиршѣй, приложенныхъ въ концѣ хронографа, и въ которыхъ авторъ говоритъ о себѣ, какъ о «сlogателѣ лѣтописной книги о похожденіи Чудовскаго монаха», слѣдующее:

опъ самъ сіе существенно видѣлъ,
И иные его вещи отъ изящныхъ безаприкладно слышалъ.
(Изборникъ, стр. 314—315).

и языкомъ его: всюду одни и тѣ же выраженія, одни и тѣ же обороты рѣчи, во многихъ мѣстахъ масса вполнѣ сходныхъ описаний. Что касается рукописи, приписываемой патріарху Филарету, то въ ней можно указать на слѣдующія противорѣчія и вставки:

1) Въ рукописи, согласно съ хронографомъ Кубасова¹⁾), о вступлении Польского короля Сигизмунда въ предѣлы Россіи говорится слѣдующее: „Въ то жъ время, настоящія сія години, пріодоша король Польскій Жигимонтъ подъ славный градъ Смоленскъ со множествомъ воинъ избранныхъ, въ силѣ мощи своея облегоша весь градъ, и начаша по граду ись пушекъ бити, и розсыпа стѣны градскія и строенцы высокія пизу опроверже”²⁾). Затѣмъ и далѣе³⁾ о король Польскомъ говорится, что онъ стояль подъ Смоленскомъ, осаждая его (также согласно съ хронографомъ Кубасова)⁴⁾: „Той же король Польскій, егда стояху во обступленіи града Смоленска, и послалъ пословъ....”. Между тѣмъ чрезъ нѣсколько страницъ, гдѣ списывавшій захотѣлъ отступить отъ хронографа и вставить разказъ о признаніи измѣнниками царемъ Владислава⁵⁾ (чего въ хронографѣ Кубасова нѣть), авторъ, возвращаясь опять къ Сигизмунду, позабылъ совсѣмъ о томъ, что онъ уже выше привелъ короля подъ Смоленскъ, и потому снова говоритъ: „Король... пріиде подъ Смоленскъ со многою силою, а подъ Москву послалъ етмана Станислава Желковскаго...”⁶⁾). Позднѣйший поправщикъ, замѣтивъ это повтореніе, зачеркнулъ слово „прайде” и написалъ вмѣсто него „стої” подъ Смоленскомъ.

2) Въ рукописи о сраженіи при Клушинаѣ, не по хронографу Кубасова, говорится такъ: „Егда же стояху въ томъ селѣ сила Московская и Нѣмецкая, и пріиде на нихъ Литовскій етманъ со многою Литовскою силою и сраженію бывшу тогда, грѣхъ ради нашихъ, Нѣмецкіе люди выдолпа Московскихъ людей, не начаша помогати; Литва же видя въ нихъ несогласie и начать напорно притужати...”⁷⁾). А затѣмъ опять разказывается о томъ же сраженіи уже дословно по хронографу Кубасова: „И сошедшися има въ селѣ Клушинаѣ и ту

¹⁾ Изборникъ Попова, стр. 302.

²⁾ Сборникъ Муханова, стр. 285, л. 20.

³⁾ Тамъ же, стр. 286, л. 21.

⁴⁾ Изборникъ Попова, стр. 302.

⁵⁾ Сборникъ Муханова, стр. 289, л. 24.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 290, л. 25.

⁷⁾ Сборникъ Муханова, стр. 290, л. 25.

брань смертную спущають...¹⁾). Далѣе же еще разъ говорится и объ измѣнѣ Нѣмцевъ: „Тогда жъ грѣхъ ради нашихъ учинися розы: воинистіе Нѣмецкіе люди Московскихъ людей выдоша...²⁾).

3) Передавъ рѣчъ московскихъ пословъ, просившихъ у Сигизмунда дозволенія его сыну вступить на Московскій престолъ, Кубасовъ говорить далѣе слѣдующее: „Сія вся словеса король слышавъ, яко повелѣваютъ ему послы отступить отъ Смоленска града, скоро разжегся яростю...³⁾). Въ такъ называемой же Филаретовой рукописи здѣсь находится вставка, хотя небольшая, но тѣмъ не менѣе весьма замѣтная, такъ какъ при этомъ не выдержано даже синтаксической послѣдовательности рѣчи: „Сія вся словеса король слышавъ... (ясно, что здѣсь что-то не докончено, потому что недостаетъ главной мысли, главного предложения, а затѣмъ разказъ продолжается такъ: „Всебожий жъ король возвнесся мыслю и помрачился умомъ, тмою прелести и сына своего на Московское государство обѣщеваетъ дати; въ серди жъ своеемъ нелѣпая помышиша: дабы православие соединить съ латынствомъ“). Затѣмъ опять повтореніе того, о чёмъ было уже говорено: „Послы жъ начаша глаголати: дабы отъ Смоленска отступилъ и даль бы покой христіанству“. Далѣе продолжается прерванный разказъ Кубасова вполнѣ по его хронографу: „Слышавъ же король, яко повелѣваютъ ему послы отступити отъ Смоленска града, скоро разжегся яростю...⁴⁾.

Однимъ словомъ, какъ только составитель рукописи отступаетъ отъ хронографа Кубасова, такъ онъ почти всегда спутывается и противорѣчить тому, чтѣ говорилъ раньше, придерживаясь хронографа. Такъ, сказавъ, что „пріодоша къ царю Василью на помочь Смольянин“, авторъ далѣе сбивается и примѣшиваетъ Смольянинъ уже къ недругамъ Василія Шуйскаго, вмѣстѣ съ жителями Сѣверской области: „воеводы же царевы съ воинствомъ возвращаютца во градъ

¹⁾ Изборникъ Молоха, стр. 303. Замѣчательно, что составитель рукописи, списывая съ хронографа Кубасова о начавшемся сраженіи употребляетъ поэтическое выраженіе «и ту брань смертную спущають», но когда опять предоставляетъ себѣ свои собственные силы и описываетъ сраженіе помимо хронографа Кубасова, то начинаетъ говорить другимъ языкомъ и замѣняетъ поэтическое выраженіе Кубасова своими собственными прозаическими: «и пріиде на нихъ Литовскій стманъ со многого Литовскою силою и сраженію бывшу тозда».

²⁾ Сборникъ Мухакова, стр. 291, л. 26.

³⁾ Изборникъ А. Попова, стр. 305.

⁴⁾ Сборникъ Мухакова, стр. 299, лл. 33 и 34.

радостны зѣло, яко побѣднici суть, а Сѣверскіе жъ людіе и Смоленскіи гиаша по пихъ...“¹).

Отступая от хронографа Сергея Кубасова, составитель рукописи во многихъ мѣстахъ теряетъ и хромологическую послѣдовательность разкзаза; такъ, сказавъ о дѣятельности Минина и Пожарского²), онъ переходитъ затѣмъ³) къ описанію смерти Ермогена (январь, 1612 г.), а потомъ сейчасъ же⁴) сообщаетъ о приходѣ Сигизмунда къ Волоколамску и о неудачѣ, постигшей короля Цольского подъ этимъ городомъ⁵), что относится уже къ концу того же года (ноябрь 1612 г.) и случилось уже слишкомъ мѣсяцъ спустя по взвѣти Китай-города и Кремля; объ этомъ же послѣднемъ событии онъ говоритъ послѣ и относить взятие Китай-города къ 22-му октабри, а занятие Кремля тремя днями позже (между тѣмъ, въ другомъ мѣстѣ рукописи⁶) взятие Кремля отнесено имъ къ 22-му же октабря); затѣмъ составитель опять возвращается назадъ и приводитъ русское ополченіе къ городу Москвѣ, гдѣ Русскіе вступаютъ въ бой съ Хоткѣвичемъ (августъ 1612 г.)⁷); потомъ идетъ снова разкзаз о тѣгостномъ положеніи Поляковъ въ Китай-городѣ и Кремлѣ и говорится о занятіи этого послѣднаго (22-го октабря).

Только при посредствѣ хронографа Кубасова мы можемъ объяснить себѣ нѣкоторыя, вовсе непонятныя для насъ вслѣдствіе пропусковъ, мѣста рукописи; такъ, сказавъ о выпускѣ лишняго народа изъ Китай-города, составитель рукописи даѣтъ говорить: „Воеводы жъ и начальницы московскаго собранія сидѣшася купно на речеюше мѣсто. На площади все воинство ихъ, посреди же ихъ стоитъ начальный воевода и властелинъ, панъ Трусь, мужъ великой храбрости и многово разсужденія. Сей жъ Струсь, помаявъ рукою и повелъ всѣмъ молчани и отверзы уста своя, глаголаше: „Мужіе польского народа, полкованцы и ротмистры славнаго рыцерства, въ кружѣ настоящаго сего собранія... Подайте ми совѣтъ благъ, дао избыти можемъ отъ немилостиваго сего меча врагъ нашихъ, понежъ дажъ не воскипѣлъ во крови нашей!“ Поляцы жъ вси единодушно воздвигоша гласы своя, да по-

¹) Сборникъ Муханова, стр. 273, л. 8.

²) Стр. 317 и 318, лл. 52 и 53.

³) Стр. 319, л. 54.

⁴) Стр. 319, л. 55.

⁵) Стр. 320, л. 55.

⁶) Стр. 328, л. 64.

⁷) Стр.: 320, 321, 322 и 323, лл.: 56, 57, 58 и 59.

шлютца послы къ воеводамъ и властямъ московского воинства, просятъ отъ нихъ милосердія...¹⁾). Изъ этого мѣста рукописи выходитъ, что Струсь, находясь среди московского воинства, обращается къ Полякамъ, находящимся „въ кругѣ настоящего сего собранія“ за совѣтомъ, какъ имъ (Струсю и Полякамъ) освободиться отъ меча враговъ ихъ (московскихъ воиновъ, вдѣсь стоящихъ); а Поляки отвѣчаютъ единодушно, что для этого надо отправить пословъ къ воеводамъ московского воинства (вдѣсь же находящимся). Это мѣсто рукописи, совсѣмъ лишенное смысла, дѣлается совершенно понятнымъ при сравненіи его съ хронографомъ Сергея Кубасова; сказавъ о принятии московскимъ воинствомъ пленныхъ, выпущенныхъ изъ Китай-города, авторъ хронографа продолжаетъ: „Воеводы и начальницы московского собранія (видя враги свои оскудѣвающими и поведѣ всему воинству ко граду Китаю приступати... и тако взяту бывшу тому граду Китаю, и елико въ немъ людей обрѣтаютъ и тако мечемъ погубляютъ и сокро-вища ихъ грабятъ. Поляцы же устремленія Москвичъ подняти не мо-гутъ, бѣгутъ до внутреннаго града превысоко во Кремль и тамо врата утверждаютъ крѣпкими запоры, Московстіи же воини, яко львы ры-кая скорять ко вратомъ градцкимъ превысоково Кремля уповая ото-мщенія врагомъ своимъ немедленно возврати, и тако ужасни быша Польцы и не возмогоша оружія своя поднять, стѣны градцкія оставляютъ и бѣгаютъ сѣмо и осамо и недоумевая како быти отъ посекаемаго меча могли избыти и тако) сидоша вкупе на уроченное мѣсто на площади все воинство, посреди же ихъ стоять начальный воевода и властель панъ Струсь мужъ великие храбрости“ и пр.²⁾).

Сопоставляя вышеупомянутое мѣсто рукописи съ соотвѣтствую-щимъ мѣстомъ изъ хронографа Кубасова, видимъ, что переписчикъ рукописи исказилъ факты, пропустивъ изъ хронографа Кубасова все то, что помѣщено нами въ скобкахъ; а этотъ пропускъ и уличаетъ составителя рукописи въ пользованіи трудомъ Кубасова.

4) Въ хронографѣ о появлении Тушинского вора говорится такъ: „Малу жъ времени минувшу, яко бы едину три мѣсяцы, проявися въ Сѣверскихъ градахъ матежникъ нѣкій, прозвався царевичемъ Дми-треемъ...³⁾). Составитель рукописи, слѣдя вполнѣ хронографу, допи-салъ слово „прозвався“, а затѣмъ, желая прибавить свою собственную

¹⁾ Стр. 324, л. 61, и 325, л. 62.

²⁾ Изборникъ, А. Попова, стр. 311.

³⁾ Изборникъ Попова, стр. 297.

фразу: „ему же имя невѣдомо и до днѣсъ“¹⁾), зачеркиваетъ „прозваси“, вписываетъ эту фразу и потомъ опять продолжаетъ по хронографу. Это-то зачеркнутое и обличаетъ составителя въ томъ, что онъ пользовался трудомъ Кубасова.

5) У Кубасова употреблено выражение: „спустиша брань велию“²⁾). Переписчикъ рукописи началъ вмѣсто „велию“ писать “великую” но дописавъ только велик, одумался, зачеркнулъ слогъ ик и затѣмъ рядомъ же приписалъ конецъ формы, употребленной Кубасовымъ: *вел(ик)ию*³⁾.

6) Въ рукописи, приписываемой патріарху Филарету, есть много мѣстъ, какъ видно, испорченныхъ, которые объясняются вполнѣ удовлетворительно, только если обратимъ вниманіе на соотвѣтствующія мѣста въ хронографѣ Кубасова: прямое доказательство того, что составитель рукописи, не понявъ того или другаго мѣста въ хронографѣ, которымъ онъ пользовался, написалъ это мѣсто по-своему, чѣмъ, конечно, извратилъ первоначальный смыслъ его. Такъ, въ хронографѣ Кубасова о началѣ осады Смоленска Сигизмундомъ говорится слѣдующее: „Король Польскій Жигимонтъ облагоша весь градъ и начаша по граду изъ пушекъ бити и разсыпа стѣны градскія и стрѣльницы высокія низу опроверже“⁴⁾). Писецъ рукописи, вѣроятно, не разобралъ, а можетъ быть, и совсѣмъ не понялъ слова: „стрѣльницы“, и вмѣсто него написалъ: „строеньцы“.⁵⁾ Между тѣмъ эта передѣлка не только измѣняетъ смыслъ, но даже дѣлаетъ это мѣсто не совсѣмъ понятнымъ. Стрѣльница защищать укрѣпленіе, съ котораго стрѣляли, бойница, башня⁶⁾), и намъ понятно, что войско Сигизмунда разрушило городскія стѣны, которые служили защитою, крѣпостью для города, и укрѣпленія, башни, съ которыхъ осажденные могли поражать врага, стрѣлять въ него; но разрушить городскія стѣны и „строеньцы“, то-есть, маленькія зданія и въ то же время высокія,—одно съ другимъ не вижется, и совсѣмъ нельзя понять, чѣмъ хотѣлъ этимъ сказать писавшій.

Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы видѣть, что составитель рукописи пользовался хронографомъ Кубасова, а не наоборотъ. Но самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что руко-

¹⁾ Сборникъ Муханова, стр. 277, л. 12.

²⁾ Изборникъ А. Попова, стр. 296.

³⁾ Сборникъ Муханова, стр. 273, л. 8.

⁴⁾ Изборникъ Попова, стр. 302.

⁵⁾ Сборникъ Муханова, стр. 285, л. 20.

⁶⁾ Словарь Церквино-слав. и русск. яз., изд. Акад. наукъ, т. IV

пись списана съ хронографа, служить именно та вставка, о которой мы уже упомянули выше, и которая совершенно неумѣстна въ такомъ сочиненіи, гдѣ высказывается сочувствіе къ Василию Шуйскому.

Убѣдившись въ томъ, что дѣйствительно въ основаніи изслѣдуемой нами рукописи легъ хронографъ Кубасова, намъ слѣдовало бы теперь разсмотрѣть: въ какомъ видѣ хронографъ Сергія Кубасова вошелъ въ составъ этой рукописи? Не подверглось ли что-либо въ немъ замѣненіямъ или передѣлкамъ? Существуютъ ли въ рукописи, сравнительно съ ея источникомъ, какія-нибудь вставки или дополненія? Если существуютъ, то какой характеръ этикъ передѣлокъ и вставокъ?

Но прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію этого вопроса, позволимъ себѣ сказать вѣсколько словъ о характерѣ тѣхъ извѣстій, которые сообщаютъ изслѣдуемая нами рукопись; мы считаемъ это необходимымъ потому, что, какъ намъ кажется, только извѣстнымъ характеромъ разматриваемой рукописи можно объяснить всѣ тѣ передѣлки, исправленія, которымъ подвергся хронографъ Кубасова, легший въ ея основаніе.

Мы думаемъ, что всѣ извѣстія, сообщаемыя этой рукописью, носятъ на себѣ офиціальный характеръ, и что составитель ея былъ лицомъ офиціальнымъ. Это можетъ быть подтверждено, вонервыхъ, такъ сказать, вѣнчаною стороною извѣстій, сообщаемыхъ этой рукописью. Такъ, при упоминаніи о Василиѣ Шуйскомъ, въ ней почти всегда называется полный титулъ его, какъ царя; во многихъ мѣстахъ Василий именуется: „великій государь, царь и великий князь Василий Ивановичъ, всеа Русія самодержецъ“...¹⁾). Исключеніе могутъ составить только тѣ случаи, гдѣ писецъ прямо списывалъ съ хронографа Кубасова и при этомъ оставлялъ то же простое выраженіе: „царь Василий“, которое всюду употребляется авторомъ хронографа. Съ тѣмъ же полнымъ титуломъ упоминаются въ рукописи и другія царствовавшія лица; такъ, Иванъ Грозный называется: „царь и великий князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русія самодержецъ“; Федоръ Ивановичъ титууется также: „Той же великий бояринъ Федоръ Никитичъ единокровенъ бысть прежъ бывшему великому государю, царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русія“. Полнымъ же титуломъ называется и патріархъ Филаретъ: „Преосвященнѣйшаго ми-

¹⁾ Сборникъ Мухлкова, стр. 278, л. 13; стр. 280, л. 14; стр. 265, л. 2 и т. д.

трополита кирил Филарета Никитича... ижъ бо тогда правящаго престолъ Ростовскаго и Ярославскаго, днесъ же правяща престолъ великия соборныя и апостольскія церкви пресвѣтѣйшаго патріарха всея великия Россіи¹⁾... ¹⁾). Официальный характеръ рукописи можетъ быть заświadтствованъ и тѣмъ, что въ ней встрѣчаются довольно точные обозначенія года и числа многихъ событій. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго, вполнѣ вѣрно и точно сдѣланнаго опредѣленія времени вѣнчанія на царство Василія Ивановича Шуйскаго: ²⁾, которое составитель взялъ, по всей вѣроятности, изъ какихъ-нибудь документовъ официальныхъ.

Въторыхъ, официальная сторона наслѣдуемой нами рукописи проглядываетъ и въ характерѣ тѣхъ официальныхъ, довольно казенныхъ выраженій, которыми составитель желаетъ выразить свое сочувствие къ Василію Шуйскому. Таковы, напримѣръ, уже приведенные нами выраженія: „взъмъ Бога на помошь“, „имѧ Бога помощника“, „благоразумный же и долготерпѣливый царь“ и т. д.; ³⁾.

Наконецъ, повторяемъ, только официальнымъ характеромъ рукописи можно объяснить всѣ сдѣланнныя въ ней передѣлки многихъ извѣстій, сообщаемыхъ Сергеемъ Кубасовымъ. Къ объясненію характера этихъ передѣлокъ, одпимъ словомъ, къ сличенію этихъ двухъ памятниковъ мы теперь и приступаемъ.

III.

Въ рукописи, приписываемой патріарху Филарету, недостаетъ начальныхъ листовъ; на первомъ изъ уцѣлѣвшихъ говорится уже объ убийствѣ первого Лжедимитрія, и притомъ въ немногихъ словахъ, гораздо короче, чѣмъ въ хронографѣ Кубасова. Разказано это самимъ писцомъ, независимо отъ какого-либо источника, и притомъ составитель, по своему обыкновенію, спутывается и разказываетъ

¹⁾) Сборникъ *Муханова*, стр. 266, л. 3; 271, л. 7; стр. 329, л. 67; стр. 267, л. 3.

²⁾) Сборникъ *Муханова*, стр. 265, л. 2. Что опредѣленіе времени этого событія сдѣлано совершенно вѣрно, это уже вполнѣ выяснено *Мухановымъ* (Сборникъ, прим., стр. XXXV, къ л. 2).

³⁾) Официальный характеръ такъ-называемой рукописи Филарета давно уже былъ указанъ С. М. Соловьевымъ (*Исторія Россіи съ древнейшихъ временъ*, т. IX, изд. 1859 г., стр. 463) и слъ его словъ А. Д. Голиковымъ (*Исторія Русской словесности*, т. I, стр. 240).

весьма неясно¹). Со словъ же: „въ четвертый же день по убиенію"²) начинается разказъ объ избраніи Василія Ивановича Шуйскаго на царство. Посмотримъ же, какъ относится этотъ разказъ къ повѣстованію о томъ же событии Сергея Кубасова. Въ хронографѣ оно описывается слѣдующимъ образомъ: „Въ четвертый же день убиенія Растрігина, приходя на лобное мѣсто боларинъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій и со иными многими и собра весь народъ о патріаршескомъ избраніи. Наради же вошлиху напередъ патріарха да изберется царь на царство, и потомъ патріаршеское избраніе произволно будетъ. Отъ того же боларина князя Василія многіе друзья и союзники посланы въ народъ, и заповѣдано имъ бысть, да изберутъ на царство его, князя Василія. Тѣ же людіе наустѣша народы, да изберется царь Василей на царскій степень, народы же возвѣтиша главы своя, да будетъ надъ ними надо всѣми царь Василей Шуйской, и на томъ утвердиша слово, ако же избранъ бысть царь Василей, и по семъ народи розыдошаася въ дому своя"³).

Изъ приведенного разказа явствуетъ, что авторъ желаетъ представить Василія Шуйскаго человѣкомъ, который старается завладѣть престоломъ помощью приверженной къ нему партии; Василій является у него царемъ, возведеннымъ на престолъ своими приверженцами, а не всѣмъ народомъ Московскаго государства, приверженцами, которые, конечно, хотѣли вмѣсть на него, направлять имъ. Отсюда же ясно обрисовываются и отношения Кубасова къ Василію: выставляя на видъ проискы его и его партии, авторъ тѣмъ самымъ даетъ понять, что онъ не одобряетъ подобныхъ дѣйствій и не можетъ относиться къ царю Василію съ сочувствіемъ. Не находимъ нужнымъ приводить изъ другихъ источниковъ доказательства, которыя подтверждали бы справедливость только что переданного разказа: громадное большинство изъ нихъ, если не во всемъ, то въ большей части подробнѣстей, вполнѣ сходно съ тѣмъ извѣстіемъ, которое сообщаетъ Кубасовъ. Позволимъ себѣ привести только нѣсколько словъ одного историка, въ которыхъ ясно, и вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма вѣрно выраженъ взглядъ на Василія Шуйскаго, какъ царя извѣстной партии:

¹) Это случается не только съ первымъ составителемъ рукописи, но также и съ другими, чѣмъ и должно быть принято во вниманіе при дѣлѣніишихъ указанияхъ на большую или меньшую степень самостоятельности ихъ въ дѣлѣ составленія рукописи.

²) Сборникъ Мухамеева, стр. 267, л. 1.

³) Изборникъ Попова, стр. 294.

„Провозглашению толпы, только что ознаменовавшей свою силу истреблениемъ Лжедимитрия, никто не осмѣлился противодѣйствовать, и Шуйскій былъ—не скажемъ избранъ, но выкрикнутъ царемъ. Онъ сдѣлался царемъ точно также, слѣдовательно, какъ былъ свергнутъ, изгнанъ Лжедимитрий, скопомъ, заговоромъ, не только безъ согласія всей земли, но даже безъ согласія всѣхъ жителей Москвы; умѣренная, спокойная, охранительная масса народонаселенія не была довольна въ обоихъ случаяхъ, не сказала своего: да,—гибельное предзнаменование для нового царя, потому что, когда усердіе клевретовъ его окладѣть, то кто поддержитъ его“¹⁾).

Безъ всякаго сомнѣнія, приведенный разказъ Кубасова объ избраніи Василія Шуйскаго не могъ войти въ официальную лѣтопись съ такимъ характеромъ; тамъ нельзя было выставить, что Василій былъ избранъ не цѣлою Россіей, не всею даже Москвой, а только нѣкоторою толпою, которую заправили его приверженцы, или какъ ихъ называетъ Кубасовъ, „многіе друзья и совѣтницы“. Поэтому разказъ Кубасова въ рукописи, приписываемой Филарету, передѣлывается и получаетъ слѣдующую форму:

„Въ четвертый жъ день по убиенію отступника отъ православія новаго Лютари еретика многоскувернаго Гриши Отрепьевы, маія 19 день прилоша на крайнево мѣсто, глаголемое лобное, весь синклитъ царьскаго величества, митрополиты и архиепискупы и епископы и архи, мориты и игумены и вскихъ чиновъ люди Московскаго государства и собраша весь народъ отъ мала жъ и даже и до велика и нача глаголати о томъ, дабы разослаша грамоты во всѣ окрестные грады Московскаго государства, чтобы изо всѣхъ градовъ съѣзжалиси въ царьствующій градъ Москву вси народи для ради царьсково обиранія и да быша избрали въ соборную апостольскую церковь патріарха, кого Богъ благоволить о патріаршескомъ избраніи. Народи же отвѣщау: напередъ же патріарха да изберетца царь на царство, и потомъ патріаршеское избраніе произвольно будетъ имъ великимъ государемъ; власти же, бояра же и ту стоящіе людіе начаша глаголати между собою: яко имъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ Шуйскимъ избави Богъ люди отъ прелести вражія и богопроклятаго онаго еретика Ростриги, ему же нынѣ подобаетъ и царьскій престолъ воспріяти. Сія жъ слышавшу и народи вси воздвигоша гласы свои: да

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VIII (1858 г.), стр. 158; см. также статью В. Иконникова въ сборнике Древняя и новая Россія, 1875 г., № 5, стр. 26.

будеть вадъ ними надо всѣми сій князь Василей Ивановичъ, утверждаютъ крѣпце совѣтъ сиі и парекоша его государемъ себѣ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи и по семъ розыдошася въ домы свои" ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ изложеніи офиціальной лѣтописи избраніе Василія Шуйскаго представляется совершеннымъ въ сколь возможно законной формѣ; желая представить дѣло такъ, будто Василій былъ избранъ всѣмъ народомъ, составитель офиціальной рукописи измѣняетъ смыслъ того, чтѣ сказалъ Кубасовъ, и произвольно обращаетъ выраженіе: „народы воздвигоша гласы своя" въ другое: „всі народы воздвигоша гласы своя..." ; не желая, и даже, какъ лицо офиціальное, не имѣя права высказать, что это избраніе было совершено съ какимъ-либо насилиемъ, авторъ офиціального разказа, конечно, не упоминаетъ о томъ, что „многіе друзья и совѣтницы посланы въ народъ и заповѣдано имъ бысть да изберуть на царство его, князя Василія"; пѣть у него упоминанія и о тѣхъ, которые „наустѣшина народы, да изберется царь Василій на царьскій степень". На этомъ же самомъ основаніи словъ Кубасова, что Василій „собра весь народъ о патріаршкомъ избраніи", составитель лѣтописи измѣняетъ въ слѣдующую фразу: „собраша весь народъ отъ мала жъ и даже и до велика.... о патріаршкомъ избраніи"

Изъ этихъ произвольныхъ передѣлокъ ясно видно, что авторъ рукописи не желаетъ высказать всего того, чтѣ на самомъ дѣлѣ происходило; онъ не хочетъ сказать истину, скрываетъ ее, а потому можетъ ли, въ этомъ случаѣ, его разказъ заслуживать довѣрія? Ясно, что нѣтъ.

Что это описание избранія Василія Шуйскаго есть не болѣе, какъ прикрашенная передѣлка на свой ладъ, видно отчасти изъ того, что позднѣйшій поправщикъ пашель и этотъ разказъ недостаточно изукрашенными; поэтому все то, что слѣдуетъ послѣ словъ: „народи жъ отвѣщаху", онъ перечеркнулъ и въ замѣнѣ перечеркнутаго вписалъ на оборотѣ листа еще болѣе „красивую" рѣчь народа: „яко напереди да изберется самодержавный царь, иже можетъ наше сокрушеніе изгѣлити и раны облязти нанесенные богоопустынно язвою неблагочестнаго еретика и зловоннаго вепря, ижъ озоба виноградъ Богомъ насажденный. И сего аще Господь царя откроетъ намъ, яко жъ древле Саула Израилю, и той убо да изпредѣть патріарха пастыря Богомъ

¹⁾ Сборникъ Муханова, стр. 263, 264, 265 лл. 1 и 2.

снабдимої церкви. И угодно бысть сіе слово предъ всімъ преосвященнымъ соборомъ и предъ царскими синклитомъ передъ благочестивыми князяи и бояры; и начаша глаголати: яко убо обличитель и посрамитель неблагочестиваго богоопротивника Гришки Отрепьева бысть благородный князь Василій Ивановичъ Шуйской, иже и до смерти мало не пострада отъ плотояднаго того медведя, и за избавленіе Россійскаго народа живота своего не пощадѣ; по семъ же и отрасль благороднаго корени царьскаго изчадія великихъ государей Россійскихъ; и сего ради, многаго ради мужства и благородія, да врученіо будетъ ему царьствія Россійскаго скипетредержанія. И егда услышася сіе реченіе въ собравшемся народи, и аbie вси народи предстоящи ту, яко по нѣкоему благовѣщенію или съ пебесе шумящу, или отъ земли возглашающу, воздвигота гласы своя великими жрецами, яко аще реши земли противу возглашати, бѣ бо собранныхъ всѣхъ безчисленное сочетаніе и мѣсто необрѣташесь има, вси жъ единогласно глаголюще: „да будетъ царьствия надъ вами царь и великий князь Василій Ивановичъ, иже избавивый насъ отъ надлежашія пагубы свирѣпнаго еретика Гришки Атрепьева. И тако всѣмъ совѣтомъ избраша на Россійское самодержество благочестиваго царя Василія“¹⁾

Что эта позднейшая передѣлка есть именно измѣненіе витійство составителя, употребленное имъ въ дѣло по приказанию поправщика, видно изъ слѣдующей приписки, сдѣланной послѣднимъ на поляхъ перечеркнутаго имъ выше разказа, вмѣсто котораго и вложена народу эта витіеватая рѣчь: „ пополнить и исправить“²⁾. Результатъ этикъ „ пополненій и поправокъ“ явился длинный наборъ книжныхъ фразъ, который вовсе не выражаютъ того, что было на самомъ дѣлѣ, и которыми, безъ всякаго сомнѣнія, народъ говорить не могъ³⁾.

¹⁾ Сборникъ Мулякова, стр. 264 и 265, л. 2.

²⁾ Тамъ же, стр. 264, л. 2.

³⁾ Странно повторю довѣріе къ только что приведенному описанію избрания Шуйского, которымъ позволяли себѣ увлечься Н. И. Костомаровъ, помѣстившій едва ли не цѣлкомъ вышеприведенное изложеніе въ свой во многихъ отношеніяхъ замѣчательный трудъ: «Смутное время Московского государства къ началу XVII вѣка». Описывая избрание Василія Шуйского, онъ воспользовался не только тѣмъ разказомъ, который поправщику рукописемъ показался не довольно изукашеннымъ, но даже и тѣмъ, который явился грубо витіеватымъ исправленіемъ первого. Н. И. Костомарову понравилось, напримѣръ, выраженію составителя рукописи: «избави Богъ люда отъ прелести времія и богоопроклата еретика», овь и поощряетъ его въ свое описание; ему понравилось также сравненіе

За описаніемъ підбрання Василя Шуйськаго на престолъ, въ рукописи слѣдуєтъ разказъ о вѣнчанії его, почти сонершенно сходный съ повѣствованіемъ о томъ же въ хронографѣ Кубасова; разница только въ томъ, что одни и тѣ же факты, такъ сказать, освѣщены различнымъ свѣтомъ. Приводимъ для сравненія оба разказа виѣтъ:

Изборникъ *Нового*, стр. 294.

Царь же наименованный Василей поїдѣ во градъ и приде въ соборную церковь Пресвятаго Богородицы честнаго и славного ея Успенія и молебне иѣпіе творяше и отъ радости многія слезы пролила предъ чудотворною иконою Пресвятаго Богородица Владимиерскаго и по семъ понедѣ въ царскіи покои и тамо пребываше. Боляре же и начальники икупы и весь народъ почитаху сго по царскому достоинію, яко и прежипхъ великихъ государей, и по мале времепи *возложи на ся царскій венецъ* и показавася миромъ и бысть царь Московскому государству и всей великої Росії.

Сборникъ *Муханова*, стр. 265, л. 2.

Нареченныи же царь и великий князь Василей Ивановичъ всеа Руси поїха во градъ и прииде въ соборную и апостольскую церковь Пречистаго Богородицаго и славного ея Успенія и предъ чудотворною ея иконою Владимірскаго, слезы *проливаєтъ ото очію яко спруя* и молебные пѣніе совершаеть и благодареніе воздаетъ царю всѣхъ Богу; и по семъ иступастъ въ царскій чртогъ и скуюстръ царь и руциѣ свою приемдѣти и походить на свой Богомъ порученный ему царскій и пре ¹⁾ и вѣнчася царскимъ *вѣнцемъ*.... ²⁾ Боляре жъ и весь царскій синклитъ, вкупъ же и весь народъ Московскаго царства, поиздравляхусы на великомъ государствѣ Російскаго царства, яко и прежняни великии государемъ Московскими и дары великии принесонаху ему по сго царскому достоинію.

Въ означенныхъ курсивомъ выражениихъ и заключается разница описаній Кубасова и официального лица; по нимъ мы можемъ составить себѣ довольно ясное понятіе о томъ, какъ представляютъ Василя Шуйскаго въ своихъ трудахъ оба автора. Въ хронографѣ Кубасова Василій представленъ плачущимъ отъ радости; значить,

Гришки Отрепьева съ плотоядными медведемъ, сравненіе, которое, конечно, не было высказано ни однимъ изъ народа, и ответственность за которое ладеть исключительно на составителя рукописи, и это сравненіе перешло и въ трудъ Н. И. Костомарова (*Смутное время*, т. II, стр. 3). Любопытно бы знать, почему для художественного наложенія исторического события нужно жертвовать истиной и пользоваться описаніями, несомнѣнно позукашенными и вымысленными.

¹⁾ Здѣсь въ рукописи недописка, слѣдуетъ читать престолъ.

²⁾ Здѣсь въ рукописи есть кое-какія прибавленія, о которыхъ будемъ говорить ниже.

ему очень хотѣлось завладѣть властью, быть на престолѣ; желаніе его исполнилось: онъ достигъ своей цѣли, и потому онъ виѣ себѣ отъ радости. Представить Василія Шуйскаго человѣкомъ, съ жадностью домогавшимся власти, составитель официальной лѣтописи, конечно, не могъ, а потому какъ нельзѧ болѣе характеристичное выраженіе Кубасова: „плачеть отъ радости“ въ официальной рукописи опускается и замѣняется самимъ незиннымъ: „слезы проливаетъ ото очю яко струя“.

Скрывъ то, что сказалъ о Василіѣ Шуйскомъ Кубасовъ, официальное лицо старается, какъ видно далѣе, расположить читателя въ пользу Шуйскаго, такъ, сказавъ: „Василей... восходитъ на свой Богомъ порученный ему царскій престолъ“, авторъ желаетъ дать понять, что избраніе Шуйскаго было совершено не только всѣмъ народомъ, но что въ этомъ избраніи принимало участіе само Пророчество, и что Шуйскій, вступивъ на престолъ, становится подъ защиту верховнаго Промысла, который указалъ народу своего избранника.

На то обстоятельство, что Шуйскій дѣйствовалъ происками и на-
саліемъ, Кубасовъ намекаетъ и слѣдующимъ выраженіемъ: „по мале
времени возложи на ся царскій вѣнецъ“... Что здѣсь заключается
именно такой смыслъ, это яснѣе всего видно изъ сопоставленія съ
тѣмъ выраженіемъ, которое употреблено составителемъ официальной
лѣтописи, гдѣ сказано: „и вѣничася царскими вѣнцемъ...“

Далѣе въ рукописи упоминается о митрополитѣ Новгородскомъ
Исидорѣ, которымъ, по словамъ рукописи, Василій „бысть возведенъ
на царскій престолъ“¹⁾). Это извѣстіе прибавлено самимъ составите-
лемъ рукописи, потому что въ хронографѣ Кубасова не говорится о
томъ, кто вѣничалъ Шуйскаго; рождается поэтому вопросъ: откуда со-
ставитель рукописи взялъ это извѣстіе? Отъ рѣшенія этого вопроса
зависитъ и разрѣшеніе другаго: на сколько вѣрно оно? Но такъ какъ
трудно опредѣлить, изъ какого именно источника составитель взялъ
одно только это извѣстіе—ибо о томъ могутъ свидѣтельствовать
нѣсколько источниковъ,—то мы предпочитаемъ паче рѣшеніе этихъ
вопросовъ съ разсмотрѣніемъ втораго, а именно: на сколько вѣрно из-
вѣстіе, сообщенное наслѣдуемою нами рукописью, а затѣмъ, на основа-
ніи большей или меньшей его достовѣрности, попробуемъ сдѣлать
нѣсколько заключеній о томъ, изъ какого рода источника состави-
тель могъ заимствовать это извѣстіе.

¹⁾ Сборникъ *Мусакова*, стр. 266, л. 2.

Во всѣхъ трехъ редакціяхъ Нового Лѣтописца—въ Новомъ Лѣтописцѣ, въ Кнїгѣ, глаголемой Новый Лѣтописецъ, и въ Лѣтописи о мно-гихъ мятежахъ, говорится, что Василій бытъ вѣчанъ на царство не Нов-городскимъ митрополитомъ Исаидоромъ, какъ сообщается и въ слѣдую-щей нами рукопись, а Казанскимъ митрополитомъ Ермогеномъ¹⁾). Уже Ка-рамзинъ нашелъ, что „извѣстіе рукописи Филарета заслуживаетъ болѣе вѣроятія“²⁾; мы же nowодимъ себѣ представить и причину, по которой должно считать извѣстіе рукописи наиболѣе достовѣр-нымъ. Дѣло въ томъ, что до насъ дошелъ „Чинъ вѣчанія на царство царя Василія Ioанновича“, который, какъ актъ самъ досто-вѣрный, долженъ вполнѣ разрѣшить этотъ вопросъ. Въ этомъ „чинѣ“ всюду первенствующимъ лицомъ является митрополитъ Новгородской; такъ, чинъ начинается слѣдующими словами: „Лѣта 7114 іюна въ 1 день, въ недѣлю государю царю и великою князю Василію Ioанновичу всеа Русіи вѣнчатися царьскіи вѣнцомъ и діадмою, а дѣй-ствовати на его царскомъ поставленъ митрополитъ Ноугородскому со всѣмъ соборомъ....“ Далѣе: „А по совершенію молебна приходитъ митрополитъ Ноугородскій... и говорить государю рѣчъ“³⁾). О митропо-литѣ Казанскомъ иѣть и помину въ „чинѣ“; тамъ упоминаются, кромѣ митрополита Новгородского, только „митрополитъ Ростовскій, да Крутицкій“. Между тѣмъ, еслибъ въ это время бытъ Ермогенъ въ Москвѣ, то безъ сомнѣнія, ему принадлежало бы первое мѣсто во времія вѣчанія, такъ какъ Василій ужъ имѣтъ въ виду возвести его на патріаршій престолъ. А что Ермогенъ не бытъ въ это времія въ Москвѣ, объ этомъ говорится и въ рукописи, приписываемой пат-ріарху Филарету: „Тогда бо бѣ вси (митрополиты и архіепископы) на Москвѣ баху, единъ же бысть во изгнаніи отъ Ростриги митропо-литъ Ермогенъ Казанскій и Свіѧтскій“⁴⁾). И такъ, Василія вѣчаль на царство митрополитъ Исаидоръ, какъ и сообщается и въ слѣдую-щей нами рукопись, а не Ермогенъ, въ чемъ ошибаются всѣ остальные источники; это извѣстіе такъ называемой рукописи Филарета должно

¹⁾ Временникъ, кн. XVII; Русская лѣт. по Никон. списку, т. VIII, стр. 76; Лѣтоп. о мат., 103.

²⁾ Ист. Госуд. Росс., т. XII, прим. 10.

³⁾ Акты Арх. Эксп., т. II, № 47.

⁴⁾ Сборникъ Муханова, стр. 266, л. 2.

быть причислено къ такимъ, которых отличаются своею достовѣрностью¹⁾.

Признавъ это, мы имѣемъ возможность уличить во лжи Василія Шуйскаго, который въ своей извѣстительной граматѣ²⁾ говорить, что онъ принялъ скипетръ благословеніемъ патріарха. Что это дѣйствительно неѣрно, подтверждается еще тѣмъ противорѣчіемъ, въ которое впадъ. Василій въ той же извѣстительной граматѣ: тамъ онъ не упоминаетъ, что 3-го іюня, то-есть, спустя два дня послѣ вѣнчанія, мощи Димитрія были встрѣчены патріархомъ; а вѣдь если патріархъ былъ бы въ Москвѣ 1-го іюна, то-есть, при вѣнчаніи Василія, то уже 3-го онъ неизрѣдѣно встрѣчадъ бы моши; а еслибы онъ встрѣчалъ, то о немъ, безъ сомнѣнія, было бы упомянуто въ граматѣ, такъ какъ въ ней, упоминаются всѣ другія духовныя лица³⁾. Поэтому если въ граматѣ не упоминается о патріархѣ, значитъ, его при встрѣчѣ мошѣй не было, не было его и при вѣнчаніи Василія, а слѣдовательно, тогда и вовсе еще не было патріарха. Въ виду этого извѣстіе о присутствіи патріарха при встрѣчѣ мошѣй въ изслѣдуемой нами рукописи⁴⁾, а, также во всѣхъ трехъ редакціяхъ Нового Лѣтописца⁵⁾, должно быть совершенно отвергнуто, какъ ошибочное. Не прѣѣхалъ же Ермогенъ 2-го іюня, такъ какъ Василій неизрѣдѣно пообождалъ бы его вѣнчаніемъ, или же заставилъ бы его послѣдить, потому что ему, безъ сомнѣнія, важно было принять скипетръ изъ рукъ самого патріарха; если же Ермогенъ прїѣхалъ 3-го іюня, то онъ не могъ встрѣтить мошѣй въ санѣ патріарха, такъ какъ его самого еще нужно было посвятить. Да иаконецъ, вѣдь со дnia вступленія на

¹⁾ Опредѣливъ степень достовѣрности извѣстія изслѣдуемой нами рукописи, мы должны еще решить: откуда составитель могъ взять такое извѣстіе. Объ этомъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

²⁾ Собрание государственныхъ граматъ и договоровъ, II, № 147; ср. и другую грамату отъ 6-го іюня, отправленную Василіемъ въ Пермь великую, въ Акт. Арх. Факс., т. II, № 48.

³⁾ Собрание государственныхъ граматъ и договоровъ, т. II, № 147. Нѣть упоминанія о патріархѣ при встрѣчѣ мошѣй и въ граматѣ Василія въ Пермь Великую, въ А. А. Э., т. II, № 48, и въ отрывкѣ изъ граматы вдовствующей царицы Марены Феодоровны къ жителямъ города Ельца въ Собраниі государственныхъ граматъ и договоровъ, т. II, № 149.

⁴⁾ Сборникъ Муханова, стр. 270, л. 5 и 6.

⁵⁾ Временникъ Имп. Общества Истории и Древн. Росс., кн. XVII; ср. Русск. Лѣтопись по Никон. спису, т. VIII, стр. 78, и Лѣтопись о матемахъ, стр. 106.

престолъ Шуйскаго до 3-го іюня прошло не болѣе тринадцати дней, а въ это время нельзя было успѣть сообщить Ермогену о желаніи Шуйскаго возвести его въ санъ патріарха, и притомъ такъ, чтобы въ это время онъ успѣлъ и пріѣхать въ Москву изъ Казани, куда былъ сосланъ Гришкой Отрепьевымъ, и откуда до Москвы считается около 800 верстъ¹⁾.

И такъ, мы считаемъ несомнѣннымъ, что ни при вѣнчаніи Василия, ни при встрѣчѣ мощей Димитрія, не было и быть не могло патріарха. Между тѣмъ Арцыбашевъ принимаетъ показаніе изслѣдуемой нами рукописи и трехъ редакцій Нового Лѣтописца и говоритъ: „На третій день послѣ вѣнчанія Васильева принесли чудотворныя мощи святою царевича Димитрія изъ Углича въ Москву. Государь, царица Мароа, патріархъ и вся Москва встрѣтили ихъ близъ города“²⁾). Думаемъ, что послѣ всѣхъ тѣхъ соображеній, которыхъ были представлены нами выше, должно признать изложеніе Арцыбашева неправильнымъ³⁾.

Далѣе, въ рукописи, какъ мы ужъ упоминали, говорится о судьбѣ Ермогена при вступленіи на престолъ Гришки Разстрія: „Единъ же бысть въ изгнаніи отъ Ростриги митрополитъ Ермогенъ Казанскій и Свіязскій, занеже бо ему еретику претяще о его богомерзкой женитбѣ“⁴⁾). О Ермогенѣ говорится также и у Кубасова, но разница только въ томъ, что у этого послѣдняго разказывается о Ермогенѣ нѣсколько болѣе, чѣмъ въ рукописи: „А на святителльскій престоль возведенъ бысть митрополитъ Ермогенъ Казанскій, мужъ чуденъ зѣло и много разсужденія, въ московское же разореніе многое дивное о себѣ творяше, о немъ же послѣ исторія описуетъ. Сей же патрі-

¹⁾ Сказаніе еще содѣялъ въ царствующемъ градѣ Москве, въ Членіїлѣ *Імп. Моск. общества исторіи и древностей* 1847 г., № 9.

²⁾ Понестовланіе о Россії, т. III.

³⁾ Карамзинъ (Исторія Госуд. Россійскаго, т. XII, прим. 28) какъ бы готовъ согласиться, что патріархъ присутствовалъ при встречѣ мощей Димитрія; вотъ его слова: «въ рукописи Филаретовой и въ лѣтописи Никоновской сказано, что при перенесеніи мощей св. Димитрія находился патріархъ, но въ царской кафедрѣальной гриматѣ о семъ не упоминается; впрочемъ, Шуйский говоритъ въ сей же гриматѣ, что онъ принялъ скипетръ благословленіемъ патріарха» и проч. Это впрочемъ противорѣчить, кажется, тому, чѣмъ говоритъ Карамзинъ въ текстѣ Исторіи, описанъ перенесеніе мощей Димитрія: «еще церковь не имѣла патріарха» (т. XII, стр. 21).

⁴⁾ Сборникъ *Мухаммада*, стр. 266, я. 2.

архъ Ермогенъ отъ Растряги въ заточеніи бысть, понеже не послѣдствова дѣломъ его и о женадѣ запрещеніе ему подавал на соборехъ предъ всѣми людми безстрашина словеса своя изливал, яко недостойнъ православному христіану отъ иноческихъ жену себѣ понята, и много ему бысть отъ оного Растряги прещенія смертного и жестокихъ словесь; онъ же яко крѣпкій поборникъ никако сего ужасеся, непрестанно его божественнымъ писаніемъ укорая, и за сіе заточенъ бысть”¹⁾.

Въ этихъ немногихъ словахъ ярко очерчена дѣятельность патріарха Ермогена въ правлениѣ Лжедмитрія. Ермогенъ, не смотря на свой неуживчивый характеръ, является въ смутную эпоху одною изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей, которая крѣпко стоять за Русскій народъ, и бодро сопротивляются всему, чтѣ хотѣть посягнуть на его самостоятельность, религію и обычан. Поэтому, если Кубасовъ въ своемъ трудаѣ выставилъ на видъ твердость характера Ермогена въ его отношеніяхъ къ самозванцу, то тѣмъ самимъ онъ высказалъ только одну правду и не можетъ заслужить упрека въ пристрастіи къ патріарху.

Тѣмъ, не менѣе, такая оцѣнка дѣятельности патріарха не нашла себѣ мѣста въ изслѣдуемой пами рукописи, гдѣ составитель ограничился лишь нѣсколькими словами о немъ. Отчего? Трудно объяснить причину этого обстоятельства, можетъ быть, совершенно случайного, потому что очень легко впасть въ тѣ или другія натяжки. Нельзя, напримѣръ, предположить, что составитель лѣтописи не помѣстилъ отзыва Кубасова о Ермогенѣ потому, что самъ былъ нерасположенъ къ Ермогену; предположить этого нельзя именно потому, что въ другихъ мѣстахъ рукописи то же самое лицо если и относится къ Ермогену не съ особеною похвалою, то все-таки ничѣмъ не выражаетъ своего нерасположенія къ нему.

Затѣмъ въ рукописи говорится о низверженіи патріарха Игнатія и обѣ отдаче его „подъ начало въ Чудовъ монастырь“²⁾. Это же самое находится и у Кубасова³⁾, который впрочемъ не упоминаетъ о заключеніи его въ монастырь.

Слѣдующее затѣмъ въ рукописи мѣсто⁴⁾ -- о томъ, что Шуй-

¹⁾ Изборникъ Попова, стр. 294 и 295.

²⁾ Сборникъ Муханова, стр. 266, л. 2.

³⁾ Изборникъ А. Попова, стр. 294.

⁴⁾ Сборникъ Муханова, стр. 266, л. 2.

скаго поздравляли „по царскому достоянію“ бояре и духовные лица, списано почти вполнѣ съ хронографа Кубасова¹). Только у послѣднаго нѣтъ того восклицанія, которое прибавлено въ рукописи составителемъ: „и въ тыа же дни (по вступлениі на престоль Шуйскаго) бысть смиренія и радость въ людехъ велия!“²). Этого не могъ сказать Кубасовъ, говорившій о Шуйскомъ то, что мы уже видѣли и увидимъ еще ниже, а могло сказать только лицо, которое по своему положенію должно было такъ говорить, однимъ словомъ, лицо официальное.

Слѣдующія 16 строкъ хронографа Кубасова, въ которыхъ³) разказывается о перенесеніи мощей Димитрія въ Москву, въ рукописи распространены на шести страницахъ⁴). Оно и понятно; правительство, явившееся въ Московскомъ государствѣ послѣ смутного времени, хотѣло показать народу истинныя причины этихъ смутъ, главнымъ виновникомъ которыхъ оно считало, конечно, Гришка Отрельева, принявшаго на себя имя убитаго царевича. Въ официальной лѣтописи Разстрѣга получаетъ слѣдующіе эпитеты: „губительный волкъ, богопроклятый разоритель православные христіанскіе вѣры, новый Лютаръ, отступникъ отъ православія, Уліянъ, еретикъ многоскверный, прелесть вражія, богопустная язва, зловонный вепрь, плотоядный медвѣдь, належащая пагуба“...⁵) Ясно, что для убѣжденія народа въ самовластії Раастриги необходимо было сказать и о томъ, что Димитрій былъ на самомъ дѣлѣ умерщвленъ, и притомъ, совершенно и невинно, почему и появились его мощи и чудеса отъ нихъ. Потребовалось, конечно, въ официальной лѣтописи подробное описание этихъ чудесъ, свидѣтельствовавшихъ о несомнѣнной невинности младенца.

Кромѣ того, это распространенное описание перенесенія мощей и чудесъ объясняется еще другими цѣлями, такъ-сказать, личными, а именно, тѣми родственными отношеніями, какія существовали между лицами, стоявшими тогда во главѣ правительства, и лицомъ, кото-раго Прорицаніе прославило, по выраженію рукописи, какъ „страстотерпца и чудесы того обогати“. Лѣтопись, какъ мы уже замѣ-

¹) Изборникъ А. Попова, стр. 294.

²) Сборникъ Муханова, стр. 266, л. 2.

³) Изборникъ А. Попова, стр. 295.

⁴) Сборникъ Муханова, стр. 266—272, лл. 3—7.

⁵) Сборникъ Муханова, стр. 263, л. 1; стр. 264, л. 1 въ 2; стр. 265, л. 2.

тили, составлялась въ правленіе Михаила Феодоровича и патріарха Феодора Никитича; оба эти лица всюду называются „единокровными“ великому государю, царю и великому князю Феодору Ивановичу, а потому и чудеса мученика, принадлежащаго къ ихъ роду, должны быть описаны подробнѣе, по крайней мѣрѣ, краснорѣчивѣе и изящнѣе. Что таковыя цѣли были, это видно изъ той прибавки, которая сдѣлана однимъ изъ поправниковъ: „царское убо изчадie подобаетъ благоговѣнїи того почтити яко жъ достоинъ“ ¹⁾).

Описаніе перенесенія мощей въ официальной лѣтописи въ сравненіи съ описаніемъ въ хронографѣ Кубасова отличается болыпимъ количествомъ витіеватыхъ фразъ до того, что во многихъ мѣстахъ даже затемняется смыслъ; такъ, напримѣръ, вмѣсто выраженія Кубасова: „повелѣ... привести гробъ царевича Дмитрия во царствующій градъ на увѣреніе людемъ и на обличеніе Разстрѣгина ложному ухищренію“... ²⁾), въ официальномъ описаніи мы находимъ такія фразы: „посылаеть да принесутъ тѣло многострадальнаго сего крѣпкаго адаманта изъ Углица въ царствующему граду.... изнести истинну на свѣтъ и заградити богооборные (еретическіе) кроволіѧющіе уста и обличити тмъ желателей темнаго мрака вмѣсто пресвѣтлыхъ зари тихомирпаго жительства“ ³⁾; вмѣсто: „посла.... мужей духовныхъ и о Божественныхъ писавій многоразсудныхъ“... ⁴⁾) въ рукописи перефразировано: „чуднѣйшихъ отцѣмъ достойныхъ Боговидѣнія и исправляющихъ слова Божественная истинны“ ⁵⁾). Затѣмъ въ официальномъ описаніи есть нѣкоторыя подробности относительно самыхъ мощей, чего мы не находимъ въ сокращенномъ описаніи Кубасова; такъ, въ рукописи говорится, что жители города Углица не хотѣли отпустить мощи въ Москву; говорится о томъ благоуханіи, которое распространили отъ себя мощи ⁶⁾). Одипъ изъ поправниковъ рукописи нашелъ, что въ ней ничего не сказано о самомъ открытии мощей, и потому на поляхъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „приписать: долго необрели и молебны шѣли и по молебны само явилось тѣло, кабы дымокъ и съ стороны рва копачова по-

¹⁾ Сборникъ Муханова, стр. 266, л. 3.

²⁾ Изборникъ Попова, стр. 295.

³⁾ Сборникъ Муханова, стр. 266 и 267, л. 3.

⁴⁾ Изборникъ Попова, стр. 295.

⁵⁾ Сборникъ Муханова, стр. 267, л. 3.

⁶⁾ Сборникъ Муханова, стр. 268, л. 4.

казался благовоненъ, тутъ скоро обрели¹⁾). Вследствие этой замѣтки на оборотной сторонѣ листа явилось цвѣтистое словоаналітіе, по содержанію своему совершенно сходное съ содержаніемъ приведенной замѣтки: ²⁾).

Подробнѣе говорится въ рукописи о торжественномъ несении мощей Димитрія въ храмъ архангела Михаила, о самыхъ чудесахъ ³⁾; кромѣ того, упоминается большее число лицъ, отправленныхъ въ Угличъ за мощами ⁴⁾.

Затѣмъ въ офиціальномъ описаніи встрѣчаются сравненія съ аналогичными событиями изъ священной исторіи; такъ, напримѣръ, сказавъ, что жители Углича не соглашались отпустить отъ себя мощи Димитрія, составитель говорить далѣе: „Человѣколюбецъ же Господь видѣ вѣру своихъ рабъ и вящше прослави своего угодника и страстотерпца и чудесы того обогати свыше отъ своєї велелѣпнныя милости; ижъ убо бѣша слѣпій и хромомъ и инѣми болѣзни одержими, прикосновеніемъ святаго тѣлеси его и одра на немъ же лежаше изцѣляхуся, и яко жъ нѣкогда при апостолѣхъ поть сѣнь Петрову прибѣгаху недужніи гдѣ грядущу Петру, но ижъ сѣнь нѣкоего осѣнить и тіи изцѣленіе получаху, тако и днесъ сбыться во очиу напею” ⁵⁾.

Есть сравпенія, заимствованныя и изъ исторіи русской; такъ, Димитрія Ивановича авторъ называетъ вторымъ Глѣбомъ Владимировичемъ, „ижъ въ начало просвѣщенія Россійскаго царствія отъ повара убіеннаго...” ⁶⁾. Встрѣчаются также и тексты, взятые изъ Священнаго Писанія; такъ о дѣйствіи чудесъ Димитрія говорится, что „недужніи же течаху скоро и болѣзни и яко елени скающе и Бога хваляще, ижъ таковую благодать святымъ дающаго; сбысть бо ся реченное Исаіемъ: скочить яко елень, хромый и ясенъ будетъ языкъ гугниваго” ⁷⁾.

Хотя описание перенесенія мощей Димитрія гораздо пространнѣе въ офиціальной яточниси, нежели въ хронографѣ Кубасова, однако

¹⁾ Сборникъ Мухакова, стр. 266, л. 3.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Откуда авторъ заимствовалъ этотъ списокъ лицъ, отправленныхъ за мощами, мы скажемъ ниже.

⁵⁾ Сборникъ Мухакова, стр. 269, л. 5, слич., Даянік апостольскія, гл. V, стр. 14—16.

⁶⁾ Сборникъ Мухакова, стр. 267, л. 3.

⁷⁾ Иеваніи гл. 35, ст. 6.

нельзя не замѣтить, что составитель рукописи имѣлъ передъ глазами и то описание, которое находится въ хронографѣ. Въ этомъ можно убѣдиться изъ тѣхъ перефразировокъ, которыя мы приводили выше. Но мы можемъ привести и другіе примѣры въ подтвержденіе сейчасъ сказанного. Такъ, составитель рукописи говорить о Дмитріѣ Ивановичѣ: „и сей отъ своихъ рабъ кровю обагрѣнныи и смерти преданыи...“¹⁾). Это авторъ могъ сказать, подражая Кубасову, у которого нашелъ выраженіе²⁾: „безъ вины отъ раба закланъ бысть“. Затѣмъ слова: „человѣколюбецъ Богъ прослави своего угодника и чудесы того обогати“³⁾) могли быть сказани авторомъ потому, что въ хронографѣ Кубасова онъ встрѣтилъ слѣдующія: „и за сіе страданіе Богъ чудесы его одари“⁴⁾). Оба эти выраженія довольно характеричны, хотя второе, какъ самостоятельно высказанное, нѣсколько вѣрѣне и осмысленіе, чѣмъ первое, только передѣланное изъ него.

Это описание перенесенія мощей Дмитрія въ рукописи не окончено; по крайней мѣрѣ до насъ не дошло конца его, такъ какъ въ рукописи здѣсь недостаетъ нѣсколькихъ листовъ; на первомъ изъ слѣдующихъ листовъ описывается уже приходъ Болотникова въ Москву. Сообразная по хронологическому порядку, Мухановъ сдѣлалъ предположеніе, что на недостающихъ листахъ былъ описанъ бунтъ князя Григорія Шаховскаго, появленіе втораго лже-Дмитрія и пр.⁵⁾). Мы имѣемъ теперь возможность повѣрить предположеніе Муханова, такъ какъ видимъ, что въ этомъ мѣстѣ составитель рукописи слѣдоваль вполнѣ хронографу Кубасова, и что слѣдующій за недостающими листъ начинается тѣми же словами, которыя находятся и въ хронографѣ: „(пойдоша во ополченіи) своеи подъ стѣны града“⁶⁾). Слѣдовательно, пропущено шестнадцать строкъ, на которыхъ у Кубасова описанъ не бунтъ князя Григорія Шаховскаго и не появленіе втораго лже-Дмитрія, а появленіе лже-царевича Петра и восстаніе Сѣверскихъ городовъ.

Въ описаніи дѣйствій Болотникова подъ Москвою, сраженія и бѣгства его подъ Калугу составитель рукописи является простымъ спи-

¹⁾ Сборникъ Муханова, стр. 267, л. 3.

²⁾ Изборникъ Попова, стр. 295.

³⁾ Сборникъ Муханова, стр. 269, л. 5.

⁴⁾ Изборникъ Попова, стр. 295.

⁵⁾ Сборникъ Муханова, прил., стр. XXXV, л. 7.

⁶⁾ Изборникъ Попова, стр. 295.

съвателемъ съ хронографа Кубасова, такъ что 33 строки хронографа ¹⁾ вошли въ описание официальной лѣтописи; сходство почти полное, начиная съ 8-го листа рукописи, со словъ: „своемъ подъ стѣны града“, до листа 10-го, до словъ: „противу враговъ браннымъ своимъ ополченiemъ стояти невозможоша“ включительно ²⁾; впрочемъ, составитель рукописи долженъ быть сдѣлать кое-какія измѣненія и дополненія, мало имѣющія значенія по своей сущности, но важныя своими указаніями на официальное положеніе составителя рукописи. Такъ, при упоминаніи о войскѣ Болотникова составитель официальной лѣтописи называетъ его постоянно „безумное воинство“, чего въ хронографѣ Кубасова нѣть; описавъ затѣмъ пораженіе Болотникова, авторъ прибавляетъ отъ себя: „воздаде бо имъ Богъ мѣсть, понежъ нелѣпая государю своему начаша содѣвати“ ³⁾). Эта вставка понятна: если на сторонѣ Шуйскаго стоитъ само Провидѣніе, какъ это всюду старается выставить официальное лицо, то ясно, что на пораженіе враговъ Василия это лицо не можетъ иначе смотрѣть, какъ на наказаніе Божіе за ихъ вовстаніе.

Составитель рукописи упоминаетъ между прочимъ о томъ, что на помощь Василію пришли Смолѣнскѣ ⁴⁾; у Кубасова этого не говорится. Прибавка эта, конечно, вполнѣ основательна, такъ какъ приходъ Смолѣнска подъ Москву на помощь Шуйскому подтверждается и другими свидѣтельствами ⁵⁾.

Но въ томъ, чтѣ говорится въ рукописи далѣе, нельзя не видѣть нѣкоторыхъ обстоятельствъ, заставившихъ составителя изслѣдуемой нами рукописи сдѣлать ошибку, такъ какъ его официальное положеніе не позволило ему высказать всей правды. Приступая къ описанию побѣды, одержанной Москвичами надъ Болотниковымъ, составитель официальной рукописи представляетъ Шуйскаго имѣющимъ достаточно силы, чтобы побороть мятежниковъ, нисколько не сомнѣвающимся въ успѣхѣ своего дѣла и совершенно увѣреннымъ въ своей побѣдѣ

¹⁾ По изданию А. Попова.

²⁾ Сборникъ Мухамова, стр. 272, л. 8, до стр. 275, л. 10.

³⁾ Тамъ же, стр. 273, л. 8.

⁴⁾ Сборникъ Мухамова, стр. 273, л. 8.

⁵⁾ Такъ обѣ эти разы упоминается пѣ Книгѣ, глаголемой Новой Лѣтописецъ: Русская лѣтопись по Никонову списку, т. VIШ, стр. 82; въ Лѣтописи о мятежахъ, стр. 110; въ Караканинскомъ хронографѣ: Изборникъ Попова, стр. 932; въ богоильной грамотѣ патріарха Ермогена отъ 30-го ноября: Акты арх. эксп., т. II, № 58.

надъ ними; онъ говоритъ: „Царь же Василей Ивановичь, имѣя Бога помощника, ни мало ни усомнися о семъ“¹⁾. Выставивъ на видъ полное отвращеніе Василія ко всякому кровопролитію, его искреннее, будто бы, желаніе покончить ссору миромъ, составитель старается представить дѣло такимъ образомъ, чтобы нельзя было упрекнуть Шуйского въ недостаткѣ человѣколюбія и милосердія: „милостиво и кротоко“ говорить онъ, — „состворяеть и посыаетъ къ нимъ, да престанетъ коварство ихъ безъ крови“¹⁾.

И такъ, изъ словъ составителя явствуетъ, что Василій, не желая доводить дѣло до битвы, хочетъ употребить спачала всѣ мѣры кротости, чтобы покончить вражду безъ пролитія крови, а потому обращается къ Болотникову и его войску съ предложеніемъ положить оружіе. Мы имѣемъ основаніе не повѣрить этимъ мотивамъ, которые, по словамъ автора изслѣдуемой нами рукописи, побудили Василія обратиться къ мятежникамъ съ предложеніемъ прекратить борьбу; дѣло должно быть объяснено иначе; Василій, какъ царь партіи, уже въ это время былъ ненавидимъ многими; его держались потому только, что не знали еще кому передаться; положеніе Василія въ Москвѣ было критическое. Мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія относительно того, въ какомъ положеніи находились дѣла въ Москвѣ за это время; такъ, въ Латухиной Степенпой книгѣ говорится, что „царь Василей Ивановичъ, видѣвъ сія, и повелъ попсюду градъ утверждати, чтобы отъ пихъ враговъ какія опасности не прийти; самъ же царь и вси людіе быши въ печали велицкѣй“. Въ то же время нѣкому отъ человекаѣвъ явленіе бысть дивно и ужаса исполнено; онъ же возвѣсти вся царю и патріарху. И заповѣда царь и патріархъ всему народу три дни, окторіа съ 14 числа поститися и прилежно Господу Богу молитися...“²⁾). Въ Москвѣ народъ волновался, съ часу на часъ звалъ самозванца³⁾. Ясно, что Шуйскому, находившемуся въ такомъ положеніи, необходимо было завязать сношенія съ начальниками обступившаго Москву войска, поселить между ними раздоръ, нѣкоторыхъ привлечь на свою сторону и т. д. Вотъ съ какою цѣлью Василій завелъ сношенія съ Болотниковымъ и его товарищами. Но удалось ли Василію достигнуть чего-нибудь? Авторъ изслѣдуемой нами рукописи говоритъ: „оны же

¹⁾ Сборникъ Муханова, стр. 273, л. 8.

²⁾ Карамзина, Ист. Г. Р., т. XII, цвѣм. 79.

³⁾ Повѣре въ Сказанихъ совреме никъ въ о Дионитрѣ Само вицѣ, т. I (изданіе 1859 г.), стр. 216.

ви мало не внимаше...¹⁾). Значить, Василій потерпѣлъ неудачу: онъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ и ими одержаль побѣду надъ ослаждавшими. Конечно, это ложь; мы, напротивъ, должны дать полную вѣру другимъ извѣстиямъ, согласно говорящимъ о переходѣ многихъ на сторону Шуйскаго, и между прочимъ, объ измѣнѣ Истомы Пашкова. Патріархъ Ермогенъ, въ своей богоугодной граматѣ митрополиту Ростовскому Филарету отъ 30-го ноября²⁾), признается, что „въ нихъ злодѣемъ отъ Москвы ни единъ же отторжеси, а отъ нихъ къ государю прѣѣзжающи многіе добиваются членомъ и государь милостиво ихъ вины имъ отпускаеть...“ Объ измѣнѣ Истомки Пашкова говорить большинство источниковъ³⁾). На этомъ основаніи всѣ остальные свидѣтельства, говорящія о взятіи, будто бы, въ пленъ Истомки Пашкова, свидѣтельства офиціальныхъ, заинтересованныхъ и потому непадежныхъ, должны быть совершенно отвергнуты⁴⁾). На это мы имѣемъ тѣмъ большее право, что въ одномъ изъ хронографовъ, авторъ котораго—сторонникъ Василія, находится извѣстіе о томъ, что Истома Пашковъ былъ погражденъ царемъ. Это извѣстіе не можетъ быть согласовано съ показаніями Василія, который говорить о взятіи Истомки Пашкова въ пленъ⁵⁾). Взять въ пленъ своего завзятаго врага и наградить его—одно съ другимъ не вяжется, да и не въ характерѣ Василія, утопившаго Болотникова, во-

¹⁾ Сборникъ *Мухамова*, стр. 273, л. 8.

²⁾ А. А. Э., т. II, № 57.

³⁾ Латухина Степенная книга: *Карамзин*, Ист. Гос. Рос., т. XII, прим. 86 Книги, глаголемая Новый лѣтописецъ: Русская лѣтопись по Ник. списку, т. VIII, стр. 82 и 83; Лѣтопись о многихъ мятежахъ, стр. 111; Буссовъ: *Regum rossicarum scriptores exterii*, т. I, стр. 72; Петреи, тамъ же, стр. 209; Мартинъ Веръ: *Сказ. о Дмитріѣ Самозванцѣ*, томъ I (1859 г.), стр. 209; Павле: тамъ же, стр. 216; Масса: *Histoire des guerres de la Moscovie*, т. II, стр. 209; *Historia Dmitri falsi regis*: Русск. Ист. Быль, т. I, стр. 121.

⁴⁾ Въ граматѣ царя Василія, писанной 5-го декабря 1606 г. въ Верхотурье къ воеводамъ, говорится: «Декабря во 2 день бояры наши и военоды тѣхъ воеворъ всѣхъ побили на голову, а Истомку Пашкова, а Мишку Беззубова и многихъ атамановъ и казаковъ живыхъ помѣли и къ намъ привели». (Собрание госуд. граматъ, II, № 150). То же читаемъ и въ граматѣ Василія въ Перми Веникую отъ 9-го декабря и въ другой отъ 8-го декабря Филарету Ростовскому (см. А. А. Эксп., II, №№ 60 и 59).

⁵⁾ Карамзинский хронографъ: «со Резаницы Григореи Сунбузовъ и Прокопей Липуновъ приѣхали къ Москвѣ ко царю Василію и вину свою принесли, а Истома Пашковъ приѣхалъ же и царь Василій Резаницева и Истому Пашкова всѣхъ пожаловодъ и вину пѣмъ отдалъ...» (Изборникъ А. Попова, стр. 332).

преки своему обѣщанію не казнить его. А что дѣйствительно Пашковъ былъ пожалованъ, доказывается тѣмъ, что онъ является впо-слѣдствіи предводителемъ цѣлаго войска Василія, вмѣстѣ съ Михаиломъ Васильевичемъ Скопинымъ-Шуйскимъ¹⁾. Что Василій въ этихъ граматахъ могъ говорить неправду, этого нельзя не видѣть еще и изъ того обстоятельства, что граматы эти были отправлены: одна—въ Верхотурье, другая—въ Пермь Великую, гдѣ едва ли кто могъ знать полную истину, и слѣдовательно, Василій могъ представлять дѣло въ какомъ угодно свѣтѣ, не боясь быть уличеннымъ во лжи. А вѣдь отъ этого измѣняется взглядъ на подложеніе дѣла въ Москвѣ: въ самомъ ли дѣлѣ Василій былъ на столько силенъ, что могъ своими собственными силами одолѣть математиковъ, или же для победы ему необходима была измѣна? На сколько вновь избранный царь пользовался сочувствіемъ будто бы избравшаго его народа, и имѣлъ ли онъ возможность, при подобномъ настроеніи жителей Москвы, не прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя не могли, конечно, не изобличить въ Шуйскомъ признанія имъ самимъ, въ глазахъ противниковъ, его собственной слабости, и вмѣстѣ съ тѣмъ, показать этимъ послѣднимъ, что вслѣдствіе потери имъ поддержки въ Московскомъ народѣ они сами, въ свою очередь, могутъ разчитывать на эту поддержку и сочувствіе Москвитянъ къ своему дѣлу.

И такъ, сопоставлениемъ извѣстій, сообщаемыхъ исслѣдуюю нами рукописью, съ извѣстіями хронографа, послужившаго для нея главнымъ источникомъ, вполнѣ выясняется тотъ характеръ, съ какимъ являются въ лѣтописи заимствованные изъ первоначального источника извѣстія: факты, взятые изъ хронографа, освѣщены совершенно другимъ свѣтомъ, передѣланы на другой, официальный ладъ. Является теперь вопросъ: какъ объяснить ту вставку, которая попала изъ хронографа Кубасова въ официальную рукопись, и которая, говоря „о злобѣ и ненависти Василія“, совершенно неумѣстна въ такомъ сочиненіи, гдѣ высказывается полное сочувствіе автора къ Шуйскому?

Изъ всего того, что намъ извѣстно о хронографѣ Кубасова, можно, думаемъ, вывести иѣкоторое понятіе относительно взгляда автора на

¹⁾ Латухина Степенная книга: «Въ это время (при пораженіи царскихъ войскъ подъ Калугою) князь Михаилъ Скопинъ Шуйской, да атаманъ казачей Истомка Пашковъ противъ тѣхъ воровъ мужественно стала и многихъ побила и едва отъ совершенныхъ погибели спасища» (Карамзинъ, Истор. Госуд. Росс., т. XII, прим. 124).

Василія Шуйского: Шуйский домогался власти царской и достигъ ея, будучи возвведенъ на престолъ приверженцами своей партии. Все, что Кубасовъ говорить о Шуйскомъ, прямо заставляетъ видѣть въ авторѣ лица, въ которомъ нельзя признать сторонника Василія, которое вовсе не сочувствуетъ ему. Этотъ взглядъ Кубасова на Василія, какъ на одного изъ виновниковъ бѣдствій Русского народа, ясно высказывается и въ слѣдующихъ его словахъ, которыхъ онъ приписываетъ толпѣ, требовавшей, чтобы Василій отказался отъ престола: „и собрася множество народу царствующаго града и придоша на царскій дворъ и воздвигонша гласы своя, да отоимется царская держава отъ царя Василья, понеже мужъ крове еси и вси людіе мечемъ погибоша за него и грады раскопаны суть и вся Россійская держава запустѣніе прія“¹⁾). Послѣ подобной мрачной характеристики Василія, развѣ у автора не на мѣстѣ было вышеупомянутое замѣчаніе его относительно Шуйского: „Василій наполнися зависти и не возлюби его (Михаила Скопина-Шуйского) за сю бывшую побѣду“²⁾? Это мѣсто какъ нельзя болѣе соответствуетъ всему тому, что было сказано Кубасовымъ и раньше, и прибавлять еще одну черту злостнаго характера Василія: его завистливая натура не можетъ терпѣть того, кто началь маломальски пользоваться народнымъ расположениемъ, кто получаетъ за услуги, оказанныя имъ, признательность и благодарность удрученного страшными бѣдствіями Русского народа. И такъ, эти слова могли быть сказаны Кубасовымъ, но не могъ ихъ сказать составитель официальной лѣтописи. Отчего же эти слова все-таки явились въ лѣтописи?

Не забудемъ того, что до этихъ словъ авторъ списываетъ съ хронографа Кубасова слѣдующее: „Князь же Шуйский съ воинствомъ придоша въ Москву радости зѣло яко побѣдницы суть, по крѣпости меча своего побѣдиша враговъ своихъ, и стретоша сего воеводу вси людіе царствующаго града и почтиша его честію велю зѣло“³⁾). Упоминаніе о торжественномъ вѣзѣ Скопина-Шуйского въ Москву заставило составителя официальной лѣтописи вспомнить о лицѣ, которымъ когда-то восторгалась вся Москва, и на которого возлагала всѣ свои надежды, думая, что онъ спасеть ее отъ всѣхъ враговъ

¹⁾ Изборникъ Попова, стр. 304.

²⁾ Тамъ же, стр. 303.

³⁾ Изборникъ А. Попова, стр. 303; то же и въ Сборнику Муханова, стр. 287, л. 22.

Русской земли. Но Скопину не суждено было совершить это ¹⁾). Составителю (может быть, современному описываемыхъ событий) нельзя было не вспомнить о причинѣ этой неудачи; ему не могли не прійтти на память тѣ темные толки и слухи, которые ходили тогда въ народѣ, и которые справедливо говорили о враждѣ царя Василія къ Скопину. Передъ глазами составителя лежитъ источникъ, гдѣ прямо говорится, что „Василей исполнился зависти и не возлюбилъ его за сию бывшую победу“. Выставляя раньше всегда правое дѣло Василія въ борьбѣ его съ мятежниками и самозванцами, составитель не рѣшается держать сторону Шуйского, постоянно защищавшаго славу защитника народа. Образъ любимаго героя того времени, образъ одной изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей той эпохи, и въ то же время, неудача, постигшая его въ цѣлѣ лѣтъ, среди самыхъ блестящихъ надеждъ и ожиданий, все это ясно рисуется въ мыслихъ автора-современника, и онъ не можетъ не поверить тому, о чёмъ у него говорится передъ глазами; напротивъ, для него становится теперь вполнѣ очевиднымъ, что причиной ранней гибели Скопина былъ именно Василій, и потому опять списывается съ лежащей передъ нимъ странницей слѣдующія, вовсе не приличныя ему, какъ лицу официальному, строки: „Царь же Василей исполнился зависти и гнѣва и не возлюбилъ его за сию бывшую победу“. Авторъ исполнился такого

¹⁾ Мы не останавливаемся здѣсь на разрешеніи вопроса о томъ, чтѣмъ именно послужило основаніемъ той славы, какою несомнѣнно пользовался Скопинъ у современниковъ, какія дѣянія его особенно поразили воображеніе народа,—вопросъ, которымъ токъ занимаются наши почтенные историки: гг. Соловьевъ, Костомаровъ и др.; не беремся раскрывать исконный образъ этой замѣчательной у современниковъ личности, по выражению г. Соловьева, «покрытой съ головы до ногъ пеленою»; для настоящаго нашего маслѣданія важенъ толь несомнѣнныи фактъ, что Скопинъ-Шуйскій былъ въ смутную впоху такою личностью, около которой сгруппировались лучшіи силы того времени, на котораго были возложены лучшіи надежды народа. Для насъ важна, какъ слѣдствіе его дѣяній,—его слава; слава, которая, по справедливому замѣчанію одного изслѣдователя, основывается на обстоятельствахъ самой эпохи. Общество искало человѣка, который соединилъ бы необходимыи силы для общей цѣли. Каковы бы ни были условія, сопровождавшія его стремленія, но дѣло Скопина дило извѣстный, очевидный результатъ. Притомъ его имя было постоянно на устахъ. Достаточно прочесть одну переписку городовъ, чтобы увидѣть, что все сосредоточивалось въ ней на имени Скопина. Иаконицъ, загадочнаго, неожиданнаго участія, постигшаго его, вскорѣ послѣ первого обявленія славы, сдѣлала остальное, и онъ остался незапятнаннымъ героемъ въ краткомъ вписаніи цѣлой драмы. См. о М. В. Скопинѣ-Шуйскомъ статью В. И. Иконниковъ въ *Древней и Новой Россіи*, 1875 г., № 6, стр. 133.

грустнаго сожалѣнія о Скопинѣ, до того увлекся сочувствіемъ къ нему, что совершенно отбрасываетъ въ сторону источникъ, которымъ до сихъ поръ пользовался, и самъ отъ себя приводить библейское сравненіе съ Сауломъ и Давидомъ: „якожъ и древле Сауль позавидѣ неалобивому Давиду, егда уби Голіеа и поюще Саулу въ тысяцахъ а Давиду во тмахъ, тако и сему князю Михаилу Васильевичу побѣднью иѣснъ приношау и о избавлениіи своемъ радовахуся. Оде зависти и рвенію“, продолжаетъ авторъ, все болѣе и болѣе увлекаясь чувствомъ негодованія на Василья,—„въ колико нечестіе и погибелъ поре-васть душа благочестивыхъ и во адъ низводить и безконечному му-ченію предаетъ“¹). Смерть Скопина, послѣдовавшая вскорѣ за вступ-леніемъ его въ Москву, заставляетъ автора опять вспомнить о той молвѣ, которая, переходя изъ устъ въ уста, гласила, что Михаилъ былъ отравленъ на крестинномъ пиру у Ивана Михайловича Воро-тынскаго. Авторъ вѣрить этому слуху подъ вліяніемъ искрепшаго со-жалѣнія о быстрой кончинѣ Скопина и заносить этотъ слухъ, помимо хронографа Кубасова, въ официальную лѣтопись. „Умре, глаголуть убо иѣцы яко отравленъ бысть“²).

Дѣйствительность того, что составитель лѣтописи вполнѣ искренно сочувствуетъ Скопину и столь же искренно порицаетъ виновниковъ его смерти, подтверждается тѣмъ, что онъ дальше приводить нѣ- сколько текстовъ изъ Священнаго Цисанія³), въ подкрѣпленіе своего сѣтования на тѣхъ, кого онъ считаетъ виновниками смерти Скопина; въ этихъ сѣтованияхъ проглядываетъ въ то же время и нелицемѣр-ная скорбь автора о тяжелой утратѣ, понесенной пе во-время Рус-скимиъ народомъ.

Сказавъ затѣмъ о мѣстѣ погребенія Скопина, при чёмъ выраже-нія по хронографу Кубасова приводятся дословно, авторъ въ концѣ пы-

¹) Сборникъ Муханова, стр. 287, л. 22. Библейское сравненіе съ Сауломъ и Давидомъ при описаніи натянутыхъ отношеній Василья къ Скопину-Шуйскому встрѣчается и во многихъ другихъ сказанияхъ, напримѣръ, въ Сказаніи о бѣ-дахъ и скорбехъ и напастяхъ, уже бысть во Велицѣ Росії Божіемъ наказаніемъ: Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. V, стр. 58; въ Сказаніи объ осадѣ Тропіцко-Сергіева монастыря, Авр. Палицина, стр. 203; въ сказаніи: «О рожденіи князя Михаила Васильевича»: Изборникъ Попова, стр. 386.

²) Сборникъ Муханова, стр. 287, л. 22.

³) Сборникъ Муханова, стр. 288, л. 23; только первый разъ приводимыхъ составителемъ текстовъ заимствованъ не изъ 5-й, какъ онъ говоритъ, а изъ 4-й главы Премудрости Соломона, 16—20.

тается въ немногихъ словахъ представить слѣдующую характеристику Скопина-Шуйского: „Сей же непобѣдительный воевода, много подвигъ показа, и нопеченіе великое о Россійскомъ государствѣ, и много Литвы поби и на рати много храбрствовахъ, баше бо красень лицемъ, милостивъ и увѣтливъ, тихъ же и смиренпъ, нищелюбивъ бѣ и добродѣтеленъ, никого жъ оскорби и никого презрихъ всѣхъ утѣша и всѣмъ полезна подавал, такожъ и блаженную память пріять“¹⁾).

Эта сочувственная Скопину характеристика, внесенная въ официальную лѣтопись, какъ нельзя болѣе оправдываетъ высказавшее нами предположеніе, что авторъ, при разказѣ объ отношеніяхъ Василия Шуйского къ своему племяннику и при упоминаніи о его смерти, не могъ удержаться на той степени объективности, съ которой разказываетъ все это Кубасовъ, не увлекшійся ходившими тогда слухами; этимъ неравнодушіемъ при воспоминаніи о печальной участіи Скопина и объясняются тѣ довольно большія отступленія, которыхъ позволилъ себѣ сдѣлать авторъ официальной лѣтописи.

И такъ, вышеупомянутая вставка, находящаяся въ полномъ противорѣчіи съ общимъ характеромъ извѣстій, сообщаемыхъ рукописью, тѣмъ не менѣе вполне отвѣтаетъ, какъ памъ кажется, самымъ обстоятельствамъ, которыми мы старались выяснить ея появленіе въ официальной лѣтописи: личное сочувствіе составителя къ Скопину пересилило въ немъ всѣ остальные симпатіи, и онъ рѣшился высказать все, что зналъ, и что казалось ему наиболѣе достовѣрнымъ.

Вопросъ теперь заключается въ томъ, на сколько достовѣрно это извѣстіе, сообщенное составителемъ рукописи, сошедшемъ въ данномъ случаѣ, такъ сказать, съ своей официальной почвы; говоря вообще, на сколько достовѣрно обвиненіе недоброжелателей Скопина въ его отравленіи, обвиненіе, нашедшее полную вѣру у его современниковъ и поддерживаемое новѣйшими изслѣдованіями нашихъ ученихъ. Мы не входимъ здѣсь въ подробный разборъ всѣхъ извѣстій, русскихъ и иностранныхъ, говорящихъ объ этомъ предметѣ; цѣлью нашихъ дальнѣйшихъ разсужденій будетъ выясненіе именно того обстоятельства, заслуживаетъ ли въ самомъ дѣлѣ такого довѣрія извѣстіе рукописи—довѣрія, придаваемаго ему нашими учеными, для которыхъ это мѣсто официальной лѣтописи служитъ едва ли не однимъ изъ самыхъ сильныхъ оснований въ пользу насильственной смерти Скопина.

¹⁾ Сборникъ Мухамова, стр. 289, л. 24.

Прежде всего намъ кажется, что наши ученые идутъ не совсѣмъ вѣрнымъ шагомъ на пути изслѣдованія настоящаго вопроса. Такъ, въ очеркѣ жизни Скопина, принадлежащемъ г. Иконникову, подробно разматриваются всѣ дошедшія до нась извѣстія, разбирается чрезвычайно обстоятельно каждое выраженіе автора; мало того: въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ старавшія даже читать, такъ сказать, между строкъ и видѣть то, чего, пожалуй, тамъ и не находится. Мы указываемъ здѣсь на сдѣланный упомянутымъ изслѣдователемъ разборъ нѣкоторыхъ извѣстій, и прежде всего, извѣстія Авраамія Палицына.

„Въ ряду русскихъ извѣстій“, говоритъ г. Иконниковъ. — „мы должны на первомъ планѣ поставить сказаніе Авраамія Палицына, какъ лица близкаго къ событиямъ, хорошо знавшаго московскія отношенія и притомъ извѣстнаго по своей дѣятельности. Онъ говоритъ: „Грѣхъ же ради нашихъ, по двою мѣсяцу приществія его (Скопина) къ Москвѣ, мало поболѣвъ, страшный юноша къ Господу отыиде, но не вѣмы убо, како рещи, Божій ли судъ насть постиже, или злыхъ чловѣкъ умышлениe совершился. Единый создавый насть вѣсть“. Можно согласиться съ Мухановымъ“, продолжаетъ изслѣдователь, — „что Палицынъ уклоняется отъ рѣшенія вопроса, какою смертію умеръ князь Скопинъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Палицынъ, пострадавшій при Федорѣ Ивановичѣ вмѣстѣ съ противниками Годунова, партией Шуйскихъ, возвысился при послѣдніихъ, и хотя обвиняетъ царя Василія за отобраніе Троицкой казны, какъ келарь этого монастыря, но сохраниаетъ къ Шуйскому должное уваженіе, какъ къ благовѣрному царю. Палицынъ пользовался его покровительствомъ, находясь въ Москвѣ (ср. Ист. Соловьевъ, VIII, 230), а будучи облагодѣтельствованъ Шуйскимъ, онъ не могъ написать о немъ особенно рѣзко даже тогда, когда Шуйскій уже не былъ царемъ. Тѣмъ болѣе важно, что даже при такихъ отношеніяхъ и своей дипломатической уклончивости, онъ не скрылъ „ненависти“ къ „гордости“ Димитрія Шуйскаго, рѣзко выражается о его неудачѣ подъ Клушиномъ („изиде со множествомъ воинъ, но со срамомъ возвратился“), и откровенно разказываетъ о симпатіи къ Скопину и интригѣ противъ него лицъ, близкихъ къ царю: намеки весьма ясные на главныхъ враговъ Скопина. Поэтому нежеланіе Палицына сказать прямо, что Скопинъ умеръ естественною смертію и даже неупоминаніе, что обвиненіе въ его смерти распространялось благодаря народной молвѣ, какъ говорятъ другіе лѣтописцы („мнози говоряхуть“), сильно под-

купаютъ въ пользу мнѣнія, что самъ Палицынъ склонился къ убѣждѣнію, что „злыхъ человѣкъ умышленіе совершилъ“.

Таковы слова г. Иконникова; но намъ кажется, что трудно быть подкупленнымъ въ чью-либо пользу такими доводами. Неужели Палицынъ, обвиняющій Василія за отображеніе Троицкой казны, не скрывающій ненависти къ гордости Дм. Шуйского, рѣзко выражавшійся о его неудачѣ подъ Клушинымъ, даже откровенно разговаривающій объ интригѣ противъ Скопина лицъ близкихъ къ царю, неужели Палицынъ, при такихъ отношеніяхъ къ фамилии Шуйскихъ, не сказалъ бы чего-нибудь болѣе яснаго и сколько-нибудь опредѣленнаго о „злыхъ человѣкѣ умышленіи“, еслибы онъ вполнѣ былъ убѣженъ въ этомъ? Неужели только одно нежеланіе Палицына сказать прямо, что Скопинъ умеръ естественною смертію, должно принимать за сколько-нибудь сильный доводъ въ пользу того, что Палицынъ склонился къ убѣждѣнію въ существованіи „злого умысла“? Выраженіе Палицына: „не вѣмы убо кого реци“ не заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, того, чтобы ему придано было какое-либо особенное значеніе. Можетъ быть, въ этомъ „не вѣю“ и заключается что-нибудь похожее на сомнѣніе въ естественной смерти Скопина; но это сомнѣніе Палицына еще не решаетъ никакого самаго вопроса. Сомнѣніе, конечно, могло быть, и тѣмъ болѣе сильное, что о насильственной смерти Скопина „говорили“; отчего же и Палицыну не повѣрить этому? А что касается до этихъ смутныхъ слуховъ, то можно только сказать, что такие слухи скорѣѣ всего возможны были именно въ смутную эпоху. Въ то время, когда вмѣстѣ съ полнымъ физическимъ расслабленіемъ и правственная порча пронитывала весь организмъ Русскаго народа, когда ложь постоянно и громко высказывалась такими лицами, которыхъ не должны были лгать, когда являлось множество обманщиковъ-самозванцевъ, когда, подъ влияніемъ ежечасныхъ неожиданностей, нельзя было не повѣрить и лжецу, сказавшему хотя одинъ разъ правду,—въ это время могли, конечно, слагаться слухи самого чудовищнаго свойства, которые, будучи лишены часто всякаго основанія, а еще скорѣѣ, если было хотя кажущееся основаніе, переходя изъ устъ въ уста, встрѣчали полную вѣру со стороны не однихъ только людей легковѣрныхъ, которыхъ всегда не мало, но даже и со стороны огромнаго большинства, зараженнаго тогда полною вѣрою во все неожиданное, во все только возможное.

Ясно, что такие слухи, разносимые стоустою мольбою, не могутъ имѣть для науки какого-либо значенія, и мы не имѣемъ никакого

права возводить подобное свидѣтельство на степень сколько-нибудь достовѣрного исторического показанія. Если справедливо, „что лѣтописцы, взаимствуясь другъ у друга, взаимно соглашаются на счетъ многихъ событий, дѣйствительность которыхъ далеко не доказана“, то какимъ же образомъ можно принимать на вѣру разказъ о событии, внесенный въ повѣствованіе безъ всякой критической оцѣнки и постоянно сопровождаемый замѣчаніями въ родѣ „не вѣмы убо, како рещи“, „единий создавшій насъ вѣсть“, „вѣціи глаголють“, „единому Богу свѣдомо“ и т. д.? То же самое должно сказать и относительно извѣстій о насильственной смерти Скопина, переданныхъ какъ слухъ. Такой слухъ объ отравѣ могъ создаться весьма легко именно потому, что фактъ отравы былъ возможенъ, и притомъ по двумъ причинамъ: впервыхъ, не подвержено сомнѣнію, что Василій и его родственники питали сильную ненависть къ Скопину и завидовали его возвышенню и славѣ; это замѣчали всѣ; а отъ этой ненависти недалеко было и до того, чтобы приписать Шуйскимъ и желаніе избавиться отъ него; во вторыхъ, смерть приключилась Скопину весьма быстро, была, какъ говорятъ, скоропостижна; а потому для большинства и казалось яснымъ, что и причина смерти была быстрая, и копечно, не иначе какъ чрезъ отраву, поднесенную Скопину однѣмъ изъ его завистниковъ, которыхъ у него считалось тогда не мало. Намъ кажется поэтому, что относиться къ подобному слуху нельзя слишкомъ довѣрчиво: въ скоропостижной смерти Скопина есть только возможность факта отравы, но вовсе неѣтъ его дѣйствительности. Отчего же послѣ всего этого не усомниться Палицину въ естественной смерти Скопина? А отъ этого малѣйшаго сомнѣнія, или—по нашему мнѣнію—просто незнанія, еще далеко до того, чтобы подозрѣвать Палицина въ томъ, что онъ былъ убѣждѣнъ въ „умышленіи злыхъ человѣкъ“.

Въ этомъ, намъ кажется, заключается одна сторона вопроса; если же даже и признать, съ другой стороны, что Палицинъ былъ убѣждѣнъ въ отравленіи Скопина, то безъ всякаго сомнѣнія, это убѣждѣніе (хотя и ложное) онъ не могъ не обставить разными сравненіями и нравственными разсужденіями. По нашему мнѣнію, заключеніе Палицина, которое еще болѣе заставляетъ исследователя¹⁾ убѣдиться въ томъ, что Палицинъ склонился къ мнѣнію о насильственной смерти Скопина, мало что доказываетъ: „Достойны убо похвалы“

¹⁾ В. Иконниковъ въ *Древней и Новой Россіи* 1875 г. № 7, стр. 220.

въ Еллинѣхъ Экторъ и Ахиллесъ¹⁾, пишетъ Палицынъ, — „но не видѣша на себѣ попущаема стрѣланія силы; дреале убо смерть во бранѣхъ на мѣрилѣ совершающеся... нынѣ же и горы основанія и стѣны градовныя, яко прахъ развѣаетъ; тогда же убо сила соблюдаше и храбрость многихъ, нынѣ же и умъ той бѣды постигнути не можетъ, и съ таковыми убо смертными боряйся мужъ найде подъ землю“²⁾... Эти разглагольствованія Палицына, по нашему мнѣнію, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ многословныхъ разсужденій, которыми такъ наполнено все его сочиненіе; отъ того только, что онъ привелъ сравненіе съ Гекторомъ и Ахилломъ, доказательства его никаколько не дѣлаются болѣе убѣдительными. Правда, „въ этихъ словахъ видно полное сочувствіе автора къ печальной участіи Скошина“³⁾, но отъ этого сочувствія, причины которого мы старались выяснить выше, еще очень далеко до признания насильственной смерти его; правда и то, что въ этихъ словахъ „нѣть и попытки оправдать его противниковъ, хотя бы отъ молвы“⁴⁾, но дѣло въ томъ, что ему не предстоило особенной заботливости оправдывать тѣхъ, къ кому онъ относится съ такою рѣзкостью, какъ мы уже видѣли выше. Да и не слишкомъ ли мы бываемъ требовательны, когда ищемъ критической оцѣнки тамъ, где ея нельзѧ и думать найти.

Переходя затѣмъ къ извѣстію, сообщенному изслѣдуемою нами рукописью, мы приведемъ это извѣстіе въ двухъ его видахъ: въ первоначальномъ видѣ, какъ оно находится въ хронографѣ Кубасова, и въ измѣненномъ, то-есть, съ тѣми дополненіями и измѣненіями, съ какими оно вошло въ изслѣдуемую нами официальную хѣтопись⁵⁾.

Хронографъ Кубасова⁶⁾.

Царь же Василій наполнился зависти и не возлюби его за сю бывшую победу.

Рукопись Флаврета⁷⁾.

Царь же Василій наполнился зависти и инъеа и не возлюби ею за сию бывшую победу, якоожъ и дреале Саулъ позавидѣ незлобивому Давиду, едва уби Голиаѳ и поюще Саулу въ тысячаахъ, а Давиду въ тиахъ, тако и сему князю Михаилу Васильевичу побѣдную пѣнь приношаху и о избавленіи своемъ радо-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же, стр. 221.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Зачеркнутыя позднѣйшимъ поправщикомъ места обозначены курсивомъ.

⁵⁾ Изборникъ А. Попова, стр.

⁶⁾ Сборникъ Муханова, стрр. 287, 288, 289, лл. 22, 23 и 24.

важуся.—Оле зависти и ревнию, ее ко-
лико нечестие и поизбель пореает душа
благочестивыхъ и во вѣк низводитъ
и бесконечному мученю предаетъ.

Малу же времени минувшу, раз-
богѣся себѣ храбрый и разсмотритель-
ный воевода князь Михаилъ и умре-

Малу же времени ипнувшу, раз-
богѣся себѣ храбрый и разсмотритель-
ный воевода князь Михаилъ и умре,—
тгаютъ убо юные лко отравленъ
бысть на крестиномъ пиру у кня-
зя Ивана Михайловича Воротынского,
егда кресте сына своего князя Олек-
сия, отъ князя Дмитриевы жены Ива-
новича Шуйского, отъ князини Екате-
рины, ее винъ на переписанъ. И такъ
едва доиде до монастырю пазуху, по-
томъ пустился руда изъ носа и изо рта,
и пребыть нохищеніе смертое.

[Слѣдуютъ двѣ выписки изъ 5-й
главы Премудрости Соломона].

И тако погребенъ бысть честно
въ честнѣмъ храмѣ святаго славнаго
и всесхвалнаго пророка и предтечи
Крестителя Господня Иоанна, чест-
наго ея усѣканенія, въ пределѣ ар-
хистратига Михаила. И ридаху по
немъ вси людє царствующаго града
мужскъ полъ и женскъ, отъ мала и
дажъ и до велика. Сей же непобѣдимыи
воевода много подвигъ показа, и по-
печение великое о Родинѣ государстѣ,
и много Литви поби, и на
рати много храбрствовахъ; бише бо
красень лицемъ, милостивъ и увѣт-
ливъ, тѣхъ же и смиренъ, ищело-
бивъ бѣ и добродѣтель; никого же
оскорби и никого презиръ, всѣхъ
утѣша и всѣмъ полезная подава,
такожъ и блаженнную память пріять.

п тако погребенъ бысть честнѣ въ
пречестнѣмъ храмѣ

архистратига Михаила въ предѣлѣ
его, и ридаху по немъ вси людє цар-
ствующаго града мужскъ полъ и
женскъ отъ мала даже и до велика.

Прибавленія въ официальной летописи противъ хронографа Ку-
басова состоять въ слѣдующемъ: попервыхъ, присоединено сравне-
ніе Василья и Скопина съ Сауломъ и Давидомъ; во вторыхъ, упоми-
нается какъ слухъ, обѣ отравѣ Скопина, на крестиномъ пиру и
слѣдствіи отравленія; въ-третьихъ, присоединены два текста изъ

Премудростей Соломона и въ четвертыхъ, прибавлена краткая характеристика Скопина.

Нравственные разсуждения автора и заимствованія изъ Священнаго Писанія, какъ мы уже старались выяснить, вполнѣ понятны: авторъ, убѣжденный слухомъ, имѣвшимъ кажущееся оспованіе, полонъ сочувствія къ Скопину, и пользуясь библейскимъ сравненіемъ, старается выразить свое негодованіе къ виновникамъ его печальной участіи. Затѣмъ извѣстіе обѣ отравленій присоединено, какъ слухъ: „глаголютъ убо нѣцы“¹⁾, говорить авторъ, — „яко отравленъ бысть“ Какъ слѣдуетъ относиться къ такому слуху, появленіе которого нельзя не считать невозможнымъ, мы ужь объяснили; мало доказывается и историческая подробность о томъ, что отравленіе совершиено не на пиру у Ивана Михайловича Воротынскаго: если былъ слухъ обѣ отравѣ, конечно, нужно было указать и мѣсто, гдѣ совершено это злодѣяніе; существуетъ къ тому же и противорѣчіе съ другими извѣстіями, передающими, что Скопинъ заболѣлъ на пиру у Шуйскихъ, и что ядъ поднесенъ не то Катериной, не то Христиной, а можетъ быть, и Марией; кровотеченіе носомъ и ртомъ хотя и не противорѣчить тому или другому роду отравленій, тѣмъ не менѣе не можетъ служить сколько-нибудь сильнымъ доводомъ въ пользу мнѣнія обѣ отравленій: кровотеченіе могло произойти и отъ другихъ причинъ и въ свою очередь послужило основаніемъ для обвиненія въ отравленіи Скопина.

Позднѣйшій поправщикъ наслѣдусомой паміи рукописи, лицо, конечно, официальное, нашелъ невозможнымъ удержать въ официальной лѣтописи, какъ извѣстіе о ненависти Василія къ Скопину, такъ и извѣстіе обѣ отравѣ, и зачеркнулъ оба эти мѣста. По поводу этого Мухановъ говоритъ: „Сказаніе этого лѣтописца весьма любопытно: читатели найдутъ въ немъ описание многихъ обстоятельствъ, о коихъ умалчиваютъ другие историки; то, что онъ разказываетъ о смерти князя Скопина-Шуйскаго, особенно замѣчательно и едва ли не послужитъ къ разрѣшенію вопроса: естественно ли смерть умеръ Скопинъ-Шуйскій, или отъ яда“¹⁾.

Мы тоже думаемъ, что это мѣсто рукописи можетъ послужить къ разрѣшенію предложенаго Мухановымъ вопроса, притомъ, если мы сопоставимъ это извѣстіе съ первоначальнымъ источникомъ; но при

¹⁾ Сборникъ Муханова, прим., стр. XXXII.

этихъ услоўяхъ, врлдъ ли вопросъ можетъ быть разрѣшень въ пользу установившагося мнѣнія объ отравленіи Скопина.

Кубасовъ былъ несомнѣнно современникомъ описанныхъ имъ событій и даже, по его словамъ, очевидцемъ многихъ изъ нихъ; въ виду этого обстоятельства, переданныя имъ извѣстія въслуживаются особеннаго вниманія. Такъ, онъ сохранилъ для нась драгоцѣнныя извѣстія о томъ, что при избраніи Шуйскаго „многія друзья и совѣтницы посланы въ народъ и заповѣдано имъ бысть, да изберуть его князя Василья“; передалъ намъ, что эти самыя клеветы Василія „наустѣша пароды, да изберется царь Василей на царскій степень“.

Нельзя сказать, чтобы въ трудѣ Кубасова выскаживалась непависть къ Василію; неѣть, онъ показываетъ только, что онъ вовсе не его сторонникъ, передаетъ совершенно спокойно обо всемъ, чѣмъ касается Василія, указываетъ на его зависть къ Скопину и влагаетъ въ уста толпѣ, требовавшей, чтобы Василій отказался отъ престола, слѣдующія слова: „да отоимется царская держава отъ цари Василья, по-неже мужъ крове еси и вси людіе мечомъ погибоша за него и грады раскопаны суть и вся Россійская держава запустѣнія прія...“ При такомъ отношеніи въ своемъ трудѣ къ царю Василію, этотъ самыи Кубасовъ ни однімъ словомъ, ни однімъ памѣскомъ не упоминаетъ о насильственной смерти Скопина. Совершенно спокойно замѣчаетъ онъ, что „малу же времени минувшу разболѣся сей храбрый и разсмотрительный воевода князь Михайло и умре и тако погребенъ бысть честиѣ въ пречестнѣмъ храмѣ архистратига Михаила“. Чѣмъ изъ этого слѣдуетъ заключить? Ужъ, конечно, не то, что до Кубасова, современника и очевидца описанныхъ имъ событій, не доходило подобныхъ слуховъ; этого, безъ сомнѣнія, быть не могло; а узнавъ объ этомъ слухѣ, еслибы послѣдній имѣлъ хотя малѣйшее основаніе, какъ легко было потерять то спокойствіе духа, съ которымъ авторъ описываетъ дѣйствія Василія, и какъ трудно было бы, при упоминаніи о козняхъ Шуйскаго противъ защитника Русскаго народа, удержаться на степени той объективности, которую авторъ такъ послѣдовательно проводитъ въ своемъ трудѣ? Неужели Кубасовъ, постоянно упоминающій о неблаговидныхъ дѣйствіяхъ Шуйскаго, умолчалъ бы о томъ насилии, которое было совершено надъ защитникомъ Русскаго парода. Ясно, стало быть, что Кубасовъ не только не придавалъ никакого значенія этимъ слухамъ, но даже не счелъ возможнымъ упомянуть о нихъ въ своемъ трудѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы увидимъ ниже, эти слухи существовали только въ пер-

вое время при извѣстіи о внезапной смерти Скопина. А ужъ это обстоятельство заставляетъ сильно подозрѣвать достовѣрность сообщеннаго другими источниками слуха объ отравленіи Скопина.

Такого рода заключенія не могутъ, какъ намъ кажется, не найти нѣкотораго оправданія еще въ слѣдующихъ соображеніяхъ: Какъ мы уже говорили, извѣстія объ отравѣ Скопина наполнены противорѣчіями. Но существенное разногласіе заключается, по нашему мнѣнію, не въ томъ, какъ думаетъ г. Иконниковъ, „что по однѣмъ—послѣднѣй пирѣ оказывается у Воротынского, по другимъ—у Шуйскихъ“¹⁾), и не въ томъ, конечно, что одни называютъ отправительницей Катерину, другіе Христины, а третья Марию; существенное противорѣчіе заключается именно въ томъ, что одни указываютъ, какъ на виновника насильственной смерти Скопина, на царя Василія, а другіе — на Дмитрия Шуйского. А ужъ это обстоятельство прямо говорить въ пользу того, что современники, не вполнѣ убѣжденные въ насильственной смерти Скопина, не знали, чьи интересы могли отъ этого выиграть больше, и стали называть виновниками то одного, то другаго.

Другое обстоятельство, подвергающее сомнѣнію достовѣрность извѣстій объ отравленіи, состоитъ, какъ намъ кажется, въ томъ, что ни въ одномъ изъ русскихъ и иностранныхъ источниковъ нѣть подробнаго, обстоятельного, сколько-нибудь объективнаго разсказа объ этомъ печальному событию. По видимому, болѣе подробный разсказъ представляеть Псковская лѣтопись; но въ ней мы видимъ только наборъ нравственныхъ сентенцій и сравненій, массу замѣчаній, дышащихъ ненавистью къ виновникамъ насилия и при всемъ томъ почти ни одного собственно исторического обстоятельства, касающагося разбираемаго факта: въ ней нѣть упоминанія даже о болѣзни Скопина, ни о пирѣ у Воротынского. Болѣе обстоятельное изложеніе представляеть историческая пѣснь, сложенная по поводу внезапной смерти Скопина и приводящая такія подробности, какихъ мы не находимъ ни въ одномъ историческомъ повѣствованіи. Тамъ говорится, что на пиру у Воротынского хмѣльные бояре расхвастались кто силою, кто богатствомъ. Скопинъ тоже началъ хвастаться своими заслугами, чтѣ не могло поиравиться боярамъ: они и подсыпали зелья въ стаканъ меду. Но, впервыхъ, нѣсна — не строгое историческое свидѣтельство, а во вторыхъ, хвастаніе силой и богатствомъ

¹⁾ Древняя и Новая Россія 1875 г., № 7, стр. 226.

есть обыкновенный приемъ въ исторической пѣснѣ, чтѣ мы находимъ, напримѣръ, и въ пѣсняхъ объ Иоаннѣ Грозномъ: и тамъ представлено, что на царскомъ пиру расхвастались князья и бояре — кто си-лою, кто богатствомъ¹⁾). Такимъ образомъ, трудно согласиться съ г. Иконниковымъ, будто бы въ вышеприведенной пѣснѣ „вѣрно схва-чены историческія и бытovыя черты“²⁾). Бытовыя черты — съ этимъ мы согласны; что же касается историческихъ, то кромѣ именъ, мы здѣсь ничего не находимъ.

Изъ иностранныхъ извѣстій, нѣкоторыя ужъ отвергнуты, напри-мѣръ, извѣстіе Буссова³⁾ г. Соловьевымъ; другія не заслуживаютъ вниманія, потому, напримѣръ, что, самъ авторъ, сообщившій извѣстіе, не знаетъ, какъ это случилось⁴⁾; что же касается до Жолкѣвскаго, записки котораго имѣютъ большую цѣну въ глазахъ историковъ смутнаго времени, то намъ кажется, что именно его извѣстіямъ слѣ-дуетъ придать большее значеніе. А тамъ именно находимъ мы слѣ-дующее важное сообщеніе: „Между тѣмъ Скопинъ, въ то время, когда онъ наиболѣшимъ образомъ вель дѣла, умеръ, отравленный, какъ сперва носились слухи, съ согласія Шуйскаго, вслѣдствіе ревности, бывшей между ними; послѣ же разспросовъ оказывается⁵⁾, что онъ умеръ отъ лихорадки“⁶⁾). Ошибочно считать эти слова жесткими и вовсе нельзя понимать ихъ такъ, какъ будто на разспросы Жолкѣвскаго Русскіе, желая скрыть фактъ отравленія, отвѣчали, что Скопинъ умеръ отъ лихорадки; такого смысла нельзя придавать втимъ словамъ потому, что у современниковъ ходили упорные слухи о насильственной смерти Скопина; слѣдовательно, если Жолкѣвскому не отвѣчали обвиненіями Шуйскихъ въ отравленіи, чтѣ могло возникнуть имѣнио въ первое время послѣ внезапной смерти Скопина,—тодѣлается вполнѣ яснымъ и несомнѣннымъ, что Русскіе черезъ нѣсколько времени сами пере-стали придавать значеніе этимъ слухамъ и убѣдились въ естествен-ной смерти Скопина.

Всѣ вышеприведенные соображенія, по нашему мнѣнію, не могутъ

¹⁾ А. Галаховъ, Исторія Рус. Словесности, т. I, стр. 168 и 268.

²⁾ Древн. и Нов. Россія 1875 г., № 7, стр. 226.

³⁾ Catalogus scriptorum exteris, т. I, стр. 102.

⁴⁾ Дневникъ похода Сигизмунда, Ш, стр. 584.

⁵⁾ Или: «Между тѣмъ, если начнешь раѣпрашивать, то выходитъ»; см. ст. Иконникова въ Древн. и Нов. Россія 1875 г., № 7, стр. 226.

⁶⁾ У Муханова переведено: отъ горячкп. Сборникъ Муханова, примѣчаніе XXXVII.

не усилить сомнѣнія въ достовѣрности дошедшіхъ до насъ извѣстій о насильственной смерти Скопина и наводить на мысль, что только неумѣніе современниковъ объяснить себѣ внезапную его смерть иначе, какъ насилиемъ, заставило повѣствователей придать слишкомъ много вѣры распространившимся тогда, только въ первое время, слухамъ объ отравлении, чтѣ притомъ было на руку тѣмъ изъ повѣствователей-современниковъ, которые, относясь вообще съ недоброжелательствомъ и враждою къ предполагавшимся виновникамъ смерти Скопина всегда готовы были внести лишній фактъ, хотя и мало достовѣрный, для обвиненія тѣхъ, къ кому сами были не расположены.

IV.

И такъ, въ основу изслѣдуемой нами рукописи вошла, какъ мы видѣли, оригиналнала часть Кубасовскаго хронографа, начиная съ царствованія Василия Ивановича Шуйскаго и кончая даже слѣдующимъ заключеніемъ хронографа, сдѣланнымъ послѣ описанія избрания Михаила Федоровича на царство: „Сему писанію конецъ и предлагаемъ, дѣла толикіе вещи во вѣки не забываемъ, настоящаго изысканіемъ, въ пространную сію исторію сія написуемъ словеса писанію превосходятъ въ конецъ, умъ человѣчъ никто же можетъ исповѣсть“¹⁾.

Извѣстія хронографа Кубасова, перешедшія въ лѣтопись, подвергались въ ней иѣкоторымъ передѣлкамъ и дополненіямъ. Необходимость и извѣстный характеръ этихъ передѣлокъ легко объясняются, какъ мы уже видѣли, самимъ характеромъ изслѣдуемой нами рукописи, какъ лѣтописи официальной. Что же касается дополненій, вошедшихъ въ нее, то составители собирали ихъ изъ другихъ источниковъ, но имѣвшихъ тотъ же самый характеръ, какъ и изслѣдуемая нами рукопись, то-есть, характеръ официальпый. Мы ужъ указывали, что въ изслѣдуемой рукописи встрѣчается одно извѣстіе, которое по своей достовѣрности заслуживаетъ большаго довѣрія, чѣмъ соответствующія извѣстія остальныхъ источниковъ, и которое не находится у Кубасова. Изъ какого рода источника составитель лѣтописи могъ взять это извѣстіе? Или, быть можетъ, онъ былъ очевидцемъ? Это послѣднее предположеніе нисколько не можетъ пояснить дѣла, потому что, еслибы составитель лѣтописи и видѣлъ вѣнчаніе Василия Шуйскаго своими глазами, то черезъ двадцать лѣтъ (когда—какъ увидимъ ниже—со-

¹⁾ Изборникъ Попова, стр. 313; Сборникъ Муханова, стр. 330.

ставлялась эта лѣтопись) легко могла быть позабыта подробность чисто хронологическая: быль ли тогда Ермогенъ уже посвященъ въ патріархи, или же получилъ этотъ санъ лишь нѣсколько дней спустя? При воспоминаніи объ этомъ времени у составителя могъ рисоваться преимущественно образъ Ермогена, какъ такого лица среди духовенства, которое своимъ характеромъ и своею дѣятельностю рѣзко выдѣлялось изъ массы другихъ; напротивъ того, о малоизвѣстномъ митрополитѣ Исидорѣ онъ легко могъ бы позабыть. Поэтому на вопросъ: кто вѣнчалъ Василія—могъ быть одинъ только (невѣрный) отвѣтъ: Ермогенъ. Что это въ самомъ дѣлѣ такъ, что дѣйствительно было трудно помнить эту подробность, подтверждается тѣмъ, что всѣ остальные современники-очевидцы также ничего не помнили объ Исидорѣ и на упомянутый выше вопросъ отвѣчали именно такъ, какъ мы сказали: Василія вѣнчалъ Ермогенъ. Что это извѣстіе сообщено составителемъ наслѣдуемой рукописи вовсе не по его собственной памяти, доказывается и тѣмъ, что составитель въ другомъ мѣстѣ дѣлаетъ ошибку и упоминаетъ о встрѣчѣ патріархомъ Ермогеномъ мощей Димитрія, чего вовсе не было; еслибы составитель самъ помнилъ, что Ермогена тогда еще не было въ Москвѣ, и что онъ не былъ еще патріархомъ, то онъ, конечно, не впалъ бы въ такую ошибку. Очевидно, извѣстіе о вѣнчаніи Василія Исидоромъ внесено составителемъ лѣтописи не по памяти, а съ какой-нибудь записи, и притомъ такой, которая была сдѣлана немедленно послѣ событія; это послѣднее условіе необходимо предположить потому, что, какъ мы уже видѣли, даже современники-очевидцы, записавшіе это извѣстіе не тотчасъ, а уже въ царствованіе Михаила Феодоровича, всѣ впали въ одинаковую ошибку. Можно навѣрное предположить, что то была запись не частного лица, а какого-либо офиціального источника, въ который эта хронологическая подробность вѣ могла быть внесена нѣвѣрно, и изъ котораго она, безъ сомнѣнія, и заимствована составителемъ наслѣдуемой рукописи.

Что дѣйствительно нѣтъ ничего рискованного предположить, что составители лѣтописи пользовались вообще источниками офиціальными, подтверждается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: Въ описаніи перенесенія мощей Димитрія говорится, что Василій Шуйскій отправилъ въ Угличъ за мощами слѣдующихъ лицъ: „преосвященнѣйшаго митрополита киръ Филарета Никитича, иже бо тогда правища престолъ Ростовскаго и Ярославскаго, днесъ же правища престолъ великия соборныя и апостольскія церкви пресвѣтѣйшаго па-

тріарха вселенскаго архієпископа Феодосія да Спасскаго архімарита Авраамія... съ нимъ жъ посылаеть и своєго царьскаго синклита боларь: князь Ивана Михайловича Воротынскаго, да Петра Никитича Шереметева, да Ондрея Александровича, да Григорья Федоровича Нагіхъ¹⁾). Если мы сравнимъ этотъ списокъ лицъ и порядокъ этого перечня съ тѣмъ перечнемъ, который находимъ въ граматахъ самого Василія²⁾), то замѣтимъ между ними нѣкоторую разницу. Такъ, въ этихъ граматахъ говорится, что Василій послалъ въ Угличъ Спасскаго архімарита Сергія да Ондроньевскаго архімарита Авраамія, въ рукописи же только — Спасскаго архімарита Авраамія. Причина такой разницы въ перечняхъ понятия: она состоитъ въ томъ, что въ рукописи, по ошибкѣ выпущены слова: „Сергія да Ондроньевскаго архімарита“, вслѣдствіе чего Андроньевскій архімандритъ Авраамій у составителя лѣтописи обратился въ Спасскаго архімандрита Авраамія. Кромѣ этого разногласія, нельзя не замѣтить еще небольшой разницы въ томъ порядке, въ какомъ поименованы въ этихъ двухъ спискахъ послы Василья. Такъ, въ граматахъ Василія названы: Григорій Феодоровичъ, да Андрей Александровичъ Нагіе; а въ рукописи наоборотъ: „Ондрей Александровичъ“ да „Григорій Феодоровичъ“ Нагіе. Если же мы обратимся къ отрывку граматы вдовствующей царицы Мареи Феодоровны къ жителямъ города Ельца³⁾), то найдемъ въ немъ тотъ же самый списокъ лицъ и ту же самую ошибку, какая встрѣчается въ изслѣдуемой нами рукописи. Нельзя предположить, чтобы составитель ея пользовался именно этой граматой царицы Мареи, потому что въ такомъ случаѣ онъ внесъ бы въ лѣтопись, вѣроятно, и кое-что другое, находящееся въ этой граматѣ; напротивъ того, существуютъ нѣкоторыя противорѣчія между извѣстіями граматы и рукописи. Нельзя также предположить, чтобы грамата Мареи и списокъ лицъ, находящійся въ изслѣдуемой нами рукописи, были составлены по граматамъ Василія, потому что вовсе нельзя допустить, чтобы оба составителя одинаковымъ образомъ ошибились. Ясно, значитъ, долженъ быть иной источникъ, общий для граматы Мареи и для изслѣдуемой нами рукописи. Что письменный

¹⁾ Сборникъ Муханова, стр. 267, л. 3.

²⁾ Въ извѣстительной граматѣ (Собрание госуд. грам. и догов., т. II, № 147); въ грам. въ Перми Великую отъ 6-го июня (А. А. 9., т. II, № 48).

³⁾ Собрание госуд. граматъ и договоръ, т. II, № 149.

источникъ для граматы царицы Мароны долженъ быть непремѣнно, видно изъ того, что эта грамата составлена мѣсяца три спустя послѣ описанныхъ въ ней событий, и слѣдовательно, трудно предположить, чтобы она была составлена на память, наизусть, тѣмъ болѣе, что въ ней разказывается многое то же самое, чѣдь и въ граматахъ Василія, и притомъ въ совершенно сходныхъ выраженіяхъ. Ясно, что источникъ для граматы Мароны и для изслѣдуемой рукописи былъ хотя и во многомъ сходенъ съ граматами Василія, но все-таки нѣсколько и отличался отъ нихъ. Таковой источникъ для граматы царицы Мароны (общій и для рукописи) могъ быть только офиціальный: содержаніе граматы, которую Василій оповѣщалъ о чудесахъ Дмитрія, безъ сомнѣнія, было записано въ какую-нибудь офиціальную лѣтопись, въ которую внесена была упомянутая ошибка, попавшая и въ грамату царицы Мароны, и въ изслѣдуемую нами рукопись¹).

И такъ, кажется, есть полное право утверждать, что составители изслѣдуемой рукописи, дѣлая кое-какія прибавленія къ извѣстіямъ хронографа Кубасова, пользовались для этой цѣли и нѣкоторыми офиціальными источниками.

Изъ того обстоятельства, что извѣстія о нѣкоторыхъ фактахъ встрѣчаются только въ изслѣдуемой рукописи и въ одномъ изъ изводовъ Нового Лѣтоисца, мы не можемъ не заключить съ большою или меньшою вѣроятностію, что составители рукописи пользовались однимъ изъ этихъ изводовъ. Такъ, мы можемъ указать на слѣдующіе факты, упоминаемые только въ этихъ двухъ источникахъ: 1) предложеніе разослать граматы во всѣ города Московскаго государства для избранія царя (Василія Шуйскаго) на царство²); 2) упоминаніе о

¹) Что это былъ за офиціальный источникъ—довольно трудно решить при тѣхъ средствахъ, которыми мы пользуемся въ настоящее время: были ли это разряды, или что-нибудь другое, тоже офиціальное. Хотя, съ одной стороны, относительно веденія разрядныхъ книгъ до насъ дошло извѣстіе, что съ 1605 до 1613 года «разряды были неписываемы»; во съ другой стороны, мы имеемъ свидѣтельство патріарха Ермогена, который въ одной изъ граматъ своихъ пишетъ: «и то чудо къ лѣтописцѣхъ записали мы» (А. А. В., т. II, № 169). «И такъ», говорить одинъ ученый,—«современные знатоки событий записывали они къ лѣтописи» (см. Филарета, архіепископа Харьковскаго: Обзоръ Русской духовной литературы, 862—1720 гг., стр. 370). Думаемъ поэтому, что наше предположеніе о существованіи офиціальной лѣтописи, веденій за эти времена, не вполнѣ безосновательно.

²) Сборникъ Муханова, стр. 264, л. 1; Бременникъ Московскому Историческому Обществу, кн. XVII, стр. 74; Русская Лѣтопись по Никонову списку, т. VIII, стр. 75; Лѣтопись о Мят., стр. 102.

злой смерти въ Литвѣ измѣника Михаила Глѣбова Салтыкова и упоминаніе о его соумышленникахъ Василіѣ, Яковѣ и Ефимѣ Витовтовѣ, о которыхъ пигдѣ въ другомъ мѣстѣ не упоминается¹⁾.

Высказанное сейчасъ предположеніе, тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ обоихъ этихъ источникахъ являются одинъ и тѣ же ошибки; такъ, и здѣсь, и тамъ говорится о встрѣчѣ Ермогеномъ мощей Димитрія²⁾. Ошибка эта, пожалуй, извинительна въ изводахъ Нового Лѣтописца, гдѣ говорится, что Ермогенъ вѣнчалъ на царство Василія; следовательно, по соображенію автора, онъ долженъ присутствовать и при встречѣ мощей (черезъ два дня послѣ вѣнчанія). Но въ рукописи говорится, что Василія вѣнчалъ на царство Исаидоръ, и что Ермогенъ находился еще въ изгнаніи; а потому, если она говоритъ, что Ермогенъ присутствовалъ при встречѣ мощей (что, какъ мы уже видѣли, невозможно), то значитъ, повторяетъ или списываетъ чужую ошибку.

Составители изслѣдуемой рукописи пользовались, по всей вѣроятности, древнейшимъ изводомъ Лѣтописца, именемъ—Новымъ Лѣтописцемъ, глѣ—что болѣе подтверждается наше предположеніе—общіе факты разказываются въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Такъ, о предложеніи разослать граматы во всѣ города для избранія Василія Шубскаго, говорится въ одномъ изъ позднѣйшихъ изводовъ, въ Книгѣ глаголемой Новый Лѣтописецъ: „начаша боляре думати, какъ бы сослатца со всею землею; а въ другомъ, въ Лѣтописи о многихъ мятежахъ, сказано: „начаша боляре думати, како бы соглашаться со всею землею...“ Въ рукописи же говорится о томъ же такъ: „и нача глаголати, дабы разослаша граматы во всѣ окрестные грады“, что сходно съ выражениемъ, употребленнымъ въ Новомъ Лѣтописцѣ: „начаша мыслити,... како послати граматы по грамадамъ...“

И такъ, 1) факты, встрѣчаемые только въ изслѣдуемой нами рукописи и въ одномъ изъ изводовъ Нового Лѣтописца; 2) одни и тѣ же ошибки, находимыя у составителей обѣихъ этихъ лѣтописей, и наконецъ, 3) вѣ сколько (мы не приводили другихъ примѣровъ) даже сходныхъ выражений въ описаніи однихъ и тѣхъ же фактовъ,—всѣ

¹⁾ Сборникъ Муханова, стр. 289, л. 24; 290, л. 25; Русская Лѣтопись по Никонову списку, т. VIII, стр. 142; Лѣтопись о Мятежахъ, стр. 191.

²⁾ Сборникъ Муханова, стр. 270, л. 5; Временника, кн. XVII, стр. 75; Русская Лѣтопись по Никонову списку, т. VIII, стр. 78; Лѣтопись о мятежахъ, стр. 108.

эти обстоятельства, кажется, подтверждают тотъ выводъ, что составители рукописи, приписываемой патріарху Филарету, пользовались древнѣйшимъ изводомъ Новаго Лѣтописца.

Можетъ казаться нѣсколько страннымъ, что составители официальной лѣтописи избрали главнымъ источникомъ для своего труда хронографъ Кубасова, то-есть, такое сочиненіе, въ которомъ высказывается много неблагопріятныхъ замѣчаній относительно правительства смутного времени. Имѣя цѣлью установить известный определенный взглядъ на событія смутной эпохи, составители должны были бѣ избрать такой источникъ, который по своему характеру никакъ не противорѣчилъ бы взглядамъ и видамъ правительства, утвердившагося послѣ смутного времени. Это противорѣчіе разрѣшается, конечно, тѣмъ, что вслѣдствіе передѣлокъ, которымъ подвергся хронографъ Кубасова, подъ руками составителей рукописи онъ совершенно измѣнилъ свой характеръ; но нельзя также не замѣтить, что официальные лица, находя нужнымъ познакомить народъ съ событіями смутной эпохи по какому-нибудь произведенію, отличающемся своими литературными достоинствами, легко могли избрать для такой цѣли именно трудъ Кубасова, такъ какъ этотъ хронографъ по своему эпическому складу и поэтическому языку представлялъ лучшее произведеніе изъ ряда ему подобныхъ. Справедливость такого рода соображенія мы можемъ пояснить слѣдующимъ фактами: хронографъ Кубасова легъ въ основаніе не только рукописи, приписываемой патріарху Филарету, какъ это мы старались доказать въ настоящемъ изслѣдованіи, но даже и вѣкоторой части официальныхъ Дворцовыхъ Разрядовъ: составители ихъ заимствовали изъ Кубасова отдельное повѣствованіе о Мининѣ и Пожарскомъ, за которымъ уже начинаются собственно разряды 1612 года¹⁾). Въ этомъ легко убѣдиться, вслкому, кто сопоставитъ это повѣствованіе²⁾ съ параллельными мѣстами, какъ хронографа Кубасова³⁾, такъ и рукописи, приписываемой патріарху Филарету⁴⁾.

V.

Кто же составлялъ эту лѣтопись? Наши ученые до сихъ поръ полагали, что лѣтопись эта была составлена патріархомъ Филаретомъ;

¹⁾ Дворцовые разряды, т. I, стр. 9.

²⁾ Тамъ же, стр. 2—8.

³⁾ Изборникъ А. Попова, стр. 310—313.

⁴⁾ Сборникъ Муханова, стр. 317—330.

такъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ своей Русской Исторіи, говоритъ: „Важному дѣятелю въ событияхъ смутной эпохи, Филарету Никитичу Романову, приписывается изображеніе событий смутного времени, известное подъ именемъ „Рукописи Филарета“¹⁾). Устряловъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ Сказаніямъ современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ также называетъ эту лѣтопись „повѣстю Филарета“. Въ однѣмъ мѣстѣ онъ выражается даже слѣдующимъ образомъ: „Предлагаемъ здѣсь описание перенесенія мощей царевича Димитрія, составленное очевидцемъ, митрополитомъ Филаретомъ, заимствую его изъ повѣсти о самозванцахъ“²⁾). Въ другомъ мѣстѣ, приводя слова изъ изслѣдуемой нами рукописи, Устряловъ выражается такъ: „Вотъ что говоритъ Филаретъ о разрушеніи Москвы“³⁾).

То же или почти то же самое говорить и Мухановъ: „Почеркъ написавшихъ текстъ изданной нами рукописи не сходенъ съ почеркомъ патріарха Филарета; впрочемъ, это обстоятельство не должно рождать въ насть сомнѣнія въ участіи, которое могъ имѣть патріархъ въ составленіи напечатанной нами рукописи, если мы пріймемъ къ соображенію, что патріархъ вель даже семейную свою переписку съ царемъ и царицею рукою своихъ дѣяковъ“⁴⁾.

Послѣ того, какъ мы убѣдились, что въ основаніи изслѣдуемой нами рукописи легъ хронографъ Кубасова, хотя, конечно, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, едва ли есть какая-либо возможность приписывать „изложеніе этихъ событий важному дѣятелю смутной эпохи Филарету“⁵⁾. Можно ли допустить, чтобы такое лицо,

¹⁾ Русская Исторія, т. I, введеніе, стр. 53.

²⁾ Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ, т. II, прим. 37, 41, 46, 77.

³⁾ Тамъ же, прим. 58.

⁴⁾ Тамъ же, прим. 67. Одинъ изъ писателей, занимавшихся русскою исторіей въ 30-хъ годахъ, даже называетъ эту рукопись поэмою по тому дѣйствительно впечатлительному складу рѣчи, котораго нельзя не замѣтить въ мѣстахъ рукописи, представляющихъ позное, дословное сходство съ хронографомъ Кубасова (см. Примѣчанія (Ст. Руссова) на книгу, г. Берхомъ изданныю, стр. 7; разумѣется: Бергъ, Царствованіе цара Михаила Феодоровича и взглядъ на междуцарствіе): «Въ московскомъ архивѣ министерства иностраннѣй дѣлъ сохранилась современная рукопись съ заглавіемъ: Повѣсть о бывшихъ въ Россіи послѣ царя Бориса Годунова замѣшательствахъ съ 1606 по 1613 г. Сія повѣсть неизвѣстно комъ написана, хотя прозою, но слогомъ впечатлительныи и кончена несколькими стихами (неправильными), такъ что пріличнѣе можно назвать ее поэмою, нежели лѣтописью».

⁵⁾ Сборникъ, прим., стр. XXXIV.

какъ патріархъ Филаретъ, принямало хотя какое-нибудь участіе въ составленіи лѣтописи, которая въ значительно большей своей части представляетъ чужой трудъ, и притомъ такой, въ которомъ можно встрѣтить много доказательствъ нерасположенія автора къ правительству смутного времени? Для кого-либо другаго изъ официальныхъ лицъ, менѣе видныхъ по своей дѣятельности, такое участіе въ составленіи лѣтописи было бы возможнѣе; а то отступленіе, которое дозволилъ себѣ составитель, сказавшій о зависти и ненависти Василія къ Скопину, отступленіе, немыслимо для патріарха Филарета, сильнѣе всего убѣждаетъ насъ въ томъ, что патріархъ не могъ принимать никакого участія въ составленіи изслѣдуемой памятки рукописи.

Почему же эта рукопись названа Филаретовской?

Первую ссылку на эту рукопись сдѣлалъ Карамзинъ, выразившись такъ: „Въ повѣсти о бывшихъ бѣдствіяхъ, писанной на столбцѣ для (?) патріарха Филарета и во многихъ мѣстахъ исправленной, вѣроятно, его рукою“¹⁾. Знаменитый исторіографъ основалъ свое предположеніе, безъ сомнѣнія, на той надписи, которая сдѣлана на оберткѣ тетради, составленной изъ листовъ рукописи. Но надпись эта (которую мы привели выше), по мнѣнію Муханова, сдѣлана въ половинѣ прошедшаго столѣтія²⁾. Поэтому онъ весьма основательно дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе на предположеніе Карамзина: „Если Карамзинъ основалъ свое мнѣніе только на одномъ заглавіи, то кажется, этого недостаточно, тѣмъ болѣе, что оно написано въ позднѣйшее времѧ“...³⁾ и далѣе: „Тотъ, кто сдѣлалъ надпись на оберткѣ, хотя и говоритъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рукопись была поправлена рукою Филарета, но какъ видно, говорить неутвердительно, а только предполагаетъ (уповательно)“.⁴⁾.

Мухановъ, сличивъ почеркъ руки такъ-называемаго „перваго поправщика“, который несравненно болѣе другихъ участвовалъ въ исправленіи рукописи, и притомъ въ самыхъ важныхъ ея мѣстахъ, съ почеркомъ руки Филарета, нашель, что почеркъ поправщика лѣї-

¹⁾ Исторія государства Россійскаго, т. XI, пр. 570; см. также вышеупомянуты Примічанія Ст. Русская на книгу Бергса, стр. 7, прим. «Сія рукопись Филаретовою называется не потому, что будто бы сей пастырь ее сочинилъ, но и той только причинѣ, что она, вѣроятно, принадлежала его библіотекѣ и его, какъ думаютъ, рукою пріписано нѣсколько десятковъ строкъ»...

²⁾ Сборникъ Муханова, прим., стр. XXXI.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. XXXIII.

ствительно представляетъ иѣкоторое сходство съ почеркомъ Филарета. „Говоримъ“, продолжаетъ онъ,—„иѣкоторое, потому что въ совершенномъ сходствѣ мы не можемъ утверждать“ ¹⁾). Впрочемъ, это несовершенное сходство почерка первого поправщика съ почеркомъ Филарета Мухановъ объясняетъ тѣмъ, что „всѣ поправки и приписки сдѣланы или между строками, или на поляхъ; въ обоихъ случаяхъ мѣста было мало, что и заставило поправщика писать очень мелкими письмомъ, чтѣ влекло за собою иѣкоторое измѣненіе въ почеркѣ, а такъ какъ Филаретъ писалъ очень крупными буквами, то въ его поправкахъ (если онъ были) это измѣненіе почерка неминуемо было значительное“ ²⁾). Справедливость такого объясненія Мухановъ какъ бы подтверждается еще слѣдующимъ замѣчательнымъ, по его мнѣнію, обстоятельствомъ: первый поправщикъ болѣе другихъ участвовалъ въ исправленіи рукописи, и притомъ въ самыхъ важныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, о смерти князя Скопина-Шуйскаго (л. 22 и 23) и о Клушина-скомъ сраженіи (л. 26). Поправки его прерываются на 31-мъ листѣ; на 32-мъ листѣ и па слѣдующихъ не находится уже ни одной его поправки; это обстоятельство замѣчательно, по мнѣнію Муханова потому, что первая половина рукописи излагаетъ события до отѣзда въ Смоленскъ московскихъ пословъ, въ числѣ коихъ былъ и Филаретъ; именно на 32-мъ листѣ упоминается обѣ отѣздѣ изъ Москвы митрополита Филарета и прочихъ пословъ ³⁾.

Намъ, напротивъ, это послѣднее обстоятельство, чисто случайное, не кажется сколько-нибудь замѣчательнымъ, тѣмъ болѣе, что поправки почти вовсе прекращаются на 32-мъ листѣ, и попадается только исправленіе на листѣ 44-мъ, да замѣтка на поляхъ листа 66-го.

Однако, мнѣніе, что исправленіе иѣкоторыхъ мѣстъ наслѣдуемой нами рукописи сдѣлано патріархомъ Филаретомъ, мнѣніе, впервыхъ, высказанное, только какъ предположеніе, лицомъ, сдѣлавшимъ надпись па оберткѣ и жившемъ слишкомъ столѣтіемъ позже, а вовторыхъ, не подтверждающееся совершеннымъ сходствомъ почерка патріарха Филарета, мнѣніе это принято было до сихъ поръ нашими учеными, которые вполнѣ признавали силу приведенныхъ Мухановымъ оснований ⁴⁾.

¹⁾ Сборникъ *Муханова*, прим. стр. XXXIV.

²⁾ Сборникъ, прим., стр. XXXIV

³⁾ Сборникъ *Муханова*, прим. XXXIII.

⁴⁾ См. статью *В. И. Иконникова*: Князь Скопинъ-Шуйскій (*Древняя и Новая Россия* 1875 г., № 7, стр. 221, прим.). Кстати считаемъ полезнымъ испра-

Мы, съ своей стороны, позволяемъ себѣ указать на одно обстоятельство, которое должно привести къ совершенно противоположному заключенію, то-есть, что такъ-называемый „первый поправщикъ“ вовсе не былъ патріархъ Филаретъ.

Не имѣвъ возможности изучить рукопись въ ея подлинникѣ, ни сличить почеркъ поправщика съ почеркомъ Филарета, мы рѣшились, для разъясненія вопроса о принадлежности или непринадлежности исправленій въ рукописи патріарху Филарету, употребить иной пріемъ. До насъ дошло нѣсколько граматъ Филарета, бывшаго тогда еще митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, въ которыхъ онъ, извѣщаю своихъ прихожанъ о томъ, что сообщаютъ ему Ермогенъ и Василій Шуйскій о проишествіяхъ въ Москвѣ, просить ихъ молиться Богу о дарованіи царю побѣды надъ мятежниками¹⁾. Въ Филаретовыхъ граматахъ граматы Ермогена или Василія Шуйскаго прописаны слово въ слово; следовательно, о событияхъ, происходившихъ въ Москвѣ, где Филаретъ въ это время, конечно, не былъ, онъ могъ знать едва ли иначе, чѣмъ ему сообщали Ермогенъ и Василій Шуйскій; а ужъ во всякомъ случаѣ, еслибы онъ исправлялъ рукопись, то какъ лицо официальное, онъ внесъ бы въ официальную лѣтопись всѣ факты такъ, какъ ему было явствѣнно по граматамъ Ермогена и Василія Шуйскаго. Стало быть, если существуютъ какія-либо противорѣчія между показаніями граматъ Филарета и изслѣдуемою рукописью, то всѣ эти противорѣчія должны, по нашему мнѣнію, служить довольно вѣскимъ доказательствомъ, что рукопись не могла быть исправлена патріархомъ Филаретомъ.

На такія противорѣчія мы сейчасъ укажемъ. Сказавъ о приходѣ Болотникова къ Москвѣ, составитель рукописи говорить: „Царь Василей Ивановичъ, имѣя Бога помощника, ни мало, не усумнился о семъ,

вить одинъ недосмотръ почтеннаго паслѣдователя. Определляя день смерти Скопина, изслѣдователь замѣчаетъ: «Безъ сомнѣнія, отчѣтка числа на поляѣ (23-го апреля) въ рукописи Филарета, прикратности всего изложенія этого события, относится ко дню смерти Скопина, а не пира у Воротынского (*Древняя и Новая Россия* 1875 г., № 7, стр. 217). Затѣмъ, приведя мѣсто изъ рукописи, г. Иконниковъ продолжаетъ: «Современники должны были лучше помнить день смерти Скопина, которая проявляла такое глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, нежели время пира у Воротынского». Хорошо было бы, еслибы это число выставили современникъ описанныхъ событий; а если повѣрить словамъ Муханова, то окажется, что «года, мѣсяцы и дни выставляемы на поляхъ издателемъ; въ подлинникѣ ихъ не находится»; см. приложенія къ Сборнику *Муханова* 1866 года.

¹⁾ А. А. О., т. II, №№ 57, 58, 59, 73, 74.

но милостиво посылаеть къ пимъ, да престапетъ коварство ихъ безъ крови, они жъ ни мало не внимаше¹⁾). Другими словами: авторъ говоритъ, что никто не приналъ предложенія Василія перейти на его сторону. Между тѣмъ, въ граматѣ Филарета отъ 30-го ноября 1606 года къ протопопу Устюжскаго Успенскаго собора Константину говорится: „Государь милостивъ, ждеть ихъ воровъ къ себѣ обращенія, и чтобы престала брань междуусобная и погибели бы крестьяномъ не было, къ нимъ влодѣемъ отъ Москвы не единъ же отторжеся, а отъ нихъ къ государю прѣѣжающи многіе добиваются челомъ и государь милостивъ ихъ вины имъ отпускаетъ“²⁾). Въ другой граматѣ отъ того же числа и къ тому же лицу говорится слѣдующее: „Да къ Москвѣ же, ноября въ 15-й день, отъ нихъ злыхъ еретиковъ и грабителей и осквернителей, изъ Коломенскаго прѣѣзжали къ государю царю и великому князю Василию Ивановичу всея Руссіи, съ винами своими, Рязанцы Григорей Сумбуловъ да Прокопей Лапуиновъ, а съ ними многіе Рязанцы двораны и дѣти боярскіе, да стрѣльцы Московскіе, которые были на Коломнѣ“³⁾). Въ изслѣдуемой нами рукописи это мѣсто, противорѣчащее показаніямъ граматы Филарета, не исправлено, какъ бы должно было быть, еслибы поправщикомъ былъ патріархъ Филаретъ.

Другое противорѣчіе: Въ рукописи говорится: „пріоноша къ царю Василью на помоць Смолѣяне“⁴⁾). Поправщикъ это мѣсто зачеркнулъ. Между тѣмъ, въ одной изъ вышеупомянутыхъ граматъ Филарета говорится о приходѣ къ царю Смолѣяня на помоць⁵⁾). Поправщикъ, еслибы таковыми былъ патріархъ Филаретъ, не могъ опять-таки зачеркнуть это мѣсто, какъ вполнѣ согласное съ тѣмъ, чтѣ говорится въ его граматахъ.

И такъ, на основаніи всего вышеприведеннаго, мы имѣемъ, кажется, полное право утверждать, что патріархъ Филаретъ не составлялъ изслѣдуемой нами рукописи и не исправлялъ ея. Назваться эта лѣтопись „Филаретовскою“ можетъ развѣ только потому, что она составлялась въ патріаршество Филарета.

Остается решить вопросъ: въ какое же именно время составлена изслѣдуемая рукопись?

¹⁾ Сборникъ Муханова, стр. 273, л. 8.

²⁾ А. А. Э., т. II, № 57.

³⁾ А. А. Э., т. II, № 58.

⁴⁾ Сборникъ Муханова, стр. 273, л. 8.

⁵⁾ А. А. Э., т. II, № 58.

Относительно этого Мухановъ говорить слѣдующее: „Почеркъ написавшихъ текстъ изданной нами рукописи принадлежитъ къ началу XVII столѣтія, то-есть, къ периоду времени, описанному въ самой лѣтописи“ ¹⁾). Периодъ времени, описанный въ рукописи, начинается съ царствованія Василія Шуйскаго и оканчивается избраниемъ на престолъ Михаила Феодоровича Романова, слѣдовательно, это—періодъ съ 1606 по 1613 годъ: къ этому времени Мухановъ и относить составленіе лѣтописи. Но Мухановъ не обратилъ вниманія на то, что въ рукописи упоминаются, хотя и мимоходомъ, события гораздо позднѣйшія, чѣмъ событія 1613 г. Такъ, въ одномъ мѣстѣ рукописи, говоря о занятіи Шведами Новгорода, авторъ замѣчаетъ: держаша его на много времія, яко шесть лѣть дажъ и до царства цара и великаго князя Михаила Феодоровича всея Русіи“ ²⁾). Такимъ образомъ оказывается, что составитель писалъ лѣтопись уже послѣ того, какъ Новгородъ былъ возвращенъ Русскимъ Шведами по Столбовскому договору 1617 года. Затѣмъ, въ рукописи упоминается о событіи еще позднѣйшемъ, именно о возвращеніи изъ Польши русскихъ пословъ, задержанныхъ Сигизмундомъ у Смоленска, что относится къ 1619 году ³⁾). Наконецъ, время составленія лѣтописи ясно обозначено слѣдующимъ мѣстомъ ея: „Посыласть митрополита кирилла Филарета Никитича, ижъ бо тогда правящаго престолъ Ростовскаго и Ярославскаго, днесъ же правяща престолъ великия соборныя и апостольския церкви пресвѣтѣйшаго патріарха всея великия Росіи“ ⁴⁾.

И такъ, лѣтопись составлена во времія патріаршества Филарета, которое продолжалось съ 1619 по 1633 годъ. Но кромѣ того, мы имѣемъ возможность опредѣлить времія составленія лѣтописи еще нѣсколько точнѣе. Лѣтопись составлена, конечно, уже послѣ того, какъ Кубасовъ написалъ свой трудъ. Въ его хронографѣ также упоминается о возвращеніи пословъ изъ Польши въ 1619 году, и слѣдовательно, его трудъ могъ быть оконченъ не раньше, какъ въ 1620 году. Но если мы приимемъ во вниманіе то обстоятельство, что Кубасовъ упоминаетъ о возвращеніи пословъ, какъ о событіи, хотя, конечно, и современномъ ему, но все-таки не такомъ, которое случи-

¹⁾ Сборникъ Муханова. стр. XXXII.

²⁾ Тамъ же, стр. 292, л. 27.

³⁾ Тамъ же, стр. 300, л. 34.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 267, л. 3.

лось недавно,—то намъ кажется, что можно безъ ошибки отнести окончаніе труда Кубасова къ 1626 году, который и выставленъ въ заглавіи списка, служившаго для изданія г. Попова. Если же этотъ хронографъ и оконченъ нѣсколько раньше, то все-таки нельзя предположить, чтобы онъ могъ разойдтись прежде указанного времени, и чтобы имъ могли пользоваться составители изслѣдуемой нами рукописи.

Затѣмъ, такъ какъ составитель рукописи пользовался древнѣйшимъ изводомъ Нового Лѣтописца, который оканчивается 1629 годомъ, и которымъ они могли воспользоваться не ранѣе 1630 г., то отсюда является возможность еще болѣе точно обозначить время составленія изслѣдуемой нами рукописи, именно періодъ съ 1630 по 1633 годъ, годъ смерти патріарха Филарета.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ указать на тѣ главнѣйшия выводы, къ которымъ мы пришли въ своемъ изслѣдованіи:

1) Миѣніе П. А. Муханова, будто рукопись, приписываемая патріарху Филарету, составлена изъ нѣсколькихъ хроникъ, веденихъ въ разныхъ мѣстахъ, совершенно неосновательно: оно не подтверждается ни взглядами составителей, ни характеромъ сообщаемыхъ извѣстій, ни даже слогомъ.

2) Несомнѣнно то, что эта лѣтопись составлена не патріархомъ Филаретомъ.

3) Исправленія въ рукописи также не принадлежать патріарху Филарету.

4) Рукопись эта есть офиціальная лѣтопись, составленная въ патріаршество Филарета Никитича.

5) Лѣтопись эта не есть что-либо оригиналное, самобытное: она составлена по другимъ сочиненіямъ.

6) Въ основѣ лѣтописи легъ хронографъ особаго состава тобольского боярскаго сына Сергѣя Кубасова.

7) Составители лѣтописи, пользуясь хронографомъ Кубасова, какъ источникомъ для своего труда, освѣщали факты, сообщаемые Кубасовымъ, такъ сказать, другимъ свѣтомъ, передѣливая ихъ на свой офиціальный ладъ.

8) Кромѣ хронографа Кубасова, составители рукописи пользовались и другими источниками, какъ, напримѣръ, древнѣйшимъ изводомъ Нового Лѣтописца, и нѣкоторыми офиціальными извѣстіями.

9) Совершенно неосновательно мнѣніе П. А. Муханова, будто рукопись составлена въ періодъ описанныхъ въ ней событій, то-есть,

между 1606 и 1618 годами; она составлена позже — между 1630 и 1683 годами.

10) Трудъ Сергѣя Кубасова, не смотря на неофиціальный характеръ сообщаемыхъ имъ извѣстій, пользовался большимъ уваженіемъ у составителей офиціальныхъ лѣтописей: хронографъ его не только послужилъ основаніемъ для такъ-называемой рукописи Филарета, но изъ него заимствовано даже цѣлое повѣствованіе о Мининѣ и Пожарскомъ, которое внесено въ дворцовые разряды царствованія Михаила Феодоровича.

А. Кондратьевъ.

МАЛОИЗВѢСТНЫЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ПОЛЬШЪ ВЪ XVII И XVIII ВѢКАХЪ.

19-го іюня 1669 года прогремѣлъ среди избирательного сейма на Вольскомъ полѣ, подъ Варшавой, крикъ: „Да здравствуетъ король Михаилъ!“. Это неожиданное избраніе поразило всѣхъ, и даже самому канцлеру Польского королевства пришлось сказать: „Такова, по видимому, воля Божія“. Но еще болѣе былъ пораженъ этимъ решеніемъ сейма самъ раззорившійся двадцатилѣтній сынъ князя Іереміи Вишневецкаго. Нежданно-негаданно въ его рукахъ очутилась корона, за обладаніе которой спорили чуть не всѣ дворы Европы. Послы ихъ должны были примириться на время съ фактомъ, а французскій агентъ де-Ліонъ даже пытался, хотя отчасти, вознаградить неудачу, сосватавъ импровизированного короля съ французскою принцессой. Не на долго однако пріутили пронски иностранцевъ; извѣстіе о покореніи Турками Кандіи пріободрило ихъ, и опять является на сцену кандидатура герцога де-Лопгвиля. Французская партія тайно работаетъ; не устаютъ ни примасъ Пражмовскій, ни Андрей Морштынъ, ни Христофоръ Гржимултовскій, поддерживаемые всемогущимъ Собѣскимъ, который для лучшаго успѣха выслалъ въ Парижъ свою „любезную Марысеньку“ Франція держала въ Данцигѣ агента — Аникію; но его дѣятельность вскорѣ обнаружилась и по представленію польского и австрійскаго дворовъ онъ былъ отозванъ, а правительство французское отказалось признать себя солидарнымъ съ его дѣйствіями. Но хлопотамъ не быть положень конецъ. Изъ шифрованныхъ писемъ Собѣскаго видно, что въ Польшѣ былъ постоянно

французскій агентъ. Документы эти изданы были Гельцелемъ, но онъ не могъ понять многихъ загадочныхъ словъ Собѣскаго относительно агента. Имя его даже не было хорошо известно до послѣдняго времени, и только благодаря запискамъ маркиза де-Помпона кое-что выяснилось.

Но ко всему этому наконецъ нашелся ключъ: найдены, или лучше сказать вновь указаны записки секретаря французскаго агента, которые если и мало прибавляютъ данныхъ о внутренней сторонѣ прописокъ, то отличаются знакомствомъ съ видимостью этого дѣла и позволяютъ найти связующую цѣль известнымъ фактамъ. Мы говоримъ о запискахъ Ульриха Вердума; онъ напечатаны были въ подлинникѣ чутъ ли не сто лѣтъ тому назадъ¹⁾, и между тѣмъ ими не пользовался ни одинъ изъ польскихъ историковъ. Въ недавнее время онъ изданы профессоромъ Краковскаго университета Лиске въ польскомъ перевѣдѣ²⁾. Кромѣ строго историческаго значенія, онъ представляютъ драгоценный матеріалъ для характеристики польскаго быта, нравовъ и обычаевъ. Мы обратимъ вниманіе главнымъ образомъ на эту послѣднюю сторону, а на первую бросимъ только бѣглый взглядъ, чтобы составить себѣ понятіе объ авторѣ записокъ и о лицахъ, около которыхо вращается весь разказъ.

Авторъ—уроженецъ восточной Фрисландіи, получилъ образованіе въ Франкенбергскомъ университѣтѣ, а затѣмъ дополнилъ его въ Гейдельбергѣ и превратился въ истаго Нѣмца. Послѣ смерти своего отца онъ долженъ былъ оставить свою родину и искать счастія на сторонѣ. Выѣхавъ съ братомъ своимъ онъ прибылъ въ Любекъ, а оттуда рѣшилсяѣхать въ Польшу. На пути онъ встрѣтился съ какимъ-то Французомъ, который назывался Monsieur Beauval, по-дружески съ нимъ и въ Данцигѣ остановился съ нимъ въ одной гостинице. По прошествію нѣкотораго времени, Вердумъ задумалъ отправиться далѣе, но его спутникъ уговорилъ еще подождать, объяснивъ, что вскорѣ пріѣдетъ его другъ, у которого онъ можетъ получить выгодное мѣсто. Немного спустя, этотъ незнакомый товарищъ объявилъ, что другъ его не пріѣдетъ, но что онъ самъ отправляется въ Польшу съ цѣлью усилить тамъ такъ-называемую французскую партию, которая при помощи Франціи должна низвергнуть короля

¹⁾ Archiv fürr neuesten Geschichte, Geographie, Natur- und Menschenkenntnisse, изд. I. Bernoulli, томы 4, 6 и 8.

²⁾ Liske, Cudzoziemcy w Polsce. Krakow. 1877.

Михаила. Самъ онъ назвался своимъ действительнымъ именемъ—Jean de Courthonne, abbé de Paulmiers et Harchagrats, и предложилъ Вердуму мѣсто секретаря у себя. Оказалось, что до тѣхъ порь Помье испытывалъ Вердума. Условіе было заключено. Оба они перешедѣты—Помье іезуитомъ, а Вердумъ послушникомъ—отправились въ путь.

Прежде всего наши путешественники прибыли къ примасу, какъ главѣ французской партіи въ Польшѣ, а затѣмъ уже поѣхали, въ сопровожденіи брата примаса, Войтеха Пражмовскаго, и его вооруженного отряда, во Львовъ къ Собѣскому. Но тутъ провѣдалъ про ихъ планы русскій воевода Яблоновскій и уведомилъ о томъ короля. Помье принужденъ былъ удалиться изъ Польши въ Данцигъ, и боясь быть схваченнымъ, отправилъ своего секретаря съ бумагами по другой дорогѣ. Ловкій Вердумъ обдумывалъ средства для болѣе безопаснаго возвращенія; главное—бумаги и деньги; всѣ документы завернуль онъ въ навощенный холстъ, облыпилъ тѣстомъ въ видѣ большаго хлѣба. Деньги, въ количествѣ 100,000 талеровъ, оцѣ помѣстили въ сундукѣ, придававъ къ нему двойное дно. Благодаря этимъ предосторожностямъ, онъ счастливо достигъ Данцига.

Помье не потерялъ надежды на успѣхъ. Онъ подъ видомъ испанскаго офицера отправился опять въ Польшу. На этотъ разъ Вердумъ помѣстилъ бумаги между двойнымъ дномъ лягурной лагунки, которая была прикреплена прочною цѣпью къ повозкѣ. Но вскорѣ путешественники превратились въ инженеровъ, прибывшихъ изъ Кандіи, и даже съумѣли добыть себѣ паспортъ отъ короля. Послѣ этого Помье и Вердумъ находились въ войскахъ Собѣскаго во время войны 1671 года, стараясь склонить на свою сторону армию. Особенно Помье долженъ былъ усилить свою дѣятельность во время зимняго перерыва, когда войска нарочно были размѣщены на неудобныхъ квартирахъ; съ этой цѣлью оба они отправляются на Украину и Подолье. Дѣло было уже приведено къ желанной цѣли, партія усиlena, и все было слажено такъ ловко, что до обнародованія записокъ Вердума никто и не подозрѣвалъ, что душою предпріятія былъ гетманъ Собѣскій. Вдругъ разошлась вѣсть, что кандидатъ умеръ. Помье долженъ былъ вернуться и въ благодарность за хлопоты заслужилъ упреки въ затратѣ большой суммы денегъ на не удавшееся дѣло. Такъ, по крайней мѣрѣ, надо догадываться изъ записокъ маркиза де-Помпона.

Мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ подробности переговоровъ и пе-

реходимъ къ той части записокъ, которая касается внутреннаго быта Польши.

Вердумъ посвящаетъ особую главу правительству, религіи и образу жизни въ Польшѣ. Правление въ Польшѣ онъ называетъ смѣсью монархіи, аристократіи и демократіи, потому что мелкую шляхту, говорить онъ,—надо поставить рядомъ съ чернью. Король имѣть значение главы, но *autoritate magis suadendi, quam jubendi potestate*, и вполнѣ соглашается съ Баториемъ, который говорилъ, что *in Polonia tantum valet rex, quantum pollet ingenio*. Затѣмъ онъ обращаетъ внимание на семь различныхъ исповѣданій въ Польшѣ — католическое, реформаторское, лютерансое, (греческое, то-есть православное) менонитское, армянское и еврейское. „Греческое исповѣданіе“, говоритъ онъ,—„называются въ Польшѣ русскимъ, такъ какъ къ нему принадлежитъ большая часть жителей на Руси, Подолии и Украинѣ. Это—та же религія, которую исповѣдуютъ Молдаване, Валахи и Московиты. Они отличаются отъ католиковъ тѣмъ, что при чащаются и мірянъ подъ двумя видами, то-есть, хлѣбомъ и виномъ, и при этомъ берутъ хлѣбъ ложкой изъ вина, полагая, что никакое тѣло не можетъ быть безъ крови. Церкви ихъ раздѣлены на три части: восточная предназначена для духовенства, гдѣ служатъ литургию и молебни; по срединѣ собираются мужчины, въ западной же части, у дверей, стоять женщины. Ихъ священники, которыхъ называютъ почами, женятся разъ, въ случаѣ же смерти жены они не могутъ жениться вторично. Такъ понимаютъ они слова, что епископъ долженъ быть мужемъ одной жены. Много у нихъ монаховъ и монахинь, которые не женятся и не ёдятъ ничего такого, чтд жило, даже молока, масла, аицъ п тому подобныхъ предметовъ, но только горохъ, чечевицу и другія овошки, разную зелень и плоды земные, дѣлая приправу изъ деревянного масла. Священники эти, кажется, по триста, по четыреста, и даже и по пятьсотъ разъ въ день наклоняютъ свою голову до самой земли и до своихъ ногъ, полагая, что такая честь особенно нравится Богу и святымъ. Греческая церковь соблюдаетъ четыре великия поста—семь недѣль передъ Пасхой, четыре недѣли передъ Троицей, четыре недѣли въ августѣ и четыре недѣли Рождественского поста. Посты соблюдаются такъ строго, что люди имѣютъ видъ вполнѣ голодныхъ. Въ это время ихъ легко отличить отъ другихъ по блѣдному лицу“.

Въ другомъ мѣстѣ, описывая окрестности Люблина, Вердумъ говоритъ: „Русская и греческая религія здѣсь самая распространенная;

часть ея приверженцевъ присоединилась къ Риму, но большинство со-
стоитъ подъ властью Константинопольского патріарха. Поэтому они
подъ всѣми крестами, помѣщеными на ихъ церквахъ, выковываютъ
полумѣсцы, въ знакъ того, что глава ихъ церкви имѣть свое мѣсто-
пребываніе подъ покровительствомъ Турецкаго султана. Кромѣ заблуж-
денія, въ которомъ они пребываютъ, то-есть, что Духъ Святый
исходить не отъ Бога Отца и Бога Сына, а только отъ Бога Отца,
въ ихъ образахъ еще болѣе странного, чѣмъ у католиковъ. Св. Ни-
колай—всеобщій покровитель, и его икона занимаетъ главное мѣсто
во всѣхъ церквяхъ и домахъ. На похоронахъ передъ тѣломъ покой-
ника идутъ иопы, сколько лишь ихъ могутъ набрать, всѣ съ заж-
женными свѣчами въ рукахъ, и воютъ(?) довольно плохо свои похо-
ронныя пѣсни. За ними слѣдуютъ родственники и другіе мужчины,
тоже всѣ съ зажженными свѣчами передъ покойникомъ, каждый изъ
несущихъ гробъ тоже со свѣчкою въ руцѣ, равно какъ и женщины,
которые идутъ за гробомъ. Вся эта процессія уже порядкомъ на-веселѣ. Какъ только встрѣтятъ иностранца, называютъ его погапимъ.
Случилось со мною, что одна женщина поридочно въ хиѣльку пришла
ко мнѣ съ погребальной процессіи и стала учить меня, чemu я дол-
женъ вѣровать, выражая свое соболѣзваніе обо мнѣ. Когда я не
могъ удержаться со смѣху, другія женщины подумали, что я смѣюсь
надъ нею и увели ее“.

О католическихъ обрядахъ Вердумъ говорить также съ нѣкоторою
ироніей. Поляки—такіе же усердные паписты, какими развѣ могутъ быть
Испанцы или Ирландцы. Въ своихъ молитвахъ они болѣе суевѣрны,
чѣмъ набожны. „Когда молятся или слушаютъ обѣдню, хрюпать и
крехтять, вздыхая такъ, что ихъ слышно ужъ издали. Падаютъ на
землю, ударяютъ головой о землю и скамейки, ударяютъ себя самихъ
въ лицо и продѣлываютъ различныя тому подобныя странности, въ
которыхъ укоряютъ другіе народы“. Далѣе Вердумъ обращаетъ вни-
мание на посты, въ которые Поляки пытаются растительной пищею.
Кромѣ обыкновенныхъ постовъ, каждый Полякъ еще постится одинъ
день въ недѣлѣ, чего нѣть у другихъ папистовъ.

Переходя къ описанію быта народа, Вердумъ обращаетъ вниманіе
на крѣпкое тѣлосложеніе и высокій ростъ Поляковъ, и на то, что у
нихъ мало калѣкъ, не смотря на небрежное воспитаніе дѣтей. За-
тѣмъ Вердумъ указываетъ, какъ на характеристическую черту, на осо-
бенную вѣжливость Поляковъ и ихъ пристрастіе къ комплиментамъ. Тамъ
всякого мужчину назовутъ паномъ-отцомъ, а женщину—паню-матуш-

кою. Въ Русскомъ воеводствѣ особенно развиты ласкательства у женщинъ. Сами Поляки говорять, что на всемъ земномъ шарѣ нѣть такихъ красивыхъ, пѣжныхъ и очаровательныхъ женщинъ, какъ во Львовѣ. Автору пришлось встрѣтить во Львовѣ женщину, которая сказала ему комплиментъ по латыни. Вообще, по замѣчанію Вердума, знаніе латинскаго языка весьма распространено въ Польшѣ; разъ къ аббату Помѣе пришелъ разсыльный, который говорилъ по латыни. Но надо замѣтить, прибавляетъ Вердумъ,—что здѣсь не обращаютъ вниманія на чистоту языка и синтаксисъ.

Вообще Польскій народъ—по отзыву Вердума—лѣнивъ и беззаботенъ; Поляки обрабатываютъ только самую необходимую часть земли. Изъ лѣноты строятъ деревянные дома, хотя и камня, и глины на кирпичи въ странѣ очень много. На дерево они до того расточительны, что въ домахъ всѣ принадлежности деревянны. Плуги, сани, телѣги, бороны дѣлаются исключительно изъ дерева. Автора заинтересовалъ способъ приготовленія боронъ, и онъ описываетъ его съ болѣшою подробностью. Также подробно описываетъ онъ и обработку земли, которую хвалить. Лѣнота Поляковъ высказывается и въ томъ, что крестьяне оставляютъ свое сѣно въ большихъ кучахъ на лугахъ, предоставляя его дѣйствію вѣтровъ и непогоды; только уже зимою свозятъ его съ луговъ. Изъ лѣноты они не мостятъ улицъ, хотя всюду много камня.

Садовъ мало, и въ нихъ чаще всего встречаются сливы. „Изъ плодовъ этихъ деревьевъ крестьяне выжимаютъ сокъ и ёдятъ его вмѣсто масла“. Особенное вниманіе нашего автора обратила на себя свекла: „Есть у нихъ“, говорить онъ,—„родъ рѣдкіи, которую они называютъ бураками; ея свойство то, что въ сырому видѣ она красна, а будучи сварена, дѣлается бѣлою, какъ сливъ и на вкусъ очень хороша“. Удивляетъ его и то, что ёдятъ огурцы съ хлѣбомъ вмѣстѣ съ кожей. Хлѣба хорошо испеченного въ Польшѣ не найти. Ёдятъ очень жирно и много, притомъ не подаютъ на столъ всѣхъ кушаний вмѣстѣ, а приносятъ по одному блюду. Пить любятъ водку и пиво. Путешественники хвалятъ венгерское вино, и отмѣчается, что Поляки не любятъ рейнвейна и французского вина.

„Крестьянскія хаты раздѣляются на три части. Первая, чрезъ которую входитъ въ домъ,—конюшня, вторая—изба; изъ нея можно вползти въ третью дыру, которую называютъ каморою. Но одна стоять другой“. Въ русскихъ домахъ нѣть трубъ, а только печка, у

которой варятъ все. По всемъ сторонамъ избы отверстія, которыхъ отворяютъ, соображаюсь съ вѣтромъ для выпуска дыма".

Далѣе авторъ описываетъ пороки Поляковъ. „Необузданная свобода, въ какой живутъ Поляки, и законы, позволяющіе откупаться за проступки, ведутъ къ тому, что убийство въ Польшѣ есть вещь очень обыкновенная; другіе проступки тоже сильно распространены". Особенно поражаютъ автора разныя, произносимыя Поляками, проклятія, отъ которыхъ, говорить онъ, волосы становятся дыбомъ.

Описывая нѣкоторые виды рыбъ, путешественникъ хотѣлъ блеснуть знаніемъ и повторяетъ о нихъ разныя басни. Онъ разказываетъ про одну рыбу, длиною въ полфута, которая до того живуча, что пусть утка шесть-семь разъ проглотить ее, она все-таки выльется опять наружу. Если ее высушить и потомъ зажечь, то она будетъ горѣть, какъ свѣча, на чѣдѣ и употребляется. Авторъ хвалитъ плодородіе и климатъ Польши, и отмѣчаетъ, что въ странѣ мало можно встрѣтить стариковъ: причину недолголѣтія авторъ видѣтъ въ томъ, что люди мало Ѵдятъ хлѣба и много пьютъ водки, чѣмъ „сжигаютъ свою живучесть".

Рассматривая разказъ нашего путешественника, мы не можемъ не признать его наблюдательности, его любознательности и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошей памяти. Онъ день за днемъ описываетъ свое путешествіе, а такъ какъ ему пришлось изѣздить чуть не всю Польшу вдоль и поперекъ, то его записки представляютъ очень много важныхъ данныхъ. Вердумъ не только отмѣчаетъ всякую малѣйшую деревеньку или крошечный ручеекъ, но даже описываетъ топографію мѣстности и качество земли. При этомъ онъ старается сообщить и историческія подробности о мѣстности, которую описываетъ, а иногда сообщаетъ даже народныя преданія и легенды. Ему, какъ мы уже замѣтили, приходилось побывать и на Подоліи, и въ Волыни, и въ Поднаѣпровы; онъ подробно описалъ городъ Дубно, замокъ Каменецъ-Подольскій и многія другія мѣстности преимущественно по Днѣстру и Бугу.

Вотъ для примѣра описаніе Дубна. „Это—городъ средней величины, плотно застроенный деревянными домами, узкій и длинный, съ прямыми и длинными улицами, которая однако всѣ не мощены. Въ предѣлахъ города находится бернардинскій монастырь съ церковью, красиво выстроеною. Кромѣ этого, есть еще одна католическая церковь и четыре русскія и еврейская молельни, всѣ онѣ выстроены изъ камня. За городомъ на берегу озера возвышается мужской православный

монастырь, выстроенный изъ камня, а по другую сторону озера—женскій православный монастырь съ деревянными строеніями. Городъ и замокъ расположены на берегу озера на длинной возвышенности и съ двухъ сторонъ окружены водами озера и юбы Икви. Замокъ построенъ на самой узкой части возвышенности, чрезъ которую выходъ изъ города. Болѣе широкая часть, гдѣ находится входъ въ городъ, имѣть хорошия рвы и валы съ красивыми каменными воротами въ срединѣ. Со стороны города замокъ окруженъ широкимъ рвомъ съ высокою стѣной и большими башнями, которые находятся внутри угловъ, образуемыхъ стѣнными изгибами. Замковые ворота очень хорошо выстроены съ плоскостью на итальянскій манеръ крышею. По лѣвой сторонѣ, по направлению къ горѣ, воздвигнуто строеніе въ итальянскомъ вкусѣ, въ родѣ галлереи, гдѣ помѣщены жилыя комнаты. На правой руцѣ каменная стѣна съ жилыми помѣщеніями нѣравнѣ съ землей, а въ концѣ стѣна и ровъ, чрезъ который вступаютъ въ старый замокъ. Въ этомъ послѣднемъ строеніи деревянные и только частью укрѣплены камнемъ и башнями, а частью—земляными окопами, но все это въ развалинахъ. Вообще ни одинъ изъ замковъ не исправленъ совершенно. Изъ замка по длинной греблѣ, по болотамъ и озерамъ идетъ дорога въ деревню Ратчину, расположенную на берегу озера. Изъ города къ этой греблѣ ведетъ длинная деревянная дамба. Лѣтъ 23 или 24 тому назадъ, этотъ замокъ осаждали казаки, бомбардировали его, но не взяли, хотя и овладѣли городомъ и разорили его. Владѣтель этой мѣстности, князь Александръ Острожскій, радушно принялъ насъ. Ему года двадцать-три, онъ низкаго роста, но довольно сердеченъ, остроумъ и храбръ. Путешествовалъ по Франціи, Германіи и Италии, говорить на языкахъ этихъ странъ, а также на своемъ родномъ и по латыни. Мать его—сестра великаго коронного гетмана Собѣскаго; она теперь замужемъ за литовскимъ польнымъ гетманомъ княземъ Михаиломъ Радивиломъ. Коронный польный гетманъ, дядя короля Михаила, князь Дмитрій Вишневецкій, женился на единственной сестрѣ (?) той же матери князя Острожскаго. Мы останавливались, продолжаетъ авторъ, — „у одного Ерея, у которого весь день горѣла свѣча, такъ какъ это была годовщина смерти его жены. Въ ея память ежегодно должна горѣть свѣча въ продолженіе 24 часовъ. Въ пятницу съ закатомъ солнца Ерей зажегъ еще четыре свѣчи, такъ какъ у него въ домѣ двѣ женщины, а съ началомъ шабаша онъ долженъ для каждой женщины зажигать по двѣ свѣчи“

Такою же подробностью отличается описание и другихъ городовъ. Описывая Бучачъ, авторъ распространяется о Евреяхъ и ихъ экономическомъ значеніи въ край. Эти строки весьма любопытны, какъ характеризующія взгляды автора. Въ рукахъ Евреевъ, говорить онъ,—находятся корчмы и другіе доходы, а вслѣдствіе того, и всѣ крестьяне. Надъ крестьянами эти шельмы (*Schelme*) имѣютъ такую власть, что по своему усмотрѣнію ругаютъ, бьютъ, топчутъ ногами несчастныхъ христіанъ, какъ это я самъ имѣлъ случай видѣть, удивляясь, что христіанские баре могутъ это терпѣть. Но они не обращаются на то вниманія,—имъ только бы получать деньги отъ своихъ арендаторовъ корчмъ. Эти польские господа обходятся съ крестьянами хуже, чѣмъ съ рабами или собаками. Но справедливый Богъ не всегда это имъ попускаетъ даромъ. Когда они стали позволять своимъ слугамъ, а особенно Евреямъ, арендующимъ ихъ имѣнія, тиранствовать надъ казаками до того, что Евреи ежедневно издѣвались надъ христіанами и даже вѣшали и убивали, ихъ то казаки забунтовались подъ начальствомъ своего генерала Богдана Хмельницкаго и не только истребили и избили въ Украинѣ всѣхъ Поляковъ и Евреевъ, но даже вышли изъ-подъ польской власти со всѣми своими и польскихъ пановъ имѣніями. Казацкій бунтъ—по мнѣнію Вердума—былъ одною изъ причинъ обѣднѣія польскихъ пановъ; другою же причиною опустошенія и обезлюденія Украины, Подолья и Руси авторъ считаетъ Евреевъ, которыхъ здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и коихъ молельни выстроены великолѣпнѣе христіанскихъ. Но любопытно объясненіе вѣмецкимъ ученымъ протестантомъ корня этого зла: „Въ своихъ молельняхъ, какъ впрочемъ и во всѣхъ своихъ словахъ и поступкахъ, Евреи носятъ и оскверняютъ имя Спасителя, наводя вѣѣтъ съ собою всюду, куда ни прийдутъ, проклятие опустошенія. Кроме того, живущіе здѣсь христіане богохульствомъ, клятвопреступничествомъ, убийствами, кровосмѣщеніемъ, прелюбодѣяніемъ, распутствомъ заставили Господа Бога приказать этимъ краямъ выбросить своихъ жителей и сдѣлать изъ живой страны землю неживую за грѣхи и преступленія жителей“. Поэтому-то этотъ край и подвергается татарскимъ опустошеніямъ; въ теченіе нѣсколькихъ дней Ѣзы „могло не увидѣть здѣсь ни дома, ни постоянаго двора, ни собаки, ни пѣтуха“, хотя земля такова, что на ней могли бы жить цѣлые миллионы людей. „Одинъ греческій сициевникъ“, прибавляетъ Вердумъ, — „говорилъ мнѣ, что всѣ эти поля, пока Татары не вывели изъ нихъ жителей и не продали Тур-

камъ, лѣтъ двѣсти тому назадъ, были усѣяны городами, селами и на нихъ жилъ народъ, который этотъ попъ называлъ *Ochi*¹⁾.

Въ томъ же сборникѣ г. Лиске, вслѣдъ за записками Вердума помѣщены переводъ путешествія по Польшѣ известнаго берлинскаго математика и астронома Іоганна Бернулли (\dagger 1807 г.). Путевые записки этого учёного были изданы въ подлиннику еще въ 1777—1778 годахъ, и описание Польши занимаетъ шестой томъ этого сочиненія¹⁾.

Въ запискахъ Бернулли мы не найдемъ ничего такого, чѣмъ могло бы познакомить насъ съ бытомъ, нравами и обычаями того времени. Его, какъ ученаго, болѣе всего занимаютъ ученыя учрежденія, и ихъ онъ описываетъ тщательно.

Въ Польшѣ Бернулли былъ проездомъ изъ Петербурга. Выѣхавъ изъ Мятавы, онъ попалъ въ центръ Жмуди, гдѣ его сразу поразила первобытность постоянныхъ дворовъ, въ которыхъ онъ не могъ найти ни хорошей пищи, ни чистой посуды, ни постели. Но, говорить онъ, — кто долго путешествовалъ, тотъ скоро привыкнетъ спать и на соломѣ, „мы — же радовались, когда жара и сырость не заставляли насъ проводить ночь въ экипажѣ, чѣмъ не разъ и случалось. Труднѣе всего было привыкнуть къ деревяннымъ ложкамъ. Онѣ скоро дѣлаются ужасно шероховаты, такъ что превосходный супъ становится противнымъ, когда приходится хлебать его такою щеткою. Здѣшнія тарелки — деревянные кружки; супъ и овощи здѣсь єдять изъ одной миски. Ножа невозможно найти, у меня было ихъ два, и одинъ изъ нихъ я могъ дать моему товарищу, но вместо вилки онъ долженъ былъ довольствоваться своими природными вилками. Все здѣсь въ такомъ положеніи“. Особенно надоѣли путешественнику Евреи; въ субботу у нихъ ничего нельзя было достать, но когда пришлось получить деньги, то они съумѣли обойти законъ: „они отсчитывали деньги, обвернувъ руку платкомъ“.

Подробно описанъ городъ Гродно; тутъ путешественникъ болѣе обращаетъ вниманія на учебныя заведенія и на фабрики. Подробно останавливается онъ на медицинской академіи: „Это превосходное заведеніе, которое дѣлаетъ честь мудрому Станиславу-Августу, такъ какъ до сихъ поръ, особенно внутри страны, медицинская наука стояла очень низко“. По описанію Бернулли, здѣшняя академія изобиловала всѣми

¹⁾) *J. Bernoulli's Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Polen in den Jahren 1777 und 1778.* Leipzig.

необходимыми принадлежностями и имѣла отличную библіотеку; но изъ того же описания трудно себѣ заключить, чтобы это заведеніе было вполнѣ въ порядкѣ. Матеріальная обстановка его очень хороша, но все преподаваніе сосредоточивалось въ лицѣ одного иностранца-профессора, который за большія деньги обучалъ слушателей естественнымъ наукамъ и медицинѣ. Тутъ же путешественникъ осматривалъ различныя фабрики—шелковыхъ матерій, бархата и суконъ, особенное же вниманіе онъ обращалъ на экипажныя фабрики. Все это ему кажется превосходнымъ, но все это въ сущности—издѣлія иностранныхъ мастеровъ. Съ удовольствіемъ отмѣчаетъ онъ имена этихъ иностранцевъ: Французы на шелковой фабрикѣ, на суконной—Нѣмцы, па-экипажной—Італіанцы.

На пути изъ Гродна въ Варшаву Бернулли остановился въ Бѣлостокѣ и подробно описывается его, при чемъ говорить преимущественно о дворцѣ Бралицкихъ, занимаемомъ нынѣ женскимъ институтомъ. Въ Варшавѣ путешественникъ постарался запастись планомъ города. Здѣсь Бернулли познакомился съ Дюбуа, Минишкомъ, Чарторыйскими, съ русскимъ посломъ Штакельбергомъ и другими лицами; былъ представленъ королю, о которомъ говорить съ большими похвалами. „Здѣсь было-бѣ умѣство восхвалить чрезвычайную ласкливость и вѣжливость, красивую и выразительную фигуру, обширныя познанія и различные качества этого почтеннаго монарха. Но чѣмъ выше, поставлены линии, о которыхъ мнѣ приходится говорить, тѣмъ болѣе и боюсь упрека въ лести. Многочисленныя дѣянія и учрежденія Станислава-Августа и раззвѣтъ, къ которому онъ привелъ свою резиденцію и свое королевство, среди самыхъ большихъ затрудненій лучшѣ свидѣтельствуютъ въ его пользу, чѣмъ могъ бы я достичь этого моими словами“. Послѣ такого панегрика Бернулли замѣчаетъ, что король болѣе всего разспрашивалъ его о Россіи, о ея торговыхъ и финансовыхъ дѣлахъ, но обо всемъ этомъ, сознается нашъ путешественникъ, онъ и самъ мало узнавъ въ Россіи, гдѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, болѣе всего обращалъ вниманіе на состояніе просвѣщенія и на ученыя учрежденія. Бернулли удивляется ученоosti польскихъ женщинъ и приводитъ длинный списокъ женщинъ-писательницъ, изъ котораго, по его мнѣнію, можно сдѣлать очень лестный выводъ о польскомъ, прекрасномъ полѣ.

Особенного вниманія заслуживаетъ у Бернулли описание библіотеки Залускихъ. Онъ собралъ о ней много свѣдѣній: „Это громадный лабиринтъ комнатъ, наполненныхъ книгами. Вполнѣ можно вѣрить

тому, что здѣсь находится до 200,000 томовъ. Самая замѣчательная зала, и притомъ единственная, отличающаяся богатствомъ и комфортомъ, содержитъ въ себѣ французскія книги, а также и другія, отличающіяся гравюрами и вѣшнностью. Зала длинная, высокая и красивая, украшена многими статуями, которыхъ почтенные братья Залускіе приказали поставить въ честь знамѣнитѣшихъ и благороднѣйшихъ людей своего отечества. Рядомъ помѣщается комната покойнаго великаго референдана короннаго, и за нею комната, въ которой книги лежатъ грудами". Далѣе авторъ коротко описываетъ залы со латинскими и польскими книгами и переходитъ къ тому, что его болѣе интересовало, къ отдѣлу рукописному. „Показывали мѣвъ два манускрипта Макробія, Лонгина и весьма старую рукопись Метаморфозъ и писемъ Овидія. Затѣмъ показали древній, красиво писанный и раскрашенный кодексъ 1500 г. подъ заглавиемъ — *Pontificalis ordinis liber*". Далѣе Бернулли видѣлъ массу картинъ, нарядовъ, очень важную рукопись IX в. католического миссала и мн. др. Описание Бернулли очень важно для истории библиотеки Залускихъ, въ особенности потому, что эта библиотека находится въ настоящее время въ Императорской публичной въ Петербургѣ.

Неменѣе важны свѣдѣнія о Варшавскомъ ученомъ обществѣ, мало извѣстномъ изъ другихъ источниковъ; по словамъ Бернулли, здѣсь членами были по большей части аристократы, а это мѣшало созывать часто собрація. По поводу этого общества Бернулли приводить письмо князя Станислава Понятовскаго, члена общества, полученнное имъ по возвращеніи въ Берлинъ. „Въ Польшѣ и Литвѣ", — говорилось, по словамъ Бернулли, въ этомъ письмѣ, — „теперь серьезно занялись вопросомъ объ освобождѣніи крестьянъ. Графъ Замойскій, бывшій великий коронный канцлеръ, авторъ новой книги законовъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ освободилъ своихъ подданныхъ, обязавъ ихъ уплачивать чиншъ за землю, находящуюся въ ихъ пользованіи. То же сдѣлалъ въ Литвѣ Павель Бржостовскій; ихъ примѣру послѣдоваль въ Мазовії племянникъ короля, князь Станиславъ Понятовскій. Въ Новомъ Дворѣ у Вислы въ 5 миляхъ отъ Варшавы онъ пріютить цѣлую колонію диссидентовъ и далъ ей право строить церкви и школы".

Долго останавливается Бернулли на „обществѣ ревизіи учебниковъ" и отдаетъ ему справедливую похвалу, замѣчая притомъ, что еще ни одно государство въ Европѣ не додумалось ни до чего подобнаго. Общество занимается изданіемъ элементарныхъ книгъ и

дастъ за написаніе ихъ преміи въ 100 и 200 дукатовъ. Бернулли перечисляетъ нѣсколько сочиненій, удостоенныхъ преміи, но авторы ихъ все иностранцы, въ томъ числѣ—Кондильякъ, Губе, Люльерь, Каросси и др. Необходимымъ пособіемъ обществу должны быть типографіи, которыхъ насчитывается до 33. Сказавъ, что разказать о современномъ ему состояніи просвѣщенія въ Польшѣ былъ бы интересенъ, но что онъ не можетъ долго на этомъ останавливаться, авторъ прибавляетъ: „Стоило бы восстановить въ памяти и прежнюю исторію науки въ Польшѣ. Кажется, что уже слишкомъ забыли, какія услуги Польша оказала наукамъ въ прошлое время, когда не въ одномъ государствѣ, которое теперь кичится своимъ просвѣщеніемъ, былъ совершенный мракъ. Такъ—называемое варварство, которое ставить Полякамъ въ укоръ, какъ долго продолжалось? Навѣрно, не болѣе какъ полстолѣтія, и именно въ послѣдней четверти прошлаго вѣка и не много позже первой четверти нынѣшняго. Цѣлый рядъ книгъ, въ которыхъ старались записывать имена авторовъ, ясно свидѣтельствуетъ, что въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ въ Польшѣ было много людей замѣчательныхъ, особенно въ сферѣ церкви, государственной дѣятельности, учености и въ школьныхъ наукахъ, а рядомъ съ ними и множество отличныхъ поэтовъ“. Однимъ словомъ, Бернулли восхищается умственнымъ состояніемъ Польши, а это для Нѣмца очень много.

Не столь благопріятное впечатлѣніе произвело на него зрѣлище польского сейма. Онъ описываетъ избрание маршала сейма на томъ засѣданіи, на которомъ онъ присутствовалъ, и всю бурю, какую произвѣлъ этотъ выборъ, затѣмъ коллегію депутатовъ, и наконецъ, церемонію цѣлованія королевской руки.

Таково въ краткихъ словахъ содержаніе путешествія Бернулли; оно очень важно, какъ источникъ для исторіи просвѣщенія въ Польшѣ и въ этомъ отношеніи содержитъ не мало новыхъ подробностей. Жаль только, что издатель слишкомъ сократилъ подлинникъ.

Несомнѣнную заслугу г. Лиске составляетъ отысканіе писемъ о Польшѣ, напечатанныхъ въ 1791, 1792 и 1793 годахъ въ *Berlinoische Monatsschrifft*. Эти письма не подписаны, но издатель доказываетъ, что они принадлежали I. Бистеру, редактору сказанного журнала.

Авторъ писемъ относится съ нѣкоторымъ увлеченіемъ къ Полякамъ и все польское представляетъ въ розовомъ цветѣ, такъ что его показаніями должно пользоваться лишь съ осторожностью. Надо по-

лагать, что въ этомъ его упрекали и его соотечественники, ибо онъ, какъ бы оправдываясь, говорить въ десятомъ письмѣ: „Сиѣйтесь себѣ надъ тѣмъ, чтѣ называете моимъ энтузиазмомъ къ Полякамъ, но я убѣждентъ, что все это—только беспристрастная любовь къ правдѣ. Не забывайте однако, что я говорю лишь о весьма малой части Польши, и главнымъ образомъ, о Варшавѣ, и что одѣниваю ее какъ иностранецъ. Съ этой точки зрѣлія миѣ очень нравится этотъ народъ и эта страна, то-есть, характеръ и образъ жизни, на сколько я могу съ ними здѣсь познакомиться. Независимый туристъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи деньги и время, мало найдетъ городовъ столь веселыхъ, какъ Варшава". Въ этихъ словахъ высказанъ весь взглядъ Бистера на Польшу послѣ трехлѣтнаго въ ней пребыванія. Какъ оптимистъ, даже въ 1791 г. онъ не замѣчаетъ той грозы, которая такъ скоро разразилась въ Цольшѣ. О конституції 3-го мая Бистеръ говоритъ, „что въ теоріи—она одна изъ лучшихъ, какую могли придумать себѣ люди, желающіе измѣнить свой строй". Осуждаетъ онъ ее главнымъ образомъ за то, что ею установлена господствующая религія, переходъ изъ которой въ другую строго запрещенъ, и что прямо не призано законою освобожденіе крестьянъ.

Отъ Варшавы авторъ писемъ остался въ восторгѣ: съ нею говорить онъ,—можетъ сравняться только одна Вѣна. Онъ уже не говорить, подобно Берпулли, что улицы пе вымыты. Вѣроятно, въ десятилѣтній промежутокъ времени это успѣли сдѣлать, благодаря, можетъ быть, той мѣрѣ, о которой упоминаетъ Бернулли, именно — что всякий вѣнѣацій въ городѣ обязанъ быть доставить камень опредѣленной величины. По Бистеру, почти всѣ улицы въ Варшавѣ широкія и прямыя, много красивыхъ домовъ и дворцовъ; но рядомъ съ дворцами можно встрѣтить и жалкую лачужку, доживающую свой вѣкъ.

Въ библіотекѣ Залускихъ поразилъ автора безпорядокъ, вызванный тѣснотою помѣщенія и громадною массою книгъ, которыхъ, послѣ продажи 100,000 дублетовъ, останется еще 300,000. Много книгъ помѣщено даже на чердакѣ, куда заходятъ, вѣроятно, только одни мыши да кошки. Способъ каталогизаціи и распределенія книгъ Бистеръ не находитъ удобный. Книги раздѣлялись по языкамъ, такъ что сочиненія одинакового содержанія находились далеко одно отъ другаго.

Бистеръ отиѣчается съ особеннымъ удареніемъ то, что онъ нашелъ въ Варшавѣ такую опрятность, „какую можно встрѣтить только въ самыхъ западныхъ городахъ цивилизованной Европы. Да и какъ же

часть сихъ, отд. 2.

7

могло бы быть иначе у народа, котораго знаменитые представители образовываются такъ, какъ этого не бываетъ у другихъ народовъ. Чтд теперь есть худого, то скоро пройдетъ, лишь только возвратится странѣ спокойствіе, и прекратятся интриги". Много ожидаетъ путешественникъ отъ освобожденія крестьянъ: „Потребность этой реформы уже сознана, и во многихъ мѣстахъ свобода уже дана" Бистеръ не видить въ Польшѣ и отсутствія вѣротерпимости.

Весьма интересенъ отзывъ Бистера о Коперникѣ, котораго онъ откровенно называетъ Полякомъ. О немъ говорить онъ при описаніи Торуня (Торнъ, по принятому у насъ пѣмецкому названію), но это описание польскій издатель выпустилъ и привелъ только мѣсто о Копернике, которое и мы считаемъ не лишнимъ здѣсь воспроизвести: „Въ старомъ городѣ", говорить путешественникъ, — „на углу Пекарской улицы, еще стоитъ домъ, въ которомъ родился 19-го января (sic) 1472 г. Николай Коперникъ; сохранилась еще и комната его. Теперешній владѣтель дома возвысилъ счастливую мысль поставить глобусъ на колодезѣ, стоящемъ вблизи дома. Портретъ Коперника находится въ библіотекѣ. Носъ длинный, быстрые глаза, лицо чисто польское. Это обстоятельство и его фамилія, которая, вѣроятно, звучала Цеперникъ или что-то въ этомъ родѣ, подтверждаютъ преданіе, что его отецъ былъ польскій крестьянинъ, то-есть, рабъ, а потому и онъ долженъ былъ бы быть тоже рабомъ, но выѣсто этого онъ сдѣлался философомъ, врачомъ, математикомъ и астрономомъ, благодѣтелемъ и свѣтоточью современниковъ и потомковъ..."

Путешествуя по Польшѣ на перекладныхъ, Бистеръ, къ нашему удивленію, остался доволенъ даже польскими дорогами и почтовыми порядками: „Въ Польшѣ путешественцы па почтовыхъ довольно хорошо. Число лошадей, сколько слѣдуетъ запрячь подъ экипажъ, определено, и оно довольно значительно. Прислуга на станціяхъ весьма проворна. Имѣщики не хитры и не зловѣси,ѣдутъ съ осторожностью и вмѣстѣ съ тѣмъ быстро, чтд, какъ вы знаете, можно сказать пе о всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Лошади легкой и проворной породы, бѣгутъ быстро по пепокимъ мѣстамъ. Иногда можно встрѣтить лошадей украинскихъ и татарскихъ весьма горячихъ. Плата та же, чтд и въ Пруссіи, по 8-ми грошей съ мили и лошади, хотя 4 польскія мили соотвѣтствуютъ 3-мъ пѣмецкимъ" Для извѣжанія недоразумѣній на станціяхъ путешественникъ запасся чѣмъ-то въ родѣ подорожной, приказомъ изъ королевской дирекціи почты, снабженными печатью. „Но къ чести Поляковъ", говорить Бистеръ, — я долженъ

сказать, что иамъ ни разу не приходилось имъ пользоваться. Въ Польшѣ и днемъ, и ночью можно ѿхать безопасно. Одинъ человѣкъ везетъ нѣсколько сотъ тысячъ червонцевъ, даже за границей польскимъ кучерамъ довѣряютъ громадныя суммы, и никто не слыхалъ, чтобы ихъ обокрали..."

Другой путешественникъ почти одновременно съ Бистеромъ посѣтившій Польшу, Каушъ¹⁾ жалуется на недостатокъ удобствъ въ польскихъ постоялыхъ дворахъ, но о качествѣ дорогъ ничего не говоритъ. Жалобы почти тѣ же, какія мы уже видѣли у Бернулли. О кроватяхъ печего и думать,—хорошо если найдется солома; иногда путешественнику приходилось почевать на сыромъ сѣнѣ. Точно также невозможно найти ничего для ѿды даже хлѣба, и только изрѣдка пиво. Поэтому-то Поляки, путешествуя, берутъ съ собою и постель, и человѣка, который сумѣлъ бы приготовить кушанье. Весьма важны извѣстія Кауша о крестьянской жизни, и подробности о мужскомъ и женскомъ платьѣ. „Объ одѣждѣ трехлѣтнихъ и четырехлѣтнихъ дѣтей нечего и говорить", прибавляетъ путешественникъ, — „они по большей части бѣгаютъ даже безъ рубашекъ. Ужъ изъ этого ясно видна бѣдность этихъ людей, чтѣ, впрочемъ, подтверждается на каждомъ шагу... Для дѣтей нѣть у нихъ кроватей или хотя чего-нибудь похожаго на кровать!. Но какъ ужасно спать эти бѣдные крестьяне—на печѣ, на старомъ сѣнѣ, отецъ и мать, братъ и сестра!"

Подробно останавливается Каушъ на описаніи Кракова. Его поражаетъ разводный мостъ въ Краковѣ, и онъ высказываетъ мысль, какъ замѣнить его. Въ этомъ городѣ до 72-хъ церквей; „чтѣ бы Краковъ потерялъ, еслибы имѣлъ десятью церквами менѣше, а на ихъ мѣсто мосты, которые могли бы служить памятниками хорошаго вкуса". Описавъ все, чтѣ ему показалось хорошимъ, путешественникъ прибавляетъ: „Если ко всему этому прибавимъ мысленно множество церквей и часовенъ, да кроиѣ того, если сказать, что многія изъ нихъ обращаются на себя вниманіе иностранца то своими башнями, то высотою, то фронтопами, то наконецъ, какою-нибудь иною частнотою,— мы должны будемъ удивляться, что изъ сосѣднихъ провинцій не сѣѣзжается сюда болѣе любопытныхъ туристовъ". Много находить Каушъ въ Краковѣ такого, за чтѣ считать возможнымъ и не похвалить этотъ городъ. Ему не нравятся деревянныя водосточные трубы; политція напрасно позволяетъ почти въ каждомъ мѣщанскомъ домѣ

¹⁾ Nachrichten fiber Polen. Graz, 1793.

продавать пиво—она должна бы позаботиться объ уменьшении пьянства. Точно также неприятно поразило путешественника выпрашивание подаянія, соединенное съ пѣніемъ. Духованство не сдѣлало еще прогресса въ церковной полиції, какъ это можно судить по „безакусной толкотнѣ въ большей части церквей, а также по назойливому окрапливанію святою водой“. Поэтому путешественникъ склоняется всі-кому иностранцу, желающему сохранить сухимъ свое платье, не заходить въ церковь св. Маріи.

Каушъ приводитъ любопытную выписку изъ путешествія инженера Гаммarda о нѣмецкихъ ремесленникахъ въ Польшѣ. Гаммardъ укоряетъ ихъ въ томъ, что они чрезвычайно скоро проживаютъ всѣ свои заработки и сбереженія; а между тѣмъ всѣ они, приходя въ Польшу бѣдняками, имѣютъ случай разбогатѣть здѣсь очень скоро. „Нигдѣ я не видѣлъ столько невѣжливости рядомъ съ обманомъ, какъ у моихъ соотечественниковъ этого класса въ Польшѣ и Россіи. Слѣдствіемъ этого является худое мнѣніе, цодозрительность обоихъ народовъ къ Нѣмцамъ, которыхъ обыкновенно здѣсь называютъ прозвищемъ—Нѣмецъ-грубянъ, относя еще это название ко всему народу. Ни Полякъ, ни Русскій не бываютъ такъ опасны, какъ эти Нѣмцы, по крайней мѣрѣ не такъ дерзки, нахальны. Съ ними скорѣе можно содѣтись, и чтѣ всего удивительнѣе—при томъ маломъ зароботкѣ, какой имъ оставляютъ Нѣмцы, они вообще находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ эти по слѣдніе“

Вотъ тѣ малоизвѣстныи путешествія по Польшѣ, которыя, благодаря профессору Лиске, сдѣлались достояніемъ большаго круга читателей. Мы думаемъ, что они не безынтересны и для русской исторіографіи, тѣмъ болѣе, что содержать въ себѣ нѣкоторыя не лишенныя цѣнны свѣдѣнія и о русскихъ областяхъ.

С. Пташиницкій

КРИТИЧЕСКИЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЯ ЗАМѢТКИ.

Замѣтки о Словенскомъ языке XV и XVI вв.

Зарожденіе литературы у Словенцевъ. Примусъ Труберъ. Исслѣдованіе Аркадія Соколова. Кіевъ. 1878.

Предъ нами сочиненіе, которое, какъ видно изъ его заглавія имѣть задачею разыяснить интересный вопросъ въ исторіи славянскихъ литературъ—зарожденіе словенской литературы. Вопросъ этотъ на столь специальную точку (то-есть, чтобы быть предметомъ отдѣльного изслѣдованія) до сего времени не былъ ставимъ ни однинъ ученымъ и изъ природныхъ Словенцевъ, даже и бессмертнымъ въ словенской литературѣ Конитаромъ, которому удалось начертать исто-рико-филологический очеркъ словенской литературы со времени Трубера до своего времени. Послѣ Конитара, изслѣдованія о словенской литературѣ писали Дайнко (1824 г.), Метелько (1825 г.), Мурко (1843 г.), Янежичъ (1851 и 1854 г.), Клунъ и др. Эти словенскіе ученые, равно какъ и слависты другихъ странъ—И. И. Срезневскій, П. И. Шафарикъ, Фр. Миклошичъ и И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, много расчистили путь, на которомъ нашему автору не могло представиться особенностей затрудненій. Г. Соколову предварительно слѣдовало добро-совѣтно проптудировать то, что сдѣлано до него по исторіи словен-скаго языка и литературы. Но къ сожалѣнію, онъ не сдѣдалъ этого, хотя у него и встрѣчаются ссылки на главнѣйшія изслѣдованія по интересующему его вопросу. Оттого трудъ его страдаетъ отсутствиемъ яснаго и опредѣленнаго плана; такъ, напримѣръ, въ VI-й главѣ, гдѣ говорится о дѣятельности Трубера съ 1562 г., г. Соколовъ замѣчаетъ, что „ближайшимъ дѣломъ, на которое, лишь только буря стихла (то-

есть, стараніе Люблянскаго епископа Петра Себаха подвергнуть Трубера преслѣдованию), Труберъ обратилъ свое вниманіе и свои заботы—была школа, пришедшая было снова въ сильный упадокъ" (стр. 63). Употребленное тутъ слово „снова“ даетъ право думать, что школа уже разъ падала. При этомъ же словѣ авторъ дѣлаетъ ссылку на начало V-й главы. Обращаемся туда, на стр. 55, и ничего объ упадкѣ школы не находимъ: здѣсь авторъ говоритъ о возникновеніи двухъ школъ въ Люблянѣ, благодаря распространившейся въ Крайнѣ реформаціи; но когда произошелъ упадокъ этихъ школъ, и что было главною причиной этого упадка авторъ не объясняетъ.

Приступаемъ къ разбору изслѣдованія г. Соколова. Трудъ его состоитъ изъ семи главъ, и сверхъ того, приложенія, въ которомъ помещено четыре главы (отъ 14-й по 18-ю) изъ Евангелия Иоанна по изданію 1557 г., сдѣланному Труберомъ.

Въ I-й главѣ (стр. 1—10) изложена литература вопроса, а во II-й (стр. 11—17) разказана біографія Трубера. Затѣмъ въ III-й (стр. 17—27) изображенъ первый періодъ литературной дѣятельности Трубера. Здѣсь говорится о трехъ книгахъ, изданныхъ имъ. Чрезвычайно странно, что авторъ не счелъ нужнымъ, ради точности изложенія, опредѣлить, хоть гадательно, время продолжительности этого періода. Сказать, что первый литературный опытъ Трубера „катехизисъ“ появился въ 1548 или 1550 г. (стр. 26), что и составило начало первого періода, авторъ не объясняетъ, гдѣ конецъ этому періоду. Впрочемъ, быть можетъ, авторъ полагаетъ ограничить его 1550 годомъ. Сдѣлать подобное предположеніе мы имѣемъ право, вовсеыхъ, потому, что всю третью главу авторъ посвящаетъ этому первому періоду, остававшись между тѣмъ на 1550 годѣ. Значить, этимъ годомъ и заканчивается первый періодъ; вовторыхъ, такъ можно думать по начальнымъ словамъ слѣдующей IV-й главы: „Послѣ изданія названныхъ трехъ сочиненій Труберъ цѣлия пять лѣть (1550—5) ни чѣмъ не заявляетъ о себѣ“ (стр. 27)¹⁾; то-есть, насталъ новый періодъ бездѣятельности въ литературной жизни Трубера. Логическихъ основаній для такого обозначенія продолжительности этого первого періода мы не видимъ. Авторъ долженъ прежде доказать, что дѣйствительно, „послѣ изданія трехъ сочиненій (перваго періода), Труберъ цѣлия пять лѣть (1550—1555)

¹⁾ Означеніе некоторыхъ словъ разрядкою въ приводимыхъ выдержкахъ изъ изслѣдованія г. Соколова принадлежитъ намъ.

ничімъ не заявляетъ о себѣ", что иѣть за это время ни одного нотаго труда Трубера. Но утверждать это авторъ не имѣеть основанія. И въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ представляеть слѣдующее заявленіе автора: "Вѣроятно, что большія издержки, которыхъ стоило ему изданіе, били ему не подъ силу, и поэтому онъ принужденъ былъ на время пріостановить свою дѣятельность. Зная характеръ Трубера, зналъ его постоянную заботу о томъ, чтобы въ чѣмъ-нибудь не уклониться въ своихъ переводахъ отъ оригинала и не подать, такимъ образомъ, поводъ къ различнымъ нареканіямъ и обвиненіямъ; зная, наконецъ, какъ мало Труберъ и впослѣдствіи, уже набивши себѣ руку въ переводахъ, допѣрѣлъ своимъ личнымъ силамъ; возможно также допустить, что онъ ждалъ отзывовъ о первыхъ своихъ произведеніяхъ, прежде чѣмъ продолжать печатать, хотя приверженцы новаго ученія въ Крайнѣ и требовали отъ него настоятельно постиллу на словенскомъ языкѣ?" Чыхъ же отзывовъ ждалъ Труберъ, когда самъ онъ былъ первымъ нововводителемъ словенскаго письма, когда приверженцы новаго ученія требовали отъ него постиллу на словенскомъ языкѣ?

IV-я глава посвящена новому (какъ полагаетъ г. Соколовъ) періоду въ литературной дѣятельности Трубера. Основаніе для принятія этого періода авторъ находитъ единственно въ томъ, что Труберъ дѣствуетъ въ это время въ сообществѣ съ Италіапцемъ Петромъ-Павломъ Вергеріемъ. Авторъ сообщаетъ здѣсь свѣдѣнія о семъ послѣднемъ по Шпурреру; сообщаетъ затѣмъ, какъ онъ сошелся съ Труберомъ и побудилъ его продолжать свои переводы. По приказанію, какъ выражается самъ Труберъ (стр. 31), Вергерія, Тонъ перевелъ въ 1555 г.: 1) Евангеліе отъ Матея, 2) маленький азбуковникъ и 3) краткій катехизисъ. Авторъ дѣлаетъ чисто виѣшнее описание этихъ книгъ и приводить цѣликомъ вѣмецкое предисловіе къ словенскому катехизису. При этомъ онъ замѣчаетъ, что сохранилось иѣсколько экземпляровъ этого катехизиса безъ вѣмецкаго предисловія: одинъ находится въ Вѣнской придворной бібліотекѣ, а о второмъ упомянуто въ Catalogue des livres anciens (Paris, 1874). Г. Соколовъ представляетъ также и объясненія, какъ могло случиться, что одни экземпляры съ вѣмецкимъ предисловіемъ, другіе безъ такового: "Вѣроятно", пишетъ онъ (стр. 43, примѣчаніе), — "экземпляры съ вѣмецкимъ предисловіемъ предназначались лишь для тѣхъ странъ, въ которыхъ былъ распространенъ и вѣмецкій языкъ; въ чисто же словенскихъ краяхъ распространялись экземпляры безъ вѣмецкаго предисловія". Не распространя-

няясь о томъ, что это замѣчаніе поимѣщено вовсе не у мѣста, обращаемся къ стр. 41 изслѣдованія г. Соколова и здѣсь находимъ объясненіе самого Трубера, почему къ книгѣ на словенскомъ языкѣ онъ предполагалъ такое длинное предисловіе на немецкомъ языкѣ. Причины тому были слѣдующія: 1) чтобы цензоры книгу (*„Visitatores über die Buchdruckerei“*) могли во-очію убѣдиться, что въ труберовскихъ книгахъ не было ничего противнаго Св. Писанію; 2) чтобы показать Нѣмцамъ, въ какомъ бѣдственномъ политическомъ и нравственномъ положеніи находятся южно-славянскія племена, тѣмъ вызвать состраданіе къ нимъ среди Нѣмцевъ и найти поддержку въ предприятіи дѣлѣ — *„wie das allbereit von siener Namhaftigen, Gottseligen Teutschen schon bewisen worden“*; 3) чтобы показать, что ни Вергелий, ни Труберъ не жалѣли ни труда, ни денегъ для того, чтобы Біблія была вѣрно и понятно переведена на словенскій и хорватскій языки; 4) чтобы обратить вниманіе на то обстоятельство, что существует уже хорватскій переводъ Бібліи" и пр.

Опуская все прочее, укажемъ на заключительныя слова этого предисловія, гдѣ Труберъ увѣщиваетъ не слушать тѣхъ людей, которые учатъ, что „простой человѣкъ и мірянинъ не должны знать Св. Писанія и читать его"; да прибавимъ замѣчаніе Трубера въ томъ же предисловіи, что его переводъ послужитъ большими подспорьемъ для молодыхъ священниковъ.

Если, положимъ, на основаніи первой и второй причины еще можно дѣлать предложенный г. Соколовымъ выводъ, то третья, четвертая и остальныя говорятъ противъ такого вывода: по первымъ двумъ причинамъ, намъ кажется, можно заключать, что переводчикъ желалъ оправдать свое дѣло — переводъ книгу Св. Писанія на словенскій языкъ, какъ нѣчто непротивозаконное; а по остальнымъ — что этотъ-то самый переводъ и былъ предназначенъ для Словенцевъ. Особенно слѣдующія слова въ четвертой причинѣ: „гдѣ и у кого можно найти вышесупомянутую хорватскую Біблію, иѣкоторые изъ васъ знаютъ", — свидѣтельствуютъ довольно ясно, что подъ „васъ" слѣдуетъ понимать соотечественниковъ Трубера, Словенцевъ, для которыхъ онъ предпринялъ переводъ книгу Св. Писанія. Г. Соколовъ совершенно напрасно замѣчаетъ въ подстрочномъ примѣчаніи по поводу этихъ словъ, что „это выраженіе что-то странно и не вижется съ тѣмъ, что Труберъ выше сказалъ о хорватской Бібліи и ея (минимумъ) переводчикѣ" Выше же (стр. 30—31) Труберъ замѣтилъ обѣ этой хорватской Бібліи, что неизвѣстный по имени Хорватъ, узнавъ о намѣреніи Трубера

и Вернерія перенести Библію на хорватскій языкъ, предпринялъ это путешествіе къ нинѣ единственно съ тою цѣлью, чтобы убѣдить ихъ въ томъ, что предполагаемый ими трудъ уже совершенъ имъ. Онъ сообщилъ имъ при этомъ случаѣ, что началъ свой переводъ въ 1547 году, а окончилъ его въ 1554 году, прибавивъ еще къ тому, что имъ не нужно тратиться по напрасну, что онъ-де знаетъ мѣсто и случай, гдѣ и когда можно напечатать его переводъ безъ всякихъ для нихъ издержекъ,—и затѣмъ скрылся въ Далмацию. Труберъ не могъ затѣмъ уже отыскать его. Труберъ при этомъ высказалъ догадку, что это, вѣроятно, есть Библія *des altene Crobatischen Grauen Bernhardin... von der ich vor 36 Jahren* (то-есть, въ 1521 г.)... oft habe gehört (стр. 41 и 31, подстрочное примѣчаніе). Труберъ употребилъ выражение: „нѣкоторые изъ васъ знаютъ Библію (Бернгардину)“, основываясь па томъ незатѣмъ предположеніи, что нельзя допустить, чтобы нѣкоторые изъ его соотечественниковъ-Словенцевъ, при близкихъ сношеніяхъ съ сосѣдами-Хорватами, не могли узнать о существованіи Бернгардиновой Библіи; онъ могъ не знать еи, хотя предполагалъ, что нѣкоторые изъ его соотечественниковъ анаютъ. Невозможно же было ему спрашивать встрѣчнаго и поперечнаго о ней.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что этотъ *Новый Завѣтъ* на словенскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ предисловіемъ писанъ для Словенцевъ. Правда, и г. Соколовъ—того же мнѣнія; по ему желательно ограничить употребленіе этой книги известнымъ уголкомъ, именно—въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ былъ распространенъ и нѣмецкій языкъ (стр. 43, списка 1). Неужели авторъ вполнѣ увѣренъ, что въ тѣхъ чисто-словенскихъ краяхъ, въ коихъ не былъ силенъ нѣмецкій элементъ (что сомнительно), хотя впрочемъ было нѣмецкое управление, это послѣднее не обратило бы вниманія на введеніе новыхъ богослужебныхъ словенскихъ книгъ. Не будетъ ли основательнѣе, напротивъ того, предполагать, что сохранившіеся экземпляры словенскіе, безъ нѣмецкаго предисловія, не того же изданія, чтѣ экземпляры съ нѣмецкимъ предисловіемъ. Усердный труженикъ могъ упустить изъ виду этотъ важный фактъ.. Дѣйствительно, г. Соколовъ, упоминая о существованіи въ Вѣнской библіотекѣ экземпляровъ словенской Библіи безъ нѣмецкаго предисловія, не счелъ нужнымъ сдѣлать болѣе обстоятельное описание еи, или по крайней мѣрѣ, сказать о годѣ изданія еи, если онъ сохранился, а если не сохранился—отмѣтить: нѣтъ года. Ничего подобнаго у г. Соколова не находимъ (стр. 43, подстрочн. прим.).

V-я глава (стр. 54—62) посвящена дѣятельности Трубера при болѣе благопріятныхъ для него обстоятельствахъ. Труберу удалось сойдти въ одной мысли съ знаменитымъ словенскимъ патріотомъ барономъ Гансомъ Унгнацомъ, который открылъ у себя въ Урахѣ славянскую типографію и успѣлъ найти вліятельного покровителя важному дѣлу въ лицѣ наследника австрійскаго престола, короля Максимилиана. Дѣятельность типографіи была обращена исключительно на печатаніе книгъ духовнаго содержанія на словенскомъ и хорватскомъ языкахъ: „катехисмусъ“ (на хорватскомъ языѣ) и вѣ- сколько другихъ.

Въ VI-й главѣ авторъ перечисляетъ труды Трубера съ 1562—1586 г. Тутъ нѣтъ не только характеристики этихъ памятниковъ, но даже и простаго ихъ описанія. Сообщены только кой-какія біографическія свѣдѣнія о самомъ Труберѣ.

Послѣдняя—VII-я глава посвящена разбору языка переводовъ Трубера. Мы совершенно далеки отъ пристрастія и однако должны сказать, что филологическая работа г. Соколова очень слаба. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли въ ученомъ изслѣдованіи, имѣющемъ свою задачу разсмотрѣть именно зарожденіе извѣстной литературы, такъ легко относиться къ филологической сторонѣ этого вопроса, какъ это сдѣлалъ г. Соколовъ? Вотъ вкратцѣ содержаніе этой главы. Уже въ самомъ началѣ ея авторъ заявляетъ: „Намъ остается сказать вѣ- сколько словъ о правописаніи и о языкѣ Труберова перевода. Недо- статки его правописанія разсмотрѣны подробно Копитаромъ (Gram., rag. XXXIV), — поэтому мы можемъ удовольствоваться краткою пе- редакціей того, что уже сказано знаменитымъ Словинцемъ“ (стр. 67). То-есть, другими словами: г. Соколовъ отказывается отъ самостоятельной работы. Но впрочемъ, и самъ Копитаръ долго не останавливается на этомъ вопросѣ. Г. Соколовъ въ этомъ случаѣ вполнѣ слѣдуетъ своему образцу: Копитаръ не говоритъ о выраженіи боль- шаго юса (ж.) въ правописаніи Трубера, и г. Соколовъ молчить, между тѣмъ какъ недостатка въ примѣрахъ нѣтъ, чтѣ и увидимъ ниже. За то г. Соколовъ, кажется, считаетъ самостоятельнымъ свое изслѣдованіе о языкѣ Труберова перевода. Но на самомъ дѣлѣ и тутъ мы не находимъ ничего самостоятельного. Признавъ достоин- ство Труберова перевода изъ отрицательного начала, именно — изъ того, что рецензентъ Трубера (назначенный Максимилианомъ) призналъ его переводы непонятными для Поляковъ, Чеховъ, Мораванъ и Русскихъ, а понятными только для Словинцевъ—запачитъ: словен-

скій переводъ Трубера вполнѣ хороши, — г. Соколовъ, согласно съ тѣмъ же рецензентомъ, признаетъ, что въ языке Трубера много германизмовъ. На вопросъ о германизмахъ авторъ останавливается; онъ перечисляетъ отдельные слова, заимствованныя изъ языка нѣмецкаго; указываетъ слѣды нѣмецкаго влиянія въ синтаксисѣ, и наконецъ, совершенно справедливо снимаетъ съ Трубера вину внесенія въ словенскій языкъ германизмовъ. Сохранившійся одинъ словенскій памятникъ XV в. *confessio generalis* — (форма исповѣди), изданный Ф. Миклошичемъ во II-мъ томѣ *Slavische Bibliothek*, 1858 г., стр. 170—172, ясно доказываетъ вѣрность мнѣнія г. Соколова. Жаль только, что нашъ авторъ не постарался определить отношеніе правописанія и языка этого памятника къ правописанію и языку Труберова перевода. Тогда данная, заимствованная изъ этого памятника, имѣла бы большую устойчивость. Но онъ этого не сдѣлалъ и свои данные заимствовалъ совершенно случайно. Ему слѣдовало, скажемъ рѣшительно, изучить этотъ памятникъ съ толко цѣлью, чтобы доказать, что онъ не словенскій, или по крайней мѣрѣ, не XV, а XVI в. Для какой цѣли это было бы необходимо — увидимъ ниже.

Ужъ одно поверхностное сравненіе языка этого памятника съ языкомъ Труберова перевода ясно указываетъ, что онъ писанъ Словиницемъ; равно и авторитетъ Миклошича, который отнесъ этотъ памятникъ къ XV вѣку, едва ли можно поколебать.

Приведемъ нѣкоторыя особенности сперва этого памятника (XV в.), а затѣмъ языка Труберова перевода (второй половины XVI в.).

I. Особенности языка *Confessio*:

а выражается черезъ *a*: *dalsan* = длѣжнъ, *ogardyl* = грѣдити сѧ и др.

ь—черезъ *a*: *karst*=крѣсть, *zarcza*=сырьца, *omarzity*=омрѣзти, *czastill*=чѣстити и др.; во также и—черезъ *e*: *czestyena*, *czestyta*.

a—черезъ *e*: *swetega krysse*

и—ы—черезъ *e*—*y*: *s meymi*, *s chudeymi*=худы(и)ми.

e въ *ge*=же, въ соединеніи съ другими словами отпадаетъ: *kug*, *kadar*, *kygar*, *kakur* и др.

o—черезъ *u* (*y*): *gospudi*, *od buga*, *zapuwidy volnw* = вольно (добровольно), *nykulys*=николи, *taku*, *kakur*=какоже, *pokiro*=покорѣ, *moye tellu* (=о) и др. Въ то же время иногда одно и то же слово пишется то съ *o*, то съ *u*: *buga* и *boga*. Слѣдуетъ еще отмѣтить употребленіе *i* вм. *u*: *dalsain* *dain* *nassymi* *gospudi* (*y*) (нѣсколько разъ).

ъ = ey — ei deylam, odpoveydall, greichy, veytschny, vzeym, teym и друг.

ѣ и ѹ—черезъ о: moyo pokuro=мою покоря, moyo gosposczino=мою (госпошти)я, desetino, moyo wugo duscho ogardyll, wsygamo-goziga, prosto diuiczo Mario, body=блда, glagogicze=глашатъ и др.

— черезъ а: moya mat=моя (kyr ye moyga otsche, moya mat.... neysm nykuly taku czastill).

— черезъ ѿ: chudu willu.

ѳ—черезъ е: se=сѣ, priell=приятъ, swetikow, swetnikow = сѣыхъ, czestu=часто, presegayem=присѣши и др.

іѣ — черезъ ус: uczykom.

і=г, а не h: binga, tyga, glagogicze и др.

к въ предлогѣ къ еще удерживается, а не переходитъ въ h: k nam. Не знаемъ, какъ понимать форму — greichichy (грѣшникъ или грѣхъ?): ynw me ratsy naprid pred greichy owarowaty, ynw my ratsy po zym sywoty ta veytschny lebn daty, ynw ye oblublo ze naprid pred greichichy owarowaty.

— Имѣемъ одинъ примѣръ невиддержанности двойственного числа: obrny ty myloatiwe occzy.

Отъ слова отъцъ имѣемъ родит. пад.: kyr ye moyga otsche.... meyga dwchwniga otzo.... neysm nykuly taku czastill. Тѣло имѣеть въ род. пад. telessa.

Господь = gospud, род. п. — dy, дат. — di.

Азъ (и) = я, вмѣсто вынѣ употребляемаго и Труберова jest.

Imperativ. вспомог. глаг. — body (другія формы не встрѣчаются).

Infin. — tv: ogardity, onarzity, greyssity, daty и др.

Прош. сложное: sam prelomil, sam oblubil, sam slussil, sam prissall, neyssam prasmowall и др.

Дѣплич.: placzecz.

Прилѣровъ употребленія предлога per вм. pri не находится. Въ языке этого памятника довольно немецкихъ словъ: hofarti (вмѣсто Hofamt) = служение, служба (при дворѣ), willu = Willen, pridigwyocz, z mallo andochtyo, farmaystra, leben, martre = die Marter — мука, мученіе и др.

II. Особенности языка Трубера.

ѣ замѣняется черезъ a: preganeli = прогнавали, sa (Ioan. XVI у Сокол.) = съ и др. Но есть примѣры, гдѣ є вовсе не выражается: kjordanu (Math. III у Корит. стр. 407), kmeni (ib.), vnuim (Ioan. XIV—Сок.), quom (XV ib.), kuiim (XVI ib.).

t — черезъ *e*: dershali = держати, sercze = срьдце.

a = *c*: Zhes = часъ (Math. III. K.), ned (= надъ) nim (ib.), reslomi (Luc. XXIV. Kib. стр. 414).

e = *i* въ суф. ецъ: mertuiz (Luc. VII. K.).

e въ *te* = же, въ соединеніи съ другими словами — какъ: ker, kdor, kat и т. п. отпадаетъ. Это одна изъ особенностей хорутанско-словенского языка, которую отмѣчаетъ и Миклошичъ¹⁾. Вотъ примеры, заимствованные изъ Трубера:

kar, kir (Ioan. XIV. C.), koker (XV. C.) nishter (ib.) и др. Но какъ архаизмъ удерживалось еще — ushe = уже (Ioan., XIV. C. XV, XVI и XVII (ib.), niszhe (XVI и XVII. C.) she = же (XVI, C.); безъ *e*: temuzh(e) = томоуже (XV и XVI. C.).

o = *e*: prerok (Luc. VII. K.), vstanito = te (Ioan. XIV. C.) и др.

o = *i*: Sorote = сироты (единич. примѣръ).

o = *u(y)*: zapuidi (Ioan. XIV.C.), murie (постоянно), ne bui (ib.) = ne boi, puidimo (ib.), gouril, odpustite taku bode vom odpruszhenu. Daite, taku bode vom danu (Luc. VI. K.), kadar ie pag ueliku ludi bilu ukupe prishlu (ib. VIII. K.) и др. Г. Соколовъ категорически утверждаетъ, что *o* и *u* постоянно чередуются между собою (стр. 67) и видить въ этомъ неточность правописанія Трубера. Не вѣрнѣе ли будетъ объяснять это явленіе такъ-называемымъ замѣнительнымъ растяженіемъ; явленія подобнаго рода въ резьянскихъ говорахъ указаны въ изслѣдованіи г. Бодуэна-де-Куртене: „Опыт фонетики резянскихъ говоровъ“, стр. 84—85. Очень вѣроятно, что въ языке Трубера сказалось влияніе хорутанско-словенскихъ говоровъ. Рѣшить это должны специалисты, посвятившій себя добросовѣстному изученію хорутанско-словенского языка.

u въ концѣ слова отпадаетъ: iest grem htim(u) ozhetu (Ioan. XIV C.).

u стоять вмѣсто *e*: po useh (Luc. XVII. K.).

n = *ei*: poueidal (Ioan. XIV. C.), meistu, veiste, ne veimo (ib.), veiditi и др.

n = *i*: inu koku moremo mi ta pot veiditi (вѣдѣти) (Ioan. XIV. C.), suita (ib. XV, XVII), zhliouik (Luc. X. K.).

Но въ то же время: veruiete, veruite, veruiesch, delal ta dela, besseda (Ioan. XV. C.).

h = *o*: mosh = мѣжъ (Luc. XXIV. K.), na potu = на пѣти (ib.), ta pot veiste (Ioan. XIV. C.), bodite milostiui (Luc. VI. K.), kai ste

¹⁾ Miklosich, Vergleich. Grammatik, B. I. стр. 227.

se smotili = чьто съмѣщени юсте (Остр. Ев.), pogledaite muhi rok (Luc. К. стр. 415), odsod = отъсѣдоу, то oblast (Ioan. XVII. С.), goloba (Math. III. К.) = голѣбіа, doli gredozh (ib.) = грѣдѣща) и др.

и = io: versheio = иѣтъ (Ioan. XV. С.), ne snaio (ib.) и др.

и = e: od sazhetko (Ioan. XV. С.), sueti (XVII. С.), posuezhuiem, ime (ib.) seime (Luc. VIII. К.).

и = i: posuzheni (Ioan. XVII. С.) = посвѣщени.

и = a: zhast (2 р. XXVII. С.) = чмѣсть.

а въ началѣ словъ выпадаетъ: lasni (власъ) (Luc. VII. К.); но въ то же время играетъ и роль придыханія: bode vuzhil (Ioan. XIV. С.).

и = y, а не h: gredozhi (Math. III. К.), gre (Ioan. XV. К.), grehn, tiga, samiga и др.

ж смягчается не въ ц.-слав. жд и не серб. dj, а въ j, какъ и въ нынѣшнемъ хорватскомъ и хорутанско-словенскомъ языкахъ: rojen (zhlovik) (Ioan. XVI. С.), obsoieni = осѣждени (Luc. VI. К.), imiei (Luc. X. К.) = между, naprei (Ioan. XIV. С.) = напрежде, напредъ.

k = h: htebi (Ioan. XVII. С.), htuimu (Luc. VI. К.), hposlushanu = къ послушанію. Миклопичъ замѣчаетъ, что въ современномъ словенскомъ языке k передъ h переходитъ въ h(z) ¹⁾.

¹⁾ Miklosich, Vergleich. Gram. В. 1. стр. 258.

Но слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что у Трубера есть аналогичные съ первыми примѣры, въ которыхъ k не переходитъ въ h: quom (Ioan. XV. С.), knim (ib. XVI), kmneni, kiordanu (Math. III. К.).

k передъ и не переходитъ, подобно старославинскому языку, въ и: okei (= окѣ) (Luc. VI. К. 4 раза).

l въ началѣ словъ играетъ роль придыхательной приставки: vidish ti leto sheno (= ж) (Luc. VII. К. стр. 410), что-то въ родѣ мало, русского h: нету,—leta (ib. и Ioan. XVII. С. нѣсколько разъ), letu (Ioan. XVI и XVII. С.) = си (O. Ев.) = это.

Двойств. число, какъ въ склоненіяхъ, такъ и въ спряженіяхъ употреблялось: ona (dua brata) sta bila rybizha (Math. IV. К.) hodita, sapustita, inu gresta; но встрѣчаются и невѣрности въ употреблении: подлѣ правильного употребленія—ona sta bila rybizha, стоять невѣрное: inu on pravci knim (то-есть, къ Симону-Петру и Андрею) вмѣсто nima.

Слово отъцъ Труберъ склоняетъ такъ: Им. ozha, Род. ozhetъ, Дат. ozhetu, В. не встрѣтили, Зв. ozha, Тв. ozhetom, Мѣстн. ozhetu. Такое склоненіе встрѣчаемъ и у Богорича, составителя первой сло-

венской грамматики; въ его грамматикѣ, въ параграфѣ объ апострофѣ находимъ примѣръ: *s'ozhetom*¹⁾). Очевидно, здѣсь сказалось смѣшеніе склоненій. Такое склоненіе слова отецъ въ то время уже окончательно устанавлилось, и кажется, сохранилось до настоящаго времени: въ „Опытѣ фонетики резьянскихъ говоровъ“ г. Бодуэна-де-Куртенэ, стр. 75, мы находимъ слово *oña*.

Слово *telo* имѣть род. пад. *telessa* (Luc. XXIV. К.).

ухо имѣть двойств. число *ushesa* (ib. VIII. К.).

Господь = *Gospud* имѣть въ род. и вин. оконч. *i*: *lubi tuiga Gospudi Boga* (Luc. X. К.) и др.

путь = *rot* имѣть въ род. и мѣстн. пад. оконч. *u*: *rotu* (Luc. VIII. К.) и *rotu* (мѣстн.) (Luc. XXIV. К.).

Нельзя не отмѣтить уменьшительной формы отъ *hlapez* — (*servus* — слуга) — *Hlapzhizh* (Luc. VII. К.); вѣроятно = польскому *chtopczik*.

Суф. тель = *ez*; *seuez* (Luc. VIII. К.) = святель.

„ *ez* — *uiz*; *merlez* (*merlza*) (Luc. VII. К.), *mertuiz*.

Infinitiv — *ti*: *preprauiti*, *diati* etc.

Формы вспомог. гл.: *bote* — *boste* — *bodte* = бѣдете, — *bom* = *bodem* = бѣдѣ, уцѣлѣвшія до настоящаго времени.

Кромѣ обычнаго окончанія 1-го лица *Praes.* — *am*, у Трубера встрѣчаемъ еще — *io* = *и*: *shiuieio* (*Vi pag bote mene uidili*, *Sakai iest shiuieio*, *inu ui bote shiueli*; *na ta isti dan ui sposnate* (Ioan. C)). Въ грамматикѣ Копитара такой формы уже нѣтъ.

Будущ. сложн.: *bom prossil*, *bode dal* (Ioan. XIV. С.), *ne bode uezh vidil*, *bote uidill*, *bote shiueli* (ib.). Есть форма и для будущаго простаго (I-го): *saponebam* (Fut.) и *saroueim* (*Praes.*²⁾).

Въ аористѣ, въ 3 л. множ. ч. оконч. *шѣ* опущено: *tukai eniga merlza nesso* (Luc. VII. К.) (единич. примѣръ).

Дѣнпріч.—озѣ: *fekozh* (Luc. VII. К.) *gredozh* и др.

Во времія Трубера, въ хорутанско-словенскомъ языке устанавливалось употребленіе предлога *per*, позднѣйшаго образованія, вместо старого *pri*; у Трубера читаемъ: *per nas* (Luc. XXIII. К. стр. 415) и др. Говоримъ устанавливалось, а не устанавливается это употребленіе, имѣя въ виду слѣдующіе примѣры: *periatele* (3 раза), где совѣтно существуютъ старое и позднѣйшее употребленіе этого

¹⁾ *Kopitar, Grammatik slov. Sprache*, стр. 45.

²⁾ Копитаръ въ своей Грамматикѣ не приводитъ. Отмѣтимъ здѣсь формы *Praes.* въ слов. пам. XV в.: *ya ze odrotem*, *uzronet*, но *я — prossio* = прошл.

предлога, а примѣры, въ родѣ — *perpuuidi* (*gouoril*) и др. указываютъ, что въ то время еще не вполнѣ опредѣлилось это явленіе.

Наконецъ, замѣтимъ, что Труберъ—строгій вайкавецъ: *kai ste se smotili* (=чыто...) (Luc. XXIV. K.), *imate li ui tukai kai ieisti?* (ib.) *aku kai bote prossili* (Ioan. XIV. C.), *kai si on gouori* (ib. и XVI), *imam tebi nekai pouedati* (Luc. VII. K. 410).

Въ переводахъ Трубера вѣтъ недостатка въ германизмахъ: *Ne ferdamnate taku ui ne bote ferdamnni* [отъ *verdammnen*] ²⁾ (Luc. VI. K.), *shenkal* (Luc. VII. K.), *Shula*, *Falshla*, *Leben* и др.

Небольшая по своему объему Confessio XV вѣка не дает полного соответствия всемъ особенностямъ, отмѣченнымъ въ языке Труберова перевода. Замѣтимъ также, что мы не задавались цѣлью обстоятельно обследовать языкъ того и другого памятника. Приведемъ однако изъ обоихъ нѣсколько словъ, которые также могутъ нѣсколько уяснить ихъ взаимное отношеніе. Въ основу полагаемъ Confessio.

Отмѣчаемъ сиачала слова, замѣчательныя по своему употреблению
только въ этомъ памятниѣ:

chudicz, въ значеніи ц.-слав. сатана; въ Фрейзингельскихъ статьяхъ еще существуетъ — сотонинъ, отъ сотона; не знаемъ, найдется ли это слово хоть въ одномъ южно-славянскомъ памятнике?

слово худыи, употреблено не въ значеніи *μικρός*, *parvus* (срв. Lex. Miklos), а въ значеніи зълъи; затѣмъ—*swetikow*, *swetikom*, *swetnikow* отъ *swetik* = свѣтлыи.

Но въ то же время большая часть словъ (выключая заимствован-
ных изъ немецкаго), служащихъ по преимуществу выраженiemъ хри-
стіанскихъ понятій и вошедшихъ въ старо-славинскій при содѣйствіи,
главнымъ образомъ, греческаго языка не выдѣляютъ этотъ памят-
никъ изъ ряда другихъ памятниковъ, въ томъ числѣ и Труберова
перевода:

устроит ёюологиа; уже И. И. Срезневский (послѣдн. къ изд. Филологич. наблюдений Востокова) замѣтилъ, что лат. confiteor, confessio не могли быть образцами соответствующихъ славянскихъ словъ; karst=крестъ и kryss (крыжъ) (см. Срезн., ib.);

¹⁾ Приводимъ здесь соответствующее место изъ Лютерова перевода Библии: «Richtet nicht, so werdet ihr auch nicht gerichtet», которое, быть можетъ, послужить свидѣтельствомъ тому, что Труберъ писалъ не подъ вліяніемъ швейцарского пуритана.

oblast, и въ значеніи власти—ή ἐξουσία,—въ Остр. Ев. и у Трубера, (Ioan. XVII. С.);

greich=greh (Труб.)=грѣхъ (срв. Срезн., ib.);

zarcza=(Труб.) serza (Luc. X. II., Ioan. XIV. C.)=срѣдьца=ή καρδία;

nedele (см. Срезн.):

prasn-wall=шортас;

*desetino dall=*срв. десѧтинъ даѩ въ Остр. Ев.

odristak=отпастъкъ у Кирилла Туровскаго (срв. Срезн.);

ratsy=рачити=πέλειν, βούλευθαι;

brittke=бридъкъ (срв. Lex. Miklos.)

Лично, что ит Confessio generalis XV в. много старо-славянщины. Въ изданыхъ отрывкахъ Труберова перевода не отыскалось всѣхъ соотвѣтственныхъ словъ; но въ цѣломъ переводѣ можно, вѣроятно, найти ихъ. Отмѣтили сохранившееся у Трубера употребленіе слова рѣчиюта=истина (срв. Lex. Miklos.), въ формѣ *risnica: sa risnico, sa risnico* (Ioan. XVI. C.)—съ истиной,—*risnizhnu=истинно*—аминъ (*risnizhnu, risnizhnu iest vom poveit* (Ioan. XIV. C.).

На основаніи тѣхъ нѣкоторыхъ соотвѣтствій, приведенныхъ въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ, нельзя не признать, что словенскій языкъ XV (вѣроятно, конца) и половины XVI в. находился почти въ одномъ и томъ же періодѣ развитія.

Если мы имѣемъ памятникъ словенской литературы XV в. (а быть можетъ, ихъ было и больше), то какой смыслъ—спросимъ мы г. Соколова—имѣеть заглавіе его сочиненія: „Зарожденіе литературы у Словинцевъ“ (во второй половинѣ XVI в.)? Вспомнимъ, что именно составляетъ словенскую литературу Труберовой эпохи (XVI в.)? Вѣдь одни переводы Св. Писанія, катихизисы, и только. Но и Confessio generalis—памятникъ такого же рода. И такъ, г. Соколовъ относить зарожденіе словенской литературы ко второй половинѣ XVI в., тогда какъ имѣется на лицо словенскій памятникъ XV в. Поэтому нельзя не выразить удивленія, какъ могъ напѣть авторъ, зная о существованіи словенского памятника XV в., повести свое изслѣдованіе о словенской литературѣ съ XVI в., да еще озаглавить сго: „Зарожденіе литературы у Словинцевъ“ Лично, что это заглавіе не выдерживаетъ критики. Оно было бы вѣрно только въ томъ случаѣ, еслибы авторъ или подорвалъ авторитетъ Миклошича о вѣкѣ памятника Confessio generalis, или доказалъ бы, что онъ не есть словенскій. Но это невозможно.

Поставимъ теперь на очередь вопросъ: сказалъ ли г. Соколовъ хоть что-нибудь новое въ своемъ изслѣдованіи? Незнакомый съ литературовъ вопроса можетъ, пожалуй, указать, что-де г. Соколовъ приводитъ въ подлинникѣ оглавление (на словенскомъ языке) и нѣмецкое предисловіе къ Труберову переводу Нового Завѣта: „Ta pergi deil tiga noviga Testamenta etc., отъ 1557 г.“ (см. стр. 35). Но все это можно найти и у Копитара въ его Грамматикѣ словенскаго языка, где онъ приводитъ оглавление цѣликомъ, а предисловіе въ извлечении. Г. Соколовъ обѣ этомъ умалчиваетъ. Справедливость однако требуетъ замѣтить, что авторъ сдѣлалъ свою колію этого оглавленія и предисловія съ подлинника, а не выписалъ изъ Грамматики Копитара; но почему же онъ не сдѣлалъ тутъ ссылки на Копитара, котораго нерѣдко цитируетъ, и въ изданіи котораго въ добавокъ къ тому существуютъ маленькия отличія? [Кстати; вотъ эти отличія: въ I статьѣ — Nembsko (Сок.) — Nembshko (Коп.), во II — у г. Соколова вставлено слово pargei,—Pushtabe (С.)—puhstabe (К.); въ V — koliku (С.)—kuliku (К.), oli (С.)—ali (К.); въ VII у г. Соколова вставка —tih Jogni]. Притомъ оглавленіе это въ изданіи Копитара имѣетъ большее значеніе, чѣмъ въ изданіи г. Соколова, ибо Копитарь сообщаетъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ интересныя замѣчанія, поясняющія самое оглавленіе. Равнымъ образомъ, незнакомый съ литературовъ вопроса укажетъ, пожалуй, на то достоинство изслѣдованія г. Соколова, что въ приложениі къ нему издано четыре главы Евангелія отъ Иоанна изъ перевода Трубера. Но отрывки Евангелій Матвія и Луки изданы и Копитаромъ въ его Грамматикѣ словенскаго языка. Отрывки у Копитара не представляютъ достаточнаго материала для вполнѣ обстоятельной характеристики языка Труберова перевода; но и четыре главы, изданныя г. Соколовымъ, не много помогаютъ уѣщенню того же вопроса. Нельзя также придавать значенія будто бы самостоятельному изслѣдованію г. Соколова о германизмахъ въ языке Труберова перевода; этого вопроса также касался уже Копитарь, только не въ отдѣльномъ параграфѣ, а въ разныхъ мѣстахъ своей Грамматики¹⁾. Не считая того, что г. Соколовъ снимаетъ съ Трубера вину внесенія въ словенскій языкъ германизмовъ, онъ во всемъ прочемъ повторяетъ Копитара; у него заимствованы г. Соколовымъ замѣтки обѣ употребленій Труберомъ слова

¹⁾ Срв. стр. XXXV введенія къ Грамматикѣ и стр. 399 самой Грамматики.

predgnoog въ женскомъ родѣ¹). Наконецъ, одно перечисление изданій Трубера безъ удовлетворительнаго ихъ описанія нельзя возводить въ достоинство первостепенной важности; о многихъ этихъ изданіяхъ мы также знаемъ ужъ изъ Грамматики Копитара.

Вообще, рассматриваемое изслѣдованіе ничего нового не представляетъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать новостью подробное изложеніе содержанія сочиненія Силлема: *Primus Truber, der Reformator Kraius: Ein Beitrag zur Reformationsgeschichte Oesterreichs von Dr. U. Wilh. Sillem* (Erlangen, 1861). Да и почему г. Соколовъ полагаетъ, что именно это сочиненіе очень мало извѣстно у насъ въ Россіи? (стр. 4).

Затѣмъ замѣтимъ, что въ изслѣдованіи г. Соколова не видно критики источниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли въ ученомъ труде, какимъ напѣ авторъ считаетъ свое сочиненіе, помѣщать критические отзывы слѣдующаго рода: „Кто читалъ это сочиненіе (то-есть, *Ehrc des Herzogthums Crain—Вальвазора*), тотъ знаетъ, какъ осторожно должно относиться къ сообщаемымъ въ немъ свѣдѣніямъ“? А что, если кто не читалъ, или читалъ, да не обратилъ должнаго вниманія? Всякій требуетъ отъ ученаго его собственнаго взгляда; требуется всегда указаніе основаній такого, а не иного взгляда; нужно показать, почему именно нельзя полагаться на него. И вотъ, вслѣдствіе отсутствія критики источниковъ, нашъ авторъ впадаетъ перѣдко въ непростительныи заблужденія. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что королю Максимилиану принадлежитъ почетное мѣсто въ исторіи южно-славянской культуры (стр. 57). Основаніе для такого мнѣнія онъ усматриваетъ только въ томъ одномъ, что Максимилианъ, вслѣдствіе просьбы Унгнада, принялъ роль покровителя и защитника задуманнаго Труберомъ и поддержаннаго Унгнадомъ дѣла перевода Св. Писанія на словенскій и хорватскій языки. Правда, Труберь дѣлаетъ посвященіе одного своего труда Максимилиану. Объ этомъ г. Соколовъ говоритъ въ своемъ изслѣдованіи. Но почему же, спрашивается, онъ не указалъ на дѣятельность Максимилиана, какъ покровителя помянутаго дѣла? Какъ могъ случиться фактъ, сообщаемый самимъ же авторомъ, что 30-го іюля 1562 г. императоръ Фердинандъ II издалъ приказъ арестовать Трубера, Клобнера и другихъ его сотрудниковъ (стр. 62), еслибы дѣйствительно наслѣдникъ престола Максимилианъ былъ ихъ покровителемъ? Самъ же авторъ гово-

¹) Тамъ же, стр. 399.

рить, что „крайнікі сословія заявили свой живѣйшій протестъ противъ этого распоряженія и просили императора отмѣнить его“ (ib.); но мы не видимъ (нашъ авторъ не говоритъ), чтобы Максимилианъ сказалъ хоть словечко за Трубера. А какъ авторъ посмотрѣть на тотъ фактъ, что тотъ же Максимилианъ, будучи уже императоромъ, не заявляетъ никакой милости тѣмъ, кто будто бы пользовался прежде его покровительствомъ? По вступлениія на отцовскій престолъ, онъ передалъ управление Австрійскими землями (въ число коихъ входила и Крайна) своему младшему брату, эрцгерцогу Карлу. Этотъ ревностный католикъ, слѣдя вспущеніямъ враговъ Трубера, сильно поднявшихся вслѣдствіе неосторожности самого Трубера, который ввелъ новый церковный уставъ безъ предварительного на то соглашенія, — издастъ въ 1565 г. новое распоряженіе о томъ, чтобы Труберъ оставилъ Крайну. Труберъ оставляетъ свое отчество, и уже навсегда (стр. 66). И что жѣ при этомъ дѣлаетъ покровитель Трубера, императоръ Максимилианъ? Молчитъ...

Послѣ всего этого намъ кажется чрезвычайно страннымъ упомянутое выше заявленіе о Максимилианѣ, какъ покровителе Трубера, и особенно, что ему „пришадлежить почетное мѣсто въ исторіи южнославянской культуры“.

Подобнымъ образомъ г. Соколовъ, подъ вліяніемъ Труберовой фантазіи, высказываетъ мнѣніе, что „на реформаторскихъ основаніяхъ, положенныхъ Труберомъ, возникло новое, смѣлое, величественное предпринятіе: воззваніе всѣхъ южно-славянскихъ народовъ къ новой жизни“, и затѣмъ продолжаетъ: „Не тысячи смертоносныхъ орудій, а ученіе Христово, проповѣданное на родномъ языке, должно было совершить это священное дѣло; оно должно было не только возродить огрубѣвшія подъ турецкимъ именемъ Славянскія племена, но проникнуть также, при помощи языка, до самаго Царѣграда, просвѣтить прѣтѣшителей, освободить прѣтѣшненныхъ“ (стр. 73—74). Труберъ и сподвижники его — Вергерій, Унгнадъ и герцогъ Виртембергскій мечтали объ этомъ, а г. Соколовъ склоненъ считать и даже, можно сказать, считается совершившимся фактомъ мечту ихъ въ дѣлѣ „воззванія всѣхъ южно-славянскихъ народовъ къ новой жизни“. Но развѣ это вѣрио? Развѣ реформація имѣла вліяніе на угнетаемыхъ Турками православныхъ Сербовъ и Болгаръ? И развѣ не болѣе реформаціи соответствуетъ славянскому духу православію? Затѣмъ, позволительно ли голословно принимать заявленіе самого Трубера, что „онъ не сразу согласился на приглашеніе Краинцевъ перейти, ибо его удерживало

(гдѣ (?) г. Соколовъ не говоритъ) дѣло перевода (чего?) на сербской языке: и часть перевода, и типы (глагольские и кирилловские) были уже готовы; можно было приступить къ печати, и такимъ образомъ къ осуществленію завѣтной мечты—рассѣять иракъ невѣжества, царящій среди южныхъ Славянъ, находящихся подъ турецкимъ игомъ, и распространить свѣтъ христіанства до самаго Царыграда. Съ этой цѣлью предполагалось перевести Св. Писаніе даже на турецкій языкъ" (стр. 58). Всякій видѣть, что Труберъ увлекается и мечтає о дѣлѣ непозможномъ. Извѣстно также, что сербскій переводъ Св. Писанія давно уже существовалъ. И такъ, можно ли, безъ всякой провѣрки, повторять фантазію другаго? Или, быть можетъ, г. Соколовъ не понялъ самого Трубера?.. Во всякомъ случаѣ, что касается дѣла перевода на сербской языкѣ, о которомъ (какъ можно заключать изъ словъ автора) говоритъ самъ Труберъ въ пѣмѣцкомъ посвященіи королю Максимилиану первой книги, отпечатанной на хорватскомъ языкѣ глаголицей — „Катехисмус“, то г. Соколовъ не упоминаетъ о немъ, когда говорить объ этомъ самомъ предисловіи: „Интереснаго въ этомъ предисловіи лишь то, что Труберъ въ немъ говоритъ объ изданіяхъ именемъ недавно въ словинскомъ переводе посланіяхъ апостола Павла къ Коринтошамъ и Галатамъ“ (стр. 59).

Укажемъ еще нѣсколько неточныхъ выражений.

Сказавъ, что Труберъ заканчиваетъ предисловіе на пѣмѣцкомъ языкѣ къ словенскому переводу Нового Завѣта (1557 г.) увѣщавіемъ ие слушать тѣхъ людей, которые учатъ, что „простой человѣкъ и міранинъ не долженъ знать Св. Писанія и читать его“, г. Соколовъ продолжаетъ: „Затѣмъ слѣдуетъ молитва: Господа, просвѣти насъ свѣтомъ Евангелія...“, но на какомъ языкѣ изложена эта молитва, не говоритъ. Даѣве же у г. Соколова сказано: „Подпись. Datum Tübigen am S. Primus v. Felicianus Tag wölcher ist der iunij 1557 etc. За этимъ пѣмѣцкимъ предисловіемъ словинскій переводъ, однако же дословный, только что упомянутой молитвы, безъ подписи (стр. 43). Стало быть, молитва была прежде написана на пѣмѣцкомъ языкѣ?

А вотъ и другой примѣръ неточности выражения г. Соколова: „Между тѣмъ реформація сдѣлала значительные успѣхи въ австрійскихъ коронныхъ земляхъ, а въ самой Крайнѣ распространилась и среди простаго народа“. Эти слова обличаютъ въ нашемъ авторѣ незнаніе съ своимъ предметомъ. Если опѣ говорить, что „въ самой Крайнѣ реформація распространилась и среди простаго народа, то значитъ, въ Австрійскихъ коронныхъ земляхъ она не прошла

въ народъ; но въ какомъ сословіи она обнаружилась, этого авторъ не говоритъ; впрочемъ, легко догадаться, что авторъ разумѣлъ высшее сословіе.

На другія неточности отчасти указано уже выше. Прибавимъ къ этому, что слѣдующія слова въ обращеніи Трубера къ своимъ землякамъ: „Vserquї, Vshuli, Dom'a iuu k'ir ukire prydete...“ (стр. 20), едва ли можно понимать такъ, что Труберъ обращался „къ священникамъ, учителямъ и домовладыкамъ“ (ib.), какъ это сдѣлалъ г. Соколовъ.

Въ заключеніе не можемъ не сказать, что „желаніе (автора) хоть нѣсколько пополнить проблѣлъ (въ разсмотрѣнномъ имъ вопросѣ), побудившее его приняться за составленіе настоящаго очерка, исполнота котораго, а вслѣдствіе того и неудовлетворительность, отчасти извиняются, надѣемся (слова автора), отсутствіемъ трудовъ въ монографій, которая облегчили бы работу“, — исполнилось въ весьма малой степени, тѣмъ болѣе, что въ славистикѣ уже имѣются certaine „труды и монографіи“ по вопросу, занимавшему г. Соколова, и притомъ значительно выше стоящіе, чѣмъ изслѣдованіе нашего автора.

ІІІ. Качановскій.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

L. Vian. *Histoire de Montesquieu, sa vie et ses œuvres d'après les documents nouveaux et inédits.*
(Л. Вианъ. Исторія Монтескье, его жизнь и сочиненія по неподававшемъ доку-
ментамъ).

О Монтескье писано очень много, но до сихъ поръ не было полной его біографіи. Г. Луи Віанъ посвятилъ, какъ говорить онъ, цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ этому труду, прочелъ всѣ французскія и англійскія книги и статьи, въ которыхъ упоминается о знаменитомъ авторѣ Духа законовъ, собралъ неизданныя его письма и, на основаніи этого, слѣдовало бы ожидать, что изъ подъ пера его выйдетъ дѣйствительно иѣчто замѣчательное. Къ сожалѣнію, надежды эти не вполнѣ осуществились. Конечно, читатель найдетъ въ монографіи г. Віана не мало интересныхъ подробностей, но едва ли она удовлетворитъ его. И понятно почему. Жизнь Монтескье не была богата вѣщими событиями, нельзя отыскать въ ней никакихъ особыхъ про-
исшествій: то была жизнь человѣка, всецѣло посвященного своимъ занятіямъ, который хотя и любилъ посвящать общество, но привыкъ высказываться лишь въ тѣсномъ кругу избранныхъ людей; чтобы воз-
создать по сочиненіямъ и письмамъ такого человѣка, а также по от-
зываамъ о немъ современниковъ — нравственную его физіономію, ну-
жно талантъ, талантомъ же отнюдь не отличается г. Віанъ. Книга
его написана какъ-то отрывочно, походитъ скорѣе па блглый очеркъ
и вообще не заставляетъ подозрѣвать, что онъ потратилъ на

нее такъ много времени. Содержится въ ней и не мало странностей. Такъ, напримѣръ, авторъ посвятилъ отдельную главу „предшественникамъ“ Монтескье. Кто же эти предшественники? Будда, Брама, Конфуций, Моисей, Платонъ, Аристотель, Цицеронъ, Полибий, Маккиавели, Локъ, Гуго Гроцій, Боссюэтъ, Фенелонъ — и о всѣхъ нихъ г. Л. Віанъ ухитился сказать на 12 страницахъ! Онъ сообщаетъ намъ, что Монтескье, занимаясь своимъ знаменитымъ сочиненіемъ: „De l'Esprit des lois“, возлагалъ подготовительныя работы на различныхъ лицъ, по ни обѣ одновъ изъ нихъ мы не встрѣчаемъ никакихъ свѣдѣній, иронично потому, что свѣдѣній этихъ и не имѣется, — за то въ главѣ о „сотрудникахъ“ Монтескье опять распространяется о салонахъ г-жъ Дюдефантъ, Тансенъ, д'Егильонъ, говорить о тѣхъ или другихъ его пріятеляхъ и знакомыхъ только на основаніи предположенія, что изъ бессѣдъ съ ними Монтескье могъ почерпнуть многое для своего труда. Къ числу весьма неудачныхъ выходокъ автора принадлежитъ между прочими и слѣдующая: „Еслибы, воскликаетъ онъ, малообразованный человѣкъ спросилъ, почему всѣ изслѣдованія о Римѣ устарѣли (?) , тогда какъ Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains отличается высокимъ интересомъ и теперь, почему, напримѣръ, Римская исторія Моммзена вышла изъ моды (?) , а трудъ Монтескье остается классическимъ, то это потому, что самъ красивый камень со дна Рейна не стоитъ самого вичтовнаго брилліанта“...

Мы не думасиць, однако, отрицать, что въ книгѣ г. Віана съдержится не мало весьма интересныхъ свѣдѣній. Для примѣра укажемъ на ту главу ея, въ которой авторъ говоритъ о гоненіяхъ, воздвигнутыхъ на Esprit des lois Монтескье тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ этого сочиненія. Прежде всего Парижская Сорбонна назначила особую комиссию для разсмотрѣнія его и комиссія эта нашла мѣста въ пять въ высшей степени предосудительными; съ Сорбонной, однако, Монтескье успѣлъ уладить дѣло, благодаря заступничеству архіепископа Парижскаго, но гораздо болѣе важныя затрудненія возникли со стороны Римской конгрегаціи индекса. И тутъ имѣль онъ ревностнаго ходатая въ лицѣ французскаго посла герцога Ниверне, расположившаго въ его пользу одного изъ членовъ конгрегаціи кардинала Пассіонеи, но большинство богослововъ, засѣдавшихъ въ этой комиссіи, не отличалось податливостью. Монтескье расчитывалъ, повидимому, на возможность обмануть ихъ, обнаруживая предъ ними необыкновенную покорность: „таково расположение моего ума и сердца,

писалъ опъ кардиналу Чассіонеи, что каково бы ни было рѣшеніе конгрегаціи, я безропотно преклонюсь предъ ея приговоромъ; если я забочусь о томъ, чтобы мною были довольны въ другихъ странахъ (*dans les autres pays*), то тѣмъ сильнѣе во мнѣ это желаніе относительно Рима по той простой причинѣ, что избѣгаешь оскорбить того, кого любишъ". Монтескье убѣждалъ не постановлять приговора до тѣхъ поръ, пока выйдетъ въ свѣтъ второе ея изданіе, обѣщаю измѣнить въ немъ или исключить тѣ мѣста, которымъ дано было зловѣщее толкованіе (*interprétation sinistre*). „Авторъ, — говорить онъ въ запискѣ, представленной имъ конгрегаціи,— и по рожденію своему и по званію президента одного изъ французскихъ парламентовъ, удостоился и въ Римѣ и вообще въ Италии, при посѣщеніи имъ этой страны,уваженія и дружбы всѣхъ тѣхъ, кто зналъ его лично. Уже потому, какъ кажется, онъ заслуживалъ бы того, чтобы относились къ нему со вниманіемъ, по спѣшили бы опорочить его книгу и пабросить неблаговидную тѣнь на его образъ мыслей, вполнѣ согласный съ самой здравою и чистою религиозною доктриною". Ничто не показываетъ, чтобы конгрегація индекса была тронута просьбами Монтескье, но самъ папа Бенедиктъ XIV, по настоянію французскаго посла, предписалъ не спѣшить приговоромъ. То былъ, однако, не миръ, а перемиріе. Въ 1751 году Монтескье выпустилъ новое изданіе *Esprit des lois* и такъ какъ оказалось, что въ этомъ изданіи не сдѣлано было ровно никакихъ перемѣнъ сравнительно съ прежнимъ, то конгрегація и осудила его книгу 2-го марта 1752 года. Рѣшеніе ея, однако, не было обнародовано, вслѣдствіе чего, до сего времени, многіе писатели, говорившіе о Монтескье, утверждали, будто бы оно никогда и не существовало.

Любопытны замѣтки автора разбираемой нами книги о томъ вліяніи, которое обнаруживали творенія Монтескье на французское общество XVIII вѣка. Самое капигалъпос изъ нихъ, *Esprit des lois*, имѣло при появленіи своеѣ огромный успѣхъ не столько въ отечествѣ знаменитаго писателя, сколько за границею и преимущественно въ Англіи; когда Монтескье впервые познакомилъ съ нимъ нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, въ томъ числѣ президента Гено, Гельвеція, Кребильона и Фонтенелля, то они совсѣмъ даже не печатать этой книги. Позднѣе, въ конституціонномъ собраніи ораторы любили иногда ссыпаться на нее, но не изъ чего не видно, чтобы она имѣла большую цѣну въ ихъ глазахъ; при господствѣ Конвента, съ одной стороны, память Монтескье не пользовалась ни малѣйшимъ уваженіемъ.

ниемъ, какъ видно, между прочимъ, изъ того, что сынъ его былъ брошенъ въ тюрьму, а съ другой — его сестрѣ, на одномъ изъ республиканскихъ празднествъ, предоставлено было мѣсто въ ряду тѣхъ „старцевъ и старицъ, которые за свои добродѣтели должны быть окружены публичнымъ почетомъ“.

Къ книгѣ г. Віана приложена библіографія литературы о Монтецкѣ,—бібліографія, составленная очень подробно и обстоятельно только относительно Франції; видно, что авторъ съ нѣмецкою литературой по своему предмету знакомъ очень мало.

Fridolin Hoffmann. Geschichte der Inquisition. Nach den besten Quellen dargestellt. (Фр. Гофманъ. Історія інквізиції. По лучшимъ пісточникамъ).

Інквізиція оставила по себѣ, конечно, самое ненавистное воспоминаніе, но когда дѣло идетъ о томъ, чтобы писать ея исторію, то нужно, чтобы это была исторія, а не памфлетъ. Г. Гофманъ не счѣлъ нужнымъ послѣдовать этому правилу. Изъ собственного его признания видно, что онъ считаетъ себя не столько источникомъ, сколько публицистомъ и взялся за перо съ цѣлью — въ виду теперешнихъ притязаній римской церкви воскресить въ памяти читателей мрачныя страницы изъ ея прошлаго. Онъ расчитывалъ на массу публики, о чёмъ свидѣтельствуютъ между прочимъ эффектныя заглавія въ его книгѣ: такъ напримѣрь первая глава: „Was ein Häckchen werden will krammt sich bei Zeiten“, вторая — „Wind gesüet, Sturm gearnet“; третья — „Ejnem tief gefühlten Bedürfniss wird abgeholfen“, четвертая — „Apostel, hoch zu Ross und Ketzer in Sandalen“; девятая — „Der hat's gewagt, so ging es allenfalls“. Г. Гофманъ написалъ исторію не столько інквізиціи, сколько вообще преслѣдований еретиковъ; разказать свой начинаетъ онъ съ IV вѣка; первые пять главъ посвящены покору противъ Альбигойцевъ, по папа Иппокентій III, устроившій этотъ походъ, умеръ въ 1216 году, а інквізиція была впервые учреждена на Тулузскомъ соборѣ въ 1228 году. Авторъ очень подробно говоритъ о Вареоломеевской почѣ, хотя інквізиція тутъ была не при чёмъ. Въ сочиненіи, о которомъ идетъ рѣчь, есть, однако и дѣльня, хорошо составленныя главы: къ нимъ нужно отнести, напримѣрь, ту, гдѣ на основаніи Directorium Эймерика подробно изложена процедура інквізиціонаго трибунала; дѣятельности інквізиціи въ Іспаніи изложена лучше чѣмъ въ другихъ государствахъ. Видно, что авторъ пользовался тутъ хорошими литературными посо-

биями и даже воздержался отъ того раздражительного полемического тона, который такъ вредить впечатлѣнію, производимому его книгой.

William E. H. Lecky. A history of England in the eighteenth century Vol. I and II. Уильямъ Лекки. Исторія Англіи въ XVIII столѣтіи. Томы I и II).

Въ этихъ двухъ томахъ г. Лекки довелъ трудъ свой лишь до половины: онъ остановился на 1760 годѣ, то-есть на воцареніи Георга III. Означенная книга, авторъ коей былъ извѣстенъ доселѣ сочиненіями философскаго содержанія, удостоилась единодушныхъ похвалъ со стороны англійскихъ критиковъ, ставящихъ весьма высоко и его начитанность, и умѣніе распоряжаться материаломъ, и талантливое изложеніе. Наиболѣе обширенъ отдѣлъ посвященъ г. Лекки Ирландіи (92—437 стр. II-го тома). Онъ доказываетъ, что хотя объ исторіи этой страны писало очень много, все-таки многіе ея отдѣлы не выяснены надлежащимъ образомъ и происходило это, или отъ недостаточнаго знакомства съ источниками, или отъ увлечениія предвзятыми взглядами: въ первомъ изъ этихъ недостатковъ г. Лекки обвиняетъ между прочими лорда Маколея, говорившаго въ своей „Исторіи Англіи“ о состояніи Ирландіи послѣ революціи 1688 года, а во второмъ—г. Фроуда, издавшаго не такъ давно особую монографію подъ заглавиемъ „Englisch in Ireland“. Обстоятельный очеркъ этого предмета, представленный имъ самимъ, въ высшей степени интересенъ: онъ держится того мнѣнія, что глубокій антагонизмъ между англійской и ирландской націей условливался далеко не въ такой степени, какъ предполагаютъ, различіемъ ихъ въ религіозномъ, также и не племеннымъ ихъ различіемъ, но слабыми историческими условиями, вслѣдствіе коихъ Англичане считали возможнымъ распоряжаться съ Ирландіею какъ съ завоеванной страною въ худшемъ смыслѣ этого слова. Съ самого начала былъ отстрапель вопросъ о сліяніи между побѣдителями и побѣженными и со стороны первыхъ все было направлено къ тому, чтобы лишить Ирландцевъ гражданскихъ правъ и неземельной собственности. Отсюда цѣлый рядъ аграрныхъ законовъ, породившихъ непримиримый разладъ между двумя классами общества. Исторія всего, что вытерпѣла Ирландія отъ англійского владычества, начертана г. Лекки мастерской рукой и производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Хотя самъ г. Лекки—Ирландецъ, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что въ приговорахъ своихъ онъ руководился национальныи-

пристрасіємъ. Доказательствомъ противнаго служатъ его вполнѣ вѣрные и сочувственные сужденія собственно объ англійскомъ обществѣ во всемъ, что оно совершило великаго на пути своего развитія. Онъ мало останавливается на подробностяхъ событий, предполагая ихъ уже извѣстными читателямъ, а старается выяснить ихъ значение и смыслъ, занятъ преимущественно характеристикою важнѣшихъ явленій въ политической и общественной жизни Англіи XVIII вѣка. Онъ посвящаетъ вниманіе не столько дѣятельности различныхъ политическихъ партій, сколько анализу тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ эти партіи образовались, слѣдить за тѣмъ какъ исторически сложились они и какія цѣли они преслѣдовали. Къ особенно любопытнымъ главамъ въ книгѣ г. Лекки нужно отнести тѣ, въ которыхъ онъ изображаетъ состояніе церкви и богословской науки. Много интереснаго найдутъ также читатели въ главѣ о нравахъ и вкусахъ (*manners and tastes*) англійской публики въ первой половинѣ XVIII столѣтія—объ архитектурѣ, живописи, музыкѣ, драматическомъ искусстве въ означеный періодъ времени и т. д.

С. Нірреан. *L'Instruction publique en Russie*. (III. Гиппо. Народное просвѣщеніе въ Россіи).

Г. Гиппо цвстановилъ себѣ, кажется, задачею изобразить организацію учебнаго дѣла чуть ли не во всѣхъ государствахъ не только Европы, но и Америки. Намѣреніе весьма почтенное, жаль только, что авторъ исполняетъ его черезъ чуръ поспѣшно. Онъ уже издалъ нѣсколько томовъ, посвященныхъ Соединеннымъ Штатамъ, Англіи, Германіи, Швеціи, Норвегіи и Даніі, а теперь занялся и Россіей. Русскаго языка онъ не знаетъ вовсе, но это было бы еще не бѣда, еслибы онъ зналъ по крайней мѣрѣ языкъ нѣмецкій, ибо онъ могъ бы найти у нѣмцевъ, хоть бы напримѣръ въ извѣстной энциклопедії Шніда, не мало полезныхъ указаний относительно состоянія народнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Оказывается однако, что и этотъ источникъ свѣдѣній былъ ему недоступенъ. Ему пришлось вслѣдствіе того ограничиться, говоря о многочисленныхъ учебныхъ заведеніяхъ, находящихся въ вѣдѣніи нашего министерства народнаго просвѣщенія, только официальными отчетами этого министерства, но хотя эти отчеты составляются очень полно, все-таки иностранцу, не знакомому съ дѣломъ, не легко справиться съ ними. Вотъ почему въ книгѣ г. Гиппо ошибки, промахи и неправильныя сужденія встречаются очень часто.

Ограничимся лишь нѣсколькими примѣрами; замѣтимъ прежде всего, что въ предисловіи авторъ счелъ нужнымъ бросить общій взглядъ на Россію, при чёмъ высказывается мысль, будто относительно разположенности народонаселенія отечество наше нисколько не стоять выше Австріи. „Россія, угрожающая распаденіемъ монархіи Габсбурговъ, говоритъ онъ, подвержена въ свою очередь не менѣе страшнымъ катастрофамъ вслѣдствіе антагонизма населяющихъ ее племенъ“. Замѣчаніе это можетъ служить образцемъ того, какое вѣрное понятіе составилъ себѣ г. Гиппо о Россіи. Но обратимся собственно къ предмету его книги. На стр. XXV введенія сказано, что учебныя реформы послѣднаго времени начались у насъ съ 1862 года и что планъ ихъ былъ подробно изложенъ въ докладной запискѣ, „составленной статсъ-секретаремъ Танѣевымъ отъ имени ученаго комитета“ (!). Ученый комитетъ министерства народного просвѣщенія вообще получилъ въ книжѣ г. Гиппо такую роль, которая никогда ему не принадлежала; для опредѣленія этой роли авторъ утверждаетъ будто бы функции его совершенно такія же какъ функции верховнаго совѣта народного просвѣщенія во Франціи (*conseil sup r e de l'instruction publique*): для людей, знающихъ дѣло, едва ли нужно говорить, что это грубая ошибка и что оба учрежденія поставлены совершенно различно. Нашъ ученый комитетъ находится при министерствѣ народного просвѣщенія и подчиненъ министру, а французскій верховный совѣтъ состоитъ изъ представителей различныхъ вѣдомствъ и имѣть право даже контролировать дѣятельность министра. О томъ же ученомъ комитетѣ упомянуто, что онъ распадается на „нѣсколько отдѣленій“: и это несправедливо,—при немъ состоять лишь одинъ особый отдѣлъ, занимавшійся разсмотрѣніемъ книгъ для народныхъ школъ. Говоря о гимназіяхъ, существовавшихъ у насъ до 1864 года, авторъ увѣряетъ, что если въ то время онъ не были классическими, то „еще и теперь настоящія классическія гимназіи находятся въ меньшинствѣ“ (*qui sont en minorit *). Это ужъ положительно непростительная ошибка. По словамъ г. Гиппо въ 1864 году „бывшій министръ народного просвѣщенія статсъ-секретарь Головинъ доказывалъ необходимости восемилѣтняго гимназическаго курса“, но известно, что въ 1864 году А. В. Головинъ еще занимать должность министра. За то на стр. 7 своей книги авторъ считаетъ министромъ народного просвѣщенія государственного человека, который никогда не управлялъ этимъ министерствомъ,—а именно кн. П. П. Гагарина, который будто бы составилъ въ 1864

году проектъ низшихъ училищъ. Какъ о чёмъ-то необыкновенномъ упоминаетъ г. Гиппо о томъ, что „Московскій негоціантъ г. Марецкій пожертвовалъ 5000 р. на устройство химической лабораторіи, а г-жа Коидолексъ (?) 300 р. на пополненіе гистологического кабинета въ Московскомъ университѣтѣ“: это заставляетъ насъ думать, что французскій авторъ пользовался какимъ-нибудь однимъ изъ официальныхъ отчетовъ; еслибы онъ внимательно просмотрѣлъ ихъ всѣ, то не счелъ бы конечно эти пожертвованія за нѣчто, выходящее изъ ряда вонъ. Вообще промахами такого рода изобилуетъ книга г. Гиппо, что не помышдало ей однако получить премію Французской академіи. И мы не удивляемся этому. Все-таки въ ней содержится не мало свѣдѣній объ устройствѣ нашихъ учебныхъ заведеній, о которыхъ въ послѣдніе годы не появлялось ничего дѣльного во Франціи.

Авторъ касается довольно подробно не только учебныхъ заведеній министерства народного просвѣщенія, но и находящихся въ вѣдѣніи IV Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, преимущественно женскихъ. Онъ, въ совершенномъ восторгѣ отъ успѣховъ женского образования въ Россіи. Восторгъ этотъ впрочемъ выражается у него довольно странно. Такъ, напримѣръ, говоря о педагогическихъ курсахъ, учрежденныхъ при женскихъ гимназіяхъ, онъ приводить въ доказательство высокаго умственнаго развитія дѣвицъ, посѣщающихъ эти курсы, что онъ читаютъ *Revue des deux mondes...*

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Руководство къ всеобщей и отечественной исторіи. Курсъ VI-го класса классическихъ гимназій, составленный времѣнительно къ примѣрной программѣ министерства народного просвѣщенія по исторіи. Выпускъ первый. Средняя исторія и отечественная до книженія Василія III включительно. Составилъ И. Белларминовъ. С.-Петербургъ. 1878.

При первомъ обозрѣніи состава книжки, мы замѣчаемъ, что она отдѣльно излагаетъ сначала всю всеобщую среднюю исторію, а затѣмъ уже прибавляетъ только вѣйшнимъ образомъ соединенную съ нею часть русской исторіи, проходную въ томъ же VI-мъ классѣ гимназіи, въ которомъ преподаются и всеобщая средняя исторія. Такимъ образомъ и къ историческому учебному курсу г. Белларминовъ приложена—кажется, въ первый разъ—система классныхъ руководствъ. Представляется вопросъ: полезно ли будетъ это нововведеніе въ педагогическомъ отношеніи, и удобно ли оно для учениковъ съ точки зренія экономической? Если мы будемъ рассматривать только данный частный случай, то не нужно много думать, чтобы отвѣтить отрицательно па обѣ части вопроса. Само собою разумѣется, что всѣкій учитель предпочтеть изучать русскую исторію въ старшихъ классахъ по одному и тому же учебнику: А такъ какъ г. Белларминовъ въ предисловіи къ своей книжкѣ ничего не говоритъ о продолженіи той ея части, которая удѣлена на русскую исторію, и не даетъ никакого обѣщанія издать такое продолженіе въ скоромъ времени, то едва ли какой учитель рѣшился теперь же воспользоваться второй половиной изданной книжки. Лучше было бы, по видимому, подождать, и потомъ за-разъ издать цѣльное руководство для русской исторіи.

Часть сихъ, отд. 3.

ріи, отдельно отъ всеобщей. Вообще, чѣмъ менѣе мы будемъ стѣснять законную свободу преподавателей, тѣмъ будетъ лучше. Очень возможно, что въ числѣ ихъ не мало найдется такихъ, которые въ русской истории пожелали бы остаться вѣрными старымъ давно испытаннымъ и хорошо знакомымъ руководителямъ, хотя бы и согласились относительно всеобщей истории признать противоположную потребность—имѣть нѣчто болѣе короткое и сподручное, чѣмъ существующіе учебники. Развѣ мы будемъ имѣть право сказать такимъ наставникамъ: нѣтъ, уже если вы прошли всеобщую среднюю исторію по книжкѣ одного автора, то у него учитеся и русской исторіи? Нельзя отвергать аргументы возможности и обратного случая; именно, что часть, посвященная всеобщей исторіи, оказалась бы менѣе пригодною, чѣмъ курсъ русской исторіи шестаго класса. Желательно ли для автора, чтобы ради несовершенствъ одной части преподаватели отказывались и отъ пользованія другою, болѣе удовлетворительною, чтобы вообще пользованіе его книгою было обусловлено убѣждениемъ въ одинаковомъ и равномъ достоинствѣ обѣихъ ея виѣшпимъ только образомъ соединенныхъ частей? Полагаемъ, что такое условіе противорѣчило бы не только материальному выгодамъ автора, но и пользѣ самого дѣла. Съ другой стороны, хотя цѣна „Руководству къ всеобщей и отечественной исторіи“ назначена авторомъ весьма умѣренная (80 к.), все-таки небогатые родители гимназическихъ воспитанниковъ имѣли бы нѣкоторое основаніе роптать, еслибы имѣлось покупать его только ради одной половины, или другими словами, еслибы для одной отечественной (либо всеобщей) исторіи пришлось пріобрѣтать нѣсколько учебниковъ. Въ концѣ концовъ приходится сказать, что польза дѣла, удобства преподавателей, выгоды самого автора и наконецъ экономический интересъ отцовъ-покупателей принесены на этотъ разъ въ жертву новомодному педагогическому пристрастію составлять для каждого класса свой отдельный учебникъ. Казалось бы, что простыя практическія соображенія должны были имѣть перевѣсъ предъ сомнительной теоріей и разными педагогическими ухищренностями.

Кто знаетъ, что преувеличеніе хорошихъ качествъ легко обращается въ недостатокъ, тотъ пойметъ, почему именно такія простыя соображенія ускользнули отъ вниманія почтеннаго автора, обыкновенно столь заботливаго относительно всичкихъ педагогическихъ удобствъ и подробностей, столь внимательнаго къ техническимъ школьнымъ условіямъ и ученическимъ интересамъ. Соответствующія тому хорошія качества учебныхъ книгъ, составляемыхъ И. И. Беллармин-

новымъ положительно обнаруживаются въ только что вышедшемъ въ свѣтъ „Руководствѣ къ всеобщей и отечественной исторії“, конечно, не одними преувеличениями. Если здѣсь и нѣтъ живописныхъ рисунковъ, подобныхъ тѣмъ, какіе изобилуютъ въ эпизодическомъ курсѣ, то есть то, что еще полезнѣе и необходимѣе, именно небольшія географическія карты, помѣщенные въ текстѣ. Опытные педагоги будутъ, конечно, весьма благодарны за такое приложеніе; а мы, съ своей стороны, сдѣлаемъ только одно частное замѣченіе относительно чертежа, помѣщенаго на стр. 48. Если онъ представляетъ Венгрию въ XI и XII вѣкахъ, то кажется, не следовало бы помѣщать Кумановъ между Тиссой и Дунаемъ, ибо только въ XIII вѣкѣ, послѣ монгольского нашествія, Половцы или Куманы переселились цѣлою массой изъ степей южной Россіи въ собственную Венгрию.

Дальнѣйшее педагогическое приноровленіе и удобство отмѣчено уже въ самомъ заглавіи книги. Руководство составлено „примѣрительно къ примѣрной программѣ министерства народнаго просвѣщенія“, хотя и съ нѣкоторыми отъ нея отступленіями во всеобщей средней исторіи. Само по себѣ, это обстоятельство не составляетъ, конечно, какого-либо первостепенаго преимущества или достоинства. Составители программы министерства народнаго просвѣщенія никогда не смотрѣли на эту программу какъ на нѣчто обязательное во всѣхъ отношеніяхъ. Напротивъ, относительно программъ по исторіи прямо сказано, что онѣ имѣютъ въ виду точнѣе обозначить количество фактовъ, усвоеніе которыхъ считалось необходимымъ, и никакъ не могутъ быть считаемы обязательными относительно своей системы и порядка расположения учебнаго материала. Но конечно, скажемъ отъ себя, весьма желательно, чтобы основные принципы, на которыхъ построена примѣрная программа по средней исторіи, были признаны и были выдержаны въ русскихъ учебникахъ. Такими принципами прежде всего представляются намъ: противоположеніе двухъ имперій Римско-Византійской и Германо-Римской, и противоположеніе двухъ историческихъ группъ греко-славянской и романо-германской, а потомъ по меньшей мѣрѣ равное вниманіе къ судьбамъ той и другой. Руководство г. Беляевского, очевидно, имѣло въ виду удовлетворить этимъ общимъ и основнымъ требованиямъ примѣрной программы, такъ что ради того мы готовы простить не только всяческія отступленія въ системѣ и расположenіи частей, но даже извѣстную небольшую свободу въ отношеніи обязательного количества фактовъ, которую онѣ себѣ дозволили. Какъ указано въ предисловіи, въ руководствѣ пропу-

1*

щены слѣдующія статьи, отмѣченныя въ примѣрной программѣ средней исторіи: борьба послѣднихъ Каролинговъ съ герцогскимъ Французскимъ домомъ; королевство Германское при Конрадѣ; пѣнъ императора Діогена; императоры Никейскіе и Трапезунтскіе; Скандинавское государство до и послѣ Кальмарской унії. За первыя двѣ статьи мы не стали бы стоять; но намъ кажется, что борьба императора Византійскаго Романа Діогена съ Турками Сельджуками представляетъ весьма важный исторический эпизодъ со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Несчастный исходъ ея означаетъ, съ одной стороны, окончательное пораженіе Византіи въ борьбѣ съ мусульманствомъ и необходимость обращенія за помощью къ западной Европѣ; съ другой стороны, этотъ фактъ необходимъ и для объясненія первого Крестового похода. Сверхъ того, нужно иметь въ виду драматичность самого эпизода, а равно и прямое отношеніе его къ русской исторіи, такъ какъ Русские участвовали въ походахъ Романа. О Никейской и Трапезунтской имперіяхъ въ учебникѣ все-таки упомянуто (стр. 79); оставалось прибавить нѣсколько словъ о династіи Велико-Комнинонъ Трапезунтскихъ, чтобы удовлетворить законнымъ требованиямъ программы, а разнымъ образомъ исторіи Скандинавіи требовалось посвятить хотя бы одну страницу.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о системѣ и планѣ учебника. Въ этомъ отношеніи мы должны замѣтить, что порядокъ частей и расположение параграфовъ въ новомъ руководствѣ вовсе не отличаются отчетливостю и ясностю, которыми облегчали бы обзоръ цѣлаго. На-противъ, при первомъ знакомствѣ и при первомъ не особенно внимательномъ чтеніи этотъ порядокъ представляется крайне произвольнымъ, нестройнымъ, запутаннымъ. Одинъ за другимъ слѣдуютъ параграфы съ своими заглавіями, напечатанными то крупнымъ, то мелкимъ шрифтомъ. Все указываетъ на присутствіе какой-то системы, но уловить эту систему и порядокъ представляется дѣломъ большой трудности. Мы не знаемъ, въ какой степени въ этомъ важномъ педагогическомъ недостаткѣ повинна примѣрная министерская программа и желаніе автора ей слѣдоватъ. Одинъ опытъ, притомъ не вполнѣ выдержаный, не можетъ служить окончательнымъ приговоромъ о невозможности создать на основаніи ея что-нибудь стойкое, не слишкомъ дробное и потому болѣе легкое къ обозрѣнію и усвоенію. Но за то мы можемъ сказать убѣжительно, что главные отступленія учебника отъ примѣрной программы не только не были въ пользу простоты и ясности, но напротивъ именно послужили во вредъ имъ.

Такъ напримѣръ, вопреки указанію программы, отдѣль о королевствѣ Франковъ при Меровингахъ вставленъ между главою, посвященною описанію первоначальнаго быта Славянъ, и другою главою, трактующею о Византії въ VI—VIII вѣкахъ. Что же вышло изъ этого? Въ примѣрной программѣ глава о Славянахъ съ намѣреніемъ поставлена впереди Византійской исторіи, именно впереди царствованія Юстиніана, потому что именно въ это царствованіе Славяне начинаятъ свое поступательное движение за Дунай, и объ этомъ непремѣнно придется говорить въ обозрѣніи царствованія Юстиніана. А въ учебникѣ г. Беллярминова глава эта служитъ только къ тому, что она крайне нелогичнымъ образомъ разрываетъ послѣдовательный ходъ событій, то-есть, исторію возникновенія первыхъ варварскихъ государствъ на римской почвѣ и исторію такого же Франкскаго государства, ихъ поглотившаго. Еслибы составитель руководства имѣлъ какія причины говорить о Меровингахъ раньше Юстиніана, то ему слѣдовало говорить о нихъ непосредственно вслѣдъ за § 10-иѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ Одоакрѣ, а описание славянскаго быта поставить тотчасъ послѣ наложенія такового же быта германскаго: это было бы вдвойнѣ послѣдовательно вмѣсто теперешней двойной непослѣдовательности. Не приводимъ другихъ подобныхъ примѣровъ; но не можемъ умолчать еще объ одной причинѣ видимой нестройности изложенія и построенія, причинѣ хотя и вѣнѣшей, но не совсѣмъ маловажной. Это система заглавій предъ отдѣлами и отдѣльными параграфами, на первый взглядъ ничѣмъ не мотивированная и только служащая къ возбужденію недоумѣній. Посмотримъ, напримѣръ, на то, что представляеть страница 9-я:

I. ОТДѢЛЪ.

A. Королевство Франковъ при Меровингахъ.

I. Политическое обозрѣніе.

§ 17. Меровинги.

Но чѣдже долженъ обнимать первый отдѣлъ и до чего онъ долженъ простираться? Гдѣ точка дѣленія на неизвѣстное число отдѣловъ? А затѣмъ—чѣдже означаетъ буква А, поставленная предъ словами: королевство Франковъ?—только на 18-й страницѣ найдемъ мы соотвѣтствующую букву В, которая стоитъ предъ заглавіемъ: „Восточная или Византійская имперія“. Но развѣ это равномѣрныя части цѣлаго: Восточная имперія и королевство Франковъ? Подобные же

вопросы можно предложить относительно заглавий и буквы А во второмъ отдѣлѣ (см. стр. 30) сравнительно съ заглавіями и буквою В на стр. 63-й. Сверхъ того по срединѣ отдѣла, начало которого обозначено большими буквами, иногда вдругъ встрѣчается небольшой рядъ частныхъ параграфовъ, обозначенныхъ заглавіемъ еще болѣе крупнаго шрифта и даже съ повтореніемъ буквы А, не задолго предъ тѣмъ выставленной для обозначенія болѣе крупнаго подраздѣленія (см. стр. 32, А безъ соотвѣтствующаго В и стр. 44, цифра I). Все это не можетъ быть считаемо мелочами, потому что все это будетъ затруднять и учениковъ, и наставниковъ и будетъ мѣшать болѣе легкому усвоенію материала, и безъ того не легко поддающа-ся системѣ и разумному логическому усвоенію.

Скажемъ также два слова о способѣ изложенія, принятомъ въ учебникоѣ. Относительно русской исторіи авторъ говорить въ предисловіи, что онъ внесъ въ свой курсъ только существенные факты, съ цѣлію не убивать въ учащихся охоты слѣдить за объясненіями преподавателя, не затруднять ихъ при повтореніи и облегчить преподавателю возможность направлять учениковъ на чтеніе статей изъ исторической христо-матіи. По видимому, тоже самое могъ бы сказать почтенный авторъ и относительно отдѣла всеобщей исторіи, такъ какъ и вѣдь господствуетъ краткій, сжатый отчасти конспективный способъ изложенія. Въ прин-ципѣ мы охотно признаемъ педагогическая удобства и преимущества такого изложенія предъ подробнѣмъ и вполнѣ развитымъ въ частно-стакъ историческимъ разказомъ. Эта послѣдняя общепринятаа у насъ манера писать учебники грѣшить тѣмъ, что оставляетъ слишкомъ мало места для объясненій учителя и унижаетъ его роль въ глазахъ учениковъ, всегда склонныхъ возвордиться и отвратить свой слухъ отъ слишкомъ близкихъ къ печатному тексту толкованій; либо на обо-ротъ, она вынуждаетъ наставника къ другой крайности, то-есть, за-ставляетъ его разъяснять много лишняго, лишь бы только не пока-заться въ глазахъ школьниковъ вполнѣ зависящимъ отъ руководства. Если мы не рѣшаемся бѣзъ всякихъ ограниченій и условій перенести свое общее предпочтеніе, на данное частное явленіе, на „Руковод-ство къ всеобщей и отечественной исторіи“, то это уже не по винѣ автора, а только ради скучности нашей учебной и ученой историче-ской литературы. Въ учебникѣ г. Белларминова, именно въ отдѣлѣ всеобщей исторіи, не мало новыхъ и необычныхъ для нашей школы фактовъ, и даже цѣлыхъ статей и отдѣловъ. Вездѣ ли и всегда ли будетъ легко для учителя найти поясненія и дополненія, которыми

при данныхъ условияхъ, при новости и лаконичности указаній учебника, часто окажутся безусловно необходимыми? Тутъ представляется сомнѣніе, разрѣшить которое могли бы только практика или же голоса опытныхъ и вполнѣ искреннихъ преподавателей.

Мы сейчасъ слегка коснулись наиболѣе важной и существенной стороны книги, то-есть, ея содержанія и учебного материала, предлагаемаго ею русской школѣ: понятно, что на этомъ пунктѣ мы должны остановиться и посвятить ему преимущественное вниманіе. Начнемъ съ того, что намъ особенно пріятно сдѣлать: воздадимъ должную и справедливую похвалу добрымъ намѣрѣніямъ автора, его стараніямъ освободиться отъ традиціоннаго школьнаго-учебнаго ига, отъ списыванія нѣмецкихъ и французскихъ образцевъ, его стремленію составить историческій учебникъ, соотвѣтствующій требованіямъ русской школы и запросамъ русской жизни. Видно, что г. Беляминовъ очень живо и ясно сознавалъ свою высокую и нелегкую задачу; несомнѣнно, что онъ очень много сдѣлалъ для ея исполненія, или по крайней мѣрѣ, для указанія и облегченія пути къ ея осуществленію; во всякомъ случаѣ онъ положилъ не мало труда и усилий для достижения своей прекрасной цѣли. Въ этомъ отношеніи любопытно просмотрѣть списокъ сочиненій, которыми пользовался авторъ для составленія своего руководства (см. въ концѣ предисловія). Замѣтно, что — какъ это и требовалось положеніемъ дѣла — наибольшее вниманіе обращено было именно на тѣ отдѣлы, которые касаются Славянъ и вообще Восточной Европы. Здѣсь, кромѣ русскихъ сочиненій Гильфердинга, Павинскаго, Первольфа, Васильевскаго, Каченовскаго, г. Беляминовъ пользовался иностранными специальными трудами — Крема, Пихлера, Калая — новѣйшимъ произведеніемъ по исторіи Греціи въ средніе вѣка — Герцберга и т. д. Литература русской исторіи изобилуетъ не только новыми, но и новѣйшими монографіями нашихъ ученыхъ. Мы можемъ засвидѣтельствовать, что не ради пустаго парада выставленъ этотъ длинный рядъ наименованій, занимающій послѣднюю страницу предисловія; слѣды внимательнаго изученія перечисленныхъ сочиненій замѣчаются вездѣ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ учебника. Жаль, что нельзя того же сказать о тѣхъ частяхъ и отдѣлахъ учебника, которые посвящены изложенію западно-европейской исторіи. Списокъ ученыхъ пособій, сюда относящихся, кажется намъ и недостаточно полнымъ, и недостаточно разборчивымъ и строгимъ. Часть ошибокъ и погрѣшностей, къ указанію которыхъ мы сейчасъ должны будемъ приступить, несомнѣнно перешли въ учебникъ изъ сочиненій Канту,

Лавалле и т. п. Изъ нашего дальнѣйшаго разбора обнаружится съ несомнѣнною ясностию, что вообще слабѣе и недостаточнѣе изложена исторія Романо-Германскаго міра. На эту половину падаетъ большая часть тѣхъ замѣчаній, которыя мы имѣемъ сдѣлать относительно всеобщей исторіи...

Всего болѣе не нравятся намъ первыя страницы книги, гдѣ говорится о положеніи Римской имперіи предъ ея паденіемъ и о древнѣйшемъ германскомъ бытѣ. Весь ходъ средневѣковой исторіи останется совершенно непонятенъ для ученика, если не будетъ ему выясненъ процессъ образованія романскихъ національностей, и потому въ началѣ соответствующаго курса необходимо говорить о романизаціи римскихъ провинцій. Первая страница въ нашемъ учебнику посвящена этому вопросу, но намъ кажется, что она не даетъ яснаго и точнаго понятія о предметѣ, и причина тому будетъ заключаться не въ одной только краткости изложенія.. Выраженіе, что „въ IV вѣкѣ племя Кельтійское было романизовано“ никакъ не можетъ быть признано правильнымъ, то-есть, соответствующимъ существу дѣла. Не въ IV вѣкѣ началась романизація Галльскихъ племенъ, и не въ IV вѣкѣ она окончилаась... Совсѣмъ человѣкою кажется изъ фразы: „романизація не во всѣхъ областяхъ была одинакова“; изъ дальнѣйшихъ словъ видно, что не одинакова была только степень романизаціи въ различныхъ провинціяхъ, а качественнаго различія мы не знаемъ. Нельзя говорить такъ положительно, что въ восточной половинѣ имперіи была романизирована только Дакія; известно, что самая колыбель румынской національности можетъ быть отыскиваема на южной сторонѣ Дуная, которая также была значительно романизирована. Ибыры (Баски) никакъ не могутъ быть помѣщаемы въ числѣ народностей, удержавшихъ свой языкъ и свои обычанія; Баски представляютъ только незначительную часть или остатокъ этого племени, населявшаго всю Испанію, то-есть, наиболѣе романизованную римскую провинцію.

Далѣе на страницѣ 2 объясняются причины слабости Римской имперіи, къ которымъ будто бы причислялись (кѣмъ и когда?) а) двоевѣріе и б) упадокъ муніципій и т. д. Какимъ образомъ двоевѣріе вредило прочности Римскаго государства, совсѣмъ не выяснено; слова: „двоевѣріе ослабляло волю Римлянъ“ объясняютъ очень немного, потому что и сами по себѣ не совсѣмъ-то удобопонятны.. То, что говорится о куріалахъ, также подлежитъ возраженіямъ. Во-первыхъ, недостаточно и не точно объясненіе, что подъ куріалами разу-

мѣется правящій классъ въ муниципальномъ городѣ (?); вторыхъ, совершенно правильная мысль, что куріалы отвѣчали за исправное поступление государственныхъ податей, могла бы быть выражена лучше, чѣмъ это читается въ учебникѣ; и, втретыхъ—какъ понять, зачѣмъ это куріалы, лишенные права поступать въ военную службу, уродовали себя? Членовредительство, на которое указывается въ скобкахъ (*pollex truncatus*), предпринималось именно для избѣжанія военной службы...

„Отъ излишества во всемъ и по причинѣ отсутствія высшихъ интересовъ сенаторскія фамиліи были равнодушны къ судьбѣ имперіи“. Нужно избѣгать такихъ туманныхъ и запутанныхъ объясненій. Совершенно съ такимъ же правомъ, мы могли бы сказать на оборотъ—что вслѣдствіе равнодушия къ судьбамъ отечества, римскія сенаторскія фамиліи лишены были высшихъ интересовъ...

При описаніи древнѣйшаго германскаго быта вообще слѣдуетъ держаться Тацита какъ можно ближе, избѣгая излишнихъ умствованій и спорныхъ теорій. Отъ этого общаго правила, не подлежащаго никакому сомнѣнію, въ нашемъ учебникѣ встрѣчаются явныя отступленія. Тацитъ говоритъ, что дѣтоубійство считалось у Германцевъ преступленіемъ, и намекаетъ, что хотя оно не было преслѣдуемо законами, но было невозможно, благодаря добрымъ нравамъ (Гл. 19). А въ учебникѣ (стр. 4), дѣтоубійство прямо считается чертой германскаго быта въ извѣстной средѣ, то-есть, въ средѣ бѣдныхъ. Однако, какъ бѣдность могла бы служить побужденіемъ къ такому противостоященному злодѣйству при общинномъ землевладѣніи, которое несомнѣнно составляло такую же принадлежность древне-германскаго быта, какъ и славянскаго? Правда, въ руководствѣ ничего объ этомъ не сказано; но такой пропускъ опять-таки долженъ быть поставленъ въ вину автору. У Тацита выставляется на видъ, что Германцы почти одни изъ всѣхъ варваровъ довольствуются одною женой, и что случаи многоженства крайне рѣдки даже въ средѣ знатныхъ. Въ учебникѣ, напротивъ, именно многоженство представляется характеристичнымъ для германскаго быта, хотя, конечно, и съ ограниченіемъ его средою знатныхъ, а объ единобрачіи ничего не сказано. Прибавимъ еще, что римскій обычай называть Германцевъ варварами (см. стр. 3), не можетъ быть считаемъ болѣе позднимъ, чѣмъ именование ихъ Германцами; по причинѣ, которой нѣтъ нужды объяснять, оба названія всегда могли существовать совмѣстно. Толкованія слова „Тевтоны“ (пароль) и *Germanni* (сосѣди) могутъ быть оставлены безъ возраженія

хотя относительно первого возможна была бы большая точность, а относительно второго дозволительно сомнѣніе, не лучше ли какое другое изъ общепринятыхъ объясненій... Но за то никакъ нельзя одобрить фразы, которою заканчивается третій параграфъ главы о Германцахъ (стр. 3): „страна ихъ считалась Римлянами пригодною только для жизни авѣрѣй“. Ни Цезарь, ни Тацитъ не выражались съ такою рѣшительностью.—Авторъ учебника постоянно называетъ древнихъ германскихъ королей кунингами; болѣе правильно было бы писать куннинги, или же конунги. О Доннерѣ или Торѣ скѣдовало сказать, что это былъ богъ грома, и затѣмъ уже покровитель мирной жизни и земледѣлія (стр. 4).

Въ § 7 той же главы говорится о Германскихъ союзахъ III вѣка: „Во главѣ такихъ союзовъ стояли Готы, Франки, Саксы, Алеманы (чит. Алеманы)“ А гдѣ же будуть остальные подчиненные части союза? Дѣло въ томъ, что имена Франковъ, Алеманновъ и т. д. суть новыя имена, выражающія фактъ объединенія нѣсколькихъ народцевъ, прежде извѣстныхъ подъ разными другими именами: кромѣ Готовъ, Франковъ и Алеманновъ, никакихъ другихъ участниковъ въ означеныхъ союзахъ и не было, такъ что Франки могли стоять только во главѣ Франковъ... Терминологія учебника вообще не совсѣмъ удачна въ обозначеніи разныхъ этнологическихъ отношений; можно опасаться, что вслѣдствіе этого параграфъ 7-й, въ которомъ рѣчь идетъ сначала о племенахъ, соединившихся въ союзы, а потомъ о „союзныхъ племенахъ“, не безъ труда будетъ усвоенъ учениками, если только не поведеть къ прымымъ недоразумѣніямъ.—Показаніе, что рѣка Днѣпръ служила границею между Ост-Готами и Вест-Готами, можно признать правильнымъ только въ томъ случаѣ, если здѣсь Днѣпръ занимаетъ въ книгѣ мѣсто Днѣстрия. — Послѣднія слова въ § 7 гласятъ, что Германцы, въ началу V вѣка жившіе въ предѣлахъ Римской имперіи въ большемъ количествѣ, не сближались съ туземцами. Напротивъ, общимъ правиломъ было то, что они сближались съ туземцами и подвергались имъ влиянию...

Въ первомъ изъ двухъ параграфовъ (8-го и 9-го, стр. 5 и 6), посвященныхъ великому переселенію народовъ, говорится, что появленіе Гунновъ привело въ движение самостоятельный славянскія племена; они двинулись къ западу и потеснили Германскія племена Бургундовъ, Вандаловъ и Свевовъ, которые вслѣдствіе того со всѣими своими семьями двинулись къ Рейну. Можно, конечно принять,

что, обнаружившееся въ 407 году, то-есть, чреезъ тридцать лѣтъ послѣ, движение Вандаловъ, Свевовъ и отчасти Бургундовъ къ Рейну и за Рейнъ, было слѣдствіемъ толчка, сообщеннаго нашествіемъ Гунновъ, хотя на это и нѣтъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ. Слѣдовало бы только пожелать, чтобы въ этомъ вопросѣ, имѣющемъ особый интересъ въ исторіи русской литературы и русскаго просвѣщенія (споръ Хомякова и Грачевскаго), были устраниены всякия недоумѣнія сообщеніемъ нѣкоторыхъ подробностей о прежнемъ мѣстожительствѣ Вандаловъ и Бургундовъ... Въ слѣдующемъ параграфѣ (стр. 6) авторъ учебника приходитъ къ событиямъ самого 407 года, и здѣсь онъ не уберегся отъ важныхъ погрѣшиостей. Онъ пишетъ: „Вскорѣ послѣ этого (то-есть, послѣ пораженія, нанесенного Стилихономъ Аларику, годъ 402), Бургунды, Вандалы, Свевы перешли незащищаемый римскими войсками Рейнъ, и подкрепленные рабами и бѣглыми Римлянами, напали на Италию; отраженные Стилихономъ, Вандалы и Свевы ушли въ Испанію и завоевали ее, а Бургунды утвердились въ Галліи, въ области Рона, и положили начало Бургундскому королевству”.—1) Первая и главная причина путаницы состоитъ въ томъ, что здѣсь смѣшаны два нашествія, въ сущности не имѣвшія между собою прямой связи, хотя и приводимыя въ эту непосредственную связь многими историками: а) нашествіе ост-готскихъ дружинъ Радагайса, при чёмъ точкой отправленія были при-Дунайскія страны, а предметомъ нападенія—Италия, и б) движеніе вышеназванныхъ народовъ (Вандаловъ, Алановъ, Свевовъ и Бургундовъ), дѣйствительно перешедшихъ за Рейнъ, то-есть, на лѣвую его сторону, и напавшихъ, конечно, не на Италию, а на Галлію. 2) Толпы Радагайса дѣйствительно были отражены Стилихономъ; но Вандалы и Свевы принуждены были очистить Галлію совершенно по другимъ причинамъ. 3) Совершенно невѣрно, что утвержденіе Бургундовъ въ долинѣ Рона находится въ какой-либо связи съ событиями 406—409 годовъ. Даже первыя поселенія Бургундовъ въ при-Рейнской Галліи (или первой Германіи), около Вормса, на самомъ дѣлѣ относятся только къ 413 году (послѣ 407 года Бургунды были опять вытѣснены изъ-за Рейна антиимператоромъ Константиномъ); а долина Рона досталась имъ гораздо позднѣе, именно въ 443 году, когда они получили отъ римскаго правительства такъ называвшуюся тогда провинцію Сабаудію (Савою) съ городомъ Женевой.—Сверхъ того, мы не знаемъ, на основаніи какихъ источниковъ говорится объ участіи рабовъ и бѣглыхъ Римлянъ въ нападеніи на Италию (чпт. Галлію) Вандаловъ и Свевовъ. Есть

случаи, когда подобные явления прямо отмѣчаются въ источникахъ; по аналогии можно допустить, что подобные явления были обычны; но все-таки не слѣдуетъ сдѣланного обобщенія снова переносить на частные случаи, когда на это нѣть указанія или намека въ источникахъ.— При описаніи нашествія Готовъ (при Аларихѣ) на Грецію, говорится, что возбуждаемые монахами-аріанами, они (Вест-Готы) истребляли памятники древности, которыми дорожили православные Греки... Конечно, догадка Герцберга, которую здѣсь воспользовался составитель учебника, довольно вѣроятна, и подъ людьми, носящими темное платье, упоминаемыми въ источникахъ, въ самомъ дѣлѣ здѣсь скорѣе нужно разумѣть не православныхъ монаховъ, какъ это дѣжалось до сихъ поръ, а именно аріанскихъ; но все-таки неосновательнымъ и слишкомъ сильнымъ преувеличеніемъ отзываются слова, что православные Греки дорожили азіатскими памятниками...

Относительно параграфа 9-го мы отмѣтили только выраженіе Вандальскія королевства, такъ какъ известно, что было только одно Вандальское королевство.

Въ параграфахъ 11-мъ и 12мъ рѣчь должна идти и, по видимому, въ самомъ дѣлѣ идетъ о разселеніи Славянъ и славянскомъ бытѣ въ VI вѣкѣ по Р. Х. Но въ такомъ случаѣ нельзя было говорить о жительствѣ Болгаръ и Сербовъ „въ мѣстахъ современного (нынѣшнаго) ихъ поселенія“ (стр. 9 въ началѣ); или же слѣдовало прямо замѣтить, что тутъ имѣется въ виду позднѣйшее время, на которое уже однѣ разъ было сдѣлано указаніе мимоходомъ. Въ слѣдующемъ параграфѣ мы читаемъ: „Родъ дѣлился на семьи, въ которыхъ главнымъ лицомъ былъ старшій по лѣтамъ или опытный изъ всѣхъ членовъ“. Очевидно, что на самомъ дѣлѣ рѣчь должна бы идти не о главенствѣ въ семье, а о главенствѣ въ родѣ.

Сверхъ того въ параграфѣ 11-мъ древнихъ жителей Скандинавскаго полуострова лучше переименовать изъ Свевовъ въ Свеевъ (Свей) или Свіоновъ (ср. стр. 38).

Въ параграфѣ 17-мъ читается: „Такъ какъ Клодвигъ былъ единственнымъ православнымъ государемъ на всемъ Западѣ, поэтому царя Анастасій II далъ ему титулъ „старшаго сына церкви и христіаннѣйшаго короля“. Не говоря о неправильномъ способѣ выражаться, самый фактъ, здѣсь сообщаемый, еще не можетъ претендовать на историческую достовѣрность и потому могъ бы лучше быть пройденъ молчаниемъ: Анастасій II не именуетъ подобными титулами Клодвига въ дошедшіхъ до насъ документахъ.

Въ параграфѣ 19-мъ (стр. 12) мы встрѣчаемъ такое замѣчаніе, что палатные мэры привлекли на свою сторону франкскіхъ вельможъ и чрезъ нихъ мало по малу превратились изъ чиновниковъ короля въ сановниковъ государства. Мы увѣрены, что мысль автора останется совершенно непонятною для учениковъ и даже для преподавателей. Между чиновниками короля и сановниками государства различіе очень тонкое, а въ данную эпоху его и совсѣмъ не было. Нужно было сказать: превратились изъ домашнихъ слугъ короля въ государственныхъ чиновниковъ или сановниковъ.

Пораженіе Франковъ Чехами при Само (§ 18) относится къ 630 году, а не къ 633.

Государственное устройство Франкскаго государства въ Меровингскій періодъ, имѣющее первостепенное значеніе для пониманія всей послѣдующей средневѣковой исторіи и представляющее постоянный камень преткновенія для составителей нашихъ учебниковъ, въ книжѣ г. Беляярмінова очерчено хотя и не совсѣмъ согласно съ господствующимъ въ настоящее время взглядомъ науки, но все-таки безъ крупныхъ противорѣчій положительными историческими данными, и по крайней мѣрѣ, съ соблюдениемъ внутренней послѣдовательности. Поэтому, оставляемъ бѣзъ замѣчаній принятое въ учебникѣ представление о немногочисленныхъ дружинникахъ, превратившихся въ также немногочисленныхъ аллодіаловъ, единственныхъ полноправныхъ гражданъ... Какъ положительную погрѣшность мы отмѣтили только (§ 21, стр. 13) различіе герцоговъ отъ графовъ тѣмъ, что первые были правителями областей, а вторые, будто бы, только городовъ. Въ перечисленіи мѣстъ суда (§ 22 въ концѣ) опущено самое главное: народные суды, собиравшіеся по старому обычью на открытомъ воздухѣ...

На страницѣ 16-й въ примѣчаніи говорится о церковномъ уставѣ Бенедикта Нурсійскаго—скжато и вѣрно; есть только иѣкоторая странность въ изложеніи. Оно заставляетъ думать, что ученая задача Бенедиктинцевъ уже въ самомъ уставѣ была формулирована такъ, какъ мы теперь ее выражаемъ, что имъ было именно предписано „заботиться о передачѣ новымъ народамъ сочиненій древніхъ писателей“.

Въ отдѣлѣ, излагающемъ обозрѣніе византійской исторіи (§§ 27 и сл.), важныхъ промаховъ не встрѣчается; но конечно, никакъ нельзя сказать, что „императоры Византіи вступали на престоль по праву наслѣдства“ (стр. 18), и не слѣдовало называть „дикими“ и „дикарями“ тѣ народы, съ которыми имѣла дѣла Византійская имперія

(стр. 19), ибо варвары и кочевники не суть еще дикари. Это замѣчаніе относится и къ другимъ подобнымъ мѣстамъ (напримѣръ, на стр. 45). Точно также правильнѣе было бы считать императора Маврикія третьимъ, а не вторымъ преемникомъ Юстиніана, какъ это сказано въ примѣчаніи на стр. 22-й: кромѣ Юстиніа II въ промежуткѣ былъ еще Тиверій. Сомнительно, наконецъ, имѣть ли какое право императоръ Маврикій на титулъ историка: сочиненіе, которое ему приписывается, если даже и принадлежитъ именно ему, не есть собственно историческое сочиненіе.—Послѣдніхъ словъ въ примѣчаніи на стр. 21, напечатанныхъ курсивомъ, мы совсѣмъ не понимаемъ. Тамъ говорится, что Славяне служили въ войскѣ Велизарія подъ чужими знаменемъ, не такъ какъ Греки, Гуны и т. д. Чужамъ—въ отношеніи кого? Велизарія или Славянъ? и т. д. Левъ Исаврійскій не былъ возведенъ въ императоры въ благодарность за спасеніе Константинополя отъ Арабовъ (стр. 25, § 38), потому что онъ сначала сдѣлался императоромъ, а потомъ уже отразилъ арабское нашествіе на столицу.

Въ исторіи Каролинговъ говорится о Карлѣ Мартелѣ (§ 45, стр. 31), что онъ превратилъ въ казармы даже дома монастырскіе: но казармъ вообще не существовало въ данную эпоху; сверхъ того, не слишкомъ ли много приписывать мѣрамъ Карла Мартела „невѣжество и грубость нравовъ въ духовенствѣ“?

Относительно Пипина Короткаго—не совсѣмъ точны подробности избранія его въ короли: не одни аллодіали участвовали въ этомъ избраніи; согласіе и участіе въ этомъ дѣлѣ Бонифація весьма сомнителны. Но положительно невѣрно то, что пишется о тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ далѣе, въ § 47-мъ (стр. 33). „Сближившись... съ Пипиномъ Короткимъ, Стефанъ II сначала далъ позволеніе послѣднему овладѣть королевскою властію, а потомъ лично освятилъ эту власть, короновавъ Пипина въ Реймсѣ“. Впервыхъ, не Стефанъ II далъ извѣстное подразумѣвающее полномочіе совершить государственный переворотъ, а его предшественникъ, папа Захарія. Вовторыхъ, не въ Реймсѣ былъ коронованъ Пипинъ папою Стефаномъ, а въ Сен-Дени. Послѣдняя ошибка ведетъ свое начало изъ книги Лавалле.

Извѣстный титулъ „servus servorum Dei“, принятъ переводить на русскій языкъ словами „рабъ рабовъ Божихъ“: напрасно авторъ руководства не слѣдуетъ этому периоду, а вмѣсто тою пишетъ: „слуга служителей Божихъ“ (§ 46, стр. 32).

„Дарственная грамота, по которой папа сдѣлался свѣтскимъ

государемъ, называется даромъ Пипина (donatio Pepini)" (стр. 33—47). Такой способъ выраженія только въ томъ случаѣ былъ бы совершенно умѣстенъ, еслибы грамота Пипина въ самомъ дѣлѣ дошла до нашего времени, чего, какъ извѣстно, нѣтъ.

„Утвердилось положеніе, что государственные законы должны быть издаваемы по взаимному соглашенію верховной власти съ представителями государства" (стр. 35, § 48): очевидно, подъ представителями государства авторъ учебника разумѣеть не короля и его чиновниковъ, какъ это слѣдовало бы, а кого-то другаго, представляющаго уже не государство, а либо народъ, либо сословія..

Слово „самосудъ“ на той же 35 страницѣ во второмъ примѣчаніи употреблено также неправильно (сравн. стр. 4, § 5).

На стр. 38 говорится, что Норманы были вѣрны своему дому до непоколебимости. Если учитель не заставитъ учениковъ сдѣлать корректурную поправку (не отмѣченную въ опечаткахъ), то они заучатъ фразу, лишенну смисла.

На стр. 40-й говорится, что слабые преемники Карла Великаго вынуждены были возвратить званіе герцога. Но никогда въ учебникѣ не было рѣчи объ уничтоженіи этого званія, и еслибы пришлось отвѣтить на такой вопросъ преподавателю, то онъ несомнѣнно очутился бы въ большомъ затрудненіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи развитія феодальной системы (стр. 41) не все изложено точно и вѣрно. Выраженіе, что „графы посредствомъ насилия пріобрѣли мало по малу въ управляемыхъ имъ земляхъ государственные права“—попутому неправильно, что графы уже и раньше съ самого начала управляли порученными имъ землями какъ представители государственной власти. Никакъ нельзя сказать, что Карлъ Лы cantus изданиемъ Керсійскаго капитуларія подтвердилъ такія насильственные дѣйствія внатныхъ, какъ веденіе войны съ сосѣдями, издание законовъ отъ своего имени и т. д. Обо всемъ этомъ не было и рѣчи въ капитуларіѣ.

На стр. 44 читается, что Оттонъ I не позволялъ герцогамъ превращать королевскіе лены въ наследственные, передавалъ инвеституру на вымороchnыя герцогскія владѣнія своимъ братьямъ и дѣтямъ. Мы увѣрены, что эти слова или совсѣмъ не будутъ поняты, или будутъ поняты превратно. Дѣло въ томъ, что подъ королевскими ленами, которые Оттонъ I не позволялъ герцогамъ превращать въ наследственные, нужно разумѣть прежде всего именно самыя герцогства, и точно также подъ вымо-

рочными герцогскими владѣніями, которыя Оттонъ I передавалъ своимъ братьямъ и дѣтямъ, должны быть подразумѣваемы именно правдныя герцогскія мѣста или достоинства.—Выраженіе „передавать инвести-туру“, очевидно, совсѣмъ не идетъ въ данномъ случаѣ. Оно означаетъ установление такого порядка, когда верховный сюверенъ передаетъ свое право назначать на извѣстную должность кому-либо другому; но само собою разумѣется, что Оттонъ никогда не передавалъ своего королевскаго права дѣтямъ или братьямъ, а только, пользуясь имъ, ставилъ самъ своихъ родныхъ въ герцоги...

На стр. 46 находятся также строки, не совсѣмъ отчетливыя и понятныя. „Одну отрадную сторону представляеть Италия этого времени: ломбардскіе епископы, пользуясь спорами герцоговъ изъ-за ломбардской короны, вымогали у нихъ разныя льготы (impunitates) для святыхъ, то-есть, для патроновъ своего города“. Въ первыхъ, не вскій вдругъ догадается, чтѣ отрадного было въ вы-могательствахъ, дѣлаемыхъ ломбардскими епископами; а во вторыхъ, не совсѣмъ ясно, чтѣ это значить, что льготы вымогались для свя-тыхъ или патроновъ города: въ пользу ихъ, или только во имя ихъ?

На стр. 58 § 74-й объясняетъ положеніе церкви въ началѣ фео-дальной эпохи и служитъ введеніемъ въ исторіи борьбы за инвести-туру; но опять не все вѣдь ясно и хорошо изложено. „Въ XI вѣкѣ государи начали продавать высшія духовныя должности, и этотъ по-рядокъ, называемый симоніей, былъ особенно полезенъ имъ потому, что духовныя должности не были наслѣдственны. Слѣд-ствіемъ всего этого было то, что должности епископовъ, аббатовъ мало по малу перешли къ лицамъ безъ призванія и образованія; мѣ-ста ксендзовъ сдѣлались наслѣдственными, и поэтому зани-мались не всегда достойными лицами“. — Совсѣмъ непонятно, какъ это вслѣдствіе продажи и наследственности духовныхъ должностей мѣста ксендзовъ сдѣлались наслѣдственными. Сверхъ того, благо-даря неискусному изложенію, читатель можетъ подумать, что знакомъ свѣтской инвеституры былъ сначала жезль, а потомъ уже по-сохъ, тогда какъ жезль или посохъ — совершенно одно и то же.

На слѣдующей 59 страницѣ, въ примѣчаніи 3-мъ, составитель учебника, говоря отъ своего лица, называетъ цѣнными для хри-стіанъ святынями такіе поддѣльные и фальшивые предметы, какъ выставлявшіеся во французскихъ церквяхъ XI вѣка жезль Моисея и голова Иоанна Крестителя.

На стр. 67 авторъ пишеть, что „Византійськіе императоры, думая утвердить санъ патріарха за своимъ домомъ, обращались иерѣдко къ суду папъ“. Но развѣ позволительно обобщать такъ рѣшительно и такъ неловко одинъ или два единственныхъ во всей византійской исторіи случаи? Какой еще императоръ, кроме Романа II, желалъ возвести въ патріархи своего сына?

Папа Левъ IX потребовалъ отъ патріарха Керуларія полной покорности себѣ, конечно, не въ началѣ XI вѣка, какъ гласить текстъ § 83-го вопреки его заголовку, а именно въ половинѣ этого вѣка.

Нѣсколько странно выражено нашимъ авторомъ замѣчаніе Льва Діакона о храбрости Русскихъ (стр. 72). Левъ Діаконъ будто бы замѣтилъ въ своей исторіи, что они во время сраженія отъ непріятеля не бѣгаютъ. Само собою разумѣется, сраженіе и бѣгство—два понятія несовмѣстимы и никакъ не могутъ совпадать въ одномъ и томъ же моментѣ для однихъ и тѣхъ же лицъ. Не бѣгать во время сраженія то же самое, что не стоять на одномъ мѣстѣ во время бѣгства.

Относительно исторіи Крестовыхъ походовъ, представленной въ весьма сжатомъ и краткомъ наложеніи, мы можемъ ограничиться не многими и не особенно важными замѣчаніями. Танкредъ (стр. 73) безъ дальнѣйшихъ объясненій называетъ братомъ Бозмунда Тарентскаго; слѣдовало бы по крайней мѣрѣ прибавить слово „двоюродный“, если авторъ не раздѣляетъ болѣе распространенного мнѣнія, что Танкредъ приходился племянникомъ Бозмунду.

Герой четвертаго Крестового похода, известный венеціанскій дожъ постоянно импруется въ учебникахъ Дандоло, тогда какъ настоящая его фамилія была Дандоло (см. стр. 78—79). Равнымъ образомъ наименование известной французской провинціи есть Турень, а не Тирень (стр. 80).

На стр. 79 въ небольшомъ предварительномъ замѣчаніи сказано, что шестой и седьмой Крестовые походы были предприняты Французскимъ королемъ Людовикомъ IX. Между тѣмъ, при самомъ разказѣ о Людовикѣ Святомъ (стр. 84, 85) крестовые походы, имъ совершенные, называются одинъ—седьмымъ, а другой восьмымъ.

На стр. 88 (§ 99) встрѣчается соблазнительный и трудно поправимый недосмотръ: „Маркъ Невѣрный, основанный еще Генрихомъ I, продолжалъ мало по малу разширяться на счетъ.... Сербовъ Лужицкихъ“. Чѣдѣ такое Маркъ Невѣрный? Положимъ, что

часть, сихъ отд. 3.

Маркъ—то же самое, что въ учебникоѣ первоначально называлось маркою (марка см. стр. 34: марка Каантанская). Но все-таки мы знаемъ въ указанной мѣстности только Nordmark, то-есть, Сѣверную марку, а не певѣрную. Несомнѣнно, что Сѣверная марка превратилась въ певѣрную вслѣдствіе корректурнаго недосмотра; бѣда въ томъ, что этотъ недосмотръ имѣетъ такую благообразную наружность, что не вскликнешь будешь угадать и многихъ введешь въ заблужденіе. Конечно, только вслѣдствіе опечатки начало царствованія Фридриха Барбароссы (на стр. 92) означено 1125 годомъ въ лѣто 1155. Но здѣсь же слѣдуетъ обратить вниманіе на переводъ выраженія „Dominus dominantium“, которымъ титуловалъ себя Барбаросса: еслибы это значило „септоръ септоронъ“, то по справедливости такой титулъ приналежалъ бы и всякому другому королю или даже герцогу и никакой особенной гордости и притязанія на всемирное господство въ немъ бы не заключалось.

По смерти Альбрехта I Габсбургскаго избранъ былъ въ императоры не Генрихъ Люксембургскій (стр. 105), а Людовикъ Баварскій. Если составитель учебника считалъ возможнымъ совсѣмъ умолчать объ этомъ довольно значительномъ императорѣ, то все-таки не нужно было давать прямаго нонода къ ложному представленію о непосредственнымъ преемствѣ Альбрехту Генриха Люксембургскаго.

На стр. 116 Чехамъ приписывается такое убѣжденіе, которое они едва ли въ самомъ дѣлѣ имѣли, а уже во всякомъ случаѣ не могли такъ формулировать, какъ это выражено въ книжѣ: „Гуситы, убѣженные, что смерть ихъ учителя вызвана не учениемъ его, а ненавистью Германо-Романского племени къ Славянскому“ и т. д. Сверхъ анахронизма, переносящаго воззрѣнія настоящаго въ прошлые времена, мы должны осудить и самое выраженіе „Германо-Романскоѣ племени“, потому что такого племени никогда не было и неѣтъ, а говорится обыкновенно о „германо-романской цивилизациѣ“ и т. п. Впрочемъ, и самъ авторъ вѣздѣ, за этимъ единственнымъ исключеніемъ, держится правильнаго словоупотребленія.

Стр. 122. Герцогъ Орлеанскій, который оспаривалъ власть у герцога Бургундскаго при Карлѣ VI, не былъ дядею короля, а его братомъ; следовательно, выраженіе „дяди короля“ (на стр. 122) должно быть замѣнено другимъ.

На стр. 138 Браманте названъ первымъ изъ 30 строителей храма св. Петра; между тѣмъ тутъ же и непосредственно вслѣдь за приведенными словами прибавлено, что начало ему, то-есть, храму

Петра (лучше бы сказать, его перестройки) положено въ годъ превращенія св. Софії въ мечеть, то-есть, въ 1453 г. Если мы припомнимъ, что только папа Юлій II, и не ранѣе 1503 г., поручилъ Браманте возведеніе купола, то уже ясно будетъ присутствіе какой-то неточности или искаженіи въ словахъ учебника.

Въ оцѣнкѣ фактической вѣрности и точности сообщаемыхъ учебникомъ сведѣній мы хотѣли быть строгими, потому что такъ это и слѣдуетъ. Оченьѣроятно, что другимъ многія изъ нашихъ замѣчаній покажутся придиличными. На такой упрекъ мы отвѣчали бы, что мы имѣли въ виду не только специальное назначеніе книги, но и возможность будущаго ея улучшения и усовершенствованія. Что касается вліянія, какое, по нашему мнѣнію, до сихъ поръ приведенныя данными должны имѣть па окончательный приговоръ о разбираемомъ памъ трудѣ, то вотъ нашъ предварительный выводъ. За исключеніемъ двухъ-трехъ довольно крупныхъ фактическихъ промаховъ, всѣ остальные погрѣшности могутъ считаться мелкими и простительными. Хотя послѣднія, къ сожалѣнію, оказываются въ довольно значительномъ числѣ и потому вредятъ хорошему впечатлѣнію даже болѣе, чѣмъ первые, — онъ все-таки не уничтожаютъ и не перевѣшиваютъ окончательно общихъ хорошихъ качествъ учебного руководства, составленного г. Беляминовымъ. Но бѣда въ томъ, что на этомъ мы еще не можемъ остановиться. Есть еще одна сторона, которая тоже должна быть припята въ расчетъ: никакъ не могутъ считаться мелочными литературные недостатки изложенія и языка, которыхъ, къ сожалѣнію, весьма не чуждо руководство. Какихъ-либо выстrixъ требованій относительно изящества, живости и выразительности рѣчи мы не предъявляемъ, но книга почтеннаго автора грѣшила не только отрицательными недостатками, но и положительными погрѣшностями противъ стилистическихъ условій. По мѣстамъ встрѣчается совершенно неправильное строеніе periodovъ (такъ какъ — поэтому), нелогическое сочетаніе понятій; попадаются ненужные кудрявые выраженія, употребляемыя съ какою-то особою любовью. Вотъ примѣры:

Стр. 6. „Стилихонъ, на основавіи клеветы, былъ казненъ“ — какъ будто уже въ самомъ приговорѣ обвиненіе признавалось клеветою.

Стр. 7. „Бонифацій, подъ вліяніемъ епископа, раскаялся въ своемъ преступлениі, обратился къ долгу“. Лучше говорится: возвратился къ сознанію долга и т. п.

Стр. 8. „Одоакръ принялъ титулъ короля подъ верховною зависимостью отъ императора Восточной имперіи“. Верховною называется не зависимость низшаго, а власть высшаго.

Стр. 9. „Славяне чтили явленія природы, которая съ тече-
ніемъ времени превратились въ божество“: никогда самыя явленія природы не могли обратиться въ божество.

Стр. 11. „Клодвигъ — то силою, то хитростію соединилъ подъ своею властью—Франкскія племена Галліи. Такъ какъ Клодвигъ — былъ единственнымъ православнымъ государемъ, поэтому папа Анастасій далъ ему титулъ“. Ср. стр. 108.

Стр. 12. „Чехи, равно какъ и союзные съ ними Славяне, спустились въ племенной бытъ“. Слишкомъ образное выраженіе, и даже нѣсколько странное; говорится спуститься въ преисподнюю, но не въ тотъ или другой бытъ.

Стр. 13. „Къ классу несвободному принадлежали всѣ, безъ племенного различія, жившіе на земляхъ аллодіаловъ“. Еслибы было сказано: „безъ различія племени или происхожденія“, то фраза была бы яснѣе.

Стр. 21. „Юстиніанъ уничтожилъ остатки нубійчаго языче-
ства“: темная и неловкая фраза.

Стр. 26. „Царствовавшіе послѣ Ирины три императора снова воз-
стали противъ иконъ, пока императрица Феодора не подтвердила
решенія Никейскаго собора, чѣмъ и прекратила этотъ религіозный
споръ“. Однократный глагольный видъ сообщаетъ рѣчи двусмысли-
чество; можно подумать, что три въ одно время сидѣвшіе на тронѣ
императора (это бывало въ Византії) возстали дружно и за одинъ
разъ противъ иконъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ три государя, съ-
довавшіе одинъ за другимъ, возставали противъ иконопочитанія.
Дальнѣйшее строеніе периода также не совсѣмъ ладно и гладко.

Стр. 43. „Возникнувъ на почвѣ языческихъ германскихъ обы-
чаевъ,—рыцарство представляло общество благородныхъ воиновъ“.

— „Гильдіи — — — возникли на почвѣ древнихъ языческихъ
гильдій“. Такія выраженія, хотя и могутъ казаться красивыми, но
едва ли окажутся удобопонятными для учениковъ и потому должны
быть избѣгаемы.

Стр. 43. „Оттонъ I поддержалъ Германію отъ окончательного
распаденія“. Явно неправильный оборотъ.

Стр. 66. „Василій II совершилъ такой безчеловѣчный поступокъ,

который стоилъ жизни Самуилу; такъ, онъ приказалъ ослѣпить нѣсколько тысячъ плѣнныхъ Болгаръ". Союзъ „такъ" употребляется тогда, когда приводится частный случай въ подтверждение или объясненіе общаго положенія; слѣдовательно, вѣдь съюзъ не умѣстенъ.

Стр. 76. „Убійство архіепископа (Фомы Бекета) покодебало въ нѣкоторыхъ вассалахъ основы повиновенія королю". Основы повиновенія королю въ феодальномъ государствѣ не покоились прямо на отношеніяхъ короля къ церкви; напротивъ, въ данномъ случаѣ убіеніе архіепископа послѣдовало „на основахъ феодальной вѣрности" королю. Безъ пужды кудрявое выраженіе оказывается невѣрнымъ по существу.

„Королевскія инсигніи" — выраженіе, нѣсколько разъ встрѣчающееся въ книгѣ и всякий разъ напоминающее о существованіи болѣе русскаго выражения: „знаки императорскаго (или королевскаго) достоинства".

Стр. 77. „Слѣдствіемъ этого было перебіеніе въ Константинополь всѣхъ Латинцевъ". Выраженіе неловкое.

Стр. 101. „Высшія передвижныя училища, на почвѣ которыхъ возникло много университетовъ". Но имѣніо передвижныя-то училища и не имѣли опредѣленной почвы.

Стр. 121. „Добыча, взятая Англичанами, возводила сильную корысть" и т. д.

Сверхъ того, мы должны отмѣтить ошибки и не исправленные опечатки въ написаніи отдѣльныхъ словъ и реченій:

- Стр. 2. truncatus, вмѣсто truncatus.
- 5. Аллеманы, вмѣсто Алеманны.
- 14. ordales, вмѣсто ordalia.
- 19. монофезиты, монофелиты, вмѣсто монофизиты, моноеслиты.
- 22 и сл. Гераклій, Гераклійскій, вмѣсто Ираклій, Ираклійскій.
- 25. Пепинъ Геристальскій, тогда какъ раньше встрѣчалась форма болѣе правильная (Пипинъ, см. стр. 12). Сверхъ того: Карломъ Мартелломъ, вмѣсто Карломъ Мартелоимъ.
- 29. Зосима, вмѣсто Зосимъ.
- 32. Теодолинда, вмѣсто Теоделинда.
- 35. Missi domіnici (вмѣсто dominici).
- 36. Алькуинъ, вмѣсто Алкуинъ.

- 39. каганатсъа, вмѣсто каганата.
- 42. X и IX вѣка, вмѣсто X и XI.
- 46. Феоѳаніи, вмѣсто Феофаніи.
- 66. Сиалистрія, вмѣсто Сиалистрия.
- 67. Керулларія, вмѣсто Керуларія (или Кируларія).
- — Феофилактъ, вмѣсто Феофилактъ.
- 74 -88. Клервосскій монастырь, Бернардъ Клервосскій; лучше было бы писать ближе къ латинскому: Клервалльскій или Клерваллійскій (*Claravallensis*).
- 83. Quas, вмѣсто quasi.
- 92. Арнольдъ Бреміанскій, вмѣсто Брешианскій.
- 94. Доминіканцевъ, вмѣсто Доминиканцевъ.
- 96. Гиббеліны, вмѣсто Гибеллины.
- 102. Ususагногум = usus агногум.
- 105. Булонскій университетъ, вмѣсто Болонскій.
- 116. Эней Сильвій, вмѣсто Эней Сильвій.
- 124. Перроній, вмѣсто Пероній.
- 139. Васка де Гама, вмѣсто Васко-де-Гама.

Мы указали довольно подробно достоинства и недостатки учебника преимущественно по отдѣлу средней всеобщей исторіи, составляющей многимъ болѣшую половину книги. Мы позволимъ себѣ выскажаться гораздо короче относительно русской исторіи. Уже при первомъ бѣгломъ просмотрѣ обнаруживается несомнѣнно болѣшья исправность этой части въ фактическомъ отношеніи. Въ своемъ родѣ этотъ краткій и сжатый конспективный обзоръ, въ которомъ внутреннему быту, исторіи гражданственности и просвѣщенія удѣлено достаточное вниманіе, могъ бы считаться вполнѣ удовлетворительнымъ, еслибы опять не эти, хотя уже рѣдкія и немногія, но все-таки злосчастныя неисправности изложениія и корректурные недосмотры. Еще два раза встрѣчаемся мы съ винословіемъ періодомъ, составляемымъ при помощи союзовъ: „такъ какъ—поэтому“ (стр. 184. 190). Такія выраженія, какъ „монастыри женскіе были убѣжищемъ отъ поруганія для женщинъ высшаго класса“, или: „сверженіе тѣни ига“ (вмѣсто „окончательное снереженіе ига“) мы не можемъ признать удачными (см. стр. 194. 199). Написаніе Сиалистрія (стр. 146) и Вильтовтъ все-таки остаются неправильными, хотя послѣднее и повторяется многое число разъ (на стр. 179, 181, 187). Рѣзоманіе, вмѣсто рѣзоміаніе (стр. 195); и другія подобныя явленія мы относимъ въ счетъ неотмѣчен-

ныхъ корректурныхъ ошибокъ; тоже самое нужно сказать относительно Ольгреда (стр. 186). Найдется, конечно, кое-что поправить ради большей ясности выражения и ради большаго соответствія историческому преданію. Отношеніе Византійскаго императора къ завоеванію Болгаріи Святославомъ не ограничивалось только вспышепіемъ, какъ сказано въ учебникѣ (стр. 146), но имѣло еще болѣе рѣшительный характеръ. Здѣсь сказано слишкомъ мало; но, быть можетъ, сказано слишкомъ много и слишкомъ рѣшительно о Владимірѣ, что онъ предался жеполюбію именно „изъ презрѣнія къ христіанству“ (тамъ же). Что послѣ переселенія Андреемъ Боголюбскимъ великохріїлійского стола во Владиміръ, Кіевъ утратилъ свое прежнее первенствующее значеніе — это несомнѣмо; но едва ли вполнѣ удачно выраженіе, что онъ пересталъ съ этого времени быть „матерью городовъ русскихъ“ (стр. 155). Если мы скажемъ, что Софія Палеологъ послѣ взятія Константинополя Турками нашла себѣ убежище при наполеонѣ дворѣ, то это будетъ проще и яснѣе, чѣмъ „разгромъ Константинополя“, обозначающей тотъ же самый фактъ на стр. 200 учебника...

Однако, все это — уже пастоянія мелочи, и очевидно, что судьба цѣлой книги будетъ зависѣть не отъ русской исторіи, которую несомнѣнно слѣдовало бы одобрить, а отъ всеобщей средней исторіи, о которой памъ и остается произнести заключительное и окончательно формулированное мнѣніе. Оно можетъ быть выражено такъ, что не смотря на свои несомнѣнныя педагогическія достоинства, не смотря на прекрасное, заслуживающее полнаго одобренія общее направлѣніе, не смотря на успѣшное въ главнѣйшихъ частяхъ проведение основной идеи, которое могло быть достигнуто только значительными самостоятельными усилиями автора, не смотря на малочисленность сколько-нибудь важныхъ фактическихъ промаховъ, книга, составленная г. Беляминовымъ, а именно, первая ея часть, въ настоящемъ своемъ видѣ все-таки не можетъ быть безопасно употребляема въ званіи учебника или руководства. Главнѣйшия препятствія къ тому заключаются въ большомъ числѣ разныхъ легкихъ на первый взглядъ, но существенныхъ въ своей совокупности, недостатковъ, именно — мелкихъ фактическихъ неточностей, бросающихся въ глаза погрѣшностей противъ чистоты и правильности языка, и наконецъ, корректурныхъ педосмотровъ и типографскихъ опечатокъ. Устраненіе этихъ недостатковъ потребуетъ, конечно, внимательнаго пересмотра

книги, но не болѣе того; и мы надѣемся, что въ своей любви къ дѣлу и въ своемъ близкомъ знакомствѣ съ положеніемъ нашей учебной литературы, авторъ найдеть для себя достаточно побужденій, чтобы безъ всякой горечи вялиться за эту работу. Было бы противно не только его собственнымъ выгодамъ, но также интересамъ нашей школы, еслибы онъ счелъ свой опытъ окончательно неудачнымъ.

П О П Р А В К А.

Въ статьѣ о „Нашей учебной литературѣ“, помѣщенной въ юльской книжкѣ Ж. М. Н. Пр. видались слѣдующія опечатки:

Страницы.	Строки.	Напечатано:	Должно быть:
7	18	снизу: возраженія	выраженіе.
27	19	сверху: витаковъ	витаковъ.
29	12	, указавшіе	указывающіе.
»	15	, 853 года	857 года.
31	14	снизу: omenda lollardi	lollardi.
33	11	сверху: дома	дома
»	17	, не прекратились	прекратились.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТИЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНИИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣятельности Харьковскаго университета въ 1877 году: личный со-
тавъ преподавателей; вакантныя кафедры; объ усиленіи учебной дѣятельности
студентовъ и о контролѣ надъ ими; присужденіе наградъ за сочиненія на за-
даніи темы; научные труды преподавателей и читанные ими публичныя лекціи;
испытанія на ученыя степени и званія; командировки съ ученою цѣлью; бюджетъ
университета; состояніе учебно-вспомогательныхъ учреждений; дѣятельность учес-
твъ обществъ при университѣтѣ.

Въ харьковскомъ университѣтѣ къ 1-му января 1878 года, со-
стоало, смеркъ профессора православного богословія, слѣдующее число
штатныхъ преподавателей: по историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ—8, доцентовъ—4, лекторовъ новѣйшихъ
языковъ—3, всего—12 лицъ; по физико-математическому: ординар-
ныхъ профессоровъ—11, экстра-ординарныхъ—3, доцентовъ—2, лабо-
рантовъ—3, всего—12; по юридическому: ординарныхъ профессо-
ровъ—6, доцентовъ—3, всего—8; по медицинскому: ординарныхъ
профессоровъ—11, экстра-ординарныхъ—5, доцентовъ—6, прозекторовъ—2,
помощниковъ прозекторовъ—2, лаборантъ—1, ординаторовъ
факультетскихъ клиникъ—7. Всего такимъ образомъ, за исключеніемъ
профессора богословія православнаго исповѣданія, состояло штатныхъ
преподавателей: ординарныхъ профессоровъ — 35, экстра-ординар-

ныхъ—8, доцентовъ—12, профессоровъ—2, помощниковъ-профессоровъ—2, лаборантовъ—4, ординаторовъ—7, лекторовъ новѣйшихъ изысковъ—3, итого—73 лица. Сверхъ штата было—2: одинъ профессоръ ординарный по физико-математическому факультету и одинъ ординаторъ клиники. Приват-доцентовъ въ 1877 году было—7, именно по каѳедрамъ: греческаго языка, агрономіи, ботаники, физики, государственного права и два по предмету акушерства. Изъ положенныхъ по университетскому уставу каѳедръ къ 1-му января 1878 года были вакантными: русской исторіи—съ 1875 года, агрономіи—съ сентябрь 1872 года, энциклопедіи права—съ сентябрь 1868 года, международного права—съ декабрь 1872 года, итальянскаго языка, теоріи и исторіи искусствъ, исторіи русскаго права, исторіи славянскихъ законодательствъ, государственного права, церковнаго законовѣдѣнія, госпитальной терапевтической клиники и госпитальной хирургической клиники, по сейдѣвіе семь—со времени введенія въ дѣйствіе устава 1863 года.

Въ 1877 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологический—22, физико-математический—31, юридический—26 и медицинский—30. По вакантнымъ каѳедрамъ преподаваніе было поручено: русской исторіи—профессору Надлеру, энциклопедіи права—профессору Владимирову, римскаго права—доценту Загурскому. Международное право не было читано, такъ какъ предметъ этотъ былъ изложенъ въ 1875—76 академическомъ году профессоромъ Стояновымъ студентамъ 3-го и 4-го курсовъ совмѣстно. Для контроля научныхъ занятій студентовъ всѣхъ факультетовъ служили: постоянное въ теченіе года наблюденіе преподавателей за практическими упражненіями студентовъ, годовая теоретическая испытанія и годовая практическая испытанія. Практическія занятія студентовъ состояли въ слѣдующемъ: По историко-филологическому факультету: по каѳедрамъ греческой словесности студенты двухъ высшихъ курсовъ занимались переводомъ „Аналогіи Сократа“ Илліона, „Горгій“ Илліона и „Электры“ Софокла. „Горгій“ прочитанъ былъ студентами весь на дому, и лучшіе изъ нихъ переводили его затѣмъ на лекціяхъ à livre ouvert. Независимо отъ этого, студентами всѣхъ курсовъ представлялись и письменныя работы, преимущественно переводы съ русскаго на греческій: Работы эти разбирались и поправлялись на лекціяхъ профессоромъ. По латинской словесности студенты историко-филологического факультета, по примѣру прежнихъ лѣтъ, упражнялись переводами съ русскаго на латинскій языкъ, которые были преподавателемъ тица-

тельно рассматриваемы и возвращаемы авторомъ съ надлежащими грамматическими примѣчаніями. На заданную на медаль тему „De M. Terrentio Varrone“ представлены были три сочиненія, изъ коихъ одно на латинскомъ, а два на русскомъ языке. По сравнительной грамматикѣ ивдо-европейскихъ языковъ практическія упражненія состоялись въ переводахъ, отъ лекцій, разныхъ частей санскрита на русский языкъ и наоборотъ, и въ сравнительномъ разборѣ всѣхъ главныхъ встрѣчаемыхъ въ нихъ корней, словъ и формъ. Въ этомъ направлении студентъ 3-го курса Поповъ представилъ слѣдующія письменныя работы: а) переводъ девятой главы Ильи съ разборомъ этиологическихъ и грамматическихъ особенностей Зенда; б) переводъ изъ ригъ-Веды 5-й, 6-й и 7-й сутки, 9-й анутика, первой мандалы съ указаниемъ встрѣчающихся особенностей Всдѣ, и въ переводе съ этиологическимъ и грамматическимъ разборомъ литовской сказки „О старомъ конѣ, волкѣ и баранѣ“. Schleicher-Lesebuch. S. 120. Эти переводы признаны вполнѣ удовлетворительными. По истории русской литературы и русского языка практическія занятія состояли въ слѣдующемъ: а) студентамъ младшихъ двухъ курсовъ предлагаемы были статьи церковно-славянскія для разбора съ грамматическими точками зрения, указанными преподавателемъ на лекціяхъ; б) студентами двухъ старшихъ курсовъ славяно-русского отдѣла были приготовляемы къ лекціямъ по истории русской словесности извлечения и разборы памятниковъ старины русской словесности до XIV вѣка включительно; в) представили преподавателю сочиненія: студентъ 3-го курса А. Поповъ—„Замѣчанія объ этнографическихъ материалахъ (довольно обширныхъ и цѣнныхъ), собранныхъ авторомъ въ Старобѣльскомъ уѣзѣ Харьковской губерніи“ и „О якѣ которыхъ случаихъ регрессивной и прогрессивной ассимиляціи въ славянскомъ и сродныхъ языкахъ“ и Скиндеръ—„О заговорахъ“, по поводу сборниковъ Майкова и Ефименко. По всеобщей истории практическія занятія состояли главнымъ образомъ въ ихъ письменныхъ домашнихъ работахъ частію на темы, предлагаемы преподавателями, съ указаниемъ для нихъ надлежащихъ способій, частію же по задачамъ, избирающимъ писавшими, если кто либо изъ нихъ заинтересованъ быть тѣмъ или другимъ специальнымъ вопросомъ. Къ работамъ послѣднаго рода, заслуживающимъ особое одобрение, должно отнести сочиненія студентовъ 2-го курса: Лесевичкаго—подъ заглавиемъ „Историческая замѣтка“ и Бузескула—„Вліяніе физическихъ условій на цивилизацію“ Извъ работъ, исполненныхъ на предложенія преподавателемъ темы, на первомъ мѣстѣ,

должно поставить предпринятою студентомъ 2-го курса Шароградскимъ „Сравнительную характеристику историческихъ прѣемовъ Грота и Курциуса въ примѣненіи къ начальной исторіи Греціи“. Вообщѣ, студентами 2-го курса представлено было одинадцать сочиненій, большая часть которыхъ заслужила одобрительные отзывы, при чѣмъ работы были дѣйствительно исполнены съ удовлетворительнымъ успѣхомъ, какъ это оказалось при просмотрѣ ихъ не только самимъ преподавателемъ, но и при разборѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ на лекціяхъ и съ участіемъ студентовъ. Наконецъ, въ началѣ 1877—78 академического года, по принятому обычаю, предложены были студентамъ для письменныхъ упражненій слѣдующія новыя темы: „Политическая исторія древнаго Египта по новѣйшимъ монументальнымъ и гіероглифическимъ открытиямъ“, „Буддизмъ и его вѣрованіе“, „Дуализмъ въ религіи древнихъ Иранянъ“, „Процессъ Германопидовъ въ Дениахъ“, „Черты народного характера Галловъ по Ю. Цезарю“ и „Личность и политика Константина Великаго“. Студентамъ двухъ старшихъ курсовъ исторического отдѣленія даны были по исторіи срединъ вѣковъ слѣдующія темы для письменныхъ работъ: „Представить характеристику франкскаго короля Хильпериха и его отношеній къ церкви, исключительно на основаніи источниковъ, въ особенности сочиненія Григорія Турскаго“, „Изложить исторію византійско-готскихъ отношеній въ періодъ времени между смертью Теодориха Великаго и избраниемъ короля Витигеса, главнымъ образомъ на основаніи двухъ сочиненій Прокопія: „De bello Gothica“ и „Historia arcana“, „Представить характеристику Карла Великаго на основаніи Эйварда и другихъ современныхъ источниковъ и разобрать критически позднѣйшія извѣстія о Карлѣ, собранная въ сочиненіи монаха с.-Галленскаго“ и „Представить, на основаніи источниковъ, исторію первой Саксонской войны при Императорѣ Генрихѣ IV отъ начала восстанія до покоренія Саксонцевъ“. Темы для всѣхъ работъ были избраны изъ отдѣловъ, хорошо знакомыхъ студентамъ изъ читаныхъ имъ специальныхъ курсовъ. При назначеніи темъ обозначены были, въ возможной полнотѣ и ясности, объемъ задачи и характеръ работы и даны критическія указанія на счетъ главнѣйшихъ источниковъ. По первой и третьей темѣ начаты были работы, производившіяся подъ непосредственнымъ руководствомъ преподавателя, но изъ нихъ представлена была лишь одна „О королѣ Хильперихѣ“ студентомъ Кректишевымъ, признанная, по разсмотрѣніи, удовлетворительною. По церковной исторіи представлена работа студентомъ З-го

курса исторического отдѣленія Буцінскімъ на тему „Разборъ препаданія о дружбѣ и перепискѣ апостола Павла съ Сенекою“ По философіи представлены три сочиненія: студента Дикарева—„О важности и значеніи сравнительного метода въ психології“, студента Ремидовскаго—„Объ отношеніи психологіи къ педагогикѣ“, и вольнослушателя Діаконова—„Сравнительная оцѣнка теорій отношенія души къ тѣлу „оккреміонализма“ и „представлений гармоніи“. Постѣднія четыре сочиненія также признаны удовлетворительными. На 1877—78 академіческій годъ для практическихъ упражненій предложены три темы: „Анализъ логики Кондильяка“ и „Различие логическихъ учений Огюста Конта и Дж. Сг. Милля“ и „Ученіе Спинозы“ „о страстиахъ (de affectibus)“ и критическая оцѣнка его, а также рекомендованы студентамъ сочиненія на темы, избираемыя ими самими. По физико-математическому факультету: по чистой математикѣ студенты 1-го курса математического и физико-химическаго отдѣленій въ теченіе втораго полугодія занимались рѣшеніемъ задачъ изъ дифференціального и интегральнаго исчислениія, студенты 2-го курса тѣхъ же отдѣленій, въ теченіе всего года—рѣшеніемъ частныхъ задачъ по интегральному исчислению. По аналитической механикѣ студенты 3-го и 4-го курсовъ занимались рѣшеніемъ задачъ по этому предмету. Практическія занятія студентовъ 2-го, 3-го и 4-го курсовъ по астрономіи заключались въ рѣшеніи задачъ и въ наблюденіи малымъ универсальныи инструментомъ. По физикѣ: студенты 3-го и 4-го курсовъ обоихъ отдѣленій въ теченіе года имѣли въ физическомъ кабинетѣ практическія занятія по различнымъ методамъ изслѣдований, которые наиболѣе употребительны при изученіи физическихъ явлений, какъ, напримѣръ, измѣреніе преломляющаго угла призмы, показателя преломленія, сопротивленія проводниковъ, электровозбудительной силы и т. п. По физической географіи студенты 2-го и 3-го курсовъ знакомились съ картографіей, упражнялись въ измѣреніи возвышеностей и количествѣ воды въ источникахъ и рѣкахъ. Практическія занятія по неорганической химіи состояли: для студентовъ физико-химическаго отдѣленія и естественныхъ наукъ—въ неорганическомъ качественномъ анализѣ, а для студентовъ 3-го и 4-го курсовъ—въ анализѣ газовъ и калориметрическихъ упражненіяхъ. По органической химіи студенты 3-го курса занимались приготовленіемъ уже изслѣдованныхъ соединеній съ цѣлью ознакомленія съ приемами работы и изслѣдований по органической химіи. По аналитической и технической химіи практическія занятія студентовъ состояли

преимущественно въ аналитическихъ занятіяхъ, а также въ приготовлениі нѣкоторыхъ химическихъ препаратовъ, имѣющихъ значеніе въ практикѣ; по зоологии—въ опредѣленіи животныхъ студентами двухъ старшихъ курсовъ и въ упражненіи студентовъ 2-го курса въ гистологическихъ работахъ; по сравнительной анатоміи—въ занятіяхъ студентовъ 3-го курса естественныхъ наукъ секціями животныхъ. По ботаникѣ профессоръ Ценковскій занималъ студентовъ двухъ старшихъ курсовъ отдѣленія естественныхъ наукъ упражненіями по морфологіи низшихъ тайно-брачныхъ, а профессоръ Питра руководилъ тѣхъ же студентовъ въ опредѣленіи растеній. По минералогіи студенты 3-го курса раздѣляли физико-химическихъ и естественныхъ наукъ занимались опредѣленіемъ минераловъ, качественнымъ и количественнымъ опредѣленіемъ состава ихъ и кристаллографическими опредѣленіями. По геологіи и палеонтологіи студенты 4-го курса отдѣленія естественныхъ наукъ занимались опредѣленіемъ окаменѣлостей и горныхъ породъ. По юридическому факультету: по статистикѣ практическія занятія въ теченіе 1876—77 академического года состояли въ изслѣдованіи ярмарочныхъ оборотовъ Креценской ярмарки 1877 года. Въ теченіе первого полугодія занятія имѣли характеръ пріуготовительныхъ работъ и состояли: а) въ ознакомлениі съ приемами собирания свѣдѣній по торговлѣ, б) въ составлениі программъ для отдѣльныхъ предметовъ и в) въ личной подготовкѣ студентовъ, изъявившихъ желаніе принять участіе въ изслѣдованіи, необходимой для успешнаго достижениія предположенной цѣли и состоявшій въ изученіи оборотовъ прошедшихъ ярмарокъ, въ личныхъ знакомствахъ съ лицами торгового сословія по разнымъ специальностямъ и осмотрѣ мѣстъ, где сосредоточивается ярмарочный торгъ различными товарами. Въ теченіе года студенты были заняты собираниемъ свѣдѣній о ярмарочномъ торгу самыми разнообразными товарами. Затѣмъ, па основаніи собственныхъ показаній торговцевъ составились ими таблицы о торгѣ, съ объясненіями къ нимъ. Многіе изъ торговцевъ принимали самое радушное участіе въ трудахъ студентовъ, но иногда приходилось преодолѣвать и значительныя затрудненія при изысканіяхъ. Студенты, принимавшіе участіе въ работахъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ относились къ задуманному изслѣдованію. Практическія занятія по уголовному судопроизводству происходили въ формѣ рефератовъ. Назначалась тема и приглашались, по доброму желанію, референты или докладчики, причемъ единовременно избирались изъ студентовъ оппоненты. Практическія за-

нятія имѣли видъ диспута между референтомъ и оппонентами, причемъ спорные пункты рѣшались и окончательное заключеніе по научному вопросу въ темѣ давалось самимъ профессоромъ. По медицинскому факультету: практическія занятія по физиологической анатоміи ведены были почти исключительно со студентами младшихъ двухъ курсовъ, причемъ 1-й курсъ работалъ обыкновенно надъ связками, мышцами и внутренностями, а 2-й—надъ артеріальной и нервной системами. Анатомическій театръ открыть былъ, для практическихъ занятій, ежедневно отъ 7-ти часовъ утра до 9-ти часовъ вечера, такъ что студенты имѣли возможность работать во всѣ свободные у нихъ часы. Цріемъ готовыхъ препаратовъ производился проекторомъ, тоже ежедневно въ утренніе и вечерніе часы. Такъ какъ опытъ убѣдалъ въ неудобствѣ задаванія для работы студентамъ обширныхъ препаратовъ, по причинѣ скораго разложенія и высыханія препарируемыхъ частей, то для препаратовъ отдавались на каждый разъ сравнительно небольшіе препараты, но за то увеличенъ оборотъ самыхъ препаратовъ между работающими. Трупъ, назначенный для практическихъ занятій, отдавался 14-ти студентамъ, при чемъ: 2 приготавляли m. m. colli et faciei, 2—m. m. pectoris et abdominis, 2—m. m. dorsi, 2—m. m. scapuli et brachii, 2—m. m. antibrachii et manus, 2—m. m. pelvis et femoris, и 2—m. m. cruris et pedis. По окончанію препарата мускуловъ и сдачи такового проектору, причемъ производился практическій экзаменъ на тѣхъ же препаратахъ, сами студенты приготовляли связки, которая тоже сдавались. Кроме того, надъ тѣмъ же трупомъ всѣми работающими прочитывались: брюшина, плевра, перикардъ и отдѣльно внутренности. Студентами 2-го курса приготовлялись артеріи, и нервы отдѣльно и ѿмѣстѣ, и препарируемые части распредѣлялись точно такъ же, какъ и мышечные препараты. Труповъ, служившихъ материаломъ для практическихъ занятій, было всего—108 (мужск. 76, женск. 22 и дѣтск. 10). Число приготовленныхъ студентами обоихъ курсовъ препаратовъ было — 1,128 (по связкамъ—136, мышцамъ—473, внутренностямъ—190, нервамъ—171, артеріямъ — 140, артеріямъ и нервамъ — 18). Расчитывая количество препаратовъ на количество работавшихъ въ теченіе года, приходится на каждого студента приблизительно по семи препаратовъ. Для равномѣрности практическихъ занятій между студентами, препараты раздавались по очереди, какъ записаны студенты въ группахъ. Кроме того, изъ анатомическаго театра въ продолженіе цѣлаго года, выдавались студентамъ на домъ кости человѣческаго скелета.

лета, чтобы дать возможность изучить по препаратамъ остеологію. Практическія занятия по патологической анатоміи распадались на а) патологическая вскрытия, б) микроскопический и гистологический анализъ болѣзненно-измѣненныхъ органовъ, и в) элементарный курсъ патологической гистологіи. Патологическая вскрытия производились на клиническихъ трупахъ (около 40) со студентами 4-го и 5-го курсовъ профессоромъ и прозекторомъ, изъ коихъ послѣдній руководилъ студентами при вскрытияхъ дѣтскихъ труповъ. Большинство вскрытий (во 2-мъ полугодіи всѣ вскрытия) выпала на долю студентовъ 4-го курса, по причинѣ ускоренного выпуска студентовъ 5-го курса. Вскрытия посѣщались студентами не смотря на то, что для патолого-анатомическихъ вскрытий не назначается особаго времени, они производятся въ клинические часы и слѣдовательно нерѣдко одновременно съ клиническими занятіями студентовъ. Микроскопический гистологический анализъ болѣзненно-измѣненныхъ органовъ, получаемыхъ со вскрытий, веденъ былъ профессоромъ преимущественно со студентами 4-го курса, при дневномъ свѣтѣ, въ воскресные и праздничные дни. Этотъ курсъ посѣщался студентами слабѣе сравнительно съ предыдущимъ не столько потому, что онъ не былъ обязательнымъ, сколько потому, что онъ по своей зависимости отъ имѣющагося свѣжаго анатомического материала, не могъ быть достаточно разнообразнымъ и не имѣлъ характера вполнѣ правильныхъ анатомическихъ занятій. Однако, по возможности для него выбирались сложные, со многими послѣдовательными заболѣваніями патолого-анатомические случаи. Послѣ демонстраціи видимыхъ простымъ глазомъ измѣненій въ органахъ, студенты занимались здѣсь самостоятельнымъ гистологическимъ анализомъ, опредѣленiemъ болѣзненныхъ процессовъ въ органахъ, и затѣмъ, подъ руководствомъ профессора, разъясненiemъ возможной связи различныхъ заболѣваній въ различныхъ органахъ и ихъ системахъ. По самому существу задачи этихъ занятій, а самое главное — по крайней при 40 вскрытияхъ бѣдности материала, для нихъ этотъ курсъ, хотя и весьма важный для научного преподаванія не только патологической анатоміи, но и клинической медицины, приноситъ однако ограниченную пользу; при большой затратѣ времени со стороны преподавателя, сравнительно немногие студенты обладаютъ достаточными знаніями и достаточной привычкою отыскивать физиологическую и анатомическую связь между нерѣдко — разнородными и сложными измѣненіями въ различныхъ органахъ и дѣйствительно могутъ подвергнуть анализу сложный комплексъ

патолого-анатомическихъ измѣненій въ тѣлѣ. Кромѣ того, часто для такого анализа недостаетъ хорошаго анамнеза, то-есть, подробной передачи студентами прижизненныхъ явлений. Однако, по убѣждению профессора, подобный занятіе очень полезны для студентовъ, а потому желательно, чтобы они со временемъ получили большее развитіе. Элементарный курсъ патологической гистологии велъ профессоръ, въ вечерніе часы, съ студентами 3-го курса. Онъ состоялъ въ изслѣдованіи преимущественно съ диагностическою цѣлью болѣзнями-измѣненіями органовъ, получаемыхъ со вскрытий, опухолей, частей тѣла и патологическихъ скретовъ, по временемъ доставляемыхъ изъ университетскихъ клиникъ и отъ больничныхъ и вольнопрактикующихъ врачей города. Студенты, подъ руководствомъ профессора, самосто-ятельно упражнялись въ микроскопической техникѣ, распознаваніи болѣзнями-измѣненій и затѣмъ въ анализѣ и синтезѣ болѣзней-измѣненій процессовъ и ихъ периодовъ развитія и теченія, представляемыхъ отдаленными патологическими объектами. Такимъ образомъ, этотъ курсъ служитъ основою всѣхъ дальнѣйшихъ занятій по патологической анатоміи, тѣмъ болѣе, что микроскопическая занятія сопровождаются микроскопическими демонстраціями рѣзкихъ измѣненій въ различныхъ органахъ, по возможности принадлежащихъ каждый разъ одному и тому же патологическому случаю. Курсъ этотъ, несмотря на неудобства, связанныя съ назначаемыми для него вечерними часами, посѣщался студентами. Гистологическая занятія идутъ вообще успѣшно; многие студенты овладѣваютъ какъ простыми элементарными приемами изслѣдований особенно съжихъ органовъ, такъ и умѣнемъ открывать и отчасти оцѣнивать отличительные признаки патологическихъ измѣненій. Помимо курсовыхъ занятій, студентамъ старшихъ курсовъ предлагаются всѣ средства къ занятіямъ съ специальными цѣлями. По временемъ производятся ими изслѣдованія органовъ со вскрытий для пополненія клиническихъ наблюдений или изслѣдованія патологическихъ объектовъ съ цѣлью прижизненного диагноза болѣзни. Производились также студентами и некоторые работы по специальнымъ вопросамъ патологической анатоміи и гистологіи. Въ гистологическомъ кабинетѣ студенты 2-го курса въ теченіе обоихъ полугодій и студенты 1-го курса въ теченіе 2-го полугодія изучали практическіи способы гистологического изслѣдованія тканей и органовъ высшихъ животныхъ организмовъ въ часы, назначенные для этой цѣли по расписанию. Кромѣ того въ кабинетѣ, въ свободное отъ другихъ занятій время, занимались 9 студентовъ 2-го курса

и одинъ—3-го курса. Нѣкоторые изъ этихъ студентовъ, подъ руководствомъ профессора, производили специальные изслѣдованія, которые должны появиться въ печати. Практическія занятія студентовъ 2-го курса по эмбриологии состояли въ изученіи развитія животныхъ тканей и органовъ. Для болѣе успѣшнаго преподаванія курсъ раздѣленъ былъ на три параллельные группы и съ каждой группой преподаватель занимался по два часа въ недѣлю, при чемъ каждый студентъ работалъ за отдельнымъ микроскопомъ и пользовался указаніями и объясненіями преподавателя. Систематическое распределеніе материала и постепенный переходъ отъ простыхъ къ болѣе сложнымъ объектамъ изслѣдованія дали возможность студентамъ достаточно ознакомиться какъ съ техническою, такъ и съ научною стороны дѣла; большинство студентовъ занималось съ большимъ успѣхомъ и многие изъ нихъ получили достаточную подготовку къ самостоятельному изслѣдованію. Въ химической лабораторіи студенты 2-го курса занимались въ часы, опредѣленные факультетомъ. Занятія состояли въ изученіи способовъ химического изслѣдованія животныхъ жидкостей и тканей, какъ нормальныхъ, такъ и патологическихъ. Занятія по общей патологіи для студентовъ 3-го курса распредѣлялись на теоретическое изложеніе общей патологіи и практическія упражненія. Систематическая общая патологія излагалась по 4 часа въ недѣлю, практическія занятія — по 2 часа. Но такъ какъ въ первой половинѣ учебнаго года число студентовъ 3-го курса значительно увеличилось, то оказалось невозможнымъ ограничиваться двумя часами для практическихъ занятій, а потому прибавлено было еще два часа; студенты раздѣлены на двѣ группы, и одна изъ нихъ занималась по воскреснымъ днямъ. Такое раздѣленіе на группы вызвано было недостаточнымъ помѣщеніемъ лабораторіи и недостаткомъ учебныхъ пособій. Самыя практическія занятія состояли въ производствѣ различного рода опытовъ и вивисекцій надъ животными. Опыты производились самимъ профессоромъ и студентами подъ руководствомъ профессора. Кроме того, демонстрировались и производились макро- и микроскопическія изслѣдованія патологически измѣненныхъ органовъ и тканей, а также и новообразованій. Сверхъ того, студентамъ предоставлена была возможность заниматься, въ свободное для нихъ время, въ кабинетѣ, повтореніемъ опытовъ опредѣленія свойствъ и характера различныхъ патологическихъ объектовъ, находящихся въ музѣй кабинета, а также самостоятельными изслѣдованіями. При практическихъ занятіяхъ студен-

тозъ по гигієнѣ приняты были слѣдующія правила: а) дѣленіе занятій на общія (для всѣхъ студентовъ 3-го курса) и частныя (для желающихъ); б) дѣленіе студентовъ на четыре группы, и в) занятія (по два раза въ недѣлю по два часа) въ послѣбѣденное время, такъ какъ утренніе часы у студентовъ заняты теоретическими лекціями. Цѣль практическихъ занятій—техника главныхъ и наиболѣе простыхъ приемовъ санитарныхъ изслѣдований, нужныхъ и возможныхъ для практическаго врача. Въ теченіе академическаго года общія занятія заключались въ слѣдующемъ: а) изслѣдованіе содержанія углекислоты воздуха по двумъ способамъ Петтенкофера; б) изслѣдованіе сырости жилаго помѣщенія (влажность штуватурки); в) изслѣдованіе пыли (содержаніе воды и потеря при прокаливаніи); г) изслѣдованіе воды на содержаніе сухаго остатка хлоро- и марганцовокислымъ кали, и д) приемы алкалиметріи. Частныя занятія заключались въ слѣдующемъ: а) изслѣдованіе состава двухъ дешевыхъ порцій изъ харьковскаго „ожорнаго“ ряда (студенты Писнячевскій и Клабе); б) изслѣдованіе санитарныхъ условій одпого почлежнаго пріюта г. Харькова (Писнячевскій); в) изслѣдованіе жесткости воды (Прозоровскій); г) изслѣдованіе воды рѣчекъ Лопани, Харькова и Нетечи во время разлива (Прозоровскій, Платоновъ, Бриль и Лоскутовъ); д) опредѣленіе аміака въ водѣ, по способу Флекка (Прозоровскій); е) изслѣдованіе крѣпости продажнаго уксуса (Артінскій и Чеботковъ); ж) определеніе органическихъ веществъ въ водѣ, по способу Флекка (Несмѣлановъ), и з) описание и планъ боенъ г. Харькова (Чеботковъ и Артінскій). Практическія занятія по судебнѣй медицинѣ ограничились, какъ и въ прежніе годы, изслѣдованіемъ труповъ, доставляемыхъ судебнymi слѣдователями для судебнно-медицинскихъ вскрытий, производимыхъ еженедѣльно два раза въ зданіи университета. Послѣднее обстоятельство составляетъ главную причину, почему судебнно-медицинскія вскрытия возможны въ Харьковѣ лишь въ холодное время, съ 15-го октября по 15-е марта. Совершенное отсутствіе при университѣтѣ не только судебнно-медицинскаго кабинета, но и вообще помѣщенія для практическихъ занятій этой наукой, ставить преподавателя въ невозможность организовать практическій курсъ соотвѣтственно современному состоянію судебнѣй медицины, на которую запросъ съ каждыи днемъ дѣлается болѣе и болѣе. Судебно-медицинскихъ вскрытий произведено было въ теченіи года — 24, въ томъ числѣ мужскихъ труповъ — 15, женскихъ — 5 и новорожденныхъ младенцевъ — 4. Умершихъ смертью скоропостижно было — 11 и насиль-

ственномъ—13. Всѣ вскрытія произведены были студентами 4-го и 5-го курсовъ, подъ руководствомъ профессора. Упражненія по хирургической клиникѣ состояли въ занятіяхъ студентовъ съ стационарными, амбулаторными и поликлиническими больными. Въ стационарной клиникѣ занимались, подъ руководствомъ директора клиники, разборомъ больныхъ, состоящимъ въ опредѣленіи рода болѣзни и въ изложеніи показаній или противопоказаній къ какимъ-нибудь оперативнымъ дѣйствіямъ, направленнымъ къ излеченію болѣзни. Студенты занимались также наблюденіемъ надъ примѣненіемъ многихъ современныхъ, усовершенствованныхъ способовъ перевязокъ ранъ, какъ послѣ операций, такъ и приобрѣтенныхъ въ клинике случайнымъ образомъ; сюда относятся занятія студентовъ надъ ранеными, которыхъ было 25. Пребываніе послѣднихъ въ клиникѣ пріучило студентовъ къ лечению раненыхъ, къ уходу за ними вообще и принесло значительную пользу для студентовъ въ томъ отношеніи, что между ранеными было много такихъ, которые требовали довольно серьезной оперативной помощи, поучительной для студентовъ. Многимъ раненымъ сдѣлано было извлечеіе пули, сектвестротомія и прочее, для успѣшного и скораго выздоровленія; въ которыхъ операціи производились студентами, подъ руководствомъ директора клиники. При лечениі ранъ преимущественно руководились идею Листера, на основаніи которой, однажды, принимался разныи матеріалъ, не всегда Листеромъ рекомендованый, какъ-то антисентическая марлъ, протектиль и т. д. Затѣмъ студенты упражнялись въ химическомъ и микроскопическомъ изслѣдованіи патологическихъ продуктовъ и выдѣленій большаго организма. Въ амбулаторной клиникѣ занятія студентовъ заключались въ приемѣ приходящихъ больныхъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ директора клиники; при этомъ студентъ долженъ былъ опредѣлить болѣзнь и назначить соотвѣтственное леченіе; въ случаѣ же надобности въ какой-либо оперативной помощи студентъ самъ тутъ же и долженъ былъ подать ему помощь, конечно, подъ руководствомъ директора клиники. Такимъ образомъ студенты въ амбулаторной клиникѣ пріучались къ производству мелкихъ операцій, ларингоскопированию, послѣдованию внутреннихъ органовъ помощю бужей и катетеровъ и къ опредѣленію каменной болѣзни. Въ хирургической клиникѣ, въ теченіи года, пользовалось 2,951 болѣпой, изъ нихъ въ стационарной клиникѣ—127; операцій произведено 88, въ томъ числѣ 23 болѣши сдѣланы студентами. Для операцій въ стационарной клиникѣ студентамъ давались преимущественно вырѣзыванія

новообразованій, пластическія операциі и ампутації. Гипсовыхъ повязокъ наложено студентами — 150. Кроме того, въ стационарной клинике пользовались, въ теченіе второй половины года, 74 раненыхъ воина, которымъ сделано было 50 операций. Занятія студентовъ 5-го курса по офтальмологіи состояли: а) въ изслѣдованиі стационарныхъ и амбулаторныхъ больныхъ и діагнозированіи различного рода глазныхъ болѣзней; б) въ веденіі исторіи болѣзней; в) въ изученіи производства операций на фінтомѣ надъ вырѣзаемыми глазами животныхъ; г) многие студенты ассистировали при операцияхъ, производимыхъ больными, а некоторые и сами производили глазныя операции подъ руководствомъ директора клиники. Студенты 4-го курса упражнялись въ офтальмоскопированіи по вечерамъ. Амбулаторныхъ больныхъ, лечившихся въ офтальмологической клинике въ 1877 году, было 3,241 стационарныхъ — 118. Операций было произведено въ клиникахъ: амбулаторныхъ больныхъ — 358, стационарныхъ — 134, поликлиническимъ — 101. Практическія занятія по лесмургіи, механургіи и оперативной хирургіи состояли въ слѣдующемъ: студенты 3-го курса занимались, по два часа въ недѣлю, подъ руководствомъ профессора, наложеніемъ различныхъ повязокъ больнымъ, въ хирургической клинике и въ баракахъ мѣстнаго госпиталя Красного креста; студенты 4-го курса, по четыре часа въ недѣлю, занимались производствомъ операций на трупахъ въ анатомическомъ театрѣ. Практическія занятія въ терапевтической клинике, по примѣру прежнихъ лѣтъ, состояли въ демонстраціи каждого отдельного явленія, наблюдавшагося при различныхъ имѣвшихся въ клиникахъ болѣзняхъ. Для этого студенты упражнялись въ перкуссіи, аускультаціи, термометріи, ларингоскопіи, въ изслѣдованіи пульса помощію сфигмографа, въ изслѣдованіяхъ чувствительности кожи, мочи и т. д. Всѣ эти занятія, кроме демонстрацій при профессорѣ въ стационарной и амбулаторной клиникахъ, производились ими и при вечернихъ визитацияхъ ординаторовъ клиники. Каждый студентъ, какъ кураторъ, имѣлъ отдельного больного, вносилъ въ исторію болѣзни всѣ собранные имъ факты, читалъ свою исторію болѣзни у кровати больного, причемъ замѣченія неточности, ошибки исправлялись, и такимъ образомъ студентъ привыкался къ объективности въ своихъ наблюденіяхъ. Такъ какъ невозможно требовать отъ студента, чтобы онъ могъ справиться съ цѣлую суммою симптомовъ, проведя чрезъ нихъ строгую логическую и физиологическую нить, то этотъ предметъ восполнялся клиническими лекціями, которыя, потому, состояли въ возможно-подробномъ излож-

жніи симптомовъ болѣзни между собою. Такого рода объясненія производились на основаніи данныхъ патологической анатоміи, физіологии и общей патологіи. Объясненіе появленіе того или другаго симптома, внимание студентовъ обращаемо было главнымъ образомъ на то, чтобы путемъ дифференціальной діагностики всѣ найденные измѣненія у больного привести къ одному патологическому знаменателю, и тогда только поставить точный клиническій діагнозъ. Послѣ этого обыкновенно слѣдовало указаніе на тѣ средства, которыми, собственно современному состоянію науки, употребляются при терапіи данного случая, а это неизбѣжно вело къ ознакомленію студентовъ съ клиническою фармакологіей. Но дѣло этимъ не оканчивалось. Студентъ долженъ быть наблюдать перемѣны, происходившія въ болѣзни, подъ вліяніемъ того или другаго способа лечения. Для болѣе точнаго запечатлѣнія въ памяти студентовъ дѣйствіемъ лекарствъ, часто производились параллельныя наблюденія надъ нѣсколькими средствами при одной и той же болѣзни. Если же больной умиралъ въ клиникѣ, то производилось вскрытие трупа его въ патолого-анатомическомъ институтѣ, и данными секціи составляли тоже предметъ клинической лекціи, причемъ объяснялась связь патолого-анатомическихъ явлений съ тѣми прижизненными принадлежностями, которыхъ были наблюдаены у кро-воти большаго. Такой способъ клиническаго преподаванія практиковался и въ прежніе годы, и опытъ показалъ, что онъ наиболѣе ведеть къ цѣли, то-есть, дѣлаетъ изъ студентовъ медицины врачей. Стационарныхъ больныхъ въ теченіе года было 132, амбулаторныхъ — 1,104. Практическія занятія по накожнымъ болѣзнямъ студенты 4-го курса состояли въ посѣщеніи въ марта и апрѣль земской губернской больницы. По акушерской клиникѣ студенты 4-го и 5-го курсовъ занимались изученіемъ способовъ для распознаванія и лече-нія разнообразныхъ случаевъ, которые представляются въ факультет-ской клиникѣ акушерской и женскихъ болѣзней. При этомъ обращено было особенное внимание на тщательное веденіе и записываніе еже-дневныхъ наблюденій, составляющихъ лучшую школу для образова-нія врачей и лучше всего выказывающихъ въ практикантѣ знаніе, способности и добросовѣтность въ исполненіи возлагаемой на него обязанности. Особенно обращалось внимание на то, чтобы студенты на дѣлѣ выучивались тому, что важнѣе всего для предстоящей ихъ дѣятельности врача, а именно чтобы они научились распознавать пред-ставляющіеся имъ случаи и научились наблюдать дѣйствіе употребляемыхъ врачебныхъ средствъ. Для правильности и точности наблюденій

составлены весьма подробные графленые листы, съ указаніемъ на нихъ тѣхъ разностороннихъ научно-практическихъ важныхъ вопросовъ, на которые практикующіе въ клиникѣ студенты обязаны писать отвѣты. Такимъ образомъ поддерживается въ клиникѣ порядокъ для веденія точныхъ наблюдений. Въ акушерской клиникѣ обращавшихся за пособіемъ въ теченіе года было: амбулаторныхъ—348, стационарныхъ—167; поступило беременныхъ—44, роженицъ—59. Родовъ было: свое-временныхъ—89, преждевременныхъ—5; послѣродовыхъ болѣзни были въ 7-ми случаяхъ. Изъ операций, произведенныхъ въ акушерской клиникѣ, замѣтительный случай кесарскаго сѣченія—единственный со времіемъ существованія акушерской клиники Харьковскаго университета. Въ гинекологическомъ отдѣленіи клиники стационарныхъ больныхъ было 63. Приватъ-доцентъ Ясинскій, въ первомъ полугодіи, руководилъ студентовъ 5-го курса въ практическихъ занятіяхъ на фантомѣ, по оперативному акушерству; приватъ-доцентъ Поломаревъ велъ практическія занятія по дѣтскимъ болѣзнямъ съ студентами 3-го и 4-го курсовъ. Студенты 4-го курса упражнялись въ распознаваніи и леченіи больныхъ дѣтей въ поликлиникахъ при лечебницахъ Харьковскаго медицинскаго общества. Студенты 3-го курса посѣщали больницу пріюта для подкидышей, гдѣ имъ демонстрировали были главнѣйшия и чаще встречающіяся болѣзни новорожденныхъ дѣтей. Кроме того, во 2-мъ семестрѣ 1876—1877 академическаго года для студентовъ 3-го курса въ праздничные и воскресные дни былъ прочитанъ курсъ осенопрививанія съ практическими упражненіями. Практическія занятія въ госпитальной хирургической клиникѣ состояли въ пользованіи, съ учебною цѣлью, клиническимъ материаломъ баракчаго госпитала Краснаго Креста. Студентамъ б-го курса, приготовлявшимся вскорѣ приступить къ совершенно самостоятельной врачебной дѣятельности, было предоставлено, подъ непосредственнымъ и постояннѣмъ наблюденіемъ завѣдывающаго клиникой, возможно большая самостоятельность въ дѣйствіяхъ. Произведенія и обслѣдованія больнаго всестороннимъ образомъ, они должны были высказать свои заключенія относительно распознаванія и важности данной болѣзни, а также начертать планъ лечения ея. Если случай требовалъ оперативного лечения, то студентамъ предоставлялось и дѣлать операции. Передъ производствомъ операций они должны были разобрать всѣ оперативныя дѣйствія, при помощи которыхъ можно было достигнуть предположенной цѣли, и затѣмъ, послѣ критической оцѣнки ихъ по отношенію къ данному случаю, выбрать наиболѣе подходящій способъ операций. Са-

мые операции производились всегда при полной анестезии посредствомъ хлороформа, въ присутствіи и подъ ближайшимъ руководствомъ и содѣйствіемъ завѣдывающаго клиникою профессора. Нѣкоторыя изъ этихъ операций, по неожиданности представившихся во время самого производства ихъ затрудненій, оказались весьма замѣчательными, но тѣмъ не менѣе были произведены съ такою ловкостю, которая сдѣлала бы честь и патентованому оператору, каковы извлечения пули изъ-подъ лопатки, послѣ предварительной резекціи этой кости, сектротомія большой берцовой кости, съ извлечениемъ пули изъ член. Всѣ операции имѣли благополучный исходъ. Слѣди за ежедневными измѣненіями въ ходѣ болѣзни, отмѣчаая ихъ въ исторіяхъ болѣзней и скорбныхъ листахъ, студенты должны были сами дѣлать перевязки ранъ и накладывать неподвижныя повязки. Перевязки ранъ производились различнымъ матеріаломъ и по различнымъ способамъ; причемъ обращалось вниманіе на то, чтобы студенты научились, примѣняясь къ обстоятельствамъ, употреблять самыя простыя и дешевыя перевязки. Вотъ почему дорогой способъ Листера былъ употребляемъ сравнительно рѣже, гораздо же чаще—способы Коллендера, Эсмарка; были употребляемы также видоизмѣненія листеровской повязки, предложенные Бильротомъ и Тиршемъ. Неподвижныя повязки накладывались студентами также по различнымъ способамъ: шинныя, гипсовые, изъ жидкаго стекла. Больные, пользуясь извѣстными въ торжественномъ залѣ университета, были демонстрированы студентами 3-го курса, при чтеніи имъ теоретической хирургіи. При этомъ были выбираемы для демонстраціи наиболѣе выдающіеся и поучительные случаи, на которыхъ можно было бы представить студентамъ наиболѣе наглядно извѣстныя формы болѣзней. Вниманіе студентовъ было останавливаемо преимущественно на симптомахъ болѣзней, на сравнительномъ изученіи и распознаваніи ихъ. Въ отдѣленіи госпитальной терапевтической клиники занятія продолжались только въ теченіе 2 $\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ. При занятіяхъ главное и исключительное вниманіе обращалось на самостоятельность упражненій студентовъ въ изслѣдованіи и лечепіи больныхъ. Каждый студентъ въ присутствіи и подъ наблюденіемъ профессора изслѣдовалъ больнаго, опредѣлялъ болѣзнь и назначалъ лечение. Задача профессора сводилась на совѣтку способа и результатовъ изслѣдованія, па оцѣнку вѣрности выводовъ изъ данныхъ изслѣдованій и наконецъ, главнымъ образомъ, на то, чтобы точно и вѣрно установить показанія болѣзни, избрать надлежащія средства для лечения и на критическую оцѣнку выбранныхъ средствъ. Въ гос-

питальной практикѣ лечение ограничивается известнымъ числомъ средствъ и часто, къ сожалѣнію, известнымъ, опредѣленнымъ количествомъ ихъ. Въ виду этого, обращалось особенное вниманіе студентовъ на то, чтобы они изъ ряда возможныхъ въ каждомъ данномъ случаѣ средствъ и мѣръ, пріучались выбирать такія, какія практикуются и полагаются по госпитальнымъ правиламъ, обходиться безъ иѣкоторыхъ, замѣнять одни, дорогія, другими—меньшей стоимости, но одинаково дѣйствующими, короче сказать—обращалось вниманіе на такъ называемую госпитальную практику, чтобы они приобрѣли навыкъ, безъ ущерба для больныхъ, дѣйствовать въ известныхъ рамкахъ госпитальной терапіи, чтобы они, такимъ образомъ, по окончаніи курса, были уже вполнѣ и практически подготовленными врачами. Послѣ разбора болѣаго, студентъ обязанъ быть слѣдить за больнымъ во все время пребыванія его въ госпиталѣ, вести ежедневныя наблюденія, видоизмѣнять лечение, сообразуясь съ ходомъ и теченіемъ болѣзни, съ согласія и совѣта профессора. По окончаніи болѣзни, дѣялась полнѣшша практическая оцѣнка вѣрности діагноза и избранного метода лечения; причемъ указывались основанія и причины, побудившія, напримѣръ, отступать отъ предположеннаго первоначальнаго плана лечения, замѣнить одно средство другимъ, какое изъ средствъ въ ряду другихъ оказалось наиболѣе дѣйствительнымъ и почему, и т. д., короче сказать — отдавался подробный отчетъ иѣ въ каждомъ дѣйствіи, во всякомъ мѣропріятіи. Такимъ образомъ, госпитальная клиника, будучи иѣстомъ самостоятельной дѣятельности студентовъ, тѣмъ самымъ и достигла и удовлетворяла цѣли и прямому своему назначенію. Такъ какъ число больныхъ значительно превышало число студентовъ 5-го курса, то въ одно время они могли и имѣли дѣйствительно по иѣ сколько больныхъ—по 2 и по 3. Въ отдѣлѣніи госпитальной терапевтической клиники студенты 5-го курса занимались изслѣдованіемъ больныхъ, критически разбирали всѣ припадки, группировали ихъ опредѣляли болѣзни и назначали соотвѣтственное лечение. Болѣе иѣ, тересныхъ и серьезныхъ больныхъ студенты постоянно наблюдали и представили исторіи ихъ болѣзней. Несмотря на кратковременное существование госпитальной клиники, студенты могли познакомиться съ значительнымъ количествомъ болѣзней, преимущественно эпидемическіхъ, въ различныхъ формахъ и периодахъ болѣзни. Временное существованіе госпитальныхъ клиникъ и недостаточность средствъ Краснаго креста не дозволили вести иѣ стрѣгого-научнымъ образомъ, но по возможности; недостатки эти устраивались; дальность разстояній

также вліада на правильное посвѣщеніе студентовъ, особенно въ не-настѣ.

Независимо отъ курсовыхъ, какъ обязательныхъ, такъ и необязательныхъ практическихъ занятій,.. многіе изъ студентовъ находили возможнымъ, останавливаться на болѣе обстоятельномъ изученіи отдѣльныхъ вопросовъ той или другой науки. Въ историко-филологическомъ и юридическомъ факультетахъ стремление къ самостоятельности въ научныхъ изслѣдованіяхъ находить себѣ выраженіе въ подачѣ письменныхъ работъ, которыя нѣкоторымъ изъ студентовъ даютъ впослѣдствіи материалъ для кандидатскихъ диссертаций. Занятіями своими особенно выдѣлились слѣдующіе студенты: въ химической лабораторіи студентъ Кудревичъ производилъ изслѣдованія надъ опредѣленіемъ теплоты, отдѣляющейся при раствореніи гидрата кадмія въ соляной кислотѣ и осажденіи хлористаго кадмія ёдкимъ натромъ; въ технической лабораторіи выполнены практическія работы студентами: Любицкимъ — анализъ шерсти и грязныхъ водъ, получаемыхъ при мытьѣ шерсти, Ширяевымъ и Синяковымъ — механическаго анализа почвы, посредствомъ прибора Шене; въ зоологической лабораторіи студентъ Крендовскій занимался изученіемъ гидрахнідъ; въ лабораторіи общей патологии студентъ Данилевскій работалъ надъ изученіемъ свойствъ и характера воспаленія на тканяхъ съ перерѣзанными вазомоторами и надъ искусственнымъ произведеніемъ пороковъ клапановъ сердца и большихъ сосудовъ; въ эмбриологической лабораторіи студентъ Кащенко — надъ развитіемъ скелета у батракій. Въ историко-филологическомъ факультетѣ по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ предлагались темы, на которыхъ, какъ выше сказано, восемью студентами поданы письменныя работы; студенты Лесевицкій и Бузескулъ, по всеобщей исторіи, и вольнослушатель Дикаревъ, по философіи, представили сочиненія на ими самими избранныхъ темахъ, которыхъ одобрены преподавателями. Въ юридическомъ факультетѣ многіе изъ студентовъ принимали живое участіе въ сообщеніи профессору статистики свѣдѣній относительно оборотовъ различныхъ товаровъ на харьковскихъ ярмаркахъ.

За сочиненія, представленные для съисканія наградъ, удостоены: золотой медали — студентъ 4-го курса медицинскаго факультета Ник. Куличицкій, за сочиненіе: „О строеніи поджелудочной железы“; серебряныхъ: 3-го курса историко-филологического факультета: Петръ Ганкинь — за сочиненіе „De M. Terentio Reatino“, и Алекс. Сукачевъ — за сочиненіе „Научный и философский методъ французскихъ

мыслителей XVIII вѣка", и 4-го курса юридическаго факультета Ив. Собѣстянскаго—за сочиненіе „Генеральныя штаты Франціи и земскіе соборы Россіи"; почетнаго отзыва—студенты историко филологическаго факультета: 4-го курса—Петръ Разумовъ, 1-го курса—Алекс. Прокура́ковъ. Сверхъ того, въ 1877 году, въ первый разъ со времени учрежденія, выдана была премія „Сергія Заруднаго" студенту 3-го курса юридическаго факультета Леониду Соколовскому, за сочиненіе „О значеніи кодификаціи вообще и кодификаціонной работы графа Сперанскаго въ русскомъ правѣ".

Въ 1877 году преподаватели Харьковскаго университета и другія служащія при ономъ лицѣ издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе ученописательные труды: профессоры: протоіерей Добротворскій напечаталъ въ разныхъ духовныхъ изданіяхъ нѣсколько проповѣдей; Надлеръ помѣстилъ въ журналѣ „Сѣверная Звѣзда" статью „Османскіе Турки и балканскіе Славяне во второй половинѣ XIX вѣка" и въ „Запискахъ Харьковскаго университета"—разборъ сочиненія Воеводскаго „Каннибализмъ въ греческихъ миѳахъ"; Потебня напечаталъ: „Къ исторіи звуковъ русскаго языка", „Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка", „Замѣчанія о пробной тетради (буква А) литовско-русско-польскаго словаря братьевъ Юппекевичей", разборъ сочиненія П. Житецкаго: „Очеркъ звуковой истории малорусского нарѣчія", „Слово о полку Игоревѣ"; Питра — помѣстилъ въ *Jahrbücher für wissenschaftliche Botanik* статью „Versüche über die Drukkrat der Stammorgâne bei den Erscheinungen des Blutens und Thränens der Pflanzen"; Ишненецкій помѣстилъ въ *Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques* статью: „Solution générale du problème de M. L. Bertrand"; Ценковскій напечаталъ въ Мемуарахъ академіи наукъ статью: „Къ морфологіи бактерій"; Шимковъ помѣстилъ въ Запискахъ Харьковскаго университета первый выпускъ „Курса опытной физики" и въ Русскомъ энциклопедическомъ словарѣ—статью „Свѣтъ"; Морозовъ напечаталъ въ Трудахъ общества испытателей природы: „Предсказание и изслѣдованіе бурь въ Россіи", „Гидрографическій очеркъ Сѣверного Донаца" и „Гидрографическія явленія 1877 года"; Лагермаркъ изготавилъ и прочелъ въ медицинской секціи общества опытныхъ наукъ рефератъ „О ядовитыхъ краскахъ, заключающихъ мышьякъ"; Стояновъ напечаталъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ статьи: „Финансовая администрація во Франціи отъ среднихъ вѣковъ до 1789 года" и „Хроника юридическаго факультета Харьковскаго университета", и въ газетѣ „Харь-

ковъ" — двѣ замѣтки о текущихъ событияхъ университетской жизни; Владимировъ помѣстилъ въ Сборникъ государственныхъ знаній рецензію на сочиненіе Яроша: „Спинова и его учение о правѣ" и въ Юридическомъ Вѣстнике — „Психическія особенности преступниковъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ"; Гаттенбергеръ издалъ книгу: „Вѣнскій кризисъ 1873 года"; Зарубинъ изготовилъ и прочелъ въ засѣданіи медицинской секціи общества опытныхъ наукъ двѣ статьи: „О нѣкоторыхъ случайностахъ при тарацентезѣ" и „Описаніе слу-чая огнестрѣльной раны колѣнного сустава"; Крыловъ перевѣлъ сочиненія: д-ра Бирхъ-Гиршельда — „Руководство къ патологической анатомії" и д-ра Орта — „Руководство къ патолого-анатомической диагностики"; Лазаревичъ помѣстилъ въ Запискахъ Харьковского университета — „Курсъ акушерства", съ оригиналными рисунками въ текстѣ, и въ изданіи Лондонскаго акушерскаго общества — „Объ усовершенствованіи акушерскаго тупаго крючка", сверхъ того, для Парижской всемірной выставки изготовилъ, съ описаніемъ, собраніе имъ изобрѣтенныхъ и усовершенствованныхъ инструментовъ, въ числѣ которыхъ есть еще выгдѣ не описанные: конструкторъ, складное зеркало съ освѣщающею призмою и щипчики для введенія ламинаріи и для расширенія канала шейки; Якобі напечаталъ въ протоколахъ медицинской секціи общества опытныхъ наукъ статью „О вентиля-ционныхъ формулахъ"; Тихоновичъ помѣстилъ въ томъ же изданіи статью: „О грѣмучихъ веществахъ съ теоретической и практической точки зрѣнія"; Кремянскій сообщилъ въ засѣданіи общества опыт-ныхъ наукъ статью: „О результатахъ опытовъ падъ вліяніемъ сали-циловой кислоты на консервированіе мясныхъ и хлѣбно-мясныхъ ве-ществъ, особенно же на приготовленіе питательныхъ и удобнѣйшихъ для военного времени хлѣбно-мясныхъ сухарей"; Гиршманъ напе-чаталъ „Офтальмологическую статистику" въ Ophtalmologische Stati-istik д-ра Коня и въ редактируемомъ имъ отдѣлѣ Jahresberichte На-геля за 1877 годъ. Статья эта составлена вмѣстѣ съ ordinаторомъ Ларіоновымъ по болѣничнымъ книгамъ, клиническимъ и частнымъ, и даетъ понятіе о сравнительной численности различныхъ болѣзней глаза, о произведенныхъ въ клиникахъ операцияхъ и исходѣ ихъ и о другихъ вопросахъ статистическо-офтальмологическихъ. Доценты: Зе-леногорскій напечаталъ въ Запискахъ Харьковского университета статью „О математическомъ, метафизическомъ, индуктивномъ и кри-тическомъ методахъ изслѣдованія и доказательства"; Бѣлецкій нап-ечаталъ въ Трудахъ общества испытателей природы три статьи:

„Результаты измѣреній объема дыхательной полости утки“, „Критическая заметка по поводу исследования Тигеля о зависимости высоты мускульного сокращенія отъ силы электрическаго тока“ и „Материалы для физиологии глаза птицъ“; Сыщенко — „Упрощенный гальвано-фарадический лечебный снарядъ“. Приват-доценты: Погорѣлко помѣстить въ Запискахъ Харьковскаго университета „Изслѣдованіе нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ движенія жидкостей“; Зайкевичъ напечаталъ „Физиологическая изслѣдованія надъ дыханіемъ корней“. Ярошъ напечаталъ статью: „Спиноза и его учение о правѣ“; Даневскій — „Очерки новѣйшей литературы международнаго права“; Куплевасскій — „Состоліе сельской общины въ XVII вѣкѣ на дворцовыхъ земляхъ и земляхъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ“ и „Мнѣнія французскихъ и немецкихъ писателей по вопросу объ административныхъ судахъ“; Ковалевскій — „Объ измѣненіи чувствительности кожи у меланхоликовъ“; лаборантъ Ярошевскій напечаталъ въ Трудахъ общества естествоиспытателей „Дополненіе къ списку двукрылыхъ насекомыхъ Харькова и его окрестностей“. Ординаторы: Вышинскій помѣстилъ: въ Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества — „Случай ракового пораженія желудка“, напечаталъ въ Московской медицинской газетѣ статью „Подкожный вспрѣскиваниіи карболовой кислоты противъ легочной чахотки“ и въ Медицинскомъ Вѣстнике — „Материалы по клинической статистикѣ раковыхъ пораженій внутреннихъ органовъ“; Ломаковскій напечаталъ диссертацию, подъ заглавиемъ: „Причина измѣненія внутреннихъ органовъ у животныхъ при задержкѣ кожной перспирації“. Стунденты: Эльтековъ помѣстили въ Журналѣ Русскаго химическаго общества „Изслѣдованіе объ изомѣріи амиленовъ и о порядкѣ выдѣленія частицъ элементовъ галондо водородной кислоты“; Евецкій помѣстили: въ Запискахъ Харьковскаго университета — „О представительствѣ при заключеніи юридическихъ сдѣлокъ“ и въ Протоколахъ общества опытныхъ наукъ — „О дѣйствіи пирогаллусовой кислоты на животный организмъ“. Публичныя лекціи читали профессоры: Бекетовъ — по технической химіи, Ковалевскій — по практической механикѣ и Яцуко-вичъ — по технологіи. Сверхъ того, въ виду предстоявшей войны, профессоромъ Крыловымъ прочитанъ былъ публично, безъ вознагражденія, для студентовъ и врачей, курсъ патологической анатоміи травматическихъ поврежденій и піемническихъ процессовъ. Въ основу этого курса положены были преимущественно наблюденія и выводы Н. И. Пирогова, изложенные имъ въ „Началахъ военно-полевой хирургіи“,

а равно результаты патолого-анатомическихъ изслѣдований во время послѣдникъ войнъ. Курсъ этотъ посѣщался оканчивавшими курсъ студентами, но, по причинѣ наступившаго ускореннаго выпуска, не могъ быть вполнѣ прослушанъ ими.

Совѣтъ Харьковскаго университета имѣлъ въ теченіе 1877 года 17 засѣданій. Утверждены въ степени доктора: магистръ Глинскій — химії, лекара Данилевскій, Ковалевскій, Ломиковскій и Шилтовъ — медицины; въ степени магистра кандидаты: Зайкевичъ — агрономіи и Погорѣлко — физики. Затѣмъ удостоены: степени кандидата: по историко-филологическому факультету — 3, по физико-математическому — 7, по юридическому — 11, всего — 21; званія дѣйствительнаго студента: по физико-математическому факультету — 1, по юридическому — 6, всего — 7. По медицинскому факультету удостоено: степени лекаря — 3, провизора — 11, аптекарского помощника — 33, повивальной бабки — 29, дантиста — 1. Для приготовленія къ профессорскому званію по физиологии отправленъ былъ за границу стипендиатъ Данилевскій. Съ тою же цѣлію состояли стипендиатами при университете кандидаты: Сумцовъ — по всеобщей литературѣ, Делленъ — по сравнительному языкознанию, Федотовъ — по философіи, Евецкій — по гражданскому праву, Черняевъ — по истории русскаго права, Вощицінъ — по политической экономіи, Коссовскій — по полицейскому праву, Василенко — по уголовному праву, Новиковъ — по прикладной механикѣ, Рейнгардъ — по зоологіи, Осиповъ — по химії. Командированы были за границу: профессоры — Лагермарктъ, Дриновъ, Грубе и Гиршманъ, и доценты — Загурскій и Морозовъ. Изъ нихъ Грубе въ теченіе лѣтніхъ мѣсяцевъ вѣдалъ на театръ военныхъ дѣйствій Азіатской и Европейской Турціи, какъ съ цѣлію ознакомиться на мѣстѣ съ военно-врачебными учрежденіями воинаго министерства и Краснаго креста, такъ равно и для оказанія посильной помощи раненымъ воинамъ, а Гиршманъ предпринялъ поѣздку на мѣсто военныхъ дѣйствій съ цѣлію, на сколько возможно, ознакомиться съ характеромъ и причинами болѣзней глазъ на мѣстѣ, побуждаемый къ сему многими случаями серьезныхъ болѣзней глазъ, а также потері зрѣнія у явившихся изъ арміи за совѣтомъ въ университетскую офтальмологическую клинику.

По финансовой сметѣ къ отпуску изъ государственного казначейства на 1877 годъ было ассигновано — 320,677 руб. 66 коп., въ томъ числѣ: на содержаніе личнаго состава — 206,427 руб. 66 коп., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы — 111,750 руб. и

нь пособіе обществу испытателей природы—2,500 руб. Специальныхъ средствъ поступило: сбора со студентовъ за слушаніе лекцій—8,315 р., процентовъ и остатковъ отъ процентовъ за прежніе годы съ пожертвованыхъ капиталовъ — 18,879 руб. 92 коп., дохода отъ типографіи—5,264 руб., всего — 27,458 руб. 92 коп. Эта послѣдняя сумма израсходована была полностю на предметы ея назначения.

Студентовъ къ 1-му января 1877 года состояло на лицо — 442; въ теченіе года вновь поступило — 164, въ томъ числѣ: изъ гимназій—72, изъ духовныхъ семинарій—76, изъ другихъ университетовъ и медико-хирургической академіи—6, изъ бывшихъ студентовъ Харьковскаго университета—1; въ теченіе года выбыло—90, изъ нихъ до окончанія курса—50, по окончаніи курса — 40; затѣмъ къ 1-му января 1878 года оставалось—559, которые распределены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на юридическомъ — 122, на физико-математическомъ—86 (по отдѣленію математическихъ наукъ—36, по отдѣленію естественныхъ наукъ—19, по отдѣленію физико-химическихъ наукъ—31); на медицинскомъ — 340. Постороннихъ слушателей было: къ 1-му января 1877 года — 39, къ 1-му января 1878 года—52. Стипендій обязательныхъ производилось въ теченіе года—78, на сумму 29,773 руб. 11 коп.; стипендій необязательныхъ въ теченіе года—34; пособій выдано 37-ти недостаточнымъ студентамъ. Освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій: въ первомъ полугодії — 30, во второмъ — 39. Общее число студентовъ, слушавшихъ лекціи бесплатно, было: въ первомъ полугодії — 228, во второмъ—263.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго университета къ 1-му января 1878 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библіотекѣ имѣлось книгъ — 48,321 названія въ 97,371 волюмѣ. Въ теченіе 1877 года выдано было для чтенія 3,763 названія, въ томъ числѣ преподавателямъ—1,937 и студентамъ—1,826 названій, что составить до 4,250 томовъ; журналовъ и газетъ выписано было—264 названія, въ томъ числѣ русскихъ—53 и иностранныхъ — 211. Въ 1877 году поступила въ университетъ библіотека, пожертвованная княземъ С. В. Кочубеемъ, составляющая до 5,000 томовъ и брошюръ и богатая энциклопедіями, сочиненіями по истории и географіи, мемуарами, путешествіями, между которыми встрѣчаются очень роскошно иллюстрированныя, а равно заключающая много изданий французскихъ авторовъ, преимущественно прошедшаго столѣтія, кромѣ того большое число правительственныхъ изданий первой половины вышѣпомянутаго столѣтія. Императорская Публичная би-

бліотека, препроводившая въ университетъ это пожертвованіе, прі-
совокупила къ нему значительное число своихъ дублетовъ. Въ сту-
дентской бібліотекѣ состояло: книгъ—1,547 названій 3,094 тома на
сумму 3,630 руб., періодическихъ издацій — 35 названій 315 томовъ
420 руб., рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ — 46
листовъ на 250 руб. Въ астрономической обсерваторії: інструмен-
товъ и снарядовъ—160 нумеровъ 222 экземпляра на сумму 21,414 р.,
книгъ, картъ и моделей—82 нумера 133 экземпляра на 1,100 руб.
Въ кабинетѣ практической механики: машинъ, моделей и другихъ
предметовъ—103 нумера 139 экземпляровъ на 4,858 руб. Въ физи-
ческомъ кабинетѣ: физическихъ інструментовъ, принадлежностей къ
нимъ, посуды, мебели и проч. — 601 нумерь 1,325 экземпляровъ на
сумму 22,124 руб. Въ кабинетѣ физической географії: інструментовъ,
книгъ, атласовъ, картъ и проч. — 156 нумеровъ на 3,841 руб. Въ химической лабораторії и кабинетѣ: книгъ и рисунковъ — 19 назва-
ній 41 томъ на 439 руб., аппаратовъ, снарядовъ, посуды, препара-
товъ и проч.—2,618 нумеровъ 14,148 экземпляровъ на сумму 22,078 р.
Въ медицинскомъ отдѣленіи химической лабораторії: приборовъ, ін-
струментовъ и другихъ предметовъ — 284 нумера 1,142 экземпляра
на 3,182 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ: книгъ — 565 назва-
ній на 404 руб., минераловъ, моделей, мебели и проч. — 12,036 ну-
меровъ 16,606 экземпляровъ на сумму 18,447 руб. Въ геологиче-
скомъ кабинетѣ: книгъ — 71 названіе 175 томовъ; окаменѣлостей,
горныхъ породъ, моделей, інструментовъ и проч. — 5,226 нумеровъ
13,623 экземпляра на 6,214 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ: книгъ—
695 названій на 5,263 руб.; сухихъ растеній, інструментовъ, прибо-
ровъ, моделей и прочихъ принадлежностей — 201 нумеровъ 62,949
экземпляровъ на сумму 4,149 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ
лабораторією: книгъ, журналовъ, атласовъ—164 названія 279 экзем-
пляровъ на 1,016 руб.; предметовъ въ видѣ чучель, моделей, пре-
паратовъ и проч. — 4,831 нумеръ 38,809 экземпляровъ на сумму
20,378 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторієй: атласовъ,
книгъ и журналовъ — 125 названій 133 тома на 1,380 руб.; препа-
ратовъ, моделей, приборовъ, інструментовъ и проч. — 1,683 нумера
2,799 экземпляровъ на 6,715 руб. Въ фізіологическомъ кабинетѣ
съ лабораторієй: приборовъ, інструментовъ и другихъ вещей — 346
нумеровъ на 8,574 руб. Въ кабинетѣ общей патології: разныхъ
предметовъ, относящихся до преподаванія общей патологіи 60 ну-
меровъ 926 экземпляровъ на 1,354 руб. Въ технологическомъ каби-

нетъ съ лабораторіей: книгъ, картъ и журналовъ—97 названій 326 томовъ на 971 руб.; приборовъ, инструментовъ, моделей, препараторовъ и проч.—1,167 номеровъ 5,246 экземпляровъ на сумму 10,117 р. Въ агрономическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: приборовъ и другихъ принадлежностей — 346 номеровъ 1,907 экземпляровъ на 3,735 рублей. Въ музѣ физиологической анатоміи: книги, атласовъ и рисунковъ — 101 названіе 268 томовъ на 1,799 рублей; препараторовъ, инструментовъ и проч.—888 названій 3,215 экземплярахъ на 5,204 р. Въ музѣ патологической анатоміи: книги, брошюры, атласы и рисунковъ—308 названій 471 томъ на 1,580 р.; препараторовъ, конкретментовъ, инструментовъ и пр.—1,022 номера 1,759 экземпляровъ на 9,535 р. Въ эмбриологическомъ кабинетѣ: инструментовъ и другихъ предметовъ—30 номеровъ 1,667 названій на 137 р. Въ фармацевтической лабораторіи: книги—18 названій 24 тома на 88 р.; препараторовъ, приборовъ, инструментовъ, коллекцій и пр.—174 номера 2,695 экземпляровъ на 3,287 р. Въ фармакологическомъ кабинетѣ: приборовъ, инструментовъ и другихъ предметовъ—101 номеръ 540 экземпляровъ на 1,603 р. Въ хирургическомъ кабинетѣ: инструментовъ, машинъ, моделей и пр.—1,537 номеровъ 2,280 экземпляровъ на сумму 16,394 р. Въ офтальмологическомъ кабинетѣ: аппаратовъ, инструментовъ и другихъ предметовъ—295 номеровъ на 2,803 р. Въ акушерскомъ кабинетѣ: книги—63 названія на 200 р.; аппаратовъ, инструментовъ, препараторовъ и пр.—1,097 номеровъ на 7,057 р. Въ кабинетѣ терапевтической клиники: книги и атласовъ—57 названій на 700 р.; аппаратовъ и инструментовъ—201 номеръ на 3,722 р. Въ кабинетѣ электро-терапіи: книги—167 названій 200 томовъ на 444 р.; снарядовъ и прочей движимости—274 номера 757 экземпляровъ на 3,441 р. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ: книги—7 названій 120 томовъ на 204 р.; инструментовъ, препараторовъ и пр.—109 номеровъ 366 экземпляровъ на 925 р. Въ музѣ изящныхъ искусствъ и древностей: картинъ, сльниковъ, акварелей, гравюръ, художественныхъ изданій—1,707 номеровъ 11,279 экземпляровъ. Въ 1877 г. въ музѣ передана изъ университетской библиотеки обширная коллекція восточныхъ прошлыхъ вѣковъ, приобрѣтенная университетомъ еще въ 1804 г. у Фридриха Аделунга, при посредствѣ В. Н. Каразина; это собраніе состоитъ изъ 1,582 номеровъ оригинальныхъ рисунковъ, гравюръ и офортовъ различныхъ школъ, большую частію руки лучшихъ мастеровъ гравировального искусства. Занимавшихся въ музѣ копированиемъ и рисованиемъ въ теченіе года было 16 лицъ, въ томъ числѣ

3 женщины. Посещавшихъ музей, открытый для публики по воскресеньямъ, было до 100 и болѣе. Движеніе больныхъ въ университетскихъ клиникахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ терапевтической клинике, имѣющей 25 кроватей, больныхъ отъ 1876 г. оставалось 9; въ теченіе 1877 г. вновь поступило 124; изъ нихъ выздоровѣло и выбыло 116; умерло 10; затѣмъ осталось неназначеныхъ къ 1878 г. 7; больныхъ приходившихъ за совѣтами было 1,103; въ хирургической (25 кроватей): оставалось отъ 1876 г. 10, прибыло въ теченіе года 117, выздоровѣло или выбыло 112, умерло 8, къ 1878 г. состояло 7, приходило за совѣтами 2,824; въ офтальмологической (10 кроватей): отъ 1876 г. оставалось 9, въ теченіе 1877 г. поступило 109, выздоровѣло и выбыло 112, умеръ 1, осталось къ 1878 г. 5, приходившихъ за совѣтами 3,123; въ акушерской и дѣтскихъ болѣзней (25 кроватей): оставалось отъ 1876 г. 19, въ 1877 г. вновь поступило 179, выздоровѣло или выбыло 167, умерло 8, оставалось къ 1878 г. 17, явдалось за совѣтами 386.

При Харьковскомъ университѣтѣ состоятъ три ученыя общества: историко-филологическое, общество испытателей природы и общество опытныхъ наукъ.

Историко-филологическое общество открыто 28-го февраля 1877 г. Цѣль этого общества—способствовать посильными трудами, собраніями и изданіями развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній. Для достиженія этой цѣли общество устраиваетъ публичныя и частныя засѣданія и издаѣтъ ученыи изслѣдованія, памятники, учебники и пр. Членами общества могутъ быть преподаватели факультетовъ Харьковскаго университета, предметы занятій которыхъ сходятся съ цѣлями общества; кроме того, проживающія въ Харьковѣ лица, занимающіяся тѣми же предметами, и лица, извѣстныя своими учеными трудами, проживающія какъ въ Россіи, такъ и за границей. Члены-основатели суть наличные преподаватели историко-филологического факультета университета. Труды общества выходятъ въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій, монографій и бессрочныхъ сборниковъ. Средствами общества служать ежегодные взносы членовъ, по пяти рублей въ годъ съ каждого члена. Въ происходившихъ въ 1877 г. двухъ засѣданіяхъ пришли были рѣшенія, касающіяся одного только учрежденія общества, и приняты были новые члены посредствомъ закрытой подачи голосовъ. Къ началу 1878 г. число членовъ общества было 24.

Общество испытателей природы къ 1-му января 1878 г. состояло изъ 10-ти почетныхъ членовъ, 50-ти дѣйствительныхъ и 52-хъ сотруд-

никовъ. Въ теченіе 1877 г. общество имѣло 7, а распорядительный комитетъ его 14 засѣданій. Члены общества представили и прочитали въ засѣданіяхъ 12 слѣдующихъ статей: Ю. И. Морозовъ— „Предсказанія и изслѣдованія бурь въ Россіи“; „Гидрографическая явленія въ 1877 г.“ и „Къ вопросу объ изслѣдованіяхъ надъ состояніемъ ключевыхъ и рѣчныхъ водъ“; Н. Ф. Бѣлецкій— „Результаты измѣреній объема дыхательной полости утки“, „Критическая замѣтка по поводу изслѣдованій Тигеля о зависимости высоты мускульного сокращенія отъ силы раздражающаго электрическаго тока“ и „Материалы для физиологии глаза птицъ“; А. В. Гуровъ— „Геогностическое описание Дружковскаго мѣсторожденія каменнаго угля“; В. А. Ярошевскій— „Дополненіе къ списку двукрылыхъ насѣкомыхъ Харькова и его окрестностей“; Н. Пенко— „О практическомъ примѣненіи автографіи къ зоологіи и о новомъ автографическомъ способѣ“. Переводъ съ англійскаго статьи Ж. О. Сарса; К. С. Горницкій— продолженіе его наблюдений по Украинской флорѣ; М. Ф. Клеминъ— „Изслѣдованія надъ кристаллическими породами между рѣками Днѣпромъ и Кальміусомъ“; А. В. Шабельскій— „Отношеніе сарцины къ *Leptothrix buccalis* и къ *Vacillus ulna*“ Въ продолженіе 1877 г. общество испытателей природы высыпало свои изданія 60-ти ученымъ обществамъ и другимъ различнымъ учрежденіямъ, и взамѣнъ ихъ получило отъ различныхъ обществъ и частныхъ лицъ 98 сочиненій. Значительные расходы, сдѣланные обществомъ по печатанію статей и литографированію рисунковъ, въ связи съ значительной суммой, ассигнованной обществомъ на содержаніе коллектора для составленія Украинской флоры, были причиной того, что общество не было въ состояніи организовать въ теченіе года ни одной экскурсіи, хотя нѣкоторыми изъ членовъ выражена была готовность воспользоваться содѣйствіемъ общества въ указанномъ отношеніи.

Общество опытныхъ наукъ состоять изъ двухъ секцій: физико-химической и медицинской. Физико-химическая секція имѣла четыре засѣданія, на которыхъ сдѣланы были восемь слѣдующихъ сообщеній: А. К. Погорѣлко представилъ рефератъ объ изслѣдованіяхъ Крукса относительно дѣйствія свѣта на тѣла, помѣщенныя въ пустотѣ, и демонстрировалъ имъ самимъ приготовленный радиометръ; Н. А. Черной демонстрировалъ ледяной калориметръ Бунзена; А. П. Шинковъ представилъ рефератъ объ изслѣдованіяхъ Тиндалля надъ оптическими свойствами воздуха въ ихъ отношеніяхъ съ явленіями гніенія и зараженія, и демонстрировалъ телефонъ; Л. Л. Гиршманъ рефериро-

валъ опыты и наблюдения Юона и Болля о шуциурѣ ретины и онтограммахъ; И. П. Осиновъ сообщилъ: а) результаты своихъ изслѣдований надъ взаимной вытѣсненостію хлора и кислорода по отношенію къ водороду, и б), о своей пробѣ получить эфиръ двубromoуксусной кислоты по способу Перкина и Дулла, которые получили этиловый эфиръ двубromoуксусной кислоты изъ двубromoуксуснаго; А. П. Эльтековъ сообщилъ: а) о новомъ гексианѣ, полученномъ имъ при нагревании до 200° эквивалентной смѣси юдистаго метала и амилена съ небольшимъ избыткомъ сухой окиси свинца, и б) что юодюры насыщенныхъ спиртовъ, нагрѣтые съ сухою окисью свинца, образуют углеводороды $C_n H_{2n}$, только юдистый изобутиленъ образуеть бутиленъ, а юдистый изоамиленъ образуеть до 70% амилена; Н. Н. Бекетовъ изложилъ свои соображенія объ отношеніи числа частицъ въ единицѣ объема къ температурѣ плавленія и твердости щелочныхъ металловъ; эти соображенія заставляютъ предполагать, что цезій, который еще не полученъ въ чистомъ видѣ, долженъ быть жидкимъ; Г. И. Лагермаркъ показалъ нѣсколько препаратовъ, приготовленныхъ въ его лабораторіи по методу Фриделя. Медицинская секція состояла въ 1877 г. изъ 34-хъ членовъ и имѣла шесть засѣданій, на которыхъ сдѣланы были слѣдующія сообщенія: Н. К. Вагнеръ представилъ о рѣдкомъ случаѣ полного отсутствія желчнаго пузыря у взрослого человѣка; Г. И. Лагермаркъ прочелъ статью о ядовитыхъ краскахъ, заключающихъ мышьякъ; И. К. Зарубинъ сообщилъ о нѣкоторыхъ случайностяхъ при торакоцентезѣ и рассказалъ клиническую исторію случая сквозной огнестрѣльной раны праваго колѣннаго сустава; И. Н. Оболенскій демонстрировалъ отнятую профессоромъ Зарубинымъ у больнаго офицера ногу съ раздробленіемъ въ нижней трети бедренной кости; А. И. Якобій сообщилъ: а) о вентиляціонныхъ формулахъ и б) объ искусственномъ почномъ освѣщеніи госпитатей; В. А. Данилевскій сообщилъ о дѣйствіи пирогаллусовой кислоты на животный организмъ; Ф. В. Тихоновичъ—о взрывчатыхъ смѣсихъ; Я. С. Креманскій—о результатахъ опыта надъ вліяніемъ салициловой кислоты на консервированіе мясныхъ и хлѣбо-мясныхъ препаратовъ и особенно питательныхъ и удобнѣйшихъ для военнаго времени хлѣбо-мясныхъ сухарей, и демонстрировалъ соотвѣтствующіе препараты.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Низшія училища Московського учебного округа въ 1877 году.

Въ истекшемъ году въ Московскомъ учебномъ округѣ находились слѣдующія категоріи начальныхъ училищъ: 1) сельскія двухклассныя, одноклассныя и инородческія (мордовскія) министерства народнаго просвѣщенія; 2) двухклассныя народныя училища въ городахъ и посадахъ; 3) одноклассныя мужскія въ Москвѣ по положенію 1-го ноября 1839 года; 4) одноклассныя училища, по положенію 25-го мая 1874 года. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ разрядовъ.

Сельскихъ двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія было всего 127, а именно двухклассныхъ 90, одноклассныхъ 32 и инородческихъ 5. Число обучавшихся въ нихъ простиравось къ 1-му января 1878 года до 10,882, изъ коихъ мальчиковъ 9,096 и девочекъ 1,286. По школамъ учащіе распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ двухклассныхъ 8,485 (7,432 мал. и 1,053 дѣв.), въ одноклассныхъ 1,799 (1,571 мал. и 288 дѣв.), въ инородческихъ 98 (93 мал. и 3 дѣв.). Въ истекшемъ году было выдано 563 свидѣтельства объ окончаніи курса.

Увеличивающіяся съ каждымъ годомъ заявленія земствъ и сельскихъ обществъ о желаніи имѣть училища министерства народнаго просвѣщенія, и преимущественно двухклассныя, доказываютъ, что училища эти, благодаря своему правильному устройству и достаточному матеріальному обеспеченію, а также опыта и усердію преподавателей и надлежащему надзору со стороны лицъ, поставленныхъ въ ихъ главы, успѣли приобрѣсти довѣріе общества. Можно надѣяться поэтому, что число ихъ и впредь будетъ постоянно увеличиваться. Число учащихся постоянно возрастаетъ: въ истекшемъ году, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, оно было больше на 1,394 чел. Школы эти могли бы быть даже многолѣтнѣ, но во многихъ изъ нихъ, по тѣснотѣ помѣщеній и по недостатку средствъ для открытия параллельныхъ отдѣленій, приходилось ограничивать приемъ.

Въ хорошихъ и опытныхъ учителяхъ для сельскихъ двухклассныхъ и одноклассныхъ школъ не было недостатка: одну часть преподавателей составляютъ воспитанники учительскихъ семинарій, а другую—окончившіе полный курсъ въ семинарияхъ духовныхъ. Впрочемъ эти послѣдніе опредѣляются учителями въ сельскія школы ми-

нистерства только въ такомъ случаѣ, когда нѣть кандидатовъ изъ окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинарияхъ, и притомъ лишь тѣ изъ нихъ, которые уже прежде заявили себѣ вполнѣ добропорядочныемъ своимъ поведенiemъ, усердiemъ и достаточныемъ умѣньемъ вести учебное дѣло. Благодари трудолюбію и опытности этихъ преподавателей, и учебная и воспитательная часть находились въ очень удовлетворительномъ состояніи. Законы Божій преподавался согласно программѣ, выработанной въ министерствѣ народного просвѣщенія и одобренной синодомъ, а преподаваніе другихъ предметовъ велось по программамъ, утвержденнымъ г. министромъ въ маѣ 1869 года. Въ двухклассныхъ училищахъ особенно хороши успѣхи учениковъ по ариѳметикѣ, благодаря главнымъ образомъ основательному знакомству учителей со способомъ Грубе. То же слѣдуетъ сказать и объ успѣхахъ по закону Божію; правильная постановка этого предмета устанавливается: достаточною опредѣленностью программы, вполнѣ образнымъ распределенiemъ материала по классамъ и отдѣленіямъ, вслѣдствіе чего вѣкторыя части, при повтореніи, какъ нельзя лучше укрѣпляются въ памяти учащихся; достоинствами учебниковъ, составленныхъ примѣнительно къ дѣтскому пониманію и, наконецъ, усердiemъ законоучителей, большинство коихъ, занимаясь непрерывно преподаваніемъ со времени открытия училищъ, успѣли приобрѣсти достаточную педагогическую опытность. Что касается до исторіи, географіи, естествознанія и черченія, то въ этихъ предметахъ ученики достигаютъ менѣе удовлетворительныхъ результатовъ, преимущественно потому, что нѣть еще у насъ руководствъ и учебниковъ, вполнѣ приспособленныхъ къ программамъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ, а отчасти, быть можетъ, и вслѣдствіе недостаточного знакомства самихъ преподавателей съ методикой означенныхъ предметовъ. Не во всѣхъ школахъ ученики приобрѣтаютъ умѣнье хорошо и красиво писать. Выработкѣ изящнаго почерка препятствуетъ и недостатокъ времени для тщательной копировки съ прописей.

Въ одноклассныхъ школахъ министерства народного просвѣщенія преподаваніе всѣхъ предметовъ идетъ одинаково ровно, ибо для курса ихъ уже существуетъ достаточное количество руководствъ и учебниковъ, заключающихъ въ себѣ хорошо обработанный материалъ съ указаниемъ способовъ и методовъ обученія.

Во всѣхъ министерскихъ школахъ, со времени ихъ открытия, введено обученіе пѣнію, которое преподается иногда даже по цифирной методѣ Шеве. Конечно, успѣхи не всегда удовлетворительны. Проис-

ходить это отъ того, что обученіе пѣнію лежитъ на обязанности учителей, а не всѣ они обладаютъ надлежащимъ умѣньемъ и хорошимъ музыкальнымъ слухомъ; имѣть же особыхъ преподавателей нельзя по недостатку средствъ. Впрочемъ есть не мало школъ, ученики коихъ цѣлымъ классомъ поютъ очень недурно главный молитвы, духовные и народные гимны, а также народныя пѣсни; что же касается до способнѣйшихъ изъ нихъ и обладающихъ хорошими голосами, то подъ управлениемъ учителя-регента они въ состояніи стройно пропеть литургію и всенощную.

Гимнастическія упражненія введены повсюду, преимущественно комнатныы. Замѣчено, что это дѣло идетъ лучше тамъ, где руководителями являются бывшіе воспитанники учительскихъ семинарій.

При двухклассныхъ школахъ находятся ремесленные классы для обученія различнымъ мастерствамъ: въ однихъ — только столярному, въ другихъ — столярному и токарному, въ иныхъ — сапожному, башмачному или переплетному. Занятія эти не всегда сопровождаются желаемымъ успѣхомъ главнымъ образомъ вслѣдствіе трудности найти хорошихъ руководителей. Лучше другихъ идетъ переплетное мастерство, потому что оно легче и потому, что обучають ему сами учителя школъ, а не наемные мастера.

На религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей обращаемо было самое заботливое вниманіе. Во всѣхъ школахъ постановлено было обязательнымъ: 1) объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелія и апостола, которое дѣлается по большей части самимъ законоучителемъ наканунѣ или въ самый день правдника, предъ литургіей; 2) посѣщеніе учащимися церковныхъ богослуженій; 3) участіе учителей и учениковъ въ чтеніи или въ пѣніи во время церковныхъ службъ; 4) общее совмѣстное ихъ говѣніе великимъ постомъ.

Въ инородческихъ (мордовскихъ) одноклассныхъ школахъ, существующихъ въ Нижегородской губерніи, обучаются преимущественно инородцы и лишь немногія дѣти русского происхожденія. Въ учебномъ отношеніи они мало отличаются отъ другихъ школъ, ибо дѣти мордвиновъ, поступающія въ нихъ, большую частью умѣютъ говорить порусски; тѣмъ не менѣе знаніе мордовскаго языка непремѣнно требуется отъ преподавателей этихъ школъ. Главная трудность при изученіи русскаго языка заключается для воспитанниковъ-инородцевъ въ правильномъ удареніи на словахъ, въ согласованіи родовъ именъ и т. п.; особенно останавливается ихъ заучиванье молитвъ на церковно-славянскомъ языкѣ. Учебниками приняты, какъ и въ русскихъ

училищахъ, „Родное Слово“, „Книга для Чтенія“ Паульсона и задачникъ Евтушевскаго.

Къ разраду двухклассныхъ народныхъ училищъ относятся въ Московскомъ округѣ училища мужскія, женскія и для обеого пола, учрежденныя въ нѣкоторыхъ городахъ и посадахъ Калужской, Костромской, Орловской, Смоленской, Тульской и Ярославской губерній съ тою же цѣлью, съ какою открываются двухклассныя училища министерства народного просвѣщенія, то-есть, съ цѣлью доставить дѣтямъ небогатыхъ горожанъ возможность „пріобрѣтать элементарное образованіе въ болѣе полномъ и законченномъ видѣ, чѣмъ какоедается въ одноклассныхъ приходскихъ училищахъ“. Сюда же слѣдуетъ отнести и Ларинское училище въ с. Любучахъ, Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи, существующее на основаніи особаго для него положенія. Однѣ изъ означенныхъ школъ преобразованы изъ одноклассныхъ приходскихъ съ сохраненіемъ названія и правъ приходскихъ училищъ; другія же изъ одноклассныхъ начальныхъ, возникшихъ послѣ 1864 года; третыи вновь открыты въ двухклассномъ составѣ съ курсомъ высшимъ, чѣмъ курсъ одноклассныхъ приходскихъ школъ. Къ 1-му января 1879 года число обучавшихся въ этихъ школахъ простирилось до 2,302, между коими было 1,088 мальчиковъ и 1,214 дѣвочки; 104 окончили курсъ со свидѣтельствами, а 26 безъ свидѣтельствъ.

Предметы обученія и объемъ ихъ въ упомянутыхъ училищахъ тѣ же самые, какъ и въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ министерства народного просвѣщенія. Курсъ раздѣленъ на 5 лѣтъ, а именно 3 года въ I классѣ и 2 года во II-мъ; только въ очень немногихъ, и преимущественно въ женскихъ школахъ этотъ курсъ состоить изъ четырехъ лѣтъ. Учебно-воспитательная часть находится въ непосредственномъ вѣдѣніи дирекцій народныхъ училищъ; определеніе и увольненіе учителей производится директорами по представлениимъ инспекторовъ. Въ значительномъ большинствѣ школъ, о которыхъ идетъ рѣчь, успѣхи учащихся въ истекшемъ году были болѣе чѣмъ удовлетворительны: окончившіе курсъ вышли съ такими же хорошими познаніями какъ и обучавшіеся въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ министерства народного просвѣщенія.

Почти при всѣхъ школахъ описанного разряда находились особые классы рукодѣлія, въ которыхъ дѣвочки, подъ руководствомъ учительницъ или особо нанятыхъ для того мастерицъ, занимаются вязаньемъ чулковъ и простыхъ кружевъ, преимущественно же кройкою

и шитьемъ бѣлья и платья. Занятія эти приводятъ къ весьма удовлетворительнымъ результатамъ. Въ истекшемъ году почти всѣ женскія училища безмездно шили бѣлье и другіе предметы для больныхъ и раненыхъ воиновъ. Работа эта заслужила одобрение жѣсткихъ дамскихъ комитетовъ Краснаго Креста.

Точно также въ нѣкоторыхъ, хотя къ сожалѣнію еще и въ немногихъ школахъ мужскіхъ и для обоего пола учреждены для мальчиковъ ремесленные классы, въ которыхъ они обучаются рѣзному, столярному или токарному мастерствамъ, а иногда техническому черченію.

Въ Москвѣ существуютъ одноклассныя начальные училища, устроенные на основаніи положенія 1-го ноября 1839 года. Числомъ ихъ 16; въ истекшемъ году обучалось въ нихъ 757 мальчиковъ. Вотъ что говорить о нихъ въ своемъ отчетѣ директоръ народныхъ училищъ Московской губерніи: „Правильная постановка учебнаго дѣла, образцовая опытность и акуратность преподавателей, удовлетворительные успѣхи дѣтей, вотъ причины того, что эти училища держатся такъ крѣпко. Ни изобѣжество начальныхъ бесплатныхъ школъ, учреждаемыхъ наряду съ ними, ни даровая раздача книгъ и учебныхъ пособій, ни даровые завтраки, предлагаемые ученикамъ въ Петровскихъ училищахъ, содержимыхъ городскою думой, не могли отвлечь отъ нихъ воспитанниковъ. Многія изъ упомянутыхъ училищъ переполнены дѣтьми. Произведенныя въ нихъ въ истекшемъ году Московскимъ училищнымъ совѣтомъ испытанія оказались какъ нельзя болѣе благопріятны; изъ 64 желавшихъ получить свидѣтельства, предоставляемыя льготу по отбыванію воинской повинности, получили эти свидѣтельства 60 молодыхъ людей“

Одноклассныхъ начальныхъ народныхъ училищъ (по положенію 25-го мая 1874 года) состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, было въ истекшемъ году 4,390. Училища эти раздѣлялись на слѣдующіе разряды; городскія и сельскія (мужскія, женскія и обоего пола); церковно-приходскія школы; школы грамотности; воскресныя школы; воскресные классы техническаго черченія и вечерніе ежедневные классы. Число всѣхъ обучавшихся въ нихъ простиралось до 216,735, между коими 180,683 мальчика и 36,052 дѣвочки. Изъ означенного числа на города и посады Московскаго округа приходилось 58,942 (въ городахъ и посадахъ губерній: Московской 11,613, Владимирской 2,941, Калужской 3,033, Костромской 1,822, Нижегородской 2,662, Орловской 3,786, Рязанской 1,939, Смоленской 1,499,

Тверской 4,003, Тульской 3,181, Ярославской 2,470), а на села, деревни и усадьбы 157,793 (въ губерніяхъ: Московской 22,318, Владими́рской 14,655, Калужской 16,798, Костромской 8,434, Нижегородской 11,128, Орловской 20,486, Рязанской 21,238, Смоленской 7,029, Тверской 22,799, Тульской 19,933 и Ярославской 13,908).

Въ школахъ, о которыхъ идетъ рѣчъ, преподаются всѣ предметы, назначенные для нихъ положеніемъ 25-го маѣ, за исключеніемъ лишь церковнаго пѣнія; оно установилось еще не вездѣ вслѣдствіе трудности пріискать такихъ учителей, которые, при способности вести хорошо школу, обладали бы и умѣньемъ обучать упомянутому искусству. Въ школахъ мужскихъ и обоего пола преподаваніе поручается безразлично учителямъ или учительницамъ, а въ школахъ женскихъ исключительно симъ послѣднимъ. Личный составъ ихъ относительно полученного ими образованія весьма разнообразенъ. Учители по большей части—окончившіе или не вполнѣ окончившіе курсъ духовныхъ семинарій или уѣзденій училищъ, а также вышедшіе до окончанія курса изъ гимназій и училищъ реальныхъ; очень мало между ними такихъ, которые прошли чрезъ учительскія семинаріи; многіе же обучались только дома. Домашнее образованіе получило также и большинство учительницъ; затѣмъ слѣдуютъ тѣ изъ нихъ, которая окончили или не окончили курсъ въ школахъ для дѣвицъ духовнаго званія, въ женскихъ учительскихъ семинаріяхъ; встрѣчаются также вышедшия изъ низшихъ—а иногда, хотя и рѣдко—изъ высшихъ классовъ институтовъ и женскихъ гимназій. Во всѣхъ школахъ употребляется при начальномъ обученію чтенію звуковой способъ въ связи съ предметными уроками, а при ариѳметическихъ дѣйствіяхъ способъ Грубе. Конечно, не вездѣ дѣло идетъ при этомъ одинаково успѣшно; встрѣчаются преподаватели, которые еще сами не усвоили себѣ надлежащимъ образомъ эти способы. Иногда учителя, заботясь о томъ, чтобы поскорѣе научить дѣтей читать, удѣляютъ на это большую часть времени въ ущербъ занятіямъ ариѳметикой. Особенно отличаются недостатками въ преподаваніи учителя изъ бывшихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій и училищъ, еще не посѣщавшіе краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ. При занятіяхъ ариѳметикой они обращаютъ почти исключительное вниманіе на механическія вычисленія, не заботясь о томъ, чтобы дѣти сознательно решали задачи. Обученіе письму ведется также не совсѣмъ успѣшно: дѣти, оставаясь два или три года въ школѣ, хотя и могутъ писать мелкимъ шрифтомъ, но почеркъ ихъ не красивъ. Бирочкой, замѣчанія эти относятся далеко не всѣмъ училищамъ:

можно положительно сказать, что по крайней мѣрѣ одна третъ этихъ училищъ поставлены очень хорошо, что преподаватели ихъ вполнѣ удовлетворительно понимаютъ свое дѣло и достигаютъ отрадныхъ результатовъ. Ученики, вышедши изъ этихъ лучшихъ школъ, обладаютъ твердымъ знаніемъ главнѣйшихъ молитвъ, основныхъ догматовъ православной вѣры, заповѣдей, важнѣйшихъ событій священной исторіи вѣхаго и нового завѣта и порядка літургіи; они свободно читаютъ по русски и по славянски, могутъ послѣдовательно разказать и изложить на бумагѣ содержаніе прочитанной ими статьи; по арионетикѣ они приобрѣтаютъ навыкъ решать устно и письменно задачи, относящіяся къ первымъ четыремъ дѣйствіямъ надъ отвлечеными и именованными числами; пишутъ четко и безъ грубыхъ ошибокъ.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить о всѣхъ вышеупомянутыхъ училищахъ, что въ большинствѣ они постоянно совершенствуются. Вотъ одно изъ доказательствъ этого: въ истекшемъ году испытанія на получение льготныхъ свидѣтельствъ по отбыванію воинской повинности произведены были съ особою строгостью и разборчивостью, а между тѣмъ число получившихъ такія свидѣтельства, увеличилось сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ на 1628: въ 1876 году изъ 13,688, окончившихъ курсъ, получили свидѣтельства 10,286 человѣкъ, а въ отчетномъ году изъ 14,148 удостоились ихъ 11,914.

Поведеніе учащихся было вообще весьма удовлетворительно. Во всѣхъ школахъ исключены были только двое, относительно коихъ всѣ мѣры исправленія оказались тщетными. Уроковъ пропущено было значительное количество, но справедливость требуетъ замѣтить, что происходило это отъ обстоятельствъ, не зависящихъ отъ учениковъ, или отъ распущенности и небрежности ихъ родителей. Крестьяне удерживаютъ дома дѣтей по случаю домашнихъ работъ, но нерѣдко даже когда и не представляется въ этомъ необходимости; удерживаютъ ихъ въ храмовые и мѣстные праздники, которые вошло въ привычку праздновать не по одному, а по нѣскольку дней сряду. Затѣмъ уважительными причинами непосѣщенія классовъ служатъ распутница, плохая обувь и одежда.

Кромѣ исчисленныхъ нами разрядовъ начальныхъ училищъ, есть еще училища, открываемыя частными лицами, съ цѣлью дать элементарное образованіе дѣтямъ или подготовлять ихъ въ нашие классы различныхъ учебныхъ заведеній. Всѣхъ ихъ находилось въ истекшемъ году въ Московскомъ округѣ 48 и обучалось въ нихъ 541 мал. и 859 дѣв., всего 1,400. Равдѣются эти школы на платныя и без-

платныя. Первыхъ гораздо больше: размѣръ платы условливается добровольнымъ соглашеніемъ между учителями и родителями и бываетъ весьма различенъ—отъ 25 коп. до 3 руб. въ мѣсяцъ не только въ разныхъ училищахъ, но и въ одномъ и томъ же училищѣ, и даже въ одномъ и томъ же классѣ. Учредители подобныхъ платныхъ школъ, въ большинствѣ случаевъ, преимущественно заботятся о своихъ выгодахъ, а потому ученье ведется ими далеко неудовлетворительно. Бесплатныхъ школъ, учреждаемыхъ различными лицами на собственныя ихъ средства, весьма немного, но поставлены онѣ гораздо лучше и приносятъ несомнѣнную пользу.

Такимъ образомъ въ начальныхъ училищахъ Московскаго округа (за исключеніемъ уѣздныхъ и городскихъ, устроенныхъ на основаніи положенія 31 мая 1872 года, которыхъ мы не касались въ нашемъ очеркѣ) обучалось:

въ сельскихъ (двухклассныхъ, одноклассныхъ и ино-	
родческихъ) министерства народнаго просвѣщенія.	10,882
„ двухклассныхъ въ городахъ и посадахъ.	2,302
„ одноклассныхъ, существующихъ въ г. Москвѣ.	757
„ одноклассныхъ народныхъ, состоящихъ въ вѣ-	
дѣніи училищныхъ совѣтовъ.	. 216,735
частныхъ училищахъ.	1,400
	—————
Всего	231,576

Въ этомъ числѣ 192,165 мальчиковъ и 39,411 девочекъ.

Однимъ изъ средствъ для подготовленія учителей низшихъ училищъ служать, какъ известно, краткосрочные педагогические курсы. Такіе курсы въ истекшемъ году были устроены по Московскому учебному округу въ губерніяхъ Нижегородской и Ярославской.

1) Въ Нижнемъ Новгородѣ длились они съ 10 августа по 6 сентября подъ наблюденіемъ директоровъ народныхъ училищъ г. Овсянникова. На устройство этихъ курсовъ земствомъ Нижегородскаго уѣзда было ассигновано 1,000 руб. Приглашеніе получили 35 учителей и учительницъ, но двое уклонились отъ этой обязанности и были замѣнены двумя кандидатами на учительскія должности. Занятія проходили въ Благовѣщенскомъ начальномъ училищѣ, имѣющимъ весьма просторное помѣщеніе и снабженномъ въ достаточномъ количествѣ необходимыми учебными пособіями; 20 учениковъ старшаго и средняго отдѣленій этого училища составили классъ, предназначенный для практическихъ упражненій участвовавшихъ на курсахъ учителей.

Уроки, каждый по часу, распределены были по 1 въ день за исключениемъ субботы, когда было назначено только по 2 урока. Всѣхъ уроковъ дано было 68, а именно по обученію чтенію 22, по обученію письму 6, по объяснительному чтенію и переводамъ съ церковно-славянского языка на русскій 18, по ариѳметикѣ тоже 18, по диктовкѣ На вечернихъ засѣданіяхъ, которыхъ было 11, руководитель знакомилъ собравшихся учителей съ теоріей обучения въ начальной школѣ и въ этикѣ же засѣданіяхъ были обсуждаемы данные ими уроки. Прежде чѣмъ приступать къ занятіямъ въ классѣ, учителя должны были представлять конспекты предполагаемыхъ уроковъ.

Результатомъ упомянутыхъ краткосрочныхъ курсовъ было то, что учителя ознакомились съ методомъ обучения чтенію и письму по звуковому способу, съ задачами объяснительнаго чтенія, а также съ тѣмъ, какъ слѣдуетъ вести его и какъ нужно упражнять дѣтей въ переводахъ съ церковно-славянского на русскій; имъ объяснены были приемы диктовки, исправленія письменныхъ работъ и т. д. Особенное внимание обращено было и на то, чтобы пріучить преподавателей заниматься въ школѣ одновременно съ тремя отдѣленіями и поддерживать надлежащую дисциплину.

2) Въ Ярославской губерніи краткосрочные курсы были устроены въ г. Мологѣ съ 1-го по 23-е июня включительно. Наблюдателемъ явился на нихъ инспекторъ народныхъ училищъ, г. Адреевский, а руководителями—учителя Мологскаго городскаго училища. На покрытие расходовъ по означеннымъ курсамъ мѣстное земство ассигновало 500 р. и сверхъ того гр. Мусинъ-Пушкинъ пожертвовалъ 200 р. Всѣхъ слушателей было 51, а именно 17 учителей и 14 учительницъ, 3 кандидата и 17 кандидатокъ на учительскія должности. Для практическихъ занятій организована была школа изъ 17 учениковъ Мологскаго городскаго трехкласснаго училища съ различною степенью познаній. Уроки, которыхъ было дано 52, происходили въ слѣдующемъ порядке: сначала учителя присутствовали на образцовыхъ урокахъ руководителей, затѣмъ каждый изъ нихъ долженъ былъ самъ дать урокъ, а на вечернихъ засѣданіяхъ эти уроки подвергались обсужденію. Вечеромъ же учителя и учительницы, посвящали ежедневно по одному часу на изученіе итогнаго пѣнія подъ руководствомъ регента.

Говоря о состояніи пятихъ училищъ Московскаго округа въ истекшемъ году, считаемъ не излишнимъ упомянуть, сколько истрачено было на ихъ содержаніе. Общая сумма (опять таки за исключениемъ

уѣздныхъ и городскихъ училищъ) простиралась до 1.693.284 руб. Образовалась она икъ слѣдующихъ источниковъ: изъ государственного казначейства 137.102 р., изъ ассигновокъ земства 695.491 р.; городскихъ обществъ 331.226 р., сельскихъ обществъ 248.151 р.; остальная часть составилась изъ сбора за ученье, изъ различныхъ по-жертвованій и т. п.

Низшія училища Одесского учебного округа въ 1877 году.

Въ истекшемъ году находились въ Одесскомъ округѣ слѣдующія низшія училища: 1) состоящія въ вѣдѣніи дирекцій народныхъ училищъ двухклассныя городскія приходскія, мужскія и женскія, 18, двухклассныя сельскія образцовые 32; одноклассныя сельскія 51; 2) состоящія въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ: городскія 114; сельскія 904; частныя школы мужскія 15, женскія 11; обоего пола 35. Слѣдовательно, число всѣхъ училищъ простирилось до 1.180 помимо школъ, состоящихъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій и школъ еврейскихъ. Обучалось въ этихъ школахъ (за исключеніемъ школъ частныхъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій и еврейскихъ, о числѣ учащихся въ коихъ мы не имѣмъ точныхъ свѣдѣній) 67.826 чел. между коими 58.466 мальчиковъ и 9.360 девочекъ.

Двухклассныя городскія и сельскія училища, состоящія въ вѣдѣніи дирекцій народныхъ училищъ, или иначе двухклассныя училища министерства народного просвѣщенія, не смотря на продолжительное свое существование успѣли уже вездѣ достигнуть полного своего развитія и пользуются заслуженнымъ вниманіемъ со стороны мѣстныхъ обществъ. Правильная постановка учебной части, достаточное количество руководствъ и пособій, обученіе церковному пѣнію, гимнастическія упражненія, предоставление оканчивающимъ курсъ льготы по воинской пошлини и права лучшимъ изъ нихъ продолжать свое образованіе въ учителскихъ семинаріяхъ—все это служитъ достаточнымъ основаніемъ ихъ успѣховъ. На сколько они возвелили къ себѣ общее сочувствіе, видно между прочимъ изъ того, что въ двухъ изъ упомянутыхъ школахъ Екатеринославской губерніи обучается 21 стипендіатъ земства; Мариупольское земство постановило ежегодно отпускать по 400 р. на содержаніе третьаго учителя при Темрюкской школѣ; можно было бы привести и еще вѣсколько примѣровъ въ томъ же родѣ. Въ виду такого положенія, занятаго двухклассными училищами министерства народного просвѣщенія, они состав-

ляютъ предметъ особой заботливости директоровъ и инспекторовъ, стремящихся къ тому, чтобы онѣ вполнѣ достигали цѣли, которая имѣлась въ виду при ихъ учрежденіи, а именно сообщать учащимся, хотя ограниченыя по объему, но основательно усвоенныя знанія, которыхъ могли бы пригодиться имъ въ практической жизни.

Въ двухклассныхъ школахъ министерства большое вниманіе обращено на преподаваніе русскаго языка, о распространеніи коего нужно заботиться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ края, напримѣръ, въ Бессарабской; учениковъ заставляютъ упражняться по руски и устно и письменно, а достаточно продолжительный курсъ представляетъ полную возможность достигнуть этой цѣли.

Съ цѣлью устранить неудобства относительно своевременного получения руководствъ и учебныхъ пособій, постановлено, чтобы въ каждомъ уѣздѣ, въ наиболѣе центральныхъ мѣстностяхъ, находились склады этихъ предметовъ.

Всѣ двухклассные училища находятся въ одинаково удовлетворительномъ состояніи, но лучшія изъ нихъ 3, въ Херсонской губерніи и 10 въ губерніи Бессарабской; между этими посѣдѣніями особенно отличается Чайшское, находящееся въ мѣстности Болгарского водворенія.

Что касается до одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, то они размножаются еще быстрѣе, чѣмъ двухклассныя, такъ какъ требуютъ незначительныхъ средствъ для своего содержания. Почти всѣ они помѣщаются въ собственныхъ домахъ, достаточно снабжены учебными пособіями и имѣютъ хорошихъ преподавателей. При пяти изъ нихъ находятся женскія отдѣленія, а при двухъ — ремесленные классы.

Переходимъ теперь къ школамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ.

Изъ нихъ городскія двухклассныя женскія по объему преподаванія соответствуютъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія. Онѣ приносятъ большую пользу, давая возможность получать образованіе дѣвочкамъ не только высшихъ, но и среднихъ сословій. Особенно хорошую репутацію пріобрѣли училища Кишиневское и Хотинское. Учебно-воспитательная часть въ двухклассныхъ городскихъ приходскихъ училищахъ находится въ удовлетворительномъ состояніи, но многое мѣшаетъ успѣху этихъ школъ неопределенность правъ обучающихся въ нихъ относительно льготъ по воинской повинности. Именно поэтому мальчики переходятъ иногда въ училища уѣздныя

программа коихъ обширнѣе, но съ окончаніемъ курса коихъ связаны упомянутыя льготы.

Начальные одноклассныя народныя школы содержатся на значительныя пособія со стороны земствъ, а отчасти и сельскихъ обществъ, которая иногда надѣляютъ эти школы небольшими участками земли для разведенія садовъ и огородовъ, даютъ имъ топливо и напи- маютъ для нихъ на свой счетъ прислугу.

По губерніямъ положеніе этихъ школъ было слѣдующее:

Въ Херсонской губерніи много спосабствовало ихъ преуспѣянію состоявшееся въ истекшемъ году увеличеніе содержанія учителей (например въ Одесской уѣздѣ отъ 300 до 400 р. при готовой квартирѣ съ отопленіемъ, въ Елисаветоградскомъ до 300 р.), а также назначеніе постояннаго вознагражденія законоучителямъ по числу данныхъ ими уроковъ (въ Елисаветоградскомъ, Тираспольскомъ и Одесскомъ уѣздахъ по 1 р. за часовой урокъ). Только въ Александрийскомъ уѣздѣ положеніе дѣлъ представляется въ иномъ видѣ: здѣсь не болѣе 6 ученицъ пользовались достаточнou поддержкой со стороны земства; остальные получали отъ него незначительное пособіе (въ размѣрѣ 100 р.) и кромѣ того уроки законоучителей не вездѣ были оплачиваемы. Школы, содержимыя самими сельскими обществами въ упомянутомъ уѣздѣ находятся въ большомъ упадкѣ; преподаваніемъ въ нихъ занимаются преимущественно сельские писаря, отставные солдаты, полуграмотные крестьяне съ годовымъ вознагражденіемъ отъ 40 до 100 р.

Въ Екатеринославской губерніи выборъ попечителей производится нынѣ съ большою разборчивостью сельскими обществами, но тѣмъ не менѣе попечители эти относятся очень равнодушно къ своимъ обязанностямъ. Можно однако надѣяться, что преимущества, предоставленныя въ концѣ минувшаго года попечителямъ начальныхъ ученицъ изъ крестьянъ, возвѣсить въ ихъ глазахъ это званіе. Число законоучителей въ школахъ Екатеринославской губерніи увеличилось до 32: причиной того—заботы губернского училищнаго совѣта, чтобы законоучители были вознаграждаемы за свой трудъ жалованьемъ отъ уѣздныхъ земствъ или сельскихъ обществъ. Въ уѣздахъ Мариупольскомъ, Ростовскомъ, Бахмутскомъ и Александровскомъ вознагражденіе назначено имъ въ размѣрѣ отъ 50 коп. до 1 р. за урокъ; въ Екатеринославскомъ уѣздѣ только 9 законоучителей не получаютъ вознагражденія, и притомъ двое сами отказались отъ него. Въ Славино-

сербскомъ уѣздѣ законоучителямъ выдано по 50 р. каждому изъ земскихъ суммъ. Училищные совѣты продолжали увеличивать число учителей въ тѣхъ школахъ, гдѣ на каждого изъ нихъ приходится болѣе 60 учащихся. Изъ наличнаго состава учителей 53 окончили курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, 34—въ учительскихъ семинаріяхъ и педагогическихъ курсахъ; обучавшихся въ уѣздныхъ или духовныхъ училищахъ 157; домашнаго воспитанія 41; имѣвшихъ свидѣтельства на учительское званіе 318, а не имѣвшихъ его 33. Лучшій составъ учителей находится въ уѣздахъ Александровскомъ и Мариупольскомъ, особенно въ послѣднемъ, гдѣ земство прибѣгаетъ къ усиленнымъ расходамъ для привлечения ихъ. Оно старается, между прочимъ, назначать окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій въ такія мѣстности, гдѣ нѣтъ церквей или гдѣ священники, обремененные обязанностями своего званія, не могутъ преподавать законъ Божій. Изъ числа всѣхъ учителей 99 обучали дѣтей церковному пѣнію, а 30 сформировали даже церковные хоры. Объ успѣхахъ народнаго образованія въ Екатеринославской губерніи можно судить между прочимъ по тому, что число получившихъ свидѣтельства, предоставляющія льготу по воинской повинности, увеличилось въ истекшемъ году на 178 сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ.

Въ Таврической губерніи болѣе половины всѣхъ учителей народныхъ школъ вышли изъ среднихъ учебныхъ заведеній, хотя не всѣ окончили въ нихъ полный курсъ; вслѣдствіе такого состава преподавателей учебное дѣло идетъ успѣшно. Учителя получаютъ достаточное вознагражденіе за свои труды, чего нельзя сказать о законоподобителяхъ: преимущественно въ сѣверныхъ уѣздахъ имъ не было выдаваемо никакого вознагражденія.

Въ Бессарабской губерніи сельскія общества вачали въ послѣднее время гораздо болѣе заботиться о материальныхъ средствахъ школъ, вслѣдствіе чего школы эти улучшились. По большей части они имѣютъ довольно удобныя помѣщенія, достаточно снабжены книгами и учебными пособіями. Вообще въ упомянутой губерніи парodo населеніе замѣтно обнаруживаетъ потребность образованія, но именно въ послѣднее время не легко было удовлетворять ее такъ, какъ это было бы желательно: неурожай, а затѣмъ война сильно истощили средства мѣстныхъ обществъ. По благоустройству народныхъ школъ первое мѣсто въ Бессарабской губерніи занимаетъ Хотинскій уѣздъ.

Въ истекшемъ году на низшія училища Одесского округа, о которыхъ часть сихъ, отд. 4.

рыхъ мы сообщали здесь нѣсколько съѣдѣній, было израсходовано 622,532 руб., а именно на школы министерства народного просвѣщенія 97,343 р. и на школы, состоящія въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ: городскія — 265.807 р. и сельскія 259.380 р. Изъ описанной выше суммы на долю государственного казначейства приходится 32.990 р., на долю земства 218.830 р., городскихъ обществъ 137.535 р. и сельскихъ обществъ 211.169 руб.

О НЕКОТОРЫХЪ СТАТЬЯХЪ ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИКИ.

Во второй части 1-ой книжки журнала: *Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik* за текущий годъ помещена статья подъ заглавием: *Bemerkungen zur lateinischen Grammatik* von Ellendt-Seyffert. Авторъ этой статьи, К. Венедигеръ известныи ствоими рецензиями сотрудникъ названного журнала, въ предисловіи къ этимъ своимъ замѣчаніямъ говоритъ, что они дѣлаются имъ на основаніи долголѣтней практики, а потому хотя высказаны только по отношенію къ грамматикѣ Эллендтъ-Зейфферта, тѣмъ не менѣе съ пользою для школы могутъ быть примѣнены и къ другимъ грамматикамъ латинскаго языка.

Авторъ говоритъ въ своихъ замѣчаніяхъ о весьма важныхъ статьяхъ латинской грамматики, какъ напримѣръ: о supinum, gerundium, gerundivum, ablativus absolutus, oratio obliqua и проч. то-есть, о тѣхъ статьяхъ, полное и точное пониманіе которыхъ крайне желательно для учениковъ.

Между тѣмъ каждому изъ насъ хорошо известно, что именно приведенные статьи не только въ грамматикѣ Эллендтъ-Зейфферта, которая въ русскомъ переводѣ уже нѣкоторое время употребляется также въ нашихъ гимназіяхъ, но и въ большинствѣ другихъ грамматикъ, находящихся въ рукахъ учениковъ, изложены не только неясно и неточно, но нерѣдко даже невѣрно, такъ что уже неоднократно и очень недавно еще въ собраний Филологического общества было заявлено о необходимости при случаѣ просматривать именно приведенные статьи въ употребляемыхъ у насъ латинскихъ грамматикахъ и по возможности

устрашать встрѣчающіяся тамъ недостатки. Такъ какъ авторъ упомянутыхъ замѣчаній именно имѣлъ въ виду при ихъ составленіи предложить болѣе вѣрное и болѣе ясное и точное изложеніе и объясненіе этихъ столь важныхъ статей, то я считаю небезполезнымъ здесь вкратцѣ ихъ разсмотрѣть, и притомъ не только по отношенію къ грамматикѣ Эллендтѣ-Зейферта, но и къ тѣмъ изъ другихъ грамматикъ, которыхъ преимущественно употребляются въ нашихъ гимназіяхъ; при этомъ только въ томъ случаѣ, если ни одна изъ послѣднихъ не представляетъ удовлетворительного изложенія и объясненія, а позволю себѣ прибѣгнуть еще къ другимъ грамматикамъ, или паконецъ, привести свое собственное мінѣніе, то-есть, вкратцѣ высказать, какъ я самъ понимаю данную статью, и какое объясненіе и изложеніе ея я считаю наилучшимъ.

Говоря о томъ, какъ въ грамматикѣ Эллендтѣ-Зейферта изложено учение о супинѣ, референтъ требуетъ, чтобы ученикамъ было сообщено, что *supinum* есть отлагольное существительное, отъ которого форма на *im* представляетъ винительный, а форма на *и* творительный падежъ. Изъ другихъ грамматикъ, преимущественно употребляемыхъ въ нашихъ гимназіяхъ, такое объясненіе супина даютъ намъ латинскій синтаксисъ Кесслера и грамматика Кюнера въ переводѣ Кремера, между тѣмъ какъ въ той же самой грамматикѣ въ переводѣ Носова, въ грамматикѣ Шульца въ переводѣ Ходобая, и какъ уже видно изъ предыдущаго, въ грамматикѣ Эллендтѣ-Зейферта такое объясненіе не дается. Теперь мнѣ приходится указать на одну неточность къ грамматикѣ Кюнера въ переводѣ Кремера. Тамъ сказано: Супинумъ на *im* употребляется а) при глаголахъ движения (а именно при *mittere*, *venire*, *ire*), б) для означенія намѣренія или цѣли движения—и потому слѣдуютъ примѣры, копечко всѣ съ приведенными глаголами и представляющіе предложения, которыми выражаютъ намѣреніе или цѣль.

Спрашивается: для чего это раздѣленіе правила на два пункта, когда оно непремѣнно должно быть наложено въ одномъ пунктѣ, а именно такъ: *supinum* на *im* употребляется послѣ глаголовъ движения, какъ *mittere*, *venire* etc., чтобы выразить намѣреніе или цѣль движения. Допустить приведенное раздѣленіе г. Кремеромъ правила, значило бы то же самое, какъ еслибы мы сказали: *ut finale* употребляется: а) послѣ глаголовъ просить и требовать и б) чтобы выразить цѣль или намѣреніе просьбы или требованія.

Тамъ, где у Эллендтѣ-Зейферта говорится объ употреблении *supinum*

на *и*, между прочимъ сказано: *suprīpum* ставится послѣ прилагательныхъ *gut*, *schlecht* etc. (въ русскомъ изданіи это переведено буквально). Съ этимъ референтъ о нѣмецкомъ изданіи никакъ не можетъ согласиться, и по справедливости, такъ какъ, безъ всякаго сомнінія, каждый ученикъ, если ему говорить: послѣ прилагательныхъ *хорошій* или *дурной*, прежде всего думаетъ о словахъ *bonus* и *malus*, при которыхъ однажды *suprīpum* не встрѣчается. Референтъ предлагаетъ сказать: послѣ прилагательныхъ, которые обозначаются *gut*, *schlecht* etc.. У Кремера это сказано вѣрно; указанная же у Эллендтъ-Зейферта неточность встрѣчается и въ синтаксисѣ Кесслера.

О нѣкоторыхъ другихъ неточностяхъ въ изложеніи, на которыхъ указываетъ референтъ, я считаю лишнимъ здѣсь говорить, такъ какъ онъ или не перешли въ русскій переводъ, или особаго значенія не имѣютъ.

Что касается собственнаго значенія формы *suprīpum* на *и*, то и ни въ одной грамматикѣ не нашелъ удовлетворительнаго объясненія. Референтъ о нѣмецкомъ изданіи Эллендтъ-Зейферта требуетъ, чтобы эта форма была рассматриваема какъ *ablativus limitationis*, на что и указано въ русскомъ переводѣ; но ни въ нѣмецкомъ, ни въ русскомъ изданіяхъ не дается болѣе подробнаго объясненія о томъ, въ какомъ именно отношеніи находятся вышеприведенные прилагательныя къ *suprīpum* на *и*. У Носова и Кесслера обѣ этомъ ничего не сказано.

Въ грамматикѣ Кюнера въ переводѣ Кремера эта форма *suprīpum* на *и* называется творительными мѣры, что мнѣ положительно не понятно. Если мы откроемъ ту статью его грамматики, въ которой онъ вообще говоритъ о творительномъ падежѣ (§ 16, ч. II), то тамъ такого творительного падежа не найдемъ; только въ пункѣ 9-мъ приведенного § говорить онъ о какомъ-то творительномъ пре-носходства (?) и называетъ его по латыни *ablativus mensurae*, подразумѣвая подъ этимъ известное употребление творительного падежа, какъ оно встрѣчается въ словахъ: *multo*, *paulo*, *tanto*, *quanto* etc. при сравнительной степени; но все это не можетъ имѣть ничего общаго съ тѣмъ, что онъ разумѣеть подъ творительными падежемъ мѣры при ученіи о сущинѣ.

Легко видно, что при такой неопредѣленности и неточности объясненій ученики едва ли могутъ получить какое-либо ясное и вѣрное понятіе о правилахъ.

Я опредѣляю своимъ ученикамъ отношеніе при приведенныхъ въ

грамматикъ прилагательныхъ къ зависающему отъ нихъ supinum слѣдующимъ образомъ: Supinum на и выражаетъ 1) то дѣйствіе, по отношенію къ которому приписывается какому-либо предмету качество, вѣражаемое приведенными прилагательными, — 2) дѣйствіе, для или въ пользу которого какому-либо предмету такое качество приписывается. Въ первомъ случаѣ supinum на и безспорно творительный, а во второмъ слѣдуетъ рассматривать его какъ дательный падежъ. Въ первомъ случаѣ оно болѣе удерживаетъ значение глагола, во второмъ же вполне принимаетъ соответствующее своей формѣ значение отлагольного существительного.

Слѣдовательно, и я допускаю, чтобы форма supinum на и, какъ этого требуетъ референтъ, была рассматриваема какъ ablativus limitationis, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаю, что нерѣдко ее слѣдуетъ рассматривать какъ дательный падежъ, а именно какъ dativus commodi; напримѣръ, въ слѣдующихъ предложеніяхъ, приведенныхъ почти во всѣхъ грамматикахъ: Quid est tam iucundum cognitu atque auditu, quam sapientibus sententiis gravibusque verbis ornata oratio? — и pira dulcia sunt gustatu, — формы cognitu, auditu и gustatu я рассматриваю какъ dativi commodi, а именно: oratio iucunda cognitu atque auditu значить: рѣчь пріятная какъ для ума, такъ и для слуха — и въ другомъ примѣрѣ: pira dulcia gustatu: груши сладкія на вкусъ или вкусу, то-есть, eine Rede, die angenehm ist sowohl fü r den Verstand, als auch fü r das Ohr, — wo sowohl der Verstand, als auch die Sinne, hier das Ohr, etwas haben, — и въ другомъ примѣрѣ: Birnen, die fü r den Geschmack oder dem Geschmack angenehm sind; такъ и въ французскомъ языкѣ: les poires sont agréables au goût или pour le goût. Вѣдь и въ другихъ случаяхъ прилагательные iucundus, dulcis и подобныя имъ соединяются съ dativus commodi. Я по крайней мѣрѣ не знаю, можно ли говорить объ ablativus limitationis, если, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, данное прилагательное (dulcis) представляетъ понятіе, уже совершенно опредѣленное и ограниченное. Или могутъ ли груши быть сладкими не только на вкусъ, но и еще на что-нибудь? Точно также можно спросить и относительно другаго примѣра: можетъ ли какая-либо рѣчь быть пріятною не только для ума и слуха, но еще для чего-нибудь?

Разбирая подобнымъ образомъ примѣры, приведенные въ грамматикахъ, во многихъ изъ нихъ форму супина на и никакъ нельзя принимать за ablativus limitationis.

Совершенно иначе представляется дѣло, если мы имѣемъ такого

рода примѣръ для *ablativus limitationis*: *Homo natione Medus, egitudine Romanus*. Здѣсь мы имѣемъ два понятія, которые въ самомъ дѣлѣ могутъ быть ограничивающими, какъ они въ данномъ примѣрѣ и ограничиваются: человѣкъ, который Мидянинъ *natione*, но не во всѣхъ отношеніяхъ, какъ между прочимъ ве *eruditione*; съ другой стороны человѣкъ, который *eruditioне* Римлянинъ, но не во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ, ве *natione*. Такой же ясный примѣръ, гдѣ *supinum* на « слѣдуетъ принимать за *ablativus limitationis*, слѣдующій: *Hoc facile est dictu, factu difficillimum*.

И такъ, изъ примѣровъ, которые я нашелъ, какъ въ приведенныхъ грамматикахъ, такъ и въ другихъ, которыхъ были у меня подъ рукою, по моему, можно вывести слѣдующее правило: 1) *Supinum* на « слѣдуетъ разсматривать какъ *ablativus limitationis* непремѣнно въ томъ случаѣ, если одному и тому же предмету приписываются два качества, каждое по отношенію къ другому дѣйствію, такъ что не только эти качества, но и самыя дѣйствія между собою противоположны и другъ друга исключаютъ. Такой случай представляетъ намъ только что приведенный примѣръ: *Hoc facile est dictu, factu difficillimum*. 2) Если же одно и то же самое качество приписывается какому-либо предмету по отношенію къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ, и именно ко всѣмъ тѣмъ, которымъ оно вообще только можетъ быть приписано, то *supinum* на « не можетъ разсматриваться какъ *ablativus limitationis*, потому что въ такомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи объ ограниченіи. Такой случай представляется намъ въ приведенномъ выше примѣрѣ: *Quid est tam iuscundum cognitu atque auditu, quam sapientibus sententias gravibusque verbis ornata oratio?*

То же самое будетъ, если какое-либо качество можетъ быть приписано предмету по отношенію именно къ одному только дѣйствію, какъ въ другомъ приведенномъ примѣрѣ: *Pira dulcia sunt di statu*. Не могу решить, какой именно падежъ представляетъ собою *supinum* на « во второмъ случаѣ, если не принимать его за дательный падежъ, — но что это не можетъ быть *ablativus limitationis*, сдѣлали подлежитъ какому-либо сомнѣнію. Что однажды и у древнихъ существовало мнѣніе, что эту форму слѣдуетъ иногда принимать за дательный падежъ, это, по-моему, доказывается именно тѣмъ, что Присціанъ, 8, 9 § 48 (ср. Draeger, Histor. Gramm. pag. 893) этому противорѣчитъ. Впрочемъ грамматика д-ра Фердин. Шульца и Синтаксис Кесслера (1-е изданіе) также допускаютъ объясненіе этой формы супина въ смыслѣ дательного падежа. У Шульца даже сказано,

что ее скорѣе (*vielmehr*) слѣдуетъ принимать за *dativus*, при чмъ указано на § 51 прим. 3 той же грамматики, гдѣ говорится о томъ, что дательный падежъ по 4-му склоненію у многихъ писателей, въ особенности у Цезаря, оканчивается на *i*, и что существительнымъ средняго рода этого склоненія всегда подвергались такому сокращенію. Дрегеръ, *Historische Syntax* § 612 (pag. 833) приводить 5 примѣровъ, въ которыхъ форма супина на *i* также должна быть принята не за *ablativus limitationis*, а за творительный падежъ съ иѣстнмъ значеніемъ, именно тотъ творительный, который въ грамматикѣ обыкновенно называется *ablativus separativus*. Такъ какъ грамматика Дрегера, можетъ быть, не у всякаго читателя находится подъ руками, то я приведу эти примѣры: *Cato* f. f. 5 *primus cubitu surgat, postremus* *cubitum eat. Pl. Men.* 277 и 288 *opsonatu gedeo. Cas.* 3, 5, 66. *Stat. Ach.* 1, 119 *venatu rediturum.*

Пакъ, въ заключеніе, я долженъ повторить, что форму супина па *i* нельзя во всѣхъ случаяхъ принимать за *ablativus limitationis*, какъ это дѣлается почти во всѣхъ грамматикахъ, находящихся въ рукахъ нашихъ учениковъ; заставлять ихъ принимать объясненіе, которое весьма часто положительно невѣрно, я считаю не только безполезнымъ, но даже вреднымъ.

Переходя къ учению о герундіи и герундива, какъ оно изложено въ грамматикѣ Эллендтъ-Зейферта, референтъ прежде всего указываетъ на то, что эти статьи грамматики сравнительно съ другими представляютъ разныя трудности, такъ какъ относительно ихъ мнѣнія составителей лучшихъ латинскихъ грамматикъ значительно расходятся.

Такъ и референтъ не можетъ согласиться съ опредѣленіемъ герундіи и герундива у Эллендтъ-Зейферта, потому что для объясненія послѣднаго, то-есть, герундива, глагольная форма не *ndus* безъ всякаго основанія рассматривается какъ *participium futuri passivi*, и даже не смотря на то, что въ § 316 той же самой грамматики сказано, что эта форма глагола въ косвенныхъ своихъ падежахъ чаще всего имѣть значеніе недостающаго *participium praesentis passivi*.

Если же мы взглянемъ на объясненіе герундія и герундива въ другихъ грамматикахъ, употребляемыхъ въ нашихъ гимназіяхъ, то прежде всего нельзя не обратить вниманіе на грамматику Ходобая по Шульцу. Тамъ въ § 285 сказано слѣдующее:

1) *Gerundium* по своей формѣ есть *part. fut. pass.* въ четырехъ косвенныхъ падежахъ; по своему значенію, оно всегда *activum* и управляетъ падежемъ своего глагола.

2) Если глаголъ управляетъ винительнымъ падежемъ, то герундій, большую частью, превращается въ *participium futuri passivi*; при этомъ винительный объект обращается въ падежъ герундія, а самыи герундій, принявъ форму *participii futuri passivi*, согласуется съ именемъ объекта въ родѣ, числѣ и падежѣ.

Попробуемъ сказанное въ этихъ двухъ пунктахъ выразить по-проще, покороче и пояснѣе, не давая притомъ одному и тому же самому понятію разныхъ названій (какъ это сдѣлано въ приведенныхъ опредѣленіяхъ); однимъ словомъ, постараемся изложенное у Ходобая выразить такъ просто и ясно, какъ каждый болѣе или менѣе опытный преподаватель это непремѣнно сдѣлаетъ при объясненіи каждой вновь проходимой статьи; въ такомъ случаѣ выходитъ приблизительно слѣдующее:

1) Gerundium есть *neutr. part. fut. pass.*, употребляемое въ 4-хъ косвенныхъ падежахъ (какого числа не говорится) съ значеніемъ дѣйствительныхъ; управляетъ же оно тѣмъ же самымъ падежемъ, котораго требуетъ глаголъ; даѣте: 2) Если однакожъ глаголъ управляетъ винительнымъ падежемъ, то герундій, то-есть, *neutr. part. fut. pass.* превращается въ *part. fut. pass.*, а винительный падежъ обращается въ падежъ герундія, то-есть, въ падежъ *part. fut. pass.* средняго рода, а самыи герундій, то-есть, *neutr. part. fut. pass.*, принять форму *part. fut. pass.*, согласуется и т. д. Но что такого рода правило положительно непонятно, и не только для учениковъ, но пожалуй, и для преподавателя, этого никто не станетъ оспаривать.

Едва ли болѣе удачное объясненіе герундія и герундива встрѣчаемъ мы и въ грамматикѣ Кюнера въ переводѣ Носова. Тамъ сказано: 1) герундій есть отлагательное существительное, замѣняющее косвенные падежи неопределеннаго наклоненія (какого?), и даѣте слѣдуетъ: 2) именительный падежъ герундія употребляется только со вспомогательнымъ глаголомъ *est* (значитъ: именно только *est*?) какъ безличное выраженіе, и переводится по русски и т. д.

Пътъ этихъ двухъ пунктовъ однакожъ ученикъ не можетъ не вывести слѣдующаго: 1) что герундій все-таки имѣть именительный падежъ, и 2) что этотъ именительный падежъ именно не что иное, какъ неопределенное наклоненіе (положимъ, *inf. act. несовершенного вида*), и слѣдовательно, такъ называемое имъ безличное выраженіе, напримѣръ, отъ глагола *scribere*, есть: *scribere est*.

Во всемъ параграфѣ, который занимаетъ двѣ страницы, о герундивѣ ничего не говорится. Слѣдующій же параграфъ имѣть загла-

віе: „Герундівъ или причастіе будущее страдательное“, и въ немъ излагается, въ какихъ случаяхъ вместо герундіа употребляется герундівъ, при чёмъ однако не объясняется, что такое именно герундівъ, такъ что единственнымъ указаниемъ должно служить заглавіе параграфа, что однакожъ едва ли достаточно.

Болѣе удачны опредѣленія герундія и герундива въ грамматикѣ Кремера по Кюнеру, хотя и тамъ встречаются разныя неточности; приведу изъ нихъ только самыя главныя: между тѣмъ какъ герундівъ называется тамъ отлагольнымъ прилагательнымъ, при объясненіи герундія обѣ употребленіи его, какъ отлагольного существительного, не говорится ни слова. Даѣще, при герундівъ сказано, что всѣ падежи его служатъ для означенія дѣйствія, которое должно совершиться, что положительно не вѣрно, такъ какъ герундівъ въ косвенныхъ падежахъ чаше всего имѣть значеніе part. praes. pass., то-есть, part. pass. *actionis infectae*, какъ напримѣръ, въ извѣстной фразѣ: *superstitione tollenda non tollitur religio*, какъ это и излагается въ грамматикѣ Эллендт-Зѣйферта въ § 316 и весьма подробно въ грамматикѣ Putschе (20-е изданіе) въ § 142.

Лучше, чѣмъ въ другихъ приведенныхъ мною грамматикахъ, статья о герундіи и герундівѣ изложена въ латинскомъ синтаксисѣ Кесслера. Тамъ, послѣ предварительного указанія на то, что герундій слѣдуетъ рассматривать какъ косвенные падежи неопределеннаго наклоненія настоящаго времени дѣйствительного залога, и на то, что какъ значеніе, такъ и дополненіе герундія—такія же, какъ у неопределеннаго наклоненія, и что герундій можетъ быть опредѣляемъ только нарѣчиемъ,— слѣдуетъ непосредственно ученіе обѣ употребленіи отдѣльныхъ падежей герундія и вмѣстѣ съ этимъ излагается, когда герундій переходитъ въ герундівъ. Но что именно такое герундівъ, чтѣ онъ имѣть общаго съ герундіемъ, и какая съ другой, стороны, разница между тѣмъ и другимъ, обѣ этомъ ничего не говорится. Это можетъ быть и не нужно въ низшихъ классахъ и потому весьма практично, но во всякомъ случаѣ недостаточно для высшихъ классовъ, гдѣ, по моему мнѣнію, непремѣнно слѣдуетъ требовать полнаго пониманія такихъ постоянно примѣняемыхъ статей латинскаго синтаксиса.

Миѣ самому ученіе о такъ называемыхъ герундіи и герундівѣ представляется слѣдующимъ образомъ: есть въ латинскомъ языкѣ отлагольная форма, которая оканчивается на *ndus*, или лучше ска-

зать, — безъ падежного окончанія, на *ndu*¹⁾). Форма эта имѣть то дѣйствительное, то страдательное значеніе, и тѣль она представляеть аналогію съ нѣкоторыми причастіями совершенного вида отъ отложительныхъ глаголовъ, какъ: *adseritus*, *comitatus*, *praetitus* etc. Употребляется эта отглагольная форма двоякимъ образомъ:

I. Какъ отглагольное существительное. Въ этомъ случаѣ она *substantivum verbale defectivum generis neutrius*, существительное средняго рода, имѣющее только косвенные падежи единственнаго числа.

При дѣйствительномъ значеніи она обозначаетъ только понятие о дѣйствіи или состояніи не оконченіемъ, продолжающемся, и слѣдовательно, сама по себѣ не имѣть никакого временнаго значенія, а только видовое, — время же ея, какъ каждого *verbi infiniti*, опредѣляется透过 *verbum finitum*. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ она вполнѣ соответствуетъ субстантированному неопределенному наложенію въ греческомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Съ другой стороны эта форма удерживаетъ характеръ глагольной формы и требуетъ, какъ субстантированный *inf.* въ греческомъ языке, того же самаго падежа, которымъ управляетъ глаголь, отъ котораго она образована. Подобное впрочемъ встрѣчается и въ русскомъ языке: тамъ, напримѣръ, говорится: управление окружомъ, завладѣніе городомъ и т. д. Наконецъ, сюда относится и то, что эта форма опредѣляется не прилагательнымъ, но нарѣчіемъ. Въ изложеніи употребленія эта глагольная форма называется въ грамматикѣ *Gerundium*.

Вотъ чтѣ, по моему мнѣнію, приблизительно слѣдовало бы объяснить ученикамъ прежде, чѣмъ приступить къ систематическому изученію употребленія отдѣльныхъ падежей герундія.

II. Эта отглагольная форма употребляется какъ отглагольное прилагательное. Здѣсь мы должны различать слѣдующіе случаи:

а) Если эта форма производится отъ непереходнаго глагола, то она употребляется только въ именительномъ, или въ конструкціи

¹⁾ Draeger (*Historische Grammatik* pag. 790) по Corssen^у принимаетъ эту форму за прилагательную форму съ первоначальными окончаніемъ *ndus*, которое, по его мнѣнію, сложено изъ двухъ суффиксовъ: *on* и *dus*. Послѣдній суффиксъ, по его мнѣнію, происходитъ отъ *dare* (какъ *fictus* отъ *fascere*), а для суффикса *on* приводятся или существительными *edo*, *odonis* и *eggo*, *ergonis*.

acc. sing. и inf. въ винительномъ падежѣ среднаго рода съ глаголомъ esse въ 3-мъ лицѣ ед. ч. и въ неопределѣленномъ наклоненіи. Какъ отглагольная форма, она управляетъ тѣмъ же падежемъ, которого требуетъ глаголъ, отъ которого она образована; дѣйствующее лицо, то-есть, въ данномъ случаѣ логическое подлежащее, ставится въ дательномъ падежѣ. Выражается же этимъ оборотомъ то, что дѣйствие или состояніе, заключающіяся въ понятіи глагола, отъ которого глагольная форма образована, по отношенію къ тому времени, о которомъ каждый разъ говорится, не окончено, но должны еще происходить или существовать. Употребляется же эта отглагольная форма въ данномъ случаѣ, какъ *adjectivum praedicativum*; весь этотъ оборотъ называется *conjugatio periphrastica necessitatis impersonalis*.

Suo cuique judicio est utendum.

б) Если же эта форма происходить отъ переходного глагола, то употребление ея троекое, а именно: 1) она употребляется во всѣхъ родахъ и въ обоихъ числахъ, но только въ *positivus* или въ *accusativus* съ глаголомъ esse, опять какъ сказуемое, то-есть, какъ *adjectivum praedicativum*, такъ что прямое дополненіе, зависающее отъ глагола, отъ которого форма производится, дѣлается подлежащимъ, и слѣдовательно, дѣйствительная конструкція переходитъ въ страдательную: вмѣсто *diligentiam nobis est colendum* говорится *diligentia nobis est colenda*. Значеніе этого оборота такое же, какъ и предыдущаго; дѣйствующее лицо, которое однако здѣсь не подлежащее, также ставится въ дательномъ падежѣ. И слѣдовательно, этотъ оборотъ можно назвать *conjugatio periphrastica necessitatis personalis*.

2) Она употребляется какъ *adjectivum attributivum* во всѣхъ падежахъ всѣхъ родовъ и обоихъ чиселъ. Въ этомъ случаѣ она также можетъ выразить то, что должно происходить, но чаще имѣть значеніе *part. pass. actionis infectae*. Такое употребленіе этой формы обыкновенно называется *gerundivum*. *Homo magna habet instrumenta ad obtinendam adipiscendamque sapientiam*. Здѣсь ученикамъ слѣдуетъ объяснить, когда и какъ вмѣсто герундія употребляется герундивъ.

3) Наконецъ, эта форма употребляется и какъ *adj. appositi*, а именно послѣ глаголовъ *dare*, *tradere*, *mittere* etc., при которыхъ она ставится какъ приложеніе или къ подлежащему, или къ прямому дополненію, и выражаетъ опять то, что должно происходить,—слѣдовательно, въ данномъ случаѣ цѣль дѣйствія, заключаю-

щагося въ понятіи глаголовъ dare, mittere, tradere, relinquere etc. Domos nostras et patriam ipsam vel diripiendam vel inflammandam relinquimus. Здѣсь слѣдуетъ указать на особое употребленіе глагола curare съ этимъ отглагольнымъ прилагательнымъ въ значеніи нѣмецкаго lassen и французскаго faire, напримѣръ, въ предложеніяхъ aedem aedicandam curare, Ein Haus bauen lassen, faire bâtir une maison.

Въ заключеніе можно поднять еще слѣдующій вопросъ: какъ объяснять, что 1) отглагольная форма, называемая въ грамматикахъ gerundium, несмотря на то, что она по своему образованію во всичкомъ случаѣ имѣеть характеръ прилагательного причастія, принимая значеніе отглагольного существительного, подобно неопределенному наклоненію, обозначаетъ только отвлеченное понятіе о дѣйствіи или состояніи? и 2) та же самая отглагольная форма, употребляемая какъ такъ-называемое gerundivum, получаетъ значеніе страдательное, между тѣмъ какъ она, какъ герундій, имѣеть дѣйствительное значеніе?

Не беру на себя объяснять ни то, ни другое, но могу указать нѣкоторыя аналогіи въ другихъ языкахъ. Относительно того, что эта отглагольная форма принимаетъ значеніе неопределенного наклоненія, можно привести такое же употребленіе средняго рода причастія *praes. act.* съ членомъ въ нѣмецкомъ языкѣ: напримѣръ: Das Singende seiner Redeweise ist unangenehm; — das Singende und Klagende seines Spiels oder seines Vortrags (z. B. auf der Geige) entzückt Alle. An dem Hüpfernden seines Ganges erkennt man den Tanzmeister. Во всѣхъ этихъ прѣврахъ, приведенныхъ субстантированныя причастія средняго рода имѣютъ положительно то же самое значеніе, что и неопределенное наклоненіе, и могутъ быть имъ замѣнены.

Что касается втораго пункта, то-есть, перехода значенія дѣйствительного въ значеніе страдательное, то подобное встрѣчается какъ въ нѣмецкомъ, такъ и въ англійскомъ языкахъ; напримѣръ, die sangende Habe; ein zu bauendes Haus; the house is building (см. Draeger pag. 790). Впрочемъ такъ называемый герундій употребляется иногда въ страдательномъ значеніи, и я думаю, что такое употребленіе въ нѣкоторыхъ грамматикахъ неосновательно называется „небрежностю и неточнымъ выражениемъ писателей“. Такъ въ предложеніи, приведенномъ въ грамматикахъ Эллендт-ЗейфERTA и Кесслера: censendi

causa haec frequentia convenit, я не могу признать что „дѣйствующій и подлежащій дѣйствію субъекты не точно различаются“ какъ утверждается то въ приведенныхъ грамматикахъ. Вѣдь каждому, кто знаетъ, что такое перепись народа, хорошо известно также и то, что она производилась не народомъ, а цензорами, и что приведенная фраза не значитъ ничего другаго, какъ: convenit haec frequentia ut (а censoribus) censeretur.

Я. Моръ.

БІБЛІОГРАФІЯ.

О вазиції Кієв Поміся полководцемъ. Рѣчъ Марка Туллія Ціцерона къ народу. Переводъ И. Ростовцова. Кіевъ. 1862.

Появленіе въ печати рѣчи Ціцерона de imperio Сп. Pompei во второмъ изданіи г. Гофмана и явившіяся вскорѣ затѣмъ въ августовской и сентябрьской книжкахъ журнала „Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за прошлый годъ двѣ рецензіи этого изданія даютъ намъ поводъ обратить вниманіе читателей на другое пособіе къ пониманію этой рѣчи, хотя изданное 16 лѣтъ тому назадъ, но до сихъ поръ сохранившее свое значеніе и оставшееся въ употребленії. Оно вовсе и не мудрено: комментарій, какъ бы онъ ни былъ тщательно и подробно составленъ, не можетъ не предоставить многое, на усмотрѣніе самого читателя; переводъ, напротивъ, не можетъ упустить изъ виду ничего относительно смысла словъ въ подлинникѣ, но долженъ передать текстъ въ цѣльности. Поэтому-то лѣнивые ученики—такіе охотники до всякихъ переводовъ, и вместо того, чтобы, руководствуясь комментаріями, доходить собственнымъ мышеніемъ до пониманія, берутъ изъ переводовъ готовые результаты, о факторахъ которыхъ часто не даютъ себѣ ни малѣйшаго отчета. Однако, и другія лица не могутъ обойдти безъ переводовъ. Учителя, не могущіе искоренить злоупотребленіе со стороны учениковъ, по крайней мѣрѣ должны следить за ними. Да и ради собственной пользы филологи часто обращаются къ переводамъ авторовъ, хотя бы лишь для того, чтобы свои взглазы на текстъ привѣрять на чужихъ взглядахъ, или для выраженія отдѣльныхъ понятій заимствовать удачныя фразы,

которые нерѣдко бывают скорѣе дѣломъ счастливой находки, чѣмъ результатомъ методического размышленія. Можно спорить о томъ, желательно ли вообще существование переводовъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ авторовъ, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, если ужъ есть переводы, то желательно возможно большее совершенство ихъ. Даже злоупотребление гораздо менѣе вредно, если переводъ хорошъ, чѣмъ если онъ дуренъ. Дурной переводъ прямо вводить въ заблужденія, устранивъ который часто весьма трудно; хорошій хоть и освобождаетъ учащагося отъ полезнаго самостоятельного труда, но все-таки даетъ ему вѣрные результаты, такъ что только остается указать путь, которымъ они добты. Но хороший переводъ—дѣло весьма трудное, гораздо труднѣе хорошаго комментарія. Вопервыхъ, для него нужно полнѣшее пониманіе текста, при чемъ переводчикъ не можетъ, какъ это часто дѣлаютъ комментаторы, пропустить ни одного мысля. А кромѣ того, необходимо не только умѣніе передавать мысли подлинника, но и тонкое чуткое касательно того, где эти мысли можно выражать одинаковыми словами съ подлинникомъ, и где нѣтъ. Вѣдь хорошъ только тотъ переводъ, который выражаетъ мысли подлинника, на сколько это возможно, и словами подлинника, а где этого нельзя, замѣняетъ послѣднія выраженіями другаго языка. Чтобы переводъ, кромѣ всего прочаго, отражалъ и индивидуальный слогъ переведенного автора, это хотя и возможно въ извѣстныхъ предѣлахъ, но пока остается только *pium desiderium*. За то не можетъ не влиять на переводъ индивидуальность переводчика, и какъ два самостоятельныхъ переводчика едва ли переведутъ одинъ и тотъ же подлинникъ вполнѣ одинаковыхъ образомъ, такъ и одинъ переводчикъ едва ли остается вполнѣ и во всемъ доволенъ переводомъ другаго. Притомъ же, соотвѣтствующія одно другому слова разныхъ языковъ рѣдко относятся между собою какъ совпадающія величины, а гораздо чансѣ одно слово содержитъ въ себѣ разныя понятія, изъ которыхъ переводчику приходится, по личному взгляду, избирать для передачи то или другое.

Все это мы сказали, чтобы оправдать нашъ подробный разборъ перевода рѣчи Цицерона *de imperio Cn. Pompei* г. Ростовцовыи, и чтобы представить наши замѣчанія въ надлежащемъ свѣтѣ. Впрочемъ, право на такой трудъ даетъ намъ почтенный авторъ самъ, говори въ предисловіи слѣдующее: „Отличный переводъ классиковъ не является пиджъ, а только постепенно, послѣ трудовъ многихъ занимающихся ими съ любовью“—и выше: „Мы съ благодарностью примемъ замѣчанія

людей знающихъ; просимъ только объ одномъ: чтобы эти замѣчанія не были голословными приговоромъ, а указывали бы на ошибки и неудачные выраженія, и предлагали поправки и болѣе счастливые обороты". Что касается нашихъ замѣчаній, то мы сами насколько не отрицаемъ, что много въ нихъ индивидуального, субъективнаго. Это, однако, не удержало насъ предложить ихъ. Пусть читатель судить о нихъ самъ.

Переводъ г. Ростовцова состоитъ, кромѣ предисловія, изъ трехъ частей: изъ введенія, изъ самого перевода и изъ объяснительныхъ замѣчаній. Введеніе, какъ сказано въ предисловіи, написано съ тѣмъ, чтобы читатель могъ разомъ познакомиться съ главными событиями, послужившими предметомъ рѣчи, а не собираясь бы ихъ по-одиночкѣ при чтеніи комментарія, и чтобы онъ получалъ цѣльное понятіе о содержаніи рѣчи. Согласно съ этимъ здѣсь идетъ рѣчь о времени произнесенія рѣчи, о владѣніяхъ, военныхъ силахъ и характерѣ Митридата, при чемъ упоминается и о тогдашнемъ положеніи Римской имперіи, далѣе о поводѣ къ войнѣ съ Митридатомъ и ходѣ этой войны до времени рѣчи, о Помпѣѣ, о Манилевомъ предложеніи, о защитникахъ и противникахъ его, о причинахъ, побудившихъ Цицерона къ защищать его, наконецъ, о частахъ рѣчи и ихъ значеніи. Все это изложено вѣрно и ясно, и здѣсь мы ни противъ чего не имѣемъ возразить; указываемъ только на употребленіе слова „вступленіе“ на стр. 21, не согласное ни съ обозначеніемъ частей древними риторами, ни съ употребленіемъ этого слова самимъ переводчикомъ въ послѣдующихъ замѣчаніяхъ. На стр. 21 сказано: „Во вступленіи Цицеронъ объясняетъ, почему онъ говорилъ рѣчу къ народу, разъясняетъ содержаніе дѣла и переходитъ къ раздѣленію“. А въ началѣ 2-й главы замѣчено: „Окончивъ собственно такъ называемое вступление, Цицеронъ переходитъ къ повѣствованію (narratio), въ которомъ разъясняется, въ чемъ дѣло“—и ниже: „Переходъ къ изложенію главнаго содержанія рѣчи (tractatio); затѣмъ слѣдуетъ раздѣленіе этой части и подраздѣленіе 1-го отдѣла трактациіи“.

Примѣчанія къ переводу почти все—или исторического содержания, или риторического. И ихъ можно одобрить, за очень немногими исключеніями. Если въ главѣ 1 замѣчено: „Цицеронъ былъ избранъ народомъ въ квесторы и преторы“, то мы не понимаемъ, почему тутъ не упомянуто и о курульномъ эдилствѣ. Далѣе въ упомянутомъ уже нами замѣчаніи къ гл. 2 сказано: „Переходъ къ изложенію главнаго содержанія рѣчи (tractatio)“; тутъ вместо слова tractatio мы желали

бы видѣть другое. Цицеронъ подъ tractatio разумѣетъ способъ изложе-
ния доказательства (ср. de orat. II, 41, 1765. Iam illud videamus nequa-
quam satis esse, reperire quid dicas, nisi id inventum tractare possis.
Tractatio autem varia esse debet, ne aut cognoscat artem, qui audit, aut
desatigetur similitudinis satietate. De inv. I, 41, 77. Illud autem volu-
mus intellegi, nos probe tenere, aliis quoque rationibus tractari argu-
mentationes in philosophia multis et obscuris), или вообще способъ обра-
ботки. Та часть рѣчи, которая содержитъ въ себѣ доказательства, на-
зывается confirmatio (ad Her. I, 11, 18), или argumentatio (Cic. de inv. I,
29, 44), или probatio (Quintil. 3, 9).—Къ гл. 3 встрѣчаются въ примѣ-
чаніи слова „siguisicatione litterarum (начертаніемъ буквъ)“. Кажется,
что русскія слова должны представлять первоначальное значеніе латин-
скихъ; между тѣмъ начертаніе буквъ по латыни означается словами ductus litterarum (Quintil. X, 2, 2. Sic litterarum ductus, ut scribendi fiat usus,
pueri sequuntur). Въ зависимости отъ significatione можно literagium при-
нять только какъ genitivus subiectivus, т. е. объявление буквъ, а это равно-
сильно съ письменнымъ объясненіемъ.—Далѣе въ примѣчаніи къ гл. 4.
(videte, quem vobis animum suscipendum putetis) сказано, что не переве-
дено слово putetis, „потому что puto, videor и др. часто употребляются
Цицерономъ только въ видахъ плавности и окружности рѣчи“. Объ
этихъ глаголахъ намъ придется еще говорить при разборѣ самаго пе-
ревода, но и теперь мы должны замѣтить, что употребленіе ихъ въ по-
добныхъ мѣстахъ далеко не плеоназмъ, и что ими выражается то же,
чтѣ по русски означается черезъ „должно быть“ или „долженъ“, иначе
сказать, что ими требуютъ отъ другихъ лицъ признания вывода. Если
тутъ въ переводѣ сказано: „обратите вниманіе на то, что должно
вамъ предпринять“, то это „должно“, собственно говоря, заключаетъ
въ себѣ двойшую необходимость, впервыхъ, обязанность, выражаему-
ю герундивомъ, а затѣмъ и логическую необходимость, съ которой эта
обязанность слѣдуетъ изъ изложенныхъ обстоятельствъ. Испѣ это
могло бы выразить такъ: „на какія мысли вамъ должно, слѣдуетъ
настать“. Вѣдь animum suscipere относится только къ мыслямъ, а не
къ дѣйствіямъ, какъ русскій глаголь—предпринять. Въ гл. 12, ска-
зано: duabus Hispaniis et Gallia transalpina praesidiis ac navibus con-
firmata, missis item in oram Illyrici maris et in Achaiam omniemque
Graeciam navibus Italiae duo maria maximis classibus firmissimisque
praesidiis adornavit. Къ этимъ словамъ замѣчено: „Флоръ пишетъ:
Атилій (легать Помпея) занялъ заливъ Лигутическій (возлѣ Лигуріи),
а Помпоній (тоже легать Помпея) Гальскій заливъ. Поэтому Циц-

ронъ говорить потомъ: два моря Италии, то-есть, Лигустический заливъ и Адриатическое море*. Но вотъ слова Флора I, 41, 9: Gellius Tusco mari impositus, Plotius Siculo; Atilius Ligusticum sinum, Pomponius Gallicum obsedit, Torquatus Balearicum, Tiberius Nero Gaditanum fretum, qua primum maris nostri limen aperitur, Libycum Lentulus Magellinus, Aegyptium Pompei iuvenes, Hadriaticum Varro Terentius, Aegaeum et Ponticum et Pamphylium Metellus, Asiaticum Саерio. Онь называетъ не только Лигустический заливъ и Гальский заливъ, но множество разныхъ морей, а потому нѣтъ причины подъ *duo maria Italiae* не разумѣть тѣхъ двухъ морей, которыхъ въ другихъ мѣстахъ называются обоями морями, то есть, *superum* и *inferum*, *Adriaticum* и *Tyrrhenum*. Сл. Plin H. N. III, 5, 44. *Latitudo eius varia est, quadringentorum decem milium inter duo maria inferum et superum.*

Впрочемъ, примѣчанія составляютъ только второстепенную часть книги г. Ростовцова: самое главное въ ней—это переводъ, къ которому мы теперь и приступаемъ. Но прежде нашей критики мы желаемъ воздать автору должную справедливость и откровенно признаемся, что мы и сами многому изъ этого перевода научились, и что вѣроятно и другіе преподаватели найдутъ въ немъ много полезнаго. Много тамъ удачныхъ отдѣльныхъ выражений. Для примѣра приведемъ слѣдующее: *qua significatione litteratum* = однимъ почеркомъ пера. Почтенный авторъ какъ бы извиняется за эту фразу, ради анахронизма, какъ онъ говоритъ: мы съ своей стороны желали бы, чтобы вся книга была переведена также удачно. Затѣмъ нельзя не замѣтить, что переводъ г. Ростовцова даетъ много указаний о томъ, какъ переводить извѣстные латинскіе обороты другими употребительными въ русскомъ языкѣ. Какъ на примѣръ мы укажемъ на замѣну вопросительного мѣстоименія вопросомъ съ частицею ли и съ мѣстоименіемъ неопределенымъ. Случая раздѣленія длиннаго латинскаго периода на нѣсколько самостоятельныхъ русскихъ предложенийъ, а равно перемѣщенія отдѣльныхъ членовъ внутри периода представляютъ также много поучительнаго. Но надо и то сказать, что мѣстами переводчикъ, или невѣрно понялъ текстъ, или безъ нужды отступилъ отъ стroma латинской рѣчи, или пропустилъ латинскія слова, или, наоборотъ, прибавилъ отъ себя, или выразилъ понятія словъ подлинника не такъ точно и ясно, какъ оно было бы возможно. На эти пятна и пятнышка, обезображивающія хорошій вообще трудъ и уменьшающія ту пользу, которую онъ могъ бы принести, мы и укажемъ въ ниже-слѣдующемъ.

1. 1. *frequens conspectus vester* переведено „общирное собрание ваше“. Въ этомъ переводѣ выражено только слово *frequens*, и при томъ, кажется, слишкомъ сильно; „собраніе“ и само по себѣ достаточно выражаетъ понятіе слова *frequens*. Чтобы выразить *conspectus*, слѣдовало бы прибавить: „которое я вижу передъ собою“; потому что *conspectus*, хотя и означаетъ здѣсь, какъ видно изъ опредѣленія *frequens*, вмѣсто самого дѣйствія предметъ этого дѣйствія, но нисколько не отдѣляется отъ понятія глагола *conspicere*.

Ib. *locus ad agendum amplissimus, ad dicendum ornatissimus (est visus)* передано: „мѣсто для правительственного лица самыи достойныи, для частнаго человѣка самыи славныи“. Такимъ образомъ *dicendum* отнесено исключительно къ частнымъ лицамъ; но если *agere*, то-есть, *agere cum populo*, по словамъ Мессаллы у Геллія 13, 16, 2. 3, *est rogare quid populum, quod suffragiis suis aut iubeat aut vetet*, то при *dicere*, въ противоположность слову *agere*, нельзя не думать о *concio*, какъ и въ приведенномъ нами мѣстѣ продолжается: *concionem autem habere est verbum facere ad populum sine ulla rogatione; а хотя иъ concionibus и говорили также частные люди, получивъ изволеніе (Dionys. 5, 11. λόγου αἰτησάμενος παρ' ἀμφοτέρων τῶν ὑπάτων καὶ τυχῶν τῆς ἐξουσίας ταύτης πρώτος—οὕπω τότε Ρωμαίοις ὅντος ἐν ἔθει δημητηρεύν ιδιωτην ἐν ἐκκλησίᾳ), но чаще всѣхъ говорили, конечно, тѣ, которые со-звали собраніе, а созывали ихъ должностныи лица, какъ свидѣтель-ствуєтъ Festus pag. 30. *concio significat conventum, non tamquam alium quam eum, qui a magistratu vel sacerdote publico per praeconem convocatur.* Слѣдовательно, разница между *agere* и *dicere* состоитъ не въ говоря-щихъ лицахъ, а въ способѣ и цѣли рѣчей. Какъ переводѣ мы предло-жили бы „переговоры“ и „рѣчи“. А *amplissimus* мы предпочла бы пе-ревести透过 „высокое“, а не чрезъ „достойное“, потому что достойный, то-есть, уваженія, по латыни скорѣе—*honestus* или (*causa pro effectu*) *gravis*; *amplus* же, какъ всѣдѣ относится къ объему и пространству, такъ и здѣсь указывается на далеко простирающееся значеніе дѣль, рѣшае-мыхъ народомъ по вопросамъ ст *rostra*. Подобныи образомъ высшии должностныи лица, по замѣчанію Зейфферта (*Palaestra Ciceronianæ*, 6. изд. стр. 17), называются *viri amplissimi* ради обширного вліянія; подобныи же образомъ *amplissimae res gestae* называются подвиги, ока-завшие дѣйствіе па множество разныхъ дѣль и подобныи же образомъ *eloquentia* называется *ampla pars civilis rationis* (*Cic. de inv. I, 5, 6*), потому что дѣйствіе ея далеко распространяется: а мы, говоря о вы-сокихъ мѣстахъ и должностяхъ, разумѣемъ подъ ними именно такія,*

которые, какъ войско на высокой позиціи, господствуютъ надъ большимъ пространствомъ. *Omnatissimus*, наконецъ, относится къ той чести, которую доставляетъ оратору произнесеніе рѣчи съ *rostra*, и поэтому значить не столько „славный”, сколько, по замѣчанію г. Помяловскаго, „почетный”.

Ib. *hoc aditu laudis* передано „отъ лестнаго доступа къ нему”, но сомнѣнія вѣтъ, что *laudis*, какъ вообще родительные при *aditus*, составляютъ genet. obiectivus, и оба слова вѣтъ означаютъ путь къ славѣ или „къ отличію”, или „къ признанію”. О доступѣ къ *rostra* и думать нечего.

Ib. *omne teum tempus amicorum temporibus transmittendum* переведено „что слѣдуетъ отдать все свое время въ пользу нуждающихся друзей”. Мы не становимъ спорить о томъ, принять ли *temporibus* ял дательный или творительный. Въ пользу дательного говорить подобный оборотъ 14, 42. *Quin huic hoc tantum bellum transmittendum sit*, хотя, по нашему мнѣнію еще болѣе, въ пользу творительного говорить Plin. 8, 25, 38: *quatuor menses hiemis inedia transm.* и Plin. epist. 9, 6, 1: *Omne hoc tempus—iucundissima quiete transm.* Но во всякомъ случаѣ можно было бы *tempora amicorum* перевести ближе: „обстоятельства” или лучше „дѣла друзей”.

Ib. 2. *vacua ab iis qui vestram causam defendent* передано только „не занятыхъ”, а относительное предложеніе съ своимъ указательнымъ опущено.

Ib. *caste integreque* переведено „честно и благородно”. Противъ „честно” нечего и ворожать; оно можетъ быть принято о томъ, кто, защищая обвиненнаго, старается добросовѣстно спасти его: но „благородно” не достаточно выражаетъ то безкорыстіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Лучше было бы прямо сказать: безкорыстно.

Ib. *apud eos utar* (то-есть *auctoritate*) не значить „въ пользу тѣхъ”, но, какъ объясняетъ г. Гофманъ, „предъ тѣми”, то-есть, предъ народомъ, въ собраніи. „Въ пользу” никогда не значить *apud*.

1, 3. *illud in primis mihi laetandum iure esse video* не можетъ означать „при этомъ, какъ я вижу, мнѣ особенно приятно то”. Это было бы: *in primis mihi iucundum esse video*; но ни первое не говорится по латыни, ни второе по русски, потому что понятіе „прятно” само заключаетъ въ себѣ сознаніе, и слѣдовательно, прибавленіе „какъ я вижу” было бы совершенно излишне. Сверхъ того, и *iure* не выражено и *laetandum* смѣшано съ *laetum* или *iucundum*. Можно перевести „и особенно, какъ я вижу, я по справедливости долженъ обра-

доваться тому"; можно и опустить слова „по справедливости": ибо выражение долга особымъ глаголомъ сильнѣе выраженія одною формою другого глагола и потому можетъ замѣнить собою въ то же время другое выраженіе того же долга.

Ib. causa talis oblata est переведено „я по счастливому стечению обстоятельствъ долженъ говорить о такомъ предметѣ". Очевидно, не только въ латинскомъ текстѣ нѣтъ намека на счастливое стечenie обстоятельствъ, но и вообще латинская фраза относится къ русской, какъ выражение причины къ выражению послѣдствія. Между тѣмъ есть и латинское выражение, точно соотвѣтствующее русскому, именно то, которое вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ: *dicendum mihi est*. Отчего не дословно перевести: „представился мнѣ такой случай"?

Ib. in qua oratio deesse nemini possit переведено „при бесѣдѣ о которомъ ни у кого не можетъ быть недостатка въ словахъ". Но *oratio* содержитъ въ себѣ не только слова, но прежде всего мысли; поэтому лучше переводъ г. Гофмана: „материалъ для рѣчи". Слово „бесѣда" не на мѣстѣ; ибо бесѣда или взаимный разговоръ, или если состоять изъ связной рѣчи, то скорѣе наставленіе, особенно нравственного содержанія. То же самое примѣняется къ слѣдующимъ словамъ: „Мнѣ приходится бесѣдовать (*Dicendum est enim*)". Вѣдь въ *concionibus* не велись разговоры, но ораторы говорили *continenti oratione*.

2, 4. въ текстѣ сказано *inde*, въ переводѣ „съ того происшествія". Но происшествіе, по Далю, — все, что стало, сдѣлалось, сбылось: здѣсь, гдѣ это *inde* объясняется словами: *bellum-infertur*, и слѣдующими, которыми изображается настоящее положеніе дѣла, а о прошедшыхъ событияхъ вовсе не говорится, вместо „происшесвіе" скорѣе было бы на мѣстѣ „обстоятельство" или „обстоятельства".

Ib. Equitibus Romanis, honestissimis viris переведено: „Къ всадникамъ римскимъ — этому почетному сословію". Но едва ли Цицеронъ, говорить здѣсь о всемъ сословіи. Зачѣмъ всѣмъ всадникамъ было получать письма изъ Азіи? Получали, по видимому, только тѣ, которые или какъ откупщики, или какимъ бы то ни было образомъ имѣли дѣла съ этой провинціей. И такъ лучше: „Къ римскимъ всадникамъ почтеннѣй людамъ" или, еще лучше: „Къ почтеннѣмъ римскимъ всадникамъ". Вѣдь известное правило грамматики, что собственные имена не опредѣляются хвалебными или порицательными прилагательными, но принимаютъ къ себѣ приложения съ таковыми опредѣлевшими, часто примѣняется также къ нарицательнымъ именамъ.

Ib. qui ad te — causam republicae periculaque гегиши suarum de-

tulerunt переведено: „я получил от никъ извѣстіе о томъ, въ какомъ положеніи находятся интересы государства и въ какой опасности икъ собственныхъ дѣла“. Видно, что переводчикъ deferre принялъ въ смыслѣ: „сообщить, долести“, и конечно, нѣтъ сомнѣнія, что deferre можетъ означать это. Сл. Cic. Fam 18, 13: voluntatem tuam detulisse, Cluent 52. qui nostra consilia ad adversarios deferat. Однако causam deferre и Brut. 22, 86. сказано въ смыслѣ: „поручить кому дѣло или интересы“ (auctoritate C. Laelii publicanos causam detulisse ad Galbam), и потому мы также переводимъ здѣсь „она ввѣрили мнѣ государственный интерес и опасное положеніе своихъ дѣлъ“. Слѣдующіе accusativi cum infinitivis зависятъ не отъ detulerunt, но отъ предшествовавшихъ словъ: adferuntur literae, что можно выразить, переводя дальше: По этимъ письмамъ и т. д.

2. б. Complures передано „очень многія; но „очень многіе“ по латинѣ — permulti, plerique, plurimi, а complures противополагаются одному, скѣдовательно—нѣсколько.

Ib. regnum Ariobarzanis, quod finitimum est vestris vectigalibus totum esse in hostium potestate переведено: все царство и пр. Такимъ переводомъ затемняется значеніе слова totum, которое, какъ видно изъ разиціенія словъ, не есть опредѣленіе слова regnum, а скорѣе принадлежитъ къ сказуемому. Оттого лучше перевести: царство—всѣцѣло находится подъ властью и пр.

Ib. въ латинскомъ текстѣ сказано: ab eo bello discedere, а въ переводѣ: „сложилъ съ себя власть военачальника“. Но какъ discedere ab oppugnatione (Caes. b. c. 2, 31, 3) значитъ: прекратить штурмованіе, discedere a iudiciis (Cic. de orat. 2, 33, 144) значитъ: перестать заниматься судами, discedere a literis (Cic. Fam 9, 26) значитъ: перестать заниматься науками.—такъ и discedere a bello можетъ означать только: перестать заниматься войною. Да больше и не могъ сказать Цицеронъ, потому что Лукулль, во времѣл этой рѣчи, не сложилъ еще съ себя власти, то-есть, imperium. Что военачальники оставались cum imperio до возвращенія въ Римъ, видно изъ Cic. Fam. 1, 9, 26, se lege Cornelia imperium habiturum, quo ad in urbem introisset; а что Лукулль даже не удалился отъ своихъ войскъ, показываетъ Dio Cass. 36, 45. (καὶ αὐτῷ το-есть, Помпей ἐν τῇ Γαλατίᾳ ἥδη δυτὶ ὁ Δούκουλλος ἀκαντήσας διαπεπομῆσθαι τα πάντα ἔφη καὶ μηδὲν ἔτι στρατείας δεῖσθαι—и ниже: ὁ οὖν Πομπήιος βραχὺ αὐτοῦ φροντίσας ἀπείπει μηδένα ἔτι αὐτῷ πειθαρχῆσαι—) и Plut. Luc. 36, 4 (στρατιώτας δὲ τοὺς ἄλλους ἀπα-

γαγών μόνος αὐτῷ χιλίοις ἑξακοσίοις ἀπέτιπε συνθριμμένοντας). Какъ переводъ мы предложили бы: оставляетъ войну.

Ib. *inum* — *ad id bellum imperatorem deposci atque expeti* переведено: „просить и молять назначить полководцемъ на время этой войны извѣстное вамъ лицо“. Здѣсь опущено *inum*, а внесено „извѣстное вамъ лицо“; сверхъ того, *deposci* и *expeti* не столько выражаетъ просьбу, сколько требование, и какъ часто, два соединенные синонимы усиливаютъ понятіе,—сильное требование. Мы предпочли бы *deposci atque expeti* перевести тѣми словами, которыми г. Страховъ въ своей обработкѣ Стилистики Негельбаха, стр. 235, передаетъ подобную фразу: „appeteatque deponatur“, то-есть, настоятельно требовать“, а остальные слова: „для этой войны, только одного полководца“.

Если далѣе 2, 6. *de genere belli*, то-есть, собственно „о родѣ войны“, переведено „о необходимости войны“, то это, конечно, скорѣе объясненіе, чѣмъ переводъ, ио объясненіе едва ли не нужно, такъ какъ выраженіе „родъ войны“ не совсѣмъ понятно. Тамъ же, ниже, *populi Romani vectigalia* переведено: „налоги, собираемые народомъ Римскимъ“; эта фраза, кажется, можетъ ввести въ заблужденіе, будто Римскій народъ самъ собираль налоги, къ чему присоединяется еще неудобное растиженіе латинской короткой фразы. Такъ какъ *vectigalia*, по вѣрному замѣчанію г. Гофмана къ 6, 14, суть „подати“ въ отношеніи къ тому, который ихъ платитъ, а „доходы“ въ отношеніи къ тому, который ихъ получаетъ, то почему бы не перевести „доходы Римскаго народа“?

3, 7. *appetentes gloriae—avidī laudis fuitis* переведено „стремились къ славѣ и жаждали знаменитости“. Но такъ какъ глаголъ выражаетъ только дѣйствіе, а прилагательное—продолжительное состояніе, то кажется, было бы точнѣе и здѣсь сказать: „были охотники до славы и жадны до отличія“.

Ib. *in vestris vectigalibus versari* передано: „распоражаться среди вашихъ данниковъ“. Конечно, *versari in aliqua* ге можетъ означать: заниматься чѣмъ-нибудь, пожалуй, даже: распоражаться, но такъ какъ слова *in vectigalibus* объясняются словами *in Asiae luce*, а послѣднія слова не содержать предмета распороженія, а только локальное понятіе, то и предшествующія слова надо понимать въ локальномъ смыслѣ и перевести „показываться“.

3, 8. *insignia victoriae* переведено „трофеи побѣды“. Достаточно

было бы „трофеи”, которые сами въ себѣ заключаютъ отношеніе къ побѣдѣ.

Ib. сказано: „Имѣлъ тріумфъ—Луцій Сулла, имѣлъ тріумфъ Луцій Мурена, два храбрыхъ мужа” и пр. Это, конечно, дословный переводъ текста; но умѣстнѣе, кажется, былъ бы извѣстній руссизмъ, не допускающій другаго латинскаго перевода кромѣ того, который здѣсь встрѣчается въ текстѣ: „два столь храбрыхъ мужа какъ Л. Мурена, и Л. Сулла”.

Ib. сказано: „нельзя не отдать чести этимъ полководцамъ за то, что они сдѣлали, а если что и оставили неоконченнымъ, то нельзя не быть синходительнымъ къ нимъ”, а въ текстѣ читается: *illis imperatoribus laus est tribuenda quod egerunt, venia danda, quod relinquunt.* Очевидно, *quod* принято за мѣстоименіе, и это толкованіе, пожалуй, подкрѣпляется извѣстнымъ наблюденіемъ, что *agere* безъ дополненія употребляется вообще только въ неопределенному, въ герундіи и въ фразѣ *agendum est*. Тѣмъ не менѣе, по справедливому замѣчанію Гальма, съ одной стороны, не легко подразумѣвать *eius* или *pro eo*, а съ другой, такъ какъ говорится о множествѣ дѣлъ, то ожидается множественное число *quaes*. Что же касается абсолютного употребленія другихъ формъ отъ *agere*, то *Sall. Jug. 101, 6.* (*Tum Marius apud primos agebat*) доказываетъ, что оно хоть и рѣдко, но все-таки возможно. По этому мы предложили бы слѣдующій переводъ: „за то, что они дѣйствовали, за то, что они кое-что оставили недоконченнымъ”. Вѣдь абсолютное употребленіе глагола *relinquere* оправдывается предшествующимъ глаголомъ въ абсолютномъ же употребленіи.

4, 9. *aedificasset ornassetque* переведено „соорудивъ и устроивъ”. Такъ какъ здѣсь, безъ сомнѣнія, имѣются въ виду *armamenta*, то есть, снасти, то можетъ быть, еще удобнѣе было бы сказать: „оснастивъ” вѣсто „соорудивъ”.

Ib. *usque in Hispaniam* переведено „въ отдаленную Испанию”; но лучше сказать: „вплоть до Испаніи”.

5, 11. *exegisciatum* не точно переведено, въ соединеніи съ *vinclis, verberibus, omni suppicio*, „предавъ его оковамъ, побоямъ и всякаго рода мученіямъ”. Можно было бы перевести „замучивъ”, или вмѣстѣ съ *pescavit*, перевести „жесточайшимъ образомъ умертвивъ”.

Ib. *ius legationis* болѣе тѣсное понятіе, чѣмъ „международное право”, которое по латинѣ скорѣе = *ius gentium; verbo violatum* не

„оскорблениe и то только словомъ, чтò по латыни значить: *et quidem verbo* или *idque verbo violatum*, но оскорблениe одними словами; *videte ne ne* „Берегитесь! да не“, а смотрите, чтобы не.

5, 12. *Summum periculum ac discritum* не значитъ „опасное и критическое положение“,—переводъ, при которомъ *summum* совсѣмъ пропущено; точнѣе: „крайне опасное“ и пр.

Ib. *vestrum auxilium exspectare* не значитъ: „возлагать всѣ надежды на вашу помощь“: это *spem oportem habere* (*Cic. de inv.* 1, 39, 71) или *ponere in auxilio vestro* (*Cic. de rep.* 6, 23) или *collocare* (*Cic. de or.* 1, 7, 25); вѣрѣе сказать: „ждать вашей помощи“ или „помощи отъ васъ“.

5, 13. „война съ морскими разбойниками“ скорѣе объясненіе, чѣмъ переводъ словъ: *maritimum bellum*.

Ib. *libere loqui* означаетъ не „громко высказывать свои желанія, а „говорить свободно“. *Loqui* имѣть болѣе обширный смыслъ и здѣсь заключаетъ въ себѣ не только выраженіе желаній, но, пожалуй, и нѣкоторую критику принимаемыхъ въ Римѣ мѣръ; а *libere loqui* можно и тихимъ голосомъ, равно какъ и не всегда, говоря громко, говорять *libere*.

Ib. въ текстѣ сказано: *ceteros in provinciam eiusmodi homines cum imperio mittimus, ut*—а въ переводѣ „мы обыкновенно посылаемъ въ провинцію такого рода полководцевъ, которые“. Тутъ, впервыхъ, обыкновенно не соотвѣтствуетъ слову *ceteros*, такъ какъ *ceteri* то же, что: всѣ другие; если же передавать имя нарѣчиемъ, скажемъ по крайней мѣрѣ: всегда. Но кромѣ того, переводъ затѣмъ вается безъ нужды конструкцію латинскую. Сомнѣнія нѣть, *ceteros* составляетъ дополненіе глагола *mittimus*; *homines eiusmodi* относится къ этому дополненію какъ сказуемое къ подлежащему; *cum imperio* принадлежитъ къ *mittimus*: все это будетъ выражено, если скажемъ: остальные люди, которыхъ мы съ верховною властью посылаемъ въ провинцію, таковы, что—.

6, 14. *Quare* не точно передано „Такимъ образомъ“ вѣсто: И такъ.

Ib. *injuriis provocatos — praesertim cum de maximis vestris vectigalibus agatur* переведено „тогда какъ вы вызваны на месть обидами, и особенно, когда идетъ дѣло о значительныхъ вашихъ доходахъ съ налоговъ“ Тутъ, впервыхъ, „тогда какъ“ не совсѣмъ па мѣстѣ, потому что говорится не вообще, а объ опредѣленномъ, данномъ случаѣ, и слѣдовательно, причастіе употреблено не въ темпоральномъ, а

въ винословномъ смыслѣ. Слѣдовало бы или удержать приложеніе, или сказать „такъ какъ“. Вовторыхъ „и“ передъ „особенно“ сказано двусмысленно, какъ будто рѣчь идетъ о двухъ разныхъ случаяхъ, (изъ которыхъ второй важнѣе перваго), а не объ одномъ, при которомъ одна побудительная причина усиливается другою, дѣйствующею сильнѣе. Вътретьихъ, *praeſertim* синъ съ сослагательнымъ вездѣ говорится только въ винословномъ смыслѣ. Наконецъ, мы не видимъ, съ какой стати здѣсь вмѣсто латинской превосходной степени поставлена русская положительная. Въ хвалебныхъ эпитетахъ мы употребляемъ положительную степень вмѣсто превосходной, какъ выше было сказано „знаменитый Лукуллъ“ вмѣсто *Lucullus, summus vir*, а что здѣсь превосходная степень поставлена въ собственномъ смыслѣ, видно изъ нижеслѣдующихъ словъ: *facile omnibus terris antecellat*.

6. 15. *resci relinquuntur* переведено: „пустѣть скотскіе выгоны“. Но Цицеронъ говоритъ не объ угнаніи стадъ отъ пастищъ, а о покиданіи скота разбѣгающимися пастухами. Первое и не было бы особенно потерю. Пока не будуть приведены такія мѣста, въ которыхъ *resci* несомнѣнно означаетъ мѣсто, где пасутся стада, мы не считаемъ себя вправѣ этому слову навязывать такое значеніе.

Ib. neque-vectigal conservari potest не — „происходитъ потеря“ и пр., а „никакихъ доходовъ нельзя сохранять“.

6, 16. *Quo tandem animo esse existimatis* переведено: „Въ какомъ же состояніи духа находятся по вашему“. Это, пожалуй, понятно, но если въ переводѣ надо выражать мысли подлинника такъ, какъ онѣ выражаются по свойству русскаго языка, то скажемъ: каково должно быть настроеніе тѣхъ — или нечто въ этомъ родѣ, при чѣмъ глаголъ *existimatis* замѣнится словомъ „долженъ“. Къ этому мѣсту справедливо замѣчаетъ г. Верть, слѣдя Зейферту, *Palaestra Ciceropiana*, III, 4, 20: когда, дѣлая выводъ, обращаемся къ другому изъ-за согласія, тогда въ вопросительномъ предложениі по руски употребляемъ слово „долженъ“, а по латыни *existimare, putare* или равно значущій глаголъ; вопросъ же употребляется какъ прямой, такъ и косвенный. Для примѣра г. Вертомъ указаны слѣдующіе случаи: *bis de fin. V, 19, 56. quem enim ardorem studii censem fuisse in Archimede? Rosc. Am. 53, 153, videle quem in locum rempublicam ventram putetis.*

7, 17, вставлены слова „въ первой части моей рѣчи“, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, а такая вставка тѣмъ менѣе была нужна, что

мѣсто рѣчи, о которомъ говорится, достаточно обозначается словами: *cum esset de belli genere dicturus*. Эти слова переведены „говори о важности войны“. Но „говори“ соответствовало бы латинскимъ словамъ: *cum diceret*, между тѣмъ какъ слова Цицерона означаютъ: собираясь говорить. Это и гораздо болѣе на мѣстѣ, чѣмъ „говори“, потому что сказано не о самой той части рѣчи, въ которой доказывается необходимость войны, а о предшествующемъ ей раздѣлѣніи. Точно такъ и „важность войны“ не соответствуетъ словамъ *genus belli*. Если не перевести дословно „родъ войны“, но дать только объясненіе къ латинскому выраженію, то слѣдуетъ по крайней мѣрѣ сказать, „необходимость войны“, какъ и было сказано въ раздѣлѣніи всей рѣчи вмѣсто *genus belli*. „Важность“ скорѣе соответствуетъ слову *magnitudo*, которое такъ и переведено 1, 6 и 8, 20.

Ib. *quod ad multorum bona civium Romanorum pertinet* переведено „именно того (вы не должны упускать изъ виду), что имѣть отношеніе къ имуществу многихъ римскихъ гражданъ“, такъ что можно сомнѣваться, союзъ ли „что“ и подразумѣвается ли, какъ подлежащее глагола „имѣть“, *genus belli*, или „что“ употреблено какъ мѣстонименіе и подлежащее. Такъ какъ смыслъ допускаетъ только первое толкованіе, то не мѣшало бы отмѣтить подлежащее, вставляя передъ глаголомъ „эта война“.

Ib. *quocum* переведено „на этотъ предметъ“; но *quocum* можетъ относиться только къ *bona* или къ *civium Romanorum*. „На этотъ предметъ“, въ данномъ случаѣ, было бы выражено чрезъ *cuicunque rei*.

Ib. *publicani, homines honestissimi atque ornatissimi* переведено „откупщики, люди почтенные и богатые“. Но *ornatissimi* не означаетъ „богатые“. *Ornatus* означаетъ того, кто имѣть *ornamenta* то есть, отличія или знаки отличія, слѣдовательно, означаетъ: отличенный, отличный, превосходный. Въ этомъ смыслѣ *ornati* особенно часто называются люди, занимающіе или занимавшіе высшія должности, но означаются не самыя должности, какъ при *honoratus*, а основанное на нихъ отличіе передъ другими. Если такъ называются откупщики, то конечно, не имѣются въ виду почетные должности, но основаніемъ ихъ отличія служитъ ихъ богатство; а тѣмъ не менѣе, богатый къ *ornatus* относится, какъ означение причины, и то причина въ отдельномъ случаѣ, къ означению послѣдствія. Мы не отрицаемъ, что первѣко одинъ языкъ обозначаетъ причину, а другой, въ томъ же случаѣ, послѣдствіе, но въ данномъ мѣстѣ причина есть

только случайная, не заключающая въ себѣ извѣстнаго послѣдствія и необходимость. А въ другомъ направлениѣ замѣненіе причинъ и послѣдствія здѣсь, дѣйствительно, у мѣста. Обращаясь къ другимъ вѣжливо или отзываясь о нихъ съ почетомъ, по латыни называютъ то, чѣмъ они являются сами по себѣ (*honoratissimus, amplissimus* и т. п.), а по русски часто обозначаютъ то, что они суть для другихъ и для говорящихъ въ особенности (*почтенный, почитаемый,уважаемый, высокопочтенный, достопочтенный* и т. п.). Соответственно тому въ здѣсь можно бы перевести: почтенные и уважаемые. Только эти эпитеты слѣдовало бы, опустивъ „люди“, присоединить непосредственно къ откупщикамъ, подобно тому, какъ выше мы перевели *equites Romani honestissimi viri* 2, 4.

Іб. переводу латинскихъ словъ *suas rationes et copias in illam provinciam contulerunt* черезъ „обороты своихъ капиталовъ соединили съ дѣлами этой провинціи“ мы предпочтаемъ переводъ гг. Страхова (Латинская Стилистика Негельсбаха, стр. 310) и Гофмана „свои интересы (Гофманъ: спекуляціи) и свои фонды перенесли въ ту провинцію или тамъ помѣстили“. Обороты—это движение денегъ въ дѣлахъ, слѣдовательно, понятіе объективное; *ratio*, напротивъ, собственно субъективное понятіе—считаніе, и даже въ объективныхъ своихъ значеніяхъ сохраняетъ этотъ субъективный характеръ на столько, что означаетъ только продуктъ считанія, или съ расширениемъ этого понятія, мышленія, или по нѣкоторой метафорѣ, соответствующую разумному мышленію разумность вещи (Сл. Страхова Лат. Ст. § 43). Хотя г. Страховъ также приводитъ значение: денежные обороты, но приведенное имъ мѣсто (*Cic. Sull. 20, 56. magna ratione cum rege contracta*) вовсе не подтверждаетъ этого значенія, а *contrahere rationem* скорѣе означаетъ тамъ сводить съ кѣмъ-либо счеты. Счеты откупщиковъ—это счеты о выгодѣ, и такъ: интересы или спекуляціи. Что же касается *conferre*, то понятіе соединенія ему чуждо, во означаетъ „переносить что-нибудь куда-нибудь на другое мѣсто“. Соединить свои интересы и фонды съ дѣлами провинціи можно и безъ перенесенія ихъ туда, какъ панкримѣръ, имѣя дѣла съ тамошними купцами.

7, 18. *quiibus vos absentibus consulere debetis* переведено, „объ нихъ также вы должны заботиться, хотя ихъ здѣсь и нѣть на лицо“. Но какъ въ латинскихъ словахъ нѣтъ никакого намека на „также“, такъ и въ отсутствіи дѣловыхъ людей не заключается никакого подвода къ препрѣженію ими. Напротивъ того, надо о нихъ заботиться присутствующимъ въ Римѣ именно потому, что они сами о себѣ заботиться не могутъ. И это толкованіе подтверждается мѣстонименіемъ

vos, которое не было поставлено, если бы не было противоположенія между способными и неспособными къ такой заботѣ. Итакъ, лучше было бы перевести: „и о нихъ вы должны заботиться, потому что и проч.“.

Ib. illud parvi refert переведено „то соображеніе—слишкомъ неосновательно“. Мы предпочтаемъ предложенный г. Гофманомъ переводъ „возраженіе“, если только въ слѣдующихъ словахъ будемъ читать rosse вмѣсто чтенія рукописей postea. Если же переведемъ слова рукописей: pos publicanis amissis vectigalia postea victoria gesciregare, то скажемъ: „небольшое значеніе имѣть возвращеніе доходовъ побѣдою послѣ потери откупщикомъ“ И по нашему нынѣшнему убѣженію нечего измѣнять въ этихъ словахъ, хотя мы сами прежде держались иного мнѣнія и въ рецензіи первого изданія этой рѣчи г. Гофманомъ предложили чтеніе pos publicanis amissa vectigalia posse gesciregare. Тогда мы находили затрудненіе въ словахъ amissis publicanis, и действительно, обыкновенно amitti употребляется о смерти, какъ часто при упоминаніи убитыхъ солдатъ. Однако Corn. Nep. Dion. 7, 2 (ut cum milites reconciliasset amitteret optimates) доказываетъ, что amittere употребляется и иначе, и если amittere можетъ означать: „потерять расположение кого-нибудь“, то почему не могло бы означать: „потерять состояніе кого-нибудь“. Вѣдь какъ солдатъ перестаетъ быть солдатомъ, когда умретъ, такъ откупщикъ перестанетъ быть откупщикомъ, когда потеряетъ свое состояніе. Другое затрудненіе мы находили въ слѣдующихъ словахъ: neque enim isdem redimendi facultas erit propter calamitatem neque aliis voluntas propter timorem, изъ которыхъ мы выводили, что publicanis надобно принять за дательный, и конечно, „потеряннымъ откупщикамъ“ едва ли возможно возвратить доходы. Но такъ какъ Римляне получали свои доходы изъ провинцій только посредствомъ откупщиковъ, то можно было сказать и то, что возвращеніе доходовъ побѣдою не имѣло большаго значенія послѣ потери откупщиковъ, ибо въ такомъ случаѣ не было другихъ посредниковъ для взиманія налоговъ. Еще менѣе значитъ неопределѣленное настоящаго, вмѣсто котораго, по мѣнѣю нѣкоторыхъ, должно было бы стоять неопределѣленное будущаго. Что при refert, и когда идеть рѣчь о будущемъ, можетъ стоять настоящее время, доказываютъ такія мѣста, какъ Plaut. Mil. Glor. 3, 1, 214. Me minero, se i quid me minisse id refert? и почему это такъ, не трудно понять. Неопределѣленное, въ такихъ случаяхъ, замѣняетъ собою условное предложеніе, въ общности своей равно относящееся ко всѣмъ временамъ. Надо только

parvi refert относить не къ рѣчи, а къ самому положенію дѣла. Если въ переводѣ сказано, что „мы можемъ впослѣдствіи времени побѣдою снова приобрѣсть для откупщиковъ потерянную провинцію“, то переведено чтеніе *amissa vectigalia*, и вмѣсто *vectigalia* названъ источникъ ихъ, то-есть провинція. Если вслѣдь затѣмъ *propter calamitatem* переведено „обанкротившись“, то это потому не точно, что *calamitas* болѣе обширное понятіе не только само по себѣ, но и въ данномъ случаѣ, ибо потерять свое имущество можно и безъ банкротства. Точно такъ и *propter timorem* не тождественно съ „запуганные примѣромъ прошедшаго“. Фраза перевода указываетъ на прошедшее, а слова подлинника на будущее. Наконецъ, и „не рѣшатся“, не то же, чѣмъ *pop erit voluntas*, потому что „рѣшаться“ уже ближе стоять къ исполненію, чѣмъ *voluntas*, то-есть, желаніе, и не было никакой надобности вставлять слова „на такое опасное предпріятіе“, такъ какъ въ подлинникѣ *redimendi* равномѣрно зависитъ отъ *facultas* и отъ *voluntas*. Мы думаемъ, что было бы достаточно по русски, а вмѣстѣ съ тѣмъ ближе къ подлиннику: тѣ же самые не будутъ въ состояніи взять на откупъ подати—вслѣдствіе ихъ потери, а другіе не захотятъ—вслѣдствіе паники.

7, 19. *Deinde* не значить „кромѣ того“.

Ib. *Nam* переведено „такъ“, какъ будто приводится примѣръ. Между тѣмъ приводится фактъ, изъ котораго выстуپаетъ, что бѣда проучила Римлянъ, такъ что слѣдовало бы или употребить винословный союзъ, или безъ всякаго союза начать предложеніе.

Ib. *ut non trahant* переведено „не увлекши“, вмѣсто „увлекал“. Дѣепричастіе прошедшаго означаетъ „*ut non traxerint*“.

Ib. *haec fides atque haec ratio pecuniarum*, переведено „кредитъ и денежныя дѣла“, а *haec*, какъ указательное мѣстоименіе говорящаго лица, означаетъ „нашъ кредитъ“ или „здѣшній кредитъ“.

Ib. сказано: „*и*нѣтъ мѣста сомнѣнію“; а это означаетъ по латыни: *non dubitandum mihi videtur*. Слова подлинника: *videte, num dubitandum vobis sit*, не представляютъ невозможности сомнѣнія какъ субъективное убѣжденіе говорящаго, но ссылаются, касательно этой невозможности, на сужденіе слушателей. И такъ: смотрите, должны ли вы сомнѣваться?

8, 20. *genus belli* опять болѣе объяснено, чѣмъ переведено „необходимость войны“.

Ib. Къ словамъ Цицерона: *In quo maxime est laborandum*—безъ

всакой нужды прибавлено „по моему мнѣнію“; а вслѣдъ затѣмъ, къ словамъ: *Atque ut omnes intellegant*, слова „Прежде всего“.

Ib. *tantum impertire laudis, quantum fortis viro et sapienti homini et magno imperatori debeatur* переведено: „признаніе за Луциемъ Лукулломъ славы, какой онъ стоитъ, какъ человѣкъ храбрый“ и пр. Тутъ *fortis viro* принято за приложеніе подразумѣваемаго мѣстоименія, относящагося къ Лукуллу. Но проще гораздо ничего не подразумѣвать, и *viro—homini—imperatori* принять за обозначенія не Лукулла, а родового понятия, по русски „славы храброго человѣка и пр.“.

Ib. *summis obsidionis periculis liberavit*, переведено: „освободилъ отъ страшныхъ бѣдствій осады“; но страшныи бѣдствіи осады существуютъ уже во время, *pericula* же называются такія бѣдствія, которыхъ только предвидятся. И такъ, если сказать не „опасности“, то по крайней мѣрѣ „угрожающія бѣдствія“.

8, 21. *studio atque odio inflammata*, переведено „съ одушевленіемъ“; но, такимъ образомъ, осталось безъ перевода *odio*. Слѣдовало бы сказать: „съ одушевленіемъ ненависти“ или „съ горячою ненавистью“.

Ib. *quibus in oppidis erant domicilia regis*, переведено: „въ которыхъ царь имѣлъ свои дворцы“ Въ дворцахъ, однако, можно и не жить, а гдѣ кто имѣсть *domicilium*, тамъ и живеть. Сл. Cic. Arch. 4, 9. *At domicilium non habuit in Italia is, qui tot annis ante civitatem datam sedem omnium rerum ac fortunarum suarum Romae collocavit*. Мы предложили бы: „царскія столицы“.

Ib. *uno aditu adventusque* не безъ двусмысличности передано: „при одномъ приступѣ и приближеніи къ нимъ“. Подъ приступомъ, когда рѣчь идетъ о войнѣ, чаще всего разумѣютъ штурмъ, а здѣсь, какъ и вездѣ, *aditus* является синонимомъ слова *adventus*. Лучше сказано у г. Гофмана: „уже вслѣдствіе его приближенія и прибытія“

Ib. *in integris vectigalibus* опять переведено: „безъ ущерба доходовъ отъ палоговъ“, хотя достаточно было бы „доходовъ“.

9, 22. Сказано: „Рассмотримъ дѣло поближе“, а у Цицерона: *Cognoscite*.

Ib. *Medea illa* переведено „миѳическая Медея“; но въ мѣстоименіи нѣть никакого указанія на миѳъ, а есть только намекъ на извѣстность упоминаемаго лица, такъ что достаточно было бы сказать: „извѣстная“, а можно было бы оставить мѣстоименіе и совсѣмъ безъ перевода.

Ib. *pulcherrimagatione getum* переведено „драгоценныхъ вещей“, но тутъ означаются скорѣе „изящные вещи“, какъ напримѣръ, художественная произведепія. Драгоценный—это: *preciosus* или *carus*.

9, 23. *plures etiam gentes* переведено: „также очень многія племена“. Но сравнительная степень никогда не заключаетъ въ себѣ по-напіе „очень“, а если не употребляется въ собственномъ, сравнительномъ смыслѣ, то означаетъ или „слишкомъ“, или „немного“; вдѣсь же она употреблена въ сравнительномъ смыслѣ: *plures*, то-есть, больше племенъ, чѣмъ прежде. A *etiam* при сравнительной степени означаетъ „еще“.

9, 24. *suit enim illud extremum, ut—a militibus nostris redditus magis maturus quam processio longior quaeretur* переведено: „то обстоятельство, что наши воины тѣмъ скорѣе желали возвратиться назадъ, чѣмъ дальше они шли впередъ, было послѣднимъ“. Переводчикъ говорить о возраставшемъ исподволь желаніи солдатъ, а въ латинскомъ текстѣ говорится объ одномъ и опредѣленномъ времени, въ которое солдаты предпочитали скорое возвращеніе дальнѣйшему походу. Мы перевели бы: концомъ было то, что наши солдаты болѣе имѣли въ виду скорое возвращеніе, чѣмъ дальнѣйшее движеніе впередъ.

Ib. *Mithridates—et suam tamen iam confirmarat et eorum, qui se ex ipsius regno colegerant et magnis adventiciis auxiliis multorum regum et nationum invabatur.* Въ переводѣ сказано: „между тѣмъ Митридатъ не только придалъ бодрости духа своему отряду, но и увеличилъ его подкѣплѣніями, явившимися изъ его царства и большими иностранными войсками, присланными на помощь многими царями и племенами“. Можно еще сомнѣваться, зависятъ ли слова *eorum* *qui etc.* отъ *tamen*, какъ кажется г. Гофману, или отъ *auxiliis*, какъ кажется намъ, потому что *confirmare* могъ Митридатъ только тѣхъ, которые были у него, а не тѣхъ, которые далеко отъ него собирались, и потому что *adventicia auxilia* указываютъ на другія *auxilia* non *adventicia*. Если, однако, будетъ привато первое толкованіе, то во всякомъ случаѣ, придется *confirmarat* при *eorum* принять въ томъ же смыслѣ, какъ при *suam tamen*. Объ увеличеніи говорить нечего. Кроме того, слѣдовало бы обратить вниманіе на разницу временъ *confirmarat* и *invabatur*. При этомъ толкованіи мы перевели бы: А М., какъ придалъ бодрости своему отряду и отряду войскъ, собравшихся изъ его царства, такъ и находилъ себѣ помошь во множествѣ чужихъ вспомогательныхъ войскъ отъ многихъ царей и племенъ. Но лучше, кажется, сказать согласно второму толкованію: А М. и ободрилъ уже свой собственный отрядъ, и находилъ себѣ помошь, какъ въ пособіи собравшихся изъ его царства людей, такъ и въ многочисленныхъ чужихъ войскахъ и пр.

Ib. Jam hoc fere sic fieri solere accepimus можно было бы почти дословно перевести: „Извѣстно, это ужь обыкновенно такъ случается” Въ переводѣ же сказано: „Такъ, извѣстно, что почти всегда” и пр.

9, 25. Itaque tantum efficere potuit переведено: „пріобрѣть такую силу”; но въ латинскихъ словахъ рѣчь идеть не о силѣ, а о подвигахъ. Не лучше ли: могъ совершить то?

Ib. Nam переведено: „Такимъ образомъ”; слѣдовательно, винословная частица замѣнена консективнымъ выраженіемъ. Вводимое предложение терпить такой оборотъ, потому что тутъ говорится о послѣдствіи выше разказанного факта, которое служить доказательствомъ послѣдняго. Тѣмъ не менѣе мы предпочли бы или употребить винословный союзъ, или же не ставить никакого союза.

Ib. безъ нужды postea quam pulsus erat переведено относительнымъ предложеніемъ: „изъ которой былъ изгнанъ”.

Ib. ut eam ad aures L. Luculli imperatoris non ex proelio nuncius sed ex sermone rumor adferret передано: „что полководецъ услышалъ объ немъ не изъ усть вѣстника съ поля битвы, а изъ усть народной молвы”. Мы не говоримъ объ опущеніи собственного имени—это, кажется, случайность — но опять не видимъ, зачѣмъ отступить отъ болѣе близкаго перевода и почему не сказать, „что Луккуллу донесъ о немъ не вѣстникъ, бѣжавшій съ поля битвы, но молва, вытекшая изъ людскихъ разговоровъ”.

9, 26. in illo ipso malo gravissimaque belli offensione не точно передано: „Тутъ, среди этого страшнаго несчастія и тѣжкаго удара войны”. Впервыхъ, ipso (именно) опущено. Во вторыхъ, malum не такое сильное слово, чтобы нужно было прибавлять „страшное”, достаточно — несчастіе или бѣдствіе. Въ третьихъ, „ударъ”, сколько мы понимаемъ, скорѣе обозначаетъ отдѣльное, несчастное приключеніе, чѣмъ бѣдственное положеніе, о которомъ, очевидно, здѣсь говорится. Въ видѣ попытки мы предлагаемъ такой переводъ: „тѣжкій оборотъ войны”.

Ib. vestro iussu coactus — dimisit не то же, что „получилъ ваше приказаніе — распустить”, но „принужденный вашимъ приказаніемъ”, или „по вашему приказанію распустилъ”, или „вашимъ приказаніемъ былъ принужденъ распустить”; ибо въ латинской фразѣ выражается исполненіе приказанія, а фразой перевода только полученіе его.

Ib. M'. означаетъ Манію, а не Марку.

Ib. quantum illud bellum factum putetis переведено „какъ важна”. Но о важности войны рѣчь идеть послѣ, во второй части изложенія

доказательствъ. *Quantus* не всегда = *quam magnus*, хотя и чаще всего встречается въ этомъ смыслѣ, но нерѣдко = *quam* вмѣстѣ съ другимъ прилагательнымъ, понятіе котораго опредѣляется связью мыслей. Извѣстно, что *quantus* нерѣдко = *quam parvus*. *Quanta dimicatio* = сколь ожесточенная борьба. *Quanta contentio* = сколь сильное напряженіе. Здѣсь, гдѣ въ заключеніе первой части пересчитываются доказательства необходимости войны, при раздѣленіи слова *quantus* на два слова, едва ли возможенъ другой переводъ промѣ: „сколь необходима“. Потомъ и *quantum* и *quantum factum* не одно и то же. Послѣднєе = сколь необходима стала война. Наконецъ, *et putetis* не безъ значенія, но какъ мы выше видѣли, означаетъ: сколь необходимо, должно быть, стала война.

Ib. *integrae nationes* не значитъ: „народы намъ еще неизвѣстны“, но какъ справедливо замѣчаетъ г. Гофманъ, народы здѣсь называются „петропутными“ потому, что не потерпѣли никакого нападенія и сохранили въ цѣлости свои военные силы.

Ib. *accipiat bellum* значитъ не „ведеть“, а „перенимаетъ“

10, 27. *deliberatis* не слѣдовало бы переводить черезъ „рѣшить“, потому что этотъ глаголъ означаетъ результатъ размышленія, а латинское существительное — самое „размышленіе“.

Ib. Синъ *sit unus Cn. Pompeius qui* лучше, кажется, перевести слѣдующимъ образомъ „такъ какъ Кн. Помпей единственный человѣкъ, который“, чѣмъ таѣ: „такъ какъ одинъ только Помпей такой человѣкъ, который“.

10, 28. *esse debuit* означаетъ не „долженъ быть“, а „долженъ былъ быть“.

Ib. *bello maximo atque acerrimis hostibus* переведено положительной степенью „въ то время, какъ ведена была важная война и страшны были непріятели“, между тѣмъ какъ здѣсь одна часть войны сравнивается съ другими частями. Въ тѣхъ же самыхъ словахъ всег означаетъ не страданій, а „ожесточенный“.

Ib. Пропущены слова: „ideunte adolescentia maximi ipse exercitus imperator—plura bella gessit quam ceteri legerunt.“

Ib. *quam quisquam* переведено: „чѣмъ другой“, тогда какъ можно было ближе перевести „чѣмъ кто-нибудь“.

Ib. *quam alii concupiverunt* (то-есть, *provincias*) переведено: „чѣмъ другие желали получить въ управленіе“. Можно, конечно, думать здѣсь объ управлениіи, но также и о завоеванії; дѣло вообще не въ противоположеніи завоеванія и управлениія, но желанію противопола-

гается исполнение: поэтому, чтобы сохранить обширность понятия, мы желали бы сказать: завоевать окончательно больше провинций, чѣмъ другіе дѣлали предметомъ своихъ желаній.

Ib. aliena граесерта значить не „чужая опытность“, ибо граесерта никогда не называется состояніе ума, но правила, данныхъ другому.

Ib. bellum navale, о которомъ говорится, была, конечно, „война съ морскими разбойниками“, но латинскія слова больше ничего не означаютъ, какъ „морская война“.

Ib. varia et diversa genera et bellorum et hostium переведено: „всъ эти различныя и разнообразныя войны“, такъ что съ одной стороны пропущено *et hostium*, а съ другой—недостаточно выражена разница между *varia* и *diversa*. Вѣдь *diversa bella*—это войны противоположныя между собою, а „различный и разнообразный“ означаютъ только нетожество.

11. 30. plurimos hostes ab hoc superatos prostratosque consperxit переведено: „такъ часто видѣла пораженіе и гибель многихъ непріятелей“, при чѣмъ не переведены слова *ab hoc*. Но очень легко выразить и эти слова, говоря: „видѣла множество непріятелей разбитыми и положенными на мѣстѣ Помпейемъ“.

Ib. iterum et saepius означаетъ „еще разъ и чаще“, а не „снова и опять“, при чѣмъ можно думать о троекратной победѣ.

Ib. taetrum bellum значить не „жестокая война“, но скорѣе „отвратительная война“, потому что *taeter* относится къ впечатлѣнію на чувство, а не выражаетъ качества въ предметѣ самомъ по себѣ. Къ войнѣ съ рабами это прилагательное примѣняется потому, что рабы были постыдными непріятелями.

11. 31. in singulis oris не точно переведено: „въ каждой странѣ“. Точнѣе будетъ: „на каждомъ прибрежіи“.

Ib. передъ словами *Quis enim toto mari*—безъ нужды вставлены слова: „И дѣйствительно“, а вслѣдъ затѣмъ *per hos annos*, то-есть, за послѣдніе годы, не точно переведено: „въ это время“.

Ib. quis arbitraretur значить не „Кто предполагалъ“, но „Кто предполагалъ бы“ или „Кто могъ бы предполагать?“ потому что это *coniunctivus deliberativus* или *potentialis*.

Ib. omnibus imperatoribus не означаетъ „какимъ угодно числомъ полководцевъ“—это было бы *quovis numero imperatorum*—но „всѣми полководцами, *omnibus annis* не „въ какое угодно продолжительное время“—это было бы: *quamvis longo tempore*—но „продолженіе всѣхъ лѣтъ“. *Omnis* никогда не означаетъ „сколько угодно“; здѣсь

разумѣются всѣ полководцы, въ этотъ одинъ годъ бывшіе на лицо, и всѣ годы жизни того полководца, о которомъ идетъ рѣчь.

11, 32. quod vectigal vobis tutum fuit не можетъ обозначать: „Въ какихъ доходахъ съ налоговъ вы были увѣревы“, потому что *tutus*—объективное понятіе, но только „какой доходъ вамъ былъ обеспеченъ?“

Ib. classibus не=„флотомъ“.

12, 32. longinqua означаетъ не „отдаленныя событія“, но „отдаленныя мѣста“, какъ въ Tacit. ann. 3, 34. longinqua imperii adire. Въ предшествующемъ мѣстѣ говорится не о событіяхъ, но о мѣстахъ и ихъ положеніи.

Ib. prorupnacila означаетъ не „передовыя укрѣпленія“, но, какъ замѣчаетъ г. Гофманъ, „оборонительные средства“. Pro въ глаголь prorupnare не имѣетъ локального значенія, но значитъ „въ пользу“.

Ib. передъ словами sociis ego вставлены слова „А теперь“. Но связь мыслей допускаетъ эту вставку. Всѣдѣ затѣмъ querar переведено „горевать ли мнѣ“, но это отличается отъ латинского глагола какъ чувство отъ выраженія чувства словами, между тѣмъ какъ ничто не препятствовало сказать: „сѣтовать ли мнѣ“. Равнымъ образомъ тамъ же exterae nationes вовсе не „прибрежные народы“, но чужеземные. Къ exterae nationes принадлежать и обитатели внутрепнхъ странъ впѣ Италии, равно какъ къ „прибрежнымъ народамъ“ могутъ принадлежать обитатели Италии.

12, 33. Cnidum aut Colophonem aut Samum, nobilissimas urbes переведено „Книдъ, Колофонъ и Самосъ, одни изъ важнѣйшихъ городовъ“. Опять было бы лучше: столь знаменитые города, какъ Книдъ и пр.

Ib. intra Oceani ostium не означаетъ „на устьѣ океана“. Intra не то, что in, но = впнутри отовсюду обнимающихъ границъ или по сю сторону границы по одному направлению. У Цицерона вовсе не говорится, что нѣтъ разбойническихъ кораблей на fretum Gaditanum, но, какъ и подъ переводомъ справедливо замѣчено, что нѣтъ ихъ на Средиземномъ морѣ. Мы переводимъ: по сю сторону входа въ океанъ.

Ib. obenindii negotii aut consequendi quaestus studio переведено: „съ торговую или вообще съ какою-нибудь корыстною цѣлію“. Сомнѣнія нѣтъ, что negotiium употребляется и о торговлѣ, но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что чаще всего такъ называется государственное дѣло, и поэтому нѣтъ повода здѣсь въ переводѣ съживать это понятіе, тѣмъ болѣе, что противоположеніе словъ aut consequendi quaestus studio,

которыя, очевидно, сами по себѣ относятся прежде всего къ торговлѣ, даже дѣлаетъ вѣроатнымъ, что при negotiis здѣсь не надо думать о торговлѣ, а въ 17, 53 встрѣчается подобное противоположеніе: ut neque privatam rem transmarinam neque publicam iam obire posseimus. Можно думать о посольствахъ, объ отправленіи должностныхъ лицъ въ провинціи и т. п.

12, 35. Italiae duo maria переведено „два моря Италии“, но такъ какъ такихъ морей всего только два, то болѣе умѣстно, кажется, „оба моря“.

Ib. unius huius ac potestati dediderunt переведено „сдали себя во власть и распоряженіе этого одного“ Употребительные, по нашему, было бы „въ его исключительную власть“ и пр.

Ib. usque in Pamphyliam означаетъ не столько „въ отдаленную Памфилию“, сколько „вплоть до Памфилии“.

13, 36. esse съ ablative qualitatis переведено „отличаться“, чѣмъ въ переводѣ внесено чуждое понятіе.

Ib. cognoscere скорѣѣ=узнать, чѣмъ—„оцѣнить“.

Ib. ex aliorum contentionе означаетъ не „изъ сравненія съ подобными качествами въ другихъ“, но „изъ сравненія другихъ“, конечно, съ Помпеемъ, потому что сейчасъ же идетъ рѣчь не о мужахъ, подобныхъ Помпею, но о людяхъ противоположнаго закала.

13, 37. Quem enim imperatorem possimus ullo in numero putare переведено: „Можемъ ли мы считать достойнымъ имени полководца“. Но что этой русской фразѣ соотвѣтствуетъ точно въ точь одинаковая латинская фраза, видно изъ тѣхъ словъ Цицерона, которыя намъ сохранилъ Присціантъ VIII, 4, 19: homo ex eo пимого hominum, qui apud nos hoc nomine dignantur. Развѣ нельзя сказать по русски „считать въ числѣ полководцевъ“?

Ib. cuius in exercitu centuriatus veneant atque venierint не то же, что „въ войскѣ котораго продажны, какъ это дѣйствительно было, мѣста центуріоновъ“ Venierint точно такъ же зависить отъ ut, какъ veneant. „Какъ это дѣйствительно было“ означало бы въ данномъ случаѣ ut venierunt.

Ib. Quid hunc hominem magnum aut amplum de republica cogitare (scil. putare possimus)? переведено: „Какія великия и возвышенніи убѣжденія объ общественномъ имуществѣ долженъ имѣть тотъ человѣкъ“. Но respublica и вообще не означаетъ „общественное имущество“, и еслибы даже могло означать, то все-таки не означало бы здѣсь, потому что aliquid magnum aut amplum cogitare очень возв-

можно въ государствѣ, въ политикѣ, но не относительно обществен-
наго имущества. Что же касается слова *amplus*, то оно не на столько
равнозначуще съ *magnus*, на сколько „возвышенный“ съ „великий“,
но относится къ объему, означаетъ „широкій“. Мы перевели бы: Ка-
кие возвышенные и широкіе взгляды на политику можетъ имѣть и пр.

Ib. *ad bellum administrandum* не означаетъ „на военный издерж-
ки“, но „на управление войной“. Послѣдняя фраза, равно какъ латин-
ская, заключаетъ въ себѣ указание на начальство, а на военный из-
держки можетъ получать деньги и не полководецъ.

Ib. *propter cupiditatem provinciæ* не означаетъ „изъ жадности къ
властиамъ“, но „изъ жадности къ провинції“. Сомнѣнія нѣтъ, что слово
provinciæ встрѣчается и въ отвлеченномъ смыслѣ и тогда означаетъ
и порученіе, да, пожалуй, и должность; по здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ о
поведеніи начальниковъ провинцій (видѣть это были въ то время пол-
ководцы), необходимо думать о людяхъ, истратившихъ казенные деньги
или на достижениѣ выгодныхъ провинцій, или на продолженіе своей
верховной власти; справедливо замѣчаетъ г. Гофманъ, что это, можетъ
быть, намекъ на Лукулла, управлявшаго уже семь лѣтъ своею про-
винціею.

Ib. *facit, ut agnoscere videamini* означаетъ не „доказываетъ“, что
кажется вы знаете“, но только „что вы узнаете“; ибо не *facere* знач-
ить „доказывать“, по *faccere ut aliquid videlicatur*.

Ib. *quantas calamitates nostri exercitus ferant* не вѣрно переведено:
„какія великий бѣдствія испытываютъ наши войска“; вѣрѣ было бы:
„какія бѣдствія приносить съ собою“ и пр. Что *ferre* можетъ обозначать
это, видно изъ такихъ мѣстъ, какъ Cic. ad Att. VIII, 1, 3. *Quenamque*
fors tulerit casum, subeam; что таковъ именно смыслъ здѣсь, видно
изъ слѣдующихъ словъ, въ которыхъ не говорится о бѣдствіяхъ, пре-
терпѣваемыхъ римскими войсками, но о раззореніи ими союзническихъ
городовъ.—Тамъ же *quosipque ventum sit* не точно переведено „по-
всюду“.

13, 38. *per hosce annos* не то же, что „недавно“. Послѣднее
слово можно отнести къ отдельному факту, а первое выраженіе отно-
сится къ болѣе продолжительному времени и такимъ образомъ ука-
зываетъ на нѣсколько такихъ случаевъ.

Ib. *quid fieri existimetis* означаетъ не „что дѣлается“, но „что
должно дѣлаться“. Объ этомъ употребленіи глаголовъ *putandi* мы уже
говорили выше.

14, 42. *quantum consilio-valeat* означаетъ не „въ какой мѣрѣ об-

ладаетъ онъ мудростю въ дѣлахъ государственныхъ", но просто „какимъ умомъ онъ обладаетъ", какъ вѣрно объясняетъ г. Гофманъ.

Ib. *dicendi gravitate et copia* переведено „силою и увлекательностью краснорѣчія". Г. Помядовскій тѣ же самыя слова переводить „вѣсость и обилие", и стоитъ только вникнуть въ смыслъ слова *copia*, чтобы убѣдиться, что „обилие" гораздо болѣе соответствуетъ ему, чѣмъ „увлекательность". *Copia* противополагается сухости (*Cic. de orat. 1, 12, 50. qui discernas eorum quos nominavi copiam ab eorum exilitate, qui hac dicendi varietate et elegantia non utuntur*) и сжатости (*Quint. 3, 8, 67. Brevitas quoque aut copia non materiae genere sed modo constat*) и раздѣляется на *copia rerum et verborum* (*Cic. de orat. 3, 31, 125. Rerum copia verborum copiam gignit*) и приписывается Цицерону, въ противоположность Демосѳену. Слѣдовательно *copia* означаетъ достоинство рѣчи самой по себѣ, а не по отношению къ дѣйствию на слушателей, какъ увлекательность. Съ этимъ согласенъ и Гандъ (*Hand, Lehrbuch des lateinischen Stils*, стр. 313). Правда, этой *copiae* приписывается увлекательность, когда Цицеронъ говоритъ *de orat. 2, 53, 114: illud genus orationis non cognitionem iudicis, sed magis perturbationem requirit, quam consequi nisi multa et varia et copiosa oratione et simili contentione actionis пешо potest;* но, понятно, что и *gravitati* свойственна эта увлекательность, и потому это слово не можетъ быть употреблено для перевода слова *copia* рядомъ съ *gravitas*. Увлекательность—это *vis dicendi*.

Ib. *in quo ipso inest quaedam dignitas imperatoria* переведено: „качествами, которые необходимы въ иѣкоторомъ отношеніи для полководца"; но *dignitas* составляетъ скорѣе украшеніе, чѣмъ необходимую потребность. Гораздо лучше переводить г. Гофманъ: „въ чёмъ уже и заключается иѣкоторое достоинство полководца".

Ib. *hostes omnes opium gentium* не то же, что: „непріятеля всевозможныхъ націй", но „непріятели всякаго рода". *Gens* не значить „нація"; здесь же и не могла бы идти рѣчь о націяхъ, потому что имѣются въ виду не только разныя націи, но и рабы и корсары.

Ib. 43. *quoniam auctoritas quoque-multum-valet, certe nemini dubium est, quin ea re idem ille imperator plurimum possit* переведено „такъ какъ и пр., то и долженъ сказать, хотя въ этомъ и никто не сомнѣвается, что имя этого полководца пользуется большою извѣстностью". Но это значить по латыни: *quoniam etc., etsi id nemini dubium est, nomine eius imperatoris est notissimum*. Нечего возражать противъ вставки словъ „я долженъ сказать", но если ихъ вставить,

то отъ нихъ должно зависѣть: „никто не сомнѣвается въ томъ“; а въ слѣдующихъ словахъ ea ге относится къ auctoritas, что не означаетъ „извѣстность имени“, а „авторитетъ, хорошая репутація“. Извѣстнымъ можетъ быть и имя плохаго полководца.

Ib. homines in tantis rebus, ut aut contemnant aut metuant aut oderint aut ament, opinione non minus et fama quam aliqua certa ratione semper inerit переведено: „что люди даже въ такихъ чувствахъ, какъ преврѣніе, страхъ, ненависть и любовь руководствуются столько же слухомъ и молвой, какъ и несомнѣнными фактами“. Вопервыхъ, „даже“ не только не выражено въ текстѣ, но и не могло быть выражено, потому что въ данномъ имѣстѣ вовсе нѣть a maiore ad minus, но продолжается рѣчь объ управлениіи войнами. Во вторыхъ, in tantis rebus пропущено, или же невѣрно соединено со словами ut aut contemnant и пр., и невѣрно передано черезъ „чувства“, ибо tantis rebus можетъ быть отнесено только къ bella administranda, а слова ut aut contemnant и пр. зависятъ отъ semper inerit. Вътретыхъ, certa ratione не означаетъ „положительными фактами“, но „точнымъ соображеніемъ“, или, какъ переводить г. Гофманъ, „положительнымъ расчетомъ“.

15, 44. Oram tam desertam значить не „такая дикая прибрежная страна“, но такая пустынная окраина. Говорится о далекомъ распространеніи славы Помпея, а для этого не имѣть значенія никакость, которую въ добавокъ никогда не означаетъ desertus, ни берегъ, но безлюдье и отдаленность отъ Рима.

Ib. ut plura non dicam neque aliorum exemplis confirmem, quantum huius auctoritas valeat in bello переведено: „не говоря больше о значеніи имени полководца въ дѣлахъ войны и не доказывая этого примѣрами изъ жизни другихъ людей“. Но huius auctoritas вовсе не авторитетъ полководца вообще, о которомъ и въ предыдущемъ уже нѣть рѣчи, а авторитетъ Помпея, и отнести косвенный вопросъ къ словамъ plura non dicam нѣть никакого основанія.

Ib.: ab eodem Cn. Pompeio omniuit regum egregiarum exempla цитантur переведено: „приведены примѣры изъ жизни самого Кнея Помпея, полной необыкновенныхъ подвиговъ“. Такимъ образомъ безъ всякой нужды увѣщательное предложеніе обращено въ повѣствовательное, между тѣмъ какъ очень возможно было сказать: „возьмейте примѣры“, и къ этому обороту гораздо легче присоединялся бы предыдущія слова: „не говоря и пр.“ Сверхъ того, не надо было родительный regum отрывать отъ exemplis: „примѣры всѣхъ необыкновен-

ныхъ подвиговъ" точно также можно было сказать по русски. Наконецъ, *idem Pompeius* не самъ Помпей, а тотъ же Помпей.

Ib. quo die означаетъ не въ тотъ самый день, а только въ тотъ день.

Ib. *unius hominis spe ac nomine* не одно имя его, въбывшъ надежды, но по крайней мѣрѣ: „имя его одного и пр.“. Словами: „одно имя его“ имя Помпей противополагается, напримѣръ, его подвигамъ, а словами „имя его одного“ имя его противополагается именамъ другихъ.

16, 46. *auctoritatem* переведено „слава его имени“. Но слава составляетъ, такъ сказать, пассивное понятіе, точно такъ какъ *gloria*, то-есть, по Cic. de inv. II, 5, 168: *frequens de aliquo fama cum laude*. Кто пользуется словою, тотъ составляетъ предметъ похвальной молви другихъ. *Auctoritas*, напротивъ, есть активное понятіе, при которомъ прежде всего думаютъ о дѣйствіи на другихъ, хотя это дѣйствіе и можетъ выходить изъ славы. По руски это понятіе передается очень различнымъ образомъ (см. Стилистику Стражова, стр. 181. сл.); въ даннойъ случаѣ, какъ и вообще часто удобно чрезъ метонимию (*effectus pro causa*) сказать: какое уваженіе къ тому же Помпею у непрѣтелей и пр.

Ib. *eique se Oretensis civitates dedere velle dixerunt* перевѣдено: „объявили свое намѣреніе передать ему власть надъ всѣми городами Критянъ“. Очевидно, переводчикъ принялъ *se* за винительный подлежащаго не-определенного *velle*, а *civitates* за дополненіе глагола *dedere*. Но не говорять: *legati dedunt civitates*. *Se dedere*—самая обыкновенная фраза и говорить *civitates se deduat* даже тѣогда, когда рѣчь идетъ о посланцахъ, какъ, напримѣръ, Caes. b. g. 3, 21, 3, *legatos ad Crassum mittunt seque in ditionem ut recipiat petunt*; 5, 20, 2. *legatos ad Caesarem mittunt pollicenturque sese ei dedituros*. И такъ, и здѣсь надобно *se* принимать за дополненіе глагола *dedere*, а *civitates* за подлежащее глагола *velle*.

Ib. *Quid?* безъ нужды замѣнено словомъ „наконецъ“; *iste Mithridates* перевѣдено „ненавистный Митридатъ“, хотя это *iste* вовсе не нуждается въ перевѣдѣ, но достаточно передано, выѣстъ съ предшествующимъ *idem*, чрезъ „тотъ же самый“; *usque in Hispaniam* опять передано: „въ отдаленную Испанию“ выѣсто „вплоть до Испаніи“.

Ib. *quem speculatorum quam legatum iudicari maluerunt* перевѣдено „больше склонны были видѣть въ немъ шпиона“. Но послѣднее было бы по латыни *iudicare*. Употребивъ *iudicari*, Цицеронъ не сказалъ, что

тѣ людѣ, о которыхъ идетъ рѣчъ, сами думали о шпионѣ, по что такое мнѣніе хотѣли навязывать другимъ.

Ib. *hanc auctoritatem quantum valitatem esse existinetis* означаетъ не „какое значеніе будетъ имѣть его имя“, но „какое значеніе должно имѣть его влияніе“

Ib. *vestris iudicis* словами „вашимъ важнымъ порученіемъ“ не столько переведено, сколько объяснено, и притомъ недостаточно. Конечно, подъ *iudicis* здесь подразумѣвается и порученія, только не одно, но разныя и въ томъ числѣ почести, какъ триумфы, выраженіе одобрѣнія крикъ и т. п. Если бѣзъынѣтный переводъ „суждѣніями“ покажется слишкомъ общимъ, то можетъ быть, можно будетъ сказать съ большей определительностью „вашимъ признаніемъ“. Употребленіе вида вмѣсто рода въ переводахъ часто не только допускается, но даже необходимо.

16, 47. *meminisse et comminemagare* переведено „вспоминать“, но слѣдовало бы присовокупить „упоминать“.

Ib. *ut praeterita meminisse, reliqua sperare videamur* переведено „припоминю только прошедшее и выражу надежды на будущее“. Такимъ образомъ *videamur* не достаточно выражено. Лучше было бы: „видно будетъ, какъ мы помнимъ прошедшее и надѣемся на будущее“.

Ib. *invisa* слишкомъ слабо переведено „непріятный“. *Invisus* скончѣнно=невидимый.

16, 48. *ut cives adseiscerint* передано „такъ какъ — подчиняясь гражданѣ“; очевидно, изъ латинскаго конsekutivnаго предложія склонено русское винословное, между тѣмъ какъ слѣдовало бы сказать: „такъ что“ или „вѣдѣствіе чего“.

Ib. *Quod ut* переведено „И такъ, чтобы“, какъ будто выше употреблена причина, а адѣль съдѣствіе или выводъ. Но между мыслями, что Помпей пользовался всегда крайнимъ счастіемъ, и что Римляне должны желать вѣчнаго продолженія этого счастія, мы не можемъ найти причинной связи. Поэтому и предположаемъ, вмѣсто „и такъ“, простое „и“. Что же касается слова *velle et optare*, то сила ихъ не достаточно выражается глаголомъ „желать“, но усиленіе понятія двумя подобнозначащими глаголами придется замѣнить усилѣніемъ глагола нарѣчіемъ „искренно желать“. Подобнымъ образомъ *spiritus optatusque=nam* сильно хочется, ого *atque obsecro=покорно прошу; exstare atque eminere=nаглядно выступать*. См. Стилистику Страхопа, стр. 234 и слѣд.

16, 49. clarissima auctoritas переведено „величайшая слава“, но мы замѣтили уже, что эти понятія не тождественны. Здѣсь, по нашему мнѣнію, лучше всего было бы употребить слово „авторитетъ“.

Ib. hoc tantum boni переведено: „человѣка съ такими прекрасными качествами“. Но рѣчь идетъ не столько о самомъ Помпѣѣ, сколько о томъ счастливомъ обстоятельствѣ, что такой человѣкъ, какъ Помпей, въ это нужное время—на лицо (*et cum ei imperatorem praeficere possitis, in quo sit eximia belli scientia и т. д.*): слѣдовательно, надо, согласно съ указаниемъ г. Гофмана, перевести: „столь великое благо“.

17, 50. quid exspectamus? означаетъ не „чего же медлить теперь“, но „чего мы еще ждемъ?“ Exspectare—переходный глаголъ, требующій себѣ хотя бы мысленного дополненія даже въ томъ случаѣ, если употребляется, какъ говорять, абсолютно.

Ib. въ словахъ hoc quoque bellam пропущено quoque и сказано только „этой войны“.

Ib. Cui cetera summa cum salute reipublicae commissa sunt переведено: „вому вѣбрены всѣ остальные самые важные дѣла вмѣстѣ съ свободою государства“. Можно сомнѣваться, употреблено ли cetera вмѣсто существительного или подразумѣвается *bella*, хотя послѣднее и дѣлается болѣе вѣроятнымъ отъ словъ *hoc quoque bellum*. Но ить сомнѣнія, что *summa* принадлежитъ къ *salute*, а не къ *cetera*; ибо *cetera summa* необыкновенная фраза, а *summa salus* встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, Cic. Cat. 1, 5, 11: Non est saepius in uno homine summe salus periclitanda reipublicae. Что же касается словъ *summa cum salute reipublicae*, то не только *salus* не =libertas, но эти слова даже не принадлежать къ *cetera*, а къ словамъ *commissa sunt*, при которыхъ они выражаютъ результатъ. Такимъ же образомъ сказано Ter. Andr. 4, 1, 3: Quod cum salute eius fiat; Cic. Cat. 1, 13: Cum summa reipublicae salute—proficiscere ad impium bellum. На основаніи всего сказанного, мы предлагаемъ переводъ: „къ величайшему благу государства“.

16, 51. quogum ego auctoritatem apud vos multis locis plurimum valuisse et valere oportere confiteor переведено: „ихъ авторитетъ дѣствительно не разъ въ вашихъ глазахъ имѣлъ большое значеніе и, я сознаюсь, долженъ его имѣть“. Въ подлинникѣ *confiteor* принадлежитъ къ *valuisse* и къ *valere oportere*.

Ib. ipsa te ac ratione переведено: „обративъ внимание только на самое дѣло и сущность его“. Не ясно, какимъ именно словомъ передано то или другое слово подлинника. Во всякомъ случаѣ намъ ка-

жется излишнимъ слово „сущность“. Мы желали бы перевести, „изъ самаго положенія дѣла и разумнымъ взглядомъ“, заимствуя послѣднюю фразу у г. Помяловскаго, а первую — у г. Гофмана.

17, 52. *Nam tu idem* переведено „Такъ и прежде—ты“. Такимъ образомъ *idem* не выражено, ибо „прежде“ не означаетъ *idem*, равно какъ и *Nam* осталось безъ перевода. Мы вполне одобляемъ переводъ г. Помяловскаго: „Вѣдь и ты, Кв. Гортензій, также“; можно было бы сказать и такъ: „Вѣдь ты же“

Ів. слова *pro tua summa copia ac singulari facultate dicendi* переведены какъ виновспое выражение: „такъ ты владѣешь необыкновеннымъ даромъ слова и великимъ ораторскимъ искусствомъ“, между тѣмъ какъ они составляютъ модальное выражение и не выражаютъ, почему, но какимъ образомъ говорилъ Гортензій, именно: „какъ надо было ожидать отъ твоего великаго дара слова и необыкновенного краснорѣчія“, или „сообразно твоему“ и пр. Въ томъ же періодѣ *reg multa* переведено „еще болѣе“, хотя это слово и не заключаетъ въ себѣ никакого сравненія, а просто означаетъ „очень много“. Слово *item* во второмъ предложеніи едва ли относится къ *graviter ornatus*, ио значитъ, по объясненію г. Гофмана, „также“, то-есть, какъ и въ сенатѣ.

17, 53. *ut neque privatam rem transmarinam neque publicam iam obire posseimus* переведено: „и мы не могли имѣть ни частныхъ, ни официальныхъ сношеній съ заморскими странами“. Но „мы имѣемъ сношения“ означаетъ не *obimus rem*, а *habemus rem* или *est nobis res cum aliquo* (*Tert. Eup. I, 2, 37.* *quoscum tunc ipso rem habebamus hospite;*) *obire rem* значитъ „заниматься дѣломъ“, равно какъ *obire negotium*, въ той же рѣчи 12, 34.

18, 54. *dicitur* не точно передано: „какъ известно“.

Ів. *magna ac multo maxima parte* не означаетъ „большую и очень большую частью“, но изъ *multo* видно, что превосходная степень употреблена въ собственномъ смыслѣ. И такъ слѣдовало бы сказать: „большею и даже далеко наибольшую частью“.

18, 55. *nobis ornatum reliquissent* переведено „украсили“. Но важно не только то, что каюдра на площади была когда-то украшена, но что эти украшения остались еще въ то время, о которомъ идетъ рѣчь. На это указываетъ ясно, кромѣ *reliquissent*, слово *nobis*. Слѣдовало бы, ближе къ тексту, перевести: „оставили намъ украшенными“

19, 56. *Bono te animo—populus Romanus—et ceteros dicere existi-*

mauit ea, quae sentiebatis переведено: „Народъ римскій былъ впознѣ увѣренъ, что ты—и прочие—говорили то, что думали, и при томъ съ добрымъ намѣрѣемъ“. Но чтобы выразить эту мысль по латыни, надо было сказать: quae sentiretis, поставленное относительное предложение въ зависимости отъ existimavit, и слова бопо animo черезъ et присоединить къ остальнымъ словамъ. Говоря quae sentiebatis, Цицеронъ отнюдь не говорить, что не было разлада между словами и мнѣніемъ, но только, что мнѣніе было высказано съ добрымъ намѣрѣемъ.

Ib. pos illa miseria ac turpitudine liberavit не означаетъ „уничижили наши страшныя бѣдствія и нашъ позоръ“.

Ib. effecit ut aliquando vere videretur omnibus gentibus ac nationibus terra marique imperare переведено: „заставлять повѣрить нашимъ потомкамъ, что действительно мы властвовали надъ всѣми племенами и націями, на суши и на морѣ“. Съ первого взгляда видно, что въ подлиннике не говорится о „потомкахъ“. Но и самое отношение дѣла къ будущему времени не вѣрно: о будущемъ времени въ консективномъ предложеніи употребляется praesens periphrasticum. Effecit ut videretur пельзя не отнести къ прошедшему времени, да такому толкованію вполнѣ соответствуетъ и то дѣло, о которомъ говорится, потому что вслѣдъ за окончаніемъ corsарской войны властвованіе Римлянъ было възстановлено. А затѣмъ и vere, при этомъ переводѣ, удалено отъ того слова, съ которымъ оно соединено, и принато въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно не употребляется. Дѣйствительность, въ противоположность пустому виду, отмѣчается словами tcapte или revera, а не черезъ vere, которое истину противополагаетъ лжи и заблужденію. А именно въ этомъ смыслѣ vere легче всего соединяется со словомъ videretur, передъ которымъ оно поставлено: vere videretur imperare totius, который властвующимъ считается безъ заблужденія, равно какъ vere indicat totius, сужденіе котораго вѣрно. Мы желали бы перевести: наконецъ наше мнѣніе властвование надъ всѣми племенами и народами на суши и на морѣ обратилъ въ истину.

19, 57. obtrectatum esse—Gabinio dicamanne Pompeio—ne legatur A. Gabinius Cp. Pompeio expertenti ac postulanti переведено „укоряли—трудно сказать кого, Габинія или Помпея—за то, что Габиній по просьбѣ и желанію Помпея былъ назначенъ легатомъ“. Какъ будто отрицательное финальное предложение не доказывало, что obtrectare, которое въ добавокъ никогда не означаетъ „укорять“, здѣсь заключасть въ себѣ понятіе препятствованія! А если это такъ, то и причастія expertenti и postulanti надо принимать не въ вино-

словномъ, а въ уступительномъ смыслѣ, и прійдется перевести: борьба, сказать ли противъ Габинія или Помпея? въ отвращеніе прикомандировки Авла Габинія къ Помпею, не смотря на просьбы и требованія послѣдняго.

Ib. въ подлинникѣ сказано: *Utrum ille, qui postulat ad tantum bellum legatum quem velit idoneus non est qui impetrat, cum ceteri ad expilando socios diripiendasque provincias quos voluerant legatos eduxerint, an ipse cuius lege salus ac dignitas populo Romano atque omnibus gentibus constituta est, expers esse debet gloriae eius imperatoris etc.*; въ переводѣ: „Неужели желаніе полководца имѣть въ такую важную войну легатомъ того, кого онъ хочетъ, не можетъ быть исполнено, или неужели тотъ, предложенію которого обязаны своимъ благосостояніемъ, величіемъ и славою народъ римскій и вся націи, долженъ быть лишены славы полководца и пр.“. Здѣсь, впервыхъ, пропущены слова *cum ceteri-eduxerint*. Вторыхъ, невозможность назначенія Габинія въ подлинникѣ отрицается отверженіемъ двухъ воображаемыхъ причинъ, недостоинства Помпея и Габинія; а въ переводѣ нѣтъ и рѣчи о достоинствахъ Цимпеля. Въ третьихъ, *dignitas* значитъ не „величіе и слава“, а „достоинство“ или „честь“. Въ четвертыхъ, *postulare* содержать больше, чѣмъ желаніе, именно заявленіе желанія со ссылкою на право.

19, 58. (*intercessionem*), *de qua—isti ipsi qui minantur etiam atque etiam quid licet considerabunt* переведено „(протеста), надъ которыми—задумаются еще, опредѣляя предѣлы своей власти, тѣ самыя лица, которыхъ угрожаютъ“. Здѣсь, впервыхъ, *etiam atque etiam* не просто означаетъ „еще“, но выражаетъ повтореніе. Мы вполнѣ одобляемъ переводъ г. Помяловского „хорошенько“. Затѣмъ переводчикъ предметомъ размышленія выставляетъ самый протестъ. Цицеронъ, напротивъ, предѣлы власти дѣлаетъ предметомъ размышленія и поставляетъ это размышленіе вѣ, связъ съ протестомъ. Мы сказали бы: а касательно его тѣ же самые, которые угрожаютъ имъ, хорошенько подумаютъ о предѣлахъ поволенного.

Ib. *alter uni id bellum suscipiendum vestris suffragiis detulit, alter de latu suscepimusque confecit* переведено „первый съ вашего согласія поручилъ послѣднему начать войну, а послѣдній, получивъ порученіе, началъ ее и окончилъ“. Но вѣдь „съ вашего согласія“ есть модальное выраженіе, ничего не говорящее о средствахъ исполненія, какъ *assensu alicuius, probante, annuente aliquo*, между тѣмъ какъ *vestris suffragiis* есть *ablativus instrumentalis*. Затѣмъ „послѣднему“ вовсе не выражаетъ

unī, которое здесь не поставлено въ противоположность слову *alter*, а употреблено какъ числительное, въ противоположность множеству. Наконецъ, *suscipere* не означаетъ здѣсь „начать“, а очевидно, соотвѣтствуетъ слову *deserre*, въ смыслѣ „принять“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это „принять“, конечно, почти то же, чтѣ „начать“, какъ напримѣръ, 12, 35: *tantum bellum Cn. Pompeius extrema hieme apparavit, ineunte vere suscepit, media aestate confecit.*

20, 59. *Reliquum est, ut de Q. Catuli auctoritate et sententia descendunt esse videatur* переведено: „Мыѣ предстоитъ еще обязанность сказать о важномъ мнѣніи Квинта Катула“. Здѣсь, гдѣ оспаривается справедливость мнѣнія Катула и разказывается о неудачѣ послѣдняго, *auctoritas et sententia* не можетъ означать „важное мнѣніе“. *Auctoritas* здѣсь, какъ вѣрно замѣчаетъ г. Гофманъ, —созѣть.

Ib. *talis est vir* переведено „Помпей такого рода человѣкъ“. Что, однако, подразумѣваемое подъ *лежащее* не Помпей, а Катулъ, видно изъ того, что Катулъ въ предшествующемъ періодѣ — подлежащее главнаго предложенія, а въ слѣдующемъ на того же Катула указываетъ мѣстоименіе *eo*.

Ib. *ab eo vehementissime dissentio* переведено: „я расхожусь съ Катуломъ и расхожусь далеко“. Почему не просто: „я расхожусь далеко съ К.?“. Тамъ же *in hoc ipso* не просто означаетъ „въ томъ“, но „именно въ томъ“, какъ и замѣчаетъ г. Гофманъ.

20, 60; *duo bella maxima, Punicum atque Hispaniense* опять удобнѣе кажется перевести: „двѣ такія великия войны, какъ Пуническая и Испанская“, чѣмъ „двѣ великия войны П. и И.“

Ib. *ita volis patribusque vestris esse visum* означаетъ: „что вы и отцы ваши рѣшились“, а не „вамъ и сенату вашему угодно было“. Сенаторы могутъ называться *patres*, но съ притяжательнымъ мѣстоименіемъ не говорятъ *patres* въ этомъ смыслѣ, равно какъ и не говорятъ *vester senatus*, а просто *senatus*. Да и печего здѣсь говорить о сенатѣ: войну съ Югуртой и войну съ Кимбрами и Тевтонами поручилъ Марію народъ. А отцы не безъ основанія упоминаются, потому что между войной Марія и временемъ этой рѣчи прошло много времени.

Ib. въ текстѣ сказано: *visum, ut in uno C. Mario spes imperii poseretur, ut idem cum Cimbris — bellum administraret*, а въ переводѣ только первое придаточное предложеніе осталось придаточнымъ, второе же обращено въ главное: „онъ одинъ распоряжался“ и пр.

Ib. *recordamini* переведено: „вспомнимъ“.

Ib. въ переводѣ словъ *in ipso Cn. Pompeio* пропущено *ipso*.

Ib. *suntia Q. Catuli voluntate* означаетъ не „по настоящему желанію Квинта Катула“, но какъ вѣрно объясняетъ г. Гофманъ, „съ полнымъ согласіемъ“. Первый переводъ говорить гораздо больше, чѣмъ Цицеронъ говорить или могъ говорить, такъ какъ Катулъ вовсе не былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ сдѣланныхъ съ Помпеемъ соглашеній.

21. 65. *Quid tam nouum безъ нужды переведено:* „было ли болѣе исключительное явленіе“. Можно было бы тамъ передать болѣе словно, сказать: „какое-нибудь столь исключительное явленіе“.

Ib. въ переводѣ словъ *difficili tempore* безъ нужды вставлено „такое“.

Ib. слова *confecit, huic praeesse* пропущены.

Ib. *ducto suo* не совсѣмъ то же, что „самостоятельно“, потому что самостоятельно можетъ вести войну, напримѣръ, и легать, который не ведеть ея *ductu*, а съ другой стороны, ведущій войну *suo ductu* можетъ вести ее не самостоятельно, если слѣдуетъ совѣтать другаго. *Ductu suo* — какъ начальникъ, какъ главнокомандующій.

Ib. *peradolescenti* переведено „юношѣ“, а могло бы быть точнѣе переведено „очень молодой человѣкѣ“.

Ib. *Sicilim permitti atque Africam bellumque in ea provincia administrandum* передано: „отдать ему въ управлѣніе Сицилию и Африку и поручить войну, соединенную съ этимъ управлѣніемъ“ По этому переводу могло бы казаться, будто Помпей сдѣлалъ правителемъ, про-консуломъ или пропреторомъ означенныхъ провинцій, и въ добавокъ, поручили вести войну, тогда какъ порученіе Помпея было чисто военное. Plutarch. Pomp. 10. Ἐπὶ τούτοις Πομπέος ἀπεστάλη μετὰ πολλῆς δυνάμεως, то-есть, въ Сицилию; 11. Ταῦτα πράττων ἐν Σικελίᾳ καὶ πολιτεύμενος ἀδέξατο δόγμα συγχλήτου καὶ γράμμata Σύλλα κελεύοντα εἰς Δι-βύην πλεῖν καὶ πολεμεῖν Δοριστφ. Но латинскія слова и не требуютъ этого перевода; ибо не только нѣть никакой надобности *administrandum* относить къ *Siciliam* и *Africam*, но вставка слова *permitti* послѣ *Siciliam* отдаляетъ послѣднєе слово отъ герундива на столько, что такое отношение едва ли возможно. *Provincia* вдѣсь означаетъ не „управлѣніе“, а скорѣе „поприще“, какъ говорить Марквардтъ, Römische Staatsverwaltung, стр. 339: „Подъ *provincia* разумѣется кругъ дѣятельности, консулу или претору порученный закономъ, опредѣленіемъ сената, жребиемъ или сдѣлкою, въ предѣлахъ котораго означенныя власти имѣютъ *impunitum*“.

Ib. Слова *bellum in Africa maximum confecit* не переведены.

Ib. *Quid tam inauditum* опять передано. „Было ли более неслыханное дѣло“.

Ib. At eam quoque rem *populus Romanus non modo vidit, sed omnium etiam studio visendam et concelebrandam* putavit переведено: „а между тѣмъ народъ римскій не только дожилъ до этого события, но и почель долгомъ показать къ нему свое участіе и прославить его“. Приведенный переводъ, впервыхъ, пропускаетъ *omnium*, а вторыхъ, и недостаточно выражаетъ *visepdam*. *Visere* имѣетъ два значенія: 1) смотрѣть, то-есть, какъ говорить г. Гофманъ, „устремить свой взоръ на что-либо изъ любопытства и любознательности“ (Doe derlein Synon. IV, стр. 313. *visimus otiosi*); 2) пріѣдти куда-нибудь, поѣтить что-нибудь, съ цѣлью смотрѣть на него. Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о тріумфѣ, къ которому собирался народъ, то это слово, безъ сомнѣнія, употреблено во второмъ значеніи; следовательно, лучше перевести: „считать долгомъ съ общимъ участіемъ явиться къ нему“. Точно такъ же и *concelebrandam* относится къ празднованію тріумфа множествомъ людей, и это не обозначается словомъ „прославить“, которое скорѣе выражаетъ похвалу, но „праздновать“.

21, 62. повторяется замѣна указательного нарѣчія сравнительной степенью: *Quid tam inusitatum* переведено: „было же более необыкновенное распоряженіе“.

Ib. *duo consules clarissimi, fortissimique* „два консула, люди известные и храбрые“. Въ русскомъ переводѣ восхваляются консулы какъ люди вообще, а въ латинскомъ текстѣ, какъ консулы.

Ib. *Quo tempore* означаетъ не „по этому случаю“, а „въ то время“.

Ib., поп цето де — кто-то, потому что „кто-то“ относится къ одному лицу, а *nonnullus*, какъ *nonnullus*, къ иѣкоторому, хоть и не большому, множеству, такъ, что скорѣе соответствуетъ „иѣкоторые“ Сл. Cic. Catil. IV, 5, 10. *Video de istis, qui se populares haberent volunt, abesse non neminem* — гдѣ никакъ нельзя предполагать, что Цицеронъ говорить объ отсутствіи одного сенатора; или *pro Murena* 39, 84. *in ipsa cuncta nonnemo hostis est*.

Ib. *in eo g[ra]m[at]icae* *ben[e] gerenda spes constituebatur* не то же, что „надежды подавалъ онъ“ потому, что въ латинской фразѣ говорится объ отношеніи другихъ къ Помпею, а въ русской — о достоинствѣ его самого. Отчего не перевести буквально „возлагали на него надежду“?

Ib. ut duorum consulum munus unius adolescentis virtuti committetur не точно переведено: „что должность двухъ консуловъ ввѣрена была одному храброму юношѣ“. Должность двухъ консуловъ ввѣряется тому, который избирается въ консулы *sine collega*, а здѣсь рѣчь идетъ о томъ, чѣмъ слѣдовало бы заниматься обоимъ консуламъ. *Munus*, слѣдовательно, здѣсь=задача.

Ib. tam singulare переведено: „болѣе необыкновенное явленіе“.

Ib. quam illum alium magistratum означаетъ не „чѣмъ занять какую-нибудь государственную должность, но „чѣмъ занять какую-нибудь другую государственную должность“.

Ib. Quae in omnibus hominibus, nova post hominum memoriam constituta sunt переведено: „Всѣ исключенія, сдѣланныя въ пользу всѣхъ людей во всѣ времена“; но какъ *in* обозначаетъ только отношеніе само по себѣ, безъ указанія на пользу или вредъ, такъ и *post hominum memoriam* можно передать дословно „на память или за память людей“.

21, 63. Q. Catuli atque ceterorum eiusdem dignitatis amplissimorum hominum переведено: „Квінта Катула и другихъ извѣстныхъ людей той же партіи“, а подъ текстомъ, въ оправданіе этого перевода, сдѣлано примѣчаніе: „Здѣсь противополагается Катуль и подобные люди плебесу и демократамъ, поэтому *dignitas* мы переводимъ словомъ партія“. Однако *dignitas* никогда не означаетъ „партія“, но „достоинство, честь, санъ“. Послѣднее слово „санъ“ здѣсь лучше, такъ-какъ обозначаются члены сената, занявшия высшія должности. И *amplissimorum* не означаетъ „извѣстныхъ“. Это скорѣе *clarissimorum*. См. выше.

22, 63. videant ne sit periniquum переведено: „имъ слѣдуетъ осторожться, потому что будетъ весьма обидно“, то-есть, вместо переходящаго латинскаго глагола употребленъ русскій возвратный, абсолютный, не нуждающійся въ дополненіи, а латинское дополненіе обращено въ винословное выражение. Но это не одно и то же. Латинская фраза увѣщиваетъ избѣгать той несправедливости, о которой вслѣдъ затѣмъ говорится, русская же указываетъ на причину требуемой осторожности, не указывая однако, чего надо избѣгать. Мы, съ своей стороны, вполнѣ одобляемъ переводъ г. Гофмана: „слѣдуетъ имъ подумать (или: пусть они подумаютъ), не будетъ ли и пр.

Ib. *vestrum ab illis de eodem homine iudicium populique Romani auctoritatem improbari* переведено: „если они не подтвердят решения вашего касательно Помпея, другими словами, определение народа римского“. Но *iudicium* не значитъ „решеніе“, *improbare* не „не подтвердить“, *auctoritas* не „определение“, потому и че не следовало бы переводить: „другими словами“. Только въ юридической сфере *iudicium* можетъ означать „решеніе“; решеніе народа въ собраниі называются *lex*, *plebiscitum*, *populi scitum*, хотя посѣднее слово не встречается до Тацита (Ann. III, 53), по крайней мѣрѣ относительно римского народа. По отношению къ народу, въ юридической сфере, *iudicium* ничто иное, какъ сужденіе, мнѣніе. Изъ сказанного видно, что *improbare iudicium* не означаетъ „не подтвердить решеніе“, но также не означаетъ „не подтвердить мнѣніе“. Подтверждается мнѣніе тѣмъ, что ему придаетъ твердость, то-есть, доказательствомъ, свидѣтельствомъ. А здѣсь рѣчь идетъ просто о согласіи въ мнѣніи. *Improbare*, слѣдовательно=не одобрять, не соглашаться. Впрочемъ, даже если бы *iudicium* можно было принять въ смыслѣ решенія, то *improbare* не могло бы быть принято въ значеніи „не подтвердить“, потому что решеніе народа никогда не подтверждалось сенатомъ, хотя и вносились предложения обыкновенно ex auctoritate senatus. Но и *auctoritas populi Romani* не означаетъ „определение народа“; оно==желаніе. А если это такъ, то разумѣется, и че нельзя переводить: „другими словами“.

Ib. *de Cn. Pompei dignitate* переведено: „касательно Помпея“. Принимая *dignitas* какъ собирательное понятие, можно бы сказать: „касательно почестей Помпея“.

Ib. *iisdem istis reclamantibus* не достаточно выражено черезъ: „на протестъ ихъ“. Мы сказали бы: „не смотря на протестъ этихъ самыхъ господъ“. Кажется, прибавленіе слова „господа“ придаетъ мѣстоположенію тотъ же самый не то враждебный, не то презрительный оттенокъ, который свойственъ слову *iste*.

22, 64. *recte isti studia vestra suis consiliis regere conantur* переведено: „то ихъ желаніе своими совѣтами направлять ко благу ваши стремленія вполнѣ основательно“. Обращеніе глагола *conantur* въ существительное очень удачно: только желаніе заключаетъ въ себѣ меньше, чѣмъ *conatus*. Говорится не только о внутреннемъ желаніи, но и о дѣйствіяхъ

съ цѣлью исполнить желаніе. Мы сказали бы: „покушеніе“ Равнымъ образомъ, „направлять ко благу“—болѣе опредѣленное попытіе, чѣмъ тегерс, которое не содержитъ въ себѣ никакого сужденія о цѣли направлениія. Удобище, кажется, было бы сказать „руководить“.

Ib. *dignitatem huic imperio attulisti* не вполнѣ соответствуетъ переводу: „умѣли возвысить значеніе этой имперіи“, потому что „значеніе“ указываетъ на силу и влияніе, а *dignitas*, напротивъ, на вну-
щаемое силою уваженіе. Мы перевели бы „честь“. Сл. Cic. de inv. 2, 55: *Dignitas est alicuius honesta et cultu et honore et verecundia digna auctoritas.*

Ib. *Deinde etiam si* переведено „хотя“. Но, кромѣ пропуска слова *deinde*, „хотя“ вовсе не одинаково съ *etiam si*. Послѣднее, какъ по руски „даже если“ вводитъ условіе, первое вводить фактъ, хотя и то и другое отрицаетъ препятствіе тому, что говорится пѣглапомъ пред-
ложеній.

Ib. *qui sunt pudore ac temperantia moderatiōes* переведено: „есть такие, которымъ знакомы стыдъ и умѣнье обуздывать себя“. А это было бы: *in quibus est pudor ac temperantia*. Мы перевели бы: „кото-
рые, благодаря стыду и воздержности, умеютъ себя болыше обузды-
вать“. Такъ и у г. Гофмана замѣчено: „moderatiōes болѣе обуздываютъ себя“.

22, 65. *quod enim fanum putatis in illis terris nostris magistratibus religiosum, quam civitatem sanctam, quam domum satis clausam ac munitam fuisse?* Въ переводѣ сказано: „Ибо для нашихъ властей не было въ тѣхъ земляхъ храма, который бы они считали неприкосновен-
нымъ, не было государства, котораго бы права они призывали свя-
щенными, не было дома, куда бы доступъ казался имъ загражденнымъ“. Впервыхъ, кажется, и по русски можно было бы употребить эпифонемъ. Ввторыхъ, вѣрно замѣчаніе г. Гофмана: Храмъ называется священнымъ, такъ какъ его уважаютъ съ благоговѣиемъ, а государство неприкосно-
веннымъ, такъ какъ его законъ нельзя нарушать. Значить, наоборотъ,
скорѣе *religiosus*=священный, а *sancius*=неприкосновенный. Съ этимъ,
кажется, согласенъ и Дедерлейнъ (Synop. III, 198), говоря, что *sancium*
есть то, что находится подъ покровительствомъ боговъ и тѣмъ пре-
дохранено отъ оскверненія.

Ib. urbes iam locupletes et copiosae requiruntur переведено „Они нарочно выискиваютъ богатые и многолюдные города“. Попытіе „нарочно“ дѣйствительно заключается въ requiruntur, но можно было бы и іаш передать черезъ „уже“. Кромеъ того, и copiosus не = много-людный. Это celeber или frequens, какъ видно изъ Cic. Partit. Or. 10, fin. In locis illa fortuita, culti an inculti, celebres an deserti; ad Herenn. II, 4, 7. Locus quaeritur celebris an desertus; de divin. I, 28, 59. frequentissimo theatro; pro Planc. 8, 21. Huius praefectura plena virorum fortissimorum, sic ut nulla tota Italia frequentior dici possit. Quam quidem nunc multitudinem videtis. — Copiosus, какъ говоритъ г. Гофманъ, состоятельный (против. inops), у котораго есть достаточный запасъ (copia) имущества.

23, 66 въ текстѣ сказано se—manus, oculos, animum cohibere, а въ переводѣ se пропущено. Пропущены тамъ же слова: ac liberis.

Ib. non erit idoneus, qui ad bellum mittatur переведено: „не слѣдуетъ посыпать его распоряжаться войскою“. Idoneum esse не точно выражено; оно не означаетъ ничего иного, какъ „быть способнымъ, годиться“.

23, 67. civitatem, quae locuples sit передано: „государство, которое славилось богатствомъ“, между тѣмъ какъ, безъ сомнѣнія, говорится не только о богатствѣ прошедшаго, но и настоащаго времени.

Ib. rei militaris gloriam слѣдовало бы перевести не просто „славу“, но „военную славу“

Ib. qua cupiditate переведено: „съ какою радостью“, вместо того, чтобы сказать „съ какою алчностью или жадностью“

Ib. quibus iacturis et quibus condicionibus переведено: „съ какими издержками и съ какими обязательствами“. Дѣло идетъ о деньгахъ, истраченныхъ на покупы для достижения доходныхъ провинцій и обѣ обѣщаніяхъ другихъ денегъ на случай достижения управления такими провинціями. Поэтому мы предпочли бы „съ какими потерпевшими и сдѣлками“.

Ib. Quasi vero non videamus переведено „точно также, какъ мы не видимъ“. Вѣрѣте: „какъ будто мы не видимъ“.

23, 68. vir bellorum omnium maximaq[ue] g[ra]uia peritissimus переведено: „искусный и опытный полководецъ. Но, не говори о томъ, что у г[о]сподина не=полководецъ, и что такія нарицательныя приложения соб-

ственныхъ именъ (P. Servilius) обыкновенно передаются по русски или опредѣленіемъ собственного имени, или известнымъ оборотомъ „такой—какъ“, —ни *bellarum omnium*, ни *maximorum regum* не излиши. Поэтому мы сказали бы: „такой опытный во всѣхъ войнахъ и въ важнѣйшихъ дѣлахъ мужъ, какъ и пр.

Ib. *in quo omnes pro amplissimis vestris honoribus sumptum consilium, summam gravitatem esse cognovistis* переведено: „въ которомъ вы, осыпавъ его богатыми почестями, единогласно признали великій государственный умъ и огромную основательность“. Намъ кажется удовлетворительнее переводъ г. Гофмана: „Судя по вашему порученію высочайшихъ почетныхъ мѣстъ“. Въ *consilium* мы не можемъ найти „государственный умъ“, но только „благородуміе“, а при „основательности“ можно думать о значеніи и изслѣдованіи, вслѣдствіе чего мы предпочли бы „серьезность“

Ib. *Qua ergo videate, ut horum auctoritatibus illorum orationi, qui dissentunt, respondere posse videamur.* Этими словами Цицеронъ увѣщаетъ народъ избѣгать вида, будто на ихъ сторонѣ меньше авторитетовъ и менѣе важные авторитеты, чѣмъ на противоположной сторонѣ. Эта мысль не достаточно выражена, когда сказано: «Поэтому позаботьтесь о томъ, чтобы нашимъ авторитетомъ мы могли стоять не ниже противниковъ, говорившихъ рѣчи». Впервыхъ, „нашииъ авторитетомъ“ можетъ быть отнесено къ самому Цицерону, между тѣмъ какъ здѣсь важно число авторитетовъ. Во вторыхъ, единственное число *orationi* показываетъ, что имѣются въ виду не только сказанныя уже рѣчи, но вообще все, что противники, или сказали, или еще будутъ говорить, все равно, въ настоящихъ ли рѣчахъ или въ обыденныхъ разговорахъ. Но вообще дословный переводъ, кажется, неизбѣжно пострадалъ бы отъ нѣкоторой неясности, которой можно избѣжать, переводя такъ: „Смотрите, слѣдовательно, чтобы не казалось, будто мы не въ состояніи авторитеты этихъ людей противопоставить рѣчамъ несогласныхъ съ нами“.

24,69. *quid est quod aut de re aut de perficiendi facultate dubitamus?* переведено: „что можетъ привести насъ въ сомнѣніе на счетъ образа нашихъ дѣйствій и важности ихъ исполненія?“ „Образъ дѣйствій“ не только скорѣе описание чѣмъ переводъ, но и какъ описание не совсѣмъ годится, потому что множественное число „дѣйствій“ не согласно съ тѣмъ однимъ дѣйствіемъ, о которомъ говорится, то-есть, о выборѣ Помпея въ полководцы. Точно такъ и *facultas* никакъ не значитъ „важность“, но возможность. Мы желали бы

переисстї: „Отчего намъ усомниться или въ самомъ дѣлѣ (пожалуй, также: въ томъ, что надо сдѣлать) или въ возможности исполненія его“.

Ib. quidquid est in me studii означаетъ не „все свое знаніе“, но „усердіе“.

Ib. quidquid auctoritate, fide, constantia possum переведено „все влияніе, которое я приобрѣлъ своимъ именемъ, твердостью въ словѣ, постоянствомъ убѣжденій“. Тутъ творительные приняты за причинные; а какъ при valere, такъ и при posse, творительный имѣть инструментальное значеніе. Если это такъ, то и сама существительная придется принять въ другомъ смыслѣ. Мы предлагаемъ такой переводъ: „всю силу своего авторитета, честности и послѣдовательности“.

24,70. te hoc facere слѣдовало бы перевodить не „что я сдѣлалъ это“, но „что я это дѣлаю“.

Ib. neque ex hoc loco только объяснено, а не переведено: „руками къ народу“.

Ib. sedem illa nostra laboriosissima ratione vitas переведено: „нашую жизнію, полною трудовъ и опасностей“. Значить, пропущены слова: eadem illa, то-есть, „извѣстной преждею“, а прибавлено: „опасностей“, на которыхъ въ словѣ laboriosissima нѣтъ намека.

Р. Фокъ.

П О П Р А В К А.

Въ август. кн. Ж. М. И. Пр. въ отдѣлѣ клас. фил. на стр. 72 строк. 12 сверху послѣ словъ: „На нашемъ мѣстѣ, конечно, не нужно предполагать дѣйствительного превращенія“—пропущены слова: „но есть мѣста, которыя едва возможно объяснить, не допуская превращенія богоv въ животныхъ“.

попъ и параллелей и числовыхъ ихъ обозначеній) въ разныхъ масштабахъ, сообразно важности изображаемой страны, и съ тѣмъ, чтобы помѣщалось только то, что необходимо знать ученику. Ученики должны дома упражняться въ черченіи картъ настолько, чтобы могли начертить каждую изъ нихъ на память на классной доскѣ съ указанными ея подробностями и надлежащими объясненіями. Ученики въ классѣ должны указывать требуемыя мѣста и на классныхъ картахъ. Сниманіе копій съ печатныхъ картъ запрещается; равнымъ образомъ тщательная отдача и раскрашиваніе чертежей не должны быть ни требуемы, ни прилагаемы въ разочтъ при оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ по географіи, но могутъ быть отличаемы похвалой.

Ноотьшии иностранныи языки имѣютъ въ общемъ составѣ гимназического курса значеніе второстепенное. Содѣствую, безъ сомнѣнія, на ряду съ другими учебными предметами, умственному развитію учащихся, они, однако, главнѣйшимъ образомъ должны служить средствомъ къ приобрѣтенію учениками такихъ познаній, которыя, составляя принадлежность общаго образования, вмѣстѣ съ тѣмъ открываютъ возможность пользоваться учеными и литературными произведеніями Запада. Поэтому, отъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ, преимущественно требуется полное пониманіе историческихъ сочиненій и умѣніе переводить, безъ грубыхъ ошибокъ, легкія статьи историческаго и вообще повѣстовательнаго содержанія. Нѣмецкій языкъ. Во II классѣ—главные правила о произношеніи буквъ и ихъ сочетаній, упражненія въ чтеніи и письмѣ; понятіе о членѣ и склоненіе членовъ; имена существительныя (главнѣйшіе признаки, по коимъ отличается родъ ихъ и правильныя склоненія); прилагательныя, какъ сказуемыя и какъ опредѣленія; числительныя, количественныя и порядковыя; мѣстоименія личныя, притяжательныя и указательныя; спряженіе глаголовъ вспомогательныхъ и простыхъ правильныхъ, среднаго и дѣйствительнаго залоговъ, съ неизмѣняющеюся и измѣняющейся гласной, въ оборотѣ утвердительномъ; изъ синтаксиса: части предложеній—главные и второстепенные, раздѣленіе предложенийъ по ихъ составу—на простыя, распространяныя и сложныя. Въ III классѣ—отступления и исключенія въ склоненіяхъ именъ существительныхъ, степени сравненія, нарѣчія съ пятью степенями сравненія, мѣстоименія относительныя, вопросительныя и неопределѣленныя, спряженіе глаголовъ, выученныхъ во II классѣ, въ оборотахъ вопросительномъ, отрицательномъ и вопросительно-отрицательномъ, а также глаголовъ страдательныхъ во всѣхъ оборотахъ, равно какъ и употребительнѣйшихъ неправильныхъ глаголовъ; раздѣленіе предложенийъ по ихъ значенію—на главныя, придаточныя и вводныя, чѣмъкоторыя основныя и болѣе легкія синтаксическая правила. Въ IV классѣ—спряженіе глаголовъ возвратныхъ и безличныхъ, а также сложныхъ, всѣхъ залоговъ, съ отдѣляемыми ча-

стицами, во всѣхъ оборотахъ рѣчи; таблица производства временъ и наклоненій, полное спраженіе неправильныхъ глаголовъ; раздѣленіе предложенийъ по способу постановки и выраженія въ нихъ членовъ—на прямыя и обращенные, полныя и сокращенные, употребленіе членовъ, употребленіе падежей и управление предлоговъ падежами, согласование словъ и размѣщеніе ихъ. Въ V классѣ—употребленіе временъ и наклоненій, свойства причастій, управление глаголовъ. Въ VI классѣ—окончаніе синтаксиса: управление союзовъ, порядокъ словъ въ разныхъ видахъ предложенийъ, строеніе нѣмецкихъ періодовъ. Въ VII и VIII классахъ—систематическое повтореніе этимологіи и синтаксиса. Во всѣхъ классахъ совмѣстно съ теоріею идутъ практическія упражненія въ переводахъ, устныхъ и письменныхъ, отъ отдѣльныхъ фразъ до болѣе трудныхъ статей, какъ исторического содержанія, такъ и описательного, въ прозѣ и стихахъ, изъ христоматіи и изъ отдѣльныхъ изданій авторовъ, съ постоянными соответственными объясненіями и присоединеніемъ историко-литературныхъ объясненій. Французскій языкъ. Во II классѣ—главные правила о произношеніи буквъ и ихъ сочетаній, упражненія въ чтеніи и письмѣ; понятіе о членѣ, измѣненіе членовъ по родамъ и числамъ, замѣна падежей предлогами, слитіе члена опредѣленного съ предлогами de и à и опущеніе гласныхъ буквъ, имена существительныя—правильное образованіе множественного числа, имена прилагательныя—правильное образованіе женского рода и множественного числа, количественные и порядковыя числительныя, личныя, притяжательныя и указательныя мѣстоименія, спраженіе глаголовъ вспомогательныхъ и правильныхъ, средняго и дѣйствительнаго залоговъ, въ оборотѣ утвердительномъ; части предложенийъ—главныя и второстепенныя, раздѣленіе предложенийъ по ихъ составу—на простыя, распространеныя и сложныя. Въ III классѣ—членъ раздѣлительный, отступленія отъ правильного образованія множественного числа въ именахъ существительныхъ, отступленія отъ правильного образованія женского рода и множественного числа въ именахъ прилагательныхъ; все остальное какъ и по нѣмецкому языку въ III классѣ. Въ IV классѣ—спраженіе глаголовъ возвратныхъ и безличныхъ во всѣхъ оборотахъ рѣчи и т. д., какъ и по нѣмецкому языку (только вместо употребленія падежей и т. п.—передача падежей посредствомъ предлоговъ). Въ V классѣ—употребленіе временъ и наклоненій, употребленіе причастій и преимущественно согласование причастія прошедшаго въ разныхъ залогахъ, управление глаголовъ. Въ VI классѣ—управление союзовъ, особенности частицы ne при глаголахъ, усиленіе членовъ предложения, строеніе французскихъ періодовъ. Въ VII и VIII классахъ—систематическое повтореніе этимологіи и синтаксиса.

Дидактическія указанія суть слѣдующія: 1) при передачѣ учени-

камъ теоретическихъ свѣдѣній не нужно вообще вдаваться въ разныя грамматическія опредѣленія, которыхъ должны быть извѣстны учениникамъ изъ преподаванія русскаго и латинскаго языковъ; 2) слѣдуетъ указать на заимствованія изъ латинскаго языка словъ и формъ и на правила, и обороты новыхъ языковъ, которые совпадаютъ съ правилами и оборотами латинскаго языка; 3) при объясненіи синонимовъ и переводѣ галлицизмовъ и германизмовъ, нужно стараться каждый разъ подыскать наиболѣе подходящія къ нимъ выраженія на русскомъ языкѣ; 4) при переводахъ слѣдуетъ сначала передать текстъ только съ соблюденіемъ наиболѣйшей точности и близости къ подлиннику, а потомъ уже придать переводу падлежащую правильность и чистоту; 5) еслибы въ тѣ или другие годы, въ той или другой гимназіи, при особенно счастливомъ составѣ учениковъ, представилась возможность довести ихъ до большихъ успѣховъ, какъ-то: до чтенія избранныхъ впизодовъ изъ труднѣйшихъ поэтическихъ произведеній (например, изъ Моптескѣ, Корнеля и Расина, изъ Лессинга, Гете и Шиллера), а также до опытовъ въ легкихъ сочиненіяхъ, то такое возвышение уровня эланій учениковъ желательно, и 6) еслибы въ какомъ-нибудь классѣ какая-нибудь группа учениковъ, вслѣдствіе предварительного домашняго приготовленія, оказалась имѣющею болѣшія свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, какія положено сообщать въ томъ классѣ, то искусству и педагогической опытности преподавателямъ рекомендуется отдавать такихъ учениковъ отъ прочихъ и вести ихъ далѣе по пути усвоенія ими изучаемаго языка.

Программа преподаванія *рисованія и черченія*, выработанная осо-
бою при Императорской академіи художествъ комиссию¹⁾ и реко-
мендуемая министерствомъ народнаго просвѣщенія преподавателямъ
рисованія, стремится главнымъ образомъ къ тому, чтобы пріучить
глазъ ученика къ измѣренію и пониманію видимой формы, сосредо-
точить вниманіе на развитіи въ немъ понятій о предметѣ, о главныхъ
типическихъ его очертаніяхъ и о законахъ, отъ которыхъ эти оче-
ртанія зависятъ. Нормою же учебнаго гимназическаго курса черченія
и рисованія можно, по той же программѣ, считать изображеніе про-
волочныхъ линій, угловъ, геометрическихъ фигуръ и тѣлъ, затѣмъ
рисованіе съ геометрическихъ фигуръ, сдѣланныхъ изъ картона или
дерева, и съ гипсовыхъ орнаментовъ, при чѣмъ дается понятіе объ
ордеражъ архитектуры, и, паконецъ, изученіе частей и маски головы,
цѣлой головы съ ея анатоміей, пейзажа и перспективы.

Съ цѣлію поощренія учителей и учениковъ, академія художествъ
въ 1870 г. вы требовала изъ всѣхъ учебныхъ округовъ лучшіе рисунки
гимназистовъ, для присужденія поощрительныхъ наградъ, а равно и

¹⁾ Ж. М. Н. Пр., CLXIII, 1, 68—79.

для обсужденія вопроса о методѣ преподаванія рисованія въ гимназіяхъ. Медали и похвальные листы за представленные рисунки были розданы въ 1874 г. и имена награжденныхъ опубликованы¹⁾.

На гимнастику въ послѣднее время обращено болѣе вниманія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ Петербургѣ возникло (подъ предсѣдательствомъ статѣс-секретаря Грота) общество образованія учителей гимнастики. Однако, до сихъ поръ мнѣнія о наилучшей системѣ преподаванія этого искусства кажется еще не вполнѣ выясненными, ибо шведская система все еще преобладаетъ. Въ некоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ столицы введена маршировка, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ привести пользы гимнастическимъ упражненіямъ и мало содѣйствуетъ военной подготовкѣ.

6. *Распределеніе предметовъ ученика между преподавателями.* Каждый преподаватель, по представлению директора гимназіи, основанному на опредѣленіи педагогического совѣта, можетъ, съ разрѣшеніемъ попечителя округа, давать уроки и по нѣсколькимъ различнымъ предметамъ, если имѣть право на ихъ преподаваніе (§ 56). Этотъ порядокъ былъ установленъ по тому соображенію, что для преподаванія большей части предметовъ гимназического курса, по крайней мѣрѣ въ низшихъ классахъ, вовсе нѣтъ надобности въ специалистахъ. Кроме того этимъ путемъ вносится большее единство въ преподаваніе различныхъ предметовъ, такъ что изученіе одного изъ нихъ можетъ въ значительной степени содѣйствовать и облегчать изученіе другихъ, выѣстъ съ тѣмъ устраниются излишнія повторенія и, что еще важнѣе, разюгласія и противорѣчія (например, въ опредѣленіи грамматическихъ терминовъ учителями различныхъ языковъ), а сверхъ того и вредныя послѣдствія, проистекающія отъ неимѣнія преподавателей для тѣхъ или другихъ предметовъ. Наконецъ, осуществленіе этой мѣры должно оживить преподаваніе вслѣдствіе разнообразія дѣятельности преподавателей. Въ заграничныхъ гимназіяхъ рѣдкѣ изъ преподавателей преподаётъ какой-либо одинъ предметъ, большую же частію они имѣютъ по два и даже по три предмета въ одномъ, или же въ нѣсколькихъ классахъ, и такимъ образомъ тамъ могутъ обходиться меньшимъ числомъ преподавателей, но уже исключительно принадлежащихъ одному учебному заведенію. Съ другой стороны, нерѣдко можетъ оказаться у насъ необходимость и въ раздѣленіи предметовъ преподаванія, ибо часто оказывается, что учителя географіи плохо знаютъ исторію и наоборотъ, или же учителя рисованія плохо сами пишутъ и плохо преподаютъ чистописаніе и наоборотъ. Вообще въ этомъ отношеніи полезно предоставлять возможно-большій просторъ мѣстному учебному начальству, то-есть педагогическому совѣту, съ утвержденіемъ попечи-

¹⁾ № CLXXXI, 1, 90—135.

теля округа. Младшимъ учителямъ слѣдуетъ поручать въ началь меныше число уроковъ (приблизительно отъ 12-ти до 18-ти), болѣе же опытнымъ большее число, до 24-хъ. Преподаваніе одного предмета не можетъ быть раздѣлено въ одномъ и томъ же классѣ между нѣсколькими преподавателями, напримѣръ, грамматика и чтеніе классиковъ, за исключеніемъ того случая, когда директоръ или инспекторъ изыѣлятъ желаніе взять на себя нѣсколько уроковъ, чтобы подробнѣе ознакомиться съ преподаваніемъ, равно какъ съ успѣхами учениковъ. Если учителю поручается преподаваніе предмета, которому онъ прежде не обучалъ, то это сперва дѣлается только въ видѣ опыта.

Если указаніемъ порядкомъ была вытѣснена досадѣ существовавшая система распределенія предметовъ преподаванія между специалистами, то, съ другой стороны, преподавательной дѣятельности поставлена другая, высшая цѣль, чѣмъ это было прежде. Цѣль эта выскажана въ циркулярѣ министра 19-го іюня 1871 года, въ пункѣ 4-мъ которого говорится: *воспитаніе и преподаваніе суть дѣлъ задачи, въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ нераздѣльныя*. Цѣль этихъ учебныхъ заведеній состоить не только въ сообщеніи вѣренному имъ молодому поколѣнію свѣдѣній, нужныхъ для позднѣйшихъ занятій науками, или въ жизни, но и въ нравственномъ воспитаніи своихъ учениковъ, чтобы изъ нихъ выходили люди, уважающіе религию, добрый обычай и законъ, вѣрные слуги своего государя и отечества. Каждый преподаватель долженъ имѣть въ виду эту двоякую цѣль гимназического ученья и ясно понимать, что его обязанность не ограничивается однимъ формальнымъ обученіемъ дѣтей, но распространяется на все ихъ нравственное и умственное развитіе. Учителя—не простые даватели уроковъ, ихъ обязанности не могутъ ограничиться преподаваніемъ и наружнымъ поддержаніемъ порядка во время урока. Такое ограниченіе круга учительской дѣятельности ведетъ къ ослабленію нравственного влиянія училища на учениковъ, ибо слабость авторитета учителей не можетъ быть возмѣщена усиленіемъ авторитета директоровъ или инспекторовъ, который, при невозможности для начальствующихъ лицъ входить въ личныя сношенія со всѣми учениками, былъ бы весь употребленъ на поддержаніе, въ свою очередь, лишь формальной дисциплины, что совершенно недостаточно. Прежде учителя занимались только преподаваніемъ, директоры и инспекторы только школьнью дисциплиной, и тѣ и другіе формально. „Директоръ былъ болѣе администраторомъ и наблюдателемъ за чужими дѣлами“, что до сихъ поръ составляло одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ нашихъ гимназій. „незжели участникомъ въ онихъ, и такимъ образомъ онъ не всегда вносилъ единство въ дѣятельность учебно-воспитательной коллегіи“. Недостатокъ этотъ въ настоящее время устраненъ тѣмъ, что: а) директоръ и инспекторъ обязаны быть вмѣстѣ съ тѣмъ и преподавателями

въ своемъ учебномъ заведеніи (§§ 44 и 48). Это было допущено уставомъ 1864 г. (примѣчаніе къ § 10 и §§ 18, 22, 33 и 96), какъ бы въ видѣ исключенія изъ правила; нынѣ же это исключение вовведено въ правило, безусловно обязательное для инспектора; относительно же директора оно приводится въ исполненіе постепенно, по усмотрѣнію министра. Число даваемыхъ этими лицами уроковъ не должно быть болѣе 12-ти въ недѣлю, „дабы директоръ и инспекторъ не были чрезмѣрно отвлекаемы отъ исполненія другихъ своихъ обязанностей“; число уроковъ, поручаемыхъ директору, опредѣляется попечителемъ учебного округа, въ отношеніи къ инспектору это право предоставляется директору, по предварительномъ обсужденіи сего вопроса въ педагогическомъ совѣтѣ (дабы назначеніе уроковъ инспектору произошло по возможности безошибочно для учителей) съ окончательного утвержденія попечителя, который наблюдаетъ, чтобы въ этомъ случаѣ интересы учителей и желанія инспекторовъ были по возможности приведены въ согласіе съ интересами заведеній. Только въ случаѣ невозможности тотчасъ замѣстить открывшуюся вакансію учителя древнихъ языковъ, директору или инспектору можетъ быть поручаемо временно и болѣе 12 уроковъ (отчетъ 30 сентября 1872 г.). Директоръ и инспекторъ получаютъ за свои уроки особое вознагражденіе. Такой порядокъ вещей принять неизвѣстъ въ Германіи, Англіи и другихъ странахъ. Пресмыкства его, по мнѣнію министерства, заключаются въ слѣдующемъ: имъ устраивается возможность назначенія въ должностіи директора или инспектора лицъ, не принадлежащихъ къ педагогическому сословію; въ случаѣ же назначенія въ эти должностіи преподавателей въ награду за ихъ усердную и полезную дѣятельность, эти лица не утрачиваются, какъ было доселѣ, для собственно учебнаго дѣла, чтѣ, при нашемъ недостаткѣ въ хорошихъ учителяхъ, имѣть особенную важность. Кромѣ того, возвышается значеніе преподавательской дѣятельности въ глазахъ какъ учениковъ, такъ и самаго общества; директору и инспектору дается возможность вѣрнѣе судить о способностяхъ и прилежаніи учениковъ тѣхъ классовъ, въ коихъ они сами преподаютъ, а равно и о результатахъ, достигнутыхъ преподавателями тѣхъ же предметовъ въ предшествовавшихъ классахъ, и достигаемыхъ по тѣмъ же или по другимъ ближайшимъ предметамъ въ томъ же классѣ, и праственное ихъ влияніе на учениковъ усиливается. Наконецъ, трудясь сами на одномъ поприщѣ съ прочими преподавателями, директоръ и инспекторъ будутъ состоять съ ними въ болѣе близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ, а вслѣдствіе того будутъ болѣе въ состояніи руководить ихъ, особенно же младшихъ изъ нихъ, своими указаніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и болѣе единства въ дѣятельностяхъ педагогического совѣта. б) Съ другой стороны, вводится система классныхъ наставниковъ. Полагается ихъ по одному на каж-

дый классъ. Директоръ и инспекторъ также состоять классными наставниками: первый въ избранномъ имъ самимъ для сего класса, второй—въ классѣ, указанномъ ему директоромъ. Изъ числа же преподавателей классными наставниками назначаются такие, которые имѣютъ въ классѣ наибольшее число уроковъ и въ томъ случаѣ, конечно, если директоръ признаетъ ихъ къ тому способными. Обязанности классныхъ наставниковъ тѣ же, какъ ординаріусовъ при нѣмецкихъ гимназіяхъ. Уставъ въ общихъ чертахъ опредѣляетъ эти обязанности такимъ образомъ (§ 62): классные наставники считаются ближайшими помощниками директора и инспектора въ наблюденіи за успѣхами и прописнѣстїю учениковъ ввѣренныхъ каждому изъ нихъ классовъ. Въ министерскомъ предложеніи попечителямъ обязанности эти опредѣляются ближе: классный наставникъ, сказапо въ немъ, обязалъ внимательно слѣдить за развитиемъ каждого ученика и въ точности знать его способности, прилежаніе, успѣхи и склонности. Слѣдя за своими воспитанниками, онъ не преминеть пользоваться каждымъ случаемъ для возвужденія и развитія въ нихъ чувствъ правды, чести, уваженія къ закону и его исполнителямъ, привязанности къ своему государю и отечеству, а также и въ особенности для укрѣпленія въ нихъ чувства религіознаго. Для вѣрнѣйшаго достижениѧ цѣли, онъ долженъ, по возможности, входить въ ближайшія сношенія съ родителями и родственниками своихъ учениковъ въ тѣхъ видахъ, чтобы установить связь и согласіе между вліяніями на нихъ школы и семьи и ближе узнать, на сколько внѣшкольная обстановка учениковъ соответствуетъ нравственно-воспитательнымъ цѣлямъ школы. Всѣ другія лица учебно-воспитательной коллегіи обязаны сообщать классному наставнику все ими замѣченное относительно учениковъ его класса какъ въ учебномъ заведеніи, такъ и внѣ оного. Классный наставникъ долженъ пользоваться полнымъ довѣріемъ и любовью своихъ учениковъ, такъ чтобы они во всемъ, что подлежитъ вѣдѣнію учебнаго заведенія, прежде всего обращались къ нему за сорѣтомъ и наставленіями; но при этомъ онъ долженъ твердо помнить, что такое довѣріе, любовь и уваженіе могутъ быть приобрѣтены имъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ постоянно руководствоваться непрітворшими желаніемъ приносить ученикамъ истинную пользу, не щадя своихъ трудовъ, и что дѣти любить наставниковъ строгихъ и твердыхъ, но доброжелательныхъ и справедливыхъ. Жалобы учениковъ на другихъ учителей ни коимъ образомъ не должны быть принимаемы класснымъ наставникомъ и могутъ быть приносимы только начальнику заведенія. Въ учебномъ отношеніи, классный наставникъ слѣдить за исправнымъ посыщеніемъ уроковъ ученикамъ, наблюдать, чтобы они имѣли необходимыя учебныя книги и пособія, а также всѣ нужныя имъ тетради; осматривать, какъ онѣ ведутся или сохраняются и, по мень-

шай мѣръ, ежемѣсячно прѣвѣряетъ тетради учениковъ, частію чтобы ближе ознакомиться съ учениками, а частію и для того, чтобы имѣть возможность судить, не были ли письменныя работы слишкомъ для нихъ обременительны. Классный наставникъ обязанъ, кромѣ того, заботиться, чтобы уроки и письменные задачи были равномѣрно распределены и чтобы вообще преподаваніе одного предмета не стѣсняло преподаванія другихъ: возможно лучшее выполненіе этой обязанности существенно важно для успѣшности самого ученія, для сбереженія силъ и здоровья учениковъ, а также для поддержанія бодрости духа и надлежащаго нравственного настроенія. Классному наставнику необходимо знать и имѣть въ виду, что задано каждымъ изъ преподавателей на какой день и особенно какія письменные работы предстоятъ ученикамъ его класса. Онъ долженъ сообщать объ этомъ другимъ учителямъ и содѣйствовать соглашенію ихъ между собою какъ частныхъ образомъ, такъ и въ особо созываемыхъ съ этой цѣлію комиссіяхъ учителей одного и того же класса, въ каковыхъ комиссіяхъ могъ бы быть предварительно устанавливаемъ и весь ходъ ученія въ классѣ на каждый предстоящій мѣсяцъ. Въ случаѣ безуспѣшности частныхъ своихъ сношеній съ товарищами и такихъ совѣщаній въ комиссіи, классный наставникъ обязанъ непремѣнно возникшее разногласіе на разсмотрѣніе начальника заведенія. Особенно въ двухъ низшихъ классахъ, а отчасти и въ третьемъ, классному наставнику слѣдуетъ обращать вниманіе на то, чтобы все ученые главнѣйшимъ образомъ происходило въ самыхъ классахъ. Ежемѣсячно, въ общемъ собраніи педагогического совѣта, онъ обязанъ представлять опому отчетъ о состояніи своего класса вообще въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, подвергая ближайшему его обсужденію и разрѣшенію тѣ вопросы, по которымъ встрѣтились какія либо недоразумѣнія или затрудненія.

Въ I и II классахъ классными наставниками назначаются преподаватели, совмѣстно преподающіе русскій и латинскій языки; въ остальныхъ желательно, чтобы наставники соединили преподаваніе языковъ латинскаго и греческаго, или латинскаго и французскаго, или также отечественнаго языка и исторіи, или одного изъ отдѣловъ оной. Всякій классный наставникъ получаетъ за исполненіе обязанностей этого званія по 160 р. въ годъ. Въ виду же трудности и многочисленности ихъ и весьма незначительного за нихъ вознагражденія, впредь будуть назначаемы въ должностіи директоровъ и инспекторовъ преимущественно лица, исполнявшия съ полнымъ усердіемъ и истинною пользою обязанности классныхъ наставниковъ; сверхъ того симъ послѣднимъ, при назначеніи денежныхъ наградъ и пособій и представлениі къ почетнымъ наградамъ, отдается, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, предпочтеніе предъ

прочими преподавателями, и лучшимъ изъ нихъ предоставляются, по возможности, квартиры въ зданіяхъ, принадлежащихъ гимназіямъ или вообще учебному вѣдомству.

Въ каждой гимназіи полагается, кромѣ классныхъ наставниковъ, два ихъ помощника, на обязанности коихъ въ особенности лежитъ надзоръ за учениками въ то время, когда классные наставники заняты уроками, а также посѣщеніе учениковъ на дому, преимущественно живущихъ не у родственниковъ.

На ряду съ учебнымъ планомъ введеніе системы классныхъ наставниковъ безспорно составляетъ самую существенную часть гимназической реформы, и справедливо мнѣніе, что „этотъ новый у насъ институтъ до такой степени важенъ, что отъ правильной постановки и веденія его зависитъ наибольшая доля успѣха гимназического дѣла“¹⁾). Отъ этого учрежденія прежде всего слѣдуетъ ожидать большого укрѣпленія классического начала въ средѣ самихъ учительскихъ коллегій. Впрочемъ, еще до преобразованія гимназического устава, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ уже встрѣчались классные наставники изъ учителей, въ чёмъ министръ имѣлъ случай лично убѣдиться при ревизіи имъ въ 1867 г. Одесского учебного округа²⁾). Тамъ же, гдѣ это дѣло было еще новинкой, разумѣется и нельзя было ожидать на первый случай правильного примѣненія системы классныхъ наставниковъ: обязанности наставника въ какомъ либо классѣ поручались такимъ учителямъ, которые имѣли въ немъ мало уроковъ, или совсѣмъ ихъ не имѣли, или же преподавали только извѣстному числу учениковъ класса, какъ, напримѣръ, учителямъ новѣйшихъ языковъ. Съ другой стороны, на классныхъ наставниковъ возлагались слишкомъ большія требованія, напримѣръ, исполненіе обязанностей въ параллельныхъ классахъ безъ всякаго за то вознагражденія, обязательство не отлучаться изъ гимназіи въ теченіе всего времени, когда идетъ преподаваніе, представление подробныхъ письменныхъ отчетовъ и т. п. (см. циркуляръ 21 августа 1872 г.).

7. Директоръ, инспекторъ и преподаватели (§§ — 63) доколѣ состоять въ своихъ должностяхъ, пользуются правами государственной службы (§ 121). Директоръ и инспекторъ избираются попечителемъ учебного округа и утверждаются въ должностяхъ: первый — министромъ, послѣдній — попечителемъ. Въ эти должности преимущественно избираются лица, пріобрѣвшія ученую степень въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи и обратившія на себя вниманіе службою по учебной части вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Преподаватели избираются директоромъ (§ 43, б) или

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. CLIX, 3,208.

²⁾ Ib. CXXXVIII, 94. Отч. за 1867 г., стр. 30.

попечителемъ (§ 52) и утверждаются симъ послѣднимъ въ ихъ должностяхъ; при утверждении же законоучителей требуется предварительное одобрение избираемаго лица мѣстнымъ епархиальнымъ начальствомъ (§ 51). Избираются и утверждаются директоромъ помощники классныхъ наставниковъ, учителя пѣнія и гимнастики, равно какъ должностными лица гимназической канцеляріи: письмоводитель и писецъ.

На директора новый уставъ возлагаетъ полную отвѣтственность по всѣмъ частямъ благоустройства учебнаго заведенія (§ 41), — указаніе, не вошедшее въ уставъ 1864 года, но „не лишнее въ видахъ установлешія болѣе правильныхъ отношеній между директоромъ и прочими преподавателями“. Эта отвѣтственность, съ которой сопряженъ вообще надзоръ за ходомъ преподаванія и воспитанія, а также и за внѣшнимъ порядкомъ и материальнymъ благосостояніемъ учебнаго заведенія, условливается и широкими правами директора. Ему предоставлено избирать учителей, аттестовать ихъ предъ попечителемъ округа и представлять къ наградамъ, а также къ пособіямъ изъ специальныхъ суммъ, равно какъ къ увольненію отъ должности за неспособностію или выслугу срока на пенсію (25 лѣтъ), или къ оставленію на службѣ по выслугѣ означенного срока; увольнять учителей въ отпускъ на вакаціонное время, а по особенному уважительнымъ и не терпищимъ отлагательства причинамъ, и въ теченіе учебнаго времени на 29 дней, но въ симъ послѣднемъ случаѣ съ непремѣнною обязанностью донести о томъ попечителю округа. До учрежденія губернскихъ училищныхъ совѣтовъ (25 мая 1874 г.) директоры гимназій были выѣсты съ тѣмъ и директорами училищ губерніи; въ настоящее время это соединеніе должностей существуетъ только, какъ переходное положеніе, въ Сибири. Инспекторъ гимназіи есть помощникъ директора и въ случаѣ его болѣзни или отсутствія вступаетъ во всѣ его права и обязанности. Особый инспекторъ полагается только въ тѣхъ гимназіяхъ, при которыхъ состоятъ пансіоны, равно какъ при гимназіяхъ только что упомянутыхъ губерній; въ прочихъ же гимназіяхъ исполненіе обязанностей инспектора возложено на одного изъ преподавателей (§ 41, прим. 1).

Въ заключеніе слѣдуетъ еще сказать объ учителяхъ, что имъ дозволено содержать пансіонеровъ (право это не предоставлено директорамъ и инспекторамъ); опредѣляемые попечителями сверхштатные учителя, буде преподаютъ въ недѣлю не менѣе 6 уроковъ, пользуются всѣми правами учебной службы (§ 55).

Кромѣ поименованныхъ лицъ, въ каждой гимназіи находится врачъ, обязанности коего заключаются въ наблюденіи, чтобы въ нее не поступали воспитанники, имѣющіе тѣлесные недостатки или болѣзни; чтобы въ помѣщеніи учебнаго заведенія и въ распределеніи

времени занятій воспитанниковъ соблюдались по возможности гигиеническія условия, и чтобы гимнастическая упражненія были сообразуемы съ требованиями правильнаго развитія и укрѣпленія физическихъ силъ юношества.

Съ 1864 года на всѣхъ служащихъ при гимназіяхъ легла обязанность быть присяжными засѣдателями; представляющая большую помѣху для правильнаго хода преподаванія; независимо отъ сопряженныхъ съ нею расходовъ. Случалось, напримѣръ, что два преподавателя одного учебнаго заведенія одновременно вызывались въ судъ въ качествѣ засѣдателей, и такимъ образомъ преподаваніе извѣстныхъ предметовъ прекращалось на три недѣли (срокъ каждой сессіи). Въ виду такого неудобства, министромъ юстиціи 3 февраля 1873 г. сдѣлано было распоряженіе, чтобы на каждую сессію суда приглашался только одинъ изъ преподавателей какого либо учебнаго заведенія. Что же касается учителей новыхъ языковъ, чистописанія и черченій, то они, кроме того, призываются въ судъ въ качествѣ экспертовъ, и этимъ, кажется, отчасти объясняются не вполнѣ удовлетворительные успѣхи учениковъ по симъ предметамъ. Такъ, учителя 2-й и 4-й московскихъ гимназій въ 1867 г. были по 64 раза призываемы въ судъ экспертами, учитель 1-й гимназіи—76 разъ, а 3-й—даже 110 разъ. Для устраненія на будущее время этого неудобства министерство юстиціи признало необходимымъ, чтобы учителя чистописанія были призываемы къ содѣствію судебному вѣдомству не иначе, какъ въ свободное отъ занятій въ гимназіяхъ время¹⁾). Нынѣ то же министерство опредѣлило производить извѣстное денежное вознагражденіе этимъ учителямъ за ихъ экспертизу.

8. *Педагогический советъ и хозяйственный комитетъ.* Педагогический совѣтъ составляютъ, подъ предсѣдательствомъ директора, всѣ преподаватели наукъ и языковъ, въ томъ числѣ сверхштатные, равно и имѣющіе уроки въ параллельныхъ и приготовительному классахъ (послѣдніе съ правомъ голоса только въ дѣлахъ, касающихся пѣти класса), а также паддингатели и воспитатели пансиона. Совѣтъ собирается, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ мѣсяцъ съ цѣлью болѣе вѣрного и всестороннаго обсужденія вопросовъ, относящихся преимущественно къ учебной и воспитательной части. Обсужденію и окончательному рѣшенію его подлежатъ слѣдующія дѣла: 1) приемъ учениковъ и переводъ ихъ изъ класса въ классъ; 2) освобожденіе недостаточныхъ учениковъ отъ платы за обученіе и выдача единовременныхъ пособій и стипендій; 3) выдача аттестатовъ ученикамъ, съ успѣхомъ кончившимъ полный курсъ обученія, равно какъ свидѣтельствъ вы畢вшиимъ изъ гимназіи до окончанія курса, а также постороннимъ

¹⁾ См. Ж. М. Н. Пр., СХХХVIII, 260.

зін, изъ инспектора и трехъ преподавателей, избираемыхъ педагогическимъ советомъ на три года (членамъ комитета предоставляется право отказываться отъ избранія ихъ въ эту должность па слѣдующее трехлѣтіе). Хозяйственному комитету поручается: наблюденіе за исправностью и сохранностию матеріальной части заведенія, а также за исправнымъ веденіемъ описей имущество; повѣрка суммъ и счетовъ по приходамъ и расходамъ какъ гимназіи, такъ и пансиона, и составленіе сметы; наблюденіе за тѣмъ, чтобы суммы, назначенные на содержаніе учебнаго заведенія, расходовались наиболѣе производительнымъ образомъ, съ соблюденіемъ возможной экономіи и согласно съ дѣйствительною потребностю; засвидѣтельствованіе дѣйствительнаго производства важнейшихъ работъ и поступленія такихъ предметовъ, которые прорѣтаются единовременно въ большомъ количествѣ. Въ частности обязанности комитета опредѣлены особою инструкціею.

9. Въ педагогическомъ совѣтѣ и хозяйственномъ комитетѣ первое мѣсто, съ правомъ голоса, занимаетъ *почетный попечитель* (§§ 78—82). Онъ избирается земствами, сословіями, обществами или частными лицами, дающими для гимназій и прогимназій, или же для состоящихъ при нихъ пансионовъ, содержаніе, или же опредѣленіе ежегодное пособіе въ размѣрѣ, признанномъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія достаточнымъ, и утверждается въ должности: при гимназіи—Высочайшимъ приказомъ, а при прогимназіи—министромъ народнаго просвѣщенія. Въ виду болѣе или менѣе значительныхъ суммъ, назначенныхъ обществами или частными лицами на содержаніе учебныхъ заведеній, признано было справедливымъ расширить права почетнаго попечителя, которая, по уставу 1864 г., ограничивались контролемъ за дѣйствительнымъ и правильнымъ употребленіемъ этихъ суммъ, а потому новымъ уставомъ почетному попечителю возвращено дарованное ему уставомъ 1828 г. право слѣдить за ходомъ управлѣнія и состояніемъ гимназій и прогимназій; причемъ о замѣченныхъ имъ какихъ-либо беспорядкахъ онъ сообщаетъ непосредственному начальству сихъ заведеній, или же доводить о нихъ до свѣдѣнія педагогическаго совѣта или хозяйственнаго комитета, а если замѣчанія его будутъ оставлены безъ уваженія, то представлять обь этомъ почетителю округа.

10. *Дисциплина* опредѣлена въ „Правилахъ для учениковъ“ и въ „Правилахъ о взысканіяхъ“, утвержденныхъ министромъ народнаго просвѣщенія 4-го мая 1874 г. и составленныхъ первоначально въ особой комиссіи изъ всѣхъ инспекторовъ гимназій и прогимназій С.-Петербургска, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра г. Георгіевскаго, а затѣмъ пересмотрѣнныхъ и исправленныхъ въ ученоѣ комитетѣ при участіи всѣхъ директоровъ с.-петербургскихъ гимназій. Для составленія этихъ общихъ правилъ министерство потребовало отъ

попечителей доставленія дѣйствовавшихъ въ то время въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ правилъ о взысканіяхъ съ учащихся. Въ основу „Правилъ для учениковъ“ положены евангельскія слова: „будите вы совершенія, яко же Отецъ вашъ небесный совершеніе есть“ (Мате. V, 48). Они изложены въ 72-хъ параграфахъ, обнимающихъ правила: 1) относительно религіозныхъ обязанностей (посѣщеніе общественнаго богослуженія, поведеніе въ храмѣ, обязательная исповѣдь и причастіе, участіе въ церковномъ хорѣ); 2) относительно учѣбія (явка въ назначенный срокъ въ училище послѣ вакацій, неопустительное посѣщеніе уроковъ, увѣдомленіе, въ случаѣ сопротивленія невозможности явиться на уроки по болѣзни или другой, вполнѣ уважительной причинѣ; воспрещеніе выходить самовольно изъ класса во время урока, обязанность учениковъ усвоить все пройденное въ ихъ отсутствіе по болѣзни или другой причинѣ; содержаніе въ порядкѣ книгъ, тетрадей и т. п. принадлежностей; поведеніе въ классѣ, обязанность давать преподавателю отвѣтъ не иначе, какъ вставая, записываніе въ особую тетрадь того, что задано преподавателемъ къ слѣдующему уроку, главнымъ образомъ для того, чтобы родители могли видѣть размѣръ заданного [см. циркуляръ 9-го декабря 1872 г.], чтеніе молитвы послѣ ученія; добросовѣстное приготовленіе къ каждому уроку); 3) относительно обязанностей къ начальникамъ и наставникамъ (безпрекословное повиновеніе, оказываніе почтенія въ классѣ и при встрѣчѣ на улицѣ; полное довѣріе и откровенность, правдивость, безъ всякаго лицемѣрія и притворства); 4) относительно обязанностей учениковъ другъ къ другу (вѣжливость, воспрещеніе ссоры, браніи и драки, чувство чести—„дорожа своею честью, ученики не могутъ не дорожить честью своего заведенія и даже своего класса, а потому обязаны воздерживаться сами и воздерживать своихъ товарищѣй, какъ въ стѣнахъ заведенія, такъ и вѣнѣ онаго, отъ всякаго рода поступковъ, несовѣстныхъ съ честью благовоспитанныхъ людей и юношѣй“; оказываніе лучшими и наиболѣе успѣшающими учениками помощи своимъ болѣе слабымъ товарищамъ; строжайшее запрещеніе употреблять въ разговорѣ неприличныя слова и подстрекать товарищѣй къ какому-либо дурному поступку, приносить въ учебнос заведеніе какія-либо постороннія книги или изданія, составлять между собою или съ посторонними лицами какія-либо общества, вести всякаго рода игры на деньги или съ корыстною цѣлію; возмѣщеніе за причиненныи собственности товарищѣй или класса ущербъ); 5) относительно образа жизни приходящихъ учениковъ (обязанность принимать всѣ указываемыя ученикамъ мѣры предосторожности для сохраненія своего здоровья; соблюденіе, начиная съ III класса, слѣдующихъ правилъ при распределѣліи времени въ учебные дни: вставать въ 6 часовъ утра, съ $6\frac{1}{2}$ ч. заниматься приготовленіемъ уроковъ, по окон-

чанії комкъ въ заведенії употреблять около часа времени на возвращеніе домой и игры на чистомъ воздухѣ; употреблять около полутора часа до обѣда на приготовленіе уроковъ и особенно на такія письменныя работы, которыя не требуютъ большаго умственнаго напряженія, и два часа на обѣдъ, отдыхъ, прогулку и игры, а потомъ два часа на приготовленіе уроковъ; избѣгать въ учебные дни развлечений и увеселеній; безусловное запрещеніе посѣщать театры, въ тѣ дни когда даются піесы сомнительнаго нравственнаго содержанія, а также маскарады, клубы, трактиры, кофейни, кондитерскія, биллардныя и другія подобныя заведенія¹⁾); воспрещеніе употреблять крѣпкіе напитки и курить табакъ; требование, чтобы ученики соблюдали чисто-плотность); 6) относительно соблюденія порядка и приличія виѣ стѣнь учебнаго заведенія (виѣ дома ученики обязаны быть всегда въ одѣждѣ установленной формы; ношеніе длинныхъ волосъ, усовъ и бороды, а равно излишнихъ украшеній, какъ напримѣръ: колецъ, перстней и пр., а также тросточекъ, хлыстовъ, палокъ — воспрещается; при встрѣчѣ съ Государемъ Императоромъ и членами императорской фамиліи — останавливаются и снимать кепи, а при встрѣчѣ съ министромъ народнаго просвѣщенія и другими высокопоставленными особами — отдавать имъ должное почтение; вообще на улицахъ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ ученики обязаны держать себя скромно, соблюдаю порядокъ, благоприличіе и вѣжливость); 7) относительно назначенія поочередно дежурныхъ учениковъ по классу и ихъ обязанности наблюдать за вышнимъ порядкомъ. Въ 8 пунктѣ правилъ (§§ 47—72) излагаются обязанности лицъ, комкъ доволено учебнымъ начальствомъ держать у себѣ извѣстное число пансионеровъ (такъ называемыя ученическія квартиры).

Правила о взысканіяхъ раздѣляются на два отдѣла, изъ перваго обнимаетъ собой общія положенія (§§ 1—9). Взысканія имѣютъ главный образъ цѣллю нравственное исправление учениковъ. Ученикъ подвергается взысканію только въ томъ случаѣ, если въ его виновности не можетъ быть никакого сомнѣнія, хотя бы онъ и не сознавался въ своей винѣ. Взысканіе должно, по возможности, соответствовать свойствамъ самого проступка (такъ, лѣнность наказывается принудительной работой), почему должны быть предварительно раскрыты всѣ обстоятельства совершенія проступка, причины и побужденія къ совершенію онаго и весь причиненный имъ вредъ; также строго принимаются во вниманіе возрастъ ученика, степень его развитія и прочія индивидуальные его свойства. Никакое нарушеніе правилъ, установленныхъ для учениковъ, не должно быть оставлено безъ со-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи учебное начальство въ Петербургѣ въ подворѣ своемъ имѣетъ длительную поддержку со стороны градоначальника.

отвѣтственного замѣчанія; но при назначеніи взысканій, всякий разъ строго взвѣшивается, какое дѣйствіе произведеть то или другое, и именно послужить ли оно къ дѣйствительному исправленію виновнаго. Взысканія назначаются, по возможности, въ строгой постепенности. Исполненіе ихъ не должно сопровождаться обнаруженіемъ гнѣва или преврѣнія къ виновному, но явить отвращеніе наказывающаго къ нравственному з.у. Въ случаѣ совершенія какого либо проступка, несомнѣннаго съ честью учебного заведенія, и очевиднаго скрытія виновнаго, цѣлый классъ подвергается взысканію, по рѣшению начальника заведенія, или по опредѣленію педагогического совѣта.

Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ роды взысканій (§§ 10—14) Взысканія, какъ словомъ, такъ и дѣйствіемъ, могутъ быть нижеслѣдующія: 1) выговоръ преподавателя наединѣ, 2) выговоръ предъ цѣлымъ классомъ, 3) выговоръ съ угрою дальнѣйшихъ взысканій (при чемъ полезнѣе не означать въ точности этихъ взысканій), 4) стояніе ученика па иѣстѣ, во время урока, за скамью или у скамьи, и стояніе его у двери, 5) одиночное сидѣніе въ классѣ на какой либо скамьѣ (преимущественно за упорную болтовню, неуживчивость съ товарищами и т. п.). 6) сообщеніе о проступкѣ или неиспрыпости ученика классному наставнику, чтѣ влечетъ за собой или выговоръ послѣднаго наединѣ, или же передъ цѣлымъ классомъ,—въ послѣднемъ случаѣ со внесеніемъ въ штрафной журналъ; 7) оставленіе въ заведеніи не болѣе какъ на одинъ часъ по окончаніи уроковъ, съ сообщеніемъ о томъ инспектору, безъ внесенія или со внесеніемъ въ штрафной журналъ, но во всякомъ случаѣ съ внесеніемъ этого случая въ тетрадь для записыванія уроковъ или съ оповѣщеніемъ о томъ родителей какимъ либо инымъ способомъ (показаніе это назначается за повторительное безпричинное опаздываніе, за неприготовленіе урока, за списываніе работы у товарищей,—словомъ, за лѣнность дома или въ классѣ); 8) назначеніе особыхъ занятій на домъ на правдничные и воскресные дни; 9) задержаніе въ заведеніи въ продолженіе одного или несколькиихъ воскресныхъ или праздничныхъ дней на время не болѣе трехъ часовъ каждый разъ (при совершенномъ неисполненіи или худомъ исполненіи дома означеныхъ п. и. 8 работъ); 10) выговоръ инспектора наединѣ или предъ цѣлымъ классомъ, со внесеніемъ въ штрафной журналъ,—въ послѣднемъ случаѣ съ оповѣщеніемъ родителей; 11) отдаленіе на время отъ сообщества товарищей, какъ въ классное, такъ и въ рекреаціонное время, съ назначеніемъ особаго мѣста въ классѣ и въ коридорѣ (преимущественно за неуживчивость и проступки, не дѣлающіе чести классу), со внесеніемъ въ штрафной журналъ; 12) заключеніе въ карцеръ на время отъ 1 до 4 часовъ, съ назначеніемъ работы или, въ видахъ усиленія наказанія, безъ всякой работы, по во всякомъ случаѣ подъ наблюденіемъ благонадежнаго

служителя, и, въ случаѣ заключенія ученика на время свыше 2 часовъ по окончаніи уроковъ, съ уведомленіемъ родителей; 13) выговоръ наединѣ директора, сопровождающейся внесеніемъ въ штрафной журналъ и оповѣщеніемъ родителей, и выговоръ директора предъ цѣлымъ классомъ, влекущій за собой, сверхъ того, пониженіе отмѣтки за поведеніе; 14) заключеніе въ карцеръ отъ 4 до 8 часовъ съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ; 15) заключеніе въ карцеръ на время не болѣе сутокъ, съ тѣмъ чтобы служитель безотлучно находился при заключенномъ, не вступая съ нимъ ни въ какіе разговоры; 16) выговоръ отъ имени педагогическаго совѣта: а) передъ цѣлымъ классомъ съ пониженіемъ отмѣтки въ поиседеніи и съ лишеніемъ на съѣдующее полугодіе права на освобожденіе отъ платы, или на полученіе стипендіи или пособія, и б) передъ цѣлою гимназіей, съ предвареніемъ родителей о томъ, что если они не примутъ съ своей стороны самыхъ энергическихъ мѣръ къ исправленію ученика, то, въ случаѣ дальнѣйшаго его неисправленія, педагогическій совѣтъ приобрѣтетъ къ увольненію его изъ учебнаго заведенія; 17) удаленіе изъ заведенія, но, съ правомъ поступить въ другія учебныя заведенія въ томъ же городѣ; 18) удаленіе безъ права поступленія, 19) исключеніе съ лишеніемъ права поступить въ какое либо учебное заведеніе¹⁾.

Взысканія, коимъ можетъ быть подвергнутъ цѣлый классъ, слѣ-

¹⁾ Предполагавшееся въ проектѣ 1862 г. устава нашихъ общеобразовательныхъ заведеній (§ 38) безусловное запрещеніе тѣлесныхъ наказаний не вошло въ самыи уставъ, такъ какъ оно разумѣлось само собою. Помѣщенная въ журнале министерства юстиціиная статья по поводу устава 1864 г. (CXXIV, 4, 54—71), подробно разбирая вопросъ о тѣлесномъ наказаніи, находитъ, что запрещеніе этого наказанія составляетъ благотворное нововведеніе, которому сочувствуютъ почти всѣ русскіе педагоги, такъ какъ изъ 268 лицъ, представившихъ свои замѣчанія на проектъ устава, 252 вовсе умалчиваютъ о нихъ. Затѣмъ указывается на примеръ Франціи, где уже съ давнаго времени тѣлесные наказанія решительно иждѣ не употребляются; тоже самое въ Бельгіи, Италии и отчасти въ Швейцаріи. Что же касается иѣмскихъ педагоговъ, которые «съ давнаго времени съязвятся строгостью, можно сказать, даже жестокостью обращенія съ дѣтьми и злоупотребленіемъ тѣлесныхъ наказаній» (см. *Nordre, Geschichte des deutschen Volksschulwesens*, т. I, стр. 37) и «не смотря на значительные смягченія правовъ и на распространеніе въ Германіи болѣе гуманныхъ убѣжденийъ со второй половины прошедшаго столѣтія», все-таки придерживаются системы тѣлесныхъ наказаній, то въ оцѣнкѣ представленныхъ ими замѣчаній на проектъ гимназическаго устава вкрадас ошибки. 11 педагоговъ выразили сомнѣніе въ пользѣ предполагавшіе мѣры; изъ остальныхъ 10 лицъ 8 не сдѣлали никакихъ замѣчаній о тѣлесныхъ наказаніяхъ, сѣдѣ, какъ полагаетъ авторъ статьи, самымъ молчаниемъ какъ бы одобряли ихъ запрещеніе; къ числу этихъ лицъ принадлежатъ Визе, Куртманъ, Карль Раумеръ, Рошерь и Дистервегъ; легко доказать, особенно въ отношеніи Дистервега, что его молчаніе слѣдуетъ понимать совершенно иначе. Впрочемъ, самый вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ сложился въ Германіи на другихъ основахъ, чѣмъ въ Россіи.

дующій: 1) выговоръ начальника заведенія, 2) выговоръ отъ имени педагогическаго совѣта съ уменьшепіемъ всѣмъ ученикамъ класса отмѣтки за поведеніе; 3) выговоръ отъ имени того же совѣта съ лишеніемъ всякаго рода отличій и преимуществъ, которыми пользовались ученики класса, напримѣръ права на освобожденіе того или другаго изъ нихъ въ ближайшее полугодіе или въ цѣлый слѣдующій годъ отъ платы за ученіе и т. п.

Всѣ взысканія, кромѣ выговоровъ, вносятся въ классный журналъ, служащий для соображеній при оцѣнкѣ поведенія учениковъ въ отдѣльности и нравственнаго состоянія цѣлаго класса.

Въ „объяснительной запискѣ“ къ правиламъ обращено вниманіе на то, что одновременно съ правилами о взысканіяхъ учебныхъ заведенія для достиженія своихъ воспитательныхъ цѣлей располагаютъ разнообразными положительными способами дѣйствія на учащихся, напримѣръ самая личность наставника оказываетъ наибольшее воспитательное дѣйствіе, затѣмъ способъ преподаванія и т. п. Къ этому можно причислить выставленіе четвертыхъ отмѣтокъ. При этомъ учениковъ слѣдуетъ распредѣлять на разряды по успѣхамъ въ ученіи, по ихъ вниманію и прилежанію и по ихъ поведенію. Въ этомъ отношеніи воспитанники раздѣляются на три разряда: къ первому относятся имѣющіе не менѣе 5 за поведеніе и прилежаніе или же за вниманіе, по крайней мѣрѣ 4 въ каждомъ предметѣ и не менѣе $4\frac{1}{2}$, или $4\frac{1}{3}$ въ среднемъ выводѣ изъ отмѣтокъ по древнимъ языкамъ и математикѣ; ко второму — имѣющіе не менѣе 4 за поведеніе, прилежаніе, или вниманіе, и не менѣе 3 за успѣхи въ каждомъ предметѣ, при среднемъ выводѣ не менѣе $3\frac{1}{2}$, или $3\frac{1}{3}$, по вышеуказаннымъ главнымъ предметамъ; всѣ прочие ученики относятся къ 3-му разряду. Составленный по этимъ разрядамъ списокъ ученикамъ вывѣшивается на классной стѣнѣ до конца новой отчетной части года, и выписка изъ него о каждомъ отдѣльномъ ученикѣ сообщается родителямъ или родственникамъ ученика.

Въ числѣ наградъ, педагогическому совѣту предоставлено употребленіе золотой доски, на которую записываются имена отличившихся учениковъ. Въ этомъ отношеніи введена слѣдующая постепенность. Ученики, которые въ продолженіе двухъ отчетныхъ частей года принадлежали къ первому разряду, записываются на классную золотую доску, о чёмъ сообщается какъ родителямъ, такъ и ученикамъ всего заведенія. Оставшіеся въ первомъ разрядѣ въ продолженіе цѣлаго учебнаго года записываются на временную золотую доску всего заведенія, о чёмъ также сообщается и родителямъ, и всѣмъ ученикамъ, въ печатается въ годичныхъ отчетахъ. Кто изъ записанныхъ на золотую доску своего класса въ теченіе слѣдующихъ двухъ отчетныхъ частей года, а изъ записанныхъ на золотую доску цѣлаго заведенія въ

течение следующихъ трехъ частей года окажется ниже определенныхъ выше сего условий, тогдъ стирается съ золотой доски. Высшимъ отличиемъ въ этомъ родѣ служить запечатаніе имени ученика на постоянную золотую доску учебнаго заведенія навсегда. Этой чести могутъ быть удостоиваемы только ученики, „окончивши полный курсъ гимназіи съ золотою медалью и, при томъ, во время пребыванія своего въ трехъ старшихъ классахъ не совершивши никакого поступка, несовмѣстнаго съ честью учебнаго заведенія, отличающіеся вообще твердостію своихъ нравственныхъ правилъ и подающіе большія надежды относительно дальнѣйшихъ своихъ успѣховъ въ наукахъ“. Даѣвъ въ запискѣ говорится, что преподаватели русскаго языка и словесности могутъ руководить своихъ учениковъ въ выборѣ чтенія въ свободное отъ занятій время; для повѣрки же того, что ими прочитано и какъ прочитанное понято, могутъ быть устроены для старшихъ классовъ литературии бесѣды. Этими бесѣдами было бы полезно воспользоваться и для пріученія учениковъ къ свободному, плавному и послѣдовательному устному изложенію на заранѣе приготовленныя темы. Подобныя же бесѣды могутъ быть устанавливаемы для декламаціи выученныхъ стиховъ изъ древнихъ поэтовъ и т. п. Преподаватели исторіи, географіи, естественной исторіи или физики и древнихъ языковъ могутъ устроивать съ своими учениками экскурсіи для обозрѣнія по принадлежности мѣстныхъ историческихъ достопримѣчательностей, замѣчательнѣйшихъ въ географическомъ отношеніи мѣстностей, для естественно-историческихъ цѣлей, для обозрѣнія произведеній древняго или новаго искусства. Эстетическій вкусъ въ ученикахъ долженъ быть воспитываемъ художественными произведеніями, фотографическими снимками, гравюрами, копіями и слѣпками съ лучшихъ античныхъ статуй и т. п. Для образованія хорошаго литературнаго вкуса было бы весьма важно изложеніе ученикамъ нѣкоторыхъ теоретическихъ произведеній нѣмецкихъ, существующихъ отчасти и въ русскомъ переводаѣ, какъ, напримѣръ, знаменитой рѣчи Шеллинга—объ отношеніи искусства къ природѣ, Шиллеровыхъ писемъ—объ эстетическомъ воспитаніи человѣка, Лессингова—Лаокоона и т. п. Точно также слѣдуетъ указать на примѣръ одной гимназіи, гдѣ, подъ руководствомъ ея директора и преподавателей, были устраиваемы истинно благородныя и образовательныя забавы, состоявшіе въ томъ, что ученики (старшаго класса) исполняли на греческомъ языкѣ сцены изъ „Антигоны“ и „Эдипа-царя“. Для развитія въ ученикахъ чувства патріотизма лучшею мѣрою представляется разказъ директора въ краткихъ, но живыхъ чертахъ, событий дня, съ объясненіемъ исторического его значенія. Но довершеніемъ истинно-нравственнаго воспитанія можетъ быть только воспитаніе въ религиозномъ духѣ. Въ этомъ отношеніи желательно, чтобы каждый учебный дѣп начинался общече для всѣхъ

учениковъ молитвою, спѣтомъ хоромъ, ватѣмъ читалось иѣкоторое число стихонь изъ Евангелія и, наконецъ, молитва передъ учевіемъ.

11. *Порядокъ производства испытаний* изложенъ въ правилахъ, утвержденныхъ 8-го декабря 1872 г. Въ циркулярномъ предложении министра народнаго просвѣщенія отъ 7-го января 1873 г., о введеніи въ дѣйствіе правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій¹⁾, обращено вниманіе попечителей округовъ на слѣдующія главныя основныя начала и цѣль, къ которой направлены эти правила. Въ нихъ: 1) наибольшее значеніе придается постоянному прилежанію и вниманію учениковъ въ классное время и оцѣнка ихъ познаній постановляется въ меньшую противъ прежняго зависимости отъ случайныхъ причинъ и обстоятельствъ, которые могутъ оказывать влияніе на ходъ испытаний; 2) сокращено время производства испытаний, дабы такимъ образомъ выиграть время для правильного класснаго обученія; 3) испытаніе сосредоточивается на главнѣйшихъ предметахъ учебнаго курса, успѣхъ по коимъ можетъ быть результатомъ только постояннаго прилежанія, а не тревожнаго и спѣшнаго приготовленія предъ самыми испытаніями; наконецъ 4) придается большее значеніе оцѣнкѣ учениковъ въ нравственномъ отношеніи и вниманіе преподавателей сосредоточивается на опредѣлѣніи, на сколько испытуемые вообще созрѣли для продолженія ученія какъ въ слѣдующемъ классѣ, такъ и особенно въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

На испытанія приемныя назначаются не болѣе недѣли, на переводныя и испытанія зрѣлости, вмѣстѣ, не болѣе четырехъ недѣль. Какъ на испытаніяхъ, такъ равно и въ продолженіе всего учебнаго года познанія и успѣхи учениковъ оцѣниваются обычными цифрами, при чёмъ 5 означаетъ познанія и успѣхи отличные и ставится за основательное знаніе всего пройденнаго, при отличномъ прилежаніи и вниманіи и при такихъ письменныхъ работахъ, которые могутъ служить образцомъ для класса; 4—хорошіе и служить оттѣпкомъ 5-ти, означая познанія также основательныя, но, за недостаткомъ должнаго прилежанія или вниманія, не всегда примѣняемы надлежащимъ образомъ въ устныхъ отвѣтахъ или письменныхъ работахъ; 3—удовлетворительные и предоставляется ученикамъ, которые знаютъ пройденное на столько твердо, чтобы бѣзъ затрудненій учиться даѣше и вообще уровню своего класса соотвѣтствуютъ; 2—не совсѣмъ удовлетворительные, служить оттѣпкомъ единицы и предоставляется ученикамъ, которые стоять ниже уровня своего класса, сбиваются иногда въ отвѣтахъ даже на главные вопросы, но, при усиленномъ прилежаніи съ своей стороны и таковомъ же вниманіи въ классѣ, особенно съ постороннію помошью,

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. CLXV, 1, 33—84.

могутъ еще идти впередъ и возвыситься до средняго уровня своего класса; 1—вовсе неудовлетворительные и означаетъ познанія слабыя, при маломъ пониманіи пройденного и недостаточномъ прилежаніи и вниманіи. При оцѣнкѣ поведенія 5 значить отлично, 4—хорошо, 3—добропорядочно, 2—не совсѣмъ одобрительно, 1—худо.

Представляемыя каждымъ преподавателемъ директору четыре раза въ годъ срочныя вѣдомости принимаются въ соображеніе при переводеъ учениковъ. Въ основаніе отмѣтокъ за успѣхи преподаватель полагаетъ какъ средній выводъ изъ отмѣтокъ въ классномъ журнальѣ за устныя отвѣты и за письменныя работы, такъ и оцѣнку познаній, обнаруженныхъ каждымъ ученикомъ при повтореніи всего пройденного въ классѣ къ концу каждой отчетной части учебнаго года. Отмѣтки эти провѣряются начальникомъ заведенія, а въ гимназіяхъ, по его порученію, и инспекторомъ, которые отъ времени до времени посыпаютъ классы именно съ этой цѣлью и предлашаютъ отъ себя вопросы или задачи ученикамъ для устнаго или письменнаго решенія. Въ видахъ облегченія такой провѣрки, преподаватели обязаны, вмѣстѣ съ вѣдомостями, представлять свѣдѣнія о томъ, что именно пройдено изъ представленной ими программы въ теченіе отчетной части года.

Объ испытаніяхъ приемныхъ (§§ 7—22) нужно еще замѣтить слѣдующее: они производятся преподавателями соотвѣтственныхъ предметовъ тѣхъ классовъ, въ которые экзаменующіе желаютъ поступить; по окончаніи приемныхъ испытаний педагогическій совѣтъ обсуждается, кто изъ экзаменовавшихся можетъ быть принятъ. Въ случаѣ, если, по наличному числу учениковъ класса, не всѣ выдержавши испытаніе могутъ быть приняты въ онѣй, то преимущество отдается оказавшимъ наибольшія познанія и болѣе развитымъ, при равныхъ же условіяхъ—подавшимъ рапоѣ прошенія. Удостоеніе пріема подвергаются медицинскому освидѣтельствованію въ присутствіи класснаго наставника, который принимаетъ къ свѣдѣнію какъ показанія ученика, такъ и заключенія и наставленія медика относительно дальнѣйшаго физическаго воспитанія и развитія его. Ученики прогимназіи, поступающіе, по окончаніи въ онѣй курса, въ V классъ гимназія, подвергаются полному испытанію изъ всѣхъ предметовъ гимназическаго курса, если со дnia окончанія ими курса въ прогимназіи прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ. Такому же испытанію подвергаются и тѣ изъ учениковъ, которые переходятъ изъ одной гимназіи или прогимназіи въ другую, если прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ со времени выхода ихъ изъ заведенія.

Переводъ учениковъ изъ класса въ классъ производится на основаніи срочныхъ вѣдомостей и особыхъ испытаний (§§ 23—34). Въ I, II, III и V классахъ полагаются испытанія только письменныя и при томъ изъ языковъ и математики, въ IV же и VI также устныя изъ всѣхъ предметовъ, которыя производятся преподавателемъ соотвѣт-

ственного предмета въ присутствіи директора или инспектора, а въ случай надобности и еще одного ассистента изъ преподавателей того же или ближайшего родственного предмета въ слѣдующемъ классѣ. Испытания эти производятся по билетамъ съ нумерами, на основаніи особыхъ программъ, составленныхъ преподавателемъ и одобренныхъ педагогическими совѣтами, при чѣмъ однако же отъ экзаменаторовъ зависятъ предлагать и другие вопросы послѣ отвѣта, данного ученикомъ на вынутый имъ билетъ. Отмѣтки за устные отвѣты выставляются директоромъ или инспекторомъ по соглашенію съ преподавателемъ и ассистентомъ. Для письменнаго испытанія каждымъ преподавателемъ благородно представляется начальнику заведенія по нѣсколько темъ или задачъ, изъ коихъ послѣдній дѣлаетъ свой выборъ; темы и задачи эти отнюдь не должны быть изъ числа тѣхъ, которыхъ были уже предложены ученикамъ въ учебное время и заранѣе имъ извѣстны. Представляется начальнику заведенія самому предлагать темы и задачи не изъ числа предложенныхъ преподавателемъ. Письменныя работы учениковъ предварительно рассматриваются, исправляются и оцѣниваются самимъ преподавателемъ, затѣмъ директоромъ или инспекторомъ, которые привлекаютъ къ сему разсмотрѣнію того, кому будетъ поручено преподаваніе того же предмета въ слѣдующемъ году въ ближайшемъ высшемъ классѣ и, наконецъ, директоръ или инспекторъ выставляютъ окончательную отмѣтку по соглашенію съ лицами, рассматрившими письменныя работы. По окончаніи испытаній педагогический совѣтъ обсуждаетъ и окончательно рѣшаетъ, кто изъ учениковъ заслуживаетъ перевода. Для перевода въ высшій классъ требуется: а) по каждому изъ главныхъ предметовъ, въ среднемъ выводъ изъ четырехъ срочныхъ вѣдомостей за годъ, имѣть въ V, VI и VII классахъ не менѣе полныхъ 3, въ III и IV—не менѣе $2\frac{3}{4}$ и, наконецъ, въ I и II—не менѣе $2\frac{1}{2}$, при чѣмъ однако же $2\frac{3}{4}$ и $2\frac{1}{2}$ лишь тогда считаются удовлетворительной отмѣткой, когда за послѣднюю четверть года стоять отмѣтка не менѣе 3, и когда за прилежаніе и вниманіе въ среднемъ выводъ за годъ по данному предмету также стоять не менѣе 3; б) ни въ одномъ изъ остальныхъ предметовъ не имѣть въ среднемъ выводъ за годъ менѣе 2; имѣющіе же 2 въ одномъ изъ сихъ предметовъ, а въ пизшихъ четырехъ классахъ и въ двухъ изъ нихъ, могутъ быть допущены къ испытанію по этимъ предметамъ послѣ лѣтней вакаціи; в) въ среднемъ выводъ за годъ имѣть вообще не болѣе, чѣмъ въ двухъ предметахъ отмѣтку менѣе 3; впрочемъ, по тѣмъ предметамъ, по коимъ производится испытаніе, удовлетворительная отмѣтка, полученная на семь испытаній, можетъ покрыть не совсѣмъ удовлетворительный выводъ за годъ по данному предмету ($2\frac{1}{2}$ и $2\frac{3}{4}$); г) не имѣть на испытаніи ни по одному предмету отмѣтку менѣе 3; при чѣмъ однако же если въ тѣхъ классахъ, въ коихъ производится

только письменное испытание, ученикъ, при удовлетворительной средней годовой отметкѣ (не менѣе 3) по какому-либо предмету, получить неудовлетворительную отметку на письменномъ испытаніи, онъ допускается къ промежуточному письменному испытанию еще до наступленія лѣтней вакаціи.

Отъ усмотрѣнія педагогического союза зависитъ: удостоивать и бывь испытаниемъ перевода въ высшій классъ тѣхъ изъ учениковъ, которые не могли явиться на экзаменъ по причинамъ, признаннымъ вполнѣ уважительными; равнымъ образомъ, въ самыхъ рѣдкихъ и наиболѣе уважительныхъ случаяхъ, назначать дополнительный экзаменъ, послѣ лѣтней вакаціи тѣмъ, кои не могли или вовсе явиться на испытание, или вынуждены были прервать оное.

Лучшии ученики удостоиваются награды. Для получения награды 1-й степени (книги и похвального листа) требуется: при отличномъ (5) поведеніи въ высшихъ трехъ классахъ и по меньшей мѣрѣ при хорошемъ (4) въ низшихъ четырехъ, имѣть въ среднемъ выводѣ по всемъ обязательнымъ предметамъ не менѣе $4\frac{1}{2}$, не имѣть 3 ни по какому изъ сихъ предметовъ, и въ главныхъ предметахъ имѣть въ одномъ изъ древнихъ языковъ 5 за годъ и 5 па испытаніи, въ другомъ 5 за годъ и 4 па испытаніи или наоборотъ, и въ математикѣ 6 за годъ и 5 па испытаніи. Для получения награды 2 степени (похвального листа) требуется: при обозначенномъ выше поведеніи имѣть полныхъ 4 въ среднемъ выводѣ по обязательнымъ для всѣхъ предметамъ и не менѣе 4 по каждому изъ главныхъ предметовъ какъ за годъ, такъ и на испытаніи.

Имена учениковъ, удостоенныхъ перевода въ слѣдующій классъ, равно какъ получившихъ награды, прочитываются на публичномъ актѣ, происходящемъ въ концѣ учебнаго года, или до наступленія лѣтней вакаціи, и помѣщаются въ годичныхъ отчетахъ, съ показаниемъ, какія письменныя работы были предложены въ каждомъ классѣ. Ученики, оставшиеся два года въ классѣ, исключаются изъ заведенія.

Испытанія зрености (§§ 35 — 75) производится также только одинъ разъ въ годъ и по каждому предмету въ отдѣльности, въ испытательныхъ при гимназіи комиссіяхъ, состоящихъ изъ директора, инспектора, учителя предмета въ высшемъ классѣ и двухъ ассистентовъ изъ числа преподавателей того же предмета или, въ случаѣ неимѣнія въ гимназіи несколькиихъ преподавателей того же предмета, то и ближайшихъ родственныхъ предметовъ въ высшемъ же или ближайшихъ высшихъ классахъ. Въ гимназіяхъ предсѣдательство въ каждой испытательной комиссіи принадлежитъ директору. Начальство учебнаго округа въ гимназіяхъ, по возможности присоединяетъ къ испытательнымъ комиссіямъ своего депутата, имѣющаго право голоса. Въ случаѣ несогласія депутата съ мнѣніемъ большинства, мнѣніе его

должно быть внесено въ протоколъ, и дѣло представляется на разсмотрѣніе подлежащаго высшаго начальства.— Директоръ составляетъ имѣпой списокъ всѣхъ ученикамъ гимназіи и постороннимъ просителямъ (послѣдніе обязаны представить, кромѣ свидѣтельства о рождении, ими самими написанное на русскомъ языкѣ, краткое собственное жизнеописаніе) и вноситъ его на разсмотрѣніе комиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ директора, изъ инспектора и всѣхъ преподавателей VIII класса, которая, по тщательномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, решаетъ, кто изъ просителей можетъ быть допущены къ испытанію зрѣлости. Изъ постороннихъ лицъ вовсе не допускаются къ испытанию: тѣ, которые, обучавшись прежде въ какой либо гимназіи или въ иномъ учебномъ заведеніи, буде продолжали бы въ нихъ свое ученіе, не могли бы, при всей успѣшности онаго, окончить въ нихъ полнаго курса, полагаемаго въ 8 лѣтъ для гимназіи; тѣ, которые начали новаго университетскаго учебнаго года, то-есть къ 15 августа того же года, не исполнится по меньшей мѣрѣ 17 лѣтъ, и тѣ которые, на основаніи представленія ими свидѣтельствъ, прошеній и собственного жизнеописанія, очевидно не могутъ быть признаны зрѣлыми. При сужденіи о нравственой зрѣлости учащихся, обращается прежде всего вниманіе на ихъ поведеніе, затѣмъ на ихъ прилежаніе и интересъ къ ученію, и наконецъ на степень познаній. Оцѣнка познаній каждого ученика гимназіи относится къ успѣхамъ его въ цѣломъ предметѣ, а не въ какой либо части его, при чемъ по каждому предмету принимаются во вниманіе прежнія аттестаціи и дания впопы показанія со стороны преподавателя предметовъ, а также наблюденія другихъ преподавателей VIII класса, относящіяся къ тому же предмету; во показанія другихъ преподавателей могутъ измѣнить отмѣтку не болѣе, какъ на одну единицу. Не допускаются вовсе къ испытанію зрѣлости, ученики, которые въ теченіе послѣднаго года совершили недостаткомъ самостоятельнаго характера и передѣніемъ о своихъ ученическихъ обязанностяхъ обнаружили значительную степень нравственной незрѣлости, и тѣ, которые въ какомъ либо предметѣ имѣютъ отмѣтку менѣе 3. Копія съ постановленій комиссіи о допущеніи или недопущеніи учениковъ гимназіи и постороннихъ лицъ къ испытанію, съ приложеніемъ копіи составленнаго при семъ общаго списка, представляются попечителю учебнаго округа.

Письменное испытание производится изъ языковъ русскаго, латинскаго и греческаго и изъ математики. Для приготовленія письменныхъ работъ назначается на русское сочиненіе 5 часовъ сряду, на латинское и греческое экзаменорале по 3 часа на каждое; не считая премепи, употребляемаго на диктовку подлежащихъ переводу отрывковъ, а на работы по математикѣ (4 задачи) 5 часовъ сряду. Задачи,

предлагаемыя для письменного испытаний по всѣмъ означенныемъ предметамъ, отнюдь не должны быть изъ числа тѣхъ, которыя уже были обработаны учениками въ учебное время, и не должны быть известны ученикамъ заранѣе. Тема для русскаго сочиненія избирается такъ, чтобы предметъ ея былъ по силамъ ученикамъ и чтобы они могли имѣть о немъ собственное сужденіе. Для перевода съ русскаго языка на латинскій долженъ быть продиктованъ какой-либо цѣлый отрывокъ (приблизительно въ объемѣ 3 гл. 1 книги J. Caes. de bello gallico) изъ историческихъ произведеній латинской литературы, предварительно не читанныхъ учениками и переведенныхъ съ этой цѣлью на правильный русскій языкъ. Для перевода съ русскаго на греческій языкъ выбирается, по возможности, также цѣлый отрывокъ (приблизительно въ $\frac{2}{3}$ противъ предыдущаго), но болѣе легкаго содержанія¹). Директоръ и другіе члены испытательныхъ комиссій

¹⁾ Темы на сочиненія были по Петербургскому округу въ 1876 г. следующія: по русскому языку: характеристика Чичикова, героя «Мертвыхъ душъ», Гоголя. По латинскому языку: «Когда Катонъ начальствовалъ надъ войсками въ Испаніи, къ нему пришли послы союзного съ Римлянами племени Илергетовъ (Ilergetes) и объявили, что они нуждаются въ немедленной помощи, такъ какъ отложившіеся отъ Римлянъ народы, собравъ огромное войско, готовятся напасть на ихъ главный городъ. Хотя этимъ требованіемъ пословъ Катонъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе (in discrimen adduci), такъ какъ онъ самъ со дня на день ожидалъ нападенія со стороны непріятеля и потому не хотѣлъ раздѣлять свои силы; однако, чтобы не подать виду (videri), будто въ критическихъ обстоятельствахъ (res dubiae) оставляетъ вѣрныхъ союзниковъ, онъ общалъ посламъ исполнить, о чёмъ они просили, и тотчасъ отдалъ приказъ, чтобы три тысячи щитоноши и двѣсти всадниковъ готовились къ походу. Послы, ободренные (configitate) отвѣтомъ консула, отправили къ своему народу вѣстники и велики сказали, чтобы Илергеты защищались до последней крайности (ad exterritum usque), такъ какъ очень скоро прибудетъ къ нимъ римская помощь (вспомогательные войска). Вѣстникъ этотъ былъ переключенъ испрѣтелами, которые, прочитавъ его депешу (literae), измѣнили свой планъ и, вместо того, чтобы (pro eo ut) идти на Илергетовъ, рѣшились соединенными силами немедленно напасть на самого Катона. Назначенные на помощь Илергетамъ солдаты между тѣмъ уже выступили изъ лагера, съ приказаниемъ остановиться, когда пройдутъ семь тысячъ шаговъ, и поспешно возвратиться, ежели услышатъ позади себя боевой (militaris) крикъ. Едва они прошли половину этого пространства, какъ услышали крикъ, какой бываетъ при встречѣ двухъ непріятельскихъ войскъ. Тогда они ускореннымъ шагомъ, несвѣшили возвратиться въ лагерь и помочь своимъ, и пришли въ то самое время, когда варвары сдѣлали первое нападеніе на окопы (vallum). Они стремительно бросились (acriter invadere) на врага съ тыла и разстроили ряды его, а консулъ вывелъ войска изъ лагеря и приказалъ имъ преслѣдоватъ бѣгущаго непріятеля. Такимъ образомъ, эта распорядительность (conscientia rigidens) Катона не только избавила Илергетовъ отъ опасности, но и самъ восторжествовалъ (upregagis) надъ многочисленными врагомъ». По греческому языку: «Кого боги любятъ, говорить Платонъ въ жизнеописаніи Августа, и къ кому они благоволятъ, того предостерегаютъ (prost-

назначають по військовику задачу на кожний изъ предметовъ, по коимъ производится письменное испытание, и посыпаютъ ихъ, съ соблюде-
ниемъ совершенной тайны, па утверждение начальства учебного округа.
Сie послѣднее избираетъ изъ нихъ или само назначаетъ по одной
задачѣ па каждый предметъ и отсылаетъ одобренная или назначен-
ная имъ задача къ директору гимназіи въ особыхъ конвертахъ, съ
надписью на каждомъ изъ нихъ: „вскрыть въ присутствіи членовъ

рабы тиц!“ или какими нибудь знаменіями (сигналь, твор. пад. посредствомъ бѣдъ)
или скажи. Заботливость свою объ Августѣ они особенно ясно показали (бѣлос
ѣри) передъ сраженiemъ при Филиппахъ. Самъ Августъ разказываетъ въ своихъ
запискахъ (тѣ боюмъжата), что, когда наканунѣ сраженія (ѣ прѣ тобѣ фунтъсъ єспера)
онъ заболѣлъ, такъ что не вадѣлся уже бытъ въ строю (тобѣ бѣгъю холмочай),
къ нему на другой день рано утромъ пришелъ врачъ его Арторий и сказалъ,
что видѣлъ во снѣ Аенну, приказавшую ему непремѣнно вывести Кесаря изъ
палатки, такъ какъ (ѣсъ сип particip. potent.) безъ него Антонію не побѣдить
Брута и Кассия. Августъ, хотя мучимый недугомъ (периглѣтъ єїна), послушался
Арторія, и такими образомъ спасся: ибо едва друзья успѣли (фѣвѣчъ) посадить
его на лошадь и немногого отѣхахъ (акалѣзъ), какъ (кои) непріятель, отбросивъ
(трѣпка) лѣвое крыло и преодѣлуа бѣгущихъ, напалъ на палату Августа и
овладѣлъ сю выѣтъ со всѣми останшимися въ ней слугами. Какъ же, прибав-
ляеть Платархъ, можно согласиться (аїнѣвъ) съ Эпикуромъ, который учить
(аїнѣвъ), что боги никакъ не заботятся о людяхъ. По математицѣ: мастеръ
выѣлъ кусокъ сплава изъ серебра и мѣди въсомъ въ 7/8 фунтовъ, въ которомъ
количество мѣди составляло 25% количества серебра. Къ этому куску мастеръ
прибавилъ 1/8 фунта серебра 84 пробы и изъ всего полученного сплава сдѣ-
лалъ три подсѣчника. Узнать какой пробы выши подсѣчники и сколько на-
мѣдъ вѣситъ, если вѣсъ первого относится къ вѣсу втораго, какъ 1,166... къ
1/8, а вѣсъ втораго къ вѣсу третьаго, какъ 0,828 къ 1/8. Определить корни
уравненія $x^3 + a \times = b$, если a будеть равно первому и въ восьмому члену
архимедической прогрессии, въ которой разность равна 20/m, а сумма первыхъ
послѣднихъ членовъ равна 951%. Боковая поверхность прямаго конуса равна 26,83
кв. дюйма, а радиусъ основанія 1,8 дюйма. Определить объемъ этого конуса.
Высота треугольника равна 68,3155 дюйма, а углы, прилежащие къ основанию,
равны 47° 28' 34" и 62° 19' 26". Определить площадь треугольника. Въ оставль-
ныхъ окружкахъ въ 1876 г. предложены слѣдующія темы по русскому языку: въ
Московскомъ: основная: любовь къ отечеству въ исторіи древнихъ Грековъ и
Римлянъ и русского народа; запасная: Петръ Великий и его время. Въ Казан-
скомъ: о значеніи труда въ жизни человѣка; запасная: значение монастырей въ
Россіи. Въ Оренбургскомъ: вѣзве природы на исторію народовъ; запасная:
русская литература въ царствованіе Екатерины II. Въ Харьковскомъ: какія
выгоды доставило человѣчеству образованіе? запасная: вліяніе бѣдствія и боя-
гатства на нравственность. Въ Одесскомъ: значение Чернаго моря въ политиче-
скомъ и торговомъ отношеніи; запасная: созыя и школа въ дѣлѣ воспитанія че-
ловѣка. По Киевскому: изложить ходъ второй Пумической войны и объяснить
причины такого хода; что сдѣлало сверженію русскимъ народомъ мон-
гольского ига? По Віленскому: характеристика Гораций, какъ поэта, по прочи-
таннымъ одамъ; запасная: сравнить главныя черты характера Ахиллеса и Ильи
Муромца. По Варшавскому: віяніе природы страны въ характеръ и образъ
жизни ея обитателей. (Ж. М. Н. Л. СХСІІІ, 4, 88—115).

испытательной комиссіи и учениковъ передъ самыи началомъ письменного испытанія по (такому-то) предмету". Начальству учебного округа предоставляется назначать однѣ и тѣ же задачи для всѣхъ гимпазій округа; но въ такомъ случаѣ, для письменного исполненія этихъ задачъ должны быть назначены одни и тѣ же дни во всѣхъ гимназіяхъ округа. При производствѣ испытаній экзаменующіеся находятся подъ непрерывнымъ надзоромъ членовъ комиссіи; для письменного испытанія назначается самая обширная зала въ гимназіи и въ ней каждый экзаменующий получаетъ свой особый столъ. Экзаменующіеся должны являться безъ всякихъ книгъ и учебныхъ пособій и т. п. Въ случаѣ упорного несоблюденія требованій наблюдателя, основанныхъ на изложенніи, или какого-либо обмана, виновный тотчасъ же лишается права продолжать начатое испытаніе, которое въ такомъ случаѣ откладывается на годъ. Оказавшіеся виновными и въ слѣдующемъ году въ томъ же, навсегда лишаются права на испытаніе зрѣлости, о чёмъ и оповѣщаются всѣ гимназіи Имперіи (ср. цирк. 2-го апрѣля 1874 г.). Письменныя работы поступаютъ прежде всего на разсмотрѣніе преподавателя предмета VIII класса, который обстоятельно излагаетъ свое мнѣніе на самой же работѣ, о томъ, въ какой мѣрѣ она соотвѣтствуетъ требованіямъ и въ какомъ отношеніи находится къ прежнимъ работамъ и вообще къ успѣхамъ ученика въ предметѣ. Затѣмъ работы разматриваются каждымъ изъ членовъ испытательной комиссіи и съ ихъ мнѣніями, на сихъ же работахъ написанными, передаются депутату или, за отсутствиемъ его, представляются прямо попечителю округа. (По желанію преподавателя предмета, къ сему могутъ быть приложены и другія письменныя классныя работы учениковъ за послѣдній годъ). По разсмотрѣніи письменныхъ работъ всѣми членами комиссіи, она сообща обозначаетъ достоинство каждой изъ нихъ обычными цифрами. По латинскому языку ставится отмѣтка 1 за грубые ошибки противъ этимологіи и большую неумѣлость примѣнить главные правила синтаксиса, и отмѣтка 2 за большую неопытность въ фразеологии; по греческому языку—1 за грубые ошибки противъ этимологіи и 2 за недостаточную твердость въ удареніи и ореографіи. Устное испытаніе, на которое назначается не менѣе одного дня для 15—20 экзаменующихся, распространяется на всѣ поименованные выше предметы письменного испытанія, за исключеніемъ русского языка, а также на законъ Божій и исторію. Испытаніе это производится соотвѣтственнымъ преподавателемъ VIII класса, если депутатъ или директоръ не пожелають сами произвести оно, или не предоставятъ производство его инспектору. Не возбраняется и прочимъ членамъ комиссіи предлагать вопросы по окончаніи отвѣта, даннаго ученикомъ на вопросъ экзаменатора.

Какъ при размотрѣніи вопроса о присужденіи аттестата или сви-

дѣтельства зрѣлости, такъ и при самомъ производствѣ испытанія, слѣдуетъ руководиться тѣмъ общимъ правиломъ, что испытаніе зрѣлости не есть испытаніе въ памяти, а въ томъ, развита ли въ молодомъ человѣкѣ способность соотвѣтствующаго его возрасту мышленія, имѣть ли онъ ясныѣ, вѣрно дѣйствующій умъ, правильное и здравое уображеніе, при чемъ слѣдуетъ придавать цѣну только тѣмъ познаніямъ и тому образованію, которыя, будучи плодомъ правильнаго и постояннаго въ теченіе всего предшествующаго учебнаго времени прилежанія, стали дѣйствительными и прочнымъ достояніемъ учениковъ. Такимъ образомъ для полученія аттестата или свидѣтельства зрѣлости требуется: а) По закопу Божію — нѣкоторая начитанность въ священномъ писаніи новаго завѣта, особенно же въ св. евангеліи, и твердое знаніе главнѣйшихъ событий священной исторіи ветхаго и новаго завѣта въ ихъ взаимной связи и соотношеніи, а также главнѣйшихъ основаній догматическаго и нравственнаго ученія церкви, ученія о богослуженіи и, наконецъ, важнѣйшихъ эпохъ всеобщей и отечественной церковной исторіи. б) По русскому языку—обнаруженнное сочиненіемъ правильное пониманіе предложенной темы въ главнѣйшихъ частяхъ ея и умѣніе выражать свои мысли ясно, опредѣленно, послѣдовательно, правильнымъ и соотвѣтственнымъ предмету языкомъ, съ совершеннымъ избѣженіемъ грамматическихъ ошибокъ. в) По латинскому языку—твердое знаніе грамматики и нѣкоторый навыкъ въ выборѣ, сочетаніи и расположениіи словъ соотвѣтственно характеру языка (въ письменной работѣ), и сверхъ того, довольно легкое вообще пониманіе, безъ предварительного приготовленія пе читанныхъ мѣстъ изъ римскаго прозаика или поэта. При этомъ задаются вопросы изъ грамматики, миѳологии, древностей, древней исторіи и географіи, на подобіе того, какъ это дѣлялось во время учебнаго курса при чтеніи римскихъ авторовъ. г) По греческому языку—твердое знаніе этимологіи и главнѣйшихъ правилъ синтаксиса и довольно легкое вообще пониманіе сочиненій Ксенофonta (*Anabasis*, *Cyropaedia*, *Memorabilia*), поэмъ Гомера и другихъ авторовъ, читаемыхъ въ гимназіи, при чемъ предлагаются тѣ же вопросы, какъ и по латинскому языку. Для перевода съ латинскаго и греческаго выбираются мѣста изъ авторовъ, не представляющія какихъ либо особыхъ трудностей ни по языку, ни по содержанію. д) По математикѣ—навыкъ въ решеніи ариѳметическихъ, алгебраическихъ, геометрическихъ и тригонометрическихъ задачъ, не требующихъ особой изобрѣтательности, навыкъ и надлежащая внимательность въ производствѣ вычислений и лсное пониманіе связи между всѣми основными положеніями элементарной математики, при чемъ въ письменной работѣ должны быть излагаемы не только самыѣ вычисления, но и тѣ соображенія, по коимъ они произведены (при устномъ испытаніи комисс-

сіа можетъ ограничиться изъ всѣхъ 4 частей математики только пѣкоторыми). е) По исторіи—связное изложение на заданную тему изъ отечественной и греческой или римской исторіи. При этомъ предлагаются также некоторые специальные вопросы и обращается внимание на знаніе географії.

Постороннимъ лицамъ устныя испытания производятся по всѣмъ предметамъ VII и VIII классовъ (кромѣ того постороннія лица могутъ подвергаться испытанію изъ всѣхъ предметовъ, за исключениемъ древнихъ языковъ, но въ такомъ случаѣ на выдаваемыхъ имъ свидѣтельствахъ прописывается, что они не представляютъ правъ, изложенныхъ въ §§ 129—132 устава; впрочемъ, такого рода испытанія должны быть производимы при реальныхъ училищахъ, где таковыя находятся). Слѣдовательно отъ нихъ требуется, кроме того: изъ русскаго языка — знакомство съ главнѣйшими произведеніями русской литературы и грамматическое знаніе языковъ русскаго и церковнославянскаго въ тѣхъ ихъ особенностяхъ, которыя необходимы для сознательно-правильного употребленія русскаго языка; изъ физики и математической географіи—ясное пониманіе главнѣйшихъ положеній объ общихъ свойствахъ тѣла, о законахъ равновѣсія и движенія, о теплотѣ, сиѣтѣ, магнитизмѣ и электричествѣ, а также и главныхъ явленій въ солнечной системѣ; изъ географіи—ясное представлѣніе объ очертаніи земель и взаимномъ ихъ относительно другъ друга положеніи, о рѣчныхъ ихъ областяхъ и построеніи ихъ поверхности, а также знаніе главнѣйшихъ частей политической географіи, особенно же географіи Россіи; по исторіи—ясное представлѣніе хода всеобщей исторіи, особенно же исторіи Грековъ, Римлянъ и отечественной; по новымъ иностраннымъ языкамъ—практическое знаніе грамматики и легкое попиманіе, доказанное переводомъ мѣстъ изъ прозаическихъ сочиненій повѣствовательного или описательного содержанія; изъ логики—знаніе существенныхъ отношеній между понятіями, сужденіями и умозаключеніями, а также главнѣйшихъ свойствъ методъ аналитической и синтетической, доказанное на примѣрахъ.

При разсмотрѣніи, послѣ окончанія устнаго испытанія, вопроса о присуждении ученикамъ гимназіи аттестата зрѣлости, педагогическій совѣтъ принимаетъ во вниманіе прежде всего достоинство письменныхъ работъ, потомъ достоинство устныхъ отвѣтовъ и наконецъ заявленія преподавателей о степени умственнаго развитія экзаменовавшагося и успѣховъ его по каждому предмету; относительно же тѣхъ постороннихъ лицъ, коимъ предстоитъ дальнѣйшее испытаніе изъ другихъ предметовъ, постановляется, должны ли они бывать допущены къ оному. Преподаватели отдѣльныхъ предметовъ, производившіе испытаніе и обсуждавшіе письменныя работы, первые высказываютъ опредѣленное сужденіе о познаніяхъ каждого экзаменовавшагося по

своему предмету. За тѣмъ слѣдуетъ совѣщаніе, на коемъ придается наибольшій вѣсъ тому общему впечатлѣнію, которое произведено испытателемъ каждого экзаменующагося, относительно сужденія о его зрѣлости. Въ случаѣ, еслибы это совѣщаніе не привело къ общему соглашенію, дѣло рѣшается формальною открытою подачею голосовъ, при чемъ каждый членъ соотвѣтственной комиссіи имѣть одинъ голосъ и младшій членъ подаетъ первый свой голосъ. При равенствѣ голосовъ, дѣло рѣшается голосомъ директора, если съ нимъ согласенье и депутатъ отъ высшаго учебнаго начальства. Въ случаѣ, если мнѣніе большинства противорѣчить убѣждѣнію депутата, или, за отсутствіемъ его, директора, какъ то, такъ и другое изъ сихъ лицъ можетъ пристановить дальнѣйшее производство дѣла и перепести оное на окончательное рѣшеніе подлежащаго высшаго начальства.

При обсужденіи вопроса о выдачѣ аттестата зрѣлости, педагогической совѣтѣ рѣшасть и вопросъ о награжденіи учениковъ гимназіи медалями (§ 36 устава), при чемъ также принимаются во вниманіе поведеніе, прилежаніе и любовнательность окончившихъ курсъ. При всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, золотыя медали присуждаются получившимъ б въ обоихъ древнихъ языкахъ и въ математикѣ, а серебряныя—въ двухъ изъ сихъ предметовъ; при чемъ въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ предметовъ испытанія и тѣхъ, по коимъ оно не производилось, должно быть: для получения золотой медали—болѣе $4\frac{1}{2}$, серебряной—болѣе 4.

Аттестаты и свидѣтельства зрѣлости (первые установлены для гимназистовъ, вторыя—для постороннихъ лицъ) выдаются на публичномъ актѣ или же въ присутствіи всѣхъ членовъ педагогического совѣта гимназіи и всѣхъ наличпыхъ учениковъ заведенія, а также родителей и родственниковъ послѣднихъ, если они пожелають припять участіе въ этомъ торжествѣ. Протоколы испытаній, списокъ экзаменовавшихъ съ выставленными въ немъ отметками и письменныя работы препровождаются къ попечителю округа, затѣмъ просматриваются въ окружномъ управлѣніи и на основаніи онъхъ составляется отчетъ о ходѣ испытаній зрѣлости въ гимназіяхъ округа. Попечитель сообщаетъ замѣчанія свои по сему предмету къ свѣдѣнію и руководству директоровъ.

Статьи правилъ объ испытаніяхъ зрености, относящіяся собственно до учениковъ, прочитываются отъ времени до времени ученикамъ VIII-го класса съ подлежащими объясненіями и наставлѣніями.

12) Права по военной службѣ опредѣлены Высочайше утвержденными 1 января 1874 г. уставомъ о воинской повинности. Первоначально было предположено предоставить права вольноопредѣляющихся лицамъ, окончившимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и уравнять въ этомъ отношеніи восьмиклассныя гимназіи съ шести-

классными реальными училищами; кончившихъ же курсъ въ уѣздныхъ училищахъ и соответствующихъ имъ учебныхъ заведеніяхъ, по выслугѣ трехъ лѣтъ въ нижнемъ званіи,—производить въ первый офицерскій чинъ, дающій право личнаго дворянства. Но осуществленіе этого предположенія легко могло бы повести къ тому, что большая часть молодыхъ людей, принадлежащихъ къ сословіямъ, не пользуясь правомъ государственной службы, и посѣщающихъ гимназіи (болѣе $\frac{1}{3}$ общаго числа гимназистовъ), избрала бы кратчайшій путь для производства въ офицеры поступлениемъ въ уѣздныя училища, и контингентъ образованыхъ офицеровъ такимъ образомъ уменьшился бы. Эти соображенія (отч. 1873 г., стр. 75) были пришиты во вниманіе при обсужденіи вопроса о вольноопредѣляющихся. Статью 173 устава вольноопредѣляющихся раздѣлены на три разряда: къ 1-му привадлежать выдержаніе испытаніе университетскаго курса, ко 2-му прошедши курсъ не ниже шестаго класса гимназіи или полный курсъ реальныхъ училищъ, какъ семиклассныхъ, такъ и шестиклассныхъ, къ 3-му выдержаніе испытаніе по особой программѣ, установленной по соглашенію министровъ военнаго и народнаго просвѣщенія. Вольноопредѣляющихся первого разряда обязаны прослужить въ дѣйствующихъ войскахъ три мѣсяца, втораго разряда—6 мѣсяцевъ и третьаго—два года. По выслугѣ сихъ сроковъ, вольноопредѣляющихся какъ нижниго званія, такъ и произведенные въ офицеры, могутъ, въ мирное время, или продолжать дѣйствительную службу, или перечисляться въ запасъ, въ коемъ состоять девять лѣтъ. Мужское населеніе, безъ различія состояній, подлежитъ воинской повинности, къ коей по жеребью призываются всѣ молодые люди, которымъ къ 1 января того года, когда наборъ производится, минуло двадцать лѣтъ отъ роду (ст. 1 и 11). Но для окончанія образованія, поступленіе ихъ на службу въ войска по вынутому жеребью острочивается: до достиженія 22 лѣтъ отъ роду—ученикамъ гимназій и реальныхъ училищъ, 27 лѣтъ—обучающимся въ университетахъ (ст. 53).

13. Сверхъ шестинедѣльныхъ лѣтнихъ вакацій, продолжающихся до конца учебнаго года, и праздниковъ Рождества Христова и Св. Пасхи (по 2 недѣли) ученики свободны отъ занятій въ такъ называемые царскіе дни и 16 церковныхъ праздниковъ, изъ коихъ 7 богородичныхъ. Но такъ какъ весьма многіе ученики, не занимавшись вовсе ученіемъ въ продолженіе лѣтней вакаціи, являются въ классы, забывъ весьма многое ¹⁾, и обнаруживаются какъ бы нѣкоторую отвѣтчику отъ умственныхъ занятій, то имъ слѣдуетъ заставать занятія

¹⁾ При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ некоторыхъ классахъ ученикъ прѣкращается за мѣсяцъ до наступленія лѣтней вакаціи, вслѣдствіе производства испытаній.

— 1 —

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ 1878 Г.

НА ЖУРНАЛЪ

СБОРНИКЪ

ИНТЕРЕСНЫХЪ

УГОЛОВНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ

ВСЕХЪ СТРАНЪ

ПРЕЖНЯГО И НОВЫШАГО ВРЕМЕНИ.

Годовое издание заключаетъ въ себѣ 24 выпуска, отъ 2 до 3 листовъ выпускъ. Срокъ выхода 1 и 15 числа каждого мѣсяца.

Въ концѣ года подписчикамъ на Сборникъ будетъ выдана въ видѣ преміи книга, отъ 20 до 25 листовъ, вполнѣ законченного уголовнаго процесса.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки.	Съ доставкой. перосылк.
На годъ въ С.-Петербургѣ 6 —	На годъ въ С.-Петербургѣ 6 50
На полгода. 3 —	На полгода. 3 30
На 3 мѣсяца. 2 —	На 3 мѣсяца. 2 20

Отдельный выпускъ 25 коп.

Служашіе могутъ подписаться чрезъ казначея, съ разсрочкою по 50 к. въ мѣсяцъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ типографіи В. С. Балащева. Екатерин. кан. между Вознесенск. и Маріинск. мостами д. № 1—90. Въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, Невскій пр. противъ Гостиныхъ дворовъ № 46 и Черкесова.

Гг. многородныхъ просятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ типографію В. С. Балащева.

Редакторъ-издатель В. Балащевъ.

1-го СЕНТЯБРЯ вышла и разослана подписаніемъ IX-я, СЕН-
ТЯБРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Исторія жизни мазака Мирнина.—II. Записки Ил. Стол. Миркевича: губернаторство въ Симбирскѣ, 1834 г.—III. Алавозовский и его художественная дѣятельность.—IV. Иоахимъ Лоденъ, какъ крѣпкъ Карамзина (окончаніе).—V. Океры и рассказы бунта архіепископа Привез въ Иркутскѣ, въ 1832 г.—VI. Бармагтенъ фонъ-Энз: русские люди и дѣла въ 1844—1849 гг., изъ его дневника. Сообщ. А. А. Чумиковъ.—VII. Исторические материалы, замѣтки, рассказы.—VIII. Библиографический листокъ.

Къ этой книжѣ приложенъ: портретъ князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, казненнаго въ 1739 г.; съ рѣдкой гравюры, принадлежащей П. А. Ефремову, исполнены художн. Брошъ и граверь-акад. Л. А. Сѣриковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1879 г.

[десятыѣ годы].

Подписька принимается: въ С.-Петербургѣ, у **Мамонтова**, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у **Мамонтова**, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова, и у **Соловьевъева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами 8 руб. съ пересылкой.

Можно получить: «Русскую Старину» 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 г. (съ десятью гравированными на иѣди и на деревѣ портретами).

М. И. Семёновскій.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

О пѣкоторыхъ статьяхъ латинской грамма-
тики.

Я. МОРА.

Библіографія:

О назначении Кнея Помпея полководцемъ. Рѣчь Мар-
ка Туллія Ціцерона къ народу. Переводъ Ро-
стовцева.

Р. Фокта.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Исторія срединныхъ учебныхъ заведеній
въ Россіи (Продолженіе).

Е. Шміда.

Редакторъ Е. Феоктистовъ.

(Вышла 1-го сентября.)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ
съ 1867 года

заключасть въ себѣ, кроме правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библиографіи, и современную занятіеясь учебнаго дѣла у насть и за границей.

Подписанка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписанная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тридцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ тѣмъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ начаѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятнадцати копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ПАРОДИАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ОКТЯВРЬ.

1878.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.

ЧАСТЬ СХСИХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознесен. и Маріинскими воротами. д. № 90—1.

1878.

СОДЕРЖАНИЕ.

Извлечение изъ всеподданнѣйшаго отчета Г. министра народнаго просвѣщенія за 1876 годъ. (Окончаніе).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ РАСПОРЯЖЕНИЕ.

О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи,
рассматриваемой въ связи съ напѣ-
вами

С. ШАФРАНОВА.

А. Шопенгауэръ.

Князя Д. ЦЕРТЕЛЕВА.

О критическомъ значеніи Архангельского
Евангелия

А. Дювернуа.

Система семитическихъ языковъ Ренана и
новѣйшія открытия въ клинописи.

И. Радинскаго.

Законодательство иконоборцевъ

В. Г. Васильевокаго.

Критическая и библіографическая замѣтки.

Доказаніе взворы за спуск исторіи. Уредно Иван Пасло-
вич Део први, Житига краљ Србскихъ

В. Качановскаго.

Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Рос-
сіей съ иностраннѣми державами. Сост. Ф.
Мариненсъ, профессоръ С.-Петербургскаго уни-
верситета. Томъ IV-й Н. И.

Древнія Россійскія стихотворенія, собр. Кирило Да-
ниловъ. Изданіе третье, комиссій печатанія
государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоя-
щій при Московскомъ главномъ архивѣ ми-
нистерства иностраннѣхъ дѣлъ, по 2-му полному
изданію съ нотами

Л. Н. Майкова.

Къ вопросу о ревизіи начального народнаго
училища

Н. Осипянкова.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) универ-
ситеты.

Отдѣль классической филологии и Приложения.

(См. на 3-й стр. обертки.)

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

ЧАСТЬ СХСИХ

С.-ПЕТЕРБУРГъ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАШЕВА

Кафедральній каналъ, между Вознесенскими и Марининскими.

10-1

1878

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВСЕПОДДАННЕЙШЕМУ ОТЧЕТУ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ ЗА 1876 ГОДЪ¹⁾.

¹⁾ Окончание. См. сентябр. ил. Ж. М. И. Пр. сего года.

ЧАСТЬ СХСИХ, отд. I.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ

ИЗТАКИЧА ЧИСЛА ПРОПОДАВАТЕЛЕЙ СЪ НАЛИЧНЫМЪ ИХЪ

Въ университетахъ.	С.-Петербургскомъ.			Московскомъ.			Харьковскомъ.		
	Назначено по штату.		Состояло на лицо.	Назначено по штату.		Состояло на лицо.	Назначено по штату.		Состояло на лицо.
	Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.	Штатныхъ.	Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.	Штатныхъ.	Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.	Штатныхъ.
Профессоровъ, богословія	1	1	—	1	1	—	1	1	—
Ординарныхъ профессоровъ	34	34	3	39	39	—	39	33	1
Экстраординарныхъ профессоровъ	16	13	—	18	13	—	18	8	—
Докторовъ и альюнктовъ	24	18	—	31	26	—	31	10	—
Пролекторовъ	—	—	—	2	2	—	2	2	—
Помощниковъ пролекторовъ	—	—	—	—	—	1	3	3	—
Лекторовъ.	8	8	—	4	3	—	4	3	—
Преподавателей	—	—	2	—	—	—	—	—	—
Приватъ-доцентовъ	—	—	9	—	—	18	—	—	4
Итого.	83	74	14	98	87	19	98	60	5
			<u>88</u>			<u>106</u>			<u>65</u>

ВѢДОМОСТЬ

числомъ въ университетахъ къ 1-му января 1877 года.

Казанскемъ.			Св. Владимира.			Новороссийскемъ.			Дерптскомъ.			Варшавскемъ.			В С Е Г О.			
Назначено по штату.	Состоило на лицо.	Состоило на лицо.	Назначено по штату.	Состоило на лицо.	Состоило на лицо.	Назначено по штату.	Состоило на лицо.	Состоило на лицо.	Назначено по штату.	Состоило на лицо.	Состоило на лицо.	Назначено по штату.	Состоило на лицо.	Состоило на лицо.	Состоило на лицо.	Состоило на лицо.		
Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.	Штатныхъ.	Штатныхъ.	Штатныхъ.	Штатныхъ.	Штатныхъ.	Штатныхъ.											
1	1	—	1	1	—	1	1	—	1	1	—	—	—	—	7	7	—	
39	35	1	39	34	2	23	23	—	43	35	—	27	27	—	245	260	8	
18	6	—	18	7	—	13	3	—	6	6	—	20	20	—	121	76	—	
31	17	—	31	21	—	16	11	—	10	8	—	21	14	—	195	125	—	
2	1	—	2	2	—	—	—	—	1	1	—	3	3	—	12	11	—	
3	3	1	3	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	12	12	3	
4	3	—	4	2	—	4	3	—	5	3	—	5	5	—	30	30	—	
2	—	—	—	—	—	—	—	1	8	7	—	2	—	7	9	8		
—	—	11	—	—	10	—	—	—	—	5	—	—	1	—	—	59		
100	66	13	93	70	12	62	41	1	68	61	5	76	71	2	680	529	72	
		79			82			42			66			78			601	

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ
о наличномъ составѣ преподавателей и о числѣ преподаватель-
скихъ вакансій въ 1875 и 1876 годахъ.**

Въ университетахъ.	Состояло на лицо штат- ыхъ преподавателей.						Число штатныхъ вакансій.						Всего вакансій.
	Ординарныхъ про- фессоровъ.	Экстраординар- ныхъ профессор- овъ.	Докентовъ и адъюн- ктовъ.	Прозекторовъ.	Помощниковъ прозекторовъ.	Лекторовъ.	Ординарныхъ про- фессоровъ.	Экстраординар- ныхъ профессор- овъ.	Докентовъ и адъюн- ктовъ.	Прозекторовъ.	Помощниковъ прозекторовъ.	Лекторовъ.	
<i>С.-Петербургскому.</i>													
Къ 1-му января 1876 г.	36 ¹⁾	14	18	—	—	8	3	2	6	—	—	—	11
, 1877 г.	38	13	18	—	—	—	1	3	6	—	—	—	10
<i>Московскому.</i>													
Къ 1-му января 1876 г.	38	13	25	2	3	3	2	3	—	—	—	—	6
, 1877 г.	39	12	26	2	3	3	—	4	—	—	—	—	5
<i>Харьковскому.</i>													
Къ 1-му января 1876 г.	36	8	10	2	3	2	4	10	21	—	—	—	36
, 1877 г.	35	8	10	2	3	3	5	10	21	—	—	—	37
<i>Казанскому.</i>													
Къ 1-му января 1876 г.	36	5	14	2	3	3	3	13	17	—	—	—	34
, 1877 г.	37	6	17	1	3	3	2	12	14	1	—	—	30
<i>Св. Владимира.</i>													
Къ 1-му января 1876 г.	35	5	22	2	3	2	4	13	9	—	—	—	28
, 1877 г.	37	7	21	2	3	2	2	11	10	—	—	—	25
<i>Новороссийскому.</i>													
Къ 1-му января 1876 г.	26	5	9	—	—	3	3	8	7	—	—	—	19
, 1877 г.	24	3	11	—	—	3	5	10	5	—	—	—	21
<i>Дерптскому.</i>													
Къ 1-му января 1876 г.	37	4	9	1	—	4	—	—	6	—	—	—	10
, 1877 г.	36	6	8	1	—	3	—	—	4	—	—	—	8
<i>Варшавскому.</i>													
Къ 1-му января 1876 г.	27	20	15	3	—	5	—	—	6	—	—	—	6
, 1877 г.	27	20	14	3	—	5	—	—	7	—	—	—	7
Итого къ 1 янв. 1876 г.	270	74	122	12	12	30	3	19	49	72	—	—	150
								2	—	67	1	—	8
								15	50				143

¹⁾ Въ числѣ ординарныхъ профессоровъ показаны и профессоры богословія.

ВЪ ДОМООСТЬ

о чиcль и распределенiи учащихся по факультетамъ и разредамъ на 1-му января 1877 года.

Чиcло студентовъ.		Б. С. Е. Д. О.	
Въ университатахъ.		Однако приблизительно	
Б. Историко-филологич. факультетъ.	Въ юридическомъ факультете.	Въ физико-математическомъ факультете.	Б. С. Е. Д. О.
Б. Отделение кафедръ.	Б. Отделение кафедръ.	Б. Отделение кафедръ.	Б. С. Е. Д. О.
Б. Историко-филологич. факультетъ.	Б. Историко-филологич. факультетъ.	Б. Историко-филологич. факультетъ.	Б. С. Е. Д. О.
С.-Петербургскому.	—	—	1301
Московскому.	—	—	1609
Харьковскому.	—	—	208
Казанскому.	—	—	481
Киевскому си. Владимиру.	—	—	39
Новороссийскому.	—	—	536
Дерптскому.	—	—	687
Варшавскому.	—	—	28
Итого.	85	36	372
		619	786
		1693	—
		1172	—
			75
			1236
			695
			235
			295
			501
			613
			345
			190
			406
			140
			546

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

числа студентовъ и вольныхъ слушателей, состоявшихъ въ университетахъ къ 1-му января 1876 и 1877 годовъ.

Въ университетахъ.	Состоило на 1-мъ кв. 1-му января 1876 года.	Въ теченіе 1876 года.		Состоило на 1-мъ кв. 1-му января 1877 года.	
		Вновь поступло.	Выбыло.		
			До оконч- ия курса.	До оконч- ия курса.	
<i>С.-Петербургскому.</i>					
студентовъ . . .	1149	479	298	125	1236
вольнослушателей	76	свѣдѣній	не достав- лено.		75
<i>Московскому.</i>					
студентовъ . . .	1259	417	109	266	1301
вольнослушателей	210	37	10	1	208
<i>Харьковскому.</i>					
студентовъ . . .	481	144	32	109	442
вольнослушателей	45	39	свѣдѣній не достав- лено.		39
<i>Казанскому.</i>					
студентовъ . . .	492	116	13	102	501
вольнослушателей	39	23	27	,	35
<i>Св. Владимира.</i>					
студентовъ . . .	606	251	106	198	613
вольнослушателей	66	61	свѣдѣній не достав- лено.		54
<i>Новороссійскому.</i>					
студентовъ . . .	340	134	66	64	344
вольнослушателей	15	свѣдѣній не достав- лено.			28
<i>Дерптскому</i>					
студентовъ . . .	770	264	140	108	786
вольнослушателей		26	24	2	
<i>Воронежскому.</i>					
студентовъ . . .	453	197	45	155	406
вольнослушателей	175	свѣдѣній не достав- лено.			140
<i>Всего</i>					
студентовъ . . .	5610	2012	809	1127	5829
вольнослушателей	526	(186)	(61)	(67)	579

ВЪ ДОМОСТЬ

о числѣ студентовъ, допущенныхъ къ слушанію лекцій въ университетахъ бесплатно и за половинную плату въ 1876 году.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Общее число студентовъ.	Слушавшихъ бесплатно.		Число слушавшихъ лекціи за половинную плату.
		Число лицъ.	Какой процентъ общаго числа студентовъ.	
<i>С.-Петербургскому.</i>				
Въ 1-й половинѣ 1876 года	1149	342	29,76%	33
Во 2-й. > >	1236	381	30,82%	53
<i>Московскому.</i>				
Въ 1-й половинѣ 1876 года	1301	743	57,1%	19
Во 2-й. > >				
<i>Харьковскому.</i>				
Въ 1-й половинѣ 1876 года	481	201	41,6%	—
Во 2-й. > >	442	248	56,1%	—
<i>Казанскому.</i>				
Въ 1-й половинѣ 1876 года	501	225	45%	—
Во 2-й. > >				
<i>Св. Владимира.</i>				
Въ 1-й половинѣ 1876 года	678	307	46,75%	—
Во 2-й. > >	779	275	35,30%	—
<i>Новороссійскому.</i>				
Въ 1-й половинѣ 1876 года	474	229	15,38%	—
Во 2-й. > >				
<i>Дерптскому.</i>				
Въ 1-й половинѣ 1876 года	1034	159	15,38%	—
Во 2-й. > >				
<i>Варшавскому.</i>				
Въ 1-й половинѣ 1876 года	467	47	10%	—
Во 2-й. > >	440	44		
В С Е Г О		8982	3201	35,63%
				105

ВЪДО

о числѣ лицъ, утвержденныхъ въ ученыхъ и

	С.-Петербург- скому.	Московскому.				Харьковскому.			
		По историко-филологич- ескому.	По физико-математиче- сному.	По юридическому.	Восточнымъ языкамъ.	По историко-филологич- ескому.	По юридическому.	По медицинскому.	По физико-математиче- сному.
Въ университетахъ по факультетамъ и отдѣлѣніяхъ утверждено къ степени наукъ и званіяхъ.									
Докторовъ	.	—	3	—	—	1	2	2	17
Магистровъ	.	3	7	—	—	3	3	—	2
Кандидатовъ	.	17	54	79	8	11	14	41	—
Дѣйствительныхъ студентовъ	.	3	5	57	4	6	7	21	1
Лекарей	.	—	—	—	—	—	—	171	—
Инспекторовъ врачебной управы	.	—	—	—	—	—	—	—	—
Губернскихъ врачей	.	—	—	—	—	—	—	—	—
Уѣзденныхъ врачей	.	—	—	—	—	—	—	145	—
Операторовъ	.	—	—	—	—	—	—	—	—
Акушеровъ	.	—	—	—	—	—	—	3	—
Магистровъ фармації.	.	—	—	—	—	—	—	79	—
Провизоровъ.	.	—	—	—	—	—	—	—	24
Аптекарскихъ помощниковъ.	.	—	—	—	—	—	—	20	—
Дантистовъ	.	—	—	—	—	—	—	8	—
Повивальныхъ бабокъ.	.	—	—	—	—	—	—	24	—
Землемѣровъ	.	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего.		23	69	136	12	18	26	67,462	3
		<u>240</u>				<u>573</u>			
						<u>263</u>			

МОСТЬ

медицинскихъ степеняхъ и званияхъ въ 1876 году.

Гимназіи и прогимназіи.

Къ 1-му января 1877 г. въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія находилось: гимназій 129, шестиклассныхъ прогимназій 18 и четырехклассныхъ 49,—всего 196. По учебнымъ округамъ овѣ были распределены слѣдующимъ образомъ: въ С.-Петербургскомъ округѣ 14 гимназій, 3 шестиклассныхъ и 4 четырехклассныхъ прогимназій; въ С.-Петербургѣ 8 гимназій (въ томъ числѣ гимназія при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ и гимназія Императорскаго Человѣколюбиваго Общества) и 6 прогимназій, изъ нихъ 3 шестиклассныхъ; въ Кронштадтѣ, Царскомъ селѣ, Псковѣ, Новгородѣ, Вологдѣ, Петрозаводскѣ и Архангельскѣ по 1-й гимназій, и въ Нарвѣ 1 четырехклассная прогимназія; въ Московскомъ округѣ 20 гимназій и 13 прогимназій: въ Москвѣ 7 гимназій (въ томъ числѣ общіе гимназіческіе классы Лазаревскаго института восточныхъ языковъ) и 2 прогимназіи; въ Нижнемъ Новгородѣ 1 гимназія и 1 институтъ (Александровскій); въ Рязани 1 гимназія и 1 прогимназія; въ Твери, Ярославлѣ, Костромѣ, Владимірѣ, Калугѣ, Визѣмѣ, Смоленскѣ, Тулѣ, Орлѣ и Ельцѣ по одной гимназіи, и въ Серпуховѣ, Коломнѣ, Касимовѣ, Егорьевскѣ, Ржевѣ, Рославлѣ, Бѣльскѣ, Рыбинскѣ и Сергіевомъ посадѣ по одной прогимназіи; въ Шуѣ одна шестиклассная прогимназія, остальная же Прогимназія въ округѣ—четырехклассная; въ Казанскомъ округѣ 8 гимназій и 3 четырехклассныхъ прогимназій: въ Казани 3 гимназіи, въ Симбирскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Астраханіи и Вяткѣ по одной гимназіи, въ Вольскѣ, Царицынѣ Алатаури по одной прогимназіи; въ Оренбургскомъ округѣ 6 гимназій и двѣ четырехклассныхъ прогимназіи: въ Оренбургѣ, Уфѣ, Перми, Екатеринбургѣ, Уральскѣ и Троицкѣ по одной гимназіи, а въ Мензелинскѣ и Стерлитамакѣ по одной прогимназіи; въ Харьковскомъ округѣ 11 гимназій, 4 шестиклассныхъ и 6 четырехклассныхъ прогимназій: въ Харьковѣ 3 гимназіи и 1 прогимназія (четырехклассная), въ Николаевѣ 1 гимназія и 1 прогимназія (шестиклассная); въ Воронежѣ 1 гимназія и 1 прогимназія (четырехклассная), въ Бѣлгородѣ, Сумахѣ, Новочеркассѣ, Усть-медицкѣ, Тамбовѣ, Курскѣ по одной гимназіи; въ Корочѣ, Елатымѣ и Старобѣльскѣ по одной шестиклассной прогимназии; въ Нижнечирскѣ, Каменской, Ахтыркѣ и Лебядянѣ по одвой четырехклассной прогимназіи; въ Одесскомъ округѣ—13 гимназій, 2 шестиклассныхъ и 8 четырехклассныхъ прогимназій: въ

Одесъ 3 гимназіи, 2 прогимназіи (4-классныя), въ Херсонѣ 1 гимназіи и 1 прогимназія (6-классная), въ Кишиневѣ 1 гимназія и 1 прогимназія (4-классная), въ Николаевѣ, Екатеринославлѣ, Таганрогѣ, Бердянскѣ, Керчи, Симферополѣ, Анапьевѣ и Мариуполѣ по одной гимназіи, въ Феодосіи 1 шестиклассная прогимназія, въ Павлоградѣ, Вознесенскѣ, Ростовѣ на Дону, Евпаторіи и Ялтѣ по одной четырехклассной прогимназіи; въ Кіевскомъ округѣ 11 гимназій а съ коллегіей Цавла Галагана всего 12, 3 шестиклассныя и 3 четырехклассныя прогимназіи: въ Кіевѣ 3 гимназіи и 1 прогимназія (шестиклассная), въ Житомирѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Немировѣ, Полтавѣ, Лубнахъ, Черниговѣ, Нѣжинѣ и Новгородъ-Сіверскѣ по одной гимназіи въ Острогѣ и Глуховѣ по одной 6-классной прогимназіи, въ Сурожѣ, Прилукахъ и Златополѣ по одной 4-классной прогимназіи; въ Віленскомъ округѣ 8 гимназій, 2 шестиклассныя и 3 четырехклассныя прогимназіи: въ Вільнѣ 1 гимназія и 1 шестиклассная прогимназія, въ Kovnѣ, Гроднѣ, Минскѣ, Вітебскѣ, Могилевѣ, Слуцкѣ и Шавляхъ по 1 гимназіи, въ Мозырѣ 1 шестиклассная прогимназія, въ Гомелѣ, Бобруйскѣ и Брестъ-Литовскѣ по одной 4-классной прогимназіи; въ Варшавскомъ округѣ 18 гимназій и 8 четырехклассныхъ прогимназій: въ Варшавѣ 6 гимназій и 2 прогимназіи, и по одной гимназіи въ Калишѣ, Петроковѣ, Радомѣ, Кѣльцахъ, Люблинѣ, Холмѣ, Сѣдлецѣ, Бѣлой, Ломжѣ, Сувалкахъ, Маріамполѣ и Плоцкѣ, въ Ченстоховѣ же, Грубешовѣ, Замостыи, Пултускѣ, Сандомирѣ и Пинчовѣ по одной прогимназіи; въ Дерптскомъ округѣ—13 гимназій: въ Ригѣ 3, въ Ревельѣ 3 (въ томъ числѣ Рыцарское Домское училище, и по одной гимназіи въ Митавѣ, Дерптѣ, Феллинѣ, Аренсбургѣ, Перновѣ, Либавѣ и Гольдингенѣ; въ Западной Сибири 3 гимназіи, по одной въ Тобольскѣ, Томскѣ и Омскѣ; въ Восточной Сибири 2 гимназіи (по одной въ Прокутскѣ и Красноярскѣ) и 3 шестиклассныя прогимназіи (въ Якутскѣ, Владивостокѣ и Енисейскѣ). Кроме исчисленныхъ учебныхъ заведений, открыты въ 1876 году въ Туркестанскомъ краѣ двѣ четырехклассные прогимназіи въ г. Ташкентѣ и Бѣрномъ, но подробнаго отчета о нихъ не получено.

ВЪДОМОСТЬ.

о числѣ мужскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и учащихся въ нихъ въ 1876 году.

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Состояло учебныхъ за- веденій						Учащихся въ нихъ.						
	Къ 1-му ян- варя 1876 г.			Къ 1-му ян- варя 1877 г.			Состояло на лицо.			Выбыло въ течение 1876 года.			
	Гимназій.	Прогимназій.	При нихъ предприятіи.	Гимназій.	Прогимназій.	При нихъ предприятіи.	Къ 1-му ян- варя.	Къ 1-му ян- варя.	Протягъ 1876 года	Быть.	Менѣ.	До окончанія курса.	
	1)	2)	3)	1)	2)	3)	4)	5)	6)	7)	8)	9)	
С.-Петербургскому.	15	7	22	20	15	7	22	24	5063	5453	390	927	111
Московскомъ.	20	12	32	47	20	13	33	44	7360	7683	323	1210	202
Казанскомъ.	8	2	10	18	8	3	11	19	2995	3119	124	415	96
Ореабургскому.	6	1	7	8	6	2	8	5	1598	1614	16	288	36
Харьковскому.	11	9	19	20	11	10	21	18	4910	5136	226	780	169
Одесскому.	11	7	18	18	13	10	23	19	4344	4956	612	908	106
Кievскомъ.	11	6	17	44	11	6	18	46	5558	5882	324	864	142
Виленскому.	8	5	14	26	8	5	14	26	4023	4100	77	768	81
Варшавскому.	18	8	26	43	18	8	26	48	7196	7778	582	1288	141
Дерптскому.	13	—	4	22	13	—	5	37	3454	3691	237	587	126
Запад. Сибири.	2	—	2	2	3	—	3	3	510	606	96	110	12
Восточн. Сибири.	2	2	4	3	2	3	5	4	628	683	55	148	4
И Т О Г О.	125	59	175	271	128	67	189	293	47639	50701	3062	8293	1166

¹⁾ Въ томъ числѣ гимназій при Императорскомъ С.-Петербургскому Историко-филологическому институту.

²⁾ Въ томъ числѣ 3 шестилетнія.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ОТЧЕТУ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ. 119

- ⁸⁾ Въ томъ числѣ институты: Лазаревскій Восточныхъ языковъ и Нижегородскій Александровскій.
- ⁹⁾ Въ томъ числѣ 1 шестиклассная.
- ¹⁰⁾ Въ томъ числѣ 3 шестиклассныя.
- ¹¹⁾ Въ томъ числѣ 4 шестиклассныя.
- ¹²⁾ Въ томъ числѣ 2 шестиклассныя.
- ¹³⁾ Въ томъ числѣ 3 шестиклассныя.
- ¹⁴⁾ Не считая коллегии Павла Галагана, о которой свѣдѣній не доставлено.
- ¹⁵⁾ Въ томъ числѣ двѣ шестиклассныя.
- ¹⁶⁾ Въ томъ числѣ Рыцарское Домское училище въ Ревеле.
- ¹⁷⁾ Шестиклассныя.
- ¹⁸⁾ Кроме прогимназій въ Ташкентѣ и Варномъ, о которыхъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній не доставлено.

ВЪДОМОСТЬ

о распределеніи учениковъ, состоявшихъ въ гимназіяхъ и про-
гимназіяхъ къ 1-му января 1877 г. по вѣроисповѣданіямъ и со-
словіямъ.

Въ учебныхъ опу- гахъ.	(Общее число учащихся къ 1-му января 1877 г.)	Въ томъ числѣ находились.											
		По вѣроисповѣданіямъ.						По сословіямъ.					
		Православ- наго.	Римско-кат- олическаго.	Лютеран- скаго.	Еврейскаго.	Магометан- скаго.	Протестант- скаго.	Дворянъ и чиновниковъ.	Духовнаго зананія.	Городскихъ состоиній.	Сельской состоиніи.	Иностранн.	
С.-Петербургскомъ.	5453	4626	254	369	178	5	21	3159	270	1647	275	102	
Московскомъ	7683	6944	193	213	146	7	180	3364	461	2389	383	86	
Казанскомъ	3119	2796	75	150	65	6	27	1522	223	1010	295	69	
Оренбургскомъ	1614	1301	60	35	32	47	139	714	106	588	199	7	
Харьковскомъ	5136	4741	91	113	172	4	12	2669	379	1398	637	53	
Одесскомъ	4956	2783	221	107	1531	—	314	1810	156	2648	159	183	
Киевскомъ	5882	4069	1076	101	632	2	2	3434	540	1405	349	104	
Виленскомъ	4100	1353	1651	150	908	33	5	2337	177	1329	224	33	
Варшавскомъ	7778	942	5448	360	1007	8	13	4146	240	2566	785	41	
Дерптскомъ	3691	458	361	2592	242	—	38	1528	229	1539	306	89	
Западной Сибири	606	520	32	7	47	—	—	292	32	242	40	—	
Восточной Сибири	693	605	16	7	52	3	—	275	31	299	51	27	
Итого	50701	31138	9491	4204	5012	115	751	25750	2844	17610	3703	794	

¹⁾ Число учениковъ еврейскаго вѣроисповѣданія по Одесской 2-ой программѣ не сообщено.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ пансионовъ общихъ ученическихъ квартиръ при гимназіяхъ къ 1-му января 1877 г.

Въ учебныхъ окруж. гахъ.	Пансионовъ.		общихъ ученическ. квартиръ.				Всѣго.	
			Казенныx.		Частныхъ.			
	Число занес.- деній.	Число вос- питанниковъ	Число зане- деній.	Число вос- питанниковъ	Число занес.- деній.	Число вос- питанниковъ	Число занес.- деній.	Число вос- питанниковъ
С.-Петербургскомъ.	8	783	—	—	1	26	9	809
Московскомъ .	11	845	—	—	2	64	20	909
Казанскомъ .	3	204	—	—	2	21	5	225
Орловбургскомъ .	3	145	—	—	1	21	4	166
Харьковскомъ .	5	328	1	12	4	66	10	406
Одесскомъ .	5	208	—	—	58	200	63	408
Киевскомъ .	2	140	1	173	309	1555 (приблизительно)	312	1868
Виленскомъ .	—	—	5	233	75	722	80	955
Варшавскомъ .	—	—	—	—	470	2197	470	2197
Деритскомъ .	—	—	—	—	не по казан.	—	—	—
Западной Сибири .	2	75	—	—	—	—	2	75
Восточной Сибири .	1	75	—	—	—	—	1	75
Итого . .	40	2803		418	929	4872	976	8093

¹⁾ Въ томъ числѣ по одному при институтахъ Лазаревскомъ и Нижегородскомъ Александровскомъ.

²⁾ Не считая малыхъ общихъ квартиръ при Орловской гимназіи, въ концѣ состояло всего 44 ученика и 18 мелкихъ же квартиръ при Тульской гимназіи; въ каждой изъ последнихъ помѣщалось отъ 3 до 12 учениковъ.

²⁾ Число учениковъ, живущихъ на общей ученической квартире при Тверской гимназіи и на трехъ квартирахъ при Елецкой гимназіи въ отчетѣ г. почитателя учебного округа не показано.

⁴⁾ Такъ называемый въ Уезѣ «Полежаевский пансионъ»; кроме того существуютъ два-три общія ученическихъ квартиры при Троицкой гимназіи, о числѣ квартирующихъ на нихъ учениковъ сведаній и попечителемъ округа не доставлено.

³⁾ Всѣ малы, съ числомъ учениковъ отъ 3 до 6 въ каждой, и въ самыхъ большихъ помѣщаются не болѣе 10 учениковъ.

⁵⁾ Не считая коллегіи Павла Гагарина.

⁷⁾ Въ томъ числѣ 71 въ благотворительныхъ пріютахъ, и сверхъ того 269 у частныхъ преподавателей.

ВѢДОМОСТЬ

О ЧИСЛѣ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИХЪ ДОЛЖНОСТЕЙ 1) ВЫВШИХЪ ВАКАНТНЫМИ ВЪ ТЕЧЕНИИ 1876 ГОДА ИЛИ НѢКОТОРОЙ ЧАСТИ ЕГО И 2) ОСТАВШИХСЯ НЕЗАМѢЩЕННЫМИ КЪ 1-МУ ЯНВАРЯ 1877 ГОДА, ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ И ПРОГИМНАЗІЯХЪ.

ВѢДО

о числѣ преподавательскихъ должностей 1) бывшихъ вакантныхъ въ щенныхъ къ 1-му января 1877 г.

	С-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ.			
	Общее число вакантныхъ должностей въ течениі 1876 года.	Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1877 года.	Bп. гимна-зіяхъ.	Bп. прогим-назіяхъ.
ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.				
Законоучителей.	—	—	—	—
УЧИТЕЛЕЙ.				
Русскаго языка и словесности	3	—	—	—
Латинскаго языка.	7	2	4	1
Греческаго языка				
Исторіи	3	1	1	1
Географіи				
Математики и физики.	2	1	—	—
Французскаго языка				
Нѣмецкаго языка	6	2	1	2
Рисованія черчевія и чистописанія				
Итого.	21	6	6	4

МОСТЪ

течение 1876 года или иѣкоторой части его и 2) оставшихся не занѣ-
въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

МОСКОВСКОМЪ.				КАЗАНСКОМЪ.				ОРЕНБУРГСКОМЪ.			
Общее число вакантныхъ должностей въ теченіи 1876 года.		Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1877 года.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіи 1876 года.		Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1877 года.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіи 1876 года.		Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1877 года.	
Въ гимна- зіяхъ.	Въ прогим- назіяхъ.	Въ гимна- зіяхъ.	Въ прогим- назіяхъ.	Въ гимна- зіяхъ.	Въ прогим- назіяхъ.	Въ гимна- зіяхъ.	Въ прогим- назіяхъ.	Въ гимна- зіяхъ.	Въ прогим- назіяхъ.	Въ гимна- зіяхъ.	Въ прогим- назіяхъ.
1	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
6	2	3	—	2	2	1	—	1	1	1	—
7	4	5	2	3	—	—	—	4	1	3	—
3	9	2	4	1	1	—	1	1	1	1	—
2	1	—	—	2	—	—	—	—	1	—	1
4	6	—	2	1	1	1	1	1	2	1	1
23	22	10	8	12	6	2	6	8	6	7	1

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.

ХАРЬКОВСКОМЪ.

Общее число вакантныхъ должностей въ течениі 1876 года.	Изъ сего чи- сласъ осталось незамѣнен- ныхъ долж- ностей къ 1-му ливара 1876 года.
---	--

Бѣ гла- внѣхъ.	Бѣ прогни- вшихъ.	Бѣ гла- внѣхъ.	Бѣ прогни- вшихъ.
-------------------	----------------------	-------------------	----------------------

Заковоучителей.

—	—	—	—
---	---	---	---

УЧИТЕЛЕЙ.

Русскаго языка и словесности

7	5	6	2
---	---	---	---

Латинскаго языка .

16	8	10	5
----	---	----	---

Греческаго языка

Исторіи

3	5	2	2
---	---	---	---

Географія

Математики и физики.

5	6	2	2
---	---	---	---

Французскаго языка

Нѣмецкаго языка

5	8	1	4
---	---	---	---

Рисованія, черченія и чистописанія

Итого .	36	32	21	17
---------	----	----	----	----

ОДЕССКОМЪ.				КІЕВСКОМЪ.				ВІЛЕНСКОМЪ.			
Общее число вакантныхъ должностей въ теченіи 1876 года.		Изъ сего числа осталось незамѣшенныхъ должностей къ 1-му января 1877 года.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіи 1876 года.		Изъ сего числа осталось незамѣшенныхъ должностей къ 1-му января 1877 года.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіи 1876 года.		Изъ сего числа осталось незамѣшенныхъ должностей къ 1-му января 1877 года.	
Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.
4	1	1	—	5	1	1	—	4	2	1	—
3	1	—	1	3	2	2	1	2	1	—	1
6	4	1	4	8	5	4	2	2	5	—	1
3	—	1	—	3	2	—	—	—	2	—	2
4	2	1	2	4	1	—	1	1	1	1	1
3	4	—	2	2	3	1	—	1	2	—	2
1	1	1	1	5	3	—	—	1	—	1	—
24	13	5	11	32	17	9	4	11	15	3	10

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОНРУГАХЪ.	ВАРШАВСКОМЪ.				ДЕРПТСКОМЪ.			
	Общее число вакантныхъ должностей въ течениі 1876 года.		Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1876 года.		Общее число вакантныхъ должностей въ течениі 1876 года.		Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1877 года.	
	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.
Законоучителей.	6	1	1		1	—	1	—
УЧИТЕЛЕЙ:								
Русского языка и словесности.	10				5	—	2	—
Латинского языка.	9	1	1		2	—	1	—
Греческого языка.								
Истории.								
Географіи								
Математики и физики	2	1			1	—	—	—
Французского языка		2	1	2				
Нѣмецкаго языка.	7	3		1	4	—		
Рисованія, черченія и чистопис.	1	3	1	3	1	—	1	—
Итого.	35	11	4	6	14	—	5	—

ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.		ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.				ПО ВСѦМЪ УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.			
Общее число вакантныхъ должностей въ гимна-залахъ.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіи 1876 года.		Изъ сего числа осталось не замѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1877 года.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіи 1876 года.		Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1877 года.	
Въ теченіи 1876 года.	Къ 1-му янв. 1877 года.	Въ гимна-залахъ.	Въ прогим-назалахъ.	Въ гимна-залахъ.	Въ прогим-назалахъ.	Въ гимна-залахъ.	Въ прогим-назалахъ.	Въ гимна-залахъ.	Въ прогим-назалахъ.
		—	1			22	6	5	—
3	1	4	2	1	1	48	14	16	7
4	1	6	7	4	5	76	39	36	22
	1	—	2	—	2	17	23	7	12
1	1	1	3	1	2	25	17	6	8
	1	—	1	3	—	1	38	40	9
1	1	—	2	—	2	12	10	5	8
10	6	12	20	6	18	238	149	84	80
						387		164	

ВЪДО
о средствахъ содержания гимназий и прогимназий за

Въ учебныхъ округахъ	Число заведений.	Изъ государственного казначейства.		Изъ сборовъ за учение.		Обязательныхъ взносовъ отъ почетныхъ попечителей и благотворителей.		Изъ суммы дворянства
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	
<i>С.-Петербургскомъ.</i>								
Гимназій	15	402306	55	152298	47	99521	90	—
Прогимназій	7	135231	23	—	—	38411	4	—
Тѣхъ и другихъ виѣстѣ	22	537537	78	152298	47	137932	94	—
<i>Московскомъ.</i>								
Гимназій	20	494048	21	164217	75	126895	83	—
Прогимназій	13	129639	50	—	—	21484	70	—
Тѣхъ и другихъ виѣстѣ.	33	623687	71	164217	75	148380	53	—
<i>Казанскомъ.</i>								
Гимназій	8	236465	61	33304	5 ^{1/4}	68678	49 ^{1/4}	3722 ⁵⁰
Прогимназій	3	16350	—	—	—	3270	58	—
Тѣхъ и другихъ виѣстѣ.	11	252815	61	33304	5 ^{1/4}	71949	7 ^{1/4}	3722 ⁵⁰
<i>Оренбургскомъ.</i>								
Гимназій	6	126448	40	31,761 р. 76 к. ⁴⁰)	—	—	—	—
Прогимназій	2	7750	—	—	—	—	—	—
Тѣхъ и другихъ виѣстѣ.	8	134198	40	—	—	—	—	—

¹⁾ Здѣсь показана сумма, отпускаемая Императорск. Человѣк. обществомъ на содержание гимназій (22,120 р.), которая внесена въ 4-й граевъ вѣдомости.

²⁾ Въ этой суммѣ не значится источниковъ содержания гимназій при Историко-лит.

³⁾ Кроме значущейся здѣсь суммы, поступали еще слѣдующія пожертвованія въ временно за право учёвія бадныхъ дѣтей и другихъ веномоштвованія 6,321 р. 92 к.; на 1,785 р; всего же поступило пожертвованій въ 1876 г. 29,661 р. 92 к., кроме показан

⁴⁾ Въ расчѣтѣ этихъ суммъ не входитъ Лазаренскій институтъ восточныхъ языковъ.

⁵⁾ Въ томъ числѣ 12,813 р. 25 к. капитала на образование стипендій и 128 р. 11 к.

⁶⁾ 31,761 р. 76 к. показаны по отчёту попечителя Оренбургскаго учебного округа, онъ считаетъ 46,081 р. 50 к. и прогимназіямъ 375 р. 50 к.; сбора за содержание своеконт

МОСТЬ.

1876 годъ по отчетамъ начальниковъ учебныхъ округовъ.

Отъ городскихъ обществъ.	Отъ земствъ.	Изъ % съ пожертвованій капитала.		Отъ единовременныхъ пожертвованій.		Изъ волостныхъ суммъ.	Изъ сѣльчаго и коробочнаго сбора ст. деревень.		Изъ разныхъ источниковъ.	Всего.	
		Руб.	К.	Руб.	К.		Руб.	К.		Руб.	К.
10705 14	400 —	15196	28	1606	85	—	—	—	40969	69	729840 33
2686 —	— —	60 —	—	—	—	—	—	—	—	17 6388	27
13391 14	400 —	15256	28	1606	85	—	—	—	40969	69	906228 60
3388 57	18739 —	85483	64	2179	96	—	—	—	—	—	839952 93
31050 —	32000 —	300 —	—	—	—	—	—	—	—	—	214474 20
34438 57	45789 —	35783	64	2179	96	—	—	—	—	—	1054427 16
1800 —	— —	457891	91	12941	86	—	—	—	—	—	361490 93
16000 —	4500 —	50 —	—	—	—	—	—	—	—	—	40170 58
17800 —	4500 —	462891	91	12941	86	—	—	—	—	—	401661 51
5000 —	— —	429 —	—	—	—	23471	28	—	—	—	187110 89
16215 14	3000 —	— —	—	—	—	—	—	—	—	—	26966 14
21215 14	3000 —	429 —	—	—	—	23471	28	—	—	—	214075 53

жаніе его гимназії, кроме суммы, имъ же отпускаемой на воспитанниковъ пансиона логическомъ институтѣ. пользу гимназій: канигала съ назначениемъ % на определенную цѣль—21,545 руб.; единовременное упрашеваніе церкви, ремонтъ зданій, мебель, учебныя пособія, деньгами и вещами — на ныхъ въ общей вѣдомости.

на ученическую библіотеку. изъ специальныхъ средствъ гимназій; всего же сбора платы за учение по гимназіямъ ныхъ и разныхъ вѣдомостей воспитанниковъ въ пансионахъ въ отчетѣ не показано.

Въ учебныхъ округахъ.	Число заведений.	Изъ государственного казначейства.		Изъ сбора платы за содержание своеючи-выхъ и различныхъ избѣдомствъ воспитанниковъ.		Изъ сбора за учение.		Обязательныхъ доно-ссы отъ почетныхъ попечителей и благо-стителей.		Изъ суммы дворян-ства.	
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Харьковскомъ.											
Гимназій	11	233744	30	66529	19	61843	86	500	—	295	—
Прогимназій	10	98076	40	—	—	17673	50	—	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.	21	331820	70	66529	19	79517	36	500	—	295	—
Одесскомъ.											
Гимназій	13	316063	98	53481	58	73547	30	3520	95	—	—
Прогимназій	10	132777	40	—	—	28471	42	2135	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.	23	448841	38	53481	58	102018	72	5655	95	—	—
Киевскомъ.											
Гимназій	11	296518	40	41393	—	96600	—	—	—	7676	30
Прогимназій	6	90208	60	1642	—	12512	90	—	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ	17	386727	—	43035	—	109112	90	—	—	7676	30
Виленскомъ.											
Гимназій	8	236589	62	—	—	86534	25	—	—	—	—
Прогимназій	5	87664	1	—	—	18734	50	—	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.	13	324253	63	—	—	105268	75	—	—	—	—
Варшавскомъ.											
Гимназій	18	524512	58	—	—	8555	—	—	—	—	—
Прогимназій	8	109692	90	—	—	—	—	—	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ	26	634205	48	—	—	8555	—	—	—	—	—

* Сверхъ того внесено въ государственный доходъ изъ суммы сбора платы за учение всего 117,979 руб.

Отъ городскихъ обществъ.		Отъ земства.		Изъ % по жертвованіи наихъ капиталовъ.		Отъ единовременныхъ пожертвованій.		Изъ воинскихъ суммъ.		Изъ свѣтского и коро- бочного собора съ переездомъ.		Изъ разныхъ источни- ковъ.		Всего	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
5737	18	16930	—	11278	79	1717	73	71554	88	—	—	—	—	470130	93
3710	—	28725	—	599	34	894	19	27878	—	—	—	—	—	177556	43
9447	18	45655	—	11878	13	2611	92	99432	88	—	—	—	—	647687	36
38370	—	19605	—	3595	13	1187	—	—	—	1617	—	—	—	510987	94
17951	11	8000	—	—	—	133	50	—	—	—	—	—	—	189468	43
56321	11	27605	—	3595	13	1320	50	—	—	1617	—	—	—	700456	37
200	—	27579	65	14443	44	2221	94 ^{1/2}	—	—	4901	79	—	—	491534	52 ^{1/2}
9766	—	14246	60	85	—	500	—	—	—	859	94	—	—	129821	4
9966	—	41826	25	14528	44	2721	94 ^{1/2}	—	—	5761	73	—	—	621355	56 ^{1/2}
1490	—	—	—	16054	46	—	—	—	—	3627	33	4853	33	349148	99
311	67	—	—	267	98	—	—	—	—	1092	50	6391	3 ^{3/4}	114461	69 ^{3/4}
1801	67	—	—	16322	44	—	—	—	—	4719	83	11244	36 ^{3/4}	463610	68 ^{3/4}
—	—	—	—	1981	74	—	—	—	—	—	—	—	—	535049	32
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	109692	90
—	—	—	—	1981	74	—	—	—	—	—	—	—	—	644742	22

віс въ гимназіяхъ Варшавскаго округа 104,432 руб. и въ прогимназіяхъ 13,547 руб.

Въ учебныхъ округахъ.	Число заведений.	Изъ государственного казначейства.		Изъ сбора платы за содержание своеопытныхъ и различныхъ видомствъ воспитанниковъ.		Изъ сбора за учение.		Обязательныхъ износовъ отъ почетныхъ попечителей и благотворителей.		Изл. суммы, двориства.	
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
<i>Дерптскомъ.</i>											
Гимназій	13	139140	9	—	—	130838	70	—	—	35624	66
<i>Западной Сибири.</i>											
Гимназій	3	77587	97	3395	—	8081	9	—	—	—	—
<i>Восточной Сибири.</i>											
Гимназій	2	62193	6	9867	46	6692	—	—	—	—	—
Прогимназій	3	51802	90	—	—	2215	—	—	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.	5	113995	96	9867	46	8907	—	—	—	—	—
<i>И т о г о</i>											
Гимназій	128	3,145,618	77	1,324,036	р. 69 к.	—	4020	95	54,154	91	
Прогимназій	67	859,192	94	1642	—	142773	64	2135	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.	195	4,004,811	71	1,468,452	р. 33 к.	—	6155	95	54,154	91	

Отъ городскихъ обществъ.		Отъ земства.		Изъ % пожертвованіыхъ капиталовъ.		Отъ единовременныхъ пожертвованій.		Изъ воинсковыхъ суммъ.		Изъ свѣщика и коробочного собора съ ересями.		Изъ разныхъ источниковъ.		Всего.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
33243	88	—	—	716	94	3729	89	—	—	—	—	1040	—	344334	16
3300	—	—	—	2111	81	40	—	—	—	—	—	—	—	94515	87
—	—	—	—	1428	—	900	—	—	—	—	—	—	—	81080	52
—	—	—	—	—	—	500	—	—	—	—	—	—	—	54517	90
—	—	—	—	1428	—	1400	—	—	—	—	—	—	—	135598	42
103234	77	78253	65	107298	14	26523	73½	95026	11	10146	12	46863	2	4,995,176	86½
97689	92	90471	60	1362	32	2027	69	27878	—	1952	44	6391	3½	1,233,516	58½
200924	69	168725	25	108660	46	28551	42½	122904	11	12098	56	53254	5½	6,228,693	45½

Всѣхъ реальныхъ училищъ къ 1-му января 1877 г. было 56. По округамъ они были распределены слѣдующимъ образомъ: въ С.-Петербургскомъ—7: въ С.-Петербургѣ 2 и по одному въ Череповѣцѣ, Псковѣ, Кронштадтѣ, Новгородѣ и Вологдѣ; въ Московскомъ—12: два въ Москвѣ и по одному въ Зарайскѣ, Костромѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Орлѣ, Ливнахъ, Тулѣ, Муромѣ, Калугѣ, Твери и Скопинѣ; въ Казанскомъ—5: въ Казани, Сарапулѣ, Саратовѣ, Сызрани и Вольскѣ; въ Оренбургскомъ—8: въ Екатеринбургѣ, Красноуфимскѣ и Перми; въ Харьковскомъ—5: въ Харьковѣ, Сумахѣ, Курскѣ, Воронежѣ и Тамбовѣ; въ Одесскомъ—8: въ Одессѣ, Николаевѣ, Ростовѣ на Дону, Кишиневѣ, Мелитополѣ, Екатеринославѣ, Севастополѣ и Херсонѣ; въ Киевскомъ—6: въ Бѣлой Церкви, Ровнѣ, Киевѣ, Кременчугѣ, Новозыбковѣ и Полтавѣ; въ Виленскомъ—4: въ Вильнѣ, Дніабургѣ, Бѣлостокѣ и Пинскѣ; въ Варшавскомъ—3: въ Варшавѣ, Владавскѣ и Ловичѣ; въ Дерптскомъ учебномъ округѣ—2 реальныхъ училища, въ Митавѣ и Ригѣ, имѣющія особые уставы; въ Восточной Сибири—1 въ Троицкосавскѣ.

ВЪ ДОМОСТЬ

о числѣ реальныхъ училищъ вѣдоности министерства народнаго просвѣщенія и учащихся въ нихъ въ 1876 году.

Въ учебныхъ округахъ.	Состояло учебныхъ заведеній.				Учащихся въ влкъ.					
	Къ 1 января 1876 г.		Къ 1 января 1877 г.		Состояло на лицо.		Протягъ 1 января 1876 г.		Выбыло въ течение года.	
	Реальныхъ уч-лишъ.	При реальныхъ уч-лишахъ паралель-ныхъ классовъ.	Реальныхъ уч-лишъ.	При реальныхъ уч-лишахъ паралель-ныхъ классовъ.	Къ 1-му января 1876 года.	Къ 1-му января 1877 года.	богие.	мене.	до окончанія курса.	по окончаніи курса.
С.-Петербургскому.	6		7	2	896	1111	215		119	29
Московскому.	10		12	1	1112	1427	315		160	5
Казанскому.	4	1	5	2	587	784	147		107	5
Оренбургскому.	2		3		220	415	195		73	3
Харьковскому.	3		5	4	492	923	431		88	7
Одесскому.	7	11	8	11	1467	1743	276		217	50
Кievскому.	5	12	6	12	1470	1615	145		252	45
Виленскому.	4	6	4	6	1231	1213		18	185	56
Варшавскому.	3		3		833	893	60		119	74
Дерптскому.	2	3	2)	3	671	732	61		159	61
Восточной Сибири.			1			82	82		4	
Всего.	46	33	56	41	8979	10888	1909		1483	335 ¹⁾

¹⁾ Эти два училища, имѣющія особые уставы состоять только изъ 4-хъ низшихъ классовъ. Кроме того при Рижской городской гимназіи имѣется реальное отдѣленіе изъ 3-хъ высшихъ классовъ.

²⁾ Изъ нихъ окончили полный курсъ 6-ти или 7-ми классовъ 274, остальные 61 прошли курсъ 4-хъ классовъ реальныхъ училищъ Дерптского учебнаго округа.

ВЪДОМОСТЬ

о числѣ учениковъ къ 1-му января 1877 года по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ.

По учебнымъ округамъ.	Общее число учащихся къ 1-му января 1877 года.	Въ томъ числѣ находилось.										
		По вѣроисповѣданіямъ.						По сословіямъ.				
		Православнаго.	Римско-католи- ческаго.	Лutherанскаго.	Магометанскаго.	Евреевскаго.	Протестантскаго испо- лненія.	Дворянъ и чи- новниковъ.	Духовнаго зва- ния.	Городскаго со- словія.	Сельскаго со- словія.	Иностранцевъ.
С.-Петербургскому .	1111	935	56	84	1	31	4	565	27	393	100	26
Московскому .	1427	1298	51	56	—	19	3	542	36	666	162	21
Казавскому .	734	599	15	90	—	5	25 ¹⁾	229	31	262	198	14
Оренбургскому .	415	394	4	8	—	6	3	123	22	193	75	2
Харьковскому .	923	806	32	42	—	37	6	487	26	341	49	21
Одесскому .	1743	1125	115	72	1	343	87	711	39	818	109	66
Кievскому .	1615	748	583	41	—	213	30 ²⁾	939	65	484	80	47
Виленскому .	1213	335	616	72	3	178	9	763	37	304	79	30
Варшавскому .	893	60	726	46	—	59	2	568	6	278	31	10
Дерптскому .	732	25	82	571	—	45	9	124	1	354	229	24
Восточной Сибири .	82	75	—	—	—	7	—	6	3	68	5	—
Всего .	10888	6400	2280	1082	5	943	178	5057	292	4161	1117	261

¹⁾ Въ томъ числѣ 15 старообрядцевъ.

²⁾ Старообрядцы.

ВЪДОМОСТЬ.

о числѣ пансионовъ и общихъ ученическихъ квартиръ и о числѣ воспитанниковъ въ нихъ къ 1-му января 1877 года.

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Пансионовъ.		Общихъ ученическихъ квартиръ.			
	Число заяв- дений.	Число вос- питанниковъ	Казенныхъ.	Частныхъ.	Число заяв- дений.	Число вос- питанниковъ
С.-Петербургскому	1	78	—	—	—	—
Московскому	—	—	—	—	4	не пока- зано.
Казанскому	—	—	—	—	1	27
Оренбургскому	—	—	—	—	—	—
Харьковскому	—	—	—	—	—	—
Одесскому	—	—	—	—	—	—
Киевскому	—	—	—	—	170	695
Виленскому	—	—	—	—	35	280 ¹⁾
Варшавскому	—	—	—	—	63	320
Дерптскому	—	—	—	—	—	—
Восточной Сибири.	—	—	—	—	—	—
Всего.	1	78	—	—	273	1322

¹⁾ Кроме того 50 учениковъ Виленского реального училища помещаются въ земной общей ученической квартире при Виленской гимназии.

ВЪДО

о числѣ вакантныхъ преподавательскихъ должностей

Какія должности были вакантны.	П О У Ч Е В		
	С-Петербургскому.	Московскому.	Казанскому.
(Общее число должностей, бывшихъ вакантными въ текучий 1876 годъ.)	(Общее число должностей, бывшихъ вакантными въ текучий 1876 годъ.)	(Общее число недовѣщеній должностей къ 1-му августи 1877 года.)	(Общее число недовѣщеній должностей, бывшихъ вакантными въ текучий 1876 годъ.)
а) Законоучителей.	1	1	—
б) Учителей наукъ и языковъ:	—	—	—
Математики.	—	2	1
Русского языка	—	—	—
Нѣмецкаго языка	—	—	—
Французскаго языка	4	3	2
Англійскаго языка	—	—	—
Истории и географии	—	3	1
Естественной истории.	—	—	1
Коммерческихъ наукъ.	—	—	—
Физики, химии и механик.	—	—	—
в) Учителей искусствъ	5	1	1
Всего	12	5	9

МОСТЬ

въ реальныхъ училищахъ къ 1-му января 1877 года.

Н Y M Т О K R U G A M T.

Оренбургскому.		Харьковскому.		Одесскому.	
Общее число долж- ностей, бывшихъ занятыми изъ то- чения 1876 года.		Осталось незаны- щенныхъ должно- стей къ 1-му ян- варя 1877 года.		Осталось незаны- щенныхъ должно- стей къ 1-му ян- варя 1877 года.	
1	2	1	—	4	1
—	1	2	—	2	1
2	1	—	—	4	—
3	2	—	—	2	1
2	—	1	—	2	—
1	—	1	—	1	—
1	1	—	—	3	1
14		20		20	

3*

П О У Ч Е В

Какія должности были занятыми.						
	Киевскому.		Виленскому.		Варшавскому.	
Общее число долж- ностей, бывшихъ занятыми въ те- чение 1876 года.	Осталось незан- ятымиъ должно- стей къ 1-му ав- густа 1877 года.	Общее число долж- ностей, бывшихъ занятыми въ те- чение 1876 года.	Осталось незан- ятымиъ должно- стей къ 1-му ав- густа 1877 года.	Общее число долж- ностей, бывшихъ занятыми въ те- чение 1876 года.	Осталось незан- ятымиъ должно- стей къ 1-му ав- густа 1877 года.	
a) Законоучителей.	3	2	2	1	—	—
б) Учителей наукъ и языковъ:						
Математики.	—	—	—	—	1	—
Русского языка	1	1	—	—	—	—
Нѣмецкаго языка .	1	—	2	1	—	—
Французскаго языка	1	1	3	2	1	1
Англійскаго языка	—	—	—	—	—	—
Исторія и географія	2	1	—	—	—	—
Естественной исторіи	1	1	—	—	—	—
Коммерческихъ наукъ	1	—	—	—	—	—
Физика, химія и механ.	3	—	3	1	—	—
b) Учителей искусствъ	1	—	—	—	—	—
Всего.	16	6	10	5	—	1

Н Ы М Т О К Р У Г А М Ъ.

Дерптскому.		Восточной Сибири.		По всѣмъ учебнымъ округамъ.	
Общее число долж- ностей, бывшихъ вакантныхъ въ те- чение 1876 года.	Осталось незан- демныхъ должностей къ 1-му ян- варя 1877 года.	Общее число долж- ностей, бывшихъ вакантныхъ въ те- чение 1876 года.	Осталось незан- демныхъ должностей къ 1-му ян- варя 1877 года.	Общее число долж- ностей, бывшихъ вакантныхъ въ те- чение 1876 года.	Осталось незан- демныхъ должностей къ 1-му ян- варя 1877 года.
—	—	—	—	7	—
—	—	1	—	15	7
—	—	—	—	5	4
1	—	1	—	25	13
—	—	—	—	11	6
—	—	—	—	6	3
—	—	—	—	14	2
—	1	1	1	12	8
1	—	3	5	102	52

ВЪДО

о средствахъ содержания

Въ учебныхъ округахъ.	Число реальныхъ училищъ.	Изъ суммъ госу- дарственного каза- чества.		Изъ сбора платы за со- ларные своеимѣ- нныя и разные вѣ- домства воспитанникъ.		Изъ суммы сбора за ученіе.		Обязательныхъ взнос- овъ отъ почетныхъ полковниковъ и бывш- ихъ.		Изъ суммы донастичва		Изъ суммъ городскихъ обществъ и приватныхъ обществъ. призеровъ.	
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
С.-Петербургскому . .	7	194358	40	6981	—	23490	50	—	—	—	—	7830	—
Московскому . .	12	201520	70	—	—	28083	50	—	—	2000	—	37004	84
Казанскому . .	5	47326	—	—	—	13587	9	—	—	—	—	26311	10
Оренбургскому . .	3	19430	40	—	—	8450	—	—	—	—	—	13000	—
Харьковскому . .	6	79107	40	—	—	4756	60	—	—	—	—	21808	10
Одесскому . .	8	107641	80	—	—	46947	50	—	—	—	—	49980	—
Кievскому . .	6	138147	70	—	—	34635	—	—	—	—	—	13605	—
Виленскому . .	4	122632	61	—	—	31133	25	—	—	—	—	—	—
Варшавскому . .	3	63172	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дерптскому . .	2	3846	50	—	—	9750	17	—	—	—	—	11910	50
Восточной Сибири . .	1	12600	—	—	—	850	—	—	—	—	—	9000	—
Итого . .	56	989784	42	6981	—	201592	51	—	—	2000	—	190849	54

¹⁾ Отъ церковнаго совета при Лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ²⁾ Отъ Евангелическо-Лютеранского общества въ Саратовѣ.³⁾ Отъ найма принадлежащихъ Киевскому училищу дома и лавокъ.

МОСТЬ.

реальныхъ училищъ за 1876 годъ.

Изъ суммъ земствъ.		Изъ % съ поджертвованныхъ капиталовъ.		Отъ единовременныхъ поджертвований.		Изъ статъ управленийъ учебныхъ округовъ.		Изъ воинскихъ суммъ.		Изъ сѣтнаго и коробочного съ спасекъ сбора.		Изъ различныхъ источниковъ.		Всего.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
8790	—	104	44	500	—	—	—	—	—	—	—	—	—	242054	34
15500	—	1568	60	400	—	—	—	—	—	—	—	1157	—	287234	64
20989	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1500	—	110214	10
34500	—	409	27	500	—	—	—	—	—	—	—	—	—	76289	87
7500	—	—	—	6670	12	—	—	—	—	—	—	—	—	119842	12
31940	—	357	50	1100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	237866	80
17950	—	2438	3	6080	—	—	—	—	—	60	—	10215	—	223030	73
—	—	—	—	—	—	400	—	—	—	3112	46	—	—	157278	33
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	63172	91
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25516	17
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22450	—
137169	91	4877	84	15250	12	400	—	—	—	3172	46	12872	—	1564949	80

ВЪДОМОСТЬ

о числѣ уѣздныхъ и городскихъ училищъ, учащихся въ нихъ
и окончившихъ курсъ въ 1876 году.

ПО ОКРУГАМЪ.	Состояло учебныхъ заведеній.						Находилось учащихся.	Выбыло въ 1876 г.		
	Уѣздныхъ училищъ.		Уѣздныхъ училищъ.		Находилось учащихся.					
	Дополнительныхъ курсовъ.		Ремесленныхъ классовъ.		Дополнительныхъ курсовъ.					
	Къ 1 янв. 1877 г.	При нахъ.	Къ 1 янв. 1877 г.	При нахъ.	Къ 1-му января 1876 г.	Къ 1-му января 1877 г.	До окончанія курса.	По окончаніи курса.		
С.-Петербургскому	30	—	—	22	—	—	1727	1501		
Московскому.	95	6	1	87	6	1	7061	7024		
Харьковскому.	54	1	—	54 ¹⁾	1	—	4215	4151		
Казанскому	49	2	4	49	5	4	4480	4482		
Виленскому	40	—	—	40	—	—	2730	2884		
Кievскому	29	—	—	29	—	—	2182	2267		
Одесскому	31	6	13	30	6	13	3123	2840		
Оренбургскому	15	1	5	15	—	4	1752	1687		
Дерптскому	18	—	—	18 ²⁾	—	—	1937	2001		
Варшавскому.	1	—	—	1 ³⁾	—	—	207	150		
Западной Сибири.	13	1	4	13	1	4	860	882		
Восточной Сибири	9	—	—	9	—	—	760	717		
Всего.	384	17	27	367	19	26	31070	30486		
Кромѣ того 60 городскихъ училищъ по положению 81-го мая 1872 г.	—	—	—	—	—	—	7171	—		

¹⁾ Сюда включены окружные училища, имѣющія одинаковую организацію съ уѣздными, находящіеся въ области войска Донского.

²⁾ Въ отчетномъ году преобразованы въ видѣ опыта на три года бывшія одноклассныя уѣздныя училища въ Баускѣ, Турукътѣ и Газенпотѣ въ трехклассныя уѣздныя училища.

³⁾ Трехклассное городское училище въ Варшавѣ по положенію 31 мая 1872 г.

ВѢДОМОСТЬ

**О ВЪ УЧИТЕЛЬСКИХЪ СЕМИНАРИЯХЪ И ШКОЛАХЪ ВЪ
1876 ГОДУ**

ВѢДО

объ учительскихъ семинарияхъ

по учебнымъ округамъ.	Число учебныхъ заведений.		Число учащихся.		Число выбывшихъ въ 1875 г.	
	Къ 1 января 1876 года.	Къ 1 января 1877 года.	Къ 1 января 1876 года.	Къ 1 января 1877 года.	До окончания курса.	По окончи- ию курса.
1. С. Петербургскому:						
Учительскихъ семинарий.	5	5	227	314	21	38
Земскихъ учительскихъ школъ:						
а) для приготовления учителей.	2	2	96	113	26	55
б) для приготовления учительницъ.	1	1	50	65		
2. Московскому:						
Учительскихъ семинарий.	6	6	334	444	18	63
Земскихъ учительскихъ школъ:						
а) для приготовления учителей.	1	1	103	103	16	9
б) для приготовления учительницъ.	2	2	151	254	20	27
Школа для приготовления учительницъ на средства братства Св. Равноапостольной Марии въ Москвѣ	1	1	56	80	5	33
3. Харьковскому:						
Учительскихъ семинарий.	4	4	180	268	21	25
Екатеринославский учительский институтъ въ Тамбовѣ	1	1	114	116	7	23
Земская учительская школа	1	1	105	87	8	36
4. Казанскому:						
Учительскихъ семинарий.	4	4	262	354	21	70
Татарская учительская школа.	—	1	свѣдѣніе вѣдомствъ			

МОСТЬ

въ школахъ въ 1876 году

ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНИЯ.												ВСЕГО.
Изъ училищъ, гарнизоннаго, частного и начального училищъ.	Изъ общихъ.	Изъ городскихъ и сельскихъ общеобразовательныхъ училищъ.	Изъ сбора платы за обучение.	Изъ процентовъ съ пособий на избранныхъ капитановъ.	Изъ подотчетовъ и другихъ источниковъ.							
Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.						
73602 —	13885 —	2046 —	— —	— —	12023 71	101566 71						
{ 1000 —	{ 42600 —	— —	100 —	— —	— —	43700 —						
98300 —	11118 —	— —	— —	— —	7617 85	117035 85						
— —	19291 68½	— —	— —	— —	178 62	19470 30½						
— —	19266 —	— —	— —	— —	2644 —	21910 —						
— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —						
66792 —	8132 28	— —	— —	884 6	400 —	76208 34						
— —	8550 —	— —	494 —	25834 50	318 69	35197 19						
— —	20630 28	— —	30 —	— —	— —	20660 28						
67090 90	6838 8	695 —	— —	— —	— —	74623 38						
депо	— —	— —	— —	— —	— —	— —						

ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.	Число учебныхъ заведений.		Число учащихся.		Число выбывшихъ въ 1876 г.	
	Къ 1 января 1876 года.	Къ 1 января 1877 года.	Къ 1 января 1876 года.	Къ 1 января 1877 года.	До окончанія курса.	По окончаніи курса.
Земскихъ учительскихъ школъ:						
а) для приготовленія учителей.	1	1	149	180	89	76
б) для приготовленія учительницъ.	2	2	305	328		
5. Виленскому:						
Учительскихъ семинарій.	4	5	231	301	38	51
6. Киевскому:						
Учительскихъ семинарій.	2	2	137	162	7	38
Земскихъ учительскихъ школъ.	1	1	106	99	12	18
7. Одесскому:						
Учительскихъ семинарій.	4	4	243	283	33	52
Татарская учительская школа.	1	1	38	37	3	2
8. Оренбургскому:						
Учительскихъ семинарій.	—	1	—	29	—	—
Татарская учительская школа.	1	1	42	57	5	8
9. Дерптскому:						
Учительскихъ семинарій.	2	2	143	147	20	40
10. Варшавскому:						
Учительскихъ семинарій.	9	9	646	658	96	143
11. Западная Сибирь:						
Омская учительская семинарія.	1	1	42	66	1	12

ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНИЯ.												ВСЕГО.	
Изъ суммы государственного казначейства.		Отъ земства.		Отъ городскихъ и сельскихъ обществъ.		Изъ сбора платы за обучение.		Изъ продовольствия съ по- жертвованія канни- таловъ.		Изъ пожер- твованій и другихъ ис- точниковъ.			
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
—	—	59903	98	—	—	—	—	150	—	22225	52	82279	50
74290	87	—	—	3863	98	—	—	—	—	1260	—	79414	85
30846	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30846	—
—	—	15715	65	—	—	—	—	—	—	—	—	15715	65
68192	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2600	—	70792	—
13520	—	1820	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15340	—
30561	25	330	—	—	—	—	—	—	—	240	—	31131	—
28622	20	—	—	—	—	1617	76	—	—	—	—	30239	96
86875	55	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	86875	55
16698	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16698	—

ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.	Число учебныхъ заведений.		Число учащихся.		Число вымытыхъ въ 1876 г.	
	Кн. 1 января 1876 года.	Кн. 1 января 1877 года.	Кн. 1 января 1876 года.	Кн. 1 января 1877 года.	До окончанія курса.	По окончаніи курса.
12. Восточная Сибирь.						
Учительскихъ семинарій.	2	2	91	101	11	17
Всего.	58	61	3351	4596	478	831
Учительскихъ семинарій.	43	45	2536	3127	287	544
Земскихъ учительскихъ школъ мужскіхъ.	6	6	559	532	35	63
женскихъ.	5	5	506	617	26	27
161						
Тамбовскій Екатерининскій учительскій институтъ	1	1	114	116	7	23
Школа для приготовленія учительницы въ Москвѣ	1	1	56	80	5	33
Татарскихъ учительскихъ школъ	2	3	80	94		10

Примѣчаніе. Показанныя въ этой вѣдомости учительскихъ семинарій и школы находятся въ съвѣтующихъ масахъ: въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ: семинаріи: въ гг. Гатчинѣ, Псковѣ, Череповцѣ, Тотъмѣ и Вытегрѣ; земсіи учительскихъ школы: въ С.-Петербургѣ, состоящая изъ мужскаго и женскаго отдѣлений и въ Новгородѣ; въ Московскомъ учебномъ округѣ: семинаріи въ с. Поливаново Подольскаго у., въ с. Алеевровѣ Вяземскаго у., въ Торжкѣ, въ с. Новомъ Мологскаго у., въ г. Владимірѣ, въ г. Кирсанѣ; земсіи учительскихъ школы въ гг. Рязани, Твери (женская), Костромѣ (женская) и Москвѣ, содержимая на средства братства Св. Равноапостольной Маріи; въ Харьковскомъ учебномъ округѣ: семинаріи: въ гг. Пензѣ, Воронежѣ, Бѣлградѣ, Волчансѣ, Екатерининскій учительскій институтъ въ Тамбовѣ и земсіи учительская школа изъ Курскѣ; въ Казанскомъ учебномъ округѣ: семинаріи: въ г. Казани, въ с. Порѣцкомъ Алапѣрскаго уезда, въ гг. Самарѣ и Вольскѣ, татарская учительская школа въ г. Казани; земсіи учительскихъ школы: въ гг. Виткѣ, Казани (женская) и Саимпѣ (женская); въ Вилейскомъ учеб-

ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНИЯ.

Ил. сумъ государ- ственного казначей- ства.	Отъ земства.												ВСЕГО.		
	Отъ земства.		Отъ город- скихъ и сель- скихъ об- ществъ.		Изъ сбора платы за ученіе.		Изъ процен- това съ по- жертвованій выѣхав- шихъ.		Изъ пожер- твованій въ другихъ ис- точникахъ.						
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
40682	—	—	—	5356	14	—	—	—	—	—	—	46038	14		
697072	17	228080	95 ^{1/2}	11961	12	2241	76	26868	56	49508	39	1015732	95 ^{1/2}		

номъ округѣ: семинарии: въ з. г. Несвижъ Слуцкаго у., въ м. Молодечнѣ Вилейскаго у., въ гг. Полоцкѣ, Поневежѣ и въ м. Свисочѣ Волковыскаго у.; въ Киевскомъ учебномъ округѣ семинарии: въ г. Острогѣ, въ м. Коростышевѣ Радомысльскаго у. и земская учительская школа въ г. Черниговѣ; въ Одесскомъ учебномъ округѣ семинарии: въ м. Байракѣ Аккерманскаго у., въ г. Херсонѣ, въ м. Новомъ-Бугѣ Херсонскаго у., въ с. Преславѣ Бердянскаго уѣзда и татарская учительская школа въ г. Симферополѣ; въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ: семинария на зав. Благовѣщенскому Уенискаго у. и татарская учительская школа въ г. Уфѣ; въ Дерптскомъ учебномъ округѣ семинарии: въ г. Ригѣ и Дерпти; въ Варшавскомъ учебномъ округѣ семинарии: въ г. Варшавѣ, въ п. Святыи Ново-Мианскаго у., въ г. Бѣлѣ, въ г. Холмѣ, въ п. Солецѣ Плещеево у., въ г. Ленчицѣ, въ п. Андреевскаго у., въ с. Вымыслинѣ Липиновскаго у., въ г. Вейверахѣ Мириампольскаго у.; въ Западной Сибири въ г. Омсѣ; въ Восточной Сибири въ гг. Иркутскѣ и Красноярскѣ.

ВѢДО
о числѣ начальныхъ народныхъ училищъ и

по учебнымъ округамъ	Число училищъ.				Общее число начальныхъ училищъ.	Ч и с л о				
	двукас-ныхъ.		одноклас-ныхъ.			Городскихъ.	въ двухклассныхъ училищахъ.		Сельскихъ.	
	Городск.	Сельск.	Городск.	Сельск.			Муж. пол.	Жен. пол.		
С.-Петербургскому.	17	38	126	1603	1784 ¹⁾	881	518	2583	419	
Московскому	17	84	491	3976	4568 ²⁾	851	663	8133 ^{1208 ³⁾}	⁴⁾	
Харьковскому	9 ⁴⁾	34	188	2141	2372 ⁵⁾	3442	—	—	397	
Казанскому	—	29	201	2134	2364 ⁶⁾	—	—	1530	55	
Вилейскому.	23	4	233	3747	4007 ⁷⁾	889	488	361	20	
Кievскому	66	26	219	2262	2573 ⁸⁾	3455	1561	2554	383	
Одесскому	14		1248		1292 ⁹⁾	2736	—	—	840	
Оренбургскому	15	23	55 ¹⁰⁾	1599 ¹¹⁾	1692	733	527	2213	145	
Дерптскому.	23 ¹²⁾	—	114	383	520 ¹³⁾	2348	336	—	—	
Варшавскому	45	11	413	2715	3184 ¹⁴⁾	3389	1271	658	124	
Западной Сибири	—	—	58	435	498 ¹⁵⁾	—	—	—	—	
Восточной Сибири.	2	—	27	199	228	151	—	—	—	
Итого	217	249	2125	21194	25077	12697	5364	18032	2354	
			44	1248		6178 м. пол.		1237 ж. пол.		

¹⁾ Въ томъ числѣ 133 церковно-приходскія школы. ²⁾ Въ томъ числѣ: 36 инородческихъ грамотности, 20 воскресныхъ классовъ техническаго черченія и 16 вечернихъ показаны только общее число учащихся въ 84-хъ двухклассныхъ и въ 29-ти одноклассныхъ училищахъ Дашкевича, въ Краснокутскѣ, имѣюще 3 класса. ³⁾ Въ томъ числѣ 4 воскресные исповѣданій и 3 инородческихъ училища. ⁴⁾ Свѣдѣній о числѣ татарскихъ школъ и учащихъ училищъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій. ⁵⁾ Въ томъ числѣ: 14 классовыхъ иностранныхъ исповѣданій. ⁶⁾ Въ томъ числѣ: 6 училищъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій. ⁷⁾ Въ томъ числѣ: 29 церковно-приходскія школы, 2 школы которыхъ только въ 41 преподавалася русскій языкъ, и 1 ремесленное училище ¹²⁾ Въ стражнаго исповѣданія, 7 воскресныхъ школъ и 383 состоящихъ въ вѣдѣніи совета по приходской школѣ, 465 кантаторовъ и 110 воскресныхъ училищъ. ¹³⁾ Въ томъ числѣ: 20 татарскихъ магометанскихъ училищъ, состоящихъ при мечетяхъ.

МОСТЬ

обучающихся въ нихъ къ 1-му января 1877 г.

УЧАЩИХСЯ.				Общее число учащихся.		Въ теченіи 1876 г. выбыло.	
Въ одноклассныхъ училлицахъ.		Городскихъ.		Сельскихъ.		До оконч. курса.	По оконч. курса.
Мужского пола.	Женского пола.	Мужского пола.	Женского пола.	Мужск. пола.	Женск. пола.		
5372	2032	45342	8438	54178	11407	13645	4679
177796	—	—	88286	186780	40157	37811	14506
114335	—		12239	117777	12636	20316	6271
10149	3290	74811	9954	86490	13299	15718	7148
9431	3275	86128	4017	96809	7800	20005	5367
5323	1077	52929	3676	63661	6697	5530	2028
57019	—	—	11219	59755	12069	9183	3228
2250	865	41863	11023	47069	12550	5731	2654
4350	2074	8570	4148	15268	6668	3961	3035
23279	9267	86047	44513	113874	56176	42129	10164
2307	601	8211	1285	10518	1886	1544	616
942	59	3378	429	4471	488	996	270
63403	22530	400679	87483	856139	180712	176569	59960
349150 муж. пола.		61744 жен. пола.					

ческихъ школъ, (бъ мордовскихъ и 31 татарскихъ), 143 церковно-приходскихъ школы ежедневныхъ классовъ.¹⁾ Въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ попечителемъ учебного округа, сельскихъ училлицахъ министерства народного просвѣщенія.²⁾ Въ томъ числѣ приходское имена школы, 28 церковно-приходскихъ школъ, 5 училлиц при церквиахъ иностраннѣй, 1,117 церковно-приходскихъ школъ и 4 училлица при церквиахъ иностраннѣй, 3 караимскіе училлицы и 22 татарскіе школы.³⁾ Въ томъ числѣ 4 участковыя жен-грамотности при тюрьмахъ, 885 татарскіхъ, башкирскіхъ и киргизскіхъ школъ, изъ томъ числѣ 5 училлиц трехклассныхъ.⁴⁾ Въ томъ числѣ: 1 училлице при церкви ино-дѣланъ православныхъ сельскихъ народныхъ училлиц.⁵⁾ Въ томъ числѣ 1 церковно-16 церковно-приходскихъ школъ, 3 окружныхъ училлица, 1 киргизская школа въ Омскѣ

ВѢДО
объ источникахъ содержания

Наименование источниковъ содержания:	Расходы начальныхъ							
	С.-Петербургскому.				Московскому.			
	Двухкласс- ныхъ.	Одноклас- ныхъ.	Двухкласс- ныхъ.	Одноклас- ныхъ.	Двухкласс- ныхъ.	Одноклас- ныхъ.	Двухкласс- ныхъ.	Одноклас- ныхъ.
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
1. Изъ суммъ государственного казначейства	50988	17	54657	78			56476	66
							81,314 р. 16 к. ¹⁾	
2. Отъ городскихъ думъ, ратушъ, и управлений	8349	54	62791	58	10427	28	284284	45
							4968 р. ¹⁾	
3. Отъ сельскихъ обществъ и попечительствъ	6391	34	70930	36			244972	96
							14008 р. 26 к. ¹⁾	
4. Отъ земства.	8102	74	244450	9	6566	31	644141	22
							11,744 р. 37 к. ¹⁾	
5. Изъ суммъ сбора за учение	143	—	6575	39	98	50	22723	15
							21 р. 50 к. ¹⁾	
6. Отъ взносовъ и пожертвованій различныхъ обществъ и лицъ	3476	50	29976	71	5200	—	207918	47
							20743 р. 76 к. ¹⁾	
7. Изъ воинскихъ суммъ	—	—	—	—	—	—	—	—
8. Изъ специальныхъ средствъ	—	—	—	—	—	—	—	—
9. Отъ разныхъ вѣдомствъ	—	—	—	—	—	—	—	—
10. Свѣчного и коробочного сбора съ евреевъ	—	—	—	—	—	—	—	—
11. Изъ разныхъ другихъ источниковъ.	—	—	—	—	2100	—	242	72
							690 р. 10 к. ¹⁾	
Итого	77451	29	469381	91	24392	9	1460759	61
							133690 р. 15 к. ¹⁾	

¹⁾ Въ этомъ числѣ заключается общая сумма расходовъ 81 двухклассныхъ и 29

МОСТЬ

начальныхъ училищъ въ 1876 году.

училищъ по учебнымъ округамъ.

Харьковскому.		Казанскому.		Виленскому.		Кievскому.	
Двухкласс. школы.	Одноклас. школы.	Двухкласс. школы.	Одноклас. школы.	Двухкласс. школы.	Одноклас. школы.	Двухкласс. школы.	Одноклас. школы.
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
24684	32	29310	73	14307	50	21203	96
16052	13 ^{1/4}	252285	53	—	—	12744	32
7529	р. 96	4914	90	152354	27	11961	50
3081	66	307243	56	5622	40	501518	44
118	—	13834	50	—	—	—	—
1712,51		45993	31	—	—	36311	23
1639	р.	—	—	—	—	1545	53
68517	р. 44	—	—	—	—	4463	4
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
3445	60	22266	29	—	—	5046	20
49094	22 ^{1/4}	6709	33	24802	80	724320	62
77696	р. 40	—	—	—	—	23987	33
						479158	60 ^{1/4}
						194292	16 ^{1/4}
						237055	8 ^{1/4}

одноклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народного просвѣщенія.

Наименование источниковъ содержания.	Р а с х о д ы п а ч а з ы в ы х .										
	Одесскому.					Оренбургскому.					
	Двухкласс- ныхъ.	Одноклас- сныхъ.	Двухкласс- ныхъ.	Одноклас- сныхъ.		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
1. Изъ суммъ государственного казначейства		27745 р.				6785	—	47279	15		
2. Отъ городскихъ думъ, ратушъ и управлений		107743 р.				2109	—	31796	61		
3. Отъ сельскихъ обществъ и попечительствъ		153428 р.				3792	50	52294	37		
4. Отъ земства		134029 р.				9911	63	240364	36		
5. Изъ суммъ сбора за учение		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6. Отъ взносовъ и пожертвованій разныхъ обществъ и лицъ		2191 р.				12261	64	11856	20		
7. Изъ воинскихъ суммъ		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8. Изъ специальныхъ средствъ		530 р.				120	—	—	—	—	—
9. Отъ разныхъ вѣдомствъ		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10. Свѣчного и коробочного сбора ст. евреевъ		300 р.				—	—	—	—	—	—
11. Изъ разныхъ другихъ источниковъ.		4204 р.				—	—	—	—	—	—
Итог		430173 р.				34979	77	383590	69		

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ОТЧЕТУ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ 159

УЧИЛИЩА ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.

Дерптскому.		Варшавскому.		Западной Сибири.		Восточной Сибири.		Всего по восьмъ округамъ.	
Двухклассн. школ.	Одноклассн. школ.	Двухклассн. школ.	Одноклассн. школ.	Двухклассн. школ.	Одноклассн. школ.	Двухклассн. школ.	Одноклассн. школ.	Двухклассн. школ.	Одноклассн. школ.
Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.
15922 p. 16 к.		13164 33	100174 60		3307 —	18874 p. 45 к.	271811 29	511415 95 1/4	
								143855 p. 77 к.	
52972 p. 54 1/2 к.		12710 63	39142 94		29838 11	11710 p. 68 к.	57745 33 3/4	522492 3/4	
							177394 p. 22 1/2 к.		
							16052 13 1/2	252285 53	
							7529 p. 96 к.		
1923 p.		18720 50	151310 58		62738 —	57396 p. 30 к.	42791 5 1/4	1339117 58	
							226755 p. 56 к.		
1000 p.		— —	— —		— —	— —	34939 74	1911093 79	
43656 p. 88 к.		— —	— —		— —	— —	146773 p. 37 к.		
							7959 99	47280 64	
							43878 p. 38 к.		
— — — —		82 50	18845 32		1948 —	8628 p. 50 к.	30098 4	365943 74	
							33205 p. 26 к.		
							68517 p. 44 к.		
							138 —	4406 65	
							530 p.		
							— —	2395 80	
5779 p. 55 к.		— —	— —		— —	— —	1640 44 1/4	82689 50	
							6079 p. 55 к.		
29513 p. 15 к.		77 10	7046 84		582 54	— —	10668 90	71531 43	
							34407 p. 25 к.		
150767 p. 28 1/2 к.		14755 26	624038 53	— —	91413 65	96609 p. 93 к.	473844 93 1/4	5140652 62	
							833926 p. 76 1/4 к.		

ВѢДО

о числѣ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и ихъ содеря-

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведеній.		Число учащихся.		Число вы畢вшихъ по окончаніи курса.	П С Т О		
	Къ 1-му января 1876 года.	Къ 1-му января 1877 года.	Къ 1-му января 1876 года.	Къ 1-му января 1877 года.		Изъ государствен- ного казначейства.	Отъ городскихъ обществъ.	
<i>С.-Петербургскомъ:</i>						Руб.	К.	Руб. К.
Гимназій	6	7	1486	1508	107	11892	20	10578 33
Прогимназій	15	14	1245	1294	57	9697	80	7100 53
<i>Московскомъ:</i>								
Гимназій	12	12	2981	3118	115	15000	—	29029 —
Прогимназій	27	29	2756	3252	187	12900	—	39668 60
<i>Харьковскомъ:</i>								
Гимназій	8	8	} 5755	6248	415	21000	—	49098 47
Прогимназій	32	32						
<i>Казанскомъ:</i>								
Гимназій	3	3	1231	1233	79	} 14500	—	27245 45
Прогимназій	13	16	1840	2343	141			
<i>Киевскомъ:</i>								
Гимназій	3	4	950	1192	66	16900	—	6050 —
Прогимназій	12	13	1214	1100	91	18000	—	9151 91
Острожское училище гр. Баудова	1	1	134	172	—	13900	—	— —

МОСТЬ

наго просвѣщенія и о числѣ учащихся въ нихъ, а также объ источнике въ 1876 году.

ЧИКИ СОДЕРЖАНИЯ.

Отъ земства.		Изъ воинскихъ суммъ		Сборъ за ученье.		Изъ % пожертвованіи капитала общества.		Пожертвованія различными обществами.		Изъ различныхъ источниковъ.		Всего	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
10135	36	—	—	33767	25	3269	26	4003	81	22615	1	96261	21
7222	33	—	—	5060	75	1072	5	4054	2	5118	35	39325	83
25302	8	—	—	97306	87	6263	7	2684	72	2071	45	177657	19
9350	—	—	—	16972	17	3860	69	5294	69	—	—	88046	15
47164	54	25175	66	82537	40	5982	99	9510	51	29919	65	270889	22
30208	50	—	—	38354	91	573	91	4330	57	—	—	115213	34
5000	—	—	—	25267	70	1408	97	272	86	—	—	54899	53
11000	—	—	—	11340	75	6105	25	2123	25	90	—	57811	24
—	—	—	—	4000	—	5000	—	—	—	—	—	22300	—

Въ учебныхъ округахъ.	Число учеб- ныхъ заве- дений.		Число учащихся.		Число выбывшихъ по окончаніи курса.	И С Т О		
	Къ 1-му января 1876 года.	Къ 1-му января 1877 года.	Къ 1-му января 1876 года.	Къ 1-му января 1877 года.		Къ государства: наго казнѣйства	Руб.	К.
<i>(одесскомъ):</i>								
Гимназій	11	14	3499	3792	141	18418	—	76640 99
Прогимназій	13	16	1207	1346	103	9804	—	18232 —
<i>(виленскомъ):</i>								
Маріїнск. училищ. I.го раз- рида	1	1	604	495	27	27366	—	—
<i>(бердичевскомъ):</i>								
Гимназій	2	2	} 485	514	28	10860	—	11330 —
Прогимназій	1	1						
<i>(варшавскомъ):</i>								
Гимназій	10	10	1866	2048	135	} 190319	38	—
Прогимназій	7	7	598	674	79			
Высшее училище въ г. Холмѣ	1	1	123	140	10	29276	—	—
<i>(оренбургскомъ):</i>								
Гимназій	5	5	1228	1261	102	5600	—	6650 —
Прогимназій	8	8	960	886	62	4400	—	17876 54

ЧИНИКИ СОДЕРЖАНИЯ.

Отъ земства.		Изъ воинскихъ суммъ.		Сборъ за учитеle.		% Съ пожертвованіи наук., начитловъ.		Пожертвования раз- ныхъ обществъ.		Изъ разныхъ источ- никовъ.		Всего.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
28060	20	—	—	113798	98	3732	29	4507	50	1200	—	241357	96
16060	—	—	—	18557	92	—	—	3521	64	823	—	66998	56
—	—	—	—	12150	9	—	—	—	—	34000	—	73516	9
—	—	—	—	14915	9 6	165	27	—	—	—	—	37271	23
—	—	—	—	3120	—	—	—	—	—	—	—	190319	38
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32395	—
14200	—	11760	—	27831	50	5523	58	5012	62	—	—	76577	70
8302	—	—	—	1529	—	—	—	200	—	—	—	32107	54

	Число уче- ныхъ заве- деній.		Число учащихся.		Число выбывшихъ по окончаніи курса.	И С Т О		
	Къ 1-му января 1876 года.	Къ 1-му января 1877 года.	Къ 1-му января 1876 года.	Къ 1-му января 1877 года.		Изъ государствен- наго казнаго	Отъ городскихъ обществъ.	Р.
Въ учебныхъ округахъ.								
<i>Западной Сибири:</i>								
Гимназій	2	2	559	613	29	3060	—	1100
Прогимназій	9	9	695	781	47	10000	—	7454
<i>Восточной Сибири:</i>								
Гимназій	1	1	300	354	4	1600	—	3300
Прогимназій	8	8	590	534	34	6400	—	5725
И т о г о:								
Гимназій	63	68	31385	34071	2022	375341	38	826030 81
Прогимназій	145	152						
Высшихъ училищъ	3	3	761	807	37	69941	—	—
Вообще.	211	223	32146	34878	2059	445282	38	326030 81

Ч И Т К И С О Д Е Р Ж А Н И Я.

Отъ земства.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Сборы за ученье.		% съ пожертвованіи ныхъ единицъ.		Пожертвованія раз- ныхъ обществъ.		Изъ различныхъ источ- никовъ.		Всего.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
—	—	—	—	—	—	110	54	—	—	2100	—	6360	54
—	—	—	—	—	—	1332	32	1589	34	100	—	20475	66
—	—	—	—	5328	—	233	62	2954	26	—	—	13415	88
—	—	—	—	4422	—	2940	—	8684	25	—	—	28171	25
<hr/>													
212005	1	36935	66	496991	16	42573	81	58744	12	64037	46	1612659	41
—	—	—	—	19270	9	5000	—	—	—	34000	—	128211	9
<hr/>													
212005	1	36935	66	516261	25	47573	81	58744	12	98037	46	1740870	50

ВѢДОМОСТЬ

о подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и училищахъ при церквахъ иностраннѣхъ исповѣданій и числѣ учащихся въ нихъ къ 1-му января 1877 года.

Въ учебныхъ округахъ.	Гимназій.	Число учебныхъ заведеній.			Число учащихся.	
		УЧИЛИЩЪ.			ВООБЩЕ.	Мужского пола.
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.		Женского пола.
C.-Петербургскомъ:						
мужскихъ .	3	3	20	19	45	
женскихъ .	—	14	19	25	58	
обоего пола	—	—	—	340	340	
при церквахъ иностраннѣхъ исповѣданій:					8400	7321
мужскихъ .	—	—	4	5	9	
женскихъ .	—	—	8	2	5	
обоего пола	—	—	—	15	15	
Итого	3	17	46	406	472	8400 7321
Mосковскомъ:						
мужскихъ .	2	4	11	21	38	2491 —
женскихъ .	1	5	12	18	36	— 2604
обоего пола	—	—	—	106	106	— —
при церквахъ иностраннѣхъ исповѣданій:						

Въ учебныхъ округахъ.	Гимназій.	Число учебныхъ заведеній.			Число учащихся.	
		УЧИЛИЩЪ.			ВООБЩЕ.	Мужского пола.
		1-го разрда.	2-го разрда.	3-го разрда.		Женского пола.
мужскихъ.	—	—	7	—	7	—
женскихъ.	—	—	—	—	—	812
обоего пола	—	—	—	8	8	—
Итого	3	9	30	153	195	3303
<i>Казанскомъ:</i>						
мужскихъ.	—	—	4	1	5	2018
женскихъ.	—	2	7	5	14	—
обоего пола	—	1	1	12	14	—
Итого	—	3	12	18	33	2018
<i>Харьковскомъ:</i>						
мужскихъ.	—	1	1	1	3	197
женскихъ.	—	5	3	1	9	—
обоего пола	—	—	—	—	—	—
при церквяхъ иностранныхъ исповѣданий:						
мужскихъ	—	—	1	4	5	393
женскихъ.	—	—	—	—	—	316
обоего пола	—	—	—	—	—	—
Итого	—	6	6	6	17	985

Въ учебныхъ округахъ.	Гимназії.	Число учебныхъ заведеній.			Число учащихся.	
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.	ВООБЩЕ.	Мужского пола.
Киевскомъ:						
мужскихъ.	—	2	8	34	44	219
женскихъ.	—	—	—	—	—	—
обоего пола	—	—	—	—	—	—
при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій	—	—	1	3	4	110
Итого	—	2	9	37	48	329
Одесскомъ:						
мужскихъ.	1	4	3	15	23	1685
женскихъ.	—	8	6	20	34	—
обоего пола	—	—	—	29	29	—
при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій	—	—	3	3	6	623
Итого	1	12	12	67	92	2308
Виленскомъ:						
мужскихъ.	—	—	—	1	1	44
женскихъ.	—	—	9	22	31	—
обоего пола.	—	—	—	2	2	73
при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій:						31
мужскихъ.	—	—	—	—	—	—

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ОТЧЕТУ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ. 169

Въ учебныхъ округахъ.	Гимназіи.	Число учебныхъ заведеній.			Число учащихся.	
		УЧИЛИЩЪ.			ВООБЩЕ.	Мужского пола.
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.		Женского пола.
женскихъ.	—	—	—	—	—	—
обоего пола	—	—	—	13	13	629
Итого	—	—	9	38	47	806
<i>Оренбургскомъ:</i>						
мужскихъ.	—	—	3	3	6	102
женскихъ.	—	—	1	2	3	—
обоего пола	—	—	—	10	10	—
при церквяхъ иностранныхъ исповѣданий	—	—	—	—	—	—
Итого	—	—	4	15	19	102
<i>Дерптскомъ:</i>						
мужскихъ.	1	—	10	24	35	2509
женскихъ.	—	12	20	53	85	—
обоего пола	—	—	—	42	42	—
при церквяхъ иностранныхъ исповѣданий	—	—	—	1	1	25
Итого	1	12	30	120	163	2534
<i>Варшавскомъ:</i>						
мужскихъ.	—	4	20	22	46	3845
женскихъ.	—	—	30	99	129	—
обоего пола	—	—	—	8	8	—

Въ учебныхъ округахъ.	Гимназій.	Число учебныхъ заведений.			Число учащихся.	
		УЧИЛИЩЪ.			ВООБЩЕ.	Мужского пола.
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.		Женского пола.
при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій, евангеллические кантораты	—	—	—	465	465	6998 5257
Итого	—	4	50	594	648	10843 10869
Западной Сибири:						
мужскихъ	—	—	—	2	2	116 —
женскихъ.	—	—	—	—	—	— 100
обоего пола	—	—	—	1	1	— —
Итого	—	—	—	3	3	116 100
Восточной Сибири						
мужскихъ.	—	—	—	—	—	— —
женскихъ.	—	—	—	—	—	— —
обоего пола	—	—	—	1	1	55 33
при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій	—	—	—	—	—	— —
Итого	—	—	—	1	1	55 33
мужскихъ.	7	18	80	143	248	
женскихъ.	1	47	107	245	400	
обоего пола	—	—	1	551	552	31404 33335
при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій	—	—	19	519	538	
Всобще	8	65	207	1458	1738	64 739

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІА ПОВЕЛЪНІЯ.

10. (26-го іюля 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при гимназії, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе пожертвованнаго вдовою подполковника Людмилою Платоновною Ивановою капитала въ 2,000 руб., заключающагося въ 5% билетахъ государственного банка, и на учрежденіе, на проценты съ этого капитала, при гимназіи, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія генералъ-лейтенанта Леонида Платоновича Рудановскаго“, съ освобожденіемъ избираемаго на эту стипендію ученика отъ платы за ученіе въ гимназіи.

11. (26-го іюля 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при Николаевской Царскосельской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе собраннаго между собою почетныхъ попечителемъ Ни-

ЧАСТЬ СХІДНІХ, отд. 1.

5

колаевской Царскосельской гимназии, служащими въ оной должностными лицами и церковнымъ старостою гимназической церкви капитала въ 1,000 руб., заключающагося въ облигациі Восточного займа 1877 г., и на учрежденіе на проценты съ этого капитала, при названной гимназіи, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендія дѣйствительного статскаго советника Ивана Ивановича Пискарева“.

12. (26-го юля 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университѣтѣ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министерству народнаго просвѣщенія, что Московская городская дума, желая почтить изъявленіемъ общественной признательности память заслуженнаго профессора Московскаго университета и гласнаго сей думы, покойнаго Погодина, честно послужившаго Москвѣ какъ своими трудами на пользу науки, такъ и участіемъ въ дѣлахъ городскаго общественнаго управления, пожертвовала капиталъ въ шесть тысячъ рублей на учрежденіе изъ процентовъ оного, одной стипендіи имени Погодина при Московскомъ университѣтѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Московскомъ университѣтѣ, изъ процентовъ означенного капитала, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендію Михаила Петровича Погодина“.

13. (26-го юля 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университѣтѣ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министерству народнаго просвѣщенія, что Московское губернское земское собраніе, желая почтить память покойнаго гласнаго собранія Самарина, принимавшаго живое участіе въ дѣлахъ земства и своими трудами способствовавшаго разработкѣ весьма важныхъ земскихъ вопросовъ, пожертвовало капиталъ въ пять тысячъ рублей на учрежденіе, изъ процентовъ оного, одной стипендіи имени Самарина при Московскомъ университѣтѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ

на учреждение при Московскомъ университѣтѣ, на счетъ процентовъ означеннаго капитала, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендію Юрия Федоровича Самарина“.

14. (26-го іюля 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университѣтѣ.

Цопечитель Московскаго учебнаго округа доносъ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, что бывшій главный докторъ Московской Маринской больницы, действительный статскій совѣтникъ Осиповскій представилъ въ Московскій университетъ пятипроцентный билетъ государственного банка 1-го выпуска въ пять тысячъ рублей на учрежденіе при семъ университетѣ стипендіи его имени.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ этомъ докладѣ, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендію действительного статского совѣтника Дмитрія Тимофеевича Осиповскаго“.

15. (26-го іюля 1878 года). Объ учрежденіи стипендій при Смоленской Маринской женской гимназіи.

По завѣщанію умершаго штабс-капитана Макалинского, душеприкащикъ его, поручикъ Новало-Швейковскій, представилъ въ попечительный совѣтъ Смоленской Маринской женской гимназіи десять тысячъ рублей, пожертвованныхъ Макалинскимъ, для учрежденія, на проценты съ этого капитала, десяти стипендій при названной гимназіи для воспитанницъ оной, дворянокъ Смоленской губерніи, русскаго происхожденія, православнаго исповѣданія; вслѣдствіе сего попечительный совѣтъ гимназіи ходатайствовалъ объ учрежденіи означенныхъ стипендій, съ присвоеніемъ имъ наименованія „стипендій Константина Константиновича Макалинского“.

По всеподданнѣйшему о семъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на приведеніе наложеннаго ходатайства въ исполненіе, съ тѣмъ, чтобы билеты Смоленскаго общества взаимнаго кредита на сумму четыре тысячи руб., заключающіеся въ пожертвованномъ капиталѣ, по окончаніи сроковъ были обмѣнены, на основаніи существую-

щихъ постановлений, на государственные или гарантированные Правительствомъ бумаги.

II. ВЫСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ.

26-го июля 1878 года (№ 8). Назначается: директоръ С.-Петербургской шестой гимназіи, действительный статский советникъ Максимовъ — главнымъ инспекторомъ училищъ Западной Сибири.

Продолжается срокъ командировкы за границу съ ученою цѣлію: сверхштатному помощнику проектора Императорскаго Казанскаго университета Любимову — по 25-е октября 1878 года.

Ординарному профессору Императорскаго университета св. Владимира Иванову — по 1-е мая 1879 года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, горный инженеръ, генераль-маиръ Кокшаровъ — на два мѣсяца, съ 15-го августа 1878 года.

Доцентъ института сельского хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александровѣ Хлюдинскій — на мѣсяцъ.

Директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, тайный советникъ Струве — на три мѣсяца.

Увольняется въ отпускъ въ Россію и за границу: попечитель Московскаго учебнаго округа, въ званіи камергера, действительный статский советникъ князь Мещерскій — на три мѣсяца.

14-го августа 1878 года (№ 9). Утверждается: землевладѣлецъ Ананьевскаго уѣзда, лекарь Корбе — почетнымъ попечителемъ Ананьевской гимназіи, на три года.

Командируются за границу: попечитель Виленскаго учебнаго округа, тайный советникъ Сергіевскій — на одинъ мѣсяцъ.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, действительный статский советникъ Вельяміновъ-Зерповъ — на имѣющій быть во Флоренціи осенью текущаго года 4-й международный съездъ ориенталистовъ.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, действительный статский советникъ Сольскій — на два мѣсяца.

Доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета Киприанъ — на одинъ годъ, съ 1-го декабря 1877 года.

III. МИНИСТЕРСКИЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

10. (15-го июня 1878 г.). Положение о стипендияхъ имени штабсъ-капитана Константина Константиновича Макалинскаго при Смоленской гимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народного просвещенія товарищемъ министра).

1. На счетъ процентовъ съ капитала 10,000 руб., завѣщаннаго штабсъ-капитаномъ Константиномъ Константиновичемъ Макалинскимъ и заключающагося въ 5% билетахъ государственного банка 1-го и 2-го выпусковъ, учреждены съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 21-й день марта 1878 г., при Смоленской гимназіи десять стипендій, которыхъ именуются: "стипендіи штабсъ-капитана Константина Константиновича Макалинского".

2. Стипендіи выдаются каждая въ размѣрѣ сорока руб. въ годъ.

3. Стипендіи предназначаются для бѣдныхъ учениковъ гимназіи изъ дворянъ Смоленской губерніи русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія.

4. Остающіеся отъ процентовъ, за отчислениемъ на стипендіи 400 руб., 100 р. выдаются ежегодно въ награду первому ученику русскаго дворянскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія, окончившему въ Смоленской гимназіи гимназическій курсъ.

5. Назначеніе стипендій и награды предоставляется педагогическому совѣту Смоленской гимназіи.

6. Если отъ стипендіальной суммы по какимъ-либо причинамъ образуется свободный остатокъ, то онъ употребляется на усиленіе стипендій, чрезъ приобрѣтеніе новыхъ доходныхъ бумагъ.

11. (30-го июня 1878 г.). Положение о стипендіи при Каменецъ-Подольской гимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народного просвещенія товарищемъ министра).

1. На проценты съ капитала, собраннаго служащими при Каменецъ-Подольской гимназіи и заключающагося въ 5% билетахъ государственного банка, на сумму шестьсотъ руб. сер.. учреждается,

съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 27-го июня 1878 г., при означенной гимназіи стипендія имени генераль-лейтенанта Платона Александровича Антоновича.

2. Стипендія эта представляется, по выбору Платона Александровича Антоновича, одному изъ несостоятельныхъ воспитанниковъ Каменецъ-Подольской гимназіи, оказавшему успѣхи въ наукахъ и отличному по поведенію.

3. Въ стипендіаты долженъ быть избираемъ сынъ воина, убитаго или раненаго въ восточную войну 1877 — 1878 года, съ освобождениемъ его отъ платы за учение въ гимназіи.

4. Чрезъ десять лѣтъ право стипендіи переходитъ вообще къ дѣтямъ военныхъ чиновъ, если не окажется воспитанника, отвѣчавшаго условіямъ § 3-го сего положенія.

5. Право избрания стипендіаторовъ послѣ смерти Платона Александровича Антоновича предоставляется педагогическому совѣту гимназіи.

6. Выдача стипендіи, по полугодіямъ, производится изъ гимназіи матери стипендіата, или же тѣмъ лицамъ, на попеченіи коихъ онъ находится.

7. Если бы когда-либо оказался остатокъ процентовъ съ означенаго капитала, то таковой остатокъ, не болѣе, впрочемъ, какъ до 30 руб., можетъ быть, по опредѣленію педагогического совѣта гимназіи, выданъ въ единовременное пособіе стипендіату, по окончаніи имъ гимназического курса.

12. (10-го июля 1878 г.). Положеніе о стипендіи при Курской мужской гимназіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Васильевича Гладкова.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народного просвѣщенія товарищемъ министра).

1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 26-й день апреля 1878 г., учреждается при Курской мужской гимназіи стипендія имени умершаго потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Васильевича Гладкова на счетъ процентовъ съ капитала въ 4,000 руб., пожертвованаго внукомъ покойнаго, потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ И. В. Гладковымъ.

2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ четырехъ обли-

гацихъ восточного займа 1877 года, хранится въ мѣстномъ казначействѣ вмѣстѣ съ суммами Курской мужской гимназіи, оставаясь неприкосновеннымъ на вѣчныя времена.

3. Проценты съ этого капитала въ количествѣ 200 р. въ годъ, выдаются, въ определенные сроки, пополугодно, на руки родителямъ или опекунамъ воспитанника гимназіи, который будетъ состоять стипендиатомъ имени И. В. Гладкова.

4. Начальство гимназіи можетъ и само расходовать эту стипендию на содержаніе стипендиата, если признаетъ это болѣе полезнымъ и болѣе обезпечивающимъ содержаніе ученика, получающаго эту стипендию.

5. Избрание стипендиата принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи, въ засѣданіи котораго участвуетъ въ этомъ случаѣ и жертвователь Н. В. Гладковъ.

6. На получение стипендиі имѣютъ преимущество сыновья семействъ изъ рода жертвователя Н. В. Гладкова, еслибы члены этого рода находились въ бѣдномъ состояніи.

7. При неимѣніи въ виду такихъ кандидатовъ, въ стипендиаты принимаются сыновья бѣднѣшихъ семействъ изъ всѣхъ сословій, оказавшіе на приемномъ экзаменѣ въ гимназіи достаточныя способности и лучшую подготовку къ ученію, или же изъ числа учащихся въ гимназіи, болѣе другихъ успѣвающіе въ ученіи и отличные по поведенію.

8. При равныхъ условіяхъ выборъ стипендиата рѣшается по жребию.

9. Лицо, получившее стипендию И. В. Гладкова, пользуется ею во все время ученія въ гимназіи, если материальное положеніе стипендиата не измѣнится къ лучшему и если онъ будетъ состоять въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ своего класса.

10. Неудостоенный перевода въ слѣдующій классъ стипендиатъ И. В. Гладкова можетъ сохранить стипендию лишь въ томъ случаѣ, если причиной оставленія его въ томъ же классѣ были: тяжкая и продолжительная болѣзнь его или же неблагопріятствовавшія учебнымъ занятіямъ семейныя обстоятельства.

11. Образовавшіе почему-либо остатки отъ процентовъ съ стипендиальнаго капитала выдаются въ единовременное пособіе окончившему курсъ стипендиату, не свыше, однако же, 150 руб., а могущіе быть затѣмъ остатки употребляются на пособіе бѣднѣйшимъ изъ учащихся по назначенію педагогическаго совѣта мужской гимназіи.

13. (10-го юля 1878 г.). Положеніе о стипендіи, при Курской Маринской женской гимназіи имени потомственнаго почетнаго гражданина И. В. Гладкова.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарамъ министра).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 26-й день апрѣля 1878 г., учреждается при Курской Маринской женской гимназіи стипендія имени умершаго потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Васильевича Гладкова на счетъ процентовъ съ капитала въ 4,000 р., пожертвованнаго братомъ покойнаго, потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Н. В. Гладковымъ.

2) Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ четырехъ облигаций восточнаго займа 1877 г., хранится въ мѣстномъ казначействѣ, вмѣстѣ съ суммами Курской женской гимназіи, оставаясь неприкосно-веннымъ на вѣчныя времена.

3) Проценты съ этого капитала, въ количествѣ 200 руб. въ годъ, выдаются въ опредѣленные сроки, по-полугодно, на руки родителямъ или опекунамъ воспитанницы женской гимназіи, которая будетъ со-стоять стипендіаткой имени И. В. Гладкова.

4) Начальство гимназіи можетъ и само расходовать эту стипендію на содержаніе стипендіатки, если признаеть это болѣе полезнымъ и болѣе обеспечивающимъ содержаніе ученицы, получающей эту сти-пендію.

5) Избраніе стипендіатки принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи, въ засѣданіи котораго участвуетъ въ этомъ случаѣ и жерт-зователь Н. В. Гладковъ.

6) На получение стипендіи имѣютъ преимущество дочери семействъ изъ рода жертвователя И. В. Гладкова, еслибы члены этого рода на-ходились въ бѣдственномъ состояніи.

7) При неимѣніи въ виду такихъ кандидатокъ, въ стипендіатки принимаются дочери бѣднѣйшихъ семействъ изъ всѣхъ сословій, ока-завшія на пріемномъ экзаменѣ въ гимназію достаточныхъ способности и лучшую подготовку къ ученію, или же изъ числа учащихся въ гимназіи, болѣе другихъ успѣвающія въ учепіи и отличныя по пове-денію.

8) При равныхъ условіяхъ, выборъ стипендіатки решается по жребию.

9) Лицо, получившее стипендию И. В. Гладкова, пользуется ею во все время учения в гимназии, если материальное положение стипендиатки не изменится к лучшему и если она будет состоять в числе лучших воспитанниц своего класса.

10) Не удостоенная перевода в следующий класс, стипендиатка И. В. Гладкова может сохранить стипендию лишь в том случае, если причина оставления ея в том же классе были: тяжкая и продолжительная болезнь или же неблагоприятствовавшая учебным занятиям семейные обстоятельства.

11) Образовавшиеся по чему-либо остатки от процентов съ стипендиального капитала выдаются в единовременное пособие окончившей курсъ стипендиаткѣ, не свыше однако же 150 р., а могущіе быть затѣмъ остатки употребляются на пособіе бѣднѣйшимъ изъ учащихся, по назначению педагогического совѣта Курской женской гимназіи.

14. (29-го июля 1878 г.). Положение о стипендіи имени генераль-лейтенанта Леонида Платоновича Рудановскаго въ гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвещенія товарищемъ министра).

1) Въ гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 26-го июля 1878 г., одна стипендія, изъ процентовъ съ капитала въ 2,000 р., пожертвованного на вѣчное время гимназіи вдововою подполковника Людмилою Платоновной Ивановой и заключающаяся въ 2-хъ пятипроцентныхъ билетахъ государственного банка 4-го выпуска, въ 1,000 р. каждый.

2) Стипендія эта называется, въ память брата ея, „стипендію генераль-лейтенанта Леонида Платоновича Рудановскаго“, а пользующейся ею, во все время этого пользованія, именуется также „стипендиатомъ Леонида Платоновича Рудановскаго“.

3) Обеспечивающей стипендію капиталъ долженъ исключительно служить для цѣли учрежденной стипендіи и потому не можетъ быть израсходованъ ни на какія постороннія цѣли. Гимназіи предоставляется однако право обратить его впослѣдствіи, на вполнѣ прочныхъ основаніяхъ, въ другія, болѣе доходныя государственные или гарантированные правительствомъ процентныя бумаги.

4) Учреждаемая стипендія, въ размѣрѣ 100 р. въ годъ, присуждается лучшему по успѣхамъ и поведенію и бѣдѣйшему воспитаннику гимназіи, уроженцу Черниговской губерніи, православного исповѣданія, и выдается ему самому или родителямъ его, по третий годъ впередъ, до окончанія имъ курса наукъ въ гимназіи, со дnia состоявшагося опредѣленія о выдачѣ ея.

5) Стипендіатъ освобождается также и отъ платы за учение.

6) Право выбора такового воспитанника гимназіи, для присужденія ему означенной стипендіи, принадлежитъ совѣту гимназіи. Учрежденіница, а по смерти ея сынъ ея, Павелъ Степановичъ Коробка, можетъ однако рекомендовать совѣту, для замѣщенія стипендіи, воспитанниковъ, лично имъ извѣстныхъ.

7) Если стипендія по какому-либо случаю будетъ вакантною, то процентные деньги, имѣющія оставаться по сему случаю, причисляются къ капиталу и должны считаться неприкосновенными, а проценты на нихъ причисляются къ стипендіи.

8) Выдача стипендіи прекращается въ слѣдующихъ случаяхъ: а) по окончаніи стипендіатомъ курса наукъ въ гимназіи; б) въ случаѣ выбытія его изъ гимназіи; с) въ случаѣ неодобрительности его поведенія или малоупрѣшности, причемъ однакоже оставленіе ученика на второй годъ въ томъ же классѣ не влечетъ за собою непремѣнно лишенія стипендіи, и д) когда улучшеніе материальныхъ средствъ стипендіата дастъ ему возможность безбѣдно продолжать учение безъ помощи стипендіи.

9) Учрежденіница стипендіи, вдова подполковника Л. П. Иванова, а по смерти ея сынъ ея П. С. Коробка, пользуются правомъ получать отъ гимназіи свѣдѣнія какъ о томъ, кто изъ воспитанниковъ пользуется въ данное время стипендію, такъ и о всякой вообще перемѣнѣ въ этомъ отношеніи.

15. (29-го іюля 1878 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣятельного статскогосовѣтника Николая Ивановича де Витте при Московскомъ реальному училищѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народного просвѣщенія товарищемъ министра).

1) Стипендія учреждается при Московскомъ реальномъ училищѣ и называется „стипендію первого директора 1-го Московскаго реаль-

наго училища действительного статского советника Николая Ивановича де-Витте⁶. Основной капиталъ стипендіи состоитъ изъ 1,250 р., заключающихся въ облигаций (5%) восточного займа. На учреждение этой стипендіи послѣдовало 26-го июля 1878 г. Высочайшее разрешеніе.

2) Стипендіатъ назначается изъ лучшихъ и бѣдныхъ учениковъ, при жизни действительного статского советника Н. И. де-Витте — изъ самимъ, а послѣ его смерти — педагогическимъ совѣтомъ Московскаго реального училища и утверждается попечителемъ московскаго учебнаго округа.

3) Стипендіатъ освобождается отъ взноса платы за обученіе и получаетъ ежегодно на учебныя пособія проценты съ вышеозначеннаго капитала.

4) Стипендіатъ, оставленный на второй годъ въ томъ же классѣ, лишается стипендіи и вместо него выбирается другой.

5) Если почему-либо стипендія въ теченіе года или несколькихъ лѣтъ не была выдана, то она присоединяется къ капиталу, для увеличенія стипендіи.

16. (16-го августа 1878 г.). Положеніе о стипендіяхъ при Муромскомъ реальному училищѣ имени А. В. и М. П. Ермаковыхъ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го августа 1878 г., учреждаются при Муромскомъ реальномъ училищѣ три стипендіи имени А. В. и М. Е. Ермаковыхъ, па счетъ процентовъ съ капитала въ 4,600 р., каждая стипендія по 76 р.

2) Означенный капиталъ въ 4,600 р. долженъ храниться въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ и заключаться въ 5% государственныхъ билетахъ, составляя неотъемлемую собственность Муромскаго реального училища. Билеты, по истечении срока или выхода ихъ въ тиражъ, должны быть замѣнямы другими 5% государственными банковскими билетами училищнымъ начальствомъ, а самый капиталъ долженъ сохраняться вѣчно.

3) Проценты, причитающіеся съ 4,600 р., предоставляется право

получать и распредѣлить поровну между стипендиатами начальству училища.

4) Право пользованія стипендиами предоставляется дѣтамъ бѣдныхъ гражданъ г. Мурома, причемъ одна изъ стипендій должна быть предоставлена воспитаннику Муромскаго дѣтскаго пріюта, основаннаго на капиталѣ, пожертвованнѣй Ермаковыми. Если же таковаго воспитанника не окажется, то стипендія предоставляется одному изъ оставшихся кандидатовъ.

5) Выборъ кандидатовъ для получения стипендій правадлежитъ городской думѣ, которая представляетъ ихъ педагогическому совѣту Муромскаго реальнаго училища, педагогическій же совѣтъ выбираетъ изъ представленнаго городской думой списка тѣхъ бѣдныхъ воспитанниковъ училища, кои по своимъ успѣхамъ и поведенію достойны получения стипендіи. О выбранныхъ стипендиатахъ начальство училища сообщаетъ городской думѣ.

6) Въ случаѣ неуспѣховъ и неодобрительного поведенія стипендиата, педагогическій совѣтъ лишаетъ его стипендіи, замѣняя лишеннаго стипендиата однимъ изъ представленныхъ городской думой кандидатовъ.

7) Стипендиатъ пользуется стипендией во все время своего ученія въ Муромскомъ реальному училищѣ и именуется „стипендиатомъ А. В. и М. Е. Ермаковыхъ“.

8) По окончаніи курса въ училищѣ стипендиатъ не стѣсняется никакими обязательствами, но въ аттестатѣ или свидѣтельствѣ его упоминается о томъ, что онъ пользовался стипендией.

9) Въ случаѣ неимѣнія стипендиатовъ, оставшіеся проценты причисляются къ основному капиталу, па увеличеніе означенныхъ стипендій.

IV. ПРИНАЗЪ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНагО ПРОСВѢЩЕНИЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

31-го іюля 1878 года. (№ 13). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскійсовѣтицъ Леваковскій—проректоромъ сего университета, на три года, съ 30-го мая 1878 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета—действительный статский советникъ Никольскій—деканомъ медицинскаго факультета сего университета, съ 30-го мая 1878 года по 19-е июля 1879 года.

Доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ греческой словесности Бѣлляевъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ греческой словесности, съ 30-го мая 1878 года..

Преподаватель С.-Петербургской Ларинской гимназіи Андреевъ—наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологического института, съ 1-го июля 1878 года.

Инспекторъ Краснослободской прогимназіи, коллежскій советникъ Поповъ—директоромъ Чепченской прогимназіи, съ 14-го июля 1878 года.

Инспекторъ Прилукской прогимназіи, преобразованной изъ четырехклассной въ шестиклассную, коллежскій советникъ Каменскій—директоромъ этой прогимназіи, съ 14-го июля 1878 года.

Директоръ Поливанской учительской семинаріи, действительный статский советникъ Григорьевъ—директоромъ Московскаго реального училища, съ 14-го июля 1878 года.

Преподаватель Императорской Казанской первой гимназіи, надворный советникъ Херувимовъ—директоромъ народныхъ училищъ Самарской губерніи, съ 7-го июля 1878 года.

Назначаются: причисленный къ министерству народного просвѣщенія, надворный советникъ Александровъ—исправляющимъ должность директора народныхъ училищъ Тульской губерніи, съ отчисленiemъ отъ министерства народного просвѣщенія.

Наставникъ историко-филологического института князя Безбородко въ Шжинѣ Добиашъ—исправляющимъ должность экстраординарного профессора греческой словесности въ семъ институтѣ, съ 1-го июля 1878 года.

Бухгалтеръ и контролеръ комитета правленія Императорской академіи наукъ, коллежскій советникъ Іковлевъ—совѣтникъ сего комитета, съ 7-го июля 1878 года.

Окончившіе въ 1878 году курсъ наукъ, студенты Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологического института: Петръ Барсовъ, Владимиръ Дербушевъ, Евгений Зеленецкій, Иванъ Зоринъ, Захарій Волочковъ, Иванъ Остроумовъ, Василий Добровскій, Леонидъ Знаменскій, Иванъ Поповъ, Михаилъ Высоцкій, Дмитрий

Правдинъ, Степанъ Чикилевскій, Александръ Поповъ, Илья Румянцевъ, Василій Соловскій, Иванъ Покрываховъ, Николай Раевъ и Николай Орлинъ, учителями гимназій: Барсова—Вологодской, Дербушевъ—Харьковской второй, Зеленецкой—Житомирской, Зоринъ—Уфимской, по древнимъ языкамъ, Волочковъ—Черниговской, по греческому языку, Остроумовъ—Гродненской, Добровскій—Саратовской, Знаменский—Харьковской второй, по русскому языку, Иванъ Поповъ—Екатеринбургской, по русскому языку и словесности, Высоцкій—Харьковской первой, Правданъ—Усть-Медведицкой, Чикилевскій—Ковенской, по русскому и латинскому языкамъ, Александръ Поповъ—Уральской войсковой, по русскому и древнимъ языкамъ, Румянцевъ—Архангельской, по русской словесности и латинскому языку, Соловскій—Тамбовской, по русскому и латинскому языкамъ, Покрываловъ—С.-Петербургской Ларинской, Раевъ—Николаевской Александровской, по латинскому языку, и Орлинъ—Нижегородской, по древнимъ языкамъ; Николай Горрманъ, Фридрикъ Зебергъ, Дмитрий Зеленецкій, Ефимъ Каллистовъ, Павель Успенскій, Николай Горанскій, Николай Благовѣщенскій, Николай Конкординъ и Владимиръ Костылевъ—учителями прогимназій: Горрманъ—Каменской, Зебергъ—Коломенской, Зеленецкій—Старобѣльской Александровской, Каллистовъ—Глуховской, Успенскій—Сергіево-Посадской, по древнимъ языкамъ, Горанскій—Нижнечирской, по латинскому языку, Благовѣщенскій—Алатырской, по русскому языку, Конкординъ—Азовской и Костылевъ—Вознесенской, по русскому и древнимъ языкамъ, всѣ съ обязательствомъ прослужить по вѣдомству министерства народного просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ; изъ нихъ Покрываловъ, Раевъ, Орлинъ и Костылевъ съ 1-го іюля, а прочія 23 лица съ 3-го іюня 1878 года.

Перемѣщаются: директоръ Курского реального училища, коллежскій Ассесоръ Шиховъ—Директоромъ Харьковскаго реального училища, а директоръ Мелитопольского реального училища, коллежскій совѣтникъ Радкевичъ—директоромъ Курского реального училища, оба съ 14-го іюля 1878 года.

Оставляются на службѣ: по 1-е іюля 1879 года: директоръ Ковенской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Савельевъ.

По 18-е іюля 1880 года: директоръ Московской четвертой гимназіи, статскій совѣтникъ Гебель.

На пять лѣтъ: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Дерптскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Энгельгардтъ и С.-Петербургскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Андреевскій, директоръ и ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарного института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зейфманъ и директоръ Екатерининскаго учительскаго института въ Тамбовѣ, статскій совѣтникъ Поповъ; изъ нихъ: Энгельгардтъ съ 5-го июля 1878 года, Андреевскій съ 20-го июля 1878 года, Зейфманъ съ 24-го апреля 1878 года и Поповъ съ 4-го июля 1878 года.

Командируется съ ученою цѣлію: доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Колли—въ Москву, съ 15-го августа по 2-е октября 1878 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: экстраординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета Лигину—на десять дней.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на пятиадцать дней: помощникъ попечителя Киевскаго учебнаго округа, генералъ-майоръ Новиковъ—въ разныя губерніи.

На двадцать восемь дней: помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николичъ и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ учнаго комитета сего министерства, статскій совѣтникъ Гришинъ, первый—въ Тульскую губернію, а второй—въ Казанскую губернію.

На лѣтнее вакаціонное время 1878 года: директоръ Екатеринбургской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ—во внутреннія губернія Россіи.

На лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября 1878 года: директоръ Вольскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Можайскій—въ Крымъ, по болѣзни.

За границу: на двадцать два дня: учитель Феодосійской прогимназіи Ретовскій.

На двадцать девять дней: доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета Шимановскій, по болѣзни.

Съ 20-го августа по 16-е сентября 1878 года ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стида.

На мѣсяцъ: доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Бобилевъ, учитель Симферопольской гимназіи Кирковъ

и помощникъ классныхъ наставниковъ Одесской первой прогимназіи Селецкій.

Съ 6-го августа по 10-е сентября 1878 года: учитель Лемзальского уѣзднаго училища Шнейдеръ, по болѣзни.

На мѣсяцъ и десять дней: доцентъ Императорскаго университета Св. Владимира, статскій совѣтникъ Неметти и врачъ Таганрогской Марининской женской гимназіи Фомилантъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1878 года: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Лазаровичъ, директоръ Хорсонскаго реальнаго училища Федорченко, врачъ Одесской второй прогимназіи Врендель и классная дама Плоцкой женской гимназіи Малу; послѣдняя по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1878 года и двадцать восемь дней: преподаватель С.-Петербургскай третьей прогимназіи Хвольсонъ и учитель Севастопольскаго реальнаго училища Казасъ; первый по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1878 года и двадцать девять дней: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Абашевъ, по болѣзни.

На два мѣсяца: дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Ивановскій.

На три мѣсяца: почетный смотритель Шуйскаго уѣзднаго училища графъ Толстой, по болѣзни.

Увольняются отъ службы: за выслугою срока: директоръ Харьковскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рубенко, съ 1-го июля 1878 года, съ дозвoleniemъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Согласно прошениіи: директоръ Московскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ де-Витте, съ 14-го июля 1878 года.

Директоръ Пензенской прогимназіи, статскій совѣтникъ Желоменскій, съ 14-го июля 1878 года.

Директоръ Виленскаго еврейскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Гвайта, съ дозвoleniemъ ему носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: помѣщицѣ Тверской губерніи Елиса-

ветъ Нарышкиной—за пожертвование на пользу народного образования.

Пислючаются изъ списковъ умершіе: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, адъюнктъ Императорской академіи наукъ, надворный советникъ Золотаревъ и советникъ комитета правленія сей академіи, статскій советникъ Дмитревъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определеніями ученаго комитета министерства народного просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Книги подъ заглавіями:

I. Школьное дѣло (къ вопросу о гигиенѣ школъ. Въ текстѣ болѣе 40 чертежей: планы классныхъ комнатъ школьнаго дома, классной мебели и проч.) Сост. И. Деркачева. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р.—рекомендовать библіотекамъ учительскихъ семинарій и институтовъ.

II. Ариометрическіи задачи. Учебное пособіе при преподаваніи ариометрии въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сост. В. Воленсь. Изд. 2-е, исправленное и изданное подъ редакцією автора. С.-Петербургъ, 1878 г. Цѣна 35 коп.—допустить въ каталоги основныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

III. Учебникъ географіи. Общая свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Курсъ низшихъ учебныхъ заведеній. Сост. А. Ивановъ, преподаватель Московскихъ 2 и 3 женскихъ гимназій. Москва, 1878 г. Цѣна 25 к.—допустить въ основныя библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

IV. Библейская история, сокращенно извлеченная изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго запѣта Проторіерея Иоанна Базарова. Съ 110 картинками, изд. 16-е, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ, 1877 г. Цѣна 35 коп.—одобрить для начальныхъ народныхъ училищъ, въ качествѣ учебнаго пособія по священной истории, а также для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ учебнаго руководства.

— Книги подъ заглавіями:

I. Обозрѣніе русской исторіи отъ начала Руси до нашихъ временъ. Рига и Дерптъ. 1877 г. Цѣна 1 р. 20 коп. — одобрить для гимназій Прибалтійскаго края, въ качествѣ руководства по русской исторіи, а для прочихъ гимназій, въ качествѣ учебнаго пособія по тому же предмету.

II. Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ 3-хъ частей. Курсъ среднихъ классовъ гимназій и прогимназій. Сост. В. С. Игнатовичъ, преподаватель 1-й С.-Петербургской военной гимназіи. Часть III. Изд. 4-е, совершенію передѣланное согласно съ указаніями учебнаго плана, утвержденного г. министромъ народнаго просвѣщенія. С.-Петербургъ, 1878 г. Цѣна 1 р. 15 коп. — признать вполнѣ заслуживающе быть рекомендованной, какъ весьма полезное руководство, для употребленія въ классахъ IV, V, и VI средне-учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

III. „Историческая христоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Часть вторая. С.-Петербургъ, 1878 г. Цѣна 2 р.“ — рекомендовать, какъ учебное пособіе, для ученическихъ библіотекъ и для выдачи ученикамъ старшихъ классовъ въ видѣ награды.

IV. „Курсъ истории русской литературы. Сост. по программѣ духовныхъ семинарій М. Орловъ. Два выпуска: выпускъ первый (до Пушкинскаго периода). Изд. 3, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ, 1878 г. выпускъ второй (Пушкинскій периодъ), первая половина. Изд. 2-е, исправленное. С.-Петербургъ, 1878 г.“ — признать заслуживающе одобрения, какъ учебное пособіе при изученіи этого предмета въ гимназіяхъ.

V. „Курсъ средней исторіи для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Составилъ преподаватель Императорскаго Александровскаго музея Евгений Александровичъ Бѣловъ, С.-Петербургъ, 1878 г.“ — одобрить какъ прекрасное учебное пособіе для наставниковъ и учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— „Второй выпускъ стѣнной карты по русской исторіи А. Добрjakова (Русь Московская и Литовская, 1869 г.)“ — одобрить для класснаго употребленія (въ видѣ стѣнной карты). Выпускъ 3-й того же изда-

віа „карта Русской Имперіи отъ Петра Великаго до нашего времени“ — признать вполнѣ пригоднымъ для той же цѣли.

VI. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определеніями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Книги подъ заглавіями:

I. „Географія Бессарабской губерніи. Учебное пособіе для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ 23 чертежей, плана города Кишинева и карты Бессарабской губерніи. Сост. П. И. Сорока. Кишиневъ, 1878 г. Цѣна 1 р. 50 коп.“ — допустить въ библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, преимущественно Бессарабской, а также и другихъ губерній.

II. „Законъ Божій для дѣтей младшаго возраста.“ Соч. священника Михаила Соколова. Изд. 2, исправленное. С.-Петербургъ, 1877 г. — допустить, согласно съ утвержденнымъ святѣшнимъ синодомъ заключениемъ ученаго комитета, къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ приготовительныхъ классахъ гимназій, а также въ городскихъ и начальныхъ народныхъ училищахъ.

III. „Улица богомольцевъ. С.-Петербургъ, 1877 г. Цѣна 12 коп.“ и IV. „Однокіи въ цѣломъ Лондонъ. С.-Петербургъ, 1877 года. Цѣна 10 коп.“ — допустить въ библиотеки городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, для учениковъ низшихъ классовъ.

— Книги подъ заглавіями: 1) „Семь сказокъ для дѣтей Варвары Софроновичъ“ Съ силуэтами раб. Елизаветы Вѣмъ. С.-Петербургъ 1878 г.“ — допустить въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, преимущественно женскихъ.

2) „Города Воронежской губерніи, ихъ исторія и современное состояніе съ краткимъ очеркомъ всей Воронежской губерніи“ Сост. действительные члены Воронежскаго губернскаго статистическаго ко-

митета Г. М. Веселовскій и Н. В. Воскресенскій. Воронежъ. 1876 г. Цѣна 50 коп.—допустить въ библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, преимущественно Воронежской, а также и другихъ губерній.

3) „Городъ Острогожскъ (Воронежской губ.) и его уѣздъ“. Историко-статистической и этнографической очеркъ, съ планомъ города и географическою картою уѣзда. Сост. дѣйствительный членъ Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета Г. М. Веселовскій. Воронежъ. 1867 г. Цѣна 80 коп. съ пересылкою 1 руб. Для учебныхъ заведеній, выписывающихъ не менѣе 10 экземпляровъ, 60 коп.; на пересылку прилагается по разстоянію и вѣсу”—допустить въ библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книги подъ заглавиемъ: 1) „Волга и ея значеніе для Россіи“. Чтеніе для народа, состав. Аделаидо Шиле. Произнесено въ аудиторіи Солянаго городка. С.-Пб. 1876 г. Ц. 10 коп. и 2) „О хорошей и дурной водѣ“, д-ра медицины Я. Шмулевича. С.-Пб. 1874. Ц. 10 коп.—признать возможными первую изъ означеныхъ книгъ допустить въ библіотеки начальникъ пародныхъ училищъ и вторую—одобрить для библіотекъ начальникъ пародныхъ училищъ и для пародныхъ чтепій.

— Составленную священникомъ Александромъ Смирѣлинымъ книгу подъ заглавиемъ „Курсъ закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народного просвѣщенія и приготовительныхъ классахъ духовныхъ училищъ. Издание 3-е. Москва. 1878 г.“,—допустить къ употребленію въ качествѣ учебника по закону Божію въ начальныхъ пародныхъ училищахъ.

ОФІЦІАЛЬНІЯ ІЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣшему докладу управляющаго министерствомъ народного просвѣщенія, въ 14-й день августа 1878 года, Высочайше соизволилъ: на постановку въ актовомъ залѣ Пензенской учительской семинаріи портретовъ министра народного просвѣщенія дѣйствительнаго тайного советника графа Д. А. Толстаго и попечителя Харьковскаго учебнаго округа тайного советника П. К. Жерве.

— По донесению управляемого С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, въ проѣздѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Сергія и Павла Александровичей, Константина и Дмитрія Константиновичей по Олонецкой губерніи въ текущемъ году, 30-го юля, при слѣдованіи чрезъ село Важину, Олонецкаго и Лодейнопольскаго уѣздовъ, ученики и ученицы тамошнихъ начальныхъ народныхъ училищъ, подъ руководствомъ учителя Никольского, въ числѣ 100 учащихся, встрѣтили Ихъ Высочества пѣніемъ молитвы за Царя, „Спаси Господи люди Твоя“ и русскаго народнаго гимна „Боже Царя храни“ за каковой привѣтъ Великіе Князья изволили выразить свою благодарность какъ ученицамъ, такъ и учителю, который, снѣрхъ того, отъ щедротъ Ихъ Высочествъ получилъ 50 руб., и 3-го августа, при слѣдованіи Ихъ Высочествъ чрезъ село Девятилы, Вытегорскаго уѣзда, ученики и ученицы тамошнихъ однокласспаго мужскаго и женскаго начальныхъ народныхъ училищъ, подъ руководствомъ законоучителя священника Тихомирова, встрѣтили также Великихъ Князей пѣніемъ народнаго гимна „Боже Царя храни“ и вѣкоторыхъ національныхъ пѣсенъ (Воля, Сусанинъ), а при отѣзѣлѣ Ихъ Высочествъ пропѣли молитву за Царя „Спаси Господи люди Твоя“; при чемъ дѣти усыпали путь Царственныхъ Гостей цветами. Въ ознаменованіе особенного благополенія, священникъ Тихомировъ удостоился получить отъ Ихъ Высочествъ золотые часы, а ученицамъ отпущенено 100 руб. па ихъ нужды.

— 6-го сего августа Ихъ Императорскія Высочества Великія Князья Сергій и Павелъ Александровичи, Дмитрій и Константинъ Константиновичи изволили посѣтить въ г. Череповцѣ реальное училище съ ботаническимъ при ономъ садомъ, и Маріинскую женскую гимназію, при чмъ Ихъ Высочества неоднократно заявляли свое удовольствіе и благодарность по поводу отличного состоянія этихъ учебныхъ заведеній.

— Его сіятельство г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическими совѣтами размѣръ платы за ученіе, съ начала 1878—79 учебнаго года, въ Ришильевской гимназіи: въ нормальныхъ классахъ по пятидесяти руб. и въ приготовительномъ классѣ по тридцать четыре руб., и въ Мозырской прогимназіи: въ нормальныхъ классахъ по двадцати одному руб. и въ приготовительномъ классѣ по четырнадцати руб. въ годъ съ ученика.

— 22-го истекшаго августа исполнилось столѣтіе со дня кончины

купца Петра Даниловича Ларина, пожертвование которого дало возможность къ открытию гимназии, носящей его имя, и къ содержанию въ устроенномъ при ней пансионѣ пансионеровъ его имени. По этому поводу, въ 2^½, часа пополудни, по окончаніи уроковъ, въ залѣ гимназии, передъ украшеннымъ цвѣтами портретомъ П. Д. Ларина, собрались учащіеся и служащіе въ Ларинской гимназіи для выслушанія появившихся въ печати краткихъ біографическихъ о немъ свѣдѣній, послѣ чего законоучителемъ гимназіи отслужена панихида.

— Составлены инспекторомъ народныхъ училищъ Саратовской губерніи Серебровскимъ книги: 1) „Опытъ популярного изложения планиметріи“. Казань, 1868, и 2) „Популярное изложение стереометріи“. Казань, 1870,—управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія г. товарищемъ министра разрѣшены къ допущенію для приобрѣтенія, если будетъ признано нужнымъ, въ фундаментальныя библиотеки.

Открытие училищъ

17-го истекшаго августа въ Царицынской мужской прогимназіи открыты V классъ, въ который поступило изъ IV класса 13 учениковъ.

— Послѣдовало разрѣшеніе на открытие двухклассныхъ начальныхъ народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, 21-го августа сего года, въ округахъ: 1-мъ Донскомъ, 2-мъ Донскомъ, Усть-Медведицкомъ, Хоперскомъ и Донецкомъ, Области войска Донского, въ станицахъ: Нижне-Кундрюческой, Качалинской, Клецкой, Алексѣевской и Гицдаровской, съ содержаніемъ на мѣстныхъ средства, и открыты одноклассные начальные народные училища сего министерства въ мѣстностяхъ съ корельскимъ населеніемъ, Олонецкой губерніи, въ Олонецкомъ уѣзда: Видлицкое—26-го юля и Ведлозерское—28-го юля; въ Петрозаводскомъ уѣзда: Салменижское—31-го юля и Вешкельское—1-го августа; въ Повѣнѣцкомъ уѣзда: Ливдозерское—3-го августа и Гимольское—5-го августа сего года.

— 1-го минувшаго августа послѣдовало открытие однокласснаго начального народнаго училища въ с. Ставкѣ, Ровенскаго уѣзда, Волынской губерніи.

— Открыто 1-го августа сего года одноклассное начальное народное училище министерства народного просвещения въ с. Проказовъ, Валдайского уѣзда, Новгородской губерніи. При открытии сего училища поступило въ оное учащихся: 48 мальчиковъ и 8 девочекъ.

— Открыто 1-го августа одноклассное начальное народное училище министерства народного просвещения въ с. Свяиной, Староконстантиновского уѣзда, Волынской губерніи.

О СКЛАДЪ НАРОДНО-РУССКОЙ ПѢСЕННОЙ РѢЧИ, РАЗСМА- ТРИВАЕМОЙ ВЪ СВЯЗИ СЪ НАПЪВАМИ.

Прежде чѣмъ приступить къ изученію народно-русского пѣсенного склада рѣчи и его отношенія къ музыкальному построенію пѣсень, считаю необходимымъ предположить изложеніе господствующихъ въ теоріи стихотворства нозернѣй на основные элементы ритмики и метрики¹⁾, сопровождая ихъ замѣчаніями, съ точки зренія народно-русского пѣсенного стихосложенія, чтобы такимъ образомъ выяснилось, какія положенія греко-латинской метрики, усвоенные и немецкою и нашою литературою, примѣнны къ народно-русской пѣсенной рѣчи, и какія метрическія формы выработались въ ней совершенно самостоятельно. При этомъ нужно будетъ также сдѣлать разборъ мнѣній отечественныхъ ученыхъ—Востокова²⁾ и Классовскаго³⁾, о русскомъ народномъ стихосложеніи.

¹⁾ По сочиненіямъ: 1) *R. Westphal*: Metrik der Griechen. Часть I-я: Griechische Metrik und Garmonik. 2-te Auflage, 1867. Часть II-я: Griechische Metrik, 2-te Auflage, 1868.—2) *W. Brambach*: Rhythmische und Metrische Untersuchungen. 1871.

²⁾ Опытъ о русскомъ стихосложеніи. 2-е изданіе, 1817.

³⁾ Версификація. 1863.

I.

Основы количественного греко-латинского стихосложения, по отношению къ народно-русскому пѣсенному.

Oratio non descendat ad crepitum digitorum. Quintil. Inst. 9, 4, § 55.

Метръ и ритмъ. Строки, периоды, колыма, такты и стопы, единицы мѣры музыкального времени, тезисъ и арсисъ, икты.—Ритмъ относится къ музыкальному построению пѣсни (къ напѣву), которому вполнѣ подчиняется и пѣсенная рѣчь (текстъ пѣсни), но лишь тогда, когда она распѣвается.—Строки, периоды, колыма равнѣе свойственны ритму и метру.—Ритму свойственны такты, а метру (греко-латинскому) аналогичны, но не тождественны съ тактами соплы. —Количественность слоговъ, искусственно регулированная, строже соблюдалась въ греко-латинскомъ метрѣ (въ скандировѣ текста), нежели въ ритмѣ (въ распѣваемомъ текстѣ), где она только принималась въ соображеніе.—Народно-русская пѣсенная рѣчь, свободно подчиняясь ритму напѣва, не знаетъ однако ни стопъ, ни иктовъ, изъ коихъ послѣдніе, въ смыслѣ усиленія звуки, чужды и самому ритму русской народной пѣсни.

„Греческая метрика“, по опредѣлѣнію Вестфали (ч. 2-я, стр. 1),—имѣть предметомъ формальную сторону греческой поэзіи, поколику сія послѣдняя представляетъ собою выраженіе ритмическихъ формъ въ словѣ“. Такое опредѣлѣніе метрики, съ указаніемъ на зависимость ея отъ ритмики, объясняется тѣмъ общепризнаннымъ фактомъ, что древнѣйшая поэзія у всѣхъ народовъ была пѣсенная, и что первые пѣснеслагатели были въ одно и то же время композиторы (даже и исполнители-пѣвцы) и поэты или стихотворцы, и потому, метръ¹⁾,

¹⁾ Первоначальная или основная значенія обоихъ этихъ словъ довольно близки между собою. *Мѣтру*—мѣра, то-есть, сосудъ, которымъ что-либо жидкое или сущее измеряется. *Ритмъ*—мѣра известнаго объема и содержания; по производству отъ *рѣш*, очерчивая, слово это могло бы быть употреблено въ смыслѣ называемыхъ словъ: шаблонъ, рамка, выкройка, литеиня форма. Въ первоначальномъ значеніи оба слова употреблялись нерѣдко одно вместо другого. Какъ термины версификаціи, слова эти употребляются иногда въ разнообразныхъ значеніяхъ, напримѣръ, метръ—въ значеніи стиха, стопы; ритмъ—въ смыслѣ также стопы, размѣра просодическихъ протяженій и т. д., что ведеть за собою не малую путаницу понятій. Здѣсь слова эти постоянно будутъ приводимы въ своемъ, вышеуказаннымъ, общемъ или обширномъ смыслѣ; именно: метръ—какъ принадлежность не только греко-латинской, количественной, но и всякой другой стихотворной рѣчи, рассматриваемой въ связи съ ипъвомъ, или въ отвлеченіи отъ него; ритмъ—какъ принадлежность напѣва и вообще музыкальныхъ произведений, раз-

какъ складъ пѣсенной рѣчи или текста, долженъ быть въ извѣстной степени опредѣляться ритмомъ, то-есть, складомъ пѣсенного напѣва, складомъ музыкальныхъ.

„Ритмическая формы“, продолжаетъ Вестфаль,— „не составляютъ принадлежности языка (*sind etwas ausserhalb der Sprache liegendes*). Языкъ имѣть только способность къ ритмической обработкѣ и по этому свойству своему означаемъ бытъ у дрѣвникъ какъ *ρυθμίσθαι*; но самыи ритмъ есть произведение человѣческаго духа, и различныя формы ритма создаются умомъ поэта, который напечатлѣваетъ на языкѣ прирожденное свое чувство порядка и соразмѣрности“.

Послѣ совершенію вѣрнаго различенія терминовъ—метръ и ритмъ, изъ которыхъ первый служить „выраженіемъ ритмическихъ формъ въ словѣ“, то-есть, на сколько сіе послѣднее къ тому способно, тотчасъ начинается уже смышиваніе ритмическихъ формъ съ метрическими. Разъ установивъ понятія о ритмѣ, какъ о складѣ напѣва и музыкального произведения вообще, и о метрѣ, какъ о складѣ стихотворной рѣчи, составляемой въ зависимости ли, или (впослѣдствіи) независимо отъ мелодіи, нельзя уже сказать, что „языкъ имѣть способность къ ритмической обработкѣ“. Къ ритмической обработкѣ способны лишь звуки инструментовъ и голоса, какъ инструмента пѣнія, а языкъ способенъ къ обработкѣ метрической, способенъ быть тѣ матрію, тѣ матроймѣну, и если Греки называли языкъ ритмуемымъ матеріаломъ (*ρυθμίσθαι*), то разумѣли, вѣроятно, подъ этимъ первоначальное соподчиненіе ритма и метра, при чёмъ термины музыкального склада (строфѣ, хѣлон, поѣс, хроонъ и пр.) перенесены и на складъ пѣсенной рѣчи, хотя вѣкоторые изъ нихъ примѣнны къ ней, только какъ къ рѣчи распѣваемой, потому что нельзя декламировать, напримѣръ, подъ тактъ.

„Прирожденное чувство порядка и соразмѣрности“ можно признать основаніемъ ритма, какъ напѣвнаго или вообще музыкального склада, но не метра, и не склада (пѣсенной) рѣчи, который всегда и вездѣ главнымъ образомъ обусловливается порядкомъ мыслей, а не звуковой только соразмѣрности. Притомъ же въ стихосложеніи количественномъ долгота и краткость слоговъ принимаются за чѣчто данное въ языкѣ, не имѣющее ничего общаго съ прирожденными чувствомъ порядка и соразмѣрности, играющими столь важную роль

сматриваемыхъ въ связи съ текстомъ, съ пѣсенной рѣчью, или въ отвлеченіи отъ нея.

въ звуковомъ творчествѣ. Ритмъ же (размѣръ)¹⁾ въ совокупности съ тональностью (мелодией), безъ сомнѣнія, есть исключительно произведеніе свободного творчества композитора, и потому способное къ безконечному разнообразію.

„Ритмъ“, говоритъ Вестфаль (*Rhythnik* и *Harmonik*, стр. 485),— „возможенъ лишь тамъ, где есть движение, и если время, наполненное этимъ движениемъ, разлагается на такія ощущимыя части, въ послѣдованіи которыхъ замѣчается опредѣленный порядокъ. Въ поэзии ритму подлежать слова, въ музыкѣ звуки, въ пластикѣ (оркестрикѣ) тѣлодвиженія, при чёмъ самое движение составляетъ какъ бы матеріалъ, а ритмъ представляетъ собою упорядочивающій, формальный элементъ, нѣчто совершенно независимое отъ сущности слова, звука и тѣлодвиженія. Поэзия, музыка и оркестрика суть искусства, представляющія идею красоты въ послѣдовательности движений—относительно времени, а три пластическія искусства (*die drei bildenden Künste*), архитектура, живопись и ваяніе, представляютъ идею прекраснаго въ состояніи покоя—по отношенію къ пространству, какъ бы прикрытленною къ одному (отдаленному) моменту движенія во времени. Какъ въ первыхъ трехъ искусствахъ врожденное человѣку чувство порядка проявляется въ упорядоченіи времени движенія посредствомъ ритма, такъ въ пластическихъ искусствахъ оно проявляется въ упорядоченіи распределенія пространства, посредствомъ симетріи, сопротивности. Симетрія есть формальное упорядоченіе чего-либо, не подвижно занимающаго пространство; ритмъ есть формальное упорядоченіе движений по отношенію ко времени. Ритмъ замѣчается отчасти и въ нѣкоторыхъ явленіяхъ природы. Совершенѣйшій естественный ритмъ есть ритмъ нашего процесса дыханія. Аристоксенъ упоминаетъ о ритмѣ ударовъ пульса, Цицеронъ—о ритмѣ въ паденіи капель дождя (*De orat. 3.186*): *In cadentibus guttis, quod intervallis distinguuntur, (rhythnum) notare possumus, in atmâ præcipitante non possumus;* то-есть, мы можемъ замѣтить ритмъ въ паденіи капель, совершающемся съ промежутками, но не въ катящейся рѣкѣ. И такъ, если движеніе совершается сплошно, безъ замѣтныхъ промежутковъ, каково, напримѣръ, теченіе рѣки, то въ немъ пѣть мѣста ритму; но въ па-

¹⁾ Здесъ слово *ритмъ* употреблено въ частномъ значеніи, какъ музыкальный складъ по отношенію къ продолжности звуковъ, а тональность или мелодія—въ значеніи также музыкального склада, но по отношенію къ движению въверхъ и внизъ.

деніи дождевыхъ капель есть ритмъ, потому что вѣдь не только замѣтны отдельы въ движепіи воды, но и равнотѣрность этихъ отдельовъ. Этотъ натуральный ритмъ, по своей элементарной однообразности, утомляетъ нашъ слухъ; художественный ритмъ отличается болѣшимъ числомъ и разнообразiemъ составныхъ частей. Эти составные части суть: члены такта, тяжелый и легкій или тезисъ и арсисъ, такты, колъна (хѣлъ, Reihen¹), періоды. Эти части входятъ въ составъ одна другой, начиная съ первой². Въ другомъ мѣстѣ (Metrik, стр. 32), и по другому поводу, Вестфаль указываетъ на проявленіе врожденнаго человѣку чувства такта въ молотьбѣ крестьянами споповъ цѣпями: „Крестьяне въ молотьбѣ вѣрно выкалачиваютъ такъ цѣпами,—доказательство того, что чувство тактовой равнотѣрности врождено каждому, какъ простѣйшая ритмическая форма; при первомъ уклоненіи отъ начатаго такта молотильщики расколотили бы себѣ головы“.

Германъ находилъ ритмъ въ стукѣ маятника (Westphal, ч. I, стр. 234), и чрезъ присоединеніе къ нему икта объяснялъ все разнообразіе поэтическаго ритма. Можнo бы пожалуй указать еще на маршировку въ которой тактъ съ точностью отбивается обѣими ногами поперемѣнно. Но, признавая совершенно вѣрнымъ выраженіе, что „въ музыкѣ ритму подлежать явики, въ оркестриѣ—тѣлодвиженія“, нельзя безусловно согласиться съ тѣмъ, что на столько же и „въ поэзіи ритму подлежать слова“, или хотя можно принять это положеніе, но съ важными ограниченіями даже относительно языковъ, сохранившихъ количественность гласныхъ, и еще съ болѣшими ограниченіями для языковъ, отказавшихся отъ количественности. Что ритмъ не есть необходимая принадлежность поэтической рѣчи, по крайней мѣрѣ въ языкахъ новыхъ народовъ, это утверждаетъ и самъ Вестфаль, говоря (ч. I, стр. 481): „Чувству человѣка новыхъ временъ ритмъ не представляется существенною необходимостію ни въ поэзіи, ни въ музыкѣ. Значительная часть нашихъ поэтическихъ произведений какъ эпическихъ, такъ и драматическихъ, не имѣетъ ритмической формы, и это въ глазахъ нашихъ не уменьшаетъ ихъ поэтическаго достоинства. Гетеевъ „Эгмонтъ“ никто не поставить ниже любаго драматического стихотворенія. Какъ въ свѣтской, такъ и въ духовной музыкѣ, встречаются значительныя

¹) Перевожу терминъ хѣлъ (собств. членъ, окончность тѣла) словомъ колено, употребляющимъ въ народномъ языке, между прочими, для означенія сильныхъ интроверзловъ голосовой ортавы, а также главныхъ частей мелодіи.

партіи безъ строгаго соблюденія ритма. Гендевы и Моцартовы ре-читативы не уступить въ красотѣ аріямъ и хорамъ. Но въ древ-немъ искусствѣ ритмъ считался равно необходимымъ въ поэзіи, въ музыкѣ, и въ оркестикѣ; только въ комедіяхъ мѣстами допускалась проза¹⁾.

Пусть такъ: ритмъ и теперь необходимъ въ пласкѣ, потому что она какъ-то неохотно выполняется „подъ сухую“, безъ сопровожде-нія музыкой или хоть пѣніемъ; по словамъ русской пѣсни:

Безъ музыки, безъ дуды
Пдуть ноги не туды,

а пѣніе и музыка, по вышеуказаннымъ причинамъ²⁾, также не мо-гутъ обойдти безъ ритма; пусть для древнихъ Грековъ и Римлянъ и поэтическая рѣчь казалась немыслимою безъ ритма: но въ томъ ли смыслѣ и въ такой ли степени у древнихъ ритмъ примѣненъ былъ къ поэтической рѣчи, какъ у нихъ примѣнялся, и у насъ теперь примѣняется къ музыкѣ и пласкѣ?

Не было ли то (по нижеприводимому мнѣнію самого же Вестфала) простою случайностію, что древнійшіе Греки, слагая пѣсенные на-пѣвы, принимали въ расчетъ долготу и краткость слоговъ, тѣ-перь легшія, вслѣдствіе того, въ основу склада поэтической ихъ рѣчи, какъ случайностію было и то, что другіе, сохранившіе въ сво-емъ языкѣ, подобно Грекамъ, количественность гласныхъ (напримѣръ, Нѣмцы) все-таки пренебрегали ею при слаганіи напѣвовъ, а восполь-зовались для того акцентуацией, а треты, оставивъ при этомъ безъ вни-манія и количественность, и акцентуацию, отличали поэтическую рѣчь отъ обычной рѣчи аллитерацией и т. д. И во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣчь съ одинаковымъ удобствомъ укладывалась въ ритмические раз-мѣры напѣва, не нарушая его музыкальности и безъ ущерба своей понятности.

Скажутъ: количественное греко-римское стихосложеніе имѣть важ-ное предъ всѣми прочими преимущество по своей ритмичности, словомъ музыкальности. Но дѣйствительно ли оно въ такой степени ритмично, какъ музыка, хотя и усвоило себѣ всѣ ея термины? Вѣдь и количе-ственное стихосложеніе называется собственно не ритмическимъ, а метрическимъ; значитъ, между этими словами есть разница.

¹⁾ Переводъ не дословный.

²⁾ Въ хоровомъ пѣніи, въ одиночномъ пѣніи сопровождаемомъ игрою на ин-струментѣ, въ совмѣстной игрѣ нѣсколькихъ лицъ на одномъ инструментѣ, или на разныхъ.

Вестфаль, опредѣляя метрику, говорить, что „она имѣть пред-
метомъ формальную сторону поэзіи, поколику она представляетъ со-
бою выраженіе ритмическихъ формъ въ словѣ“. Значить, формальная
сторона поэзіи, то-есть, складъ поэтической рѣчи, не способенъ къ
принятію всѣхъ ритмическихъ формъ. Но если поэтическая рѣчь не
способна ко всѣмъ ритмическимъ формамъ (то-есть, къ полному му-
зыкальному строю), то вопросъ теперь въ томъ, къ какимъ изъ нихъ
она способна, и къ какимъ нѣтъ.

Исчисливъ разныя системы стихосложенія у разныхъ индо-европей-
скихъ народовъ, Вестфаль (ч. II, стр. 13) говорить: „Стихосложенія
имѣмъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ равно свойственны
принадлежности ритма: строфы, периоды, колѣна, такты (?)
и члены тактовъ. Какъ ни различны у нихъ способы стихосложенія
по отношенію къ долготѣ слоговъ и къ актамъ, однако всѣмъ имъ
обще не только то, что съ завершеніемъ строфы обыкновенно закан-
чивается и рядъ мыслей, но что и конецъ музикального периода
почти постоянно совпадаетъ съ концемъ предложения; даже раздѣлъ
двухъ колѣнъ, соединенныхъ въ одинъ периодъ (стихъ по возможно-
сти соотвѣтствуетъ какому-нибудь логическому отдѣлу внутри пред-
ложения и во всякомъ случаѣ означается законченіемъ слова, или це-
зурою. Такъ было у древнихъ Индѣйцевъ, Иранцевъ и Германцевъ, такъ
и у насъ теперь. Только одни Греки не соблюдали этого совпаденія
логическихъ и ритмическихъ отдѣловъ и довольствовались тѣмъ, что
конецъ периода совпадалъ съ оконченіемъ слова“.

Должно вполнѣ согласиться съ утвержденіемъ Вестфала, что рит-
мическая принадлежность—стrophы, периоды (стихи тоже), колѣна (по-
лучившиа), одинаково свойственны поэтической рѣчи всѣхъ индо-евро-
пейскихъ языковъ, равно какъ ихъ напѣвамъ и ихъ музикѣ вообще;
но нельзя согласиться съ тѣмъ, будто стихосложенію во всѣхъ индо-
европейскихъ языкахъ свойственны такты и члены тактовъ, встрѣча-
емые въ напѣвахъ и вообще въ музикѣ всѣхъ этихъ народовъ.

Выше уже было указано, почему такты необходимы, или, по край-
ней мѣрѣ, очень важны въ пѣнїи и въ музикѣ вообще; но для поэ-
тической рѣчи такой надобности въ нихъ вовсе не оказывается; по-
тому что стихи никогда не декламируются хорошо, никогда не про-
износятся въ сопровожденіи игры на инструментѣ, произносятся же
всегда единолично и подъ тактъ не произносятся, да и не мо-
гутъ быть подъ тактъ произносимы, потому что соблюденіе въ дe-
кламаціи ритмического такта вредило бы вразумительности рѣчи,

такъ какъ для вразумительности требуются извѣстныя остановки (препинанія голоса) или паузы, нарушающія ритмическій, или музикальный тактъ". Въ обыкновенной рѣчи, говорить Вестфаль (ч. I, стр. 531), — тамъ, гдѣ оканчивается мысль, предложеніе, или самостоятельная часть предложенія, или гдѣ отдельный, рядомъ стоящія слова должны быть разительно выдвинуты, мы ставимъ паузу, по требованію смысла. То же самое соблюдается при чтеніи и декламації нашихъ стиховъ, а также и при чтеніи классическихъ стиховъ. При этомъ не мало нарушаются строгія требованія ритма. Хотя при томъ мы и выполняемъ икты¹⁾, но ритмическая протяженія, вслѣдствіе паузъ, слишкомъ увеличиваются. Надобно полагать, что и греческие рапсоды, декламируя гекзаметры, какъ и нѣкоторые другіе метры, поступали точно также²⁾.

Но наибольшая часть метровъ назначалась для пѣнія, и при этомъ ритмъ соблюдался во всей строгости. Здѣсь, въ фонѣ близкатахъ, гдѣ каждый слогъ имѣлъ большее протяженіе, чѣмъ при говореніи или декламаціи, каждый слогъ выполнялся въ полную ритмическую мѣру; тутъ не дѣлалось паузы, по требованію мысли, какъ при говореніи и въ декламаціи; каждый *χρόος* ритмичемаго материала такъ плотно прилегаетъ къ другому, что промежуточное (заключающееся между ними) время, въ сравненіи съ протяжностію слоговъ, безконечно мало, совсѣмъ незамѣтно.

За то ритмъ имѣть особо ему свойственныи, въ большей части случаевъ независимыи отъ связи мыслей, паузы, называемыи какъ въ метрикѣ, такъ и въ музыкѣ *χρόος*, *tempo*:

¹⁾ Отнюдь не все, а лишь тѣ, которые совпадаютъ съ грамматическими ударами: напримѣръ, первые два стиха Пушкинскаго «Пророка» скандуются такъ:

Духовной жаждою | томимъ
Въ пустынѣ мрачной я влажна,

а произносятся такъ:

Духовной жаждою томимъ
Въ пустынѣ мрачной я влажна

На конца слова *жаждою* и на словѣ *я икты* въ чтеніи не выподняются.

²⁾ Вестфаль (ч. I, стр. 531) приводитъ свидѣтельство Порефія (Ad. Ptol. pag. 239) о различіи произношеній *άναγουшат:и*, *μετρικ:и* и *ριθμικ:и*, то-есть, декламаціи прозы, декламаціи стиховъ и декламаціи ритмической или пѣвецкой (*meliisch*). Къ сожалѣнію, приводимыя тамъ опредѣленія оказались для самого Вестфalia не довольно понятными (die dort gegebenen Definitionen dieser drei Arten sind nicht recht deutlich).

ианіа... Онѣ не разстраиваютъ ритма подобно тому, какъ это бываетъ при паузахъ, наблюдаемыхъ при декламаціи стиховъ, по требованію мысли, потому что онѣ подчиняются ритму, дѣлаются составными частями ритма, какъ слоги и звуки.

Изъ приведенныхъ словъ Вестфала оказывается, что поэтическая рѣчь, свободно и виолѣтъ укладываясь въ тѣ ритмическія и музыкальныя формы, которыхъ не только не противорѣчатъ, но даже соответствуютъ логическимъ требованиямъ рѣчи, каковы: строфа, періодъ, колено,—отнюдь не въ такой мѣрѣ подчиняются такту, потому что разстраиваютъ его не допускаемыми ритмомъ, по требуемыми вразумительностю паузами, и потому, что въ поэтической рѣчи, ради той же вразумительности, не можетъ быть допущена такая протяжность словъ, какъ въ напѣвѣ.

Укажемъ и на другую существенную разницу между ритмомъ и метромъ, которая хотя не приводится Вестфalemъ, но явствуетъ изъ его же изслѣдований, именно: грамматический ударенія, вовсе не соблюдаемыя въ ритмѣ (то-есть, въ пѣніи), въ метрѣ (то-есть, въ декламації) Греками и Римлянами были соблюдаены, хотя въ самое строеніе метра не имѣли никакого вліянія, и хотя мы (а съ пами Нѣмцы и др.) произносить ихъ иначе, какъ совмѣстно съ иктами, не можемъ. „Вся система высокихъ и низкихъ слоговъ (*tόνοις ὁρεῖς οὐραῖς*)“, говоритъ Вестфалъ (ч. II-я, стр. 22),— „вовсе не принимается въ соображеніе въ мелодіи, при движениі голоса вверхъ и внизъ... Это видно изъ дошедшыхъ до насъ древнихъ мелодій. Діопсії, указывая на различіе тоновъ въ говореніи отъ тоновъ въ пѣніи, ссылается на мелодію стиховъ изъ Эврипидова Ореста (стр. 142):

Сίγα, σίγα λεπτόν τύχος ἀρρώτης;
τίθεται, ρη χτυπάτε...

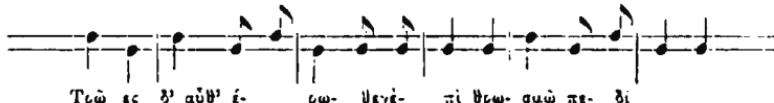
гдѣ первые шесть слоговъ, произносимыя въ говореніи съ разнымъ удареніемъ, въ мелодіи однотонны (бѣтвотонны), то-есть, поются одною и тою же потой. Подобно тому и въ слѣдующихъ тактахъ мелодія не обращаетъ никакого вниманія на грамматическое удареніе. Изъ этого можно убѣдиться, что въ пѣніи вовсе не соблюдаются повышенія и пониженія голоса, зависящія отъ грамматического ударенія... Греческая поэзія первоначально была исключительно пѣсенная, потому законы ритма и мелодіи возникли на почвѣ пѣпія, гдѣ грамматическая ударенія теряютъ всякое значеніе предъ разнообразными музикальными движеніемъ звуковъ“ Указывая далѣе на различіе между способомъ декламировать греческіе стихи, употребляемымъ Нѣмцами, по-

вышающими голосъ при вскокъ икѣ, хотя бы на немъ и не было грамматического ударенія, и вовсе не выполняющими ударенія, если оно стоитъ не на икетомъ слогѣ, и между способомъ декламировать стихи у древнихъ Грековъ, которые умѣли произносить икетовые слоги безъ повышенія и соблюдать при этомъ грамматическія ударенія и на слогахъ, не имѣющихъ икта, Вестфаль дѣлаетъ наглядными тутъ и другой способъ произношенія слѣдующими схемами:

Нѣмецкое произношеніе:

Древне-греческое произношеніе:

Написанные здѣсь ноты не должны означать пѣнія терціями, а только указываютъ на различіе произношенія ударяемаго слога. Греки не могли иначе декламировать и читать свои стихи, какъ во второй схемѣ. Намъ, конечно, это не легко, но Греки умѣли выполнять и еще нечто такое, чего въ вышеприведенной второй схемѣ мы ничѣмъ не означали, и что, по свойству нашего языка, для насъ совершенно невозможно, то-есть, произнести одну и ту же гласную, отмѣченную облеченымъ удареніемъ, сперва повышая, потомъ понижая голосъ, „Греки, подобно Римлянамъ, читая стихи, соблюдали столько же строго грамматическія ударенія, какъ и въ прозѣ“ (ч. II, стр. 25). „Если не ограничиваться поддѣлками (на нѣмецкомъ языкѣ, подъ греческіе метры) только на бумагѣ, а пытаться и произнести ихъ въ слухъ, то никто изъ слушающихъ не можетъ удержаться отъ смѣха“... Чѣмъ болѣе кто ознакомится съ греческою метрикою, тѣмъ болѣе убѣдится въ бесплодности всякой такой попытки. Очень прискорбно, что мы не можемъ подражать греческимъ метрамъ на нѣмецкомъ языкѣ, но мы не можемъ“ (ч. II-я, стр. 52).

Такъ какъ для нашей цѣли весьма важно въ подробности выяснить различіе между метромъ, какъ складомъ пѣсенной, вообще поэтической рѣчи и ритмомъ, какъ складомъ цапѣніемъ и вообще музыкальнымъ, то изложимъ здѣсь сходство и различіе между ритмическими тактами и метрическими стопами. Въ своей рит-

никѣ (ч. I, стр. 518). Вестфаль приводитъ следующее свидѣтельство Діонисія Галікарнасскаго (Comp. Verb. 11): „Въ прозаической рѣчи количественность слоговъ принимается такою, какова она на самомъ дѣлѣ въ языкѣ, безъ втискиванія долгихъ и короткихъ въ мѣру, не подходящую къ ихъ природѣ; проза опредѣляетъ слоги по хрону, по протяженію времени, выводимому изъ понятія о ритмѣ; измѣняютъ естественную просодію долгихъ и короткихъ, то растягивая ихъ за предѣлы обыкновенной протяжности, то укорачивая, часто превращаютъ даже долгіе въ короткіе и наоборотъ, такъ что они получаютъ одинаковую протяжность: объ тѣхъ таѣхъ соллабаїс апеноѳуносі тойс хроноис, алла тойс хроноис таѣхъ соллабаїс, то-есть, потому, что овѣ (ритмика и музыка) подчиняютъ не музыкальныя мѣры слогамъ, а слоги музыкальныя мѣрамъ“.

Далѣе Вестфаль приводитъ одно мѣсто изъ Лонгина (Proleg., pag. 84) и параллельное ему изъ Марія Викторина (pag. 53):

*Διτφέρει ρυθμοῖ τὸ μέτρον ὃ τὸ μὲν Differt autem rhythmus a metro...
μέτρον πεπηγότας ἔχει τοὺς χρόνους... quod metrum certo numero syllaborum
Ὦ δέ ρυθμός ὡς βούλεται ἔλκει τοὺς et pedum finitum sit, rhythmus au-
χρόνους, πολλάκις τοῦν καὶ τὸν βραχὺν tem... ut volet protractit tempora, ita
χρόνου ποτὲ μεχρόν.*

То-есть: метръ тѣмъ разнится отъ ритма, что имѣеть опредѣленныя протяженія (слоговъ); ритмъ же увеличивается, какъ хочеть, протяженія, такъ что часто превращаетъ краткость въ долготу.

Еще о различіи метра и ритма можно привести указываемое Вестфalemъ (ч. I, стр. 116) свидѣтельство Теренція Варрона, утверждавшаго, что метръ есть вещество ритма, матеріаль для его проявленія, а ритмъ есть законъ (*regula*), который проявляеть себя на метрѣ, какъ форма на матеріі. Очевидно, подъ словомъ метръ Варронъ разумѣлъ здѣсь саму пѣсенную рѣчь, текстъ пѣсни, а подъ словомъ ритмъ—напѣвный складъ, которому распѣваемый текстъ вполнѣ подчиняется, какъ въ мелодическихъ движеніяхъ голоса (вверхъ и внизъ), такъ и въ ритмическихъ. Въ этомъ случаѣ текстъ точно также служить матеріей для проявленія напѣвнаго музыкально-вокальнаго ритма, какъ звуки инструмента служатъ матеріей для проявленія музыкальнаго ритма пообще.

Изъ этихъ свидѣтельствъ убѣждаемся, что естественная протяженность слоговъ (просодія) была искусственно измѣняема какъ метрикою, въ стихотворномъ складѣ рѣчи, такъ еще болѣе ритмикою, въ

нашівъ, именно метристы, на мѣсто естественной, разнообразной и собственно неизмѣримой долготы и краткости гласныхъ установили протяжность краткаго слога въ одну мѣру (χρόνος πρῶτος, βραχεῖ μονόστρος = $\frac{1}{4}$ такта), а протяжность долгаго слога въ две мѣры (οὐλαβὴ μακρὰ διστρος = — — или — —¹). Ритмисты же, то-есть, слагатели нашівовъ, пошли далѣе: они и короткому слогу, когда хотѣли, давали протяженіе болѣе одной мѣры, а долгому слогу болѣе чѣмъ двѣ мѣры, именно три, четыре и пять мѣръ (μακρὰ τριστροс = — — — или — — —, μακρὰ τετράστροс = — — — — или — — —, μακρὰ πεντάστροс = — — — — — или — — — —). Для насъ же удивительно, если греческіе композиторы и на томъ остановились, то-есть, связали себя пятимѣрностью слога: нынѣшніе относительно этого пользуются полною свободою; такъ въ пѣсиѣ: „Не бѣлы то снѣги“ послѣдній слогъ слова снѣги тянется шесть четвертей такта, равняющихся 12-ти мѣрамъ греческимъ, если каждую изъ нихъ принять за $\frac{1}{4}$ такта. Древнійшие греческіе слагатели нашівовъ, ритмисты, бывшие вмѣстѣ съ тѣмъ и слагателями пѣсенныхъ текстовъ, хотя принимали въ соображеніе естественное развитіе между долгими и короткими слогами текста, но не особенно стѣсняли себя тѣмъ въ звуковомъ творчествѣ, растигивая, по желанію, тѣ и другіе слоги. Метристы же или стихотворцы, слагавшие одинъ текстъ, искусственно установили для слоговъ двоякую протяжность—одномѣрную для кроткихъ и двухмѣрную для долгихъ.

Метрика, разошедшись такимъ образомъ съ ритмикою въ опредѣленіи протяжности слоговъ, не могла ужъ остаться въ согласіи съ нею и относительно тактовъ. Въ томъ же сочиненіи своемъ на стр. 503 Вестфаль приводить (хотя съ другою, чѣмъ какова у меня здѣсь, цѣлью) одно свидѣтельство Квинтиліана (Instit., 9, 4, § 46—55), изъ котораго явствуетъ различеніе древними стопъ ритмическихъ отъ метрическихъ. „Первыс“, говорить Вестфаль,—„суть

¹) Вестфаль объ одномѣрной и двухмѣрной протяжности говоритъ (ч. I, стр. 521) такъ: «Отношеніе 1:2 извѣютъ слоги, какъ составные части ритмуемаго материала, только въ количественномъ стихосложениі; только поэты установили для нихъ эту мѣру. Они опредѣлили ритмическое протяженіе слоговъ, которые въ изысканіи по себѣ лишь неопределенно отличаются своею протяжностью. Но почему они установили именно такое отношеніе слоговъ, какъ 1:2? Отвѣтъ простъ: потому что это отношеніе есть самое прощеѣшее, и всикосъ другое, напримѣръ, 2:3, 3:4, 1:3 и т. п., было бы сложнѣе и менѣе ощутимо для нашего ритмического чувства».

просто такты, бѣзъ отношенія къ ритмуемому матеріалу (тексту), а послѣдніе суть такты, наполняемые слогами (такты стихотворные или метрические). Спондей и дактиль дактилическаго гекзаметра суть двѣ различныя метрическия стопы, точно также анапестъ и дактиль анапестического тетраметра: но съ ритмической точки зрѣнія эти равнородныя слоги безразличны; спондей и дактиль въ гекзаметрѣ составляютъ одну и ту же дактилическую стопу, а равно анапестъ и дактиль анапестического тетраметра относятся къ одной и той же стопѣ анапестической".

Объ этомъ различіи тактъ выражается Квинтиліанъ § 48: *Rhythmo indifferens est, dactylusne ille priores habeat breves an sequentes; tempus enim solum metitur ut a sublatione ad positionem idem spatii sit.* — § 50: *Rhythmis libera spatia, metris finita sunt* (по толкованію Вестфalia: для ритма безразлично, какъ такты (*spatia*) наполняются слогами; но для метра очень важно это наполненіе такта опредѣленными слогами) *et his certae clausulae* (метръ можетъ быть каталектическимъ), *illi quomodo cooperant currunt usque ad metaboliū, id est transitum in aliud genus rhythmī* (ритмы никогда не бываютъ каталектическими, потому что въ заключительный тактъ есть полный тактъ, хотя бѣ онъ и былъ каталектическимъ въ метрическомъ отношеніи, то-есть, въ своемъ выраженіи посредствомъ ритмуемой рѣчи (*in seinem Ausdrucke durch das sprachliche Rhythmisomenon*)). — § 55: *Rhythmi ut dixi neque finem habent certum* (= *clausulam, catalexis*), *nec ullam in textu varietatem, sed qua cooperant sublatione ac positione, ad finem usque decurunt, oratio non descendet ad crepitum digitorum*. Для настъ особенно важна эта послѣдняя фраза Квинтиліана: рѣчь не слизойдетъ до стучанья пальцами, другими словами: поэтическая рѣчь не можетъ укладываться въ такты.

Передъ нами свидѣтельство древнихъ, истинность котораго признается и Вестфalemъ, что метрическая стопа совсѣмъ не то, чтѣ ритмический тактъ, и что, слѣдовательно поэтическая (стихотворная) рѣчь не подлежить такту, вопреки вышеприведенному утвержденію Вестфала (Метрика, стр. 13). Слѣдовательно, метристы, старались подражать во всемъ ритмистамъ, могли идти за ними только до изѣстнаго предѣла, могли принять отъ нихъ раздѣленіе поэтической рѣчи, соотвѣтственно съ строемъ мелодіи, на строфы, периоды, колѣпа,—но далѣе того идти не могли; подчинить поэтическую рѣчь музыкальному такту не можетъ удастся: *oratio non descendet ad crepitum digitorum*.

Съ точки зрења народно-русскаго пѣсенного склада было существенно важно выяснить ту истину, что тактъ хотя и составляетъ существенную принадлежность ритма или напѣвнаго склада, вмѣстѣ съ тѣмъ не только не есть необходимая принадлежность стихосложенія, но въ стихосложеніи, даже въ количественномъ, онъ прямо невозможенъ, по словамъ Квинтиліана: поэтическая рѣчь не укладывается въ тактъ. Мы не найдемъ тактовъ въ народномъ русскомъ стихосложеніи, но ихъ не было и въ греко-латинскомъ количественномъ, которое строилось не на ритмическихъ тактахъ, а на метрическихъ стопахъ, иначе на метрѣ, то-есть, на извѣстнаго рода искусственной (отвлеченной) мѣрѣ (времени). Стопа была, конечно, сколько съ такта, но напоминала его собою не болѣе того, сколько рисунокъ цветка можетъ дать понятіе о цветкѣ, съ его красками и запахомъ.

Для подробнаго выясненія соприкосновенности и различія между тактами и стопами, по принятому въ этой работе плану, сопоставимъ сперва все, чтѣ въ принятыхъ нами за руководства сочиненіяхъ Вестфала и Брамбаха говорится о тактахъ и неразлучныхъ съ ними такъ-называемыхъ иктахъ.

„Ритмическая форма рѣчи“, говорить Вестфаль (ч. II, стр. 1), — вообще можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ образомъ: время, употребляемое для произношенія (λέсіς) или для выговора слоговъ и словъ стихотворенія, можетъ быть разлагаемо на отдѣлы, различающие слухомъ вслѣдствіе того, что въ каждомъ отдѣльѣ (группѣ слоговъ) одинъ слогъ выдвигается изъ среды прочихъ особымъ напряженіемъ голоса (durch eine st rkere Intension der Stimme). Это напряженіе голоса называютъ ритмическимъ иктомъ. Ритмические икты указываютъ слуху границы отдѣловъ времени, употребляемаго на произнесеніе каждой группы слоговъ.

„Техническій терминъ для группы слоговъ, составляющихъ одно цѣлое, съ отдѣльнымъ ритмическимъ иктомъ, называется нынѣ тактомъ, у Грековъ называется πούς, у латинянъ pes (нога, стопа¹⁾). Постановка ритмического икта на томъ или другомъ слогѣ, по крайней мѣрѣ въ греческой поэзіи, зависитъ вполнѣ отъ поэта, который

¹⁾ О различіи между тактомъ, какъ принадлежностю ритма или напѣва, и стопою, какъ формою метрическою, говорено выше.

въ этомъ отношеніи, совершенно свободно распоряжается материаломъ языка¹⁾.

„Напротивъ того, въ другихъ отношеніяхъ поэтъ бываетъ связанъ особыми свойствами язычного материала. Ритмъ состоять не въ одной постановкѣ ритмическихъ иктовъ; необходимо еще соблюдение опредѣленныхъ промежутковъ времени, которые тѣми иктами только указываются слуху, но не производятся ими. Относительно этого раздѣленія времени поэтъ долженъ держаться существующей въ языке количественности: краткому слогу, не сопровождаемому конечными согласными, даетъ онъ менѣе протяженіе времени, чѣмъ краткому гласному слогу, сопровождаемому конечными согласными, и такимъ образомъ соблюдаетъ и въ поэзіи особенные свойства языка, по отношенію къ протяженію слоговъ, соблюдаемыя въ обыкновенной рѣчи или въ прозѣ. Такъ какъ ритмъ состоять въ размѣренности времени, то поэтъ долженъ дать долгимъ и короткимъ слогамъ опредѣленное протяженіе. Обыкновенно говорится, что короткій слогъ короче долгаго, а на сколько короче—это остается неопределѣннымъ; но поэтъ долженъ опредѣлить взаимное отношеніе долготы и краткости: обыкновенно долгій слогъ приравнивается къ двумъ короткимъ²⁾. Однако довольно часто встрѣчается, что долгій слогъ по объему равняется тремъ или четыремъ короткимъ; иногда же онъ бываетъ короче обыкновенного долгаго, но длиннѣе обыкновенного короткаго. а бываетъ также, что и короткій слогъ или короче, или длиннѣе обыкновенного короткаго³⁾. При этомъ за ритмическую мѣру времени принимается обыкновенная краткость, означаемая техническимъ терминомъ одномѣрная краткость⁴⁾, фразеѣхъ (то-есть, фолларѣтъ) иначе

¹⁾ И эти слова могутъ относиться къ поэту, лишь поколику онъ вмѣстѣ съ тѣмъ славгатель напѣва, сѣдователно, и напѣвнаго ритма, потому что икты есть собственно знакъ наступленія такта; тактъ обусловливается количественностью, которая есть нечто двиное въ языке, независящее отъ произвола поэта, и какъ тантъ, такъ и икты, ограничиваютъ свободу поэта въ большей мѣрѣ, нежели ограничена свобода композитора въ его звуковомъ творчествѣ.

²⁾ По нѣмецки *einzeitige*, *zweizzeitige* Länge, тактъ и по гречески, въ смыслѣ дѣйствительной единицы времени протяженія гласной, принято самое слово *время*, какъ и въ извѣсторыхъ русскихъ учебникахъ гармоніи (напримѣръ г. Чайковскаго); но русскому языку, кажется, болѣе свойственно употреблять въ этомъ случаѣ слово *мира*, принимая его не въ общирномъ значеніи ивиѣренія, а въ тѣсномъ, какъ именнѣшее орудіе *иамѣренія*. Легче понять одномѣрное, двухмѣрное, чѣмъ одновременное, двухвременное протяженіе гласной.

³⁾ Такое растягивание и укорачивание долгихъ и короткихъ слоговъ можетъ

стмос, или также χρόνος πρώτος.

Долгота, равняющаяся по объему двумъ, тремъ, четыремъ одномѣрнымъ краткимъ, называется долгими слогами двухмѣрными, трехмѣрными, четырехмѣрными, и даже пятимѣрными. Эти мѣры времени выражаются следующими знаками:

- ρραχεῖα μονόσημος, χρόνος πρώτος
- μαχρὰ δίσημος
- μαχρὰ τρίσημος
- μαχρὰ τετράσημος
- μαχρὰ πεντάσημος

Всѣ таковые слоги называются раціональными¹⁾, χρόνος ῥητοῖ, потому что ихъ протяженіе составляетъ опредѣленную краткость (*eip bestimmites Multiplum*) ритмической единицы мѣры, одномѣрной краткости. Но тѣ слоги, протяженіе которыхъ опредѣляется не иначе, какъ дробами одномѣрной краткой, называются ирраціональными, ἀλογος. Къ такимъ принадлежитъ каждая долгая, занимающая средину (по протяжности) между одномѣрною и двухмѣрною.

Употребительные въ греческой поэзіи такты (то-есть, тѣбес, стопы) суть слѣдующіе: трехмѣрный, четырехмѣрный, пятимѣрный, шестимѣрный; ποὺς τρίσημος, τετράσημος, πεντάσημος, ἀξάσημος.

Въ предложеній выпискѣ видимъ опять, равно какъ и въ прежнихъ, постоянное смѣшываніе ритма съ метромъ, музыкальныхъ принадлежностей напѣвного склада съ элементами стroma поэтической рѣчи. Такъ, долгимъ гласнымъ, который въ декламациіи не могутъ быть произносимы протяжнѣ, чѣмъ въдвѣ мѣры, приписано здѣсь произношеніе въ три, четыре и пять мѣръ, къ чѣму таковы гласны становятся лишь въ пѣніи, когда поэтическая рѣчь распѣвается; слѣдо-

быть наблюдаемо не въ гонореніи поэтическаго текста, а при распѣваніи его, значить, не въ метрѣ, а въ ритмѣ, какъ это видно изъ приводимыхъ у Вестфала (ч. I стр. 518) словъ Дионисіа Галикарнасскаго (Compr. Verb.: 11) ὡ δὲ ρητικὴ καὶ μουσικὴ μεταβάλλουσι αὐτοῖς (τὰς αὐλαράς τὰς τὰς ρραχεῖας;) μετιθέσαι καὶ αὔξουσαι ὥστε πολλάκις εἰς τὰ ἐναντία μεταχωρεῖν. Оу γαρ ταῖς αὐλαράῖς ἀπειθύνουσαι τοὺς χρόνους, ἀλλὰ τοὺς χρόνους τὰς αὐλαράς. Здѣсь говорится о ритмикѣ и музыкѣ, а не о метрикѣ, что они укорачиваются и растягиваются подобие и короткие слоги, превращающие ихъ иногда одни въ другіе, и подчиняютъ слоги мѣрамъ, конечно, напѣвными или музыкальными.

¹⁾ Rationale Silben; кажется, впервѣ было бы перевести греческое ἑτοῖς удобно ныговариваемыи, опредѣлительный, какъ противоположное тому διλογος, неопределительный, ἀλογіа, какъ показано будетъ ниже, относится также не къ метру, а къ ритму, къ распѣваемой рѣчи.

вательно, долгота свыше двумѣрной составляетъ принадлежность напѣва, ритма, а не метра или склада самой поэтической рѣчи. Здѣсь же отдельнымъ слогамъ присвоивается такая же многомѣрность, какъ стопамъ, то-есть, цѣлымъ группамъ словъ.

Затѣмъ, „ритмическія формы рѣчи“, —такты и икты — выводятся изъ произношенія (*λέξις*), а не изъ пѣнія (*μέλος*), чтò противорѣчитъ общепризнанному факту и собственному утвержденію автора: „Греческая поэзія“, говорить Вестфаль (*Metrik*, стр. 7 и слѣд.), —, первоначально была пѣсенная (*eine melische Poesie*), то-есть, не была выполнена четкомъ, а распѣвалась, въ сопровождѣніи струнныхъ и духовыхъ инструментовъ. На этой музыкальной основѣ возникъ древній-шій греческій метръ... У Грековъ мы встрѣчаемъ ту особенность, что поэты вмѣстѣ съ тѣмъ были и композиторами: лирический и драматический поэтъ писалъ не только текстъ, но и мелодіи къ нему, даже самъ назначалъ сопровождающіе пѣсню инструменты, струнные и духовые“. Такимъ образомъ, оть древнійшихъ временъ греческой поэзіи до наибольшаго развитія лирики и драмы ритмическія формы у древнихъ существенно основывались на музикѣ. Въ другомъ мѣстѣ Вестфаль говоритъ (ч. I, стр. 13): „У Грековъ метрическія формы поэта были вмѣстѣ съ тѣмъ и ритмы, въ которыхъ стихотвореніе выполнялось какъ музикальное произведеніе, какъ *μέλος*“.

Подобно тому и Брамбахъ (*Rhythmische und metrische Untersuchungen*, стр. 4) выводить метрическія формы изъ ритмическихъ или напѣвныхъ: „Стихотворецъ творить одинаковымъ ритмомъ напѣвъ и рѣчь, но когда напѣвъ утраченъ, то исследователь-теорикъ долженъ въ текстѣ искать материалъ ритмического движенія; онъ дѣлаеть это посредствомъ группированія долгихъ и короткихъ слововъ. Если въ текстѣ ясно отпечаталълись ритмическія мѣры, то уже по метрическому строю можно заключить о движениіи напѣва. Но въ практической вокальной музикѣ употребляются многообразныи фигуры мѣръ, видоизмѣняемыхъ чрезъ стяженіе (*Zusammenziehung*) и разложеніе (*Ver- chung*), таковы: трех-, четырех- и пятимѣрная долгота, дробныи мѣры и пустые такты, *χρόνοι τρίστυποι*, *τετράστυποι*, *πεντάστυποι*, *ἀνακλόφενοι* и *ὑπερτιθέμενοι*, *κενοι* (паузы). Изъ числа ихъ трех-, четырех- и пятимѣрныхъ протяженія въ метрикѣ не выполняются¹), а

¹⁾ То же самое признаетъ, впрочемъ, и Вестфаль (ч. I, стр. 513), говоря: *τρίστυποι и τετράστυποι* суть протяженія, выходящія въ предѣловъ метрической мѣры (*sind über das metrische Maas ausgedehnte Längen*).

считаются простыми долгими, иначе не отличающимися отъ обыкновенныхъ (двухмѣрныхъ) долгихъ *μακρὰ τελεῖα*. Паузы въ метрикѣ тоже не выполняются, а равно и дробная протяженія въ слогахъ не соблюдаются. Кромѣ того, въ протяженіи слововъ (при пѣніи) встрѣчаются небольшія колебанія, такъ-называемая ирраціональность, которая метрическими средствами неизмѣрима". Въ другомъ мѣстѣ (стр. 137) тотъ же писатель говоритъ: „Въ древне-греческомъ нотописаніи развита была только система знаковъ звуковой высоты, представляемая буквами. Но для изображенія протяжности звуковъ употреблялись гораздо менѣе совершенные знаки. Впрочемъ, удобоизмѣримыя протяженія въ текстѣ ясно изображались и въ нотахъ, а для неизмѣримыхъ не было въ нотахъ и особыхъ знаковъ... Единица мѣры (*χρόος πράτος*), какъ сама собою подразумѣвающаяся, не отмѣчалась особымъ знакомъ. Измѣримые слоги могутъ содержать ¹⁾ двѣ, три, четыре и пять такихъ единицъ мѣры. Въ простыхъ или чистыхъ формахъ такта (*reine Taktformen*) греческой вокальной музыки встрѣчаются только слоги двойкой протяжности: 1) короткій слогъ (*βραχεῖα*), протяжностью въ одну мѣру времени, и 2) полный долгій слогъ (*μακρὰ τελεῖα*), протяжностью въ двѣ мѣры времени. И такъ, гдѣ въ чистомъ (простомъ) тактѣ встрѣчаются короткіе и долгіе, послѣдніе вдвое протяжнѣе первыхъ.

Это говорится, конечно, только о чистыхъ ритмическихъ сочетаніяхъ, потому что протяженіе въ 3, 4 и 5 мѣръ времени относится уже не къ чистымъ тактамъ, а къ фигурамъ практической ритмовки (*χρόοι φυμοποίας ἕδοι*). Какъ короткіе слоги не отмѣчались особымъ знакомъ, такъ и долгіе, потому что само собою разумѣлось, что долгій равняется двумъ короткимъ. Такимъ образомъ, пѣсенные піесы, составленныя въ простыхъ тактахъ, спабжались только мелодійными нотами (знаками высоты), безъ знаковъ протяженія. Знаки же протяженія въ 3, 4 и 5 мѣръ времени ставились, вѣроятно, лишь надъ тѣми мѣстами мелодіи, гдѣ пѣвецъ самъ не могъ бы догадаться ихъ выполнить. Но въ нотописаніи для музыкальныхъ инструментовъ, сопровождавшихъ пѣніе, употреблялись знаки мѣръ времени: —, —, —, —, —, потому что здѣсь только единица времени разумѣлась сама собою. Впрочемъ, въ ритмическихъ руководствахъ и для нея придуманъ знакъ —. Неизмѣримые слоги бывають двухъ родовъ— короткіе и долгіе: короткіе происходить отъ небольшаго сокращенія

¹⁾ Конечно, въ наше вѣкъ, при распеваніи

или отъ небольшаго удлинненія короткаго слога (единицы мѣры времени); неизмѣримый долгій слогъ или нѣсколько короче полнаго долгаго, или нѣсколько длиннѣе короткаго. Такая неизмѣримость назыается ирраціональностю (ἀριθμία, Irrationalität) и относится собственно къ вокальной музыкѣ. Въ инструментальной музыкѣ, взятой отдельно, не бываетъ собственно ирраціональности, такъ какъ она замѣняется произвольными задержками (ritardando, fermato) или ускореніями (accelerando). Если инструментальная музыка сопровождается вокальную, то конечно, правороливается къ пѣнію, а слѣдовательно, и къ ирраціональности".

И такъ, мѣры метрическія или стихотворные аналогичны съ мѣрами ритмическими, съ мѣрами напѣва, но лишь пока напѣвъ ведется въ простыхъ тахтахъ, то-есть, состоящихъ только изъ одномѣрныхъ и двухмѣрныхъ протяженій, а если въ началѣ употребляются протяженія въ три, четыре и пять мѣръ, или дробныя, именно въ такъ-называемой практической ритмовкѣ (χρόον ρθμοκοίας ἔδοι), метръ уже не можетъ слѣдовать за ритмомъ, и вмѣсто всѣхъ протяженій, превышающихъ двѣ мѣры, употребляется только двухмѣрныя, а вмѣсто протяженій, которая мельче одномѣрныхъ, употребляется одномѣрныя. Но и въ тѣхъ ритмическихъ сочетаніяхъ, въ которыхъ напѣвъ ведется простыми тахтами, метрическія стопы только аналогичны, а не тождественны съ тахтами: декламація все же не пѣніе, а декламація; и тогда какъ двухмѣрная долгота въ декламаціи принимается за наибольшую, въ пѣніи она считается наименьшей. То же должно сказать и о краткости или о самой единицѣ мѣры времени; она растягивается въ пѣніи, чѣмъ въ говореніи.

Аристоксенъ не даромъ называется ее, по свидѣтельству Вестфала (ч. I, стр. 61), неопределенной по протяженію (ἀπαφρος); поэтому у Брамбаха она, вѣроятно, смотря по темпу, приравнивается и къ $\frac{1}{2}$, и къ $\frac{1}{4}$, и даже $\frac{1}{3}$ такта, а сообразно съ этимъ устанавливается протяжность и долгихъ слоговъ (конечно, въ пѣніи), по слѣдующей таблицѣ:

χρόον πρῶτος	=		= $\frac{1}{8}$, или	= $\frac{1}{4}$, или	= $\frac{1}{2}$ такта.
μακρὰ διχροος	=		= $\frac{1}{4}$, или	= $\frac{1}{2}$, или	= $\frac{1}{1}$ такта.
μακρὰ τρίχροος	=		= $\frac{3}{8}$, или	= $\frac{3}{4}$, или	= $\frac{3}{2}$ такта.
μακρὰ τετράχροος	=		= $\frac{1}{2}$, или	= $\frac{1}{1}$, или	= $\frac{2}{1}$ такта.
μακρὰ πεντάχροος	=		= $\frac{5}{8}$		

Оставаясь даже въ предѣлахъ одномѣрныхъ и двухмѣрныхъ про-

тяжений, мыслимо ли въ декламациіи растягивать короткій слогъ на поль-такта, а долгій на цѣлый тактъ?

Брамбахъ предполагаетъ, что исследователь-теорикъ, по случаю утраты напѣвовъ почти всѣхъ древнихъ стихотвореній, можетъ отыскать въ текстѣ материалъ ритмического движения посредствомъ группированія долгихъ и короткихъ слоговъ, и по метрическому строю можетъ заключить о движении напѣвнаго ритма. Но изъ словъ же Брамбаха, приведенныхъ выше, явствуетъ, что такое заключеніе отъ метра къ ритму возможно дѣлать лишь въ томъ случаѣ, если ритмъ веденъ былъ простыми (одномѣрными и двухмѣрными) тактами (тактами, которые аналогичны съ метрическими стопами), безъ тактовыхъ фігуръ, которыхъ свойственно исключительно ритму (*χρόνος φιδικοῖς ἔδοι*). Узнать же, съ фігурами или безъ фігуръ былъ утраченный напѣвный размѣръ—по метру нельзя, потому что никакого слѣда фігуръ на немъ не остается. Да и какая надобность узнавать о томъ? По одному ритму все же нельзя судить о характерѣ и достоинствахъ напѣва, не зная его мелодіи, какъ нельзя по одному плану дома угадать фасадъ его, или еще ближе, какъ по одной барабанной партіи нельзя восстановить музыкальную піснью. Совсѣмъ другое дѣло, когда напѣвъ вмѣстѣ съ текстомъ на лицо. Ничего нѣть легче, какъ по напѣву определить метръ текста, особенно въ тѣхъ языкахъ, которымъ свойственно количественное стихосложеніе. Такъ какъ извѣстно, что пѣснотворецъ, слагая мелодію, вообще не нарушалъ естественной долготы и краткости слоговъ, то стоитъ только текстъ отдѣлить отъ напѣва, то-есть, написать его отдѣльно, и метръ его окажется самъ собою, потому что слоги долгіе и короткіе извѣстнымъ образомъ сгруппированы уже самимъ композиторомъ-поэтомъ. Въ примѣръ привожу изъ сочиненія Вестфала (ч. I, стр. 489) пѣсню музѣ, сохранившуюся вмѣстѣ съ напѣвомъ:

ΕΙΣ ΜΟΥΣΑΝ.

Богдан.
хъюн.

Богдан.
хъюн.

Богдан.
хъюн.

Периодъ или стихъ.
Стrophe.

Периодъ или
стихъ.
Стrophe.

Периодъ или
стихъ.
Стrophe.

Периодъ или
стихъ.
Стrophe.

Периодъ или
стихъ.
Стrophe.

Полус-
стихи.

По отдељеніи текста отъ напѣва, съ обозначеніемъ надъ первымъ ритмического размѣра (но сколько онъ можетъ быть выраженъ метрическими знаками), текстъ самъ собою прииметъ слѣдующій видъ:

- 1) "Α | ει δε | Μοῦ σά | μοι φι — | λη | μολ | πῆς δ' ε | μῆς χατ — | ἄρ | χου
- 2) αῦ | ρη δὲ | σῶν ἀπ' | ἀλ — σέ — | ων || ἐ | μὰς φρέ — | νας δο — | νεῖ | τω
- 3) Καλλι ὄ | πει α σο — | φά, Μού — | σῶν προκα | θαγέτι | τερπνῶν
- 4) Κατ | σοφὲ | μυστο δό | τα Δα — | τοῦς γόνε | Δή λι ε | Παι σῶν
- 5) Εὐ με | νεῖς πάρ — | εστε | μοι.

Предпослѣдніе слоги въ первыхъ двухъ стихахъ, по ритму или по напѣву, протяженіемъ въ $\frac{2}{4}$ такта, а по метру они выполняются, какъ обыкновенные долгія, то-есть, въ $\frac{3}{4}$.

Если отѣдѣлить отъ текста метрическую схему, то она будетъ имѣть слѣдующій видъ:

- 1) — | — — | — — | — — | — || — | — — | — — | — | — |
- 2) — | — — | — — | — — | — || — | — — | — — | — | — |
- 3) — — — | — — — | — — || — — — | — — — | — — | — — |
- 4) — — — | — — — | — — || — — — | — — — | — — | — — |
- 5) — — | — — | — — | — |

По этой метрической схемѣ, снятой съ ритмического или музыкального строя пѣсни, послѣдующіе стихотворцы, даже по утратѣ полнаго напѣва той пѣсни, могли слагать стихи, пожалуй съ совершенно иными мелодіями, или оставляя ихъ совсѣмъ безъ мелодіи, но держась разъ установленныхъ ритмическихъ рамокъ.

Схема оказывается составленной изъ неравномѣрныхъ стиховъ: тогда какъ первые два стиха суть тетраметры или тетраподіи, иначе восьмистопные трохенеческие стихи, каждый о двухъ четырехстопныхъ колѣнахъ (хѣла), съ предпосланными одномѣрными анакрозами при каждомъ колѣнѣ; два вторыя стиха (3-й и 4-й) составлены уже другимъ размѣромъ; это—гекзаметры или дактилические шестистопные стихи (изъ дактилей, въ перемежку со спондеями), въ которыхъ ритмическое раздѣленіе колѣнъ не совпадаетъ съ метрическимъ, потому что въ обоихъ стихахъ первыя колѣца ритмически закончились не цѣлыми словами, а остановились на половинѣ ихъ, такъ что вторыя колѣна начались со второй половины словъ: *Моо—оѡн Да*—тобъ. Пятый стихъ не полный, а только полустишие, какими у Грековъ часто заканчиваются строфы; это тетраметръ одного размѣра съ первыми двумя стихами.

О перенесеніи названий ритмическихъ дѣленій напѣва на метры, или на строй поэтической рѣчи, согласно говорить Брамбахъ и Вестфаль: „Ритмъ у древнихъ“, говоритъ первый (Einf. str. 1),— какъ и въ средніе вѣка (до XVI вѣка), опредѣлялся условіями вокальной музыки; теперешній же обязанъ, какъ образованіемъ своихъ формъ, такъ и письменнымъ начертаніемъ, развитію музыки инструментальной. Въ древности, какъ и во всѣ времена, пѣніе является сочетаніемъ (eine Gliederung) мелодическихъ и ритмическихъ предложенийъ или фразъ. Эти фразы у Грековъ таѣ и называются чле-

нами, хѣла¹). Каждый отдельный членъ составляется изъ меньшихъ мѣръ (мѣтра) или отдельовъ времени, отмѣчаемыхъ ударами ноги. Такіе отдельы времени называются просто стопами (пѣдам). Каждый членъ или колѣно составляется изъ мѣръ или стопъ и есть какъ бы сложная стопа (пѣдос сѹбатос). Разложеніе члена на стопы или мѣры служить при пѣніи только опознавательнымъ средствомъ, а цѣльность члена чрезъ то нисколько не страждеть, даже и съ виѣшней стороны, потому что въ древнихъ нотахъ разложеніе этоничѣмъ не означалось и цѣлые члены писались нераздѣльно. Даже когда по два члена соединялись въ одинъ цѣлый періодъ, то и такой двойной членъ писался безъ разложенія. Такой способъ начертанія и дѣленія членовъ возможенъ только въ такой музыкѣ, которая заимствуетъ свои ритмическія формы изъ пѣнія.... Съ XVI вѣка начинается самостоятельное развитіе инструментальной музыки, а вмѣстѣ съ тѣмъ образуется и гораздо большее число ритмическихъ фигуръ, потому что на инструментѣ можно выполнить гораздо большее число и болѣе разнообразныхъ фигуръ, нежели человѣческимъ голосомъ. Инструментальные музыканты стали отмѣчать отдельные такты вертикальными чертами, чтѣ начало входить съ XVII вѣка и въ вокальную музыку. Нынче уже всѣ привыкли подводить все подъ тактную единицу".

Примѣнительно къ первымъ двумъ стихамъ вышеприведенной пѣсни къ Музѣ² Вестфаль (ч. I, стр. 487) замѣчаетъ: „Каждые четыре такта составляютъ ясновамѣтный отдель въ музыкѣ и ритмѣ — колѣно, и каждыя двѣ такія четырехтактныя купы еще ярче выдѣляются въ купы высшаго порядка — періоды. Ясно заимствованное завершеніе каждого изъ періодовъ (восьмимъ и шестнадцатымъ тактомъ) называется окончаніемъ періода (Periodenschluss). Не столь рѣзко отличаются завершенія 4-го и 12-го тактовъ. Въ мелодии и ритмѣ, конечно, и въ этихъ мѣстахъ являются отдельы, но образующіяся чрезъ то половины періода не составляютъ такого самостоятельного цѣлаго, какъ цѣлые періоды. Первая половина каждого періода необходимо требуетъ добавленія второй половины періода, и лишь затѣмъ можно ощутить впечатлѣніе удовлетворительной законченности. Изъ колѣнъ первое составляетъ предыдущій

¹) Здесь этотъ терминъ вѣдѣ передается словомъ колѣно, которое употребляется въ народѣ для означенія пѣсенныхъ предложенийъ или частей музыкального періода, ясно раздѣляемыхъ поворотами голоса.

членъ периода, а второе—послѣдующій ¹⁾). Каждый изъ нихъ весьма часто соотвѣтствуетъ отдѣльному стику. Въ древней поэзіи между поэтическимъ текстомъ и мелодіей была болѣе тѣсная связь, чѣмъ это бываетъ теперь, потому что поэтъ и композиторъ соединялись тогда въ одномъ лицѣ, между тѣмъ какъ у насъ теперь лирическая музыка и поэзія суть два отдѣльныхъ искусства, и поэтъ пишетъ свои стихотворенія главнымъ образомъ для чтенія, не обращая вниманія на работу, предстоящую композитору... ²⁾). Такимъ образомъ у древнихъ пѣсни дѣлилась на стихи, сообразно съ строеніемъ периодовъ мелодіи... Съ этимъ, конечно, вѣтшнимъ отличиемъ соединяется и существенная особенность: именно, на всемъ протяженіи периода, съ начала и до конца, текстъ составляетъ непрерывную рѣчь, которая завершается къ концу периода, и текстъ одного периода, по отношенію къ послѣдующему периоду, представляетъ самостоятельное цѣлое. Въ слѣдствіе того... конецъ периода (стиха) долженъ совпадать съ концемъ слова. Въ древнѣйшихъ и наиболѣе народныхъ стихотвореніяхъ наблюдается то же и въ срединѣ стиха, то-есть, и колѣно также оканчивается вмѣстѣ съ окончаніемъ слова, и это называется цезурою. Но въ болѣе искусственныхъ метрахъ это не всегда соблюдается, и цезура иногда прерываетъ слово по срединѣ... У древнихъ восьмитактные периоды (стихи)—самые обыкновенные; они называются тетраметрами. Заключеніе периода у древнихъ обыкновенно бываетъ неполное, иначе каталектическое. Такъ, въ вышеприведенной пѣсni къ Музѣ, каждый тактъ (стопа) внутри стиха состоитъ изъ двухъ слоговъ (кромѣ анакрузы), а въ предпослѣднемъ только одинъ слогъ ар... Но кромѣ периодовъ въ два четырехтактныхъ колѣна, у древнихъ встрѣчаются периоды и въ два трехтактныхъ колѣна, именно въ древнѣйшемъ греческомъ стихѣ—въ дактилическомъ гекзаметрѣ. Таковы 3-й и 4-й стихи пѣсни къ Музѣ. Эти два дактилическихъ гекзаметра мы, для болѣе легкаго обозрѣнія музыкального ритма, раздѣлили на колѣна. Въ нихъ концы каждого первого колѣна не совпадаютъ (уже) съ окончаніями словъ, но прерываютъ слова *Мoo || оѡн*, *Дa || тoѣc*. Очень необыкновенны у

¹⁾) *Vordersatz* и *Nachsatz*; у Грековъ одно изъ колѣнъ называлось *левымъ*, другое *правымъ*, *δεξιόν*, *άριστερόν* (*Вестфаль*, ч. II, стр. 8).

²⁾) За то и композиторы нынѣшніе не очень отвѣняютъ себѣ мастеромъ и располагаютъ иногда такты съ полной свободою, разрывая стопу на нѣсколько тактовъ, или соединяя нѣсколько стопъ въ одинъ тактъ.

насъ колѣна въ 5 и 6 тактовъ, пентаподіи и гекзамодіи; послѣднія называются также триметрами. У Грековъ оба эти размѣра были весьма употребительны, особенно гекзамодіи, которыми составлялись древнѣйшія ламбическая лирическая стихотворенія. Здѣсь уже нельзя различать ни четверотактныхъ предыдущихъ, ни таковыхъ же послѣдующихъ членовъ периода — колѣна; а всѣ пять или шесть тактовъ образуютъ одно колѣно, и весь периодъ состоять изъ одного колѣна. Это зависитъ отъ того, что въ пяти- или въ шестистопномъ стихѣ можетъ уже уложиться самостоятельная музыкальная мысль, не укладывающаяся въ четырехъ тактахъ. Въ концѣ строфъ встрѣчаются вмѣсто цѣлыхъ стиховъ и полустихія, считающіяся также за самостоятельные периоды. Кроме периодовъ въ два колѣна и одно-колѣнныхъ (пяти- и шести-тактныхъ), могутъ быть периоды, имѣющіе болѣе двухъ колѣнъ, именно 3, 4 и болѣе; но какъ въ двухколѣнномъ періодѣ, такъ и въ распространенныхъ (въ 3, 4, и т. д. колѣна), наблюдается непрерывность рѣчи (*Continuität*) или текста. Почти всѣ распространенные периоды состоять изъ четырехтактныхъ колѣнъ; это, можно сказать, суть распространенные тетраметры, составленные такимъ образомъ, что первое колѣно тетраметра нѣсколько разъ повторяется. Но такое построение уже не называется стихос., потому что его нельзя уписать въ одной строкѣ (въ рукописяхъ каждое колѣно писалось въ особой строкѣ); у Гефестіона оно и называется не мѣтромъ, а бѣрметромъ. Основанія всѣхъ этихъ раздѣленій поэтической рѣчи заключаются въ напѣвѣ (мѣлос.). Какъ строфы, такъ и периоды, находятъ себѣ объясненіе только въ области вокальной музыки. Но съ развитіемъ искусствъ, какъ сперва для строфы, такъ потомъ для того или другаго рода периодовъ наступаетъ время, когда они болѣе уже не распѣваются, напримѣръ, дактилическій гекзаметръ въ эпосѣ. Тутъ оба колѣна уже не представляютъ собою предыдущаго и послѣдующаго членовъ музыкального периода; но метрическая форма, возникшая изъ первоначальнаго пѣсенного выполненія, удерживается и въ декламації».

Всѣ вышеупоминаемыя метрическія (стихотворныя) формы, имѣющія одинаковыя названія съ соответствующими имъ формами ритмическими (напѣвными) и происходящія изъ основаній, общихъ какъ тексту, такъ и напѣву, мы встрѣтимъ и въ народнорусской пѣсенной рѣчи, какъ видно изъ приводимаго примѣра: „Дуги“ (№ 2).

Строки или периоды.

Стройда.

По отдѣлениі текста отъ напѣва, съ замѣною ипцѣнныхъ нотныхъ знаковъ размѣра знаками древне-ритмическими, текстъ получить слѣдующій видъ:

„Дуна, | Дуна | рума | на! || за чтѣ | любишь | Ива | на? |
За то | люблю | Ива | на, || голо | вушка | кудря | ва. |

Эту ритмическую схему нельзя изобразить метрически иначе, какъ въ слѣдующемъ видѣ:

— — | — — | — — | — || — — | — — | — — | — |
— — | — — | — — | — || — — | — — | — — | — |

Изъ сопоставленія обѣихъ схемъ, ритмической и метрической, видно, что какъ скоро напѣвъ движется не однimi такъ-называемыми чистыми тактами (то-есть, состоящими только изъ обыкновенныхъ, двухмѣрныхъ долгихъ —, и одномѣрныхъ короткихъ —), а фигурными (хрбого фрбмопоиса ібю), то-есть, такими, въ которыхъ встрѣчаются слоги долготою въ три и четыре мѣры и т. т.), —то, при схематизованіи текста, приходится передѣливать ритмический строй въ метрический, и всѣ слоги, имѣющіе въ напѣвѣ долготу свыше двухъ мѣръ (для скандовки на малень греколatinскій), превращать въ двухмѣрные. Различіе между ритмомъ и метромъ возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія разнообразія протяженій въ напѣвѣ. Такъ итъ приведено въ Вестфалии

(ч. I: Supplement, стр. 57) пѣснѣ Еѣ "Нлюу" чередуются такія ноты $\text{F} \cdot \text{F} \cdot \text{F}, \text{F}, \text{F}$. Вместо этихъ пяти знаковъ у метрики есть только два знака: для первыхъ двухъ одинаково —, и для трехъ послѣднихъ одинаково —). Вышеперечертанная ритмическими греко-латинскими знаками схема русской пѣсни вѣрно передаетъ протяженія распѣваемой рѣчи. Въ говореньи же пѣсна эта должна быть произнесена совершенно такъ, какъ прозаическая рѣчь, при чёмъ протяженія сольются съ повышеніями, по нижеслѣдующей схемѣ, основанной на граматическихъ удареніяхъ, сливающихся съ усиленной протяжностью:

— Дуна, Дуна румяна? || За чѣ любишь Ивана?

— За то люблю Ивана, || головушка кудрива,

или безъ текста:

— — *), — — , — — — || — , — — , — — — |
— , — — — , — — — || — | — — , — — — |

По сопоставленію этой схемы съ вышеприведеною ритмической

— — | — — | — — | — || — — | — — | — — | — |
— — | — — | — — | — || — — | — — | — — | — |

и съ выше приведеною же метрической:

— — | — — | — — | — || — — | — — | — — | — |
— — | — — | — — | — || — — | — — | — — | — |

оказывается, что народнорусская пѣсенная рѣчь не укладывается въ ритмические такты, ни въ ритмическія стопы, что она слагается — какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ — исключительно по требованіямъ логическимъ и риторическимъ, въ полнѣйшей независимости отъ ритма, который также движется совершенно свободно, ни мало не стѣсняясь протяженіями и удареніями текста. Изъ приведенного же примѣра русской пѣсни усмотреть можно, что въ ней есть и строфы, соответствующія полному папѣльному обороту ²⁾), есть и периоды или стихи, въ которыхъ мелодическое предложеніе совпадаетъ съ логическимъ, есть колыча или полустишия, соответствующія главнымъ членамъ мелодіи. Находятъ также пѣсни, состоящія изъ многоколыбѣнныхъ строфъ, или инерметры. Но тактовъ въ текстѣ народныхъ русскихъ пѣсень мы не

¹⁾ Запятныи означены окончанія словъ.

²⁾ „Соответственность строфъ“, говорить Вестфаль (ч. I, стр. XVIII), — „имѣть смыслъ только въ такихъ стихотвореніяхъ, которыхъ исполняются съ повторяющимися построено мелодіями, или въ стихотвореніяхъ, составленныхъ по образцу такихъ, выполняемыхъ съ музыкой, стихотвореній“.

находимъ, хотя она совершенно удобно распѣвается, въ полномъ соотвѣтствіи съ ритмическими движениями напѣва, то-есть, именно съ тактами, ходъ которыхъ въ народной пѣснѣ постоянно отличается необыкновенною простотою, ясностью и опредѣленностью: разнотактности, какая видна въ вышеприведенной древне-греческой пѣснѣ: „Къ музъ“ ($\frac{3}{8}$ и $\frac{2}{4}$ и опять $\frac{3}{8}$), и какую пытаются ввести въ нихъ нѣкоторые изъ нынѣшихъ напіихъ композиторовъ (например, г. Балашкиревъ) не оказывается, по крайней мѣрѣ ни въ одной изъ пѣсень, которыхъ разборъ будетъ за симъ представленъ. Но въ пѣсенной нашей рѣчи, такъ легко подчиняющейся такту, пока она распѣвается, не остается и слѣдовъ какого-либо такта, какъ скоро она не поется, а говорится. Впрочемъ такта, какъ показано выше (стр. 20), не было и въ греко-латинскомъ стихосложеніи, потому что тактъ необходиmъ, или по крайней мѣрѣ, важенъ въ вокальной и въ инструментальной музыке, а въ пѣсенной рѣчи, рассматриваемой отдельно отъ напѣва, тактъ не только не надобенъ, но и невозможенъ: не надобенъ, потому что декламируемая рѣчь никогда не сопровождается игрою на инструментѣ, никогда не произносится хоромъ, и слѣдовательно, не къ чему прилагать ее; а невозможенъ онъ потому, что безпрестанно былъ бы нарушаемъ, ради вразумительности рѣчи, паузами, не ритмическими, которые подчиняются такту, тактически измѣримыми, а реторическими, не измѣримыми, по ихъ произвольности и столь же безконечному разнообразію, какъ безконечно разнообразны мысли и ихъ выраженіе. Повторимъ утвержденіе Квинтиліана: *oratio non descendet ad scrupitum digitorum* — рѣчь не подчиняется такту. Но, не укладываясь въ такты, какъ въ исключительно музыкальную ритмическую форму, въ греко-латинскомъ стихосложеніи рѣчь укладывается въ стопы, въ искусственную метрическую форму, складывающуюся изъ разнообразнаго сочетанія долгихъ и короткихъ слоговъ, свойственныхъ языкамъ просодическимъ, то-есть такимъ, въ коихъ сохранилась количественность гласныхъ. А какъ древнѣшие греческие композиторы и поэты въ ходѣ и распределеніи напѣвныхъ или музыкальныхъ тактовъ принимали въ расчетъ и просодію текста, то-есть, естественную долготу и краткость гласныхъ, не стѣсняясь впрочемъ условно опредѣленною въ метрикѣ мѣрой ихъ, то стопы все-таки сохраняютъ на себѣ какъ бы слѣдъ или нѣкоторое отраженіе тактовъ, подобно тому, какъ разгуливавшая по затопленному прибрежью волны оставляютъ по себѣ слѣдъ въ видѣ неподвижныхъ песчаныхъ струй. Въ русской же пѣсенной рѣчи не остается и такихъ слѣдовъ тактическаго построенія напѣва: въ ней

нѣть стопъ, потому что хотя и въ русскихъ словахъ одинъ слогъ выговаривается протяжнѣе другихъ, но протяжность эта не прикрѣплена къ известнымъ гласнымъ, а сливается обыкновенно съ ударениемъ, постановка которого опредѣляется совсѣмъ иными причинами, не имѣющими ничего общаго съ природою гласныхъ.

И такъ, въ народно-русскомъ пѣсенному стихосложеніи нѣть стопъ, а если нѣть стопъ, то нѣть и иктовъ. Однако нѣкоторые изъ русскихъ версификаторовъ, какъ увидимъ ниже, находятъ нѣчто подобное иктамъ и въ народно-русской пѣсенной рѣчи и даже основываютъ на этомъ такъ-называемомъ стихотворномъ удареніи всю народную версификацію: поэтому необходимо разсмотрѣть въ подробности господствующее ученіе объ иктахъ.

Выше уже приведено было мнѣніе объ иктахъ Вестфала, который, по видимому, выводить ихъ не изъ напѣвнаго строя, а изъ строя самой рѣчи: „Время“, говоритъ онъ (ч. II, стр. 1), — „употребляемое для произношенія (λέψις) или для выговора слоговъ и словъ стихотворенія, можетъ быть разлагаемо на отдѣлы, различаемые слухомъ вслѣдствіе того, что въ 'каждомъ отдѣль' (группѣ слоговъ) одинъ слогъ выдвигается изъ среды прочихъ особенностями напряженіемъ голоса (durch eine stärkere Intension der Stimme). Это напряженіе голоса называютъ ритмическими иктами. Ритмические икты указываютъ слуху границы отдѣловъ времени, употребляемаго на произнесеніе каждой группы слоговъ“. Самое название иктовъ ритмическими, а не метрическими, указываетъ на ихъ происхожденіе отъ напѣва, на ихъ отношеніе собственно къ рѣчи распѣваемой, а не къ обыкновенному произношенію рѣчи говоримой, которая, будучи рассматриваема независимо отъ напѣва, слагается и разлагается на отдѣлы отнюдь не по требованію слуха и звуковой равномѣрности, а по законамъ логическихъ. Поэтому-то проза и называлась рѣчью свободной, то-есть, отъ метрическихъ узъ, *oratio soluta*, въ отличіе отъ стихотворной, какъ бы скованной ритмическими или музыкальными узами (*membra orationis numeris vineta*), изъ коихъ наиболѣе затруднительны именно и суть такты, или собственно подражаютъ имъ стопы, съ ихъ иктами.

Икты есть, конечно, не что иное, какъ знакъ наступленія такта. „Знакъ этотъ (— σημεῖον)“, говоритъ Брамбахъ — „дѣлается или на письмѣ (вертикальная черта поперекъ пяти нотныхъ линеекъ, отдѣляющая одинъ тактъ отъ другаго), или посредствомъ тѣлеснаго движенія. Тѣлесное движеніе можетъ быть производимо, какъ тѣнѣ,

кто управляетъ движениемъ, такъ и тѣмъ, кто движение исполняетъ. Первый есть директоръ (регентъ), второй — танцоръ, или пѣвецъ, или игрокъ на инструментѣ. Танцоръ, по знаку, выдѣлываетъ какое-либо отдельное тѣлесное движение; проче производить звуки, продолжавшійся извѣстную единицу мѣры времени, которая называется у древнихъ хроносъ прѣтосъ... Знакъ, подаваемый тѣмъ, кто управляетъ движениемъ, есть ударъ или махъ, сопровождающей начало плясоваго, голосового или вообще звукового движения. Знакъ у древнихъ подаваемъ былъ топотъ ступни (râni) или ударомъ пальца (digitorum ictus, иктъ, средневѣковое tactus, тактъ). Мы также употребляемъ удары (все равно чѣмъ) или (на открытому, напримѣръ, воздухѣ) махи, и называемъ это бить, или давать тактъ. Тотъ ноги или ударъ пальцемъ назывался обыкновенно басис (у Аристоксена басис или батосъ хроносъ, просто тѣ хѣты, а соотвѣтственное поднѣтие ступни или пальца дракис (у Аристоксена бѣло хроносъ, короче; тѣ душа), и даваніе знаковъ — сущності состояло изъ чередованія басиса и дракиса... Такъ какъ басис значило тѣдѣніе тѣхъ пода (опустить, поставить ногу) а дракисъ — сѣрвінъ тѣхъ пода (поднять ногу), то названія басис и дракисъ перенесены на самые отдельныя времена, на совокупность звуковъ и слоговъ, отмѣчаемыхъ знакомъ. При выполненіи ударяемаго слога ударили ногою, (топали), при выполненіи звука не ударяемаго, или при произнесеніи не ударяемаго слога ногу поднимали. Поэтому тезисомъ стали называть ударяемый или тяжелый членъ такта, а арсисомъ — не ударяемый и легкій членъ такта".

Очевидно, иктъ относится къ дѣленію только музыкального времени и есть не болѣе какъ вѣнчайший знакъ этого дѣленія, совершающагося уже во внутреннемъ чувствѣ самихъ исполнителей¹⁾, и такое вѣнчайшее указаніе дѣленія могло понадобиться, конечно, только

¹⁾ «Ритмическая единица мѣры времени», говорить Вестеаль (ч. I, стр. 523), ссылаясь на свидѣтельство Аристоксена, — «хроносъ прѣтосъ, присуща прежде всего нашему чувству (то-есть, конечно, внутреннему) — ein rhythmisches Zeitmaas, das wir zunâchst in unvergertem Gefâhle haben»...

«Разложение колѣна изъ стопы», говорить Брамбахт (Rhythmische und metrische Untersuchungen стр.), — «служить при пѣніи только опознавательными средствами, а цѣльность членовъ черезъ то исконечно не страдаетъ даже и съ вѣнчайшей стороны. Но въ древнихъ нотахъ разложение это ничѣмъ не означалось, и цѣльна колѣна писались нераздѣльно. Даже когда по два колѣна соединялись въ одинъ періодъ, то и онъ писался безъ разложения (то-есть, безъ означенія тактовъ).»

для соглашения пѣсолькихъ исполнителей, для приведенія къ единству ихъ внутреннаго тактнаго музыкального чувства, для лада. Иктъ или отбиваніе такта находится въ томъ же самомъ отношеніи къ сущности музыкальнаго произведенія, какъ стучаніе метронома, поставленнаго и пущеннаго по указанію композитора, выставляемому теперь обыкновенно на піесахъ.

Вышеприведенному мнѣнію Брамбаха не противорѣчить въ сущности и Вестфаль, хотя, принимая иктъ также за знакъ дѣленія музыкальнаго времени, онъ сверхъ того присвоиваетъ ему еще усиленіе звука:

„Нынѣ (ч. I, стр. 491) тяжелый членъ такта означаютъ топомъ ноги или махомъ руки внизъ, а легкій членъ — поднятіемъ руки. Точно такъ и древніе давали тактъ ногой или рукой. Это называлось у Грековъ *страсіа*, у Римлянъ *percussio, caedere ferire, plaudere*¹“).

Сюда же относится и терминъ *ictus*, подъ которымъ теперь обыкновенно разумѣютъ усиленіе голоса, приходящееся на тяжелый членъ такта, и который другое называютъ ритмическимъ акцентомъ. Древніе любили больше, чѣмъ теперь, громко отбивать такты, для чего иногда подвязывали къ ступнѣ правой ноги деревянныя колодочки или скамеечки, *бокобію, хробѣа, ваталон, scabellum*. Что тяжелый членъ такта означался топомъ ноги или махомъ внизъ руки,— основаніе тому заключается въ древней оркестрикѣ: съ тяжелымъ членомъ также плясуны становили ногу на землю, а съ легкимъ поднимали ногу на воздухъ. Отсюда и самое название такта *рес, стопа*². Отдельныя (ч. I, стр. 505) стопы подбрас должны быть ощущаемы, какъ ритмические отдельныя по Аристоксену *түфрію тѣ асфію*. А такъ какъ каждая стопа состоить изъ нѣсколькихъ звуковъ или слоговъ, то они могутъ быть воспріяты нашимъ ощущеніемъ въ качествѣ ритмической единицы, не иначе³), какъ если одинъ изъ этихъ звуковъ, или

¹) Собственно бить въ ладоши. У насъ и теперь при плясовыхъ пѣсняхъ и пѣвы и сами пляшущіе отбиваютъ иногда тактъ ударами въ ладоши. Можетъ быть, и самое это слово ближе производить отъ ладъ, ладить, чѣмъ отъ длань, долонь, какъ обыкновенно дѣлаютъ.

Прим. Н. Ш.

²) Если бы слушатели ощущали дѣленіе ритмическихъ колебаній на такты, или метрическихъ на стопы, только вслѣдствіе того, что исполнители усиливаютъ одинъ изъ членовъ такта или стопы, а исполнители усиливаютъ иктовый членъ вслѣдствіе того, что дирижеръ подаетъ къ тому знакъ ногой, или рукою, дирижеръ же руководствуется тактовыми (вертикальными) чертами на нотахъ, ко, торыя выставлены композиторомъ,—то чѣмъ же руководствовался при тактомъ

словъ выдается надъ прочими, вслѣдствіе особеннаго усиленія звука (инструмента) или голоса; это каждый разъ бываетъ въ началѣ какаго тажелаго члена или въ тезисѣ. На него падаетъ percussio (или ictus), толь ноги или махъ внизъ руки, которымъ облегчается для пѣвца или игрока точное соблюденіе ритма. Слогъ, отличаемый усиленіемъ голоса называются иктовыми слогомъ. Впрочемъ, не всегда можно усиленіемъ звука отличить тажелый членъ такта. Это возможно въ пѣніи, въ игрѣ на струнныхъ и духовыхъ инструментахъ, но невозможно въ игрѣ на органѣ или у древнихъ на гидравликѣ, такъ какъ здѣсь сила отдѣльного звука не во власти играющаго. Тутъ сильный или тажелый членъ такта можно сдѣлать замѣтнымъ отъ легкаго особымъ пріемомъ гармонизаціи. Вообще для ритма требуется лишь то, чтобы тактъ былъ ощущимъ въ своей отдѣльности (тѣмпъ тѣ аїзбѣза), и хотя для этого простѣйшимъ и главнѣйшимъ средствомъ служитъ именно усиленіе звука, однако во многихъ слушаяхъ того же можно достигнуть голосоведеніемъ (Melodieführung) и гармонизаціей. Слушатель въ такомъ случаѣ уже самъ выслѣживаетъ тактъ, а исполнитель не имѣть надобности каждый тажелый членъ такта отмѣтывать иктомъ.

„Не всѣ слѣдующіе одинъ за другимъ такты имѣютъ одинаковые икты. Каждое колѣно имѣеть на одномъ изъ входящихъ въ него тактовъ главный иктъ, а прочие такты имѣютъ на себѣ болѣе слабые икты, и притомъ въ различной степени. Въ этомъ отношеніи иктъ каждого отдѣльного такта можно сравнить съ граматическимъ удареніемъ (Wortaccent), а главный иктъ колѣна—съ главнымъ удареніемъ въ предложеніи (Satzaccent), то-есть, съ удареніемъ надъ тѣмъ словомъ, которое, по своему логическому значенію, выдвигается изъ ряда прочихъ словъ въ предложеніи. Граматическое удареніе соединяетъ слоги отдѣльного слова въ предложеніи въ одно совокупное цѣлое; то же самое отношеніе соблюдаются и въ ритмикѣ между иктами отдѣльныхъ тактовъ и главными иктами колѣна. Поэтому-то у Аристоксена и отдѣльный тактъ, и соединеніе тактовъ въ колѣно равно называется тобс, но первый тобс асбѣватос, а колѣно тобс сбѣуетос... Какъ колѣна, такъ и

дѣленіи самъ композиторъ? Не тѣмъ же ли самымъ внутреннимъ ритмическимъ, или музыкальнымъ чувствомъ, которое прирождено ему наравнѣ съ дирижеромъ и исполнителемъ, изъ коихъ каждый угадалъ бы танткое дѣленіе мелодіи и безъ тактовыхъ чертъ, которыя въ старину вовсе и не писались. Да и дирижерские икты нужны только для языку, то-есть, для соглашенія исполнителей.

Прим. И. Ш.

отдѣльные такты и члены, называются также общимъ именемъ хро́нъ тобіхой (ритмические мѣрные отдѣлы). Но почему же большія ритмическая единицы, именно періоды не причислены къ хро́нъ тобіхой? ¹⁾). Причина та, что члены тактовъ, такты и колѣна, вмѣстѣ взятые, составляютъ одну цѣлую ритмическую совокупность, подъ вовѣтствіемъ одного икта. Но болѣе чѣмъ на одно колѣно не распространяется дѣйствіе одного икта по отношенію къ ритмическому материалу. Соединяющіяся въ одинъ періодъ отдѣльные колѣна состоять, относительно своихъ главныхъ иктовъ, въ совершенно равномъ сочиненіи, то-есть, ни одно изъ нихъ не выдается надъ прочими по-средствомъ особаго усиленія своего главнаго икта. Силою, связующею отдѣльные колѣна въ одинъ періодъ (=стихъ или метр), служить тоническій музыкальный элементъ—мелодія, между тѣмъ, какъ сочетаніе отдѣльныхъ тактовъ въ одно колѣно производится подчиненіемъ ихъ общему главному икту. Конечно, и отдѣльное колѣно не свободно отъ влиянія единства мелодіи ²⁾), потому что отъ мелодіи зависитъ, сколько тактовъ соединяется въ ритмическое колѣно, или подчиняется общему главному икту...

„Что касается до мѣста (ч. II, стр. 7), гдѣ ставится главный иктъ въ колѣнѣ, то онъ, конечно, часто приходится на первомъ тактѣ колѣна, но несправедливо утверждаютъ некоторые, будто такъ бываетъ всегда; напротивъ, мы знаемъ изъ прямаго свидѣтельства Аристоксена, что главный иктъ могъ ставиться и на среднемъ, и даже на заключительномъ тактѣ колѣна“.

Изъ всѣхъ приписываемыхъ адѣсь икту свойствъ возбуждаютъ сомнѣніе, съ точки зреінія народно-русскаго пѣсенного стихосложенія, слѣдующія два: 1) дѣйствительно ли иктовый членъ такта (конечно, въ музыкѣ) выполняется съ усиленіемъ голоса и вообще звука? 2) дѣйствительно ли такты сплачиваются въ одно колѣно посредствомъ подчиненія одному изъ среды ихъ, какъ главному, держащему на себѣ и самый сильный иктъ?

Еслибы народныи русскія пѣсенные мелодіи съ такою виѣшнею рѣзкостію раздробляемы были на такты, то это не могло бы не отразиться на ихъ текстѣ какимъ-либо подобіемъ тактнаго построенія;

1) Ирошѣ всего, потому что періодъ не называется по-коѣ и по отношенію къ колѣну представляеть уже цѣлое, а колѣно только часть періода.

Прим. Н. Ш.

2) Колѣно не только «не свободно отъ влиянія единства мелодіи», въ пред-
ставляя собою одну изъ главныхъ частей мелодіи, лишь въ этомъ качествѣ и
имѣть музыкальное значеніе.

Прим. Н. М.

а между тѣмъ въ нашей пѣсенной рѣчи нѣтъ и слѣдовъ такта, ни членовъ его, тезиса съ его иктомъ, и арсиса.

Для чего требовалось бы такое усиление икотоваго члена такта? Ужь конечно, не въ видахъ музыкальности: частое, почти безпрерывное и однообразное чередование forte и piano было бы несносно и напоминало бы бульканье воды, выливаемой изъ бутылки съ узкимъ горломъ. Вестфаль видѣть необходимость усиленія икотоваго члена такта для указанія ритмическихъ отдельностейъ, но ритмические отдельности, для дружного и согласнаго ихъ исполненія, указываются исполнителемъ уже самыми иктами, то-есть, ударами или махами, даваемыми дирижеромъ; для чего же еще и исполнители будуть какъ бы сами себѣ указывать наступленіе тактовъ усиленіемъ икотовыхъ членовъ ихъ? Для слушателей ли нужно такое усиленное указаніе тактоваго дѣленія? Но еслиъ имъ и не видно было маховъ капельмейстера, они ощущаютъ выполнимое вѣрно тактиное дѣленіе мелодіи тѣмъ же самимъ врожденнымъ ритмическимъ чувствомъ, руководствуясь которымъ, какъ дирижеръ, такъ и всякий музыкантъ, легко опредѣлить тактиное дѣленіе пѣсни, хотя бы композиторъ и не означилъ его вертикальными чертами на потихъ линейкахъ, какъ это и не дѣлялось до XVII столѣтія. По силѣ этого, присущаго каждому человѣку, ритмического чувства, мелодія не иначе творится композиторомъ, какъ въ самоопредѣляющихся тактахъ, подобно тому, какъ извѣстныя злаковыя бывинки растутъ не иначе, какъ колѣньями, и какъ деревья на извѣстной высотѣ пускаютъ изъ ствола сучья, а сучья дѣлятся на вѣтви. Въ этомъ, конечно, смыслъ слѣдуетъ понимать и цитуемое Вестфalemъ Аристоксеново требованіе, чтобы такты были узнаваемы для чувства, опущими, тѣшющими тѣлѣ, то-есть, тамъ нѣтъ мелодіи, гдѣ нельзя разобрать тактовъ присущимъ каждому ритмическимъ чувствомъ. Впрочемъ, и Вестфаль не отрицаєтъ, что слушатель можетъ и самъ выслѣживать тактъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда наступленіе его нельзя отмѣтить усиленіемъ икотоваго члена, напримѣръ, въ игрѣ на органѣ, гдѣ сила звука не во власти играющаго; а если слушатель можетъ самъ выслѣживать тактъ въ этихъ случаяхъ, то можетъ и во всѣхъ другихъ, и икты нужны не для слушателей, а для исполнителей, чтобы они другъ съ другомъ ладили, дружно, согласно начинали и оканчивали каждый тактъ. Изъ выражений Вестфала: „подъ иктомъ теперь обыкновенно разумѣютъ усиленіе голоса на тижеломъ членѣ такта“ можно заключить, что такое значеніе икта древними свидѣтельствами не подтверждается; по крайней

мѣрѣ у Вестфала не приведено ни одного о томъ свидѣтельства. Но всему кажется, что приписываніе икту свойства усиливать голосъ или вообще звукъ беретъ свое начало въ укоренившемся у Нѣмцевъ (а за ними и у насъ, Русскихъ) обычай произносить каждый иктовый слогъ въ греческихъ и латинскихъ стихахъ съ повышеніемъ голоса а при повышеніи голоса мы уже какъ бы невольно его усиливаемъ. „Въ нѣмецкомъ языкѣ“, говоритъ Вестфаль (ч. II, стр. 21), — „ударная гласная произносится съ повышеніемъ голоса, не ударяемая — съ пониженіемъ; но какъ видѣть повышеніе, за исключеніемъ сложныхъ словъ, падаетъ постоянно на коренной слогъ, то-есть, на слогъ, который преимущественно выражается понятіемъ, то вмѣстѣ съ повышеніемъ, соединяется иѣкоторое усиленіе голоса (*eine gewisse Energie der Stimme*) — тагсато. Яснѣе всего это замѣтно при декламаціи стиховъ, потому что въ нашемъ стихосложеніи ритмический иктъ приходится на грамматически ударяемые слоги¹⁾). Та же самая гласная произносится и съ повышеніемъ голоса и вмѣстѣ тагсато, то-есть, съ усиленіемъ его, вслѣдствіе падающаго на нее икта. Декламируя греческіе стихи, мы никакъ не можемъ отдѣлаться отъ своего нѣмецкаго способа произношенія, и произносимъ греческіе икты съ повышеніемъ голоса, а па грамматической удареніи греческихъ словъ не обращаемъ вниманія.

Конечно, усиленіе голоса и звука и въ вокальной, и въ инструментальной музыкѣ, усиленіе, соответствующее *forte*, можетъ совпасть съ иктовымъ членомъ такта, какъ равно и въ декламируемой пѣсенной рѣчи реторическое удареніе можетъ падать на иктовый слогъ стопы, который въ такомъ случаѣ произнесенъ будетъ съ особымъ усиленіемъ голоса; но за исключеніемъ этихъ чистыхъ случайностей, мышьне обѣ усиленномъ выполненіи ритмического и метрическаго икта происхожденіемъ своимъ обязано также случайности — именно

¹⁾ Но онъ можетъ падать и на не ударяемый слогъ. «Не ударяемый слогъ», говоритъ Вестфаль въ другомъ мѣстѣ (ч. II, стр. 33), — «невременно употребляется и въ качествѣ иктового, но иктовый же слогомъ можетъ служить и слогъ, не имѣющій на себѣ ударенія»... И въ другомъ мѣстѣ (ч. II, стр. 51): «Законъ нашего стихосложенія таковъ, чтобы икты, по возможности, приходили на ударяемый слогъ. Но наше ритмическое чувство умѣетъ удовлетворяться, если соблюдение этого закона преобладаетъ, а ворочемъ мы охотно допускаемъ, если ритмический иктъ падаетъ и на словцо, не имѣющее ударенія, или на не ударяемый слогъ».

немецкому, завѣдомо невѣрному, способу произношения метрических иктовъ греко-латинского стихосложения.

Если ни одинъ изъ иктовъ колѣна, въ качествѣ икта, не произносится съ нарочитымъ усиленіемъ голоса, то не можетъ быть рѣчи о подчиненіи всѣхъ иктовъ, входящихъ въ составъ колѣна, одному главному икту, потому что въ чёмъ же и состоитъ это подчиненіе всѣхъ иктовъ колѣна одному, если этаъ послѣдній ничѣмъ отъ другихъ не отличается? Да и какъ могъ бы дарить, дающій икты, то-есть, топомъ ноги, ударомъ пальца или махомъ руки указывающей наступленіе каждого такта, отличить главный иктъ (или тактъ) отъ подчиненныхъ? Неужели болѣе сильнымъ топомъ ноги или болѣе широкимъ махомъ руки? Это было бы совершенно виѣшино централизацией тактовъ одного колѣна, которые въ немъ, какъ и въ цѣломъ стихѣ, достаточно связуются (что признается отчасти въ Вестфалѣ) внутреннимъ единствомъ мелодіи, то-есть, единствомъ выражаемаго ею чувства. Этому служитъ подтвержденіемъ и сдѣланное Вестфалемъ уподобленіе централизации тактовъ и иктовъ объединенію граматическихъ удареній (въ предложеніи) чрезъ подчиненіе ихъ одному речетическому ударенію (*Satzaccent*). Удареніе это падаетъ на то или другое слово въ предложеніи, согласно съ внутреннимъ направленіемъ мыслей, между тѣмъ какъ постановка главнаго икта обусловливалаась бы совершенно виѣшими требованіями стихотворного механизма. Къ тому же и не существуетъ точныхъ опредѣлений того, на какомъ изъ тактовъ или на какой стопѣ въ колѣнѣ ставить главный иктъ. Одни относить его постоянно къ первому такту колѣна, по другимъ же (Аристоксель) онъ можетъ быть поставленъ и на среднемъ, и на послѣднемъ; а основаній той или другой постановки никѣмъ не приводится.

Стремленіе къ объединенію всѣхъ иктовъ одного колѣна, чрезъ общее ихъ ослабленіе, съ подчиненіемъ одному нарочито усиливаемому главному икту, свидѣтельствуетъ о сознаніи, что при точномъ выполненіи всѣхъ иктовъ, мелодія подвигалась бы впередъ какъ бы толчками, и нарушилась бы цѣлостность музыкального впечатлѣнія, производимаго именно текучестію, непрерывностію, плавающестію мелодіи. И хотя Цицеронъ, усматривая ритмъ въ паденіи дождевыхъ капель¹⁾), не находилъ его въ шумѣ текущей рѣки, но онъ здѣсь, очевидно,

¹⁾ De Orat. 3. 186: In cadentibus guttis, quod intervallis distinguuntur (rhythmus) notare possumus, in atri precipitante non possumus.

принимаетъ ритмъ въ значеніи мѣры отвлеченнаго времени, а не времени музыкального. Между тѣмъ въ шумѣ рѣчныхъ водъ, даже въ завываніи бури, болѣе музыкального элемента, тѣмъ въ стукѣ падающихъ дождевыхъ капель, въ ударахъ пульса, маятника и т. д. И то, и другое, и третье можно принять за мѣру музыкального движенія, какъ и стукъ метронома, но всѣ эти мѣрила находятся почти въ такомъ же отношеніи къ мелодіи, какъ, напримѣръ, аршинъ къ измѣряемой имъ ткани.

Если акты, принимаемые не въ смыслѣ вѣшнихъ знаковъ отвлеченаго внутренне ощущимаго дѣленія музыкального времени, а въ значеніи усиленія, скорѣе предполагаютъ бы, чѣмъ содѣствовали бы музыкальности, то въ поэтической рѣчи они, въ послѣднемъ своемъ значеніи, придавали бы такую искусственность, красота которой для человѣка новыхъ временъ совершенно непостижима. Вестфаль (ч. I, стр. 52) сознается, что попытки выполнять при декламаціи греко-латинскихъ стиховъ пѣты рядомъ съ независимыми отъ нихъ грамматическими удареніями возбуждаютъ невольный смѣхъ въ слушателяхъ. У насъ можетъ вѣсколько напоминать древне-классическое произношеніе стиховъ традиціональный способъ чтенія Евангелія и Апостола, особенно старинными сельскими церковниками¹⁾. Они, какъ известно, тоже одни слоги растягиваютъ, безъ повышенія ихъ, и притомъ совершенно произвольно (не по какимъ-либо основаніямъ), а другие слоги, какъ бы выкрикиваютъ и постепенно поднимаютъ голосъ къ концу чтенія до наивозможной высоты. Конечно, кому что привится, но столь излюбленная нашимъ купечествомъ протодіаконская манера поднимать голосъ на заключительныхъ словахъ, не восходженіемъ по октавной лѣстинцѣ звуковъ, а какъ бы вскатываніемъ его, очень напоминаетъ коровье мычаніе, которое тоже представляетъ сливную массу съ силой поднимающагося, но не разложимаго на ноты звука. О степени искусственности метрической рѣчи, напримѣръ, у Римлянъ, можемъ судить потому, какъ, въ угоду метру, нарушилось естественное теченіе рѣчи, напримѣръ, въ извѣстныхъ стихахъ Овидія:

¹⁾ Здѣсь, въ Полтавѣ, одинъ изъ старыхъ священниковъ, бывшій въ свое время весьма голосистымъ протодіакономъ, своею службою удивительно напоминаетъ церковную дикцію знакомыхъ миѣ Анатолійскихъ Грековъ; тѣ же внезапные скачки голоса до фистульного звука, и столь же неожиданные протяжения нѣкоторыхъ словъ самымъ груднымъ низомъ какъ бы разбитаго голоса, измучиваютъ слухъ и много вѣшаютъ пониманію.

1	7	8	9	10
Interea fratrisque sui, fratremque secutis				
4	6	5	3	
Anxia prodigiis turbatus pectora Сеух,				
14	13	15	17	18
Consulat ut vacras, boninum oblectamina, sortes,				16
19	20	11	12	21
Ad Clarium parat ire deum, nani templu profanus			22	23
29	27	28	30	34
Invia cum Phlegiis faciebant Delphica Phorbas.				25

(Metamorph. XI, 410—15).

Выставленный надъ словами цифры указываютъ приблизительно порядокъ обыкновенного въ латинскомъ языке словорасположенія. При такомъ разбросѣ словъ, изъ коихъ вѣкоторыя сдвинуты на восемь мѣстъ съ подобающаго имъ мѣста (Сеух... parat), гдѣ прилагательныя очутились за пять мѣстъ отъ своихъ существительныхъ (templo... Delphica, profanu... Phorbas), рѣчь, не безъ труда разбираемая даже читателемъ на письмѣ, была воспринимаема слушателемъ, конечно, скорѣе со стороны своей условной благозвучности, нежели по содержанію. Доказательствомъ того можетъ служить приводимое Вестфальемъ (съ другомъ, вирочемъ, цѣлью) свидѣтельство метриста Асмонія (конца III или начала IV вѣка по Р. Х.): „Comici poetae Iaxius etiamnum versibus suis quam tragici spatium dederunt... cum cotidianum sermonem imitari volunt et a versificationis observatione spectatorem ad actum rei convertere, ut non fictis sed veris affectionibus inesse videantur“. Стало быть, метрическая рѣчь такъ далека была отъ естественной, до такой степени была искусственна, что налагала характеръ вымышленности на самое содержаніе, и комики, для придания содержанію большаго вѣроподобія, намѣренно нарушили метрическія правила. Это подтверждается тутъ же приведеннымъ свидѣтельствомъ Марія Викторина: „Similiter apud comicos Iaxius spatium versibus datum est. Ita dum cotidianum sermonem imitari nituntur, metra vitiant studio non imperitia“.

Представимъ теперь въ совокупности общіе выводы изслѣдований объ основныхъ элементахъ ритмики и метрики, въ ихъ примѣненіи къ народно-русской пѣсенной рѣчи.

Ритмъ состоять въ размѣренности протяженій голосовой (вокальной) или инструментальной музыки. Въ той и другой протяжность звуковъ опредѣляется по отношенію къ движевіямъ мелодіи (къ движениямъ звуковъ наверхъ и внизъ), а въ голосовой, сверхъ того, и по

отношению къ слогамъ словъ пѣсенной рѣчи. Ритмический и мелодический строй взаимно сопротивляются, такъ какъ всякий звукъ имѣть определенную высоту, и вѣстѣ съ тѣмъ, определенную протяжность. Въ полной подчиненности тому и другому строю находится третій элементъ пѣсни—пѣсенная рѣчь или текстъ, потому что каждый слогъ текста выполняется звукомъ или звуками извѣстной высоты и извѣстной протяженности. Въ дреzinѣшее время греческие пѣснєслагатели были въ одно и то же время поэты (даже и музыканты), а потому, слагая мелодіи, они принимали въ соображеніе и естественную просодію своего языка, различавшаго гласные долгія отъ короткихъ. Отсюда возникъ разнообразный складъ пѣсенной рѣчи, въ иѣкоторомъ отношеніи возможный только для языковъ, сохранившихъ количественность гласныхъ, это:—количественный метръ, состоящій въ искусственномъ подборѣ и расположении словъ текста, для достижения извѣстной послѣдовательности въ немъ долгихъ и короткихъ словъ, въ соотвѣтствіе разнообразному ритмическому (музыкальному) строю пѣсень. Хотя такимъ образомъ метръ есть какъ бы сколокъ ритма, но ни ритмъ, какъ принадлежность собственно музыкального творчества, не имѣть самъ по себѣ никакого отношенія къ языку¹⁾, ни греко-латинскій метръ, допускающій только двѣ условно принятны мѣры протяжности слововъ (—, —, краткость и долготу), и притомъ протяжности, неподвижно прикрѣпленной къ извѣстнымъ гласнымъ, не имѣть почти ничего общаго съ музыкой, въ которой композиторъ гораздо свободнѣе располагаетъ звуковою протяжностью (ритмомъ), хотя все-таки остается связъ различiemъ протяжности между долгими и короткими гласными. Въ народно-русскихъ пѣсняхъ оба творчества, музыкальное и поэтическое, дѣйствуютъ съ совершенной свободою, не стѣсняя себя взаимными ограниченіями; любой слогъ текста, при распѣваніи, можетъ быть протянутъ, сколько то требуется напѣвомъ, а въ произношеніи, отдѣльномъ отъ напѣва, каждый слогъ произносится снова какъ въ обыкновенной рѣчи. Складъ русско-народной поэтической рѣчи опредѣляется, наравнѣ со складомъ напѣвныхъ, внутренними логическими законами выраженія мысли и чувства, относительно логическихъ дѣлений на строфы, периоды и колѣна, почти совершенно такъ, какъ въ греко-латинской версификаціи; но съ вѣшней звуковой стороны древне-классическое и народно-

¹⁾ Музыка, какъ извѣстно, можетъ обходиться и безъ текста; пишутъ даже и пѣсни безъ словъ, *Lieder ohne Worte*.

русское стихосложение расходятся какъ въ цѣлахъ своихъ, такъ и въ средствахъ.

Тогда какъ въ первомъ искусственными метрическими приемами, черезъ уподобленіе ихъ впрочемъ лишь по наружности ритмическимъ, какъ будто имѣлось въ виду придать рѣчи, не безъ ущерба ся вразумительности, музыкальность, для насть теперь мало понятную,—главной заботой творца нашей народной пѣсни, какъ увидимъ на своеи мѣстѣ, было не дать напѣву заслонить собою текстъ, а напротивъ, усилить средствами напѣва впечатлѣніе рѣчи, содѣйствуя тому и различными своеобразными реторическими способами. Поэтическая рѣчь, какъ въ древне-греческомъ, такъ и въ народно-русскомъ языкахъ, возникла на одной и той же почвѣ—пѣсенной, но въ разные возрасты самыхъ языковъ: греческое стихосложение образовалось въ ту эпоху, когда въ языкахъ еще живо чувствовалось различіе долгихъ и высокихъ слоговъ; русское же—тогда, когда звуковая долгота слилась уже съ высотою. Поэтому, то и другое стихотвореніе являются совершенно своеобразными. У Грековъ творчество композитора сперва нѣсколько стѣсняемо было необходимостю сообразоваться съ просодіей языка, а поэтическая рѣчь, чрезъ уподобленіе, хотя отчасти только вицшине, строю наикѣвному, усвоила себѣ чрезвычайное разнообразіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, искусственность формъ въ рукахъ гениальныхъ художниковъ слова; русская же пѣсенная рѣчь, не надававшая на напѣвный ритмъ никакихъ просодическихъ узъ, и сама сохранила полную свободу движенія; но будучи исключительнымъ достояніемъ простонародья, она осталась какъ бы въ элементарномъ состояніи, не раскрывшись въ такомъ разнообразіи стихотворныхъ формъ, какое достижимо только въ поэзіи литературной.

С. Шафрановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

A. ШОПЕНГАУЭРЪ¹⁾.

V.

Вещь о себѣ и явленіи.—Позитивные науки занимаются только явленіями.—Критика атомизма.—Самопознаніе даетъ ключъ къ познанію вещи о себѣ.—Воля какъ міровая сущность.

Различеніе вещи о себѣ отъ явленія составляетъ главную заслугу Канта, говорить Шопенгауэръ. Кантъ указалъ на то, что всѣ законы мышленія, всѣ логическія истины, правда, необходимы а priori и несомнѣнны, но вслѣдствіе ихъ апріорности и формальности онъ не можетъ довести насъ до вещи о себѣ, до внутренней сущности являющагося, до того, чѣмъ оно такое виѣ нашего представленія²⁾.

Критика чистаго разума положила, по видимому, непреодолимую преграду между познающимъ субъектомъ и виѣшнимъ реальнымъ міромъ. Самъ Кантъ могъ удержать бытіе вещи о себѣ лишь вопреки своимъ основнымъ положеніямъ, примѣня къ ней категорію причинности³⁾. Въ сущности всякое познаніе есть представленіе; но мое представленіе именно потому, что оно мое, никогда не можетъ быть тождественно съ сущностью вещи о себѣ виѣ меня⁴⁾. Между тѣмъ задача метафизики въ томъ и состоитъ, чтобы проникнуть глубже феноменального міра, отъ явленія къ являющемуся, къ тому, чѣмъ оно такое виѣ его отношенія къ познающему субъекту.

¹⁾ Окончаніе. См. январскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

²⁾ Welt als Wille, I, 494, 497; Parerga, I, 91.

³⁾ Parerga, I, 95, 99; Welt als Wille, I, 516, 520, 528, 530 etc.

⁴⁾ Welt als Wille, II, 216, 217.

Шопенгауэръ, стоя, какъ мы видѣли, на точкѣ зреінія Кантовскаго идеализма, не отчаявается разрѣшить эту задачу; только напрасно было бы надѣяться въ этомъ отношеніи, говорить онъ,—на успѣхи положительныхъ наукъ: онъ занимается только явленіями и потому въ настоящемъ случаѣ не могутъказать намъ ни малѣйшей помощи; сами онъ опираются исключительно на положеніе достаточнаго основанія, которое въ сферѣ явленій вполнѣ достовѣрно, но въ этой сферѣ теряетъ значеніе. Вотъ почему положительныя науки, до какой степени совершенства они ни были бы доведены, могутъ посредствомъ обобщеній дать только полный перечень, реестръ измѣненій, изъ котораго видно будетъ, что при таихъ-то условіяхъ всегда происходятъ такія-то явленія; но пойти далѣе они не могутъ. Первые силы природы—тѣжѣсть, электричество, химическое средство, всегда должны оставаться для нихъ загадкою; правда, они познаютъ законы природы; но сама проявляющаяся сила, внутренняя сущность явленій, совершающихся по этимъ законамъ въ самыхъ простыхъ, какъ и въ самыхъ сложныхъ явленіяхъ, вѣчно останется для нихъ тайной, чѣмъ-то совершенно чуждымъ и немнѣстнымъ¹⁾.

Шопенгауэръ правъ, конечно, утверждая, что какъ подробно мы ни изслѣдовали бы міръ формъ и явленій, до какого совершенства ни была бы доведена морфология и этиология²⁾, мы никогда не доберемся до сущности, такъ какъ, хотя этиология лучше всего достигла своей цѣли въ механикѣ и менѣе всего въ физиологии, однако сила, вслѣдствіе которой камень падаетъ на землю, или одно тѣло сообщає толчекъ другому, въ сущности не менѣе намъ чужда, не менѣе таинственна, чѣмъ тѣ, которыхъ производятъ движеніе или ростъ животныхъ. При самой совершенной этиологии изслѣдователь-философъ, говоритъ Шопенгауэръ,—долженъ испытывать чувство въ родѣ того, которое ощущалъ бы кто-нибудь, попавъ, самъ не зная какъ, въ совершенно незнакомое ему общество, члены которого по очереди представляли бы ему однѣ другаго и знакомили бы его другъ съ другомъ, то какъ съ приятелями, то какъ съ родственниками, и пока онъ каждый разъ уѣхраль бы, что ради знакомству, у него постоянно вертѣлся бы на языкѣ вопросъ: какой чортъ занесъ меня въ это общество³⁾.

¹⁾ Welt als Wille, I, 16.

²⁾ Этиология—ученіе о феноменальныхъ причинахъ.

³⁾ Welt als Wille, I, 117.

Правда, во всѣ времена была и такая этиология, которая, не понимая своей цѣли, стремилась свести всю органическую жизнь къ химизму и электричеству, химию, то-есть, качество,—къ механизму (дѣйствію и формѣ атомовъ), и наконецъ этотъ послѣдній—къ предмету форономіи, то-есть, времени и пространству, соединяемымъ въ возможность движенія, частью же просто къ геометріи, то-есть, прямо къ положенію въ пространствѣ¹⁾). Но эту теорію, которая въ міро-зданіи видѣтъ ариѳметическую задачу, Шопенгауэръ даже почти не опровергаетъ, а ограничивается подтруниваниемъ надъ нею.

Чтобы убѣдиться въ томъ, что свѣтъ не есть механическое движение, говорить Шопенгауэръ,—стоитъ только взглянуть на дѣйствіе бури, когда она все гнетъ, опрокидываетъ и разноситъ, а лучъ свѣта, пробиваясь между тучами, незыблымъ стоитъ крѣпче скаль, неподвижно какъ привидѣніе, и непосредственно даетъ понять, что онъ принадлежитъ къ другому немеханическому порядку вещей²⁾). Только Французы, чужды Кантовской философіи, могли дойти до такихъ абсурдовъ, какъ механическое построеніе свѣта; они разсуждаютъ объ атомахъ, какъ будто когда-нибудь видѣли ихъ.

Нападая на атомизмъ, Шопенгауэръ призываетъ, однако, тотъ фактъ, что всѣ науки стремятся сводить по мѣрѣ возможности свои объясненія къ механикѣ; еслибы не его личныя антипатіи и предвзятое мнѣніе, отъ него не ускользнуло бы и то, что стремленіе это весьма естественно и законно. Конечно, сколько мы ни старались бы, какимъ сложнымъ вычисленіямъ ни прибѣгали бы, намъ съ помощью движения атомовъ не удастся объяснить ни одного самого простаго факта нашего сознанія; но если справедливо, что ощущеніе свѣта или звука совершенно несоязмѣримы съ вибраціями эфира или воздуха, какъ ихъ внѣшнею причиной, если необходимо еще иной факторъ, чтобы превратить всѣ эти явленія, или вѣрнѣ, движенія въ субъективныя сознательныя представленія,—то это еще нисколько не мѣшаетъ намъ признать, въ виду несомнѣнныхъ фактовъ, что свѣтъ, звукъ, теплота, электричество, хотя для насъ ихъ проявленія совершенно различны, но во внѣшнемъ мірѣ могутъ превращаться другъ въ друга, а отсюда весьма недалеко до предположенія, что они имѣютъ одно общее начало, и начало это всего естественіе искать въ движениі, тѣмъ болѣе, что такая гипотеза, вполнѣ соглас-

¹⁾ Welt als Wille, I, 146.

²⁾ II, 342.

ная съ требованиями разума, объясняетъ массу явленій и такимъ образомъ получаетъ эмпирическое подтвержденіе.

Всякое механическое объясненіе предполагаетъ движение, а слѣдовательно, и нечто движущееся, все равно—будемъ ли мы разумѣть подъ нимъ единицы силъ (динамизмъ) или единицы протяженія (атомизмъ). На разумное основаніе атомизма указываетъ самъ Шопенгауэръ въ слѣдующихъ словахъ: Защиту атомовъ можно основывать на пористости: всѣ тѣла имѣютъ поры, слѣдовательно, всѣ состоять изъ частей; еслибъ это продолжалось до безконечности, то отъ тѣла не осталось бы наконецъ ничего, кроме поръ. Опроверженіе этого доказательства, по мнѣнію Шопенгаузера, состоитъ въ томъ, что остальное, такъ какъ оно не имѣть поръ, должно быть признано абсолютно плотнымъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы оно состояло изъ абсолютно недѣлимыхъ частей, то-есть, атомовъ. Но Шопенгауэръ, по видимому, не вполнѣ оцѣнилъ силу приводимаго имъ аргумента. Изъ него слѣдуетъ, что при отрицаніи атомовъ дѣленіе тѣла можетъ продолжаться до безконечности и потому отъ него ничего (по крайней мѣрѣ матеріального) не останется, развѣ только математическая точки; но плотность какая бы то ни было, хотя бы даже абсолютная, предполагаетъ уже тѣло, и очевидно, нельзѣо было бы говорить о плотности математическихъ точекъ. Какъ превратно Шопенгауэръ толкуетъ понятіе атомовъ—видно изъ того, что онъ говоритъ о нихъ какъ объ абсолютно недѣлимыхъ тѣлахъ, то-есть, тѣлахъ съ такою значительной силою сцепленія ихъ протяженныхъ частей, что никакая сила не можетъ раздѣлить ихъ; но когда, разсуждаешь онъ далѣе,—такое тѣло можетъ быть принято какой угодно величины, оно можетъ быть большимъ или малымъ, и атомъ могъ бы быть величиною съ быка, еслибъ онъ могъ только удовлетворить этому требованію¹⁾). Со стороны Шопенгаузера подобный возраженія особенно странны; онъ, послѣдователь Канта, говоритъ здѣсь о протяженной величинѣ, какъ будто о чёмъ-то безотносительномъ. Но даже съ точки зрѣнія реализма это не возраженіе: конечно атомы могли бы быть величиною съ быка подъ тѣмъ условiemъ, чтобы признаніемъ ихъ объяснялись тѣ явленія, для толкованія которыхъ опи- допущены; еслибы существовалъ міръ, въ которомъ быки были бы во столько разъ больше нашихъ, во сколько нашъ быкъ больше на-

¹⁾ Welt als Wille, II, 343—346.

шего атома, то въ такомъ мірѣ атомы были бы, конечно, величиною съ нашего быка; все дѣло въ сохраненіи пропорціональности.

Главное затрудненіе для пониманія атомизма зависитъ, какъ мнѣ кажется, отъ того, что мы привыкли смотрѣть на бесконечную дѣлимость матеріи какъ на аксиому, между тѣмъ какъ положеніе это далеко не очевидно. Конечно, матерія была бы дѣлима до бесконечности, еслибы она была только протяженіемъ, такъ какъ дѣлимость пространства до бесконечности ясна a priori. Но дѣло въ томъ, что сущность матеріи не исчерпывается протяженностью, хотя послѣдняя и составляетъ ея необходимый атрибутъ; въ противномъ случаѣ не зачѣмъ было бы называть матерію протяженіемъ субстанціей (какъ это дѣлаетъ Декартъ),—тогда она была бы просто протяженіемъ или пространствомъ. Отсюда слѣдуетъ, что если существуютъ атомы, то—есть, недѣлимыя части матеріи, то свойство недѣлимости зависитъ не отъ ихъ протяженности (а, слѣдовательно, и величина не имѣетъ никакой связи съ этимъ понятіемъ). Атомы, какъ нѣчто материальное, должны быть единицами протяженными, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы они въ то же время не могли быть единицами или по крайней мѣрѣносителями единицъ силы. Вотъ почему приводимое Шопенгауэромъ какъ примѣръ нелѣпости объясненіе Ампера едва ли не болѣе вѣско, чѣмъ всѣ его собственные аргументы. Пространство, а не матерія, дѣлимо до бесконечности, замѣчаетъ Амперъ,—ибо какъ скоро дѣленіе дойдетъ до атомовъ, то дальнѣйшее дѣленіе должно падать между атомами. Въ самомъ дѣлѣ, дойдя до первыхъ мельчайшихъ составныхъ частей матеріи, какимъ образомъ можемъ мы продолжать ея дѣленіе? Мысленно—пожалуй; но вѣдь тогда уже дѣленіе это не будетъ реально, оно не будетъ дѣленіемъ самой матеріи, а только занимаемаго ею пространства.

Несомнѣнно впрочемъ, что атомизмъ не можетъ отвѣтить на вопросъ о сущности; еслибы удалось всѣ явленія природы свести къ законамъ механики, это было бы, конечно, громадный шагъ впередъ: уменьшилось бы число неизвѣстныхъ, и можетъ быть, удалось бы спасти ихъ къ одному; но какъ первоначальное расположеніе атомовъ, изъ котораго возникъ весь материальный міръ, само нуждается въ объясненіи, такъ и переходъ чисто механическихъ явленій въ психические факты нашего сознанія все-таки остался бы для насъ загадкою. Хотя атомизмъ и является вполнѣ разумною гипотезой для объясненія явленій вѣнчаной природы, нельзя не признать, что онъ

становится далеко неудовлетворительнымъ, какъ только пробуетъ объяснить сознаніе или выдать атомы за единственную вещь о себѣ.

Почти всѣ философи со временемъ Декарта ясно сознавали на обратъ, что исходную точку всякой метафизической системы можно найти лишь въ самомъ познающемъ субъектѣ; вотъ почему главныи изслѣдованія Локка, Лейбница, Юма, Беркли и Канта направлены на человѣческій разумъ.

Мы не можемъ выйти изъ себя, чтобы непосредственно схватить сущность другихъ предметовъ, говорить Шопенгауэръ;—они являются намъ только какъ наши представлениа, а съ другой стороны, мы—не только познающіе субъекты, но и сами принадлежимъ къ существамъ, которыхъ надо познать; мы сама вещь о себѣ, и потому къ истинному внутреннему существу вещей, до которыхъ мы не можемъ проникнуть извнѣ, намъ остается внутренний путь, какъ будто подземное тайное сообщеніе, какъ бы измѣною сразу приводящее насъ въ крѣпость, которую нельзя было взять приступомъ извнѣ. Съ точки зреенія положительныхъ наукъ наиболѣе доступны и понятны намъ явленія чисто механическія: по мѣрѣ того какъ мы удаляемся отъ нихъ, чтобы заняться явленіями органической природы, отпоеяніе слѣдствія къ причинѣ становится все неопределеннѣе и темнѣе, и мы совершенно потеряли бы руководящую нить, еслибы не получили вдругъ совершенно неожиданной помощи. Какъ въ гротѣ Павзиліпа, гдѣ чѣмъ дальше идешь, тѣмъ больше углубляешься въ мракъ, пока не перейдешь наконецъ середины и дневной свѣтъ не начнетъ освѣщать другаго конца пути, такъ и здѣсь. Когда направленный варужу свѣтъ разсудка съ его формами причинности все болѣе и болѣе застилается мракомъ, и наконецъ, бросаетъ только слабый и невѣрный отблескъ, тогда именно является освѣщеніе совсѣмъ иного рода съ совершенно другой стороны, познаніи, изъ насъ самихъ, благодаря тому случаюму обстоятельству, что мы, разсуждающіе, являемся здѣсь какъ разъ тѣми предметами, о которыхъ приходится разсуждать. Мы никогда не дошли бы отъ міра какъ представлениа до его сущности. еслибы были только познающими субъектами, крылатыми безтѣлѣсными ангелами; но мы въ то же время сами находимся въ мірѣ какъ индивидуумы, наше познаніе міра какъ представлениа обусловливается тѣломъ, впечатлѣніями, которыи и служатъ разсудку исходной точкою для познанія этого міра. Собственное тѣло для познающаго субъекта, какъ такового, есть представление наравнѣ съ другими, предметъ между предметами. Движенія и дѣйствія этого тѣла извѣстны ему

тѣмъ же путемъ, какъ и измѣненія въ другихъ видимыхъ предметахъ; они были бы ему также чужды и непонятны, еслибы разгадки ихъ значенія онъ не могъ получить совершенно иначе. Тогда человѣкъ понималъ бы вліяніе мотивовъ не лучше, чѣмъ связь другихъ явлюющихся ему причинъ и слѣдствій; онъ называлъ бы тогда внутреннюю, непонятную для него сущность проявленій и дѣйствій своего тѣла силой, качествомъ или характеромъ, какъ угодно, но не понялъ бы глубже ея значенія. Но все это не такъ, и являющемуся, какъ индивидуумъ, субъекту дано слово загадки, и слово это—воля. Это и это одно даетъ ему ключъ къ его собственному проявленію, открываетъ сму значение и показываетъ внутреннее устройство его существа, его дѣйствій и движений.

Я не стану входить здѣсь въ разборъ того, на сколько ново и оригинально такое рѣшеніе; не стану рассматривать отношеній этой части философіи Шопенгауэра къ системамъ Фихте и Шеллинга; я укажу только на сходство теоріи Шопенгауэра въ этомъ отношеніи со взглядами Мэнъ-де-Бирана. „Фактъ непосредственного чувства“, говорить Мэнъ-де-Биранъ,— „непремѣнно служить основаніемъ началу причинности; всякое абстрактное понятіе причины или даже самая категорія причинности можетъ происходить и имѣть свое естественное основаніе лишь въ сознаніи нашей собственной силы или усилия, находящагося въ настѣ самихъ. Напрасны попытки объяснить этотъ основной фактъ именно потому, что онъ основной. Идея силы первоначально можетъ быть взята лишь изъ сознанія субъекта, дѣлящаго усилие, и даже тогда, когда изъ нея совершенно устраненъ фактъ сознанія,—перенесенная во внѣшній міръ и совершенно лишенная этого естественного основанія, она все еще сохраняетъ отпечатокъ своего происхожденія; мы не можемъ понять никакой силы, импульса, толчка или влєтенія, не приписывая имъ, не предполагая въ нихъ въ какой-то мѣрѣ эту индивидуальную силу, составляющую наше я. Вся тайна апріорныхъ понятій исчезаетъ передъ свѣтильникомъ внутренняго опыта, который показываетъ намъ, что идея причины имѣть свой первоначальный и единственный типъ въ чувствѣ я. Я говорю также (какъ Фихте и Шеллингъ), что усилие, котораго я хочу, не посредственно сознанное, и составляетъ индивидуальность я, первичный фактъ внутренняго чувства“.

Но Шопенгауэръ, не смотря на то, что Мэнъ-де-Биранъ говорить здѣсь только другими словами то же, что и самъ онъ, относится къ нему съсъска и упрекаетъ его въ смыщленіи совершенно разнород-

ныхъ понятій (*le moi, la cause et la force*). Шопенгауэръ, самъ постоянно смѣшивающій эти понятія, менѣе чѣмъ кто-либо въ правѣ дѣлать такие упреки; онъ говоритъ, напримѣръ, что только происхождение явлений въ данномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время производится причиной и постольку отъ нея зависитъ, но не самое явленіе, не его внутренняя сущность, которая есть воля; такимъ образомъ причиной извѣстнаго явленія оказывается другое, которое въ сущности само есть то же только явленіе, настоящая же причина (*causa efficiens*) заключается въ томъ, что Шопенгауэръ называетъ волей. „До сихъ поръ“, говоритъ онъ, — „понятіе воли подводили подъ понятіе силы; и же наоборотъ находимъ, что каждую силу природы слѣдуетъ разсматривать какъ волю“. Выходитъ, что и у Шопенгауэра понятіе о силѣ, причинѣ и волѣ совпадаютъ, по крайней мѣрѣ, въ вѣкоторыхъ случаяхъ; правда, что порядокъ у него будетъ обратный: обыкновенно самымъ общимъ является причина, затѣмъ сила, и наконецъ, уже воля, какъ сила сознательная, стремящаяся къ опредѣленной цѣли; у Шопенгауэра же наоборотъ. Но далѣе хотя Мэнъ-де-Биранъ и признаетъ, что мускульное сопротивленіе всегда уступаетъ моему произвольному усилию, что воля сосредоточивается въ тѣхъ же границахъ, какъ и наша власть надъ нашимъ тѣломъ, и тамъ, где кончается эта власть, начинается желаніе, а не воля, и наконецъ даже, что самое я не можетъ существовать для себя, не имѣя внутренней перцепціи совмѣстнаго существованія тѣла; не смотря на все это, онъ однако, оставаясь спиритуалистомъ, не рѣшается утверждать, какъ это дѣлаетъ Шопенгауэръ, что тѣло есть только видимость воли. Каждое наше хотѣніе, говоритъ Шопенгауэръ, — сейчасъ же становится дѣйствиемъ, движениемъ, дѣйствіе есть только проявленіе того, что внутри себя мы познаемъ какъ волю; хотѣніе, которое сейчасъ же не выражается дѣйствиемъ, не есть настоящее хотѣніе, а только размышленіе о томъ, чего мы будемъ хотѣть въ此刻ъ дѣйствіи. Такимъ образомъ, каждое движение тѣла есть вмѣстѣ съ тѣмъ и актъ воли, и это относится не только къ сознательнымъ, но и ко всѣмъ дѣйствиямъ вообще; хотя въ отдѣльности ростъ, пищевареніе и вся физическая отправленія совершаются по строго опредѣленнымъ и необходимымъ законамъ, однако въ концѣ концовъ все они, а такимъ образомъ и самое тѣло, какъ ихъ продуктъ, составляютъ только проявленіе, объективацію воли. Если каждое дѣйствіе моего тѣла есть проявленіе акта моей воли, въ которомъ при извѣстныхъ мотивахъ всецѣло выражается эта воля, и слѣдовательно, мой характеръ, то явле-

ніе воли должно быть также необходимымъ условіемъ и предположеніемъ всякаго дѣйствія: явленіе это не можетъ зависѣть отъ чего-нибудь такого, что не существовало бы непосредственно и единственно черезъ нея, такъ какъ тогда оно было бы для нея случайнымъ, а потому и самое ея явленіе стало бы случайнымъ; это условіе и есть все тѣло, но оно само должно быть явленіемъ воли и должно относиться къ моей воли въ цѣломъ и къ моему умопостигаемому (*intellegibilis*) характеру, проявленіе котораго во времени составляетъ мой эмпирический характеръ, также какъ отдѣльныя дѣйствія тѣла къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ воли; следовательно, все тѣло должно быть ничѣмъ инымъ, какъ моюю волей, которая сдѣлалась видимою. Познаніе, которое я имѣю о моей волѣ, хотя и не посредственно, не можетъ быть отдѣлено однако отъ познанія моего тѣла. Впрочемъ тождественность воли и тѣла можетъ быть только указана, то-есть, изъ непосредственного сознанія, изъ познанія *in concepto*, она можетъ быть подната до познанія разума, можетъ быть перенесена въ познаніе *in abstracto*; но уже по существу своему она никогда не можетъ быть доказана, то-есть, не можетъ быть выведена какъ познаніе посредственное изъ другаго болѣе непосредственнаго; это потому, что само оно есть самое непосредственное, и если мы не понимаемъ и не утверждаемъ его, какъ таковое, то мы напрасно будемъ надѣяться получить его какъ-нибудь иначе, какъ познаніе непосредственное, откуда-нибудь вытекающее. Что части нашего организма, движущіяся не произвольно, не по сознанному мотиву, все-таки одушевлены волей и подвластны ей, это доказывается, по мнѣнію Шопенгауера, симпатіей (*Mitleidenschaft*) при всѣхъ необычайно сильныхъ аффектахъ и страстиахъ, и тѣмъ, что непроизвольно движимые мускулы большей частью тѣ же самые, источникъ движенія которыхъ, при другихъ обстоятельствахъ, въ произвольныхъ дѣйствіяхъ, есть мозгъ, гдѣ ихъ *primitivem mobile* близко знакомъ намъ, какъ воля черезъ самосознаніе.

Трудно поверить однако, что тѣло есть только видимость воли, когда вспомнишь, что достаточно ничтожныхъ механическихъ причинъ, чтобы произвести параличъ или конвульсію, такъ что движеніе или совсѣмъ не происходитъ, или же оно происходитъ даже вопреки нашей волѣ. Шопенгауэръ увѣряетъ впрочемъ, что когда движущій нервъ въ рукѣ моей перерѣзанъ, воля моя не можетъ уже двигать ее, не потому чтобы рука моя перестала быть, какъ и всякая часть моего организма, исключительно предметностью, видимостью воли, или иными словами, чтобы исчезла возбуждаемость (*Irritabilitat*). но потому

что дѣйствіе мотива, безъ котораго я не могу двигать моей руки, не можетъ до нея достигнуть, вліять на ея мускулы какъ возбужденіе (als Reiz), а это потому, что соединеніе съ нею мозга прервано. Слѣдовательно, строго говоря, моя воля въ этой части только изъята отъ дѣйствія мотивовъ. Воля объективируется непосредственно въ возбуждаемости, а не въ чувствительности.

Не знаю, на сколько убѣдительно покажется другимъ такое объясненіе. Но едва ли оно можетъ хотя сколько-нибудь ослабить силу того несомнѣнного факта, что для осуществленія моего акта воли во внѣшнемъ мірѣ, для приведенія въ исполненіе самого простаго намѣренія, нужна масса механическихъ и органическихъ условій, и несуществование одного изъ нихъ дѣлаетъ напраснымъ всѣ усилия самой энергичной воли. Гдѣ же тогда мнимое единство организма, моего я и моей воли? „Какъ мало благопріятствуетъ беспристрастное изслѣдованіе мечтѣ о такомъ единствѣ“ говоритъ Лоце!—Строй моего тѣла постепенно составляется изъ разбросанныхъ частей внѣшаго міра, и безпрерывно меняясь, возвращаетъ ему эти части. Чѣмъ же такое то, съ чѣмъ душа могла бы быть единою? Если она то сливается съ прибывающими замѣнителями тѣла, то отдѣляется отъ распадающихся остатковъ, тогда гдѣ же можетъ сохраниться это единство какъ не въ развивающихся и снова погасающихъ взаимодѣйствіяхъ, смотря по тому, допускаетъ ли теченіе природы новые элементы присоединиться къ остальнымъ, или же вытѣсняетъ ихъ. Это движение частей похоже на суетлю путешествующихъ людей; мы не знаемъ ни откуда они являются, ни куда идутъ; чуждые встречаются они между собою, и на короткое время между ними устанавливаются сношенія, соответствующія въ общихъ чертахъ общей цѣли путешествія. Каждый собирается въ себѣ впечатлѣнія (Anregungen), которые сообщаютъ ему знаніе другаго, такъ что мы можемъ, правда, на каждый атомъ смотрѣть какъ на мѣсто возможной духовной дѣятельности (geistige Regsamkeit), но мы ничего не знаемъ ни о ихъ прошломъ, ни о томъ развитіи, которое, можетъ быть, принесетъ имъ будущее. Каждый элементъ, вовлеченный на короткій промежутокъ времени въ правильный круговоротъ нашего живаго тѣла, можетъ обогатить свое собственное внутреннее состояніе новыми опытами и можетъ служить къ нашему развитію посредствомъ дальнѣйшей передачи впечатлѣній, которые сообщаютъ ему виѣшній міръ; но какъ бы то ни было, его внутренняя жизнь никогда не можетъ быть нашаю и когда исчезаетъ состояніе существъ, на которыхъ основано наше живое тѣло, тогда мы все-

вмѣстѣ пережили, правда, нѣчто общее, но лишь какъ первоначально различныя существа, снова раздѣляющіяся послѣ переходящаго соприкосновенія".

Единство воли и организма, какъ одного и того же существа, только познаваемаго различно, составляетъ однако неотъемлемую часть ученія Шопенгауэра, безъ которой не можетъ удержаться вся его система, основанная въ сущности только на аналогіи между явленіями вѣнчайшей природы и нашими произвольными движеніями. „Когда", говоритъ онъ, — мы „смотримъ испытующимъ взоромъ на могучее, неудержимое стремленіе водъ въ глубину, на упорность, съ которой магнитъ обращается къ сѣверу, на жадность, съ которой желѣзо стремится къ нему, на силу, съ которой полюсы электричества стараются снова соединиться, и которая, подобно человѣческимъ желаніямъ, возрастаетъ отъ сопротивленія; когда мы видимъ внезапно и быстро формирующейся кристаллъ съ такою правильностью образованія, что она, очевидно, есть ничто иное, какъ ясно и точно опредѣленное стремленіе въ разныхъ направленіяхъ, скваченное и удержанное огненностью; когда мы замѣчаемъ тотъ выборъ, съ какимъ тѣла, перешедшія въ жидкое состояніе и освободившіяся отъ узъ твердости, отыскиваютъ или избѣгаютъ другъ друга, соединяются или раздѣляются; когда, наконецъ, мы непосредственно ощущаемъ тяжесть, стремленіе которой къ землѣ гнететъ наше тѣло, постоянно давить и жметь его, стараясь удовлетворить своему единственному влечению,—намъ не надо будеть дѣлать большихъ усилий, чтобы и на такомъ разстояніи узнать нашу собственную сущность. То самое, что въ насъ при свѣтѣ познанія преслѣдуется свои цѣли, то здѣсь стремится слѣпо, нѣжно, односторонне и неизмѣнно, но не смотря на то, вездѣ остается однимъ и тѣмъ же, также какъ блѣдная утрата заря на разнѣ съ сіяніемъ полудня называется солнечнымъ свѣтомъ".

Прежде думали, что тамъ, гдѣ есть воля, чѣть уже причинности, а гдѣ есть причинность — нѣть воли; въ противоположность этому ученію, какъ оно ни старо и ни обще, Шопенгауэръ утверждаетъ, что нѣть двухъ существенно различныхъ источниковъ движенія; оно происходитъ или изнутри, когда его приписываютъ волѣ, или извнѣ, когда оно вытекаетъ изъ вѣнчайшихъ причинъ; но и то, и другое неразрывно и встрѣчается разомъ при движеніи каждого тѣла. Вездѣ, гдѣ есть причинность, есть воля, и никогда воля не дѣйствуетъ безъ причинности.

Съ точки зренія піеализма весьма естественно стремленіе свести

4*

понятіе силы къ понятію воли. Сила, какъ причина движенія, можетъ имѣть смыслъ лишь для того, кто признаетъ возможность движенія реального, а слѣдовательно, и реальность пространства: если вещь о себѣ не можетъ быть представленіемъ, для идеалиста она должна быть волею, потому что вѣдь представлениа и воля для него ничего не существуетъ.

Абсолютное, говорить Шеллингъ,—есть хотѣніе не только себя самого, но хотѣніе безконечное, слѣдовательно, всѣхъ формъ, всѣхъ степеней и потенцій реальности. Отпечатокъ этого вѣчного и безконечного самохотѣнья есть міръ.

Разумѣется, безконечная воля Шеллинга или воля къ жизни Шопенгауэра совсѣмъ не то, что мы привыкли называть этимъ именемъ; Шопенгауэръ и самъ считаетъ нужнымъ предупредить, что то, что проявляется всюду, что составляетъ міровую сущность, далеко не та воля, которую мы находимъ въ насъ самихъ, и которая дѣйствуетъ по заранѣе сознаннымъ мотивамъ,—и просить не приписывать ему нелѣпаго заключенія, что камень движется по сознанному мотиву, на томъ основаніи, что такимъ образомъ воля проявляется въ человѣкѣ. Но тогда имѣемъ ли право сохранять название воли, и не все ли равно, какое имя ни дали бы мы такой міровой сущности?

Это было бы такъ, отвѣтаетъ Шопенгауэръ,—еслибы вещь о себѣ была чѣмъ-нибудь такимъ, о существованіи чего мы только заключали бы, и такимъ образомъ, познавали бы лишь посредственно *in abstracto*; тогда, конечно, можно было бы назвать ее какъ угодно: имя стоило бы только какъ знакъ неизвѣстной величины; но теперь воля, какъ волшебное слово, должна открыть намъ самое внутреннее существо всѣхъ вещей природы, и она отнюдь—не неизвѣстная величина, не что-либо полученное посредствомъ заключеній, но нѣчто непосредственно извѣстное и до того знакомое, что мы лучше знаемъ и понимаемъ чтд такое воля, чѣмъ что бы то ни было иное.

Положенія этого, впрочемъ, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, Шопенгауэръ нигдѣ не доказываетъ. Оно ограничивается вопросомъ: какой же другой родъ бытія или дѣйствительности должны мы приписать остальному тѣлесному міру? Откуда взять элементы, чтобы составить его? Кроме воли и представлениа, намъ ничего неизвѣстно и немыслимо; если материальному міру, являющемуся намъ непосредственно только въ нашемъ представлениі, мы захотимъ придать наибольшую извѣстную намъ дѣйствительность, мы должны приписать ему ту реальность, которую для каждого изъ пасъ имѣть его соб-

ственное тѣло,—оно для него самое реальное. Но разбирая реальность этого тѣла и его дѣйствій, за исключеніемъ того, что оно есть наше представленіе,—мы не найдемъ въ немъ ничего, кроме воли. Этимъ исчерпывается его дѣйствительность, и потому мы никогда не можемъ найти иной, чтобы прописать ее материальному миру. И такъ, если миръ этотъ долженъ быть чѣмъ-либо въ нашемъ представлѣніи, мы должны сказать, что онъ въ немъ его, то-есть, въ своей глубочайшей сущности есть то, что въ насъ самихъ мы познаемъ какъ волю. Если обратить этотъ аргументъ Шопенгауера въ силлогизмъ, выйдетъ:

Миръ долженъ имѣть сущность независимую отъ нашего представлѣнія.

Но, кроме представлѣнія и воли, намъ не только ничего неизвѣстно, но и немыслимо.

Слѣдовательно, миръ, по скольку онъ не есть представленіе, есть воля.

Но, впервыхъ, болѣе рѣшительные идеалисты и скептики въ правѣ не согласиться съ большою посылкой, пока она является только не-доказаннымъ постулатомъ, тѣмъ болѣе, что въ первой книгѣ *Welt als Welle* Шопенгауэръ самъ постоянно утверждаетъ, что весь миръ объективъ есть только представленіе; повторныхъ, заключеніе въ посылкахъ не содержится: изъ того, что мы ничего не знаемъ о другой сущности, кроме воли, или даже, что такая сущность для насъ немыслима (то-есть, что мы не можемъ себѣ представить ее),—никакъ не слѣдуетъ еще, чтобы ея не было; это есть заключеніе отъ логического къ метафизическому, примѣненіе положеній достаточного основанія къ трансцендентному вопросу,—то самое, что Шопенгауэръ строго порицаетъ въ другихъ системахъ. При первой же попыткѣ основать метафизическую часть своего ученія онъ сталкивается съ основными начальами своей теоріи познаванія, которая въ сущности исключаютъ всякую возможность метафизики. Положеніе, что миръ есть мое представлѣніе, дѣлаетъ невозможнымъ и эпирическое доказательство какихъ бы то ни было метафизическихъ истинъ: такое доказательство будетъ находиться тоже въ прямой зависимости отъ положеній достаточного основанія, управляющаго всѣми представлѣніями.

Шопенгауэръ остается только попытаться сдѣлать свою теорію сколько-нибудь правдоподобною посредствомъ сравненій и аналогій. Но и тутъ является вопросъ, въ правѣ ли онъ идти этимъ путемъ? Мы познаемъ свое тѣло, себя самого какъ волю,—говорить Шопенгауэръ. Положимъ такъ; но всѣ остальные тѣла являются намъ

какъ имѣющіе бытіе исключительно въ нашемъ представлениі. Какое право имѣемъ мы прилагать результатъ, полученный относительно насъ самихъ совершенно инымъ образомъ, посредствомъ самосознанія ко всѣмъ остальнымъ предметамъ безразлично? Право это тѣмъ болѣе сомнително, что при такомъ перенесеніи этихъ результатовъ на внѣшній міръ, мы даже, по мнѣнію Шопенгауэра, должны въ нихъ отбросить самосознаніе, то-есть, именно то, чтѣ дѣлало ихъ достовѣрными.

Все, что мы познаемъ, по скольку оно нами познано, есть уже наше представленіе, а потому, строго говоря, и въ насъ самихъ мы можемъ познавать не волю, а только представленіе о ней. Воля, проявляющаяся въ матеріальномъ мірѣ, отличается отъ человѣческой именно тѣмъ, что въ ней вѣтъ сознательного стремленія къ цѣли, то-есть, того самаго, что намъ извѣстно о волѣ по внутреннему опыту, такъ что, если откинуть эту сторону ея, у насъ остается только неизвѣстное X, безъ всякихъ данныхъ для его опредѣленія.

Не касаясь вопроса о томъ, на сколько полезенъ можетъ быть принципъ воли въ другихъ идеалистическихъ системахъ при решеніи вопроса о реальности внѣшнаго міра, можно смѣло сказать, что онъ останется совершенно бесплоднымъ въ тѣхъ изъ нихъ, которымъ захотятъ удержать результаты „Критики чистаго разума“.

Князь Д. Іертельевъ.

О КРИТИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНИИ АРХАНГЕЛЬСКАГО ЕВАНГЕЛИЯ,

ХРАНЯЩАГОСЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ РУМИНЦЕВСКОМЪ МУЗЕѦ.

Такъ названное по мѣсту его первоначального нахожденія, Архангельское Евангелие, сдѣлавшееся въ истекшемъ году собственностью Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, обратило на себя живое вниманіе славистовъ, и преимущественно предъ многими другими памятниками отечественной письменности, вызвало рядъ значительныхъ по своему достоинству монографій, съ достаточной полнотою опредѣлившихъ его объемъ и составъ. Первое обстоятельное извѣщеніе о новомъ пріобрѣтеніи музея вышло изъ среды его личнаго состава. Побуждаемый проевѣщеннымъ участіемъ къ успѣхамъ отечественной филологіи, авторъ первого извѣщенія¹⁾ соединилъ въ немъ и всѣ тѣ условія, которыя могутъ официальному предварительному извѣщенію придать характеръ научнаго этюда. Вслѣдъ за тѣмъ, на разстояніи немногихъ недѣль, появились двѣ монографіи по объему болѣе обширныя. Одна изъ нихъ принадлежитъ академику А. Ф. Бычкову и появилась въ Запискахъ Академіи Наукъ за истекшій годъ подъ заглавіемъ: „О вновь найденномъ пергаменномъ спискѣ Евангелия“ (стр. 1—16), а другая принадлежитъ о. архимандриту Амфилохію и была издана въ Москвѣ подъ заглавіемъ: „Описаніе Евангелия 1092 года“ (Москва. Въ синодальной типографіи. 1877). Объемъ, составъ, время написанія и палеографическія особенности пергаменного апракоса 1092 г. въ

¹⁾ Мы разумѣемъ здѣсь № 38 музыкального бюллетена, помѣщеннаго въ газетѣ Голосъ (№ 26, 1877 г.) подъ заглавіемъ: «Замѣтательное пріобрѣтеніе Московскаго публичнаго въ Румянцевскаго музеевъ».

общихъ ихъ очертаніяхъ вполнѣ описаны и опредѣлены названными монографіями, сообщившими къ тому же весьма значительные по объему и интересные по выбору отрывки изъ него. Кромѣ того, специалистъ-палеографъ имѣть достаточный материалъ для своихъ изслѣдований и заключеній въ десети таблицахъ снимковъ, приложенныхъ къ монографіи о. Амфилохія.

За всѣмъ тѣмъ, что опредѣлено и описано академикомъ Вычко-вымъ и о. Амфилохіемъ, остается открытый вопросъ объ отношеніи вновь найденного апракоса къ древнѣйшимъ спискамъ Евангелія, какъ старо-славянскимъ, такъ и древне-русскимъ, и о мѣстѣ, которое занимаетъ онъ въ средѣ изданныхъ и не изданныхъ старославянскихъ списковъ Евангелія, не преступающихъ предѣла XI столѣтія. Имѣя въ виду оправдать выводы, добытые учеными, коихъ именами справедливо гордится славянская филология, предлагаемъ здѣсь сравнительныхъ и критическихъ наблюденій надъ текстомъ Архангельского списка, сличеннымъ съ другими значительнейшими кодексами древнеславянского преложенія Св. Евангелія.

I.

Пребываніе древне-славянского преложенія на Руси запечатлѣно въ Архангельскомъ апракосѣ полнымъ равнодушіемъ, съ какимъ на большинствѣ его страницъ употребляются знаки обоихъ юсовъ, какъ единицы чисто графическія, въ явѣстныхъ случаяхъ замѣняющія ихъ русскіе эквиваленты. Такъ юсъ большой появляется постоянно въ концѣ строки, тамъ, слѣдовательно, гдѣ его начертаніе должно было казаться писцу болѣе удобнымъ, чѣмъ двузначное *ou*. Если иногда такое стеноографическое употребленіе юса большого и соотвѣтствуетъ этимологіи, то такое чисто случайное соотвѣтствіе объясняется столь же случайнымъ совпаденіемъ требованія стеноографіи съ правиломъ этимологіи. Гораздо болѣе находимъ такихъ случаевъ, въ которыхъ употребленіе юса рѣзко противорѣчитъ ея правиламъ; такъ на стр. 1 первое слово ея первой строки допускаеть начертанія иосифа (Остр и Ассем, иосифоу), *той* (*éхæi*, Остр. и Ассем. *tou*) и т. д. Такое невниманіе къ этимологической знаменательности большаго юса, который въ подлиннике нашего списка, очевидно, занималъ всѣ назначения, по нормальной этимологіи ему принадлежащія, сопровождается изъ строки въ строку всѣ движенія пера первого почерка (листы 1—76) до листа 73. Съ послѣдніхъ двухъ строкъ его оборота утом-

ление писца даетъ себѣ замѣтить на томъ, что юсъ большой, съ него начиная и до оборота 76-го листа (послѣдняго въ первой рукѣ), гипотрѣбляется въ согласіи съ юсовымъ подлинникомъ весьма часто и въ срединѣ строки: бѣдете, лѣнѣ, бѣдѣть, тѣча, возмѣщениа, вьселеню, двигающіе, мимоидѣть и т. д. Всѣ эти примѣры, а равно и слѣдующіе за ними до оборота 76 листа, слѣдовательно, до конца первого почерка, приходятся на средину строки и потому могутъ служить яснымъ доказательствомъ южно-славянскаго подлинника, какой имѣть предъ глазами писецъ первой руки Архангельского списка¹⁾). Въ такой же степени зависимы отъ русскаго правописанія и его уже отвердѣвшихъ привычекъ является и другой знакъ ринезма й. Юсъ большой сталь, какъ мы видѣли, чисто вѣшнинъ замѣнителемъ элемента ou, не нашедшимъ себѣ никакого соотвѣтствія въ звуковомъ составѣ русскаго языка. Не имѣя никакихъ постоянныхъ функций, онъ легко упразднялся. Грамотнымъ людямъ древней Руси, очевидно, не было совсѣмъ никакихъ правилъ его употребленія, вслѣдствіе чего въ исходѣ XI столѣтія онъ постепенно исчезаетъ изъ правописанія, появляясь лишь изрѣдка въ вышеуказанныхъ случаяхъ его украшеніемъ или средствомъ избѣгнуть невольнаго (въ концѣ строки) измѣненія двузначнаго ou въ ȝ. Остромирово евангелие, столь счастливо сохранившее традицію древне-славянскаго ринезма, несмотря на разстояніе лишь немногихъ десятилѣтій, отдѣляющихъ его отъ Архангельского списка, даетъ наукѣ въ большинствѣ явленій чистый и обильнѣйший матеріалъ для извлеченія правилъ древне-славянскаго ринезма; и въ немъ ж никогда не является, вслѣдствіе того, графическими замѣнителемъ двузначнаго ou, суживающагося на пергаменѣ Остромирова Евангелия, въ случаѣ необходимости (то-есть, въ ковцѣ строки), не только въ ȝ, но и въ ȝ. Знакъ ринезма второй степени, или юсъ малый (ȝ), въ Болгаріи находясь подъ прямымъ вліяніемъ глаголицы, менѣе склонной къ графическому обозначенію ѡотаціи гласныхъ, получилъ значеніе ѡотированного юса малаго (ȝ), въ чистой своей функции будучи замѣненъ другимъ элементомъ вовализма. Хотя и не одновременные, Су-праслльская рукопись и Саввина книга служатъ въ этомъ отношеніи лучшими представителями такого правописанія. Но въ нихъ, согласно

¹⁾ Хотя и рѣже чѣмъ ȝ, появляется, однако, по нашему замѣчанію, дважды въ томъ же стеноографическомъ примѣненіи и ȝ: ыу ȝ и ȝ. 22 лист. ьсу (галилю) и ȝ. 27 лист.

задунайскому происхождению ихъ обѣихъ и въ соотвѣтствіе лучшей эпохѣ древне-славянской традиціи, отразившейся въ первой изъ нихъ, сблюдается во всей строгости различіе между *и* (=и) и простымъ *и*; русское же правописаніе къ концу XI вѣка пришло къ полному забвенію лучшіхъ правилъ старо-славянского грамматическаго преданія. Остромирово Евангеліе является совершенно уединеннымъ, исключительнымъ сосудомъ этого преданія. Независимо отъ него, связь съ паннонскою родиной церковнаго языка пресѣкалась во все теченіе XI вѣка непрерывнымъ токомъ рукописей болгарскаго извода, изъ коихъ позднѣйшою представляется намъ Савина книга. Подъ влияніемъ этихъ видоизмѣненныхъ образцовъ болгарскаго правописанія слагались ореографическіе обычая русскаго письма, безъ всякихъ уже обратныхъ спровокъ съ русскими же списками лучшей эпохи и болѣе счастливой руки, каковъ напримѣръ, списокъ Остромировъ руки діакона Григорія. Изъ болгарскихъ подлинниковъ половины XI вѣка могло возникнуть ставшее нормальнымъ во всѣ эпохи русской письменности и преданіе печати употребленіе *и* вместо *и*. Въ Архангельскомъ Евангеліи эта черта изъ подъ всего разнообразія его явленій пробивается съ особенномъ силой и послѣдовательностью: оставляя элементу *и* его място послѣ гласныхъ, знакъ *и* выражаетъ въ немъ тотъ же звукъ послѣ согласныхъ, приводя собою къ одному знаменателю самыхъ разнообразныхъ явленій этимологіи: съдѣаше, самаржини, одѣл¹), вѣсмѣ, моужж (листъ 1), кланѣтисл, хожжше (л. 4 об.), искоушж, хотлхоу (л. 5 лиц.), родителъ (им. дв. ч.), сицж (значенія) л. 9 лиц., отвѣщж (л. 9 об.), римлнне (л. 10 об.), живжше (л. 11 лиц.), чмѣши (л. 50 лиц.)², издалечж (л. 64 лиц.), ицѣлж (л. 34 лиц.), съмѣржасж (л. 68 лиц.), искоушж (л. 65 лиц.), слышжвъ, съконъчжль (л. 65 об.), приходжаще (л. 69 лиц.), соупърж моего (л. 69 лиц.), съмѣше (л. 69 об.), одеждажъ (л. 70 лиц.), чмѣсть³ (л. 72 лиц.) и т. д. За элементомъ *и* остается самое решительное большинство случаевъ употребленія этого звука послѣ гласныхъ: илаковъ, питаи, сета (л. 1), въздана (л. 64), твога

¹) Встрѣчается и отъцѣ во второмъ почеркѣ рукописи.

²) Но попадается и чающа (л. 50 лиц.), чающемъ (л. 61 лиц.).

³) Встрѣчается и часть во второмъ почеркѣ рукописи. Изъ любой рукописи XII вѣка можно привести многочисленныя аналогіи. Такъ въ Успенской Минеѣ XII в.: землишж (л. 147 с.), карнифѣссж (л. 155 в.), имѣнив (ib.), замѣнивш (л. 178—179) срѣдшж (л. 179—180), оурицишж (л. 227 в.), дылка (л. 156 в.), личнѣнк (л. 164 в.) и т. д.

(ib.), принять и радоулася (л. 68 об.), ба не боася ни чѣвѣтъ срамлѧсѧ (л. 69 лиц.), кіа (весьма часто), съмѣрѧисѧ (л. 69 об.), имѣя (л. 70 об., 71 лиц.), тога (л. 72 лиц.), твою (л. 73 лиц.), всемъ моимъ твоимъ соуть (л. 73 об.), нечаяниа (л. 73 об.), съдѣщага (л. 74 лиц.). Свояка (л. 74 об.), съ грѣшениа (л. 76 об.), неприязни (л. 76 лиц.), съѣлии (л. 77 лиц.), проповѣдата, припадати (л. 78 об.), стояще, помышляюще (л. 79 лиц.) и т. д. Случай, подобные ита, сіа, имїа, вѣваша, пласавыши, иакъки сравнительно рѣдки и въ большинствѣ принадлежать второму почерку.

Въ подъемѣ речений отдается явное предпочтеніе элементу іа: іагодичинѣ (л. 68 лиц.), іанцѣ (л. 71 об.), іако (л. 73, 74), іавици (л. 74 об.), іа (вин. множ. муж. р. л. 74 об.), іавили (л. 76 об.), іасты (л. 77 лиц.) и т. д.¹⁾. Ореографія знаковъ і и іа возводится Архангельскимъ спискомъ въ правило общес, не терпящее исключений, ибо исключениемъ нельзя назвать то ограниченіе, которое претерпѣваетъ это правило въ силу другого столь же нормального встрѣчного правила ореографіи, общаго языку старо-славянскому съ русскимъ и польскимъ. Правило это гласить: послѣ согласныхъ небныхъ гласные мягкие, ихъ смягчивши, замѣняются соответствующими имъ элементами гласными твердыми. Это правило является особенно дѣятельнымъ въ древне-русской письменности и существуетъ собою нерѣдко даже твердую руку діакона Григорія, писца Остромирова Евангелия. Такъ, вмѣсто чтенія Ассеманіева Евангелия въждаджаетъ въ Остромировомъ спискѣ встрѣчаемъ русское въжахдѣть, въ согласии съ которымъ и Архангельский читаетъ въждадаѣть (л. 1); и вторично—въждадатисѧ (л. 1) вмѣсто чтеній Остромировскаго и Ассеманіева: въждадатисѧ; жаждаща (л. 74 об.) вмѣсто чтеній Остромирова и Ассемоніева жаждаджща, жажю (1 л. ед. ч. наст. вр.), соуща (род. ед. ж. р.), щевѣща, изгѣнаша и т. д.

Остальныя явленія русскаго вокализма, въ нихъ многочисленности, легко исчерпываются суммарными опредѣленіями. Чистая гласная и

¹⁾ Какъ рѣдкіе остатки южно-славянского подлинника, приведены напримѣръ, Мѣнѣкомъ (л. 73 об.), есей земли (л. 74 лиц.). При значительномъ разстояніи времени между Остромировымъ и спискомъ Архангельскимъ становится весьма понятнымъ, что при всей твердости руки первого, и оно уже должно было обнаружить въ разновненыхъ чертахъ явленіе, столь сильно проявившееся во второмъ: Самарѣнѣнѣ (л. 30 б), идѣаша (л. 34 б), обѣахѣ (л. 39 г), менѣахѣ (л. 41 б), хотѣаша (л. 53 в), стояти (л. 108 в). Въ посвѣднѣи слушаѣ даже Архангельский списокъ пишетъ правильно стояти л. 63 лиц. (отъ Луки, XIII, 25).

замѣняетъ ѿ: оудоби^е (Остр. оудобѣ^е), двѣ ризи, (при елисей) пророци, призри; и наоборотъ ѿ замѣняетъ и: ключѣ^в (вин. множ. ч.), искоушліа^ю (Ассем, и Остром. и) л. 5 лиц. и т. д. Гласная и сокращается въ ѿ: мыслью, юльживи, наоутрѣи, съю: бышѣ, въпьяхоу, зачью, пятью, въсѧи, пътнѣствѣемъ. Гласная и замѣняется элементомъ љ: статиръ, оупокрѣти и оубокрѣти (л. 42 лиц. 7б об.), ризи^и (л. 102 об., 100 об.), годдини (л. III об.). Элементъ ѿ и па смышиается съ є: юдѣть, юдѣшѣ¹), юсти, юдмахоу, южды; телеса; Швѣщевъ²); серебро, чресла, повреши, прежде, предъ, чревѣ, старей и т. д. Полногласие плавныхъ появляется первѣдо: оумерети, жеребиа, беремиа, бере-гоу. Обѣ зубныхъ т и д смагчаются по русски: наречисѣ, скръжьчетъ, хочю, хочеть, хочете, мечеитъ, възлечи, Шпоучати, очутни; вижу вижъ, обижю, стражеть, одежемъся, дажъ, продажъ, стражюще, чрежени, соужени^е, послѣдънихъ, межю и т. д. Съ особенною живостью дважды проявилось мягкое произношение б въ формѣ по-глыбнеть (л. 127 об., 132 лиц.), совершенно чуждое языку старо-славянскому. Въ отношеніи къ полугласнымъ, отъ первого почерка остальные особенно ярко отличаются способомъ ихъ обозначенія. Второй почеркъ обозначаетъ полугласный з двоеточиемъ надъ согласной, за нимъ слѣдующею. Это замѣнительное двоеточіе примѣняется весьма первѣдо въ группахъ согласныхъ, состоящихъ изъ двухъ плавныхъ, или изъ нѣмой и плавной, и рѣже—изъ двухъ нѣмыхъ, даже и въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ этимологія не оправдываетъ полу-гласного элемента. Достаточное число примѣровъ такого способа обозначенія полугласныхъ представляютъ 3-я, 4-я и 7-я изъ таблицъ, приложенныхъ къ монографіи о. Амфилохія. Этимологическихъ формъ влияніе русского языка броснулось очень осознательно, и на пергаменѣ Архангельского списка мы встрѣчаемъ не мало сму свойственныхъ грубыхъ обобщеній темъ, какъ именныхъ, такъ и глагольныхъ. На его страницахъ встрѣчаются слѣдующія, напримѣръ, формы именъ существительныхъ: въ людъхъ (л. 34 лиц.), Ш кръви (часто вм. кръве), Содомламъ (дат. мн. вм. Содомомъ Остром. Еванг. по аналогіи съ Несторомъ: Поламъ, Деревламъ) пользи^и л. 138 об. (вм. пользи)

1) Но при сочетаніи русскаго е съ ѿ префиксъ возвращается ѿ: изъль.

2) Сравн. напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ Несторовой атавописи 1377 г. форму ложниссе. Изд. Тимковская, стр. 8, прим. 1. Приведенная форма Архангель-скаго Евангелія принадлежитъ первому его почерку и читается на л. 64 об.

род. ед. ж. р.) **многи въдовици** л. 165 лиц. вм. **въдовицѣ** ии. ии. ж. р.), три **ицѣ** на л. 126 об. **иѣсмїцѣ** Остр. 217 б. Ассем. стр. 190), о отрочатѣ семь л. 146 об., **отрочлте** л. 145 лиц.¹⁾ (отрочлти Остр., Ассем.). Послѣднее реченіе въ зват. пад. ед. ч. поступаетъ даже и тематическимъ своимъ составомъ въ аналогію именъ муж. р. твердой темы, образуя форму: и ты отроче! Изъ аналогіи именъ числительныхъ замѣтимъ семь, седыдесять, осидесять, формы чисто русскія. Мѣстоименныя формы именъ прилагательныхъ стягиваются по весьма разнообразнымъ способамъ: **първоумоу**, **първомуу**, **послѣдньюу**моу, **зъпадшемоу**, **иеноущеомоу**, **прослѣщеомоу** (л. 24 об.), **иѣсльвомъ** и т. д. Согласованіе въ родѣ замѣтно слабѣеть: **слоуги подвизалисѣ** быша (вм. **подвизалы** Остр. Ассем.), **жены пришьдѣшама**, **враште** (вм. **зрѣшѣ** Остр. Ассем.), **жены врашще**, **слоужаше**, (двѣ) **Марія сѣдѣше**; формы двойственнаго числа исчезаютъ: **единъ же ѿ обѣщеныхъ злодѣи** (—оу же — ѿ Остр., Ассем.). Въ согласіи съ господствующимъ въ именахъ стремлениемъ къ обобщенію темъ, и въ этимологіи глагола наблюдалось тоже: **въкнсѣ** (по III-му классу вм. **въкнсе** Остр. и Ассем.), **вздрастѣ** (—е Остр. Ассем.), **въпрощані** (въпроси), **поклониющесѣ** (**поклонишиесѣ**), **пльзвавъше** (**плинѣвъше**), **испѣливъ** (**испѣльнъ**), **възваливъ** (**възваль**), **постивъсѣ** (**пощѣсѣ**), **оставивъ** (**оставль**), **имѣютъ** (**имѣты**) и т. д. и т. д. Къ этому общему очерку русскихъ элементовъ въ языкѣ Архангельского Евангелия присоединимъ отдѣльныя реченія, особенно ярко отразившія на себѣ особенности языка русскаго: **стъглѧвъ** (л. 39 лиц.), **киносънѣй**²⁾, **кри-ною** л. 53 лиц. (Остр. **сѣдомъ** (Асс. **сѣсѣдомъ**), **въложи** (въдѣ Остр. Ассем.), **бжоу очи отажъчелѣ** (Остр. **бѣсте отажъченѣ**), **льбово мѣсто** вм. **кранієво** (вездѣ, гдѣ встрѣчается **храпіоу топос**), **водонось** свою л. 2 об., **кръста** л. 156 лиц. (вм. **хѣ**), **крѣстьянъ** (им. пад. ед. ч.), **докола** (вм. **доколѣ** л. 6 об.). Нѣкоторыя изъ подобныхъ чисто русскихъ отклоненій отъ текста первоначального преложенія возникали, по видимому, подъ рукою русскаго писца. Одно изъ нихъ **пѣдно влывнаго недоразумѣнія**: **Мѣсто отъ Луки IX, 3: Мѣдѣв аїрете еїс тѣн ôбѣи мѣтѣ фѣбдоу, мѣтѣ пурас х. т. л.** оставляетъ въ Остромировомъ спискѣ, равно какъ и въ Ассеманіевомъ (О. л. 100 в., А.

¹⁾ Послѣдняя форма можетъ быть вынена въ арханизмъ: ее встрѣчаючи для иѣстнаго подежа ед. ч. и въ Остр. Евангеліи, л. 252 в.

²⁾ Ср. *Miklosich, Lexicon, 1862—1865*, стр. 846, в. л. склѣзъ.

стр. 79) речеиे тѣра не переведенымы: ни чесоже възымѣте на пѣть ни жъзла ни пиры. Производи тѣра отъ тѣр Архангельскій списокъ читаеть на л. 55 об.: ни жъзла ни огнива (!).

Старо-славянское грамматическое преданіе не могло подвергаться столь полному забвению въ однихъ чертахъ и въ то же время заботливо охраняться или вновь возникать въ другихъ. За обоими знаками ринезма и другими наиболѣе особными элементами старо-славянского вокализма постепенно предавались забвению и тѣ ореографические правила о правильномъ употреблении небнаго дифтонга я, которыя въ свое время были созданы живымъ чувствомъ этимологическихъ формъ и диктовались живымъ произношениемъ Славянъ панионского Подунавья. Оба эти фактора служили совершенно достаточными хранителями правильной ореографии старо-славянского языка. Въ реченияхъ иноязычныхъ, употребительныхъ въ евангельскомъ текстѣ, замѣтна непослѣдовательность въ употреблениіи элемента при передачѣ соответствующаго ему греческаго дифтонга αι. Въ нихъ я чередуется съ ε: фарисѣи и фарисеи, иудѣи и иудеи, матеѳи и матфеи; иерѣомъ л. 51 об. 64 лиц. и крѣп л. 58 лиц.; одѣи л. 58 об. и т. д. Миклошичъ¹⁾ доказываетъ начертаніемъ этихъ речений съ я въ слогѣ, соответствующемъ греческому дифтонгу αι (φαρισαῖος, ιουδαῖος, μαθαῖος), двоегласное произношение элемента я. Первое сомнѣніе въ доказательности этихъ случаевъ наводится уже тѣмъ соображеніемъ, что эти иноязычные речения обдекались въ старославянскую ореографию въ цѣйтущую эпоху итацизма, и потому въ самомъ греческомъ произношении приведенныхъ речений едавали могло быть слышимо двоегласіе элемента αι. Кромѣ того, сербская, напримѣръ, эвфонія, столь живо сохранившая чувство количества гласныхъ, даже и, въ сербскихъ реченияхъ исконной этимологіи не допускаетъ полнаго произношенія дифтонга я (какъ йѣ, или какъ йѣ) и замѣплѣтъ его элементомъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда, подобно нашимъ вышеприведеннымъ, за элементомъ я слѣдуетъ юта, предписывая, напримѣръ, произношеніе сїјати (serere). Сербскій языкъ распространяетъ это ограниченіе и тѣми еще случаямиъ, когда послѣ элемента я слѣдуетъ или ютированная зубная согласная средняго порядка, или какой-нибудь гласный элементъ. Въ согласіе съ этимъ, охотно допуская двоегласное произношеніе я во многихъ другихъ этимологическихъ его функцияхъ, мы всего менѣе можемъ допустить таковое въ приведенныхъ иноязычныхъ

¹⁾ Vergleichende Lautlehre, 1852, p. 97

вія „карта Русской Имперіи отъ Петра Великаго до нашего времени“ — признать вполнѣ пригоднымъ для той же цѣли.

VI. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определеніями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Книги подъ заглавіями:

I. „Географія Бессарабской губерніи. Учебное пособіе для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ 23 чертежей, плана города Кишинева и карты Бессарабской губерніи. Сост. П. П. Сорока. Кишиневъ, 1878 г. Цѣна 1 р. 50 коп.“ — допустить въ библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, преимущественно Бессарабской, а также и другихъ губерній.

II. „Законъ Божій для дѣтей младшаго возраста.“ Соч. силицепника Михаила Соколова. Изд. 2, исправленіе. С.-Петербургъ, 1877 г. “— допустить, согласно съ утвержденными святейшимъ синодомъ заключеніемъ ученаго комитета, къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ приготовительныхъ классахъ гимназій, а также въ городскихъ и начальныхъ народныхъ училищахъ.

III. „Улица богомольцевъ. С.-Петербургъ, 1877 г. Цѣна 12 коп.“ и

IV. „Одипоки въ цѣломъ Лондонъ. С.-Петербургъ, 1877 года. Цѣна 10 коп.“ — допустить въ библиотеки городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, для учениковъ низшихъ классовъ.

— Книги подъ заглавіями: 1) „Семь сказокъ для дѣтей Варвары Софоновичъ“ Съ силуэтами раб. Елизаветы Бемъ. С.-Петербургъ 1878 г. “— допустить въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, преимущественно женскихъ.

2) „Города Воронежской губерніи, ихъ исторія и современное состояніе съ краткимъ очеркомъ всей Воронежской губерніи“ Сост. действительные члены Воронежскаго губернскаго статистическаго ко-

митета Г. М. Веселовскій и Н. В. Воскресенскій. Воронежъ. 1876 г. Цѣна 50 коп.—допустить въ библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, преимущественно Ворошевской, а также и другихъ губерній.

3) „Городъ Острогожскъ (Воронежской губ.) и его уѣздъ“. Историко-статистической и этнографической очеркъ, съ планомъ города и географическою картой уѣзда. Сост. дѣйствительный членъ Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета Г. М. Веселовскій. Воронежъ. 1867 г. Цѣна 80 коп. съ пересылкою 1 руб. Для учебныхъ заведеній, выписывающихъ не менѣе 10 экземпляровъ, 60 коп.; на пересылку прилагается по разстоянію и вѣсу”—допустить въ библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книги подъ заглавиемъ: 1) „Волга и ея значеніе для Россіи“. Чтеніе для народа, состав. Аделаидою Шиле. Произнесено въ аудиторіи Соляного городка. С.-Пб. 1876 г. Ц. 10 коп. и 2) „О хорошей и дурной водѣ“, д-ра медицины Я. Шмулевича. С.-Пб. 1874. Ц. 10 коп.—признать возможными первую изъ означеныхъ книгъ допустить въ библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и вторую—одобрить для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и для народныхъ чтепій.

— Составленную священникомъ Александромъ Свирѣлинъ книгу подъ заглавиемъ „Курсъ закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и приготовительныхъ классахъ духовныхъ училищъ. Издание 3-е. Москва. 1878 г.“,—допустить къ употребленію въ качествѣ учебника по закопу Божію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

ОФІЦІАЛЬНЯЯ ІЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 14-й день августа 1878 года, Высочайше соизволилъ: на постановку въ актовомъ залѣ Пензенской учительской семинаріи портретовъ министра народнаго просвѣщенія дѣйствительного тайного советника графа Д. А. Толстаго и попечителя Харьковскаго учебнаго округа тайного советника П. К. Жерве.

сателей XII столѣтія¹⁾). Начинаніемъ преподобнаго Нестора аористъ въ его наимѣльѣ существенномъ назначении, повѣствовательномъ, сталъ замѣваться формами времени прошедшаго несовершенного, производимаго отъ темы настоящаго времени, съ перенесеніемъ на него формы при условіяхъ, опредѣляемыхъ синтаксисомъ, личныхъ окончаній настоящаго времени. Преподобный Несторъ не допускаетъ въ конструкціи своего повѣствованія замѣны древняго историческаго времени такъ-называемыи прошедшими описательными, обыкновенно почитаемой за обязательную для всѣхъ эпохъ русскаго языка, начиная съ древнейшей²⁾). Напротивъ, въ его изложеніи житія св. Феодосія прошедшее совершенное выражается чаще всего формой аориста въ тѣхъ эпизодахъ повѣствованія, которые могутъ быть названы историческими по преимуществу, такъ какъ содержать въ себѣ событія, хотя и состоянія въ связи съ житіемъ Феодосія, но все же выходящія изъ тѣсной агіографической темы этого сочиненія преподобнаго Нестора. Такихъ эпизодовъ въ житіи Феодосія много, и ими измѣряемому преобладанію историческихъ мотивовъ надъ агіографическими соотвѣтствуетъ большее число случаевъ употребленія аориста сравнительно съ прошедшими неопределѣленными. Формъ аориста въ Житіи Феодосія употреблено 674, прошедшіхъ же неопределѣленныхъ — 384. Прошедшее описательное "употребляется сравнительно очень рѣдко, и вскій случай его употребленія можетъ найти объясненіе совершенно индивидуальное. Въ повѣствованіи преоблашаютъ формы третьаго лица, и потому образованія втораго и первого лицъ ищутъ формы, отличной отъ преобладающихъ въ третьемъ лицѣ аористовъ и прошедшіхъ несовершенныхъ, какъ-то: и ѿтъ нѣсть ихъ (воротъ) ѿвръзаль (л. 16 лиц.)³⁾, где форма описательного прошедшаго, въ противоположность церковно-славянскому языку, употреблена не въ значеніи прошедшаго совершенного, а въ совершенно обратномъ т. imperfecti; нѣсть тако сладъка брамъна въ коушаль (л. 18 об.), съ тѣмъ же яркимъ длительнымъ оттенкомъ прошедшаго несовершенного⁴⁾; тѣ и иси съвѣкоупиль

¹⁾ Историческая грамматика русскаго языка Ф. И. Буслаева, 1863, ч. II, стр. 132, прим. 2.

²⁾ Тамъ же, стр. 132.

³⁾ Мы приводимъ здѣсь текстъ житія Феодосія изъ изданія Бодлинской, 1858.

⁴⁾ Длительный, не итеративный смыслъ этихъ формъ доказанъ Миклошичевъ въ Vergleichende Syntax, 1868 — 1874, стр. 279, 803. Форму первого лица ЧАСТЬ, СХСКІ ОТД. 2.

въ мѣсто се (л. 23 лиц.), или сподобилъ жа Ѵеси (л. 1 лиц.). Кроме этихъ индивидуальныхъ случаевъ въ формахъ 1-го и 2-го лица, можно отмѣтить локуціи, опредѣляющія время и погоду: пооблачилось ибо и съннide дъждъ (л. 29 лиц.), и се врѣмѣ приспѣло Ѵесть (л. 29 об.), такъ какъ въ эпоху Нестора такія личныя локуціи нерѣдко чередовались съ безличными, въ прошедшемъ времени всегда предпочитавшими его описательные формы. Чтеніе л. 9 об., л. 10 лиц., л. 11 об., л. 16 об., л. 20 лиц., л. 27 лиц. можетъ привести къ твердому убѣженію въ томъ, что формы прошедшаго несовершенного описываютъ дѣйствія Феодосія, почитаемыя преподобнымъ списателемъ его житія особенно знаменательными для опѣнии его добродѣтелей, особенно содѣйствующими прославленію его имени. Особенно характеристично употребленіе формъ прошедшаго несовершенного на л. 10 об., содержащемъ въ себѣ описание способа принятія въ иноса, установленнаго блаж. Феодосіемъ: „вся съ радостию... ти тъгда сподобиашети принять со стую скимоу“. Въ этомъ мѣстѣ употреблены четыре формы *t. imperfecti* въ 3 л. ед. ч., съ перенесеніемъ на нихъ личныхъ окончаній настоящаго времени и съ примѣненіемъ къ нимъ слитія полугласной ь въ личномъ окончаніи 3-го лица — *ть* съ и объекта (вин. пад. ед. ч. мѣстоименія 3 лица) — *ти* и¹⁾). Это слитіе въ Житіи Феодосія въ примѣненіи къ формамъ настоящаго времени соблюдено всего 2 раза: сътворѣти *и* (л. 2 лиц.) и нарічющи *и* (л. 13 об.), въ примѣненіи же къ 3-му лицу ед. и множ. числь времени прошедшаго неопределеннаго — 18 разъ. Въ соотвѣтствіе личнымъ окончаніямъ настоящаго времени, тема настоящаго времени тѣхъ глаголовъ, которые отличаются ее отъ темы неопределеннаго наклоненія, соблюдается съ особеною тщательностью, какъ-то: измелашеть (мелѣмъ мѣѧти) л. 9 об., стадаше (сѧдѣ сѣсти, л. 9 об., лажашеть (лѧгѣ лешти) л. 11 лиц. и т. д. Эти формы составляютъ исключительную принадлежность русскихъ сочиненій не раньше XII столѣтія²⁾, и если встрѣчаются въ изобилии въ рукописи *imperfecti* въ Житіи Феодосія намъ удалось замѣтить всего одинъ разъ: *и*рѣ-
бъваахъ (л. 28 об.).

¹⁾ Сравни въ Савиной книжѣ на стр. 3: *бѣи боли мене есть съ стр. 22: съ есть боли въ нѣсторіи Ѵеси*. Также Miklosich, Lautlehre, p. 26,6. Въ отношеніи къ небной гласной Житіе Феодосія не разъ даю просторъ живому произношенію: танги чудесъ бжии (л. 1 об.), оташи (л. 4 об.). Сравни въ Архангельскомъ Евангелии (въ первомъ почеркѣ) на л. 2 лица *и* илюнки Ѵеси, и Miklosich, Lautlehre, p. 28.

²⁾ Miklosich, Vergleichende Wortbildungslehrre, 1876, стр. 69, 70.

XIII столѣтія поученій Константина пресвитера Болгарскаго¹⁾, то потому, что списокъ втотъ принадлежитъ русской рукѣ.

Вследствіе такого значенія этихъ формъ мы не считаемъ возможнымъ не обратить на нихъ особеннаго вниманія при характеристицѣ той эпохи русскаго языка, которой принадлежитъ первый почеркъ Архангельскаго Евангелія. Въ немъ мы находимъ слѣдующіе случаи употребленія объясненныхъ нами формъ 3-го лица временъ настоящаго и прошедшаго несовершенного. Къ формамъ настоящаго времени примѣняется слитіе гласнаго исхода личнаго окончанія въ съ объектомъ 8-го лица и въ слѣдующихъ случаяхъ: Въ первомъ: почтѣти и ѿь мои на л. 11 об. (отъ Io. XII, 26: τιμήσει αὐτὸν ὁ Πατέρ). Во второмъ: хотѣти и въпрашати на л. 19 лиц. (отъ Io. XVI, 19: εἴγυνού ὁν ὁ Ἰησοῦς, δια τῷ θεοῖον αὐτὸν ἐρώταν) ²⁾. Въ третьемъ: на л. 38 об. и оубиющи и (отъ Ме. XVII, 23: καὶ ἀποκτενοῦσιν αὐτὸν) вмѣсто Остромирова и оубиющть и (л. 73 г. Ассем. стр. 58). Въ четвертомъ: на л. 39 лиц. творити ꙗ прѣлюбъ, творити вмѣсто творить и, какъ то читаемъ въ Остромировомъ Евангеліи л. 74 в. г. въ Ассеманиевомъ стр. 59. Въ пятомъ: на л. 39 об. повелѣ гинь юго да продадутъ и (отъ Ме. XVIII, 25: ἔχελεοντεν αὐτὸν ὁ χόρις αὐτοῦ πραγμῆναι) вмѣсто Остром. (л. 75 б) и Ассеман. (р. 60) продадутъ (и). Въ шестомъ: на л. 46 об. нарицющи и (отъ Ме. XXII, 45: καλεῖ αὐτὸν) вмѣсто Остром. (л. 83а) и Ассеман. (стр. 66) нарицающи (и). Въ седьмомъ: на л. 51 об. исцѣлити и (отъ Луки VI, 7 Θεραπεύει) вмѣсто Остром. (л. 94г) и Ассеман. (стр. 74) ис(с)цѣлити(ъ) и. Въ восьмомъ: на л. 57 лиц. юмети и (отъ Луки IX, 39 λαμβάνει αὐτὸν) вмѣсто Остром. (л. 102а) и Ассеман. (стр. 81) ю(в)млю(е)ть(ъ) и. Въ девятомъ: на л. 57 лиц. ижденоути и (дхъ) отъ Луки IX, 40: ἐχθάλψειν αὐτό) вмѣсто Остром. (л. 102б) и Ассеман. (стр. 81) ижденять (ъ) и.

Дважды тому же самому слитію подвергается, по очевидной разсвѣности писца, въ исходѣ достигательного наклоненія и соединительный союзъ и: на л. 23 об. приде си члвчъскіп въвспскати

¹⁾ Описание синодальной библіотеки, II, 2, стр. 429, 433.

²⁾ Переводъ этого вѣста въ Архангельскомъ спискѣ отличается замѣчательною свободой, сравнительно съ Ассеманиевымъ, где ίθελον передается рабски: хотѧхъ, и съ Остромировымъ, въ которомъ рабскій переводъ, проникшій въ Ассеманиевъ списокъ, самимъ своимъ начертаніемъ удостовѣряетъ свое относительно позднее происхожденіе (изданіе Востокова, л. 50 в., строка 12). Т. imperfectus ίθελον употребляется чисто греческою последовательностью временъ.

и сѣсть заблоужшааго (Tischendorf; N. T. ed. a. 1842, p. 31. Triglottum, 1865, p. 68). вмѣсто възискать, какъ то читаемъ и въ Асsemаніевомъ (р. 43) и въ Остромировомъ (л. 55г) спискахъ¹⁾. Другой случай слитія въ прымѣненіи къ достигательному наклоненію представляется на л. 62 лиц. грѣду искоусити ихъ (оть Луки XIV, 19 καὶ πορεύομαι δοκιμάσαι αὐτὰ) вмѣсто Остром. (л. 107б) и Асsemан. стр. 8б: искушъ(у)сить ихъ.

Остальные случаи слитія гласнаго исхода въ окончаніи 3-го лица -ть съ объектомъ и (мѣстоим. 3-го лица винит. пад.) приходятся на выше разобранныя формы прошедшаго несовершенного и аориста: 1) 2) 3) молхахути и (ученици), трижды встрѣчающіеся на л. 2 об., 56 лиц. и 70 об.²⁾, 4) молхахути и на л. 31 об. (оть Мѣ. VIII, 31 παρεκάλουν αὐτόν) въ соотвѣтствіе Остром., л. 66в, и Асsemаніеву, стр. 51: мол(а)хъ(и) и. 5) хотахути и юти на л. 23 лиц. (оть Io. VII, 44 ἤθελον πάσαι αὐτόν) въ соотвѣтствіе Остром., л. 54а и Асsemан., стр. 43 хотъахъ юти и. 6) оугнѣтаахути и на л. 54 лиц. (оть Луки VIII, 42 συνέπηγον αὐτόν) въ соотвѣтствіе Остромир., л. 100в, и Асsemан., стр. 79: оугнѣтаахъ и. 7) и назирахути и на л. 51 об. (оть Луки VI, 7: παρετήρουν δὲ αὐτόν) въ соотвѣтствіе съ Остром., л. 94а и Асsemан., стр. 75: и назирахъ и. 8) вѣзахути и на л. 56 лиц. (оть Луки, VIII, 29 ἐδεσμεῖτο αὐτόν) въ соотвѣтствіе Остром., 98г, и Асsemан., стр. 78: вѣзахъ и. 9) подражахути и (оть Луки XVI, 14 ἐξεμοκτήριζον αὐτόν) въ соотвѣтствіе съ Остром., л. 112а, и Асsemан., стр. 89: подражахъ и. 10) вѣпрашашети и на л. 73 лиц. (оть Луки XV, 26 ἐπουθάνετο) въ соотвѣтствіе съ Остром., л. 119а вѣпрашаще и Асsemан., стр. 96 вѣпрашаще и. 11) прѣдасти и на л. 40 лиц. (оть Мѣ. XVIII, 34 παρέδωκεν αὐτόν) въ соотвѣтствіе съ Остром., л. 76а прѣдасть и и Асsemан., стр. 60 прѣдасть и. 12) и дасти и (оть Луки VII, 15 καὶ ἔδωκεν αὐτόν) въ соотвѣтствіе съ Остром., л. 93б и Асsem., стр. 73 и вѣдасть и.

Если до сихъ поръ для разобранныаго сліянія не было найдено примѣровъ, ведущихъ свое происхожденіе изъ-за Дуная и независи-

¹⁾ Въ Савиной книгѣ читаемъ, какъ бы подъ вліяніемъ поддѣлчника, общаго съ Архангельскимъ спискомъ, на стр. 8: възискати и сѣсть.

²⁾ На л. 2 об. (оть Io. IV, 31 ἤρωτων αὐτόν) въ соотвѣтствіе Остромирова л. 31г и Асsemан., стр. 26 мол(а)хъ(и) поученици; на л. 56 лиц. (оть Луки VIII, 31: παρεκάλει αὐτόν) въ соотвѣтствіе Остр. л. 99а молъахъ(и) и Асsem. стр. 78 молнишъ(и); на л. 70 об. (оть Мѣ. XV, 23 ἤμφωτων αὐτόν) вѣзоти. Остр. 115и и Асsem. р. 69: мол(а)хъ(и) (Асsem. его, Остр. и).

мыхъ отъ русской руки, то аналогическое ему сліяніе ѿ съ и въ дифтонгъ ѿи¹⁾) не только засвидѣтельствовано частынъ прымѣненiemъ этого сліянія, при подобающихъ условіяхъ, въ древнѣйшихъ источникахъ, каковы рукописи Супрасльская и Клоціева, коихъ задунайское происхожденіе никѣмъ не подвергалось сомнѣнію, но и окрѣпло во многихъ образованіяхъ, составляющихъ общее достояніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій. На немъ основана большая часть падежныхъ формъ сложного или определенного склоненія именъ прилагательныхъ, образованныхъ сліяніемъ именной темы съ формами относительного мѣстоименія. Это сліяніе отражается въ именительномъ пад. сд. ч. мужескаго рода добрыи и въ падежахъ всѣхъ чиселъ и родовъ, коихъ флексіи начинаются со согласныхъ м и х: добрыиъ, добрыимъ²⁾ и т. д. Кроме того, въ эту же форму сліянія облеклись пѣкоторыя реченія, такъ преданныя старославянскимъ языкамъ его позднѣйшимъ литературнымъ наслѣдникамъ: вѣниоу, вѣниспрѣ, сложенное, по Миклошичу, изъ вѣ-испрати (ferrи, volare). По отношенію къ Архангельскому Евангелю, эта форма сліянія тѣмъ отличается отъ первой, что мы встрѣчаемъ ее не на тѣхъ только листахъ его пергамена, которые принадлежать первому его почерку³⁾, допускающему исключительно предъ остальными почерками первую форму сліянія, а спорадически во всемъ кодексѣ, какъ ясно станетъ изъ слѣдующаго собранія примѣровъ: вѣ истиноу на л. 1 об. (но на л. 5 об. вѣ истиноу), вѣ имѣ бѣцѣ моющаго на л. 7 лиц., вѣ имѣ моющ. л. 15 об., видѣли и єси л. 10 об., бѣхоу вѣниоу въ цѣркви л. 14 об., 23 об., приведохъ и л. 38 лиц., оубиѣмъ и л. 43 лиц. поітѣи и диаволъ л. 154 лиц., приятѣи и на роукоу свою л. 156 об., жена же пѣката принятѣи и въ домъ свой л. 126—127, 156 об. и т. д.

II.

Добывъ наиболѣе крупныя черты исторической физіономіи Архангельского Евангелія, отличающей его отъ всѣхъ старшихъ списковъ старо-славянского преложенія, мы переходимъ къ разсмотрѣнію его кри-

¹⁾ Miklosich, Vergl. Lautlehre, 1852, стр. 113—115.

²⁾ Всего лучше изложено (въ таблицѣ) на последней страницѣ Vitae Sancrorum Миклошича.

³⁾ На его 167 л. об. встрѣчаемъ, напримѣръ, форму иорицахоутъ и, въ, однако, сліяніе на ней не осуществляется.

тическаго состава и къ опредѣлению его подлинника. Его лексическое содержаніе приводить съ первого раза къ предположенію болгарскаго глаголического подлинника, ибо въ немъ находимъ всѣ тѣ реченія, которыя признаны наукой за характеристические признаки глаголической рецензіи старо-славянскаго предложенія. Такъ, въ чтеніи отъ Иоанна IV, 14, для передачи (*πηγή ὅδας*) алломорфу (*εἰς Σοὺ ἀσύνιον*) находимъ по Архангельскому списку речеіе (источникъ водѣ) въ склоняющаіа (водѣ вѣчнѣя л. 1 об.), представляющее собою произвольно осмысленное видоизмѣненіе глаголического чтенія, находимаго на стр. 25 Ассемавіева Евангелія: въ слѣплиющіемъ. Видоизмѣненіе было, очевидно, сдѣлано подъ рукою, безъ справки съ греческимъ подлинникомъ, и потому должно войти въ лексиконъ древне-русскаго языка, какъ *άκας λεγόμενον*. Глаголь въслѣдната въ значеніи *ἀλλεσθαι, salire; ἀναπτύῖν resilire*, вполнѣ сохранился о сю пору у южныхъ Славянъ въ формѣ первообразного имени *slap* и производнаго отъ него *slapiste* (водопадъ), находи себѣ слабую аналогію лишь въ чешскомъ собственномъ имени *Slapy*. У насъ на Руси это реченіе было совершенно иѣмымъ, неисонитимъ. Писцу первой руки Архангельскаго Евангелія, очевидно, оставался совершенно неизвѣстнымъ тотъ старо-славинскій изводъ предложенія св. Евангелія, который былъ столь счастливою рукой снятъ съ подлинника несравненнаго достоинства въ сѣверной же Руси діакономъ Григоріемъ для книжескаго намѣстника въ Новѣгородѣ Остромира. Въ немъ мы встрѣчаемъ для перевода алломорфу слово *истѣкающій*, на столько же понятное для Русскаго, на сколько по своей орѣографіи припадлежащее лучшей эпохѣ старо-славинскаго языка, то-есть, эпохѣ первоучителей и перваго предложенія Св. Писанія на языки Панонскихъ Славянъ, съ начертаніемъ въ корнѣ глагола элемента *ль*, представляющаго двоегласную ступень подъятія элемента *с* (текл-тешти), приличествовавшую въ лучшую эпоху старо-славинскаго языка и его грамматическаго преданія производнѣмъ глаголамъ V класса длительнаго значенія. Столь же произвольно осмысленнымъ представляется намъ мѣсто на л. 36 лиц. *валміасм* въ лініями вмѣсто вълаꙑсія въ Ассеманіевомъ Евангеліи, стр. 56 (Остром. л. 71 в.; погрѣжаніемъ).

Кромѣ того, первый почеркъ Архангельскаго Евангелія содержитъ въ себѣ слѣдующія специфически-глаголическія реченія¹⁾: *бъниги,*

¹⁾ Památky hlaholského písemnictví, pp. XXXIII—XXXVI, дополненіемъ другимъ сочиненіемъ Шлѣфарика: Über den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus, pp. 32—43.

на л. 14 лиц. вмѣсто писания (Остром. Ев. л. 44г); сънмище на л. 9 об., 13 лиц., 27 лиц., 34 лиц., 43 об., 51 об., 54 лиц., 60 об., 70 лиц., 75 об., 77 лиц., 78 об., 131 об., 133 об., 164 лиц., и такъ далѣе по всей рукописи и во всѣхъ ея почеркахъ; сънмы на л. 164 лиц. съ Ассеманіевымъ стр. 200 (сънмы), въ отличіе оть Остромирова 271 б, читающаго съборы; ѿ жилли исходища на л. 31 лиц. вмѣсто гробъ въ Остромировомъ и гробиша въ Ассеманіевомъ Евангелии; лиси гавъны имуть л. 29 об. вмѣсто Остромирова лисица ложа имѣть; искрѣнмаго л. 58 лиц. и об.; и не родить на л. 124 лиц. въ согласіи съ Ассеманіевымъ стр. 145 (Остромирово небрѣжеть), не родиши ли въ согласіи съ Ассеманіевымъ стр. 148 (небрѣжеши Остромирова 217 в, Саввина книга, стр. 120); хлѣбъ нашъ дѣвъныи л. 162 лиц. (въ Молитвѣ Господней), въ глаголическомъ Четвероевангелии Михаиловича наставшаго дѣпѣ (Новоболгарск. хлѣбо нашъ катадпевнија)¹⁾ вмѣсто насѣщъныи въ Остромировомъ л. 275 а; и иди въ миръ въ согласіи съ Ассеманіевымъ стр. 154 вмѣсто Остромирова л. 224 а: и иди съ миръ.

Лексическая видоизмѣненія въ текстѣ евангельскихъ чтеній, освоившія старо-славянское преложеніе съ разнообразными идіомами Славянъ по сю и по ту сторону Дуная, воспринявшихъ наслѣдіе славянскихъ первоучителей, прокрадывались въ него гораздо чаще, чѣмъ того можно было бы ожидать отъ благоговѣйнаго почитанія, съ коимъ относились Славяне къ кирилицѣ и древнему иреложенію, ею писанному. Многіе изъ этихъ идіотизмовъ уже приняты въ наукѣ за весомѣнныи признаки глаголического извода, не носящаго на себѣ той гіератической печати, какая была сообщена геніемъ Первоучителей всему старо-славянскому преданію, идущему отъ нихъ непосредственно. Даже и рукописи, писанныя кириллицей, но содержащія въ себѣ достаточныи доказательства своего происхожденія отъ глаголического подлинника, идутъ неудержимо по пути, указанному имъ ихъ подлинникомъ. Такъ, „Саввина книга“, будучи писана кириллицей, но съ глаголического подлинника, содержитъ въ себѣ идіотизмы, которыхъ напрасно было бъ и искать, не только въ кирилловскихъ спискахъ, но ниже въ глаголическихъ старшой эпохи. Списки Остромировъ, Ассеманіевъ и Архангельскій читаются отъ Мѣ. XII, 33: (и)ли сътворите (-ь Арх.) дрѣ(е Арх.) во добро и плодъ юго добръ, (и)ли сътворите (-ь Арх.) дрѣ(е

¹⁾ Вук Стевановича Додатак. У Бечу, 1822, стр. 36.

Арх.) во зъло и плодъ юго зълъ¹⁾). Саввина книга, суда по синтаксической конструкции этого места, имѣла подлинникъ весьма близкий съ Архангельскимъ спискомъ, ибо конструкція сътворить, вмѣсто сътворите, составляетъ общую этию обомъ спискамъ отмѣну противъ древнѣйшихъ и лучшихъ списковъ, каковы Остромировъ и Ассеаніевъ. Но, какъ видно, русскій писецъ первой руки Архангельского списка былъ проникнутъ совершено инымъ чувствомъ, сравнительно съ спискомъ Саввиной книги, ибо, списавъ место отъ №е. XII, 33 съ полной вѣрностью своему южнославянскому подлиннику, позднейшему чѣмъ Ассеаніевъ списокъ, слѣдующій въ этомъ месте правильной и согласной съ греческимъ подлинникомъ²⁾ конструкціи, онъ ничего не измѣнилъ въ преложеніи, совершению ему понятномъ, тогда какъ писецъ „Саввиной книги“, хотя и писавшій кириллицей, оказался вѣрнымъ послѣдователемъ глаголитики, жившей для него подлинникомъ, и замѣнилъ, согласно съ ею духомъ, почти всѣ речения своего все же древнаго, не позже половины XI вѣка написанаго, подлинника идотизмами, ему болѣе свойственными: или творить дрѣво доброе агодъ емоу добрѧ, или творить дрѣво прахиѣно и агонъ емоу изгнилъ³⁾). Такого же рода произвольнымъ отстуціеніемъ отъ текста древнаго преложенія, состоявшимся въ духѣ глаголического извода болгарскаго XI вѣка, представляется замъ и слѣдующее место въ чтеніи на воскресеніе пятой недѣли по Пасцѣ отъ Иоанна IV, 34, по Архангельскому списку (оборотъ 2 л.): моє брашно есть, да твори волю посылавъшааго мя и съвршай дѣла юго. Въ рѣзкое отличіе отъ конструкціи Архангельскаго Евангелія, списки Ассеаніевъ и Остромировъ читаютъ это место такъ: мое (ю Остр.) брашъ (Остр.) но е(ю)сть (ъ) да (съ Остр.) твори (ж) волю посылавъшааго мя и съвршай дѣло юго⁴⁾). Въ этомъ месте, посредствомъ произвольно введенной контракціи подлежащаго двухъ предложеній зависящаго и главнаго, два сказуемыхъ зависящаго предложенія замѣнили свои окончательны

¹⁾ Мѣсто это, здѣсь нами приведенное въ сводномъ чтеніи, читается въ Остромировомъ л. 69б, въ Ассеаніевомъ стр. 54, въ Архангельскомъ списке на оборотѣ 34 л.

²⁾ Отъ №е. XII, 33: ἡ ποιήσας κ. τ. λ.

³⁾ Приводимъ мѣсто Саввиной книги по изданию Сревневскаго въ «Древнихъ памятникахъ Юсовааго письма», Санктпетербургъ, 1868. Приводимое место читается на стр. 19.

⁴⁾ Остромирово Ев. л. 31—32. Ассеаніево стр. 28.

сиягаемыя формы творъя и съвръшл. формами причастія того же настоящаго времени. При этомъ, следовательно, введено было къ конструкцію предикативное соединеніе сказуемыхъ зависящаго предложения, замѣненныхъ причастіями, со сказуемымъ главного предложения *есть*¹). Это искусственное видоизмѣненіе было бы тѣмъ произвольнѣе, что финальная частица да, стоящая поперегъ такой предикативной конструкціи, была удержана изъ первоначального текста предложения, какъ онъ читается въ Остромировомъ и Ассеманіевоъ спискахъ. Въ виду слабаго смысла, неправильности и даже полной чужеродности духу славянскихъ языковъ такой конструкціи, мы охотнѣе допускаемъ адѣсъ недосмотръ, вкравшися въ подлинникъ Архангельского списка первого, или можетъ быть, втораго обратнаго поколѣнія въ древность. Будучи написанъ глаголицею, такой подлинникъ моихъ легко породить смыщеніе юса большаго (глаголического алфавита) стъ ютированнымъ юсомъ малымъ. Ихъ взаимная различительность, ограничивающаяся лишь лѣвой частью ихъ сложнаго состава, сама по себѣ весьма слабая, могла нерѣдко порождать недоумѣнія²). Въ данномъ случаѣ удобная смына формъ I лица ед. ч. наст. времени творъ (Остром.) съ причастіемъ наст. времени дѣйств. залога творъ до извѣстной степени узаконила этотъ недоумѣніе, преданный во второмъ поколѣніи писцовъ и на пергаментъ Арханг. Евангелія его первой руки. Такъ прочитавъ реченіе творъ, писецъ волекъ вслѣдъ за нимъ въ ту же ложную конструкцію и слѣдующее за нимъ съвръшл. Такое ложное чтеніе должно было произойти отъ руки писца, хотя и не внимательнаго, но самоувѣреннаго, ибо къ своему ложному чтенію онъ не обинулся примѣнить одно изъ лучшихъ правилъ согласованія именъ прилагательныхъ и причастій, по которому изъ двухъ или нѣсколькихъ координированныхъ именъ прилагательныхъ или причастій поставляется въ определенной формѣ лишь первое изъ нихъ (творжн и съвръшата Арханг. списокъ). И въ другихъ случаяхъ въ равной мѣрѣ невнима-

¹) Miklosich, Vergleichende Sintax, pp. 822—824.

²) Такія недоумѣнія дѣйствительно порождались и оставили на Арханг. Евангеліи не одинъ слѣдъ; такъ на л. 6 лиц. притѣчѣ (Io. X, 6 тѣу καριουμау) вместо притѣчѣ, какъ читается въ Остром. л. 35 и въ Ассем. стр. 29, на л. 64 об. притѣчѣ (Лука XIX, 7 παρβολѣу) вместо притѣчѣ, какъ читается въ Остром. л. 110 а и Ассем. р. 88. Тамже точно читается на л. 39 лиц. тво-

та предложн творити ви. творить нѣ и т. д. (Остр. л. 74 в; Ассем.). стр. 59).

тельность писцовъ постоянно сопровождается стремлениемъ осмыслять ошибки. Такъ напримѣръ, въ чтеніи на понедѣльникъ 5-й недѣли по Пасцѣ читаемъ въ Архангельскомъ спискѣ (на об. 9 л.): зане стъни глю въ предложеніе греческаго: отъ тѣу ἀλύθεια λέγω (Io. VIII, 45) вмѣсто Остром. (л. 33 а) и Ассеманіева (стр. 27): зане (с) и (т)естинъ глю. Небрежное чтеніе смѣшивало глаголическая начертанія элементовъ і и с, такъ какъ въ глаголическомъ алфавитѣ с есть ничто иное, какъ опрокинутое і. Воспроизведя изъ двухъ рядомъ стоящихъ подобныхъ элементовъ іс одинъ второй (с), одинъ изъ писцовъ прочелъ реченіе Истинѣ: стъни. На той же страницѣ и въ томъ же чтеніи находимъ реченіе члвкоубица, также удобнѣе производимое отъ глаголического подлинника, ибо въ глаголическомъ алфавитѣ легче предположить смѣшевіе о съ ou (второе есть удвоеніе первого). Въ Саввиной книгѣ находимъ случаи, которые соединяются ея судьбѹ съ судьбой Архангельского списка, ибо и въ ней юсъ большої смѣшанъ съ юсомъ малымъ въ чтеніи отъ Луки II, 44: при доста дніє. Чтеніе это, основанное па ошибочномъ смѣшевіи глаголического юса большаго съ такою же знакомъ ѡотироуваніаго юса малаго, не раздѣляется ниже Архангельскимъ Евангелиемъ, читающимъ на л. 148 лиц.: придоша же пѣты (ἡλθον ἡμέρας ὁδού), въ согласіи съ обоими старшими списками: Ассеманіевымъ на стр. 176 и Остромировымъ на л. 256 г.

Другія парорѣзата, возникшія при копированіи глаголического подлинника, отчасти раздѣляются, отчасти не раздѣляются Саввиною Книгою съ Архангельскимъ Евангелиемъ. Сходство глаголическихъ начертаній элементовъ о и съ повлекло описание Архангельского Евангелия на л. 28 об. не межете вмѣсто не можете, не раздѣляемую Саввиною Книгою. Напротивъ, тожественная описка на л. 139 об. и ѿ моу же велить (отъ №е. XI. 27 καὶ φέατο βούληται) въ точности воспроизводится на стр. 131 Саввиної Книги. Искаженіе возникло изъ чтенія Ассеманіева Евангелия (стр. 167) волитъ, въ отличіе отъ Остромирова Евангелия хощеть (л. 244 а.).

Помимо такихъ описокъ, и нѣкотория счастливо воспроизведенныя изъ глаголического подлинника реченія ясно выдаютъ его; такъ, напримѣръ, правописаніе на л. 149 лиц. исаіемъ съ своимъ не ѡотироуваннымъ с трудно вообразимо въ кириловской рукописи, и тожественно повторяемое въ Ассеманіевомъ Евангелии (стр. 177) йсаіемъ, оно, дѣйствительно, замѣняется въ Остромировомъ на л. 254 б вполнѣ нормальнымъ кириловскимъ правописаніемъ: исаіемъ.

Съ тѣмъ болѣшою увѣренностью усматриваемъ описку съ глаголического подлинника и въ слѣдующемъ чтеніи на воскресенье по Цятидесятницѣ (отъ Ме. XIX, 29), читаемую на л. 26 лиц. Архангельского Евангелия: и въсѧкъ иже оставить домъ братию или сестры ли ѡцѣли и мѣтры ли женоу ли дѣти ли села ли храмы имене ли сего ради сътократицею прииметъ, гдѣ имене ли сего ради представляеть ложное обобщеніе конструкціи этихъ словъ съ предшествующею; легко допустимое вслѣдствіе труднаго скопленія кружковъ въ сочетаніи глаголическихъ литер лис и мо, — вмѣсто имене моего ради (*éνεκεν τοῦ ὄντας μου*), какъ читаѣмъ это мѣсто въ Остромировомъ л. 59 въ Ассеманіевомъ стр. 46. Такое же случайное происхожденіе приписываемъ варіанту Архангельского списка на л. 145 чѣвкъ (отъ Ме. II, 6 *ηγούμενος*) вмѣсто правильнаго чтенія въ Остромировомъ л. 251 гѣлка, замѣняемаго въ Ассеманіевомъ Евангелии реченіемъ «водь». Случайное происхожденіе, основанное на недосмотрѣ одного писца, влечетъ за собою и то необходимое условіе, что большинство такого рода варіантовъ не раздѣляется ни однимъ изъ оставленныхъ списковъ.

Нѣкоторая изъ подобныхъ же осмыслиенныхъ ошибокъ приходится приписать самому писцу Архангельского Евангелия, такъ какъ онѣ предполагаютъ столь же небрежное чтеніе кирилловскаго письма; такъ, отъ Io. IV, 42 (л. 3 лиц.) елми бо слыshaхомъ (авто *τὰρ ἀκηκόαμεν*) вмѣсто чтенія въ Остромировомъ л. 32 въ и въ Ассеманіевомъ стр. 26; сами бо слыshaхомъ. Его же нерадѣнію приписываемъ слѣдующее отступленіе отъ чтенія, господствующаго въ Евангеліяхъ обѣихъ редакцій (и кириллской и глаголической), отъ Io. XI, 48 на л. 10 об. (на повед. VI недѣли): и възываутъ и. и мѣстѣ газыкъ, гдѣ реченіе мѣста есть небрежно прочтенное (быть можетъ, по неизвестному палимпсесту) мѣсто въ спискахъ Остромировомъ и Ассеманіевомъ: и възываутъ и мѣсто и газыкъ нашъ (*καὶ ἀρούσαντι ἡμῶν τοῦ τόπου καὶ τὸ θύνος*).

Критический составъ евангельского текста въ Архангельскомъ спискахъ приводить къ тому заключенію, что, въ подтвержденіе выше сдѣланныхъ наблюдений, поколѣніемъ предшествовавшая ему, глаголическая рецензія была отмѣчена не одними граматическими и лексическими отличіями, но и такими, которыя заставляютъ предполагать руку сознательного исправленія, основанного на справкахъ съ греческими рукописями, подручными глаголическому редактору. Шафарикъ въ своемъ трудахъ *Ramátky hlaholského písemnictví*, из-

данномъ въ Прагѣ въ 1853 г., посвятилъ нѣсколько дорогихъ для науки страницъ (XXXIII, XL) вопросу о различіи между кириловскими и глаголическими кодексами книгъ Нового Завѣта вообще и о критическихъ разностяхъ въ текстѣ преложенія, основанныхъ на различіи подлинниковъ, въ особенности. Это изслѣдованіе Шафарика отличается не столько положительностью и общностью выводовъ, сколько твердостью тѣхъ немногихъ различительныхъ точекъ, имъ найденныхъ, которыхъ позволяютъ съ полной достовѣрностью распредѣлять славянскіе списки Евангелія по двумъ главнымъ рецензіямъ—кириловской и глаголической. Руководясь этими наиболѣе твердыми діакритическими основаніями, мы убѣждаемся въ томъ, что въ основаніе евангельского текста Архангельского списка положена рецензія глаголическая. Въ немъ находимъ мы (л. 8 об.) въ чтеніи отъ Иоанна IX, 8, глаголическую рецензію преложенія: *ιακο προσιτης βη* (Ассем. *γιακο προσιτης βη* р. 32), въ отличіе отъ кириловской, читаемой въ Остромировомъ (л. 38 в) и во всѣхъ спискахъ, генетически отъ него зависимыхъ: *ιακο προσιτης βη*. Наилучшее основаніе этому различію дается изданіемъ книгъ Нового Завѣта Тишендорфа 1842 г.¹⁾. Въ своемъ парижскомъ изданіи Тишендорфъ имѣлъ цѣлью возстановить въ возможной близости, по греческимъ рукописямъ западной семьи, тотъ греческій текстъ Евангелія, который имѣлъ предъ собою бл. Иеронимъ, изготавляя латинское преложеніе, легшее въ основаніе католической Бульгаты. Въ приведенномъ мѣстѣ чтенія отъ Io. IX, 8 встрѣчаемъ подлинникъ нашей глаголической рецензіи (списковъ Ассеманіева и Архангельского): *βη προσιτης ην quia mendicus erat* принятый Тишендорфомъ въ текстѣ, съ относениемъ подлинника рецензіи кириловской (списка Остромирова) *βη τοφλός ην* въ число вариантовъ. Со времени глаголической рецензіи (предположительно, первой половины X столѣтія) до конца XI вѣка, къ которому принадлежитъ списокъ Архангельский, не смотря на предполагаемыя поколѣнія писцовъ Кириловскихъ, чтеніе глаголической рецензіи подверглось лишь такому измѣненію, которое могло только упрочить его за евангельскимъ текстомъ въ старо-славянскомъ преложеніи: несогласная съ духомъ славянскихъ языковъ перифраза просительбѣ, буквально передающая греческій текстъ, была замѣнена нормальной формою глагольного спряженія, формою давнопрошедшаго времени (просиль

¹⁾ *Novum testamentum graece et latine. Editore A. F. Didot, 1842. Prolegomena, pp. I—VI. Textus, p. 167. Variantes lectiones, p. 16.*

бѣ). Глаголический рецензентъ имѣлъ случай въ этомъ чтеніи (на воскресеніе 6-й недѣли по Пасцѣ) не однажды свидѣтельствовать свое критическое рвеніе. Въ первомъ, уже указанномъ, случаѣ онъ принялъ въ основавіе своего исправленія другое чтеніе, свойственное греческому тексту Евангелія западной семьи, который онъ, очевидно, имѣлъ подъ рукою. Въ другихъ случаяхъ, не имѣя никакой разницы въ своемъ греческомъ кодексѣ, онъ лишь приближалъ смыслъ кирилловскаго преложенія къ болѣе точному значенію словъ подлинника; такъ, въ согласіи съ Ассеман., стр. 82, Архангельский списокъ на л. 9 лиц. читается: *ιακο σου(λ)βοτъ не хранить(ъ)* вмѣсто не чьтеть, какъ то читается въ Остромировомъ спискѣ (л. 39 а) и рукописяхъ, церковно-славянскихъ и русскихъ, отъ него генетически зависимыхъ, находя, что послѣднее менѣе точно передаетъ смыслъ греческаго подлинника: *βτι τὸ σάββατον οὐ τηρεῖ* (*qui sabbatum non custodit*). Въ томъ же чтеніи (IX, 24) преложеніе Остромирова Евангелія: *възвѣашъ замѣняется Ассеманіевымъ и Архангельскимъ списками: възвѣшиша*, въ большее соответствие *ἀφόμοσα* подлинника. Въ нѣкоторыхъ различительныхъ чтеніяхъ Архангельский списокъ является болѣе по-следовательнымъ глаголическимъ идіотизмомъ, чѣмъ самъ Ассеманіевъ списокъ, изъ чего можно вполнѣ удостовѣриться въ томъ, что такие идіотизмы не должны быть принимаемы за арханизмы первоначального преложенія Св. Писанія на старо-славянскій языкъ. Ихъ постепенное возвращеніе въ текстѣ началось съ первой половины X столѣтія и упрочивалось въ слѣдующіе полтора вѣка. Въ древнѣйшемъ изъ глаголическихъ, Ассеманіевомъ Евангеліи, какъ справедливо въ свое время замѣтилъ Шафарикъ¹⁾, глаголический идіотизмъ клеплъ вмѣсто кирилловскаго знаменай читается лишь одинъ разъ, въ чтеніи на субботу 7-й недѣли по пасцѣ (Іоанна, XXI, 19) клеплъ *κοκῆς* съмртынъ прославитъ ба (*στριχίωνυ*, *ποίη* *Μανάτφ δοξάσει τὸν Θεόν*), въ другомъ же на вторникъ 7-й недѣли (отъ Іоанна, XII, 33) въ тожественной фразѣ онъ замѣняется кирилловскимъ синонимомъ *назнаменоуи*, въ соответствие съ кирилловскимъ (Остром. л. 42 г) знаменай. Архангельский списокъ читаетъ эту фразу совершенно тождественно въ обоихъ мѣстахъ (л. 12 лиц. и 21 об.) съ глаголическимъ идіотизмомъ клеплъ²⁾. Признавая, что этотъ

¹⁾ О. с., р. XXXVI.

²⁾ Савина книга раздѣляетъ и этотъ глаголический идіотизмъ съ Ассеманіевымъ и Архангельскимъ списками (стр. 6). Архангельский списокъ, во второмъ

идиотизмъ возникнуть иначе не могъ, какъ изъ ошибочнаго обобщенія позднѣйшаго, производнаго значенія глагола *страдіуш* (*страдіаторъ*), Шафарикъ¹⁾ симъ самымъ доказываетъ, что источника для всякаго рода разницъ въ глаголической рецензіи не слѣдуетъ искать въ Вульгатѣ, а въ греческомъ же текстѣ, по иной редакціи противъ того текста, который имѣлъ предъ собою бл. Кириллъ. Если, при отсутствіи всякаго колебанія въ текстѣ (вездѣ *страдіуш*), разницы возникали изъ различнаго пониманія греческаго же слова, то нѣтъ никакого основанія искать для разницъ, возникшихъ изъ разночтенія, въ Вульгатѣ, хотя бы эти разницы и подтверждались ею. Основанія, слѣдовательно, для критическихъ различій глаголической рецензіи слѣдуетъ, несомнѣнно, искать въ разночтеніяхъ тѣхъ же греческихъ рукописей, хотя и иной противъ кириловской, восточной рецензіи,—рецензіи западной, бывшей предъ глазами бл. Иеронима.

Убѣдившись на послѣднемъ примѣрѣ въ томъ, что не Вульгата, а греческій же кодексъ западной рецензіи, послужившій подлинникомъ и для бл. Иеронима, былъ принятъ за основаніе при глаголической рецензіи преложенія на старо-славянскій языкъ, совершенного бл. Кирилломъ, будемъ продолжать въ этомъ направлѣніи наше критическое обозрѣніе Архангельскаго списка. Въ членіи отъ Иоанна, XII, 47 (на среду 6-й недѣли по Пасцѣ). Архангельскій списокъ на л. 13 лиц., въ согласіи съ Ассеманіевымъ, читаетъ такъ: *и аще къ то (оу) слышитьъ* глаголы *мом(и)м* и не съхранить(ъ) ихъ, въ отличіе отъ Остромирова, замѣняющаго реченіе съхранить реченіемъ *вѣроуетъ*. Основаніе различія остается совершенно тожественнымъ съ тѣми вариантами, которые мы рассматривали выше: греческія рукописи западной семьи читаютъ: *καὶ μὴ φολέψῃ*, въ отличіе отъ рукописей семьи восточной, читающихъ: *καὶ μὴ πιστεύῃ*²⁾, согласно съ первоначальнымъ преложеніемъ, сохраненнымъ въ Остромировомъ спискѣ. Въ членіи на св. Вознесеніе (на четвергъ 6-й недѣли по Пасцѣ) Архангельскій списокъ на л. 13 об. въ согласіи съ Ассеманіевымъ (стр. 37) передаетъ (отъ Луки, XXIV, 49) текстъ вполнѣйший, сохраненный греческими рукописями западной рецензіи, безъ того опущенія, которое допускаютъ рукописи рецензіи восточной³⁾: и єдъ предъ ними

своемъ почеркѣ въ членіи отъ Иоанна, XVIII, 28, переходитъ на л. 103 об. *страдіушъ—знаменатъ*, въ соотвѣтствіе Остромирова 181 г.: *καὶ οὐ γνωμενάτη*.

¹⁾ О. с., XXXVIII.

²⁾ Tischendorf, N. T. 1812, p. 175. Var. II. p. 16.

³⁾ Ib., pp. 146, 14.

прочее дастъ(ъ) (καὶ λαβὼν ἐνώπιον αὐτῶν ἔφαγεν, καὶ λαβὼν τὰ ἑδωκεν αὐτοῖς), тогда какъ Остромировъ списоکъ, сохраняющій преложеніе бл. Кирилла съ греческой рукописи восточной рецензіи, опускаетъ всю вторую половину приведенного мѣста со словъ καὶ λ., читая только: и принимъ прѣдъ ними ѿсть (л. 44 в—г). Въ чтеніи отъ Матея. XXVII, 36, текстъ западной рецензіи, принятый Тишendorfомъ въ Парижскомъ изданіи 1842 г.: Σταυρόσαντες δὲ αὐτὸν διεμέρισαντο τὰ ἴματα αὐτοῦ βαλόντες κλῆρον (р. 52), лежъ въ основаніе перевода Архангельского Евангелия на л. 109: раздѣлиша ризы ѿго метавъше жре-бита¹), тогда какъ Остромирова на л. 189в читаетъ мещъщѣ, имъ передавая чтеніе другой семьи греческихъ рукописей Евангелия. Вѣ-ложас,несенное Тишendorfомъ къ варианту въ изданіи 1842 г. (Var. II, р. 5).

Ту же правильность въ родословной соотношениі Архангельского списка къ Ассеманіеву и къ Савиной книгѣ (въ противоположность Остромирову) устанавливаетъ чтеніе отъ Луки, II, 48, соблюдающее рѣзкую разницу въ обѣихъ рецензіяхъ, устанавливаемыхъ Тишendorfомъ въ изданіи 1842 г., Архангельскій списокъ на л. 148 лиц., въ согласіи съ Савиной книгою, стр. 41, читаетъ: и не чоуста родитеља ѿго, съ которыми оказывается тожественнымъ и Ассеманіево чтеніе, стр. 176, и не чюете родителъ, чѣмъ совокупно переводится греческій подлинникъ, принятый Тишendorfомъ въ текстъ изданія 1842 г.: καὶ οὐδὲ ἔγωσαν οἱ ψονεῖς αὐτοῦ (Tischendorf p. 95). Остромирово Евангелие отклоняется въ пользу Var. II, р. 10: καὶ οὐδὲ ἔγω Ιωσὴφ καὶ ἡ μῆτηρ αὐτοῦ, переводя, согласно съ этимъ подлинникомъ первоначального преложенія: и не чоу иосифъ и мати ѿго (л. 256 г.).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ чтеніе Арханг. списка даетъ замѣтить колебаніе въ выборѣ вариантовъ греческаго подлинника, ибо, отдавая въ рѣшильномъ большинствѣ предпочтеніе западной его рецензіи, въ отдѣльныхъ случаахъ онъ вносить чтенія восточной; такъ, напри-мѣръ, на л. 83 об.: не tanto же боуди въ васъ передаетъ греческій подлинникъ отъ Марка X, 43 оубъ обтас δὲ ἔσται ἐν ὅμιν (Tischendorf, Var. II, р. 8), внесенный Востоковымъ въ греческій подлинникъ къ его Остромирову Евангелию (л. 136 лиц.), тогда какъ Остромирово (л. 136) и Ассеманіево Евангелия (стр. 106) предпола-

¹) Въ согласіи съ Ассеманіевымъ стр. 139 метаатт; Савина Книга: метаміт, п Четвероевангелие Григоровича: меташт (л. 40 об.).

гаютъ своимъ первоначальнымъ переводомъ греческій подлинникъ въ томъ видѣ, какъ его принимаетъ Тишендорфъ въ свое парижское изданіе 1842 г.: *οὐχ οὗτος δὲ ἐστιν ἐμὸν: οὐ ταῦτα μόνα εἰσὶν*¹⁾). То же соотношеніе наблюдается въ подлинникахъ, легшихъ въ основу текста Арханг. списка, сравнительно съ Ассеман. и Остромировымъ—и въ чтеніи отъ Мф. XXVI, 60 καὶ οὐχ εἴρον, καλλὰ φεδωράτορῶν προσλθούσιν οὐχ εἴρον (Tischendorf, Var. II. p. 5): и не обрѣтоша, и многомъ лъжемъ съвѣдѣдѣцъ пристальнѣше не обрѣтоша, въ согласіи съ Саввиною книгой на стр. 88 и въ противоположность спискамъ Остромирову л. 162 б. и Ассеманиеву стр. 120, переводащимъ текстъ такъ, какъ онъ принять въ изданіи 1842 г. на стр. 50, то-есть, безъ повторительного: οὐχ εἴρον²⁾.

Совокупныя отступленія Ассеманиева и Архангельскаго списка свидѣтельствуютъ отчасти и о намѣреніи глаголического рецензента ввести въ текстъ преложенія болѣе тщательное соблюденіе синтаксической конструкціи подлинника, ибо союзы греческіе, не вездѣ переведенные первоначальнымъ переводчикомъ, въ Ассеманиевомъ и Архангельскомъ спискахъ переводятся. Такъ напримѣръ, союзы μὲν въ въ чтеніи отъ Луки XXIII, 33: δὲ μὲν ἐκ δεκιῶν, δὲ δὲ ἐξ αὐτοτερῶν, не переведенный въ Остром. л. 191 б единого одесиѣмъ а дроу-гааго олѣвамъ, начиная съ Ассеман. Евангелия, стр. 134, въ Саввиної книгѣ и Арханг. списокѣ л. 110 лиц. переводится весьма отчетливо: ового οὐбо о десиѣмъ а дроугаго о шюмъ. Нѣкоторыи изъ отступленій отъ старшаго текста въ пользу большей точности преложенія, замѣченыя нами въ Архангельскомъ спискѣ, не раздѣляются ниже Саввиної книгой. Такъ напримѣръ, въ чтеніи отъ Мф. XI, 2 πάμφας δύο τῶν μαθητῶν небрежно (διὰ βιβλίου δύο) было переведено: посылавъ ученикъ своимъ, и такое небрежное преложеніе читается не только въ Остром. л. 266 г., и Ассеман. стр. 187, но и въ Саввиної книгѣ, стр. 147. Хотя тѣмъ самимъ не исправляя первоначального преложенія, подлинникъ Архангельскаго списка замѣтилъ (конечно, по греческому подлиннику) недосмотръ первоначальнаго переводчика, читалъ въ указанномъ мѣстѣ: посылая два предъ ученикы своими (!) и съ тѣмъ вмѣстѣ внося въ послѣдующую кон-

¹⁾) Замѣчательно, что остромское изданіе л. 23 въ совпадаетъ съ чтеніемъ Арх. сп. *бoudeut*.

²⁾) Остромское изданіе и здѣсь удерживаетъ чтеніе Архангельскаго Евангелия: *ι καὶ οὐχ εἴρον*—не обрѣтомахъ—*ι καὶ οὐχ εἴρον* л. 15 в.

структурю двойственное число (XI, 7, тóтто ве πορειομένου): тъма же исходащема вмѣсто тѣмъ же исходащемъ остальныхъ списковъ¹⁾.

Другія совокупныя отступленія списковъ Архангельского и Ассеманіева указываютъ на совершенно свободную и намѣренную переработку текста отчасти лексическую, отчасти стилистическую, не зависящую отъ какихъ-либо уклоненій греческаго кодекса, имѣвшагося предъ глазами глаголического рецензента. Такъ, въ Евангелии отъ Луки XXIV, 44, слова: ἐτι ὁν οὐδὲ, дословно передаваемыя Остромировымъ спискомъ: иже си съ вами (л. 44 г.), подверглись въ спискахъ Архангельскомъ и Ассеманіевомъ слѣдующему измѣненію: єще живъ си, къ которому греческій подлинникъ, читающій это иѣсто безразлично, не могъ побудить рецензента. Если значеніе слова въ первоначальномъ преложеніи было обобщено, то въ глаголической рецензіи оно было приближено къ его точности. Такъ, напримѣръ, въ чтеніи на субботу 13-й недѣли по пятидесятницѣ (отъ Ме. XXII, 18) Остромирово Евангелие читается (л. 78 б): разумѣвъ же итс помышленія ихъ (γνοὺς δὲ ὁ Ἰησοῦς τὴν πονηρίαν αὐτῶν); реченіе помышленія замѣнено въ Арханг. (л. 42 лиц.) и Ассеманіевомъ (р. 62) спискахъ: лоу(ж)кавъ(е)ствиа. Обратное отношеніе въ выборѣ синонимовъ наблюдается въ чтеніи на воскресенье 13-й недѣли (отъ Ме. XXI, 39). Архангельский списокъ на л. 43 лиц.: имъше изведоша (извѣска Ассем.) и вѣнь из винограда, согласно съ Ассеманіевымъ, тогда какъ Остромировъ читается: извлѣкоша (л. 79 а). Иногда болѣе конкретный оттѣновъ значенія, удержаный изъ первоначального преложенія даже и въ Четвероевангелии Григоровича, исчезаетъ одинаково какъ въ Ассеманіевомъ, такъ и въ Архангельскомъ спискахъ. Такъ, напримѣръ, чтеніе отъ Ме. XXVII, 53: μετὰ τὴν ἑτερον αὐτῷ, переводимое Остромировымъ Евангелиемъ на л. 191: а по въскрысении єго: удерживается какъ Четвероевангелиемъ Григоровича на л. 41 об., такъ и Саввиною книгой, будучи обобщено въ Ассеман. Евангелии (стр. 14) и въ Арханг. списѣ на л. 110 лиц. въ слова: по въскрысении єго.

По нѣкоторымъ исправленіямъ остался единственный слѣдъ въ одномъ исключительно Архангельскомъ Евангелии; такъ напримѣръ, въ чтеніи отъ Луки XXIII, 45: καὶ ἐσκότισθη ὁ ἥλιος одипъ Арханг.

¹⁾ Острожское издание л. 6 в. читать вполнѣ правильно: послать два ψ оученикъ своихъ.

списокъ (л. III лиц.) приближаетъ преложеніе къ греческому подлиннику: и помърче сѣйце, въ остальныхъ же всѣхъ остается обворотъ дат. самостоятельнаго: Остр. 192 в. сѣйцоу омъръкъшоу. Ассеманіево Евангелие, стр. 135, и Савинова книга, стр. 115, удерживаютъ чтеніе, очевидно, первоначальное списка Остромирова, опущенія лишь предлогъ *о*: сѣйцоу иръкъшоу. Столъ же единицей слѣдъ несущественного дополненія, привошедшаго къ первоначальному преложенію, сохраняетъ Арканг. списокъ и въ чтеніи отъ Луки XXIII, 48: *καὶ τάντας οἱ σορταραγυεύμενοι ὅχλοι ἀπὸ τῆς θεωρίαν ταῦτα.* л. 111 лиц.: и все пришдѣше народи на позоръсъ, гдѣ всѣ остальные списки представляютъ чтеніе лучшее и вполнѣ согласное съ достоинствомъ икъ древности: пришдѣши, замѣнна при этомъ намѣренно опущенное реченіе народи (*ὅχλοι*) мѣстонименою формою причастія (Остром. л. 192 г., Ассем., стр. 135). То же стремленіе глаголического рецензента къ болѣе точной передачѣ греческаго подлинника отразилось въ слѣдующихъ чтеніяхъ Архангельскаго Евангелия: на л. 140 об.: пригласи (отъ Марка IX, 35 *ἀφώντας*), въ согласіи съ Ассеманіевымъ, стр. 171, въ отличіе отъ Остромирова, читающаго на л. 248 в: призыва; на л. 144 об.: отъ вѣстокъ (отъ Мк. II, 1 *ἀπὸ ἀνατολῶν*) въ согласіи съ Ассеманіевымъ на стр. 173, въ отличіе отъ Остромирова, читающаго на л. 251 б: отъ вѣстока. Греческий зват. падежъ *χρήστος* въ чтеніи отъ Луки V, 3 въ Арканг. спискѣ на л. 165 об., въ согласіи съ Ассеманіевымъ Евангелиемъ (стр. 195), переводится реченіемъ болѣе свойственнымъ западнымъ славянскимъ нарѣчіямъ: славыны вмѣсто дѣржавныи (Остром. л. 277 в).

Соответственно разницѣ, постоянно раздѣляемой Архангельскимъ спискомъ съ Ассеманіевымъ (противъ Остромирова) въ самомъ чтеніи евангельского текста, въ той же степени различительны и разницы въ вачалахъ евангельскихъ перикопъ. Такъ напримѣръ, два рядомъ другъ за другомъ слѣдующія чтенія на понедѣльникъ и вторникъ 6-й недѣли по Паскѣ въ двухъ первыхъ Евангелияхъ глаголической рецензіи (Ассеман. и Арканг.) читаются однообразнѣе сравнительно съ Остромировымъ. Ассеман.-Арканг.: 1) Въ оно времѣ събирашися архиерей и фарисеи съ ними на іса. 2) Въ оно времѣ съвѣтъ сътворишъ архиерей и старцы на іса. Остромирово: 1) Въ врѣмѣ оно събирашъ архиерей и фарисеи съборъ. 2) Въ врѣмѣ оно съвѣтъ сътворишъ фарисеи на іса. Если даже первая глаголическая рецензія (въ Болгаріи), по скольку она отражается въ спискѣ Ассеманіевомъ, не даетъ тому или другому чтенію

зачала, тожественного со спискомъ Архангельскимъ, то свой подлинникъ, вполнѣ точный, и въ этихъ случаяхъ получается Архангельский списокъ не въ Остромировомъ Евангелии, а въ позднѣйшей, по времени написанія, но во всякомъ случаѣ болгарской, принадлежащей глаголическому изводу, Савиной книгѣ. Такъ напримѣръ, въ зачатѣ чтенія на пятокъ VII недѣли по пасцѣ, не имѣя своего подлинника въ Асsemаніевомъ (р. 128), Архангельский списокъ отличается все же и отъ Остромирова, хотя бы только по конструкціи предложеній. Остромировъ читаетъ на л. 52 а: Въ врѣмѣ оно възведѣ ісъ очи свои на ученики рече. Архангельскій (л. 20 об.) и Савина книга (стр. 5) читаются совокупно: въ онѣ възведе ісъ (Арх.) на ученики (своѧ Арх.) и рече.

Изъ нѣкоторыхъ отступлений въ зачатыхъ чтеній становится вполнѣ яснымъ, что древній рецензентъ первоначального преложенія исправлялъ текстъ своего апракоса по тексту Четвероевангелия, откуда, по невниманію рецензента, и вкрадывались изрѣдка мѣста, подобныя съдующимъ: въ чтеніи на воскресеніе 6-й недѣли поста: въ врѣмѣ оно поемъ ісъ пакъ бѣ, где реченіе пакъ въ точности переводить текстъ Четвероевангелия (отъ Марка, X, 32: καὶ παραλαβὼν τάχι τοὺς δώδεκα) и въ древнихъ апракосахъ, каковы Остромировъ, л. 135 б и Асsemаніевъ, р. 106, не воспроизводится. Напротивъ, въ Четвероевангелии Григоровича находимъ, по всему вѣроятію, подлинный древнѣйшій текстъ, послужившій основой для исправленія, ибо въ немъ и читаемъ: и поемъ ісъ пакъ (отъ Марка ῥ̄ι на л. 63 лиц.). Случайно вошедшее въ зачато чтенія, вліяніе текста Четвероевангелия, принятаго въ основаніе при глаголической рецензіи первоначального преложенія, особенно глубокій слѣдъ оставило въ чтеніи отъ Луки, XXIII, 32: ἦγουτο δὲ καὶ ἑταροὶ δύο κακοῦροι σὺν αὐτῷ ἀναφερεῖσαν читаемъ, какъ въ Архангельскомъ спискѣ, л. 110, такъ и въ Савиной книгѣ, стр. 114: ведено бы(в)ста съ ісъ мъ, вмѣсто зачала въ Остромировѣ, л. 191б: ведено иса и ина въходѣ дѣва съ нимъ (Асsemаніевъ: въсѣ съ ісоусомъ). Эти, случайно оброненные частности, все же весьма опредѣленно указывающія на связь Архангельского списка съ болгарской глаголической рецензіей текста Четвероевангелия, приводятъ прямо къ тому, чтобы для чтеній, вошедшихъ въ Архангельский списокъ, но недостающихъ въ другихъ старшихъ, каковы: Остромировъ, Асsemаніевъ, Савина книга, искать источника въ глаголическомъ Четвероевангелии. Такъ, на л. 115 об.: въ вѣ пл (платькъ) на чаѣ. Щ., встрѣчаешьъ чтеніе, не находящее своего

подлинника ни въ одномъ изъ трехъ выше названныхъ старшихъ списковъ. Въ полное оправдание предлагаемаго нами мнѣнія о связи Архангельского списка съ древнимъ глаголическимъ Четвероевангелиемъ, мы находимъ дословный подлинникъ этому чтенію (отъ Иоанна, XIX, 23—25) въ Четвероевангелии Григоровича и въ томъ именно отрывкѣ, который издалъ Шафарикъ на стр. 50 его „Выбора чтеній“, присоединенныхъ къ его сочиненію „Památky hlaholského písemnictví“, изданному въ Прагѣ, въ 1853 году. Мы приводимъ ихъ сравнительный текстъ:

Четвероевангелие Григоровича.

Вонни же егда проплѣсѣ Ісоуса, пріѣмѣ ризы его, и сътворишъ четвѣри части, комоуждо воину чистъ и хитонъ. бѣже хитонъ нешъвенъ, съ врѣху истѣканъ въсъ. рѣшѣ же къ себѣ: не прѣдерѣмъ его, и нь метѣмъ жребій комоу бѣдетъ. да съблѣдѣтъ съ кънѣгъ глаголѣщтили: раздѣлиши себѣ ризы мої, и о матиъ мояи меташъ жребій. воинъ же оубо си сътворишъ, стояжъ же при крестѣ Ісоусовъ...

Сравненіе указываетъ на полное тожество текстовъ, за исключениемъ речеій хитонъ (χιτών) и матиъ (ματιὸς) въ Четвероевангелии, выраженныхъ въ Архангельскомъ спискѣ ихъ старо-славянскими синонимами: котыга и върхнѧя риза. Остальные различия между обоями текстами таковы по ихъ внутреннему свойству, что указываютъ для лишенныхъ смысла речеій Архангельского списка ихъ не разобранный глаголический подлинникъ. Таковы именно речеія Архангельского списка фѣнѣнъ истинъ, представляющіяся воспроизведеніемъ глаголицею начертанныхъ речеій съ врѣху истѣканъ, искаженныхъ совокупными усилиями не одного, быть можетъ, поколѣнія писцовъ.

Согласно съ симъ, мы нерѣдко встрѣчаемъ совпаденіе Архангельского Евангелия исключительно съ однимъ Четвероевангелиемъ Григоровича. Такъ напримѣръ, въ Архангельскомъ спискѣ на л. 105 об. (отъ №. XXVII, 5) читается: и шьдъ възвѣсистъ въ полное соглаſие съ тожественнымъ чтеніемъ Четвероевангелия Григоровича на л. 39 об. (отъ №. 73): и ошедъ възвѣсистъ. Всѣ остальные списки, нами сравниваемые, читаются это мѣсто съ совокупною замѣною рече-

Архангельский списокъ.

Въ ово времѣдъ. воини югда распѣша іса възложа ризѣ юго. и сътвориша четвѣре части. комоу же воину часть и котыга. бѣже котыга. нешъвена. ѿ вънихъ. пѣстьнь по въсему. рекоша къ себѣ непредѣрѣмъ юго. въ метимъ жребій о вѣмъ. комоу бу得出ть. да събоудеться писанѣ. г҃лошеи раздѣлиша ризѣ мої собѣ. и о верхнѧю ризою мояи меташа жребіята. воини же си твориша. стояжоу оу крѣта Ісва...

ніемъ оудависѧ (Остром. л. 185 а, Ассеманіевъ р. 137. Саввина книга стр. 108. Острож. издание л. 15 г). Въ равной мѣрѣ наблюдается то же совпадение Архангельского списка съ Четвероевангелиемъ Григоровича въ томъ же чтеніи отъ Ме. XXVII, 20 Ѽтасау на л. 106 об: архиереи же и старцы наоустыша народы, тожественно воспроизведимомъ на л. 40 лиц. (отъ Ме. тѣс) Четвероевангелія, въ отличіе отъ Остром. 1866 и Саввиной книги, стр. 110, читающихъ навадишѧ. Древность Четвероевангелія Григоровича, впрочемъ, вполнѣ объясняетъ то явленіе, что въ тѣхъ разночтеніяхъ, которая вводятся въ евангельский текстъ Архангельскимъ спискомъ и Саввиною книгой съ цѣлью оживить чисто греческую конструкцію древняго преложенія въ нихъ, оно держится древняго чтенія вмѣстѣ съ Остромировымъ и Ассеманіевымъ. Такъ, напримѣръ, въ чтеніи отъ Ме. XXVII, 22 ті оѹв ποιήσω Ἰησοῦν, τὸν λεγόμενον χριſτὸν Архангельский списокъ, въ согласіи съ Саввиной книгой, стр. 110, и Острожскимъ изданиемъ л. 16 а, читаетъ на л. 107 лиц.: что же οὐδὲ σύτωρ Ἰσαὶαναριцающоу χοу, тогда какъ всѣ старшіе списки удерживаютъ греческую конструкцію двухъ винительныхъ чѣто же σύτωρ Ἰσаὶа нарицающаго χа (Остром. л. 186 в; Ассеман., стр. 138, Четвероевангеліе Григоровича на л. 40 лиц., отъ Ме. тѣс).

Изрѣдка въ самой лексической обработкѣ евангельского текста встрѣчаємъ согласіе между Архангельскимъ спискомъ и Саввиной книгой. Такъ напримѣръ, перифрастическое образованіе трѣбѣ имѣти вмѣсто трѣбовати въ чтеніи на Воскресенье 8-й недѣли по пятидесятницѣ отъ Ме. XIV, 16 по Архангельскому списку (л. 35 лиц.): не трѣбѣ имоутъ отити. За пропускомъ этой фразы въ Саввиной книжѣ (стр. 20), восполнаемъ сличеніе изъ другого чтенія (на четвергъ 7-й недѣли по пасцѣ): и не трѣбѣ имаши да кто тѣ въпрашаетъ (Саввина книга, р. 5). Также въ чтеніи на субботу 3-й недѣли по новѣмъ лѣтѣ (отъ Луки, V, 31) Архангельский списокъ читаетъ на л. 50 об.: не трѣбѣ имоутъ създравни врача въ болющии¹⁾). Остромировъ и Ассеманіевъ списки читаютъ оба въ обоихъ приведенныхъ вмѣстахъ (отъ Матѳея, XIV, 16; отъ Луки, V, 31): не трѣбоуыть(ъ). Это измѣненіе, равно какъ и выше разобранная замѣна причастія значеноумъ причастіемъ клеплѧ, свидѣтельствуютъ о томъ, что глаголическій рецензентъ имѣлъ подъ руками греческій текстъ Евангелія,

¹⁾ И здѣсь Саввина книга (стр. 32) не представляетъ аналогіи за недостаткомъ соотвѣтствующаго места. См. прим. издателя.

употребляющій въ обоихъ указанныхъ мѣстахъ соотвѣтствующую перифразу: *χριστὸν ἔχαν*, лежащую въ основѣ измѣненія, сдѣланного имъ: отъ Матея, XIV, 16: оѣ *χριστὸν ἔχοντα ἀπελεῖται*; отъ Луки, V, 31: оѣ *χριστὸν ἔχοντα οἱ χριστίνοντες ἴστρον ἀλλὰ οἱ κακοὶ ἔχοντες*. Подобное же совпаденіе Архангельского списка съ одною Саввиною книгой представляютъ: 1) чтеніе отъ Матея, XXVII, 49: *οἱ δὲ λοιποὶ ἔλεγον*. "Аѳас. х. т. л., въ которомъ *ἄφες* переведено только Архангельскимъ спискомъ на л. 109 об. и Саввиною книгой на стр. 113; и прочии глагахоу не дѣи, старшія же Евангелія, начиная съ Четвероевангелия Григоровича на л. 41 об., Остромирова на л. 190 в и Ассеаніева на стр. 140, замѣняютъ форму не дѣи формою остати; 2) на л. 139 лиц. Архангельскаго списка, въ согласіи съ Саввиною книгой стр. 131 читаетъ озираашесѧ, въ отличіе отъ Остромирова на л. 243 г и Ассеаніева на стр. 167, замѣняющихъ чтеніе Архангельского списка и Саввиної книги чтеніемъ оглащаашесѧ; 3) чтеніе отъ Марка, V, 24, на л. 138 об. Архангельского списка и стр. 130 Саввиної книги: Въ оно времѣнъ идѣ(ѣ)ше по Гсѣ, въ отличіе отъ Остромирова л. 243 а и Ассеаніева стр. 166: Въ оно врѣмѣнъ послѣдоваше и Гсоу(-ови). 4) Архангельский списокъ л. 156 об. и Саввина книга стр. 136: *νήνη̄ς Φρουράς τοῦ θεοῦ* раба своего вмѣсто Остромирова л. 264 г и Ассеаніева стр. 185: *νήνη̄ς αὐτοῦ τοῦ θεοῦ* раба твоего, 5) Архангельскій списокъ на л. 154 лиц. и Саввина книга стр. 146 читаются: постави и на вратѣ црквины мъ въ отличіе отъ Остромирова л. 261 в и Ассеаніева стр. 182, читающихъ на кирилѣ црквины мъ. Этими специфическими совпаденіями Архангельского списка съ Саввиною книгой, равно какъ и другими его отступленіями отъ древнѣйшихъ кодексовъ глаголическихъ, каковы Ассеаніевъ и Григоровича, свидѣтельствуется болѣе крѣпкая связь Архангельского списка съ относительно позднѣйшими плодами предпринятой въ Х вѣкѣ въ Болгаріи глаголической рецензіи первоначального преложенія книгъ Нового Завѣта. Съ особенною яркостью наблюдается это на тѣхъ совпаденіяхъ Архангельского списка съ Саввиною книгой, которыхъ отличие отъ древнихъ списковъ Евангелія (Остромирова и Ассеаніева) ограничивается одною невольною порчей текста древнаго преложенія. Такъ напримѣръ, порча согласованія вкрадалась при ариѳметическомъ обозначеніи числительного имени 12 въ Архангельскомъ спискѣ на л. 148 лиц.: и югда бы. вѣ. лѣтѣ, въ согласіи съ Саввиною книгой, читающею тождественно: и югда бысть. вѣ. лѣтѣ. Остромирово Евангеліе на л. 256 в, въ естественномъ согласіи съ

Ассеманіевыиъ (стр. 176), читаетъ вполнѣ правильно: и югда бысть дъвоиъ на десѧтъ лѣтоу.

Неравномѣрное отпошениe Архангельского списка и Савиной книги къ глаголической рецензіи явствуетъ изъ мѣстъ, въ которыхъ Архангельский списокъ слѣдуетъ древнѣйшимъ глаголическимъ, а Савина книга удерживаетъ чтеніе списка Остромирова. Такъ напримѣръ, въ чтеніи отъ Матея, XXVII, 46: *ινα τι με ἀγκατίληες* вопросительное нарѣчіе въ склонѣ на л. 109 об. Архангельского списка въ склоную и ма юси оставилъ читается тождественно во всѣхъ Евангеліяхъ глаголической семьи, какъ-то: въ Четвероевангеліи Григоровича на л. 41 лиц.: въ склонѣ имъ юси оставилъ и въ Ассеманіевомъ стр. 140, за исключенiemъ Савиной Книги, читающей на стр. 113, вмѣстѣ съ Остромировымъ Евангеліемъ л. 190 б: поч(ъ)то. Къ этому присоединяются и другія лексическая подобности, въ которыхъ Савина книга присоединяется къ Остромирову Евангелію, строго обособленія глаголическую семью Ассеманіева Евангелія и Архангельского списка: на лл. 143, 144, 147 об. читается неоднократно *παστιρи* въ согла-сіи съ Ассеманіевымъ Евангеліемъ (стр. 176), вмѣсто *παστοуси* въ Остромировомъ Евангеліи л. 256 б и Савиной книгѣ, стр. 140.

Ассеманіево Евангеліе совершенно уединяется въ преложеніи чтенія отъ Марка XV, 23: *καὶ ἐδίδουν αὐτῷ πάντα ἄσμοριαρέουο σίνον*, въ которомъ одинъ Ассеманіевъ списокъ оставляетъ *ἄσμοριαρέουο* не переведеннымъ, но лишь искаженнымъ въ означено вино (стр. 134), остальные же списки переводятъ—Остром. 188 б оцѣльно, Четвероевангеліе Григоровича л. 74 лиц. оцѣльно, Сав. книга стр. 111 оцѣльно, Арханг. списокъ на л. 108 лиц. оцѣльно вино¹⁾). Реченія, не переведенные въ первоначальномъ преложеніи, каково, напримѣръ, катапетазма въ Четвероевангеліи Григоровича на л. 41 об., въ Ассеман. стр. 140, въ Остром. л. 190 г. (катапетавматы), въ старшихъ спискахъ остаются нетронутыми, и лишь въ Савиной книгѣ стр. 113 въ строку иносится переводъ опона (съ удержаниемъ надъ строкою греческаго реченія), въ Арханг. списокѣ замѣненный русскимъ запона²⁾). Также точно *ἀχρίδες* въ чтеніи отъ

¹⁾ Острожское издание возвращается къ древности Ассеман. Евангелія, оставляя слово не переведеннымъ: *εσμιρισμένο вино* на л. 26 в. Здѣсь не трудно указать источники Острожскихъ издателей: чтеніе это или заимствовано изъ полныхъ списковъ Вибла. Опис. синод. библ. I, стр. 144.

²⁾ На л. 119 об. реченіе повторяется съ тѣмъ же соответствующими греческими речениемъ въ остальныхъ.

Ме. III, 4, остается не переведеннымъ ни въ Остромировомъ 254 въ акридѣ, ни въ Ассеаніевомъ стр. 177 акриди. Речеиѣ єѳпїмеріа, переведенное словомъ чрѣда на л. 166 лиц.: въ днѣ чрѣды своего (оть Луки I, 8 єв тѣ тѣс тѣс єѳпїмеріа сътой), на л. 165 об. является не переведеннымъ и облеченымъ глаголическою особенностью произношениѧ губной придыхательной ф: епимерия¹⁾).

Связь Архангельского списка съ глаголическою рецензіей упрочивается и тѣмъ еще, что даже и тѣ разности съ Остромировымъ спискомъ, которыя, не имѣя основанія въ болѣе или менѣе рѣзкихъ отклоненіяхъ въ греческомъ подлинникѣ того и другаго, ограничиваются лишь болѣе точнымъ переводомъ, общи ему съ Ассеаніевымъ; такъ напримѣръ, оть Ме. XXVI, 10 τι χόπος παρέχετε τѣ γυναικී Архангельскій списокъ передаетъ, въ согласіи съ Ассеаніевымъ (стр. 116) на л. 92 об. ближе къ греческому подлиннику: чъто тру-удъ дѣкте женѣ ви. Остромирова на л. 156 а: чъто труждакте женѣ. Въ иномъ случаѣ такія разности, происшедшія изъ глаголической рецензіи первоначального преложенія, не раздѣляются Ассеаніевымъ Евангеліемъ, но за то находить свой, столь же точный, подлинникъ въ Четвероевангеліи, глаголическомъ же, Григоровича. Такъ напримѣръ, въ чтеніи оть Ме. XXVII, 66 αφράτισσατε; тѣс λιθον Арханг. списокъ читаетъ на л. 121: знаменавше съ косто-дию, въ полное согласіе съ глаголическимъ Четвероевангеліемъ Гри-горовича, читающимъ на л. 42 лиц.: знаменавше камень съ ко-устодию, тогда какъ Ассеаніево Евангеліе стр. 141 читаетъ то-жественно съ Остромировымъ л. 195 г: запечатльвше камень съ коустодию. Въ чтеніи оть Ме. XXI, 13: ἀποβίσται δὲ ὅρη Арханг. списокъ переводить согласно съ Ассеаніевымъ Евангеліемъ стр. 155: приключить же съ вами въ отличіе оть Остром. л. 226 а: прилоучить же вамъ; въ чтеніи оть Ме. XVI, 18: οὐ κατοχύσσουσι, имѣстъ съ Ассеаніевымъ стр. 198, Арханг. списокъ на л. 168 об. переводить не оудоблюютъ въ отличіе оть Остром. л. 281 в не оудолѣютъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крайности въ дословной передачѣ греческихъ словосложеній остались только въ Арханг. спискѣ, изъ прочихъ же были удалены. Такъ напримѣръ, πνോμων въ чтеніи оть Ме. XXVI, 41, только Арханг. списокъ переводить дхъ предъ-мысливъ; въ Остромировомъ же на л. 160, Ассеаніевомъ на стр. 119,

¹⁾ Ср. Miklosich, Vergleichende Lautlehre, 1852. p. 196.

Саввию книгъ стр. 86 и Острожскомъ изданіи на л. 15 б вездѣ читается одинаково: бѣдръ. Такой случай, впрочемъ, не можетъ никакимъ образомъ послужить въ предосужденіе древняго подлинника Архангельского списка, ибо столь одинокимъ является и исправленіе по греческому подлиннику на л. 97 об.: что юще трѣбуоуємъ (Мо. XXVI, 65 τι ἔτι χρεῖαν ἔχομεν), оставленное безъ послѣдствій во всѣхъ нами сличаеныхъ Евангеліяхъ, читающихъ требуюте (Остром. л. 162, Ассеан. стр. 120, Саввина книга стр. 88, Острож. изданіе л. 15 в.).

Къ категоріи такихъ же специфическихъ признаковъ родословной связи Архангельского списка и Саввию книги съ глаголической рецензіей апракоса, представителемъ коей служить Ассеаніево Евангеліе, относятся еще слѣдующія особенности, раздѣляемыя вездѣ діаметрально Архангельскимъ спискомъ съ Саввию книгою и Ассеаніевымъ Евангеліемъ: 1) часто повторяющеся начало чтеній въ оно времѧ, въ отличіе отъ Остромирова Евангелія, вездѣ читающаго въ врѣмѧ оно; 2) начертаніе имени Іс, общее съ Саввию книгою и глаголическими Евангеліями, вместо иїса, діаметрально вездѣ соблюдаемаго Остромировымъ Евангеліемъ. Правописаніе послѣднаго основано на твердомъ правилѣ старо-славянской палеографіи (Грамматика Церковно-Словенскаго языка, акад. Востокова, стр. 3). Преимущество древности, какое слѣдуетъ приписать остромировскому правописанію, доказывается и тѣмъ, что его слѣды оставлены и на пергаменѣ Архангельского списка: на л. 101 об.—иїса, 102 лиц.—иїса, л. 105 лиц.—исоусови, иисоусъ — л. 143 лиц.

Архаизмы, введенные въ тексты старо-славянского преложенія глаголическою рецензіей, постепенно исчезали изъ него даже въ тѣхъ спискахъ, которые находятся въ несомнѣнной генеалогической связи съ нею. Недосмотромъ, хотя и въ большомъ количествѣ, они сохранились и въ русскомъ спискѣ конца XI вѣка (Архангельскомъ спискѣ). Архаизмы эти не имѣютъ иного значенія, кроме діалектическаго, и дорожить ими писцы русскіе не могли и не имѣли основанія, ибо наряду съ этими особенностями глаголической рецензіи, имѣющими для сравнительной этимологіи значеніе архаизмовъ, встрѣчаемъ въ ней не мало и такихъ явлений, которые ясно говорять о порчѣ языка. Русскіе писцы также мало дорожили первыми, какъ и послѣдними. Такъ напримѣрь, въ аналогію съ образованіемъ пош. agentis спаситель образуетъ глаголическая рецензія глаголь спасити: въ чтеніи отъ Луки, XIX, 10—приде бо сънъ чловѣчъ възискатъ и спасить пог҃иб-

шааго, или въ чтеніи на субботу 1-й недѣли поста (оть Марка, II, 4) доушѣ спасити ли погоубити, или (въ аористѣ) како сѣси съ бѣсновавшѣ (оть Луки, VIII, 36), вмѣсто сѣсе съ, какъ читаемъ въ Остромировомъ, л. 99 в, и въ Архангельскомъ л. 56 об., или въ чтеніи на воскресенье третьей недѣли поста — иже бо аште хощеть спасити доушѣ своїхъ (Ассеманіево, стр. 103), вмѣсто съпасти въ Остромировомъ л. 131 г и въ Архангельскомъ л. 80, или (въ формѣ прош. соверш.) ины есть спасилъ (оть Луки, XXIII, 35: ἀλλούς ἐσώσε. Остромировъ, л. 191в: и нѣхъ єсть съпаслъ, Архангельскій, л. 110 об.: и пнѣ єсть спасль), или съпасітъ его¹). Ни Остромировъ списокъ, находящійся, по своему происхожденію, въ всякой связи съ глаголическою рецензіей, ни Архангельскій, прямо оть нея ведущій свое начало, не содержать въ себѣ такого образованія. При всей уединенности этого образованія, однако, кромѣ приведенныхъ шести мѣстъ Ассеманіева Евангелія, оно попадается еще въ житіи Стефана Немана (Симеона), писаниномъ старшимъ сыномъ его кралемъ Степаномъ Первовѣнчаннымъ: на те опупшае и спасили се соуть²). Порожденное глаголическою рецензіей, это новообразованіе было поддержано исключительно одною южною традиціей старославянскаго языка, будучи вытѣснено, вмѣстѣ съ большинствомъ достойныхъ сохраненія архаизмовъ, живымъ чутъемъ этимологическихъ формъ языка, присущимъ русскимъ писцамъ древнейшей эпохи. Въ томъ же отношеніи представляютъ весьма интересный матеріалъ для сравнительныхъ выводовъ о взаимоотношеніи между различными изводами древнаго преложенія разницы, замѣчаемыя въ глаголической рецензіи противъ первоначального преложенія,—при передачѣ формъ сослагательного наклоненія греческихъ глаголовъ. Не безъ филологического такта глаголический рецензентъ усмотрѣлъ многозначительность долгой гласной въ формахъ сослагательного наклоненія греческаго глагола и старался мѣстами передать его длительными формами настоящаго времени славянскаго глагола³). Такъ, напримѣръ, Ассеманіево Евангеліе читаетъ въ воскресенье 4-й недѣли

¹) Assemanov ili Vatikanski Evangelistar. U Zagrebu. 1865, pp. 91, 101, 78, 103, 134, 140.

²) Památky Jihoslov. Vydal Šafářík. 1873, p. 10. Cp. Miklosich, Lexicon s. v. съпасті.

³) Ось аналогическомъ образованіи формъ сослагательного наклоненія въ ма-рѣчкѣ новоболгарскомъ см. у Киріака Цанковъ, Grammatik der bulg. Sprache. Wien, 1852, стр. 78, 83, 87.

по и. л.: *ῦκο да хотѧши! миňти отъ сѧдѣ къ вамъ не възмагајтъ, ни иже отъ тѧдѣ къ намъ прѣходатъ* (оть Луки, XVI, 26: *ብዕስ ላይ ተሸሎችሁን፤ ክንተብዕወሁ የሚል፤ ሆነዕወታል፤ ሁኔታ ክናብዕወሁ ዘዴ ደጋሞኑል፤*). Въ Остромировомъ спискѣ, равно какъ и въ Архангельскомъ, длительная форма възмагајтъ, согласно съ духомъ славянскихъ языковъ, замѣнена образованіемъ будущаго времени: *възмо-гѣ(ог)ть* (Остромировъ л. 97 б, Архангельск. л. 53 лиц.). Въ другомъ мѣстѣ замѣчаемъ ту же склонность въ глаголической рецензіи, нисколько не раздѣляемую ни Архангельскимъ, ни Остромировыми списками,—въ вопросительной конструкціи съ глаголомъ въ формѣ изъявительного наклоненія въ греческомъ текстѣ. Именно, въ чтеніи на воскресеніе 10-й недѣли по и. л. въ Ассеманіевомъ Евангеліи стр. 84 читаемъ: *лицемѣри! кѫдо васъ въ сѣботѣ не отрѣшаетъ ли волоу своего ли осъла отъ ѿсли! и ведетъ напаѣдъ* (оть Луки, XIII, 15: *ὐποχριταί, ἥκαστος ὑμῶν τῷ σαρθρῷ οὐ λύει τὸν βοῦν αὐτῷ ἢ τὸν δυον ἀπὸ τῆς φάτνης καὶ ἀπαγαγὼν ποτίζει*). И здѣсь встрѣчаемъ, какъ въ Остромировомъ л. 105 г, такъ и въ Архангельскомъ Евангеліи л. 60 об. ту же замѣну длительной формы Ассеманіева Евангелія будущимъ временемъ: *отрѣшить*.

Не смотря на легкость, съ какою исчезали одни архаизмы, другіе удерживались писцомъ первой руки Архангельского Евангелія съ вѣрностью и полнотой, совершенно достаточными для того, чтобы указать и самый источникъ сохраненного имъ архаизма. Такъ, напримѣръ, на л. 59 об.: *дѣшѣ имаши мънога добра, лежѧщи на лѣта мънога* (оть Луки, XII, 19: *φορή, ἔχεις πολλὰ ἀγαθά κείμενα εἰς ἑτη πολλά*). Форма лежѧщи для именительного падежа множественного числа средняго рода, въ аналогіи причастій и формъ сравнительной степени именъ прилагательныхъ, есть архаизмъ весьма рѣдкій¹⁾), обвязанный своимъ происхожденіемъ рукѣ глаголического рецензента древняго, первоначальнаго преложенія, ибо употребленъ онъ въ этомъ мѣстѣ для болѣе точнаго перевода формъ множественного числа (*πολλὰ ἀγαθὰ*), замѣняемыхъ формами единственного въ первоначальномъ переводѣ по Остромирову списку л. 104 в: *дѣшѣ имаши мъногого добро лежѧще на мънога лѣта*. Изъ того же источника проистекаетъ древняя форма мѣстнаго падежа единственнаго числа для аналогіи

¹⁾) Miklosich, Vergleichende Worthbildunglehre 1876, p. 24. Altslovenische Formenlehre in Paradigmen, 1874, p. 8.

именъ съ согласною темой, на-е¹⁾): на камене л. 27 об. и 52 лиц. вмѣсто на камени, какъ то, дѣйствительно, читаемъ на об. л. 52. На преобладающей русской поверхности Архангельского Евангелія легко замѣтить южно-славянскую оболочку имени женского рода рибо (новоболг. риба), встрѣчаемаго на л. 163 лиц.: еда камень по-дасть юмоу ли рибы.

Изъ глагольныхъ формъ особенно ярко отмѣчено глаголическое происхожденіе сильныхъ формъ авториста въ 3 л. множ. ч.: придоу оученици, иванду из града и градмахоу — л. 2 об., придоу самарже — л. 3 лиц., обиду же иудїи и глаахоу — л. 6 об., идоу народи мънози — л. 28 лиц., и се въсь градъ изидоу — л. 31 об., приѣхавъше придоу на землю генисарефьскоу — л. 37 лиц., идоу народи — л. 40 об., они же иеродивъше отидоу — л. 44 об., ишьдъше раби обрѣтоу — л. 44 об. Во всѣхъ случаяхъ, здѣсь принедвенныхъ, глаголическое Ассеманіево Евангеліе указываетъ прямой источникъ этимъ формамъ въ своихъ придѣлѣ, обрѣтѣ и другихъ соотвѣтственныхъ, въ Остромировомъ замѣненыхъ формами слабыми: придоша, обрѣтоша.

Не смотря на сильную струю русского словообразованія и на чисто русскую фонетическую оболочку, недосмотромъ писца уцѣлили нѣкоторые весьма живые слѣды южно-славянского подлинника прежнихъ поколѣній. Таковъ, напримѣръ, грубый болгаризмъ въ несмягченной формѣ прошедшаго несовершенного, на л. 127 лиц.: мълавѣше (Ассеманіевъ, стр. 147, мльвѣаше, Саввина книга, стр. 120, мльвѣше), являющейся въ смягченной формѣ даже въ Остромировомъ Евангеліи, л. 217 в: мъл'вааше. Изъ области словообразованія заслуживаютъ вниманія тѣ формы длительныхъ глаголовъ V кл. которыхъ подвергаютъ подъятію коренную гласную даже и въ именныхъ своихъ дериватахъ: възлѣганиа на вечерѣахъ и прѣжесѣданія на сънымищихъ — л. 43 об., въ противоположность, напримѣръ, причастными формами: възлѣжащихъ — л. 44 об., възлѣжащи — л. 50 об. Различительный оттѣнокъ темы неопределенного наклоненія отъ темы настоящаго времени соблюденъ въ глаголѣ пыстати — на л. 165 об., въ отличіе отъ самихъ Остромировыхъ 227в, и Ассеманіевыхъ стр. 195, читающихъ пыстати. Совершенно нормально отъ темы неопределенного наклоненія образуется историческое время, на л. 167 об.,

¹⁾ Formenlehre in Paradigmen, 1874, p. 16—19.

на^ψса, вмѣсто менѣе правильнаго написа, читаемаго какъ въ Остромировомъ л. 280а, такъ и въ Ассеманіевомъ стр. 197.

Не менѣе явственно отражается въ Архангельскомъ Евангелии и древнее правило синтаксиса, которое ограничиваетъ употребленіе мѣстонимной формы имѣнъ прилагательныхъ и причастій только первою изъ двухъ соподчиненныхъ формъ. Мы находимъ въ Архангельскомъ Евангелии не мало примѣровъ, осуществляющихъ это древнее правило синтаксиса: слышишася и творящася (л. 27 об.), и въсѧкъ слыши словеса и не творя ихъ, молю и гла (л. 41 лиц.), распространяя это правило и такими случаями, въ которыхъ соподчиненныя причастія находятся въ отношеніи противленія: не въходи ..и въ прѣлавъ (л. 5 об.), тако събираю себѣ, а не въ въ богатѣася (л. 59 об.), хвалющиихъ ба и гащь, въ согласіе съ Ассеманіевымъ Евангеліемъ стр. 172, и въ отличіе отъ Остромирова, на л. 250в., нарушившаго древнее правило синтаксиса: хвалющиихъ и глащущихъ.

Александъ Дювернуа.

СИСТЕМА СЕМИТИЧЕСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ РЕНАНА И НОВЪЙШИЯ ОТКРЫТИЯ ВЪ КЛИНОПИСИ.

Членъ Берлинской академіи, д-ръ Ольгаузенъ, въ одномъ изъ извѣстѣйшихъ своихъ разсужденій, прочитанномъ въ засѣданіи 11-го мая 1863 г., выразилъ, что дешифровка клинообразныхъ ассириававилонскихъ надписей есть „безспорно одна изъ труднѣйшихъ задачъ, которая когда-либо предстояли человѣческой находчивости“¹⁾). Эти слова вполнѣ справедливы. Но то, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ покоилось еще въ области задачъ, теперь является собраннымъ и успешно обработаннымъ материаломъ, значеніе котораго для науки до такой степени важно, что Ленорманъ, неутомимый и остроумный французскій изслѣдователь клинописи, сравниваетъ время открытия ассирийской „кирпичной“ библіотеки и прочтенія клинообразныхъ надписей съ эпохой возрожденія классическихъ наукъ и искусствъ въ XV столѣтіи²⁾.

Исходною точкою всѣхъ изслѣдований въ области ассириологии слѣдуетъ считать двѣ появившіяся въ концѣ 1849 года записки французскаго ученаго де-Соси, въ которыхъ онъ изложилъ результаты своего труда, состоявшаго въ сравненіи третьей системы клинообразныхъ письменъ двухъ трехязычныхъ гамаданскихъ надписей съ прочитанными уже—древне-персидскою и скиено-мидійскою, какъ, равнымъ образомъ, вскорѣ затѣмъ послѣдовавшую (въ 1851 г.) ученуу экспеди-

¹⁾ *Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, 1864, стр. 475.

²⁾ *Lenormant, Les Premières Civilisations*, II, 203 (Paris, 1874).

цию въ Месопотамію Опперта, знаменитаго автора первой ассирийской грамматики¹⁾. Слѣдовательно, менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ ассириология прошла три предстоявшія ей, по мнѣнію Менана²⁾, ступени развитія: дешифровку надписей, чтеніе ихъ, и наконецъ, толкованіе, и является наукой, серьезные результаты которой, подстрекая въ болѣе усиленной на этомъ поприщѣ дѣятельности, поражаютъ новостью и увлекаютъ важностью предмета³⁾.

Но какое направление должна принять эта усиленная дѣятельность? Въ чёмъ должны состоять дальнѣйшія изслѣдованія? Конечно, не мыслимо, чтобы они могли заключаться только въ дальнѣйшей разработкѣ ассирийскихъ текстовъ, чтѣ, благодаря уже сдѣланному, пойдеть, безъ сомнѣнія, успѣшнѣе. Но такъ какъ эти результаты отчасти дополняютъ многое или опровергаютъ то, что недавно еще считалось не опровергимымъ, отчасти же заставляютъ повѣрять новое положительно достовѣрными историческими фактами, то очевидно, долженъ наступить моментъ сопоставленія, такъ сказать, сличенія всего новооткрытаго съ тѣмъ, что до сихъ поръ было сдѣлано въ области тѣхъ наукъ, которыхъ тѣ результаты касаются.

Такого рода изслѣдованія должны имѣть двоякое значеніе: 1) разширить кругъ тружениковъ и больше заинтересовать публику, и 2) подготовить матеріаль къ окончательному сведенію научныхъ счетовъ въ одной изъ отраслей человѣческаго знанія, и главнымъ образомъ, споспѣшествовать къ стройной его синтезѣ.

Результаты изслѣдованій ученыхъ ассириологовъ весьма разнообразны: они касаются всѣхъ наукъ, основанныхъ на изученіи исторіи; поднимая завѣсу съ прошедшаго нѣсколькихъ народовъ, исторія которыхъ была плодомъ доктринерства или фантазіи, они открываютъ намъ долговременную ихъ жизнь со всѣми ея явленіями и стремленіями.

Но среди этого разнообразія результатовъ преимущественно выдвигается напередъ одинъ, вводящій насъ въ область лингвистики, такъ какъ касается языка этой клинописной литературы, то-есть,

¹⁾ *Éléments de la Grammaire Assyrienne*. Paris, 1860.

²⁾ *Leçons d'Epigraphie Assyrienne*. Paris, 1873. Première Leçon.

³⁾ Ходъ изслѣдованій и результаты открытій по этой части весьма обстоятельно изложены въ трехъ, поѣзденныхъ въ Ж. *Мин. Нар. Пр.* статьяхъ: 1) К. Н. Платканова—Вавилонія надписи (часть первая). Январь, 1874. 2) Н. А. Астафьевъ—Вавилоно-ассирійская клинообразная надпись. Декабрь, 1876. 3) Того же автора: Развалины Вавилона и Иппевії. Январь, 1878.

языка народа, которого она была произведениемъ. И не удивительно. Изслѣдованіе этого вопроса должно предшествовать и подготовлять изслѣдованіе другихъ вопросовъ, потому что отъ рѣшенія его зависить весь успѣхъ дѣла и ходъ науки. Да притомъ, въ точномъ его рѣшеніи, въ тщательной и всесторонней его обработкѣ заключается и подвѣрка всего остального.

Разсмотрѣвъ появившіяся въ послѣдніе три десятка лѣтъ сочиненія¹⁾, легко можетъ убѣдиться, что ступени, указанные Менаномъ въ развитіи изученія клинописи главнымъ образомъ состояли, особенно вторая и третья, въ опредѣленіи формъ, и изслѣдованія флексій языка, чтѣ доставило возможность составить грамматику и словарь. Слѣдовательно, какъ результатъ изслѣдованій, можетъ быть поставленъ вопросъ относительно опредѣленія мѣста тому языку между другими языками. Для точности считаю полезнымъ заявить, что имѣю въ виду языкъ третьей системы²⁾ въ трезвѣчныхъ надписяхъ, языкъ кирпичной библиотеки цара Ассурбанипала, отысканной въ развалинахъ его дворца въ Ниневіи³⁾.

Языкъ клинописной литературы — перенося на него название мѣстностей, доставившихъ памятники, — возможно было бы называть ассиро-авилонскимъ; но такъ какъ онъ былъ одинаково употребляемъ какъ въ Ассирии, такъ и въ Вавилоніи и Халдѣї⁴⁾, то обыкновенно называютъ его просто Ассирийскимъ⁵⁾ (хотя, впрочемъ, Ленорманъ не вполнѣ на это согласенъ и желалъ бы назвать этотъ языкъ сумирскимъ⁶⁾ и причислять къ семиъ семитиче-

¹⁾ Кромѣ указанной выше ассирийской грамматики Ж. Опперта, появилась еще слѣдующія, болѣе замѣчательныя сочиненія: *Ménant*, Exposé des éléments de la Grammaire Assyrienne. Paris, 1868.—Его же, Les poesies propres Assyriens. Paris, 1861.—Его же, Le Syllabaire assyrien. 2 vol. Paris, 1869—1872.—Его же, Leçons d'Epigraphie Assyrienne. Paris, 1873.—*Lenormant*, Etudes Accadiennes. 2 vol. Paris, 1874.—*Norris*, Assyrian Dictionary. 3 vol. London, 1869—1872.—*Sayce*, Assyrian Grammar. London, 1872.—*Chossat*, Essai d'une classification du Syllabaire assyrien-moderne-archaïque-babylonien-ninivite. Paris, 1874.—*Delitzsch*, Assyrische Lesestücke. Leipzig, 1877.—2-е изданіе этой очень полезной книги появилось въ декабре 1877 г., вполнѣ переработанное и умноженное.

²⁾ *Ménant*, Epigraphie Assyrienne, стр. 4—10.

³⁾ *Smith*, Chaldean Account of Genesis. Ch. II.

⁴⁾ *Lenormant*, La Magie chez les Chaldéens, стр. 270.

⁵⁾ La langue assyrienne est l'idiome dans lequel sont redigées les inscriptions de Ninive et de Babylone. *Oppert*, Grammaire Assyrienne, § 1.

⁶⁾ *Lenormant*, La Magie chez les Chaldéens, стр. 271.

скихъ языковъ, чтò, основываясь на грамматикѣ и словарѣ его, а также и на авторитетѣ такихъ ученыхъ, какъ Опперть, Леворманъ, Ольгаузенъ, Менанъ, Шрадеръ, Родинсонъ и друг., — слѣдуетъ считать вполнѣ доказаннымъ. Такимъ образомъ постановка вопроса дѣлается еще опредѣленнѣе, и вопросъ принимаетъ уже слѣдующій видъ: какое мѣсто ассирийскій языкъ занимаетъ въ семиъ семитическихъ языковъ?

Но какія именно особенности семитическихъ языковъ заставляютъ считать эти языки чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ арійскихъ и соединять ихъ въ одну семью? Какие языки составляютъ эту семью? Чѣмъ они другъ отъ друга отличаются? Наконецъ, какимъ подвергались видоизмѣненіямъ, какие были важнѣйшіе моменты ихъ развитія въ продолжение долговременной ихъ жизни? На всѣ эти вопросы находимъ мы отвѣтъ въ сочиненіи Ренана: *Histoire Générale et Système comparé des Langues Sémitiques*¹⁾, которое по многимъ причинамъ особенно соответствуетъ нашей задачѣ.

Въ текущемъ столѣтіи, почти съ самаго его начала, многія открытия въ области исторіи и лингвистики древняго востока постоянно побуждали ученыхъ къ изслѣдованіямъ восточныхъ языковъ, въ числѣ которыхъ семитические занимаютъ столь почетное мѣсто. Хороший, на научной критикѣ основанный, методъ успѣшно подвигалъ эти изслѣдованія впередъ. Какъ результатъ, появилась многотомная ученая литература, состоящая изъ грамматикъ и словарей почти каждого изъ семитическихъ языковъ, а также изъ множества разсужденій о значеніи каждого порознь языка, о формахъ его, отношеніи къ другимъ и т. д. Но, не смотря на все это, сочиненіе Ренана есть единственное въ своемъ родѣ, такъ какъ посвящено исключительно рѣшенню тѣхъ вопросовъ, отъ которыхъ обыкновенно многие авторы отдѣльются пѣсколькими параграфами: предисловія къ грамматикѣ или словарю. Да притомъ, въ этомъ сочиненіи авторъ является не только ученымъ лингвистомъ, по и археологомъ, и этнографомъ, не только знатокомъ языка и памятниковъ письменности, но и художникомъ, способнымъ постигать то, что для многихъ недоступно, и наконецъ, историкомъ, который съ высоты философіи исторіи указываетъ значение и рассматриваетъ задачу каждого племени, составляющаго одно цѣлое — человѣчество.

¹⁾ Quatrième édition, revue et augmentée, Paris, 1864.

ЧАСТЬ СХСИХ, отл. 2.

Кромѣ того, замѣтимъ еще одно обстоятельство. Авторъ (несмотря на то, что послѣднее изданіе его сочиненія появилось въ 1864 году, слѣдовательно, когда ассириологическая литература состояла уже изъ десятка переводовъ и толкованій текста и ассирийской грамматики Опперта) отказывается языкъ клинописи въ помѣщеніи его въ семьъ семитическихъ языковъ, и въ подкрайненіе своего мнѣнія, представляетъ доказательства, которымъ ученость автора доставляетъ много разнообразія, авторитетъ его въ наукѣ придаетъ извѣстную важность, а литературный талантъ прибавляетъ особенную силу.

И такъ, въ своемъ сочиненіи авторъ не ограничивается изложеніемъ системы семитическихъ языковъ, ихъ исторіи и взаимныхъ другъ къ другу отношеній, но представляетъ намъ, такъ сказать, критику новой науки и ее выводовъ. Заключенія этой критики, выведенныя изъ данныхъ, предоставленныхъ автору обширнымъ знаніемъ, равно какъ и твердымъ убѣжденіемъ, основаннымъ на философіи исторіи и этнографіи, можно считать искуснѣйшимъ собраніемъ и соопоставленіемъ всѣхъ возраженій, которыхъ только могли быть сдѣланы въ это время. Слѣдовательно, если новѣйшія въ клинописи открытія доставить намъ возможность, отвѣтивъ на поставленный выше вопросъ, возвратить хотя бы только на извѣстную положенія автора, хотя бы только нѣсколькимъ его выводамъ противостоять противоположными заключеніями, то полагаемъ, что это будетъ самыми лучшими доказательствами важности предмета и усѣхъ, достигнутыхъ въ столь непродолжительное время двигателями этой науки, „неутомимыми“ ассириологами.

I.

„Я предполагалъ“, объясняетъ Ренанъ въ предисловіи къ своему труду, — „сдѣлать для семитическихъ языковъ то, что Боппъ сдѣлалъ для индо-европейскихъ, то-есть, представить грамматическую систему, которая показала бы, какимъ образомъ Семиты достигли возможности, съ помощью словъ, вполнѣ отчетливо выражать свою мысль. Но языки, будучи непосредственнымъ произведениемъ человѣческаго сознанія (*conscience humaine*), вмѣстѣ съ нимъ безпрестанно измѣняются; слѣдовательно, точная теорія языковъ будетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, ихъ исторіей. Изучать какой-нибудь одинъ языкъ въ данный моментъ его развитія очень полезно, если дѣло идетъ, напримѣръ, о толкованіи литературныхъ памятниковъ этого языка; но ограничиваясь этимъ, ни-

чего еще не сдѣлаемъ для сравнительного языкоznанія,—подобно тому, какъ въ естественныхъ наукахъ тотъ, кто, остановившись на изслѣдованіи жизни одного органическаго тѣла въ моментъ "полной его зрѣлости, не обратить должнаго вниманія на законъ его развитія"

Основываясь на вышеприведенномъ, авторъ заключаетъ, что научная теорія языковъ, составляющихъ одну семью, заключаетъ въ себѣ, самыи естественный образомъ, двѣ существенные части: 1) одна—это, такъ сказать, вѣщная исторія языковъ, образующихъ одно цѣлое,—разматриваетъ ихъ роль во времени и пространствѣ, то-есть, ихъ географію и хронологію, порядокъ, въ какомъ появлялись письменные памятники, составляющіе материалъ языка, наконецъ, характеръ и значеніе этихъ памятниковъ; вслѣдъ за ней идетъ внутренняя исторія: предметъ ея—развитіе организма языковъ, ихъ сравнительная граматика. Особенно это раздѣленіе примѣнительно къ семитическимъ языкамъ, тѣсная связь которыхъ между собою была замѣчена уже древними.

То, что мы называемъ тѣсной связью между языками, то-есть, это вѣщнее и внутреннее сходство, котораго слѣдствіемъ является возможность рассматривать нѣсколько языковъ какъ одно цѣлое, состоится главнымъ образомъ въ тѣхъ характеристическихъ чертахъ, въ тѣхъ свойствахъ языка, которые отличаютъ одну семью языковъ отъ другой.

Авторъ указываетъ, что уже знаменитый В. Гумбольдтъ пораженъ былъ громаднымъ различіемъ между семитическими и индо-европейскими языками и во главѣ всѣхъ отличительныхъ признаковъ семитическихъ языковъ помѣстилъ свойство ихъ: 1) составлять корни посредствомъ трехъ буквъ (трехбуквенность корней); 2) выражать основу понятія посредствомъ согласныхъ, видоизмѣненіе же его посредствомъ гласныхъ, чтѣ ведеть къ заключенію; что въ семитическихъ языкахъ процессъ флексій происходитъ внутри слова.

Къ этимъ основнымъ, замѣченнымъ Гумбольдтомъ, свойствамъ семитическихъ языковъ, авторъ прибавляетъ еще слѣдующее: 1) Эти языки отличаются отъ индо-европейскихъ граматическими приемами въ употребленіи существительныхъ и глаголовъ; сюда относятся: *status emphaticus* и *constructus* существительного, многочисленныя формы глагола, отсутствіе вполнѣ опредѣленныхъ временъ, выраженіе отношений въ глаголахъ, представляемыхъ въ индоевропейскихъ языкахъ наклоненіями, посредствомъ совершенно неизвѣстныхъ тѣмъ языкамъ способовъ. 2) Въ семитическихъ языкахъ нѣтъ воз-

можности совмѣстить два понятія, выражаемыя двумя частями рѣчи, или глаголомъ съ предлогомъ въ одномъ сложномъ глаголѣ или же существительномъ.

Всѣ эти указанные свойства до такой степени положительно вѣрны и непреложны, что авторъ считаетъ возможнымъ вывести слѣдующее заключеніе: „Il faut donc renoncer à chercher un lien entre le système grammatical des langues sémítiques et celui des langues indo-européennes“. Эти слова, вирочемъ, главнымъ образомъ обращены къ тѣмъ ученымъ, которые, опираясь на звуковомъ сходствѣ нѣсколькихъ словъ, старались доказать общность происхожденія семитическихъ и индоевропейскихъ языковъ, или лучше сказать, двѣ системы заключить въ одной; высказаны же эти слова какъ результатъ критического разбора мнѣній поманутыхъ ученыхъ.

Всѣ эти отличительныя черты семитическихъ языковъ касаются лишь, такъ сказать, виѣшней ихъ стороны, грамматического ихъ устройства. Скрывающійся подъ этимъ грамматическимъ аппаратомъ духъ языка еще сильнѣе долженъ удалить одну систему отъ другой, болѣе рѣзкимъ лѣчъ между ними рубежомъ,—такъ какъ именно этотъ духъ языка создалъ эти формы.

Въ формахъ семитического языка, образующихъ стройную архитектоническую или скульптурную цѣлостъ, гдѣ всему опредѣлено мѣсто съ геометрическою точностью, и изъ которой окончательно исключена всякая подвижность, плавность и кипучесть индоевропейской рѣчи, царствуетъ, по словамъ автора, „однообразіе и простота, которыми отличается Семитическое племя“, что главнымъ образомъ проявляется въ слогѣ; по неимѣнію словоизъ и различныхъ конструкцій (встрѣчающихся, напримѣръ, въ классическихъ языкахъ) слогъ является до крайности однообразнымъ; построить періодъ—не возможно, выразить какое-нибудь отвлеченнное сужденіе—немыслимо; вѣсто періода встрѣчаетъ версеты, отвлеченная мысль принимаетъ характеръ описательной рѣчи. Поэтому авторъ и замѣчаетъ, что языки эти особенно свойственны вдохновеннымъ рѣчамъ пророковъ, что на нихъ можно краснорѣчиво выразить всякое внезапное впечатлѣніе и скоротечную мысль, но не возможно излагать философскія понятія, отвлеченные умозаключенія.

Указавъ такимъ образомъ отличительныя черты семитическихъ языковъ въ сравненіи съ арійскими, авторъ переходитъ къ территории, занимаемой этими языками, и замѣчаетъ, что они постоянно были какъ будто привязаны къ одной только мѣстности, такъ какъ ходъ исто-

рическихъ событий представилъ Семитамъ только два случая выйтіи изъ своихъ предѣловъ, то-есть, разширить границы языка, а именно, заведеніе колоній Финикианами и мусульманскіе набѣги.

Авторъ, принимая выражение: ар-пах-шад ю-лях уше-лях ю-лад эс є-вэр (Gen. X, 24) въ географическомъ значеніи¹⁾, и ар-пах-шад считая страною, которую Итоломей впослѣдствіи называлъ 'Арфакахітс' и помѣстилъ на сѣверѣ Ассирии (гдѣ нынѣ земля Курдовъ), ищетъ тамъ и урка-си-дим (Gen. XII, 31). Слѣдовательно, для автора Армения есть настоящая колыбель Семитическаго племени, откуда они мало по малу, отдѣльными поколѣніями, переселялись на югъ и юго-западъ. Рассказъ о переселеніи Авраама (Gen. XI) авторъ считаетъ доказательствомъ своего предположенія, описываемое же переселеніе—послѣднимъ уже переселеніемъ. Но какія были границы этой съ теченіемъ времѣни занятой семитическимъ поколѣніями мѣстности, и вмѣстѣ съ тѣмъ, семитическихъ языковъ? Рассмотримъ сперва границы со стороны Малой Азіи и материнской земли—Армении.

Хотя авторъ и предполагаетъ, что жившее въ горахъ сѣверной Армении Семитическое племя не могло цѣлкомъ переселиться на югъ и юго-западъ, и что некоторые отрасли его должны были занять сѣверные склонности Тавра и двинуться къ западу, однако же не видитъ возможности доказать болѣе или менѣе положительными фактами слѣды семитического языка на сѣверѣ Тавра и въ Малой Азіи. Но дѣло немного иначе представляется относительно южного склона Тавра.

Гомеръ въ Иліадѣ (VI, 184) говоритъ:

δεύτερον αὐ Σολύμοισι μαγύστα κυβαλίμοισιν.

а въ Одиссеѣ упоминаетъ о горахъ (V, 283):

Τὸν δὲ Αἰθιόπων ἀνιών χρείων 'Ενοσιχθαν
τηλέθην ἐκ Σούριμων ὄρέων ἰδεν·

Такимъ образомъ въ имени народа (обитателей въ древнѣйшія времена Ликіи, Памфіліи и Пизидіи), въ названіи горъ звучить семитическій корень *слам*²⁾. Изъ нѣсколькихъ же стиховъ Хорила (Хоріос-

¹⁾ „Dire qu' Héber et Tharé sont fils d'Arphaxad cela veut dire qu'ils sont nenus du pays d'Arphaxad“. Histoire des l. s., I, стр. 29.

²⁾ *Шо-лем* *integer* fuit, iude *incolunis salves* fuit, *perfectus*, *absolutus* est. *Шо-лем* какъ прилагательное—*integer*; *шѣ-лем* какъ существительное *рах*, *concordia* (*Gesetzes*, *Thesaurus Linguae Chaldaeae et Hebraeae*, ст. 1421, 1422). *Са-лем* какъ вмѣ собственное означало 1) *Иерусалемъ* (Ps. LXXVI, 3), 2) другой какой-то го-

изъ Самоса, жившій около 404 г. до Р. Х.), приводимыхъ Иосифомъ Флавіемъ (*Contra Apionem*, I, 22):

Τῷ δύτικευ διέβαντα γάνος θαυμασίον ἰδεῖσθαι;
γλώσσαν μὲν Φοίνισσαν ἀκό στοράτων ἀφίετες
φχων δὲν Σολόμον δρεσι πλατεύ φν λιμνη...

заключаемъ, что они говорили языкомъ, походящимъ на финикийскій. Но не смотря на все это, изъ ликійскихъ надписей—какъ выяснилось изъ обстоятельствъ изслѣдований Лассена—является уже языкомъ арійскимъ, близко подходящимъ къ греческому. Слѣдовательно, хотя въ глубокой древности отрасль Семитического племени могла распространяться узкимъ поясомъ между Тавромъ и моремъ далеко на западъ; хотя по словамъ Страбона ¹⁾, и Киликія также была населена Сирійцами, да и название древнаго города Киликіи Σόλοι (Soli) тоже приводится на мысль семитической корень с. ²⁾—однако позже Семиты были вездѣ оттеснены или поглощены греческими племенами. А такъ какъ и Арменід, которую, какъ выше сказано, авторъ считаетъ колыбелью Семитовъ, сдѣлалась въ исторической времена вполнѣ арійской землею, то границею семитическихъ языковъ на сѣверъ и съверо-востокъ слѣдуетъ считать восточные отрасли Тавра (точнѣе Mons Amanus, Cисего, Ad fam., 2, 10. 3, 8. 15, 4, ad Att. 5, 20) и Армению.

Обозрѣніе западной границы, или скорѣе, линія соприкосновенія семитическихъ языковъ съ древнимъ Египтомъ доставляетъ автору удобный случай высказать свое мнѣніе относительно коптскаго языка, который онъ, согласно впрочемъ со всѣми изслѣдователями того предмета, считаетъ остаткомъ языка древнихъ Египтянъ. Разобравъ мнѣнія такихъ ученыхъ, какъ Бенфей, Бунзенъ, Мейеръ, Беттахерь, де-Руже, которые, основываясь на сходствѣ коптскаго языка съ еврейскимъ, выводили этотъ языкъ отъ семитическихъ и считали какъ бы среднимъ звеномъ между этими языками и арійскими, авторъ решительно опровергаетъ эти мнѣнія. То, что въ глазахъ вышеупомянутыхъ ученыхъ получало силу доказательства семитического происхож-

родъ,исторебываніе царя Малхиседика (Gen. XIV). Относительно истоположенія этого города мы не знаемъ ничего достовѣрнаго.

¹⁾ Strabon, стр. 35, 667, изд. Миллера.

²⁾ Сэ-ля—*rupes*, *petra*. По замѣчанію Гезеніуса, in linguis cognatis non per-ritur; sed cf. sanscrit. *cilā*, *silex*, *rupes*, iрантиque latin. *Silec*—s. *Gesenius*. Th. Linguae Ch et. Hebr., 658. Сэ-ля—какъ имя собственное означаетъ городъ въ землѣ Идумеевъ, гр. Пѣтра, латинскій *vallis Mosis*—въ средніе вѣка.

денія языка, Ренанъ считаетъ не болѣе какъ слѣдомъ вліянія Семитовъ на Египетъ (принимъ себѣ набѣги на Египетъ Гиксовъ и долговременное тамъ ихъ царствованіе, также пребываніе тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, Израильскихъ поколѣній¹⁾) и для египетскаго языка, а равнымъ образомъ, и для цѣлаго народа съ его древнею цивилизаціей, отстаетъ название *chamitique*.

Для насъ особенно важно опредѣленіе восточной границы семитическихъ языковъ, такъ какъ именно къ восточной границѣ простиралась Ассирийская земля и обиталъ народъ, о продолжительномъ существованіи и своеобразной цивилизациіи которого свидѣтельствуетъ языкъ, сохранившійся въ публичной библиотекѣ и различныхъ надписяхъ.

Окончательному решенію вопроса, касающагося восточной границы семитического языка, то-есть, какъ далеко на востокъ простирался этотъ языкъ, Ренанъ предпосыпаетъ рядъ отчасти лингвистическихъ, отчасти историческихъ положеній, на которыхъ основывается свое заключеніе. Укажемъ болѣе выдающіеся изъ нихъ, имѣлъ въ виду важность вопроса:

1) Народонаселеніе Ассирии и Вавилоніи принадлежало къ Семитическому племени. Это свое положеніе авторъ основываетъ на достовѣрномъ фактѣ, что многія мѣстности уже въ самой глубокой древности носили симитическія названія. Къ такого рода собственныхъ именамъ, кроме другихъ, принадлежитъ имя города ре-хо-бос ир (Gen. X, 11); название рѣки заб, *Narmalchan* (*flumen regium*²⁾); дальше—название главнаго вавилонскаго божества Бель, богини счастья Гадъ, а равно и ассирийскихъ божествъ: Адраймелехъ, Нисрохъ. То же самое слѣдуетъ сказать о существительномъ адан, которое вошло въ составъ многихъ собственныхъ именъ, напримѣръ, Бельаданъ. Наконецъ, положительное доказательство представляетъ Св. Писаніе (2 Reg. XVIII; Jsaï, XXXVI), гдѣ рѣчь посланиковъ царя Салхерива названа *а-ра-и-и*. Притомъ и имя посланника равнозначитъ тоже сѣmitическое³⁾). Кроме того, въ другомъ мѣстѣ сказано

¹⁾ Второе доказательство, приведенное авторомъ въ подтверждение своего мнѣнія, и которому, какъ кажется, онъ придаетъ особый вѣсъ, основывается на характерѣ и прошедшихъ способностяхъ Семитовъ.

²⁾ Плиний, VI, XXX, 3, 6.

³⁾ „Linguæ. Aramaæae formam redolet, in qua est *princeps oscillatorum*“ *Gesetzes*. Thes. 1255.

о языке халдейскомъ, какъ о чмъ-то совершенно отличающемся отъ языка простаго народа (Дан. 1,4).

2) Семиты, какъ въ Ассирии, такъ и въ Вавилоніи, составляли лишь массу порабощенного народа. Верхніе слои общества и правительствующіе вельможи принадлежали къ иноплеменнымъ завоевателямъ. Въ Вавилоніи этими завоевателями сначала являются Кушиты. Они въ доисторический времена обитали сперва въ южной части бассейна Тигра и Евфрата. Память о нихъ сохранилась у Евреевъ въ преданіи о Нимродѣ (Gen. X), въ которомъ равнымъ образомъ заключается и извѣстіе о ихъ переселеніи съ юга на съверъ, изъ Вавилоніи въ Ассирию. Слѣдовательно, Вавилонъ и Ниневія въ Кушитахъ нашли первыхъ своихъ основателей. Они произвели всѣ громадныя постройки, воздвигли всѣ зданія; они завели сношенія съ Египтомъ; всѣ изумляющія открытія въ области наукъ, напримѣръ въ математикѣ, астрономіи, это—памятники ихъ гenia и труда. Но авторъ, соглашаясь вирочемъ съ мнѣніемъ многихъ ученыхъ, которые видятъ древнихъ Кушитовъ, въ Киссіяхъ и Кафанахъ (Кіссіос, Купіонес) греческихъ писателей (Геродота, Гелліаника)¹⁾, а также въ эзопланахъ²⁾, отказывается ближе опредѣлить отношеніе ихъ къ Семитамъ и даже заключаетъ рѣчь о нихъ слѣдующими словами: „Наши свѣдѣнія еще недостаточны, чтобы решить—не были ли они, какъ въ Вавилоніи, такъ и въ Эзопіи, только отраслью Семитического племени³⁾“.

3) Всѣдѣ за переселеніемъ Теракитовъ изъ съверной Армении на югъ, на равнинахъ Сениааръ и рѣкѣ Тигрѣ мы находимъ, придерживаясь мнѣнія автора, Иранскія племена. Автора приводить къ такому заключенію преданіе Евреевъ (Gen., XIV) о различныхъ царяхъ этой мѣстности и военныхъ ихъ дѣйствіяхъ, а также о побѣдѣ Авраама. Въ именахъ этихъ царей авторъ видѣтъ арійскія формы. Равнымъ образомъ имена древнѣйшихъ царей: Otiartes, Xisuthrus, упоминаемыя Берозомъ⁴⁾, авторъ тоже считаетъ арійскими.

4) Въ началѣ VIII столѣтія до Р. Х. въ исторіи Семитовъ происходитъ очень важный переворотъ: Ассирия является „завоеватель-

¹⁾ Herodotus: Кіссіос, VII, 62, 86. Кіссіос: πύλας, III, 155, 158. Купіонес, VII, 61. Hellanicus: Fragm. Hist. Graec. ed. Müller. 67.

²⁾ Gesenius, Thes. linguae Ch. et. Hebr. 672.

³⁾ Hist. des langues Semit., стр. 70.

⁴⁾ Fragm. Hist. Graec., II. стр. 499 (под. Миллера).

нимъ государствомъ¹⁾ съ сильною политической и военною организацией. „По неимѣнію языка этихъ побѣдителей“, говоритъ авторъ,— „языка, слѣды котораго, быть можетъ, навсегда уже исчезли, если обратить вниманіе на имена собственныхъ завоевателей (Teglath-Pileser, Sanherib, Asarhaddon), то найдемъ, что въ нихъ нѣтъ ничего семитического. Слѣдовательно“, заключаетъ авторъ,— „династія, которая возвнесла такъ высоко могущество Ассиріи, была по происхожденію арійской²⁾.“

5) Какъ въ началѣ VIII столѣтія Ассирія, такъ во второй его половинѣ Вавилонія, явились сильнымъ и завоевательнымъ государствомъ, и именно благодаря династіи, которая во многомъ приближается къ создателямъ могущества и значенія Ассиріи. На это указываютъ упоминаемыя пророками, имена Вавилоискыхъ царей, принадлежащія одному и тому же языку, а также постоянныя сношенія между ними и Ассирійскими царями. Поэтому авторъ и предполагаетъ, что двѣ династіи (ассирійская и вавилонская) составляли двѣ отрасли одного племени.

6) Начиная съ VII столѣтія, въ исторіи Вавилоніи являются (внезапно, по словамъ автора) Халдеи; имя этого народа, начиная съ этого времени, уже постоянно встрѣчается вмѣстѣ съ названіемъ страны, какъ будто привязанное къ ней, и даже часто въ значеніи синонима ея и Ассиріи. Какія обстоятельства были причиною появленія Халдеевъ, какія сопровождали это появленіе — не извѣстно. Но, по крайней мѣрѣ, имя этого народа не чуждо преданіямъ. Городъ, оставленный Терахитами, былъ названъ Уръ-Касидимъ; въ этомъ названіи слово Касдимъ составляетъ имя собственное народа, который, вѣроятнѣе всего, и принудилъ Терахитовъ оставить свою родину. Вотъ этихъ-то Касдимъ греческіе писатели и называли Халдеями (авторъ считаетъ это вполнѣ доказаннымъ мнѣніемъ учеными, въ числѣ которыхъ принадлежать, Лассенъ, Гезеніусъ, Эвальдъ). Переходу Касдимъ въ греческое Халдаіон способствовала форма Kard, встрѣчаемая постоянно у многихъ писателей въ названіи жителей этой страны (Кардакис, Карбобхор, Кордаіон, Гордион, Гордиаіон, Куртю, Gordiani, Kardu). Послѣднимъ звеномъ этой цѣпи будетъ Kurd — Курды, имя современныхъ намъ обитателей этой мѣстности. Такимъ

¹⁾ «Dont rien jusque-là n'avait pu donner une idée», прибавляетъ авторъ (стр. 62). Припомнить себѣ, что эти слова были сказаны въ 1864 г., слѣдовательно, десятью годами до изданія книги Менана: *Annales des rois d'Assyrie*.

²⁾ Hist. des langues Sem., стр. 63.

образомъ, замѣчаетъ авторъ, — мы имѣемъ право въ языкѣ Курдовъ искать слѣдовъ древнихъ Халдеевъ. Но изыскъ Курдовъ принадлежитъ къ иранскимъ нарѣчіямъ и даже къ древнѣйшимъ формамъ этихъ нарѣчій. „Поэтому“, полагаетъ Ренанъ, — „все побуждаетъ насъ причислить появившихся въ VII столѣтіи въ Вавилоніи Халдеевъ къ Иранскому племени, именно къ тому племени, которое за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. поселилось въ горахъ Курдистана, гдѣ мы его находимъ и теперь“

Къ какому же заключенію, относительно языка ассирио-вавилонскихъ надписей, доводить насъ все эти данные и соображенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень ясный, понятный. Такъ какъ, впервыхъ, все политические перевороты въ Ассирии и Вавилоніи слѣдуетъ считать слѣдствіемъ появленія въ этихъ земляхъ инонлеменныхъ завоевателей, и какъ, во вторыхъ, могущество Ассирии и Вавилоніи лишь этими завоевателями было создано, то поэтому и надписи, свидѣтельствующія объ этихъ переворотахъ и этомъ могуществѣ, могли быть составлены только на языкѣ этихъ завоевателей.

Завоевателями являются, какъ мы выше сказали, или цѣлые племена, какъ Кушиты и Халдеи (припомнимъ себѣ еще иранскія поколѣнія, обитающія въ долинѣ Сенаарѣ), или отдѣльныя поколѣнія царей Ассирийскихъ и Вавилонскихъ (съ VIII столѣтія). Относительно этихъ царей авторъ, какъ мы тоже видѣли, заключилъ, что они были арійского происхожденія; Касдимъ-Халдѣи же принадлежать Иранскому племени. Слѣдовательно, какъ языкъ этихъ царей-завоевателей, такъ языкъ и Халдеевъ, долженъ быть арійскимъ (этихъ послѣднихъ, опредѣли ближе, слѣдуетъ отнести къ классу иранскихъ языковъ).

Что касается Кушитовъ, то такъ какъ, по замѣчанію автора, мы очень мало имѣемъ данныхъ относительно ихъ происхожденія и степени родства съ Семитами, то конечно, и о языке ихъ ничего положительного не можемъ утверждать. И еслибы, говорить авторъ, — самое точное изслѣдованіе вавилонскихъ надписей окончательно не убѣдило насъ съ счетъ сходства языка надписей съ семитическими языками, то слѣдовало бы произвести семью языковъ семито-кушитскихъ, къ которой могъ бы принадлежать языкъ вавилонскій и тѣ изъ нарѣчій семитскихъ языковъ, съ которыми онъ болѣе всего обнаружилъ бы сходства“¹⁾.

¹⁾) Авторъ, опираясь на мнѣніе известнаго своимъ трудами, о южно-арі-

Авторъ, въ виду подкрайлений своихъ выводовъ на счетъ языка надписей, указывалъ еще на то обстоятельство, что Семиты, изобрѣтъ алфавитъ, превосходнѣйшій способъ передачи человѣческой рѣчи, должны были пользоваться имъ уже постоянно; что, следовательно, алфавитъ составляетъ какъ бы неотъемлемую собственность семитическихъ языковъ¹⁾). Поэтому не возможно даже вообразить себѣ, чтд именно могло бы заставить сочинителей надписей бросить лучшій способъ передачи словъ своихъ и употреблять клинопись. „Что языкъ полу-семитический“, говоритъ авторъ, — „какимъ можетъ показаться кушитскій, или же смѣсь семитического (арамейского) и иранскаго, изъ которой состоять пельгви, написанъ этими знаками, нѣтъ ничего невозможного. Но я долженъ сознаться“, прибавляетъ онъ, — „что мнѣніе, составленное мною о семитическомъ языке, самымъ рѣшительнымъ образомъ, не позволяетъ мнѣ допустить, чтобы чистый семитический языкъ могъ быть когда-нибудь передаваемъ клинописью“.

Здѣсь намъ необходимо еще разъ припомнить себѣ, что авторъ все вышесказанное относить лишь къ языку клинообразныхъ надписей, къ языку, такъ сказать, литературному, верхнихъ слоевъ общества, къ языку завоевателей. Простое народонаселеніе, причисляемое, авторомъ какъ мы выше видѣли, къ Семитическому племени, безъ со-зинѣнія, говорило своимъ природнымъ языкомъ, стало быть, какимъ-то семитическимъ нарѣчіемъ. Такимъ образомъ, авторъ считаетъ рѣку Тигръ восточную границею семитической рѣчи; которой далѣе на востокъ, югъ и юго-востокъ граница материка Азіи составляетъ естественный предѣль.

Пространство, занимаемое семитическими языками, какъ мы мо-

вѣскихъ нарѣчіахъ, Френеля, считаетъ возможнымъ къ предполагаемой семи-семитско-кушитской языковъ отнести еще языки Южной Аравіи (например, гниаритскій и средний съ пинъ гезъ), но заявляющіе: «*Dans l'état actuel de la science, il serait prématuré d'adopter à cet égard aucune formule définitive,* (стр. 80).

¹⁾ «Il y a donc un alphabet sémitique, inséparable des langues sémitiques» (стр. 72). Равныи образомъ не могу воздержаться, чтобы не привести слѣдующихъ словъ автора, которыхъ довольно ясно характеризуютъ его отношенія къ ассириологии: «Il est remarquable que les personnes qui ont fait de langues sémitiques une étude particulière son en général peu disposées à voir une langue sémitique derrière l'écriture cunéiforme. La repugnance instinctive qu'elles éprouvent à cet égard tient à des raisons au fond très-sérieuses. Les langues sémitiques ont eu leur alphabet propre à aucune époque, ni sur aucun point du monde une langue sémitique ne s'est écrite avec un alphabet différent de celui-là» (стр. 72).

жемъ заключить изъ указанныхъ границъ, небольшое. Но, не смотря на то, семитическая рѣчь, рассматриваемая какъ одно цѣлое и со-ставляющая одно цѣлое въ сопоставлениі съ индо-европейскими язы-ками, состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ языковъ, въ свою оче-редь заключающихъ въ себѣ нѣсколько болѣе или менѣе различныхъ народнѣй.

Принимая во вниманіе географическое мѣстоположеніе области каждого отдѣльного языка въ этихъ предѣлахъ, авторъ, въ чёмъ, впрочемъ, слѣдуетъ мнѣнію многихъ ученыхъ, указываетъ въ семитической рѣчи три главные языка: сѣверный—арамейскій, южныи—аравій-скій, и средній—еврейскій. Но для автора, въ виду задачи его, гораздо важнѣе другое раздѣленіе, а именно съ исторической точки зренія, то-есть, такое, которое является слѣдствіемъ исторического раз-витія этихъ языковъ. „Исторія семитическихъ языковъ“, говорить вслѣдствіе того авторъ,—раздѣляется для насъ на три периода, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга. Первый периодъ, представляемый еврейскимъ языкомъ, продолжается почти до VI столѣтія до Р.Х., то-есть, до времени, въ которое этотъ языкъ уступаетъ свое мѣсто все болѣе и болѣе начинающему преобладать арамейскому языку. Второй периодъ мы можемъ назвать арамейскимъ. Составляетъ онъ, въ иѣ-которомъ смыслъ, средній вѣкъ въ развитіи семитическихъ языковъ и продолжается до VII столѣтія послѣ Р.Х., то-есть до времени, въ которое аравійскій языкъ выдвигается окончательно напередъ. Нако-нецъ настуپаетъ третій периодъ. Въ немъ аравійскій языкъ по-глощаетъ всѣ другіе, или лучше, сказать заставляетъ забыть о нихъ. Длится онъ отъ гиджры до нашихъ временъ. Эти периоды соотвѣт-ствуютъ, какъ мы видимъ, вышеуказанному раздѣленію на три глав-ные языка, или скорѣе, представляютъ намъ три эпохи одного и того же языка, не теряя, впрочемъ, никогда характера прежняго сво-его тождества, чѣмъ три совершенно другъ отъ друга отличающіеся языка.

„Но, принимая это раздѣленіе“, замѣчаетъ далѣе авторъ,—„нужно всегда имѣть въ виду нижеслѣдующее: 1) одинъ языкъ, уступая мѣсто другому, напримѣръ, еврейскій арамейскому, или этотъ послѣдній—аравійскому, не исчезаетъ вдругъ или, лучше сказать, не выходитъ со-вершенно изъ употребленія, но, приобрѣвъ значеніе святаго, дѣлается языкомъ ученыхъ, книжнымъ, и еще долго употребляется въ такомъ смыслѣ 2) въ периодъ преобладанія одного какого-нибудь языка, на-

примѣръ еврейскаго или аравійскаго, этотъ преобладающій, такъ сказать, языкъ не является еще исключительно разговорнымъ языкомъ всѣхъ народовъ и поколѣній, обитающихъ въ предѣлахъ семитической рѣчи; преобладаніе его главнымъ образомъ есть культурное, то-есть, въ данный моментъ сильнѣе другихъ языковъ представляетъ наимъ духъ цѣлаго племени въ историческомъ его развитіи; 3) это раздѣленіе не имѣть значенія чего-нибудь безусловнаго; оно является таковыемъ только относительно нашего знанія, состоянія въ данный моментъ нашей науки".

Переходимъ теперь къ первому періоду.

Еврейскій языкъ главнымъ образомъ считается языкомъ Израильскихъ поколѣній. Однако же не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ эпоху вторженія Израильскихъ поколѣній въ землю Канаанъ жители этой страны говорили языккомъ, очень сходнымъ съ языккомъ завоевателей. Поэтому авторъ и заключаетъ, что языкъ еврейскій произошелъ отъ продолжительного прикосновенія и постояннаго взаимодѣйствія двухъ нарѣчій—мѣстнаго и того, которое употребляли вторгнувшіеся побѣдителями¹⁾:

Многимъ обстоятельствамъ обязанъ этотъ языкъ своимъ значеніемъ. То, что было написано на этомъ языкѣ, сдѣлалось достояніемъ всѣхъ вообще народовъ. Безусловное превосходство Еврейскаго народа надъ единоплеменными сосѣдами отразилось въ орудіи его мысли и чувствъ; поэтому еврейскій языкъ считается классическимъ въ семи-тическихъ языковъ. Кроме того, еврейскій языкъ слѣдуетъ рассматривать какъ первообразъ семитической рѣчи, такъ какъ въ немъ сохранились многія особенности, которыхъ время "мало по малу" изгладило въ сродственныхъ ему нарѣчіяхъ; но которыя очень важны и существенны для характеристики семитическихъ языковъ:

Чѣмъ древнѣе языкъ, чѣмъ первообразнѣе формы его, тѣмъ менѣе имѣютъ въ немъ значенія правила правописанія: корни словъ являются въ немъ въ первомъ своемъ значеніи, поэтому нѣтъ никакой необходимости соблюдать правила словоизводства. Оттого-то въ еврейскомъ языкѣ очень часто одна буква замѣщаетъ другую, сходную по звуку. Равнымъ образомъ и въ словочлененіи мы находимъ много первогообразнаго; скоротечная мысль, еще не обузданная окончательно узами логики и правилами слога, не дозволяетъ все высказать, вполнѣ раз-

¹⁾ Исаія пророкъ, жившій въ VIII столѣтіи до Р. Х., называетъ еще еврейскій языкъ языкомъ Канаана (XIX, 18).

вить понятіе, начертить цѣлый образъ; она по большей части довольствуется лишь намеками, или тѣмъ, что является уже какъ слѣдствіе дѣйствія. Такимъ образомъ, мы находимъ слѣдующее выраженіе (Gen. II, 25): *ва-и-с-гир-бр-сор-мах-тэ-но*, что дословно значитъ: заперъ мясо вмѣсто него, тогда какъ полное развитіе мысли требовало бы слѣдующаго: и заперъ порожнее мѣсто, помѣстивъ тамъ мясо..

Желая еще нѣкоторыми доказательствами подкрепить свое мнѣніе на счетъ древности еврейскаго языка, авторъ указываетъ между прочимъ, что въ еврейскомъ языкѣ односложные и двубуквенные корни не потеряли еще своего первоначальнаго значенія, а также что нѣкоторыя слова и частицы, получившія въ позднѣйшихъ языкахъ другое значеніе, въ еврейскомъ сохранились главное, первоначальное. Равнымъ образомъ, нельзя не согласиться съ авторомъ, что изобиліе синонимовъ тоже свидѣтельствуетъ о древности и первообразности языка, особенно, если эти додобновѣща слова означаютъ предметы, относящіеся преимущественно къ первобытному состоянію общества. Такими предметами въ жизниnomadныхъ поколѣній являются метеорологическія явленія и домашнія животныя, равно какъ обитатели степей—хищны. Поэтому въ еврейскомъ языкѣ находитъ на понятіе дождь столько различныхъ синонимовъ, что съ помощью ихъ можемъ отдѣльными словами выразить все, что только хотимъ сказать о напряженіи, то-есть, силѣ дожда, а равно и о времени года, или же дня, въ которое падаетъ дождь.

Религіозное направленіе въ жизни народа обнаружилось въ языке многими синонимами, относящимися къ религіознымъ чувствамъ и обрядамъ. Такъ, четырнадцатью способами можетъ быть выражено упование на Бога, девятью—прощеніе грѣховъ, двадцатью пятью—соблюденіе законовъ.

Пройдя три вѣздѣ встрѣчающіяся ступени развитія, достигнувъ въ произведеніяхъ золотаго вѣка высшей точки своего развитія и на этой точкѣ сдѣлавшись языкомъ Священнаго Писанія и языкомъ высшаго общества, придерживающагося старинныхъ формъ и обрядовъ,—еврейскій языкъ мало по малу въ устахъ простаго народа переходить въ халдейскій, чemu, конечно, много способствовали политические перевороты и историческія события.

Но въ эпоху полнаго развитія еврейскаго языка, въ первомъ періодѣ, который и получилъ название еврейскаго вслѣдствіе преобладанія этого языка надъ другими,—въ предѣлахъ земли Капланъ не всѣ

жители этой страны говорили и писали на еврейскомъ языке, такъ какъ Израильскія поколѣнія не были исключительными властителями всего Канаана. Къ западу жилъ богатый и предпріимчивый народъ — Финикии. Очень естественно, автора поражаетъ то обстоятельство, что Финикии, изобрѣтатели азбуки, не оставили послѣ себя никакихъ литературныхъ памятниковъ. Единственнымъ свѣдомъ ихъ языка является нѣсколько надписей, найденныхъ въ окрестностяхъ Сидона и Тира. Но авторъ замѣчаетъ, что, несмотря на всѣ недостатки перевода и толкованія финикийскихъ надписей, никакому сомнѣнію не могутъ подлежать два слѣдующія положенія: 1) что языкъ филико-пуническій есть семитический; 2) что особенно сходнымъ онъ является съ еврейскимъ.

Въ VI столѣтіи до Р. Х. происходитъ въ исторіи семитическихъ языковъ очень важный переворотъ. Арамейскій языкъ поглощаетъ всѣ другіе языки и въ продолженіе двѣнадцати столѣтій „служить главнымъ органомъ мысли Семитическихъ народовъ“¹. Рѣшительное преобладаніе арамейского языка надъ другими является слѣдствіемъ политическихъ переворотовъ въ передней Азіи и перевѣса Ассирии и Вавилоніи въ тогдашнемъ историческомъ мірѣ. Даже и въ то время, когда власть Церсонъ замѣнила собою падшее могущество Ассирии, арамейскій языкъ считался официальнымъ въ западной части имперіи Ахаменидовъ. языкомъ правительственныйыхъ распоряженій и корреспонденцій².

Продолжительность арамейского периода заставляетъ насъ предполагать, что арамейскій языкъ долженъ былъ необходимо подвергнуться условіямъ жизни, то-есть, постоянно развиваться. Но исследователи этого периода въ исторіи семитическихъ языковъ встрѣчаютъ неопредѣлимое препятствіе, къ опредѣленію законовъ правильного развитія а именно — отсутствіе памятниковъ въ тѣсномъ смыслѣ арамейского языка и арамейской литературы, хотя дошедшіе къ намъ переводы нѣсколькихъ арамейскихъ сочиненій на аравійскій языкъ вполнѣ положительно доказываютъ существованіе и даже известное разнообразіе произведений этой литературы³). Съ другой же стороны, текстъ вѣ-

¹) Эзра, IV, 7. Слѣдуетъ замѣтить, что и Ксенофонтъ (Суг. VII, 31), равно какъ и круглѣ греческие писатели, для опредѣленія языка Ассирии и Вавилоніи употребляютъ нарѣчіе *coristi*.

²) Авторъ, разбирая этотъ вопросъ, главнымъ образомъ опирается на изслѣдованія г. Хвольсона и заключаетъ свои соображенія слѣдующими словами: «J'en ai dit assez pour prouver qu'en dehors des ouvrages chaldéens composés par les

сколькихъ надписей представляетъ очень скучный матеріалъ, найденные же въ Египтѣ арамейскіе папирусы, по мнѣнію автора, не содержать въ себѣ остатковъ настоящаго арамейскаго языка.

Памятники арамейской письменности исчезли, но такъ какъ „арамейскій языкъ является въ этомъ періодѣ орудіемъ семитической мысли“, то онъ служить языкомъ и для Евреевъ (почти до X столѣтія послѣ Р. Х.), равно какъ и для обращенныхъ въ христіанство Семитическихъ племенъ. На этихъ двухъ различныхъ ступеняхъ своего развитія онъ получаетъ два особыя названія: халдейскаго (или: палестинскаго, западно-арамейскаго), и сирійскаго (или: восточно-арамейскаго); впрочемъ авторъ замѣчаетъ, что разница между ними (исключая системы гласныхъ) столь незначительна, что различіе, вносимое особыми наименованіями, почти излишне, но это замѣчаніе онъ относить преимущественно къ до-христіанскому сирійскому языку.

Авторъ полагаетъ, что арамейскій языкъ, какимъ онъ является въ до-христіанскую эпоху, представляется „болѣе развитымъ, чѣмъ еврейскій, но за то менѣе совершеннымъ, менѣе благороднымъ“. Обороты въ выраженіи мысли болѣе понятны, болѣе опредѣленны; смыслъ легче постигается, но слогъ дѣлается вялымъ, протяжнымъ, лишенымъ сжатости и извѣстной живости; лишнія слова часто запутываютъ мыслъ.... Видно, что важный переворотъ произошелъ въ понятияхъ Семитовъ; они подвинулись впередъ на пути размышленія, достигли большей ясности, но съ другой стороны, потеряли много изъ прежней своей простоты и возвышенности“.

Сирійскій языкъ, благодаря умственному движению, сообщенному христіанствомъ, въ скоромъ времени пріобрѣлъ громадное значеніе въ церковной литературѣ; два города, Едесса и Низибисъ, дѣлаются извѣстными какъ средоточіе сирійской учености. Почти всѣ религіозные писатели, отцы греческой церкви, были переведены на этотъ языкъ; Сирійцы принимали дѣятельное участіе во всѣхъ тогдашнихъ религіозныхъ спорахъ и соборахъ. Древнѣйшимъ памятникомъ языка служитъ Священное Писание въ переводаѣ, названномъ пе-ши-то (простое, вѣрное); переводъ этотъ авторъ относить ко II столѣтію послѣ Р. Х.

Въ VIII и IX столѣтіяхъ сирійскій языкъ получаетъ новое зна-

juifs et de la littérature chrétienne de la Syrie, il a existé une vaste littérature araméenne profane et payenne, qui a presque entièrement disparu».

ченіе: является посредникомъ между греческимъ и аравійскимъ міромъ, между греческою наукой и аравійскою. Всѣ переводы греческихъ авторовъ на аравійский языкъ были сдѣланы Сирійцами и съ сирійскихъ переводовъ.

Что касается характера и особенностей сирійского языка, то по мнѣнію автора, онъ производить впечатлѣніе „варварской латини“, на которой стараются передать понятія и выраженія мысли оборотами и словами, совершенно чуждыми древнему латинскому языку. Корни словъ въ сирійскомъ языкѣ, какъ въ языкахъ, произошедшихъ отъ латинского (французскомъ, испанскомъ и т. д.), потеряли свое первоначальное, главное значеніе; каждое слово, какъ мѣтко выражается авторъ, является въ немъ „на свой собственный страхъ“, независимо отъ значенія корня, отъ которого оно произошло. Кроме того, сирійский языкъ лишенъ благозвучія и обремененъ множествомъ словъ, заимствованныхъ изъ чужихъ языковъ.

Въ VII столѣтіи Яковъ Едесский составилъ первую, дошедшую къ намъ, сирійскую грамматику. Сирійскій ученый написалъ ее по образцу греческихъ грамматикъ; вся терминология—греческая или составлена на подобіе греческой.

Казалось уже, что Семиты потеряли на всегда свою прежнюю самобытность, что нѣсколько столѣтій христіанской эры окончательно потушили духъ цѣлаго племени какъ вдругъ пробудилась въ нихъ жизнь, и вмѣстѣ съ пробужденіемъ ей появляется на поприщѣ истории народъ „спавшій до сихъ поръ глубокимъ сномъ“.

Но не только появленіе этого народа поражаетъ насъ своею внезапностью, замѣчаетъ авторъ;—языкъ его, равнымъ образомъ, можно считать чѣмъ-то удивительнымъ и неизъяснимымъ. „Аравійский языкъ, незадолго передъ тѣмъ еще вовсе неизвѣстный, вдругъ является со всемъ свою удивительной гибкостью, съ безконечнымъ изобилиемъ словъ, однимъ словомъ, въ такомъ совершенствѣ, что съ этихъ временъ до настоящаго въ немъ не замѣчается никакая болѣе важная перемѣна“.

Будучи выраженіемъ новой идеи, орудіемъ новой религіи, аравійский языкъ поглощаетъ, въ свою очередь, всѣ арамейскія народы и остается уже единственнымъ представителемъ, по выражению автора, семитического духа. Языки, составляющіе семитическую семью какъ результатъ своего исторического развитія, производятъ одинъ языкъ (что авторъ считаетъ вполнѣ исключительнымъ фактомъ въ языкоизнаніи), который, какъ всякое послѣднее звено въ развитіи, и совмѣ-

щаетъ въ себѣ всѣ особенности и свойства семитической рѣчи, доведенные до возможной полноты.

Такъ, тѣ формы глаголовъ, которыхъ авторъ насчитываетъ иль арамейскомъ языке три, а въ еврейскомъ три, встрѣчается въ аравійскомъ въ несравненно большемъ количествѣ, а именно — девати (или тринадцати, даже пятнадцати). Способъ образования страдательного залога посредствомъ замѣщенія одной гласной другою въ еврейскомъ примѣняется только къ двумъ формамъ, въ аравійскомъ употребляется во всѣхъ. Образование сложныхъ временъ въ аравійскомъ развито вполнѣ правильно. Двойственное число, встрѣчаемое въ сирійскомъ въ двухъ или трехъ словахъ, а въ еврейскомъ хотя гораздо чаще, но только въ существительныхъ, въ аравійскомъ употребляется въ мѣстоименіяхъ, прилагательныхъ и глаголахъ. *Status emphaticus*, почти не встрѣчаемый въ еврейскомъ, но имѣющій столь важное значеніе въ арамейскомъ, переходитъ въ аравійскомъ въ падежное окончаніе. Наконецъ, аравійская граматика представляетъ формы образования существительныхъ, обозначающихъ, напримѣръ, дѣйствие, случавшееся одинъ только разъ, чье-нибудь въ чемъ-нибудь превосходство, изобиліе или часть цѣлости, — формы прилагательныхъ и глаголовъ для обозначенія свойствъ постоянныхъ и не постоянныхъ, тѣлесныхъ недостатковъ, цвѣтовъ, желанія, стремленія, напряженія дѣйствія, рода занятія и т. д., что все въ другихъ языкахъ передается лишь посредствомъ нѣсколькихъ словъ. Этихъ формъ мы не находимъ въ предшествующихъ аравійскому языку семитическихъ языкахъ; между тѣмъ нельзя не замѣтить, что они произошли въ этомъ языке вслѣдствіе строгой послѣдовательности въ развитіи особенностей и свойствъ семитической рѣчи.

И ежели припомнить себѣ, что этотъ языкъ въ продолженіе двѣнадцати столѣтій не подвергся никакимъ болѣе значительнымъ видоизмѣненіямъ, что, несмотря, на все разнообразіе въ умственномъ развитіи, и какъ теперь, даже въ этнографическомъ отношеніи различныхъ племенъ, говорящихъ по аравійски, не смотря и на громадное пространство въ двухъ частяхъ свѣта, занимаемое аравійскою рѣчью, языкъ этотъ не образуетъ никакихъ нарѣчій, — то будемъ съ состояніемъ согласиться съ авторомъ, что семитические языки совершили уже полный кругъ своего развитія, и что ихъ исторія кончена¹⁾.

¹⁾ Основываясь на слѣдующихъ словахъ автора: «Il suffit d'avertir ici qu'à coté des trois groupes, araméen, chanaanéen et arabe, une classification rigoureuse des

II.

Познакомившись въ первой части настоящаго труда съ языками, составляющими семитическую семью, переходимъ къ решенію нашей задачи, а именно—къ опредѣленію среди этихъ языковъ мѣста языку клинообразныхъ ассирио-аввилонскихъ надписей, къ чему можетъ привести только разсмотрѣніе формъ этого языка. Такимъ образомъ, ассирийская грамматика является вѣрѣйшимъ нашимъ проводникомъ.

Начнемъ отъ фонетики. Ассирийскія согласные числомъ и произношеніемъ подходитъ ближе къ согласнымъ въ еврейскомъ языке, чѣмъ къ согласнымъ другихъ семитическихъ языковъ. Такъ, въ ассирийскомъ не встрѣчается никакой разницы въ произношеніи тѣхъ гортанныхъ и зубныхъ звуковъ, которые въ аравийскомъ обыкновенно обозначаются посредствомъ нѣсколькихъ буквъ. То же самое слѣдуетъ замѣтить на счетъ фонетическихъ правилъ перехода согласныхъ въ словахъ: ассирийское ши-лаш, три, а-шер въ еврейскомъ останется шо-лаш, а-шер, въ арамейскомъ перейдетъ въ tho-lath, a-ther, въ аравийскомъ же въ thse le, this и ethser. Равнымъ образомъ tsade въ ассирийскомъ какъ и въ еврейскомъ церходитъ въ tet и zain. Но за то dagesh lene не имѣть такого значенія, какъ въ еврейскомъ и не производить никакой разницы въ произношеніи Bet—Kaf—Pe—Thau; слѣдовательно, эти согласные должны быть произносимы всегда одинаковымъ образомъ. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ ассирийскомъ шипящая передъ зубною переходитъ часто въ плавную l, напримѣръ, khamiltu, вместо khamistu (пять), касди и кальди¹⁾, равно какъ и то, что звукамъ, обозначаемымъ въ ев-

langues s茅mitiques en placerait peut-tre un quatrime, le groupe meridional, qu'on appellera, si l'on veut, causchite ou babb en. Seulement, ce groupe n'ayant pas dans l'histoire l'importance des trois autres, l'himyarite et l'ethiopien ne figureront longtemps encore dans le tableau des langues s茅mitiques que comme ayant pr par  l'avement de l'arabe, — считаютъ возможнымъ объ языкахъ имѣритскомъ и зеюлскомъ здѣсь умолчать, тѣль боѣ, что новѣйшія изслѣдованія Галеви (см. *Journal Asiatique*, VII serie), Кенига (Neue Studien ob. Schrift, Aussprache u. allg. Formenlehre d. Aethiopischen, 1877), Преторіуса и мн. др. доставили бы достаточно материала для специального, посвященнаго единственно этому предмету разсужденія.

¹⁾ Фонетическое правило, на основаніи которого возможно двоякое произношеніе касдимъ и кальдимъ, объясняетъ намъ переходъ еврейскаго кас-ди въ греческое Халѣдіо.

рейскомъ посредствомъ (mem) и (waw) *и* *е*, не найдено въ ассирийскомъ соотвѣтствующихъ особыхъ двухъ знаковъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что Ассирийцы, обозначая эти два звука однимъ только знакомъ, не находили существенной разницы въ произношениі ихъ.

Дляясненія себѣ значенія гласныхъ въ ассирийскомъ языке, необходимо имѣть въ виду значеніе вообще гласныхъ въ семитическихъ языкахъ, и особенности ассирийскаго языка, являющіяся слѣдствіемъ графической системы, принятой Ассирийцами. Ассирийские клинообразные знаки, если мы исключимъ тѣ, которые не имѣютъ фонетического значенія, какъ-то: *указатели* (*determinative*) и *идеограммы*, представляютъ слоги, то-есть, сочетаніе согласныхъ съ гласными. Число такихъ сочетаній зависитъ отъ числа гласныхъ. Поэтому, большая или меньшая точность въ обозначеніи разницы между произношеніемъ различныхъ гласныхъ влечетъ за собою увеличеніе или уменьшеніе числа сочетаній, то-есть, слоговъ. Такъ, ежели число всевозможныхъ сочетаній съ одною какою-нибудь гласною обозначить черезъ 100, то такъ какъ число всѣхъ сочетаній зависитъ отъ числа гласныхъ, 300 слоговъ получится въ томъ случаѣ, когда будетъ принято три гласныхъ, 400—если гласныхъ четыре. Изъ этого можемъ заключить, что независимо отъ числа гласныхъ звуковъ въ ассирийскомъ языке, принятая Ассирийцами графическая система не дозволила имъ вполнѣ точно обозначить гласные звуки.

Многіе ученые ассириологи (Опперть, Менанъ, Делитчъ) въ клинообразныхъ знакахъ находили слоги произшедшіе отъ сочетаній согласныхъ съ тремя только гласными *a*, *i*, *u*¹). Сейсь (Sayce), авторъ ассирийской грамматики²), въ Syllabary указываетъ на многіе слоги, произшедшіе отъ сочетанія согласныхъ съ *e*; такимъ образомъ къ тремъ гласнымъ *a*, *i*, *u* слѣдуетъ причислить еще и *e*.

Переходимъ къ глаголамъ.

¹) Такихъ сочетаній по Менану (*Exposé des Éléments de la Gram. Assyrienne*) 407; изъ нихъ 106 представляютъ простые слоги, и 301—сложные. Делитчъ въ *Altagyrische Lesestücke* представляетъ 317 слоговъ какъ *Schriftzeichen*; но число ихъ, безъ сомнѣнія, значительно увеличилось бы, еслибы мы сочищали знаки, которые онъ помѣстилъ въ *Zeichengruppen*, но которые имѣютъ во многихъ случаяхъ фонетическое значеніе.

²) Послѣднее изданіе этой грамматики появилось въ прошедшемъ году: An Elementary grammar of the Assyrian Language. London, 1877. Авторъ представляетъ клинообразные знаки въ числѣ 522 (не считая такихъ, которые онъ обозначаетъ посредствомъ буквъ, напримѣръ, 402, 402 *a*, 402 *b*, 402 *c*...).

Глаголы въ ассирийскомъ языке, какъ вообще во всѣхъ семитическихъ языкахъ, представляютъ намъ корни всѣхъ словъ въ простѣйшемъ ихъ видѣ. Но большей части корни ассирийскихъ глаголовъ состоять изъ трехъ согласныхъ. Если одна изъ этихъ согласныхъ принадлежить къ числу aleph, he, waw, jod, ain принимаемыхъ за полугласные), то глаголъ, какъ въ прочихъ семитическихъ языкахъ, получаетъ название недостаточнаго (*defective*).

Въ ассирийскомъ языке, какъ и во всѣхъ семитическихъ, особенное значеніе имѣютъ спряженія или формы ихъ. Этихъ формъ находимъ мы четыре:

1) *Kal*, простѣйшая (какъ въ еврейскомъ и другихъ) форма спряженія, обозначаетъ дѣйствительный залогъ (рѣже средній): *ictum*, спрятаніе ¹⁾.

2) *Niphal*, страдательный залогъ отъ *Kal*, образуется посредствомъ вставления *и*, которое (какъ и въ еврейскомъ) ассирийцами прибавляется къ спрягаемому согласной: *incatum*, *iccatum*.

3) *Pael*, имѣетъ значеніе напряженного дѣйствія (отчасти причинаго); образуется посредствомъ удвоенія второй согласной корня и прибавленія къ спрягаемому лицамъ гласной *и*, напримѣръ, *i-sac-tum*.

4) *Shaphel*, имѣетъ причинное значеніе (какъ *hiphil* въ еврейскомъ и *shaphel* въ арамейскомъ); образуется посредствомъ прибавленія *s* къ корню и *и* къ префиксу, обозначающему лицо, напримѣръ, *i-i-sac-tum*. Въ недостаточныхъ глаголахъ вместо *shaphel* образуется *aphel*, такъ какъ буква *s* переходитъ въ *a*, напримѣръ, *iutib* (ср. еврейское товъ) ²⁾.

Отъ каждого изъ этихъ главныхъ спряженій производятся еще два другія, слѣдовательно, еще восемь. Образуются они посредствомъ вставляемой буквы *t* или *taw*.

Вторыя формы спряженія имѣютъ значеніе страдательного или отчасти возвратнаго залога. Указанными двѣнадцатью формами не исчерпывается однако удивительное богатство ассирийскаго языка въ этомъ отношеніи, въ чёмъ онъ превосходитъ даже и аравійскій языкъ.

¹⁾ Корень *котам* въ еврейскомъ получаетъ другое значеніе; но въ аравійскомъ, какъ и въ ассирийскомъ, обозначаетъ *celavit*.

²⁾ Оппертъ считаетъ *Aphel* пятымъ главнымъ спряженіемъ, хотя и прибавляетъ: *J'ai rarement constat  des exemples certains de l' Aphel dans les verbes entiers; mais il s'en trouve dans les racines defectives* (Oppert, Gramm. Ass. стр. 60).

Способъ выражения напряженного дѣйствія посредствомъ удвоенія согласной корня можетъ быть примѣненъ и къ другимъ, но только къ главнымъ формамъ спряженія. Слѣдовательно, представляется возможность образовать, кроме Pael, еще нѣсколько формъ, которыя могутъ выражать понятіе напряженности дѣйствія. (Сейсъ называетъ образованныя такимъ способомъ формы Paclised Conjugations). И такъ, отъ Niphil произойдетъ Niphael (iccattum); отъ Shaphel—Shaphael (iuscattum)—если удвоимъ вторую согласную корня. Но вмѣсто второй согласной мы можемъ удвоить третью, вмѣсто *t*, можемъ удвоить *th*. Такимъ образомъ вмѣсто Niphael произойдетъ Ni-phael¹ (iccatum), вмѣсто Shaphael—Shaphael (iusactum).

Да притомъ, на подобіе того, какъ въ еврейскомъ языкѣ отъ Piel образуемъ Pual (страдательный залогъ формы Piel), отъ Hiphil образуемъ Hophal (страдательный залогъ формы Hiphil) посредствомъ замѣщенія гласной глагола глухою гласною, и въ ассирийскомъ языкѣ отъ Pael и Shaphel (Shaphel соотвѣтствуетъ еврейскому Hiphel) можемъ образовать страдательный залогъ, перемѣнивъ гласную корня въ глухое *u*. Отъ Pael (iucattum) произойдетъ iuscattum; отъ Shaphel (iusactum) произойдетъ iuscutum.

Въ семитическихъ языкахъ¹, выразилъ въ своей Ассирийской грамматикѣ (§ 238),—,нѣть наклоненій, кроме повелительного“ (и конечно, прибавимъ отъ себя, изъявительного). И примѣнія это общее правило къ ассирийскому языку, онъ представляетъ таблицу спряженія во всѣхъ формахъ въ одномъ только наклоненіи (изъявительному), указавъ образованіе повелительного (посредствомъ префикса *I*). Въ свою очередь Сейсъ¹) утверждаетъ: „Наклоненій въ ассирийскомъ языкѣ пять: 1) изъявительное, 2) сослагательное, 3) повелительное, 4) желательное и 5) неопредѣленное“.

Но разсмотрѣть ближе образованіе этихъ наклоненій, можетъ быть, и согласимся съ Оппертомъ, и что притомъ еще важнѣе,—убѣдимся, что и въ этомъ отношеніи ассирийскій языкъ является семитическимъ, если припомнить то, что было сказано выше на счетъ наклоненій въ семитическихъ языкахъ. И такъ, сослагательное наклоненіе образуется посредствомъ слога *ui*, слѣдующаго обыкновенно за суффиксомъ притяжательного мѣстоименія, и употребляется въ относительныхъ и условныхъ предложенияхъ; напримѣръ, *ci-i ka bii-su-ni* (когда, если бы назвать его). Желательное образуется, по Сейсу, посредствомъ префикса

¹) Sayce, Assyrian Grammar. 65.

и или *и*, прибавляемаго къ одному изъ временъ (аористу), и обыкновенно употребляется въ 3-мъ лицѣ, хотя и встречается въ другихъ. (Наклоненіе это, какъ мы видимъ, Оппертъ называетъ повелительнымъ¹⁾). Неопределеннное наклоненіе, какъ отглагольное существительное, подвергается склоненіямъ.

Успѣхъ въ разработкѣ ассирийскаго языка въ продолженіе двухъ послѣдніхъ десятковъ лѣтъ, или лучше сказать, отъ появленія первой Ассирийской граматики Опперта до изданія граматики Сейса, болѣе всего обнаружится, если мы сравнимъ статью о временахъ въ граматикѣ Опперта со статьею о временахъ въ граматикѣ Сейса. А именно: въ граматикѣ Опперта указано одно только время аористъ, которое авторъ называетъ тоже будущимъ; между тѣмъ Сейсъ исчисляетъ пять временъ (два главныхъ и три второстепенные).

Для насъ особенно важно историческое, такъ-сказать, развитіе въ этомъ отношеніи ассирийскаго языка. Первоначальными временами являются два: совершенное (называемое, кромѣ того, Сейсомъ еще *regmansive*) и не совершенное (аористъ). Вслѣдствіе влиянія аккадскаго языка въ несовершенномъ времени образовалась сокращенная форма (*iscun*), на которую и перешло значеніе времени; болѣе же распространенная (*isaccin*) получила значеніе настоящаго, которое въ свою очередь въ еще болѣе распространенной (*isaccini*) получаетъ значеніе будущаго. Наконецъ, отъ несовершенного происходитъ и давнепрошедшее (*iscunci*).

Въ ассирийскомъ языкѣ, какъ и во всѣхъ семитическихъ, большая часть имѣнъ существительныхъ производится отъ различныхъ формъ спряженій глагола. Отъ *Kal* неопределеннаго наклоненія и причастія имѣютъ значеніе существительныхъ: отъ глагола *ma-la-su* (управлять) происходитъ *ma-a-li-si* (причастіе), въ значеніи управляющій, правитель, и *mälicu* — царь (сравн. еврейское *моляк*). Отъ *Pael*: *ka-ga-di* — воинственный, воинъ. Отъ *Gphetal*: *git-ma-lu* — благотворитель (въ еврейскомъ языкѣ: *гомал*). Отъ *Shaphel*: *sumi-su-tu* — убийство, чѣсто, гдѣ убиваются (въ еврейскомъ: въ глаголѣ *жутат*; сохранился этотъ корень).

Въ грамматическомъ отношеніи имена прилагательныя не отличаются отъ существительныхъ и не имѣютъ степеней сравненія, какъ

¹⁾ Для точности считаю необходимымъ замѣтить, что въ Опперту извѣстна желательная форма, но онъ не считаетъ ей особымъ наклоненіемъ, а только признаетъ къ повелительному, въ качествѣ 3-го лица этого наклоненія.

и въ еврейскомъ. Родовъ только два: мужской и женскій; отвлеченные существительные обыкновенно женского рода. Многія существительные бываютъ двухъ родовъ и имѣютъ два окончанія. Чисель два; въ двойственномъ употребляются только такія существительные, какъ напримѣръ, руки, глаза.

Кромѣ особой формы, обозначающей *status constructus*, въ ассирийскомъ языѣ находится три падежныхъ окончанія: *и* для именительного, *и* для родительного, *а* для винительного. Въ болѣе арханческомъ языѣ гласная падежныхъ окончаній принимала *т* (или *у*), чтѣ и названо грамматиками миммаціей (*mimmatiun—Sayce, Oppert*). Въ аравійскомъ языѣ, въ этомъ случаѣ, вместо *т* употребляется *и* (нуниація).

По Опперту, слѣдѣ миммації ассирийского языка сохранился въ еврейскомъ, въ окончаніи *ам*, которое сообщаетъ существительнымъ значение нарѣчія; напримѣръ, *ю-мам*—днемъ, *хи-нам*—даромъ; отъ *хен*; *ам-нам*—истинно (§ 29). Въ простонародномъ аравійскомъ окончаніе *ап* также употребляется въ такихъ случаяхъ. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что, по мнѣнію Опперта, миммація въ древне-ассирійскомъ, соответствующая нуниаціи въ аравійскомъ, перешла въ позднѣйшемъ ассирийскомъ въ *status emphaticus*, и что этотъ *status* замѣняетъ собою появившійся въ еврейскомъ членъ, какъ мы это видимъ въ арамейскомъ¹).

Противъ такого предположенія возсталъ Ольгаузенъ, очень основательно, между прочимъ, замѣчая, что нуниація въ аравійскомъ и *status emphaticus* въ арамейскомъ употребляются въ двухъ совершенно противоположныхъ случаяхъ: арабы прибавляютъ *и* къ окончанию неопределенныхъ существительныхъ, тогда какъ *status emphaticus* въ арамейскомъ всегда означаетъ определенное²). Труды Сейса вполнѣ оправдали мнѣніе Ольгаузена; въ грамматикѣ его о *status emphaticus* въ ассирийскомъ языѣ ничего уже не упоминается.

Окончаніе существительныхъ мужскаго рода *и* переходить въ *itu*, *ätu* или *itu* (*étu*), когда означается женскій родъ: *загги* (царь), *sarrätu* (царица); *ilu* (богъ), *ilätu* (богиня). Множественное число въ существительныхъ женскаго рода образуется посредствомъ удлин-

¹⁾ Gramm. Assyr., §§ 37—41.

²⁾ Prüfung des Characters der in den assyrischen Keilschriften enthaltenen semitischen Sprachen, въ *Abhandl. des Königl. Akad. d. Wissenschaft. zu Berlin*, 1864 (стр. 485—487).

ненія гласной въ предпослѣднемъ слогѣ: *ilātu*—богиня, *ilaati*—богини; *im̄itāti*—мать, *im̄taati*—матери. Окончаніе множественнаго числа въ существительныхъ мъжескаго рода есть *e* или *i*: *tusagi* (надпись), *tusagē* или *tusari* (надписи); *bagru* (царь), *barri* (царя). Но встрѣчается еще архаическое окончаніе *api* (которое, впрочемъ, употреблялось для двухъ родовъ): *karsu* (хъсъ), *karsanu* (хъса); *risu* (голова), *risaapi*. Кроме того, встрѣчается еще окончаніе *utū*, болѣе частью употребляемое въ именахъ существительныхъ: *diku* (сбѣдать), *dikuti*; *cisudu* (плѣнныи), *cisudutu*. Двойственное чиcло принимаетъ окончаніе *a*: *uznaa* (двое ушей), *zeraa* (две ноги¹).

При этомъ необходимо еще замѣтить, что буква *t*, прибавляемая къ корню какъ префиксъ, въ ассирийскомъ, равно какъ и въ другихъ семитическихъ языкахъ, сообщаѣтъ существительному значение дѣйствія, орудія или же состоянія, напримѣръ: *sacani*—оставаться, *mōsanu*—жилище, *rotso*—желать, *maritu*—вола, подающаго давать, *mandanatu*—подать, *notsari*—покровительствовать, *matsaratu*—покровительство, *manzani*—укрѣпленіе. Такій же образомъ употребленный префиксъ *t* производитъ существительныи, какъ и въ еврейскомъ, отвлеченные: *tasmeatu*—слушаніе, ученіе; *tenisetu*—люди, человѣчество; *tukumatu*—противодѣйствіе; *taledatu*—рожденіе¹).

Для достиженія большей ясности и наглядности, разсмотримъ ассирийскія мѣстоименія въ сравненіи съ еврейскими.

Личныи мѣстоименія: единственное число: 1-е лицо *anasi*, евр. *анаки*; 2-е лицо: *atta*, *atti*, евр. *аттә*, *ат*; 3-е лицо: *zi*, *si*, евр. *гу*, *гі* (*hi*, *hi*). Множ. ч. 2-е лицо: *attunu*, евр. *аттам*, *аттәи*; 3-е лицо: *sunu*, *sun*, *sina*, *sin*, евр. *гәимо*, *гәинно*, *гәэм*, *гәен*. Что же касается первого лица, то до сихъ поръ ассирийскій текстъ не представляетъ достаточнаго числа примѣровъ. Въ найденной Сейсомъ группѣ клинообразныхъ знаковъ, обозначающей первое лицо множественнаго числа, стерты средній слогъ не позволяетъ прочесть фонетически цѣлаго слова; но два другіе, первый и послѣдній, имѣютъ значеніе *a* и *ni*; чтд. однако же, вполнѣ соотвѣтствовало бы еврейскому.

Притяжательныи мѣстоименія употребляются, какъ и въ еврейскомъ, только въ смыслѣ суффиксовъ при существительныхъ (въ ка-

¹) *Tasmetu* — привлекательное, употребляемое какъ имя собственное богиня Тасмету (супруга бога Небо), означаетъ: та, которая слушаетъ.

ковомъ случаѣ имѣютъ значение притяжательныхъ мѣстоименій въ тѣсномъ смыслѣ, напримѣръ: *abi* — мой отецъ, *malconia* — мои цари, *malacitaka* — твоя царица) и при глаголахъ (тогда получаются значение прямыхъ дополненій — *objectum: indanam sunuti* — онъ отдалъ ихъ).

Но въ ассирийскомъ мы встрѣчаемъ болѣе разнообразія въ этихъ суффиксахъ, чѣмъ въ еврейскомъ, гдѣ тѣ же самые употребляются одинаковымъ образомъ какъ при существительномъ, такъ и при глаголахъ; въ ассирийскомъ же суффиксы, прибавляемые къ глаголамъ, являются уже въ другомъ видѣ.

Указательныя встрѣчаются слѣдующія:

Муж. р. единств. ч., *satu*, *suasu* (евр. *z*) множеств. ч. *suatunu*, *suatun*, *sasunu*. Женск. р. *satu*, *saatq* (евр. *zot*. множ. ч. *suatina*, *satina*.

Дальше находимъ *aatti* или *tha=hic*, *appu=iste*, *ullu=ille*. Ма употребляется какъ суффиксъ. Въ персидской периодѣ является мѣстоименіе *aga*, *haga*, *hagat*, которое употреблялось тоже съ *appu* для значенія большей опредѣленности, напримѣръ, *agappu*, *agannitu* (тотъ же самый, тѣ же самые).

Единственное относительное мѣстоименіе за относится какъ арамейское *d* и еврейское (раввиническое) *sh* ко всѣмъ числамъ и родамъ.

Вопросительныя *шаппи*, еврейское *ми*, кто? *Mie* или *ti* (евр. *mo*) чтѣ? Неопределенные встрѣчаются слѣдующія: *шапатта*, *тапата*, *таута*, *таамтад*, *таамта* или *таопомта* (*illus*, *aliquis*). Возвратныя *шамапи*, *шамапи*, *шамапа* (самъ) употребляются съ суффиксомъ притяжательного мѣстоименія въ значеніи личнаго возвратнаго: *шамания* — меня самого, *шамапаса* — тебя самого, *шамапицип* — ихъ самихъ.

Числительныя количественные, какъ и въ еврейскомъ и прочихъ семитическихъ, имѣютъ два рода: мужской и женский. Въ надписяхъ обыкновенно употреблялись идеограммы (символы, цифры) для означенія числительныхъ, вслѣдствіе чего много потребовалось труда и находчивости для отысканія фонетического ихъ значенія. Сейсъ, для означенія понятія одинъ мужского рода, отыскала четыре слова: *akhadu*, *ed u*, *estiu*, *estaapi*; для женского рода два: *ikbit*, *ikhtu*¹). Форма

¹) Оппертъ (Gram. Азбуг., § 94) указываетъ только одну форму для мужского рода и одну для женского.

estiu большое имѣть значение въ сравнительной филологии семитическихъ языковъ, такъ какъ объясняетъ происхожденіе еврейскаго ашти (*status constructus* въ словѣ, означающемъ: одинадцать), до сихъ поръ еще не объясненнаго¹⁾.

Нарѣчія въ ассирийскомъ языкѣ по большей части образуются посредствомъ прибавленія слога *is* къ *status constructus* именъ существительныхъ и прилагательныхъ; напримѣръ, *rab-is*—вельчественно (сравн. еврейское робаб, раб), *el-is*—вверхъ (еврейское ольо, аль, оль), *cassab-is*—звѣздообразно (еврейское кохоб), *sadan-is*—на подобіе горы. Равнымъ образомъ въ значеніи нарѣчій употребляются и косвенные падежи (родительный и винительный, но родительный рѣже) съ миммаціей и безъ миммації; напримѣръ, *palca*—обширно, *rubam* (= *rabis*), *cusvam*—закрыто, *sahanam*—по-жречески, *batstsi*—въ развалинахъ, *labirim*—по старинному.

Прочія части рѣчи, какъ-то предлоги и союзы, представляютъ много разнообразія, какъ въ образованіи своеемъ, особенно первые, такъ и въ значеніи. Сейсъ исчисляетъ 66 предлоговъ, хотя впрочемъ, какъ это мы видимъ и въ другихъ семитическихъ языкахъ, несравненно большая часть ихъ происходит отъ существительныхъ. Союзовъ авторъ этотъ насчитываетъ 24.

Относительно синтаксиса ассирийского языка считаю достаточнымъ ограничиться здѣсь словами Опперта, что „какъ въ употреблении различныхъ грамматическихъ формъ, такъ равнымъ образомъ въ строеніи отдѣльныхъ предложенийъ и цѣлыхъ періодовъ, синтаксисъ этого языка ничѣмъ не отличается отъ синтаксиса всѣхъ остальныхъ семитическихъ языковъ“²⁾.

¹⁾ Слѣдующая таблица имѣетъ числительныѣ количественныѣ въ ассирийскомъ языкѣ, въ сопоставленіи съ еврейскимъ, укажетъ болѣе всего средство этихъ языковъ въ лексическомъ отношеніи (для краткости указываю только мускій родъ):

1. auhadu, edu, essin, евр. вход.	20. esraa, евр. юрим.
2. sanie, sinuu, евр. шанам.	30. silazaa, евр. меъшим.
3. salsatn, евр. шо:сан.	40. irbaa, евр. арбоним.
4. irbitu, евр. прбба.	50. khaanad, евр. гаминим.
5. kamistu (kamiltu), евр. хомеш.	60. anissi, евр. инишим.
6. sisatu, евр. шем.	70. sibua? евр. шидим.
7. sibittu, евр. шеба.	100. te, евр. мео.
10. esirtu, евр. эсер.	1000. alapi, евр. элеф.

Фонетически восемь и девять, какъ, равнымъ образомъ, восемьдесят и девяносто,—еще вполнѣ достовѣрно не прочтено.

²⁾ Oppert, Gram. Assyr., § 223.

...Къ какимъ же результатамъ приводить насъ доведенный до конца обзоръ ассирийской грамматики? Результаты эти представляются въ слѣдующихъ соображеніахъ, и конечно, выводахъ:

1) Ежели, съ одной стороны, всѣ безъ исключенія грамматическія формы ассирийскаго языка доказываютъ его семитическое происхожденіе и заставляютъ окончательно причислить этотъ языкъ къ семитической семье, то съ другой стороны, мы не видимъ того, чтобы въ немъ преобладала какая-нибудь форма, принадлежащая исключительно къ какому-нибудь одному изъ семитическихъ языковъ, чтѣ, въ свою очередь, заставило бы насъ считать ассирийскій языкъ народцемъ этого языка. И такъ, число согласныхъ звуковъ, одинаковые правила касательно перехода однихъ согласныхъ въ другіе, формы мѣстоименій личныхъ и относительного, суффиксы притяжательныхъ, числительные имена, кажется, болѣе всего приближаютъ ассирийскій языкъ къ еврейскому. Но за это мимика, падежныя окончанія, число гласныхъ доказываютъ сродство его съ аравійскимъ; притомъ, какъ и въ арамейскомъ, въ немъ нѣтъ члена. Вслѣдствіе этого ассирийскій языкъ является въ семитической семье языковъ, наравнѣ съ еврейскимъ и аравійскимъ, вполнѣ самостоятельнымъ языкомъ. Поэтому, если мы, основываясь на географическомъ распределѣніи семитической рѣчи, назвали выше арамейскій языкъ съвернымъ, аравійскій—южнымъ, еврейскій—среднимъ (или западнымъ), то ассирийскій должны мы назвать восточнымъ.

2) Нѣкоторые изъ разсмотрѣнныхъ нами грамматическихъ формъ ассирийскаго языка, какъ напримѣръ, числительныя и мѣстоименія, указываютъ на его первообразность и древнее происхожденіе. Многія же другія формы, какъ-то: времена, окончанія множественного числа и т. д., — въ свою очередь доказываютъ, что этотъ языкъ прошелъ многія ступени развитія, пока, наконецъ, достигъ окончательнаго своего совершенства и богатства формъ. Имѣя же въ виду исторію семитическихъ языковъ и три указанныя Ренаномъ периода въ ихъ исторіи, мы въ правѣ поставить вопросъ: какое мѣсто долженъ занимать ассирийскій языкъ въ исторіи семитическихъ языковъ; къ которому изъ этихъ периодовъ мы должны отнести эпоху его развитія, какъ это случилось съ финикийскимъ, или же историческое значеніе ассирийскаго языка будетъ соответствовать самостоятельности его грамматической?

На эти вопросы отвѣтить могутъ только памятники ¹⁾ ассирийскаго

¹⁾ Памятники ассирийскаго языка можно раздѣлить на два разряда: 1) исто-

языка, и они-то, а именно ихъ историческое и вообще культурное значение, равно какъ и время ихъ происхождения, открываютъ намъ четвертый періодъ въ исторіи развитія семитическихъ языковъ, который мы должны назвать первымъ, имѣя въ виду хронологію.

Въ этомъ первомъ періодѣ ассирийской, или точнѣе говоря, ассирапавилонской языке, языке клинообразныхъ надписей и кирпичной библіотеки Ассирийского царя Ассур-бани-пала, долженъ считаться главнымъ, выражалась словами Ренана, „органомъ мысли Семитического племени“, какимъ позднѣе является еврейскій, далѣе—арамейскій, и наконецъ, аравійскій; періодъ же этотъ долженъ получить название ассирапавилонскаго.

III.

Словари и граматики открыли ассирийские тексты, познакомили съ содержаніемъ надписей и другихъ научныхъ и литературныхъ памятниковъ весьма отдаленной эпохи жизни человѣчества. Непосредственнымъ результатомъ явилось решеніе нѣсколькоихъ вопросовъ, касающихся исторіи передней Азіи и этнографіи населяющихъ ее народовъ. Познакомиться съ решеніемъ хотя бы только главнейшихъ изъ этихъ вопросовъ можетъ быть вообще интересно; но для насыть будетъ еще интереснѣе, такъ какъ авторъ, разбору сочиненія которого посвящена первая часть настоящаго труда, заключенія свои, опровергающія мнѣніе ученыхъ, причисляющихъ языкъ клинописи къ языкамъ семитической семьи, основалъ на многихъ, какъ мы имѣли возможность уже видѣть, историческихъ и этнографическихъ соображеніяхъ и выводахъ.

Древнѣшія, относящіяся къ исторіи Халдеи надписи, напримѣръ, царя Уръ (стариннаго города въ южной Хальдѣ) Уркама¹⁾, кото-

рическия надписи, и 2) научно-литературные памятники. Историческія надписи были находимы на стѣнахъ дворцовъ, на каменныхъ львахъ и быкахъ, обыкновенныхъ украшеніяхъ этихъ дворцовъ, на цилиндрахъ, и наконецъ, на кирпичахъ, изъ которыхъ воздвигались эти дворцы. Научно-литературные памятники главнымъ образомъ были собраны въ библіотекѣ царя Ассур-бани-пала и открыты въ праволиніяхъ его дворца въ Ниневіи. Исчисленіе этихъ кирпичныхъ рукописей читатели найдутъ въ статьѣ г. Астафьевъ: Вавилоно-ассирійскіе клинообразные надписи (Ж. М. Н. Пр., декабрь, 1876). Отрывки поэмы о сотвореніи мира и потопѣ изданы въ переводахъ на англійскій языкъ известный ученый Смисъ: The Chaldean Account of Genesis. London. 1876.

¹⁾ Такими образомъ читаются имъ того царя Ролинсонъ, Менантъ и др. Лер-

рый, какъ предполагаютъ, жилъ за 3,000¹⁾ лѣтъ до Р. Х., Дунга, его сына и наследника, Исли-Догана (съ 1800 г. до Р. Х.), Гунгунана (съ 1770 г.), упоминаютъ о каждомъ изъ этихъ царей, какъ „царь Уръ, царь Сумировъ и Аккадовъ“²⁾.

Определить происхождение этихъ двухъ народовъ представлялось одною изъ важнейшихъ историческихъ задачъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы уже знаемъ, дуализмъ, обнаруживающійся въ этихъ надписяхъ относительно народонаселенія Халдеи и Вавилоніи былъ извѣстенъ и греческимъ писателямъ. Труды нѣсколькихъ ассириологовъ, во главѣ которыхъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ поставить Ленормана, извѣстнаго автора „Аккадійскихъ изслѣдований“³⁾ и „Тайныхъ наукъ въ Азіи“⁴⁾, рѣшили вышеупомянутую задачу, и рѣшеніе это, принятое многими учеными, особенно французскими и англійскими, какъ не опровергнутая историческая истинна, введено въ новѣйшія къ истории востока руководства⁵⁾.

Страна Сумировъ простиралась на сѣверъ Халдеи (Сеннааръ, Gen. X, 10), а страна Аккадовъ, впослѣдствіи, начиная съ IX вѣка, получившая название—Кальди, на югъ. Но обѣ эти области, по крайней мѣрѣ въ исторической времена, рѣзко другъ отъ друга не могли уже отличаться; жители, какъ той, такъ и другой, сохранивъ впрочемъ свой родной языкъ, составляли одно цѣлое въ политическомъ и отчасти въ этнографическомъ отношеніи, а потому и замѣчаетъ Ленорманъ: „Название страны Сумировъ и Аккадовъ можетъ обозначать только то, что на сѣверѣ, въ числѣ, конечно, прочаго народонаселенія, болѣе преобладали Сумиры, на югѣ же болѣе преобладали Аккады“⁶⁾.

Остатки древнихъ магическихъ запятій и религіозныхъ гимновъ, дошедшиye къ намъ въ языке Аккадовъ, доставили Ленорману доста-

норманъ, придавая другое фонетическое значеніе входящей въ составъ его имени идеограммы, читаетъ Лик-багасъ; Гинкъ въ atomъ Уркашъ усматриваетъ Ариаха, царя Ельмесоръ (Gen. XIV, 1).

¹⁾ *Mémoires, Babylone et la Chaldée*, 75.

²⁾ *Western Asia Inscriptions*, I, pl. 1. n° 1, 6. pl. 2, n° 11, 2. n° V, 1, 2. n° VI, 2.

³⁾ *Etudes Accadiennes*; въ 1-мъ томѣ помѣщены грамматика, хрестоматія и словарь, во 2-мъ аккадійскіе тексты съ подстрочнымъ переводомъ.

⁴⁾ *Les Sciences Occultes en Asie*: 1) *La Magie chez les Chaldéens et les Origines Accadiennes*; 2) *La Devination et la Science des Présages*.

⁵⁾ *Maspero, Histoire Ancienne*, 1875, Ch. IV VI.

⁶⁾ *La Magie chez les Chaldéens*, стр. 267.

точно материала, чтобы восстановить, хотя бы впрочемъ въ общихъ только чертахъ, языкъ, религию и главныя формы культуры этого древняго народа. Поразительное сходство языка и религиозныхъ возврѣній Аккадовъ съ языкомъ и религиозными возврѣніями многихъ народовъ туранского происхожденія доказываетъ, что древніе Аккады принадлежали къ Турано-Финскому племени, то-есть, къ тѣмъ народамъ, которые подъ общимъ названіемъ Скиесовъ приобрѣли столько извѣстности въ древнемъ мірѣ, и о которыхъ сохранилось преданіе, что они въ самыя древнѣшія времена, „еще до появленія всѣхъ прочихъ народовъ“, населяли всю Азію и господствовали въ ней¹⁾.

Слѣдѣтъ затѣмъ сопоставленіе вновь открытаго съ греческими источниками обнаружило, что это именно Аккады были извѣстны греческимъ писателямъ подъ именемъ Халдаи; въ еврейскихъ же преданіяхъ они носятъ название—Кас-ди²⁾.

Переселившись, быть можетъ, съ южера³⁾ еще въ до-историческая времена, они здѣсь дали начало всѣмъ начаткамъ культурной жизни, изобрѣли клинописные знаки для письма и развили свои религиозныя понятія въ систему, слѣдъ которой остался въ искусствѣ, прославившемъ въ свое время Халдеевъ въ греко-римскомъ мірѣ.

Второй народъ, которому древніе писатели приписывали столь важное значение въ возникающемъ Вавилонскомъ государствѣ, Киссии и Кефены Гелланника и Геродота, Кушиты въ еврейскихъ преданіяхъ—это—Сумиры клинообразныхъ вавилонскихъ надписей.

Въ то время, когда въ странахъ Сумировъ и Аккадовъ возводились могущественные города, развалины которыхъ до сихъ поръ изумляютъ путешественниковъ, города, являющіеся центрами возникающихъ государствъ, продолжительность существованія которыхъ совпадала съ процвѣтаніемъ каждого изъ нихъ,—Семитическая племена, составившія впослѣдствіи Ассирийскій народъ, вели еще номадную жизнь и были извѣстны вавилонскимъ надписямъ подъ именемъ gutium (го-имъ, Gen. XIV. I). Въ ихъ землѣ, какъ первый центръ культурной жизни, является городъ Ассуръ, связанный

¹⁾ Iustinus, II, 3; cf. 1. 1.

²⁾ Еврѣмское с (а), какъ мы знаемъ, переходитъ обыкновенно въ ассирийское l (а); оттого касди—кальди.

³⁾ Въ названіи Курды, племена, обитающаго въ Арmenіи, остался слѣдъ названія Кальди, Халдеи. Поэтому можно предполагать, что Курды суть остатки туранского, жившаго когда-то здѣсь, племени.

документахъ рядомъ съ нимъ, и притомъ такъ, что послѣ рожденія и вскорѣ послѣдовавшаго коронованія Константина занималъ средину между братомъ и племянникомъ? Въ русской лѣтописи мы можемъ отыскать обѣ формулы, засвидѣтельствованныя самими документальными образомъ. Въ надписаніи или заголовкѣ Олегова договора говорится о Лѣвѣ и Александрѣ, а затѣмъ, въ самомъ договорѣ, о Лѣвѣ, Александрѣ и Константинѣ. Притомъ девятый индиктъ, находящійся во всѣхъ рукописяхъ, никакъ не оспаривается, а онъ, въ правленіе Лѣва Мудраго, приходится только на 906 годъ, когда Константинъ хотя уже и явился на свѣтъ, но еще не былъ коронованъ и объявленъ соправителемъ. Въ 911 году индиктъ бытъ XIV. Наконецъ, мы находимъ, что въ одной изъ новелъ Лѣва Мудраго осуждаются именно тѣ постановленія о приданомъ и предбрачномъ дарѣ, которая находятся въ Эклогѣ Лѣва и Константина.

Послѣ этого мы должны остановиться или 1) на Лѣвѣ Исаврійскомъ и его сынѣ Константинѣ, возведенномъ своимъ отцомъ въ соправители 31-го марта 720 года, послѣ того какъ ему исполнился съ небольшимъ годъ отъ рожденія; или 2) на Лѣвѣ Хазарскомъ, сынѣ которого также именовался Константиномъ, провозглашенъ бытъ императоромъ въ апрѣль 776 года, и слѣдовательно, бытъ соправителемъ своего отца почти во все время его царствованія (775—780 гг.).

Если мы обратимъ вниманіе на условія, заключающіяся въ данныхъ лѣтосчисленія, то опять увидимъ, что ни индиктъ, ни годъ, чтѣ бы мы ни думали о точности ихъ рукописнаго обозначенія, никакъ даже близко не подойдутъ къ годамъ царствованія Лѣва Хазарскаго. Левъ Хазарскій и его сынъ Константинъ начали именоваться императорами съ XIV индикта и достигли вмѣстѣ только до IV (то-есть, царствовали XIV, XV. I—IV инд.). Равнымъ образомъ въ ихъ совокупное царствованіе не было такихъ годовъ, которые представляли бы сходство съ наиболѣе несомнѣнными цифрами, входящими въ составъ годового обозначенія въ Эклогѣ. Къ этому мы еще вернемся; но и теперь уже позволительно сказать, что Эклога принадлежитъ одному изъ императоровъ Исаврійскаго дома, носившему имя Лѣва, и всего скорѣе старшему изъ нихъ, то-есть, Лѣву III, а не Лѣву IV, внуку предыдущаго. Съ этимъ вполнѣ согласны прямые указанія на исаврійское законодательство, встрѣчающіяся въ позднѣйшихъ юридическихъ руководствахъ, изданныхъ при Македонской династіи.

Въ Эпанаагогѣ (ἐπαναγογὴ τοῦ νόμου), составленной при Василии, Львѣ и Александрѣ (между 879—886 годами), въ предисловіи говорится „о несообразностяхъ, изданныхъ Исаврійцами въ противность божественному догмату и на разрушение спасительныхъ законовъ“, которая (несообразности) предполагалось отмѣнить, исправить и уничтожить изданіемъ новаго руководства къ познанію законовъ, именно этой самой Эпанаагоги¹⁾.

Въ позднѣйшей дополненной редакціи той же самой Эпанаагоги (*Epanagoge aucta*, относящаяся ко второй половинѣ X вѣка) сдѣлано такое замѣчаніе, что позволеніе брака при родствѣ въ четвертой степени, допускавшееся въ древнѣйшее время, отмѣнено исаврійскимъ закономъ, остающимся въ силѣ до сихъ поръ и воспрѣщающимъ брачный союзъ даже въ шестой степени²⁾. Если мы возьмемъ въ руки Эклогу Льва и Константина, то найдемъ соотвѣтствующее постановленіе во второмъ титулѣ и во второмъ членѣ (II § 2).

Сюда же относится и слѣдующее мѣсто во введеніи Прохирона (Ручной книги), изданного Василиемъ Македоняниномъ (между 870—879 гг.). Говоря о своемъ намѣреніи издать новое юридическое руководство, императоръ ставитъ себѣ такое возраженіе: „Скажетъ кто-нибудь: такъ какъ уже наши предки оставили намъ нечто подобное, то почему бы не успоѣться на этомъ сокращеніи, и зачѣмъ было прибѣгать намъ ко второму избранію?.. Слѣдуетъ знать, что это такъ-называемое руководство содѣжало не столько избрание (выборъ), сколько извращеніе добрыхъ законоположеній, допущенное намѣренно собирателемъ... Помимо еще нашими предшественниками это прежнее руководство было отвергнуто, хотя и не вполнѣ, а сколько это требовалось“³⁾. Отсюда мы видимъ, что „Избраніе законовъ“ (Эклога, ἐκλογὴ) въ общежитіи носило также название „руководства“

¹⁾ *Zachariae, Collectio Iulog. iuris Graecorum inedito*, pag. 62: Νῦν δὲ τὰς ἑπ' ἐναντιώσει τοῦ εἰρημένου θεοῦ δόγματος καὶ ἐπὶ καταλύσει τῶν αστικῶν νόμων παρὰ τῶν Ἱεσαρχῶν φλυαρφίας ἀκτεβίας πάντη ἀκοβαλομένη καὶ ἀποφρύφασσα.

²⁾ *Epanagoge aucta*, XV, 8 (*Zachariae, Jus graecorum opatum*, IV, 231): τὸ ἐκ τετάρτου βαθμοῦ δύνασθαι λαρμάνειν πρὸς γάμον τῆς ἀρχαιοτέρας νομοθεσίας δι ἀνηράθη ὑπὸ τοῦ Ἱεσαρικοῦ νόμου η τ. д.

³⁾ Ἐπειδὴ δὲ καὶ τοῖς πρὸ ἡμῶν τι τοιοῦτο γεγονε, φείη τις ἀν ἴσως, δου δι γάριν οὐκ ἐν ἐκείνῃ τῇ συντομίᾳ συγχήνη ἄγοντας πρὸς διαιτέραν ἐκλογὴν ἐλγυσθέντα: ἡμᾶς; εἰδέναι χρή, ὃς οὐκ ἐκλογὴ μᾶλλον, ἢ ἀνατροπὴ ὁ καλούμενος ἐγγειρίδιος καθιστατο τῶν καλῶν νομοθετηθέντων κατὰ δούλησιν τοῦ συλλεξαμένου. — — — Δι τοῦτο ἀποτροπάιος μὲν καὶ τοῖς πρὸ ἡμῶν γέγονεν ὁ πρώτη ἐγγειρίδιος, οὐκ δὲ μέντοις ὅλικως, δλ.) δισυν φειλεν. *Zachariae, Prochiron*, pag. 8 η 9.

(*έτιχεριδος*), а что здесь речь идет именно об иконоборческой Экзагоге, это не подлежит ни малейшему сомнению, и кажется, очевиднымъ само по себѣ.

Наконецъ, мы уже замѣтили, что въ одной изъ новеллъ Льва Мудраго, именно въ двадцатой¹), прямо имѣется въ виду законодательство Эклоги, хотя при этомъ не приведено ни имени законодателей, ни названія самого юридического источника. Но дѣло идеть о постановленіяхъ, которыхъ измѣняли древнійшее (то-есть, Юстинианово) право, и въ свою очередь, были отмѣнены, по словамъ новеллы, отцомъ Льва Мудраго, то-есть, императоромъ Василиемъ, а впрочемъ и до сихъ поръ могутъ быть отысканы въ Эклогѣ.

Обратимся теперь къ дальнѣйшимъ показаніямъ, содержащимъ въ надписаніи нашего памятника. Сверхъ именъ императоровъ, которыми Эклога обязана своимъ происхождениемъ, въ надписаніи отмѣченъ годъ, индиктъ и мѣсяцъ ее обнародованія. Мѣсяцъ мартъ и девятый индиктъ имѣютъ всѣ извѣстныя списки; но въ обозначеніи года рукописи, какъ уже было замѣчено, расходятся; впрочемъ, болѣе рѣвкія разнотенія устраняются сами собою, какъ потому, что они принадлежатъ поимъ спискамъ, такъ и потому, что они содержать годы, не соотвѣтствующіе именамъ двухъ поименованныхъ въ заглавіи императоровъ. Совпаденіе сихъ двухъ основаній приводить насъ къ тому, что мы безъ дальнѣйшихъ разсужденій можемъ отвергнуть 6347, 6447 и даже 6547 годы, встрѣчающіеся въ немногихъ此刻ъ сейчасъ характеризованныхъ рукописяхъ. Послѣ этого остается только двоякое чтеніе, совпадающее съ годами Исаеврійскихъ императоровъ. Древнѣйшіе списки Флорентійскій Медичейскій, XI вѣка (описаніе котораго, между прочимъ, приведено въ Замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, Н. И. Срезневскаго, XLIV), Бодлеевъ Раулинсоновскій, хотя и писанный въ XIV—XV вѣкѣ, но съ оглавленіемъ, содержащимъ заглавіе Эклоги, болѣе древніго времени, именно тоже XI вѣка, такъ что оглавленіе предполагается принадлежавшимъ первоначально другому сборнику, и Валлеселланскій, X вѣка, имѣютъ 6248 годъ (,5 энѣ). Другіе, также хорошия и старинныя, хотя и не столь древнія рукописи, обыкновенно указываютъ 6247 годъ (,5 энѣ); къ числу ихъ, по видимому, принадлежитъ и списокъ Московской синодальной библіотеки, XV вѣка. Какъ почти всегда, новыхъ рукописей больше чѣмъ самыхъ древнихъ, и потому естѣ-

¹⁾ *Zachariae, Jas Gr. Scorom.*, III, 95.

ственno, что большинство находится на сторонѣ 6247 года. Но если обратить вниманіе на авторитетъ старшинства, то предпочтеніе нужно будетъ отдать 6248 году. Мы полагаемъ, что Цахаріѣ допустилъ въ-которое отступленіе отъ законовъ филологической критики, остановившись на 6247 (=739 по Р. Х.) годѣ.

Разница во всякомъ случаѣ небольшая, и оба чтенія служили бы только къ болѣе полному и окончательному подтвержденію принадлежности Эклоги Льву Исаеву, если бы не существовало еще одного затрудненія, при разрѣшеніи которого вытекающее различіе на одинъ годъ получаетъ уже важное значеніе. Затрудненіе состоитъ въ томъ, что показаніе индикта не сходится съ показаніемъ года. Именемо: девятый индиктъ, обозначаемый согласно во всѣхъ рукописяхъ Эклоги, начинается, по греческому лѣтосчислѣнію, съ 1-го сентября 740 года и простирается до сентября 741 года. Такимъ образомъ мѣсяцъ мартъ IX индикта есть мартъ 741 года. Но этому противорѣчить то, что 741 году, или точнѣе, первымъ его восьми мѣсяцамъ, соотвѣтствуетъ годъ отъ сотворенія мира 6249, а не 6248 или 6247. И наоборотъ, 6248 годъ соотвѣтствуетъ 739—740 году (отъ сентября по сентябрь) по Р. Х., а индиктъ его по сентябрь будетъ VIII.

УстраниТЬ всякия сомнѣнія относительно принадлежности Эклоги Льву Исаеву и вообще относительно ея происхожденія казалось дѣломъ въ такой степени важнымъ, что даже юристы считали нужнымъ пускаться по этому случаю въ область хронологическихъ разысканій. Цахаріѣ, увеличившій для себя трудность соглашенія индикта съ годомъ принятіемъ болѣе новаго чтенія или 6247 года, сдѣлалъ замѣченіе, что способъ лѣтосчислѣнія у Византійцевъ не имѣлъ точной опредѣленности, и высказалъ предположеніе, что Греки, въ эпоху Исаеврійской династіи, можетъ быть, держались какой-нибудь другой системы счислѣнія, либо индиктовъ, либо годовъ отъ сотворенія мира. Этотъ намекъ, сколько осторожный, столько же, нужно сказать правду, мало основательный, былъ поднятъ и развитъ другимъ знаменитымъ ученымъ юристомъ, Геймбахомъ младшимъ, который даже неоднократно возвращался къ тому, что онъ считалъ счастливымъ и удовлетворительнымъ рѣшеніемъ проблемы¹⁾). Его рѣшеніе, наконецъ,

¹⁾ См. *Kritische Jahrbücher für die deutsche Rechtswissenschaft*. Erster Jahrgang 1837, въ рецензіи на изданіе Цахаріѣ: «О прόχирос чόрос», подписанной G. E. Heimbach, pag. 1857; ср. также *Anecdota. Ed. G. E. Heimbach* (Lipsiae, 1838), том. I, pag. 270 (въ примѣчаніяхъ).

одобрено и подробно изложено въ новѣйшей Исторіи греко-римскаго права въ большой немецкой Энциклопедіи—Эрца и Грубера¹⁾). Сущность дѣла въ томъ, что Геймбахъ доказываетъ существование во времена иконоборцевъ другаго лѣтосчислѣнія, которое относительно общепринятаго заключало бы въ себѣ разницу на одинъ годъ. Если бы Геймбаху въ самомъ дѣлѣ удалось доказать свое положеніе, то результатъ его соображеній могъ бы имѣть важность и для русской исторіи, въ которой существуетъ такая же проблема относительно мартаовскаго года. Во всакомъ случаѣ, на соображеніяхъ Геймбаха стоитъ остановиться... Онъ излагаетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

Хронографъ Феофана показываетъ намъ, что у Грековъ были въ употребленіи два способа счислѣнія лѣтъ по Р. Х., римскій и александрийскій, римская эра и александрийская. Послѣдній, то-есть, александрийскій способъ лѣтосчислѣнія Феофанъ называетъ болѣе правильнымъ и употребляетъ оное, когда при вступленіи на престоль извѣстнаго императора отмѣчается годъ міровой эры, то-есть, годъ отъ созданія міра. Только въ двухъ мѣстахъ (pagg. 117, 345) прибавляется онъ рядомъ и счетъ годовъ по римскому способу, при чёмъ оказывается между двумя системами счислѣнія разница въ 16 лѣтъ. Именно: въ первомъ изъ подразумѣваемыхъ мѣстъ Феофанъ подаграетъ смерть императора Зенона по римскому счислѣнію въ 5999 году, а по александрийскому — въ 5983. Во второмъ случаѣ онъ относитъ смерть Льва Исавра къ 6248 году римской эры и къ 6232 александрийской. Если мы болѣе внимательнымъ образомъ разсмотримъ оба эти показанія по отношенію ихъ къ годамъ отъ Р. Х., то убѣдимся, что они сдѣланы не по одному разчету, и что тутъ есть разница на одинъ годъ. Если Феофанъ полагалъ смерть императора Зенона (=мѣсяцъ апрѣль, индиктъ XIV, 491 годъ по Р. Х.) въ 5999 году отъ сотворенія міра по римскому счислѣнію, то держась того же самаго способа считать, онъ долженъ былъ бы помѣстить кончину императора Льва Исаврийскаго, послѣдовавшую въ іюнѣ 741 года, вовсе не подъ 6248 годомъ, а подъ 6249 (то-есть, $491 + 5508 = 5999$, и $741 + 5508 = 6249$). Единогласное свидѣтельство рукописей хронографа, а съ другой стороны — стоящій рядомъ въ совершенно правильномъ соотвѣтствіи александрийский годъ, не допускаютъ возможности

¹⁾ Том. LXXXVI, 215. Сочиненіе, продолжающееся и въ слѣдующемъ томѣ, принадлежитъ другому Геймбаху.

дѣлать какія-либо поправки въ означенной цифрѣ. Слѣдовательно, приходится признать, что смерть императора Льва Исаарійскаго сочтана по особой системѣ, отличающейся отъ прежней на одинъ годъ.

Далѣе Геймбахъ открываетъ и тотъ самый пунктъ, откуда собственно пошла разница, гдѣ начинается это отставаніе римской міровой эры на одинъ годъ (противъ индикта и) противъ годовъ отъ Р. Х. Этотъ пунктъ падаетъ на десятое лѣто правленія Льва, на годъ открытаго объявленія войны иконамъ; а до того времени система счисленія у Феофана остается его обыкновенною и правильною системою. Въ повѣстованіи Феофана о десятомъ годѣ Льва поражаетъ Геймбаха слѣдующее явленіе: Феофанъ прямо и ясно относить къ десятому году правленія Льва то, что случилось лѣтомъ IX индикта (въ лѣто 726 года), въ чёмъ пока еще нѣтъ никакого отступленія отъ обычнаго порядка; но далѣе Феофанъ относить къ тому же десятому году правленія Льва и то, что случилось 18-го октября X индикта (=октябрь 727 года). Причина этого явнаго измѣненія въ способѣ лѣтосчислѣнія, по словамъ Геймбаха, неизвѣстна, но почти не подлежитъ сомнѣнію, что она находится въ связи съ исторіей иконоборства. Нѣсколькими примѣрами, которыхъ нѣтъ ни малѣйшей нужды вѣдь повторять, Геймбахъ старается подтвердить справедливость своего открытія и прослѣдить дальнѣйшіе признаки особаго иконоборческаго счисленія въ хроникѣ Феофана до самой смерти Константина Копронима (775 г.), вѣдь съ которой греческій писатель будто бы воротился къ обычному лѣтосчислѣнію.

По нашему мнѣнію, разсужденіе Геймбаха не имѣетъ твердаго основанія, и зданіе, имъ вовведенное, рушится при первомъ прикосновеніи критики. Вопервыхъ, хотя и вѣрно то, что императоръ Левъ Исааръ умеръ въ юнѣ 741 года, и что этотъ годъ своими лѣтними мѣсяцами относится къ 6249 году отъ сотворенія міра, такъ что Феофанъ не долженъ былъ бы обозначать события 6248 годомъ, если онъ держался обыкновенной системы счисленія,—но въ томъ-то и вопросъ: въ 741 ли году умеръ Левъ Исааръ по взгляду Феофана? Дѣло въ томъ, что годъ отъ Р. Х. совсѣмъ не означенъ у Феофана; Геймбахъ заимствовалъ правильную дату изъ новѣйшихъ сочиненій и обращается съ нею къ Феофану, который также легко могъ ошибаться и во второмъ случаѣ, въ разчетѣ годовъ отъ Р. Х., какъ и въ первомъ, въ разчетѣ лѣтъ отъ созданія міра. Необходимо имѣть въ виду, кромѣ ошибокъ переписчиковъ и издателей, самыя техничес-

скія трудности, которые приходилось преодолѣвать Феофану при переложеніи лѣтъ царствованія на разныя лѣтосчислѣнія. Онъ не имѣлъ тѣхъ пособій, какія мы имѣемъ.

Что касается десятаго года Льва Исаакійскаго, въ который будто бы включены Феофаномъ два лѣта и чуть не двѣ полныя осени двухъ различныхъ годовъ (726 и 727), то здѣсь вмѣсто всякихъ хитросплетеній Геймбаху слѣдовало обратить вниманіе на существование разночтенія въ самомъ текстѣ греческой хроники. Вмѣсто прежняго обычнаго чтенія, указывающаго на 18-е октября десятаго индикта, уже, въ бонинскомъ изданіи стоять: *ι' τοῦ Ἀπρῆλλου μηνὸς τῆς ι' ἵδικτιῶνος* (Theophan. I, 623: 18-го апрѣля мѣсяца X индикта), и конечно, замѣна сдѣлана съ полнѣйшимъ правомъ. Извѣстно, что существуетъ почти буквальный латинскій переводъ хроники Феофана, сдѣланный еще въ IX вѣкѣ Анастасіемъ Библіотекаремъ. Какое же чтеніе имѣть предъ глазами Анастасія? *Decimo quarto Kalendas Maias decimae indictionis* (Theophan., II, 212), за четырнадцать дней до календъ майскихъ такъ стоять въ переводѣ Анастасія — есть дата, вполнѣ соотвѣтствующая 18-му апрѣлю. Итакъ, Геймбаху вовсе не удалось доказать, что Феофанъ въ отдѣлѣ своей хроники, посвященной Льву Исаакійскому, держится двухъ системъ лѣтосчислѣнія и начинаетъ вторую съ десятаго года царствованія этого государя. Изъ многочисленныхъ примѣровъ, приводимыхъ Геймбахомъ въ подтвержденіе того, что система лѣтосчислѣнія, остающаяся позади однимъ годомъ, встрѣчается въ хроникѣ до смерти Константина Копронима, одни совершенно не идутъ къ дѣлу, такъ какъ вполнѣ объяснимы съ точки зрѣнія обычнаго лѣтосчислѣнія, а другіе хотя и представляютъ неправильности, но вовсе не какія-либо особенные, а напротивъ, совершенно обычныя цѣломъ творенію Феофана, какъ оно дошло до насъ. Рѣшительно безъ всякаго основанія Геймбахъ утверждаетъ, что съ 775 года всѣ Феофановскіе годы выдерживаются провѣрку по обыкновенной системѣ; напротивъ, почти до самаго конца сочиненія идетъ рядъ годовъ въ перемежку то съ правильными, то съ неправильными обозначеніемъ міровой эры. Было бы слишкомъ утомительно, если бы мы вздумали примѣрамъ Геймбаха противопоставлять другіе обратнаго характера; мы приглашаемъ всякаго желающаго прослѣдить въ хронографіи Муральта хотя бы только правленіе Константина VI и его матери Ирины, или взять для образца хотя бы только 786 и 877 годы и сличить настоящія и правильныя цифры, выставляемыя Муральтомъ, съ

приводимыми вслѣдъ затѣмъ при частныхъ ссылкахъ Феофанопскими цифрами... ¹⁾.

Возвращаемся, наконецъ, къ надписямъ Эклоги. Такъ какъ не оказывается серьезныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ на то, чтобы въ періодъ иконоборства употреблялась какая-либо специальная и особая система лѣтосчислѣнія, то не остается никакой возможности примирить годъ, означенный въ надписаніи, съ индиктомъ, стоящимъ тутъ же рядомъ. Мы думаемъ, что нужно отказаться отъ всякихъ попытокъ исправлѣнія цифръ, такъ хорошо сохранившихъ преданіемъ, тѣмъ болѣе, что 6247 годъ, который можно было избрать вместо 6248, еще менѣе соотвѣтствуетъ девятому индикту. По нашему мнѣнію, нужно выбирать между индиктомъ и годомъ, если мы желаемъ остановиться па-чемънибудь положительномъ и точно опредѣлѣнномъ. Общее правило то, что въ случаѣ несогласій и столкновеній, подобныхъ настоящему, индиктъ имѣетъ преимущество предъ обозначеніемъ года отъ сотворенія міра. Счетъ по индиктамъ былъ обще-принятый во всякаго рода офиціальныхъ документахъ; сорокъ-седьмая новелла Юстиніана, опредѣлившая законныя формы датированія всяческихъ общественныхъ и частныхъ юридическихъ актовъ, предписывала, наряду съ годомъ правленія императора и съ именами консуловъ, отмѣтить годъ индикта; о какой-либо другой эрѣ нѣть и рѣчи. Одинъ изъ элементовъ полнаго офиціального обозначенія хронологіи, предписанного Юстиніаномъ, исчезъ самъ собою; если нужна была краткость, то изъ двухъ остальныхъ индиктъ имѣлъ преимущество предъ годами царствованія императора; а чаще нѣсколькихъ императоровъ. Изъ этого мы хотимъ вывести то заключеніе, что Эклога первоначально появилась съ обозначеніемъ одного индикта (и мѣсяца), только впослѣдствіи переписчики стали прибавлять, по соображенію, годъ отъ сотворенія міра, и какъ это весьма часто случалось, впадали въ ошибки. Если позволительно высказывать нѣсколько смѣшную мысль, то мы даже полагаемъ, что съ самого начала не было никакой необходимости отыскивать девятый индиктъ въ концѣ царствованія Льва Исавра, что 726 годъ отъ Р. Х. (6218 алекс., 6234 римской міровой эры), также совпадающей съ IX индиктомъ, даже лучше могъ бы соотвѣтствовать всѣмъ даннымъ условіямъ, чѣмъ 741

¹⁾ "Murali," Essai chrohographie byzantine de 395 à 1057, pag. 378, 379. Событие, случившееся въ сентябрѣ 786 года, относится Феофаномъ къ 6278 году (следовало бы 6279), въ сентябрѣ 787 — къ 6279 (следовало бы 6280) и т. д.

годъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ котораго императоръ Левъ кончили свой жизнъ. Мы сейчасъ должны будемъ перейти къ предисловію Эклоги; при чтеніи ея намъ встрѣтится нѣсколько выражений, какъ будто не совсѣмъ идущихъ къ государю, уже двадцать-пять лѣтъ прошедшему на престолъ. Напротивъ, если мы допустимъ, что Эклога, носящая имена Льва и Константина, была издана въ десятый годъ правленія перваго, по истеченіи шести лѣтъ послѣ коронованія втораго, то намъ будутъ представляться совершенно естественными и указанія на благія намѣренія, принятыя въ началѣ царствованія, и надежда на успѣхи въ борьбѣ съ вѣшними врагами, еще имѣющіе только послѣдовать въ будущемъ.

Предисловіе Эклоги вообще на столько важно и любопытно, что мы рѣшаемся привести его въ почти полномъ русскомъ переводѣ, тѣмъ болѣе, что старинный переводъ въ нашей Кормчей совсѣмъ не отличается вразумительностью, но сдѣланъ, по видимому, механически, безъ пониманія смысла, который, впрочемъ, и не легко поддается правильному и въ то же время близкому къ подлиннику выражению на русскомъ языке.

,Во имя Отца и Сына и Святаго Духа императоры Левъ и Константинъ:

,Господь и Творецъ всего, Богъ нашъ, создавшій человѣка и отличившій его самовластиемъ (самоопределениемъ, свободною волею), даръ ему, по слову пророка (Ис. VIII, 4), законъ на помощь и посредствомъ онаго сдѣлалъ известнымъ, чтѣ слѣдуетъ дѣлать и чего избѣгать, для того, чтобы одно было избираемо, какъ содѣствующее спасенію (*φέστητρίας* бута *τρόπου*), а другое отмѣтаемо, какъ ведущее къ наказанію. И никто изъ соблюдающихъ оправданія Его, или чего да не будетъ, отмѣтающихъ онъ, не будетъ обманутъ относительно сообразнаго съ тѣми или другими дѣйствіями воздаянія. Ибо самъ Богъ провозвѣстилъ то и другое, а сила словъ Его, обладающая иерархіей и воздающая каждому по дѣламъ его, по словамъ Евангелия, не прѣдѣтъ...

Поелику Онъ, вручивъ намъ, какъ это было Ему благоугодно, державу царствія, сдѣлалъ тѣмъ явное признаніе (*βεῖτημα τοῦτο—ἐποιῆσατο*) нашей къ Нему любви, смѣшанной со страхомъ, повелѣвъ намъ, по слову верховнѣйшаго главы апостоловъ, Петра, пасти вѣрное Ему стадо,—то мы питаемъ такое убѣжденіе, что нѣть ничего, чѣмъ бы мы первѣ и болѣе могли воздать Ему (благодарность), какъ управление вѣрѣнными намъ отъ Него людами въ судѣ и правдѣ, такъ

чтобы съ этихъ поръ разбрѣшился всякий союзъ беззаконія, расторглись сѣти насильственныхъ обязательствъ (μισίου συναλλαγμάτων διαλό-
севδεις στραγγαλίας), и пресѣчены были стремленія согрѣшающихъ, и
чтобы такимъ образомъ мы увѣнчаны были отъ Его всемогущей
руки побѣдами надъ врагами—славнѣе и честнѣе облегающей
нашу главу діадемы, чтобы устроилось намъ мирное царствованіе и
прочный общественный порядокъ (εὐστάθεις τὸ κολίτευμα).

„Занятые такими заботами и устремивъ неусыпно разумъ къ изы-
сканію угоднаго Богу и полезнаго обществу (τῷ κοινῷ), мы поставили
впереди всего земнаго справедливость, какъ посредницу съ небесными,
острѣшую всякаго меча въ борьбѣ со врагами вслѣдствіе той силы,
которая приобрѣтается служенiemъ ей. Зная, что законоположенія,
изданныя прежними царами, содержатся во многихъ книгахъ, и что
заключающійся въ нихъ разумъ для однихъ труднопостижимъ, а для
другихъ, особенно же для обитающихъ въ сего богохранимого града,
и совершенно недоступенъ, мы созвали славнѣшыхъ нашихъ патри-
ціевъ, славнѣшаго квестора и славнѣшыхъ ипатовъ (консуловъ) и
прочихъ имѣющихъ страхъ Божій и повелѣли собрать всѣ ихъ
книги къ намъ, и разсмотрѣвъ всѣ съ усерднымъ вниманіемъ, мы
сочли приличнымъ, чтобы въ этой (одной) книгѣ—частію сообразно
съ тѣмъ, чтѣ содержится въ тѣхъ книгахъ благоприличнаго, частію
сообразно съ тѣмъ, чтѣ мы вновь постановили,—были болѣе ясно и
кратко изложены рѣшенія (χρίσις) относительно дѣлъ, чаше всего
встрѣчающихся (ἐπὶ συχνασόντων πραγμάτων), и разныхъ договорныхъ
сдѣлокъ (συναλλαγμάτων); а также (были опредѣлены) наказанія, соот-
вѣтствующія обвиненіямъ, ради удобобозримаго познаванія силы та-
ковыхъ божественныхъ законовъ, ради добра и здраваго (έν αρχινάɪ)
разрѣшенія дѣлъ, ради справедливаго наказанія проступковъ и ради
остановки и исправленія расположенныхъ поползновенно къ преступ-
ленію“.

По объясненію новѣшыхъ ученыхъ, подъ множествомъ книгъ, ко-
торое дѣлало затруднительнымъ познаніе права, нужно разумѣть
заступившія мѣсто Юстиніановыхъ законныхъ книгъ греческіе ихъ
переводы и разнаго рода комментаріи, вытѣснившіе совершенно упо-
требленіе самихъ подлинниковъ. Количество такого рода произведеній,
сдѣлавшихся необходимыми для болѣе основательнаго изученія права,
было столь громадно, что едва ли даже тогдашнія публичныя библіотеки
могли удовлетворять запросамъ. Притомъ положеніе юриспруденціи
было тогда столь печальное, что, какъ видно изъ словъ императора,

даже въ Константинополѣ находилось немногого такихъ лицъ, которыхъ бы были бы въ состояніи понимать тѣ переводы и толкованія, а вѣдь столицы—и совсѣмъ не было такихъ людей. Наконецъ, вслѣдствіе большаго количества книгъ, изъ которыхъ приходилось почерпать познаніе законовъ, вслѣдствіе разнообразія излагавшихся въ нихъ мнѣній толкователей, объяснить и согласить которыхъ люди того времени были не въ состояніи по своей малой образованности, произошла въ гражданскомъ правѣ значительная путаница. Вотъ обстоятельства, на которыхъ указываютъ императоры Левъ и Константина, и которыхъ привели къ сознанію необходимости издать, подъ освященіемъ публичнаго авторитета, юридическое руководство, легко вся кому доступное и въ то же время достаточное для рѣшенія дѣлъ, чаще всего встрѣчающихся въ судебнай практикѣ. Лица, на которыхъ возложено было порученіе составить нужное руководство, не названы по имени въ той редакціи предисловія, которая прината за основаніе при установлении текста въ новѣйшемъ полномъ изданіи Эклоги; но нѣть никакого сомнѣнія въ томъ, что не съ вѣтру взяты тѣ собственные имена, которыхъ встрѣчается во многихъ, хотя бы и не въ самыхъ древнихъ, рукописяхъ нашего памятника и перешли отсюда въ переводъ русской Корнѣлей. Въ послѣдней мы читаемъ: „Привзвавше славныхъ наша патрикія, преславнаго убо Никиту, патрикія и квестора, и преименитаго ипата и писца Марина и Марія и прочія, божій страхъ имѣюща“. Въ Ватиканскомъ и Парижскомъ спискахъ такъ называемой Частной Эклоги, а равно и въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ, этому соотвѣтствуютъ: „Никита — славнѣйшій патрицій и квесторъ, славнѣйшіе патрицііа Маринъ и Ноннъ — славнѣйшіе ипаты“). А въ рукописи, находящейся въ библіотекѣ св. Марка и содержащей особеннаго рода юридическій компендіумъ съ предисловіемъ Эклоги въ началѣ, вмѣсто того читается: „Никиту, славнѣйшаго патриція и квестора нашего, славнѣйшихъ нашіхъ патриціевъ Никиту и Марина, славнѣйшихъ ипатовъ и писцовъ“¹⁾). Обыкновенно говорять, что тутъ названы лица, о которыхъ мы не имѣемъ никакихъ другихъ свѣдѣній (Leute, von denen übrigens keine Kunde vorhanden ist); но мы имѣемъ

¹⁾ Развоочтенія приведены у *Пахаріс*, въ изданіи Эклоги (стр. 11, прим. 42); при изданіи Прохирона также было напечатано все предисловіе Эклоги, и здѣсь читалось (стр. XXVII): μεταχαλεσάμενος Νικήταν τὸν ἐνδοξότατον πατρίκιον καὶ κοιαίστωρα ἡμῶν, τοὺς τε ἐνδοξότατους ἡμῶν πατρίκιους Νικήταν καὶ Μαρίνον, τοὺς ἐνδοξότατους ὑπατούς καὶ ἀντιγραφεῖς, καὶ λοιπούς τον τοῦ θεοῦ φόβον ἔχοντας.

всическія основанія предполагать, что два раза упомянутый у Феофана патрицій Маріанъ или Маринъ тожественъ съ патрикіемъ, и патомъ (=секретаремъ) Мариномъ Эклоги. Подъ 6230 (738) г. мы читаемъ о взятии въ пленъ Арабами Евстафія, сына Маріана патриція (Евстахію, тов сіօն Маріано той патріхіօօ), а далѣе, подъ 6232 г. (правильнѣе было бы — 6233=741 г.), снова сообщается намъ, что въ одинъ годъ съ кончиной императора Льва, послѣ многихъ истязаній, былъ замученъ блаженный Евстафій, сынъ знаменитаго Марина патриція (օօծ Маріону той патріблектто патріхіօօ). Итакъ, былъ во время императора Льва какой-то известный Маринъ, причина знаменитости котораго остается не объясненою въ источникахъ. Здѣсь же нужно припомнить и того Марина ипатя (консула) и писца (աւտոգրάֆа—секретаря), въ которому патріархъ Германъ, въ 730 году оставившій свой престолъ, написалъ одно посланіе. Важно для насъ то, что имя Марина принадлежитъ, по видимому, первой половинѣ царствованія Льва Исавра, хотя, конечно, онъ могъ быти въ живыхъ и тогда, когда его сынъ Евстафій попался въ пленъ къ Арабамъ. Если принять слова императорскаго манифеста, слушающаго предисловіемъ къ Эклогѣ, въ совершенно буквальномъ смыслѣ, то обязанность патриція Марина и его, еще менѣе известныхъ въ исторіи, товарищѣ состояла только въ томъ, что они должны были собрать и представить предъ лицо государя законныя книги, которыми они до сихъ поръ руководствовались въ своей судебной практикѣ. Но совершенно естественно, что послѣдовавшее затѣмъ разсмотрѣніе и исправленіе прежнаго законодательства, дополненіе его на основаніи новѣйшихъ законоположеній, выборъ и редакція постановлений, долженствующихъ войти въ новый судебній уставъ или руководство, все это также не было предметомъ личнаго вдохновенія двухъ вѣнцеславъ, а дѣломъ законодательной комиссіи, состоявшей изъ призванныхъ имъ лицъ. Объ отношеніи нового права, наложеннаго въ Эклогѣ, къ старому Юстиніановскому рѣчъ будетъ ниже, а теперь мы снова должны обратиться къ предисловію, въ которомъ находится слѣдующее любопытное обращеніе къ судьямъ:

„Тѣхъ, которые поставлены исполнять законъ, мы убѣждаемъ и вмѣстѣ заклинаемъ воздерживаться отъ вскихъ человѣческихъ страстей, но отъ здраваго помысла износить решения истинной справедливости, не презирать нищаго, не оставлять безъ обличенія сильнаго (ծովածդ), неправду дѣющаго, не такъ (вести себя), чтобы по наружности, на словахъ превозносить правду и справедливость, а на дѣлѣ предпочи-

торыя состоять въ лишеніи человѣка тѣлесныхъ членовъ, въ физическомъ изуродованіи его. Здѣсь мы находимъ: отсѣченіе руки (XVII, 10, 11, 13, 14, 16, 18, 46, 47), урѣзаніе языка (XVII, 2), выкалываніе глазъ или ослѣпленіе (XVII, 15), отрѣзаніе носа (XVII, 23—27), чѣмъ злоупотреблять и чѣмъ былъ ранѣе того наказанъ Юстиніанъ Ринотметъ. Низшая степень этого рода наказаній есть наказаніе разгами и палочными ударами, для обозначенія которыхъ употребляется рядъ выражений съ довольно темными оттенками въ значеніи¹⁾. Изъ другого рода наказаній, состоящихъ въ лишеніи и ограниченнѣяхъ свободы, встрѣчается только изгнаніе или ссылка (éxoris), которая является въ видѣ самой низшей степени наказанія и обыкновенно соединяется съ предварительной тѣлесной экзекуціей и обритіемъ волосъ на головѣ и бороды (XVII, 4, 11, 13, 15, 24, 28, 29, 36—44, 47, 48).

Цахаріѣ не оставилъ безъ замѣчанія, что въ Экломѣ нигдѣ не говорится о заключеніи въ монастырь въ видѣ наказанія, и объясняетъ это враждебнымъ монашеству характеромъ исаврійскаго законодательства. Нужно однако замѣтить, что этой враждебности къ иконамъ и монастырямъ, особенно проявившейся при Константии Копронимѣ, совсѣмъ нѣть сѣдовъ въ Экломѣ. Совершенно напротивъ, особыми статьями охраняется цѣломудріе монахинь и оскорблѣніе ихъ сравнивается съ оскорблѣніемъ церкви Божіей (XVII, 23, 24), а также не забыты земные интересы монастырей, которымъ безусловно позволяется отдавать свои недвижимыя имущество въ бессрочное оброчное содержаніе свѣтскимъ людямъ (XII, 4)²⁾. Но за то намъ остается только повторить замѣчаніе Цахаріѣ относительно возможной оцѣнки уголовнаго права Эклоги; на основаніи того, что въ немъ господствуютъ тѣлесныи и членовредительныи наказанія, не должно все-таки считать его варварскимъ, а слѣдуетъ помнить, что, въ большей

¹⁾ Τόπτεσθαι, δαρέσθαι, μαστίξεσθαι или μαστίγιας τόπτεσθαι, ἀλλαχτά λαμβάνειν. Послѣднее выраженіе, затруднившее позднѣйшихъ славянскихъ переводчиковъ, должно собственнозначитъ «получить сѣву». Одинъ Парижскій кодексъ сообщаетъ къ нашему свѣдѣнію, что сѣва равна 70 ударамъ (ἀλλαχτὸν ὁ ἑστὶν ἐρδομῆκοτα φραγγέλια), а самое орудіе наказанія — φραγγέλιον (Flagellum?), то-есть, бичъ или плеть, имѣетъ въ длину локоть или и больше, толщину въ два пальца и есть нѣчто нѣжное и безопасное...

²⁾ Ἀδηναν ἔχετωσαν καὶ διηγεῖσις ἐμφύτευσεις ποιεῖν. Постановленія обѣ отдачъ церковныхъ имуществъ въ наемъ и аренду находятся уже въ Юстиніановомъ законодательствѣ.

части случаевъ, эти наказанія заступили мѣсто смертной казни ¹⁾, что здѣсь устраниены квалифицированные ея виды, равно какъ и конфискація, существовавшія въ Юстиніановомъ правѣ; однимъ словомъ, мы должны признать, что Исаурийскіе императоры могли съ полнымъ основаніемъ провозгласить о большемъ человѣколюбіи своего законодательства (ἐπιδιόρθωσις εἰς τὸ φιλανθρωπότερον). Сверхъ того, въ честь ему нужно поставить и то, что Эклога угрожаетъ одинаковыми наказаніями бѣднымъ и богатымъ, простымъ и сановнымъ, разумѣется, съ тѣми исключеніями, которыя совершенно умѣстны при денежныхъ или имущественныхъ шрафахъ, тогда какъ въ Юстиніановомъ правѣ не рѣдко встрѣчались ничѣмъ не оправдываемыя отступленія отъ началь справедливаго равенства.

Статья обѣ убийствѣ раба (XVII, 49), конечно, не говорить въ пользу мягкости правовъ въ Византіи VIII столѣтія. Оно не наказывается, если смерть послѣдовала послѣ обычнаго наказанія палками или плетью (λόφοις ή ράβδοις); но все-таки жизнь раба охраняется: если онъ умеръ или вслѣдствіе безмырныхъ истязаній, или же вслѣдствіе отравы, то законъ преслѣдуєтъ господина, какъ убійцу. Воровство въ Юстиніановомъ правѣ разсматривалось какъ частный проступокъ, совершенно исправляемый возвратеніемъ украденаго по требованію пострадавшаго—иногда въ двойной или болѣе цѣнѣ. Но Эклогѣ ово вызываетъ не только гражданское преслѣдованіе, но и уголовное наказаніе — отсѣченіе руки, а въ болѣе легкихъ случаяхъ—изгнаніе или палочніе удары.

Что касается системы личныхъ правъ, то мы уже видѣли, какой высокой характеръ придается въ этой области иконоборческому законодательству историкъ Греческаго народа, и знаемъ, что всѣ его представления о содержаніи этого законодательства заимствованы у Цахарія. Цахаріѣ первый замѣтилъ, что юридическое пониманіе брачныхъ отношеній въ законахъ христіанскихъ императоровъ весьма мало отражало въ себѣ вліяніе христіанства, и что законодательство Юстиніана и здѣсь не представляетъ существенныхъ нововведеній; что только позднѣйшимъ императорамъ, которыхъ церковные историки хотѣли опозорить прозваніемъ иконоборцевъ, было предоставлено ввести въ жизнь настоящее христіанскоѣ брачное право. Мы не

¹⁾ Само собою разумѣется, что и въ самой Эклогѣ все-таки удержанна смертная казнь для наиболѣе тяжкихъ преступленій (см. XVII, 33, 38, 41, 42, 43, 45, 46, 50, 52).

будемъ повторять вдѣсь того, чтѣ ужѣ было выше сказано о юридическомъ непризнаніи конкубината, о преслѣдованіи всякихъ вѣнчачныхъ половыхъ связей угрою тѣлесныхъ и имущественныхъ наказаній. Сверхъ того, Эклога разширила область кровныхъ родственныхъ и духовнородственныхъ отношеній, служащихъ препятствиемъ къ браку, и чтѣ всего важнѣе—рѣшительно провозгласила его нерадостримость, ограничивъ основанія для развода только четырьмя крайними случаями. Трудно одѣнть все добро и все громадное зло, которое заключалось для будущихъ временъ въ двухъ знаменитыхъ главахъ втораго титула Эклоги, хотя собственно въ византійскомъ свѣтскомъ законодательствѣ впослѣдствіи и были сдѣланы нѣкоторыя смягченія въ смыслѣ возвращенія къ Юстиніанову праву. Либеральный греческій историкъ, отчасти сожалѣющій, что иконоборцамъ не удалось ихъ дѣло, какъ бы оправдывающій восстановленіе иконопочитанія при патріархѣ Гарасіи—предъ современнымъ просвѣщеніемъ общественнымъ мнѣніемъ, говорящій о принципахъ Эклоги и нашей Коричней такимъ языкомъ, какимъ другое говорить о принципахъ 1789 года (съ ними, впрочемъ, и сравниваются начала иконоборческаго законодательства: см. выше), вмѣстѣ съ строго-консервативнымъ нѣмецкимъ юристомъ безусловно восхваляетъ все находящееся въ первыхъ титулахъ Эклоги. Г. Папарригопуло, какъ мы видѣли, вполнѣ слѣдуетъ толкованіемъ Цахарія по вопросу о принципѣ имущественныхъ отношеній супруговъ въ Эклогѣ. Взглядъ Цахарія, что иконоборческое законодательство предполагаетъ законную систему общности имущества между супружами,—можетъ считать даже общепринятымъ. Однако, мы видимъ, что и онъ подвергается нѣкоторому оспариванію со стороны компетентныхъ русскихъ юристовъ. Они утверждаютъ, что идея общности имущества между супружами занесена въ исторію греко-римскаго права изъ нѣмецкаго только благодаря предрасположенію наслѣдователя къ своимъ національнымъ начальмъ. Хотя приданое и предбрачный даръ и рассматриваются въ Эклогѣ, какъ особая имущественная масса, но не подлежитъ сомнѣнію, что Эклога, подобно кодексу Юстиніана, считаетъ это имущество, во время брачной жизни супруговъ, собственностью жены, состоящую только въ управлѣніи и пользованіи мужа. За бездѣтною смертью жены, мужъ обязанъ возвратить или выдать это имущество родственникамъ ея, за вычетомъ своей наследственной доли; въ случаѣ же бездѣтной смерти мужа, это имущество, какъ собственность жены, переходитъ въ ея управление и распоряженіе, и сверхъ того, жена получаетъ свою наслѣд-

ственную долю изъ имущества мужа ($\frac{1}{4}$). Если по смерти мужа остались дѣти, то въ руки вдовы-матери, какъ опекунни дѣтей, переходить, сверхъ ея собственного имущества, и все имущество мужа; оно остается въ ея рукахъ впредь до раздѣла ея съ дѣтьми, при которомъ мать получаетъ часть равную одной дѣтской долѣ... Изъ всѣхъ этихъ постановлѣй Эклоги не возможно, говорить намъ—вывести заключенія о существованіи законной системы общности имуществъ между супружами. Къ этому мы прибавимъ только то филологическое замѣченіе, что императоръ Левъ Мудрый, въ своей двадцатой новеллѣ критикующей постановленія иконоборцевъ объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу, называетъ жену госпожею предбрачнаго дара съ того самого момента, какъ заключенъ бракъ (*Zachariae, Jus Graecorum.*, III, 96: *καὶ τούτῳ (ὑποβόλῳ) κορίσιν καθίστασθαι τὴν γυμνήν*), что съ другой стороны, въ самой Эклогѣ жена по смерти мужа при дѣтяхъ наследникахъ называется только „держательницей своего приданаго и всего мужина имущества“ (I, 5: *ἔγκατοχον τῆς τε προλήπτης καὶ ἀνδράς ἀπάστρος ὑπάρξας*), и что если въ одномъ изъ позднѣйшихъ юридическихъ памятниковъ мы и встрѣчаемъ выраженіе, что для жены должно быть общимъ (*κοινὰ*) все, что принадлежитъ ея мужу (Пѣра, rag. 79), то это сказано болѣе въ нравственномъ, чѣмъ въ юридическомъ смыслѣ.

Отношеній между родителями и дѣтьми Эклога касается только мимоходомъ, но замѣтно, что она еще дальше пошла въ дѣлѣ смягченія суровыхъ римскихъ преданій объ отеческой власти, чѣмъ Юстинианово законодательство. Въ Эклогѣ нѣть рѣчи о какихъ-либо особыхъ личныхъ проявленіяхъ отеческой власти: права и обязанности, изъ нея проистекающія, принадлежать въ одинаковой степени отцу и матери. Пока живы отецъ и мать, до тѣхъ поръ, по общему правилу, опека не допускается; за исключеніемъ того случая, когда мать-вдова вступаетъ во второй бракъ, она, какъ мы видѣли, управляетъ всѣмъ оставшимися послѣ умершаго мужа имуществомъ; тѣтъ изъ родителей, который остался въ живыхъ, отецъ или мать, имѣть право въ своемъ завѣщаніи назначить сиротѣ опекуна. Наконецъ, дѣти для вступленія въ бракъ нуждаются не просто въ согласіи отца, подъ властію котораго они находятся, а вообще въ согласіи родительскомъ¹⁾. Что касается опеки надъ сиротами, то въ

¹⁾ Ecl. II, 7: *ἴκ τούτου καὶ συγγενῶν ἀντῖν τοντινέσσως*. Одна рукопись вышесто *συγγενῶν* читаетъ *χρήματων* (опекуновъ). Въ славяно-русскомъ переводе: родителей и ближнихъ соизвѣстіемъ.

этомъ отношения замѣчательно, впервыхъ, уничтоженіе всякаго различія между опекой (*tutela*), основанной на семейныхъ интересахъ и семейной власти, и попечительствомъ (*cura*), учрежденнымъ въ видахъ общественнаго публичнаго интереса; самая опека, подобно прежнему попечительству надъ взрослыми, понимается какъ отправлѣніе общественной обязанности: взглядъ, который, впрочемъ, уже и раньше начиналъ заявлять себя и приводить къ участію государственной власти въ назначеніи опекуна. Вовторыхъ, Эклога содержитъ въ себѣ то новое и важное постановленіе, что сироты, которымъ не назначено было опекуновъ въ завѣщаніи родителей, поступаютъ подъ церковную защиту: въ Константинополѣ — подъ защиту сиротскаго дома (*орфаготрофеи*) или какого другаго богоугоднаго учрежденія, а въ провинціяхъ — епископовъ, монастырей и Божіихъ храмовъ. Изъ постановленій наследственнаго права замѣчательно то, которое, между прочимъ, подало поводъ къ неловкимъ выраженіямъ г. Чапарригопуло объ ожиданіи со стороны дѣтей отеческаго наследства¹⁾, то-есть, что во второй степени, за неимѣніемъ наследующихъ, признаются къ наследству отецъ и мать умершаго съ исключеніемъ его братьевъ и сестеръ, въ чёмъ заключается прямое отступление отъ Юстиніанова права. Въ этой статьѣ, хотя она и вызывалась уже измѣненіемъ системы супружескихъ имущественныхъ отношеній, историкъ римско-византійского права находитъ новое доказательство болѣе высокаго и здраваго пониманія сущности и блага семьи, чѣмъ это можно было замѣтить въ Юстиніановомъ законодательствѣ, гдѣ между прочимъ дѣти неловкимъ образомъ поставлены на ряду съ ихъ собственными родителями, какъ сонаследники²⁾. Еще яснѣе обнаруживается превосходство Эклоги въ другихъ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ ю въ существовавшихъ до нея правилахъ о наследствѣ. Руководимые вѣрнымъ тактомъ, Исаурайскіе императоры отказались отъ опредѣленія тѣхъ случаевъ, въ которыхъ слѣдовало по закону принимать, что отецъ своимъ поведеніемъ въ отношеніи дѣтей лишился права на получение послѣ нихъ наследства. Подобно этому постановленію, возбуждающему тяжелое чувство, и конечно, не служившему къ поддержанію родительскаго авторитета, слѣдуетъ признать также неудачною попытку Юстиніана точно опредѣлить „случаи неблагодарности“,

¹⁾ Il a voulu ne pas diminuer les espérances qu'il est toujours bon que les enfants conservent à l'égard de leurs parents.

²⁾ *Zachariae v. Lingenthal*, Geschichte des Gr.-röm. Rechts, p. 113.

наслѣдствіе которыхъ отецъ имѣлъ бы право въ своемъ завѣщаніи лишить виновныхъ дѣтей всякаго наслѣдства; совершенно не возможно безъ вреда для отеческаго авторитета свести къ извѣстнымъ видамъ все разнообразіе причинъ, по которымъ родители справедливо могли бы гнѣвиться на своихъ дѣтей. Совершенно другое дѣло, еслибы опредѣлялись причины, на основаніи которыхъ дѣти, какъ недостойные, исключались бы отъ наслѣдства по закону, а не въ силу заявленной отеческой воли. Въ такомъ смыслѣ и приняты основанія для исключенія дѣтей отъ наслѣдства въ исаврійскомъ законодательствѣ; они имѣютъ не то значеніе, что въ извѣстныхъ случаяхъ отцу или матери позволяетъ лишить своихъ дѣтей наслѣдства, но что при такихъ-то и такихъ-то проступкахъ противъ родителей дѣти должны быть лишены наслѣдства по закону, то-есть, безъ завѣщанія.

Эклога очень бѣдна постановленіями относительно правъ обязательственныхъ. Сообразно съ духомъ народа, который всегда держался старого правила: *naturaliter licere contrahentibus se circumvenire*¹⁾, и не считалъ простое соблюденіе данного слова дѣломъ разумѣющимся само собою, а напротивъ, склоненъ былъ ради денежной выгоды къ обману и нарушенію договоровъ, какъ это засвидѣтельствовалъ одинъ изъ его государей¹⁾), — и Эклога не только удерживаетъ старыя формальности, обусловливающія дѣйствительность обязательствъ, но и вводить еще новое предписаніе, чтобы особаго рода заемныя сдѣлки, заключавшіяся съ призваніемъ имени Божія, непремѣнно заключались письменно и при трехъ свидѣтеляхъ (Ecl., XV, 1). Съ другой стороны, Эклога отказывается отъ прежняго юридического воззрѣнія, что клятвопреступленіе или ложная присяга вообще суть преступленій, не подлежащія вѣдѣнію свѣтскаго суды, и угрожаетъ отрѣзаніемъ языка всякому, кто дастъ клятву надъ святымъ Евангеліемъ по приговору ли суды, или для подкрѣпленія своего показанія, и потому окажется присягнувшимъ должно (XVII, 2).

Въ царствованіе Исаврійской династіи и въ продолженіе всего иконоборческаго периода Эклога вступала у греческихъ юристовъ мѣсто институтовъ, служила руководствомъ при юридическомъ преподаваніи и была даже не одинъ разъ подвергаема ученої переработкѣ. Цахаріѣ, таѣ了许多 сдѣлавшій для исторіи греко-римскаго права, кромѣ Эклоги Льва и Константина, напечаталъ еще такъ называемую Частную уноженную Эклогу (*Ecloga privata aucta*); есть

¹⁾ См. новеллу Романа Младшаго: *Zachariac, Jus Graecorum.*, III, 287.

еще просто Частная Эклога (*Ecloga privata*), не напечатанная потому, что она представляет очень мало отступлений отъ „Избрания Законовъ“, изданного Львомъ Исаурийскимъ. Не только частная Эклога, но и Эклога частная распространенная, по мнѣю Цахарія, высказанному въ болѣе позднее время, принадлежать еще иконоборческому періоду¹⁾). Когда послѣ восшествія на престолъ Василія Македонанина снова вошло въ честь Юстиніаново законодательство, и началась реставрація въ его пользу, то Эклога, осужденная прямо въ предисловіяхъ къ новымъ императорскимъ уложеніямъ (Прохирону и Эпанагогѣ), по видимому, должна была утратить всякое значеніе. Тѣмъ не менѣе, императоры Василій, Левъ и Александръ сами заимствовали многія статьи изъ осужденной ими книги и внесли ея положенія, какъ въ свои собственные законники, такъ и въ Василики. Юристы продолжали пользоваться удобнымъ и привычнымъ руководствомъ; стараніе приворовать его къ новымъ потребностямъ было поводомъ къ новой его переработкѣ, послѣ которой явилась „Эклога, измѣненная по Прохирону“ (*Ecloga ad Prochiron mutata*), въ новѣйшее время тоже напечатанная Цахаріемъ.

III.

Законы. судный людемъ.

Мы видѣли, что Эклога Льва и Константина, не смотря на то, что была упразднена и даже прямо осуждена новыми законодательствомъ Македонской династіи, все-таки пользовалась большими уваженіемъ у поэдѣйшихъ юристовъ, какъ это доказывается неоднократными переработками ея, предпринимавшимися со стороны частныхъ лицъ, и самою многочисленностью ея списковъ, принадлежащихъ X и слѣдующимъ вѣкамъ. Всего болѣе страннымъ и неожиданнымъ можетъ казаться на первый взглядъ то прочное положеніе, которое досталось на долю еретического законодательства въ судебныхъ книгахъ православной церкви, и въ частности русской. Совершенно напрасно новѣйший греческий историкъ (г. Папаригопуло) говорить, что Эклога имѣла эфемерное значеніе, что она была позабыта вмѣстѣ съ достойными вѣчной славы именами ея авторовъ. Имена

¹⁾ См. предисловіе въ четвертомъ томѣ *Jus Graecorum*. предъ *Ecloga privata* ауста. Прежде Цахарія имѣла другой взглядъ, который и былъ высказанъ въ изданіи Прохирона.

патриціевъ Марина и Никиты и теперь еще могутъ быть читаемы на страницахъ русской Кормчей книги, которая уже не мало вѣковъ со-ставляетъ необходимую и вмѣстѣ съ тѣмъ самую обычную принадлеж-ность церковнаго обихода. Эклога, хотя и подъ другимъ названіемъ, до сихъ поръ входитъ въ составъ дѣйствующаго у насъ церковнаго права... Извѣстно, что какъ Греческая церковь въ мірскихъ дѣлахъ, подле-жившихъ суду ея настоитеleй, пользовалась свѣтскимъ законодатель-ствомъ и на основаніи его произносила свои сужденія, такъ не могла обойтись безъ знакомства съ постановленіями мірской власти Греко-Римскихъ императоровъ и древняя Русская церковь, подобно, впро-чемъ, всякой другой православной. При греческихъ собраніяхъ и сво-дахъ церковныхъ законовъ, на ряду съ правилами, ведущими свое происхожденіе отъ св. отцовъ и учителей церкви и относящимися къ духовной дисциплинѣ, въ древнее время помѣщались тѣ краткія ру-ководства къ познанію мірскихъ законовъ, которыя были освящены публичными авторитетомъ верховной власти. Такой чести удостоивается не только Прохиронъ благочестиваго императора Василия Македоня-нина, но и Эклога Льва и Константина, противъ которой въ немъ про-изнесено сурое осужденіе. Знаменитый Флорентійскій кодексъ, содер-жашій греческий Номоканонъ XI вѣка, приписанный Вальсамону, заклю-чаетъ въ то же время одинъ изъ лучшихъ списковъ Эклоги. Въ Москов-ской синодальнай библіотекѣ Эклога точно также находится въ сборнике преимущественно канонического характера и т. д. Что касается славяно-русского перевода Эклоги, то сколько мы можемъ судить, остается еще не решеннымъ и неяснымъ, когда и гдѣ онъ былъ сдѣланъ, и съ какого времени онъ входитъ въ составъ русскаго Номоканона, то-есть, сборника церковныхъ и мірскихъ законовъ, которыми управ-лялась церковь въ дѣлахъ ея вѣдомства. Въ печатной русской Кор-мчей Эклога носить заглавие: „Леона царя премудраго и Констан-тина вѣрною царю главизны о совѣщаніи обрученія и о брацѣхъ и о иныхъ различныхъ винахъ“; она помѣщается здѣсь вслѣдъ за такъ-называемымъ „Градскимъ закономъ“, то-есть, Прохирономъ Ва-силія Македонянинъ, составляя сорокъ-девятую главу Кормчей. Такъ какъ прототипомъ печатной Кормчей послужила Рязанская Кормчая 1284 года, то можно было бѣ ожидать, что Эклога находится въ сей дослѣдней. Розенкампфъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи пишетъ: „Печатная Кормчая составлена по харатѣнному Рязанскому номо-канону 1284 года... Въ древнѣйшихъ спискахъ Кормчей XIII вѣка находится Законъ Градскій (=Прохиронъ), вездѣ безъ заглавія и безъ

предисловія, а Законъ Льва Мудраго (=Эклога) помѣщенъ токмо въ нѣкоторыхъ спискахъ и вездѣ съ тѣмъ же предисловіемъ и заглавіемъ, который помѣщенъ въ печатной Кормчей книгѣ¹. Замѣтимъ мимоходомъ, что сколько можно судить по описаніямъ рукописей, то во многихъ, хотя и не весьма древнихъ рукописныхъ сборникахъ, надписаніе Эклоги вѣсколько иное; именно: „Леона и Константина, вѣрная царя—зачатковъ 17“ (см. Описаніе рукописей Царскаго, № 214, 217). Розенкампфъ приводить даже отрывокъ изъ Закона Льва Мудраго по Рязанскому харатейному списку²). Тѣмъ не менѣе въ новѣйшихъ описаніяхъ Рязанской Кормчей, которая, какъ и слѣдовало ожидать, оказывается совершенно точными, не упоминается объ Эклогѣ или Законѣ Льва Мудраго, а только отмѣчается Законъ Градскій (о прѣхѣро; юро;)³). Это возбуждаетъ въ насть тѣмъ большее недоумѣніе, что и въ сербскихъ Кормчихъ 1262 и 1305 года, съ которыми Рязанская Кормчая имѣть такое большое сходство и одинаковый составъ, повторяется подобное явленіе. Есть слѣды, которые указываютъ на присутствіе въ нихъ Эклоги, но есть и сомнѣнія. Въ сербской Кормчей, переписанной въ 1305 году сербскимъ римскимъ епископомъ Григориемъ и находящейся теперь въ Воскресенскомъ монастырѣ, на листѣ 262-мъ читается: „Заповѣди Лешна прѣмоудраго цра и сна ѿего Константина багород'наго. Закона Градскаго главы различни. Въ четырехъ десетехъ гранахъ“. По описанію И. И. Срезневскаго, всему этому длинному заглавію соотвѣтствуетъ переводъ греческаго Прохирона царей Василія (Константина и Льва); но Прохѣро; юро; равняется только Закону Градскому,—первая же часть надписанія совершенно напоминаетъ заглавіе печатной Кормчей: „Леона царя Премудраго и Константина

¹) Розенкампфъ, Обозрѣніе Кормчей (изд. 1829 г.), стр. 135, прим.

²) Статья И. И. Срезневскаго объ Иверской Кормчей: Свѣданія и замѣтки о малознавѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XLIV. — Рязанская Кормчая 1281 года находится теперь въ Императорской Публичной Библіотекѣ, такъ что мы собственными глазами могли убѣдиться въ отсутствіи занимающей насть статьи въ этомъ первообразѣ печатной Кормчей. Розенкампфъ приводитъ два раза отрывокъ о раздѣлениіе добычи (=о полонѣ), оба раза по Рязанскому харатейному списку. Первый отрывокъ взятъ дѣйствительно изъ Градскаго Закона (Прохирона), помѣщенного вполнѣ въ Рязанской Кормчей; но второй отрывокъ (на стр. 135 изд. 1829 г.) о раздѣлениіе корысти—представляетъ переводъ родственной статьи изъ Эклохи; у Розенкампфа онъ все-таки приписанъ Рязанскому хартийному списку.

вѣрною царю главизны", то-есть, подразумѣваетъ переводъ Эклоги Льва Исаврійскаго и его сына Константина Копронина¹). Пропущено ли самимъ переписчикомъ соотвѣтствующее тому содержаніе, или оно выпало впослѣдствіи,—мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ мы находимъ здѣсь указаніе, что и въ сербскихъ Коричихъ помѣщалась яногда Эклога на раду съ Закономъ Градскимъ въ сорока титулахъ...

Законъ Леона и Константина, помѣщаемый въ нашей печатной Коричей, не многимъ отличается отъ греческаго своего подлинника. Въ немъ считается только шестнадцать титуловъ (граней) вмѣсто восемнадцати греческой Эклоги, но на самомъ дѣлѣ не достаетъ въ сравненіи съ нею только одного, именно двѣнадцатаго, пропущеннаго, можетъ быть, не совсѣмъ случайно, такъ какъ въ немъ содер-жатся постановленія объ емфитеусисѣ, то-есть, о такой формѣ владѣнія и пользованія недвижимыми имуществами, которая и послѣ не была усвоена русскимъ законодательствомъ. Сверхъ того, шестнадцатыи титулъ (грапъ) Коричей заключаетъ въ себѣ два титула греческаго подлиннаго изданія. Онъ озаглавленъ: „Зачало 16, имѣя главъ 45, о раздѣленіи корысти“. На самомъ дѣлѣ о раздѣленіи корысти говорится только въ одной главѣ, составляющей въ греческой Эклогѣ восемнадцатыи титулъ, а все прочее есть семнадцатыи титулъ Эклоги — о казнахъ. Нужно думать, что соединеніе этихъ двухъ разнородныхъ зачалъ (титуловъ, граней) произошло случайно. Но крайней мѣрѣ въ вышеуказанныхъ рукописныхъ экземплярахъ Закона царей Льва и Константина считается семнадцать зачалъ. Итакъ, за исключеніемъ двѣнадцатаго титула, все другое, что только есть въ греческой Эклогѣ, находится и въ Законѣ Леона русской Коричей. Впрочемъ, независимо отъ пропуска одного титула и отъ соединенія двухъ послѣднихъ въ одно зачало, замѣчается еще отступленіе въ порядкѣ расположе-нія титуловъ и главъ (статьй), котораго придерживается Коричай. Зачатокъ шестой: „о воинскихъ особы стяженыхъ венцахъ“, поставлен-ный на шестомъ мѣстѣ, занимаетъ въ греческой Эклогѣ шестнадца-

¹) Къ этому нужно прибавить, что отрывокъ о бракахъ запрещенныхъ (изъ втораго титула Эклоги) приводится въ одной Парижской рукописи въ надписа-ніемъ, въ которомъ находится и самое выраженіе *законод.* (*βιάταξις*); а въ од-ной Вѣнскѣй рукописи, содержащей частную Эклогу (*Ecloga privata*), отдѣльныи грани называются *πίτλοι*, *α βιάταξις* (заповѣди); см. *Zachariae, Prochiron*, pag. XL, прим. 107.—Статья о сербской Коричей 1305 года, принадлежащая И. И. Срезневскому, на которую мы ссылаемся, находится въ *Starine, Knjiga III*, 128 и сл. U Zagrebu, 1871).

тое. Нужно замѣтить, что въ этомъ отношеніи Кормчая болѣе сходится съ частной распространенной Эклогою (*Ecloga privata aucta*), въ которой титулъ „о воинскихъ особъ стажаныхъ вещехъ“ тоже занимаетъ шестое мѣсто (въ *Ecloga privata*—седьмое), и въ которой отдѣльные главы внутри титуловъ тоже иногда имѣютъ свои особыя заглавія. Однако, порядокъ въ расположениіи статей уголовнаго характера въ шестнадцатомъ (=семнадцатомъ) титулѣ—въ русской редакціи совсѣмъ особенный; онъ не сходится ни съ однимъ изъ изданныхъ доселѣ изводовъ греческой Эклоги... О позднѣйшемъ переводѣ восемнадцати титуловъ Эклоги Льва и Константина выѣтъ съ одинадцатью посторонними титулами, совершенномъ въ XVII вѣкѣ Епифаніемъ Славинецкимъ, нѣть нужды здѣсь говорить: переводъ былъ сдѣланъ съ извѣстнаго изданія Леунклавія.

Кромѣ простаго перевода греческой Эклоги, въ нашей Кормчей печатается еще одинъ, даже болѣе интересный, памятникъ, находящійся въ близкомъ и очевидномъ родствѣ съ нею. Мы разумѣемъ „Законъ судный людемъ цара Константина Великаго“, составляющій сорокъ-шестую главу печатной Кормчей. Не въ однѣмъ только видѣ и не въ одной только редакціи, а въ двухъ нѣсколько отличныхъ видахъ законодательство иконоборцевъ присутствуетъ въ судебныхъ сборникахъ православной церкви. Кратчайшая славянская переработка Эклоги есть вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшій памятникъ славянскаго законодательства, болѣе древній, чѣмъ наша Русская Правда.

Еще баронъ Розенкампфъ, въ своемъ „Обозрѣніи кормчей книги“, отыскивая греко-римскіе источники Закона Судного, высказалъ мысль, что этотъ законъ не можетъ быть считаемъ простымъ переводомъ съ греческаго подлинника, подобно другимъ отдѣламъ Кормчей, а представляетъ передѣлку различныхъ статей византійского права примѣнительно къ быту Славянъ, только что принявшихъ христіанство. Онъ выражался прямо, что „Законъ Судный должно причислить къ первоначальному составу собранія правилъ, къ Болгарамъ препровожденного“.

Что касается первой стороны вопроса, то-есть, отношенія Закона Судного къ греческимъ его источникамъ, то баронъ Розенкампфъ могъ указать нѣсколько греко-римскихъ статей, соответствующихъ главамъ Закона Судного, какъ онъ изданъ въ нашей Кормчей. Онъ замѣтилъ также, что заглавіе, указывающее на цара Константина Великаго, какъ виновника или автора закона, не принадлежитъ древнѣйшимъ рукописямъ памятника, въ которыхъ просто читается: „За-

конъ судный людемъ⁶. Отсюда слѣдовало, что источники закона свободно могутъ быть отыскиваемы въ позднѣйшемъ византійскомъ законодательствѣ, хотя бы и не носящемъ имени Константина. Но въ то время, когда баронъ Розенкампфъ писалъ свое изслѣдованіе, еще не была издана подлинная греческая Эклога, а изданіе Леунеклавія во многомъ могло вводить въ заблужденіе. Труды и изданія Цахарія и здѣсь способствовали разъясненію дѣла. Въ настоящее время уже не подлежитъ сомнѣнію, что главнымъ источникомъ Закона Судного была именно Эклога Льва Исавра, и что имя Константина Великаго припадлежитъ только позднѣйшему переписчику русскаго памятника; встрѣтивъ уже въ первомъ параграфѣ приведенную тамъ ссылку на слова Константина Святаго, переписчикъ рѣшилъ, что онъ былъ авторомъ всего сборника, а не тѣхъ только статей, которыхъ приводятся отъ его имени. Можетъ быть, что находящееся въ греческомъ подписаніи Эклоги упоминаніе о Константинѣ (Копронимѣ) также способствовало утвержденію нѣвѣрнаго представленія. Настоящее отношеніе Закона Судного къ Эклогѣ въ первый разъ было указано, сколько мы знаемъ, варшавскимъ ученымъ, сенаторомъ Р. Губе, труды которого въ области изданія и объясненія средневѣковыхъ варварскихъ законодательствъ имѣютъ европейскую извѣстность. Не менѣшаго уваженія заслуживаетъ и его небольшая книжка, заглавіе которой мы поставили на верху своей статьи. Въ ней было показано, что въ главной своей части Судный Законъ есть ни что иное, какъ передѣлка титула о наказаніяхъ Эклоги Льва и Константина съ прибавленіемъ нѣсколькихъ постановленій, взятыхъ изъ какихъ-то другихъ источниковъ, что изъ 32 статей или параграфовъ, составляющихъ Судный Законъ въ Коричей, 25 несомнѣнно взяты изъ указаннаго титула Эклоги, что изъ нея же заимствована статья „о полонѣ“ (= о раздѣленіи добычи), и прибавимъ—статья семнадцатая о правѣ церковнаго убѣжища¹), и наконецъ, что первая начальная статья, опредѣляющая наказаніе людемъ, продолжающимъ держаться языческихъ обрядовъ, а равно параграфъ о судьяхъ и о послухахъ (свидѣтеляхъ), основаны отчасти на различныхъ постановленіяхъ импера-

¹) Почему почтенный авторъ изслѣдованія «О значеніи права римскаго» полагаетъ, что семнадцатая статья Закона Судного не заимствована прямо изъ Эклоги,—мы не догадываемся. Она коснѣтъ всѣ признаки буквальнаго, хотя и не совсѣмъ точнаго по смыслу перевода съ греческаго и соответствуетъ т. XVII, § 1 Эклоги.

торовъ и древнихъ римскихъ законахъ, частію составлены на основаніи преданія отцевъ церкви¹). Нашъ русскій ученый А. С. Павловъ, въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „О первоначальномъ русскомъ Номоканонѣ“, повидимому, безъ всякаго знакомства съ сочиненіемъ Р. Губе, еще точнѣе и подробнѣе объяснилъ соотношеніе между Суднымъ Закономъ и греческою Эклогой. Изъ разсмотрѣнія составленной имъ таблицы параллельныхъ соотвѣтствующихъ мѣстъ того и другой оказывается, что Законъ Судный переводить буквально Эклогу въ слѣдующихъ десяти главахъ: 12, 15, 18, 21—24, 26, 31, 32. Другія главы представляютъ болѣе или менѣе значительную передѣлку, которая состоитъ въ томъ, что вмѣсто уголовнаго наказанія, назначаемаго Эклогою за тѣ или другія преступленія, Законъ Судный, въ противоположность „закону людскому“, опредѣляеть церковное наказаніе или замѣняетъ греческую казнь (отсеченіе руки, носа, головы, ослѣпленіе, палочныіе удары) денежной пеней и продажей. Это замѣчается въ главахъ 25, 27, 28, 29. Сверхъ того оказалось, что рѣчь нужно отличать двѣ редакціи Судного Закона. Та редакція, въ которой Законъ Судный является въ Кормчей, есть болѣе краткая; помимо ея существуетъ обширная редакція. Въ противоположность краткой редакціи, входящей обыкновенно въ сборники канонического права, списки обширной редакціи составляются принадлежность памятниковъ свѣтскаго законодательства и лѣтописей²). Обширная редакція Закона Судного представляетъ тѣ же извлечения изъ Эклоги, но съ дополнительными статьями, числомъ до 45, заимствованными большою частію изъ законовъ Моисеевыхъ. Но что для насъ особенно важно, текстъ этой обширной редакціи, на сколько онъ имѣть своимъ источникомъ Эклогу, отличается отъ текста краткой, или точнѣе сказать, не дополненной редакціи большою близостію къ греческому подлиннику. Именно здѣсь идти постоянныхъ примѣровъ назначенія церковныхъ наказаній

¹⁾ Баронъ Розенкампфъ старался ближе определить происхожденіе первыхъ статей Закона Судного. По его мнѣнію, первая статья извлечена изъ конституцій или новелъ преемниковъ Константина; она указывала между прочимъ на Cod. Theod., L. XVI, tit. 12 и Cod., L. I, tit. 11. Статьи о судѣ и свидѣтеляхъ извлечены изъ второй книги Апостольскихъ правилъ.

²⁾ Обширная редакція встречается въ приложеніяхъ къ лѣтописямъ и въ рукописяхъ такъ-называемаго «Мѣрила Праведнаго». Она была издана Дубенскимъ въ Русскихъ Достопамятностяхъ, т. II, Строевыми—въ Софійскомъ Временникахъ, и снова, въ томѣ VI Полнаго Собрания Русскихъ Лѣтописей, при первой Софійской Лѣтописи.

на ряду съ уголовными или въ замѣнѣ этихъ послѣднихъ, хотя и встрѣчаются другія отступленія отъ подлинного текста Эклоги. Это обстоятельство невольно заставляетъ предполагать, что текстъ обширной редакціи Закона Судного, представляющей извлеченіе изъ Эклоги, древнѣе соответственнаго текста краткой редакціи. Во всякомъ случаѣ первый независимъ отъ послѣдняго. Это видно уже изъ того, что въ немъ находятся такія статьи изъ Эклоги, которыхъ нѣтъ въ текстѣ печатной Коричей¹). Такимъ образомъ необходимо допустить, что подъ именемъ Закона Судного существовали двѣ славянскія компиляціи изъ Эклоги, изъ коихъ одна назначена была преимущественно для судей духовныхъ, а другая—для гражданскихъ (А. С. Павловъ, Номоканонъ, стр. 99).

Теперь является другой вопросъ, который уже былъ поставленъ и предположительно решенъ барономъ Розенкампфомъ: у какого Славянскаго племени, когда и для какой потребности сдѣлана была указанная компиляція, составленъ былъ Законъ Судный?

Прежде всего, нельзя ни минуты останавливаться на такомъ предположеніи, что Законъ Судный явился послѣ перевода на славянскій языкъ Эклоги, что о旣ъ представляетъ извлеченіе изъ печатаемаго теперь въ Коричихъ Закона премудраго Леона и Константина вѣрныхъ царей. Противъ этого говорить уже то обстоятельство, что славянскій переводъ Эклоги является только въ русскихъ Коричихъ повѣдѣшаго состава, и пѣтъ никакихъ слѣдовъ его существованія ранѣе XIII вѣка, между тѣмъ какъ Законъ Судный составляетъ принадлежность древнѣйшаго русскаго Номоканона, существованіе котораго можетъ быть документально доказано уже относительно XII столѣтія, а по весьма основательнымъ соображеніямъ ученыхъ должно быть возведено къ первымъ временамъ существованія на Руси христіанства²). Въ пере-

¹) Напримеръ, въ первой части Закона Судного по тексту Русскихъ Достопамятностей и Софийской Лѣтописи находится слѣдующая статья: «Иже съ мулатою меню обрѣтается, носа обѣма урѣвати, и да тепетаси (да битъ будеть); аще ли самъ моужъ ваступитъ (вастанетъ) и, да побьетъ я обаи, ико пса ouэрсти (у мeraости). Этой статьи, соотвѣтствующей т. XVII, § 27 Эклоги, не находится въ спискахъ Коричей.

²) Къ доводамъ, которые А. С. Павловъ приводитъ въ своемъ изслѣдованіи противъ новыхъ новозѣрній преп. Макарія, мы, съ своей стороны, можемъ привести именно то документальное свидѣтельство, которое относится къ XII вѣку, но кажется, до сихъ поръ осталось не замѣченнымъ. Въ описи церковнаго имущества Афонскаго монастыря Кондуругу, составленной въ 1143 г. и напечатанной

водѣ Эклоги, названномъ Закономъ Льва Мудраго и Константина, гораздо менѣе признаковъ древности или даже не русскаго происхождения, чѣмъ въ Судномъ Законѣ. Все, что указываетъ на естественно предполагаемый сербскій подлинникъ перевода, едва ли не заключается въ одномъ выраженіи „хуса“, которымъ переведено греческое слово, означающее военный лагерь (φόσσατον) въ 33-й статьѣ, соотвѣтствующей XVII титулу, § 10 греческой Эклоги¹⁾). Законъ Судный, какъ увидимъ ниже, гораздо богаче такими примѣрами.

Междѣ древнѣйшими рукописями славянскихъ Номоканоновъ, извѣстными въ настоящее время, первостепенное мѣсто занимаетъ рукопись Румянцевскаго музея, описанная еще Востоковымъ (Описание рукописей Румянцевскаго музея, стр. 275, № 230; ср. Розенкампфъ, стр. 106) и содержащая систематической сборникъ каноновъ въ 50 титулахъ, принадлежащий Константинопольскому патріарху Иоанну Схоластику, VI вѣка. Это и есть, нужно думать, первоначальный славянской Номоканонъ. При немъ, въ видѣ дополнительныхъ статей, помимо

въ Актахъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря (изданныхъ Ф. А. Терновскимъ, Кіевъ, 1873) мы находимъ перечисленіе русскихъ каноновъ, которыми пользовались русскіе монахи, никогда владѣвшіе обителю, и въ числѣ ихъ Номоканонъ (см. стр. 56): Βεβλία ρώμηα ἀπόστολοι ε. — — — Συναξάρια δ., Παρομία μιτ. Μητράζ. Πατεράδ. Φαλτύρια ε. 'Ο ἄγιος Ἐφραῖμ. 'Ο ἄγιος Παγκράτιος. Ωρολογία ε. Νομοκανόνι α. Изъ ряда перечисленныхъ здѣсь сочиненій можетъ возбудить недоумѣніе только «Св. Панкратій». Въ припискѣ, находящейся въ концѣ Житія св. Антонія, принадлежащаго къ драгоценнѣйшимъ памятникамъ славянской письменности X вѣка, мы читаемъ, что славянскій пе реводчикъ, «будучи принужденъ отъ строителя церковнаго Іоанна Болгарскіи земли», предложилъ не то чюю Антонію Великаго житіе, но и пречуднаго Петрова ученика Панкратія. Объ этой записи см. сообщеніе Сахарова о славянскомъ переводе Житія Антонія въ X вѣкѣ (Москвитинъ, 1845 г., ч. VI, № 12, стр. 156 и 157); ср. Правосл. Собеседникъ, 1859 г., ч. Ш, 254 и 1858 г., III, 255, и преоса. Макарій, Исторію Русской Церкви, V, 250. Запись сообщена также А. Н. Попоюмъ въ описании Хлудовскаго торжественника XIV вѣка, но въ этомъ спискѣ самое имя Панкратія выпало (см. Описание библиотеки А. И. Хлудова, стр. 393): «не се только житіе великаго Анеонія, и пречуднаго чудотворца менотаїко житіа». Полагаютъ, что переводъ совершилъ по порученію Іоанна, экзарха Болгарскаго, при царѣ Симеонѣ.

¹⁾ Извѣстно, что слово «хуса» встречается еще въ славянскомъ переводе Амаргола, въ рукописи Костромскаго Богомиленскаго монастыря. С. А. Гедеоміровъ, теперь уже покойный, авторъ сочиненія «Варяги и Русь», построилъ на этомъ словѣ цѣлую теорію о древнѣйшемъ названіи Русскихъ Хусарами, а отсюда Дромитами (въ греческомъ переводе).

отрывковъ изъ Эклоги (о запрещенныхъ бракахъ) и Прохирона, находится уже и Законъ Судный людемъ, помѣщенный здѣсь почти вслѣдъ за Номоканономъ Схоластика и вовсе не приписываемый Константину Великому, какъ мы уже объ этомъ замѣтили выше. По сужденію такого знатока, какимъ былъ Востоковъ, языкъ этой рукописи достигаетъ древнѣйшей поры славянской письменности, тогда какъ самая рукопись относится только къ XII или XIII вѣку. „Хотя почеркъ и указываетъ на XIII столѣтіе“, говоритъ Востоковъ, — „но языкъ перевода во многихъ мѣстахъ сохраненъ древнѣйший, по коему нѣсомнѣнно заключать можно, что сие собраніе церковныхъ правилъ есть первое на языкѣ словенскомъ, за коимъ слѣдовали уже другія, кои отчасти изъ сего заимствовались“. Такъ, нужно думать, именно изъ этого собранія, которое для краткости будемъ называть, вмѣстѣ съ И. И. Сревиевскимъ (Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XLIV, стр. 66), Устюжскою Кормчую, заимствовали Законъ Судный позднѣйшіе сборники, заключающіе въ себѣ уже такъ-называемый Фотіевъ Номоканонъ (Указатель капоновъ въ 14 титлахъ), смѣнившій Номоканонъ Схоластика, и представляемые у насъ Новгородскою Кормчую 1280 г. (Свѣдѣнія и замѣтки, стр. 67). Другіе изслѣдователи припомнили при этомъ случаѣ преданіе о томъ, что еще св. Меодій въ числѣ другихъ книгъ совершилъ и переводъ Номоканона, чтѣ приводило бы насъ къ половинѣ IX в., ко времени крещенія Болгаръ. Нѣкоторымъ (въ числѣ ихъ Р. Губе) казалось болѣе сообразнымъ съ исторіей болгарскаго просвѣщенія отнести составленіе Закона Суднаго ко времени царя Симеона (893—927 гг.). Во всякомъ случаѣ, если Востоковъ не ошибся относительно глубокой древности языка, которымъ написана Устюжская Кормчая (что, конечно, предположить весьма трудно), то родила нашего памятника слѣдуетъ искать на славянскомъ югѣ, именно въ землѣ Болгарской, гдѣ славянская письменность процвѣтала уже въ началѣ X вѣка. А что Востоковъ не ошибался относительно глубокой древности нашего памятника, на это, кроме филологическихъ и литературныхъ признаковъ, можетъ быть приведено еще одно очень важное доказательство, именно отношеніе Суднаго Закона къ Русской Правдѣ. Русские изслѣдователи уже давно пришли къ убѣждѣнію, что Законъ Судный старѣе письменной Русской Правды (Дубенскій, въ Предисловіи къ изданію Закона—Русскія достопам., II, 189), и замѣтили, что нѣкоторыя статьи Русской Правды заимствованы изъ Закона Суднаго (Калачовъ, Изслѣдов. о Русской Правдѣ, стр. 122).

Любопытно, что заимствованная изъ источника, имеющаго несомнѣнную византійскую родословную, оказывается въ Русской Правдѣ именно такая статья, въ которой скандинависты находили всего болѣе норманнскаго (Погодицъ, Иасльдовъ, III, 381). Въ полной редакціи Закона Судного читается: „Аще кто безъ повелѣнія на чужемъ конѣ ѿздить, да ся тепетъ (подвергается ударамъ) по три краты“¹). Русская Правда представляетъ ту же статью въ слѣдующемъ исправленномъ видѣ: „Аще кто поѣдетъ на чужомъ конѣ, не испрошавъ его, то положити три гривины“. Къ этому А. С. Павловъ прибавляетъ слѣдующее соображеніе: Въ пространной редакціи Церковнаго устава св. Владимира нѣсколько разъ повторяется типическая фраза: „то все далъ есми по правиламъ св. отецъ и по первыхъ царей уряженю“: не слѣдуетъ ли находить въ послѣднихъ словахъ ясное указаніе на Константина, первого христіанскаго государя, и на Законъ Судный? Точно также, когда митрополитъ Иларіонъ сравниваетъ заботливость Владимира объ установлении закона для нововопросвѣщенныхъ людей съ дѣятельностью Константина, который тоже съ помощью духовенства и епископовъ полагалъ людямъ законъ на Никейскомъ соборѣ, то не имѣется ли здѣсь въ виду именно Судный Законъ, по представленію Иларіона, принадлежавшій тоже Константину Великому?.. На сколько могутъ имѣть подобныхъ соображеній, мы предоставляемъ судить читателямъ²). Обратимъ лучше вниманіе на самое содержаніе и характеръ законодательства, содержащагося въ Судномъ Законѣ.

Знаменитый авторъ сочиненія „О значеніи римскаго и римско-визан-

¹) Русскія Достопам., II, 166; Полное собраніе язочній, VI, 75. Въ той редакціи Судного Закона, которая напечатана въ Коричей, указанной статьи нѣтъ. Нужно прибавить, что нѣть си и въ греческой Эклогѣ, где говорится только о томъ случаѣ, когда кто позьметъ коня, чтобы доткнуть до опредѣленнаго мѣста, но поѣдетъ дальше и попортить его: въ такомъ случаѣ виновникъ вреда долженъ вознаградить хозяина... Дополненіе о пользованіи конемъ безъ позволенія хозяина было вполнѣ естественно; что оно имѣть въ Законѣ Судномъ византійское происхожденіе, показываетъ родъ наказаній.

²) Вотъ подлинные слова изъ Психии Иларіона: «Онъ (Константина) со святыми отцами Никейского собора закона человѣкомъ полагаше; ты же съ моральными отды нашими епископы снимаясь часто совѣщавшися, како въ человѣцѣхъ сихъ новопознавшихъ Господа законы уставити... По видимому, именно указаніе на Никейскій соборъ, дѣятельность которого не относилась къ синѣтскому законодательству, исключаетъ представление о мірскихъ законахъ и во второй половинѣ параллели.

тійского права у Славяпскихъ народовъ⁶ весьма справедливо замѣчаетъ, что содержаніе этого небольшаго уложенія вполнѣ соотвѣтствуетъ степени народнаго развитія, какую мы должны предполагать у только что обратившихся въ христіанство Болгаръ. Большая часть заключающихся въ немъ постановленій имѣтъ уголовный характеръ. Первая статья, какъ уже намъ извѣстно, грозить наказаніемъ тѣмъ, кто совершає языческія требы; статьи отъ 3-й до 14-й опредѣляютъ наказанія за преступленія противъ цѣломудрія, какъ-то — за изнасилованіе, прелюбодѣяніе, кроносмѣщеніе, двоеженство; статьи 15-я и 16-я трактуютъ о поджогѣ памѣрепномъ и не памѣрепномъ (=Эклога, XVII, 41), статья 18-я — о самоуправствѣ; статья 22-я — объ отрекшихся отъ христіанской вѣры во время плѣна; статьи 23-я — о поврежденіи чужаго коня при неправильномъ пользованіи оными; 24-я — о запирающихъ или убивающихъ чужой скотъ; статьи 25-я и 26-я — о кражѣ; 27-я — онять о тѣхъ, кто загоняетъ чужой скотъ; статья 28-я — о грабежѣ мертвыхъ тѣлъ въ могилахъ; 29-я — о святотатствѣ, 30-я — о насильственной продажѣ свободного человѣка; 31-я — о присвоеніи чужаго раба. Помимо этихъ чисто уголовныхъ постановленій, въ статьѣ 2-й говорится объ обязанностяхъ судей; въ 3-й, 19-й, 20-й и 21-й — о свидѣтеляхъ; въ статьѣ 4-й — о раздѣлѣ военной добычи, въ статьѣ 17-й — о церковномъ убѣжищѣ (=Экл., XVII, 7). Дѣйствительно, всякий, кто сколько-нибудь знакомъ съ первоначальными правдами (*leges*) Германскихъ народовъ (*barbarorum*), легко согласится съ тѣмъ, что именно таковъ долженъ быть первоначальный кодексъ народа Болгарскаго, только что вступившаго на по-прище христіанскаго и государственного развитія. Чѣмъ лучше можетъ характеризовать право народа, только что обратившагося въ христіанство и силой оружія добивающагося обезпечить свою независимость, какъ не двѣ указаныи статьи о людяхъ, еще предающихся привычнымъ языческимъ обрядамъ, и о раздѣленіи добычи, взятой у непріятеля (*Huve*, rag. 13)? Только одно обстоятельство можетъ возбудить сомнѣніе: въ Судномъ Законѣ, по крайней мѣрѣ въ той его редакціи, которая находится въ Корычей, мы не находимъ постановленій о наказаніи за убийство, нанесеніе побоевъ или бесчестія, за обиды словомъ или бранью, то-есть, за преступленія наиболѣе важныя и обычныя, такъ что на этомъ основаніи въ Судномъ Законѣ трудно было бы признать полный кодексъ нового государства Болгарскаго, а пришлось бы видѣть только отрывокъ или этого самаго, или какого другаго неизвѣстнаго намъ законодательства. Затрудненіе устраивается

весма легко, если мы допустимъ, что собственно свѣтскимъ болгарскимъ уложеніемъ была болѣе полная редакція Суднаго Закона, близкая къ той, которая встрѣчается въ русскихъ лѣтописахъ, или другими словами, что Законъ Судный подвергся иѣкоторымъ измѣненіямъ при включеніи первоначальныхъ болгарскихъ первообразовъ въ (русскую) Коричью... Вѣроятно, было опущено все то, что не отвѣчало понятіямъ и взглядамъ церковныхъ судей... Къ числу выпущенныхъ статей принадлежала и та, которая трактуется о „враждѣ“ и находится въ изданіяхъ Суднаго Закона вѣдь Коричей (Русскій достоп., II, 181; Полное собр. лѣтоп., VI, 78): „Аще кто вражду сотворить, Моисій бо поруци (пророкъ и законодавецъ поручилъ): да идеть рука за руку, и нога за ногу, глава за главу; аще ли ея искупить, то одѣ земли отженеться“. Подъ словомъ „вражда“ разумѣется всякое дерзкое нападеніе на свободнаго человѣка, сопровождаемое побоями, ранами или даже убийствомъ. Родина такого выраженія, по замѣчанію Губе, есть южная славянщина¹⁾). Такимъ образомъ, образуется полное уложеніе, вполнѣ способное удовлетворять потребностямъ новообразующагося государства. Притомъ мы получаемъ еще одно выраженіе, ведущее насъ на югъ, помимо тѣхъ, которыхъ уже и безъ того находятся въ обѣихъ редакціяхъ Суднаго Закона. Именно, кроме вражды, встрѣчающейся только въ полной редакціи, слѣдуетъ обратить вниманіе на слова „жуланъ и воевода, которыми переводятся греческіи выраженія „στρατηγός и ἄρχοντες“ въ статьѣ о раздѣленіи военной добычи, а также на рядомъ стоящее выраженіе къметище.

Всѣ эти выраженія ясно говорятъ, что Законъ Судный людемъ первоначально былъ составленъ для другаго Славянскаго племени, не для Русскаго... Ими подтверждаются историческія соображенія въ пользу болгарскаго происхожденія памятника. Если мы допустимъ, что чинный законъ цара Константина Святаго явился вскорѣ послѣ

¹⁾ Cp. Irenék, Geschichte der Bulgaren, pag. 107: Zu den Bulgarischen Busen gehörte die Vražda für den Todtschlag, die im XIV Jahrhund schon griechisch *fan* (φόνος) genannt wurde.

²⁾ Въ печатной Коричей: аще ли обрящутся етери отъ тѣхъ деринувше, или къ метищу (sic) или простыхъ людей, подвигъ и храбрество содѣявше: обрѣтайся князь и т. д. Въ греческомъ текстѣ этому соответствуетъ следующее место: εἰ δὲ σύρευθοι τινες ἐκ τῶν ἀρχούντων ἀνδρείως φερόμενοι, δι τορτοχόμενος στρατηγός... Какъ будто въ греческомъ вѣсколько словъ выпало... Сверхъ того, не должно быть оставлено безъ вниманія слого *стяязъ*, которымъ въ судномъ законѣ постоянно переводится греческое *χρυσια = златникъ*.

крещенія Болгаръ, то для пасъ будеть совершенно попятно, почему законодатель обратилъ именно къ Эклогѣ иконоборческихъ императоровъ, какъ къ источнику и образцу для своего труда. Въ то время, когда Болгаре принимали христіанство, Эклога еще сохраняла свою силу и была имъ съ давнихъ порь извѣстна, какъ дѣйствующее право среди стариннаго мѣстнаго населенія нѣкоторыхъ областей, или завоеванныхъ въ VIII и IX вѣкахъ. Что Болгаре чувствовали послѣ своего обращенія въ христіанство настоятельную потребность въ писанныхъ законахъ, видно изъ отвѣтовъ папы Николая царю Борису, присланніи въ 866 году. Отсюда мы узнаемъ, что Болгаре просили о сообщеніи имъ свѣтскіхъ законовъ (*leges vos mundanas postulare perhibetis*), и папа отправилъ имъ нужныя книги (*de mundana lege libros nostris dedimus*), въ которыхъ они могли найти указаніе на то, какъ слѣдуетъ поступать съ заговорщиками, замыслившими убить цара, съ убийцами, съ прелюбодѣемъ, побывавшими вмѣстѣ съ чужою женой, съ ворамп, похищавшими чужой скотъ... Намъ нѣть нужды разсуждать о томъ, какую именно книгу отправилъ Болгарамъ папа¹⁾). Во всякомъ случаѣ она содержала „почтенныя законы Римлянъ“ (*venerandae Romanorum leges*), какую-либо часть или же переработку Юстиніанова права, имѣвшую тогда авторитетъ на латинскомъ завадѣ. Послы папы, однако, обязаны были принести съ собою назадъ суженные имъ экземпляры требовавшихся законныхъ книгъ, такъ что едва ли удалось Болгарамъ изучить ихъ въ достаточной степени. Въ 870 году Болгарскій царь опять возвратился къ восточной православной церкви и къ союзу съ Константинопольскимъ патріархомъ. Выѣсто недолговременного вліянія римскаго должно было снова вступить въ силу греческое. Если настоятельная потребность осталась не удовлетвореною, если вскорѣ послѣ 870 года пришло обратиться къ источникамъ греческаго законодательства, то развѣ было что другое болѣе близкое и сподручное, кромѣ Эклоги Льва и Константина? Прохиронъ императора Василія появился только между 870 и 879 годами.

¹⁾ Этотъ вопросъ, между прочимъ, обсуждается въ книга проф. Богданчича: *Pisani Zakoni na Slovenskom Jugu* (U Zagrebu, 1872), стр. 12—13.

В. Васильевский.

(Окончаніе смысла).

КРИТИЧЕСКИЯ И БИБЛIOГРАФИЧЕСКИЯ ЗАМѢТКИ.

Годъ смерти св. Саввы, первого Сербскаго архиепископа.

Домаћи извори за ерпеку историју. Уредио Иван Павловић. Део први: Јактига краљ Сръбскихъ. У Београду. 1877.

Книга, заглавие которой здѣсь выписано, заключаетъ новое изданіе „житій“ Сербскихъ королей, сдѣланное молодымъ сербскимъ ученымъ, Иваномъ Павловичемъ; говоря точнѣе, это—сводъ изъ разныхъ списковъ житій. Г. Павловичъ выбралъ изъ нихъ все то, что относится къ дѣлу, опустивъ ненужныхъ восклицанія и всякаго рода амплификаціи, нисколько не уясняющія сербской исторіи. Въ сводѣ вошли „житіе“ Степана Немани, составленныя его сыновьями Стефаномъ Первовѣчаннымъ и св. Саввою, первымъ Сербскимъ архиепископомъ, по изданію П. И. Шафарика¹); „житіе“ Немани и св. Саввы, составленное Доментіаномъ, по изданію Даничича (Живот св. Симеона и св. Саве. Београд, 1865); „житіе“ св. Саввы, составленное по Доментіану монахомъ Феодосиемъ, по изданію Даничича (Живот св. Саве, написао Доментијан. Београд, 1862; въ двухъ послѣднихъ житіяхъ находятся свѣдѣнія о Стефанѣ Первовѣчанномъ, Радославѣ и Владиславѣ); затѣмъ „житіе“ Степана Дечанскаго, составленное Григориемъ Цамблакомъ, по изданію Я. Шафарика (въ книгѣ XI Гласника), и наконецъ, „житія“, вошедшия въ „Родословъ“ архиепископа Дапила,—тоже по изданію Даничича (Животи краљева и архијепи-

¹) Památky dřevního písemnictví jižoslovanském.

скона, написао архијепископ Данило и други. У Загребу, 1866),— впрочемъ не всѣ: „житіе“ Степана Душана и помѣщеныя за пимъ „житія“ Сербскихъ архиепископовъ—съ Арсеніемъ по Даніила II, и патріарховъ—съ Іоанникіемъ по Ефрему, не приняты въ разтѣтъ. Авторъ не внесъ въ свой сводъ и „житія“ Душана, отложивъ его до второй части своего труда, въ которую, по его плану, имѣть войдти сводъ лѣтописей. Мы не знаемъ, въ какомъ видѣ появится эта вторая часть; не знаемъ, какъ поступить авторъ со свѣдѣніями сербскихъ лѣтописей изъ періода до Душана, который нельзя же совершенно игнорировать. Но считаемъ нeliшнимъ указать примѣръ, изъ котораго будеть видно, какъ тщательно слѣдуетъ просматривать сербскія лѣтописи. Онъ касается вопроса о годѣ смерти первого Сербскаго архиепископа св. Саввы.

До сихъ поръ вопросъ этотъ не былъ вполнѣ вѣрно решенъ ни однимъ учёнымъ. Ганѣ всѣхъ, въ 1851 г., высказался по этому вопросу Н. I. Шафарикъ; онъ отнесъ смерть св. Саввы къ 1237 г.¹). Это мнѣніе авторитетнаго ученаго было повторено другими съ большею или меньшею увѣренностию въ его вѣрности. Г. Майковъ, въ своей „Исторіи сербскаго языка въ связи съ исторіей народа“, отнесся къ этому мнѣнію съ пѣкоторымъ сомнѣніемъ, сказавъ только, что „св. Савва преставился около 1237 года“ (стр. 233); окончательно же решить этотъ вопросъ во время изданія сочиненія г. Майкова (1857 г.) было не возможно.

Нѣсколько позже касались этого вопроса гг. Ягичъ (1867 г.) и Голубинскій (1871 г.). Первый, не вдаваясь въ критику, принялъ свидѣтельство сербскаго источника (котораго, впрочемъ, не называетъ), что св. Савва умеръ 14-го января, въ воскресенье, и по установленвшемуся мнѣнію; отнесъ это событие къ 1237 г.²). Второму удалось гадательно приблизиться къ решенію занимающаго насть вопроса, но онъ не подтвердилъ своего предположенія соотвѣтствующимъ основаніемъ, да и высказалъ его въ такомъ видѣ, что читатель не можетъ удовлетвориться имъ: онъ полагаетъ,

¹) Предисловіе къ «житію» Симеона Немана, составленному св. Саввой; см. Pamätky, стр. IV

²) Jagić, Historija književnosti, стр. 158. Мнѣніе это съ тою же рѣшительностью повторили: протопресвитеръ Николаевичъ, въ статьѣ «Жизнь светлого Саввы, первого архиепископа Србскогъ», помѣщенной въ Србско-Далмат. Magaz. 1862 г., стр. 37, и архимандритъ Леонидъ, въ статьѣ «Историческое описание Хиландарской лавры», въ Чм. Моск. Общ. ист. и древн. 1867, ч. IV, стр. 15.

что смерть св. Саввы I случилась или въ 1235, или въ 1236, или наконецъ, въ 1237 г.¹⁾. Въ изслѣдованіи г. Голубинскаго не видно основанія, по которому онъ склонился отнести смерть Саввы I къ 1236 г.; равно намъ не извѣстно, изъ какого источника онъ замѣтствовалъ день смерти св. Саввы—12-е января. Но уже въ то время, когда писалъ свою книгу г. Голубинскій, вопросъ этотъ могъ быть решенъ окончательно. Въ X книгѣ Гласника (1868 г.) былъ изданъ одинъ сербскій хронографъ: „Повѣсть ѿ битвѣ и царствіяхъ васехъ родовъ“, который ясно говоритъ, что Савва I умеръ въ воскресенье, 14-го января: „и недели наставши, причестивъ се божественныхъ таинъ и тако благодаривъ Бога и престависе г҃и, д'и“ (14)²⁾. Въ XXXII книгѣ Гласника (1871 г.) изданъ былъ другой сербскій хронографъ—Житомисличскій, въ которомъ дословно повторено свидѣтельство первого³⁾). На воскресенье, какъ день смерти св. Саввы I, указываетъ и „житіе“ Саввы: „къ полунощни же въскрѣсения дыне не-дѣли освѣтающи... въ роцѣ ѿго (Бога) прѣдасть доушоу свою“⁴⁾. Если вѣрно обозначеніе числа мѣсяца въ хронографѣ (къ чѣмъ мы не сомнѣваемся), то смерть св. Саввы I слѣдуетъ отнести къ 1235 г., а не къ 1236 и 1237 и не къ 1234 и 1233: только въ 1235 году 14-е января приходилось въ воскресенье, а въ 1236 году—въ понедѣльникъ, въ 1237 г.—въ среду, въ 1234 г.—въ субботу и въ 1233 г.—въ пятницу. Изъ ближайшихъ лѣтъ 14-е января приходилось въ воскресенье еще въ 1229 г.; но принять этотъ послѣдній годъ за годъ смерти св. Саввы I не дозволяетъ грамота, данная имъ въ 1238 (=6741 г.)⁵⁾. Признанію 1235 г. могла бы противорѣчить одна приписка въ сербскомъ Прологѣ, первой половины XIV в., (изданная въ X-й книгѣ Гласника), въ которой читаемъ, что „въ лѣто 6748 (6742 = 1234), 6-го мая“ были перенесены мощи св. Саввы изъ Тернова въ Сербію въ Милешевскій монастырь⁶⁾; но это обозначеніе года сомнительно: издатель Даничичъ по догадкѣ поставилъ послѣднюю цифру — 6⁷⁾⁽⁼²⁾ въ этомъ годѣ, замѣтивъ, что она не ясна, и быть можетъ, тамъ стоитъ другая цифра. Эта оговорка

¹⁾ Краткій очеркъ православныхъ церквей, стр. 456 и 556.

²⁾ Гласникъ, X, стр. 263.

³⁾ Тамъ же, XXXII, стр. 255.

⁴⁾ Житіа въ изд. Ио. Павловича, стр. 153.

⁵⁾ Miklosich, Monum. Serbica, № XXII.

⁶⁾ Гласникъ, X, стр. 341.

издателя важна: не сдѣлай ея г. Даничичъ, не возможно было бы при-
мирить съ свидѣтельствомъ записи о перенесеніи мощей св. Саввы
свидѣтельство бiографа сего святаго — Доментiана, что это перене-
сеніе произошло „по хѣтѣхъ неколицѣхъ“ послѣ смерти святаго¹),
когда, къ тому же, мы навѣрно знаемъ, что св. Савва былъ еще живъ
въ 1233 г. Свидѣтельство Доментiана вполнѣ вѣрно, свидѣтельство же
другаго бiографа—Феодосія, что перенесеніе произошло вскорѣ послѣ
смерти святаго („хѣтоу же мноувишоу“), должно быть признано не-
вѣрнымъ на основаніи вышеприведенныхъ соображеній. Послѣ всего
этого слѣдуетъ также признать, что и въ проложной записи годъ
перенесенія мощей св. Саввы долженъ быть не 6742, а другой, со-
отвѣтствующий 1235 году, въ которомъ 14-е января приходилось въ
воскресенье. Стало быть, св. Савва, архiепископъ Сербскiй, умеръ
1235 г., 14-го января въ воскресенье; точное свидѣтельство о томъ
сохранилъ памъ сербскiй хронографъ.

Итакъ, не слѣдовало ли автору имѣть въ виду это свидѣтельство,
когда онъ касался того же событiя въ своемъ сподѣ?

„Житiй“ Сербскихъ архiепископовъ и патрiарховъ авторъ также
не внесъ въ свой сподѣ: это кажется намъ также не совсѣмъ основа-
тельнымъ, ибо въ этихъ житiяхъ есть не мало свѣдѣнiй и о Серб-
скихъ короляхъ, въ правленiе которыхъ они святительствовали. Если
авторъ принялъ въ своемъ сподѣ распределенiе всего матерiала по
королямъ, то слѣдовало выбрать и изъ „житiй“ Сербскихъ архiепи-
скоповъ все то, что относится къ каждому изъ королей. Неужели г.
Павловичъ намѣренъ въ особой части издать „житiя“ Сербскихъ архi-
епископовъ и патрiарховъ? Но въ такомъ случаѣ ему придется про-
сто перепечатать ихъ изъ изданiя г. Даничича.

Какъ бы то ни было, обращаемся къ I-му тому спода г. Павло-
вича. Уже въ начальныхъ строкахъ его книги встрѣчается неточ-
ность. На стр. 3 у г. Павловича читаемъ: „їже бывшиу великоу
метежоу въ странѣ сеи срѣбъскыи землии и Диоклитии и Дальмации
и Травунии, и оземльствованоу соуштоу, родителю ѿго оть братии
свои завистию дiаволю; онъ же изъшъ оть крамоли ихъ въ мѣ-
стѣ рожденiя своего рекомои Диоклитиа, и изволиensiемъ божиимъ
роди и сего светаго отрока на мѣстѣ рекомѣмъ Рыбница“. А между
тѣмъ въ подлинномъ житiи Немани, составленномъ Стефаномъ Пер-
вовѣнчаннымъ (стр. 2), находимъ слѣдующiя строки, предшествую-

¹) Доментiанъ въ изд. Даничича, стр. 333, въ изд. Павловича, 155.

щія только что приведеннымъ словамъ: „азъ скажоу вамъ (свидѣтели, іереи etc.), недостоини грѣшны и оунсли бы въ прѣдь фольствиѣмъ юго, рождены имъ паче же и въспитаны имъ стефанъ, сего светаго господи своего рождество и житїе и добродѣтели. аще и несоущоу ми тьгда ни помнющоу бывшихъ ѹже и рождество юго, иль смы-
шаниемъ ми слышещоу, ѹже бывшоу великоу метею“.... Опущен-
ный г. Павловичемъ слова важни въ томъ отношеніи, что изъ нихъ
выясняется личность автора „житїя“ и время его написанія.

Не видимъ основанія, почему въ рѣчи Стефана Первовѣнчанаго г. Павловичъ измѣнилъ порядокъ такимъ образомъ: „Приближшоу же се боголюбивому цароу Маноилоу Константина града въ Ны-
шевѣской странѣ, и чоувьшоу же юмоу и (у г. Павловича: и) цѣло-
моудрии извѣштыи и смѣрении и кротости же сего неизобиваго, же-
лаю юго видѣти, поусти къ юмоу, иакоже принти и видѣти“ (гл. III,
стр. 4), между тѣмъ какъ въ изданіи Шафарика было слѣдующее:
„чоувьшоу же боголюбивому цароу маноилоу... и цѣлоудрии...,
приближшоу се въ (къ) нышевѣской странѣ, желая юго видѣти“ и т. д.
(стр. 3),—какъ будто Мануилъ Комненъ только тогда узналъ о добро-
дѣтеляхъ Немани, когда прибылъ въ область Ниша.

Въ изданіи г. Павловича попадаются случаи, что при извѣстномъ свѣдѣніи обозначены не всѣ ссылки на другія „житїя“, приияты въ сводѣ, или ссылки эти обозначены не на надлежащемъ мѣстѣ. Такъ, при разказѣ о построеніи Неманею церкви св. Богородицы въ Топлицѣ пѣть ссылки на Савву (стр. 2), который также упоминаетъ объ этомъ, хотя не съ такою подробностью и не въ томъ же по-
рядкѣ: онъ говоритъ, что построеніе храма св. Николаю было прежде построеніе храма св. Богородицѣ. Равнымъ образомъ, свода данныи объ удѣлѣ Степана Немани, г. Павловичъ не отмѣтилъ, что объ этомъ же есть свѣдѣніе у Стефана Первовѣнчанаго (гл. III по из-
данію Шафарика), ограничившись одною ссылкою на Доментіана. Равнымъ образомъ, въ томъ мѣстѣ (гл. IV, стр. 7), гдѣ говорится о построеніи Неманею монастыря св. Георгія въ Россѣ (Доментіанъ), не отмѣчено, что свѣдѣніе объ этомъ находится и у Степана Первовѣнчанаго, только безъ обозначенія мѣста.

Въ примѣрѣ неточныхъ ссылокъ можно привести слѣдующее: въ V-й главѣ (стр. 8—9), при словахъ: „Прѣподобныи же отецъ нашъ прѣкѣмъ все свое отчество и славе бoga възврати се на престоль свои и роди сыны и дыштеры“ стоитъ ссылка на IV-ю главу Стефана Первовѣнчанаго, хотя на самомъ дѣлѣ этому соотвѣтствуетъ

мѣсто изъ V-й главы: „възвращьшо же се светомоу въ владычествиѣ своє на столь штъчствиа ѿго, прѣбываше благодаре бога...“ (стр. 6, стихи 19 — 20), а мѣсто изъ IV-й главы слѣдуетъ отнести къ разказу о занятии Неманею сербскаго престола тотчасъ послѣ своего освобожденія изъ заключенія въ каменной пещерѣ, чтѣ находится у Павловича на стр. 6 въ концѣ и въ началѣ стр. 7; но вѣдь этой ссылки нѣтъ. — Въ томъ мѣстѣ, гдѣ сказано о принятии Неманею верховной власти надъ всею Сербией, слѣдовало сдѣлать ссылку на Савву (гл. XII), гдѣ говорится, что Неманя вступилъ во владѣніе всей Сербией на 46-мъ году своей жизни, то-есть 1160 г., если родился 1114 г. (шть рождества же емоу . л. и . с. лѣтъ, и тое абио богоу изволившо прѣсть владычество). — При словахъ: „и приемъ же словеса си“ (стр. 49 у Павловича) (то-есть, письмо св. Саввы къ Немани съ приглашеніемъ перейти въ Ватопедъ) сдѣлана ссылка на стр. 47 Доментіана (по изд. Даничича), тогда какъ эти слова буквально заимствованы у Саввы: „приемъ же словеса си мои господинъ“ (гл. X, стр. 13, стих. 6); ссылки на послѣдній источникъ г. Павловичъ не сдѣлалъ.

Нелишне было бы также отмѣтить, что извѣстнаго свѣдѣнія въ такомъ-то житіи не находится. Напримѣръ, только у Доментіана находится указаніе, что Неманя, одержавъ побѣду надъ братьями послѣ своего освобожденія изъ заточенія, принялъ верховную власть надъ всею Сербией (см. у Павловича стр. 6 — 7); но нѣтъ этого извѣстія ни у Стефана Первовѣнчаннаго, ни у Саввы, чтѣ и слѣдовало отмѣтить въ сноскѣ.

Нѣтъ основанія предпочитать свидѣтельство Григорія Цамблака о заточеніи Степана Дечанскаго въ Константинополь въ монастырь свидѣтельству продолжателя Даніилова о предоставлениі ему дворца (кѣди по полуату царьскыи дашь юмоу въ прѣбываніи, рѣкъ да вѣдають вѣса юлико на потрѣбоу юмоу), какъ это сдѣлалъ г. Павловичъ. Безъ всякаго также основанія г. Павловичъ приводитъ вымысломъ разказъ Григорія Цамблака объ участіи Степана Дечанскаго въ репрессивныхъ мѣрахъ Византійскаго императора противъ еретика Варлаама, которое выразилось въ его совѣтѣ императору изгнать его со всѣми послѣдователями (стр. 253, сноска 3).

Слѣдовало бы если не предпочесть свидѣтельство продолжателя Даніилова о цѣли сохраненія въ тайнѣ Дечанскими своего исцѣленія глазъ, то-есть, помѣстить въ текстѣ слѣдующія слова: „сь бо благоўѣрны разоумѣвъ тако прозрѣниe ѿго никому же таковааго ви-

дѣнниа (не) възвѣсти, како да не котора пакы зълоба приложитъ се юмоу; ии оубо милоує и питайє (то-есть Византійскій императоръ Андроникъ) юго (Степана Дечанскаго); како чедолюбивы отъдь оутѣшає и, сего падшаго выдвиже и никимъже брѣгома приѣть и съхранивъ юго до таковоаго помилования родителѧмъ юго" (Даничич, Животи Краљева, стр. 169), вмѣсто не вполнѣ точнаго, по нашему мнѣнію, слѣдующаго свидѣтельства Григорія Цамблака: „и тако вѣсѣхъ оутаи се прѣмоудримъ оумышленіемъ, и ни отъ кого же познань бысть зрака имѣти силу; доньдеме югда избра юго богъ царьствовати правдою, и паstryра постави своему юго отъчеству" — то по крайней мѣрѣ поимѣстить первое свидѣтельство хотя бы въ сноскѣ. Свидѣтельство продолжателя Данілова тѣмъ болѣе имѣть вѣса, что изъ него выясняется несомнѣнное участіе Византійскаго императора; въ свидѣтельствѣ же Цамблака проглядываетъ противорѣчіе: невѣроятно, чтобы Степанъ Дечанскій восьмъ постоянно на глазахъ повязку, и чтобы этотъ обманъ не былъ открытъ. Да затѣмъ и непонятно, откуда продолжатель Даніила заимствовалъ свѣдѣнія, что Андроникъ принялъ живѣшее участіе въ злосчастной судьбѣ заточеннаго сербскаго королевича¹⁾.

Къ числу значительныхъ неточностей въ изданіи г. Павловича должно отнести пропускъ слѣдующихъ важныхъ для возстановленія сербской хронологіи словъ Родослова архиепископа Даніила II: „льтому како решти четыремъ миноувшиими семоу прѣосвещеніемоу архиепископоу Никодимоу, и врѣмени иѣкоторомоу настоющтоу, съ оубо прѣвысокии господинъ краль (Милутинъ) выпаде въ лютъ недоугъ и умираетъ въ Неродимли" (Даничич, Животи..., стр. 155); приведенные слова г. Павловичъ замѣнилъ неточнымъ оборотомъ: „потомъ же съ прѣвысокии господинъ краль выпаде въ лютъ недоугъ" ... (стр. 246).

Излишнимъ кажется намъ повтореніе одного и того же мѣста о признаніи въ 1321 г. Степана Душана наслѣдникомъ Степана Дечанскаго (стр. 258 и 286), при чемъ въ первомъ случаѣ приведена только часть свидѣтельства о признаніи его наслѣдникомъ, а во второмъ — оно приведено въ связи съ объѣщаніемъ Дечанскаго уступки ему (Душану) половины владѣній. Такое размѣщеніе одного и того же свидѣтельства въ разныхъ мѣста не можетъ быть допускаемо въ изданіи памятниковъ, потому что читатель, положившійся на одно изданіе

¹⁾ Г. Павловичъ совсѣмъ опустилъ это мѣсто изъ Родослова (срв. стр. 243).

г. Павловича, не заглядывая въ другія изданія,—въ чёмъ, кажется, и состоитъ цѣль его книги,—можетъ прійті въ недоумѣніе, и пожалуй, въ заблужденіе, если не обратить своего вниманія на то, что сноска въ обоихъ мѣстахъ одна и та же.

Случается также, что авторъ допускаетъ измѣненія въ чтеніи. Такъ, на стр. 60-й напечатано: Методіа, тогда какъ въ источникахъ, изъ котораго заимствуетъ это мѣсто г. Павловичъ, „житіе“, составленномъ Саввою I, стоитъ: Меодіа (Památky, стр. 9, ст. 14).

Наконецъ, замѣтимъ, что ради соблюденія точности въ сохраненіи настоящаго характера памятника, не мѣшало бъ удерживать годы отъ сотворенія міра, чтѣ не всегда выполнено г. Павловичемъ. Такъ, на стр. 48, гдѣ говорится о постриженіи Степана Неманіи и его жены Анны въ монашество, г. Павловичъ замѣнилъ годъ отъ сотворенія міра 6603 годомъ отъ Р. Х.—1196.

Мы указали всѣ замѣченія нами недостатки труда г. Павловича. Могутъ, конечно, найдти и еще кой-какіе промахи молодаго ученаго. Но несомнѣнно и то, что трудъ его вообще полезный. Книга г. Павловича много помогаетъ ориентироваться въ свѣдѣніяхъ, разбросанныхъ въ сербскихъ житіяхъ. Если нельзя вполнѣ положиться на одинъ его сводъ, не заглядывая въ другія изданія, то по этому своду удобнѣе отыскать то, что находится въ каждомъ изъ нихъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ особенно важно подробное оглавленіе, предпосланное изданію.

Вл. Качановскій.

Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Сост. Ф. Мартенсъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета. Томъ IV-й. 1878.

Мы ужъ имѣли случай говорить о прежнихъ томахъ этого сборника, содержащаго драгоценный матеріалъ для исторіи дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Россіи съ Европой. Въ появившемся недавно четвертомъ томѣ продолжается печатаніе договоровъ, заключенныхъ между Россіей и Австріей, и обнимаетъ овъ періодъ времени съ 1815 до 1849 года. Нѣкоторые изъ нихъ впервые обнародованы теперь г. Мартенсомъ, какъ напримѣръ, мартовская конвенція 1833 года о Бельгійскомъ вопросѣ и Мюнхенгрецкая конвенція того же года о вопросѣ Восточномъ. Всѣ наиболѣе важные договоры сопровождаются историческими объясненіями, въ высшей степени интересными,

такъ какъ авторъ имѣлъ возможность пользоваться для нихъ официальными документами, хранящимися въ государственномъ архивѣ.

„Прямота и честность“, говорить г. Мартенсъ,—„вотъ девизъ, который державною рукой государя императора Николая I былъ начертанъ на политическомъ значении Россіи. Этотъ девизъ былъ въ прошломъ и останется въ будущемъ залогомъ успѣховъ русской национальной политики“. Ознакомившись съ книгой г. Мартенса, не возможно оспаривать безусловную вѣрность этого замѣчанія. Сохраненіе общеевропейского мира, огражденіе порядка вещей, созданнаго Вѣнскими трактатами,—вотъ къ чему стремились какъ императоръ Александръ, такъ и императоръ Николай, отстравши отъ себя всякие эгоистическіе замыслы и строго придерживаясь принциповъ Священнаго союза, установленнаго первымъ изъ этихъ государей. Оба они были убѣждены, что могутъ быть достигнуты великия результаты, если всѣ заинтересованные стороны будутъ идти этимъ путемъ, ибо уже съ самаго начала обнаруживалась мало по малу несостоятельность подобныхъ надеждъ. Россія разчитывала болѣе всего на Австрію и Пруссию, которымъ въ войнѣ противъ Наполеона оказала столько великихъ услугъ, но Вѣнскій дворъ не хотѣлъ понять и оцѣнить по достоинству безкорыстіе русской политики. Немедленно послѣ того, какъ возникъ Священный союзъ, нѣкоторые изъ опытнѣйшихъ нашихъ дипломатовъ стали указывать на двусмысленный образъ дѣйствій Австріи. Особенно откровенно выражался по этому поводу русскій посолъ при Вѣнскомъ дворѣ графъ Штакельбергъ. Другой извѣстный нашъ дипломатъ графъ Поццо-ди-Борго писалъ: „Три призрака преслѣдуютъ Вѣнскій дворъ: воспоминаніе о своихъ войнахъ противъ Франціи, боязнь видѣть Турокъ отброшенными въ Азію и боязнь предъ мыслию, что Польша находится подъ конституціоннымъ управлѣніемъ. Не будучи въ состояніи или не умѣя быть сильною въ самой себѣ, Австрія ищетъ свою силу въ политическихъ интригахъ“. Она воспользовалась услугами, оказанными ей Россіей, но Россія устрашала ее развитиемъ своего могущества, и Вѣнскій дворъ исполненъ былъ недовѣрія къ политикѣ нашего правительства, которая не переставала однако безпрерывно представлять ей доказательства своей искренности. Опасаясь Россіи, говорилъ Поццо,—Вѣнскій дворъ повсюду возбуждаетъ опасенія на счетъ ея могущества и замысловъ. Все это не побуждало однако императора Александра измѣнить свою программу. Онъ объяснялъ дѣйствія австрійскихъ и вообще европейскихъ государственныхъ людей тѣмъ, что они еще не отказались отъ своихъ

отжившихъ и малодушныхъ стремленийъ. „Причина такого ослѣпленія со стороны министровъ“—читаемъ мы въ одной изъ русскихъ депешъ отъ 1817 года—„заключается въ томъ, что чистая мораль Евангелия не находитъ отголоска въ ихъ сердцахъ; они понимаютъ ее только какъ средство, которымъ человѣкъ по желанію можетъ пользоваться, не зная его внутренняго достоинства“. Императоръ надѣялся, что Вѣнскій дворъ отдастъ наконецъ справедливость великодушнымъ его намѣрѣніямъ, но къ сожалѣнію, надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться.

Въ первые годы того періода времени, къ которому относятся документы, помѣщенные въ разбираемой нами книгѣ, Австрія очень тревожилась революціоннымъ броженіемъ въ итальянскихъ земляхъ и отчасти въ Германіи. Она была убѣждена, что важную роль играютъ при этомъ посторонніе подстрекатели, и не задумывалась даже заподозрѣвать лицъ, близко стоявшихъ къ императору Александру, и въ благонадежности коихъ не существовало ни малѣйшаго сомнѣнія. „Укажемъ на примѣры“, говорить г. Мартенсъ.—„Въ письмѣ къ императору Александру отъ 22-го апрѣля 1819 года Францъ I выражаетъ соболѣзвованіе по поводу убийства Коцебу. Въ доказательство же того, что даже именемъ самого Русскаго государя злоупотребляютъ революціонеры и враги порядка, императоръ Австрійскій приводитъ слѣдующій фактъ: извѣстный воспитатель Александра I, Швейцарецъ Лагарпъ, путешествовавшій въ то время по Италиї съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, будто бы вступилъ въ союзъ съ итальянскими карбонаріями, увѣряя ихъ, что Русскій императоръ готовъ пріѣдти имъ на помощь для освобожденія всей Италиї. Отвѣтъ Александра I на это сообщеніе находится въ собственноручномъ письмѣ его къ императору Францу отъ 18-го іюня. Государь выражалъ свою благодарность, но не могъ скрыть отъ своего друга и союзника, что сдѣланное сообщеніе сильно его опечалило. „Ваше величество“, писалъ государь,—„знаете мои отношенія къ лицу, о которомъ говорится въ вашемъ письмѣ. Привыкши съ малолѣтства цѣнить высокія нравственные качества, его отличающія, знала честность и прямоту его характера, и могъ только съ горестью и удивленіемъ слышать о тѣхъ поступкахъ, которые ему приписываютъ. Впрочемъ по всей вѣроятности, обвиненіе Лагарпа объясняется только ложными толкованіемъ какого-нибудь необдуманнаго, шага, сдѣланнаго имъ во время своего пребыванія въ Италиї“.

Отстраняя неумѣстныя притязанія Вѣнскаго двора, правительство
часть схід., отд. 2.

наше однако не только не затруднило, но всячески облегчало его образъ дѣйствій въ борьбѣ съ революціонными броженіемъ, хотя относительно причинъ этого броженія взглядъ его расходился со взглядомъ императора Франца и князя Меттерніха. Оно было убѣждено, что однѣми репрессивными мѣрами нельзя умиротворить общество, но тѣмъ не менѣе на конгрессахъ Ахенскомъ, Троппаускомъ, Лайбахскомъ и Веронскомъ шло по одному пути съ Австріей. „Императоръ Александръ“, говорить г. Мартенсъ,—, былъ глубоко проникнутъ убѣженіемъ, что союзъ и дружба между его имперіей и Австріей совершенно необходимы для сохраненія мира, стоявшаго народамъ столькихъ неизчисленныхъ жертвъ. Онъ очень хорошо сознавалъ, что въ принципѣ ни одно государство не имѣть права вымѣшивать во внутреннія дѣла другаго, и неоднократно указывалъ на опасности, неизбѣжно вытекающія изъ подобнаго рода вымѣшательствъ. Однако, съ другой стороны, внутренніе перевороты въ государствахъ и пропаганда революціонныхъ идей среди европейскихъ народовъ представлялись, по мнѣнію императора, не менѣе опасными для мира, чѣмъ посагательства на независимость и спокойствіе того или другаго государства“. Это послѣднее соображеніе взяло верхъ къ вѣщему удовольствію Вѣнскаго двора.

Всѣ подобныя уступки съ нашей стороны нисколько не помѣшили однако Австріи обнаружить упорное противодѣйствіе политикѣ нашего правительства въ Восточномъ вопросѣ. Извѣстно, основанного на официальныхъ данныхъ напоженія г. Мартенса видно, какою умѣренностью и сдержанностью отличалась эта политика, когда вслыхнуло восстаніе Грековъ. Императоръ Александръ не только не преслѣдовалъ никакихъ корыстныхъ цѣлей, но ревностно желалъ дѣйствовать въ союзѣ съ Европой и преимущественно съ Австріей. Хотя некоторые изъ нашихъ дипломатовъ того времени, и между прочимъ Головкинъ (русскій посолъ при Вѣнскомъ дворѣ), выражали мысль, что въ Восточномъ вопросѣ „Австрію отдѣляетъ отъ Россіи какъ различіе въ интересахъ и видахъ, такъ и въ направленіи всей общейной ихъ политики“, русское правительство не покидало надежды прійтти къ прочному взаимному соглашенію. Всѣ старанія въ этомъ смыслѣ не достигали однако цѣли. Нѣкоторые нѣмецкіе историки, подъ влияниемъ враждебнаго къ Россіи чувства, высказываютъ мнѣніе, будто бы происходило это отъ того, что князь Меттерніхъ желалъ достигнуть для Грековъ большаго, чѣмъ желало русское правительство: подобная нелѣпость такъ очевидна, что не заслуживаетъ даже серьезнаго опро-

верженія. У австрійскаго канцлера была одна завѣтная цѣль—ограничить турецкое владычество, а Греки, по справедливому замѣчанію г. Мартенса,—,всегда оставались въ глазахъ его крамольниками, осмѣлившимися претендовать на неприкосновенность ихъ жизни, чести и собственности противъ насилий турецкихъ палачей; всѣ усилия русского правительства положить предѣль турецкимъ звѣрствамъ посредствомъ содѣйствія Австріи должны были рушиться, потому что цѣли австрійской политики были совершенно иные". Ходъ переговоровъ съ Вѣнскимъ дворомъ по Восточному вопросу въ двадцатыхъ годахъ подробно наложенъ г. Мартенсомъ: почтенный авторъ сообщаетъ множество интересныхъ свѣдѣній, которыми подтверждается, что совокупное дѣйствіе Россіи и Австріи въ упомянутомъ вопросѣ было не разрѣшено задачею. Послѣ неудачи С.-Петербургскихъ конференцій, происходившихъ не за долго до кончины Александра I, императоръ убѣдился въ этомъ и готовился сообщить совершенно иное направление своей политикѣ.

Графъ Татищевъ, нашъ посолъ въ Вѣнѣ, говорилъ между прочимъ въ одной изъ своихъ депешъ, что „всякий разъ когда русская политика становится рѣшительной, она не встрѣчаетъ со стороны Австріи серьезного противодѣйствія". Рѣшительностью, основанной на ясномъ сознаніи своихъ цѣлей и правоты своего дѣла, только и можно было достигнуть прочныхъ результатовъ. Истина эта выяснилась какъ вельзя болѣе убѣдительно тотчасъ по вступленіи на престолъ императора Николая Павловича. Государь вознамѣрился, вмѣсто безплодныхъ переговоровъ, обратиться къ дѣйствіямъ. Лондонскій кабинетъ пошелъ ему на встрѣчу на избранномъ имъ пути. Между Россіей и Англіей заключена была извѣстная конвенція по Восточному вопросу, къ которой присоединилась затѣмъ и Франція. Отношенія нашего правительства къ Вѣнскому двору обозначены были въ депешѣ графа Нессельроде къ Татищеву отъ 20-го ноября 1827 года. Содержаніе ея г. Мартенсъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: „Пусть Австрія не забываетъ, что Россія твердо рѣшилась привести въ исполненіе Лондонскую конвенцію; пусть она знаетъ, что императоръ готовъ вооруженною рукой образумить Турокъ, и тогда за всѣ бѣдствія, которыхъ обрушатся на Оттоманскую имперію, ответственна будетъ только одна Австрія. Но! желая по возможности предупредить катастрофу на югѣ Европы; правительство наше предписало Татищеву объявить безъ обиняковъ князю Меттерніху, что дѣйствія его въ Греціи, Египтѣ и Константинополѣ отлично извѣстны

въ Петербургѣ, что онъ сильно ошибается, думая разстроить союзъ трехъ державъ и убить непоколебимую энергию императора. Весь вопросъ, кончаетъ депеша,—заключается въ томъ: желаетъ ли Австрія войны между Россіей и Турціей. Если да, то Вѣнскій дворъ наѣрное достигнетъ своей цѣли, идя по избранному имъ пути; если неѣть, то онъ долженъ совершенно измѣнить путь и убѣдить Порту немедленно исполнить постановленія Лондонской конвенціи: „Наступилъ моментъ, когда неѣть другого выбора для Вѣнскаго кабинета. всякая отсрочка можетъ сдѣлаться роковою, и вы, г. посолъ, заставите его сдѣлать выборъ и высказатьсь безъ малѣшаго замедленія“. Это энергическое заявленіе произвело желанное дѣйствіе. Австрійское правительство не рѣшилось обнаружить явно враждебныя намѣренія относительно Россіи. Впрочемъ, по прежнему, прибѣгало оно къ интригамъ, которыя встрѣчали отпоръ съ нашей стороны. Такъ напримѣръ, въ 1828 году, когда русскія войска готовились перейти Прутъ, Австрія стала сосредоточивать свою армію въ Трансильваниѣ и даже показывала видъ, будто думаетъ занять Дунайскія княжества. Нашему главнокомандующему, князю Витгенштейну, дали были слѣдующія инструкціи: 1) если Австрійцы попытаются затруднить движение русскихъ войскъ въ Молдавіи и Валахіи, то онъ обязанъ быть пригласить ихъ отступить назадъ; 2) если Австрійцы отвѣтили бы отказомъ, то наша армія должна была, не останавливаясь идти впередъ; 3) еслибы оказали они сопротивленіе этому, то на силу надлежало отвѣтить силой“. Австрія не двинулась. Она изощрялась въ тайномъ противодѣйствіи Россіи, но открыто считала долгомъ заявлять дружелюбныя къ ней чувства. Когда въ 1829 году нашъ посолъ Татищевъ, заявилъ князю Меттерніху, что русскому правительству извѣстны козни Вѣнскаго двора, угрожаю отъ имени этого правительства сосредоточеніемъ обсерваціоннаго корпуса на австрійской границѣ, знаменитый канцлеръ воскликнулъ: „Это отъ васъ зависить, но я вамъ объясню, что если вы сосредоточите на границѣ даже сто тысячъ человѣкъ, мы не двинемъ ни одного барабанщика. Война между обѣими имперіями не мыслима“.

События двадцатыхъ годовъ выставили въ самомъ неблаговидномъ свѣтѣ политику Австріи относительно нашего отечества; но обстоятельства измѣнились. Восточный вопросъ притихъ, вниманіе государственныхъ людей занято было смутами, обнаружившимися въ Европѣ подъ влияниемъ французской революціи 1830 года, и русское правительство, вѣрное принципамъ консервативной политики, сочло необ-

ходимымъ возстановить свой тѣсный союзъ съ Австріей. Императоръ Николай, говорить г. Мартенсъ,—готовъ былъ забыть прошлое, и скоро Россія и Австрія дѣйствуютъ съ рѣдкимъ единодушіемъ въ главнѣи-шихъ европейскихъ вопросахъ. Официальное соглашеніе между ними состоялось на Мюнхенгрецкомъ конгрессѣ, на которомъ лично присутствовали императоры Николай и Францъ, а представителемъ Пруссіи явился наследный принцъ. Лордъ Пальмерстонъ старался увѣ-рить всѣхъ и каждого, что въ Мюнхенгрецѣ Россія и Австрія усло-вились на счетъ раздѣла Оттоманской имперіи. До какой степени это было справедливо, видно изъ конвенціи, заключенной тамъ между упомянутыми державами, текстъ коей мы находимъ въ книжѣ г. Мар-тенса. Вотъ чѣмъ сказано въ предисловіи къ ней: „Императоръ Все-россійскій и императоръ Австрійскій, принимая въ соображеніе, что ихъ тѣсный союзъ, въ продолженіе послѣднихъ событий въ Египтѣ, могущественно содѣйствовалъ предохраненію Оттоманской имперіи отъ опасностей, ей угрожавшихъ, и предохраненію Европы отъ усложненій, которыхъ могли бы для нея изъ сего послѣдовать; сверхъ того, слѣдя консервативному духу, преобладающему въ ихъ общей политикѣ, и желая обеспечить безопасность и спокойствіе ихъ собственныхъ владѣній, пограничныхъ съ Турціей, рѣшились принять равнымъ образомъ сей принципъ союза за основное правило ихъ бу-дущаго образа дѣйствій относительно дѣлъ на Востокѣ“. Конвенція состояла собственно изъ двухъ статей. Первая изъ нихъ гласила, что Россія и Австрія „обязываются поддерживать существованіе Оттоман-ской имперіи подъ управлениемъ вышней ея династіи и посвятить для сей цѣли, въ совершенномъ согласіи, всѣ вліяющія и дѣйствитель-ные средства, какія находятся въ ихъ власти“; вслѣдствіе сего, по сло-вамъ второй статьи, обѣ державы „принимаютъ на себя обязательство противостоять общими силами всякой комбинаціи, которая наносила бы ущербъ правамъ верховной власти въ Турціи или учрежденіемъ временнаго регентства, или же совершенной перемѣнною династіи. Если бы тотъ или другой изъ сихъ случаевъ осуществился, двѣ вы-сокія договаривающіяся стороны не только не признаютъ подобнаго порядка вещей, но войдутъ въ соглашеніе относительно принятія со-обща самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ для предотвращенія опасностей, которыхъ могли бы быть навлечены; случившееся въ существующей Оттоманской имперіи перемѣнно, для безопасности и интересовъ ихъ собственныхъ пограничныхъ съ Турціей владѣній“. Къ конвенціи при-соединены были секретныя статьи, гласившія, что состоялась она

преимущественно въ виду ироисковъ Египетского паша, и что если бы, не смотря на всѣ старанія Россіи и Австріи, неисправнѣнъ быль установленный порядокъ вещей въ Турціи, то оба императорскіе двора „будутъ дѣйствовать только въ согласіи и въ духѣ совершенной солидарности относительно всего, чтѣ касается учрежденія нового порядка дѣлъ“, поставивъ себѣ при этомъ задачею, „чтобы измѣненія, совершившіяся во внутреннемъ строѣ Отоманской имперіи, не могли касаться ни безопасности ихъ собственныхъ владѣній и правъ, обеспеченнѣхъ за ними трактатами, ни сохраненія европейскаго равновѣсія“. Кажется, во всемъ этомъ не было ничего такого, чтѣ могло бы причинить хотя малѣйшую тревогу англійскому правительству; въ сущности конвенція безъ всякаго неудобства могла бы быть обнародована въ то же время, какъ она состоялась. Во всякомъ случаѣ событія 1839—1840 годовъ, когда Мегметъ-Али вторично угрожалъ разрушеніемъ имперіи султановъ, доказали вполнѣ очевидно, что Россія вовсе не измѣревалась воспользоваться для своихъ цѣлей смутами на востокѣ, и что она поставила себѣ задачею дѣйствовать не иначе, какъ въ согласіи съ Европой.

Союзъ между Россіей и Австріей послѣ Адріанопольскаго мира сдѣлался еще тѣснѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Русское правительство оставалось ненамѣнно ему вѣрнымъ, хотя выгоды отъ этого союза выпадали главнымъ образомъ на долю Вѣнскаго двора. Это обнаруживалось по многимъ вопросамъ, не говоря уже о вопросѣ Восточномъ: такъ напримѣръ, въ 1846 году, когда зашла рѣчь о Krakovѣ, Россія содѣйствовала присоединенію этого города къ Австріи, не смотря на то, что даже Пруссія не желала подобнаго расширенія австрійскихъ предѣловъ. Западныя державы громко вопили противъ означенной мѣры, точно также, какъ и противъ мѣръ, которыя были принимаемы русскимъ правительствомъ для обезпеченія порядка въ царствѣ Польскомъ. Англія и Франція не покидали той точки зрѣнія, будто бы на Вѣнскомъ конгрессѣ была гарантирована конституція Полякамъ и будто бы русское правительство не имѣло права не сообразоваться съ этимъ постановленіемъ. По этому поводу князь Меттернихъ составилъ записку, изъ которой мы находимъ слѣдующій отрывокъ въ книгѣ г. Мартенса: „Императоръ Александръ возстановилъ въ 1815 году Польское королевство, и устроивъ его, даровалъ ему учрежденія. Устройство этого королевства и его учрежденія были поставлены этимъ же самыми монархомъ подъ нравственную гарантію акта Вѣнскаго конгресса. Въ 1831 году царство Польское возстало, и провозгласивъ

отречениѣ своего царя, оно уничтожило въ то же время конституцію, дарованную Александромъ. Успѣхъ не былъ на сторонѣ этого предпріятія. Борьба началась на полѣ сраженія, и императоръ Николай остался побѣдителемъ. Въ качествѣ побѣдителя Е. И. Величество сдѣлался рѣшителемъ судьбы этой страны. Который же изъ двухъ, царь или Польша, разорвать актъ Вѣнскаго конгресса? Очевидно, это была Польша. Каковымъ же представляется, въ виду этихъ событій, законное положеніе подписавшихъ этотъ актъ? Въ качествѣ гарантовъ они обязаны были оказать свою помощь въ содѣйствіе царю, подвергшемуся нападенію. Но защищать теперь устройство, дарованное въ 1815 году императоромъ Александромъ, это значило бы, съ ихъ стороны, защищать претензію нелѣпую и потому несостоительную предъ судомъ простаго здраваго смысла; это было бы все равно, что положительно утверждать, будто нарушеніе однимъ изъ контрагентовъ договора нисколько не развязываетъ руку другому⁴. Нельзя, конечно, безусловно согласиться съ выраженнымъ здѣсь взглядомъ: князь Меттернихъ держался той точки зрѣпія, что учрежденія, дарованныя императоромъ Александромъ Полякамъ, „были поставлены подъ нравственную гарантію акта Вѣнскаго конгресса“, — но въ томъ то и дѣло, что въ упомянутомъ актѣ ничего не сказано, о какихъ именно учрежденіяхъ идетъ рѣчь. Статья его, гласившая, что „Поляки, какъ россійскіе подданные, такъ равномѣрно и австрійскіе, и прусскіе, будутъ имѣть народныхъ представителей и національныя государственные учрежденія, согласны съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, который каждый изъ вышеменованныхъ правительствъ будетъ признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для нихъ въ кругу его владѣній“, слишкомъ неопределѣнна, чтобы на основаніи ея позволительно было стѣснить свободу дѣйствій русскаго правительства. Но какъ бы то ни было, замѣчательно, что послѣ событій въ Польшѣ 1830 и 1831 годовъ, князь Меттернихъ не считалъ благоразумнымъ и сираведливымъ обращаться къ нашему правительству съ тѣми или другими притязаніями по польскому вопросу, ибо сознавалъ, что оно имѣетъ полное право распоряжаться въ Польшѣ по своему усмотрѣнію. Любопытно сопоставить этотъ фактъ съ тою ролью, которую усвоилъ Вѣнскій кабинетъ во время восстания Поляковъ въ 1863 году.

Самое вѣжское и рѣшительное доказательство своего расположенія къ Австріи представилъ императоръ Николай Павловичъ, согласившись въ 1849 году оказать ей помошь противъ возвмутившихся Мадьяръ.

Князь Виндишгрецъ, стоявшій во главѣ арміи, назначеної для ихъ усмиренія, очень хорошо сознавалъ огромныя трудности, съ которыми приходилось ему бороться. „Нѣтъ въ исторіи примѣра“, сказали онъ нашему поймѣнному въ дѣлахъ, Фонтону,— „чтобы какая-нибудь страна могла быть, въ короткое время, на столько деморализована, какъ наша; революціонный духъ охватилъ и увлекъ массы подобно глыбѣ снѣга“. Князь разчитывалъ одержать победу, но заявлялъ, что если бы усилия его не увенчались успѣхомъ, онъ не затруднился бы обратиться „къ великодушному сердцу“ Русскаго императора. Государь на докладѣ объ этомъ Фонтону поставилъ двѣ собственноручныя отмѣтки: „и я отвѣчу“ (на призывъ), „и они не ошибутся“ (полагаясь на защиту Россіи). Вскорѣ затѣмъ, по призыву Австріи, Россія явилась спасать ее.

Мы коснулись лишь вкратцѣ богатаго содержанія книги г. Мартенса, которой можно искренно пожелать, чтобы она была оценена по достоинству нашей публикой.

Н. Н.

Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя *Кирши Даниловымъ*. Издание третье, комиссії печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностраннѣнныхъ дѣлъ, по 2-му полному изданію, съ нотами. М. 1878.

Не смотря на множество памятниковъ русскаго народнаго творчества, записанныхъ въ новѣйшее время, старинный сборникъ былъ и пѣсень народныхъ, составленіе которого приписывается казаку Кирши Данилову, продолжаетъ сохранять всю свою цѣну. Онъ заключаетъ въ себѣ значительное количество произведеній русскаго эпоса въ весьма замѣчательныхъ пересказахъ, которые представляютъ не мало эпическихъ подробностей, не встрѣчающихся въ другихъ вариантахъ тѣхъ же пѣсень, записанныхъ въ позднѣйшее время. Изданій первоначально и не вполнѣ въ 1804 году, а затѣмъ вторично напечатанный гораздо позже въ 1818 году, онъ давно изчезъ изъ книжной торговли. Поэтому новая перепечатка его, сдѣланная отъ имени комиссії печатанія грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностраннѣнныхъ дѣлъ, не можетъ не быть встрѣчена какъ явленіе весьма пріятное для всѣхъ занимающихся изученіемъ русской народной поэзіи.

Новое изданіе сборника К. Данилова есть точное воспроизведеніе того изданія, которое было сдѣлано въ 1818 году, и редакторомъ

которого былъ извѣстный К. Ф. Калайдовичъ. Иначе и нельзя было поступить, по крайней мѣрѣ относительно самого текста былинъ и лѣсенъ, такъ какъ старинная рукопись, съ которой печаталось изданіе 1818 года, къ сожалѣнію, утратилась. За то воспроизведеніе, въ новомъ изданіи, ногъ для былинныхъ напѣвовъ было облегчено тѣмъ, что для сего могли быть употреблены тѣ самыя мѣдныя доски съ на- гравированными нотами, которыя служили для 2-го изданія. Равнымъ образомъ, при новомъ изданіи перепечатано и довольно большое предисловіе, которое было написано для изданія 1818 года Калайдовичемъ. Оно очень любопытно по нѣкоторымъ историческимъ указаніямъ и еще болѣе по содержащимся въ немъ свѣдѣніямъ о рукописи, нынѣ утраченной, въ которой были записаны изданныя Калайдовичемъ произведенія народной поэзіи.

Вообще должно сказать, что новое изданіе исполнено тщательно, и если не имѣть той изящной вѣшности, которую, по своему времени отличалось изданіе 1818 года, то все же оно можетъ быть названо вполнѣ удовлетворительнымъ по своей точности и по четкости своего шрифта.

Но отдавая справедливость достоинствамъ нового изданія, нельзя не сдѣлать и нѣкоторыхъ замѣчаній относительно его и не выразить сожалѣнія, что комиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, воспринимавшая трудъ Калайдовича, не сподѣлила его нѣкоторыми дополненіями, которыя возможно было сдѣлать въ настоящее время.

Во первыхъ, можно пожалѣть, что новое изданіе не сдѣлано страница въ страницу противъ прежнаго, или по крайней мѣрѣ, что въ новомъ изданіи не отмѣчена на поляхъ нумераций страницъ изданія 1818 года. Это было бы весьма необходимо, въ особенности въ виду того, что въ теченіе 60 лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ изданія Калайдовича, въ литературѣ нашей накопилось множество ссылокъ на изданіе 1818 года: пріисканіе въ новомъ изданіи мѣстъ, соотвѣтствующихъ этимъ ссылкамъ, не всегда легко.

Во вторыхъ, къ новому изданію не приложено указателя собствѣнныхъ имёнъ: такое прибавленіе къ труду прежній редактора, конечно, не было бъ излишнимъ.

Втретыхъ, можно очень пожалѣть, что редакція нового изданія не сдѣлала попытки пополнить тѣ свѣдѣнія, кавія у насъ имѣются о погибшей рукописи К. Данилова. А между тѣмъ именно въ одномъ изъ портфелей Миллера, хранящихся въ Московскомъ архивѣ мини-

стерства иностранныхъ дѣлъ, могутъ быть найдены по этому предмету кое-какія данныхы. Еще въ 1854 году покойный Шевыревъ напечаталъ въ Москвитинѣ (№ 1 и 2: Исторические материалы, стр. 9—10) письмо Прокофія Акиноевича Демидова къ Миллеру, отъ 22-го сентября 1768 года, въ которомъ идеть рѣчъ объ одной изъ былинъ, находящихся въ сборнике К. Данилова. Миллеръ просилъ Демидова доставить ему былину „о селѣ Романовѣ“, а нынѣ называются съ чего Преображенскими¹⁾, и Демидовъ, присыпалъ ему въ рукописи тотъ самый текстъ, который напечатанъ въ „Древнихъ Россійскихъ Стихотвореніяхъ“, подъ заглавиемъ: „Никитѣ Романовичу дано село Преображенское“, — присовокупилъ притомъ, что онъ досталъ его „отъ Сибирскихъ людей, которые прошедшую исторію поютъ на голосу“. Въ спискѣ Демидова¹⁾, на шести страницахъ въ листъ, стихи не раздѣлены, а написаны въ сплошную строку; вмѣсто заглавия помѣщены ноты — тѣ же, чѣмъ и въ сборнике К. Данилова; равнымъ образомъ, и текстъ этого списка совершенно тождественъ съ напечатаннымъ въ „Древнихъ Россійскихъ Стихотвореніяхъ“, за исключеніемъ двухъ-трехъ вариантовъ на столько мелкихъ, что они остались даже не замѣчены Шевыревымъ, а произошли, вѣроятно, не отъ чего другого, какъ отъ произвола переписчика; такъ, напримѣръ, въ стихѣ 11-мъ читаемъ:

А нынѣ у царя въ каменной ѿ Москве...

Въ стихѣ 14-мъ:

Про вѣльможи гости богатыя...

вмѣсто вѣльможи.

Въ стихѣ 70-мъ:

Къ той ко плаѣтѣ бѣлодубовыя...

вмѣсто: бѣлодубовой.

Въ стихѣ 106-мъ:

Давайте дорогу маѣ широкую...

вмѣсто: Дайте.

Въ стихѣ 119-мъ:

Что чѣмъ окровенить руки бѣлыя.

¹⁾ Мы имѣли возможность видѣть въ подлинникѣ, какъ письмо Демидова, такъ и приложенный къ нему списокъ былинъ, благодаря любезности г. директора архива, барона Ф. А. Бюлера.

Тожественность демидовского текста съ напечатаннымъ въ „Древнихъ Россійскихъ Стихотвореніяхъ“ доказываетъ, что онъ заимствованъ именно изъ сборника К. Данилова, а въ такомъ случаѣ должно принять, что сборникъ этотъ составленъ на сибирскихъ заводахъ Демидова и притомъ, вѣроятно, прежде 1768 года, когда написано письмо. Въ виду утраты замѣчательной рукописи, съ которой печаталъ Калайдовичъ, и вообще рѣдкости старинныхъ сборниковъ, въ которыхъ помѣщены народные пѣсни и быльни, нельзя не дорожить всѣми тѣми свѣдѣніями, которыхъ могутъ быть собраны по этой части.

Въ заключеніе скажемъ еще разъ, что новое изданіе „Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній“ очень полезно; оно снова дѣлаетъ общедоступными одно изъ драгоцѣнѣйшихъ собраній памятниковъ русского эпоса, которое много пополнено, но не замѣнено новѣйшими открытиями въ той же области.

Л. Майковъ.

КЪ ВОПРОСУ О РЕВИЗИИ НАЧАЛЬНАГО НАРОДНАГО УЧИЛИЩА.

Осмотры начальныхъ народныхъ училищъ имѣютъ весьма важное значение, но польза отъ нихъ окажется еще болѣе существенною, если между одною и другою ревизией будетъ установлена известная связь такъ что послѣдующая ревизія будетъ служить продолженіемъ предыдущей. Для того, чтобы ревизирующему лицу хорошо помнить, какія указанія были сдѣланы имъ при прежнихъ посѣщеніяхъ школъ, необходимо въ каждой изъ нихъ имѣть особую книгу для записыванія замѣчаній. Особенно это условіе важно, если ревизующихъ лицъ много; иначе одно лицо можетъ противорѣчить другому и оттого произойдутъ только замѣшательства. Замѣчанія могутъ записываться кратко, безъ упоминанія всѣхъ причинъ, вызвавшихъ ихъ, которые могутъ быть объяснены словесно учителю; напримѣръ, въ такомъ родѣ: „При ревизіи училища я предложилъ законоучителю: 1) обратить вниманіе на чтеніе избранныхъ псалмовъ и изученіе нагорной проповѣди Спасителя; 2) читать передъ началомъ уроковъ Евангеліе. Учителю: 1) избѣгать заучиванья учениками слишкомъ длинныхъ стихотвореній; 2) обратить особенное вниманіе на приобрѣтеніе ими умѣнія разказывать содержаніе прочитанной статьи; 3) по ариѳметикѣ—дополнить въ старшемъ отдѣленіи знанія по нумерации и о дробяхъ; 4) пріучить учениковъ считать на счетахъ. Я просилъ попечителя устроить форточки и обить входную дверь войлокомъ и kleenкой“. Или въ такомъ родѣ: „При ревизіи училища мною было замѣчено неакуратное посѣщеніе учениками уроковъ; изъ 35 не было на лицо 15. Я предложилъ сельскому обществу принять мѣры къ болѣе внимательному исполн

ненію со стороны родителей ихъ обязанностей — посыпать своимъ дѣтей въ школу. Каталогъ библіотеки и опись имущества найдены были иною въ неисправномъ видѣ. Учителю слѣдуетъ ближе ознакомиться съ руководительной книгой Ушинского, прилагаемой къ Родному Слову. По ариометрикѣ ученики слабы въ рѣшеніи письменныхъ задачъ". Въ настоящее время ревизорами начальныхъ народныхъ училищъ, за исключеніемъ одноклассныхъ и двуклассныхъ, являются, кромѣ директора и инспектора народныхъ училищъ, всѣ члены уѣзденныхъ училищныхъ совѣтовъ, благочинные и другія лица духовного вѣдомства. Каждый изъ нихъ смотритъ на обязанности преподавателей съ своей точки зреіїя, каждый заявляетъ собственные требованія. Поэтому обѣ одномъ и томъ же учителѣ и обѣ одной и той же школѣ могутъ высказываться совершенно противоположныя заключенія. Напримеръ, ревизоръ, посѣтившій училище мѣсяцъ тому назадъ, нашель, что ученики знали нумерацию, а послѣдующій отмѣтилъ, что ученики не знали ея. Объединеніе взглядовъ на требованія отъ начальной народной школы рѣшительно необходимо. Ревизоръ, желая, напримѣръ, узнать, научены ли дѣти нумерациі, вызываетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ классной доскѣ и заставляетъ написать диктуемыя имъ числа. Ученики пишутъ и при томъ до десятка миллионовъ. Ревизоръ отмѣчаетъ, что нумерация изучена до миллионовъ. Является черезъ мѣсяцъ другой ревизоръ, дѣлаетъ испытанія ученикамъ и, послѣ ближайшаго ознакомленія, удостовѣряется, что ученики не знаютъ нумерациі. Между тѣмъ, послѣдній заставилъ ученика написать число не далѣе тысячи, напримѣръ 3,456, но при этомъ спросилъ учениковъ: сколько въ этомъ числѣ десятковъ, сколько сотень, чѣмъ цифра 5 въ этомъ числѣ болѣе 6 и т. п., и ученикъ, выучившись писать большія числа, ио безсознательно, не отвѣтилъ на эти вопросы.

Ревизору нѣть надобности какъ заранѣе предупреждать учителя о своемъ пріѣздѣ въ школу, такъ и стараться постыдить ее неожиданно. Состояніе школы отъ этого никакъ не измѣнится, такъ какъ существенные черты ея, во многихъ отношеніяхъ, не могутъ быть улучшены въ промежутокъ нѣсколькихъ часовъ. Явившись внезапно въ училище, ревизоръ, положимъ, можетъ узнать, чисто ли оно содержится, а зимою, кромѣ того, хорошо ли оно натоплено, обращено ли вниманіе на очищеніе воздуха, но за то лишается возможности имѣть подъ руками заранѣе приготовленный тетради учениковъ для письменныхъ упражненій, которыхъ должны быть имъ просмотрѣны, потому что тетради могутъ находиться у учениковъ дома; много потеряеть

онъ также времени для знакомства съ статистическими данными, касающимися училища, которые легче могутъ быть отобраны учителя наканунѣ ревизіи. И просмотръ тетрадей всего лучше и удобнѣе сдѣлать наканунѣ ревизіи, или послѣ нея, если останется время. Ревизоръ долженъ самъ удостовѣриться — содержится ли тетради въ чистотѣ и порядкѣ, ибо это весьма важно въ воспитательномъ отношеніи. Нужно, чтобы на каждой тетради находилась и надпись, кому принадлежитъ она, годъ и мѣсяцъ, когда она поступила въ употребленіе; нужно, чтобы въ тетради одна работа отдѣлялась отъ другой и была отмѣчена учителемъ, какого она достоинства; чтобы были обозначены исправленія ошибокъ учителемъ и учениками и т. п. Означение времени, съ которого началось употребленіе тетради, важно потому, что это условіе опредѣляетъ количество и качество работъ ученика и не даетъ возможности учителю показывать ревизору каждый разъ однѣ и тѣ же тетради, что нерѣдко случается. Классный журналъ, отмѣтки въ немъ уроковъ и пропускъ ихъ учениками должны быть просмотрены также, по возможности, въѣ класснаго времени. По отмѣткамъ въ графѣ класснаго журнала „что пройдено“, можно будетъ заключить о правильномъ распределеніи классныхъ занятій, о количествѣ уроковъ и, до нѣкоторой степени, объ успѣхахъ учениковъ. Если же о ревизіи извѣщено было заранѣе, то учителю обязанъ, безъ особаго приказанія со стороны ревизора, выложить на особомъ столѣ всѣ журналы, каталоги библиотеки, описи имущества и тетради учениковъ, а въ женскомъ училищѣ учительница, кроме того, должна приготовить руководльныя работы ученицъ.

Какъ при испытаніяхъ, такъ и при ревизіяхъ, слѣдуетъ начинать съ младшаго отдѣленія. Кто осматриваетъ зданіе, тотъ начинаетъ осмотръ не съ крыши и съ верхніхъ этажей, но съ фундамента: нужно сперва удостовѣриться, что фундаментъ проченъ. Только послѣ ближайшаго ознакомленія съ успѣхами учениковъ младшаго отдѣленія возможно будетъ правильно опредѣлить, какъ успѣшно занимались ученики средняго и старшаго отдѣленій. Съ этой точки зрѣнія, мы не согласны съ мнѣніемъ барона Корфа, который требуетъ, чтобы испытаніе начиналось со старшаго отдѣленія. Примѣчаніе къ § 18 Инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, въ которомъ сказано, что при посѣщеніи этихъ училищъ инспекторы обращаютъ особое вниманіе на успѣхи учениковъ, оканчивающихъ курсъ, оставалось въ своей силѣ, нисколько не противорѣчить заявленнымъ нами требованіямъ.

Главное внимание ревизующего должно быть обращено на рѣшеніе вопроса, насколько цѣлое отдѣленіе достигло требуемыхъ результатовъ. Успѣхи должны быть признаны удовлетворительными, если окажется, что былъ выбранъ цѣлесообразный матеріалъ для усвоенія знаній и развитія учениковъ по всѣмъ предметамъ; что дѣти ясно понимаютъ выученное, восприняли его не механически, а осмыслили, могутъ толково разаказать прочитанное,—въ среднемъ отдѣленія по вопросамъ учителя, въ старшемъ—въ славной рѣчи; что они рѣшаютъ бойко не-трудныя ариѳметическія задачи; что въ классѣ господствуетъ бодрое и живое настроеніе, которое обнаруживается въ бойкомъ и ясномъ пониманіи и въ правильной передачѣ слышаннаго. Все это доказываетъ, что училище находится въ хорошемъ положеніи.

Но при этомъ являются подробности, опредѣлить которыхъ гораздо труднѣе. Отъ неакуратнаго поступленія учениковъ въ школу обнаруживается обыкновенно не одинаковый уровень ихъ знаній. Въ то время, когда одни начинаютъ читать, другіе еще не знаютъ двухъ-трехъ буквъ. Въ Германіи распределеніе учебнаго матеріала для различныхъ отдѣленій начальной школы сдѣлано во всѣхъ подробностяхъ. Для примѣра укажу на прибавленіе къ книгѣ Кера и Шлимбаха: „Der deutsche Sprachunterricht“ (Gotha, 1875). Вы посытили, напримѣръ, школу въ началѣ сентября: ученики младшаго отдѣленія, въ первую недѣлю этого мѣсяца, изучаютъ именно такую-то строчную и прописную букву и должны уже знать нѣкоторыя другія буквы. Въ концѣ этого мѣсяца они приступаютъ къ первой книжкѣ для чтенія. Ничего подобнаго нѣтъ въ нашихъ народныхъ училищахъ. Здѣсь вы встрѣчаете учениковъ младшаго отдѣленія, не умѣющихъ читать въ сентябрѣ, ноябрѣ и даже въ марта. Между тѣмъ, нельзя винить въ этомъ только учителя. Неакуратное посѣщеніе учениками классовъ парализуетъ всѣ его усилія. Затѣмъ, въ большей части случаевъ, неизвѣстно, какую задачу должно имѣть въ виду каждое изъ отдѣленій школы по тѣмъ или другимъ предметамъ. Преподаватели понимаютъ эту задачу весьма различно. Кажется, они смотрятъ на нее одинаково только относительно преподаванія ариѳметики въ младшемъ отдѣленіи, въ которомъ принято проходить различные комбинаціи чиселъ до 10. По закону Божію многіе учителя ошибочно понимаютъ программу закона Божія, приложенную къ правиламъ для выдачи свидѣтельствъ, предоставляющихъ льготу по воинской повинности; они полагаютъ, что не требуется ничего болѣе, кромѣ изложенного въ этой программѣ, между тѣмъ, какъ она выставляетъ только *minimum* требованій по

закону Божію, а не служить нормальними педагогическими указаниемъ относительно распределенія учебнаго матеріала по закону Божію по отдѣленіиъ. Эта программа начинается, напримѣръ, съ ветхозавѣтной исторії, а не съ новозавѣтной, которая должна быть изученаранѣе учениками для того, чтобы выходящіе изъ начальной школы до окончанія курса усвоили себѣ свѣдѣнія о жизни и ученіи Спасителя. По объяснительному чтенію не выработано еще строгаго раздѣленія занятій въ среднемъ и въ старшемъ отдѣленіяхъ, и часто смѣшиваются требованія, касающіяся объяснительнаго чтенія, съ требованіями грамматики. Это мы видимъ и въ руководительныхъ книгахъ, напримѣръ, въ книгѣ: „Обученіе грамотѣ и родному языку по первой учебной книжкѣ, составленной Паульсономъ“ (Спб. 1878). Ч. 2^а. Наконецъ, не совсѣмъ ясна для многихъ самая задача начальной народной школы. Я долженъ войти по этому пункту въ нѣкоторыя подробности, ибо пониманіе ревизующими лицомъ этой задачи болѣе всего объясняетъ, какъ слѣдуетъ ему смотрѣть на явленія, подлежащія его оцѣнкѣ и разбору. Главная руководительная идея народной школы должна быть сознана ясно и разработана въ подробностяхъ. У Нѣмцевъ имѣется прекрасное сочиненіе: „Der Volksschulunterricht, von E. Воск“, служащее руководительной книгой для инспекторовъ народныхъ училищъ; въ ней подробно выяснена, по отношению, разумѣется, къ Германіи, занимающая настѣ задача (стр. 1—30).

Съ точки зрењія воспитанія, первая работа для народного учителя со вновь поступившими къ нему учениками должна заключаться въ томъ, чтобы хорошоенько узнатъ ихъ. Въ школу поступаютъ дѣти, не умѣющія ни читать, ни писать, — мало этого: не умѣющіи даже ни говорить, ни слушать. Прежде, чѣмъ учить ребенка грамотѣ, слѣдуетъ научить его говорить. Это будетъ возможно только тогда, когда онъ выучится тихо и смироно сидѣть и слушать, то-есть внимательно относиться къ тому, что происходитъ въ классѣ; когда онъ выучится внимательно рассматривать предметъ, на который указываетъ учитель и давать на каждый посильный для него вопросъ полный и правильный отвѣтъ. Что же разважаетъ языкъ ребенка и заставляетъ его безъ робости, съ довѣріемъ отвѣтывать на предлагаемые ему вопросы? Одна только любовь учителя къ дѣтямъ, его пониманіе ихъ природы, степени ихъ развитія,—любовь, выражавшаяся въ синесхожденіи къ слабому безграмотному ребенку. Воспитательная дѣя-

тельность учителя въ народной школѣ со вновь поступившими учениками заключается не только въ пріученіи учениковъ къ порядку, опрятности, дисциплинѣ, но въ непреклонномъ требованіи исполненія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Отъ ученика слѣдуетъ требовать, чтобы глазъ его смотрѣлъ внимательно на то, что указываетъ учитель, чтобы ухо чутко слышало каждое слово учителя. Пріученіе учениковъ внимательно относиться ко всему, окружающему ихъ, послужитъ главнымъ условіемъ успѣшной дѣятельности школы. Ученикъ выучится читать, но онъ выучится въ то же время и понимать, что нельзя читать безъ толку, безъ смысла; сознательное же чтеніе поведетъ за собою выразительное чтеніе. Вниманіе дѣтей къ тому, что дѣлается въ классѣ, пріобрѣтенное ими на первыхъ же порахъ, будетъ имѣть необходимымъ послѣдствіемъ возвращеніе типшины и порядка, то-есть виѣшней дисциплины.

Я признаю, поэтому, самымъ важнымъ требованіемъ для начинающихъ учиться въ начальной народной школѣ — пріученіе ихъ къ порядку, дисциплинѣ, уясненіе имъ ихъ обязанностей, и полагаю, что первые уроки въ младшемъ отдѣленіи школы, по крайней мѣрѣ впродолженіе двухъ недѣль, должны быть направлены именно къ этому.

Какой бы материалъ ни былъ избранъ для первоначальныхъ разговоровъ со вновь поступившими учениками, необходимо прежде всего достигнуть того, чтобы каждый изъ нихъ запомнилъ въ классѣ назначение для него мѣсто, чтобы каждый зналъ, что требуется словами учителя: „смотрите на меня, сядьте, вставьте“, чтобы зналъ онъ, когда слѣдуетъ садиться или вставать, поднимать или опускать руку, какъ нужно держать грифельную доску и грифель, какъ п кому известить учителя о томъ, что тотъ или другой изъ товарищей болѣнъ и т. п.

Этимъ не оканчивается воспитательная дѣятельность учителя въ первый годъ пребыванія дѣтей въ школѣ. Нужно продолжать идти по этому пути. Начальная школа не должна заключать въ себѣ, подобно средне-учебнымъ заведеніямъ, систематического изложенія знаній; знать, здѣсь учитель, соображаясь со способностями и степенью развитія учащихся, выбираетъ пригодныя для нихъ знанія изъ курса народной школы. Смотри по способностямъ ребенка, долженъ быть сдѣланъ выборъ учебного материала ежедневно, па каждую недѣлю и на цѣлый годъ. Всѣ программы должны быть даны здѣсь въ общихъ положеніяхъ, а подробности ихъ исполненія возложены на

нравственную ответственность учителя. Въ этомъ отношеніи можно допустить въ начальной школѣ, при одной и той же программѣ, большое разнообразіе. Только съ увеличеніемъ силъ, ученикъ можетъ усвоивать себѣ болѣе трудныя решенія предлежащихъ ему вопросовъ, овладѣть вполнѣ содержаніемъ ихъ и воспользоваться толково пріобрѣтенными знаніями. Каждый предметъ слѣдуетъ расположить такимъ образомъ, чтобы онъ ежечасно возбуждалъ полное вниманіе учениковъ. Если ученикъ не слушаетъ того, что говорится въ классѣ, если не всѣ ученики понимаютъ то, что объясняется имъ, то въ школѣ, значитъ, нѣтъ внутренняго порядка. Повторяемъ еще разъ, главное, отъ чего зависитъ интересъ ученика, заключается въ знаніи учителемъ своихъ учениковъ и въ знаніи того, что можетъ быть въ извѣстное время имъ преподано. Привлекательность преподаванія, зависящая отъ личности учителя, имѣетъ значеніе преходящее; она не будетъ обнаруживать дѣйствія, если учитель не сочтетъ долгомъ зорко смотрѣть за учениками и способствовать, иногда чисто вышними мѣрами, къ возбужденію съ ихъ стороны вниманія. Безъ этого нравственного отношенія къ ученикамъ самое интересное преподаваніе будетъ сопровождаться незначительнымъ успѣхомъ. Всего сильнѣе дѣйствуетъ воспитательное влияніе того или другаго предмета преподаванія и воспитательное отношение къ ученикамъ преподавателя.

Лучшимъ средствомъ для возбужденія силъ ребенка служить его самодѣятельность. Если онъ читаетъ выученное имъ пытаться стихотвореніе, его самодѣятельность можетъ проявиться въ умѣніи произнести его, дать удареніемъ голоса или измѣненіемъ его топъ или другой оттѣнокъ заключающемся въ немъ содержанію. Если ученикъ излагаетъ своими словами прочитанное, то самодѣятельность выразится въ расположении подробностей разкзана. При решеніи ариѳметической задачи то же самое можетъ проявляться еще сильнѣе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что учителъ долженъ облегчать труда учащихся, но для этого пусть онъ старается сдѣлать свое преподаваніе простымъ, удобнымъ и доступнымъ. Облегченіе вовсе не состоится въ томъ, чтобы освобождать ученика отъ самостоятельной работы. Близкое знакомство учителя съ дѣтьми поможетъ ему не предлагать имъ работы свыше ихъ силъ. Оно важно еще потому, что школа должна не только учить, но и воспитывать. Мы желаемъ, чтобы изъ школы выходили дѣти, обладающія не одними знаніями,— этого еще очень мало; но чтобы они имѣли развитый разсудокъ, задатки честнаго характера, любовь къ правдивости, уваженіе къ человѣческой личности,

стремлениe къ самообразованію и навыкъ подчиняться требованіямъ закона (дисциплина).

Достигнуть такого результата не легко. Достигается онъ различными путями и, между прочимъ, чтенiemъ хорошихъ книгъ, но для этого слѣдуетъ пріучить дѣтей къ толковому чтенiu. Объяснительное чтеніе получаетъ особенно важное значеніе въ старшемъ отдѣленіи школы. Здѣсь требуется больше упражненій, чѣмъ въ предыдущихъ отдѣленіяхъ относительно пониманія прочитанного, быстроты чтенія и легкости изустнаго изложenія. Не нужно, однако, преувеличивать эти требования. Не объемъ того, чemu учать, но способность усвоивать сущность предмета, опредѣляетъ задачу старшаго отдѣленія. Чтобы не обременять умственныхъ силъ учащихся, пусть даже по возможности будуть ограничиваются знаніемъ, усвоеннымъ только памятью. При чтеніи слѣдуетъ обращать особенное вниманіе не на количество прочитанного, а на содержаніе, чтобы ученики исчерпывали его вполнѣ и находили удовольствіе въ чтеніи и разказѣ о прежде прочитанномъ. Дѣйствую такимъ образомъ, мы заставимъ учениковъ полюбить книгу для чтенія и самый процессъ чтенія. Развѣясненіе значенія словъ, передача содержанія, хорошее выразительное чтеніе важнѣе всакихъ замѣчаній исторического или иного содержанія. Выборъ стихотвореній для заучиванья наизусть долженъ соответствовать пониманію учениковъ. Преимущественно слѣдуетъ выбирать такія стихотворенія, которымъ имѣютъ воспитательное значеніе. Степень пониманія прочитанной статьи лучше всего опредѣляется способомъ устной или письменной ея передачи.

Религіозно-практическое образованіе должно составлять одну изъ главныхъ обязанностей народной школы. Развитіе религіознаго чувства возможно въ самомъ раннемъ возрастѣ при посредствѣ наблюденія видимой природы. „Солнце, луна, звѣздное небо, громъ и молния, вѣтеръ и облака, различная атмосферическая явленія, перемѣна временія года, земля, съ ея богатою разнообразною жизнью — вотъ предметы, въ которыхъ сердце дитяти чуетъ присутствіе Верховнаго Существа. Оно хочетъ знать, откуда, почему, зачѣмъ все существуетъ, и задаетъ безчисленное множество вопросовъ, на которые мы можемъ отвѣтить не иначе, какъ указывая на Бога. Здѣсь-то лежать зародыши религіознаго сознанія, здѣсь-то представляются случаи навести ребенка па представление о единомъ, всемогущемъ, премудромъ и всеблагомъ Богѣ“. (Очеркъ практической педагогики д-ра Диттеса, стр. 325). Учитель начальной школы такимъ образомъ помогаетъ въ

развитія религіозно-нравственного смысла въ ребенкѣ законоучителю: это его главная обязанность.

Наконецъ, необходимо обратить вниманіе въ начальной народной школѣ на развитіе національного чувства. Ученикъ долженъ быть хорошимъ русскимъ человѣкомъ. Познакомьте его изъ чтенія историческихъ статей съ нашимъ прошлымъ: пусть узнаетъ онъ, какъ предки наши добывали свою кровью каждую пядь русской земли, какія страданія испытывали они въ грозные времена нашествія Татаръ, въ междуцарствіе, во время борьбы съ Шведами, съ Наполеономъ, какъ отличались они тогда любовью къ своей родной землѣ и къ ея святынѣ. Это живое въяніе пережитыхъ народомъ судебъ сформируетъ русскія убѣжденія и русскую душу. Изъ событий послѣдняго времени слѣдуетъ разъяснить ученикамъ, разумѣется старшаго возраста, величайшее событие настоящаго царствованія—освобожденіе крестьянъ.

Долженъ ли ревизоръ ясно понимать задачу начальной народной школы? Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Только при помощи яснаго сознанія ея онъ въ состояніи видѣть главное и второстепенное въ надлежащемъ свѣтѣ. Если на главное не обращается настолько вниманія въ школѣ, сколько оно того заслуживаетъ—его обязанность указать эти опущенія учителю, разъяснить его важность и отношенія къ нему другихъ второстепенныхъ явлений. Тѣмъ болѣе это необходимо, что лишь малая часть учителей начальной народной школы окончили курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ; большинство ихъ сдѣлялись народными учителями совершенно случайно. Многіе изъ нихъ пошли въ учителя, не имѣя въ виду лучшаго и болѣе выгоднаго мѣста, или избѣгая воинской повинности. Нельзя ожидать, чтобы въ непродолжительное время успѣли они проникнуться важностью возложенной на нихъ задачи, но къ этому должны стремиться руководители дѣла народнаго образования.

Обращаемся къ дальнѣйшей дѣятельности ревизующаго лица въ начальной народной школѣ. Ревизія должна выяснить, между прочимъ, что усвоили ученики изъ прошедшаго, могутъ ли они связно передать, изустно или письменно, пріобрѣтенные знанія? Для этого они должны, безъ посторонней помощи и руководства, давать цѣльные и связные отвѣты на предложенные имъ вопросы. Довольно будетъ сказать имъ: разкажите исторію милосердаго Самарянина, чтобы они безъ всякихъ наводящихъ и руководящихъ вопросовъ изложили

ее связно и толково. Въ вопросахъ обращенныхъ ревизоромъ къ ученикамъ не должно быть ничего, что объясняло бы и развивало ихъ отвѣтъ; эти вопросы должны имѣть, главнымъ образомъ, испытательный характеръ. Они могутъ обнимать собою нѣчто цѣлое, или касаться отдѣльныхъ словъ и выраженій. Подсказываніе ни со стороны учителя, ни со стороны учениковъ не можетъ быть терпимо. Если дѣтей съ самаго начала пріучали къ полнымъ и яснымъ отвѣтамъ, то они понимаютъ, какъ нужно отвѣтить на предложенный имъ вопросъ, и это приносить имъ истинную радость, ибо они сознаютъ, что и безъ посторонней помощи могутъ участвовать въ бесѣдѣ съ другимъ лицомъ о серьезному предметѣ. Смотри по возрасту и степени развитія учениковъ, слѣдуетъ ставить вопросы такъ, чтобы они не представляли ничего затруднительного для младшихъ и слабѣйшихъ; при этомъ ревизоръ или руководствуется указаніями учителя о томъ, кто изъ учениковъ болѣе слабъ, или отмѣтками въ классномъ журнале. Совокупность предложенныхъ ревизоромъ вопросовъ должна въ концѣ испытанія выяснить — умѣеть или не умѣеть учитель вести дѣтей къ осмысленному занянію, достаточно ли разумѣютъ они изученное, и если окажется, что учитель не удовлетворяетъ этимъ педагогическимъ требованіямъ, то дѣятельность его въ школѣ не можетъ быть признана полезною.

Постараемся выяснить выраженную нами мысль примѣрами. Ревизоръ спрашиваетъ ученика старшаго возраста: разкажите призваніе Авраама и разлуку его съ Лотомъ? Удовлетворительный отвѣтъ ученика будетъ, напримѣръ, слѣдующій: „Жилъ въ Харранѣ человекъ, по имени Фарра, у которого былъ сынъ Авраамъ. Фарра имѣлъ идолъ и поклонялся имъ; Авраамъ же былъ человѣкъ благочестивый и во всей чистотѣ сохранялъ познаніе и почитаніе истиннаго Бога. Господь сказалъ Аврааму: „Пойди изъ земли твоей, отъ родства твоего и изъ дома отца твоего, въ землю, которую я укажу тебѣ. И я произведу отъ тебя великий народъ, и благословлю тебя, и въ тебѣ благословятся всѣ племена земныя“. Тогда Авраамъ пошелъ, какъ сказала ему Господь, взялъ съ собой Сару, жену свою, и Лота, своего племянника, и все свое имѣніе. Пришли они въ землю Ханаанъ. Здѣсь явился Господь Аврааму и сказалъ: „Возведи очи свои. Всю землю, которую ты видишь, я дамъ на вѣки тебѣ и потомкамъ твоимъ“ Авраамъ соорудилъ жертвепникъ Господу, который явился ему. Авраамъ былъ очень богатъ скотомъ, серебромъ и золотомъ. И Лотъ также имѣлъ много овецъ, много рогатаго скота, много слугъ и служанокъ.

И была всегда ссора между пастухами Авраама и пастухами Лота. Тогда сказалъ Авраамъ Лоту: „Пусть не будетъ ссоры между мною и тобою, и между пастухами моими и твоими, потому что мы родные. Лучше разлучимся. Если ты пойдешь на лѣво, то я пойду на право; а если ты на право, то я—на лѣво“. Тогда Лотъ посмотрѣлъ и выбралъ долину Йорданскую, которая орошалась водою и была похожа на садъ Господень. Такъ разстались они другъ съ другомъ“.

Вопросы испытательные, относящіеся къ этому библейскому событию, будуть слѣдующіе: Что называется идоломъ? Что значитъ выраженіе „Возведи очи свои?“ Что такое Йорданъ? Откуда видно, что Авраамъ былъ благочестивый человѣкъ? Откуда видно, что онъ былъ послушенъ Господу? Откуда видно, что онъ былъ благодаренъ Господу? Что онъ былъ миролюбивъ? Что онъ былъ безкорыстенъ? Слѣдуетъ ли и намъ подражать во всемъ этомъ Аврааму?

Вопросы, служащіе къ поясненію и развитію отвѣтовъ, данныхъ учениками, будутъ, по отношенію къ избранному нами библейскому событию, слѣдующія: Какъ читается первая заповѣдь? Что запрещается этой заповѣдью? (Идолопоклонство). Въ только что переданномъ нами разказѣ вы слышали о человѣкѣ, нарушившемъ первую заповѣдь. Какъ называется онъ? (Фарра). Какъ нарушилъ онъ заповѣдь? (Сдѣлалъ себѣ идоловъ и служилъ имъ). Такъ ли поступали всѣ члены его семьи? (Нѣть). Кто поступалъ не такъ? (Сынъ его Авраамъ). Въ нашей священной исторіи есть еще нѣсколько разказовъ объ Авраамѣ. Въ одномъ изъ этихъ разказовъ онъ называется другомъ Вожімъ. Есть много людей, имѣющихъ друзей, даже между вами найдутся такие, которые дружны между собою. Какъ мы относимся къ другу? (Мы его любимъ). Какъ истинный другъ поступаетъ съ своимъ другомъ въ нуждѣ? (Помогаетъ ему). Хорошо ли для человѣка имѣть друга? (Хорошо). Но кто имѣть величайшую любовь къ людямъ и можетъ помочь имъ во всякой нуждѣ? (Милосердый Богъ). И такъ, кто можетъ быть лучшимъ другомъ человѣка? (Богъ). Чьимъ другомъ былъ Онъ въ этомъ разказѣ? (Авраамъ). Не пожелаемъ ли и мы имѣть Его своимъ другомъ? (Да, мы желаемъ, чтобы Онъ былъ также нашимъ другомъ). Посмотримъ, не можемъ ли мы научиться у Авраама, какъ можно сдѣлаться друзьями Господа.

Въ нашемъ разказѣ встречается название одного города и страны. Какъ называется этотъ городъ? (Харранъ). А страна? (Ханаанъ). Харранъ находился на востокѣ, страна же Ханаанъ далеко отъ него, на западѣ.

Что долженъ былъ совершить тотъ, кто хотѣлъ переселиться изъ Харрана въ Ханаанъ? (Большое путешествіе). Кто жилъ въ Харранѣ? (Фарра). Кто находился при немъ? (Авраамъ). Что говорится о Фарре? (Что онъ дѣлалъ себѣ идоловъ и служилъ имъ). Но это запрещается первой заповѣдью. Какъ же поступалъ Фарра относительно первой заповѣди? (Онъ нарушалъ ее). Кто изъ его семейства поступалъ иначе? (Авраамъ). Кому поклонялся онъ? (Единому Богу). Какъ онъ по справедливости называлъ въ библейской исторіи (Благочестивымъ). Какой человѣкъ былъ Авраамъ? Авраамъ былъ благочестивый человѣкъ.

Такъ какъ Авраамъ постоянно видѣлъ идоложленіе своего отца и, можетъ быть, отецъ даже принуждалъ его служить другимъ богамъ, то легко онъ могъ быть совращенъ на дурную дорогу. Но Господь не хотѣлъ этого. Что повелѣлъ Господь Аврааму? (Уйтти изъ отечества). Что долженъ былъ покинуть Авраамъ? (Отечество, друзей, домъ отца своего). Есть три предмета очень дорогіе для каждого человѣка. Въ чьемъ домѣ родился Авраамъ? гдѣ прожилъ онъ годы своего дѣтства? гдѣ игралъ онъ съ своими товарищами? (Въ домѣ отца своего). И потому какъ онъ могъ относиться къ этому дому? (Домъ этотъ былъ ему милъ и дорогъ). Въ какой странѣ жилъ онъ до сихъ поръ? гдѣ имѣлъ хорошія настѣнчища для стадъ своихъ? Гдѣ жили его знакомые, родственники и друзья? (Въ его отечествѣ). Было ли мало и дорого для него его отечество? (Да, оно было для него мало и дорого). И все это долженъ онъ теперь покинуть. На короткое время или на всегда? (Навсегда). Гдѣ онъ долженъ быть жить послѣ? (Въ другой странѣ). Какова была для него эта страна? Зналъ ли онъ ее? (Она была ему неизвѣстна). Чего онъ не зналъ даже объ этой странѣ? (Онъ не зналъ даже, какъ она называлась—ея имени). И потому, гдѣ Авраамъ окончнѣе остался бы жить? (Въ Харранѣ). Просилъ ли онъ Бога о томъ, чтобы ему дозволено было остаться въ Харранѣ, когда Господь сказалъ ему: „иди изъ отечества твоего? (Нѣть). Что испопѣлъ онъ? (Повелѣніе Божіе). Потому каковъ былъ Авраамъ? (Авраамъ былъ послушенъ Господу). Уходя отъ родныхъ своихъ, кого онъ взялъ съ собой? (Свою жену и своего племянника). Былъ ли онъ огорченъ, заботился ли онъ о томъ, какъ найти настоящую дорогу въ новую страну? (Нѣть). Кому предоставилъ онъ заботиться о себѣ и руководить собою? (Богу). Куда привелъ Богъ Авраама? (Въ Ханаанъ). Это было обѣщанное полое отечество, плодородная и многоводная страна. Что сказалъ Господь Аврааму, когда тотъ вступилъ въ нее? (Возведи очи твои...) Что значить это? Кому на будущее время должна была

принадлежать эта прекрасная страна? (Аврааму). Хорошо ли было это для Авраама? (Хорошо). Такъ Господь награждает послушаніе Авраама. Что сооружаетъ Авраамъ Господу въ новой странѣ? (Жертвеникъ). Что дѣлалъ Авраамъ на своемъ жертвеникѣ? (Привносиль благодарственную жертву Господу). Какимъ выказываетъ себя Авраамъ, воздвигая жертвеникъ Господу? (Авраамъ является благодарнымъ ко Господу).

Но Авраамъ не одинъ отправился въ землю Ханаанскую. Кого взялъ онъ съ собой, кромѣ жены и стадъ своихъ? (Лота). Кто былъ Лотъ Аврааму? (Сынъ его брата). Какими людьми сдѣлялись они оба въ плодородной странѣ? (Богатыми). Въ чёмъ заключалось ихъ большое богатство? (Въ стадахъ). Кто пасъ ихъ? (Пастухи). Чего искалъ каждый пастухъ для своего стада? (Лучшаго пастбища). Что происходило вслѣдствіе этого между пастухами Лота и Авраама? (Ссоры). Что сказалъ тогда Авраамъ Лоту? (Да не будеть ссоры между мною и тобою)... Какъ называются люди, которые склонны къ ссорамъ? (Неуживчивыми). Какъ называются тѣхъ, которые любятъ миръ? (Миролюбивыми). Какимъ является наимъ Авраамъ? (Авраамъ является миролюбивымъ). Есть ли миролюбие добродѣтель? (Да). Какъ Авраамъ покончилъ споры? Что предоставляетъ онъ Лоту? Что Лотъ можетъ выбирать? (Лучшую мѣстность). Нужно ли это было Аврааму? (Нѣть). Кто былъ господиномъ въ Ханаанѣ? (Авраамъ). Почему? (Господь даровалъ ему эту страну). Что причинялъ себѣ Авраамъ такимъ поступкомъ? (Убытокъ, вредъ). Кому онъ приносилъ пользу? (Лоту). Какъ называемъ мы человѣка, который не заботится о своей выгодѣ? (Безкорыстный). Каковъ былъ Авраамъ? (Авраамъ былъ безкорыстный человѣкъ). Научились ли вы изъ этого разказа, почему Авраамъ былъ другомъ Божиимъ?

Въ многолюдномъ народномъ училищѣ не хватитъ времени спросить всѣхъ учениковъ изъ всѣхъ предметовъ. Чтобы исполнить это по возможности, слѣдуетъ однихъ спрашивать изъ одного предмета, другихъ—изъ другаго. Особенно необходимо узнать, могутъ ли ученики младшаго отдѣленія читать и писать отдѣльные слова, потому что въ этомъ умѣніи заключается главнѣйшее требование для начинающихъ учениковъ: въ концѣ первого года пребыванія ихъ въ школѣ. Нужно поэтому заставить прочесть каждого изъ нихъ хоть по одному или по два предложения. Письмо должно идти вмѣстѣ съ чтеніемъ, ибо ученики младшаго отдѣленія къ концу года должны умѣть писать нѣтрудныя отдѣльные слова и, разумѣется, подъ такѣ.

Подборъ словъ съ извѣстною буквой, различіе печатной и письменной буквъ, строчной и прописной, мягкаго и твердаго знака, количество слоговъ и буквъ въ отдельномъ словѣ—вотъ что непремѣнно должно быть усвоено младшимъ отдѣленiemъ. Учениковъ средняго отдѣленія, которымъ механическое чтеніе должно быть уже извѣстно, лучше заставлять читать по славянски, учениковъ старшаго отдѣленія—произносить наизусть стихотворенія и заставлять объяснять въ нихъ нѣкоторыя слова и выраженія. Если ревизоръ успѣетъ самъ переспросить большую часть учениковъ, онъ никогда не впадетъ въ обманъ; отвѣтъ будуть не одни только лучшіе и старшіе ученики, которые иногда выставляются впередъ для того, чтобы прикрыть незнаніе другихъ и дать лучшее понятіе о школѣ, чѣмъ какое она заслуживаетъ. При испытаніи изъ ариѳметики цѣлое отдѣленіе получаетъ одну и ту же задачу. Ревизоръ обращаетъ особое вниманіе на тѣхъ учениковъ, которые решаютъ эту задачу неправильно или медленно, или совсѣмъ не могутъ ее решить. Умѣніе ревизора должно заключаться, между прочимъ, въ томъ, чтобы ни одно изъ отдѣленій не сидѣло безъ дѣла. Такъ, во время чтенія по славянски въ среднемъ отдѣленіи, младшее можетъ списывать съ книги въ тетрадь какой-либо маленький разказъ; при занятіяхъ съ старшимъ отдѣленіемъ по русскому языку среднее можетъ разлагать на грифельныхъ доскахъ какоенибудь число. Послѣ двухчасового занятія такого рода непремѣнно долженъ следовать отдыхъ. При письменныхъ упражненіяхъ нужно давать каждому ученику особую задачу для того, чтобы ни одинъ изъ нихъ не могъ списать у другаго, а между тѣмъ по разнообразію полученного въ короткое время материала вѣрѣніе можно будетъ опредѣлить, какъ усвоено учениками правописаніе. Полное разясненіе того, какого рода могутъ быть упражненія, задаваемыя ученикамъ средняго отдѣленія (въ концѣ года) и старшаго, находится въ двухъ недавно вышедшихъ книгахъ г. Паульсона, вѣроятно уже извѣстныхъ учителямъ начальной народной школы: 1) Задачникъ письменныхъ упражненій въ родномъ языке (С.-Пб. 1875) и 2) Объ употребленіи задачника письменныхъ упражненій (С.-Пб. 1875). Здѣсь помещено 256 задачъ, требующихъ составленія предложенийъ, отъ простыхъ не распространенныхъ до сложныхъ включительно, по даннымъ вопросамъ и образцамъ. Въ задачникѣ же обращено особое вниманіе на приобрѣтеніе стилистического навыка. При помощи этого задачника высказанное выше требование—дать каждому ученику особую письменную задачу по родному языку, при-

томъ не теряя лишнаго времени на придумываніе задачъ, разрѣшается самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Гдѣ вѣтъ этого задачника, тамъ можно учениковъ старшаго отдѣленія заставлять писать выученные ими наизусть стихотворенія, ибо для этого не требуется никакой особой подготовки; упражненія такого рода даютъ возможность судить о правописаніи учениковъ.

При испытаніи учениковъ по закону Божію особенно важно ревизору узнать, возбуждено ли въ ребенкѣ религіозное чувство, можетъ ли онъ отличать нравственно-хорошее отъ нравственно-дурного, понимаетъ ли онъ внутреннія побужденія дѣйствующихъ лицъ въ библейскихъ разказахъ, ибо разказы эти должны именно служить къ уясненію лучшихъ, благороднѣйшихъ особенностей человѣческой природы по отношенію ея къ Богу. Важно узнать, по крайней мѣрѣ, въ какую сторону склоняется сердце ученика, не вдаваясь при этомъ въ большія подробности. Авраамъ, вѣрный золу Бога, оставляетъ домъ отца и родную землю и идетъ въ чуждую ему страну. Если ученики не въ состояніи объяснить хорошую сторону этого поступка, то достаточно узнать, хорошо ли, по мнѣнію учениковъ, поступилъ Авраамъ и такъ ли поступили бы они сами на его мѣстѣ. Полный преданности волѣ Божіей, Авраамъ рѣшается принести въ жертву своего единственнаго сына. Нельзя конечно ожидать, чтобы ученикъ начальной школы могъ представить себѣ ясно, чѣмъ была семья для человѣка той эпохи, когда жилъ Авраамъ, чтобы оцѣнить вполнѣ всю силу вѣры отца вѣрующихъ, но достаточно узнать, одобряетъ ли ученикъ поступокъ Авраама, находится ли онъ въ своей душѣ сочувствіе этому поступку. Только при этомъ условіи можно будетъ воспитывать дѣтей въ христіанскихъ правилахъ по закону православной церкви. Чтобы лучше уяснить нашу мысль примѣромъ, приведемъ здѣсь нѣсколько вопросовъ, относящихся къ пятой заповѣди. Вопросы эти могутъ быть предложены ревизоромъ только въ среднемъ отдѣленіи, въ концѣ года, и въ старшемъ.

В. Какъ читается пятая заповѣдь? О. „Чти отца твоего и матерь твою, да благо ги будетъ, и да долголѣтіе будеши на земли“ В. Говорится ли въ этой заповѣди обѣ обязанности почитать только отца. О. И отца, и мать слѣдуетъ почитать одинаково. В. Почему мы должны почитать своихъ родителей? О. Потому, что черезъ нихъ мы получили жизнь; они заботятся о нашемъ воспитаніи, о нашей пищѣ и обѣ одеждѣ; наше горе и наша радость принимаются ими близко къ сердцу; они ухаживаютъ за нами во время нашей болѣзни;

хлопочутъ, какъ бы возможно лучше уберечь насть отъ всего вреднаго, обеспечить нашу будущность отъ лишений всякаго рода и сдѣлать насть довольными и счастливыми. В. Если родители бѣдны и могутъ дѣтамъ дать только кусокъ чернаго хлѣба, если они не въ состояніи сдѣлать имъ наряднаго платья, если дѣти вышли не здоровыми, потому что сами ихъ родители были нездоровы, если они менѣе образованы, чѣмъ ихъ дѣти, должны ли послѣдніе возвращать имъ почтеніе? О. Должны, ибо въ заповѣди Господней не говорится: почитай богатыхъ родителей, но „чи отда твоего и матерь твою“. В. „Чтить“, „почтить“ значить оказывать знаки уваженія. Если вы встрѣтите на улицѣ священника или учителя, чѣмъ вы выражаете имъ ваше почтеніе? О. Мы имъ поклонимся и снимемъ шапку. В. Если учитель войдетъ въ классъ, чѣмъ вы выражаете ему знаки вашего почтенія? О. Мы встанемъ съ своихъ мѣстъ и поклонимся ему. В. Для чего вы это сдѣлаете? О. Для того, чтобы видимымъ образомъ выразить ему наше уваженіе. В. Какимъ образомъ можно выразить уваженіе къ своимъ родителямъ? В. Мы можемъ выразить почтеніе къ своимъ родителямъ, когда будемъ слушаться ихъ совѣтовъ и исполнять ихъ безпрекословно. В. Если мы получимъ отъ родителей какую нибудь вещь, что мы обязаны за это имъ сдѣлать? О. Мы обязаны поблагодарить ихъ. И такъ, послушаніе и признателность будутъ видимые знаки нашего уваженія къ родителямъ. Вашимъ поведеніемъ вы не должны выводить вашихъ родителей изъ терпѣнія, вызывать гнѣвъ или неудовольствіе: напротивъ, ваши поступки должны быть настолько хороши, чтобы они служили радостью и утѣшенiemъ вашимъ родителямъ. Повторите предыдущее своими словами. В. Какимъ еще образомъ можете вы выказать любовь и почтеніе къ родителямъ? О. Услуживая и помогая имъ. В. Сдѣлаете ли вы это охотно, или поневолѣ? О. Мы сдѣляемъ это охотно. В. Расскажите, какъ Іосифъ позаботился обезпечить участъ своего стараго отца Іакова. О. Когда Іосифъ открылся своимъ братьямъ, то сказалъ имъ: „Я Іосифъ, братъ вашъ, живъ ли еще отецъ мой? Скажите отцу моему о всей славѣ моей въ Египтѣ и обо всемъ, что вы видѣли, и приведите скорѣе отца моего сюда“. Іаковъ отправился въ Египетъ со всѣмъ семействомъ своимъ. Іосифъ запрягъ колесницу свою и выѣхалъ на встречу Іакову и, увидѣвъ его, паль къ нему на шею и долго плакалъ. Потомъ представилъ отца своего Фараону. Потомъ поселилъ его и братьевъ своихъ въ лучшей части земли Египетской. Весь домъ отца его получалъ отъ него все со-

держаніе. В. Хорошо ли поступалъ Іосифъ и поступили ли бы вы сами такъ на его мѣттѣ? Отвѣтъ долженъ послѣдовать утвердительный. В. Слѣдуетъ ли слушаться родителей только въ то время, когда вы малы, или же и послѣ, когда будете жить своимъ домомъ, то-есть будете вполнѣ самостоятельными людьми? О. Мы должны всегда однако любить и почитать ихъ. В. Какъ вы выражите свою любовь и свое почтеніе къ родителямъ вашимъ, когда имъ придется умирать? О. Мы примемъ ихъ послѣдній вздохъ, находясь при одрѣ умирающіхъ, положимъ ихъ въ гробъ и похоронимъ ихъ, а на могилѣ ихъ поставимъ крестъ.—Конечно, имъ легче будетъ умирать, когда они увидятъ около себя любимаго человѣка; вы должны исполнить ихъ завѣщаніе, молиться о спасеніи ихъ души, а этотъ крестъ, который вы поставите надъ ихъ могилою, будетъ послѣднимъ выраженіемъ вашей благодарности за все добро, которое они сдѣлали для васъ на землѣ.

Другія цѣли преподаванія закона Божія въ начальной народной школѣ, кромѣ уясненія дѣтямъ нравственныхъ понятій и правиль, не должны быть также упущенны изъ виду ревизующимъ лицомъ. Оно должно узнатъ, насколько дѣти усвоили начальныя истины вѣры, знаютъ ли они молитвы, расположены ли они къ благоговѣйному участію въ церковномъ богослуженіи и понимаютъ ли его. Нравственное ученіе православнаго христіанства стоитъ въ тѣсной связи съ догматическимъ ученіемъ церкви и есть выводъ изъ его вѣрованій. Но начала вѣры и христіанской нравственности могутъ быть сознательно, разумно поняты дѣтьми только тогда, когда они будутъ преподаны въ неразрывной связи съ тѣми событиями, среди которыхъ раскрывались и при посредствѣ которыхъ входили въ жизнь человѣчества. Эта мысль развита преимущественно въ трудахъ о. протоіерея Д. Соколова, который, въ своей исторіи ветхаго и нового завѣтія, не ограничивается изложеніемъ событий, а старается показать, какія догматическая и нравственная истины обнаружились въ нихъ. Его педагогические труды должны быть близко знакомы каждому ревизующему лицу въ начальномъ училищѣ и приняты имъ въ руководство. Мы полагаемъ, что въ настоящее время неудовлетворительные большую частью отзывы о преподаваніи закона Божія въ нашихъ начальныхъ народныхъ школахъ условливаются, между прочимъ, разнообразiemъ педагогическихъ взглядовъ на этотъ предметъ ревизующихъ лицъ. Не забудемъ также, что какъ по другимъ предметамъ, такъ и по закону Божію, мы еще не имѣемъ подробнаго распределенія учебнаго

матеріала по мѣсяцамъ и днямъ недѣли учебнаго года, которое, мы замѣтили выше, рѣшительно необходимо для правильнаго хода преподаванія.

Если начальное народное училище удовлетворяетъ высказаннымъ выше требованіямъ, то-есть, ученики твердо знаютъ выученное и усвоили его себѣ вполнѣ сознательно, то ревизоръ можетъ удѣлить часть времени на знакомство съ законоучителемъ и учителемъ, предложивъ имъ дать урокъ въ классѣ, по своему назначению. Если они должны излагать, что нибудь вновь, то лучше предупредить ихъ наканунѣ, чтобы они могли тщательнѣе приготовиться; если же выборъ пробнаго урока относится къ недавно пройденному, то содержаніе его и приемы не представятъ трудностей для свѣдущаго учителя. Какія требованія слѣдуетъ выставлять въ такихъ случаяхъ, ревизору должно быть известно изъ специальныхъ сочиненій по методикѣ начальной народной школы. Въ нашей педагогической литературѣ, впрочемъ, нѣтъ ни одного сочиненія, разработавшаго вполнѣ основательно эту методику. У Нѣмцевъ же есть нѣсколько сочиненій такого рода; особенно полезнымъ между ними мы считаемъ книгу Бока и Шутце. Заключается ревизія обыкновенно пѣніемъ и молитвою, какъ это принято при окончаніи уроковъ въ каждой школѣ. Гимнастика должна быть произведена лѣтомъ на дворѣ училища, а зимою въ самомъ училищѣ, на особо-приготовленномъ для того мѣстѣ.

Николай Овсянниковъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ІЗВѢСТИЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНИИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояниі в дѣйствіяхъ Дерптскаго университета въ 1877 году: личный со-
ставъ преподавателей; вакантныя каѳедры; объ усиленіи учебной дѣятельности
студентовъ; темы для сносканія наградъ медалями; ученыя труды преподавателей
и читанныя ими публичныя лекціи; испытаніе на учесныя степени и званія; коман-
дировки съ ученомъ и другими цѣлями; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ уча-
щихся, состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Въ Дерптскомъ университетѣ къ 1-му января 1878 года состояло
следующее число штатныхъ преподавателей: въ богословскомъ фа-
культетѣ ординарныхъ профессоровъ—5; въ юридическомъ: ординар-
ныхъ профессоровъ—б, доцентъ—1; въ медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ—12, доцентовъ—4, прозекторъ—1, ученый аптекарь—1;
въ историко-филологическомъ: ординарныхъ профессоровъ—6, экстра-
ординарныхъ—3, доцентовъ—3, лекторовъ—3; въ физико-математи-
ческомъ: ординарныхъ профессоровъ—10, доцентъ—1, астрономъ-на-
блюдатель—1. Сверхъ того, состояли по штату: профессоръ богословія
для студентовъ православнаго исповѣданія, преподаватель началь-
архитектуры и 6 учителей искусствъ. Вообще при университетѣ на-
ходилось штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ—38,
экстраординарныхъ — 3, профессоръ богословія для студентовъ пра-
вославнаго исповѣданія—1, доцентовъ 3, прозекторъ — 1, ученый ап-

частъ схіс, отд. 4.

1

текарь — 1, астрономъ-наблюдатель — 1, преподаватель началь архитектуры — 1, лекторовъ — 3, учителей искусствъ — 6, всего — 64 преподавателя. Приватъ-доцентовъ было — 5 по слѣдующимъ каѳедрамъ: специальной патологии, нѣмецкаго и сравнительного языковъдѣнія, минералогіи, сельско-хозаѣственной химіи и физической химіи. Изъ положенныхъ по уставу вакантными были каѳедры уголовнаго права — съ 1-го іюля 1877 года, географіи, этнографіи и статистики — съ 20-го августа 1876 года, и должности: втораго прозектора, лекторовъ итальянскаго и латинскаго языковъ, одна доцентура и должность учителя плаванія, всего 7 преподавательскихъ должностей.

Въ 1877 году факультеты имѣли васьданій: богословскій — 10, юридическій — 15, медицинскій — 17, историко-филологическій — 16 и физико-математическій — 26. Въ распределеніи предметовъ и порядкѣ преподаванія сдѣланы были слѣдующія измѣненія: въ юридическомъ факультетѣ теорія государственного управлениія, по вновь возрастающей годъ отъ году важности сей науки, поставлена самостоятельнымъ предметомъ, читаемымъ по 5-ти часовъ въ недѣлю профессоромъ государственного и народнаго права, а съ другой стороны лекціи объ энциклопедіи юридическихъ наукъ соединены съ таковыми объ энциклопедіи государственныхъ наукъ; въ медицинскомъ факультете преподаваніе значительно расширено присоединеніемъ къ клиническимъ заведеніямъ содержимаго на счетъ частныхъ средствъ учрежденій для страждущихъ первами и для умалишенныхъ, а также чтеніемъ отдѣльныхъ лекцій о военной хирургіи; въ физико-математическомъ факультете учебный планъ для студентовъ расширенъ включеніемъ въ число главныхъ и обязательныхъ предметовъ лекцій о теоріи корма, о разведеніи растеній, о метеорологіи и геодезіи.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ, сверхъ общепринятыхъ мѣръ, какъ-то стипендій и пособій, освобожденія отъ взноса гонорара, присужденія медалей за научные труды, издапія отличнейшихъ трудовъ на счетъ университетскихъ суммъ, производства испытаний семестральныхъ и на ученыя степени и т. д., производились, независимо отъ обязательныхъ теоретическихъ лекцій по всѣмъ отраслямъ отдѣльныхъ факультетовъ, бесѣды, репетиціи, практическіи работы, письменныя упражненія и т. п., и во всѣхъ этихъ занятіяхъ студенты участвовали въ значительномъ количествѣ. Изъ числа диссертаций отличились особенною основательностью, полнотою и самостоятельностью слѣдующія: въ юридическомъ факультетѣ, кандидата-

товъ: Эдуарда Голландера — „Ueber die Anwendung der gemein-rechtlichen Lehre vom Anerkennungsvertrage auf das liv-est- und cur-ländische Privatrecht“, Генриха Кукчинского — „Die Cessionslehre nach gemeinem und provienciellem Recht“ — барона Евгения Гаарена — „Erb- und Stammgutssysteme Deutschlands im Vergleich zum curländischen Recht“; въ медицинскомъ факультетѣ, докторовъ: Армина Келера — „Ueber Trombose und Transfusion, Eiter und septische Infection und deren Beziehung zum Tibrinferment“, Эмиля Теремина — „Ueber congenitale Occlusionen des Dünndarms“, Иоанна Мирама — „Zur Casuistik der spontanen Amputationen und ihrer Folgezustände“, Густава Тилинга — „Bericht über 124 im serbisch-türki-schen Kriege im Baracken-Lazareth des Dorpater-Sanitäts-Trains zu Swilainatz behandelte Schussverletzungen“, Карла Дегио — „Beiträge zur pathologischen Anatomie der Lepra“, Владислава Мессинга — „Anatomische Untersuchungen über die Testikel der Säugetiere mit besonderer Berücksichtigung des corpus Highmori“ и Фридриха Гаха — „Ueber Lage und Form der Gebärmutter“; въ физико-математическомъ факультетѣ, кандидатовъ: барона Алексея Палена — „Monographic der baltischsilurischen Orthesina-Arten“, Генриха фонъ-Раутенфельда — „Beiträge zum Thomsonschen Quadrantenelctrometer“ и Вольдемара Шрёдера — „Ueber Stickstoffbestimmungen im Harn“.

Для соисканія наградъ медалями предложены были студентамъ слѣдующія темы: на богословскомъ факультетѣ — „Объ отношеніяхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ къ Моисееву закону“; на юридическомъ — „Изложеніе ученія по римско-германскому праву объ общіаніи вознагражденія за совершение означеннаго въ публичномъ вызовѣ дѣйствія“; на медицинскомъ — „Изслѣдованіе катартоманитовой кислоты и вещества Александрийскаго листа, подобнаго хризофановой кислотѣ“; на историко-филологическомъ — „Изслѣдованіе источниковъ Помпей Трога для греческой и сицилійской исторіи до перехода Александра въ Азію“ и „О походѣ Генриха V на Римъ въ 1111 году“; на физико-математическомъ — „Требуется полное по возможности изслѣдованіе треугольниковъ, образуемыхъ изъ кратчайшихъ линій на плоскостяхъ постоянной отрицательной кривизны“. За представления на эти темы сочиненія удостоены медалями: золотыми: богословскаго факультета — Генрихъ Эйзеншидтъ, медицинскаго — Эдуардъ Кейслеръ, историко-филологическаго — Юлій Амелунгъ; серебряными: юридического

1*

факультета — Вольдемаръ Ландцеиъ и историко-филологического — Александръ Краузе.

Въ 1877 году преподаватели Дерптского университета и другія состоящія при ономъ отпечатали и приготовили къ изданію слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: Фолькъ — напечаталъ вмѣстѣ съ профессоромъ Мюлау первый томъ „Wilhelm Gesenius, hebräisches und chaldäisches Wörterbuch über das alte Testament, 8-te Auflage, neu bearbeitet“, и помѣстилъ: въ Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Russland „Ueber den Beweis für die Inspiration der heiligen Schrift“ и въ Herzog-Real-Encyclopädie — нѣсколько статей по бблейскому богословію и бблейской истории; А. фонъ-Эттингенъ — помѣстилъ: въ Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Russland статью „Ueber die Inspiration der Heiligen Schrift“ и нѣсколько рецензій въ Schärer—theologisches Literaturblatt; Мюлау — сверхъ вышенназванной, напечатанной вмѣстѣ съ профессоромъ Фолькомъ статьи, помѣстилъ нѣсколько статей по бблейской географіи въ Richum—Handwörterbuch des biblischen Alterthums; Энгельманъ — напечаталъ „Die Städteordnung für die baltischen Provinzen mit Einführungs- und Ergänzungsverordnungen übersetzt und herausgegeben“ и помѣстилъ въ Dorpater Kalender статью „Die neue Städteordnung in ihrer Anwendung auf Dorpat“; Осв. Шмидтъ — помѣстилъ въ Dorpater Zeitschrift für Rechtswissenschaft статью „Kritische Abhandlung über Napier'sky's Quellen des rigaschen Stadtrecht bis zum Jahre 1673“; Эрдманъ — въ томъ же изданіи помѣстилъ „Die Einfachen Schuldforderungen des Art. 3633 des Provincialrechts. Theil III“; Лёинигъ — печаталъ „Geschichte des deutschen Kirchenrechts. Strasburg“, т. I — 576 стр. и т. II — 710 стр.; Ах. Шмидтъ — напечаталъ въ Comptes rendus Царижской академіи 2-й и 3-й выпускъ „Mémoire sur la coagulation de la fibrine“; А. фонъ-Эттингенъ — помѣстилъ въ Dorpater mediciniche Zeitschrift: „Abtragung des Ciliarbodens bei Trichiasis“ и „Amblyopie und Amanrose nach Blutverlust“; Бѣтхеръ — помѣстилъ статьи: въ Virchow-Archiv — „Ueber einige Veränderungen, welche die rothen Blutkörperchen in Extravasaten erleiden“, въ Zehnder-Klinische Monatsblätter für Augenheilkunde — „Beschreibung eines Schädels“, въ Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersburg — „Eine neue Methode zur Untersuchung rother Blutkörperchen“, въ Max Schultz-Archiv für mikroskopische Anatomie — „Ueber die feineren Structurverhältnisse der rothen Blutkörperchen“, въ Dorpater medicinische Zeitschrift — „Ein Fall von Fett-

tembolie nach Schussverletzung", въ St.-Petersburger medicinische Wochenschrift — „Ein Fall von Stichwunden der Leber nebst einigen Bemerkungen über die traumatische Hepatitis“ и „Ein Fall von Spinal-apoplexie nach übermässiger Körperanstrengung“, изданъ VI-й томъ Dorpater medicinische Zeitschrift, съ окончательною статьею его же, помѣстивъ нѣсколькою рецензій въ St.-Petersburger Medicinische Wochenschrift и одну критику въ Jenaer Literaturzeitung; Драгендорфъ — напечаталъ: т. IV, кн. 2-я Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellschaft, „Jahresbericht über die Fortschritte der Pharmacognosie, Pharmacie und Toxicologie für 1876“, „Die Herbszeitlose im Bier, gedruckt im Auftrage des deutschen Brauerbundes, Frankfurt am Main“, въ Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellschaft — „Ueber die Bestandtheile des Mutterkornes“, въ Archiv für experimentelle Pathologie und Pharmacologie — „Ueber die Alcaloide des Delphinium Staphisagria“, въ Archiv für Pharmacie — „Ueber einige abyssinische Heilmittel: Add-Add, Tschuking und Kossata“, „Einige Notizen zur gerichtlichen Chemie“ и „Materialien zu einer chemischen Werthbestimmung des Flores Cinae“; Фогель — помѣстилъ въ Deutsches Archiv für klinische Medicin статью „Ueber Arteriensyphilis und Hirnerweichung“; Вергманъ — въ St.-Petersburger Medicinische Zeitschrift и отдельно „Ueber die Unterbindung der Subelavia“; Бѣкъ — помѣстилъ въ Archiv für experimentelle Pathologie und Pharmacologie статьи: „Ueber Wiederbelebung nach Vergiftungen und nach Asphyxie“. и вмѣстѣ съ профессоромъ Гофманомъ — „Ueber das Verhalten des Glycogen nach Injection desselben in den Kreislauf“; Стида — напечаталъ статьи: въ Archiv für mikroskopische Anatomie — „Ueber den Bau der Menschenhoden“ и „Ueber quergestreifte Muskelfasern in der Wand der Lungenvenen“, въ Reichert-Archiv — „Einige Beimerkungen über die Injection von Leichen“, въ Archiv für Anthropologie — „Einleitende Beimerkungen zu K. E. Baer's Beschreibung der Schädel aus einem Scytischen Königsgrabe“ въ Военно-Медицинскомъ журналь — „Замѣчанія по предмету улучшений въ інъекціи труповъ“, въ Сборнике статей по судебнѣй медицинѣ — некрологъ „Викторъ Вильгельмовичъ Вебрихъ“; Мейеръ — напечаталъ статьи: въ Bezzenger-Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen — „Ueber die griechischen, insbesondere die homerischen Nomina auf εὐ“, Zur Lehre vom lateinischen Vocalisimus“, „Homerische ιῆμε, ιέρας“ и „Elementum“, въ Norfer und Zacher-Zeitschrift für deutsche Philologie — „Zur Lehre von der deutschen Adjectivflexion“, въ Verhandlungen der gelehrten estnischen

Gesellschaft zu Dorpat—„Ueber einige ältere estnische Volkslieder und ein finnisches Lied bei Göthe“, въ Göttingensche gelehrte Anzeigen — „Besprechung von Arthur Brehme's Grammatik der deutschen Sprache für obere Classen deutscher Schulen in Russland“ и „Arthur Brehme's Elementargrammatik für untere Classen deutscher Schulen in Russland“; Брикнеръ—помѣстилъ статьи: въ Russische Revue — „Der Wolf in Russland“ и „Zur Geschichte Peter III und Catharina II“, въ Журналь Министерства Народного Просвѣщенія—„Патрикъ Гордонъ и его дневникъ“, въ Baltische Monatsschrift — „Die Russen im Auslande“, въ Kammer W. H. Rielhistorisches Taschenbuch—„Russische Geldfürsten. Ein Beitrag zur Wirtschaftsgeschichte des XVIII Jahrhunderts“, въ Русскомъ Вѣстнике—„Русские дипломаты-туристы въ Италии въ XVII столѣтіи“, въ N. von Sybelhistorische Zeitschrift — „Bücheranzeigen“; Тейхмюллеръ—напечаталъ: „Ueber die Frauenemancipation“, Darwinismus und Philosophie“ и помѣстилъ въ Göttingensche gelehrte Anzeigen рецензию о „Bywater-Heraclite Ephesii Reliquiae“; Петерсенъ—напечаталъ „Atreus und Thyestes nach Sophocles“ и помѣстилъ въ Archäologische Zeitung статью „Theseus und Peirithoos“; Гершельманъ—напечаталъ диссертацию на степень доктора, подъ заглавиемъ: „Observationes Lucretiana alterae“; Мендельсонъ — помѣстилъ въ Rheinisches Museum für Philologie статью „Ueber die römischen Urkunden bei Josephus“; Висковатовъ — напечаталъ въ Meyer-grosses Conversations-Lexicon статью „Aufsatz über die gesamte russische Literatur“; Шварцъ—помѣстилъ въ Vierteljahrsschrift der astronomischen Gesellschaft статью „Neue Methode die Collimation des Fernrohrs eines Meridiankreises zu bestimmen“; Мидингъ—напечаталъ въ Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg статью „Finige isoperimetrische Aufgaben“; К. Шмидтъ—напечаталъ въ Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg и въ Mélanges physiques et chimiques, tirés de Bulletin слѣдующія статьи: „Der Kaspi-See und Karabugas“, „Der Kukuner-See“, „Das Weisse Meer“, „Das Eismeer an der Murmaren-Küste“, „Der atlantische Ocean bei Norwegen“, „Die Ostsee zwischen Oeland und Gothland“, „Der grosse Ocean zwischen Saigon und Singapore“, „Die Malakka-Strasse“, „Indischer Ocean zwischen Ceylon und Aden“, „Der indische Ocean bei der Insel Socotra“, „Strasse Bab-el-Mandeb“, „Rothes Meer“, „Suez-Canal bei Ismaila“, „Die Wasser des Baikal-See“, „Die Soda-Sauerquelle bei Arandjelowatz im Bezirk Krakujevatz in Serbien“, „Wassermenge und Suspensionsschlamm des Amu-

Darja in seinem Unterlaufe“, съ таблицею кривыхъ линій, послѣднюю— въ Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg; Гревингъ—помѣстилъ: въ Archiv fürt Anthropologie — „Zur Archäologie des Balticum und Russlands“ (послѣдняя часть этого труда напечатана на русскомъ языке въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвещенія) и „Ueber die Aussichten eines zu gründenden Baltischen Bohrvereins“, въ Sitzungsberichte der Naturforscher-Gesellschaft zu Dorpat—„Das Bohrloch von Purmallen bei Memel“, въ Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat—„Ein Steingrab Wollyniens und die Verbreitung gewisser Steinbeilformen“ и „Ueber zwei Fibeln des Steinhausens von Langensee in Livland“; А. фонъ-Эттингенъ — напечаталъ въ Wiedemann-Annalen der Physik und Chemie статью „Der Entladungsrückstand der Leydener Batterie in seiner Abhängigkeit von der Beschaffenheit der isolirenden Substanz“; Руссовъ— напечаталъ „Delectus seminum horti Dorpatensis“; Вейраухъ—напечаталъ „Zehnjährige Mittel für Dorpat 1866—1875“ и помѣстилъ въ Schlämilch-Zeitschrift für Meteorologie und Physik статью: „Ueber die Anzahl der Auflösungen einer diophantischen Gleichung ersten Grades mit vier Unbekannten in der allgemeinsten Form“. Астрономъ-наблюдатель Бакиувдъ—помѣстилъ статьи: въ Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg—„Zur Entwicklung der negativen ungeraden Potenzen der Quadratwurzel in Function $1 - 2y + y^2$ “ и въ Vierteljahrsschrift der Astronomischen Gesellschaft—„Ueber die Jupiterstörungen des Enckeschen Comiten“ Лекторъ Веске—напечаталъ: „Bericht über die Ergebnisse einer Reise durch das Estenland im Sommer 1877“ и „Ueber die estnischen Ortsnamen auf-were (im Deutschen auf-fer)“ и помѣстилъ статью въ Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat— „Beiträge zur Sage von Kalewipoesy aus dem Fellinchen“, „Mittheilungen über den Dialect auf der Insel Dago“ и „Beiträge zur Erklärung der Ortsamen auf were“; въ Jahrbuch des estnischen literarischen Vereins—„Gesetze der estnischen Lautlehre und Vorschläge zur Verbesserung der estnischen Orthographie“ и „Ueber die estnische Sprache und Literatur“ Доценты: К. Рейгеръ напечаталъ въ St.-Petersburger Medicinische Wochenschrift статьи: „Die Laryngotomie als diagnostischer und therapeutischer Eingriff bei Ulcerationen im Kehlkopf. Eine Extirpatio Laryngis wegen Carcinom der Stimmbänder“, „Bericht über den deutschen Chirurgen—Congress 1877“ и Correspondenz vom Kriegsschauplatz; Кесслеръ напечаталъ „Zur Entwicklung des Auges der Wirbelthiere“, съ шестью таблицами; В. фонъ-Книриимъ помѣстилъ

статьи: въ *Zeitschrift für Biologie*— „Ueber das Verhalten der im Säugethierorganismus als Vorstufen des Harnstoffes erkannten Verbindungen zum Organismus der Hühner“, въ *Baltische Wochenschrift*— „Zur Errichtung einer Samencontrolstation in Dorpat“, „Untersuchung des Maschinentorfs aus Forell in Estland“ и „Sämoreien auf der Dorpater Ausstellung 1877“. Приватъ-доценты: Лембергъ напечаталъ въ *Zeitschrift der deutschen geologischen Gesellschaft* двѣ статьи: „Ueber Silicatumwandlungen“ и „Ueber Gesteinumbildungen bei Predazzo und am Monzoni“; Дыбовскій помѣстилъ статьи: въ *Verhandlungen der Kaiserlichen russischen mineralogischen Gesellschaft*— „Die Chäitetiden der ostbaltischen Silurformation“ и въ *Sitzungsberichte der Naturforschergesellschaft zu Dorpat*— „Ueber die Kaspischen Mollusken“ и „Ueber die Spongillen der Ostseeprovinzen“. Ученый аптекарь Мазингъ напечаталъ: „Beiträge für den Jahresbericht über die Fortschritte der Pharmacognosie Pharmacie und Toxicologie für 1876“. Публичныи лекціи читали: профессоры: Фолькъ—о смерти и посмертномъ существованіи по учению вѣтхаго завѣта; фонъ-Энгельгардъ—о монашествѣ, о различіяхъ лютеранскаго и реформатскаго исповѣданій; Эрдманъ—о гражданскомъ бракѣ, о чести; Драгендорфъ—о рожкахъ ржаныхъ, о химическомъ анализѣ мѣстныхъ яблочныхъ породъ, о янтарѣ и копалѣ; Фогель—о родимыхъ пятнахъ; Вергманъ—объ анатоміи души, о частной помощи въ войнѣ для ухода за ранеными; Гофманъ—о дізѣтѣ легкихъ; Мейеръ—о средствѣ племенъ, особенно въ отношеніи къ эстскому народу; Брикнеръ—„Русские за границею въ XVII столѣтіи“, „Иностранны въ Россіи въ XVII столѣтіи“ и торжественная рѣчь въ память императора Александра I, прочитанная 12-го декабря 1877 г.; Гаусманъ—о послольствѣ въ Москву императорскаго послы Іереміи Гофмана въ 1560 г. и объ архіепископѣ Адальбертѣ Бременскомъ; Шварцъ—о физическихъ свойствахъ солнца; Гельмлапгъ—о будущности городского освѣщенія; А. фонъ-Эттингенъ—объ отношеніяхъ ученія объ электричествѣ къ техникѣ; К. Шмидтъ—о строительныхъ материалахъ; Бруннеръ—о писчебумажномъ производствѣ, и доцентъ Книримъ—о влияніи корма на количество содержащагося въ молокѣ мира.

Совѣтъ Дерптскаго университета имѣлъ въ теченіе года 11 засѣданій. Утверждены въ степени доктора: магистры: Вильгельмъ Гершельманъ—древне-классической филологии, Вольдемаръ фонъ-Книримъ—сельского хозяйства и Иоаннъ Лембергъ—химіи; лекари: Христіанъ Штрёмбергъ, Карль Видеманъ, Арминъ Кёлеръ, Эмиль

Тереминъ, Фридрихъ Вальтеръ, Иоаннъ Мирамъ, Густавъ Ти-лингъ, Карль Дегіо, Владиславъ Мессингъ; Максимианъ Бухъ, Фридрихъ Гахъ, Ренатусъ Кесслеръ и Людвигъ Гордонъ—медицины; въ степени магистра: кандидаты: Леопольдъ Шрёдеръ—иѣзеп-каго и сравнительного языковѣдѣнія, Вильгельмъ Оствальдъ—химіи и провизоръ Александръ Тобинъ—фармаціи. Затѣмъ удостоено: степени кандидата—37; именно: по богословскому факультету—2, по юри-дическому—16, по историко-филологическому—8, по физико-математи-ческому—11; званія дѣйствительного студента—29, въ томъ числѣ: богословского факультета—12, юридического—8, историко-филологиче-ского—4, физико-математического—5. По медицинскому факультету удостоено ученыхъ степеней и званій: лекаря—10, ѿвѣдного врача—3, акушера, какъ члена врачебной управы—1, инспектора врачебной управы—1, провизора—35, аптекарского помощника—50, зубного врача—1, повивальной бабки—25. Всѣ повивальная бабки получили свое образование въ Дерптѣ у доцента женской и акушерской клиники университета. Командированы были за границу съ ученою цѣлью: до-центъ, докторъ Вальтеръ—для окончанія сочиненія „Darstellung der Geschichts Kaiser Karls V und der deutschen Protestanten in den Jahren 1519—1544“; доцентъ, докторъ фонъ-Зейдлицъ—для продолженія занятій по зоологии, преимущественно въ Неаполѣ; приватъ-доцентъ и помощникъ директора химического кабинета, докторъ Лембергъ—для окончанія научныхъ изслѣдованій по химической геологии. Сверхъ того командироаны были: а) представителями отъ Дерптскаго универ-ситета, профессоры: Мюлау, Фогель, Мейеръ и Шварцъ—на праздно-вание 400-хъ-лѣтнихъ юбилеевъ Тюбингенскаго и Упсальскаго универ-ситетовъ, и профессоръ Брикнеръ—на археологический съездъ въ Ка-зани; б) на театръ военныхъ дѣйствій, профессоры: Бергманъ, фонъ-Эттингенъ, Гофманъ и Валь, и доцентъ Рейгеръ.

Финансовыя средства Дерптскаго университета находились въ 1877 году въ слѣдующемъ положеніи: штатныхъ суммъ: оставалось отъ 1876 г. 15,071 р. 20 к., въ 1877 г. поступило 236,124 р. 58 к., израсходовано 241,073 р. 17 к., засимъ къ 1878 г. оставалось 10,121 р. 61 к.; специальныхъ средствъ: а) сбора со студентовъ за слушаніе лек-цій и за матрикулы: остатка отъ 1876 г. 844 р. 99 к., въ 1877 г. поступило 8,187 р. 64 к., израсходовано въ теченіе года 5,145 р. 25 к., затѣмъ къ 1-му января 1878 г. имѣлось въ остаткѣ 3,887 р. 38 к.; б) пожертвованныхъ суммъ: отъ 1876 г. оставалось 67,183 р. 13 к., въ 1877 г. поступило 12,945 р., въ теченіе года израсходовано 5,832 р.

67 к., затѣмъ къ 1-му января 1878 г. оставалось 64,296 р. 18 к., въ томъ числѣ: наличными 1,136 р. 18 к. и въ билетахъ 63,160 р.

Студентовъ къ 1-му января 1877 г. состояло на лицо 786, въ теченіе года вновь поступило 278, въ томъ числѣ: изъ гимназій—166, изъ духовныхъ семинарій—5, изъ раввинскихъ училищъ—1, аптекарскихъ помощниковъ—28, бывшихъ студентовъ Дерптскаго университета—56, изъ другихъ университетовъ—22; въ теченіе 1877 г. выбыло—246; изъ нихъ: до окончанія курса—114, по окончанію курса—132; затѣмъ къ 1-му января 1878 г. оставалось на лицо—818, которые распределены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на богословскомъ—89, на юридическомъ—169 (студентовъ правовѣднія—167, студентовъ дипломатіи—2), на медицинскомъ—351 (студентовъ медицины—281, студентовъ фармаціи—70), на историко-филологическомъ—126 (по разряду историко-филологическихъ наукъ—88, по разряду камеральныхъ наукъ—38), на физико-математическомъ—83 (по математическому разряду—29, по разряду естественныхъ наукъ—54). Постороннихъ слушателей въ 1877 г. состояло—30, въ томъ числѣ: изъ гимназій—15, изъ духовныхъ семинарій—3, изъ раввинскихъ училищъ—1, вторично поступившихъ—5, изъ другихъ университетовъ—6; всѣ они выбыли въ теченіе 1877 г., изъ нихъ до окончанія курса—27, по окончанію курса—3. Изъ общаго числа состоявшихъ въ 1877 году 1,064 студентовъ освобождено было отъ платы 137, что составляетъ 12,88% общаго числа. Стипендіями пользовались 63 студента; изъ нихъ 41—на счетъ средствъ государственного казначейства, на сумму 10,787 р. 47 к., а 22—на счетъ частныхъ пожертвованій, на 3,452 р. 86 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Дерптскаго университета находились къ 1-му января 1878 года въ слѣдующемъ положенії: въ университетской библіотекѣ числилось: книгъ русскихъ и иностранныхъ—80,199 названій 123,183 тома на сумму 344,954 руб., periodическихъ изданій—452 названія 11,201 томъ на 32,188 руб., рукописей—726 томовъ и тетрадей на 2,316 руб., картъ, рисунковъ, портретовъ, чертежей—5,744 листа на 8,651 руб., диссертаций—60,640 номеровъ на 6,064 руб. Библіотекою пользовались 622 студента. Въ музей плащныхъ искусствъ: книгъ и эстамповъ—1,229 названій 1,376 томовъ, periodическихъ изданій—названій 176 томовъ 11 тетрадей, всего на 13,636 руб., древностей, снимковъ, монетъ, медалей, фотографій—15,144 нумера 15,178 экземпляровъ на 23,814 руб. Въ мате-

матическомъ кабинетѣ: книгъ — 131 названіе 205 томовъ на 595 р., періодическихъ изданій — 5 сочиненій 104 тома на 518 руб., инструментовъ и аппаратовъ — 135 нумеровъ на 2,402 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: книги — 61 названіе 125 томовъ на 264 руб., періодическихъ изданій — 14 сочиненій 264 тома на 528 руб., таблицъ, карты, инструментовъ и аппаратовъ — 763 нумера 933 экземпляра на сумму 9,255 руб. Въ кабинетѣ этомъ практическими и физическими упражненіями занимались въ 1-мъ семестрѣ 9 студентовъ, самостоятельными физическими опытными изслѣдованіями во 2-мъ семестрѣ — 3 студента. Въ метеорологической обсерваторіи: книги — 412 названій 563 тома на 600 руб., инструментовъ и аппаратовъ — 139 нумеровъ 157 экземпляровъ на 3,912 руб. Изъ числа пріобрѣтений кабинета въ 1877 году особеннаго вниманія заслуживаетъ Доверская магнитная инклинерія. Практическія упражненія въ кабинетѣ не производились, вслѣдствіе неимѣнія удобнаго помѣщенія. Въ химическомъ кабинетѣ: книги — 99 названій въ 178 нумерахъ 170 томовъ на 930 руб., періодическихъ изданій — 11 названій въ 70 нумерахъ 341 томъ на 1,005 руб., аппаратовъ, инструментовъ и мебели — 786 нумеровъ 842 экземпляра на сумму 14,472 руб. Въ состоящей при этомъ кабинетѣ лабораторіи занимались количественнымъ и качественнымъ анализомъ: въ 1-мъ полугодіи — 32, во 2-мъ — 34 студента. Въ минералогическомъ кабинетѣ: книги — 576 названій 688 томовъ на 1,214 руб., періодическихъ изданій — 60 названій 399 томовъ на 777 руб.; карты, рисунковъ, моделей — 55 нумеровъ 143 экземпляра на 532 р., минераловъ, горныхъ породъ, окаменѣлостей, аппаратовъ, инструментовъ и мебели — 36,909 нумеровъ 37,078 экземпляровъ на сумму 24,687 руб. Практическими работами, въ особенности упражненіями въ опредѣленіи и изслѣдованіи минераловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей занимались 45 студентовъ. Въ зоологическомъ музеѣ: книги — 59 названій 174 тома на 498 руб., періодическихъ изданій — 2 названія 108 томовъ на 139 руб., рисунковъ, моделей, аппаратовъ, инструментовъ, коллекцій животныхъ, яицъ, гнѣздъ, препаратовъ и проч. — 16,564 нумера 16,603 экземпляра на сумму 14,747 руб. Изъ пріобрѣтенныхъ кабинетомъ въ 1877 году предметовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ богатая коллекція зоологическихъ рисунковъ. Въ ботаническомъ кабинетѣ и въ ботаническомъ саду: книги — 304 названія 479 томовъ на 710 руб., періодическихъ изданій — 8 названій 94 тома на 457 руб., сушеныхъ растеній, плодовъ, деревьевъ, лѣс-

нихъ продуктовъ, препаратовъ, аппаратовъ, орнажерейныхъ растеній и прочихъ принадлежностей—34,201 номеръ 163,053 экземпляра на сумму 11,272 руб. Лекціи обѣй общей ботаникѣ посѣщали 78, о медицинской и фармацевтической ботаникѣ—54, о вѣтвичной растеній—21 студентъ; въ практическихъ упражненіяхъ посредствомъ микроскопа участвовало 20 студентовъ. Въ экономическомъ и технологическомъ кабинетѣ и въ лабораторіи для сельско-хозяйственной химіи: книгъ—159 названій 283 тома, періодическихъ изданій—14 названій 328 томовъ, всего на 1,839 руб., препаратовъ, инструментовъ, аппаратовъ и моделей—1,188 шумеровъ 1,103 экземпляра на 7,112 руб. Работами по химіи занимались въ каждомъ семестрѣ по два студента. Подъ специальнымъ руководствомъ доцента фонъ-Книрима устроена сѣміянная контрольная станція, въ которой, при помощи двухъ студентовъ, изслѣдовано около ста родовъ сельско-хозяйственныхъ сѣміянъ и лѣсныхъ посѣвовъ. Результаты этихъ изслѣдованій напечатаны въ *Baltische Wochenschrift*. Въ астрономической обсерваторіи: книгъ—952 названія 1,305 томовъ на 2,218 руб., періодическихъ изданій—98 названій 765 томовъ на 8,369 руб., карты; атласовъ и эстамповъ—44 названія 45 листовъ, аппаратовъ и инструментовъ—154 номера на сумму 31,137 руб. Изъ приобрѣтенныхъ обсерваторію предметовъ заслуживаетъ вниманія экземпляръ большаго ручнаго атласа Штиллера. Въ практическихъ упражненіяхъ въ обсерваторіи участвовали шесть студентовъ. Въ фармацевтическомъ институтѣ: книгъ—52 названія 86 томовъ, періодическихъ изданій—14 названій 286 томовъ, всего на 1,081 руб., аппаратовъ, инструментовъ, препаратовъ, реагенцій, москотильныхъ товаровъ и сосудовъ—6,348 шумеровъ 19,006 экземпляровъ на сумму 18,014 руб. Въ практическихъ упражненіяхъ въ институтѣ по химії участвовали: въ 1-мъ семестрѣ—74, во 2-мъ—64 студента фармаціи и медицины; научными, болѣе обширными работами занимались 12 лицъ, изъ трудовъ ихъ напечатаны слѣдующіе: Эдв. Йогансона—„Bestimmung der Alcaloide in den Chinarinden“ и „Ueber das Alcoloid der Caltha palustris“, Эд. Кейслера—„Zur Formel der Frangulinsäure“, Леон. Бухольца—„Ein Beitrag zur Kenntniss der Ernährungs-verhältnisse der Bacterien“, Эд. Гиршсона—„Ueber Calcaria phosphorica“ и „Beiträge zur Chemie der wichtigeren Gummidarze, Harze und Balsame“, Юл. Леви—Werthbestimmung des Wismuths und des Käuflichen Magisterium Bis-muths“. Въ анатомическомъ институтѣ числилось: книгъ—228 назва-

вій 232 тома на 1,263 руб., періодическихъ изданий — 2 названія 2 тома на 75 руб., рисунковъ — 2 нумера на 21 руб., статуй, моделей, інструментовъ, аппаратовъ и мебели — 946 нумеровъ 962 экземпляра на 5,714 руб. Въ анатоміческій інститутѣ въ теченіе года доставлено было 40 труповъ, изъ которыхъ 33 употреблено по части анатомії, а 7—по хірургії. Ізслѣдованіями надь трупами занимались въ кождомъ семестрѣ по 60-ти студентовъ. Въ інститутѣ сравнительной анатомії значилось: книгъ — 80 названій 93 тома на 256 руб., періодическихъ изданий 3 названія 110 томовъ на 350 р., препаратовъ, інструментовъ, аппаратовъ и мебели — 2,456 нумеровъ 2,505 экземпляровъ на суму 10,961 руб. Въ фізіологическомъ інститутѣ: книгъ — 141 названіе 170 томовъ на 405 руб., періодическихъ изданий — 12 названій 125 томовъ на 484 руб., картъ, рисунковъ, аппаратовъ, інструментовъ и препаратовъ — 323 нумера на 6,099 руб. Изъ пріобрѣтеній 1877 года особенного вниманія заслуживаетъ центрифугальныи аппаратъ. Въ патологическомъ інститутѣ: книгъ — 122 названія 166 томовъ на 306 руб., періодическихъ изданий — 3 названія 26 томовъ на 137 руб., препаратовъ и інструментовъ — 1,876 нумеровъ на 4,463 руб. Специальными научными изслѣдованіями, именно объ измѣненіяхъ въ ствникахъ венъ и объ энхоромѣ таза и отношеніяхъ его къ кровянымъ сосудамъ, занимались два студента, и результаты ихъ трудовъ уже напечатаны. Въ фармакологическомъ інститутѣ: книгъ — 15 названій 21 томъ на 167 р., періодическихъ изданий — 5 названій 43 тома на 173 руб., москотильныхъ товаровъ, препаратовъ, інструментовъ, аппаратовъ и мебели — 1,211 нумеровъ на 4,242 руб. Специальными научными изслѣдованіями, именно о мочегонныхъ средствахъ и о монобрамистой кам-фарѣ, занимались два лица, и результаты ихъ работъ напечатаны. Въ рисовалномъ запеделіи: книги и періодическихъ изданий — 42 названія 38 томовъ 146 тетрадей на 338 руб., картины, рисунковъ, эстамповъ, литографій, фотографій — 3,827 нумеровъ на суму 5,739 руб., утвари — 106 нумеровъ на 70 руб. Въ центральному музѣю отечественныхъ древностей: книги и періодическихъ изданий — 427 названій 485 томовъ, картины, эстамповъ и рисунковъ — 88 листовъ, древностей — 2,814 нумеровъ, всего на суму 8,767 р. Въ собраніи предметовъ на біблейской и церковной археології: книги — 104 названія 140 томовъ, фотографій, древне-церковныхъ лампадъ и мебели — 1,684 нумеровъ, всего на 600 р. Въ медицинской клинике: книги —

634 названія 757 томовъ на 2,003 руб., періодическихъ изданій—3 названія 61 томъ на 425 руб., аппаратовъ—33 нумера на 882 руб. Въ клиникѣ этой состояло къ 1-му января 1877 года больныхъ—5, въ теченіе 1877 года принато—226, изъ нихъ выздоровѣло—57, получили облегченіе или оказались неизлечимыми—119, умерло—46, къ 1878 году оставалось въ клиникѣ—9; практикантовъ было: въ 1-мъ семестрѣ 1877 года—28, во 2-мъ семестрѣ—18. Въ хирургической клиникѣ: книгъ—731 названіе 248 томовъ на 1,022 руб., періодическихъ изданій—12 названій 68 томовъ на 526 руб., фотографій—200 листовъ на 248 руб., аппаратовъ, инструментовъ и препаратовъ—1,048 нумеровъ на 3,500 руб. Больныхъ отъ 1876 года оставалось—20, въ 1877 году поступило—346, изъ нихъ выздоровѣло—214, получили облегченіе или оказались неизлечимыми—107, умерло—20, затѣмъ къ 1-му января 1878 года оставалось—25; практикантовъ въ 1-мъ семестрѣ состояло—32, во 2-мъ семестрѣ, вслѣдствіе отсутствія директора, преподаванія не было; болѣе важныхъ операций произведено—80. Въ офтальмологической клиникѣ: книгъ—514 названій 612 томовъ, періодическихъ изданій—10 названій 139 томовъ, всего на 1,381 руб., инструментовъ, аппаратовъ и препаратовъ—445 нумеровъ на 1,968 руб. Больныхъ отъ 1876 года не оставалось, въ теченіе 1877 года принато было—119, изъ нихъ выздоровѣло—31, получили облегченіе или оказались неизлечимыми—86, умеръ—1, къ 1-му января 1878 года оставался въ клиникѣ—1. Практикантовъ въ 1-мъ семестрѣ было—11, во 2-мъ семестрѣ, за отсутствіемъ и болѣзни директора клиники, преподаванія не происходило. Въ акушерской и женской клиникѣ: книгъ—942 названія 1,087 томовъ на 1,783 руб., періодическихъ изданій—16 названій 217 томовъ на 633 руб., аппаратовъ, инструментовъ и препаратовъ—587 нумеровъ на 2,008 руб. Больныхъ къ 1-му января 1877 года было—6, въ 1877 году прибыло—126, изъ нихъ выздоровѣло—99, получили облегченіе или оказались неизлечимыми—25, умерло—2, затѣмъ къ 1-му января 1878 года оставалось—6; практикантовъ въ клиникѣ было: въ 1-мъ семестрѣ—34, во 2-мъ—49, всего—83. Въ университетскомъ отдѣленіи окружной лечебницы: книгъ и атласовъ—5 названій 7 томовъ на 17 руб., картъ, таблицъ, инструментовъ, аппаратовъ и мебели—106 нумеровъ 165 экземпляровъ на 900 руб. Больныхъ отъ 1876 года не оставалось, въ 1877 году поступило въ клинику—108, изъ этого числа выздоровѣло—32, получили облегченіе или оказались неизлечимыми—76.

чимыми — 64, умерло — 12, затѣмъ къ 1-му января 1878 года больныхъ не было. Практикантовъ въ отдѣлѣніи было по одному въ каждомъ семестрѣ. Вскрытій труповъ и судебно-медицинскихъ изслѣдований произведено — 33. Въ практическихъ занятіяхъ въ лечебнице обязаны участвовать одни лишь казенномокопитные воспитанники. Университетское отдѣлѣніе лечебницы далеко не соответствуетъ потребностямъ университета, и потому медицинскій факультетъ вынужденъ былъ ходатайствовать о преобразованіи этого отдѣлѣнія. Въ 1877 году учреждено клиническое отдѣлѣніе для умалишенныхъ и страждущихъ нервами, но скромный объемъ этого заведенія заставляетъ весьма желать расширенія оного.

на лѣтнее время; заданные же уроки, по возобновлениі ученія, должны быть провѣрены преподавателями соотвѣтственныхъ предметовъ (цирк. предл. 7 января 1873 г.).

14. *Плата за ученіе* (§§ 30, 31). Размѣръ ея опредѣляется мѣстными педагогическими совѣтами, съ утвержденіемъ министра народнаго просвѣщенія. Въ приготовительномъ классѣ полагается меньшая плата (отъ 15 до 30 р.), чѣмъ въ классахъ самой гимназіи или прогимназіи (отъ 24 до 50 р.). Въ приготовительномъ классѣ число учениковъ не ограничивается какимъ-либо комплектомъ; въ гимназическихъ же классахъ оно не должно превышать сорока, и если бы въ какомъ либо изъ нихъ оказалось болѣе этого числа учениковъ, въ такомъ случаѣ начальству заведенія предоставляется ходатайствовать о раздѣленіи класса на параллельныя отдѣленія (§ 19). По нормальному числу учениковъ (считая по 40 въ каждомъ классѣ) можно было бы опредѣлить общую сумму, которая должна образоваться отъ платы за ученіе. Но законъ весьма щедръ относительно освобожденія отъ этой платы, такъ какъ педагогическому совѣту дано право: 1) предоставлять эту льготу 10% общаго числа учащихся, а именно заслуживающими ея по своему прилежанію и поведенію дѣтямъ совершиенно недостаточныхъ родителей, каковое процентное отношеніе вычисляется особо для гимназій или прогимназій и особо для приготовительного въ нихъ класса; 2) освобождать пансионеровъ и сыновей какъ лицъ, еще служащихъ при среднихъ и низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, такъ и лицъ, прослужившихъ при нихъ не менѣе десяти лѣтъ, если послѣднія представлять свидѣтельства о бѣдности. Равнымъ образомъ, до времени открытия вакансіи въ счетѣ 10%, въ этотъ счетѣ не входять поступающіе въ гимназію по окончаніи курса въ прогимназіи, если были въ ней освобождены отъ платы за ученіе и по успѣхамъ и поведенію заслуживаютъ сохраненія за ними такого преимущества. Плата за ученіе составляеть неотъемлемую собственность учебныхъ заведеній и служить важнымъ источникомъ ихъ дохода. На основаніи положенія главнаго правленія училищъ 9 ноября 1867 г., изъ суммы сбора за ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ отчислялось 10% на усиленіе пенсионнаго капитала для приходскихъ учителей. Во вниманіе къ тому, что „означеній капиталъ значительно увеличился“, 16 мая 1873 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе отчислять съ 1-го июля того же года на усиленіе пенсионнаго капитала, вмѣсто 10%, только 7%, а остальные же 3% обратить на составленіе особаго капитала на усиленіе средствъ параллельныхъ отдѣленій (цирк. предл. 8 июня 1873 г.). Остающаяся часть отъ суммы сбора употребляется преимущественно на пополненіе штатныхъ средствъ, устройство параллельныхъ отдѣленій и на усиленіе учебныхъ пособій, а затѣмъ уже на испоможеніе

лицамъ, состоящимъ или состоявшимъ на службѣ при учебныхъ заведеніяхъ, и ихъ семействамъ, а равно на непредвидимые расходы. Изъ этой же суммы, равно какъ изъ специальныхъ средствъ учебниковъ заведеній, могутъ быть выдаваемы единовременные денежныя пособія и ежегодные стипендіи бѣднымъ ученикамъ. (Въ некоторыхъ городахъ существуютъ особыя общества для вспоможенія нуждающимися воспитанникамъ).

15. Штатъ: содержаніе и служебная преимущество.

а) Въ штатѣ гимназій такимъ образомъ распределено содержаніе служащимъ и прочие статьи расходовъ:

Директору, при казенной квартирѣ	2,000 р.
Инспектору "	1,500 "
Законоучителю	900 "
11-ти учителямъ языковъ и наукъ	18,070 "
Учителю чистописанія.	250 "
На уплату учителямъ пѣнія и гимнастикѣ.	500 "
5-ти класснымъ наставникамъ	800 "
2-мъ помощникамъ ихъ, при казенной квартирѣ	600 "
Врачу (какъ по уставу 1864 г.)	300 "
Секретарю совѣта и библиотекарю	240 "
На канцелярію (письмоводителю 400 р.).	700 "
На учебные пособія	400 "
Итого.	21,260 р.

Штатъ четырехклассныхъ прогимназій составляетъ 11,950 р., шестиклассныхъ—19,185 р. Въ гимназіяхъ, въ коихъ не полагается особыхъ инспектора, обязанности его исполняются однимъ изъ преподавателей, который получаетъ 750 р. добавочного жалованья и пользуется, въ отношеніи пенсіи и другихъ служебныхъ правъ, одинаковымъ положениемъ со штатными инспекторами, но сохраняетъ право давать болѣе 12-ти уроковъ въ недѣлю и получать высшій окладъ. Остающіеся отъ нормального штата инспектора 750 р. употребляются на разные расходы.

При определеніи содержанія учителямъ и теперь служить основаниемъ нормальное число 12 уроковъ въ недѣлю. Новый уставъ, въ видахъ улучшенія материальнаго положенія учителей, особенно же заслуженныхъ между ними, а также привлеченія сихъ послѣднихъ къ продолженію ихъ педагогической дѣятельности, ввелъ раздѣленіе преподавателей на 4 разряда по окладамъ назначаемаго имъ за 12 уроковъ жалованья, при чемъ поступающіе вновь на службу по учебной части опредѣляются преподавателями съ низшимъ окладомъ и бли-

жайшій висшій окладу получаютъ по выслугѣ пяти лѣтъ учителемъ въ томъ же заведеніи. Оклады содержаній учителей составляютъ 750, 900, 1,250 и 1.500 р. въ годъ. За каждый недѣльный урокъ, свыше 12-ти обязательныхъ, учитель получаетъ по 60 р. въ годъ. Статистическое изслѣдованіе, произведенное въ 1870 г., показало, что изъ общаго числа учителей 35,17% прослужили въ этомъ званіи менѣе 5-ти лѣтъ; слѣдовательно на каждое заведеніе 3,86% этой категоріи изъ числа 11-ти учителей языковъ и наукъ. По этому процентному отношенію можно принять, что 4 учителя получали по 750, 5—по 900, 1—1,250 и 1—1,500 р. содержанія. Въ случаѣ необходимости повышенія учителей, пользующихся наименѣшимъ окладомъ, на ближайшій висшій окладъ и при недостаточности штатной суммы на покрытие сего расхода (что бываетъ весьма рѣдко), недостающая сумма вносится въ смету расходовъ министерства народнаго просвѣщенія для отпуска изъ государственного казначейства. Повышеніе учителей въ разрѣдахъ условливается, какъ сказано уже, продолжительностью ихъ службы въ семье землѣ,—во всякомъ случаѣ полегой и ревностной,—съ разрѣшеніемъ всікій разъ попечителя округа; назначеніе же двухъ висшихъ окладовъ производится не иначе, какъ въ случаѣ открытія вакансіи. Классные наставники, при повышеніи въ окладахъ, пользуются преимуществомъ предъ прочими учителями; но, во всякомъ случаѣ, повышая какъ тѣхъ, такъ и другихъ, слѣдуетъ имѣть въ виду пользу, которую они могутъ принести заведенію въ будущемъ, преподаваютъ ли они главныя предметы, а относительно учителей новыхъ языковъ—получили ли они университетское образованіе. Въ случаѣ, если окажется нѣсколько преподавателей съ одинаковыми старшинствомъ, то избрание одного изъ нихъ на вакантный висшій окладъ производится въ педагогическомъ совѣтѣ (§ 58). Вышая плата за преподаваніе закона Божія католическаго и протестантскаго вѣровѣданій составляетъ 50 руб. въ годъ за каждый недѣльный урокъ. Законодатели вообще, равно какъ преподаватели искусствъ, и при прогимназіи учителя новыхъ языковъ (каждому по 675 р. въ годъ)—не могутъ быть повышаемы въ окладахъ содержанія.

6 учителей, а именно: 4 учителя древнихъ языковъ и 2 отечественнаго,—получаютъ особое вознагражденіе за исправленіе ученическихъ упражненій. Оно назначено какъ справедливое возмездіе за лишній трудъ, падающій на учителей означенныхъ предметовъ; но, отнимая у нихъ поводъ къ жалобамъ на обремененіе, оно даетъ право и возможность требовать, чтобы письменныя упражненія были чаще задаваемы ученикамъ, и чтобы онъ былъ тщательно исправляемы учителями. Учителямъ новыхъ языковъ не полагается особаго вознагражденія за исправленіе письменныхъ работъ учениковъ, такъ какъ они во всѣхъ другихъ отношеніяхъ сравнены съ прочими учителями, хотя

значительнейшее большинство ихъ принадлежитъ къ числу лицъ, не получившихъ университетского образованія. Нормальный размѣръ упомянутаго вознагражденія полагается въ гимназіяхъ по 100 р., а въ прогимназіяхъ по 60 р. на каждого учителя.

Дальнѣйшую прибавку къ содержанию, по 160 р. въ годъ, получаютъ 5 учителей, за исправленіе ими обязанностей классныхъ наставниковъ. Сверхъ того, въ пользу учителей старшаго класса поступаютъ 10 р. съ каждого изъ постороннихъ лицъ, желающихъ подвергнуться испытанію изъ полнаго гимназического курса. Наконецъ, освобожденіе отъ платы за ученіе дѣтей учителей принадлежитъ къ числу новыхъ льготъ, предоставленныхъ гимназическимъ уставомъ сословію преподавателей.

Кромѣ того, предоставленное уставомъ 1864 г. преподавателямъ, при первоначальномъ ихъ опредѣленіи въ должность, право на третье не въ зачетъ малование распространено на надзирателей, помощниковъ классныхъ наставниковъ и воспитателей пансионовъ; имъ же выдаются при отправлении къ мѣсту служенія прогонныя деньги (на 3 лошади). При перемѣщеніи изъ одного учебнаго заведенія въ другое выдача прогоновъ учителямъ зависитъ отъ наличныхъ средствъ той гимназіи, въ которую они переводятся¹⁾.

Содержаніе производится (съ 28-го февраля 1835 г.), по окончаніи каждого мѣсяца, директорами или письмоводителями.

До 1 января 1875 года изъ окладовъ содержанія лицъ учебнаго вѣдомства производился только одного рода вычетъ, а именно 2% въ пенсионный капиталъ. Съ того времени всѣ лица въ С.-Петербургѣ, пользующіеся въ учебныхъ заведеніяхъ казенными квартирами, обложены денежнымъ сборомъ въ пользу города, и такимъ образомъ предоставленная § 118 устава въ этомъ отношеніи льгота теперь болѣе не существуетъ. Количество этого сбора опредѣляется городской комиссией по примѣрной наемной платѣ казенныхъ зданій; изъ него 42% отчисляются на ремонтъ, а 8% поступаютъ въ городскую казну. Только одному военному министерству удалось избавить своихъ

¹⁾ Какъ ни возышены оклады по учебной части, они все-таки ниже окладовъ, получаемыхъ, напримѣръ, чиновниками министерства юстиціи. Напримеръ, судебный следователь получаетъ 1,500 р. содержания и состоитъ въ VI классѣ, между тѣмъ такихъ должностей весьма много (например, въ Харьковскомъ судебномъ округѣ считается 122 следователя); мировому судѣ производится 2,200 р. содержания и 1,500 р. на канцелярию, тѣмъ какъ для занятія этой должности не требуется непремѣнно университетскаго образованія. Сверхъ того учебные оклады въ настоящемъ время не соответствуютъ дороговизнѣ жизненныхъ привыкостей, особенно въ столицахъ, что видно изъ слѣдующаго сравненія: въ Парижѣ въ 1875 г. фунтъ самой лучшей пшеничной муки стоилъ 3,9 коп. (157 кил. муки—51 фр.). а въ Петербургѣ—11 коп.

чиновниковъ отъ вычета изъ содержанія ихъ сбора съ квартиръ, внесеніемъ этой суммы въ расходную смету.

б) Относительно особыхъ наградъ въ общемъ уставѣ о службѣ гражданской (т. III Свода законовъ изд. 1876 г.) сказано, что „въ поощреніе къ службѣ, начальства обязаны не оставлять безъ представительства о награжденіи лицъ, отличающихся особеннымъ усердіемъ и оказавшихъ дѣйствительныя заслуги“ (ст. 665). Жалуемые награды суть: 1) Высочайшее благоволеніе, 2) чины, 3) ордена, 4) назначеніе арендъ и пожалованіе земель, 5) подарки отъ Высочайшаго имени, 6) синновременныя денежныя выдачи. Назначеніе арендъ или въ замѣнѣ ихъ денежнаго производства зависитъ непосредственно отъ Высочайшаго благоусмотрѣнія, а представленія къ орденамъ первыхъ степеней, къ ордену св. Владимира всѣхъ степеней и къ чинамъ выше дѣйствительнаго статскаго советника дѣлаются министромъ непосредственно Его Императорскому Величеству (ст. 679, 694). Лица учебнаго вѣдомства награждаются преимущественно чинами, орденами и денежнными выдачами. Послѣднія не должны превышать годового оклада (ст. 699), и изъ нихъ со всей суммы удерживается въ пользу инвалидовъ по десяти копѣекъ съ рубля (ст. 701). Никто не можетъ быть представленъ къ наградѣ ранѣе прослуженія трехъ лѣтъ со времени полученія послѣдней награды (ст. 681). Учителя представляются къ награжденію орденами и денежнными выдачами директорами гимназій, а сіи послѣдніе — попечителями округовъ.

Классы должностей лицъ учебнаго вѣдомства тѣ же, какіе установлены уставомъ 1864 года. Директоры (V кл.) утверждаются въ чинахъ по выслугѣ девяти лѣтъ въ этомъ званіи (впрочемъ, закономъ допущены изьятия); инспекторы и учителя утверждаются по выслугѣ четырехъ лѣтъ; изъ нихъ первые состоять въ VI, послѣдніе въ VII классахъ (учителю чистописанія присвоенъ IX, помониторикамъ классныхъ наставниковъ X классъ). Производство въ чинъ выше V класса не ограничивается для директоровъ гимназій и инспекторовъ прогимназій какимъ либо срокомъ; учителя производятся черезъ каждые три года, такъ что по истеченіи 12 лѣтъ они могутъ дойти до пятаго класса.

Относительно награжденія орденами (преимущественно св. Станислава, св. Анны, а иногда и св. Владимира) приведена нормою одна награда въ годъ на 8 служащихъ. Въ 1874 году число награжденныхъ орденами по министерству народного просвѣщенія было 600, слѣдовательно на 200 меныше опредѣленной нормы, такъ какъ мно-гимъ къ полученію почетныхъ наградъ не хватало необходимаго числа лѣтъ службы и т. п. условій.

и) Относительно писемъ существуютъ слѣдующія постановленія

(т. III, уст. о пенсияхъ и единовременныхъ пособіяхъ): право на пенсіи приобрѣтается безпорочною выслугою опредѣленныхъ сроковъ. Прослужившій безпорочно въ учебной службѣ министерства народнаго просвѣщенія 20 лѣтъ и болѣе, до 25 лѣтъ, получаютъ при отставкѣ въ пенсію половинный, прослужившіе же 25 лѣтъ и болѣе, полный окладъ ихъ жалованья (ст. 361). Пенсіи и единовременные пособія производятся въ размѣрѣ, существовавшемъ до утвержденія устава гимназій и прогимназій 1864 г. Чиновникамъ учебной части, кои, по выслугѣ 25 лѣтъ, будутъ вновь оставлены на службѣ, производится, сверхъ жалованья, пенсія. За каждыя 5 лѣтъ, выслуженныхъ по одной учебной части свыше 25, прибавляется къ слѣдующей за сей послѣдній срокъ полной пенсіи одна пятая доля оной (ст. 363, 364). Кто, прослуживъ 10 лѣтъ въ учебной должности, выйдетъ въ отставку, тотъ получаетъ въ единовременное пособіе окладъ годового жалованья (ст. 373). Лѣта службы, дающія право на полученіе пенсій и пособій, сокращаются по вниманію къ происшедшему отъ отлично-усерднаго исполненія должности болѣзняеннымъ припадкамъ (ст. 375), а именно: выходящіе въ отставку „по разстроенному совершенно на службѣ здоровью“ получаютъ въ пенсію:—прослужившіе отъ 10 до 16 лѣтъ—одну третью оклада, отъ 15—20 лѣтъ—двѣ трети, прослужившіе 20 лѣтъ—полный окладъ причитающейся имъ пенсіи; одержимины тяжкими цеизлечимыми болѣзнями, лишающими не только возможности продолжать службу, но и обходиться безъ постояннаго ухода, при отставкѣ назначается въ пенсію: прослужившимъ отъ 5 до 10 лѣтъ одна треть оклада, отъ 10—15 лѣтъ—двѣ трети, а прослужившимъ 15 лѣтъ—полный окладъ (ст. 376, 377). Если оставившій службу по тяжкой болѣзни имѣетъ семейство, то, сверхъ назначеній пенсій собственно ему, выдается еще въ единовременное пособіе окладъ полнаго жалованья его семейству (ст. 379). За основаніе пенсій вдовамъ и дѣтямъ чиновниковъ, умершихъ на службѣ, принимается та пенсія, которая слѣдовала бы мужу или отцу, если бы онъ вышелъ въ отставку въ день его смерти (ст. III). Вдовѣ производится половина пенсіи, а дѣтямъ части остаточной половины (ст. 113).

Подъ окладами содержанія, по коимъ производятся пенсіи, не слѣдуетъ разумѣть настоящихъ окладовъ, но тѣ которые были назначены указомъ 17 апрѣля 1859 г. Сообразно съ ними пенсія составляются, на основаніи 3-хъ категорій учебныхъ заведеній имперіи: для I-й директорамъ, инспекторамъ и учителямъ по 900, 800 и 700 р.; для II-й—по 850, 750, 650 р.; для III-й—по 800, 700, 600 р., за исключеніемъ С.-Петербургра и Москвы, где пенсіи назначаются въ 1000 р., 850 р. и 750 р. Пенсіи же законоучителямъ, равно какъ

учителямъ рисованія и чистописанія производятся въ одинаковомъ количествѣ (по 400 р.).

16. *Пансіони при гімназіяхъ и прогімназіяхъ (§§ 83—114).* Учреждение это, какъ замѣчено въ историческомъ обзорѣ¹⁾, помѣщенномъ въ журналѣ министерства¹⁾, стало подвергаться съ конца 50-хъ годовъ сильнымъ нападкамъ съ разныхъ сторонъ. Въ „Обзорѣ“ говорится, между прочимъ, что устройство у насъ пансіоновъ въ педагогическомъ отпослѣдѣ было неудовлетворительно. Такъ, напримѣръ, всякий, тѣмъ или другимъ способомъ дослужившійся до должности директора гимназіи, считался способнымъ быть начальникомъ и руководителемъ гимназического пансіона. Въ хозяйственномъ отношеніи пансіоны также были устроены непрочно, ибо материальное ихъ обеспеченіе было плохо и, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, средства ихъ содержанія не только не увеличивались, но значительно уменьшались. Всѣ педагогическая и экономическая соображенія отпослѣдѣ пансіоновъ были приняты во вниманіе при составленіи устава 1864 года, принявшаго разнаго рода мѣры для устраненія обнаруживавшихся въ нихъ недостатковъ. Такъ какъ прежде для приобрѣтѣя званія „комнатнаго надзирателя“ требовалось выдержать весьма легкій экзаменъ и вознагражденіе надзирателя, сообразно съ этимъ, было ничтожное, то уставъ постановилъ, что воспитателями могутъ быть только учителя гимназій и прогимназій, и лица, удовлетворяющія требованіямъ для получения должности гимназического учителя, а потому значительно вознагражденіе какъ служебныя права, такъ и размѣръ содержанія по этой должности. При томъ воспитатели стали утверждаться въ должности не прежде, какъ по истеченіи годичнаго срока испытанія. Число ихъ положено было по одному на каждыхъ 20 пансіонеровъ. Полный комплектъ одного пансіона ограничевъ 80-ю воспитанниками, „такъ какъ въ многолюдныхъ пансіонахъ невозможно разумное воспитаніе, почерпающее свою силу въ тщательномъ изученіи натуры каждого воспитанника и въ сообразномъ съ этой натурою способѣ вліянія па него“, и пансіонъ стали состоять только изъ учениковъ прогимназій и низшихъ четырехъ классовъ гимназій. Уставъ 1871 г. взглянулъ на дѣло иначе: исходи изъ той мысли, что возможность воспитывать дѣтей въ благоустроенныхъ учебныхъ закрытыхъ заведеніяхъ подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюдениемъ учебного начальства, до времени окончанія ими гимназического курса, должна быть необходиимо предоставлена родителямъ, въ интересахъ какъ ихъ собственныхъ дѣтей, такъ и всего общества, онъ опредѣлилъ допускать вновь въ пансіоны дѣтей отъ 8-ти до 15-ти лѣтъ включительно. „Ибо въ

¹⁾ СХІV, 1, 71—88.

юношескомъ возрастѣ⁴, сказано въ объяснительной запискѣ, „при недостаткѣ хорошаго надзора, представляется еще болѣе опасностей, нежели въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, и закрытие пансионовъ для учениковъ старшихъ классовъ, въ силу § 80 устава 1864 г., съ выдачею имъ стипендій и съ перемѣщеніемъ ихъ на вольные квартиры, сопровождалось весьма многими прискорбными явленіями”.

Источники содержания пансионовъ составляютъ: а) суммы, отпускаемые государственнымъ казначействомъ; б) суммы, назначаемыя мѣстными обществами и сословіями на первоначальное устройство и обзаведеніе пансионовъ и на воспитаніе въ нихъ тѣхъ сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, которые будутъ избраны сими обществами и сословіями при посредствѣ почетныхъ попечителей гимназій и прогимназій; в) доходы съ пожертвованныхъ на этотъ предметъ разными обществами и лицами капиталовъ; г) плата съ частныхъ пансионеровъ; д) плата отъ разныхъ правительственныхъ установлений и вѣдомствъ за содержаніе опредѣляемыхъ на ихъ счетъ воспитанниковъ, и е) единовременные, при опредѣленіи каждого пансионера, взносы на первоначальное обзаведеніе. Кроме пансионеровъ въ составъ пансиона входятъ и полупансионеры, пользующіеся только обѣденнымъ столомъ. Количество платы за тѣхъ и другихъ и взноса на первоначальное обзаведеніе для пансионера опредѣляется, по опредѣленію хозяйственнаго комитета, попечителемъ учебного округа для каждой мѣстности особо, при самомъ открытии пансиона и потомъ чрезъ каждые три года, на основаніи сѣмѣты, предварительно составленной и разсмотрѣнной въ хозяйственномъ комитѣтѣ гимназіи или прогимназіи. Непосредственное распоряженіе хозяйственнаю частію пансиона предоставляется economy. Суммы, идущія на содержаніе пансиона, какъ специальная средства гимназій и прогимназій, составляютъ неотъемлемую собственность каждого пансиона отдельно и могутъ употребляться только на удовлетвореніе нуждъ пансиона и на награды и пособія лицамъ, служащимъ при немъ. Помѣщеніе пансиона, качество и количество пищи и порядокъ въ образѣ жизни воспитанниковъ должны быть сообразжаемы съ требованиями гигиены. При пансионѣ находится больница, при которой состоитъ фельдшеръ. Общее число пансионеровъ въ каждомъ пансионѣ опредѣляется соразмѣрно съ помѣщеніемъ. Въ пансионѣ, содержащемъ на счетъ одного сословія, воспитанники другихъ сословій принимаются не иначе, какъ съ согласія представителя того сословія, па счетъ которого содержится пансионъ. Если лица, желавши отдать дѣтей своихъ въ пансионъ, живутъ не въ томъ городѣ, гдѣ онъ находится, то они должны къ документамъ поступающаго приложить еще письменное обязательство извѣстнаго, живущаго въ томъ мѣстѣ, лица, что, въ случаѣ увольненія изъ пансиона, воспитанникъ будетъ принять къ нему въ домъ. Кроме того, они представ-

ляютъ, при иомѣніи воспитанника въ пансіонъ, обязательство, съ подписью по крайней мѣрѣ двухъ лицъ, имѣющихъ жительство въ томъ городѣ, въ томъ, что воспитанникъ, въ случаѣ отпуска, будетъ соблюдать установленные правила поведенія. Увольнять не къ родственникамъ или знакомымъ, а для прогулокъ по городу, дозволяется только такихъ воспитанниковъ, которые по своему поведенію несомнѣнно заслуживаютъ особаго довѣрія начальства. Деньги, присылаемыя или приносимыя родителями пансіонеровъ для иелочныхъ расходовъ, вручаются инспектору, съ вѣдома котораго воспитанники расходуютъ ихъ на предметы, допускаемые правилами заведенія. Запрещается приносить въ пансіонъ постороннія книги или вещи и имѣть при себѣ часы или деньги, безъ предъявленія ихъ дежурному воспитателю. Одежда, бѣлье, обувь и всѣ учебныя книги и пособія, выдаваемыя пансіонерамъ, составляютъ собственность пансіона и должны быть сданы ими передъ выходомъ изъ него. Утромъ, вечеромъ и по рѣдь трапезами читаются, а если возможно, то поются, обычныя молитвы. По воскресеньямъ и праздничнымъ днамъ воспитанники посещаютъ церковь. Честный столъ для воспитанниковъ полагается въ недѣлю говѣнія и во всѣ дни первой, четвертой и страстной недѣль Великаго поста. Въ свободное отъ занятій время воспитанники могутъ заниматься чтеніемъ выдаваемыхъ имъ изъ ученической библіотеки книгъ, также дозволенными начальствомъ играми, искусствами, напримѣръ, переплетными, токарными и малярными, и ходить на прогулки подъ надзоромъ воспитателей. Воспитатели получаютъ 700 р. жалованья и пользуются казенцою квартирой. Они дежурятъ въ пансіонѣ поочередно. Во время дежурства они должны находиться бевотлучно при воспитанникахъ, имѣть съ ними общій столъ и ночевать въ однихъ съ ними комнатахъ. Дежурные воспитатели нѣсколько разъ въ продолженіе ночи обходять спальни и наблюдаютъ, чтобы находящійся при нихъ лядька бодрствовалъ и т. п. Въ случаѣ отсутствія учителей, они обязаны занимать, по возможности, классы отсутствующихъ. Пансіонъ, для болѣе точнаго наблюденія за воспитанниками, раздѣляется на группы, причемъ каждый воспитатель, принявши въ свое завѣданіе группу, обязанъ слѣдить за опрятностію одежды, бѣлья, книгъ, тетрадей и проч., и аттестуетъ воспитанниковъ своей группы. Каждый воспитатель, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ два мѣсяца, представляетъ отчетъ о состояніи учебныхъ пособій, находящихся на рукахъ у воспитанниковъ его группы, и, въ случаѣхъ надобности, входитъ въ сношеніе съ родителями воспитанниковъ своей группы чрезъ посредство инспектора, или же непосредственно. Директоръ гимназіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникъ состоящаго при ней пансіона. Ближайшій помощникъ директора по управлению пансіономъ есть инспекторъ; онъ наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ распределенія заня-

тій въ пансионѣ, за сохраненіемъ порядка и за исправнымъ содержаниемъ воспитанниковъ относительно какъ пищи, такъ и одежды; сверхъ того распоряжается отпусками воспитанниковъ и завѣдываетъ библіотекою и всѣми учебными пособіями. Въ пансионѣ прогимназій одиць изъ воспитателей считается помощникомъ инспектора по управлению пансиономъ. Распределеніе виѣкласныхъ занятій воспитанниковъ пансиона и вообще устройство внутреннаго въ немъ порядка предоставляетъся ближайшему усмотрѣнію педагогическаго совѣта. При пансионѣ должны быть слѣдующія четыре книги: 1) адресная книга для пансионеровъ; 2) кондуктная книга, въ которой, при фамиліи каждого воспитанника, вносятся время, приступокъ воспитанника и сдѣланное взысканіе; 3) алфавитная книга для записыванія выданныхъ вещей—одежды, бѣлья, обуви и пр., и 4) книга для записыванія распоряженій директора и инспектора по пансиону (Правила 23-го мая 1872 г.).

Г. *Реальные училища* (Уставъ 15-го мая 1872 г.). „Реальные училища имѣютъ цѣлю доставлять учащемуся въ нихъ юношеству общее образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ приобрѣтенію техническихъ познаній“. Они преимущественно сообразены съ потребностями того многочисленнѣйшаго круга лицъ, которыхъ не могутъ учиться далѣе 16-ти или 17-ти лѣтнаго возраста и которыхъ имѣютъ въ виду завершить въ реальныхъ училищахъ свое школьнное образованіе. И такъ, организація реальныхъ училищъ соответствуетъ разнообразнымъ цѣлямъ практической жизни. Реальное училище имѣетъ шесть классовъ съ одногодичнымъ курсомъ. Въ четырехъ низшихъ классахъ ученики получаютъ общее образованіе; такъ какъ эти классы вообще устроены сходно съ тѣми же классами гимназій, прогимназій и городскихъ училищъ, то въ мѣстностяхъ, где много всякаго рода училищъ, реальный училища могутъ быть учреждены въ составѣ только двухъ высшихъ классовъ. Существенное различіе реальныхъ училищъ отъ гимназій проявляется только въ V и VI классахъ. Въ основномъ отдѣленіи этихъ классовъ учебный планъ приспособленъ къ приобрѣтенію разнѣхъ знаній промышленной и торговой дѣятельности, а потому въ составъ его входятъ: естественная исторія, физика, химія и механика. Кроме основнаго отдѣленія эти классы могутъ имѣть отдѣленіе коммерческое, въ которомъ новые иностранные языки и торговые науки преподаются въ большемъ объемѣ. Съ одной стороны, ученики, успѣшно прошедшіе курсъ основнаго отдѣленія до VI класса, „несомнѣнно будутъ въ состояніи выдерживать экзаменъ въ любое высшее специальное техническое заведеніе, ибо на главные для сихъ заведеній предметы—математику съ физикой и начертательныя искусства—въ реальныхъ училищахъ съ основнымъ отдѣленіемъ назначено значительно большее число уроковъ, нежели въ прежнихъ реальныхъ гимназіяхъ, по уставу 1864 г., съ другой—имъ

предоставлена возможность еще одинъ годъ посѣщать дополнительный классъ. Такъ какъ главная цѣль учрежденія дополнительного класса заключается въ завершеніи реального образования въ практическомъ направленіи, то классъ этотъ раздѣленъ на три отдѣленія: общее, механико-техническое и химико-техническое, изъ коихъ одно предназначено для подготовляющихся къ вступленію въ высшія специальные училища, два другихъ—для желающихъ пріобрѣсти среднее техническое образованіе или въ направленіи механическомъ, или въ направленіи химическомъ. „Такимъ образомъ цѣль, къ которой издавна, но безуспѣшило, стремилось правительство—возможно большее распространение техническихъ познаній—будетъ достигнута съ помощью этихъ техническихъ отдѣленій въ дополнительномъ классѣ реальныхъ училищъ, и сіи послѣдня станутъ истинно-полезными разсадниками средняго техническаго образования, своего рода срединами политехническими институтами, которые въ иностранныхъ государствахъ приносятъ весьма существенную пользу промышленности”, итъ Россіи же тѣмъ полезнѣе, что „высшія специальные училища мало доступны, такъ какъ они сосредоточены главнѣйшимъ образомъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ”. Сообразно съ вышепизложеннымъ нормальный планъ реальныхъ училищъ, съ двумя отдѣленіями и съ дополнительнымъ классомъ, представляется въ слѣдующей таблицѣ:

УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.	Классы.						Отделение основное.	Клас. дополн. отделения.	Отделение коммерч.				
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.			Всего из 6-ти классов.				
	Общее.	Механико-техническое.	Химико-техническое.	V.	VI.	Всего из 6-ти классов.			V.	VI.	Всего из 6-ти классов.		
Законъ Божій.	2	2	2	2	1	1	10	2	2	2	1	1	10
Русский языкъ	6	4	4	4	2	2	22	4	—	—	2	2	22
Новый иностранный языкъ.	—	6	5	5	3	3	22	5	—	—	6	6	28
Другой новый языкъ.	—	—	6	6	3	3	18	—	—	—	6	6	24
Географія.	2	2	2	2	—	—	8	—	—	—	—	2	10
Исторія.	—	—	2	2	2	2	8	4	—	—	2	2	8
Чистописание	4	2	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	6
Рисование и черчение	6	4	4	4	6	6	30	5	—	—	2	—	20
Математика	4	4	4	4	8	4	28	3	3	3	2	2	20
Естественная история	—	—	—	—	4	2	6	2	2	2	4	—	4
Физика	—	—	—	—	4	2	6	2	2	2	—	—	—
Химія	—	—	—	—	—	4	4	—	—	—	—	—	—
Механика	—	—	—	—	—	4	4	—	3	—	—	—	—
Письмоводство и книговод.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	5	10
Проектирование машинъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	8	—	—	—	—
Моделирование.	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Землемѣріе и инженерная съемка	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Общестроит. искусство	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—
Счетоводство	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—
Химическая технологія	—	—	—	—	—	—	—	—	2	5	—	—	—
Работы въ лабораторіи	—	—	—	—	—	—	—	—	12	—	—	—	—

11	т о	24	24	29	29	30	30	172	29	30	30	30	172
----	-----	----	----	----	----	----	----	-----	----	----	----	----	-----

Для желающихъ продолжать учение въ коммерческомъ отдѣлениі, равно какъ и для учениковъ онаго, обязательно изученіе двухъ новыхъ иностранныхъ языковъ; всѣ же другіе ученики могутъ быть увольняемы отъ изученія другаго нового языка и въ замѣнѣ того должны усиленно обучаться черченію и рисованію. Продолжающіе изученіе другаго нового языка въ V и VI классахъ основнаго отдѣлениі обучаются черченію и рисованію по 4 урока въ недѣлю. Въ реальныхъ училищахъ могутъ быть преподаваемы языки не только французскій, нѣмецкій и англійскій, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ также итальянскій и новогреческій. Къ числу учебныхъ предметовъ принадлежать пѣніе и гимнастика, изъ коихъ послѣдняя обязательна для пансионеровъ. Танцованию и музыкѣ обучаются желающіе за особую плату.

Независимо отъ сего нормального плана, министерство народнаго просвѣщенія, въ виду чрезвычайного разнообразія промышленныхъ интересовъ вообще и обширнаго пространства Имперіи въ особенности, предоставило частной инициативѣ учреждать реальные училища, въ которыхъ, по мѣстнымъ потребностямъ, учебный планъ имѣлъ бы болѣе промышленное направленіе и въ организаціи коихъ преобладали бы профессиональныя цѣли, присвоивъ этимъ училищамъ всѣ права правительственныхъ реальныхъ училищъ, если преподаваніе въ нихъ будетъ достигать, по основнымъ предметамъ, того же уровня, какъ и въ сихъ послѣднихъ (прим. къ § 6 устава). Согласно съ этимъ были приложены къ циркулярному предложенію министра отъ 31-го июля 1872 г. шесть примѣрныхъ учебныхъ плановъ, а именно для училищъ, примѣненныхъ къ потребностямъ: торгового сословія, техническимъ съ преобладаніемъ механики или химіи, горнозаводскихъ округовъ, сельского хозяйства, а также къ потребностямъ техническимъ и агрономическимъ; наконецъ, планы для V и VI землемѣрческихъ классовъ, равно какъ для строительнаго отдѣлениія при дополнительному классѣ.

Казалось бы, этими мѣрами правительство достаточно удовлетворило потребности населенія въ реальному образованіи и избѣгло того однообразія, которое ставится въ вину прусскимъ реальнымъ и промышленнымъ школамъ.

Учебные планы каждого отдѣльнаго предмета¹⁾). Въ основу ихъ положены изданные для гимназій планы основныхъ и общихъ предметовъ преподаванія. Для поступленія въ первый классъ реальнаго училища предполагаются тѣ же знанія, какія требуются для того же класса гимназіи. Затѣмъ учебный планъ Закона Божія въ шести низшихъ классахъ во всемъ сходенъ съ гимназическими; въ седьмомъ же

¹⁾ Ж. М. Нар. Просв., CLXVII, 1, 1—90.

классъ исключено чтение книгъ вовсю завѣта въ славянскомъ текстѣ. Равныиъ образомъ учебный планъ русскаго языка и словесности въ общихъ чертакъ соотвѣтствуетъ гимназическому; только при болѣе ограниченномъ курсѣ реальныхъ училищъ объемъ преподаванія въ нихъ литературы нѣсколько ограниченнѣе, не восходя до древнѣйшаго периода литературы. Напротивъ того, требованія по новымъ иностраннамъ языкамъ расширены. Въ необязательномъ языкѣ ученики реальнаго училища должны имѣть тѣ же познанія, какія требуются отъ гимназистовъ въ языкѣ обязательномъ. Нѣсколько болѣшимъ требованіемъ должны удовлетворять ученики основнаго отдѣленія по обязательному иностранному языку (на него назначено 22 часа), а именно должны быть пріучены безъ труда понимать статьи естественно-исторического и техническаго содержанія и вести немногосложную корреспонденцію на этомъ языке по предметамъ общежитейскимъ и промышленнымъ. Но отъ учениковъ, прошедшихъ общее отдѣленіе дополнительного класса, равно какъ отъ учениковъ коммерческаго отдѣленія, можно требовать болѣе, именно: умѣнья переводить безошибочно на иностраннаго языка болѣе трудныя статьи и писать небольшія сочиненія на заданныя темы, преимущественно общежитейского и техническаго содержанія, а также объясняться изустно на изучающомъ языке о предметахъ общедѣятельныхъ или изъ области торговой и промышленной. Ученики коммерческаго отдѣленія должны неизрѣдѣ не только быть въ состояніи свободно понимать коммерческія письма, счеты, вскѣдя и другіе торговые документы на обоихъ изучаемыхъ или языкахъ, но также переводить всѣ подобныя бумаги съ русскаго языка на иностраннаго. Этимологія должна быть пройдена въ два, сидѣтъ въ три года, въ остальные затѣмъ годы слѣдуетъ только повторить грамматику при практическихъ занятіяхъ. Учебный планъ *географіи* и *математической географіи* сходенъ съ гимназическими планами по этимъ предметамъ. Прямѣрная программа коммерческой географіи (для VI класса коммерческаго отдѣленія) раздѣлена на слѣдующіе восемь отдѣловъ: основные понятія о существѣ, задачахъ и формахъ торговли; торговое значеніе путей сообщенія и перевозочныхъ средствъ; виѣшнія моря Евроы по отношенію къ торговлѣ и промышленности; торговое мореходство и развитіе купеческаго флота; внутренніе пути сообщенія—естественные и искусственные; торговыя обороты товарами туземнаго производства въ Россійской имперіи, съ подраздѣленіемъ по отраслямъ промышленности и сравнительно съ другими государствами (климатъ и почва Евроцейской Россіи; внутренняя торговля хлѣбомъ въ Россіи, главные ея пути и рынки по районамъ; движеніе хлѣбныхъ грузовъ по главнымъ пристанямъ и рынкамъ въ центральномъ районѣ; направление и пути хлѣбной торговли въ южномъ районѣ Евроцейской Россіи; разведеніе льна и внут-

ренияя торговля имъ; разведеніе конопли и табаку; виноградарство и винодѣліе въ Россіи; лѣсоводство; связь хлѣбопашства со скотоводствомъ; коневодство и овцеводство въ Россіи; свиноводство и щетинодѣліе, торговые обороты произведеніями того и другаго; горноводство и торговля металлами); виѣшняя организація издѣльной и торговой промышленности въ Россіи; участіе Россіи во всемирной торговлѣ и сравнительный обзоръ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ товарныхъ оборотовъ послѣдній. По *исторіи*: въ III классѣ — Евреи, Греки и Римляне, послѣдніе до Феодосія Великаго, въ IV классѣ — русская исторія, въ связи со всеобщемъ, до 15 столѣтія, въ V классѣ — то же до 17 столѣтія, въ VI классѣ — событія русской и всеобщей исторіи, начиная съ Петра Великаго до настоящаго царствованія. Въ общемъ отдѣленіи дополнительного класса излагаются въ болѣе связномъ видѣ событія изъ древней, средней и новой исторіи, имѣющія всемирно-историческое значеніе; послѣдніе два отдѣла въ связи съ исторіею отечественною, по плану, принятому въ гимназіяхъ, но съ тѣмъ, чтобы изложенію событій изъ новой и русской исторіи, начиная съ дома Романовыхъ, дано было большее развитіе, а также чтобы вообще было, по возможности, обращено вниманіе на успѣхи или на состояніе техническихъ производствъ, промышленности и торговли. По *математикѣ*: въ I и II классахъ — ариѳметика; въ III кл.—1 урокъ для ариѳметики и 3 урока для алгебры; въ IV кл.—1 урокъ для алгебры и 3 для лонгиметрии; въ V классѣ — 3 урока для планиметрии и стереометрии; плоская тригонометрія (2 урока), алгебра (3 урока); въ VI классѣ — начертательная геометрія (2 урока). Въ дополнительномъ классѣ — статьи дополнительныя къ курсу алгебры и приложеніе алгебры къ геометріи. Относительно дополнительного курса алгебры, по примѣрной программѣ должно быть пройдено: извлеченіе квадратныхъ корней изъ количествъ вида $a \pm \sqrt{b}$; мнимыя величины и преобразованіе выраженія $\sqrt{a \pm b\sqrt{-1}}$; прложеніе свойствъ трехчлена 2-й степени къ разысканію maximum и minimum; способъ определенныхъ коэффициентовъ; биномъ Ньютона со всякимъ показателемъ; о рядахъ и разложеніи степеныхъ количествъ въ строки; логарифмическая и тригонометрическая строки и приложеніе ихъ къ составленію таблицъ; способъ предѣловъ; теорія соединеній съ повтореніями. По предмету приложенія алгебры къ геометріи должны быть пройдены слѣдующія задачи: а) по извѣстному разстоянію двухъ данныхъ линій, перпендикулярныхъ къ третьей, отыскать на этой послѣдней такую точку, чтобы прямая, проведенная отъ этой точки къ концамъ перпендикуляровъ, составили съ этой третьею линіею равные углы; б) въ данномъ треугольнике вписать квадратъ; с) къ двумъ кругамъ провести общую касательную; д) раздѣлить прямую линію въ крайнемъ и среднемъ отношеніи; е) въ данномъ кругѣ начертить окруж-

ность концентрическую, раздѣлающую данный кругъ въ крайнемъ и среднемъ отношеніи; f) отъ площади прямоугольной трапециі отрѣзать часть, равную площади данного прямоугольника, посредствомъ прямой, параллельной основанію трапециі; g) шаръ пересѣчь плоскостю, перпендикулярно его диаметру, въ такомъ разстояніи отъ конца диаметра, чтобы вся поверхность отсѣченаго сегмента была равна площади данного круга; h) шаръ и цилиндръ, лежащіе на горизонтальной плоскости, пересѣчь другою горизонтальную плоскостью, такъ чтобы объемы этихъ тѣлъ, заключающіеся между плоскостями, находились въ данномъ разстояніи. Начертательная геометрия проходится до определенія понятій о планѣ, профиляхъ и главныхъ разрѣзовъ зданія и основныхъ правилъ перспективы. Преподаваніе естественной истории должно имѣть въ виду какъ формальное развитіе учащихся, такъ и доставленіе имъ свѣдѣній, необходимыхъ въ общежитії. Прежде всего, при преподаваніи этого предмета, слѣдуетъ ознакомить учащагося съ формами, къ нему ближайшими, а именно съ тѣми, которая имѣютъ наибольшее значеніе въ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, въ ученикѣ, напримѣръ, о растеніяхъ должны быть изучены ближайшія изъ окружающихъ формъ и, по мѣрѣ возможности, тѣ, которая имѣютъ значеніе въ практическомъ отношеніи. Изученіе этихъ формъ должно начинаться съ процесса проростанія. Пособіями къ этому изученію должны служить формы проростающихъ растеній, выбранныя изъ различныхъ отдельностей сѣмействъ растеній, при чёмъ ученикамъ раздаются сѣмена изучаемыхъ растеній, дабы они могли сами потомъ наблюдать за проростаніемъ. Проростаніе споровыхъ растеній изучается посѣдѣ, когда ученики получать достаточныя сведения о растеніяхъ сѣмействъ. Здѣсь ученикъ получаетъ первыя понятія о важнѣйшихъ органахъ растеній и ихъ значеніи въ жизни растенія. Далѣе выбираются формы растеній, встрѣчающихся на каждомъ шагу, и эти растенія рассматриваются монографически, причемъ, посредствомъ сравненія формъ, дѣлаются возможныя обобщенія и полагается начало понятію о группировкѣ и классификаціи растеній. Затѣмъ сообщаются свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи растеній, причемъ обращается вниманіе и на практическія приложенія данныхъ анатоміи и физіологии къ жизни. Такъ, напримѣръ, въ изложении учепія о питаніи и размноженіи растеній дается понятіе объ условіяхъ воздѣльванія растеній сельско-хозаѣственныхъ, идущихъ па текані, красильныхъ и т. п., причемъ указывается и географическое распространеніе этихъ растеній. Такъ, въ V и VI классахъ проходится ботаника, зоология и минералогія, въ дополнительномъ классѣ—анатомія и физіологія животныхъ и растеній. При преподаваніи естественной истории въ коммерческомъ отдѣленіи необходимо чисто практическое ознакомленіе съ произведе-

плями природы, имѣющими значеніе въ производственномъ отношеніи. Для этой цѣли, по разсмотрѣніи естественныхъ формъ, слѣдуетъ указать, по мѣрѣ возможности, и на получаемое отъ нихъ продукты, свойства этихъ продуктовъ и ихъ распространение. Такъ, въ минералогии слѣдуетъ пройти: о минералахъ горючихъ, каковы, напримѣръ, сѣра, нефть, каменные угли; о драгоценныхъ камняхъ, о важнѣйшихъ металлахъ и горныхъ породахъ. Изъ физики должно быть пройдено: въ V классѣ — ученіе о магнитизмѣ, электричествѣ, гальванизмѣ и тяжести; въ VI классѣ — свѣтѣ, теплотѣ и звукахъ. Въ дополнительномъ классѣ — повтореніе курсовъ V и VI классовъ съ соотвѣтственнымъ пополненіемъ ихъ. Это преподаваніе должно начинаться съ опытъ и происходить, по возможности, въ физическомъ кабинетѣ; при этомъ преподаватель долженъ стараться пріучать учениковъ самимъ обращаться съ физическими приборами и дѣлать, по крайней мѣрѣ, важнѣйшіе опыты. Для большаго уясненія курса, ученики должны быть упражнены въ решеніи задачъ, примѣрное собрание которыхъ помѣщено въ приложении къ учебному плану. Въ коммерческомъ отвлеченіи проходится, кромѣ того, ученіе о химическихъ свойствахъ тѣлъ. Преподаваніе химіи должно имѣть, главнымъ образомъ, цѣлью подготовить юношу къ дѣятельности, наиболѣе необходимой для успѣха фабричной и заводской промышленности. Реальное училище должно подготовить ученика къ правильному пониманію химическихъ производствъ, основанныхъ, въ свою очередь, на правильномъ примѣненіи законовъ химіи. Отсюда понятна необходимость сначала прочно изучить основы самой науки. Для достижениія этой цѣли, преподаваніе химіи слѣдуетъ начинать съ неорганической химіи. Въ концѣ учебнаго курса въ VI классѣ слѣдуетъ удѣлить 15 — 20 уроковъ на ознакомление съ органическими веществами, особенно важными для жизни животныхъ и растеній. Программа механики (изъ VI классѣ кинематика и ученіе о силахъ, въ дополнительномъ — о машинахъ) составлена примѣрительно къ руководству *Premiers éléments de mécanique appliquée, par Sonnet*, переведенному на русскій языкъ Г. Р. Гресье. Учебный планъ *рисунковъ* (получасовые уроки, § 14): Преподаваніе начинается съ рисованія линій и геометрическихъ фигуръ, сначала при помощи квадратной сѣтки, а потомъ безъ нея. Затѣмъ слѣдуетъ рисование геометрическихъ фигуръ наизусть, безъ сѣтки, составленіе различныхъ узоровъ изъ нихъ, сначала по указанію учителя, потомъ по собственному выбору учениковъ (I классѣ). За сімъ рисование линій, угловъ, геометрическихъ фигуръ и контуровъ простыхъ геометрическихъ тѣлъ съ проволочныхъ моделей; рисование геометрическихъ тѣлъ и ихъ комбинацій съ моделей; рисование съ натуры предметовъ, имѣющихъ формы, близкія къ геометрическимъ; рисование геометрическихъ тѣлъ и ихъ комбинацій наизусть, по указанію

нию учителя (II классъ). Рисование съ натуры простѣйшихъ, съ тушикою, частей лица, цѣлыхъ масокъ и предметовъ, схожихъ съ ними по своей несложности, въ однихъ контурахъ (III классъ). Рисование съ гипсовыхъ моделей: а) сложныхъ орнаментовъ, б) частей лица, масокъ, рукъ, ногъ; рисование пейзажей съ оригиналами и фотографій (IV классъ). Чертеніе: въ VI классѣ—вычерчиваніе употребительнѣйшихъ кривыхъ и исполненіе задачъ, относящихъ къ курсу начертательной геометріи. Изображеніе геометрическихъ фигуръ и узоровъ, составленныхъ изъ нихъ, должны сопровождаться объясненіемъ ихъ; поэтому обученіе черченію должно находиться въ связи съ преподаваніемъ геометріи, и оба предмета слѣдуетъ, по возможности, поручать одному и тому же лицу, или, по крайней мѣрѣ, обученіе черченію поручать лицу, основательно знающему элементарную математику. По примѣрной программѣ черченія слѣдуетъ закоптить этотъ предметъ умѣніемъ вычерчивать эллипсы, гиперболы, параболы и касательные къ нимъ; спирали Архимеда, циклоиды, эпициклоиды и гипоциклоиды, развертки круга, логарифмическую спираль и винтовую линію. При преподаваніи *письмоводства* и *книговодства* предварительный теоретическая объясненія сопровождаются приложеніемъ этихъ послѣднихъ къ практикѣ. Такъ какъ недостаточно указать только приемы вычислений и напрактиковать учениковъ въ приложеніи къ потребностямъ коммерческаго дѣла, то необходимо научить ихъ собирать данные для вычислений, а потому курсы процентныхъ бумагъ, вексельные и денежные курсы, цѣны товаровъ, учетные проценты и т. п. должны быть взяты изъ действительности. Пособіями для этой цѣли могутъ служить курсовые ярлыки и биржевые хроники. При производствѣ практическихъ упражненій въ коммерческихъ вычислѣніяхъ ученикамъ указываются важнѣйшіе изъ упрощенныхъ способовъ вычислений, употребляемыхъ въ коммерческой практикѣ; на этихъ же урокахъ ученики должны быть ознакомлены съ способами распознаванія главныхъ сортовъ товаровъ и чаще встрѣчающихся подмѣсей. По примѣрной программѣ коммерческихъ вычислений въ связи съ коммерческою экономіею должно быть проідено: обученіе о монетѣ, кредитѣ, курсовыхъ и вексельныхъ вычислѣніяхъ, вычислѣніи фондовъ и акцій, о банкахъ, товарныхъ вычислѣніяхъ, аваріи, страхованиі, о биржахъ, ярмаркахъ и таможенныхъ учрежденіяхъ. Курсы бухгалтеріи должны обнимать раздѣленіе ея на простую и двойную, узаконенія о счетоводствѣ и послѣдствія ихъ неисполненія, краткій историческій очеркъ развитія бухгалтеріи, примѣрное практическое введеніе счетоводства, примѣненіе къ обширному коммерческому предпріятію, въ составъ которого входятъ товарная торговля, банкирская, комиссіонная и экспедиціонная операции. Сверхъ того, ученики обязаны заниматься самостоятельными работами по заведенію примѣрного счетоводства одной или

нѣсколькихъ банковыхъ операций, и быть ознакомлены съ общими понятиями о фабричной бухгалтеріи. Составление исполнительныхъ чертежей машинъ (въ механико-техническомъ отдѣлении дополнительного класса) имѣеть цѣлью научить учениковъ ясно понимать чертежи машины и разбирать его на составные части или детали. Учебный планъ этого предмета: шкивъ, зубчатое колесо, эксцентрикъ, иотиль или кривошипъ, шатунъ, коромысло, подшипникъ, сальникъ, кранъ, параллелограмъ Уатта, детали насосныхъ поршней, парового поршня, чугунный и деревянный валь водяного колеса, колыччатый валь, детали различныхъ способовъ соединенія валовъ, детали соединенія трубъ, центробѣжного регулятора, цапты и подпитника вертикального вала и т. п. задачи. Учебный планъ землемѣрія и нивелировки: выборъ степени уменьшения, масштабъ; употребление сотенного дѣленія дюйма; составление линейного и попечерного масштаба; нанесеніе на бумагѣ угловъ по транспортиру и по тангенсамъ; основная геодезическая дѣятельность; производство съемокъ; межеваніе; нивелирование. Воспитанники должны научиться производству необходимыхъ съемокъ и нивелировокъ самыми простыми и дешевыми средствами. Преподаватель не долженъ ограничиться только тѣмъ, что показываетъ инструменты, находящіеся въ геодезическомъ кабинетѣ, но обязанъ изображать на доскѣ въ проложеніяхъ существенную ихъ части и указывать бывающіе варианты. Также полезно требовать отъ учениковъ, чтобы они сами составляли чертежи даваемыхъ имъ инструментовъ. Практическія работы въ полѣ должны производиться подъ руководствомъ опытного топографа; число инструментовъ должно быть рассчитано такъ, чтобы на каждыхъ четырехъ воспитанниковъ было по одному инструменту; четырехъ дней занятій воспитанника на пространствѣ одной квадратной версты достаточно для ознакомленія его со всѣми приемами съемки, нивелировки и составленія чертежей. Учебный планъ строительства искусствъ въ механико- и химико-техническихъ отдѣленіяхъ дополнительныхъ классовъ: въ первой части курса излагается: о материалахъ, употребляемыхъ для сооруженія дорогъ и солидныхъ стѣнъ, для покрышекъ, для обжиганія извести и гипса, для огнеупорныхъ устройствъ, для жернововъ на мельницахъ; о материалахъ, составляемыхъ искусственнымъ образомъ, и о такихъ, которые служатъ для связи камней между собой; о разныхъ сортахъ дерева, о металлахъ, о земляхъ. Во второй части проходится: обѣ устройства оснований; о земляныхъ, каменныхъ, деревянныхъ или плотничныхъ, печныхъ и разныхъ работахъ, каковы, напримѣръ, монтирование улицъ, устройство шоссе, отведеніе водъ со дворовъ, улицъ и дорогъ; о средствахъ противъ сырости въ строеніяхъ. Учебный планъ химической технологии въ химико-техническомъ отдѣлении дополнит-

тельного класса. При изложении производств химической технологии должно особенно имѣть въ виду разясненіе значенія и сущности манипуляцій и смысла химическихъ реакцій, соответственнымъ поправлениемъ которыхъ достигается успѣшный исходъ обработки сырья и выходъ продуктовъ. Поэтому слѣдуетъ сперва ознакомить слушателей со свойствами и химическимъ характеромъ тѣхъ соединеній, которые встрѣчаются въ излагаемомъ производствѣ, а равно войти въ теоретическое объясненіе химическихъ процессовъ, напримѣрь броженія, дубленія и т. д., затѣмъ указать теоретически и практическіи приемы техническаго анализа сырья и продуктовъ главныхъ производствъ. Чтобы ближе ознакомить слушателей съ излагаемыми производствами, слѣдуетъ завести коллекцію образцовъ сырья, какъ въ первоначальномъ, торговомъ видѣ, такъ равно и въ послѣдовательной переработкѣ до окончательнаго продукта, а также собрание приборовъ, требуемыхъ при техническихъ анализахъ для демонстрацій на урокахъ. Изъ химической технологии должно быть пройдено: производства крахмальнаго, пивовареннаго, винокуреннаго, красильнаго, жировъ животнаго и растительнаго происхожденія вмѣстѣ съ производствами салютопечнаго, свѣчнаго, маслобойнаго и мыловареннаго; кожевенное, стеклянное, фарфоровое и фаянсовое производство; хлѣбопече-
ни; отопление. Изъ прочихъ отраслей сего предмета, если позволить время и мѣстные условія данного края того потребуютъ, могутъ быть равнымъ образомъ пройдены: производства красильное, газовое и нефтяное, kleеваренное и лаковое. Въ механико-техническомъ отдѣленіи долженъ быть пройденъ курсъ технологіи металловъ и дерева. Практическія занятія въ химической лабораторіи (для химико-техническаго отдѣленія) назначаются съ тою цѣлью, чтобы дать ученикамъ возможность ознакомиться съ приемами техническаго анализа. Аналитическая упражненія слѣдуетъ начинать съ качественнаю химическаго анализа, и завятія эти необходимо вести съ изученія отдѣльныхъ реацій. Анализъ мокрымъ путемъ, наиболѣе выработанный и чаще прилагаемый при решеніи вопросовъ техники, вполнѣ пригоденъ для этихъ занятій. Въ другихъ, второстепенныхъ видахъ химического анализа, каковы: пипетная трубка, спектральный, калориметрическій и др., упражнять учениковъ лишь въ томъ случаѣ, если позволить время. Что касается до количественного анализа, то необходимо дѣлать строгій выборъ наиболѣе общихъ и употребительныхъ приемовъ. Практическія занятія надлежитъ начинать съ приемомъ вѣсоваго анализа простѣйшихъ химическихъ соединеній. Необходимо также отвести достаточное мѣсто объемному количественному анализу и ознакомить учениковъ съ главнейшими его приемами: алкалиметріей, ацидиметріей, съ методами возстановленія, окисленія и осажденія. Отдельные технические анализы веществъ, вырабатываемыхъ

мыхъ въ данной мѣстности, должны заключить курсъ занятій учениковъ аналитическою химіей.

Каждое реальное училище должно имѣть, кроме библиотеки (для учителей и учениковъ отдельно), физического кабинета, собранія географическихъ картъ и гимнастическихъ снарядовъ,—также коллекцію принадлежностей для рисованія и черченія. Сверхъ того, въ реальномъ училищѣ, смотря по специальности его дополнительного класса, должны быть: собранія рисунковъ и моделей машинъ и ихъ частей, необходимыхъ учебныхъ способовъ по естественной исторіи и химіи, образчиковъ по механической технологіи и механической обработкѣ деревъ и металловъ, химическая лабораторія и, по возможности, полная коллекція образчиковъ товаровъ.

Поставленія объ учащихся, ихъ приемъ въ училища и числѣ, освобожденіи отъ платы за учение, о взысканіяхъ и т. п., о пансіонахъ—тѣ же, какіе изложены въ гимназическомъ уставѣ. Правила объ испытаніяхъ учениковъ реальныхъ училищъ утверждены 20-го апрѣля 1875 г. По этимъ правиламъ ученики II класса подвергаются испытанію изъ всѣхъ предметовъ, въ объемѣ курса первыхъ двухъ классовъ, а ученики остальныхъ классовъ, кроме VI,—испытанію изъ главныхъ только предметовъ реального курса, и притомъ въ объемѣ лишь курса каждого класса въ отдельности, за исключеніемъ географіи, изъ коей производится испытаніе ученикамъ IV класса въ объемѣ первыхъ четырехъ классовъ. Это испытаніе изъ географіи считается окончательнымъ и не повторяется при выпускномъ экзаменѣ изъ VI класса, который производится изъ остальныхъ предметовъ въ объемѣ курса III—VI класса. Испытаніе въ дополнительномъ классѣ производится изъ главныхъ предметовъ въ объемѣ курса сего класса, за исключеніемъ закона Божія, математики и физики, изъ коихъ устное испытаніе производится въ полномъ объемѣ реального курса, шестикласснаго и дополнительного. Относительно директора и инспектора также примѣняются статьи устава гимназій, съ тою лишь оговоркою, что въ реальныхъ училищахъ, содержащихъ вполнѣ на счетъ земствъ, обществъ, сословій и частныхъ лицъ, избраніе директора и инспектора предоставляется этимъ земствамъ, обществамъ и лицамъ. Постановленія о преподавателяхъ также сходны съ гимназическими (въ учителя рисованія опредѣляются преимущественно лица, окончившія курсъ въ классѣ архитектуры Императорской академіи художествъ, въ Строительномъ училищѣ, въ классѣ архитектуры московского училища живописи, ваянія и архитектуры, а также въ московскомъ Строгановскомъ училищѣ), равно какъ положенія о классныхъ наставникахъ, объ окладахъ содержания и т. п. Каждое реальное училище, равно какъ каждая гимназія, имѣть почетного попечителя, если оно содержится вполнѣ или частично на счетъ земствъ, обществъ и т. п.

Учреждение, существующее исключительно при реальныхъ училищахъ, составляетъ попечительство (§§ 79—81). Оно состоитъ изъ городского головы, почетного попечителя реального училища, если таковой имѣется, начальника училища и членовъ, числомъ отъ 5-ти до 10-ти. Въ училищахъ, содержащихъ отъ казны, сіи послѣдніе члены назначаются на три года изъ мѣстныхъ почетныхъ лицъ, по представлению попечителя учебного округа; въ училищахъ же, содержащихъ на счетъ обществъ, земствъ или сословий, сіи члены избираются на три же года обществами, земствомъ или сословіями. Попечительство само выбираетъ себѣ предсѣдателя на три года и собирается три раза въ годъ. Оно заботится: о составленіи при училищѣ коллекцій мѣстныхъ материаловъ и продуктовъ, о доставленіи ученикамъ возможности посѣщать окрестныя фабрики, заводы и фермы, и вообще объ устройствѣ экскурсій; о пособіи отличнымъ ученикамъ къ продолженію ученія въ одномъ изъ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній; о помѣщеніи выходящихъ учениковъ къ должностямъ соотвѣтственно ихъ приготовленію; обѣ избраніи тѣхъ новыхъ иностраннѣыхъ языковъ, которые должны быть преподаваемы въ реальномъ училищѣ; обѣ изысканіи средствъ къ устройству помѣщенія и къ улучшенню преподаванія. Заключенія попечительства по послѣднимъ двумъ пунктамъ представляются на утвержденіе попечителя округа.

Преподаватели реальныхъ училищъ пользуются одинаковыми правами по службѣ и пенсіи съ учителями гимназій.

Ученики, окончившиіе курсъ ученика въ реальныхъ училищахъ съ дополнительнымъ классомъ, могутъ поступить въ высшія специальные училища, подвергаясь только повторочному испытанию. При поступлении въ гражданскую службу они имѣютъ равныя права съ воспитанниками, окончившими курсъ въ гимназіяхъ. Штать шестиклассныхъ реальныхъ училищъ съ отдѣленіями и коммерческимъ опредѣленъ слѣдующимъ образомъ:

Содержаніе директору (при казенной квартирѣ).	1,200 р.
Ему столовыхъ	800 ,
инспектору (при казенной квартирѣ).	900 ,
Ему столовыхъ	600 ,
учителямъ	14,750 , ¹⁾
6-ти класснымъ наставникамъ	960 ,
3-мъ ихъ помощникамъ	600 ,
" врачу	300 ,

¹⁾ Эта сумма распределена между: 1 учителемъ русскаго языка, имѣющимъ 20 уроковъ; 4 учителями новыхъ языковъ, при 64 урокахъ; 8—математики, механики и черченія, при 46 урокахъ; 1—естественной исторіи, физики и химіи, при 20 урокахъ; 1—географіи и исторіи, при 18 урокахъ; 1—рисованія, при 16 урокахъ, и 1—чистописанія, письмоводства и книговодства, при 16 урокахъ.

Содержание письмоводителю или бухгалтеру	200	"
Ему столовыхъ	200	"
На плату учителямъ пѣнія и гимнастики .	500	"
" канцелярскіе расходы	100	"
" учебныя пособія .	1,000	"
Добавочное содержаніе секретарю совѣта и библиотекарю .	240	"

Итого. 23,100 р.

Въ теченіе одного 1873 г. было открыто 23 реальныхъ училища, изъ коихъ 4 содержались исключительно на счетъ казны и 3 на средства мѣстныхъ обществъ. Денежное пособіе, отпускавшееся отъ правительства на содержаніе 20-ти училищъ, составляло 458,795 р. На постройку зданій для реальныхъ училищъ общества и частныхъ лица жертвовали иногда весьма значительныя суммы, независимо отъ ежегодныхъ взносовъ на содержаніе училищъ. Между первыми особенно выдается сумма въ 73,266 р., пожертвованная Кіевскимъ городскимъ головой г. Демидовымъ, княземъ Санть-Донато. Къ 1-му января 1877 г. общее число реальныхъ училищъ, со включеніемъ двухъ училищъ Дерптскаго учебнаго округа, составляло 56, съ 10,888 учениками. Озабочиваясь процвѣтаніемъ реальныхъ училищъ, министерство отправило въ 1872 и 1873 гг. за границу нѣсколько реалистовъ-педагоговъ для обозрѣнія и ознакомленія съ устройствомъ тамошнихъ заведеній этого рода, равно какъ для покупки книгъ и учебныхъ пособій. Книгъ для фундаментальной библіотеки каждого училища было куплено на сумму 2,445 р., а учебныхъ пособій на 3,390 р., для всѣхъ же училищъ приобрѣтено тѣхъ и другихъ на сумму 145,896 р. (Обозр. дѣят. мин. нар. просв. за 1873 г.).

д. *Не-правительственные учебные заведенія. I. Училища евапеліческихъ приходовъ въ С.-Петербургѣ.* Древнѣйшее изъ нихъ — *Главное пильменское училище св. Петра*¹⁾, получившее это наименование по манифесту императрицы Екатерины II, отъ 31-го января 1764 г. Объ немъ упоминается уже въ 1710 г., какъ объ элементарномъ училищѣ; въ этомъ видѣ оно преобразовано въ 1762 г. бывшимъ его директоромъ А. Ф. Бюшингомъ (съ 1762 по 1765 г.) въ „училище языковъ, искусствъ и наукъ по образцу реальныхъ школъ Франкѣ и Геккера, существовавшее не только сравняться съ лучшими иностранными школами, но даже превзойти ихъ своимъ совершенствомъ“, а въ 1783 г. оно возведено въ главное нормальное народное училище (см. выше, стр. 28). Латинскій языкъ, вошедшій въ учебный планъ при директорѣ Бюшингѣ и вслѣдствіе этого преобразованія исключенный, былъ опять введенъ въ училищѣ много времени спустя и утвердился какъ обя-

¹⁾ Съ. Исторію этого училища, соч. Леммериха, выше стр. 321.

зательный предметъ только въ 1826 г. стараніями графа Сиверса (см. стр. 238), такъ какъ начальство училища желало сохранить за нимъ характеръ общей реальной школы. Въ 1834 году при училищѣ было утверждено гимназическое отдѣленіе съ 8-ю часовыми уроками греческаго въ трехъ и 22-ми уроками латинскаго языка въ четырехъ старшихъ классахъ, сдѣланніе по учебному плану 1858 года (при директорѣ Штейнманѣ) главнымъ отдѣленіемъ училища. Съ этого послѣдняго времени училище состоитъ изъ 7-ми-классной гимназіи (1-го мая въ неї было 223 ученика), 7-ми-класснаго реальнаго училища (1-го мая 272 ученика), съ общимъ приготовительнымъ классомъ, и изъ 3-хъ-класснаго элементарнаго училища (152 ученика). Кроме того при главномъ училищѣ находится 7-ми-классное женское училище (371 ученица), равнымъ образомъ съ элементарпою школою (152 ученицы). Изъ числа учащихся въ главномъ училищѣ и его отдѣленіяхъ 898 принадлежать къ вѣроисповѣданіямъ евангелическо-лютеранскому и реформатскому, 244 — къ православному.

Училище при евангелической церкви св. Аны¹⁾ было открыто въ 1736 г. какъ школа для первоначальнаго образованія и оставалось до 1833 г. городскимъ или реальнымъ училищемъ, ибо преподававшійся въ одномъ классѣ его съ 1762 года, кажется обязательнѣо, латинскій языкъ, сдѣлался предметомъ необязательнаго съ 1780 года („частно для желающихъ“). Училище имѣло цѣлую образовать изъ молодыхъ людей промышленниковъ, торговцевъ, фармацевтовъ, хирурговъ и чиновниковъ. Въ 1833 г. оно преобразовано, „по образцу 3-й С.-Петербургской гимназіи“, въ 5-ти-классную ученую школу, съ 13-ю уроками греческаго и 20-ю латинскаго языка въ старшихъ четырехъ классахъ. Гимназическій характеръ училища въ 1846 г. вполне пѣсколько утратился, такъ какъ „директоръ извѣсіе его классы болѣе сблизилъ съ курсомъ реальнаго училища, въ старшихъ же двухгодичнымъ правильнѣомъ курсомъ стремился все болѣе и болѣе удовлетворить требованіямъ экзамена для поступления въ университетъ“. Въ 1852 г. училище имѣло кроме приготовительнаго класса еще 7 классовъ при 15-ти урокахъ греческаго и 26-ти латинскаго языка. Въ настоящее время училище состоитъ изъ гимназического и реальнаго отдѣленій, съ 8-ю классами въ каждомъ (въ 1875 г. въ первомъ изъ этихъ отдѣленій было 186, во второмъ 238 учениковъ), и приготовительнаго класса (40 учениковъ); сверхъ того при немъ находится трехклассная школа для сиротъ (134 ученика) и 8-ми-классная школа для дѣвицъ (309 ученицъ), съ трехкласснымъ элементарнѣомъ училищемъ (128 ученицъ).

¹⁾ См. ятторпісъ училища, сост. директоромъ Видемальномъ, въ программѣ 1853 года.

*Реформатское церковное училище*¹⁾. Оно учреждено тремя реформатскими приходами (голландскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ), по случаю трехсотлѣтней годовицы реформации, сперва въ видѣ двухклассного элементарного училища; въ концѣ двадцатыхъ годовъ преобразовано въ четырехклассное, въ курсъ котораго послѣ 1840 года включены и латинскій языкъ, какъ предметъ частнаго образованія для желающихъ. Въ 1852 г. открыты пятый классъ, вскорѣ затѣмъ шестой и седьмой, а съ 1864 года и восьмой. Въ настоящее время училище состоитъ изъ гимназического и реального отдѣлений, съ 7-ю классами въ каждомъ, и приготовительного училища; въ старшемъ классѣ гимназического отдѣленія курсъ обученія двухгодичный. Шестой классъ реального отдѣленія заканчивается въ яѣкоторой степени образованіе учениковъ, такъ что седьмой классъ соотвѣтствуетъ дополнительному классу правительстvenныхъ реальныхъ училищъ. Число учениковъ въ апрѣль 1875 г. составляло: въ двухъ письмыхъ классахъ 112, въ шести классахъ (тогда открытыхъ) гимназического отдѣленія 109, въ реальномъ отдѣленіи 194 человѣка. Принадлежать къ вѣроисконѣдавшіямъ: православному 160, реформатскому 75, лютеранскому 147 учениковъ. Учебный планъ училища слѣдующій:

¹⁾ См. Пятидесятилѣтній юбилей реформатского училища, въ программѣ 1868 года.

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ.	Приготовитель- ный классовъ.														
		I кл. Гимн. откры.	II кл. Реальн. откры.	III кл. Гимн. откры.	IV кл. Реальн. откры.	V кл. Гимн. откры.	VI кл. Реальн. откры.	VII кл. Гимн. откры.	Реальн. откры.						
Законъ Божій (протест.).	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	1	1
(православн.).	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Русскій языкъ и словесность	6	6	6	5	5	5	5	5	5	4	4	4	4	3	3
Нѣмецкій языкъ и словесность.	8	5	5	4	5	3	4	3	4	3	4	3	3	3	3
Французскій яз. и словесность.	6	6	6	5	6	5	6	5	6	5	6	5	5	4	5
Латинскій языкъ	.	—	3	—	6	—	6	—	6	—	6	—	7	—	8
Греческій языкъ	—	—	—	—	—	3	—	6	—	4	—	5	—	5	—
Англійскій языкъ.	—	—	—	—	—	2	—	3	—	3	—	3	—	3	—
Русская исторія.	—	—	—	—	—	1	1	1	1	—	—	1	1	2	2
Всеобщая исторія.	—	—	—	—	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Географія Россіи	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—
Всеобщая географія	.	—	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	—	—
Физическая географія.	.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Естественная исторія	—	—	—	2	2	2	2	2	2	2	—	2	—	2	2
Физика	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	3	2
Химія	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	3	3
Арифметика.	4	5	5	3	4	3	4	2	4	2	2	2	2	2	2
Алгебра	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	2	2	2	2	2
Геометрія и тригон.	.	—	—	—	—	2	2	1	1	2	2	2	2	2	2
Математ. географія	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Чистописаніе	.	5	5	5	2	2	2	2	1	2	—	2	—	1	—
Рисование	—	1	1	1	1	1	1	1	1	—	2	—	2	—	3
Пѣниe	—	1	1	1	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—

Изъ трехъ названныхъ училищъ сперва дарованы были права правительственныехъ учебныхъ заведеній главному училищу св. Петра, а именно: указомъ 8-го февраля 1829 г. директору, инспектору и учителямъ его присвоены чины, а Высочайше утвержденнымъ 6-го мая 1836 г. мнѣніемъ государственного совѣта училище это, въ отношеніи къ правамъ воспитанниковъ его по гражданской службѣ, причислено ко второму разряду учебныхъ заведеній, наравнѣ съ гимназіями. Затѣмъ получили тѣ же права: училище св. Анны—3-го ноября 1852 г. и реформатское училище—30-го ноября 1864 г. Вновь на всѣ три училища распространены, въ силу Высочайше утвержденного мнѣнія государственного совѣта 29-го апреля 1875 г., права гимназій по новому уставу (окончательная испытанія для поступленія въ университетъ) и учителей ихъ (права государственной службы). Только пенсіи симъ послѣднимъ производятся, по прежнему, изъ подлежащаго училищаго капитала.

II. Училища евангелическихъ приходовъ въ Москвѣ. Самое древнее изъ нихъ—Евангелическо-лютеранское *училище св. Михаила*, о существованіи которого имѣются достовѣрныя историческія данныя съ 1601 г. (учрежденіе прихода дозволено въ 1576 г. царемъ Иваномъ Васильевичемъ IV). Вообще же документальная свѣдѣнія о московскихъ общинахъ школахъ весьма скучны, такъ какъ пожарь Москвы 1812 года истребилъ большую ихъ часть. Извѣстенъ только приблизительно постепенный ходъ развитія училища св. Михаила: сперва оно было однокласспою латинскою школой, затѣмъ, послѣдовательно, элементарнымъ училищемъ съ нѣсколькими классами, четырехкласспою прогимназіею, гимназіею. Съ 1870 г. оно преобразовано въ реальное училище, съ коммерческимъ направленіемъ, при слѣдующемъ учебномъ планѣ:

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ.	При- гото- вите- льный класс.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.
Законъ Божій.	1	2	2	2	2	2	2
Рускій языкъ.	6	6	4	4	4	4	3
Нѣмецкій языкъ.	6	6	6	4	4	4	3
Французскій языкъ.	—	—	4	4	4	3	3
Англійскій языкъ.	—	—	—	—	3	3	3
Географія	—	—	2	2	3	3	2
Історія	—	—	—	2	4	3	4
Математика	6	4	4	6	5	6	4
Естественная исторія	—	—	—	2	2	2	2
Физика	—	—	—	—	—	2	2
Хімія.	—	—	—	—	—	—	2
Математ. географія	—	—	—	—	—	—	1
Бухгалтерія	—	—	—	—	—	3	3
Чистописаніе	4	3	2	2	—	—	—
Рисованіе	—	2	2	2	2	2	2
Пѣніе.	—	2	2	2	2	2	2

Примічаніє. П'янію обучаются всѣ ученики вмѣстѣ.

Педагогіческій совѣтъ училища: директоръ и 15 учителей. Число учениковъ 144 (изъ нихъ 15 вольноприходящихъ). Въ составѣ училища входитъ: пансіонъ (36 воспитанниковъ) и сиротскій домъ (12 воспитанниковъ). Плата за учение 96 руб., пансіонная — 400 руб. Імущество училища заключается въ училищномъ зданіи, желѣзномъ складѣ на сумму приблизительно въ 55,000 р. и въ 24,000 р. деньгами; все это образовалось отъ сдѣланыхъ въ разное время пожертвованій. Послѣ пожара, училище нѣсколько разъ получало Высочайшіе подарки: въ 1813 г.—25,000 р., въ 1828 г.—10,000 р. ассигнаціями.

Училище приходи св. Петра и Павла. Приходъ этотъ уже въ 1668 г. имѣлъ одну школу, о которой только извѣстно, что и въ ней введенъ былъ новый курсъ учения насторомъ прихода св. Михаила

Л. Бартольдомъ Вагенсомъ, который былъ назначенъ 5-го марта 1713 г. суперинтендентомъ и эфоромъ всѣхъ лютеранскихъ церквей и училищъ государства. Вѣроятно и это училище подверглось въ организаціи своей тѣмъ же перемѣнамъ, какія испытали прочія, упомянутыя нѣмецкія школы. Сохранился лишь тотъ достовѣрный фактъ, что въ 1810 г. одинъ воспитанникъ названнаго училища прямо изъ него перешелъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета (А. А. Альфонскій, впослѣдствіи ректоръ того же университета). Спустя 12 лѣтъ послѣ пожара Москвы, приходу удалось, благодаря Высочайшему денежному дару въ 5,000 р. (таковой же въ 34,500 р. приходъ получиль отъ императора Николая), иновн. открыть училище съ двумя классами; въ 1830 же году оно вновь могло выпускать своихъ воспитанниковъ въ университетъ (въ то время изъ него перешелъ въ медико-хирургическую академію впослѣдствіи часто упоминающійся известный профессоръ К. Фр. Рулье). Въ 1865 г. при училищѣ было устроено и реальное отдѣленіе, сверхъ существовавшаго уже гимназического. Правами казепныхъ учебныхъ заведеній училище пока еще не пользуется, за исключеніемъ предоставленнаго воспитанникамъ его, наряду съ тремя Петербургскими общинными училищами (св. Петра, св. Анны и реформатскими), права поступать въ военную службу вольноопредѣляющимися. Училище раздѣляется на школу для мальчиковъ и школу для девицъ. Первая состоитъ изъ трехклассной элементарной школы (съ 192 учениками), изъ семиклассной гимназіи съ двухгодичнымъ курсомъ VII класса (съ 120 учениками гимназіи) и реальной школы (съ 225 учениками), которая, начиная съ III класса, развѣтвляется на двухклассное коммерческое отдѣленіе и трехклассное отдѣленіе, приготовляющее для поступленія въ политехническія заведенія. Учебный планъ училища слѣдующій:

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ.	Прототипательная школа.										Ревильская школа.										Гимназия.	
	Ia.	16.	II.	IIIa.	IIIb.	VII.	VI.	V.	IV.	IIIa.	IIIb.	IIa.	IIb.	IIc.	VII.	VI.	V.	IV.	III.	II.	I.	
Законъ Божій	2	2	3	2	2	2	2	2	2	1	1	2	2	2	2	2	2	2	2	1	1	
Рускій языкъ.	3	4	6	5	5	4	4	4	4	3	3	4	3	4	4	4	4	4	4	3	3	
Немецкій языкъ.	4	8	7	7	6	6	6	5	4	3	3	4	4	4	4	4	4	4	4	3	3	
Французскій языкъ.	—	—	—	—	6	6	5	5	4	4	5	5	4	4	4	4	4	4	3	3	—	
Англійскій языкъ.	—	—	—	—	—	—	—	5	4	4	4	5	5	4	4	4	4	4	3	3	—	
Латинскій языкъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Греческій языкъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Математика.	5	5	5	5	4	4	4	5	6	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	6	
Физика.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	2	4	
Торгов. счетоводство.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Письмовой. книжковой.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Наука о торговѣ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Исторія.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Географія	—	—	—	—	2	2	2	2	2	—	2	2	2	2	2	2	2	2	2	—	—	
Чистописание	4	4	3	3	2	2	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Рисование	—	—	—	—	2	2	—	2	2	—	2	2	—	2	2	—	—	—	—	—	—	
Гимнастика.	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	
Итого.	26	25	25	24	24	30	30	32	32	30	33	31	32	32	32	32	32	32	32	31	31	

Училище имѣетъ директора, инспектора (и тотъ и другой состоять преподавателями) и 33 учителя. Педагогический совѣтъ, въ составъ коего не входятъ преподаватели искусствъ, рѣшаеть всѣ вопросы обѣ учебныхъ руководствахъ, методѣ преподаванія, учебномъ планѣ, исключепіи учениковъ, равно какъ о дисциплинѣ вообще, и о переводѣ изъ класса въ классъ. Но всѣ постановленія по означеннымъ предметамъ восходятъ на утвержденіе училищнаго совѣта, состоящаго изъ предсѣдателя церковнаго совѣта, обоихъ пасторовъ, директора мужской школы, двухъ членовъ церковнаго совѣта, одного выборнаго отъ прихода и инспектора. Училищный совѣтъ повѣряеть, сверхъ того, мѣсячные отчеты директора, обсуждаеть иѣри, касающіяся нравственной и научной стороны училища, равно какъ материальныя его интересы, въ особенности же долженъ заботиться о снабженіи училища учебными пособіями, слѣдить за постройками и т. п. и ведеть денежные счеты. Главный надзоръ припадлежитъ церковному совѣту: онъ ведеть офиціальную переписку, имѣть право ревизовать училищную классу и выбирать и увольнять преподавателей. Училище содержитъ исключительно доходами отъ платы за обученіе и за пансионеровъ, первоначальныхъ взносовъ на обзаведеніе и продажи книгъ. Доходы эти составляли въ 1874—75 учебномъ году 67,688 р. 37 к., расходы же простирались на 64,259 р. 37 к. (изъ нихъ выдано жалованья 37,295 р.). Директоръ получаетъ 3,500 р. содержания, инспекторъ—2,000 р., учителя древнихъ языковъ, исторіи, математики по 1,800 р., преподаватели элементарныхъ предметовъ—по 1,500 р., прочие учителя получаютъ вознагражденіе по числу даваемыхъ ими уроковъ. При училищѣ находится пансионъ (120 пансионеровъ, при 11 надзирателяхъ). Плата за пансионеровъ составляетъ 300 р. въ годъ, плата за обученіе въ элементарныхъ классахъ—80 р., въ прочихъ—100 р. Число освобожденныхъ отъ платы учениковъ (56) равняется 10%, а пансионеровъ—4%. Изъ числа учениковъ 238 чел. лютеранскаго исповѣданія, 247 православнаго. Женская школа существуетъ съ 1829 года съ двумя элементарными классами и семью высшими, къ коимъ предполагается присоединить еще восьмой классъ. Въ этой школѣ пышь находится 266 ученицъ.

III. Къ заведеніямъ, единственнымъ въ своемъ родѣ, относятся два слѣдующія: а) Лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ. Онъ основанъ М. Н. Катковымъ и И. М. Леовганди, пожертвовавшими на первоначальные расходы по его учрежденію по десяти тысячѣ рублей, съ цѣлію создать образецъ такого учебнаго заведенія, которое бы пагляднымъ образомъ убѣждало въ пользу классического образования, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ цѣлію содѣствовать утвержденію основательнаго образования русскаго юношества и путемъ живаго опыта способствовать развитию въ Россіи самостоятельной педагогической дѣятель-

ности и вырабатывать на практикѣ пріемы и способы учебнаго дѣла. На этихъ основаніяхъ, въ юлѣ 1867 года, благодаря свойственной названнымъ дѣятелямъ энергіи, былъ представленъ въ министерство планъ лицея, а уже 13-го января слѣдующаго года послѣдовало его открытие, первоначально въ составѣ трехъ классовъ, съ 23 воспитанниками. 12-го юла 1869 года окончательно утвержденъ уставъ лицея. На основаніи его, лицей имѣть восемь классовъ гимназического курса, при чёмъ объемъ преподаванія въ оныхъ долженъ быть не менѣе положенного для правительственныхъ классическихъ гимназій, и три класса университетскаго курса. Высшій надзоръ за управлениемъ учебною, воспитательною и хозяйственными частими лицей принадлежитъ особому совѣту, состоящему, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, когда онъ находится въ Москвѣ, а въ другое время подъ предсѣдательствомъ Московскаго генераль-губернатора, изъ слѣдующихъ лицъ: попечителя и помощника попечителя Московскаго учебнаго округа, ректора Московскаго университета, одного члена по избранію сего университета, членовъ лицейскаго правленія и почетныхъ членовъ лицей (почетными членами становятся лица, пожертвовавши въ лицей не менѣе 10,000 р. единовременно). Сверхъ того, въ совѣтѣ засѣдаютъ, если пожелаютъ, съ правомъ голоса: мѣстные губернскій предводитель дворянства, городской голова и предсѣдатель губернской земской управы. Правленіе лицей составляютъ основатели его, главный и старшіе учителя лицей, а также, въ извѣстныхъ случаяхъ, старшіе туторы университетскаго курса. Вступающій въ правленіе обязанъ дать присягу, что будетъ заботиться о пользѣ заведенія по всей доброй совѣсти и въ точности исполнять его уставъ и статуты. Назначеніе главныхъ и старшихъ учителей, а также законоучителя, зависитъ отъ правленія. Педагогическій составъ лицъ слѣдующій: главный учитель (директоръ заведенія), помощники директора (старшіе учителя), главные надзиратели, старшіе и младшіе туторы и преподаватели университетскаго курса. Въ особомъ отдѣленіи лицей (Ломоносовская семинарія) безплатно воспитываются молодые люди, съ обязательствомъ быть учителями по окончанію ими курса. Лицей издаетъ особый календарь; четыре книжки его появились въ свѣтѣ. Въ этомъ календарѣ помѣщена, между прочимъ, слѣдующая программа преподаванія древніхъ языковъ: I классъ (12 уроковъ). Склоненія, спряженія, сравнительная степень, мѣстоименія, имена числительныя. II классъ (9 уроковъ). Окончаніе этиологіи, за исключеніемъ неправильныхъ глаголовъ; главнѣйшия правила синтаксиса. III классъ (7 уроковъ). Неправильные глаголы; синтаксисъ простаго предложения; Корнелій Ненотъ, Федръ. IV классъ (6 уроковъ). Синтаксисъ сложнаго предложения; Цезарь, Овидій. V классъ (6¹ уроковъ). Понятие синтаксиса; Катопъ Старшій, Овидій.

DE PIETATIS, QUAE SIT IN PLATONIS EUTHYPHRONE, NOTIONE.

De pietate quam varie sit disputatum a veteribus, neminem fugere potest, qui paululum in his studiis sit versatus. Ex omnibus tamen illis et multis et variis quae fuerunt de pietate sententiis duae praecipue apud veteres maximam mibi vim videntur habere; quarum altera est eorum, qui illam virtutem artioribus circumscribunt cancellis et in rebus ponunt externis existimantes pietatem in sacrificiis ac donis offerendis, in precibus faciendis ac votis suscipiendis, in religionibus et caerimonijis colendis aliisque rebus externis inesse et contineri; altera corum, qui altius sapientes et ad puriorem quandam ac sublimiorem pietatem aspirantes indicant pietatem referendam esse ad mentem atque animum et, cum animus hominum artissimo cum diis vinculo sit coniunctus et quasi cognatus, ita exerceri, ut homines et intellegendo et agendo deos colant atque quantum possint, imitentur¹⁾.

Quae cum ita essent, vix fieri potuit, quin Plato, qui a praeclarissimo praeceptore Socrate ita institutus, ut nec vulgaribus in op-

¹⁾ Sophocles Herculem in Philocteta haec loquentem facit (V. 1141—1144):

— — εὐσέβειν τὰ πρὸς θεούς,
ώς ταλλ' ἀπαντά δεύτερ' ἡγεῖται πατήρ
Ζεύς. οὐ γάρ εὐσέβεια συνηνήσκει βροτοῖς.
καν̄ ζῶσι καν̄ θάνωσιν, οὐχ ἀπόλλυται.

Nec minus notum est illud Socratis (Xenoph. Memor. IV, 4, 19): Παρὰ πᾶσιν ἀνθρώποις πρῶτον νομίζεται τοὺς θεοὺς σέβειν. Quem Plato secundus ita dicit (Epinom. p. 989): Μείζον μὲν γέρ τρέτης μηδεὶς ἔμας ποτε πείθῃ τὴς εὐσέβειας εἶναι τῷ θυγατρῷ γένει.

nionibus inhaeresceret nec vanam rerum speciem aut virtutum splendorem appeteret, sed naturam rerum exploraret et ad virtutes quales essent intellegendas eniteretur, totam vitam in examinandis et quasi enodandis notionibus obscuris complicatisque atque in explicanda et quodammodo aperienda notitia involutae cuius libet rei consumpsit,—praeter δικαιοσύνης et σοφίας et σωφροσύνης et ἀνδρείας notiones etiam copiosius exquireret et excuteret, quae esset natura et vis τῆς ὁσπέτης sive πάσθείας. Quam notionem cum multis aliis dialogorum locis vel leviter et neglegeretur attingat vel uberior et accuratius tractet ita, ut doceat, quid commune habeat pietas cum reliquis virtutibus iis, quas omnium primarias esse atque summas iudicet, maxime cum iustitia et temperantia (cf. Theaet. p. 176; de republ. II, p. 379; Leg. X, p. 905 D; Protag. p. 330 B — 333 B; Gorg. p. 507 A), tum nullo libro copiosius aut subtilius examinat, quam eo dialogo, qui inscribitur Εὐθύφρων. Quae autem Plato de pietatis ac sanctitatis notione proposuit, ea mibi quidem digna etiamnunc videntur, quae identidem perpendantur atque imprimis philosophorum animis ut ita dicam inculcentur.

Quaecunque Stallhaumi aliique interpres magna cum doctrina in suis commentariis de duplii huius dialogi proposito exposuerunt, praetermittentes nos nec artem dialecticam, qua Plato etiam in hoc libro usus est admirabili, diligentius persequentes, ea tantum promemoriū atque philosophorum more subtiliter enucleabimus, quae ad ipsam pietatis notionem, qualēm Plato definire voluerit, recte explanandam pertinere videbuntur. Ut autem in his rebus tractandis recte procedamus, primum argumentum Euthyphronis quam brevissime fieri poterit exponemus, tum quas de pietate falsas opiniones Plato Socratem refutaū faciat, copiosius disseremus, denique quam ipse sive Plato, sive Socrates pietatis notionem amplecti videatur, examinabimus atque illustrabimus.

Ordiendum est ab ipso Euthyphronis arguendo. Ex suo more quem raro neglegit Plato prooemium (Cap. I—V, p. 2 A—5 D) praemittit. Initio Euthyphro miratus, cur Socrates homo innocentissimus in porticu regia commoretur. Ibi enim ὁ ἄρχων βασιλεὺς causas caedis et impietatis cognoscere solebat. Respondet Socrates se a Meleto quodam iuvene procace et arroganti impietatis esse accusatum, quod et iuvenes corrumperet et novos deos statueret. Hac re paucis exposita Socrates Euthyphronem interrogat, quam ipse causam habeat, utrum accusator an reus adsit. Qui respondet se accusare homicidii patrem suum, qui mer-

cennarium quendam in Naxo insula vinctum fame et frigore perire passus sit. Priusquam enim is redisset, quem pater Athenas ad rerum sacrarum interpretem misisset, consultum de illo homine: quid esset statuendum; mercenarium illum mortuum esse. Deinde Socrates interrogat Euthyphronem, num pietatis et impietatis rationes ita perspectas habeat, ut hac in re perdifficili peccare non possit. Quas postquam Euthyphro penitus se perspectas habero affirmavit, Socrates ab eo petit, ut ipsum, qui prorsus imperitus sit earum rerum, edoceat, ne Melleti accusationi succumbere cogatur. Hoc exordio via ad ipsam rem parata iam prima dialogi parte (Cap. VI et VII, p. 5 D—6 E) Euthyphro interrogatus, quae sit natura et vis pietatis, quae impietatis, respondet pietatem sive sanctitatem ($\tauὴν ὁσιότητα$ sive $σωματεῖαν$) in eo ipso quod nunc facturus sit cerni, quod maleficos: quicumque sint in ius vocet, impietatem in eo, quod non accuset. Quia in re criminationes in se connectas ita repellere studet, ut ad exempla Iovis omnium deorum optimi ac iustissimi provocet qui patrem vinxerit et Saturni ($τοῦ Κρόνου$) qui patrem exsecuerit. Socrates vero vatem Atheniensem vulgaribus opinionibus addictum urbanissime et lepidissime irridet, quod ridiculis eiusmodi fabulis de diis fictis et a poetis pictoribusque pervulgatis fidem habeat, quanquam simulat se qui omnino de diis certi quidquam statui posse neget Euthyphroni non posse non assentiri. Sed his fabulis, ne a proposito aberretur, missis, ubi Euthyphro a Socrate eo adductus est, ut etiam multa alia esse concedat, in quibus aut pietas aut impietas cernatur, Socrates negat illa definitione sibi esse satisfactum, quippe qua unam alteramve rem piam aut impiam afferat neque vero omnes comprehendat; itaque ab eo depositit, ut pietatem et impietatem ita circumscribat, ut omnes singulas res notione generali complectatur. Ita coactus Euthyphro secunda dialogi parte (Cap. VIII—X et init. Cap. XI, p. 7 A — 9 C) quae sit natura ac vis pietatis et impietatis, ita expavit, ut pietatem in iis rebus cerni dicat, quae diis placeant, impietatem in iis, quae diis displiceant. Pium ergo hominem esse eum, qui carus sit diis ab iisque probus inveniatur, implum, quem oderint. Quamquam Socrates propemodum recte quae sit pietatis notio verbis quidem esse descriptum concedit, tamen plane veram esse eam negat, quoniam haec sit Euthyphronis opinio, deos inter se dissentire atque contendere; aliis igitur diis alia placere et cara esse; itaque fieri posse, ut quod pium sit idem sit implum. Quod ipsum iucunda cum irrisione Socrates ad consilium Euthyphronis patrem modo accusaturi transfert, quod consi-

lium aliis fortasse diis placere, aliis displicere dicit¹⁾). Cum igitur ne hac quidem definitione Euthyphro Socrati satisfecerit, accuratius quae notio in pietate insit definire et explanare cogitur; quam deinde tertia dialogi parto (Cap. XI init. Cap. XIII) proponit ita, ut dicat plium esse id, quod a diis ametur omnibus; unius autem dii quod oderint inipium; quod alteri ament, alterioderint, aut neutrum esse aut utrumque. Neque hoc sufficere Socrates censet quia non ad ipsam rei naturam (*οὐσίαν*) pertineat sed id tantum affleratur, quo dii afficiantur. (καθός), p. 11 A. B.). Quod cum admirabili illa qua uti solebat arte dialectica Euthyphroni probasset, hic plane perturbatus ac paene desperatus miratus est, qui tandem fieret, ut quae modo proposuisset nunquam suo loco manerent, sed semper moverentur. Quo fit, ut eius rei culpam in Socratem transferat atque Platoni occasionem praebeat, qua Socratem ut ita dicam in scaenam inducat plenam suavissimi leporis. Socratem enim ita disserentem Plato facit, ut Euthyphronem compararet cum Daedalo, cuius ars tanta fuisse dicitur, ut statuae ab eo factae suo loco moverentur et quasi ambularent. (p. 11 C.—E.)²⁾. His leporibus disputationi insertis quarta dialogi parte (inde a inedio cap. XIII usque ad cap. XVI prope extremum, p. 11 E — 14 B.) ipse Socrates, ut rectius pietas definiatur, Euthyphroni ita succurrit, ut pietatem proponat partem esse iustitiae (*δικαιοσύνης*³⁾). Quare hic iam ita describit pietatem, ut eam partem iustitiae esse statuat, quae aī deorum pertineat „cultum“, cum reliqua pars pertineat ad cu-

¹⁾ Hac in dialogi parte quomodo sententiae inter se sint confunctae, admodum difficile est intellectu. Nam Plato multas insertit causas, quibus Euthyphronis falsas de diis opiniones magna et sublimitate et uritate refellit ac redarguit. Praeterea copiosius et abundantius Euthyphronem docet inter homines esse nullam controversiam de iis rebus, quas ratiocinando aut metiendo aut ponderando quasi circumscribere possint, sed de eo uno, quid sit iustum quid iniustum, quid honestum quid turpe, quid bonum quid malum. Insuper hoc addam, cui nou sit conspicuum atque mirum illud ter maxima vi repetitum: εἰπερ τι θεοὶ διαφέρονται (p. 7 D.), εἰπερ ατασάζουσι περὶ τῶν δικαιῶν καὶ ἀδίκων (p. 8. D.), εἰπερ ἀμφισβητοῦσι γε θεοὶ (p. 8. E.)⁴⁾

²⁾ Hoc quoque loco Plato multa in dialogum inclusit, quae ad rem non pertinent. Euthyphro enim negavit se cum Daedalo comparari posse censens illam Daedali artem potius Socrati tribuendam esse. Hac autem laude refutata lepidissime Socrates, si ita esset, respondit, se fore Daedalo artificiosorem, nam illum tantum sua ipsis opera ita fecisse, ut per se suo loco inoverentur, sese autem vel alienam (Cap. XI. P 11—E 14 B.).

³⁾ Cfr. Protag. p. 331. A. sqq., p. 333. B.; Gorg. p. 507. A.

manere, sed moveri atque etiam in gyrum ut ita dicam duci videatur. Maxime autem hac in parte eam pietatis definitionem irrideri, ex qua ars sit quaedam mercatura et facienda inter homines et deos instituta, quis non videat? Quam humilis autem sit haec de pietate opinatio, quam illiberalis, quam plebeia ut copiosius explicit Socrati tanti esse non videtur.—Totius disputationis finem facit epilogus (Cap. XX, p. 15 D.—16 A), in quo Socrates primum Euthyphronem adhortatur, ut pietatem verbis describere rursus omnibus animi viribus contendat, ut tandem revera quae pietatis sit natura vis verbis exprimat. Nam dubitari non debet, quin et sciatur et possit veram ac perfectam quae insit in pietate vel potius sanctitate notionem investigare, investigatam paucis complecti; nam si aut nesciret aut nequiret, non patrem fuisse accusatum. Qua in causa periculum esse, ne iura et divina et humana violentur. Cum vero ille hanc rem in aliud tempus reiecturus sit propterea quod nunc tempus urgeat abeundi, magna Socrates respondet se spe esse delectum duplice, primum quod speraverit futurum esse, ut Meleti accusations liberaretur, si demonstrare potuerit, se Euthyphronis discipulum factum huius peritiam rerum divinarum animo imbibisse, tum quod spem habuerit se totam reliquam vitam melius faciliusque usque ad mortem perducatur; quibus verbis mihi quidem hoc dicere videtur vera pietate coniuncta homines etiam ad recte vivendi rationem duci.

Argumento exposito facile erit demonstrare, quas falsas de pietate opiniones Plato Socratem refutantem fecerit. Sin autem omnia animo complector, quae hoc dialogo disputantur vel certe indicantur, quattuor video genera pietatis falsae, quorum primum est, quod in sanctis officiis violandis versemur, alterum quod pietatem in siugulis quibusdam rebus externis positam cernamus, tertium, quod utilitatis cuiusdam percipientiae causa eam colamus, quartum quod omnino falsis de diis opinacionibus nitamur.

Ac primo quidem loco Plato eam explodit pietatem quae ne a sanctis quidem officiis violandis abstineat. Namque in verbis quibus Socrates utitur leporis plenissimis quae non videantur nisi illudere Euthyphrouem atque irridere, tamen sententia iest gravissima ac severissima. Exempla eius pietatis vel potius impietatis ipsum proponit Euthyphronem et Meletum. Euthyphro, vates Atheniensium, qui rerum divinarum peritissimus sibi videbatur, patrem suum quem omnii pietate, omni caritate colere ac diligere debebat, in ius vocavit, ut caedis condemnaretur, quod mercennarium quandam qui unum ex servis occiderat vincutum fame et frigore interire passus esset, priusquam nuntius ad

illustrat. Is enim unus ex tribus illis Atheniensibus fuit, qui Socratem postulaverant impietatis reum. Iuvenis ergo paene imberbis et rerum divinarum prorsus ignarus impietatis crimine arcessit senem, qui haud procul abest a morte, qui Apollinis oraculo omnium hominum sapientissimus indicatus est! Quam perversae fuerint illo tempore apud Athenienses rationes pietatis et impietatis, perlucide ex hac re apparet. Quamquam ipse Socrates illum Meletum, accusatorem suum, laudare videtur, quasi vere sapiens et aequalium saluti prospiciens et reipublicae incolumentati consulenta primas res eruere conetur eas quibus tenellae ut ita dicam civitatis plantae corrumpantur (pag. 2 C—3 A), tamen his omnibus reyera puerilem eius summam ignorantiam, arrogantiam, petulantiam, levitatem, mollitatem acerbissime perstringit atque castigat dicens vere saluti reipublicae prospicere eum qui iuvenes ita doceat, ut ad veram pietatem ac virtutem perveniant. Quod quidem non Meletus, sed Socrates fecit. Nihilo tamen secius Meletus pium esse opinatus est, quippe qui deditus esset vulgaribus religionibus atque proliberet, quoniam quis rebus novis studeret novosque deos statueret et in rem publicam introduceret. Quae cum Socratem moliri pataret, hunc accusavit criminis impietatis nec intellexit religiones se impensisque pietatem violare quam iuvenes praestare debent senibus. Impium est enim omnino iuvenem petere senem, magis impium iuvenem levem, arrogantem, mollem laccessere senem sanctum, vere sapientem, constantem, maxime impium accusando id agere, ut is senex quem dii ipsi Atheniensibus inisisse videantur, ut in explorandis et ad virtutem atque honestatem excitandis hominibus sancto fungeretur officio (Apol. p. 30 A), quique omnium suorum commodorum oblitus verae hominum saluti per totam vitam prospiciebat, de medio tollatur idcirco, ne stimulos amplius admoveat animis hominum insipientium atque impiorum. Quae cum disertius atque copiosius in Apologia tractentur, tamen etiam hoc in dialogo tanguntur; namque et ipse Euthyphro (p. 3 A) concedit Meletum sibi prorsus ab ara et foco initium facere videri civitatis violandae, si Socratem iniuria afficere aggrediatur. Itaque Plato his duobus exemplis satis docuit falsam esse eam pietatem, quae in rem publicam induci posset, ut etiam religiones violarentur.

Sed non modo hoc falsae pietatis genus Plato in dialogo refutavit, sed etiam illud, quod in singulis quibusdam rebus externis cernetur. Euthyphro enim ab initio pietatem in eo contineri dicit, ut maleficia in ius vocentur. Paulo post addit etiam in aliis rebus cerni similibus, quibus homines potent maleficia expiari, iura et divina et humana

ἄν δεινὸν εἶη, εἰ πρὸς τὰ δῶρα καὶ πρὸς τὰς θυσίας ἐκοβλέπουσιν ἡμῶν οἱ θεοί, ἀλλὰ μὴ πρὸς φυχὴν, ἀντὶ τις δοιος καὶ δίκαιος ὁν τωγχάνη. Ergo ne hanc quidem pietatem sufficere, quae in singulis quibusdam rebus iisque externis cerneretur, qualescumque essent, nisi ex pio animo proficiscerentur, sed vulgarem eiusmodi de hac virtute opinionem falsam fuisse luculentissime demonstravit Socrates in Euthyphrone adversario confutato.

Eadem disputandi ratione tertium qui de pietate esset errorem refellit, quo Euthyphro deos utilitatis percipiendae causa coli contendit. Ista res maxime duobus quintae partis locis tractatur, quorum altero (p. 14 E — 15 A) Euthyphro quamquam invitus concedere cogitur pietatem esse artem quandam negotiandi, quae lucri causa exerceatur. Nam et ad deos et ad homines commoda quaedam redundare ex pietate, ad deos ex sacrificiis, ad homines ex precibus, quas dii exaudiunt; itaque et deos et homines accipere eas res, quarum utriusque indigeant. Atqui paulo post denuo in tantas disputandi angustias compellitur, ut dubitet, num recte dii commoda percipere dicantur ex tis donis quae ab hominibus offerantur, cum Socrates docuerit, nihil quidem esse bonum, quod non dii dederint, sed homines diis nihil boni tribuere posse. Nam quod Euthyphro interrogatus: 'Αλλὰ τί δῆκοτ' ἄν εἴη ταῦτα, ὁ Εὐθύφρον, τὰ πάρ' ἡμῶν δῶρα τοῖς θεοῖς; respondet: τῷν et γέροντι et χάρις, de quibus iam supra egimus, difficultatem non ita expediat, ut Socratis ingenio satisfaciat, sed ita ut ad vulgarem confugiat de dopis sacris opinione. Etenim si Socratis verba recte percepisset, deos omnino nullius rei indigere intellexisset, et, ita res si se haberet, iniustam esse rationem, quae intercederet inter deos et homines, qua homines omnia bona a diis perciperent, dii ab hominibus nullum facile sibi persuasisset. Iam enim futurum esse ostendit, ut pietas recte appellaretur ars mercatura facienda, quam negotiatores non facerent nisi quaestus causa. Quam vero indigna haec esset de pietate opinio, haud multum afuit, quin vel Euthyphro hoc loco intellegeret. Altero autem loco (p. 14 B) Euthyphro etiamsi non diserte neque plane diceret, tamen quippe qui vulgaribus deditus esset opinionibus satis aperte ostendit sibi videri pietatem ideo colendam esse, ut domus civitatesque conservarentur, impietatem fugiendam, ne labefactarentur aut subverterentur. Quod pietatis commodum quantumvis non parvi aestimandum censem, tamen Plato dicit id nec primum nec summum agere homines pios, ut incolumenti rerum et publicarum et privatarum prospiciant, sed ut animorum singulorum saluti consulant, omnium mores emendent et

nounullas iam supra satis exposuisse nobis videamur, eas tantum, quas medias posuimus, quae prima maxime et secunda dialogi parte tractantur, hoc loco accuratius considerabimus. Quibus in rebus quamvis facta modo ea dissimulatione, quae Graeci στρατηγίαν vocant, Socrates uti videatur, tamen gravissime indignatur, quod Euthyphro vulgaribus de diis opinionibus adeo inhaerescat, ut omnes fabulas de iis commenticias credat esse veras. Hoc enim fere modo eum disputantem nobis audire videmus: „non miror, quod impie agitis, si impios creditis esse deos; nam homines ad similitudinem deorum sese conformare solent. At ridiculum est credere, Ioyem vinxisse patrem, ridiculum Saturnum (Κρόνον) patrem execuisse, ridiculum bella geri inter deos certaminaque esse inter eos et controversias et invidias vehementissimas, ridiculum ea omnia credere quae et poetae et pictores reliquique artifices fixerunt. (Cf. p. 6A — C). Maximo opere dolendum est quod poetae nostri et ceteri artifices, qui yates, et praecones debebant esse veri, dulcedine artis suae animos adeo deloniverunt et permulserunt, ut iam omnes falsis illis ac superstitionis de diis opinionibus ridiculisque fabulis teneantur. Praeterea qui tandem potestis putare deos inter se dissentire aliquis alia placere? Dissentiant homines quid sit iustum quid iniustum, quid bonum quid malum, quid honestum, quid turpe; at deos, si vere sunt, cogitari nullo modo potest his de rebus dissentire; nam prima deorum virtus debet esse bonitas, quae qadem est iustitia et honestas (cfr. Protag. p. 328 C. seqq.) [Falsam esse opinionem quae dii inter se dissentire de vi virtutum putentur, ut iam supra exposuimus, verbis ter repetitis εἴπερ στασιάζουσι, gravissime demonstrat nec minus illis verbis, quibus Plato uti solet, cum Euthyphronem errare ostendere vult: κατὰ σὸν λόγον. p. 7 E., ὡς σὺ φης p. 7 E., ὡς ὁ σὸς λόγος p. 8 D (cfr. p. 10 D) et ὡς σὺ λέγας p. 3 D, p. 4 E., p. 10 D.] Quapropter extirpanda sunt ex animis falsae illae de diis opinione ac prorsus exterminanda, si ad veram pietatem pervenire homines volunt. Nam quae pietas falsas nititur de diis opinionibus, ipsa falsa sit necesse est". Quam vero haec Socrates disputet, quis est quin intellegat? Hoc enim dubitari nequit, quin, quo purior ac verior sit dei cognitio, eo purior ac verior sit pietas, dummodo homines huius virtutis sint cupidi ac studiosi.

Quibus expositis quas falsas de diis opinioneis Plato Socratem refutantem faciat, vidimus. Atque hoc unum hoc in dialogo Plato egisse videtur, ut falsas esse ac superstitiones demonstraret vulgares illas opiniones; nam nusquam diserte dicit, quam ipse pietatem veram esse sta-

vocabulū interstit, facile apparat. Εὖσθήκεν enim is est, qui deos veneracione prosequitur. et quia veretur, ne eorum aut. invidiam. aut iram sibi colligat, nulla re omissa, quae ad gratiam conciliandam. valeat, sacrificiis offerendis. et precibus. faciendis et alijs. rebus piis factitandis debitos iis honores tribuit. Οσιος vero, quamquam eodem modo deos colit, tamen. non in ipsis. externis. rebus piis acquiescit, sed id agit, ut deos sancte et pie veneretur totamque vitam recte. et sentiendo. et agendo ita degat, ut a diis probetur. Huc accedit ut εὐσέβεια magis omnia pietatis genera, quae Romani quoque statuuntur. in deos in parentes, in cognatos necessariosque, in patriam complectatur, ὁρμήν vero prope ad unam referatur eam rationem coniunctionemque, quam homines habeent et habere debent cum diis. Quapropter facile intellegitur, cur Plato illo potissimum vocabulo utatur, quippe quod plenius sit et gravius et sublimiorum ac priorem pietatis speciem denotet et exprimat. Namque ex Platonis sententia pii sunt ii, qui deos sancte venerantur ita, ut ad diuinam eorum naturam proxime accedere studeant. Qui ita pii sunt, nec sancta officia violant, quia sanctis deorum praeceptis obediunt. nec in singulis quibusdam rebus piis acquiescent, quia nisi quid pia sanctaque mente factum sit diis non placere exploratum habent, nec lucri ullius causa deos colunt, quia gratum se potius pro plurimis beneficiis acceptis animum diis debere nec ad deorum similitudinem accedere posse sibi persuaserunt, nisi pie et sancte et religiose agant et in homines et in deos. Haec vera pietas fundamentum, ut Cicero ait, est, in qua tota vita humana et recta et beata posita est ita, ut et ex cogitationis et ex dictis et ex factis quasi exsplendescat. Ex hoc uno fonte omnes virtutes emanant primi quas primarias. Plato ponit: iustitia, temperantia, sapientia, fortitudo, tum quae ex his oriuntur singulae eaeque maxime variae. Quantumvis enim multae et variae esse possint virtutes, prout variae vitae humanae condiciones et officia postulant, tamen omnes non diversam, sed eandem habent naturam ita, ut uno virtutis nomine omnes liceat comprehendere, cf. Protag. 329 C. Hac pietate et singulorum animorum salus augetur et rerum publicarum incolunitas adiuvatur. Τὸ θεῖον καλὸν, σοφὸν, ἀγαθὸν καὶ τὰ δι τοιούτον. τούτοις δὴ τρέφεται τε καὶ αἴσταται μάλιστά γε τὸ τῆς ψυχῆς πτέρωμα, αἰσχρῷ δὲ καὶ κακῷ καὶ τοῖς ἐναντίοις φθίνει τε καὶ διόλλυται (Phaedr. p. 246). Nec improbanda sunt hic, quae Euthyphro de pietate praedicat (p. 14 B.): ταῦτ' ἔστι τὰ δύο, καὶ οὐκέτι τὰ τριαδῖτα τούς τε ἰδίους οἶκους καὶ τὰ κοινά τῶν πόλεων, τὰ δὲναντία ἀσβῆτη, ἀ δὴ καὶ ἀνατρέπεται ἀπαντά καὶ ἀπόλλυσιν. Haec pietas quasi ministra deorum est in mundo regendo. Haec ita esse etiam Euthyphro intellexisset, si verae

гораздо больше вреда, потому что тотъ, кто потворствуетъ порокамъ своего друга, способствуетъ гибели его. Конечно, болѣе виноватъ тотъ, кто любить лесть и не хочетъ слушать правды. И такъ, чтобы достигнуть цѣли при увѣщеваніи и порицаніи друзей, слѣдуетъ избѣгать всего того, что могло бы огорчить или даже оскорбить друга (*habenda ratio et diligentia est, primum ut monitio acerbitate, deinde ut obiurgatio contumelia careat*). Тѣмъ не менѣе, уступчивость (*obsequium*) въ этомъ отношеніи не должна простираться далѣе любезности, и ни въ какомъ случаѣ не должна переходить въ лесть (*in obsequio autem comes virtutum comitas assit, assentatio procul amoveatur*), потому что лесть не только не достойна друга, но и вообще не согласна съ достоинствомъ свободнаго человѣка. Того, кто не любить слушать правды, слѣдуетъ предоставить его судьбѣ; пусть лучше выслушиваетъ правду отъ враговъ своихъ, потому что откровенный врагъ больше иногда приноситъ пользу, чѣмъ потворствующій другъ. Въ самомъ дѣлѣ, неблагородно оскорбляться, когда друзья порицаютъ дурные наши поступки; напротивъ, откровенный увѣщанія доброжелательныхъ друзей должно принимать охотно и радоваться, если они наводятъ насъ па путь истины (*portebat delicto dolere, correcione gaudere*).

Все выше сказанное авторъ выражаетъ вкратцѣ въ началѣ 25-й главы такъ: истинные друзья должны увѣщевать другъ друга откровенно, но безъ оскорблений; увѣщанія же должны быть принимаемы охотно, безъ раздраженія; съ другой стороны должно имѣть въ виду то, что нѣтъ ничего гибельнѣе для друзей, какъ лесть и потворство, исключающія искренность, безъ которой дружба не возможна (*Ut igitur et monere et moneri proprium est amicitiae verae, et alterum libere facere, non asperge, alterum patienter accipere, non repugnanter, sic habendum est nullam in amicitia pestem esse maiorem, quam adulacionem, blanditiam, assentationem;—delet enim veritatem, sine qua non amicitiae valere non potest*). Эти-то строки и даютъ намъ, по нашему мнѣнію, ключъ къ разгадкѣ словъ: „*qua illa sublevanda est offensio*“.

Стало быть, тотъ поводъ къ неудовольствію (разладу), который преимущественно слѣдуетъ устраниять, чтобы дружба приносила пользу и не нарушалось бы взаимное довѣріе (*ut utilitas et fides retineatur*), заключается въ недостаткѣ откровенности съ одной стороны и въ не-желаніи слушать истину съ другой. Эта послѣдняя мысль хотя и не выражена прямо въ словахъ, непосредственно слѣдующихъ за союзомъ: „*nam*“, но авторъ свачала ставить на видъ положительное пра-

вило, которого слѣдуетъ въ дружбѣ придерживаться (*et monendi—et haec accipienda*), и затѣмъ уже переходить къ наложению того, чего должно избѣгать (*sublevanda*). Само собою разумѣется, что отрицательное правило вытекаетъ изъ положительного.

Такимъ образомъ согласно съ мнѣніемъ Мюллера и Наука мы полагаемъ, что мѣстоименіе „*illa*“ объясняется слѣдующими словами: *nam et monendi* и т. д. до конца главы. Предложеніе же: „*ut—retineatur*“ выражаетъ причину, почему именно должно устранить указанный въ слѣдующемъ камень преткновенія (*offensio*). Относительно употребленія слова „*nam*“ послѣ указательнаго мѣстоименія *ille, illa, illud*ср. Ганда: *Turs.* II стр. 379, Мадвига: *de fin.* III, 7, 2, и его же введеніе къ изданію *Laelius et Cato moior* стр. XXIII. Числительное „*una*“ употреблено здѣсь въ значеніи: преимущественно одинъ, какъ выше гл. II, 6: *Omnium oculos in te esse coniectos unum.* Ср. примѣчаніе Зейфера стр. 10.

Что же касается отношенія дѣйствія „*sublevare*“ къ предыдущимъ: *evitare, elevare, ferre*, то, по справедливому замѣчанію Мюллера, глаголъ „*sublevare*“ не заключаетъ въ себѣ нового понятія, но обнимаетъ всѣ три предыдущія дѣйствія, какъ свои виды. Прибавимъ къ этому, что глаголъ „*sublevare*“ употребленъ здѣсь въ такомъ же значеніи, какъ между прочимъ въ рѣчи Цицерона *pro Murena* IV, 8: *Neque enim iam mihi licet neque est integrum, ut meum laborem hominum periculis sublevandis non impertians.*

Объясняя такимъ образомъ спорныя слова, мы во первыхъ основываемся на авторитетѣ рукописей и во вторыхъ находимъ ихъ въ логическомъ отношеніи вполнѣ согласными съ ходомъ мыслей какъ предыдущихъ, такъ и послѣдующихъ.

Относительно конъектуры Фачіолати: *subeunda* можно сказать то, что слова *subeunda est offensio* указывали бы па непріятнныя отношенія друзей, которымъ они должны подчиняться. Но, какъ мы видѣли, въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ 24-й главы, а также въ началѣ 25-й говорится только о томъ, что слѣдуетъ устраниТЬ или чѣго слѣдуетъ избѣгать, а не о томъ, чѣдолжно переносить. Да и вообще предполагать существованіе такого рода отношеній друзей, которые давали бы поводъ къ неудовольствію и тѣмъ не менѣе должны бы быть терпимы, было бы здѣсь не у мѣста, въ виду того, что въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ съ особеннымъ ударениемъ выставляется на видъ лесть, какъ такое обстоятельство, котораго преимущественно слѣдуетъ въ дружбѣ остерегаться.

146 ЗАМѢТКА КЪ ЦИЦЕРОНУ: «DE AMICITIA». ГЛ. XXIV, 88.

Остается еще сказать нѣсколько словъ относительно порядка выше приведенныхъ словъ. Мы предпочитаемъ тотъ порядокъ словъ, какой встрѣчается во всѣхъ лучшихъ рукописяхъ Гальма, а именно: „una illa sublevanda est offensio“, такъ какъ, при такомъ размѣщении, слова „una illa“ и „offensio“, какъ самые важные, занимаютъ выдающіяся мѣста въ предложении. Такое размѣщеніе лучше всего соотвѣтствуетъ смыслу этихъ словъ, между тѣмъ, какъ встрѣчаемый въ другихъ рукописяхъ порядокъ словъ: una illa sublevanda offensio est, выдвигаетъ на первый планъ понятіе „sublevanda est“, а понятіе „offensio“ ставить на тѣни.

И. Ф.

СОДЕРЖАНИЕ
СТО-ДЕВЯНОСТО-ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВІЩЕННЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

СТРАН

Изъявлече пів изъ всеподданійшаго отчета г. министра народ-
ваго просвѣщенія за 1876 годъ. 1 и 107

Высочайшія повеління.

1. (2-го іюня 1878 г.). О присоединенії Дерптскаго общес-
тва естествоиспытателей къ тамошнему университету.

2. (20-го іюня 1878 г.). Объ исключениі Яропской ремеслен-
ной школы изъ списка учебныхъ заведеній, пользующихся льго-
тою 4-го разряда въ отношеніи отбыванія воинской повинности

3. (27-го іюня 1878 г.). Объ учрежденіи преміи имени Ни-
колая Ивановича Пирогова.

4. (27-го іюня 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при
университетѣ св. Владимира.

5. (27-го іюня 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при
Московскомъ университете

6. (27-го іюня 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при
Симбирской гимназіи.

7. (27-го іюня 1878 года). Объ учреждениі стипендіи при Каменець-Подольской гимназіи	—
8. (27-го іюня 1878 года). О принятіі пожертвованія почетной гражданки Щеголевої	—
9. (14-го іюля 1878 г.). О принятіі пожертвованія, сдѣланаго гвардіи штабъ ротмистромъ Мандрикою	87
10. (26-го іюля 1878 года). Объ учреждениі стипендіи при гимназіи, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.	171
11. (26-го іюля 1878 года). Объ учреждениі стипендіи при Николаевской Царскосельской гимназіи	—
12. (26-го іюля 1878 года). Объ учреждениі стипендіи при Московскомъ университѣтѣ	172
13 (26-го іюля 1878 года). Объ учреждениі стипендіи при Московскому университѣтѣ	—
14. (26-го іюля 1878 года). Объ учреждениі стипендіи при Московскому университѣтѣ	173
15. (26-го іюля 1878 года). Объ учреждениі стипендіи при Смоленской Мариинской женской гимназіи	—

ВыСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ.

27-го іюня 1878 года (№ 7)	—
26-го іюля 1878 года. (№ 8).	—
14-го августа 1878 года (№ 9).	33

МІНІСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

1. (2-го іюня 1878 г.). Положеніе о музикальныхъ діапазонахъ или камертонахъ	88
2. (23-го іюня 1878 г.). Положеніе о стипендіяхъ медицинскаго института при Императорскомъ Дерптскомъ университѣтѣ.	90
3. (23-го апреля 1878 года). Правила о стипендіяхъ генераль адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго при Императорскомъ Казанскомъ университѣтѣ	
4. (23-го іюня 1878 г.). Правила о пособіи въ память 200 лѣтнаго юбилея со дnia рожденія Императора Петра Великаго	

III

для бѣдныхъ студентовъ Казанскаго университета изъ уроженцевъ Западной Сибири .	94
5. (29-го іюня 1878 г.). Правила о стипендії дѣйствительнаго статскаго совѣтника Федора Федоровича Меринга при Императорскомъ университѣтѣ Св. Владимира въ Кіевѣ	95
6. (30-го іюля 1878 г.). Правила о стипендії имени покойнаго товарища Московскаго городскаго головы Сергея Александровича Ладыженскаго, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ	96
7. (21-го іюля 1878 года). Правила о стипендії, учрежденной при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университѣтѣ Томской городской думою	97
8. (29-го іюля 1878 года). Правила о стипендії Ю. О. Самарина, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ	98
9. (29-го іюля 1878 года). Правила о стипендії дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрия Тимофеевича Осиповскаго при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ.	—
10. (15-го іюля 1878 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени штабс-капитана Константина Константиновича Макалинского при Смоленской гимназіи .	175
11. (30-го іюня 1878 г.). Положеніе о стипендії при Каменецъ-Подольской гимназіи .	—
12. (10-го іюля 1878 года). Положеніе о стипендії при Курской мужской гимназіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Васильевича Гладкова.	176
13. (10-го іюля 1878 года). Положеніе о стипендії при Курской Мариинской женской гимназіи имени потомственнаго почетнаго гражданина И. В. Гладкова	178
14. (29-го іюля 1877 года). Положеніе о стипендії имени генераль-лейтенанта Леопида Шлатоновича Рудановскаго въ гимназіи при Историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Шѣкинѣ .	179
15. (29-го іюля 1878 года). Положеніе о стипендії имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Ивановича де-Витте при Московскому реальному училищѣ	180
16. (16-го августа 1878 года). Положеніе о стипендіяхъ при Муромскомъ реальному училищѣ имени А. В. и М. П. Ермаковыхъ .	181

**ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯЩЕГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ
ТОВАРИЩА МИНИСТРА.**

30-го июня 1878 года (№ 12).	99
31-го июля 1878 года. (№ 13).	182

ПРЕДСЛАВЛЕНИЯ УЧЕНОГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

О книгахъ подъ заглавіями: 1) Сборникъ материаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Томъ I. 2) Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранившимся въ С.-Петербургскомъ сенатскомъ архивѣ за XVIII вѣкъ. Сост. П. Барановъ. 3) „Славянскій сборникъ“. Томъ II. Съ приложениемъ этнографической карты русскаго населенія въ Галичинѣ, сѣверо-восточной Угрїи и Буковинѣ. Издание С.-Петербургскаго славянскаго благотворительного общества

103

О книгахъ подъ заглавіями: 1) Этимологія и Синтаксисъ церковно-славянскаго и русскаго языка въ связи съ элементарной логикой и съ приложениемъ филологического указателя. Н. Невзорова (преподавателя Казанскаго учительскаго института). 2) Руководство къ изученію теоріи словесности по лучшимъ образцамъ. Сост. И. Случевскій (преподаватель Кавказской духовной семинаріи). Изд. 2, исправленное и дополненное. 3) Герон Рима въ войнѣ и мирѣ. Исторія Рима въ біографіяхъ Г. В. Штоля. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцією Я. Г. Гуревича. 4) Введение къ изученію современной химії, экспериментальной и теоретической, А. В. Гофмана, профессора химіи при Берлинскомъ университѣтѣ. Переводъ подъ редакцією О. Савченкова. Съ 65 рисунками въ текстѣ. 5) Сокращенное руководство къ физикѣ для женскихъ училищъ, для коммерческихъ отдѣлений реальныхъ училищъ и другихъ, въ которыхъ этотъ предметъ преподается въ сокращенномъ объемѣ. Съ 307 политипажными рисунками въ текстѣ, составленъ В. Полкотыцкій, преподаватель Варшавской 4-й гимназіи. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 6) Э. Гримара „Прогулка по зоологическому саду, съ 24 карти-

чами и политипажами въ текстѣ. Переводъ съ французскаго Н. Н. Помпѣевой

104

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Курсъ практической педагогики для учительскихъ семинарій, пародныхъ учителей и вообще лицъ, занимающихся воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей въ школахъ и дома. Издание 2-е, исправленное и дополненное 35 рисунками въ текстѣ. Сост. С. А. Бобровскимъ

О книгахъ подъ заглавіями: 1) Школьное дѣло (къ вопросу о гигиенѣ школы. Въ текстѣ болѣе 40 чертежей: планы классныхъ комнатъ, школьныхъ домовъ, классной мебели и проч.). Соч. И. Деркачева. 2) Ариѳметическая задачи. Учебное пособіе при преподаваніи ариѳметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сост. В. Воленсь. Изд. 2-е, исправленное и изданное подъ редакцією автора. 3) Учебникъ географія. Общія свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Курсъ пизшихъ учебныхъ заведеній. Сост. А. Ивановъ, преподаватель московскихъ 2 и 3 женскихъ гимназій. 4) Библейская исторія, сокращенно извлечепная изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Нового Завѣта протоіереемъ Іоанномъ Базаровимъ. Съ 110 картинками, изд. 16-ое, исправленное и дополненное

187

О книгахъ подъ заглавіями:—1) Обозрѣніе русской исторіи отъ начала Руси до нашихъ временъ. 2) Концептрический учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ 3-хъ частей. Курсъ среднихъ классовъ гимназій и прогимназій Сост. В. С. Игнатовичъ, преподаватель 1-й С.-Петербургской военной гимназіи. Часть III Изд. 4-е. 3) Историческая христоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Я. Г. Гуревичъ и В. А. Цапловичъ. Часть вторая. 4) Курсъ исторіи русской литературы. Сост. по программѣ духовныхъ семинарій М. Орловъ. Два выпуска: выпускъ первый (до Пушкинскаго періода). Изд. 3, исправленное и дополненное; выпускъ второй (Пушкинскій періодъ), первая половина. Изд. 2-е исправленное. 5) Курсъ средней исторіи для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Составилъ преподаватель Императорскаго Александровскаго лицѣя Евгений Бѣловъ

188

— О второмъ выпускѣ стѣнопой карты по русской исторіи

А. Добрякова: „Русь Московская и Литовская“ Выпускъ 3-й того же издания „Карта Русской империи отъ Петра Великаго до на-
шего времени“ 187

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ИМУЩЕСТВА.

- О книгахъ подъ заглавіемъ: 1) Родина. Сборникъ для класс-
ного чтенія, съ упражненіемъ въ разборѣ, устномъ и письмен-
номъ изложениі. Въ 3 частяхъ. Курсъ приготовительного и 4-хъ
нижнихъ классовъ. Изд. 5-е. Сост. А. Радонежскій. 2) Тридцать
лучшихъ новыхъ сказокъ. Собралъ и разработалъ для дѣ-
тей В. П. Авенариусъ. 3) Ариометика для одноклассныхъ па-
чальныхъ училищъ, а также для приготовительныхъ классовъ
и 1 класса гимназій. Сост. Ф. П. Еленевъ. 4) Ариометика для
двухклассныхъ начальныхъ училищъ, съ приложениемъ правилъ
для измѣренія площадей и объемовъ. Сост. Ф. П. Еленевъ. 105
- О книгѣ: 1) Наглядное обученіе. Выпускъ 1-й. Цыфты и
цифры. Сост. Н. Дергачевъ. —
- О книгѣ: Начальная книжка. Сост. А. Погосскимъ —
- О книгѣ: „Учебный курсъ географіи Новгородской губерніи
(родинойъ Ильи). Сост. инспекторомъ народныхъ училищъ Нов-
городской губ. 1-го района Можайскимъ. 106
- О книгахъ подъ заглавіями: 1) Географія Бессарабской губер-
ни. Учебное пособіе для среднихъ и низкихъ учебныхъ заведеній.
Съ приложениемъ 23 чертежей, плана города Кишинева и кар-
ты Бессарабской губерніи. Сост. П. П. Сорока. 2) Законъ Божій
для дѣтей младшаго возраста Соч. священника Михаила Соко-
лова. Изд. 2, исправленное. 3) Улица богомольцевъ. 4) Одиночки
въ цѣломъ Лондонѣ 189

- О книгахъ подъ заглавіями: 1) Семь сказокъ для дѣтей Вар-
вары Софоновичъ. Съ силуэтами раб. Елизаветы Бемъ. 2) Го-
рода Воронежской губерніи, ихъ исторія и современное состоя-
ніе съ краткимъ очеркомъ всей Воронежской губерніи. Сост.
дѣйствительные члены Воронежского губернского статистиче-
ского комитета Г. М. Веселовскій и П. В. Воскресенскій. 3) Го-
родъ Острожскъ (Воронежской губерніи) и его уѣздъ. Историко-
статистической и этнографической очеркъ, съ планомъ города и
географическою картою уѣзда. Сост. дѣйствительный членъ Во-

VII

С ТРАН.

ропецкаго губернскаго статистическаго комитета Г. М. Весоловской.	190
О клигахъ подъ заглавиемъ: 1) Волга и ея значеніе для Россіи. Чтеніе для народа, состав. Аделаидо Шиле. Произнесено въ аудиторіи Соляного городка и 2) О хорошей и дурной водѣ д-ра медицины Я. Шмулевича.	
— О книгѣ подъ заглавиемъ: Курсъ Закона Божія въ народныхъ училищахъ иѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и приготовительныхъ классахъ духовныхъ училищъ. Состав. священникомъ Александромъ Смирѣлишвили. Изданіе З.	
Офиціальпня измѣненія	192
Открытие училищъ	28—191

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

О иѣкоторыхъ славянскихъ и по славянски писанныхъ рукописихъ, хранящихся въ Лондонѣ и Оксфордѣ. Ф. Успенскаго.	1
О такъ называемой рукописи патріарха Филарета. А. Кондратьева	22
Малоизвѣстнія путешествія по Польшѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ. С. Иташевскаго	84
О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, рассматриваемой въ связи съ напѣвами. С. Шафрапова	127
А. Шопенгауэръ. Клізя Д. Цертелева.	167
О критическомъ значеніи Архангельского евангелія. Александра Дювернуа	181
Система семитическихъ языковъ Ренана и новѣйшая открытия въ клинописи. Гадлипскаго.	220
Законодательство икопоборцевъ. В. Василіевскаго.	251

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛIOГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Зарожденіе литературы у Словинцевъ. Примусъ Трубертъ.	
Наслѣдованіе Аркадія Соколова. В. Качановскаго.	101
Домали низвори за српску историју. Уредно Иван Павловичъ.	
Део први, Житија краљ Србъскіхъ. Вл. Качановскій	310
Собрание трактатовъ и конвенций, заключенныхъ Россіей съ	

VIII

СТРАН.

иностранными державами. Сост. Ф. Мартенсъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета. Томъ IV-й.	317
Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршою Даниловымъ. Издание третье, комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, по 2-му полному изданію съ нотами	326

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ

Новости иностранной литературы	119
Наша учебная литература.	1 и 19
Къ вопросу о ревизіи начального народного училища. Н. Овсянникова.	20

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПІСЬ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи пашшихъ учебныхъ заведеній: а) университеты; б) низшія училища.	1—29
---	------

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГІЯ.

О некоторыхъ статьяхъ латинской грамматики Я. Мора.	73
De pietatis, quae sit in platonis euthyphrone, notione A. Hoelbe.	127
Замѣтка къ Цицерону: „De amicitia“, Гл. XIV, 88. И. Ф.	
О назначеніи Кнея Помпейя полководцемъ. Рѣчь Марка Тулія Цицерона къ народу. Переводъ И. Ростовцева. Р. Фокта.	85

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Е. К. Шміда.	
---	--

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ 1878 Г.
НА ЖУРНАЛЪ
СБОРНИКЪ
ИНТЕРЕСНЫХЪ
УГОЛОВНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ
ВСЕЙ СТРАНЪ
ПРЕЖНЯГО И НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ.

Годовое изданіе заключаетъ въ себѣ 24 выпуска, отъ 2 до 3 листовъ выпускъ. Срокъ выхода 1 и 15 числа каждого мѣсяца.

Въ концѣ года подписчикамъ на Сборникъ будетъ выдана въ видѣ преміи книга, отъ 20 до 25 листовъ, вполнѣ законченного уголовнаго процесса.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставк.	Съ доставк. пересылк.
На годъ въ С.-Петербургѣ	6 —	На годъ въ С.-Петербургѣ
На полгода.	3 —	На полгода.
На 3 мѣсяца.	2 —	На 3 мѣсяца.

Отдѣльный выпускъ 25 коп.

Служащіе могутъ подписаться черезъ казначея, съ разсрочкою по 50 к. въ мѣсяцъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ типографіи В. С. Балашева. Екатерин. кан. между Вознесенск. и Маринск. мостами д. № 1—90. Въ книжномъ магазинѣ Мамоятова, Невскій пр. противъ Гостинаго двора № 46 и Черкесова.

Гг. многогородныхъ просятъ обращаться съ своими требованіями исключительно къ типографію В. С. Балашева.

Редакторъ-издателъ. В. Балашевъ.

1-го ОКТЯБРЯ вышла и разослана подписчикамъ X-я,
ОКТЯБРЬСКАЯ, книга исторического журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержание: I. Генералъ-адмиралъ М. И. Бутурлинъ. Очеркъ П. В. Альбина.—II. Русский дворъ изъ 1761 г., разсказъ современника.—III. Журналъ путешествій В. Н. Зиновьева въ 1784—1786 гг.—IV. Полковники Енграфъ и Пётръ Грузиновы, судъ и казнь ихъ въ 1800 г.—V. Венециановъ—первый бытовой живописецъ, биографъ, очеркъ.—VI. Айзиковъ—его автобиографія (окончаніе). VII. Историческіе материалы, очерки и заметки: Челобитныя, сожженіе на кострыѣ изъ 1738 г., Корниловичъ—первый изд. „Русской Старины“ (1824 г.) и проч. и проч.—VIII. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова—парынеты изъ подлинной рукописи, сообщ. Профессоръ Висковатовъ.—IX. Мария Волдайской, зрѣюще въ трехъ действияхъ, въ стихахъ, 1810 г. Сообщ. П. А. Ефремовъ.—X. Библиографический листокъ, Проф. В. С. И—ва.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1879 г.

(десятый годъ).

Подписька принимается: въ С.-Петербургѣ, у Мамонтова, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у Мамонтова, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова, и у Соловьевъ, на Спасскомъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами 8 руб. съ пересылкой.

Можно получать: „Русскую Старину“ 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 г. (съ десятью гравированными на мѣда и на деревѣ портретами) и 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ краскамъ) и друг. портретами. Цѣна за каждый годъ 8 руб. съ пересылкой.

М. Семенскій.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

De plectatis, quae sit in Platonis euthyphrone, notione. A. Holbe.

Замѣтка къ Цицерону „De Amicitia“,
Гл. XXIV, 88 И. Ф.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Исторія средніхъ учебныхъ заведеній въ Россіи (Продолженіе). Е. Шмідт.

Редакторъ Е. Феоктистовъ.

(Вышла 1-го октября.)

**ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРОВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ
съ 1867 года**

заключаетъ въ себѣ, кроме правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иносторонние также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписанная цѣпа за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

